

Введение

В третьем томе «Истории Сибири» исследуется закономерный процесс социально-экономического, политического и культурного развития огромной части России в эпоху капитализма и его новейшей стадии — империализма.

Дореволюционная Сибирь была «краем изгнания» — местом каторги и ссылки, наложивших мрачную печать на ее прошлое. В Сибири не получили распространения помещичье землевладение и крепостное право, но ее трудовое население эксплуатировалось агентами помещичье-буржуазного государства — чиновниками, духовенством, купцами-ростовщиками, золотопромышленниками, деревенскими и улусными «мироедами» — кулачеством. На Алтае и в Восточном Забайкалье обширные земельные угодья принадлежали императорской фамилии (кабинетские земли).

История Сибири имела и другую сторону. Сибирь была не только «краем изгнания», но и сферой приложения на ее просторах народного труда. Народ — творец истории — своими силами и средствами заселял и осваивал Сибирь, строил селения и города, развивал хозяйство, создавал очаги земледелия даже на Севере, превращал сибирские окраины в одну из житниц России, открывал месторождения полезных ископаемых и добывал их, трудился на заводах, рудниках и приисках. Воплощением народного труда стал Великий Сибирский железнодорожный путь, усиливший экономические, политические и культурные связи Сибири с Европейской Россией.

Уроженцы Сибири внесли свой вклад в развитие отечественной культуры, выдвинули талантливых деятелей просвещения, науки, литературы, искусства. И на удаленных от центра окраинах России сказывалось плодотворное влияние передовой русской культуры, общественной мысли, революционного движения. Проводниками этого влияния были политические ссыльные трех поколений, действовавших в русской революции: дворянские революционеры-декабристы, революционеры-разночинцы и пролетарские революционеры-большевики, создавшие под руководством В. И. Ленина партию нового типа. Сибирь стала одним из важных очагов революционного движения. Сибиряки имеют славные революционные традиции.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин четко охарактеризовал значение окраин, в том числе Сибири, в процессе образования рынка для капитализма и распространения сферы его господства на новые территории.

На основании конкретного анализа «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» В. И. Ленин осветил вопрос о расслоении крестьянства с развитием капиталистических отношений в деревне на высшие и низшие группы, из которых одни прибегают к эксплуатации наемного труда, другие отпускают рабочих по найму.

В труде В. И. Ленина показаны характерные черты землевладения и землепользования в Сибири.

В статье «Крепостники за работой» В. И. Ленин разоблачил попытки крепостников насадить помещичье землевладение в Сибири и выступил в защиту сибирских крестьян.

Большое внимание В. И. Ленин уделял переселенческому вопросу. В работе «Развитие капитализма в России» он отметил влияние переселенческого движения в эпоху капитализма на расслоение крестьянства. В работах «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», «Переселенческий вопрос», «Значение переселенческого дела», «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства» В. И. Ленин показал классовую сущность переселенческой политики царского правительства, дворянских и буржуазных партий, их отношение к сибирским окраинам. Он выразительно описал бедственное положение переселенцев.

В. И. Ленин подчеркивал, что придавленность русского крестьянина крепостническими латифундиями тормозила свободное расселение по территории России и рациональное хозяйственное использование массы окраинных земель. Вместе с тем он обращал внимание на экономическое значение Сибири, обладающей свободными землями, доступными заселению и хозяйственному освоению. Основным условием рационального использования этих земель в интересах народного хозяйства В. И. Ленин считал «создание действительно свободного, вполне освобожденного от гнета крепостнических отношений, крестьянства в Европейской России».¹

В. И. Ленин дал высокую оценку труда И. А. Гурвича «Переселение крестьян в Сибирь» (1888). Автор этого исследования тщательно проанализировал причины переселения в Сибирь и показал связь его с расслоением крестьянства.

В. И. Ленин проявлял живой интерес к вопросу о революционном движении в Сибири. В газетах, издававшихся под его руководством — «Искра», «Пролетарий», «Звезда», «Правда» — печатались корреспонденции и статьи о деятельности сибирских организаций РСДРП, развитии революционного движения в Сибири, обличались действия царских сатрапов.

В статьях В. И. Ленина отмечается влияние на Сибирь революционного подъема 1905 г. К первым зачаткам революционной власти на местах он причислял Советы во Владивостоке, Красноярске и железнодорожные комитеты в Сибири.

В. И. Ленин охарактеризовал сущность ленских событий 1912 г. и показал, как рабочий класс ответил на ленский расстрел усилением революционной борьбы.²

С марксистских позиций изучали Сибирь эпохи капитализма Л. Б. Красин, В. А. Ватин-Быстрянский, А. Г. Шлихтер, Я. М. Свердлов, М. К. Ветошкин.

Л. Б. Красин положил начало полемике в сибирской печати марксистов с либеральными народниками и областниками по вопросу о развитии капитализма в Сибири. В статье «Судьбы капитализма в Сибири», опубликованной в 1896 г. в газете «Восточное обозрение»,³ Красин показал, что на сибирских окраинах, как и в Европейской России, развивается капитализм и проявляются его социальные последствия.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 229.

² Подробный перечень работ В. И. Ленина, относящихся к Сибири, дан в библиографическом указателе «В. И. Ленин и Сибирь» (Томск, 1964).

³ «Восточное обозрение», 1896, №№ 121—123.

В работах В. А. Ватина-Быстрянского освещаются важные вопросы истории XVIII—XIX вв.: колонизация края, сельское хозяйство и промышленность, положение рабочих и крестьян, социальные отношения, быт, народное образование и культура.⁴ Он рассматривает историю Сибири как закономерный процесс и проводит сравнительно-исторические сопоставления с общероссийской и всеобщей историей. Автор ссылается на труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и «Капитал» К. Маркса.

Изучением экономики крестьянского хозяйства, экономического положения крестьян Туруханского края занимался А. Г. Шлихтер. Выполнив кропотливую работу по собиранию статистических и других материалов, он опубликовал отдельными книгами две части своего труда «Экономическое положение крестьян Туруханского края» (1914 и 1916 гг.). Автор охарактеризовал промысловое (рыболовство, охота) хозяйство туруханских крестьян, их расслоение, эксплуатацию купцами-ростовщиками и кулачеством.

Я. М. Свердлов во время пребывания в туруханской ссылке (1913—март 1917 г.) написал статьи «Туруханский край», «Очерки Туруханского края», «Массовая ссылка (1906—1916 гг.)».⁵ В первых двух работах он показал социально-экономическое положение, жизнь и занятия местного населения, роль политических ссыльных в культурном развитии края. В статье «Массовая ссылка» Я. М. Свердлов, констатируя рост количества политических ссыльных и каторжан, охарактеризовал их социальный состав и изменения в сторону роста рабочих и крестьян, связав это с развитием революционного движения, принявшего массовый характер.

Активный деятель сибирских организаций РСДРП М. К. Ветошкин стал первым историком революционного движения в Сибири в период революции 1905—1907 гг. В своих статьях, опубликованных в журнале «Сибирские вопросы» за 1907 г., он осветил революционные события, происходившие в Забайкалье и на дальневосточных окраинах России в 1905—1906 гг.⁶

Рабочий-большевик П. Н. Баташев, активный участник забастовки на Ленских золотых приисках, издал книгу «Правда о Ленских событиях» (1913).

Народники и областники, изучавшие Сибирь, отрицали закономерность развития здесь капитализма. Они полагали, что Сибирь будет спасена «от стремительного потока развития капиталистических форм».⁷

Основные взгляды областников конца 70-х—начала 80-х годов XIX в. на историю Сибири отражены в книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония».⁸

В труде Н. М. Ядринцева содержатся многие материалы, представляющие значительную ценность для изучения истории Сибири, но его взгляды на структуру сибирского общества были противоречивы. Он считал Сибирь страной контрастов и приводил факты о социальном расслоении деревни, эксплуатации крестьян купцами, ростовщиками и деревенскими мироедами — кулачеством. В то же время Ядринцев писал о «солидарности интересов всего населения Сибири», идеализировал сельскую общину.

⁴ В. А. Ватин. 1) Минусинский край в XVIII в. Этюд из истории Сибири. Минусинск, 1913; 2) Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914; 3) Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916—1922; 4) статьи в журнале «Сибирский архив» («Сибирская летопись»).

⁵ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. I, М., 1957.

⁶ М. К. Ветошкин. 1) Политические и профессиональные организации в Забайкальской области. «Сибирские вопросы», СПб., 1907, №№ 15—17; 2) Революционные дни на Востоке. Там же, №№ 35—39.

⁷ «Восточное обозрение», 1896, № 105, стр. 3.

⁸ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882. — Второе издание книги Н. М. Ядринцева вышло в 1892 г.

Н. М. Ядринцев, осуждая эксплуататоров, не видел перспектив борьбы против эксплуатации.

Как отмечает М. К. Ветошкин, взгляды Н. М. Ядринцева нельзя отождествлять с концепциями эпигонов областничества, так как «сибирское областничество периода первой русской революции было далеко не тем, каким оно было в 60—70-х годах, когда во главе областников стоял Ядринцев. Эпигоны сибирского областничества напрасно ссылались на революционного сибирского демократа Н. М. Ядринцева, защищая свою контрреволюционную программу сибирской областной думы. Во многом ошибаясь, как и другие революционные народники его времени, насчет судеб развития капитализма в Сибири, Ядринцев, однако, не затушевывал классовое расслоение в сибирской деревне, не скрывал того, что земледельческая кабала, описываемая им на конкретных примерах, существовала по всей Сибири».⁹

Эпигоны же областничества «отрицали наличие классовой борьбы в сибирской деревне, доказывали социальную однородность сибирского крестьянства, которая нарушалась, по их мнению, только ненормальной колониальной зависимостью края от метрополии».¹⁰

О сибирском общественном движении второй половины XIX в. высказывались противоречивые суждения.

Г. Круссер рассматривал областническое движение как реакционное на всех этапах его развития, отражающее интересы сибирской буржуазии.¹¹ При этом он не учитывал эволюции областничества за время от его зарождения в 60-х годах XIX в. до социалистической революции и гражданской войны. В результате реакционные взгляды эпигонов областничества приписывались его пионерам, стоявшим на других позициях, действовавшим в иных исторических условиях.

А. П. Бородавкин, М. Г. Сесюнина, И. М. Разгон и М. Е. Плотникова считают областническое движение со времени его возникновения буржуазно-либеральным.¹²

Наибольшее распространение получила трактовка сибирского общественного движения 60—70-х годов XIX в. как прогрессивного для того времени явления. Ее разделяют С. Г. Сватиков, М. А. Гудошников, Н. Степанов, М. К. Ветошкин, Л. П. Потапов и др.¹³ Причем ряд авторов подходит к оценке более определительно. Например, М. А. Гудошников видит в сибирском областничестве сложное общественное течение, не лишенное народнического революционно-демократического содержания. М. К. Ветошкин, отличая взгляды Н. М. Ядринцева от позиции эпигонов областничества в начале XX в., называет его революционным демократом. В последнее время эта точка зрения получила дополнительные обоснования на новых материалах в работах Н. П. Митиной, С. Ф. Коваля,

⁹ М. Ветошкин. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. 1898—1907 гг. М., 1953, стр. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г. Круссер. Сибирские областники. Новосибирск, 1931.

¹² А. П. Бородавкин. Публицист С. С. Шашков и его исторические воззрения. Автореферат канд. диссертации. Томск, 1950; М. Г. Сесюнина. К вопросу о возникновении сибирского областничества. «Вопросы истории Сибири», вып. 2. Томск, 1955; И. М. Разгон, М. Е. Плотникова, Г. Н. Потанин в годы социалистической революции и гражданской войны в Сибири. Там же.

¹³ С. Г. Сватиков. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1929; М. А. Гудошников. 1) Классовая природа областничества. «Будущая Сибирь», Л., 1931, кн. 1; 2) Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева. Канд. диссертация (рукопись). Иркутск, 1941; Н. Степанов, П. А. Словоцков. (У истоков сибирского областничества). Л., 1935; М. Ветошкин. 1) Сибирское областничество. «Современный мир», СПб., 1913, № 3; 2) Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. .. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

Н. А. Лапина.¹⁴ Они рассматривают сибирское общественное движение как революционно-демократическое, которое развивалось в русле общероссийского освободительного движения.

Изучению населения Сибири в статистико-этнографическом плане, по данным Всероссийской переписи 1897 г., посвящены труды С. Патканова.¹⁵ Довольно многочисленны работы по этнографии народов Сибири.¹⁶

Многие официальные и неофициальные издания посвящены вопросам переселения в Сибирь.¹⁷ Официальные издания имели консервативное направление. Они приукрашивали положение переселенцев, замалчивали отрицательные стороны переселенческой политики правительства, не показывали бедствий новоселов на местах переселения.

Среди неофициальных изданий преобладали работы либерально-буржуазного направления (А. А. Кауфман, А. И. Комаров и др.). В них критиковались отдельные недостатки переселенческой политики правительства, обращалось внимание на положение переселенцев. Но авторы либерально-буржуазного направления не вскрывали классовой направленности переселенческой политики царского правительства, которое руководствовалось не нуждами народного хозяйства, а интересами охраны помещичьего землевладения.

Ряд монографий посвящен истории городов Сибири. Они характеризуют процесс возникновения и роста городов, их роль в торгово-экономическом и культурном развитии Сибири, состав и занятия городского населения.¹⁸

Внимание многих авторов привлекла история каторги и ссылки.¹⁹

В дореволюционное время были опубликованы исследования и материалы, представляющие ценность для дальнейшей разработки истории Сибири. В методологическом отношении они не представляют чего-либо единого. В трудах одних авторов сказывалось влияние либерального народничества и областничества, другие написаны с позиций буржуазного либерализма. Встречались и сочинения консервативно-официального направления.

¹⁴ Н. П. Митина. 1) Революционно-демократическое движение в Сибири в канун восстания политических ссыльных на Кругобайкальской дороге. «Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР», М., 1965, т. XXIX; 2) Во глубине сибирских руд. М., 1966; С. Ф. Коваль. 1) За правду и волю. Иркутск, 1966. 2) Характер общественного движения 60-х годов XIX в. в Сибири. Сб. «Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг.», Новосибирск, 1967; Н. А. Лапина. Общественно-политическое движение 20—60-х годов XIX в. в Западной Сибири. Докт. диссертация (рукопись). Курган, 1966.

¹⁵ С. Патканов. 1) Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1911—1912, тт. 1—3; 2) Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири ... СПб., 1906.

¹⁶ Библиографические данные приведены в книге «Народы Сибири. Этнографические очерки». (Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956).

¹⁷ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900; Я. Ф. Ставровский и В. В. Алексеев. Переселение в Сибирь. СПб., 1906; Азиатская Россия. СПб., 1914, тт. 1—3; И. А. Гурвич. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888; А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891; В. В. Кирьяков. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902; А. А. Кауфман. 1) Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; 2) Переселение и колонизация. СПб., 1905; А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913, и др.

¹⁸ К. Голодников. Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск, 1886; Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882; А. В. Адрианов. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890; Город Томск. Томск, 1912; Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Под ред. В. П. Сукачева. М., 1891.

¹⁹ С. Максимов. Сибирь и каторга. СПб., 1871; Н. М. Ядринцев. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка, тт. 1—2. СПб., 1906; Г. Фельдштейн. Ссылка. М., 1893; Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900, и др.

В то же время в дореволюционный период были заложены основы марксистско-ленинской историографии Сибири в трудах первых историков-марксистов.

Новый этап в изучении истории Сибири начался после Великой Октябрьской социалистической революции. Началом его можно считать 1920—1921 гг., так как во время гражданской войны и иностранной военной интервенции работа по изучению края замерла.

Лишь после освобождения Сибири от колчаковщины и интервенции, с переходом к мирному политическому, хозяйственному и культурному строительству создаются благоприятные условия для научно-исторических исследований.

В первое десятилетие основное внимание уделялось изучению истории революционного движения, каторги и ссылки, деятельности политических ссыльных. Внимание к этим вопросам понятно. До революции изучение их было запретным. После революции народ, победивший эксплуататоров, хотел знать истоки этой победы. По вопросам историко-революционного характера опубликовано много статей, воспоминаний в сборниках Истпарта, журналах «Былое», «Каторга и ссылка», «Сибирские огни», «Пролетарская революция», «Северная Азия».

Выходили книги, сборники, брошюры, посвященные истории сибирских организаций РСДРП, рабочему движению, первой русской революции 1905—1907 гг., ленским событиям 1912 г.²⁰ История революционного движения рассматривалась также в сборниках и монографиях о политической каторге и ссылке.

Ряд книг, статей, воспоминаний, публикаций документов посвящен жизни и деятельности В. И. Ленина и его товарищей по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» в сибирской ссылке.²¹

Исключительно важное значение имеет изучение жизни и деятельности в Сибири В. И. Ленина и его боевых соратников.

В послевоенные годы вышли новые издания таких важных источников о жизни В. И. Ленина в Сибири, как его письма к родным, воспоминания Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановского, П. Н. Лепешинского, Д. Зырянова. На основании этих писем, воспоминаний, документальных материалов написаны книги М. Москалева «В. И. Ленин в Сибири», А. Г. Иванькова «Ленин в сибирской ссылке», С. Беляевского «В. И. Ленин в Шушенском» и другие работы.

Освещается также жизнь и деятельность в Сибири И. В. Бабушкина, Ф. Э. Дзержинского, В. К. Курнатовского, Я. М. Свердлова, В. В. Куйбышева, М. В. Фрунзе и других большевиков. Их деятельность рассматривается в непосредственной связи с историей революционного движения в Сибири. Исследования и документальные публикации по этим темам особенно усиливаются со времени таких знаменательных дат, как пятидесятилетие КПСС (1903—1953) и первой русской революции (1905—1955).

В сибиреведческой литературе 20-х годов еще мало освещались вопросы истории социально-экономического развития Сибири. Работа в этой области ограничивалась небольшим количеством статей и краткими историческими обзорами отдельных районов и городов.²²

Проведение национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, образование и развитие автономных республик и об-

²⁰ Перечень книг, сборников, статей по истории Сибири эпохи капитализма, вышедших в 1920—1952 гг., см. в кн.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., т. II. История СССР в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1958.

²¹ В. И. Ленин и Сибирь. Библиографический указатель. Томск, 1964.

²² История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., т. II.

ластей, организация в них научных учреждений — все это усилило интерес к изучению истории народов Сибири, ставших равноправными участниками социалистического строительства.²³

Второй этап изучения истории Сибири относится к 1931—1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны).

Для развития исторической науки очень важное значение имели Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», создание Института истории Академии наук СССР, восстановление в университетах исторических и историко-филологических факультетов. В Сибири наряду с Томским и Иркутским университетами возникли педагогические институты, имеющие кафедры истории.

На новом этапе более широко и углубленно изучается история сибирских организаций РСДРП и революционного движения в Сибири. В новых работах рассматриваются общероссийские и местные предпосылки революционного движения, условия, в которых оно развивалось, положение рабочих и крестьян Сибири, их участие в общенародной борьбе против царизма, освещается крестьянское и национально-освободительное движение.²⁴ Большой вклад в изучение истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири внес М. К. Ветошкин.²⁵

Продолжалось изучение истории политической ссылки и каторги, деятельности политических ссыльных.

Публикуются документальные материалы, книги и статьи по истории промышленности и рабочего класса.²⁶ Значительную ценность представляет сборник «Ленские прииски», содержащий многие документы и материалы по истории золотых приисков, приисковых рабочих, рабочего движения.²⁷

Для изучения истории горной промышленности очень важен капитальный труд В. А. Обручева «История геологического изучения Сибири» (М.—Л., 1931—1949, тт. 1—5).

На новую ступень поднимается изучение истории народов Сибири. Рассматриваются основные проблемы их исторического развития: экономика, общественный строй и характер социальных отношений, вопросы быта и культуры, издаются сводные работы по истории отдельных народов.²⁸ Ряд вопросов их истории требовал все же уточнения и более широкого освещения.

Интенсивная работа по изучению истории Сибири началась в послевоенные годы. В условиях бурного развития экономики и культуры в восточных районах нашей страны возрос интерес к проблемам истории Сибири не в узко краеведческом, а в общенациональном плане, направленном на исследование закономерностей общественного развития.

Усиливается изучение истории социально-экономического развития Сибири. В трудах историков, экономистов, географов исследуется история

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ М. К. Ветошкин. 1) Сибирские большевики в период первой русской революции. М., 1939; 2) Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1953; 3) Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг. Чита, 1949; 4) Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1955.

²⁶ История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. т. II.

²⁷ «Ленские прииски. Сборник документов», под ред. П. Поспелова, М., 1937.

²⁸ Л. П. Потапов. 1) Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; 2) Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936; Б. О. Долгих. Кеты. Иркутск—Москва, 1934, С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940; П. Т. Хаптаев. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942; Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940.

сельского хозяйства и крестьянства Сибири,²⁹ освещается его роль в заселении и освоении сибирских земель. Исследователи отражают трудовую деятельность народа и его борьбу против социального гнета.

Опыт сводного историко-географического обзора заселения Сибири в эпоху капитализма с конца XVI в. до 1917 г. представляют очерки В. В. Покшишевского «Заселение Сибири» (Иркутск, 1951).

Вопросы социально-экономического и политического положения восточносибирской деревни в конце XIX и начале XX в. рассматриваются в книге В. И. Дулова «Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции» (Иркутск, 1956). Автор анализирует процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, расслоение крестьянства, отмечает роль Сибирской железной дороги и переселения в социально-экономическом развитии Сибири, показывает экономическое и социально-правовое положение разных слоев крестьян, выясняет предпосылки участия их в Первой русской революции, освещает формы и ход крестьянского движения.

Большое внимание привлекает история колонизации Сибири.

Вопросы переселения в Сибирь, положения переселенцев, переселенческой политики царизма исследуются в книгах Л. Ф. Складорова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы» (Л., 1962) и В. А. Степынина «Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма» (Красноярск, 1962).

Ряд работ посвящен истории колонизации основных районов Сибири в конце XIX—начале XX в. и в годы столыпинской аграрной политики.³⁰

В послевоенные годы продолжается изучение истории промышленности и рабочего класса Сибири в эпоху капитализма. Изданы новые работы, посвященные истории промышленности и промышленных рабочих Западной и Восточной Сибири. Изучается история Сибирской железнодорожной магистрали, ее влияние на социально-экономическое развитие Сибири. Расширяется документальная база и тематика исследований, характеризующих развитие экономики и техники промышленности, производственные отношения, положение рабочих, классовую борьбу и рабочее движение.³¹ Недостаток изучения истории промышленности заключается в отсутствии работ, освещающих ее историческое развитие в общесибирском масштабе.

Усиливается интерес к истории городов как торгово-экономических, административных, политических и культурных центров Сибири. Вышли книги по истории Тюмени, Тобольска, Томска, Омска и городов Омской области, Новосибирска, Иркутска, Киренска, Якутска, Улан-Удэ (быв. Верхнеудинск), Кяхты, Читы, Нерчинска, Благовещенска, Хабаровска,

²⁹ Л. М. Горюшкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962; В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

³⁰ Диссертация Е. И. Соловьевой «Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы» (Томск, 1956) и В. Г. Тюкавкина «Переселение в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы» (Иркутск, 1958).

³¹ З. Г. Карпенко. Рабочие и крестьяне Кузбасса накануне и в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Кемерово, 1959; Т. Ф. Горбачев, В. Г. Кожевин, З. Г. Карпенко. Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957; «Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса...», Кемерово, 1957; Н. Я. Савельев. Алтай — родина выдающихся изобретателей. Барнаул, 1951; М. Ф. Розен. Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, 1955; Т. М. Макеев. К истории развития промышленности на Алтае. Барнаул, 1951; «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Сб. статей», Новосибирск, 1961; И. П. Шаронов. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949; З. Тагаров. Рабочее движение в Черемховском угольном бассейне. Иркутск, 1959; И. И. Комогорцев. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965; В. Ф. Борзунов. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. По материалам строительства Транссибирской магистрали, 1891—1904. М., 1965.

Владивостока.³² История городов рассматривается на фоне общей истории Сибири, края, области.

Обобщенный труд по истории Юго-Восточной Сибири в эпоху капитализма представляет книга И. А. Асалханова «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.» (Улан-Удэ, 1964). Она охватывает территорию бывшей Иркутской губернии и Забайкальской области. Вместе с тем в ней освещаются вопросы социально-экономического характера, общие для всей Сибири.

В послевоенные годы ведется работа по изучению истории автономных республик и областей, расположенных в Сибири: Горного Алтая, Хакассии, Тувы, Бурятии, Якутии.³³ Крупным достижением советских ученых является обобщенный труд «Народы Сибири», содержащий историко-этнографические очерки о всех сибирских народах.³⁴

История автономных республик и областей рассматривается на общероссийском и общесибирском фоне как историческое развитие всех народов, которые их населяют: русских, алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, якутов, эвенков и др. Такое изучение соответствует реальным историческим связям между народами, дает возможность глубже проследить исторические корни их содружества. Работа в этом направлении приобрела систематический характер. Издаются как отдельные монографии, статьи, так и сводные коллективные труды.

Опубликованы новые исследования и материалы по истории политической ссылки и революционного движения в Сибири.

Большой интерес представляют книги Б. Г. Кубалова и И. М. Романова.³⁵ Первая из них посвящена вопросу о влиянии на сибирское общество произведений А. И. Герцена, изданий вольной русской прессы. Во втором исследовании подробно освещается жизнь Н. Г. Чернышевского в вилюйском заточении. Автор показывает стойкость Н. Г. Чернышевского, его верность революционно-демократическим взглядам.

Во всех сибирских областях, краях, автономных республиках изданы книги, статьи, сборники документальных материалов по истории революционного движения в Сибири в период первой русской революции 1905—

³² Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. М., 1949; Я. Величко, А. Гамбаров, П. Рощевский. 375 лет Тюмени. Тюмень, 1961; В. Ф. Реутский. Памятники Тобольска и его окрестностей. Тюмень, 1960; М. К. Юрасова. 1) На берегах Иртыша. М., 1959; 2) Города Омской области. Омск, 1959; 3) Очерки истории Омска. Омск, 1954; Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954; К. И. Свидченко. Города Кузбасса. М., 1947; Е. Ащепков. Новосибирск. М., 1949; Сб. «Новосибирск», Новосибирск, 1957; В. В. Воробьев. Города южной части Восточной Сибири. Иркутск, 1959; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958; О. В. Ионов. Город Якутск (на якут. языке). Якутск, 1950; Ц. Ц. Дондуков. Улан-Удэ — столица Советской Бурятии. Историко-краеведческий очерк. Улан-Удэ, 1954; Е. Петряев. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959; «Благовещенску 100 лет. Сборник документов и материалов», Благовещенск, 1959; «Владивосток. Сборник исторических документов», Владивосток, 1960; В. И. Чернышева. Хабаровск. (К столетию города. 1858—1958), Хабаровск, 1958; Н. В. Ким. Очерки истории Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1966.

³³ Л. П. Потапов. 1) Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953; 2) Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952; В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы. XIX—начало XX в. М., 1956; История Тувы, тт. I и II. М., 1964; История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954; История Бурятской АССР, т. II. Улан-Удэ, 1959; История Якутской АССР, т. II. М., 1957; т. III, 1963; П. У. Петров. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952; Ф. Г. Сафронов. 1) Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961; 2) Якутско-Охотский край. Якутск, 1958.

³⁴ Народы Сибири. Этнографические очерки. Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956.

³⁵ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958; И. М. Романов. 1) Н. Г. Чернышевский в вилюйском заточении. Якутск, 1957; 2) Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 годах. Якутск, 1958.

1907 гг.³⁶ Они дают возможность подробно и обстоятельно осветить на конкретных материалах Сибири этот важный этап революционной борьбы — генеральной репетиции 1917 г. Исследуется также история революционного движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема.³⁷ Томским университетом издаются сборники «Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке» и «Вопросы истории Сибири».

Статьи и материалы по истории Сибири публикуются в изданиях Сибирского отделения Академии наук СССР и его филиалов, в трудах университетов и педагогических институтов.

Одна из важнейших задач исторического изучения Сибири заключается в исследовании истории просвещения и культуры на сибирских окраинах России. Издаются книги и статьи по истории народного образования, периодической печати, науки, литературы и искусства в Сибири.³⁸

Исследование Закаменной (Зауральской) России дало ценные результаты, но недостаток его заключается в том, что изучалась история отдельных административно-территориальных единиц — краев, областей, автономных республик, городов. В таких же масштабах рассматривались отдельные вопросы истории Сибири. Это необходимо и ценно, но далеко недостаточно. Не было обобщенного труда по истории Сибири как обширной территории, которая простирается от Уральских гор до берегов Тихого океана.

Создание такого труда посильно только большому коллективу историков. Объединению их способствовала конференция историков Сибири и Дальнего Востока, проходившая в 1960 г. в Новосибирске, Иркутске, Томске. Она подвела итоги изучению истории, археологии, этнографии Сибири и определила направление дальнейших исследований в свете задач, поставленных перед общественными науками Коммунистической партией.³⁹

В настоящем томе, как уже указывалось ранее, освещена история Сибири эпохи капитализма. По общепринятой в советской исторической литературе периодизации началом капиталистической эпохи в России яви-

³⁶ Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Омск, 1956; Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905—1907). Омск, 1953; Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955; И. Г. Лашков. Большевики Новониколаевска и борьбе против царизма. Новосибирск, 1961; В. Дулов, Ф. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск, 1955; Д. Груш. Большевики Красноярска в годы первой русской революции. Красноярск, 1955; 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1955; Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955; Революционное движение и Бурят-Монголии в период революции 1905 г. Улан-Удэ, 1955; Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг. Чита, 1955; Газета «Забайкальский рабочий» 1905—1906 гг. Чита, 1955; Сб. «Документы о революционных событиях 1905—1907 гг. в Якутии». Якутск, 1957.

³⁷ «Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914). Сборник документов и материалов», Тюмень, 1961; И. Горенский, А. Кудрянцева, В. Сафонов. Между двумя революциями. (Очерки истории Красноярской большевистской организации 1907—1917 гг.). Красноярск, 1960; М. И. Лебедев. Воспоминания о ленских событиях 1912 г. М., 1962; Ю. С. Аксенов. Ленские события 1912 г. М., 1962; Предвестник революционной бури. Исторический очерк, документы, воспоминания, Иркутск, 1962.

³⁸ Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, вып. I. Новониколаевск, 1923; Ф. Ф. Шамахов. Школа Западной Сибири в конце XIX—начале XX в. Томск, 1957; А. Г. Панчиков. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1959; В. И. Андреев. История бурятской школы (1804—1952). Улан-Удэ, 1964; П. А. Зайченко. Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. Очерки по истории первого Сибирского университета за 75 лет (1880—1955). Томск, 1960; М. К. Азадовский. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947; Е. Д. Петряев. 1) Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита, 1954; 2) Люди и судьбы. Очерки культуры Забайкалья. Чита, 1957, и др.

³⁹ «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. (Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока)», Новосибирск, 1961.

лась отмена крепостного права в 1861 г., после которой на смену принудительному труду пришел наем рабочей силы. С этого года началось и более быстрое развитие капитализма в Сибири, подвергавшейся влиянию общероссийского рынка. Указанная точка зрения разделяется большинством исследователей, но отдельные историки утверждают, что в Сибири и после 1861 г. не было капиталистического строя, а продолжал сохраняться государственный феодализм вплоть до 1917 г. Редколлегия тома по этой проблеме приняла более аргументированные взгляды большинства исследователей.

Существуют также разногласия и по некоторым другим вопросам (об уровне и темпах развития капитализма, о типе буржуазной аграрной эволюции в Сибири, о характере областничества в 60—70-х годах XIX в. и др.). При освещении этих вопросов редколлегия тома отразила итоги дискуссий, проведенных на конференциях историков Сибири.

Редколлегия и авторский коллектив стремились отразить современное состояние исследований по истории Сибири эпохи капитализма. Вместе с тем, как это увидят читатели, в третьем томе предпринята попытка осветить многие малоизученные периоды и вопросы на основе исторических первоисточников, в том числе и архивных, с целью ликвидации имевшихся «белых пятен». Расширение источниковедческой базы позволило также по-новому или более глубоко осветить некоторые проблемы истории Сибири. Это касается определения характера сибирского общественного движения 60—70-х годов, выяснения источников формирования пролетариата и его политической роли в конце XIX—начале XX в., раскрытия монополистических тенденций и места крупного русского и иностранного капитала в экономике Сибири, более подробного освещения деятельности сибирских организаций Коммунистической партии и др. Несомненно, что много крупных проблем исторического развития Сибири в эпоху капитализма требует еще дальнейшего исследования и оно будет продолжаться и после выхода в свет настоящего тома «Истории Сибири».

Том завершается изложением исторической обстановки в Сибири в период Февральской буржуазно-демократической революции (в феврале—марте 1917 г.). Дальнейшие события освещаются уже в четвертом томе.

«Введение» к тому написано В. И. Дуловым и Ф. А. Кудрявцевым. В первой главе введение к первому разделу написано Ф. А. Кудрявцевым, параграф «Переселение в Сибирь» написан В. А. Степными и Ф. Г. Сафроновым, «Развитие сельского хозяйства и промыслов. Крестьянство Сибири» — И. Н. Новиковым, Ф. А. Кудрявцевым и Л. Г. Сухотиной. Параграф «Промышленность Сибири. Формирование рабочего класса» принадлежит З. Г. Карпенко, Ф. А. Кудрявцеву, С. Ф. Хроленку и В. И. Тужикову, «Торговля и пути сообщения. Торгово-промышленная буржуазия» — А. П. Бородавкину, а «Управление Сибирью» и «Каторга и ссылка» — Ф. А. Кудрявцеву.

Глава вторая написана И. А. Асалхановым, З. В. Гоголевым, Н. Р. Мангутовым и Ф. А. Кудрявцевым.

В главе третьей параграф «Политическая ссылка в 60—80-е годы XIX в.» написан С. Ф. Ковалем (политическая ссылка 60-х годов и восстание на Кругобайкальском тракте в 1866 г.) и Ф. А. Кудрявцевым (участники революционного движения 70—80-х годов в сибирской ссылке). «Сибирь в период освободительного движения в конце 50-х и в 60-х годах XIX в.» — С. Ф. Ковалем, «Классовая борьба и начальный этап рабочего движения (70—80-е годы XIX в.)» — А. А. Мухиным и С. Ф. Ковалем. «Общественное движение в 70—80-х годах XIX в.» — С. Ф. Ковалем.

Введение ко второму разделу написано В. Г. Тюкавкиным.

В главе четвертой параграфы «Сооружение Великого Сибирского железнодорожного пути» и «Развитие промышленности Сибири на рубеже

XIX—XX вв.» принадлежат А. А. Лукину и А. А. Мухину, параграф «Сельское хозяйство и развитие капиталистических отношений в деревне» написал Л. М. Горюшкин, «Рост переселения в Сибирь и его характер» — Е. И. Соловьева.

В главе пятой параграф «Рабочее и освободительное движение в России» написан А. А. Мухиным, «Революционеры-марксисты в сибирской ссылке» — А. П. Мещерским, «Деятельность В. И. Ленина в сибирской ссылке» — С. И. Беляевским, «Первые марксистские кружки в Сибири. Образование и деятельность „Сибирского социал-демократического союза“» и «Победа ленинско-искровского направления в социал-демократическом движении. Участие сибирских социал-демократических организаций в борьбе за партию» — Н. В. Блиновым, «Русско-японская война и Сибирь. Революционное движение во время войны» — В. М. Вишневым и Ф. А. Кудрявцевым.

В главе шестой параграф «Начало революции. Развитие революционного движения в Сибири» написали А. Т. Коняев и Г. А. Терюшков, «Всеобщая октябрьская политическая стачка в Сибири» — А. Т. Коняев, П. А. Бородин и В. И. Дулов, «Первые Советы и вооруженные восстания в Сибири», «Революционное движение в Сибири во время спада революции» — П. А. Бородин, В. М. Вишневский и Ф. А. Кудрявцев, «Национально-освободительное движение народов Сибири» — В. И. Дулов и Ф. А. Кудрявцев.

Глава седьмая написана В. Г. Тюкавкиным.

В главе восьмой параграф «Промышленность Сибири накануне первой мировой войны» принадлежит В. Г. Тюкавкину, Д. К. Шелестову и А. А. Лукину, «Рост рабочего движения. Крестьянские волнения» — В. П. Сафронову, а «Ленские события 1912 г. Рабочее движение в 1912—1914 гг.» — А. А. Мухину.

В главе девятой параграф «Народное образование» написан Ф. Ф. Шамаховым, «Изучение Сибири и деятельность научных обществ» — И. Л. Клеопсыным и Ф. А. Кудрявцевым, «Периодическая печать» — Ф. А. Кудрявцевым, «Литература» — Е. А. Куклиной, «Театр» — Ю. С. Постновым, «Живопись и графика» — А. Д. Фатьяновым, «Культура народов Сибири во второй половине XIX—начале XX в.» — Ф. А. Кудрявцевым и П. П. Хороших.

В главе десятой автором параграфа «Влияние войны на экономику Сибири» является В. Г. Тюкавкин, параграф «Революционное движение в Сибири во время войны» написан А. А. Мухиным, В. П. Сафроновым и А. А. Храмковым, «Сибирь во время Февральской буржуазно-демократической революции» — В. А. Соловьевой.

Заключение написано Ф. А. Кудрявцевым.

Карты составлены К. М. Лосяковой. Иллюстрации подготовили Ф. А. Кудрявцев и Е. А. Куклина. Указатели (именной и географический) составлены А. М. Грязновой.

Научно-организационную и техническую работу по подготовке тома к изданию вела А. М. Грязнова.

В рецензировании и обсуждении рукописи приняли активное участие Г. А. Арутюнов, С. М. Дубровский, Л. М. Иванов, Ю. И. Кирьянов, А. В. Пясковский, И. Э. Полевой, М. К. Рожкова, П. Г. Рындзюнский, М. С. Симонова, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло (Москва), С. В. Шостакович (Иркутск), Г. Л. Санжиев (Улан-Удэ), Т. П. Прудникова, Л. А. Ушакова, Р. С. Штейнман (Новосибирск).

Макет тома был обсужден в научных коллективах Института истории АН СССР и сибирских вузов. Редколлегия учла высказанные при подготовке тома к печати замечания и приносит глубокую благодарность всем участникам обсуждений.

СИБИРЬ
В ПЕРИОД
ПРОМЫШЛЕННОГО
КАПИТАЛИЗМА

60-90^е ГОДЫ XIX В.

Развитие капитализма в Сибири в 60—90-х годах XIX в.

После падения крепостного права в России развивается новая общественно-экономическая формация — капитализм. Он втягивал в мировое товарное обращение окраины России, нивелировал их местные особенности.

По определению В. И. Ленина, процесс образования рынка для капитализма имел две стороны: «... развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории».¹ К ним принадлежали окраины России, в том числе Сибирь.

Отмена крепостной зависимости крестьян от помещиков касалась небольшой части сибирского населения. Помещичьи крепостные крестьяне составляли лишь 1/1000 часть жителей Сибири. По X ревизии (переписи), происходившей в 1858—1859 гг., в Сибири насчитывалось только 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших дворовых людей. На Восточную Сибирь приходилось лишь 2 помещика с имениями и 9 беспоместных дворян с дворовыми людьми.

Общее количество крепостных составляло около 3700 чел., в том числе 900 дворовых.² После отмены крепостного права в Сибири не осталось ни одного помещичьего имения.

Более значительную группу зависимого населения представляли крестьяне и мастеровые, приписанные к кабинетским и казенным заводам в Алтайском и Нерчинском горных округах. Ко времени отмены крепостного права в Сибири было более 145 000 приписных крестьян и 29 197 мастеровых и урочников.³

По указу 8 марта 1861 г. принудительный труд приписных крестьян и мастеровых был отменен. В течение 3 лет крестьяне переводились с «издельной горнозаводской повинности» на оброк. Они были обязаны платить по 6 руб. с души, из них 4 руб. 50 коп. — в пользу императорского Кабинета и 1 руб. 50 коп. в казну. Кроме того, крестьяне уплачивали земские (уездные) и общественные сборы, несли казенные повинности. За приписными крестьянами закреплялись в пользование усадебные и полевые земли. Мастеровые освобождались от обязательных работ в течение 2 лет.

Раскрепощение приписных крестьян и мастеровых способствовало распространению наемного труда, росту капиталистических отношений.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

² И. В. Шеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 598.

³ ЦГИА, ф. 486, оп. 23, д. 2, 685, л. 21.

Крестьянская реформа не затронула основную массу сибирского крестьянства, но отмена крепостного права оказала влияние на рост переселения в Сибирь и распространение капитализма вширь — на сибирские окраины.

В сельском хозяйстве Сибири процесс развития капитализма совершался по тем же общим законам, что и в центре России, но в несколько иной форме. На сибирских окраинах страны также происходило «раскрестьянивание» — расслоение крестьянства, выделявшего на одном полюсе сельскую буржуазию, на другом — полупролетариев и пролетариев. Специфическая же форма развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири определялась отсутствием помещичьего землевладения, распространением «захватного» землепользования и большим количеством свободных земель. Специфика Сибири заключалась также в том, что она была колонизируемой окраиной. В. И. Ленин указывал, что переселения крестьян «усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)».⁴ Переселение увеличивало рынок дешевой рабочей силы, способствовало росту расслоения крестьянства и развитию производительных сил.

Либерально-народнические публицисты и сибирские областники, ссылаясь на преобладание в Сибири «принципа государственной собственности на землю», утверждали, что Сибирь будет «спасена от стремительного потока развития капиталистических форм». По данным 1899 г., на долю частного землевладения в Сибири приходилось всего 524 000 десятин, что составляло 0.04 пространства всей Сибири,⁵ но это не спасло ее от потока развития капитализма. Сельская буржуазия (кулачество), обладая средствами для обработки земли, эксплуатируя наемный труд, фактически утверждала за собой обширные земельные угодья, достигавшие 100—200 и более десятин земли, хотя верховным собственником земель в Сибири считалось государство.

Частичные, а местами общие передель земли до некоторой степени регулировали «захватно-родовую» форму землепользования, но не устраняли ее.

В. И. Ленин отмечал, что в Сибири «нет обязательного и „уравнительного“ надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее...».⁶

Аренда и покупка земли существовали в Сибири в небольших размерах. Они заметно возросли уже после проведения Сибирской железной дороги, но не получили такого широкого распространения, как в Европейской России. В Сибири типичная для капитализма концентрация земли в руках зажиточных крестьян совершалась прежде всего в форме захватного землепользования. За некоторым исключением (частные, казачьи, городские, монастырские владения) земля считалась в Сибири собственностью государства и Кабинета (на Алтае и в Восточном Забайкалье). Собственность на землю включает право пользования, владения и распоряжения. По законам право пользования принадлежало крестьянину, владения — крестьянской общине, а право распоряжения оставалось за государством. Фактически крестьяне не только пользовались и владели землей, но и распоряжались ею. Крестьяне захватывали свободные участки, пользовались ими пожизненно и передавали по наследству. Проис-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 175.

⁵ А. Кауфман. Земельный вопрос и переселение. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», СПб., 1908, стр. 80.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 116.

ходила также сдача в аренду, продажа и покупка земли как общинами, так и отдельными крестьянами.

Отсутствие помещичьего землевладения способствовало росту капитализма в сельском хозяйстве Сибири, но остававшиеся в нем докапиталистические пережитки тормозили более интенсивное развитие капиталистического способа производства.

Крепостнические пережитки, существовавшие в Европейской России, сдерживали заселение и хозяйственное освоение сибирских окраин, так как колонизационные возможности закабаленных помещиками крестьян были ограниченными. Замедленные темпы колонизации Сибири суживали рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Сказывалась также классовая направленность колонизационной политики царского правительства, которое руководствовалось не нуждами народного хозяйства, а интересами охраны помещичьего землевладения. Отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства в эпоху капитализма оказывало обременение крестьян податями и повинностями. Дореформенные порядки проявлялись и в управлении сибирскими окраинами. К феодальным пережиткам относилось кабинетское землевладение на Алтае и в Восточном Забайкалье.

С развитием капитализма усиливалась связь крестьянского хозяйства с рынком, но в глухих местах Сибири, удаленных от Московского тракта, сохранялись еще остатки натурального хозяйства.

Влияние феодальных пережитков в Сибири было все же значительно слабее, чем в центральных губерниях Европейской России, где получило распространение помещичье землевладение. Землепользование государственных крестьян, преобладавших в Сибири, «оказалось более свободным, чем помещичье, ибо феодальная эксплуатация уже была невозможна во 2-ой половине XIX века. Среди „многоземельных“ государственных крестьян меньше царила кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия».⁷

На общем экономическом росте Сибири отрицательно сказывалось слабое развитие здесь промышленности.

В пореформенное время в Сибири произошли изменения в самой системе организации промышленных предприятий. Принудительный труд на кабинетских и казенных рудниках, носивший черты крепостничества, был отменен (за исключением труда каторжан). Большинство этих заводов, основанных на принудительном труде приписных крестьян, мастеровых, набираемых путем рекрутчины, и ссыльно-каторжных, не могло приспособиться к новым — капиталистическим — отношениям. Одни предприятия перешли в руки купцов, другие закрылись, третьи наряду с трудом каторжан применяли наемный труд. Кабинетские и казенные предприятия вытеснялись частнокапиталистическими.

Для царского правительства и эксплуататорских классов Сибирь была источником выкачивания золота, пушнины, сырья, продуктов сельского хозяйства, рынком для выгодного сбыта промышленных изделий по повышенным ценам, колонизационным резервом, местом каторги и ссылки.

Для промышленной и торговой буржуазии центра было невыгодно развитие местной промышленности. Капиталисты опасались, что промышленные товары, производимые в Сибири, станут для них предметом конкуренции. К ее устранению была направлена система кредитования сибирских купцов капиталистами центра. Сибирские купцы получали кредит преимущественно товарами, а не деньгами. Они превращались прежде всего в посредников между сибирским и европейским рынками, а не в са-

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 310. — В. И. Ленин отмечал, что «многоземельными» бывшие государственные крестьяне являются лишь по сравнению с помещичьими.

мостоятельных предпринимателей, обладавших крупными капиталами как для торговых, так и для промышленных целей. Не случайно в отчетах по управлению сибирскими губерниями отмечался недостаток дешевого кредита и капиталов для развития местной промышленности.

Сибирская буржуазия, продавая с высокой наценкой товары, получаемые из центра, скупая и перепродавая пушнину и продукты сельского хозяйства, прибегая к ростовщичеству, считала занятие торговлей более выгодным делом, чем промышленное предпринимательство. Сибирские купцы имели промышленные предприятия, но они занимали у них второстепенное место по сравнению с торговлей. Исключение составляла золотопромышленность.

На слабом развитии промышленности в Сибири сказывались недостаточная заселенность и хозяйственная освоенность обширного края, приводившие к ограничению рынка сбыта промышленной продукции, удаленность от крупных промышленных и торговых центров при плохих путях сообщения. Местная промышленность не могла конкурировать с более сильной и развитой промышленностью Урала и Центра Европейской России.

Во второй половине XIX в. в результате трудовой деятельности народа заметно возросло заселение и сельскохозяйственное освоение сибирских земель, но промышленность Сибири развивалась медленными темпами. Сибирь занимала первое место по добыче золота, другие же отрасли промышленности отставали в своем развитии от промышленных районов Европейской России.

1. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ

Вступление России в эпоху капитализма открыло полосу массовых переселений крестьян из европейской части страны в Сибирь, где они находили большие площади свободных, удобных и доступных для разработки земель при отсутствии закабалявшего помещичьего землевладения. По мере ускорения капиталистического развития сельского хозяйства в Европейской России, обострения противоречий между капитализмом и пережитками крепостничества, истощения колониального фонда земель в Новороссии, Предкавказье и Поволжье возрастала роль Сибири в приеме переселенцев из европейской части страны.

Известное влияние на развитие переселения в Сибирь оказывала политика самодержавия. В 1861 г. правительство встало на путь поощрения заселения Амурской и Приморской областей; в 1865 г. были приняты правила о переселении крестьян на кабинетские земли Алтая. Но это были только частичные мероприятия. Правительство в 60—80-х годах XIX в. в интересах помещиков сдерживало переселение разными запретительными мерами. Помещики были заинтересованы в том, чтобы крестьянское малоземелье не разряжалось переселением в Сибирь, так как при этом они теряли дешевых батраков и кабальных арендаторов за отработки, издольщину, высокую арендную плату.

Царскому правительству приходилось считаться не только с интересами помещиков, но также с развитием капитализма и обострением отношений между крестьянами и помещиками. Поэтому в конце 80-х и в 90-х годах политика сдерживания переселения сочетается с предоставлением некоторых льгот переселенцам. Основные положения переселенческой политики царизма определялись законом 1889 г. В этом законе предусматривались выдача лицам, получившим разрешение на переселение, путевых пособий и ссуд на заведение хозяйства, а также предоставление льгот по отбыванию повинностей на новых местах. Разрешение же на переселение можно было получить только при общем согласии министерств

внутренних дел и государственных имуществ. На практике такое разрешение давалось сравнительно редко и получение его обставлялось длительной процедурой. Поэтому и после издания закона 1889 г., распространеного на Восточную Сибирь только в 1892 г., многие крестьяне переселялись самовольно. В 1894 г. самовольное переселение достигало 78%. В последующие годы оно несколько снижалось, но к концу XIX в. (в 1898 г.) составляло 44% всего переселенческого движения.⁸

По социальному составу большинство переселенцев относилось к середнякам. У себя на родине они стояли на грани перехода в группу бедноты,

Переселенцы. Литография В. И. Иванова, 1885.

но от продажи своего имущества могли собрать средства на переселение в Сибирь. У бедняка не было средств на переселение, а кулак не имел в этом нужды. В Сибирь переселялись крестьяне почти из всех губерний Европейской России, но подавляющее большинство составляли переселенцы из черноземных губерний, где крепостнические пережитки были особенно сильны. Выходцы из черноземных губерний составляли в 1882 г. 70%, в 1886 — 78, в 1887—1893 гг. — 80.9%.⁹

Решившись на переселение, крестьяне покидали родные места с таким расчетом, чтобы находиться в дороге в теплое время, когда можно было отдыхать в поле и кормить лошадей на подножном корму. Большинство переселенцев приходило на место водворения с мая по сентябрь—октябрь. Чаше шли довольно крупными партиями, по 40—50 семейств, за сутки проходили в среднем по 35—40 км. Продолжительность пути зависела от дальности места, избранного для водворения переселенцев. Труден был их путь, полный лишений. Вот как описывал движение переселенцев Н. М. Ядринцев: «Целые караваны повозок по 100 и более семей, человек в 300 и 400 душ, за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют нигде крова, они останавливаются под открытым небом в поле. Здесь располагаются целые семьи под телегами, больные и дети находятся

⁸ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. стр. 162.

⁹ В. А. Степанин. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962, стр. 74.

тут же. Нередко приращение семей, как и смерть, застает людей во время путешествия тоже среди поля. Положение значительной части переселенцев нищенское».¹⁰

Переселенческий поток в Сибирь начали систематически учитывать лишь с 1885 г. С 1861 по 1891 г. в Сибири водворилось около 450 000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири — до 350 000 чел., в Восточной Сибири — до 100 000. В этом крае на Енисейскую губернию приходилось 50 000 переселенцев, на Иркутскую — 20 000, на Амурскую и Приморскую области — 30 000. Большинство переселенцев оседало в Западной Сибири, расположенной ближе к европейской части страны. В Западной Сибири основным районом водворения переселенцев был Алтай. Только за 9 лет, с 1884 по 1892 г., на его землях поселилось 195 904 чел.¹¹ Сюда привлекали более благоприятные почвенно-климатические условия.

Переселенцы стремились поселиться в старожильческих селениях. Там легче было найти квартиру до постройки собственного дома, приобрести удобную землю и продукты питания до получения собственной земли и урожая, найти заработки. Но обосноваться в старожильческом селении не всегда удавалось. Старожильческое общество назначало высокую сумму за покупку приемного приговора, либо отказывало переселенцам в приеме, опасаясь стеснения в пользовании земельными угодьями. Тогда переселенцы селились отдельно, возникали новые переселенческие поселки. Среди них были самовольные деревни, неизвестные начальству.

По мере продвижения с запада на восток и сокращения плотности населения число переселенцев, водворившихся в старожильческих селениях, возрастало. В Алтайском округе в 1884—1890 гг. они составляли 53% общего числа водворившихся переселенцев, в Енисейской губернии в 1865—1890 гг. — 85,5%.¹² В Иркутской губернии все переселенцы водворились в старожильческих селениях. Исключение представляли малонаселенные или незаселенные места Амурской и Приморской областей. Здесь переселенцы создавали новые поселки.

Путь на Амур был особенно долгим и обременительным для переселенцев. Задержка в пути наносила им большой ущерб. По официальным данным, «для большинства переселенцев, следующих в Амурскую область, промедления в пути ведут к безусловному разорению, так как переселенцы вынуждены бывают зимовать на пути в Иркутской губернии и при высокой стоимости продовольствия проедают окончательно захваченное с собою имущество».¹³

Для ускорения и удешевления пути переселенцы стали отправляться на пароходах по рекам Европейской России и Сибири. Наконец, в 80—90-х годах XIX в. возросла отправка переселенцев на Амур морским путем. Ежегодно число переселенцев доходило до 12—16 тыс. Летом 1894 г. в Приамурье отправилось почти столько же переселенцев, что за 9 предыдущих лет. Из 24 000 переселенцев Полтавской губернии около 16 000 направлялось в Амурскую область.¹⁴

¹⁰ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 151.

¹¹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, стр. 128; А. Е. Елисеев. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация. СПб., 1891, стр. 78; А. А. Кауфман. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем. Сб. «Сибирские вопросы», № 1, СПб., 1905, стр. 170—201; «Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг.», Томск, 1895, стр. 2; И. Ямзин. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912, стр. 11.

¹² «Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг.», Томск, 1895, стр. 12; В. А. Степанин. Колонизация Енисейской губернии..., стр. 108; «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. (Енисейская губерния)», Иркутск, 1893, т. III, стр. III.

¹³ ГАТот, ф. Тобольского губернатора, оп. 1, д. 479.

¹⁴ Там же.

На северо-востоке Сибири русские крестьяне населяли ряд районов, географически слабо связанных между собою и удаленных друг от друга: берега Лены вдоль Иркутско-Якутского тракта, берега Май по Аянскому тракту, берега Вилюя, побережье Ледовитого океана, Камчатку и Охотское побережье.

В связи с отдаленностью этих окраин от центров страны и суровостью их природно-климатических условий русское население здесь было малочисленным и росло очень медленно. Добровольного переселения, как правило, не бывало. Приток извне происходил главным образом путем ссылки. Но она почти не доходила до Охотского побережья, Камчатки и берегов Ледовитого океана и касалась районов одной Центральной Якутии, доступных хлебопашеству.

Основная масса русских крестьян — ссыльных хлебопашцев — жила в бассейне Средней Лены, вдоль Иркутско-Якутского тракта, где климатические условия были благоприятны. На берегах Средней Лены от района Витима до Якутска и в прилегающих к ним местах было 64 почтовых станции, до 25 деревень и селений. В 1890-х годах в них проживало около 10 000 крестьян.¹⁵

На берегах Среднего Вилюя, в районах Нюрбы и Сунтара, в 90-х годах жило около 500 крестьян. Окруженные со всех сторон коренным населением, они одевались в якутские платья, говорили по-якутски, перенимали многие их обычаи, нравы.¹⁶ Земледельческий труд сунтарских крестьян оказал большое влияние на распространение хлебопашества и огородничества среди якутов Сунтарского и Хочинского улусов.

На побережье Ледовитого океана русские крестьяне, часть которых иногда относили к категории мещан, жили маленькими поселениями в устьях рек Анабара, Оленька, Яны, Индигирки и Колымы. В 1890-х годах на этих местах было около 1200 крестьян и мещан. Около половины их жило в низовьях Колымы в 20 поселениях. Столько же поселений было и в низовьях Индигирки, где проживало около 400 человек.

Русские жители низовьев Анабара, Оленька и Яны в результате долголетнего общения с местным населением усвоили язык якутов, перенимали их образ жизни, характер построек, одежду и обычаи. Крестьяне и мещане Индигирки ассимиляции не подверглись, в словарном составе их русского говора сохранилось в нетронutom виде много элементов речи XVII в., ввиду чего их язык не вполне понимали даже русские соседи из приезжих. В нижнеколымских поселениях господствовал также русский язык, но он претерпел сильные фонетические изменения.¹⁷

Во второй половине XIX в., несмотря на прежние неудачи, мысль о заведении хлебопашества на Камчатке все еще не была оставлена. Власти использовали разные меры. Одной из них являлась организация в 50-х годах трудового переселения около 200 семей крестьян из других мест Восточной Сибири. В результате общее число крестьян полуострова в 90-х годах достигло примерно 2000 чел. Основная их масса жила на р. Камчатке, часть — в районе Петропавловска и в других местах. На Охотском побережье несколько сот крестьян, потомков переселенцев XVIII в., жили в районах Удского острога и г. Охотска.¹⁸

Не во всех районах Сибири одинаково наделяли переселенцев землей. В Амурской и Приморской областях, которые правительство стремилось как можно скорее заселить русским населением, переселенцам продавали

¹⁵ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 137—143.

¹⁶ Там же, стр. 99—100, 141—142.

¹⁷ Там же, стр. 104—107.

¹⁸ Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958, стр. 96—102.

землю в собственность по 3 руб. за десятину без ограничения площади или отводили в пользование за повинности по 100 десятин на семью.

В остальной части Сибири переселенцам и ссыльнопоселенцам отводили землю в пользование за повинности по 15 десятин всех угодий на душу мужского пола. Это была максимальная, постепенно сокращавшаяся норма надела. При этом участки земли отводились не каждой семье в отдельности, а всему переселенческому селению, внутри которого каждый домохозяин в 1860—1880 гг. пользовался землей на захватном праве.

В старожильческие селения переселенцы принимались по приемным приговорам. Площадь надела определялась в каждом старожильческом обществе отдельно в зависимости от наличия угодий, но здесь в это время не было серьезного недостатка в свободных и удобных землях. Однако обеспеченность крестьян землей оказалась крайне неравномерной. В то время как в одних селениях крестьяне имели достаточно земли, в других ее имели много ниже установленной нормы.

Приняв решение переселиться в Сибирь, крестьянин продавал свое имущество, надеясь за полученные средства добраться до нового места и завести хозяйство. Но долгая и трудная дорога часто поглощала все средства переселенца, и на новое место он прибывал без имущества и денег: «за исключением немногих счастливых, обладающих достаточными средствами для немедленного заведения нового хозяйства, у всего остального большинства нет ни денег, ни домов, ни самых необходимых орудий труда (одушевленного и неодушевленного хозяйственного инвентаря). Остается только одно — идти в люди, в батраки».¹⁹

В 1885 г. правительство решило выдавать переселенцам, прибывающим в Уссурийский край, ссуду в размере 600 руб. на семью, но уже в 1886—1893 гг. ссуда была сокращена до 200 руб. Переселенцы в остальных районах Сибири стали получать ссуду только с 1889 г. Работа по найму у старожилов и переселенцев, успевших завести хозяйство, стала единственным средством для обоснования на новом месте.

Формы найма были многообразны: срочные работы на день, сезон и год, ссуда под работу деньгами, продовольствием, скотом и т. п. Переселенцы были вынуждены одновременно работать на кабальных условиях у старожилов и вести собственное хозяйство.

В конечном итоге большинство переселенцев оставалось в Сибири. Часть из них возвращалась обратно, но до проведения Сибирской железной дороги обратное переселение не получило широкого распространения, так как отъезд на родину требовал значительных средств. Из 43 094 семейств (295 442 чел.), переселившихся за 10 лет (1884—1893 гг.) в Томскую губернию, вернулось обратно 753 семьи (4292 чел.).²⁰

Создавая широкий рынок рабочей силы и увеличивая спрос на сельскохозяйственную продукцию, переселенцы способствовали развитию капиталистических отношений в сибирской деревне, ускоряли процесс раскола крестьянства.

Переселенцы содействовали развитию производительных сил сибирской деревни, помогая своим дешевым трудом расширять старожильческое хозяйство и организуя свое на новых площадях ранее не использованных земель. Они привезли в Сибирь семена новых культур (пшеницу белотурку и др.) и свои приемы ведения хозяйства.

Многие переселенцы создавали более крепкое хозяйство по сравнению с тем, которое было у них на родине. Но все же большинство из них составляло основную массу бедняцких слоев сибирского крестьянства.

¹⁹ И. А. Гурвич. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888, стр. 80.

²⁰ ГАТот, ф. Тобольского губернатора, оп. 1, д. 479.

2. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫСЛОВ. КРЕСТЬЯНСТВО СИБИРИ

Во второй половине XIX в. за счет естественного прироста старожилов и массового переселения крестьян из Европейской России после отмены крепостного права заметно возросло население Сибири. С 1858 по 1897 г. оно увеличилось с 2 936 000 чел. до 5 760 000, т. е. почти в 2 раза.²¹ Наибольший прирост населения можно было наблюдать в районах, в которые направлялся основной поток переселенцев.

При слабом развитии промышленности в Сибири в эпоху капитализма преобладала вольная земледельческая колонизация. Одновременно, хотя и не в таких масштабах, происходил приток неземледельческого населения. В Сибирь прибывали для заработков на золотые прииски, на постройку Сибирской железной дороги (с 90-х годов), для торговых целей, занятий промыслами и ремеслами. Развитие капитализма сопровождалось ростом в Сибири количества рабочих, ремесленников, торгово-промышленных служащих. Преобладало же сельскохозяйственное население.

Сравнительно с дореформенным временем темпы заселения и освоения сибирских окраин возрастали, но по сравнению с обширными пространствами и естественными богатствами Сибири освоение ее было далеко недостаточным. На огромном пространстве, простирающемся от Уральских гор до Тихого океана, от границ с Монголией и Китаем до Северного Ледовитого океана, проживало в 1897 г. всего 5 760 000 чел. Между тем эта территория превышает всю Европу.

Ко времени вступления в эпоху капитализма Сибирь имела исторически сложившиеся, созданные упорным трудом народа очаги земледелия, основные для России сельскохозяйственные культуры и виды животноводства. Дальнейшему развитию сельского хозяйства способствовали возрастание экономических связей сибирских окраин с Европейской Россией, расширение посевов старожилами и переселенцами, поднимавшими новь. К расширению сельскохозяйственного производства побуждали рост деревенского, городского, заводского населения, возрастание товарно-денежных отношений, связей крестьянского хозяйства с рынком. Продукты сельского хозяйства и скот закупались для золотых приисков, извоза, для жителей городов и заводских поселков. В хлебе нуждались охотники, рыболовы и оленеводы Севера. Хлеб поступал на винокуренные заводы, сырье — на кожевенные. Производились также закупки в казну.

При разнообразии климатических и почвенных условий, земельных угодий, степени населенности в Сибири не было однообразной системы полеводства.

В степных и лесостепных местах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей получила распространение парозалежная система полеводства, для которой характерны чередование посевов с паром и запускание земли в залежь.

В таежных и урманных зонах господствовало трехполье. Так в северной части земледельческой полосы Тобольской губернии (Туринский округ, средняя часть Тобольского) утвердилось трехпольная система полеводства с применением удобрения навозом, «с преобладанием ржи в озимом поле, овса и ячменя в яровом, и с зеленым, ничем не занятым паром».²² Трехпольная система с удобрением полей существовала также в Тюменском и Ялуторовском округах.

В Енисейской, Иркутской губерниях, Забайкальской области распространялась двухпольная система полеводства (пар — яровые, пар — ози-

²¹ Статистические таблицы Российской империи, вып. 2. СПб., 1863, стр. 178—181; Азиатская Россия. СПб., 1914, т. I, стр. 86.

²² Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 122.

мые) при одновременном существовании трехпольной, залежной и подсечно-залежной (в лесистых местах) систем. От двухпольной системы «отклонение есть и в сторону подсечно-залежной, и в сторону трехполья. В местах, где уже чувствуется недостаток в земле, очень часто посевы бывают на жниве; с другой стороны, где много земель, удобных для пашен, там встречается много залежей и много новых расчисток».²³ В некоторых местах применялось удобрение земель навозом, но широкого распространения оно не получило.

В Забайкальской области преобладало двухполье. Русские и бурятские крестьяне Забайкалья производили искусственное орошение пашен. Оно «в условиях частой засухи в Забайкальской области имело большое значение. На поливных пашнях хлеб родился в полтора раза лучше, нежели на неорошаемых полях».²⁴

В Амурской области преобладала залежная система земледелия. По официальным данным, она была обусловлена «девственным простором амурских земель; после 5-го урожая земледелец дает пахотной земле отдых, а сам переходит к нетронутой еще целине, а заброшенная залежь служит как сенокосное угодье».²⁵

В северных районах Восточной Сибири господствовало двухполье. В хозяйстве крестьян берегов Лены, Вилюя и Май обычной практикой являлась подготовка пара к посеву следующего года. Пар в большинстве случаев двоился и использовался однократно. Навозное удобрение применялось не везде. В отдельных местах двухполье сочеталось с перелогом.

Парозалежная система не являлась чем-то застывшим с раз навсегда установившимися севооборотами. Напротив, как отмечали местные агрономы и исследователи крестьянского хозяйства, сибирские порядки полеводства были изменчивы. Они варьировали не только по отдельным районам, но и в пределах одной и той же деревни, отличались различными севооборотами — сроками залежи и посевов. В Иркутской губернии в последней четверти столетия сроки залежи колебались от 5 до 20 лет.²⁶ В Алтайском округе наиболее распространенным типом парозалежной системы был севооборот в 17 лет, из которых 6 лет было занято под посевами, 2 года — под парами и 9 лет — под залежью. Но наблюдались и самые различные отклонения от этого «среднего» типа залежнопаровой системы, прежде всего в сроках залежи в зависимости от величины крестьянских наделных земель и качества почвы.

Главными пахотными орудиями в Сибири были сохи: «рогалюха», «вилачуха», «коляска» (колесуха), «сабан». Различия между ними сводились к второстепенным деталям. «Колесуха» и «сабан» были сохами передковыми (на колесах), запрягаемыми не менее чем в 2 лошади. «Рогалюха» и «вилачуха» — сохи без передка, запрягаемые в одну лошадь. Приблизительно с 80-х годов в Сибири появляются сохи «пермячки», или «пермянки». Все части ее железные, только оглобли деревянные. Бороны, обычно применявшиеся в крестьянских хозяйствах, были деревянными, с железными, реже деревянными зубьями, в отдаленных же, слабо развитых, районах сохранились вплоть до XX в. бороны из таловых прутьев. Косыба сена производилась косами-литовками, а уборка хлеба — серпами или литовками с приделанными к ним грабелями. Многие исследователи отмечали, что сибирская соха при всем своем несовершенстве лучше «рос-

²³ И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896, стр. 42.

²⁴ История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 283.

²⁵ Обзор Амурской области за 1904 год. Приложение к отчету. Благовещенск, 1905, стр. 7.

²⁶ А. А. К. Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии. Ж. «Северный вестник», СПб., 1891, № 8, стр. 35.

сийской». У нее были элементы плуга — отвальная доска и загнутый вперед край сошника — «мужичок» и даже некоторые приспособления для регулирования глубины пахоты. Пашню сибирские крестьяне обрабатывали тщательно. Залечь обычно парили перед посевом, а жниво вспахивали дважды — осенью и весной. Хлеб молотили цепами и молотьягами. С помощью их пытались заменить ручную молотьбу цепами применением лошадиной силы. Молотьяги состояли из крупного листовенничного обрубка с вколоченными в него деревянными зубьями.

В 80—90-х годах XIX в. в крестьянских хозяйствах начали появляться молотилки, веялки, сортировки, сенокосилки, жнейки. Некоторые из них крестьяне научились изготавливать кустарным способом, приобретая на стороне металлические части. На смену сохе приходил плуг заводского производства.

«Привозные усовершенствованные орудия» более заметно распространились в селах Западной Сибири, где Переселенческим управлением были созданы первые казенные склады сельскохозяйственных орудий. В 1898 г. здесь было продано 300 сенокосилок и 1070 плугов, выписанных с завода Ген в Одессе.²⁷

В отчете агронома Томской губернии за 1898 г. отмечалось, что «теперь уже не редкость» найти в деревне несколько жатвенных машин. С 90-х годов стали распространяться молотилки и веялки в Восточной Сибири. В 1892 г. в Енисейской губернии насчитывалось 1743 веялки и 169 молотилок. В Иркутском и Балаганском округах Иркутской губернии, по данным 1895 г., действовали 113 молотилок и 654 веялки,²⁸ в Забайкальской области в 1897 г. — 133 молотилки и 227 веялок.²⁹ Реже встречались жнейки, сенокосилки, конные грабли, кукольотборники, разбросные сеялки. В 1896 г. в Иркутской губернии числилось всего 8 жнеек, 5 сенокосилок, 10 конных граблей, 2 кукольотборника и 3 разбросных сеялки. Значительное распространение «привозных усовершенствованных орудий» происходит уже после проведения Сибирской железной дороги. До этого доставка была затруднительной и дорогой. В 1897 г. в Сибирь ввозилось сельскохозяйственных орудий из Европейской России всего на 51 132 руб., а в 1905 г. — на 545 295 руб.³⁰ С Запада поступали орудия заводского производства.

Сибирский крестьянин по мере своих сил и возможностей стремился к усовершенствованию сельскохозяйственных орудий и улучшению производства. Старожилы заимствовали новое у переселенцев-новоселов. Те же вели хозяйство с учетом опыта сибиряков-старожилов. Происходил своего рода взаимный обмен опытом. Но силы и средства мелкого крестьянского хозяйства были ограничены. Оно не получало дешевого кредита и необходимой агрономической помощи. Выгодами приобретения усовершенствованных орудий сельского хозяйства пользовались прежде всего зажиточные хозяева.

В пореформенное время не произошло особых изменений в составе сельскохозяйственных культур. В общесибирском масштабе основу всего производства хлебов составляли яровая пшеница, овес, озимая рожь, яровая рожь (ярица), ячмень, гречиха, просо, горох, технические культуры — конопля, лен.³¹

²⁷ Отчет правительственного агронома по Томской губернии И. К. Окулича департаменту земледелия за 1899 год. Томск, 1900, стр. 3—7.

²⁸ И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии, стр. 108.

²⁹ История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 281.

³⁰ М. Соболев. Пути сообщения в Сибири. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», СПб., 1908, стр. 27.

³¹ П. Головачев. Сибирь. М., 1902, стр. 170.

В Западной Сибири больше всего производилось пшеницы (42%), затем следовали овес (35%) и рожь (15%). В Восточной Сибири наряду с ростом посевов пшеницы значительное место занимали озимая и яровая рожь. В Забайкалье она составляла около половины посевов.

Возрастал удельный вес пшеницы среди других культур и озимой ржи по сравнению с ярицей (яровой рожью).

У сибирских крестьян было распространено овощеводство: посевы картофеля и гороха на пашнях, огурцов, капусты, моркови, лука и других овощей в огородах при домах. В некоторых местах огурцы стали не только огородной, но и полевой культурой. Овощи использовались преимущественно для собственного потребления. Промысловое огородничество укрепилось в селениях, примыкающих к большим городам. В значительном количестве овощи в соленом и сушеном виде закупались для золотых приисков и северных районов Сибири.

Урожай хлебов в зависимости от почвенно-климатических условий были различны. В основных земледельческих районах, расположенных до 57° северной широты, средний урожай хлебов составлял 40—60 пуд. с десятины, высокий урожай достигал 100—120 и более пудов. На существование подобных урожаев обратил внимание Ф. М. Достоевский. Он писал: «Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать. Вообще земля благодатная. Надо только уметь ею пользоваться».³² Бывали также годы с низкими урожаями. Недород покрывался ссудами из сельских хлебозапасных магазинов (крестьяне называли их «мангазеями»), прежними запасами хлеба у зажиточных крестьян, покупкой и кабальными займами у кулачества.

В пореформенное время хлебопашество в Сибири заметно возросло. С 60-х до начала 90-х годов XIX в. посевы зерна в Сибири увеличились с 2 985 000 четвертей до 3 882 000. Общее увеличение посевов за это время составляло 897 000 четвертей. За 35 лет после реформы посевы зерновых увеличились на 30%, сбор зерна — на 59%. Он вырос с 12 000 000 четвертей (в среднем четверть составляла 8 пуд.) до 19 500 000 четвертей. Наибольший прирост зерна дали Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Забайкальская область. На посевах в Тобольской губернии неблагоприятно сказались неурожай, происходившие в начале 80-х годов. Заметно увеличились посевы в Амурской и Приморской областях. В первой из них засевалось в 1860 г. 2250 десятин, во второй — только 160. В 1895 г. в каждой из этих областей засевалось более 50 000 десятин.³³ Возрастало хлебопашество в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах Якутской области. В 1862 г. в этих округах было снято 24 199 четвертей, в 1895 г. — уже 120 767 четвертей.³⁴

В 1899 г. в Сибири было произведено 216 млн пудов хлеба.³⁵

Сибирь располагала излишками зерна, которые шли на продажу. В пореформенную эпоху образовались районы торгового земледелия в Западной и Восточной Сибири.

Наряду с отпуском хлеба за пределы округов большое количество продавалось и покупалось внутри районов торгового земледелия. Если зажиточные крестьяне были вполне обеспечены хлебом и в значительном количестве продавали его, то беднякам и малосостоятельным крестьянам своего хлеба хватало только до весны или лета. Часть крестьян, продав осенью хлеб по 40 коп. за пуд, затем покупала хлеб весной и летом, уплачивая по 46 коп. за пуд. Например, в Ялуторовском округе, где числилось 34 075 крестьянских хозяйств, было продано 1 754 350 пуд. хлеба. В то же

³² Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, М., 1956, т. 3, стр. 390.

³³ ЦГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 5, л. 8; д. 160, л. 132; оп. 223, д. 10, лл. 29, 34—36.

³⁴ П. Головачев, Сибирь, стр. 171.

³⁵ Там же, стр. 170.

время 19785 хозяйств прикупали на продовольствие и семена 821 090 пуд. хлеба.³⁶

В районах торгового земледелия Западной Сибири продавалось от 20 до 30% производимого хлеба. По материалам обследований 1887—1891 гг., в земледельческих округах Енисейской губернии 25—30% собранного хлеба шло на продажу. В Иркутском округе продавалось 25% хлеба, в Нижнеудинском — 44, в Балаганском — 47%.³⁷ Между тем в Верхотенском и Киренском округах Иркутской губернии своего хлеба не хватало.

Основная часть сибирского хлеба сбывалась в пределах Сибири, но со второй половины XIX в. начинается вывоз его в Европейскую Россию. Из Западной Сибири хлеб поступал в Приуралье. В 80-х годах из Сибири вывозили 3 500 000 пуд. хлеба. Везли его пароходами через Тюмень и Тару, на Урал и Каму. С 90-х годов вывоз хлеба стал увеличиваться. В 1892 г. в связи с неурожаем в Европейской России (Поволжье) туда было доставлено 10 млн пуд. сибирского хлеба. В 90-х годах вывоз хлеба из Сибири составлял 10—12 млн пуд. в год.³⁸

Вторую после земледелия основную отрасль сельского хозяйства Сибири составляет скотоводство. О развитии его в пореформенный период свидетельствуют следующие данные:³⁹

Виды скота	1860 г.	1895 г.
Лошади	1974000 голов	3657600 голов
Крупный рогатый скот . .	2082000 "	4050600 "
Овцы и козы	2851100 "	5356600 "
Свиньи	564000 "	824200 "

Таким образом, количество скота в Сибири заметно увеличилось. Это происходило как за счет прироста скота у старожилов, так и в результате пригона его переселенцами-новоселами.

Распределение скота по хозяйствам было неравномерным и контрастным. По данным департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, «размеры скотоводства чрезвычайно разнообразны и для целых местностей и для отдельных дворов: есть зажиточные хозяева, имеющие по 10—15 рабочих лошадей, 25—30 голов рогатого скота, 40—50 овец; есть и богачи, запрягающие по 40—50 лошадей и имеющие по сотне и более голов рогатого скота; есть, конечно, и бедняки, не имеющие никакого скота или владеющие одною лошадию или коровою. Если затем обратиться к средним цифрам, то окажутся волости, где средний двор имеет, не считая подростков, по 5—6 рабочих лошадей, по 5—6 коров, по 15—20 овец; есть и такие, где в среднем на двор приходится не более 2 лошадей, одной коровы, 3—4 овец или и того меньше».⁴⁰

На Алтае и в Забайкалье некоторые жители занимались мараловодством — разведением маралов или изюбров (подвид благородных оленей) с целью получения рыночного продукта — пантов, или неокостенелых рогов, из которых изготовлялись лекарственные средства (пантокрин).

На Алтае, затем в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии, в Амурской области и Южно-Уссурийском крае распространялось пчеловодство. К концу XIX в. на Алтае находилось до 12 000 пасек

³⁶ «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии», М., 1897, т. I, стр. 811, 812.

³⁷ «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (Енисейская губерния), т. IV, вып. 4, Иркутск, 1893, стр. 111, 112, 114; т. II, вып. 4, М., 1890, стр. 116.

³⁸ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, стр. 109.

³⁹ И. Н. Новиков. Развитие сельского хозяйства Сибири в 60—90-х годах XIX века. «Ученые записки Омского государственного педагогического института», вып. 22, 1965, стр. 127.

⁴⁰ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, стр. 134.

(500 000 ульев), в Минусинском уезде — до 12 000 ульев. В Южно-Уссурийском крае до 300 крестьянских дворов имели 12 000 ульев.⁴¹ До 200 ульев имелось в Забайкальской области.

Земледелие и скотоводство у сибирских крестьян сочеталось с «домашней промышленностью» и промыслами. Соединение сельского хозяйства с «домашней промышленностью» типично для натурального хозяйственного уклада, при котором большинство потребностей удовлетворяется не путем покупки на рынке, а внутренними средствами. С развитием капитализма в крестьянское хозяйство все больше внедрялись товарно-денежные отношения, возрастали его связи с рынком, но еще сохранялись остатки натурального уклада, особенно в удаленных от Московского тракта местностях Сибири.

У крестьян была «самодельщина». Они делали сохи, бороны, колеса, сани, грабли, вилы, вили веревки из конопли, гнали смолу, выделывали кожи, дубили их тальниковой корой. Крестьянки пряли овечью шерсть, ткали ее на краснах (вид ткацкого станка), катали руками на деревянных решетках. Из шерстяной ткани шили одежду, кушаки, варежки. Из конопли изготавливали холст для шитья одежды. Старожилы рассказывали о «дороговизне денег» в старое время, которая затрудняла покупку товаров, побуждала обходиться внутренними ресурсами мелкого крестьянского хозяйства.⁴²

Одна «самодельщина» не могла удовлетворить потребностей крестьян. Возрастал спрос на железо для сельскохозяйственных орудий, на различные изделия ремесленного и фабрично-заводского производства. Интересные сообщения по этому поводу приводит Н. М. Ядринцев: «Мануфактура в Сибири вся раскупается. Несмотря на обманы, на запрашивание при торге, ситцы крестьяне просто расхватывают... то же и с железом. Сибирь любит страшно мануфактуру. Сибирский крестьянин ходит щеголевато и любит ситцы, сапоги, сукно и прочее. Потребности развиты сильно, оттого крепостники, заезжающие в Сибирь, жалуются на развращение нравов».⁴³

Конечно, покупательная способность разных категорий сибирских крестьян в зависимости от их материального положения была различна.

Предметы хозяйственного и домашнего обихода крестьяне приобретали также (путем заказа или прямой покупки) у деревенских ремесленников и кустарей, которые изготавливали колеса, телеги, сани, шили обувь, выделывали кожи, вили веревки. Широкое распространение в деревнях получили кузнечное дело, плотничество. Одни из мастеров постоянно жили в деревне, другие были приходящими. Так приходили для временных работ катанщики, кожевники, пильщики, плотники.

Из промыслов в Сибири были распространены охота, рыболовство, добыча кедровых орехов, заготовка дров и строевого леса. Жители селений, примыкавших к трактовым дорогам, особенно к Московскому тракту, занимались извозом. До проведения Сибирской железной дороги только между Томском и Иркутском на перевозке 4 млн пуд. груза были заняты 16 000 ямщиков и 80 000 лошадей, на доставке чая к пристаням Западной Сибири и на Ирбит работало до 14 000 возчиков при 70 000 подвод.

С развитием капитализма в традиционные крестьянские промыслы внедрялись капиталистические отношения. В районах широкого развития рыболовства его вели капиталисты-рыбопромышленники «на коммерческих началах при помощи многочисленных партий наемных рабочих».⁴⁴

⁴¹ П. Головачев. Сибирь, стр. 190—191.

⁴² Материалы Ангарской историко-археологической экспедиции Иркутского государственного университета (1958), часть II (рукопись, хранится в ГАИО).

⁴³ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, стр. 254.

⁴⁴ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, стр. 145.

Во второй половине XIX в. купцы-рыбопромышленники стали господствовать на Обском севере. К концу XIX в. почти вся рыбная промышленность Обского севера сконцентрировалась в руках нескольких крупных капиталистов, среди которых первое место занял торговый дом Плотнокова с сыновьями.⁴⁵ В эксплуатации богатства Севера участвовали и другие рыбопромышленники, получавшие большие доходы. Рыболовные угодья капиталисты эксплуатировали главным образом путем применения труда рабочих, нанятых в южной части Тобольской губернии и привезенных на север. В руках рыбопромышленников находились большие неводы, крупные запасы соли для засолки рыбы, амбары для ее хранения, пароходы и буксирный флот. Количество нанятых рабочих достигало 6000.

Купцы-рыбопромышленники действовали также на Енисее, Лене, Байкале. В 1883 г. в Иркутске образовалась компания из 30 рыбопромышленников, которая арендовала рыбные промыслы на Байкале от Листвянки до Верхней Ангары (кроме Селенгинского). Цель компании заключалась в том, чтобы монополизировать рыбные промыслы и торговлю рыбой, повысить на нее цену. В Иркутске рыбопромышленники нанимали до 2000 рабочих.

В низовьях Амура эксплуатировали рыбаков «засольщики-скупщики». Они зимой кредитовали гиляков (нивхов) разными товарами и требовали уплаты в летнее время рыбой (кетой). Кредитуя по высоким ценам, скупщики закабалили рыбаков, добываясь монопольной скупки рыбы в гиляцких деревнях. Для разделки и засолки рыбы «засольщики-скупщики» нанимали русских рабочих.

В Сибири, богатой лесами, развивался лесной промысел. На первом месте стояли заготовки строевого и дровяного леса. Они группировались вдоль судоходных и сплавных рек. Крестьяне заготавливали лес не только для собственных нужд, но и для продажи в близлежащих городах. В приречных местах дрова поставлялись на пароходы. Дальние поставки и крупный сплав леса сосредоточивались в руках крупных лесопромышленников. На них работала масса заготовщиков леса по найму по особым договорам.

Капиталистические отношения внедрялись в извозный промысел. Извозпромышленники заключали подряды на поставку товаров и нанимали для их перевозки большое количество ямщиков.

Крупные промысловые компании оперировали на Дальнем Востоке. Там вдоль сибирских берегов Тихого океана, особенно в его северо-восточной части, добывали моржей, бобров и котиков. До 1870 г. здесь действовала Российско-Американская компания. С прекращением ее деятельности котиковые промыслы были сданы правительством в аренду американской Аляскинской торговой компании. Она получала большие доходы, но «на арендуемых ею островах... действовала столь хищнически и поставила многочисленных обитателей этих островов в такое безвыходное положение, что вызвала справедливые нарекания как в Америке, так и в России».⁴⁶ Хищнические вторжения в промысловые районы совершали и другие американские промышленники.

В 1891 г. начала действовать новая промысловая компания — Русское товарищество котиковых промыслов. Все компании претендовали на монопольное использование промысловых угодий.

В северных районах Западной и Восточной Сибири не было особых промысловых компаний, но и там охотников нещадно эксплуатировали купцы-ростовщики и скупщики пушнины.

⁴⁵ С. Товстик. Историческое прошлое Обского севера. Ж. «Омская область», Омск, 1940, № 11—12, стр. 25.

⁴⁶ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, стр. 161.

Точной статистики пушного промысла не велось, но и приблизительные статистические данные свидетельствуют о богатстве Сибири пушной. В 1892 г. в Сибири были добыты 31 312 соболей всех сортов, до миллиона белок, 19 004 лисицы, 15 773 диких кошки, 12 416 горностаев, 2300 выдр, 10 123 колонка, 6384 куницы, 6215 норки, 3395 рысей, 7803 волка, 218 медведей, 1223 пыжика. Меньше всего добывалось чернобурых лисиц (24), белых медведей (45), сибирских тигров (4) и леопардов (23).⁴⁷

Сравнение данных 1879—1892 гг. показывает, что почти ежегодно происходили заметные колебания в добыче пушнины.⁴⁸ Как на рыболовстве, так и на пушном промысле отрицательно сказывались хищнические приемы рыбной ловли и охоты. Пушнина составляла один из главных видов товарной продукции. Часть пушного товара, расхитившегося по ярмаркам, сухим путем поступала через Ирбит и Нижний Новгород в Москву. Оттуда она распространялась по Европейской России и, кроме того, шла в Германию — в Лейпциг. Через Кяхту пушнину доставляли в Китай. Через тихоокеанские порты отправляли частью в Америку, частью в Европу. Центрами торговли сибирской пушминой в Западной Европе были Лондон и Лейпциг с его знаменитой ярмаркой.

В пореформенное время в той или другой степени возрастали связи всех отраслей сельского хозяйства и промыслов с рынком. Они вызывались ростом производительных сил и общественным разделением труда. Развитие товарно-денежных связей разлагало натуральный уклад крестьянского хозяйства, способствовало росту капиталистических отношений. Они внедрялись во все поры экономики Сибири, знаменуя процесс распространения капитализма вширь на сибирских окраинах России. Этот процесс приводил к изменению социальной структуры сибирской деревни, вызывал расслоение крестьянства, обострение классовых противоречий.

Во второй половине XIX в. Сибирь была одной из немногих окраин России, где еще сохранилось и даже преобладало захватное пользование землей. Огромные земельные просторы и редкое население, а также отсутствие помещичьего землевладения определили здесь господство таких форм землепользования, которые уже давно изжили себя в Европейской России.

Вместе с тем преобладание захватного пользования землей не исключало других форм землепользования, да и само оно существовало в самых различных проявлениях в зависимости от степени экономического развития данной местности, количества и качества земли и густоты населения. Дореволюционные исследователи Сибири различали заимочно-захватное и захватно-вольное (или захватно-общинное) землепользование. Сущность заимочно-захватного землепользования заключалась в почти неограниченном праве крестьянина обратиться в свое исключительное пользование количество земли, которое соответствовало его хозяйственным силам. Заимочное право само по себе было несовместимо с поземельной общиной. Поэтому во второй половине XIX в. оно сохранилось в тех местах, где община еще не сложилась или только находилась в процессе своего зарождения. По мере роста земельной тесноты заимочное землепользование вступало в противоречие с интересами крестьян, почему-либо обделенных землей. Постепенно оно уступает место захватно-общинному землепользованию. При этом виде земельного пользования крестьянин распахивал участок в любом месте отведенной ему земельной дачи. Пашня оставалась в его пользовании до тех пор, пока крестьянин обрабатывал ее, а в многоземельных селах — даже некоторое время после оставления ее в залежь. Затем земля становилась вольною и ее мог вновь занять и распахать другой крестьянин.

⁴⁷ Там же, стр. 169.

⁴⁸ Там же.

В отличие от заимочного захватно-общинное землепользование не исключало, а предполагало существование общины. Здесь проявлялась ее регулирующая роль как главного распорядителя земельными угодьями внутри сельского общества.

Как правило, оба отмеченных вида землепользования сочетались, сосуществуя в пределах села или волости. При этом заимочное право существовало в отношении пользования пашней, поскольку ее обработка требовала вложения определенного труда, а захватно-общинное — в пользовании другого рода угодьями: покосами, лесом, кедровниками. Выгонные земли с давних времен находились в общинном пользовании.

При захватном порядке землепользования большая часть земли оказывалась в руках богатых крестьян, в то время как земельные участки мало-состоятельных и средних крестьян все более ограничивались. Историк села Грановского (25 км от Иркутска) М. В. Загоскин, характеризуя бытовавший в нем порядок землепользования, писал: «При существовании еще и ныне захватного пользования землями самые лучшие земли очутились в руках многомочных семей, засевавших без всяких платежей сотни десятин, тогда как маломочные семьи едва имеют по 2—3 десятины уже истощенной, плохой земли».⁴⁹

Крестьянский начальник Мариинского уезда Томской губернии А. А. Штирен отмечал, что при захватном способе пользования землей «более сильные семейства стесняют... слабые или приселяющихся позднее, а „мир“ часто не умеет или не желает поправить эту ненормальность».⁵⁰ Неограниченный захват земли, приводя к крайне неравномерному распределению ее между хозяевами, неизбежно порождал у основной массы крестьян стремление к установлению уравнительного начала в землепользовании.

Переделы земли возникали по требованию бедноты. Зажиточное крестьянство, в руках которого сосредоточивались большие по размерам и лучшие по качеству земельные участки, стояло за сохранение захватного землепользования. В основе своей переделы были направлены против зажиточных крестьян и являлись своеобразным проявлением классовой борьбы в деревне. Стремление зажиточных слоев крестьянства сохранить захватное пользование землей задерживало складывание уравнилительно-душевого. В Амурской области в большинстве сел крестьянам не удалось добиться ни переделов земли, ни даже ограниченных захватов. В ряде же сел, где были приняты приговоры о переделе, земля все-таки не была переделена, так как кулаки изыскивали различные способы, чтобы помешать осуществлению приговоров.

Землепользование сибирских крестьян не было неизменным. Оно изменялось под влиянием развития капиталистических отношений, переселенческого движения, роста населения, колониационной политики правительства. Прежний вольный «захват» свободных земель стал ограничиваться.

В конце XIX в. ограничение размеров землепользования начинает проявляться в наиболее населенных и экономически развитых районах Сибири — на территории Западной Сибири и прежде всего в центральных районах Тобольской губернии и в Алтайском округе, а затем в отдельных районах Восточной Сибири.

Возникновение в конце XIX в. в ряде районов Сибири переделов пахотных земель не было первым проявлением роли общины. Еще в первой

⁴⁹ М. В. Загоскин. Одна из сибирских общин (селение Грановское). Иркутск, 1891, стр. 79.

⁵⁰ «Томская губерния. (Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности)», т. 56, СПб., 1904, стр. 271.

половине XIX в. она заявляла свои права в переделе земельных угодий. Это объяснялось тем, что вследствие наличия товарного животноводства и недостатка хороших пойменных лугов покосы приобретали особую ценность. В середине XIX в. в большинстве мест Сибири луговые покосы уже переделались. В вольном пользовании оставались лишь лесные и залежные покосы, но и они в конце XIX в. большей частью уже делились по душам.

Переделы пашни, происходившие в ряде районов Сибири, сводились в основном к частным поравнениям («сбавки», «надбавки»), и лишь в тех общинах, где они практиковались сравнительно давно, производились общие переделы. Ограничение захватного права лишь в некоторой степени ущемляло возможность сосредоточения больших площадей земли в руках богатых крестьян, но не устраняло ее. Оно не могло затормозить все усиливавшуюся с развитием капиталистических отношений в сибирской деревне тенденцию роста крупнопосевных хозяйств, так как не устанавливало определенных норм землепользования.

Особенности форм землепользования в Сибири отражались на развитии капиталистических отношений в деревне, но не нарушали общей закономерности этого процесса. В пореформенный период в сибирской деревне происходило выделение крайних групп крестьянства — сельской буржуазии (кулачества) на одном полюсе, бедноты и батраков — на другом.

В. И. Ленин, исследуя процесс разложения крестьянства, распада мелких землевладельцев на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих, показал, что этот процесс совершался и в Сибири. Анализируя «Материалы по исследованию землепользования и быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», данные о хозяйствах крестьян-старожилов и поселенцев в 4 округах Енисейской губернии, он пришел к следующим выводам: «Соединяя вместе поселенцев и крестьян-старожилов (такое соединение необходимо потому, что первые служат рабочей силой для вторых), мы получаем знакомые черты высших и низших групп. У 39.4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6.2% всей запашки и 7.1% всего скота, тогда как у 36.4% дворов с 5 и более лошадей, при 51.2% населения, — 73% запашки и 74.5% всего скота. Последние группы (5—9, 10 и более лошадей), при 15—36 дес. запашки на 1 двор, прибегают в широких размерах к наемному труду (30—70% хозяйств с наемными рабочими), тогда как три низшие группы, при 0—0.2—3—5 дес. запашки на 1 двор, отпускают рабочих (20—35—59% хозяйств)».⁵¹

В совокупности низшая группа (до 5 десятин посева и до 2 лошадей) составляла примерно 47.6%, средняя (5—15 десятин посева и 3—4 лошади) — 31.2, высшая — 21.2%.

То, о чем писал В. И. Ленин на основании анализа данных по четырем округам Енисейской губернии, было типично и для Сибири вообще, хотя отдельные районы имели свои особенности.

В Чулымском районе Томской губернии 25.9% дворов не имели посевов или засевали до 1 десятины. В этом районе бедняцкие хозяйства (56.6% всех дворов) имели 29% рабочих лошадей, 35% коров, а зажиточные крестьяне (18.6% всех дворов) — 44% рабочих лошадей, 38.1% коров. 12% хозяйств имели годовых и сроковых работников.⁵² 30% хозяйств нанимали поденщиков на уборку хлеба и заготовку сена. Бедняки не могли прожить за счет своего хозяйства и были вынуждены искать заработки на стороне. 45% хозяйств Чулымского района поставляли постоянных и временных работников по найму.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 116.

⁵² Подсчитано по данным «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (вып. XIV, СПб., 1892, стр. 429—430).

В 1894 г. происходило обследование 14 волостей Томского округа и 3 волостей Бийского округа. По данным обследования, распределение хозяйств по обеспеченности посевами и лошадьми характеризуется следующими показателями:⁵³

Группы дворов	Томский округ	Бийский округ
Без посева	23%	12.30%
С посевом:		
до 5 десятин	33.7	30.1
до 10 "	26.1	30.2
свыше 10 десятин	17.2	27.4
Без рабочих лошадей	8.9	8
С 1—2 рабочими лошадьми	29.6	27
С 3—5 "	31.1	28.7
С 5 и более лошадьми . . .	30.4	36.3

Количество безлошадных и бескоровных хозяйств в алтайских волостях меньше, чем в районах Томского округа, меньше и часть хозяйств с посевом до 5 десятин. Но в тех и других волостях выделяются зажиточные и кулацкие хозяйства, эксплуатирующие бедноту и батраков. В томских волостях пользовались наемным трудом 36.2% всех хозяйств, в бийских — 38.3%, но нанимали главным образом поденщиков, годовых работников нанимали 4.2% дворов в томских волостях и 10.5% — в алтайских. Основную массу батраков составляли непричисленные переселенцы. В бийских волостях свыше 50% хозяйств имели дополнительные заработки, в томских уходило на заработки свыше 9000 чел., или 12% всего населения.⁵⁴

О расслоении крестьянства в Иркутской губернии свидетельствуют материалы статистико-экономических обследований, происходивших в 1887—1889 гг. По данным подворной переписи в Балаганском, Иркутском, Верхотенском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии, бедняцкая группа хозяйств составляла 42% дворов, средняя группа — 34.3, зажиточная — 23.7%.⁵⁵

В крестьянских хозяйствах проявлялись различия как по количеству скота и размерам запашки, так и по степени найма и отпуска работников.

По выборочному подсчету из трех округов Иркутской губернии на долю хозяйств, нанимавших годовых взрослых работников и составлявших в 11 волостях 12.6% дворов, приходилось всего скота 34.2% и запашки 29.8%. Хозяйства, отпускавшие годовых взрослых работников, составляли 10.6% дворов. На их долю приходилось всего 2.5% скота и 3.3% запашки, на остальные хозяйства (76.8% дворов) — 63.3% скота и 66.9% запашки. При этом подсчете не учтены хозяйства, которые нанимали годовых не-взрослых работников, а также сроковых и поденных.

Хотя в Иркутской губернии преобладала захватная форма владения землей, здесь существовали арендные отношения. В трех округах прибегали к аренде пашни 25.3% хозяйств, покосов — 39.8%. Арендаторами пашен и покосов были в основном зажиточные хозяйства, а сдатчиками — бедняки.⁵⁶

В Забайкальской области, по данным подворной переписи 1897 г., низшая группа в волостях и станицах составляла 43—52% домохозяев, средняя — 30—38%, высшая — 18—20%.⁵⁷

⁵³ Подсчитано по данным «Материалов по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» (т. I, вып. II, Барнаул, 1899, стр. 333—345) и «Материалов по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде» (вып. 1, Барнаул, 1898, табл. 6; вып. 2, Барнаул, 1899, табл. 1а; вып. 3, Барнаул, 1900, табл. 3).

⁵⁴ Подсчитано по тем же данным.

⁵⁵ И. А. Асаланов. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963, стр. 305—306.

⁵⁶ Там же, стр. 220.

⁵⁷ Там же, стр. 306.

Как уже указывалось, во всех сибирских селениях выделялись бедняцкая и кулацкая группы. С ростом концентрации посевов и скота в руках кулачества увеличивалась продажа рабочей силы, возрастала эксплуатация наемного труда.

Различалось несколько форм работы по найму: 1) работа «по строкам», или «в строках»; 2) батрачество без установления срока работы; 3) сезонная работа; 4) работа по найму вне деревни.

Наймы «по строкам» производились на определенный срок, обычно на год. При найме определялись его условия. Денежная плата работнику была низкой и сочеталась с натуральной (хозяйские «харчи» — пища). Одна из крестьянок, работавшая в молодости «по строкам», рассказывала: «Деньги были дорогие. Я жила в работницах по 3 руб. в месяц на хозяйских харчах. 5 лет прожила „по строкам“. В нашей семье было семь человек, средств не хватало; приходилось зарабатывать на стороне».⁵⁸

Сезонная работа проводилась во время сенокоса, уборки хлеба, молотбы. Кроме наемных работников, тогда работали также должники кулака или купца.

Кроме прямого найма, кулачество и купцы эксплуатировали и закабалили бедноту путем ростовщического кредитования. Оно особенно возросло в неурожайные годы, а также во время взыскания податей, податных недоимок и в период начала посевов, когда беднота испытывала острую нужду в хлебе и деньгах. Кредитование происходило под высокие денежные проценты, под часть урожая и отработки.

В сибирских газетах 80—90-х годов часто встречаются корреспонденции о закабалении бедноты кулаками и купцами-ростовщиками. Так, в одной из корреспонденций сообщалось: «Вообще кулакам и мироедам у нас житье, при взыскании податей даже ранее узаконенного срока (с августа), когда хлеб еще на корню, кулаки за бесценок скупают скот или ссужают деньги за невероятные проценты». «Проценты по ссудам самые высокие, — читаем в другой корреспонденции, — 50 процентов, 60 процентов годовых считается самым заурядным явлением».⁵⁹

Источниками выделения бедноты были мелкие и маломощные крестьянские хозяйства. В сибирской печати 90-х годов они назывались «хозяевами-одиночками». При благоприятных условиях эти хозяева, хотя и с большим трудом, сводили все же концы с концами.

Но при маломощности мелкого хозяйства малейшее изменение условий в худшую сторону — податные недоимки, частные долги, вовлекавшие крестьян в сети ростовщической кабалы, недород хлебов, падежи скота, болезни или смерть кормильца — приводило такое хозяйство к разорению. Одни еще цеплялись за свое бедняцкое хозяйство, сводя острый дефицит бюджета за счет ограничения насущных потребностей семьи и использования подсобных заработков, другие окончательно разорялись. Они превращались в деревенских полупролетариев и пролетариев.

На другом полюсе за счет «захвата», затем покупки и аренды земли, эксплуатации наемного труда, торговых и ростовщических операций складывалась и богатела сельская буржуазия — кулачество. Н. М. Ядринцев отмечал, что он во время своего путешествия по Сибири постоянно наталкивался на «крестьян-богачей, держащих остальных в кабале».⁶⁰

В дер. Костылевой он встретил, например, обширное хозяйство братьев Красноусовых. Они имели две мельницы, до 300 голов рогатого скота, распахивали наймом до 100 десятин. Кроме того, Красноусовы скупали хлеб по 17—20 коп. за пуд, а продавали его на рынке по 70 коп., нуждаю-

⁵⁸ Материалы Ангарской историко-археологической экспедиции..., стр. 134.

⁵⁹ «Восточное обозрение», 1892, № 21.

⁶⁰ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, стр. 269.

щимся крестьянам — по 50 коп. В их амбарах находилось до 17 000 пуд. скупленного хлеба. К торговле присоединялось ростовщичество. «Крестьяне-богачи раздают товар и деньги в долг крестьянам, ставя двойные цены. За долги идет беспощадное взыскание».⁶¹

Крестьянин-богач Сорокин имел до 100 000 пуд. запаса пшеницы, в его табунах находилось 8000 голов скота. Он вел крупную торговлю, имел кожевенный завод и 2 лавки в Павлодаре. Сорокин арендовал землю у горного ведомства.⁶²

Корреспондент из Верхоленского округа Иркутской губернии сообщал, что там богачи из крестьян «захватывают огромные участки земли: так, некоторые имеют до 300 десятин и засевают посредством помочей до 100 десятин, подчиняя благодаря своему влиянию за бесценок труд беднейших собратий, строят бараки и сплавляют хлеб до Витима или Мачинской резиденции, где и получают 400 и 500 процентов на затраченный капитал».⁶³

Среди забайкальских казаков-скотоводов встречались хозяйства, имевшие тысячи голов. У крупного скотовладельца Шестакова было 3864 лошади, 642 головы рогатого скота, 394 верблюда, 17 127 овец, 55 коз. Он нанимал 46 годовых и сроковых работников.

Кулаки не ограничивались сельским хозяйством. Они имели торгово-промышленные заведения (мельницы, круподерки, сукновальни, кожевни, лавки и пр.).

Сибирские крестьяне, не знавшие помещиков, эксплуатировались деревенскими мироедами — кулачеством. В роли эксплуататоров выступали царизм и его агенты — чиновники.

Главным средством эксплуатации крестьянства помещичье-буржуазным государством были подати и повинности. В податной системе самодержавия сохранялись феодальные пережитки, сказывалась сословная неравноправность крестьян.⁶⁴

Казенные денежные платежи складывались из подушной и оброчной подати, губернского и частного земских сборов, сборов на межевой и пожарный капиталы. Эти платежи назывались окладными. Кроме того, существовали внутренние мирские сборы на покрытие расходов по волостям и сельским обществам. Натурой (хлебом и деньгами) собирали взносы в «капитал народного продовольствия» — на содержание хлебных экономических магазинов. Духовенству крестьяне уплачивали хлебную ругу.

Как подушная, так и оброчная подати взимались не по размерам крестьянского землепользования и доходов хозяйства, а по числу «ревизских душ» мужского пола. Таким образом, оба эти вида податей сливались в один подушный сбор. Подобный порядок был выгоден для зажиточных многоземельных крестьян, плативших столько же, сколько малоземельные.

Так как раскладка податей по числу «ревизских душ» производилась независимо от возраста и работоспособности, крестьянам приходилось платить не только за себя, но также за нетрудоспособных, престарелых, больных и убывших из сельского общества после переписи, но не исключенных из нее.

Развитие капиталистических отношений, финансовые требования казны и Кабинета, рост недовольства крестьян вызывали необходимость приспособления податной системы к новым условиям. Поэтому правительство принимает меры к приведению размера податных окладов в соответствие

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 270.

⁶⁴ Л. Г. Сухотина. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 129—137.

с доходностью крестьянских хозяйств. В 1882 г. в Европейской России подушная подать была заменена поземельно-оброчной. В Сибири такая замена была проведена в 1898 г. на казенных землях и в 1899 г. — на кабинетских. Сущность податной реформы заключалась в том, что прежние подушные сборы заменялись поземельно-оброчной податью.

Фактически реформа не привела к изменению системы обложения. Дело в том, что в Сибири не имелось вполне точных данных о стоимости и доходности земельных угодий, количестве земли, находившейся в пользовании крестьян. Новое землеустройство по закону 1898—1899 гг. только начиналось. Вновь установленная оброчная подать взималась с души с той разницей, что основу обложения составляла не «ревизская душа», а «надельная». Подушная и оброчная подати составляли около половины сборов с крестьян. Вторая половина платежей приходилась на внутренние, мирские сборы и натуральные повинности (в переводе на деньги).

Ежегодно взимался по смете, составленной на трехлетие, губернский земский сбор. Он предназначался на содержание губернского управления и учреждений по крестьянским делам. До 1888 г. этот сбор был подушным, а затем переложен на земли и леса, находившиеся в пользовании крестьян. Обложению губернским сбором подлежали также фабричные, заводские и торговые предприятия.

На содержание волостных управлений взыскивали частный земский сбор. Наконец, по сельским обществам собирали мирские сборы на местные расходы. Раскладка происходила по числу «ревизских душ».

Натуральные повинности крестьян состояли из подводной гоньбы, исправления дорог, постройки и ремонта мостов, препровождения на подводах новобранцев, солдат («нижних чинов») и арестантов, содержания перевозов через реки, земских квартир и арестантских помещений.

Наиболее тяжелые формы натуральных повинностей представляли подводная (гоньбовая) и дорожная. Они требовали значительного количества работников и лошадей, отрывали крестьян от сельскохозяйственных работ.

Подводная повинность заключалась в том, что крестьяне выставляли «междудворных» лошадей для развозов чиновников, должностных лиц волостного и сельского управлений, а также людей, следовавших по особым бланковым билетам. Кроме «междудворных», выставляли «валовые» подводы для перевозки воинского багажа.

Так как натуральные повинности отягощали крестьян, отрывали их от своих хозяйств, они стремились заменить эти повинности денежными сборами для найма работников. Зажиточные крестьяне, мещане и купцы заключали с сельскими обществами контракты на содержание подводной гоньбы за определенные суммы и затем производили наем работников. На дорожные работы их нанимали за себя отдельные хозяева.

В 80—90-х годах XIX в. общая сумма сборов по казенным платежам, мирским сборам и натуральным повинностям доходила до 30 руб. на одного работника. Кроме того, существовали еще «темные поборы», которые не учитывались.

Ежегодно взыскивались не только очередные сборы, но и недоимки за прежние годы. О них сообщалось во всех обзорах губерний и областей Сибири. Самый факт накопления недоимок свидетельствует о тяжести платежей и повинностей. Наиболее высокие недоимки накопились в Тобольской губернии во время неурожайных лет. В 1886 г. «недоимки от прошедших лет» достигли 1 431 314 руб.⁶⁵, в Томской губернии за 1884—1895 гг. недоимки возросли с 364 225 до 526 000 руб.⁶⁶

⁶⁵ Приложение к отчету начальника Тобольской губернии за 1886 г. Тобольск, 1887, стр. 7.

⁶⁶ Обзоры Томской губернии за 1884 и 1895 гг. Томск, 1885 и 1896 гг.

Основная тяжесть податей и повинностей ложилась на малоимущие слои крестьянства и отрицательно сказывалась на его материальном положении, состоянии хозяйства. Нужда в деньгах для уплаты податей и других сборов побуждала к кабальным займам у кулаков и купцов. У несостоятельных плательщиков полиция производила распродажу имущества для взыскания недоимок. Известны факты, когда для их погашения происходила принудительная сдача в аренду земли неплательщика.

По уставу о прямых налогах единицей обложения было сельское общество, составляющее податную общину. Внутри ее подати в порядке круговой поруки раскладывались мирским сходом. Основания раскладки были различны. На рубеже XIX—XX вв. наиболее распространенной формой раскладки была смешанная. Облагались годные (трудоспособные) работники. При разделении их на категории плательщиков в одних обществах исходили из возраста, в других — из имущественного положения, определяемого количеством скота или размером запашки. «Однако этот вид податной разверстки был далек от подоходного обложения, так как в основе его лежал трудовой принцип».⁶⁷

Податная система царизма была выгодна для сельской буржуазии и обременительна для большинства крестьянского населения Сибири.

Природные богатства Сибири, значительные размеры свободных земель, пригодных для хлебопашества и скотоводства, отсутствие помещичьего землевладения, опыт и трудовая деятельность старожилов, усиление притока переселенцев, освоение новых районов земледелия, рост товарно-денежных отношений — все это стимулировало развитие сельского хозяйства в Сибири. В пореформенное время сельскохозяйственное производство в его основных отраслях расширялось на сибирских окраинах России. Однако его развитие в более широких масштабах, в интенсивных формах тормозилось социально-экономическими условиями, существовавшими в помещичье-буржуазном государстве.

Пережитки крепостничества в Европейской России задерживали освоение сибирских окраин крестьянами-земледельцами, задавленными помещичьей кабалой. Крепостнические черты имела переселенческая политика царского правительства, которое не считалось ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов. Разорительные для сибирских крестьян дореформенные порядки проявлялись в податной системе царизма и в произволе чиновников.

Крайне отрицательно сказывались на сельском хозяйстве слабое развитие сибирской промышленности, плохие пути сообщения, ограниченные возможности сбыта зерна и продуктов животноводства, острый недостаток усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, дешевого кредита, ветеринарной и медицинской помощи.

Но и в Сибири возрастало производство зерна и продуктов животноводства на продажу, начиналось формирование районов торгового земледелия, росла товарность животноводства. Мелкотоварное крестьянское хозяйство при определенных условиях превращалось в капиталистическое. Наиболее характерная черта этого процесса заключалась в разложении крестьянства, вымывании середняка и росте крайних групп в сибирской деревне. Беднота, которая уже не могла существовать за счет собственного хозяйства, вынуждена была наниматься батраками и поденщиками в кулацкие хозяйства или искать земледельческих заработков. Росло кулачество, которое сосредоточивало в своих руках значительную массу посевов и скота. В кулацких хозяйствах широко применялся наемный труд. Разложение крестьянства и рост сельской буржуазии усиливались переселенче-

⁶⁷ Л. Г. Сухотина. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции, стр. 135.

ским движением. Переселенцы поставляли кулачеству многих наемных работников. Их поставщиками были также ссыльнопоселенцы.

При отсутствии помещичьего землевладения для эволюции капиталистических отношений в сибирской деревне было характерно не приспособление помещичьих хозяйств к условиям капиталистического развития, а превращение зажиточных крестьян в сельскую буржуазию. Феодальные пережитки, политика самодержавия и эксплуататорских классов мешали более свободному развитию капитализма в земледелии, но попытки насаждения в Сибири главного пережитка крепостничества — помещичьего землевладения потерпели неудачу.

3. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ. ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Сибирь располагает огромными природными ресурсами. Императорский Кабинет и правительственные учреждения хранили в своих архивах данные о сотнях месторождений руд и угля, обнаруженных поисковыми партиями и отдельными рудоискателями на территории Сибири. Передовые инженеры разрабатывали проекты развития черной металлургии и угольной промышленности. Но экономическая политика царизма в Сибири определялась не указаниями науки, не народными интересами, а корыстными интересами помещиков и капиталистов центра.

В период утверждения капитализма особое место в экономике Сибири занимала горная промышленность. Ее главные отрасли составляли добыча золота, соляная и отчасти каменноугольная промышленность. Однако развитие горной промышленности, цветной и черной металлургии было неустойчивым.

В пореформенное время кабинетские и казенные предприятия Алтая и Восточного Забайкалья не выдерживали конкуренции передовой промышленности Европейской России, развивавшейся на капиталистических началах. Эти предприятия, пропитанные феодально-крепостническими традициями, не могли приспособиться к условиям эпохи капитализма. Потеря дешевой подневольной рабочей силы, крайняя техническая отсталость, отсутствие (до проведения Сибирской железной дороги) железнодорожного сообщения с рынками сбыта привели к упадку кабинетской промышленности.

С 1868 г. стала падать добыча серебра в Алтайском горном округе. В первой половине XIX в. его ежегодная выплавка доходила до 1000 и выше пудов, а в 1880—1890 гг. составляла 550—790 пуд. Лишь в 1896 г. в результате применения химического способа извлечения из руд на Зырянском руднике выплавка серебра повысилась до 1184 пуд. Но это повышение было временным. Выплавка свинца в Сибири в 1896 г. по сравнению с 1861 г. сократилась более чем в 4 раза (с 49 415 до 11 891 пуд.), меди — в 1,8 раза (с 30 000 до 18 083 пуд.).⁶⁸

Особенно упала выплавка серебра в Нерчинском горном округе. К 1891 г. там остался только один сереброплавильный завод — Кутомарский, выплавлявший около 50 пуд. серебра в год. «Все силы и средства округа направлены были на добычу золота, которое сделалось главным предметом производительности взамен серебра и свинца».⁶⁹

⁶⁸ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. Изд. 2-е. СПб., 1896, стр. 179; М. В. Гирбасов. Горнозаводская промышленность Сибири и краткие справочные сведения для горнозаводчиков и золотопромышленников. Томск, 1895, стр. 17—25; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1897 г. Томск, 1898, стр. 557—560.

⁶⁹ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 199.

Уменьшение добычи цветных металлов вызывалось не истощением месторождений, а хищническими способами добычи, устаревшей системой организации производства, низким уровнем техники.

После реформы Кабинет оказался неспособным перестроить на новых началах и добычу золота. Многие кабинетские прииски были закрыты или подарены царским сановникам. Вельможи и Кабинет сдавали свои прииски в аренду купцам, которые должны были отчислять владельцам от 5 до 15% добычи золота.

Казна и Кабинет, бывшие прежде монополистами в области горной промышленности, уступили место торгово-промышленной буржуазии. В этом выражалось одно из проявлений смены феодальной системы производства капиталистической.

Во второй половине XIX в. первое место по количеству привлеченных рабочих и вложенных капиталов занимала в Сибири золотопромышленность. Главные ее очаги находились в Восточной Сибири, которая в 1882—1891 гг. давала до 75% общей добычи золота в России, а на Западную Сибирь приходилось всего 6—7%. По годам добыча золота колебалась, то понижаясь, то повышаясь. Об этом свидетельствуют следующие данные о добыче золота (в пудах):⁷⁰

	1882 г.	1888 г.	1890 г.	1891 г.	1893 г.
Восточная Сибирь . . .	1622	1326	1599	1510	1822
Западная Сибирь . . .	126	154	160	170	181

На этих колебаниях сказывались отсталая техника и хищнические способы добычи золота. Выработав наиболее богатые и «легкие» месторождения, золотопромышленники забрасывали их и отыскивали новые, оставляя менее богатые россыпи без разработки. Несмотря на колебания по отдельным годам, добыча золота возрастала.

Золото добывалось в обширных бассейнах Оби, Енисея, Лены и Амура.

Позже, чем в других районах, началась добыча золота в Амурской и Приморской областях. В Амурской области добыча его увеличилась с 254 пуд. в 1882 г. до 485 пуд. в 1890 г.

Золотопромышленные компании вытесняли мелких золотопромышленников или подчиняли их своему влиянию. Мелкие золотопромышленники брали у крупных деньги под высокие проценты для оборудования приисков, найма рабочих и пр. Должники попадали в зависимость от кредиторов. Иногда мелкие предприниматели, расположившись около богатых и многолюдных приисков, только для вида занимались приисковым делом. Их главные доходы составляли тайная торговля спиртом и скупка золота у старателей.

В положении золотопромышленных предприятий, особенно мелких, не было устойчивости. Существование многих из них было кратковременным. Нередко золотопромышленники разорялись или переходили на золотничный способ добычи золота. Наряду с концентрацией приисков происходило их дробление.

При работе на приисках употреблялись кайлы, хорошо заостренные ломы, кирки, железные вогнутые лопаты-клинья. Промывка золотосодержащих песков производилась на чашах, бочках и бутарах. Они приводились в движение водой, лошадьми, иногда паровой машиной.

В пореформенное время на сибирских золотых приисках стали вводиться некоторые усовершенствования и машины.

В 1874 г. К. Кулибин изобрел шлюзовое устройство для промывки золотосодержащих песков. Сначала оно применялось на Урале; затем под назва-

⁷⁰ Там же, стр. 175.

нием «кулибинки» распространилось в Сибири. В «кулибинке» вода само-теком промывала пески.

Для взрыва валунов и гребней скалы сначала применялся порох, потом их стали взрывать динамитом.

В 70-х годах была введена паровая оттайка мерзлоты. Для этой цели производился также полив промерзших слоев раствором поваренной соли.

Еще в 1861 г. на Вознесенском прииске Лено-Витимского округа была построена приисковая железная дорога для подвозки песков на машину. В дальнейшем такие дороги строились и на других приисках. Вагонетки по рельсам везли лошади.

В крупных золотопромышленных компаниях применялись паровые машины.

В 1893 г. на золотых приисках Сибири находились в действии 182 водяных двигателя и 117 паровых двигателей и локомобилей.⁷¹ В 1898 г. на приисках Восточной Сибири действовали 137 паровых котлов мощностью в 2649 лошадиных сил.⁷² Сила пара использовалась для подъема песков из шахты.

В 1879 г. инженер Носов сконструировал новый гидромонитор — «гигантское брызгало». В 80-х годах XIX в. производились опыты гидравлического способа разработки золотоносных песков. В 1896 г. закончилась постройка первой очереди Бодайбинской железной дороги протяженностью в 35 верст. Имея 5 паровозов и около 100 вагонов, дорога обслуживала приiski, расположенные на р. Бодайбо.

Знаменательными фактами в истории промышленности Сибири были постройки первых гидроэлектрических станций.⁷³ Летом 1892 г. на Алтае возникла первая промышленная гидроэлектрическая станция. Она была построена под руководством инженера А. А. Кокшарова на Зырянском руднике, принадлежавшем Кабинету. Сначала гидростанция использовалась для электрификации шахтного водоотлива. Затем в 1894 г. были электрифицированы механизмы рудодробилки и канатная железная дорога. Одновременно началась работа электролитической фабрики (электролиз меди и серебра).

В 1896 г. по проекту инженера Л. Ф. Граумана построена гидроэлектрическая станция на Павловском прииске Ленского золотопромышленного товарищества на р. Ныгри. Мощность станции составляла 300 квт. Технические усовершенствования, применение машин были шагом вперед в развитии техники, но они не привели к коренной реконструкции производства. Усовершенствованную и более новую технику могли приобрести только крупные компании. На мелких же приисках и других предприятиях преобладал ручной труд, они находились на мануфактурной стадии развития.

Признаки перехода к системе машинного производства, к фабричной стадии проявлялись на крупных золотопромышленных предприятиях. В отношении их можно говорить о начальной стадии промышленного переворота в золотопромышленности Сибири приблизительно в 80—90-х годах XIX в.

На замедленности процесса внедрения усовершенствованной техники сказывались до проведения железной дороги удаленность от крупных промышленных центров, дороговизна и трудность доставки машин.

Предприниматели при хищнической добыче золота, зависевшей непосредственно от степени содержания его в золотоносных песках, не реша-

⁷¹ Н. Д. Овсянникова. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма. (Рукопись канд. диссертации). Иркутск, 1964, стр. 151.

⁷² Там же, стр. 152.

⁷³ В. В. Алексеев. Первые электростанции в Сибири. Сб. «Предпосылки Октябрьской революции в Сибири», Новосибирск, 1964, стр. 243—253.

лись на крупные капиталовложения в технику. Добыча золота считалась прибыльным, но рискованным делом. Наконец, испытывалась острая нужда в квалифицированных технических кадрах.

Сибирское золото составляло основу золотого запаса России. Из 2207 пуд. золота, добытого в стране в 1882 г., на долю Сибири при-

Машина для промывки золота. (П. Головачев. Сибирь. М., 1902).

ходило 1748 пуд.⁷⁴ Золото, поступавшее из Сибири, способствовало укреплению финансов, накоплению капитала, развитию капитализма.

В Сибири с развитием золотопромышленности возрастал спрос на лошадей, предметы потребления для приискового населения, железные изделия, орудия производства, лесные материалы. В 1887—1889 гг. только на приисках Олекминской и Витимской системы на закупку главных предметов потребления израсходовано 12 268 000 руб. Развитие золотопромыш-

⁷⁴ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 175.

ленности способствовало расширению сбыта скота, продуктов сельского хозяйства, предметов ремесла и заводского производства, лесного промысла. Таким образом, золотопромышленность через рыночные связи стимулировала до известной степени рост торговли и этих отраслей хозяйства. Наконец, добыча золота привлекала значительное количество приисковых рабочих и подсобных работников (заготовка леса, перевозка грузов). На приисках росли кадры рабочего класса, ставшего могильщиком капитализма. В 1882—1891 гг. на золотых приисках ежегодно работало от 33 до 37 тыс. рабочих. Ни одна отрасль промышленного производства в Сибири не имела такого количества рабочих.

Эксплуатация золотых приисков обогащала сибирскую торговую буржуазию и кулачество, которое занималось подрядами и поставками на прииски. Некоторые кулаки имели пай в золотопромышленных компаниях. Представляя самую крупную в условиях Сибири отрасль капиталистического производства, золотопромышленность способствовала развитию капитализма на сибирских окраинах России.

Подавляющее же большинство ценностей, произведенных на золотых приисках и серебряных рудниках, не направлялось на финансирование промышленности и транспорта Сибири, а утекало на запад и в значительной мере тратилось непроизводительно. Известный сибирский публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев, выступая с публичной лекцией в Омске в 1864 г., с горечью спрашивал аудиторию: «Много ли памятников осталось от наших богачей? Может быть, Сибирь усеяна фабриками и заводами? Может быть, наши богачи создали нам бездну школ, библиотек, музеев и кабинетов ученых редкостей? Нет, Сибирь по-прежнему пустынна и невежественна. А где же наши миллионы? Где наше золото, которое вырабатывалось кровавым потом нашего народа на рудниках и приисках? Эти миллионы пропиты, проиграны в карты, промотаны по ярмарочным шинкам, — вот где наши миллионы!». ⁷⁵ Значительная часть доходов от добычи золота присваивалась императорским двором и царскими сановниками.

С развитием сельского хозяйства и промышленности, притоком населения в Сибирь, освоением Приамурья, оснащением морских портов в Приморье возрастала потребность в черных металлах, стимулировавшая заметный рост в Сибири черной металлургии. Ее развитие совершалось путем технического перевооружения старых заводов и строительства новых.

Во второй половине XIX в. продолжали действовать старые чугуноплавильные и железоделательные заводы — Гурьевский (в Томской губернии), Николаевский (в Иркутской губернии), Петровский (в Забайкалье). В то же время были построены 3 новых завода: Абаканский (в Енисейской губернии), Яковлевский и Лучихинский (в Иркутской губернии).

В Западной Сибири после закрытия в 1864 г. Томского железоделательного завода основным предприятием черной металлургии был Гурьевский завод. В 70—80-х годах XIX в. на нем произошел ряд изменений. Древесное топливо стало заменяться каменным углем, кричное производство железа — пудлингованием. Часть заводских установок обслуживалась небольшими паровыми двигателями. При заводе действовала «механическая фабрика», производившая простейшие машины и маломощные паровые двигатели.

В 1886—1891 гг. на Гурьевском заводе ежегодно выплавлялось от 70 800 до 133 300 пуд. чугуна, изготовлялось от 44 040 до 72 220 пуд. железа, от 2230 до 6570 пуд. железных изделий, от 4 до 10 000 пуд. чугунных отливок. ⁷⁶

⁷⁵ «Томские губернские ведомости», 1864, № 5.

⁷⁶ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 203.

Западная Сибирь занимала первое место по добыче и выплавке серебра, свинца, меди, но уступала Восточной Сибири в области черной металлургии. В Западной Сибири, примыкавшей к промышленному Уралу, который снабжал ее металлами и металлическими изделиями по водному пути, черная металлургия во второй половине XIX в. развивалась сравнительно меньше, чем на Сибирском Востоке.

В третьей четверти XIX в. осуществилось переоборудование Николаевского и Петровского заводов. Действие всех основных цехов и агрегатов обеспечивали паровые машины. Старое оборудование заменялось новым. Вносились изменения в технологический процесс. В плавильное производство было введено горячее дутье до 150°. Стало применяться мартеновское производство стали.

В результате применения машинной техники и улучшения технологии, использования опыта русских и зарубежных предприятий значительно повысилась производительность заводов. Они снабжали железом и железными изделиями золотые прииски и другие предприятия, изготовляли паровые котлы и небольшие паровые машины, выделяли шинное, листовое и котельное железо, железные и стальные изделия, чугунные отливки для производственных целей и домашнего обихода. На Николаевском заводе было построено 11 пароходов, плававших по Амуру, Лене, Ангаре, Байкалу. В 1894 г. завод принял крупный заказ на рельсы, рельсовые крепления и чугунные трубы для строящейся Сибирской железной дороги.

В 1869 г. на Абаканском, Николаевском и Петровском заводах было выплавлено 226 393 пуд. чугуна, а в 1898 г. — 602 465 пуд.⁷⁷ Следовательно, выплавка чугуна увеличилась почти в 3 раза. В 1898 г. произведено до 500 000 пуд. железа и железных изделий.

Применяя машинное производство, заводы черной металлургии переходили от мануфактурной стадии к фабричной. Однако в самом конце XIX в. положение этих заводов пошатнулось. Два из них — Николаевский и Лучинский — перестали действовать, остались Петровский и Абаканский. В Западной Сибири продолжал действовать Гурьевский завод.

Металлургические заводы Сибири, уступая уральским в технике производства, квалификации работников, испытывая недостаток средств, не могли выдерживать конкуренции с крупными капиталистами Урала после того, как Сибирская железная дорога открыла свободный доступ в Сибирь для их продукции.

В дореформенное время не использовались, за малым исключением, богатейшие месторождения каменного угля, которыми располагает Сибирь. Сибирские заводы работали на древесном топливе. С 70-х годов XIX в. увеличилась добыча угля в Кузнецком каменноугольном бассейне. В 1887—1891 гг. ежегодно добывалось от 707 800 до 1 010 400 пуд. угля. Добыча каменного угля производилась вручную, подъем осуществлялся ручным и конным воротами. В 1875 г. в Кузбассе имелась единственная 14-сильная паровая машина, приводившая в движение насосы водоотлива Александровской шахты Кольчугинского рудника. Лишь в 1890 г. появились 2 паровые машины общей мощностью 19 лошадиных сил.

В Иркутской губернии в 50-х годах XIX в. каменный уголь использовался на Усольском солевом заводе. В дальнейшем в 8 верстах от с. Черемхово на Гришневской заимке велись пробные работы по добыче угля для Николаевского железоделательного завода. Всего было добыто 200 000 пуд., из которых 30 000 вывезено на Николаевский завод для топки паровых котлов.

⁷⁷ И. И. Комогорцев. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965, стр. 169.

Внимание к черемховским месторождениям каменного угля усилилось с проведением Сибирской железной дороги. В 1895—1896 гг. были обнаружены в окрестностях Черемхово богатейшие месторождения каменного угля. Разработка их началась в 1899 г. Уже тогда было добыто около 1 182 000 пуд. угля.

В 1859 г. производились первые опыты добычи каменного угля на о. Сахалин. С этого времени каменноугольные залежи в окрестностях поста Дуэ стали разрабатываться непрерывно. В 80—90-х годах XIX в. добыча угля доходила до 1 млн пуд.

По существу регулярная добыча каменного угля как вполне определившаяся отрасль промышленности сложилась в Сибири уже в первые годы XX в.

Старинную отрасль промышленности Сибири представляла добыча и выварка соли. Спрос на нее для бытовых и промысловых (засолка рыбы) нужд постоянно возрастал. Глауберова соль использовалась на содовых и стекольных заводах.

В Западной Сибири источниками добычи соли служат многочисленные самосадочные озера, расположенные в южной части края. Они доставляли более половины всей соли, добываемой в Сибири.

В Восточной Сибири действовало несколько солеваренных заводов: Туманшетский, Троицкий, Абаканский, Манзинский (Енисейская губерния), Устькутский, Усольский, Илимский (Иркутская губерния), Селенгинский и Киренский (Забайкальская область). В Забайкалье добывали также соль из самосадочных соляных озер — Борзинского и Доронинского. В Вилюйском округе Якутской области добыча соли производилась путем вымораживания рассола, получаемого из Багинского и Кемпендяйского соляных ключей. Общая добыча самосадочной и выварочной соли в 1881—1891 гг. при лучших условиях достигала 2—3 млн пуд.

Основу промышленного развития Сибири составляла горная и горнозаводская промышленность, но в ней не было устойчивости и она значительно уступала по техническому уровню Уралу и центральному району Европейской России. Об этом свидетельствуют данные о численности и мощности двигателей в горнозаводской промышленности в 1893 г. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Район	Вододействующие				Паровые машины и локомобили	
	колеса		турбины		число	мощность в л. с.
	число	мощность в л. с.	число	мощность в л. с.		
Урал	533	12562	313	18968	550	21330
Центр Евр. России . .	46	863	9	198	386	13244
Юг и юго-запад России	—	—	—	—	585	30759
Кавказ	17	115	4	119	654	10411
Север Евр. России . .	16	451	8	380	182	12206
Сибирь	233	2119	6	238	150	822

Сибирская горнозаводская промышленность значительно отставала по количеству и мощности паровых машин и локомобилей.

С частичным введением паровых машин и локомобилей на более крупных по местным масштабам предприятиях горной и горнозаводской промышленности (приски золотопромышленных компаний, чугуноплавильные

и железоделательные заводы) намечались в 70—80-х годах XIX в. признаки промышленного переворота, перехода от мануфактурной стадии производства к фабричной. В Сибири этот переход затянулся надолго. Что же касается обрабатывающей промышленности, то там были широко распространены ремесленное производство на заказ, мелкое товарное производство, предприятия мануфактурного типа. Паровые двигатели встречались на винокуренных, кирпичных заводах и паровых мельницах — крупчатках.

Перед реформой 1861 г. в обрабатывающей промышленности Сибири имелось всего 316 предприятий мануфактурного типа. На них было занято около 17 000 рабочих. Сумма производства не превышала 5 млн руб. в год.⁷⁸ В 1892 г. в Сибири действовало 647 предприятий обрабатывающей промышленности, сумма производства каждого из них превышала 1000 руб. в год. Кроме того, имелось 1428 более мелких заведений.⁷⁹ Стоимость продукции всех предприятий определялась в 15—16 млн руб. в год. Следовательно, по сравнению с 1860 г. объем производства увеличился в 3 раза.

Среди предприятий обрабатывающей промышленности различались не подлежавшие акцизному сбору и обложенные акцизом.

Из предприятий, не подлежащих акцизу, первое место принадлежало мукомольным предприятиям (45%), за ними следовали кожевенное и овчинное производство (21%), салотопенные и мыловаренные заводы, заводы по обработке металлов, стекольные и фарфоро-фаянсовые предприятия и др.

К предприятиям, обложенным акцизом, относились винокуренные, дрожжевые, водочные, пивоваренные заводы, спичечные и табачные фабрики. На предприятиях этой группы было занято 3000 рабочих. Из них 1930 чел. приходилось на винокуренные заводы (данные 1890 г.).

Крупные доходы купцам, кулакам, кабатчикам, казне (акцизные сборы) доставляло винокурение. В Сибири действовало 40 винокуренных заводов. В 1890—1891 гг. на них было перекурено 2 653 603 пуд. хлебных запасов и 55 391 пуд. картофеля. Ежегодно выкуривалось более 1 100 000 ведер вина.

По основным районам Сибири обрабатывающая промышленность распределялась неравномерно. В 1892 г. в Западной Сибири находилось 64% предприятий и производилось 57% продукции, в Восточной Сибири — 21% предприятий и вырабатывалось продукции около 31%. На дальневосточные районы (Амурская и Приморская области) приходилось 15% предприятий, производительность которых равнялась 12% общесибирской.⁸⁰

Причисление предприятий обрабатывающей промышленности к разряду фабрик и заводов еще не определяло их сущности. К такому разряду причисляли и предприятия мануфактурного типа, основанные на ручном труде. Например, в «Обзоре Енисейской губернии» за 1899 г. сообщалось: «Всех действующих заводов в Енисейской губернии значится 635, но эта цифра не дает истинного понятия о действительном развитии заводской промышленности, так как большинство заводов не что иное, как небольшие ремесленные заведения вроде кожевенных, маслособойных (растительное масло), кирпичных заводов, имеющих вообще характер кустарного производства для мелких потребителей с незначительными денежными оборотами».⁸¹

⁷⁸ А. А. Мухин. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. (Рукопись докт. диссертации). Пермь, 1967.

⁷⁹ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1896, стр. 213.

⁸⁰ А. А. Мухин. Рабочие Сибири в эпоху капитализма.

⁸¹ Обзор Енисейской губернии за 1899 г. Красноярск, 1900.

В городах и селах Сибири работало значительное количество ремесленников разных специальностей. Самые распространенные из ремесел — плотничное, кузнечное, столярное, сапожное. Среди ремесленников были также слесари, кирпичники, скорняки (выделка шкур и мехов), кожевники, свечники, ювелиры, часовые мастера и др. К концу 90-х годов XIX в. общее количество ремесленников в Сибири составляло около 60 000 чел., а в 1897 г. — свыше 100 000.⁸² Среди них были ремесленники-одиночки и хозяева мастерских, применявшие наемный труд. Мастерские с наемными работниками и разделением труда между ними перерастали в мануфактуру.

Из домашней промышленности выросло «кустарное производство», выпускавшее свои изделия на рынок. Из кустарных промыслов получили распространение шерстобитно-пимокатное производство, смолокурение и сидка дегтя, изготовление деревянных изделий, телег и саней, сельскохозяйственных орудий, веревок, глиняной посуды и пр.

С развитием товарно-денежных отношений кустари попадали в зависимость от скупщиков, которые закабалили их путем ростовщического кредитования деньгами и материалами при условии оплаты изделиями по пониженным ценам.

В Сибири существовали все стадии промышленного производства: домашняя промышленность, ремесло на заказ, кустарничество, мануфактуры и предприятия фабрично-заводского типа. Преобладало же мануфактурное производство.

С развитием капитализма в Сибири совершался процесс формирования рабочего класса. Накануне реформы 1861 г. на промышленных предприятиях Сибири работало свыше 90 000 чел.⁸³ Большинство из них составляли мастеровые, приписанные к кабинетским и казенным предприятиям горной и горнозаводской промышленности Алтайского и Нерчинского округов. Преобладал принудительно-обязательный труд. Вольнонаемных рабочих было всего 33 500 чел. (или 37,2% общего числа работавших на промышленных предприятиях).⁸⁴

После реформы 1861 г. многие рабочие кабинетских и казенных предприятий, получив увольнение от принудительного труда, ушли с заводов и рудников. Оставшиеся перешли к работе «по вольному найму». Количество рабочих уменьшилось также в связи с сокращением производства на предприятиях, принадлежавших Кабинету.

В дальнейшем по мере роста золотопромышленности, черной металлургии, солеварения, обрабатывающей промышленности, строительства Сибирской железной дороги (в 90-х годах XIX в.) число рабочих возрастало.

Сведения о количестве рабочих в Сибири к концу XIX в. дают материалы всеобщей переписи 1897—1898 гг. По этим данным, в Сибири насчитывалось 403 177 работников по найму. Из них 333 147 чел. (82,6%) составляли рабочие и 70 030 (17,4%) — прислуга.

По группам занятий наемные работники распределялись следующим образом:

Сельское хозяйство	139300
Рыболовство и охота	3300
Лесное хозяйство	11500
Строительство	27800
Промышленность	61700
Транспорт и связь	16600
Поденщики и чернорабочие . .	67900
Прислуга	70000 ⁸⁵

⁸² А. А. Мухин. Рабочие Сибири в эпоху капитализма.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905, стр. V, 4, 5, 12, 13, 16, 17.

Что касается поденщиков, чернорабочих, прислуги, то одна часть их относилась к промышленному, другая — к сельскохозяйственному населению. Приблизительно наемные работники в сельском хозяйстве составляли 208 000; в промышленности, рыболовстве, охоте, лесном хозяйстве, строительстве, транспорте и связи — 195 000 чел. Фактически количество промышленных рабочих превышало 61 700 чел. К ним необходимо причислить также тех рабочих, которые работали в лесной промышленности (лесное хозяйство) и на заготовке строительных материалов, а также «чернорабочих», занятых на промышленных предприятиях. Общее количество промышленных рабочих превышало 120 000 чел.

На первом месте по численности рабочих стояла золотодобывающая промышленность; за ней следовали обрабатывающая и лесная промышленность, добыча руд и выплавка свинца, серебра, железа и меди, соледобывающая, каменноугольная.

Основные источники формирования пролетариата в Сибири составляли освобожденные от принудительно-обязательного труда мастеровые кабинетских и казенных заводов и рудников, ссыльнопоселенцы, деревенская беднота из переселенцев, новоселов и старожилов. В формировании пролетариата принимали участие, хотя и в меньшей степени, городские и сельские ремесленники, а также городская беднота.

На кабинетских рудниках и заводах процесс формирования кадров постоянных рабочих начался еще задолго до реформы 1861 г. Комплектование рабочей силы производилось в порядке рекрутских наборов среди населения, приписанного к этим заводам и рудникам. Рекруты, как правило, направлялись не в армию, а на заводы и рудники и становились кадровыми рабочими. После реформы 1861 г. мастеровые были освобождены от принудительного труда и причислены к сельским обществам с уплатой оброка в пользу Кабинета и казны. Наделенные небольшими приусадебными наделами и покосами, они вынуждены были работать на заводах и рудниках.

Важным источником формирования пролетариата были ссыльнопоселенцы. Они находились в крайне тяжелом положении. По материалам подворной переписи 1875—1877 гг., на 100 ссыльных приходилось всего 22 домовладельца и 12 земледельческих хозяйств. На каждого ссыльного приходилось 1,3 десятины обрабатываемой земли и менее одной лошади и коровы. Из 100 ссыльных 57 находились в неизвестной отлучке и на заработках. Многие ссыльнопоселенцы работали на золотых приисках.

«Частные предприниматели, — писал В. И. Семевский, — имели под рукой готовый контингент рабочих пролетариев в виде ссыльнопоселенцев, которые составляли в 1834 г. 82% всех сибирских приисковых рабочих; правда, число их постепенно уменьшалось; в 1847 г. на промыслах Енисейской губернии их было 68%, в 1850 г. — 53%, но и по перечислению в крестьяне поселенцы все же сплошь и рядом нуждались в заработках на приисках; с своей стороны золотопромышленники предпочитали поселенцев, как более стоворчивых рабочих, людям полноправным, да и из их среды бездомным поселенцам отдавалось предпочтение пред людьми более обеспеченными».⁸⁶

В последующие годы в золотодобывающей промышленности Сибири удельный вес рабочих из ссыльнопоселенцев уменьшился, и главную массу рабочих на золотых приисках составляли вольные рабочие из крестьян и мещан. По данным годовых отчетов, в конце XIX в. на золотых приисках

⁸⁶ В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 1. СПб., 1898, предисловие, стр. XXXI.

Восточной Сибири ссыльнопоселенцы составляли всего пятую часть приисковых рабочих.⁸⁷

Аналогичный процесс формирования рабочих протекал на предприятиях металлургической, соледобывающей, винокуренной промышленности: численность ссыльнокаторжан и ссыльнопоселенцев уменьшилась, и главную массу рабочих составляли вольные рабочие из крестьян и мещан. Изменение состава рабочих явилось результатом тех социально-экономических сдвигов, которые переживала российская деревня в период ее капиталистического развития и которые стали наиболее ощутимыми в конце XIX в.

Реформа 1861 г. на первых же порах создала резервную армию труда, в несколько раз превышающую уже занятых в промышленности рабочих. Кроме того, эта реформа способствовала ускоренному расширению внутреннего рынка. Сельское хозяйство в пореформенное время становилось все более товарным, что приводило к разложению мелких товаропроизводителей, отделению их от орудий и средств производства, к распаду на классы буржуазного общества. Непрерывно росла резервная армия труда.

В Сибири классовое расслоение деревни усиливалось ссылкой и переселением крестьян из Европейской России. Наличие большого количества ссыльнопоселенцев и новоселов обесценивало труд батраков из местных крестьян.

Пролетариат Сибири формировался в основном за счет местного населения края. Громадное расстояние, отделявшее Сибирь от густонаселенных губерний Европейской России, отсутствие хороших путей сообщения препятствовали притоку рабочей силы из этих районов страны. Он усилился уже после проведения Сибирской железной дороги. В промышленности Сибири к концу века работали выходцы из 60 губерний России. Из 10 губерний Сибири на заработки уходили преимущественно жители Иркутской, Тобольской, Томской и Енисейской губерний, а из Европейской России наибольшее число рабочих давали Нижегородская, Пермская и Сибирская губернии. Острая нужда заставляла деревенскую бедноту покидать родные селения и уходить на заработки.

Процесс формирования постоянных кадров рабочих проходил крайне медленно. Сезонный характер золотодобывающей промышленности, тяжелые условия труда вызывали значительный отход рабочих с золотых приисков и обусловили текучесть рабочих кадров. По подсчетам Е. Н. Коренева, 82% рабочих проработали на Ленских золотых приисках менее 3 лет.⁸⁸ Вместе с тем часть рабочих находилась на приисках пожизненно. В этом проявлялся, хотя и медленный, процесс формирования кадров постоянных рабочих. Такой процесс наблюдался также на металлургических, солеваренных, винокуренных заводах и других предприятиях. В результате опроса Е. Кореневым 3678 рабочих из крестьян сибирских губерний, работавших на Ленских золотых приисках, оказалось, что 7.28% рабочих были безземельными, 11.63% рабочих имели наделы менее одной десятины, 21.45 — от 1 до 2 десятин, 21.5 — от 3 до 4 десятин, 10.8% — от 4 до 5 десятин, свыше 5 десятин земли было только у 4.28% рабочих.⁸⁹

Примерно такое же распределение рабочих было и по обеспеченности лошадьми и крупным рогатым скотом. Около одной четвертой части рабочих из Сибири не имели в хозяйстве лошадей, 24.9% рабочих имели только по одной лошади, 24 — по 2 лошади, 10.98 — по 3 лошади, и

⁸⁷ С. Ф. Хроленок. К вопросу о формировании пролетариата в золотой промышленности Восточной Сибири во второй половине XIX в. (1860—1900). Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 182—183.

⁸⁸ Е. Н. Коренев. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимо-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903, стр. 169.

⁸⁹ Там же, стр. 38—39.

у 15.86% рабочих было по 4 и более лошадей. Около одной четвертой части рабочих сибиряков были бескоровными, у 29.5% было по одной корове, у 18.76% — по 2 коровы, и у остальных рабочих в хозяйстве было по 3 и более коров.⁹⁰

По данным Е. Коренева, полученным в результате обследования 2214 рабочих из Европейской России, главную массу пришлых рабочих составляли крестьяне без надела (9.08%) и имевшие незначительные наделы размером менее одной десятины (43.11%) или 1—2 десятины (32.8%). Наибольшее число выходцев из центральных губерний — 42.04% — были безлошадными, а 43.9% рабочих имели по 1—2 лошади. Менее половины рабочих (42.05%) не имели коров и 49.82% рабочих имели в хозяйстве только по 1—2 коровы. Сами рабочие объясняли свой уход на заработки тем, что «дома нечего есть, надел настолько мал, что хлеба хватает лишь до Никола зимнего», до 6 декабря, «пал скот», положение стало тяжелым и на месте заработок найти трудно, а «на шее много ртов сидит».⁹¹

Таким образом, часть рабочих золотодобывающей промышленности Сибири потеряла всякую связь с сельским хозяйством и жила исключительно продажей рабочей силы, другая группа рабочих покрывала расходы продуктами своего земледельческого хозяйства и отхожим промыслом и создавала тот тип «наемных рабочих с наделом», который В. И. Ленин считал одним из основных источников формирования промышленного пролетариата. Давая основные признаки этого типа и раскрывая особенности его положения, В. И. Ленин писал: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы (= «промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа».⁹²

Положение рабочего класса России определялось крайне сложными и противоречивыми условиями, какие создавались развитием капитализма в стране с обильными остатками крепостнических отношений, которые в свою очередь задерживали развитие капитализма. Характеризуя положение рабочего класса России, В. И. Ленин подчеркивал, что «...ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые „страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма“».⁹³

Эта характеристика относится и к рабочим Сибири. В газете «Енисей» за 1899 г. сообщалось, что «на заводах Сибири до сих пор царит в полном разгаре самопроизвол и эксплуатация труда». Автор корреспонденции приводил пример солеваренного завода, расположенного в Минусинском уезде: «Здесь бедный рабочий люд, загнанный сюда нуждою, помещается в каких-то земляных норах, вырытых на берегу озера, стены и потолки которых закреплены каким-то хламом, без всякой крыши и пола».

На кожевенных заводах Тобольской губернии «заводские здания представляют плетеные или бревенчатые постройки, часто без полов, а иногда без потолков и без крыш; все отбросы оставляются около строений, и потому всюду вонь и грязь; рабочие не имеют отдельных помещений и живут там же, где выделываются кожи, овчины, валенки и т. п.».⁹⁴

⁹⁰ Там же, стр. 41.

⁹¹ Там же, стр. 39—41.

⁹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 170.

⁹³ Там же, стр. 601.

⁹⁴ П. Головачев. Сибирь, стр. 240.

На металлургических заводах рабочим приходилось работать в непосредственной близости к раскаленным печам и постоянно вдыхать ядовитые газы, выделяемые расплавленным металлом и шлаками. Ввиду отсутствия самых элементарных мер безопасности рабочему на каждом шагу угрожало увечье.

Работы на алтайских заводах и рудниках были опасны не только для здоровья, но и для жизни рабочих. Об этом свидетельствуют следующие данные о несчастных случаях с рабочими:⁹⁵

	Убито	Изувечено
1884 г.	95	118
1885 г.	74	74
1886 г.	13	303

На золотых приисках не было техники для откачки грунтовых вод, и рабочим приходилось работать в холодной воде и грязи под открытым небом. В некоторых районах золото добывалось подземным способом в условиях вечной мерзлоты. Для оттаивания породы прибегали к «пожогам». В шахтах скапливался углекислый газ, что приводило к систематическим отравлениям рабочих. Им приходилось работать в течение 10—12 часов в сырых забоях без специальной водонепроницаемой одежды. Тяжелые условия труда приводили к массовым заболеваниям и подрывали здоровье рабочих. По свидетельству М. В. Загоскина, «работы на приисках нелегки: рабочие встают с зарею и отправляются в разрезы, часто затопленные водой и наполненные грязью. Отдыха им дается не более 3 часов в течение рабочего дня, который считается в 18 часов — от 3 утра до 9 часов вечера. Пища на приисках почти везде довольно хорошая. Но тяжелые работы во всякую погоду и во всегдашней сырости производят губительное влияние на здоровье. После 5—6 лет такой жизни рабочий становится если не калекой, то никуда негодным, кроме разве службы где-нибудь в караульных».⁹⁶

Важнейшим фактором, определяющим положение рабочих, является продолжительность рабочего дня.

В царской России после реформы 1861 г. 12-часовой рабочий день становится «нормой». Позже по мере развития крупной промышленности рабочий день стал увеличиваться и к 80-м годам он достиг на многих предприятиях 14—16 часов. То же самое наблюдалось и в Сибири.

На рудниках и заводах Алтайского горного округа и на предприятиях обрабатывающей промышленности рабочий день продолжался 12 часов, на приисках Енисейской губернии — 13—14, на Ленских золотых приисках — 12—13 часов. На отдельных предприятиях рабочий день достигал 15—16 часов.⁹⁷

В Алтайском округе заводские рабочие получали от 80 до 200 руб. в год. Высшую ставку — 240 руб. — имели сереброплавильные мастера. На рудниках преобладала сдельная оплата труда. В среднем рудокопы зарабатывали от 60 коп. до 1 руб. в день.

По официальным отчетам, заработная плата рабочих золотых приисков Сибири по сравнению с другими категориями рабочих России была выше и составляла в среднем в год 200—300 руб., а на некоторых приисках даже 500—600 руб. Однако официальные данные не отражают истинного положения дел. Фактически заработная плата была ниже. Рабочие прихо-

⁹⁵ «Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа», под ред. П. А. Голубева, Томск, 1890, стр. 407.

⁹⁶ М. В. Загоскин. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск, 1870, стр. 95.

⁹⁷ ГАИО, ф. 712, оя. 2, д. 1556, лл. 66—67; д. 612, лл. 96—99.

дили на прииски с долгом золотопромышленникам. Они при заключении контрактов получали задатки на погашение недоимок, одежду по коммерческим ценам. Долг возрастал по пути следования на прииски. Его приходилось отрабатывать длительное время.

Наряду с денежной существовала натуральная оплата труда, которую рабочие получали в счет заработка товарами из приисковой лавки по ценам, значительно превышающим цены товаров в жилых местах. В дополнение к хозяйским харчам рабочие выписывали пшеничную муку, чай, сахар, масло, приобретали одежду. Приисковые лавки золотопромышленников служили дополнительным средством эксплуатации рабочих.

Одним из средств понижения заработной платы и усиления эксплуатации рабочих были штрафы. В. И. Ленин в статье «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» показал связь штрафов с экономическим и политическим положением рабочих в стране. В. И. Ленин писал, что штрафы появились вместе с крупным капитализмом, с полным расколом между капиталистами и рабочими, они явились результатом полного развития капитализма и порабощения рабочего.

На золотых приисках штрафы налагались совершенно произвольно и по самым разнообразным поводам. На заводах Алтайского округа размеры взысканий и штрафов назначались по усмотрению управляющих заводами. На одних заводах единовременные штрафы с рабочего составляли от 25 коп. до 1 руб., на других — от 50 коп. до 6 руб. С рабочих взыскивались «неустойки» за нарушение контракта по найму. Он заключался на срок от одного года до трех лет. Если заводская администрация считала, что рабочий нарушил условия контракта, с него взыскивали «неустойку» в размере 25 руб., кроме штрафов и неотработанных задатков.

Капиталисты заманивали рабочих на прииски обещаниями особо оплачивать найденные ими самородки золота свыше, например, золотника. Рабочие выбивались из сил, чтобы повысить свой заработок, но находить самородки удавалось немногим. «Чаще всего рабочие не только ничего не выносят с приисков, но выходят оттуда с долгами с тем, чтобы, отдохнув месяц-другой, снова отправляться туда же отрабатывать свой долг».⁹⁸ Это выразительно отмечено в песне енисейских рабочих:

Много денег нам сулили,
Только мало получили,
Вычет одолел.
Давай выпьем на остатки...
И возьмем опять задатки
И айда в тайгу...⁹⁹

Обычным типом жилья на золотых приисках были бараки без пола с маленькими, едва пропускавшими свет окнами и с нарами в один-два ряда. Заселялись бараки сверх всяких норм, холостые и семейные жили вместе. Летом в бараках было невыносимо душно, а осенью и зимой холодно.

«Рабочие не имеют своей постоянной койки: один день в комнате спит 20 человек, а на другой день собирается до 40... В ныне существующих казармах невозможно соблюдение опрятности и чистоты воздуха: железная печь, находящаяся посредине комнаты, кроме отопления, служит и для приготовления пищи, на ней же рабочие сушат белье и обувь. Варка пищи и развешанные всюду грязные тряпки распространяют такой тяжелый запах, что даже летом, когда окна и двери постоянно открыты, при посещении казармы нельзя не испытывать неприятного чувства, какой же

⁹⁸ М. В. Загоскин. Иркутск и Иркутская губерния, стр. 95.

⁹⁹ Приисковая песня (сложенная рабочими). В кн.: Отголоски Сибири. Под ред. Ивана Брута. Томск, 1889, стр. 85—86.

воздух должен быть зимой?!.. Двери из жилых комнат выходят прямо на улицу, нет ни сеней, ни коридора; при непрерывном хождении взад и вперед двери беспрерывно отворяются; на пороге комнаты накапливается отбиваемый с ног снег, который замерзает и мешает закрывать плотно дверь, вследствие чего образуются щели, через которые холодная струя воздуха пронизывает спящих людей». Так характеризовал жилищные условия рабочих чиновник особых поручений Калагеорги.¹⁰⁰

Печальна была участь заболевших рабочих. На многих приисках не было ни медицинского персонала, ни медикаментов, ни медицинских инструментов. Один врач приглашался на несколько приисков. В середине 80-х годов на всех приисках Восточной Сибири было всего 7 врачей. Крайне низкой была подготовка фельдшерского состава. «Уровень знаний и практической опытности у огромного большинства фельдшеров ниже всякой критики. Фельдшера эти — или поселенцы, или отставные солдаты, большинство из них не имеет никакого диплома, и неизвестно, где и когда почерпнули они свои медицинские знания».¹⁰¹

В целях обогащения капиталисты бесчеловечно эксплуатировали рабочих. «Капитал, — писал К. Маркс, — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».¹⁰²

Рабочие эпохи капитализма были не только объектами эксплуатации со стороны капиталистов. Возрастала производственная и общественная роль рабочего класса как создателя материальных ценностей и борца против эксплуатации. Рабочие нового периода отличались от работных людей эпохи феодализма. Те были пожизненно со своими потомками прикреплены к казенным и кабинетским заводам и рудникам. Их сковывал военно-полицейский режим. Большинство из них не бывало дальше своей околицы. Социальный протест мастеровых эпохи феодализма выражался в побегах, подаче прошений-жалоб властям, а временами в стихийных бунтах, в расправах с ненавистными чинами администрации и полиции. Рабочие эпохи феодализма еще не составляли особого общественного класса. Это были предшественники пролетариата — полупролетариат. «... при крепостном праве, — писал В. И. Ленин, — о выделении рабочего класса из общей массы крепостного... сословия не могло быть и речи».¹⁰³

Развитие капиталистической промышленности сопровождалось образованием нового общественного класса — пролетариата, лишенного средств производства, живущего за счет продажи своей рабочей силы капиталистам. Падение крепостного права внесло изменения в положение рабочих. Они стали лично свободными, получили свободу занятий, передвижения. Расширялся кругозор рабочих — бывалых и много повидавших людей. С ростом машинного производства повышалась их квалификация, грамотность, возрастала взаимная солидарность, сплоченность. Она особенно проявилась в распространении специфически пролетарского средства борьбы — стачек.

Промышленность Сибири развивалась медленнее, чем в центральных районах России, ранее освоенных капитализмом. Капиталисты центра, используя свою экономическую мощь, тормозили развитие промышленности Сибири, чтобы устранить конкуренцию, сбывать на сибирских окраинах собственные товары по повышенным ценам, за бесценок получать пушнину, сырье, использовать золото и другие ценные металлы.

¹⁰⁰ ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 612.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1952, стр. 238.

¹⁰³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

При сравнительно малой заселенности Сибири рынок сбыта для изделий промышленности был ограниченным. Плохие пути сообщения губительно сказывались на предпринимательской инициативе. Медленность и дороговизна доставки грузов, оборудования, машин приводили к тому, что устройство промышленных предприятий обходилось дороже, чем в Европейской России. Огромные запасы руд и каменных углей использовались в малой степени.

В последней четверти XIX в. в результате введения машин и технических усовершенствований на крупных золотых приисках и металлургических заводах там проявлялись признаки промышленного переворота, но он не охватил в целом промышленность Сибири. В ней преобладали мелкие предприятия мануфактурного типа. Действительный и глубокий переворот в технике промышленного производства совершился в Сибири уже в годы Советской власти.

Вследствие слабого развития промышленности в Сибири промышленный пролетариат формировался здесь замедленными темпами. Но и на сибирских окраинах России рос рабочий класс, повышалась его общественная роль, развивалась борьба между пролетариатом и буржуазией.

4. ТОРГОВЛЯ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗИЯ

В пореформенный период в Сибири значительно оживляется торговля. Развивавшийся капитализм создавал рынок для своих фабрик и на сибирских окраинах России. Расширению товарного обращения, внутреннего рынка способствовали также развитие золотодобывающей промышленности, рост городского и торгово-промышленного населения, распространение отхожих неземледельческих промыслов. Развитие торговли стимулировало внедрение товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, разложение его патриархально-натурального уклада, рост товарного земледелия, скотоводства и промыслов. Из Сибири вывозили золото, цветные металлы, пушнину, сырье, продукцию сельского хозяйства и промыслов. На сибирские окраины поступали фабрично-заводские изделия из Европейской России и некоторые товары из зарубежных стран.

При отсутствии железной дороги, плохих путях сообщения, удаленности многих районов от торгово-промышленных центров видную роль играла ярмарочная, базарная, торжковая, развозная торговля. В северных районах Сибири существовала наряду с товарно-денежной меновая форма торговли. Масса товаров и сырья проходила через крупнейшие ярмарки — Ирбитскую и Нижегородскую — и сеть более мелких ярмарок, базаров и торжков. На Ирбитскую ярмарку в период ее расцвета съезжалось до 10 000 человек из Приуралья и Сибири. Максимального предела привоз товаров достиг в 1885 г. (на 69 000 000 руб.), когда максимальной была и продажа (65 700 000 руб.). В дальнейшем привоз и продажа товаров начали падать. С доведением железной дороги до Тюмени и Златоуста часть товаров стала поступать в Сибирь и вывозиться из нее, минуя Ирбитскую ярмарку. Сказалось также развитие морской торговли через порты Тихого океана. В 1891 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено товаров на 45 000 руб. и продано на 39 000 руб.

На первом месте по распространению ярмарочной торговли стояла Тобольская губерния. Здесь к концу XIX в. насчитывалось 567 ярмарок с оборотом в 10 300 000 руб. За Тобольской следовали Томская губерния (68 ярмарок), Енисейская (13), Иркутская (12), Якутская область (5) и Забайкалье (3). В Амурской и Приморской областях ярмарок не было. Общий оборот ярмарочной торговли в Сибири составлял 33 000 000 руб., или от 1/3 до 1/4 сибирского торгового оборота.

На состоянии ярмарочной торговли сказывались урожайность сельскохозяйственных культур, в прямой зависимости от которой находилась покупательная способность сибирских крестьян, торговая конъюнктура на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, откуда шла основная масса товаров в Сибирь, и состояние внешней торговли России в тот или иной период.

Центральное место в торговых оборотах занимала городская торговля. Города Сибири играли роль торговых посредников, распределителей различных товаров.

Основная масса товаров закупалась в Москве, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Закупка производилась преимущественно летом, чтобы успеть доставить товар до Томска водным путем. В Томске значительная часть товаров, предназначенных для Восточной Сибири, лежала до начала зимнего пути, так как летняя доставка обходилась дороже.

«Дверью» из Европейской России в Сибирь считалась Тюмень. Здесь начинался водный путь до Томска. Через Тюмень проходил и Московско-Сибирский тракт. От этого города в разные стороны направлялись по Туре, Тоболу, Оби и сухопутным путем товары, поступающие из Европейской России. В 1885 г. была проведена железная дорога от Перми до Тюмени.

Из городов Западной Сибири Тобольск, имевший в XVII—XVIII вв. большое торговое значение, в дальнейшем оказался в стороне от главного Сибирского тракта и утратил свою прежнюю роль. Торговые операции Тобольска ограничивались преимущественно примыкавшим к нему округом и северной частью Тобольской губернии. Тобольск был резиденцией крупных рыбопромышленников, базой снабжения рыбных промыслов в низовьях Оби. В Тобольске производился наем рабочих на эти промыслы.

Видное место в ярмарочной торговле принадлежало Ишиму, где ежегодно происходили одна из главных ярмарок Сибири — Никольская — и две ярмарки местного значения. Через Ишим из степных районов, среди которых он расположен, происходил сбыт сала, коровьего масла, кожи сырка, овчин. Большие партии этих товаров продавали в Ирбит, Екатеринбург и Оренбург. На Никольскую ярмарку прибывало до 2000 купцов.

Оживленным пунктом торговли продуктами земледелия и скотоводства был Курган, от которого начиналось судоходство и пароходство по Тоболу. Через этот город происходила торговля хлебом в зерне и муке, салом, кожами, коровьим маслом, картофельной патокой. В большом количестве продавалась мука — крупчатка, смолотая на паровых мельницах.

Крупным складочным и товарораспределительным центром общесибирского значения был г. Томск. Туда поступали речным путем и размещались в складах большие партии товаров, прибывших через Тюмень из Европейской России. Одна часть этих товаров продавалась в Томске и Томской губернии, другая отправлялась по Московско-Сибирскому тракту дальше — в Восточную Сибирь, вплоть до Иркутска. Через Томск совершались операции главных фирм, торговавших в Сибири.

Административно-организационным центром Алтайского горного округа с 1771 г. был г. Барнаул. Во второй половине XIX в. на Барнауле отразился упадок кабинетской промышленности на Алтае. Пала производительность Барнаульского сереброплавильного завода, а в 1893 г. его закрыли. Затем он был переоборудован в лесопильный. Барнаул стал главным торговым центром Степного Алтая. Обширные размеры приняла торговля хлебом благодаря движению хлебных грузов с верховьев Оби, на которой стоит Барнаул. В этом городе развивались также мукомольное, пимокатное, овчинно-шубное, кожевенное производства. Барнаул славился овчинными шубами, окрашенными в черную невыцветающую краску (барнаулки), и «пимами» — белыми валенками.

Другой город Алтайского округа — Кузнецк — имел земледельческо-торговый характер. Главное занятие его жителей составляли земледелие, скотоводство, пчеловодство. Кузнецкие купцы скупали хлеб, скот, пушнину, кедровый орех, воск, сало, мед у крестьян и продавали эти товары в Томск, Ирбит и на золотые прииски.

Омск до проведения Сибирской железной дороги развивался как административно-военный центр. До 1882 г. он был резиденцией Главного управления Западной Сибири, а затем — генерал-губернатора Степного края, состоявшего из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Одновременно Омск представлял центр Акмолинской области. В Омске находились краевые и областные канцелярии, Войсковое казачье управление, Сибирский кадетский корпус, интендантство. Значительную часть населения Омска составляли чиновники и военные. Мещане и крестьяне, жившие в Омске, занимались преимущественно земледелием и скотоводством. В 1883 г. в Омске торговало 116 купцов, но крупных торговых фирм не было. Торговая роль Омска возрастает уже после проведения Сибирской железной дороги.

Для подтаежного Прииртышья главным торговым пунктом была Тара. Через нее окрестное население снабжалось промышленными товарами, поступавшими в город. Через Тару производилась на трех ярмарках скупка и перепродажа скота, сала, масла, кож, пушнины, хлеба.

Важным пунктом торговли с жителями Киргизской степи был Петропавловск. Торговля выражалась в закупке скота и продуктов скотоводства и продаже металлических изделий, ситца, сукна, выделанной кожи, хлеба, а также среднеазиатских товаров: бумажных и шелковых материалов, халатов, ковров, поступавших из Семиречья, Ферганской области, Ташкента и Бухары.

Красноярск, Енисейск и Минусинск являлись основными торговыми пунктами Енисейской губернии и базами снабжения золотых приисков.

Главным торговым, товарораспределительным центром Восточной Сибири еще со второй половины XVIII в. стал Иркутск. Половина товаров, доставленных в Иркутск, отправлялась затем в Забайкалье и Приленский край. Ежегодно в Иркутске происходила оживленная ярмарка. Через Иркутскую таможню проходили товары, отправленные в Китай и Монголию и поступавшие из этих стран.

В торговле на Северо-Востоке Сибири центральное место принадлежало Якутску.

В Забайкалье основные торговые операции концентрировались в Верхнеудинске, Троицкосавске с торговой слободой Кяхтой, Чите и Нерчинске. Верхнеудинская ярмарка была регулятором цен для всего Забайкалья.

Возрастала торговая роль новых городов на дальневосточных окраинах России: Владивостока, Хабаровска, Благовещенска. За 15 лет (1887—1902 гг.) население городов Амурской и Приморской областей «увеличилось более чем втрое, число зданий — также втрое, число прибывших торговых судов — в пять раз».¹⁰⁴ Во Владивостокский морской порт ежегодно приходило до 400 русских и иностранных судов.

Небольшими торговыми пунктами местного значения были города Ялуторовск, Марининск, Каинск, Ачинск, Канск, Нижнеудинск, Балаганск, Верхолениск, Киренск.

С развитием капитализма заметно увеличилось население сибирских городов. По ревизии 1858 г. в городах Сибири насчитывалось 201 800 чел., а по всероссийской переписи 1897 г. — 554 713.

Во второй половине XIX в. в наибольшей степени возросло население городов Томска, Иркутска, Омска, Тюмени, Барнаула, Красноярска, Бийска, Благовещенска, Владивостока, Хабаровска.

¹⁰⁴ П. Головачев. Сибирь, стр. 284.

Количество жителей в городах было следующим:

	1851 г.	1897 г.
Томск	13511	52210
Иркутск	16795	51473
Омск	13233	37376
Благовещенск	—	32834
Тюмень	9674	29621
Барнаул	10047	21073
Владивосток	—	28933
Красноярск	6109	26699
Тобольск	15359	22752
Бийск	2677	17213
Хабаровск	—	14970 ¹⁰⁵

Из небольшого селения, назначенного в 1851 г. административным центром Забайкальской области, вырос г. Чита, имевший в 1897 г. 11 520 жителей. По количеству населения Чита стала превышать старинные города Забайкалья — Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск. Немного увеличилось население Якутска: с 3757 жителей в 1835 г. до 7097 в 1901 г.

С 1858 по 1897 г. население в городах Сибири возросло более чем в два раза, развивалась городская торговля, но дореволюционные сибирские города даже после проведения железной дороги не стали промышленными центрами. Даже в 1914 г. «Азиатская Россия» писала, что, несмотря на быстрый рост сибирских городов, они пока являются преимущественно городами торговыми. Фабрично-заводская промышленность в Сибири развивается слабо (по сравнению с Европейской Россией).¹⁰⁶

Наряду с крупной промышленностью существовала и легкая промышленность мануфактурного типа, а также ремесленные заведения.

При огромных расстояниях и затруднительности сообщений доставка товаров в Сибирь требовала значительных средств. Это обстоятельство замедляло оборот товаров, удорожало их, суживало товарный рынок. Доставка товаров от Москвы до Иркутска стоила от 4 до 7 руб. за пуд. Доставка массы товаров на дальние расстояния, расходы, связанные с этим, были доступны лишь крупным торговым фирмам.

В Сибири установилось господство купцов-монополистов, захвативших городскую торговлю. Они диктовали высокие цены, наживая огромные барыши. Крупные сибирские торговые фирмы, например «Торговый дом братьев Второвых» и др., занимались продажей европейских товаров, скупкой по дешевым ценам пушнины, продуктов сибирского сельского хозяйства и золота и ростовщичеством.

Развитие торговли некоторых сибирских городов стимулировалось ростом золотопромышленности. Через Енисейск и Иркутск ежегодно проходили на прииски миллионы пудов товаров.

В крупных городах Сибири торговля производилась в лавках, магазинах и на городских базарах, действовавших круглый год. Вокруг городов Сибири создавалось кольцо предпринимательских земледельческих хозяйств. Крестьяне подгородных сел были тесно связаны с рынком. У них развивалось торговое земледелие (огородничество), приобретающее капиталистический характер.

Подавляющая масса населения Сибири удовлетворяла свои экономические потребности через лавочную и развозную торговлю лавочников,

¹⁰⁵ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг., стр. 561; Города Сибири. В кн.: Сибирская Советская энциклопедия, т. 1. Новосибирск, 1929, стр. 706.

¹⁰⁶ Азиатская Россия, т. I, стр. 295.

скупщиков, прасолов и кулаков. Лавочная торговля была распространена в городах и при трактовых селах, а развозная обслуживала сельские и отдаленные глухие районы Сибири. Она обычно соединялась с ростовщичеством и спаиванием населения. Торговля в Сибири проникала в самые глухие и отдаленные места, втягивая в торговый оборот патриархальное крестьянское хозяйство, принося торговцам огромные барыши.

Цены на сельскохозяйственные продукты находились в прямой зависимости от состояния связи с рынками сбыта.

Несовершенство путей сообщения в Сибири затрудняло связь крестьянского хозяйства с внутренним рынком, усиливало зависимость его от торгово-ростовщического капитала. В таких условиях преимущества крупного сбыта над мелким давали себя знать особенно сильно. Лавочники, пользуясь своей торговой монополией, старались сбыть покупателям не только нужные товары, но и всякую ветошь в качестве дополнительной нагрузки на дефицитные изделия.

Купцы и кулаки отрезали крестьянина от рынка. С. Чудновский писал: «В ближайшие города, как и на ближайшие винокуренные заводы, производители из соседних селений доставляют еще иногда сами хлеб, хотя и самую ничтожную часть; весь же остальной хлеб проходит через руки *купцов-посредников*, чувствительно эксплуатирующих как производителя, так и потребителя...»

Посредники эти — страшная язва на крестьянском экономическом теле: пользуясь безысходной и безотлагательной нуждой крестьян в наличных деньгах — ради уплаты податей, эти пиявки ссуживают их кредитками за „скромные“ проценты — 100 на 100, закупают у них иногда весь хлеб на корню и доводят свою эксплуатацию до наивысшей интенсивности...

Из Кежемской волости (Енисейский округ) жаловались, что кулаки, пристраивающиеся к приискам в качестве „доставщиков“, значительно поднимают цены на хлеб».¹⁰⁷

Скупщик в 60—80-х годах стал центральной фигурой в развитии товарно-денежных отношений в сибирской экономике. В сети скупщиков попадали не только земледельцы, но и кустари, вынужденные за бесценок продавать им свои изделия. В Томской губернии, например, кустари, изготовлявшие дуги, сбывали свой товар городским или деревенским скупщикам, которыми являлись содержатели постоянных дворов на трактах. Скупщики произвольно снижали цены.

Большим злом для крестьян являлось ростовщичество, широко практикуемое кулаками, скупщиками, лавочниками. В поисках денег крестьяне нередко вынуждены были закладывать свои вещи, и этот заклад служил средством их закабаления.

Кабала вела неизбежно к обнищанию крестьянина, попавшего в ее сети, к разорению его хозяйства, к обогащению сельской верхушки, превращавшейся в буржуазию. По свидетельству Н. М. Ядринцева, «земледельческая кабала существует во многих местах Сибири... Рассматривая тип мироеда — земледельческого крестьянина, мы видим в нем соединение ростовщика, получающего плату и проценты трудом».¹⁰⁸ Торговцы и ростовщики давали крестьянам товарные и денежные ссуды под большие проценты и отработки.

Сибирские кулаки нередко выступали в роли скупщиков. Скупщики обычно появлялись в деревнях перед сенокосом, жнитвом, после уборки хлеба и с наступлением срока уплаты податей. Они забирались в самые глухие места Сибири и вместе с агентами золотопромышленников и вино-

¹⁰⁷ С. Чудновский. Енисейская губерния. Томск, 1885, стр. 122, 124.

¹⁰⁸ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, стр. 270 и 271.

торговцами скупали по дешевке хлеб. Торгово-ростовщические операции приносили верную прибыль, доходившую до 200—300%.

Характерными чертами сибирской торговли были кредит и монополия, что объясняется нехваткой капиталов и слабым развитием товарно-денежных отношений. Экономика Сибири во второй половине XIX в. находилась под все более растущим воздействием промышленного капитализма центральных губерний России, где особенно быстро развивалась текстильная промышленность.

«Возьмем, напр., — писал В. И. Ленин, — текстильную индустрию в начале пореформенной эпохи. Будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику), она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.»¹⁰⁹

Экономически неразвитые окраины имели узкий рынок. Поэтому средством реализации промышленных товаров в них являлся долгосрочный кредит, за который расплачивался потребитель — сибирский крестьянин. Для развития рынка и его стабилизации был необходим денежный кредит, но сеть кредитных учреждений в Сибири была неразвита.

Медведниковский банк в Иркутске выдавал ссуды предпочтительно иркутским купцам, мещанам и цеховым из 6% годовых. Банк принимал в учет векселя иркутских купцов, мещан, цеховых, а также иногородних купцов, имевших торговлю и постоянное жительство в Иркутске, брал в залог каменные дома, фабрики и заводы, участки в купеческих и мещанских гостиных дворах и базарах. С 1851 по 1874 г. общая сумма оборотов банка выросла с 0,3 до 6,8 млн руб.

В Томске были Общественный банк, отделения Государственного, а также Сибирского торгового банков с оборотом их касс около 66,3 млн руб. В Тобольске Общественный банк открылся в 1868 г. с капиталом в 10 000 руб. К 1875 г. капитал его вырос до 32 000 руб. В конце 70-х—начале 80-х годов в Западной Сибири было 11 банков. Некоторые губернские центры Сибири (Красноярск и др.) не имели своих банков.

Кредитные учреждения Сибири в какой-то мере удовлетворяли запросы верхушки городского купечества, а в деревнях и селах по-прежнему главным кредитором оставался ростовщик.

Ссудо-сберегательные кассы, рассчитанные на мелкий крестьянский кредит в Сибири, росли также медленно ввиду недостатка емких рынков сбыта для сибирских товаров и отсталости путей сообщения.

По Московскому тракту от Москвы до Кяхты шел основной грузопоток товаров внутренней и внешней торговли, торгово-пассажирское движение по тракту непрерывно увеличивалось. С 1887 по 1891 г. торговое движение по Иркутскому участку тракта выросло в 5 раз. Из Томска по Иркутскому тракту шло ежегодно до 70 000 возов (в том числе около 30 000 возов до Иркутска), что составляло 1,6—1,7 млн пуд. Из Восточной Сибири на Запад, по данным Томской городской управы, шло ежегодно более 1 млн пуд. груза, а через Томск в 1885 г. прошло 2 млн и в 1891 г. — 3 млн пуд. В Томскую губернию ежегодно прибывало 1,5 млн пуд. товаров, а сама она отпускала в Европейскую Россию и на Урал от 6 до 9 млн пуд. сырья. Эти последние грузы забирали пароходы. Скорость движения грузов была небольшой. В сутки обоз шел 45—

¹⁰⁹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 592.

55 верст, а при плохой дороге — 30—35 верст, находясь в пути соответственно 30—35 или 40—45 дней.

Почти пятая часть населения Сибири и седьмая часть населения Забайкалья была занята в «транспортной промышленности». Зажиточные притрактовые крестьяне и крупные транспортные фирмы (Кухтерина, Пушникова, Королева, Корнилова и др.), монополизировавшие перевозку грузов, осуществляли все транспортные операции: перевозку пассажиров, извоз (перевозку кладей) и дворничество (содержание постоянных дворов). Торговый капитал определил хозяйственную специализацию притрактовых сел; он же стал во главе социальной размежёвки их населения.

Тракт находился в плохом состоянии. «В продолжение всего года, — писал А. П. Чехов, проехавший по тракту, — дорога остается невозможной: весною — грязь, летом — кочки, ямы и ремонт, зимою — ухабы».¹¹⁰ Сибирские купцы стремились летом успеть доставить грузы до Томска водным путем. Здесь они оставались до зимы в ожидании саниго пути, по которому грузы следовали дальше на Восток. Через Томск проходило в год до 3 млн пуд. различных товаров. Зимой же следовали до Томска предметы сибирского вывоза, а весной они сплавлялись на Запад.

Особенно оживленным был Московский тракт зимой, когда по нему тянулись огромные обозы чая, пушнины, рыбы, кож, сала, масла и других сельскохозяйственных продуктов на Запад и промышленные товары — на Восток. Наибольшее количество гужевых перевозок приходилось на отрезок от Томска до Иркутска. По Московскому тракту шла значительная часть грузов, предназначенных для золотых приисков. Круглый год по тракту перевозились чай и пушнина, следовали пассажиры, мчались на перекладных многочисленные чиновники, медленно двигались партии ссыльных и переселенцев с Запада и меньшая часть их возвращалась обратно.

Грузопоток усиливался с каждым годом и служил мощным стимулом для развития в Сибири извозного промысла, которым занималось около 100 000 чел. Извозный промысел вызвал в притрактовых городах и селах развитие кузнечного, шорного, санного, бондарного и других ремесел. Он давал не только заработок местным жителям, но все более отрывал крестьян от земледелия, вовлекая их в товарно-денежные отношения и расширяя внутренний рынок на сельскохозяйственные продукты. Например, в Енисейской губернии в 1890—1891 гг. насчитывалось около 7000 хозяйств, занимавшихся извозом и дворничеством.

Притрактовые села отличались от других сибирских деревень как богатством своих построек, так и оживленностью и даже какой-то лихорадочной деятельностью. В притрактовой полосе гораздо сильнее, чем в других местах Сибири, были развиты товарно-денежные отношения; деньги не только делили жителей на богатых и бедных, они вносили новые, капиталистические, отношения между ними, отношения наемных работников и хозяев-предпринимателей.

Знаменитый своими скандальными похождениями и самодурством «король сибирских ямщиков», томский миллионер Евграф Кухтерин, начал свою деятельность как «чаерез», грабитель обозов на тракте, а закончил тем, что стал владельцем 3500 лошадей, на него работали 1500 ямщиков, его конторы были почти во всех сибирских городах. Наряду с Кухтериним на тракте хозяйничало множество и других более мелких предпринимателей, эксплуатировавших ямщиков и кустарей.

Бедняки не выдерживали конкуренции с богатыми извозопромышленниками, они являлись лишь поставщиками лошадей и съестных продуктов. В притрактовых селах сосредоточилась основная масса торговых заве-

¹¹⁰ А. П. Чехов. Из Сибири. Путевые очерки и письма. Иркутск, 1946, стр. 35.

дений и кабаков. Население, занятое извозом и промыслами, обслуживающими его, предъявляло спрос на сельскохозяйственные продукты, расширяя тем самым внутренний рынок. Но в извозном промысле Сибири хозяйничал мироед, лавочник, скупщик, подрядчик и ростовщик. Чаще всего этим занимались содержатели постоянных дворов, которые закабалили извозчиков и кустарей.

Гужевые пути в Сибири были совершенно неразвиты, что удорожало транспортировку товаров, цена доставки которых нередко превышала стоимость их изготовления. Золото, пушнина, чай, мануфактура выдерживали тяжесть и дороговизну перевозки по Сибири. Транспортировка хлеба, кожи, сала и других продуктов сельского хозяйства оказывалась нерентабельной.

С ростом торгового и пассажирского движения в Сибири все большее значение приобретал водный транспорт. С 1860 по 1891 г. число пароходов Западносибирского речного флота увеличилось в 6 раз (с 12 до 73), а мощность их — в 4,5 раза, достигнув в 1891 г. 4589 лошадиных сил. Грузооборот Западносибирского пароходства на примере вывоза из г. Ирбита с 1866 по 1889 г. увеличился в 6 раз (со 125 до 800 тыс. пуд.). Одновременно появилось и развивалось амурское судоходство, в Амурском флоте в 1889 г. было 40 пароходов на 3304 лошадиные силы и 43 баржи. В конце 80-х—начале 90-х годов XIX в. в этих пароходствах преобладали небольшие, нескладно скроенные и слабосильные буксирные пароходы: в Западносибирском речном флоте — 60-сильные, а в Амурском — 40-сильные, тогда как для плавания по основным магистралям на дальние расстояния требовалась мощность до 100—120 лошадиных сил и более. Увеличение числа и мощности пароходов сопровождалось удлинением их рейсов: в 60—70-х годах осваивались Тура, Ница, Иртыш, Обь, Енисей, Чулым, Кеть, Кия, Амурская водная магистраль. Возрастало пароходство по Ангаре, Байкалу и Лене.

Развитие речного флота, однако, резко отставало от экономических потребностей Сибири и Дальнего Востока. На 8000 верст водных путей Западной Сибири в 1891 г. приходилось всего 73 парохода, в том числе только 32 парохода могли совершать дальние рейсы по основным магистралям, имелось 200—250 барж общей грузоподъемностью 1,2—1,5 млн пуд. На всю громадную речную сеть Западной Сибири приходилось всего 3 инженера, не имевших в своем распоряжении ни пароходов, ни денег, ни лошадей, ни лоцманов, чтобы изучить фарватеры рек.

В Восточной Сибири курсировало по Енисею 25 пароходов, по Лене — 27, по Байкалу — 15. В бассейне Амура к началу XX в. насчитывалось около 120 пароходов.

Все Сибирское пароходство фактически ускользало от правительственного надзора, находясь в руках кучки монополистов-пароходчиков. Они произвольно устанавливали монопольно высокие фрахты, количество и род грузов, подлежащих перевозке, число судов, которые должны заниматься перевозками. Пароходчики искусственно увеличивали залежи грузов для взвинчивания фрахтов, принимали частные грузы без гарантии за их сохранность и срочность доставки, нередко бросали их, где придется, для освобождения баржи под грузы, купленные ими самими. Все это оказывало отрицательное влияние на развитие торговли и промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Неразвитые пути сообщения в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XIX в. пришли в несоответствие с потребностями развития русского капитализма. Вместе с тем отсутствие прочной связи Европейской России с дальневосточными странами встало в резкое противоречие с новыми тенденциями в мировой политике, характеризующейся перемещением ее центра в бассейн Тихого океана. Развитие международных отношений на Дальнем

Востоке не раз на протяжении XIX в. остро ставило вопрос о коренном улучшении стратегических сообщений. В строительстве Сибирской магистрали и развитии переселенческого движения на восток уже со второй половины XIX в., как в фокусе, сосредоточилось решение многих проблем развития внутренней экономической и внешней политики России в Сибири и на Дальнем Востоке.

Через Сибирь происходила торговля России со странами Дальнего Востока. В отличие от торговли с западноевропейскими странами, где Россия выступала в качестве поставщика сырья, на Востоке она сбывала промышленные изделия, втягивая сопредельные страны в систему мирового капитализма. Экспорт России на Восток составлял около 10% вывоза, оказывал некоторое влияние на экономику Сибири.

Со второй половины XVIII в. установились довольно регулярные торговые связи России с Китаем через Кяхту, которая стала центром русско-китайского товарообмена. Через Кяхту вывозили в Китай русские товары: пушнину, изделия фабрично-заводской промышленности — сукна, плис, шерстяные, хлопчатобумажные и льняные материалы, писчую бумагу, зеркала, сундуки, металлические изделия. Затем шли полуфабрикаты — железо, медь и другие металлы, кожи, краски. Сбывались также скот и продукты скотоводства. Из Китая поступал преимущественно чай, затем бумажные (китайка, даба и пр.) и шелковые материалы, сахар-леденец и разные мелкие товары (фарфоровые изделия и др.). По мере развития мануфактур и фабрик в России привоз текстильных материалов из Китая уменьшился, но увеличилось поступление чая. В 80-х годах XIX в. чай составлял около 90% вывоза из Китая. В 1891 г. через Иркутскую таможню прошло 887 144 пуда чая.¹¹¹ Преобладал кирпичный чай, широко распространившийся в Сибири.

Главными центрами, куда доставлялся китайский чай, были Москва (80 000 мест — тюков), Нижегородская ярмарка (66 000 мест), Иркутская ярмарка (15 000 мест), города Сибири (10 000 мест), притрактовые селения (до 2000 мест). Из этих основных пунктов чай расходился по всей стране.

Во второй половине XIX в. в торговле через Кяхту произошли изменения. Открытие Суэцкого канала облегчило и ускорило сношения европейских стран с Китаем морским путем. Англия, США и другие страны увеличили ввоз товаров в китайские порты и вывоз из Китая. Чай и другие китайские товары начинают поступать и в Европейскую Россию морским путем через Одессу. В Одессе учреждается значительная коммерческая контора с целью торговли чаем морской доставки, которая ускоряла и удешевляла перевозку его из Китая в Европейскую Россию. Если прежде торговля с Китаем через Кяхту была приграничной и носила меновой характер, то с 1854 г. был разрешен промен китайских товаров на золото и серебро в изделиях, а затем с 1855 г. — в монетах. Русские купцы стали завозить товары непосредственно в Китай и закупать там чай, отправляя его из Ханькоу в Россию. В Китае начиная с 1863 г. возникают русские чайные фабрики и торговые конторы по вывозу чая.

С 1861 г. китайцам было разрешено производить беспошлинную торговлю в России на расстоянии 50 верст от границы. Затем Забайкалье и Амурский край были объявлены порто-франко — местами свободной беспошлинной торговли. Таможню из Кяхты в 1861 г. перевели в Иркутск.

Монополия Кяхты в русско-китайской торговле закончилась. Из главного центра этой торговли Кяхта к 70-м годам XIX в. превратилась в транзитный пункт.

¹¹¹ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 250.

С изменением путей торговли вывоз русских товаров в Китай через Кяхту уменьшился, а ввоз китайского чая увеличился. Дело в том, что морским путем вывозили главным образом более дорогой, байховый, чай, кирпичный же и «зеленый» чай, ставший предметом широкого потребления в России, продолжал в большом количестве поступать по традиционному пути через Кяхту. Спрос на чай возрастал.

С 1863 по 1892 г. было ввезено из Китая товаров на 415 500 000 руб., а вывезено на 83 500 000 руб.¹¹² Для покрытия торгового баланса в Китай вывозились (через Кяхту) драгоценные металлы (золото и серебро в монете, ямбовое серебро) и государственные кредитные билеты.

Торговля с Китаем имела определенное значение для Сибири. Она способствовала развитию извозного промысла, так как для перевозки товарных грузов требовались десятки тысяч лошадей. Для обшивки товарных мест в Кяхте ежегодно закупались десятки и сотни тысяч скотских кож. Сбыт в Китай выделанной кожи стимулировал развитие кожевенного производства. В Китай сбывалась мерлушка и пушнина. В Сибири продавалась часть товаров, поступавших из Китая, — чай, бумажные и шелковые изделия, сахар-леденец и др. Особенно крупные доходы кяхтинская торговля доставляла сибирскому купечеству.

Русско-китайская торговля имела важное значение и для Китая. Она способствовала росту торговых оборотов этой страны, извозно-караванного промысла, расширению чайных плантаций и мануфактурных предприятий. Торговля с Россией через Кяхту была монополией крупных китайских фирм.

Развивалась торговля с Монголией и тувинцами. Она осуществлялась вдоль южной границы через Кяхту, Иркутск, Бийск и другие пункты. В Забайкалье такими пунктами были Цурухайтуй, Абагайтуй, Цаган Олуй, Верхнеульхунская станица. В Монголию вывозились сукна, бумажные, льняные и пеньковые ткани, железо и металлические изделия, юфть и другие выделанные кожи, хлеб. Из Монголии поступали скот и продукты скотоводства.

Во второй половине 70-х годов бийские купцы начали торговать в Калгане, Куку Хото, Суджоу. Расширился ассортимент русских товаров за счет мануфактурных и железных изделий, бакалеи, галантереи и т. п. Большую прибыль приносила торговля пантами. Торговля с Монголией оказывала благотворное влияние на экономику г. Бийска и его округа. Из Монголии бийские купцы получали рогатый скот, а туда сбывали хлеб. К концу XIX в. общий оборот торговли с Монголией достигал 600 000 руб. в год.

Сибирско-тувинская торговля носила преимущественно меновой характер. Предметами обмена со стороны русских были бязь, миткаль, бисер, иголки, табак, свинец; со стороны тувинцев — овчины, мерлушки, пушнина. К концу XIX в. общий оборот по этой торговле составлял около 300 000 руб. в год.

В 70—80-х годах были сделаны попытки завязать торговые сношения Сибири с Западной Европой через устья Оби и Енисея. В 1879 г. англичанин Уиггинс, представитель Ливерпульского торгового дома, достиг устья р. Оби и произвел обмен товаров. В 1887 г. ему удалось добраться до Енисейска. В 1880 г. в Томск прибыло судно Кнопа, которое доставило иностранные тарелки, рюмки, стаканы, финики, рис, игрушки, зеркала. Датские купцы считали выгодной торговлю с Сибирью. В Дании было организовано Сибирское торговое общество с капиталом в 600 000 крон. Эта компания решила устроить свой опорный пункт в Томске, куда были

¹¹² И. А. Асханов. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в., стр. 468.

посланы специалисты по кожевенному делу и по производству мясных и рыбных консервов. Но в 1883 г. компания ликвидировалась, так и не наладив своего производства.

Английская компания «Феникс» получила от русского правительства право беспощинного ввоза в Сибирь товаров в течение 3 лет. Англичане продали в Енисейске и Красноярске мануфактурных товаров на 30 000 руб., закупив здесь хлеб, соль, кожи, шерсть и коровье масло.

Установление постоянных торговых связей через Северный морской путь тормозилось техническими причинами и недоброжелательным отношением торгово-промышленных кругов Европейской России, опасавшихся проникновения в Сибирь иностранцев.

Гораздо большего успеха иностранным торговцам удалось достичь на Дальнем Востоке. Царское правительство не смогло обеспечить местное население необходимыми товарами и стало на путь поощрения иностранной торговли, введя во Владивостоке порто-франко. Этим широко воспользовался немецкий торговый дом «Кунст и Альберс», занявшийся не столько доставкой сюда немецких товаров, сколько спекуляцией русскими товарами.

Иностранные товары поступали в Сибирь через Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск и Аян (Якутская область). Через Владивосток в 1887—1889 гг. ввозилось ежегодно товаров на сумму от 5 709 544 до 5 884 544 руб. Около 30% этих товаров поступало из Германии, 25 — из Европейской России, 13 — из Англии, 12 — из Китая, 13 — из Японии, 5% — из Америки.¹¹³ Размер вывоза товаров через Владивосток составлял ежегодно около 3 млн руб.

Внешнеторговый оборот всей сибирской сухопутной торговли достигал 27 млн руб., значительно уступая внутреннему обороту. Внешняя торговля играла ограниченную роль в экономическом развитии Сибири, способствуя, однако, известному накоплению капиталов и росту местной буржуазии.

В эпоху капитализма торговля в Сибири развивалась в более широких масштабах, чем в дореформенное время, и проникала в самые отдаленные уголки сибирских окраин. В нее вовлекались как крупные торговые фирмы, так и мелкие товарные хозяйства. Рост товарно-денежных отношений стимулировал развитие сельского хозяйства и промыслов, извоза, водного транспорта, в том числе пароходства. Возрастало население городов, увеличивалась их роль как торговых, товарораспределительных центров. С возрастанием торговли сибирских окраин с Европейской Россией связано начало телеграфного сообщения в Сибири. В 1862 г. проведена первая телеграфная линия от Екатеринбурга до Омска; в следующем году ее продолжили до Томска. В 1864 г. установилась телеграфная связь Иркутска с Петербургом. До этого из Петербурга в Иркутск и обратно скакали на перекладных фельдъегери и курьеры с депешами и эстафетами.

В 1883 г. сибирский историк И. В. Щеглов писал: «Ныне телеграфные сообщения имеются между многими городами Сибири: на западе телеграфные линии проведены в самую глубину Киргизской степи, а на востоке телеграфом соединен даже о. Сахалин. Но это только в южной полосе Сибири, в северной же части ее это дело еще только начинается; так, недавно только приступлено к устройству линии по направлению к Якутску и др.».¹¹⁴

Роль торгового капитала была противоречивой и двойственной. С одной стороны, он обслуживал процесс обращения товаров, способство-

¹¹³ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, стр. 246.

¹¹⁴ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, стр. 606.

вал росту торговых связей между Сибирью и Европейской Россией, разлагал натуральное хозяйство, стимулировал развитие товарного производства, товарно-денежных отношений на сибирских окраинах. Часть накопленного капитала вкладывалась в промышленность и пароходство.

С другой стороны, торговый капитал, монополизируя торговлю, сочетая торговые операции с безудержным ростовщичеством, эксплуатировал мелких производителей — крестьян, кустарей, охотников и рыбаков Севера, закабалял и разорял их. Торгово-ростовщический капитал ускорял концентрацию богатств в руках купцов-монополистов, обогащал городскую и сельскую буржуазию.

Преобладающая роль сельского хозяйства, слабое развитие промышленности и сравнительно широкий рост торговли определяли особенности формирования сибирской буржуазии. Для нее основными источниками накопления капиталов являлись торговля и торгово-ростовщические операции: скупка и перепродажа пушнины, продукции сельского хозяйства и промыслов, продажа по повышенным ценам товаров фабрично-заводского производства, поступавших из Европейской России, участие во внешней торговле.

Капиталисты центра стремились к устранению наиболее крупных конкурентов в Сибири. В этом отношении характерна судьба «Торгового дома братьев Бутиных». Бутины вели широкие операции по торговле хлебом и мануфактурными товарами, владели Николаевским железоделательным заводом, тремя винокуренными заводами, солеваренным заводом, имели золотые прииски в Забайкальской, Амурской и Приморской областях. Самую крупную часть капитала составлял торговый кредит, полученный в Москве, Нижнем Новгороде и за границей. При недостатке самостоятельной финансовой базы фирма после нескольких неурожаев и засухи, затруднявшей промывку золотоносных песков, оказалась несостоятельной, а ее предприятия перешли в распоряжение кредиторов, образовавших «администрацию по делам братьев Бутиных».

В Сибири еще не произошло отделения торгового капитала от промышленного. Для сибирского капиталиста было характерно объединение в одном лице купца и промышленника. Часть купцов имела промышленные предприятия: золотые прииски, железоделательные, винокуренные, солеваренные и другие заводы. Наиболее выгодными отраслями считались золотопромышленность и винокурение. Золотые прииски имели крупные сибирские купцы Баснины, Сибиряковы, Трапезниковы, Базановы, Громы, Бутины и др. Одновременно купцами и промышленниками были Иваницкий, Кухтерин, братья Родюковы в Томске, Некрасов и Гадалов в Красноярске, Второвы и Белоголовые в Иркутске. Однако доходы от промышленности играли второстепенную роль по сравнению с торговлей.

В Сибири действовали фирмы, производившие комбинированные торговые, промышленные, транспортные и комиссионные операции. Торговый дом «Евграф Кухтерин и сыновья» выполнял «казенные и частные подряды, а также операции транспортных, пароходных, комиссионных, банкирских справочных и вообще всякого рода коммерческих предприятий».¹¹⁵ Кроме главной конторы в Томске, эта фирма имела конторы в Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Иркутске, Кяхте и Троицкосавске, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, вела торговлю разными товарами, в том числе изделиями собственных предприятий.

Фирма Е. Жернакова имела вальцевую мельницу, мыловаренный и свечной заводы, пароходы, торговала золотыми и серебряными вещами, мануфактурными, галантерейными и другими товарами, производила ко-

¹¹⁵ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1894 г. Томск, 1893, стр. 121.

миссионные операции по закупке и продаже хлеба, масла и других жировых товаров.

Торговому дому «Михаил Плотников и сыновья» принадлежало буксирно-пассажирское и легко-пассажирское пароходство по рекам Западной Сибири. Эта фирма вела оптовую торговлю хлебом, рыбой, орехами, жировыми товарами и консервами из рыбы своих промыслов.

В Амурской и Приморской областях действовала фирма «И. Я. Чурин и компания», основанная в 1867 г. Она вела торговлю разными товарами в Благовещенске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и селениях упомянутых областей. Кроме торговых предприятий, фирме принадлежали кожевенные, веревочные и канатные заводы. Ее конторы находились в Москве и Иркутске, комиссионерства — в Чите, Сретенске и Одессе.

Специализированный характер имели торговые операции крупных фирм братьев Второвых и Стахеева. Второвы вели оптово-розничную торговлю преимущественно мануфактурными товарами, готовым платьем, мехами, галантереей в Томске, Барнауле, Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Кяхте, Нерчинском заводе, затем в других городах Сибири. Эти коммерческие операции стали источниками накопления для организации в дальнейшем одной из главных капиталистических монополий в текстильной промышленности. Их представляли концерны Второва и Стахеева, с одной стороны, и Рябушинского — с другой. «Деятельность этих трех представителей национального монополистического капитала уже не уместилась в рамках текстильной промышленности. Из них только Рябушинские представляли собой старый московский промышленный капитал. И Второв, и Стахеев уходят корнями в торговлю — сибирскую мануфактурную (первый) и волжскую хлебную (второй)».¹¹⁶ Следует отметить, что истоки накопления капитала купеческой фамилии Стахеевых также идут из Сибири (пограничные торговые операции в Кяхте, торговля чаем и мануфактурой).

Торговые и торгово-промышленные предприятия принадлежали отдельным купцам, торговым домам, состоявшим из родственников, наследников и просто компаньонов. Например, Торговый дом «И. Я. Чурин и компания» учредили, кроме самого Чурина, купцы В. Бабинцев, Л. Касьянов, П. Бабинцева, наследники В. Левского и И. Мамонтов.

Небольшую часть сибирской буржуазии представляли потомки именитых купцов XVIII в. (Корниловы, Баснины, Сибиряковы, Мыльниковы, Трапезниковы), образовавших своего рода купеческие династии, передававшие свои капиталы по наследству для их «умножения». Иркутский купец Трапезников возводил свою родословную даже к XVII в., издав сборник материалов по этому вопросу. Купцы Бутины, ссылаясь в 1898 г. на материалы архива Министерства юстиции, доказывали свою «стоletнюю принадлежность к купеческому сословию».

Большинство же сибирской буржуазии составляли «неименитые» люди — выходцы из разбогатевших мещан, «торгующих крестьян» (официальный термин), ремесленников и кустарей. Из деревенских кустарей вышли братья Переваловы — владельцы Хайтинской фарфоро-фаянсовой фабрики и компаньоны Торгового дома «Перевалов, Щелкунов, Метелев».

Эксплуатация наемного труда в сельскохозяйственном и ремесленно-кустарном производстве, «старательство» на золотых приисках, скупка и перепродажа по повышенным ценам пушнины у охотников Севера (таких скупщиков называли «тунгусниками»), торговые и ростовщические операции, тайная продажа спирта в приисковых районах (спиртоносы) — таковы

¹¹⁶ И. Ф. Гиндин. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. Ж. «История СССР», 1966, № 3, стр. 62.

источники накопления капиталов. Купцами становились также доверенные и комиссионеры торговых фирм, сочетавшие коммерческие операции хозяев со своими собственными.

Среди сибирской буржуазии были выходцы из дворян и чиновников. Дворян привлекала в Сибирь «золотая горячка» — эксплуатация золотых приисков. Некоторые дворяне оставались в Сибири, становились золото-промышленниками и купцами.

В газете «Восточное обозрение» сообщалось, что в Сибири «нередкость лица, соединяющие службу с торговлей».¹¹⁷ Автор приводит пример молодого чиновника, который, поступив на службу к влиятельному лицу, занялся аферой по скупке хлеба. Разбогатев на взятках и спекуляциях, чиновники по выходе в отставку официально становились купцами.

Среди купечества были люди с «темным прошлым». У них основу «первоначального накопления» составляли ограбление обозов на трактовых дорогах, приискателей, возвращавшихся с приисков, крупные кражи и другие преступления. «Чаерезом» — грабителем на Московском тракте начинал свою карьеру томский миллионер Кухтерин. Уголовным ссыльно-поселенцем был родоначальник крупных забайкальских купцов Кандинских. По поводу таких фактов А. П. Шапов писал: «Сибиряки рассказывают как факт самый обыкновенный, что тот или другой нажилась не добром, а кражей или даже убийством, что вот такой-то в прошлом году ходил бедняком, в лохмотьях, а ныне купил дом в 300 рублей, завел лошадей и т. п. или вот тот-то назад тому несколько лет продавал метлы зимой или разбивал обозы с чаями, а ныне купец первой гильдии, имеет большие торговые дела и участвует в компании какого-нибудь сибирского пароходства, закабалает себе по 100 и более рабочих и пр.».¹¹⁸

Торгово-промышленная буржуазия была связана с царской администрацией. Купцы получали прибыльные подряды и поставки в казну, их приглашали на различные совещания по административно-хозяйственным делам, они пользовались кредитом из отделений государственного банка. Купцы использовали чиновников в своих интересах путем взяток и подкупов. Вместе с тем буржуазия выражала недовольство произволом и вымогательствами со стороны чиновников, судебной и канцелярской волокитой, которые затрагивали ее интересы. Газета «Светоч», характеризуя административные и судебные порядки в Сибири, отмечала, что в большинстве случаев они вопиющи. Не говоря уже о взяточничестве, процессуальная сторона суда и продолжительность судебной «волокиты» ведут тяжущихся к большому нравственному беспокойству и к материальному ущербу, а иногда к полному обнищанию. «От неудовлетворительности суда страдают купец и крестьянин, предприниматель и рабочий. Если прибавить к этому отсутствие в Сибири земства... , понятны станут те условия, в которых находятся личная безопасность и право труда».¹¹⁹ Конечно, отношение администрации и суда к крестьянам, рабочим, купцам, промышленникам было различно, но административный и судебный произвол приводил к нарушению интересов и буржуазии. Это создавало почву для проявлений буржуазного либерализма. Либеральные элементы сибирской буржуазии осуждали административно-полицейскую опеку и злоупотребления чиновников, были сторонниками реформы местного управления, распространения на Сибирь судебной и земской реформы, суда присяжных, отмены уголовной ссылки, выступали в роли меценатов, участвовали в издании книг о Сибири и газет либерально-буржуазного

¹¹⁷ «Восточное обозрение», 1882, № 12.

¹¹⁸ А. П. Шапов. О развитии высших человеческих чувств. Сочинения, т. III, СПб., 1908, стр. 624.

¹¹⁹ Цитата приведена по газете «Восточное обозрение» (1882, № 1).

направления, давали средства на устройство учебных заведений, библиотек, больниц, на научные экспедиции (Макушин, Сибиряков, Трапезников, Хаминов, Сукачев и др.). Такая деятельность имела положительное значение, но она не могла привести к коренным улучшениям в положении народа.

«Капиталистическое, буржуазное сословие, — писал А. П. Шапов, — хотя бы и просвещалось науками, все-таки по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших рабочих и промышленных сословий, составляющих источник их обогащения, предмет их эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды».¹²⁰

Таким образом, во второй половине XIX в. в Сибири сложилась прослойка нового класса капиталистического общества — буржуазии. Рост товарного земледелия, крупной промышленности и капиталистической торговли привел к увеличению этой прослойки и усилению ее влияния на все сферы хозяйственной и политической жизни края. Захватив основные средства производства и обмена, буржуазия сосредоточила в своих руках реальное экономическое могущество.

5. УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ

В Сибири, где не было помещиков и дворянского сословия, царское правительство в управлении обширным краем опиралось на чиновников, торгово-промышленную и сельскую буржуазию. Высшую администрацию (генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы) представляли крупные чиновники из дворянских верхов. Остальной чиновничий аппарат набирался из мелкого дворянства и разночинцев.

Административные, полицейские и судебные учреждения должны были обеспечить проведение колонизаторской политики царизма и эксплуататорских классов, охрану их интересов, взыскание податей и выполнение повинностей, ведать каторгой и ссылкой, казенными заводами, производить закупки для казны.

В Сибири вплоть до 80-х годов XIX в. действовало «Учреждение для управления сибирских губерний», изданное в 1822 г. В 80-х годах XIX в. были упразднены органы бюрократической коллегияльности — Советы Главных управлений Западной и Восточной Сибири во главе с генерал-губернаторами, состоявшие из чиновников, представлявших разные ведомства. В 1882 г. одновременно с учреждением Степного генерал-губернаторства, объединявшего Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Тобольская и Томская губернии переводились на одинаковое положение с губерниями Европейской России с непосредственным подчинением Петербургу. В 1882 г. из ведения Главного управления Восточной Сибири были выделены Забайкальская, Амурская и Приморская области с подчинением их приамурскому генерал-губернатору. В ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область. В июне 1887 г. вместо Главного управления Восточной Сибири была учреждена Канцелярия иркутского генерал-губернатора. Она разделялась на делопроизводства, ведавшие различными отраслями управления краем: вопросами экономической жизни, финансами, податями и повинностями, медико-санитарным и школьным делами, административным устройством, тюрьмами, каторгой и ссылкой, полицией. Такими же вопросами, только в масштабах губернии и области, ведали губернские и областные управления.

¹²⁰ А. П. Шапов. Сибирское общество до Сперанского. Сочинения, т. III, СПб., 1908, стр. 670—671. — Шапов в данном случае не разграничивает классы и сословия.

Генерал-губернатор, подчиненный Министерству внутренних дел, был наделен широкими полномочиями. Он выполнял даже функции дипломатического характера как посредник в дипломатических и торговых сношениях России с Монголией и Китаем.

Губернии и области делились на округа. Во главе окружных управлений стояли исправники и их помощники. Округ разделялся на участки, которыми заведовали земские заседатели. Они наблюдали за волостными и сельскими управлениями, выполняли полицейские функции, производили следствие и дознание по разным делам. В 90-х годах земских заседателей сменили приставы. В 1897 г. учреждены должности крестьянских начальников. Они соответствовали земским начальникам, действовавшим в Европейской России.

По правилам, установленным еще законом 22 июля 1822 г., делами волостного управления ведали волостной голова и писарь, который состоял на «коронной» службе. Сельское управление составляли старшины и десятники. Крестьянам через поверенных (по одному человеку от 100 душ) предоставлялось право выбора должностных лиц на трехлетний срок. Прочие же «мирские дела» решались на мирском сходе, составленном из одних старшин селений, входивших в волость. При таком порядке «все общественные дела ведаются, за исключением выбора должностных лиц, не общественным, но только должностными лицами».¹²¹ К компетенции волостного управления относился и суд по маловажным делам.

Должностные лица волостного и сельского управления считались выборными, но фактически выборы производились под давлением исправников, земских заседателей, кулаков. Их ставленники и занимали должности волостных голов.

Чиновники, волостные головы и писари расхищали общественные деньги и хлеб из экономических магазинов, вымогали взятки под разными предлогами, творили произвол и насилия.

«В Сибири тоже есть свои „дореформенные порядки“. Сюда относятся право земских чинов и исправника колотить и драть мужиков, право разъезжать „на обывательских“ не только по делам службы, но и по гостям и на гулянье компаниями, более или менее многочисленными. К „дореформенным порядкам“ можно отнести навязывание сельским и волостным сходам „излюбленных“ писарей, затягивание дел по целым пятилетиям и много других свычаев и обычаев».¹²²

29 ноября 1879 г. было утверждено «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири». На Восточную Сибирь оно было распространено в 1882 г. В некоторых округах проведение его затянулось до 1888 г.

В результате введения в Сибири «Общего положения о крестьянах» крупные волости были разделены на более мелкие. «Обширнейшая власть волостного головы, творившего суд и расправу над десятками тысяч населения волости отошла в область преданий; волостной писарь, непрменный член волостной коллегии, считавшийся состоящим на „коронной службе“, низведен на степень простого писца, исполняющего распоряжения выборного начальства».¹²³

Должностные лица волостного и сельского управления разделялись на начальствующих и подчиненных. К первым относились волостные старшины и сельские старосты с их помощниками, сборщики податей, смот-

¹²¹ ГАИО, ф. Канцелярии иркутского генерал-губернатора, оп. 3, св. 157, д. 738

¹²² «Восточное обозрение», 1892, № 21.

¹²³ «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. (Иркутская губерния)», т. II, вып. 2, М., 1890, стр. 20.

рители экономических магазинов. Этих должностных лиц крестьяне выбирали на волостных и сельских сходах. «Избираются преимущественно зажиточные домохозяева».¹²⁴ К подчиненным причислялись каморники (сторожа), рассыльные, пожарные, лесные, поскотинные, полевые старосты. На эти должности «назначается почти исключительно одна голытьба».¹²⁵ На сходах участвовали хозяева дворов, главы семейств. Женщины и батраки от этого участия устранились. В каждой волости учреждался выборный волостной суд по гражданским искам и мелким уголовным проступкам. Наблюдение за общественным управлением крестьян возлагалось на земских заседателей и окружные по крестьянским делам присутствия.

Преобразование общественного управления крестьян не внесло коренных изменений в административные порядки. Волостные и сельские должностные лица по-прежнему совершали злоупотребления по расходованию общественных сумм и хлеба из запасных магазинов. «Редкое из этих должностных лиц кончает свой срок службы благополучно: за каждым из них при строгой проверке оказываются грехи».¹²⁶

Во время реакции 80-х—начала 90-х годов административные мероприятия были направлены к усилению административно-полицейской опеки над крестьянами и крестьянским самоуправлением.

В Сибири крестьянские начальники, введенные в 1897—1898 гг., осуществляли надзор за волостным и сельским управлением, утверждали его должностных лиц и приговоры мирских сходов, вмешивались во все дела крестьянского самоуправления. Крестьянский начальник имел право налагать штрафы на крестьян, подвергать их краткосрочным арестам.

Не прошло и 3 лет со времени установления института крестьянских начальников, как они проявили себя хищениями и превышением власти: «Случаи хищений, присвоений общественных сумм и превышений власти со стороны крестьянских начальников, случаи, установленные судебными следствиями и сделавшиеся потому достоянием печати, были столь многочисленны, что почти перестают быть исключениями».¹²⁷

В Тобольской губернии по приблизительным подсчетам за 3—4 года было расхищено не менее 300 000 руб. из общественных сумм.¹²⁸

Народ не мирился с произволом и по мере сил протестовал против него. Крестьяне подавали жалобы на злоупотребления чиновников, старшин и старост, добивались ревизии общественных сумм, устранения тех или других должностных лиц, сопротивлялись их распоряжениям. Злоупотребления чиновников разоблачались в сибирской печати. Однако разоблачение и устранение отдельных лиц не улучшало системы управления, создававшей почву для подобных злоупотреблений.

В 70-х годах XIX в. в Сибири было введено новое городское положение 1870 г. По этому положению городские думы, которые составлялись прежде из депутатов сословных групп, заменялись теперь бессословными городскими думами. Члены дум избирались на 4 года на основе имущественного ценза из состоятельных слоев городского общества. Городские думы ведали хозяйственными вопросами: внешним благоустройством города, устройством пристаней, рынков, противопожарными делами. В функции дум входило попечение о развитии местной торговли и про-

¹²⁴ Там же, стр. 20.

¹²⁵ Там же, стр. 21.

¹²⁶ Там же, стр. 22.

¹²⁷ В. В. К и р ь я к о в. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902, стр. 306.

¹²⁸ Там же, стр. 308.

мышленности, народного образования, организация благотворительных учреждений и больниц.

Городское самоуправление имело право издавать постановления, но не располагало ни юридической, ни фактической возможностью настоять на их исполнении. Оно не обладало принудительной властью, не могло привлекать к судебной ответственности за нарушение своих постановлений; это зависело от усмотрения полиции. Городские учреждения находились под надзором местных губернских властей — губернатора, который контролировал и утверждал их постановления. Городские головы губернских городов утверждались в должности министром внутренних дел. По существу городское самоуправление представляло собой не самостоятельный орган местной власти, а подсобный орган правительства в деле управления городами, главным образом по вопросам хозяйственной части. Число членов городских дум в зависимости от количества населения в городах колебалось от 30 до 72 чел. При выборах гласных думы право голоса имели лишь купцы, чиновники, духовенство, зажиточные мещане и разночинцы. Фактически даже из них многие не голосовали. В Тобольске (в 1872 г.) из 1507 чел., имевших право голоса, участвовало в выборах 163, в Тюмени из 2115—301, в Томске (в 1871 г.) из 944 избирателей—250, в Иркутске из 2176—239, в Якутске (в 1874 г.) из 297—79, в Благовещенске (в 1876 г.) из 376—83, во Владивостоке (в 1876 г.) участвовало в выборах 300 чел.¹²⁹ Во всех городских думах отмечалось «преобладание купеческого элемента».

Кроме городской, на Сибирь были распространены также военная, акцизная (отмена откупов), цензурная (новые цензурные правила) реформы. Но на сибирские окраины не распространялась земская реформа. При ее проведении в Европейской России царское правительство опиралось на дворянство. В Сибири же такой опоры не было. Здесь большинство земских гласных составляли бы крестьяне, что не соответствовало целям правительства. Судебная реформа в Сибири была проведена уже в 1897 г., но без суда присяжных заседателей.

Реформы 60—70-х годов XIX в. были направлены к тому, чтобы, не затрагивая коренных интересов помещиков, приспособить политический строй России к потребностям капиталистического развития. По характеристике В. И. Ленина, изменение уклада Российского государства в этот период «было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию».¹³⁰ Однако в реформах, проводимых помещиками, сохранялись в той или иной степени феодальные черты. В частности, это выразилось в усилении административно-полицейской опеки над органами местного сельского и городского самоуправления.

6. КАТОРГА И ССЫЛКА

Отмена крепостного права и развитие капитализма в России отразились на состоянии сибирской каторги и ссылки. Помещики уже не могли выселять крестьян в Сибирь «в зачет рекрутов» или в порядке наказания. Большинство казенных заводов и рудников, где применялся труд каторжных, было закрыто, продано, сдано в аренду капиталистам или перестроено в тюремные помещения. Между тем число ссылаемых в Сибирь на каторгу и поселение увеличивалось. Их учетом и распределением по губерниям Сибири ведал Приказ о ссыльных, находившийся сначала в Тобольске, затем в Тюмени.

¹²⁹ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882, стр. 11, 24, 167, 267, 296—297, 374, 395.

¹³⁰ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 20, стр. 165.

По данным Тюменского приказа о ссыльных, с 1853 по 1862 г. в Сибирь было сослано 101 238 чел., а с 1863 по 1872 г. — 146 380.

В 1891 г. в Сибири находилось 260 000 ссыльных. Они разделялись на пять категорий: каторжане, ссыльные на поселение, сосланные для водворения, на жительство в Сибири и в административном порядке.

В дореформенные времена осужденных на каторгу отправляли в Сибирь непосредственно для работ на казенных и кабинетских заводах и

В дороге. На каторгу.
(«Живописная Россия», т. XII, ч. I, СПб., 1895).

рудниках. В дальнейшем каторга не была уже обязательно связана с ними, каторжные тюрьмы превратились в места отбывания наказания в наиболее тяжелых условиях. Каторжане содержались в особых тюрьмах — «централах», отличавшихся от тюрем общего назначения более суровым режимом. Они были учреждены как в Европейской России, так и в Сибири. Каторжан, осужденных к длительным срокам заключения, заковывали в ручные и ножные кандалы, приковывали к тачке,¹³¹ подвергали истязаниям кнутом и розгами. Окончивших сроки пребывания в центрах отправляли на поселение в отдаленные места Сибири. Среди каторжан находились осужденные к бессрочным работам (их называли «вечниками»).

¹³¹ Литератор В. М. Дорошевич, посетивший Сахалинскую каторгу, писал: «Тачка — весом пуда в два — прикована длинной цепью к ножным кандалам... Куда бы им шел арестант, он всюду везет за собой тачку. С ней и спит на особой койке, в уголке, ставя ее под кровать». (В. М. Дорошевич. Рассказы и очерки. М., 1966, стр. 381).

Ф. М. Достоевский назвал каторжную тюрьму «мертвым домом», П. Ф. Якубович-Мельшин — «миром отверженных». Оба они сами испытывали пребывание на каторге. Она набрасывала мрачную тень на «край изгнания». По этому поводу С. М. Степняк-Кравчинский писал: «Сибирь! При этом слове холодная дрожь пробирает вас до костей и, когда мы думаем о несчастных ссыльных, затерянных в ледяной пустыне и осужден-

Александровский централ. (Из коллекции Иркутского областного краеведческого музея).

ных на вечную каторгу в кандалах, наше сердце исходит горем и страданием».¹³²

В 70-х годах XIX в. в зданиях бывшего винокуренного завода, на котором применялся труд каторжан, была устроена Александровская центральная каторжная тюрьма (Александровский централ). Она предназначалась для содержания каторжан, высылаемых для тяжелых работ на солеваренных и железоделательных заводах Сибири. В 1889 г. главное здание тюрьмы сгорело и было в 1891 г. капитально отремонтировано. В том же с. Александровском Иркутской губернии и уезда находилась также центральная пересыльная тюрьма, служившая для временного содержания и распределения ссыльных по местам поселения. Каторжная тюрьма помещалась в двухэтажных кирпичных зданиях, пересыльная — в деревянных постройках барачного типа. В одном из вариантов народной песни об Александровском центре («Далеко в стране Иркутской») говорилось:

Здесь народ тиранят, мучат
И покою не дают.
В карцер темный замыкают,
На кобылину кладут.¹³³

¹³² С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. М., 1965, стр. 168.

¹³³ Ф. А. Кудрявцев. Александровский централ. Иркутск, 1936, стр. 5. — По записи А. В. Гуревича.

В Западной Сибири существовал Тобольский централ. В централы были перестроены тюрьмы Нерчинской каторги, кроме старых — Акатуйской, Зерентуйской, построены новые — Кутомарская и Мальцевская. В губернских городах Сибири существовали обычные тюрьмы.

В поисках наиболее отдаленных мест для каторжных тюрем царское правительство обратило внимание на о. Сахалин. В 1876 г. там была построена первая тюрьма у залива Дуэ. В 80—90-х годах возникли Александровская, Рыковская, Корсаковская, Онорская, Дербинская и Таретская тюрьмы. Корсаковскую кандальную тюрьму литератор В. М. Дорошевич называл «одной из наиболее мрачных, наиболее безотрадных на Сахалине».¹³⁴

Учреждение централов не устраняло совершенно каторжных работ, хотя уже не было постоянной и регулярной приписки каторжан к определенным казенным предприятиям. По контракту между тюремной администрацией и частными предпринимателями заключенных отправляли под конвоем для временных работ на золотые прииски, железоделательные заводы, каменноугольные копи.

Из казенных предприятий труд каторжан использовался на заводах «Александровском винокуренном и Иркутском солеваренном (в Иркутской губернии) и в Забайкалье: при заводе железном Петровском, на Карийских приисках (Верхнем, Среднем и Нижнем), на Шахтаминском и Казаковском, на заводах Лужанском и Акатуевском».¹³⁵ В 90-х годах каторжане работали на постройке Сибирской железной дороги.

Ссылка в Сибирь разделялась на судебную и административную. По судебным приговорам ссылали на поселение после отбытия заключения или непосредственно в «места отдаленные» или «не столь отдаленные», на водворение и на житье. Существовала категория «водворяемых рабочих», которых ссылали для работы на казенных заводах.

В административную ссылку ссылали без суда. Широкое распространение получила ссылка «по политической неблагонадежности». Она назначалась по распоряжению Министерства внутренних дел, генерал-губернаторов и губернаторов.

Для царского правительства каторга и ссылка по уголовным делам была мерой наказания, одной из форм земледельческой колонизации Сибири, источником получения рабочей силы для казенных заводов и рудников. Между тем по сравнению с вольнонародным переселением колонизационная роль ссылки была невелика. Для прочной и широкой колонизации края ссыльнопоселенцы представляли неустойчивый и текучий элемент.

Другие цели царизм преследовал в отношении политической ссылки. Он использовал ее для расправы со своими политическими противниками. Царизм стремился сломить их волю к борьбе, изолировать, оторвать от основных очагов революционного движения. Ссылка революционеров на каторгу и поселение отрицательно сказывалась на этом движении, но никакие репрессии не могли подавить его, борьба продолжалась как в центре России, так и на ее сибирских окраинах. Историю политической каторги и ссылки необходимо рассматривать в непосредственной связи с историей революционного движения в России.

¹³⁴ В. М. Дорошевич. Рассказы и очерки, стр. 384.

¹³⁵ «Живописная Россия», т. XII, ч. I, М., 1895, стр. 245. — Лужанского завода в Нерчинском горном округе не было. Вероятно, речь идет о Дучарском заводе.

Народы Сибири во второй половине XIX и начале XX в.

1. ХОЗЯЙСТВО НАРОДОВ СИБИРИ

В тот период, когда во второй половине XIX—начале XX в. на сибирских окраинах России развивался капитализм, коренные народы Сибири не прошли стадии капиталистического развития. Господство докапиталистических отношений, эксплуатация трудового населения царизмом и «своими» угнетателями, колониальный гнет — все это тормозило хозяйственное развитие народов Сибири. Однако оно не консервировалось. На их хозяйстве сказывались в той или другой степени процесс развития капитализма вширь, распространение сферы его господства на сибирские окраины, рост товарно-денежных связей, заселение и хозяйственное освоение Сибири, общение с русским народом и другими народами России. Влияние этих процессов было неравномерным: в большей степени оно сказывалось на народах, живших ближе к основным торговым путям, промышленным и местным экономическим центрам (бурятах, якутах, алтайцах и др.), в меньшей — на обитателях дальнего Севера.

По данным ревизии 1858 г. коренное население Сибири составляло 648 000 чел., по переписи 1897 г. — 822 600. Среди них: бурят — 288 600, якутов — 226 700, алтае-саянских народов тюркской ветви (алтайцы, хакасы) — 108 700, эвенков — 64 500, сибирских татар — 53 000, хантов и манси — 27 700, чукчей — 11 750, ненцев — 9427, коряков — 7300.¹ Некоторые малые народности (тофалары, юкагиры, нганасаны, энцы и др.) не превышали 1000 человек.

По преобладающим занятиям среди народов Сибири можно различать следующие группы: 1) охотники и рыболовы; 2) оленеводы, охотники и рыболовы; 3) скотоводы; 4) скотоводческо-земледельческое население; 5) земледельческо-скотоводческая группа; 6) земледельцы, для которых другие занятия имели подсобное значение.

Охота, рыболовство, оленеводство получили распространение у северных народов, живущих по бассейнам Оби, Енисея, Лены, Индигирки, Колымы и других рек Северо-Востока: у ненцев, хантов, манси, чукчей, эвенков, эвенов, селькупов, кетов, юкагиров и т. п.

Народности Севера кочевали со своими оленями по тундрам, и в этих перекочевках проявлялась известная закономерность. Весной оленеводы отправлялись к берегам Ледовитого океана, так как там лето прохладнее и олени меньше страдают от комаров, оводов и другого гнуса, а осенью двигались на юг в полосу лесотундр, где во время зимней стужи добывали топливо. Для них олень составлял главный источник средств существования. Мясо, сало, кровь оленей — основная пища. Шкурами оленей одевались и покрывали чумы, из кожи выделывали арканы, упряжь, из

¹ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912, т. 1, стр. 2—19.

сухожилий — нитки и веревки. Оленей использовали для езды, перевозки тяжестей.

Одним из оленеводческих народов были ненцы. Они также были охотниками. Охотились на диких оленей, белку, песцов, лисиц, горностаев, зайцев. По морскому побережью и в устьях больших рек производилась охота на нерпу, морского зайца, белугу, тюленя, моржа. Орудиями охоты служили самострелы, настороженные луки и пасти (деревянные ловушки), а также длинный лук с оперенными стрелами, имевшими костяные и железные наконечники. От русских ненцы заимствовали огнестрельное оружие, употребляли кремневые и пистонные ружья и железные капканы. Свиней и порох отпускались охотникам из казенных магазинов.

Рыболовство у ненцев было особенно распространено в низовьях Оби, Таза и Енисея. Для ненцев, живших в лесной полосе по Оби, рыболовство и охота составляли основные занятия.

Ненцы жили в чумах — конусообразных палатках из шестов с отверстием наверху для дыма. Зимой чум покрывали двумя слоями покрышек, сшитых из оленьих шкур, летом — берестой. Пушнину, оленьи и тюленьи шкуры, мамонтовую кость, моржовые клыки ненцы сбывали на ярмарках в Обдорске и Сургуте, а также приезжим купцам и местным скупщикам.

Во время Обдорской и Сургутской ярмарок главная торговля производилась не прямо на ярмарочном торжище, а на дому у скупщиков и имела меновой и кредитный характер. Ростовщическое кредитование закабаляло рядовых охотников и оленеводов. Ненцы покупали хлеб, кирпичный чай, сукно разных цветов, ружья, железные капканы для охоты, топоры, ножи, кремни, огниво, железные листы для разведения огня в чуме, сети, котлы и пр. Приобретение таких предметов свидетельствовало о влиянии русских на быт ненцев.

У хантов и манси наиболее распространенным типом хозяйства было сочетание рыболовства и охоты с оленеводством. Некоторые хозяйства в небольших размерах занимались также земледелием. Подсобным промыслом был сбор кедровых орехов. В низовьях Оби и по ее притокам главное занятие ненцев составляло рыболовство. Кроме основного лова в низовьях Оби, ханты и манси весь год ловили рыбу в ближайших от них протоках и озерах, используя сети, плетеные ловушки и заграждения из кольев.

Охотились ханты и манси главным образом на пушных зверей: белок, зайцев-беляков, песцов, лисиц. Сравнительно реже попадались соболи, чернобурые лисицы, голубые песцы. В верховьях р. Конды промышляли бобра. В некоторых местах производилась охота на медведей. Кроме ружей, заимствованных у русских, ханты и манси применяли старинные орудия и способы охоты: самострелы, ручные луки со стрелами, западни, капканы, сети, рогатины (на медведей). При охоте на лосей их загоняли в ямы. Пушнину сбывали на ярмарках и приезжим зажиточным мещанам, кулакам. Продавали также рыбу, собачьи и оленьи шкуры, тагары (травяные циновки), морошку, замороженный жир. Ханты и манси покупали те же товары, что и ненцы.

Оленеводство у хантов и манси было распространено сравнительно меньше, чем у ненцев, и велось таким же порядком.

Жилища хантов и манси разделялись на два вида: кочевые и оседлые. Первые представляли собой передвижные чумы, заимствованные у ненцев, вторые — срубные дома из бревен или плах. Ханты устраивали также землянки и полуземлянки.

На хозяйстве и быте хантов и манси сказывалось влияние русского трудового населения. По примеру русских они в более южных районах занимались земледелием, заводили лошадей, овец, домашнюю птицу, применяли огнестрельное оружие на охоте, приобретали железные изделия.

текстильные товары, муку, хлеб, чай. Некоторые небольшие группы манси и хантов почти не отличались по своему быту от русских крестьян. Например, среди хантов, живших у р. Оби, между русскими селениями Кетской и Парабельской волостей, были, по официальному сообщению 1854 г., «почти русские». Они имели «довольно порядочные дома, домашний рогатый скот и лошадей, обзаводясь разной потребной для домашности посудой наравне с крестьянами, и даже есть некоторые (но весьма еще мало) обучались и российской грамоте, читать и писать, а между тем и плотничному мастерству».²

Охота и оленеводство составляли основные занятия эвенков (тунгусов). По данным переписи 1897 г., до $\frac{9}{10}$ всех эвенков Енисейской губернии занимались охотой и лишь 8.4% — оленеводством. В южной полосе Енисейского округа жили потомки эвенков, слившихся с русским населением. Они занимались земледелием. В Якутской области главным занятием эвенков были охота и оленеводство. Эвенки охотились на диких оленей, лосей, белок, соболей, лисиц, песцов, росомах, кабаргу, медведей. Главным орудием охоты была кремневая винтовка, заимствованная от русских. Использовались также силки, западни, капканы, ямы.

Часть эвенков, живших в районе устья р. Май, а также эвенкийские роды Западно-Кангаласского улуса постепенно переходили по примеру якутов к скотоводческим занятиям. Среди эвенков Олекминского округа получили распространение новые занятия, связанные с развитием золотопромышленности на Олекме: содержание постоянных дворов для возчиков, доставлявших грузы на прииски, сенокосение и продажа сена. Многие из них также занимались скотоводством и начали сеять ячмень. По данным переписи 1897 г., около 40% эвенков Олекминского округа «кормились работой на приисках».

Занятия эвенков Приморской области составляли охота, рыболовство, оленеводство, перевозка грузов и рубка дров для пароходов (Хабаровский округ).

В Амурской области, по данным переписи 1897 г., основными занятиями эвенков были охота и рыболовство (43.3%), земледелие (26.3%), оленеводство (13.2%) и «чернорабочий труд» (7%).³ Немногие нанимались в качестве приисковых рабочих.

Главными занятиями эвенков, живших в пределах Иркутской губернии, были оленеводство, охота, рыболовство, разведение рогатого скота и лошадей. Часть эвенков слилась с русскими земледельцами, образовав так называемые «ясашные» селения.

На хозяйстве забайкальских эвенков значительно сказалось влияние русских земледельцев и бурятских скотоводов. Скотоводами и земледельцами стали армакские эвенки (Юго-Западное Забайкалье). Разведение лошадей, рогатого скота, овец получило распространение среди баргузинских эвенков.

Среди других территориальных групп эвенкийского населения выделялись по характеру основных занятий восточнозабайкальские, или урульгинские, эвенки. Они имели скотоводческие, скотоводческо-земледельческие и земледельческо-скотоводческие хозяйства.

Урульгинские эвенки разводили лошадей, рогатый скот, овец. Возрастала роль земледелия в их хозяйстве. В 1897 г. хлебопашество было главным занятием для 61.6% эвенков в Читинском округе и 63.5% в Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах.⁴ С ростом земледелия развива-

² ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 2, д. 604, л. 34.

³ С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906, ч. 1, вып. 2, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 250.

лось мельничное дело. Распространялось, хотя и в мелких масштабах, огородничество. В совокупности эвенки имели все группы хозяйств, существовавших у народов Сибири.

Южных охотников и оленеводов представляли тофалары (карагасы), кочевавшие по таежным пространствам северного склона Восточных Саян.

Охотниками и рыболовами были по своим основным занятиям сибирские народы, живущие в нижней части бассейна Амура и Приморья и на Сахалине: нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, ороки, негидальцы, нивхи. У них охота на пушных зверей (белка, соболь, выдра, лисица, рысь, колонок и др.) и мясных животных (лось, изюбр, кабарга, косуля, кабан и др.) сочеталась с рыболовством. У одних на первом месте стояло рыболовство, у других — охота. Среди охотников распространялось огнестрельное оружие, заимствованное у русских, но широкое применение имели также старинные орудия и приспособления: копье, луки и стрелы, самострелы, ямы, загороди. Орудиями лова служили острога, плавные и ставные сети, крючковатые снасти, закидные неводы и т. д.

Для чукчей и коряков было характерно существование двух параллельных типов хозяйства: охотничьего (зверобойного) и оленеводческого. Оленеводство составляло основное занятие обитателей тундры и лесотундры. Существовали также смешанные хозяйства оленеводов и охотников.

Приморские охотники, живущие оседло по берегам моря, охотились на морских животных: тюленей, моржей, китов. Тюленей добывали с помощью гарпуна или сетью, сплетенной из прочного ремня. На моржей и китов охотились коллективно, применяя гарпуны и колья. Соотношение оседлых и кочевых среди чукчей — 2 : 3.

Во второй половине XIX в. у чукчей и коряков широко распространялось огнестрельное оружие, в том числе специальные китобойные ружья. Мясо морских животных было для них основной пищей. Таким же мясом кормили ездовых собак, запрягавшихся в нарты. Из шкур нерпы шили одежду и обувь. Шкурами моржей покрывали ярангу (вид жилища), обтягивали байдары. Из шкур морского зайца — лактака выделяли подошвы и ремни.

Произошли большие изменения в расселении чукчей. Чукчи продолжали свое продвижение на запад и юг, начатое еще в XVIII в. Во второй половине XIX и начале XX в. они от Чаунской губы дошли до рек

Удэгеец-охотник. (Из коллекции П. П. Хороших. Иркутск).

Колымы и Омолона и, перейдя их, расселились по западной (Халеречинской) тундре до р. Индигирки. На юге они в это время проникли на Камчатский полуостров и часть из них кочевала южнее р. Анадырь.⁵

От охотников, рыболовов, оленеводов Севера и дальневосточных окраин отличались по основным отраслям хозяйства западносибирские татары, алтайцы, тувинцы, хакасы, буряты, якуты.

Селения западносибирских татар перемежались с русскими, что способствовало развитию экономических связей между народами, сближению между ними. Благоприятные естественногеографические условия в южной части Сибири, потребность в зерновом хозяйстве, рост товарно-денежных отношений и экономических связей с русским населением, влияние его примера и опыта — все это способствовало развитию земледелия среди западносибирских татар. Кроме оседлых татар, земледелием занимались полукочевые. Они имели постоянные дома в зимниках, жили в деревнях и слободах, а в весеннее и летнее время совершали для пастбы скота перекочевки в летники.

Кроме земледелия, западносибирские татары занимались скотоводством, охотой, рыболовством, извозом. Для одних хозяйств разведение скота имело подсобное значение при ведущей роли хлебопашества, в других скотоводство занимало главное место. Кочевое скотоводство получило распространение в Барабинской степи. Татары разводили лошадей, рогатый скот, овец. Траву для заготовки сена на зиму косили косой-литовкой.

Продукцию своего хозяйства татары сбывали на ярмарках, происходивших ежегодно в разных местах Тобольской и Томской губерний, а также скупщикам. Среди самих татар выделялся разряд «торговых». Татарские купцы скупали кожу, масло, сало, мясо и перепродавали их. Затем, приобретая текстильные и металлические изделия, чай и другие товары, они продавали их в селениях и городах.

К началу XX в. западносибирские татары если не вполне, то в значительной степени утратили характерные черты своего хозяйства и быта и мало чем отличались от русского населения. Основная часть татар занималась земледелием и скотоводством. Охота и рыболовство сохраняли свое значение в хозяйстве только заболотных татар. Кроме ячменя, ржи, овса, татары в начале XX в. стали сеять пшеницу. Среди них распространялось огородничество.

Основным и ведущим занятием большинства жителей Южного Алтая было кочевое и полукочевое скотоводство.⁶ Исключение составляли обитатели «черневых» — таежных — местностей, где преобладала охота.

Алтайцы (алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты, челканцы, кумандинцы) разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, отчасти яков (сарыков) и верблюдов. Алтайские скотоводы в течение всего года держали скот на подножном корму, совершая перекочевки на зимние и летние пастбища. До применения кос русского образца алтайцы резали траву кривым ножом, сушили ее, свивали в толстые жгуты и развешивали на деревьях. Такая заготовка сена для подкормки скота зимой производилась нерегулярно и в небольших размерах.

От русских крестьян приблизительно в первой половине XIX в. алтайцы заимствовали косу-горбушу, получившую довольно широкое распространение. С 60-х годов XIX в. стала распространяться более удобная для косьбы коса-литовка, принесенная на Алтай русскими переселенцами.

⁵ И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, стр. 190—191.

⁶ История, этнография алтайцев, их хозяйство, быт и культура подробно освещены в труде Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» (М.—Л., 1953). Ему же принадлежит очерк об алтайцах в книге «Народы Сибири» (Под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956).

Часть алтайцев по примеру русских крестьян устраивала крытые пригоны для скота.

Отдельные улучшения в скотоводстве не приводили к коренным изменениям, не ликвидировали его отсталости. Эпизоотии при отсутствии ветеринарной помощи, глубокоснежные зимы, гололедицы, холодная весна вызывали массовые падежи скота, приводившие к разорению мелких скотоводов.

О частых эпизоотиях упоминается, например, в отчете по Томской губернии за 1878 г.: «Эпизоотии свирепствуют здесь почти ежегодно, то в той, то в другой местности, уничтожая десятки тысяч скота и подрывая благосостояние народа, а между тем по недостатку ветеринаров не представляется ни малейшей возможности сколько-нибудь ослабить это бедствие».⁷

В 1897 г. только в 3 алтайских дючинах (административно-территориальные единицы) пало 17 544 головы скота.

Земледелие у алтайцев имело подсобное значение. По данным 1897 г., до 50% алтайских хозяйств производили небольшие посевы ячменя. Орудия обработки земли на Алтае были различны.

«Способ обработки земли весьма разнообразен: в одном месте земля обрабатывается железными плугами, в другом землю копают особыми первобытными инструментами „абызами“, большее же количество земли обрабатывается сохами под названием „кунгурка“, привозимыми из города Тюмени, Тобольской губернии».⁸

В районах более близкого и постоянного общения с русскими алтайцы восприняли у них крестьянские земледельческие орудия, способы обработки земли и уборки урожая: сохи, однолемешные плуги, серпы, цепи для молотьбы. В других же районах преобладала первобытная земледельческая техника: абылы — мотыги для обработки земли вручную, андазын — тип деревянной сохи. Боронили при помощи ветвей сухого дерева.

В зажиточных и байских хозяйствах техника земледелия приближалась к технике кулацкого крестьянского хозяйства (железные плуги и бороны, жатки-самосброски, ручные молотилки и веялки). Широко применялся кабальный или наемный труд.⁹

Под влиянием русских алтайцы занимались огородничеством. Из промыслов получили распространение охота и сбор кедровых орехов. В северных районах развивалось пчеловодство.

Алтайцы охотились на сохатых, маралов, коз, рысей, медведей, барсуков, зайцев, лисиц, белок, соболей, выдр. Основным оружием охоты служила шомпольная винтовка. Применялись также разного рода ловушки.

Алтайцы обрабатывали продукты скотоводства, выделяли войлоки, кожи, изготавливали седла с верховой сбруей, деревянные трубки, занимались кузнечным делом.

Жилища алтайцев состояли из корьевых, войлочных и деревянных юрт. Наконец, в их быт вошла русская срубная изба, она «во многих местах либо совершенно вытеснила юрту, либо превратила последнюю в летнее или хозяйственное помещение».¹⁰

Алтайское население, проживавшее чересполосно с русскими, переходило на оседлый образ жизни и приближалось к русскому населению. В конце XIX в. оседлые алтайцы составляли 19,6% всего населения.¹¹ Большая же часть алтайцев вела кочевой образ жизни и занималась скотоводством.

⁷ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 10, д. 15967, л. 100.

⁸ ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 44, д. 481, л. 22.

⁹ Народы Сибири, стр. 334.

¹⁰ Там же, стр. 339.

¹¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 373.

Хозяйство алтайцев втягивалось в рыночный обмен, но в основном оно имело натуральный характер. На рынок они доставляли скот, продукты скотоводства, пушнину, кедровый орех, а покупали текстильные и железные изделия, соль. В роли посредников в товарном обмене выступали торговцы-скупщики, кулаки, алтайские баи и зайсаны. Скотоводы и охотники подвергались торгово-ростовщической эксплуатации.

В натуральное хозяйство алтайцев внедрялись товарно-денежные отношения. Новые условия выдвигали на первый план необходимость интенсификации хозяйства, развитие его товарных отраслей. Алтайское население, потеряв в результате землеустройства значительную часть своих земель, не могло по-прежнему заниматься экстенсивным скотоводством. Скотоводство алтайцев принимает постепенно товарное направление: в первую очередь разводились наиболее доходные виды скота. Это видно из следующих цифр. С 1897 по 1916 г. количество крупного рогатого скота увеличилось с 97 482 до 148 938 голов (или на 153%), число овец увеличилось со 145 726 до 219 752 голов (или на 151%), число маралов — с 787 до 1889 (или на 240%), в то же время число лошадей (а основную часть их составляли табунные лошади) увеличилось только на 109% — со 134 294 до 146 522 голов, а количество коз уменьшилось почти на одну треть — с 77 717 до 52 890 голов.¹² В новых условиях алтайцы стали разводить наиболее удовлетворявшие потребности рынка виды скота, резко сократив нетоварный скот, например коз.

Разумеется, приведенные цифры относятся главным образом к байским и зайсанским хозяйствам, в руках которых находилась подавляющая часть товарного скота.

У большинства соседей алтайцев — шорцев — ведущую отрасль хозяйства составляла охота. Товарное значение имел только пушной промысел и в незначительной степени сбор кедровых орехов. О роли и значении охоты говорит тот факт, что в 1900 г. 80% хозяйств по р. Кондоме и 90% хозяйств по р. Мрассе занимались охотой. Подспорьем к охотничьему хозяйству было рыболовство. Охота у шорцев велась еще на коллективных началах, добыча делилась независимо от того, кто сколько добыл.

Земледелием занимались главным образом северные шорцы, близко соприкасавшиеся с русскими земледельцами. У южных шорцев даже в начале XX в. земледелие было очень примитивным.

Скотоводство у шорцев было развито слабо. По данным 1899 г., 19% шорских хозяйств совсем не имели крупного рогатого скота и 10% были безлошадными; половина шорских хозяйств имела по 1—2 лошади, 14% — по одной голове крупного рогатого скота. Многоскотных хозяйств почти не было. Более 10 лошадей имели только 0.6% хозяйств, а более 2 голов рогатого скота — 0.7% хозяйств.

Хозяйство хакасов во второй половине XIX и начале XX в. развивалось в скотоводческо-земледельческом направлении. Оно в значительной степени приобретало черты оседлого крестьянского хозяйства. Например, у кызыльцев большинство хозяйств жило оседло. Земледелие хакасов велось по русскому крестьянскому типу.

Основой хакасского хозяйства до революции, его наиболее доходной отраслью оставалось скотоводство, во многих районах сохранившее полукочевой характер. О размерах скотоводства у хакасов можно судить по следующим, несколько отрывочным, данным. В 1901 г. в Сагайском ведомстве насчитывалось 131 694 головы скота, в Абаканском ведомстве в 1904 г. — 233 651 голова. На 100 душ населения в Сагайском ведомстве приходилось 120 лошадей, 230 голов крупного рогатого скота и 316 овец, в Абаканском ведомстве — 362 лошади, 296 голов крупного рогатого скота

¹² Там же, стр. 330.

и 1424 овцы.¹³ На 100 десятин посева в Сагайском ведомстве приходилось 1286.9 голов скота, в то время как у русских крестьян — только 402.8 голов, т. е. в 3 раза меньше.¹⁴

В новых условиях скотоводство хакасов приобретало товарный характер, увеличивался удельный вес крупного рогатого скота и овец, сокращалось табунное коневодство и поголовье коз. За десятилетие, 1891—1901 гг., в Сагайском ведомстве количество крупного рогатого скота увеличилось на 31.6%, овец — на 15.2%, рабочих лошадей — на 22.1% (это объясняется резким увеличением посевов), а количество нерабочих лошадей сократилось на 2.4%. По сравнению с 1891 г. в Абаканском ведомстве количество крупного рогатого скота в 1904 г. увеличилось на 7.8%, овец — на 74.9%, а число лошадей — только на 0.9% и то за счет рабочих лошадей, в 3 раза сократилось число коз.¹⁵ Хакасы стали разводить свиней и птиц.

Скотоводство хакасов играло видную роль в поставках товарной продукции на рынок не только Енисейской губернии, но и Восточной Сибири в целом. Хакасы ежегодно вывозили на рынок 300 000 пуд. крупного рогатого скота, 40 000 пуд. овец, 10 000 пуд. свиней, а также 700 т овечьей шерсти, 80 т волоса, 50 000 кож, 5000 овчин и много другой продукции.¹⁶

Наряду со скотоводством у хакасов возрастало земледелие. Земледелие велось большей частью путем искусственного орошения посевов с обязательным огораживанием их. Об уровне развития земледелия у хакасов до революции можно судить по следующим данным. В 1890 г. имели свои посевы 74.8% хакасских хозяйств.¹⁷ Посевная площадь у хакасов увеличилась с 13 746 десятин в 1890 г. до 26 182 десятин в 1917 г., т. е. вдвое, в то время как население возросло с 3754 до 5355 хозяйств,¹⁸ причем следует отметить, что этот прирост произошел в нынешнем столетии, так как за предыдущее десятилетие (1891—1901 гг.) прирост посевов в Сагайском ведомстве, например, составил только 4.3%, а население увеличилось на 17%.¹⁹ У сагайцев к 1917 г. земледелием занималось 86.7% хозяйств, засеивалось 19 413 десятин. Правда, другие группы хакасов сеяли меньше, чем сагайцы. У качинцев в 1909 г. имели посевы только 28.5% хозяйств.²⁰ В. Ю. Григорьев отмечал даже сокращение и без того незначительного количества посевов в Абаканской инородной управе за 1891—1902 гг. с 867.8 десятин до 762 десятин, т. е. на 13.8%.²¹

В 1908 г. в связи с колонизационной политикой царского правительства происходило землеустройство у хакасов, направленное к изъятию значительного количества земель в колонизационный фонд. Хакасам отводилось меньше положенной 15-десятинной нормы — от 15 до 13 десятин на мужскую душу, причем в наделы было введено много неудобных и непригодных земель. Это отрицательно сказывалось на хозяйстве хакасов, как и других народов Сибири.

¹³ В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. СПб., 1906, стр. 64.

¹⁴ Народы Сибири, стр. 396.

¹⁵ В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края, стр. 69—70.

¹⁶ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 154.

¹⁷ Л. П. Потапов. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, стр. 83.

¹⁸ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов, стр. 156.

¹⁹ В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края, стр. 82.

²⁰ Народы Сибири, стр. 386, 395.

²¹ В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края, стр. 82.

Тувинцы в хозяйственном отношении делились на 2 основные группы: восточные и западные.²² Более населенными были центральный и западный районы Тувы, расположенные в бассейне верхнего течения Енисея. «Здесь кочевала значительная масса тувинского населения, концентрировавшегося больше всего на среднем течении Хемчика и по его притокам Барлыку, Чадаане, Чаа-Холю и др.»²³ Основное занятие этого населения составляло скотоводство, подсобное значение имели земледелие, охота и ремесло.

Слабо был заселен восточный район — Тоджа. Его население занималось оленеводством, охотой и лишь частично скотоводством.

Тувинцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, оленей, в небольшом количестве имели яков (сарлыков) и верблюдов. По количеству голов скота на первом месте стояли овцы и козы, доставлявшие мясо, молоко, шерсть для одежды и войлоков, овчину. Второе место занимали крупный рогатый скот и лошади.²⁴ Верблюдов и яков было немного. Оленеводство играло решающую роль в восточном районе — Тодже. Крупный рогатый скот давал мясо, молоко, шкуры; волы наряду с лошадьми использовались для обработки пашни и перевозки тяжестей.

Скот круглый год находился на подножном корму, преобладало экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство. До соприкосновения с русскими тувинцы не знали сенокосения. Они не косили траву, а срезали ее длинными ножами. При таком способе не удавалось заготовить более или менее значительные запасы сена.

Содержание скота исключительно на подножном корму отрицательно сказывалось на состоянии скотоводства. Холодные и снежные зимы, гололедица приводили к бескормице и падежу большого количества скота. Бичом для скотоводства были также эпизоотии.

Земледелие у тувинцев представляло подсобную к скотоводству отрасль хозяйства. «Связанный постоянно уходом за скотом арат мог засеять лишь небольшой участок земли, в самом благоприятном случае не превышающий гектара».²⁵ Пахали примитивной сохой (андазын), борошили волокушей из колючего куста караганника. Сеяли просо и ячмень, иногда пшеницу. Применялось искусственное орошение пашни через оросительные каналы, которые проводились от рек, протекавших по высоким местам. Колосья хлеба вырывали руками или срезали ножами.

В последнее двадцатилетие XIX и в начале XX в. в развитии земледелия у тувинцев произошли заметные сдвиги. Сказывалось влияние русских переселенцев, восприятие их земледельческого опыта. «С начала XX в. на тувинском поле появляются русский плуг, серп и коса. По примеру русских тувинцы стали использовать солому, косить траву, чего раньше ими не делалось. Однако тяжелые условия колониального положения, бедность и нищета тувинского населения не могли создать необходимых условий для более быстрого роста земледелия».²⁶

В 1915 г. общий посев хлебов в Туве составлял всего 5000 га.

В восточных районах Тувы (Тоджа и Терехоль) получила распространение охота. Здесь наряду с оленеводством она была основным занятием. Охотились на белку, соболя, лисиц, выдру, речного бобра, горностая и

²² Обобщенная характеристика хозяйства тувинцев дана в монографии В. И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы. XIX—начало XX в.» (М., 1956) и в I томе «Истории Тувы» (М., 1964).

²³ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы..., стр. 59.

²⁴ Как отмечает В. И. Дулов, точного и систематического учета скота в Туве не велось. По ориентировочным данным, в начале XX в. в Туве было около 900 000—1 100 000 голов скота. Больше половины составляли овцы и козы, пятую часть — рогатый скот и лишь десятую часть — лошади.

²⁵ История Тувы, т. I, стр. 260.

²⁶ Там же.

других животных. Орудиями охоты служили лук и стрелы с железными наконечниками. Применялось также огнестрельное оружие: шомпольно-фитильные и пистонные ружья (с деревянными рогатками для устойчивости выстрела). Позже других типов ружей появилась русская винтовка. В западных и частично в центральных районах Тувы с развитием скотоводства, отчасти земледелия роль охоты уменьшалась.

В западной и центральной части Тувы были распространены такие виды ремесла, как кузнечное, литейное, столярное, шорное, катание войлоков, портняжное, сапожное. Ремесло сочеталось с домашними промыслами.

Тувинец-охотник. (Из коллекции П. П. Хороших. Иркутск).

Преобладание экстенсивного пастбищно-кочевого скотоводства с редкими очагами земледелия в западных и центральных районах Тувы, оленеводства и охоты на востоке, натуральный хозяйственный уклад со слабым развитием меновых отношений — таковы были характерные черты народного хозяйства тувинцев.

Во второй половине XIX и начале XX в. произошли существенные изменения в хозяйстве бурятского населения. Они были связаны с процессом развития капитализма в Сибири и влиянием русского народа на хозяйство и быт бурят. Возрастала связь бурятского хозяйства с рынком.

Увеличение сбыта сельскохозяйственной продукции стимулировалось нуждой в деньгах для уплаты податей, покупки орудий производства, которых становилось больше с ростом земледелия и сенокосения, для «домообзаводства», приобретения предметов широкого потребления. Буряты покупали металлические изделия (сошники, зубья для бороны, серпы, косы, топоры, котлы, железо для разных поделок и т. д.), охотничье оружие, текстильные и бакалейные товары, чай, сахар, табак, «осветительные предметы» (керосин, свечи). Забайкальские скотоводы покупали также хлеб. Главные предметы сбыта со стороны бурят составляли мясо, рогатый скот, овцы, лошади, сырые кожи, жир, шерсть, шкуры пушных зверей. У бурят Иркутской губернии значительное место занимала продажа хлеба

и сена. Сельскохозяйственные продукты сбывали в большом количестве на золотых приисках. Во второй половине XIX в. совершался процесс внедрения товарно-денежных отношений в бурятское хозяйство, но в нем еще существовали остатки натурального уклада.

Возрастала роль земледелия, сенокосения, укреплялась оседлость за счет ограничения, а в некоторых хозяйствах прекращения перекочевков.

Основными занятиями бурят были скотоводство и земледелие. По данным переписи 1897 г., скотоводство составляло главный источник средств существования для 50% бурятского населения, земледелие — для 46.8%, другие занятия — для 3.2%. Преобладание одной из основных отраслей хозяйства (скотоводства или земледелия) как главного источника средств существования не исключало другой отрасли, которая у разных территориальных групп бурятского населения занимала то первое, то второе место (скотоводческо-земледельческие и земледельческо-скотоводческие хозяйства). Существовали скотоводы, не имевшие хлебопашества, и земледельцы, у которых разведение скота имело подсобное значение.

Земледелие получило наибольшее развитие среди бурят Иркутской губернии. В 1867—1868 гг. у них было засеяно 72 242 десятины, а в 1887—1888 гг. — 103 007 десятин, т. е. за 20 лет посев увеличился на 42.5%. Сравнительно меньше земледелие было развито у бурят Забайкальской области. По данным подворной переписи 1887—1888 г., на 100 душ населения у бурят Иркутской губернии приходилось 209 десятин пашни (без залежей и чертежей), у забайкальских — 33.5 десятины.

Заимствовав хлебопашество у русских крестьян, буряты придерживались такой же системы земледелия, которая существовала у русского населения. Одинаковы у них были и орудия земледелия.

Заметные изменения в хозяйстве бурят произошли после проведения Сибирской железной дороги. Усилилось проникновение товарно-денежных отношений, увеличилось применение усовершенствованных орудий в хозяйстве бурятского населения. По переписи 1917 г., у бурят Иркутской губернии числилось плугов однолемешных 2070, многолемешных — 301, веялок — 47, косилок — 1405, конных граблей — 1604, жнеек — 182, молотилок — 363, веялок — 1349; распространялись сепараторы. В бурятских волостях Забайкальской области зарегистрировано 3950 плугов однолемешных, 70 многолемешных, 64 сеялки, 346 жнеек, 49 молотилок, 257 веялок. Таким образом, улучшилась сельскохозяйственная техника, прежде всего в кулацких и зажиточных хозяйствах. Однако по-прежнему преобладала соха (с модернизированными вариантами этого старинного орудия), не вывелась деревянная борона с железными зубьями, широко применялась коса-литовка, сменившая косу-горбушу.

Уступая западным бурятам в отношении развития земледелия, забайкальские буряты превосходили их в распространении скотоводства. По данным подворной переписи, на 100 душ населения приходилось у бурят Иркутской губернии 464 головы всего скота, в Забайкальской области — 1005 голов. В 1906 г. из 2 572 260 голов скота в Забайкалье бурятам и эвенкам принадлежали 1 222 524 головы скота. Между тем на долю бурят и эвенков приходилось только 12.6% посевной площади.

Наибольшее развитие земледелие получило в бурятских ведомствах Балаганского и Иркутского уездов, у бурят Верхотурского ведомства преобладало скотоводство. У большинства бурят Иркутской губернии хлеб производили не только для личного потребления, но и для продажи на рынке.

Хозяйство забайкальских бурят было скотоводческо-земледельческим. Земледелие распространялось в Западном Забайкалье, а Восточное Забайкалье было районом почти сплошного скотоводства. Буряты этого района тысячи голов скота продавали на Ленские золотые прииски. В восточных

районах существовал полукочевой и кочевой образ жизни. Буряты Иркутской губернии с наступлением весны перегоняли скот на летние пастбища, расположенные на некотором расстоянии от зимников и представлявшие степные пространства с хорошими травами. В районе летних пастбищ бурят находились летники, на которых имелись восьмиугольные деревянные юрты и в редких случаях дома, предназначенные для жилья, а для скота — различного рода горожняки. Так называемая перекочевка из зимников в летники производилась одновременно «всем улусом». Причем на летники перевозили самое необходимое: посуду, нужную для дойки коров и обработки молочных продуктов (например, арцы), небольшой запас муки и некоторые другие вещи, нужные в быту. Все остальное имущество и инвентарь оставались в зимниках, являвшихся основным хозяйственным центром и постоянным местом жительства. В зимниках были дома со всеми другими хозяйственными постройками; здесь же находились пашни, утуги²⁷ и прочие сенокосные места.

В конце августа, после окончания сенокоса и уборки сена, скот снова перегонялся с летних пастбищ (с летников) в зимники, где до поздней осени кормился на выкошенных летом утугах и сенокосных лугах, а после уборки хлебов — на полях. С наступлением зимы скот переходил на стойловое содержание, за исключением табуна лошадей, который (если был у кого) ходил на подножном корму, а при больших снегах загонялся во дворы и подкармливался соломой и сеном.

Для скота буряты строили крытые хотоны (стайки), куда загоняли скот в ночное время. Хотоны строились обыкновенно из мелких бревен, щели между ними тщательно замазывались. Более зажиточные буряты, кроме хотонов, предназначенных для крупного рогатого скота, строили еще особые хотоны для овец, коз и телят.

Перегоняя весь скот в летний период на летние пастбища, буряты Иркутской губернии, по мнению многих наблюдателей и по показанию самих бурят, обеспечивали лучшее «произрастание трав» на своих утугах и сенокосных лугах, расположенных в зимниках — в местах постоянного жительства. Кроме того, летние пастбища, изобиловавшие «хорошими и тучными травами», давали возможность скоту не только быстро поправляться, но и «сильно упитываться». Следовательно, практика «выкочевки» с зимников в летники диктовалась чисто хозяйственными соображениями.

У бурятских и эвенкийских скотоводов Забайкальской области приемы и способы содержания скота в принципе были такими же, какими они были у бурят Иркутской губернии. Это относится прежде всего к бурятам Кударинского и Баргузинского ведомств. У остальных бурят Забайкалья рогатый скот и овцы зимой находились на полустойловом содержании. Наряду с «подкармливанием скота сеном» зимой они пользовались тебеневкой (зимняя пастьба скота по ветошам). Тебеневка особенно широко практиковалась бурятами Агинского ведомства. У них в зимний период кормили сеном дойных коров, телят и «захудалых особей», а остальной гулевой скот находился на тебеневке.

Во второй половине XIX в. коренные жители края добились заметных успехов в создании кормовой базы для животноводства. У бурят они были достигнуты прежде всего путем настойчивого внедрения практики удобрения лугов навозом, что значительно повышало урожайность естественных сенокосов.

Утуги возникли у бурят давно. Однако значительное распространение и развитие утужного хозяйства происходит во второй половине XIX в. Как правило, утуги у бурят Иркутской губернии были расположены около зимних жилищ (зимников) и строго охранялись от потрав. Они были

²⁷ Утуги — сенокосные угодья, удобренные навозом.

всегда «обнесены крепкой надежной изгородью». На одну десятину утуга вывозилось 100, а в иных случаях 200 возов навоза.

Утужная система, обязанная своим возникновением практике бурят, в несколько раз повышала урожайность естественных сенокосов и улучшала состав травостоя и качество сена. На утугах «трава рождается густая, преимущественно пырей, — отмечали статистико-экономические исследователи, — урожай достигает до 300 пудов с одной десятины».²⁸

Кроме пырейного сена, утуги давали еще более высококачественное злако-бобовое и нередко чисто люцерновое сено.

Закладка утуга, ставшая системой у бурят, требовала значительных затрат труда (собираение и вывоз навоза, разбрасывание и втирание его в почву, огораживание крепкой городьбой и т. д.).

Во многих бурятских ведомствах Иркутской губернии утуги орошались. Это еще более повышало их производительность. Орошение утугов и других сенокосных мест производилось посредством канав, проведенных из ключей, рек и речек, которые запруживались в «нужных местах».

Буряты Забайкальской области, так же как и буряты Иркутской губернии, придавали большое значение утугованию сенокосов и их орошению, которые практиковались здесь еще в первой половине XIX в. Утуги забайкальских бурят в отличие от иркутских были расположены как в летниках, так и в зимниках.

Рост земледелия, сенокосения, развитие утужной системы, орошение покосов и увеличение их площади путем расчистки — все эти явления говорят о значительном сдвиге в хозяйстве бурят во второй половине XIX в. Это же способствовало возрастанию роли стойлового содержания в зимний период у той группы жителей, которые не занимались земледелием или же занимались им в небольших размерах.

Изменения, происходившие в их хозяйстве, хорошо понимали сами буряты. Так, уполномоченные Хоринского ведомства писали: «За последнее время в бурятском хозяйстве наблюдается неуклонная эволюция в сторону относительной оседлости, увеличивается связь бурята с землей. Сама система кочевания с летников на зимники с постройкой постоянных юрт и домов заставляет рассматривать эту форму кочевания как осуществление постоянной связи владельца с его имуществом, отличает бурят от остальных кочевников, переносивших свои юрты с места на место. Все это дает право утверждать, что бурятское хозяйство эволюционирует от кочевого к оседлому и от чисто скотоводческого к земледельческо-скотоводческому».²⁹

Во второй половине XIX в. происходили значительные изменения в экономической жизни далекой окраины России — Якутской области. Они были связаны прежде всего с развитием Лено-Витимских и Олекминских золотых приисков. Золото добывали также в Южной Якутии на реках Учур, Тимптон и др., а также на Вилюе, свинец — в горах Верхоянья, соль — на Вилюе.

Для снабжения возрастающего промышленного населения на прииски ежегодно в большом количестве вывозились из якутских улусов мясо, масло, жир, хлеб, рыба, сено, доставлялись лошади и рогатый скот. В низовьях Лены производился промышленный лов рыбы. Зимой сельскохозяйственные продукты вывозились на лошадях, а летом — водным транспортом. Живой скот крупными гуртами перегоняли из Якутска до приисков.

С 50-х годов XIX в. по Лене стали ходить пароходы. С 60-х годов начали улучшать дороги, связывающие дальние округа и улусы с Якутском,

²⁸ И. А. Асалаханов. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963, стр. 49.

²⁹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. Улан-Удэ, 1951, стр. 397—398.

Олекминском, Витимом (приисковая резиденция) и другими торговыми центрами. Использовался для перевозки грузов Аяно-Нельканский тракт. В улусах и наслегах появились многочисленные мелкие торговцы и агенты крупных фирм и купцов, закупавшие пушнину, скот и сельскохозяйственные продукты.

«Главные обороты, — писал Н. Г. Чернышевский в 1873 г., — не пушная торговля, конечно; о ней много толкуют в России, в Европе, но она мелкая торговля; несравненно важнее для здешней и собственно якутской части Якутской области — поставка мяса на золотые прииски».³⁰

В Якутске ежегодно устраивались две ярмарки: летняя и зимняя. В Якутскую область из других мест Сибири, из Европейской России поступали разнообразные товары: бумажные, шерстяные, льняные, шелковые ткани, бакалея, сахар, крупчатая мука, чай, самовары, котлы, литовки (косы), железные изделия, ружья, стеклянная, фарфоровая посуда, стекло, готовые обувь и платье, табак, свечи, керосин, мыло и др. Ярмарочная торговля устраивалась летом по Вилюю, Яне, Алдану, Колыме, а Чукотская ярмарка открывалась весной на Анюе.

Возрастала связь якутского хозяйства с рынком, в натуральный уклад внедрялись товарно-денежные отношения. В Якутске работали отделение крупнейшего Русско-Азиатского банка и Якутский городской коммунальный банк Н. Эверстова (Сэрбэкэ), в якутских округах действовали кредитные учреждения.

Основу хозяйства большинства якутов составляло скотоводство. Оно получило наибольшее распространение в Якутском и Вилюйском округах. Их жители занимались также, смотря по местным условиям, земледелием, рыболовством, охотой, извозом. В Олекминском округе главным занятием якутов было земледелие, подсобными занятиями — скотоводство и извоз. В Верхоянском, Колымском и Булунском округах якуты занимались скотоводством, часть из них — оленеводством, а также рыболовством, охотой, поисками мамонтовой кости.

У якутов, за исключением Колымского округа, рогатый скот преобладал над конным. Так, в 1899 г. они имели 102 952 лошади и 275 813 голов рогатого скота.³¹

Существовало два способа содержания скота: пастбищное и стойловое. В суровую длинную зиму якуты держали рогатый скот в темных и сырых хотонах (хлевах), отделявшихся от жилого помещения перегородкой. Лошади круглый год находились на подножном корму, сеном подкармливали только рабочих лошадей и слабых жеребят. Летом лошадей и рогатый скот пускали на пастбища. Сено косили железной косой-горбушей на короткой кривой рукоятке. К концу XIX в. получила распространение русская коса-литовка, которая в дальнейшем вытеснила горбушу. Богатые люди приобретали железные плуги, сельскохозяйственные машины. В переписи 1917 г. зарегистрировано железных плугов 1407, сеялок 73, косилок 40, жнеек 107, молотилок 70, веялок 344 и т. д. Якуты расчищали леса под пашню, которая давала хорошие урожаи и окруженная лесом была более защищена от ранних заморозков. В конце XIX и начале XX в. зажиточные хозяйства для расширения сенокосных угодий осушали болота, спустили воду из озер, расчищали от тальника острова рек, строили плотины для орошения сухих долин, поднятия уровня мелких рек и т. д. Благодаря таким мелиоративным работам увеличивали запасы кормов для скота и расширяли хлебопахотные земли.

Хотя скотоводство якутов оставалось экстенсивным, предпринимались попытки его интенсификации путем метизации местного скота с привоз-

³⁰ Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Вып. 1. СПб., 1912, стр. 77.

³¹ Обзор Якутской области за 1899 г. Якутск, 1900, стр. 17—18.

ным, более продуктивным, и путем улучшения содержания скота. Частые засухи и разные эпизоотии вызывали большие колебания в динамике численности скота. Однако новые орудия труда (коса-литовка, сельскохозяйственные машины), расширение сенокосных участков и все более расширяющийся рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов создали условия для развития животноводства. И в конце XIX—начале XX в., несмотря на отдельные годы сокращения, происходил неуклонный рост поголовья скота. За период с 1895 по 1917 г. количество крупного рогатого скота увеличилось с 241 332 голов до 487 490 голов. Количество лошадей за этот период увеличилось с 104 282 голов до 133 350 голов.

В Якутии, богатой реками и озерами, издавна получило распространение рыболовство. Оно являлось подсобным занятием почти всех якутов Центральной Якутии. Рыболовство особенно было развито в Колымском и Вилюйском округах. Оно распространялось также в северных улусах Верхоянского округа. Ценные породы рыб и икра использовались не только для нужд местного населения, но и поступали в продажу, вывозились на прииски.

По мере развития скотоводства уменьшился удельный вес охоты, но она не утратила значения подсобного промысла. Орудиями охоты служили кремневая винтовка и ловушки. Преобладала охота на белок, лисиц, зайцев, горностаев, песцов и речных бобров. Главными поставщиками ценной пушнины являлись северные округа области. Охотники сбывали ее на ярмарках и приезжим скупщикам. Ежегодно реализовывалось на рынке большое количество пушнины. Например, в 1902 г., по приблизительным данным, было продано соболей 3800, песцов 15 000, лисиц 10 000, белок 800 000 и т. д.³²

Подсобными занятиями являлись извоз и лесной промысел, доставка дров и бревен в города и на золотые прииски.

У якутов, как и у других народов Сибири, получили распространение кузнечное ремесло и «домашняя промышленность». Открытым способом добывали железную руду и плавил из нее кричное железо. Якутские кузнецы работали также на покупном железе. Из него ковали разные сельскохозяйственные орудия, предметы утвари, охотничье оружие и инвентарь.

Из отраслей «домашней промышленности» были распространены обработка древесных материалов (изделия из дерева и бересты), а также меха и кожи. Якуты изготавливали деревянную посуду, утварь, обстановку жилищ, занимались производством гончарных изделий. Из меха и кожи делались одежда, обувь, ковры, одеяла, посуда и пр.

Большая часть якутских хозяйств вела полукочевую жизнь: летом переезжали на летние пастбища, а осенью, после уборки сена, возвращались обратно в свои зимние юрты.

Якутское население жило распыленно, расстояние между юртами достигало 2—5, а иногда и десятков километров; только на летних пастбищах (сайлыках) жили более скученно. Расселение деревнями и поселками основной массы якутов, за исключением олекминских, в дореволюционное время было неизвестно. Такой характер расселения был обусловлен громадной территорией Якутии, малонаселенностью ее, наличием большого количества свободных земель и разбросанностью сенокосных участков.

Существенным шагом вперед в экономическом развитии якутов было распространение среди них хлебопашества по примеру русских крестьян, под их непосредственным влиянием. От них якуты заимствовали сельскохозяйственные культуры, орудия и способы обработки земли, навыки ведения хлебопашества.

³² М. Константинов. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921, стр. 58.

Во второй половине XIX в. площади посевов у якутов заметно возросли. В 1888 г. было засеяно 2988 десятин, в 1899 г. — 12 866 десятин (в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах)³³, а в 1917 г. в этих же округах было засеяно 33 747 десятин. У якутского населения преобладали посевы ярицы (яровой ржи) и ячменя. В небольшом количестве сеяли также пшеницу и овес. В конце XIX—начале XX в. заметно вырос удельный вес якутских хозяйств среди земледельцев Якутской области: в 1900 г. площадь, засеваемая якутами, достигла 61%.³⁴ В северных округах (Верхоянском и Колымском) земледелие не привилось вследствие суровости климата. В южной части этих округов неоднократно производились опыты посевов, но они не доводились до конца.

В хозяйстве народов Сибири во второй половине XIX в. происходил ряд изменений. Возрастала роль земледелия и сенокосения у скотоводов (западносибирские татары, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты, урульгинские эвенки, якуты). Наряду со скотоводческими имелись скотоводческо-земледельческие, земледельческо-скотоводческие и земледельческие хозяйства. Особенно заметно развивалось земледелие у бурят и якутов, которые использовали хлеб не только для собственного употребления, но и для продажи на рынке. Хлебопашество проникало к рыболовам, охотникам и оленеводам (манси и ханты, шорцы и эвенки). С ростом земледелия и сенокосения ограничивались перекочевки, совершался переход к полукочевому и оседлому быту. Кроме чумов, деревянных и войлочных юрт, приспособленных для перекочевки, строились дома русского типа, амбары, стайки, мельницы, хлебные экономические магазины. Разнообразнее стали сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода. Аборигены Сибири приобретали железо и железные изделия, сошники, серпы, косы-литовки, ружья, порох, свинец, одежду и посуду русского образца, текстильные материалы, хлеб, овощи, керосин, свечи и другие предметы. В натуральное хозяйство внедрялись товарно-денежные отношения, возрастала связь с рынком. Народы Сибири доставляли на рынок лошадей, рогатый скот, овец, сырые кожи, продукты животноводства, хлеб, пушнину, лес, рыбу, сено и т. д. Ценная пушнина поступала не только на внутренний, но и на внешний рынок. Значительное распространение получил извоз и развивался транспорт, устанавливалась телеграфная, телефонная и почтовая связь. Изменила хозяйство разных народов великая транссибирская железнодорожная магистраль. Хозяйство народов Сибири вовлекалось в общий процесс экономического развития России, ее сибирских земель.

Эти изменения вызывались объективной экономической необходимостью — возраставшей потребностью в новых материальных ресурсах, ростом товарно-денежных отношений в эпоху капитализма, влиянием одних народов на хозяйство и быт других. Русские способствовали развитию у народов Сибири хлебопашества, оседлого быта, «домообзаводства», распространению огнестрельного оружия для охоты, новых для них предметов хозяйственного и домашнего обихода. От западносибирских татар, алтайцев, бурят, якутов северные охотники и оленеводы заимствовали разведение лошадей и рогатого скота, орудия труда и т. п. Влияние русского народа на народы Сибири было взаимным. Оно проявлялось в области хозяйства, быта, языка, брачных отношений.

Ряд положительных явлений в хозяйстве народов Сибири не приводил, однако, к коренным улучшениям экономического положения трудо-

³³ Обзор Якутской области за 1899 г., табл. 1.

³⁴ З. В. Гоголев. Об изменениях в социально-экономическом строе в Якутии во второй половине XIX—начале XX в. «Труды Института языка, литературы и истории», вып. 2 (7), Якутск, 1960, стр. 81—82.

вых слоев населения. Их материальное положение подрывалось эксплуатацией, закабалением и разорением со стороны купцов-ростовщиков, кулачества, баев, нойонов и тойонов, колониальным гнетом. Распределение народного богатства было крайне неравномерным: одни наживались, другие беднели. Царское правительство обременяло народы Сибири податями и повинностями, тягость которых усугублялась поборами со стороны чиновников и духовенства.

Торгово-ростовщический капитал, проникавший на север, эксплуатировал и закабалял рыболовов и охотников. Например, на Тобольском севере рыболовство большого масштаба концентрировалось в руках купцов-рыбопромышленников. Не располагая средствами для покупки больших неводов, приобретения необходимых принадлежностей для засола впрок значительного количества рыбы, местные рыболовы — ханты, манси не в состоянии были «воспользоваться той прибылью, какая могла бы извлекаться на рыболовных песках».³⁵ Они сдавали рыболовные угодья по низкой цене купцам-съемщикам, приезжавшим из городов. При этом они выговаривали себе право совместно ловить здесь рыбу своими снастями или неводами за половину улова. Рыбопромышленники нарушали эти условия, совершали злоупотребления, прибегали к обману, захватывали лучшие рыболовные угодья («пески»). С хантами и манси они «обращались как с рабочей силою, попавшего к ним в зависимость».³⁶

В руках купцов-монополистов концентрировалась торговля пушниной. Этот процесс усилился в 80—90-х годах XIX в. В. Бартенев, изучавший быт обитателей Севера, сообщал, что в так называемых «северных столицах» — Обдорске, Туруханске, Верхоянске, Средне-Колымске «замечалось сосредоточение торгово-промышленной деятельности все в меньшем и меньшем числе рук».³⁷ Доставка товаров находилась в руках небольшого числа купцов, которые за бесценок скупали пушнину и по своему произволу устанавливали цены на привозные товары. Крупные купцы, вытесняя мелких торговцев, сами и через своих доверенных непосредственно эксплуатировали и закабаляли охотников. Между рыболовами, охотниками и рынком стояли посредники — скупщики, получавшие львиную долю доходов. Например, в Якутской области «условия промыслов породили целый ряд таких посредников, начиная с мелкого скупщика, разъезжавшего по тайге и тундре вслед за звероловами, и кончая крупным торговцем, вывозящим большие партии пушнины и мамонтовой кости на рынки Европейской России».³⁸ В Колымском округе купцы при скупке пушнины, обмене ее на товары назначали на них непомерно высокие цены. Наценка на 100% считалась «за великое одолжение. Взыскания по долгам достигали 200—300 процентов».³⁹ Скупщики прибегали к спаиванию, обману, вымогательствам, прямым хищениям.

Знаток экономики дореволюционной Сибири М. И. Боголепов писал: «Торговля, — если можно назвать торговлей такие действия, в которых трудно провести грань между уголовным преступлением и коммерческой сделкой, — была направлена на захват тех богатств, которые были в руках инородцев как результат их промысловой деятельности».⁴⁰ Боголепов отмечал, что «торговец, священник, чиновник занимались меною водки

³⁵ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 10, д. 35964, л. 285.

³⁶ Там же.

³⁷ В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896, стр. 136—137.

³⁸ Обзор Якутской области за 1899 г., стр. 26.

³⁹ Там же.

⁴⁰ М. Боголепов. Торговля в Сибири. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», СПб., 1908, стр. 172.

на ценные товары, находившиеся в руках инородцев. Ведро водки, стоившее 5 руб., продавалось за 40 руб.»⁴¹

Монополии, закабаление путем ростовщического кредитования — таковы были «несложные начала», на которых основывалась торговля с народами Сибири. Пользуясь острой нуждой охотников, рыболовов, скотоводов, купцы давали в долг под высокие проценты товары и деньги. При неуплате в срок, преимущественно натурой, проценты повышались. В результате должники попадали в кабалу к купцам, были вынуждены за бесценок сдавать им пушнину, рыбу, скот и пр., становились по существу кабальными работниками кредиторов.

Якуты на ярмарке.

Торговый капитал способствовал доставке товаров в отдаленные места, росту их оборота, внедрению товарных отношений в натуральное хозяйство, но, закабалая и разоряя, доводя до обнищания своих покупателей-должников, он тормозил экономическое развитие народов Сибири.

На хозяйстве алтайцев, хакасов, бурят отрицательно сказывалась переселенческая политика царизма. Она усилилась в первое десятилетие XX в. Царское правительство, напуганное крестьянским движением в Европейской России, стремилось притупить остроту аграрного вопроса путем переселения «беспокойных» крестьян в Сибирь, не считаясь ни с положением переселенцев, ни с интересами старожилов. Значительное количество земель, где жило коренное население, отбиралось в колониционный фонд, создавалась дробность и чересполосность землепользования, затруднявшие использование земельных угодий. В первое пятнадцатилетие XX в. происходило изъятие части земель у алтайцев и хакасов.

В условиях массового наплыва переселенцев земельный вопрос на Алтае приобретал значительную остроту. Царские власти решили приступить к землеустройству в целях подготовки колониционного фонда. По закону 1899 г. землеустройству подлежало все население Алтая (пересе-

⁴¹ Там же, стр. 172, 173.

ленцы, русские старожилы и алтайцы), исключая только так называемых «бродячих инородцев». Была установлена для всех категорий населения норма надела — 18 десятин на мужскую душу без учета особенностей экстенсивного кочевого и полукочевого хозяйства. Землеустройство должно было изъять от алтайцев и русских старожилов до 6 млн десятин земли. Однако из-за сильной волны протестов со стороны алтайцев действие закона 1899 г. было отсрочено на несколько лет. Было признано, что «80% кочевников Горного Алтая не созрело для землеустройства».⁴²

Временная отсрочка землеустройства отнюдь не означала отказа царского правительства от более последовательного проведения его в будущем. Как и в других районах Сибири, землеустройство на Алтае было ускорено событиями первой русской революции. Правительство спешило изыскать земли для переселенцев, чтобы хоть как-то разрядить революционную обстановку в самой России, сплавив в Сибирь недовольные массы безземельных крестьян. В 1906 г. вышел указ о передаче «на арендных условиях всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского округа в казну для переселенческого фонда». При передаче этих земель в казну государственное казначейство должно было платить Кабинету по 22 коп. за каждую десятину удобной земли ежегодно в течение 49 лет, что дало бы Кабинету в общей сложности около 15 млн руб. барыша.⁴³

Кабинет стал проводить землеустроительные работы, чтобы закончить изъятие «излишней» земли от алтайцев и русских старожилов. Кабинету выгоднее было изъятые земли сдавать в аренду, чем отводить их в надел крестьянам, так как арендные цены были гораздо выше и все время росли. Уже в 1908 г. цена аренды за десятину равнялась 40 коп.⁴⁴

К 1912—1913 гг. землеустройство алтайцев было завершено. Пострадали от него в первую очередь трудящиеся массы алтайцев, ибо изымались прежде всего общинные земли. Зайсаны и баи сумели сохранить свои лучшие земли, зачислив их путем подкупа землемеров в неудобные. Землеустройство нарушило землепользование алтайцев и нанесло урон рядовым скотоводам-алтайцам.

Землеустроительные мероприятия определялись «Положением о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях» (1896 г.) и «Главными основаниями поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (1900 г.). Норма надела устанавливалась в 15 десятин земельных угодий на наличную душу мужского пола.

Землеустроительные мероприятия вследствие сопротивления бурятских и русских крестьян-старожилов, особенно во время революции 1905—1907 гг., были отложены. Но они возобновились в 1908 г., когда реакция вновь усилила колонизаторское наступление на сибирские земли. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области землеустроительные работы, развернувшиеся в 1908—1914 гг., затянулись местами до 1917 г. Прикрываясь лицемерными фразами «о переводе кочевников на оседлое положение», царизм вместо реальной помощи в этом отношении производил изъятие значительного количества земель в колонизационный фонд и вел бурятских крестьян к разорению. Лишь победа революции предотвратила эту угрозу.

⁴² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 238.

⁴³ А. Хохряков. Коммерсанты без промыслового свидетельства. «Сибирские вопросы», СПб., 1912, № 19, стр. 43.

⁴⁴ Там же, стр. 44.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хозяйство многочисленных народов на огромной территории Сибири не было одинаковым, и весьма различными были у них социально-экономические процессы. Однако общим было то, что во второй половине XIX и начале XX в. у народов Сибири, занимавшихся скотоводством и земледелием, происходили важные изменения. Они заключались в том, что на базе мелкотоварного производства, возникавшего вследствие разложения патриархально-натурального уклада, формировались капиталистические отношения. Возрастала типичная для этих отношений эксплуатация наемного труда. Спрос на него возрастал по мере развития промышленности, земледелия, скотоводства, сенокосения, мельничного дела, усиления сбыта продукции на рынке.

По данным подворной переписи 1887—1897 гг., у бурят Иркутской губернии занимали только годовых и сроковых работников (без поденных и сдельных) 21.7% хозяйств, у забайкальских бурят — 9.9, у хакасов — 9.1%. В Якутии, по переписи 1917 г., пользовались наемным трудом в Олекминском округе 20.4% хозяйств, в Вилюйском — 15.6, в Якутском — 7.3%.

По данным Агинской экспедиции 1908 г., довольно далеко зашло расхождение бурят-скотоводов: бедняцкие хозяйства составляли 20.7% всех хозяйств, а бесскотные — 5.7%. За 11 лет (с 1897 г.) число бесскотных хозяйств заметно возросло. Бедняцкие и бесскотные хозяйства составляли более четверти всех хозяйств.

В бурятских ведомствах Иркутской губернии в руках хозяйств с наемными годовыми и сроковыми батраками, составлявших 21.7%, было сосредоточено более 45% пашни и скота.

В ведомствах Забайкальской области на долю хозяйств с годовыми и сроковыми работниками (эти хозяйства составляли 10%) приходилась одна треть скота и пашни, а на долю тех, кто отпускал работников в наем (до 30%), — одна десятая часть скота. Средняя группа хозяйств составляла 60% дворов и имела до 57% скота и пашни. Примерно такое же соотношение между разными социальными группами существовало у хакасов. В Якутии в 1917 г. 6.48% хозяйств совсем не имели скота, 18.4 имели до 3 голов скота, 55.9 — от 3.1 до 10 голов скота, 16.13 — от 10.1 до 20 голов и 3% — свыше 20 голов скота.⁴⁵ Таким образом, капиталистический уклад, образовавшийся в экономике земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих коренных народов Сибири, имел довольно заметный удельный вес, но он не был преобладающим. Главное место в их экономике принадлежало в основном мелкотоварному производству. Сильны были и остатки патриархально-натурального уклада.

Под влиянием развития товарно-денежных отношений, формирования капиталистического уклада изменялся характер хозяйства старых родовых нойонов и тойонов. Принцип наследования и пожизненности должностей «родоначальников» ограничивался. Ими становились не только наследственные нойоны и тойоны, но и выходцы из разбогатевших неродовитых хозяев. Они вытесняли старых тойонов и нойонов. В 80-х годах XIX в. принцип наследования должностей «родоначальников» был по существу ликвидирован: они стали избираться сроком на 3 года.

Многие нойоны и тойоны приспосабливались к развивавшимся капиталистическим отношениям, расширяли применение наемного труда в своих хозяйствах и коммерческо-предпринимательские операции. Выразительным примером в этом отношении может служить тайша Индинского бу-

⁴⁵ В. Д. Халдеев. Крестьянское хозяйство Якутии в войне и революции. М., 1924, стр. 7.

рятского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии И. Пирожков. В 1883 г. он имел 164 десятины пашни, а в конце XIX в. — 300 десятин. В его хозяйстве было занято 65 наемных работников. Пирожков был владельцем крупного крупчато-мукомольного предприятия, пайщиком винокуренного завода, считался иркутским купцом 2-й гильдии, имел оптовый купеческий склад в Иркутске. На международной выставке по мукомольному делу в Париже И. Пирожкову был присужден диплом на золотую медаль «за хорошее качество произведений крупчатого заведения».⁴⁶

В начале XIX в. в районах Западной Бурятии насчитывалось несколько десятков крупных хозяйств. Например, богатый бурят Ертагаев (Ользоновское ведомство) имел 2000 голов крупного рогатого скота, 500 табунных лошадей, 200 десятин посева. Такие хозяйства обслуживались трудом закабаленных кулаками батраков.

Богатый якут Восточно-Кангаласского улуса С. Барашков произвел значительные расчистки земель под пашню и высевал ежегодно до 700 пуд. Он разводил породистых свиней, улучшенные породы коров и лошадей, поставлял на прииски и в Якутск в большом количестве мясо, масло, хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. В своем хозяйстве имел комплект сельскохозяйственных машин: молотилки, сеялки, железные плуги, бороны «зиг-заг» и др. Он построил электростанцию, энергию которой использовал на своих фермах, при молотье хлеба и в работе мельницы.

Обуржуазившиеся якутские тоёны Г. Никифоров, А. Лепчиков, П. Афанасьев, С. Идельгин, И. Попов и др. имели большое количество скота и огромные площади посевов. Они разбогатели на торговле и эксплуатации наемных рабочих (батраков). Они были подрядчиками и поставщиками сельскохозяйственных продуктов на золотые прииски и в города.

На Алтае зажиточные и зайсано-байские элементы придали своему хозяйству товарное, предпринимательское направление. Они стали поставщиками различных видов сельскохозяйственной продукции на рынок, составляя в этом отношении серьезную конкуренцию русским кулакам и торговцам. Они широко применяли в своем хозяйстве наемный труд.

Многие байские хозяйства достигали значительных размеров. Так, например, бай Аргымай Кульджин занимался племенным коневодством, для изучения которого ездил в Англию и Германию, произвел искусственное орошение Теньгинской долины, построил маслодельный завод. В его хозяйстве работало 400 наемных батраков.⁴⁷

Социальное расслоение неизбежно вызывало разложение сельской общины. Оно сказалось и в землепользовании. Как писал В. И. Ленин, в Сибири не было сложившейся частной собственности, здесь землю не покупали, а захватывали. Зажиточные люди захватывали свободные земли, закрепляли за собой, получив согласие сельской общины, «по акту» на определенный срок, а иногда и без ее согласия. Захваченные земли расчищали, удобряли или производили на них мелиоративные работы. Эти участки (сенокосные и пахотные) передавались по наследству. Захватывали не только свободные земли, но и общинные.

Буряты пользовались пашнями на основе захватного права. По данным подворной переписи 1887—1890 гг., у бурят Иркутской губернии находилось в захватном пользовании 93,4% пашни, у хакасов — 100%. То же самое было у забайкальских бурят и эвенков. Земельные решения

⁴⁶ И. А. Асаланов. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в., стр. 294.

⁴⁷ А. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 328.

родовых управлений, степных дум, инородных управ по этим делам свидетельствуют, что хозяева смотрели на разработанные ими пашни и утуги как на свою собственность. Размеры захваченных земель определялись материальными ресурсами, необходимыми для их улучшения и обработки. Поэтому захватная форма землепользования способствовала концентрации земельных угодий в руках зажиточных хозяев.

Обычные сенокосы в отличие от пашен и утугов у бурят Иркутской губернии и хакасов подвергались ежегодным или вообще периодическим переделам внутри общин. Иной порядок владения сенокосами существовал у забайкальских бурят и эвенков. У них сенокосы разделялись на три вида: утуги и расчистки из-под «кустарников и каменьев», индивидуальные горожняки, возведенные на сенокосных и отчасти выгонных местах, и сенокосы, заключенные в валовой покотине (городьбе). Во второй половине XIX в. территория булуков и улусов забайкальских бурят была покрыта сетью подворно-наследственных горожняков, возведенных для сенокосения. Так называемые поравнения и переделы покосов в валовых покотинах, происходившие в некоторых булуках в 80-х годах, не играли существенной роли. Размеры их были разными: от 20 до 50, от 100 до 200 десятин, встречались горожняки в 1000 десятин. Владельцы горожняков имели еще утуги и сенокосы, заключенные в общие валовые покотины.

У алтайских скотоводов большая и лучшая часть пастбищ и покосов концентрировалась в руках не только зайсанов, но и богатых, вышедших из среды рядовых кочевников. Они так же, как и зайсаны, захватывали лучшие пастбищные и покосные угодья в свое владение, огораживали и передавали их по наследству. В результате таких захватов ограничивалось общинное землепользование.

Зайсаны от имени той или другой общины сдавали земли в аренду русским крестьянам, прежде всего кулакам. В 1908 г. было выяснено, что 61,8% земли было арендовано русскими крестьянами через зайсанов и только 38,3% у Кабинета.⁴⁸ Община теряла эти земли, так как царская администрация закрепляла их за арендаторами.

У якутов существовала «классная система» пользования покосными угодьями. Хозяйства по размерам казенных платежей разделялись на три-четыре и больше «классов» и соответственно наделялись паями. Хозяйства, причисленные к первому классу (богатые), получали участки, которые в 3—4 раза превышали размеры наделов плательщиков третьего-четвертого классов.

Кроме своих наделных участков, тойоны-кулаки, торговцы и вообще зажиточные люди имели еще сверхнадельные земли. Последние состояли из расчисток, осушенных болот и озер и других мелиорированных земель, пользование которыми разрешалось общиной на определенный срок «по акту». Сверхнадельные земли переходили по наследству до истечения «актового» срока.

Зажиточные буряты, якуты и алтайцы прибирали к своим рукам наделы умерших членов рода, сирот, бедняков, а также закабаленные ими хозяйства. Некоторые члены общины различными способами сосредоточивали в своих руках большое количество пахотных и сенокосных земель, что давало им возможность разводить много скота и расширять посевные площади. Таким образом, вырос новый социальный слой — кулачество. Оно выросло из вчерашних полуфеодалов — нойонов, тойонов и баев, а также из средних крестьян.

Сосредоточив в своих руках значительную часть скота, пашни и сенокосных угодий, хозяева с наемными работниками занимались различного

⁴⁸ Там же, стр. 268.

рода коммерческими делами (торговлей, подрядами и поставками, почтовой гоньбой, мукомольным делом, извозом), приносившими значительные доходы. Нередко разбогатевшие коммерсанты и предприниматели переезжали в города и промышленные центры, становились крупными купцами, промышленниками или подрядчиками. Так постепенно росла «своя» местная национальная буржуазия в городе и деревне.

С развитием торговли, товарно-денежных отношений у алтайцев, якутов, бурят и других народов появились торговцы, скупщики, посредники между скотоводами, охотниками и русскими купцами. Распространялась торгово-ростовщическая эксплуатация трудового населения. Особенно многочисленны были мелкие торговцы, приказчики и агенты разных торговых фирм, приисковых управлений, служившие посредниками между производителями и рынком среди якутов и бурят. При удаленности города и ярмарок мелкие скотоводы и охотники поручали им за известную плату продажу своей продукции и покупку товаров. Таким образом, они получали и посреднический процент, и непосредственную торговую прибыль.

На противоположном социальном полюсе увеличивался слой батраков и бедняков. Часть из них уходила в города и на прииски и вливалась в ряды рабочих, а многие занимались отходничеством, временно отрываясь от семьи и от своего маленького хозяйства в улусе.

У иркутских бурят 16,5% хозяйств отпускали батраков на работы по найму, у забайкальских бурят — 29, у хакасов — 40,3% хозяйств. «По данным 1897 г., 14% алтайцев продавали свой труд в чужие хозяйства. Среди алтайцев появились категории наемных рабочих, сельских батраков».⁴⁹ Это были пастухи, поденщики, батраки, ямщики по найму. Баи применяли как докапиталистические, так и капиталистические формы эксплуатации. В Якутии сельскохозяйственной переписью 1917 г., проведенной только в 3 южных округах, было зарегистрировано в сельских местностях 7102 работника, из них якутов 6022 чел.⁵⁰

С развитием золотопромышленности якуты стали работать на золотых приисках. В 1899 г. там среди рабочих из Якутской области насчитывалось более 1000 чел., да еще работало около 3000 якутов, занятых лесными и подсобными работами.⁵¹ Незначительный слой национального пролетариата был распылен, не был организован. Только под влиянием русских рабочих и благодаря деятельности социал-демократов лучшая часть национального пролетариата была вовлечена в революционную борьбу.

Развивавшиеся в улусах капиталистические отношения были опутаны докапиталистическими. Хотя сельская община у бурят, якутов, хакасов, сибирских татар и алтайцев сильно разложилась, она везде продолжала существовать, задерживая быстрое развитие капитализма. Система сбора налогов и различных податей и повинностей была феодальной. Сохранялись докапиталистические формы эксплуатации. Так, у бурят были распространены такие формы эксплуатации бедноты, как отдача скота на выпас за приплод, продукты скотоводства и отработки, как ростовщическое кредитование натурой и деньгами под высокие проценты с закабалением должников. С распространением земледелия одной из форм ростовщичества стала хлебная ссуда. Кабальные приемы эксплуатации, остатки патриархально-натурального уклада, родовые традиции в землепользовании, управлении, быте — всё это черты докапиталистических отношений. Родовые пережитки сказывались в семейно-брачных отношениях (экзогамия, калым).

⁴⁹ Там же, стр. 347.

⁵⁰ М. П. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925, стр. 85.

⁵¹ Обзор Якутской области за 1899 г., стр. 24.

У бурят существовала также привилегированная группа полуфеодальных нойонов. В их руках находилось внутреннее управление в бурятских ведомствах. Они занимали должности тайшей и родовых начальников, которые освобождались от податей и повинностей. Свое положение нойоны использовали для эксплуатации скотоводов и земледельцев путем поборов, вымогательства и назначения на работы для своих целей под видом «казенных нарядов».

Распространенной формой эксплуатации у алтайцев и других скотоводов была отдача скота на выпас за приплод и отработки. Бедняк, получивший корову, был обязан за пользование молоком кормить ее, сохранить приплод и возвратить его баю. Кроме того, он должен был за

Якутск. Уличная сценка. (Из коллекции Иркутского художественного музея, с негатива).

«полыш» («помощь») отработать в хозяйстве бая. Элементы родового строя в большей степени сохранились у южных алтайцев, занимавшихся охотой. Они имели родовые охотничьи угодья, родовой принцип соблюдался при организации артелей охотников, происходило уравнильное распределение добычи. У южных алтайцев черты родового быта проявлялись в разделении населения по родам: люди, принадлежавшие к одному роду, считались родственниками даже в тех случаях, когда были удалены друг от друга и не имели между собой связи. Родовые пережитки сохранились в административном устройстве. Объединение в административные единицы — дючины происходило не по территориальному, а по родовому принципу. При заключении браков соблюдалась экзогамия: запрещались браки между членами одного рода. Женитьба сопровождалась уплатой калыма родителям или братьям невесты.

У алтайцев зайсаны и баи были крупными скотовладельцами, обладателями обширных и лучших пастбищ и сенокосов. Зайсаны представляли собой привилегированную группу патриархально-феодалного типа. Они со своими помощниками — демичами стояли во главе управления дючинами (волостями), освобождались от податей и повинностей. Хотя

официально зайсаны получали от своих дючин или волостей небольшое годовое содержание, их основные доходы составляли присвоение части ясачно-податных сборов, взятки, «натуральные поборы с населения трудом и продуктами».⁵²

Баи — богачи, из которых «отдельные имели стада численностью до 10—25 тыс. голов».⁵³ Баи выходили из среды рядовых кочевников, разбогатевших путем ростовщических и других операций. Выделялись укту-баи (родовитые). Их богатство было наследственным и передавалось из поколения в поколение. По своим классовым интересам баи были связаны с зайсанами. Те и другие эксплуатировали кулов, айбачей и рядовых скотоводов. Кулы и айбачи представляли категорию работников, которые работали непосредственно в хозяйстве зайсанов и баев.

Общественные отношения якутов в основном соответствовали тем, которые существовали у бурят, алтайцев, хакасов.

Эксплуататорскую верхушку якутского общества составляли тойоны — кулаки. Они были крупными скотоводами, владеющими сотнями лошадей и рогатого скота, обладавшими на основе «классной системы» (см. выше) большим количеством лучших сенокосных и пастбищных угодий. Обладая скотом и землей, тойоны — кулаки разными способами эксплуатировали неимущих и мелких скотоводов. Для поборов и вымогательства с трудового населения они использовали «родовое управление», в котором занимали должности старшин и старост.

Широкое распространение получили такие формы эксплуатации, как отдача скота на хасаас, зимний прокорм (уостур) и в «тело». Хасаасом называли отдачу отелившихся коров на удой. Берущий доил корову в летнее время. За пользование ею он платил владельцу маслом и молочными продуктами. Уостур (зимнее содержание скота) представлял собой еще более тяжелую кабальную сделку: за голову скота богачи (баи) обычно платили 1 руб. 50 коп.—2 руб. за всю зиму, фактически же содержание его обходилось не дешевле 5 руб., и на такие сделки шли только бедняки, задавленные нуждой. Лошадей, рабочий скот отдавали на определенных условиях в аренду (отдача в «тело»).

Производился обычный наем работников — хамначитов на определенный срок, чаще на расчистку леса, покос, постройку юрт, перевозку дров за плату деньгами или натурой. При найме применялись «подряды» на ту или иную работу. «Подряд» выражался в выдаче товаров и денег при условии отработки. Такая система найма приводила к закабалению бедняков богачами.

Таким образом, налицо разнообразие форм эксплуатации, существовавших у якутов: тут были и элементы, характерные для капиталистических отношений, и старые патриархально-феодалные формы.

У бурят, якутов, западносибирских татар, хакасов и алтайцев самой многочисленной социальной группой были самостоятельные и относительно свободные мелкие скотоводы — слой середняков, которые в массе своей в той или иной степени втянуты в рыночные отношения. Этот слой также испытывал на себе национальный гнет царизма, произвол полицейской власти и эксплуатацию кулаков-баев; на хозяйство мелких скотоводов и хлебопашцев влияло и колебание цен на рынке. Поэтому этот слой постоянно размывался, часть переходила в ряды зажиточных, а разорившиеся середняки пополняли ряды бедняков.

У народов Севера существовали пережитки патриархально-родового строя, но с развитием частной собственности на средства производства

⁵² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 318.

⁵³ Народы Сибири, стр. 345.

его основы давно разложились, развивалась социальная дифференциация. Патриархально-родовые пережитки сохранились у типичных оленеводов ненцев. Существовало деление на роды, причем счет родства велся по мужской линии. Браки были экзогамными. За жену приходилось платить калым ее родителям.

Количество родов изменялось, так как старые роды раздробились. Хозяйство велось отдельными семьями, но существовали и коллективные формы охоты и рыбной ловли. В этих случаях добыча равномерно распределялась между участниками промысла, ею наделяли также престарелых, больных, сирот. Была распространена взаимная помощь между родовичами. Все эти обычно-правовые нормы сохранялись лишь как пережитки далекого прошлого. «Источники почти двухсотлетней давности содержат указания на резкое имущественное неравенство ненцев. Важнейшей основой имущественного неравенства явилось владение основными средствами производства — оленями».⁵⁴

О росте имущественного неравенства у оленеводов свидетельствуют данные о распределении оленей у большеземельских ненцев. У них в конце XIX в. 82,8% хозяйств принадлежало «лишь 24,6% всего поголовья оленей (размеры отдельных стад колебались у них от нескольких единиц до ста голов), а 17,2% хозяйств владели стадами от ста до нескольких тысяч голов, составлявших в общей сложности 75,4% всего поголовья».⁵⁵

Имущественные контрасты проявлялись и у других оленеводов. Большинство анадырских эвенков располагало лишь небольшим числом упряжных и верховых оленей. У охотских же эвенков зажиточные семьи имели 5—10 тыс. и более оленей. Среди майских эвенков, живущих вблизи старого Охотского тракта, «лица, имеющие 500—1000 голов, считаются хозяевами среднего достатка, и самые бедные имеют 5—10 оленей. Потерявшие оленей идут к более богатым в батраки, получая вместо платы за лето 2 и за зиму 3 живых оленя, стоящих 10 руб. каждый».⁵⁶

У чукчей, занимавшихся оленеводством, выделялась оленеводческая верхушка — владельцы «многочисленных стад, составляющих в общем три четверти всего оленьего поголовья. Они сосредоточили в своих хозяйствах несколько сот пастухов безоленных или малооленных, в общем по пяти пастухов на каждое стадо, не считая зависимых родственников. Все эти зависимые люди составляли категорию так называемых соседей по стойбищу».⁵⁷

Зажиточные чукчи имели стада от 300 до 400 голов каждое, но были богатые хозяева, имевшие по нескольку тысяч голов. Полноправные когда-то участники оленеводческого коллектива попадали в зависимость от крупных оленеводов.

Усилению имущественной дифференциации способствовало развитие обмена, проникновение товарных отношений. Так, рост обмена между оленеными и приморскими чукчами (зверобоями) привел «к возникновению особого рода торговцев, так называемых „поворотчиков“, которые всю жизнь странствовали между морским берегом и внутренней оленьей тундрой, совершая экспедиции туда и обратно и каждый раз возвращаясь к исходному пункту».⁵⁸ «Поворотчики» привозили к оленеводам ворвань (жидкий жир, вытопленный из рыб и морских животных), ремни из моржовой кожи, шкуры тюленя, дававшие подошвенный материал для обуви; покупали за пушнину русские товары и перепродавали их. У оленеводов

⁵⁴ Там же, стр. 624.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, вып. 1, стр. 245.

⁵⁷ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. XXIV.

⁵⁸ Там же, стр. XXV.

«поворотчики» выменивали упряжных оленей, у охотников — пушнину. Часть своих торговых операций «они перенесли в Америку, куда с давнего времени ездили на байдарах через море, выменивая русские товары и лоснящиеся пыжиковые шкуры на лисиц, бобров и куниц, которых добывали эскимосы на Аляске и на реке Мекензи».⁵⁹

Обмен продуктами оленеводства, рыболовства, морского промысла и различными изделиями (нарты, шесты, береста для чумов) между оленеводами, зверобоями и рыболовами совершался у ненцев, хантов и манси, коряков и других народов. Наконец, происходил обмен промысловой продукции на привозные товары (металлические и текстильные изделия, хлеб и пр.). К натуральному обмену присоединялось денежное обращение.

Возраставшее имущественное неравенство приводило к классовому расщеплению. Накопившиеся богатства крупных оленеводов стали средством эксплуатации безоленных или малооленных сородичей. Оленеводы разделялись, таким образом, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Крупные оленеводы нанимали батраков для выпаса стад, предоставляли в долг мясо и шкуры оленей, взыскивая за это с лихвой рыбой, пушминой и другой продукцией, давали оленей во временное пользование или вообще «в рост» за приплод и отработки.

Ряд особенностей имели социальные отношения в Туве. В центральных и западных частях ее господствовали феодальные отношения на низшей стадии развития в сочетании с пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки особенно проявлялись в восточной части Тувы. В северной части области к концу XIX—началу XX в. «намечались капиталистические тенденции под влиянием русской экономики и начала русской колонизации».⁶⁰

В 1914 г. Тува под наименованием Урянхайского края была присоединена к России. Несмотря на колонизаторскую политику царизма по отношению к Туве, ее присоединение к русскому государству имело важное историческое значение. Известный общественный деятель Тувы С. Тока отмечает, что присоединение Тувы в 1914 г. было в тогдашних условиях «наиболее благоприятным разрешением вопроса. Когда-то оторванный от братских народов, населявших Российскую империю, — хакасов, ойрогов, якутов, казахов, киргизов, — тувинский народ снова воссоединился с ними. Теперь тувинский народ уже не был одинок в борьбе против сильных и коварных врагов. Он приобрел в лице русского народа могущественного союзника и защитника».⁶¹ Усиливалось общение и сближение тувинского народа с русским и другими народами России. Тувинский народ приобщался к русской культуре. В Туве стало проявляться влияние революционного движения, развивавшегося в России.

Таким образом, для народов Сибири была характерна пестрота социальных отношений. Здесь существовали и переплетались между собой отношения патриархально-родового, патриархально-феодального и капиталистического типов.

3. УПРАВЛЕНИЕ НАРОДАМИ СИБИРИ И ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

При царизме народы Сибири причислялись к податному сословию «иногородцев». Политика царизма была направлена к эксплуатации их путем взыскания «без недоимок» казенных сборов и повинностей, усилению

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы..., стр. 258. — В этом исследовании и в коллективном труде «История Тувы» (т. I) дана подробная характеристика социальных отношений в Туве.

⁶¹ С. Тока. Праздник тувинского народа. «Правда», 1946, 17 августа.

административно-полицейской опеки над ними, насильственной руссификации, стеснению и «пресечению» самостоятельного развития общности и культуры этих народов.

С народов Сибири взыскивалась ясачная подать (ясак), поступавшая в императорский Кабинет, в доходы царя. По положениям об ясачной подати она могла вноситься пушниной и деньгами. С развитием скотоводства и земледелия, уменьшением удельного веса охоты в хозяйстве большинства народов Сибири, внедрением товарно-денежных отношений натуральные оклады ясака, когда за их основу принималась пушнина, стали анахронизмом, не соответствовали новым хозяйственным условиям. Натуральная форма ясака была за небольшим исключением вытеснена денежной. Лишь немногие охотники Севера платили ясак пушниной или смешанно. Например, в Колымском округе Якутской области часть чукчей, эвенков и ламутов платила ясак соболями, песцами и лисицами или «отчасти мехами, отчасти деньгами».⁶² Большинство же плательщиков и в этом округе вносило ясак деньгами, хотя Ясачная комиссия облагала их пушным окладом. В Олекминском округе «звериными шкурами уплачивают ясак лишь одни тунгусы Киндигирского и Халагирского родов... Остальные якуты и тунгусы вносят ясак деньгами „за ничтожеством промысла“».⁶³

Ясаком облагались «ревизские работники» — лица мужского пола от 18 до 50 лет, учтенные ревизией (переписью). Оклад ясака определяла Ясачная комиссия, которая собиралась нерегулярно. Например, в 1875 г. якуты платили ясак по окладу, установленному 40 лет назад.

В 1869—1887 гг. ясачный оклад составлял от 1 руб. 15 коп. до 3 руб. 62 коп. с каждого работника.⁶⁴ Разница в окладе определялась состоятельностью плательщика. Фактически при раскладке в улусных обществах оклад повышался, так как приходилось уплачивать за умерших и убывших после очередной ревизии, за больных и калек. Эта уплата «составляет большое отягощение для общества, которое должно относить за них все денежные повинности».⁶⁵

Сверх ясака взыскивались деньги на «земские и внутренние повинности». Денежный земский сбор предназначался на содержание почтовых станций, устройство и поправку трактовых дорог, содержание «присутственных мест», полиции, казенных зданий и пр. Внутренние сборы шли на исправление проселочных дорог, содержание квартир для чиновников, хлебных экономических магазинов, степных дум, управ, родовых управлений. Кроме уездного, существовал губернский земский сбор, который взыскивался главным образом на содержание чиновников.

Натуральные повинности разделялись на подводную и дорожную. Подводная повинность состояла в том, что местное население выставяло «междудворных», или, как говорили буряты, «депшурных» (дежурных), лошадей для разъездов полицейских и других чиновников, должностных лиц волостного и сельского управлений, духовенства. Кроме «междудворных», выставялись «валовые» подводы для перевозки солдат, арестантов, казенных грузов.

Дорожная повинность заключалась в поправке дорог, «исправном содержании» их, в постройке и ремонте мостов, содержании перевозов через реки. Натуральные повинности считались обременительными вследствие неравномерности их распределения: жители улусов, ближе находившихся к тракту, чаще привлекались к дорожной повинности, чем отдаленные.

⁶² ГАИО, ф. Канцелярии Иркутского генерал-губернатора, д. 3 (632), лл. 158—159.

⁶³ Там же, л. 161.

⁶⁴ Там же, лл. 1—3.

⁶⁵ Там же, л. 46.

На почтовых станциях подводчикам приходилось задерживаться, терять время «в пустой проезд и обратно», отрывать от полевых работ. Поэтому натуральные повинности нередко заменялись денежными и отбывались по найму. Расходы на наем раскладывались внутри улусных обществ.

Воинскую повинность отбывала часть забайкальских бурят, причисленных к казачьему сословию.

Сборы на «земские и внутренние повинности» в несколько раз превышали ясачную подать. Тяжесть податей и повинностей усугублялась «темными поборами», взятками, вымогательствами со стороны чиновников и «родовых начальников» — тайшей, зайсанов, старшин и старост.

Фактически с плательщиков взыскивали двойные сборы. Как отмечал Н. М. Ядринцев, «самые оклады взыскивались всегда не в положенном казною размере, но в гораздо высшем, часто суммы, взысканные с инородцев, оставались в руках сборщиков и заседателей, а на них отмечались недоимки».⁶⁶ В результате сборы по недоимкам возрастали. Так у тобольских и томских оседлых татар недоимки в 1875 г. достигали 480 234 руб.⁶⁷

«Накопившиеся недоимки, — писал Н. М. Ядринцев, — взыскиваются обыкновенно самым беспощадным образом, продажей имущества инородцев, отдачей их в заработки промышленникам, и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть когда разорение достигло крайних пределов».⁶⁸

По Уставу 1822 г. народности Сибири делились на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. К оседлым причислялись постоянно живущие в городах и селениях; они приравнивались к русским сословиям (к мещанам, крестьянам), но были освобождены от рекрутской повинности. Разряд кочевых составляли живущие в определенных местах, сменяемых по временам года. Бродячими считались «переходящие с одного места на другое» по рекам и урочищам.

Для разряда кочевых органами управления были степные думы, инородные управы и родовые управления. Каждый улус или стойбище, в которых насчитывалось не менее 15 семейств, имели родовое управление, состоявшее из выборных старосты и одного или двух его помощников. Несколько улусов или стойбищ подчинялось инородной управе в составе головы, выборных и письмоводителя. Более крупное территориальное объединение составляло ведомство, оно подчинялось степной думе, которая состояла из «главного родоначальника» — тайши, 2 его помощников, заседателей и голов. Степные думы существовали у хакасов, бурят и урульгинских эвенков (Восточное Забайкалье). У якутов были инородные управы и родовые управления. Южные алтайцы в административном отношении делились на 7 дючин, во главе которых стояли зайсаны и их помощники — демичи. В дючинах были писари и сборщики податей. У северных алтайцев административными единицами были волости, возглавляемые зайсанами или башлыками. У охотников и оленеводов существовали родовые управления. У бурят Иркутской губернии степные думы были ликвидированы в 80-х годах XIX в., их заменили инородные управы, бывшие прежде промежуточным звеном между думами и родовыми управлениями.

В зависимости от сложившихся обычаев тайши, зайсаны, шуленги, головы, родовые старшины избирались «наследственно по поколению» или независимо от принципа наследования и утверждались соответствующим начальством. В первом случае избирались ближайшие родственники преж-

⁶⁶ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 111.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

них начальников (сыновья, братья и др.). Должности этих начальников сначала были пожизненными, а затем, к концу XIX в., они избирались на трехлетний срок.

Особым видом управления являлись сугланы. Они представляли собой общественные сходы для обсуждения вопросов о раскладке и сборе податей, выполнении повинностей, о земельных делах, для выбора должностных лиц. Обычно к большим сугланам приурочивались ярмарки.

Формально выборы начальников производились улусно-родовыми сугланами; тайши избирались родовыми старшинами и «почетными родовичами». Фактически же главные должности не выходили из узкого круга привилегированных фамилий. Урульгинскими эвенками, например, из поколения в поколение управляли князья Гантимуровы. С ростом капиталистических отношений большую роль в управлении стала играть улусная буржуазия — кулачество.

«Родоначальники», как их официально называли, использовали аппарат местного управления для поборов в свою пользу, торговых и ростовщических операций за счет присвоения общественных средств. Они действовали вместе с чиновниками и купцами-ростовщиками, закабалявшими трудовое население. В газете «Восточное обозрение» сообщалось, что «власть тайшей очень обширна. Они соединяют под своим началом иногда до 30 000 душ и хотя стеснены вмешательством земских чиновников, но при условии дружбы с последними делают с инородцами, что хотят».⁶⁹

В конце XIX и начале XX в. была проведена административная реформа, согласно которой степные думы и инородные управы заменялись органами волостного управления, устроенными по русскому типу. Во главе волостных правлений стали новые люди — кулаки, сменившие старых «родовитых» нойонов. Реформа, проведенная царизмом, по-своему отражала развитие капиталистических и разложение патриархально-феодальных отношений.

В административной реформе отражалось и другое изменение в жизни народов Сибири: она заменила прежние административные единицы, устроенные по родовому принципу, непосредственно территориальными единицами и санкционировала упадок родовых отношений.

Наконец, административная реформа была направлена на усиление административно-полицейской власти над народами Сибири. Волостные и сельские правления находились под надзором «крестьянских и инородческих» начальников. Эта реформа проводилась одновременно с землеустройством, направленным к изъятию значительного количества земель, которыми пользовались аборигены и старожилы Сибири, в колонизационный фонд (см. выше). Это отрицательно сказывалось на их хозяйстве. На Алтае большое количество лучших земельных угодий отводилось миссионерским станам, в Забайкалье — дацанам (ламайским монастырям).

Царизм через своих чиновников, духовенство, «инородческих начальников» стремился насильно руссифицировать народы Сибири путем крещения в православие, обособления «православных» от иноверцев. Применялись насильственные приемы «христианизации» (принудительное крещение). В 1891 г. буряты жаловались, что нойоны, желая выслужиться перед начальством, вместе с миссионерами «нападали на жилища некрещеных инородцев днем и ночью, случалось, что вместе с миссионерами священниками; кого заставляли в доме, тех запросто или крестили насильно тут же, или тащили в миссионерский стан; если встречалось сопротивление... то таких били, истязали, связывали, сажали в инородческие тюрьмы, подвергая холоду и голоду, взыскивали денежные штрафы и приводили

⁶⁹ «Восточное обозрение», 1884, № 27.

к православию».⁷⁰ «Христианизация» усилилась в начале 90-х годов в связи с проездом через Сибирь царского наследника — будущего царя Николая II.

Для «крещеных» устраивались особые селения при миссионерских станах. «Крещеные» обязывались вносить ружный сбор хлебом в пользу духовенства, платить за исполнение религиозных обрядов. В результате насильственного крещения в православие возникало «двоеверие». «Православные» придерживались одновременно шаманских и ламаитских верований и эксплуатировались как миссионерами, так и шаманами и ламами.

Царские власти препятствовали преподаванию, изданию учебников и книг на языках народов Сибири, организации просветительных обществ. В 1863 г. в известном сатирическом журнале «Искра» был помещен рисунок, выразительно показывающий отрицательное отношение царской бюрократии к распространению учебных книг на языках народов Сибири. Рисунок изображает бурятские книги в виде призраков, которые пугают бюрократов. Чиновник в испуге бросается на них с криком: «Ну, опять полезли из щели безобразные призраки. Опять книги для народного образования да еще на бурятском языке. Бурятские книги! И зачем... Анафема — вот вам народные букинисты».⁷¹ Эти строки «Искры» были написаны в связи с закрытием Комитета по переводу учебных книг на бурятский язык, организованного в Иркутске группой русской и бурятской интеллигенции.

Царизм и эксплуататорские классы обрекали народы Сибири на бедность, бесправие, неграмотность и темноту. Политике царизма противостояло сближение этих народов с русским народом, неодолимое стремление к свободе и свету.

* * *

Прогрессивное влияние русского народа сказывалось на всех сторонах жизни сибирских народов: на развитии среди них хлебопашества, сенокосения, на распространении жилищ русского типа, хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, предметов бытового обихода по русским образцам, принятии навыков оседлого быта. Под влиянием русского народа перестраивалось хозяйство тех или иных народов Сибири, утрачивались его архаические черты, унаследованные от прошлого. Усиливались экономические и семейно-бытовые связи между народами. Нарушалась патриархальная замкнутость улусов и селений. Города и крупные русские села стали для народов Сибири центрами торгово-экономических связей. Преродовая русская интеллигенция не оаз выступала в защиту народов Сибири. А. П. Щапов называл их нашими братьями. Русский язык для этих народов становился вторым родным языком.

Народы Сибири включались в общий процесс экономического развития сибирских губерний и областей России. Они поставляли пушнину, скот, продукцию скотоводства, рыбу, хлеб. Хорошо зная свой край, аборигены Сибири были проводниками по промысловым угодьям и способствовали поискам полезных ископаемых. Наконец, народы Сибири вместе с русским народом выступали против общих врагов — против царизма и эксплуататорских классов.

⁷⁰ История Бурят-Монгольской АССР, т. I, изд. 1-е. Улан-Удэ, 1951, стр. 478.

⁷¹ Там же, стр. 444.

*Политическая ссылка, общественное
движение и классовая борьба
в Сибири во второй половине XIX в.*

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

В 60—80-е ГОДЫ XIX в.

В 60-х годах XIX в. наступил новый, революционно-демократический, этап освободительного движения в России. Своим образным барометром его была политическая ссылка. Каждый этап этого движения сопровождался ссылкой его участников в Сибирь на каторгу и поселение, отражался на составе и направлении деятельности политических ссыльных, их влиянии на общественную жизнь сибирских окраин.

Во второй половине XIX в. в Сибирь попадают участники рабочего и крестьянского движения, революционные демократы 50—60-х годов, польские повстанцы 1863—1864 гг., а затем последователи и продолжатели дела шестидесятников — революционные народники, а также деятели первых рабочих союзов.

Тяжким был тернистый путь на каторгу. «Попадались партии ссыльных: скованные по четверо вместе железными поручнями, с заиндевевшими бородами, шли вперед каторжные; без оков, сзади, в жалкой одежке, в куцых негреющих казенных полушубках — отправляющиеся на поселение, еще дальше — дровни с бабами, с больными, с детьми, закутанными в разное жалкое тряпье».¹

В 1861 г. был сослан на Нерчинскую каторгу талантливый писатель, публицист, видный революционер-демократ М. И. Михайлов (1829—1865 гг.). Сначала он жил на Казаковском прииске, где служил брат Михайлова, горный инженер, облегчавший его участь. Затем Михайлова перевели в худшие условия — на Кадаинский рудник. Слабое здоровье М. И. Михайлова подорвали тяжелые испытания, перенесенные на каторге. 2 августа 1865 г. он скончался. Узнав о его смерти, А. И. Герцен писал: «Убили... Правительство сделало всё, что могло, чтобы избавиться от глубоко презиравшего своих палачей мученика».

В марте—июне 1862 г. М. И. Михайлов написал одно из замечательных произведений мемуарно-художественной литературы — свои «Записки», ставшие ценным историческим источником. В этом произведении автор выступает как непреклонный борец против самодержавного строя, рисует мужественный образ революционера-шестидесятника, характеризует условия жизни в тюрьме. Кроме «Записок», Михайлов написал «Сибирские очерки» — «Аграфена», «Незабываемое горе», «Кукушка». В них автор повествует о каторжанах и ссыльных, о судьбах людей, попавших на каторгу.

¹ М. И. Михайлов, Сочинения, М., 1958, т. 3, стр. 533.

Широкое распространение получили стихотворения М. И. Михайлова, призывавшие к борьбе против произвола. Одно из них стало своего рода революционным гимном:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою.

В 1864 г. царское правительство осудило Н. Г. Чернышевского на 7 лет каторжных работ с последующим поселением в Сибири. 2 июня этого же года он прибыл в Иркутск, затем его отправили на каторжные работы на Усольский солеваренный завод. Здесь он пробыл до 23 июля и сразу по возвращении в Иркутск был переведен на Нерчинскую каторгу.

Два года Н. Г. Чернышевский находился в тюрьме при Кадаинском руднике, затем его перевели в с. Александровский завод Нерчинского округа. Забайкальский период жизни Чернышевского продолжался с августа 1864 по декабрь 1871 г.

Н. Г. Чернышевский пользовался большим авторитетом и уважением среди политических каторжан — польских повстанцев и каракозовцев. Он охотно общался с ними, делясь своими знаниями и взглядами, посвящая в планы литературных работ. В ссылке Чернышевский закончил роман «Пролог к прологу», написал «Дневник Левицкого», «Пролог» и другие произведения.

До петербургских властей дошли слухи, будто Н. Г. Чернышевский подготавливает к бунту политических каторжан-поляков. В июне 1866 г. произошло восстание политических ссыльных на Кругобайкальском тракте. Это послужило поводом к усилению надзора за Чернышевским. Его перевели из Кадаи в тюремное помещение Александровского завода, изолировали от общения с друзьями.

В революционных кругах не раз возникали намерения освободить Н. Г. Чернышевского. После неудачи широкого замысла 1865—1866 гг., в разработке которого принимали участие русские и польские революционеры, в том числе Герцен и Огарев, в 1871 г. попытку освободить Н. Г. Чернышевского предпринял Г. А. Лопатин — член Генерального Совета I Интернационала, один из первых переводчиков «Капитала» на русский язык. Арест Г. А. Лопатина в Иркутске сорвал его планы, хотя ему удалось бежать из тюрьмы, правда, при второй попытке.

В августе 1871 г. истек срок тюремного заключения Н. Г. Чернышевского и он должен был выйти на вольное поселение. Однако, боясь влияния революционера-демократа и опасаясь его побега, царское правительство отправило Н. Г. Чернышевского на север — в Вилюйский острог. Это было новое тюремное заточение. В Вилюйском остроге Н. Г. Чернышевский пробыл с января 1872 по август 1883 г.

Во время пребывания Н. Г. Чернышевского в Вилюйске была совершена последняя попытка его освобождения. В Иркутск прибыл революционер-народник И. Н. Мышкин. Здесь ему при содействии одного из канцелярских писцов удалось раздобыть в жандармском управлении казенную бумагу со штампом и печатью. Под видом жандармского офицера Мещеринова Мышкин отправился в Вилюйск, где предъявил местному начальству предписание о выдаче ему Чернышевского для отправки на вновь назначенное местожительство — в Благовещенск. Смелая попытка устроить побег Н. Г. Чернышевского из Вилюйска потерпела неудачу. Вилюйский исправник с подозрением отнесся к Мещеринову-Мышкину и отправил его в сопровождении 2 жандармов в Якутск для получения подтверждения от якутского губернатора. По дороге в Якутск Мышкин бежал в лес, но был схвачен.

После неудачной попытки Мышкина положение Чернышевского ухудшилось. Полгода его не пускали за ворота тюрьмы. В остроге были усилены наружный и внутренние караулы. Когда Н. Г. Чернышевскому разрешили выходить из тюрьмы, его всюду сопровождал жандарм.

Во время пребывания в Вилюйске Н. Г. Чернышевский много работал. Трагедия писателя заключалась в том, что он, оторванный от общественной жизни, вынужден был многое из написанного уничтожить. Об этом очень выразительно написал П. А. Грабовский, сам сосланный в Вилюйск: «Сердце его еще билось любовью к народу и разум волновали вопросы — земные, вековые... Он жил собственным внутренним миром, оттуда черпал он бодрость и силу... и всё думал, думал об иной стране с ее мрачной судьбой, невежеством и темнотою... но связаны его руки, обрезаны крылья его мечты... неодолимый гнет давит его душу... Однако в своем воображении я вижу: он сидит на табурете и все пишет, долго, старательно, а за ним следит надсмотрщик, который никогда не оставлял его в одиночестве».²

Вилюйский период жизни Н. Г. Чернышевского подробно освещен в новейших исследованиях советских историков. На основе тщательного анализа многих источников доказано, что и в положении узника Чернышевский «мужественно и стойко боролся с каждым новым произволом царизма против него, с каждым новым отягчением в Вилюйске».³ Пользуясь из конспиративных соображений эзоповским языком, он в своих письмах и трудах разоблачал царизм, ратовал за народ. Идеиные интересы Н. Г. Чернышевского не померкли и в тяжком для него вилюйском заточении. Путем напряженного умственного труда, тщательного изучения прогрессивных журналов и научной литературы, получаемой от родных и друзей, благодаря творческой литературно-научной работе Н. Г. Чернышевский продолжал развивать свое революционно-демократическое мировоззрение.

Из вилюйского заточения Чернышевский был освобожден только в августе 1883 г. 24 августа он выехал из Вилюйска в сопровождении жандармов. Его везли секретным порядком, стремясь изолировать от общения даже с близкими знакомыми.

Н. А. Серно-Соловьевич — русский революционер-демократ. (Русско-польские революционные связи. Материалы и документы, т. II. М., 1963, стр. 557).

² П. А. Грабовский. Избранное. М., 1952, стр. 272.

³ И. М. Романов. Н. Г. Чернышевский в вилюйском заточении. Якутск, 1957, стр. 226.

Через 35 дней долгого пути Н. Г. Чернышевский прибыл в Иркутск, а затем выехал в Европейскую Россию.

В сибирской ссылке находились соратники и ученики Н. Г. Чернышевского: Н. А. Серно-Соловьевич, В. А. Обручев, Я. Ушаков, М. Вейде, Н. А. Григорьев, В. И. Котырло, П. В. Лебединский, Ю. М. Мосолов, И. Я. Орлов, Л. Ф. Пантелеев и др.

Из них наиболее крупную политическую роль в Сибири сыграл близкий друг, единомышленник и соратник Н. Г. Чернышевского Н. А. Серно-Соловьевич, сосланный в Сибирь в 1865 г. Во время пребывания в пересыльных тюрьмах в Петербурге и Москве, затем по пути в Иркутск он сблизился с политическими ссыльными — участниками польского восстания 1863 г. Вместе с ними Серно-Соловьевич замыслил поднять восстание ссыльных в Сибири. Он надеялся на присоединение к ним народа и участвовал в разработке плана восстания. Но ему не удалось осуществить этот план. Получив из-за несчастного случая по дороге в Иркутск тяжелые увечья, Н. А. Серно-Соловьевич скончался 14 февраля 1866 г. в Иркутском тюремном госпитале.

Среди политических ссыльных 60-х годов XIX в. обращает на себя внимание один из ранних пропагандистов среди рабочих — бывший подпоручик Яков Ушаков. В его «Статейном списке» значилось, что он сослан на каторгу «за распространение вредных идей между фабричными работниками посредством чтения и передачи им сочинений возмутительного содержания, с преступною целью возбуждения их против правительства».⁴ Ушакова приговорили к смертной казни, но при конфирмации приговора суда ее заменили ссылкой «в каторжную работу на заводах на четыре года».⁵

В 1863—1865 гг. он отбывал каторгу на Усть-Кутском и Иркутском (Усольском) солеваренных заводах и на Александровском винокуренном заводе.

К 1864 г. относится ссылка известного историка-демократа, этнографа и публициста А. П. Щапова. Он был сослан в Иркутск, где пробыл с 1864 по 1876 г.

В Иркутске А. П. Щапов написал ряд работ исторического и историко-этнографического характера, принимал активное участие в деятельности Сибирского отдела Географического общества.

Сотрудничая в газете «Сибирь», он опубликовал в ней статьи о положении рабочих, крестьян, о необходимости открытия Сибирского университета. Наконец, Щапов читал публичные лекции.

В последние годы жизни А. П. Щапова стал намечаться перелом в его общественно-политических взглядах. Он изучал труды К. Маркса, приступил к изучению рабочего вопроса в Сибири, показывал в своих статьях положение сибирских рабочих, эксплуатацию их капиталистами, отмечал непримиримость интересов «рабочего и буржуазного сословий» (выражение Щапова). К. Маркса А. П. Щапов причислял к «светочам человечества», освещавшим ему путь к лучшей жизни. Уроженец сибирского села,⁶ Щапов под влиянием трудов К. Маркса размышлял о разрешении в будущем противоречия между городом и деревней (в очерке «Сибирские народные дети и их воспитание»). Вместе с тем на взглядах А. П. Щапова сказывалось влияние идей утопического социализма.

Сибирь будущего А. П. Щапов представлял как часть федерации «братских человеческих общин или ассоциаций», которая распространится по всему земному шару и дойдет до «сибирской горы Знаменской».

⁴ ГАИО, ф. Александровского винокуренного завода, д. 1, лл. 211—212.

⁵ Там же.

⁶ А. П. Щапов родился в 1831 г. в с. Анге Иркутской губернии, расположенном на одном из притоков Лены, в семье деревенского пономаря и бурятской крестьянки.

А. П. Шапов скончался в 1876 г. и похоронен на Знаменской горе, расположенной в предместье Иркутска (теперь Маратовское предместье). На его могиле на средства, собранные Восточносибирским отделом Географического общества, поставлен памятник с надписью: «Родина — писателю».

В 60-х годах XIX в. в Сибирь были сосланы участники московского кружка революционной молодежи (ишутинцы): Н. А. Ишутин, осужденный на бессрочную каторгу, Н. П. Странден (на 20 лет), П. Д. Ермолов, Д. А. Юрасов (на 10 лет), П. Ф. Николаев (на 8 лет), М. Н. Загибалов, В. Н. Шаганов (на 6 лет), О. А. Мотков (на 4 года), И. А. Худяков, отправленный в ссылку в Верхоянск. По делу Д. В. Каракозова, совершившего в 1866 г. неудачное покушение на Александра II, были привлечены также и сосланы на поселение в Сибирь землевладелец, член польского революционного комитета в Москве Б. Шостакович и преподаватель Московской гимназии М. О. Маркс.

Организатор московского кружка революционной молодежи, Н. А. Ишутин до конца своих дней томился на Карийской каторге и умер на Каре в 1878 г. О. А. Мотков, совершивший неудачный побег, скончался в Иркутской больнице в 1867 г.

Трагична была судьба революционера-ученого И. А. Худякова. Поселенный в 1867 г. в Верхоянске, он в суровых условиях севера продолжал заниматься наукой. Худяков тщательно изучал быт, язык, устное народное творчество якутов. Он составил русско-якутский словарь, содержащий до 5000 слов, написал статьи «Описание города Верхоянска и Верхоянского округа», «Устройство в Сибири железной дороги», «Успехи человечества в прошедшем и будущем».

Часть материалов, собранных Худяковым, была опубликована в «Верхоянском сборнике», изданном в 1890 г. Восточносибирским отделом Географического общества. Научная работа, выполненная И. А. Худяковым в тяжелых условиях северной ссылки, была подвигом ученого-революционера.

П. Д. Ермолов, Д. А. Юрасов, Н. П. Странден, П. Ф. Николаев, М. Н. Загибалов, В. Н. Шаганов после отбывания каторги в Александровском заводе Нерчинского округа были отправлены на поселение в Якутскую область. Они оставили значительный след в хозяйственном и культурном развитии местного населения, способствовали распространению земледелия, огородничества в тех якутских улусах, где не было хлебопашества или оно велось примитивными способами. Они обучали грамоте

А. П. Шапов — историк-демократ и публицист. Акварельный рисунок. (Из коллекции П. П. Хороших).

якутских детей, приучали к чтению и самообразованию грамотных, оказывали медицинскую помощь населению.⁷

Распространение передовых общественно-политических идей и просвещения, изучение «края изгнания», опыты земледелия и огородничества на севере — таков вклад участников революционного движения 60-х годов в культурно-общественное развитие Сибири.

Крупную группу политических ссыльных 60-х годов составляли участники восстания 1863—1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. Общее число ссыльных повстанцев превышало 22 000 чел.⁸

Осужденные на каторгу почти все, за исключением 11 чел., были отправлены в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. В Тобольскую и Томскую губернии отправляли осужденных на поселение. В Восточную Сибирь были сосланы наиболее активные участники польского восстания 1863—1864 гг., принадлежавшие к направлению «красных». Среди них находились организатор манифестаций против царизма и начальник «штилетников» (кинжалистов) Павел Ляндовский,⁹ один из руководителей восстания Шленкер, командиры повстанческих отрядов полковник Валентий Левандовский и капитан Нарциз Целинский, Владислав Котковский, убивший начальника варшавской полиции Фелькнера, и др. За содействие в побеге и укрывательстве Ярослава Домбровского — будущего генерала Парижской Коммуны — был сослан в Красноярский округ П. П. Маевский.

Среди ссыльных были дворяне, крестьяне, ремесленники, рабочие, студенты.

Осужденные на каторгу работали на постройке барж в Сиваково (под Читой), на Петровском железоделательном заводе, нерчинских заводах и рудниках, на Александровском винокуренном заводе (Иркутский округ) и соляных варницах в Усолье и Усть-Куте.

Тяжелые условия жизни на каторге и поселении, тоска по родине, жажда свободы, стремление продолжать освободительную борьбу создавали почву для возникновения заговоров и попыток восстания.

Участники восстания 1863—1864 гг. активно проявили себя за пределами Польши. «Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, — писал В. И. Ленин, — что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих».¹⁰ Польские изгнанники, попавшие в Сибирь, сохранили свои освободительные традиции. Они подняли здесь новое восстание летом 1866 г. на берегах Байкала.

Восстание на Кругобайкальском тракте в июне—июле 1866 г. явилось лишь последней попыткой русско-польского вооруженного восстания в Сибири, которое готовилось многими подпольными организациями ссыльных с конца 1863 г. Причем революционные организации политических ссыльных в Сибири создавались при непосредственной помощи польских и русских революционных групп и кружков Европейской России.

В разработке планов восстания участвовали многие видные деятели польско-русского освободительного движения 60-х годов, в том числе

⁷ В. Никифоров. Каракозовцы в ссылке и их влияние на якутов. «Каторга и ссылка», М., 1924, № 3/10, стр. 153—157.

⁸ С. Ф. Коваль. За правду и волю. Иркутск, 1966, стр. 46.

⁹ «Штилетниками» (кинжалистами) назывались участники восстания, приводившие в исполнение приговоры повстанческого трибунала над врагами освободительного движения.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 237—238.

Я. Домбровский, Н. Серно-Соловьевич, И. Худяков, В. Озеров, П. Маевский и др. Идея создания русско-польской революционной организации стала претворяться в жизнь. Тесные связи русских и польских организаций получили дальнейшее развитие в их практической деятельности в 1864—1866 гг. как в Европейской России, так и в Сибири. Эта деятельность выражалась в помощи политическим ссыльным, в общих замыслах освобождения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова и др., в осуществлении побегов Я. Домбровского и его жены П. Домбровской, Э. Юндзилла и десятков ссыльных из Сибири, в конспиративных связях и т. п. Наконец, единство действий русских и польских революционных организаций выразилось в разработке планов всеобщего восстания в Сибири.

Начало революционной деятельности польских ссыльных в Сибири положено Тобольской организацией Д. Боцярского в 1863 г. Она была немногочисленной. Политическая направленность ее деятельности прикрывалась сбором средств по подписке со всех проходивших через Тобольск поляков для «помощи наибеднейшим политическим ссыльным и по преимуществу больным». По мере появления новых партий ссыльных в Тобольске в 1864 г. на смену этой организации пришла новая, во главе которой стали более видные деятели восстания 1863 г. — П. Ляндовский, А. Грабовский, Э. Минейко, И. Ямонт, И. Гайбулин и др.

Тобольская организация с 1864 г. становится всесибирской тайной организацией с большой сетью филиалов по городам, тюрьмам, рудникам Сибири. Такого рода организации в 1864—1865 гг. появились в Кургане, Ишиме, Тюмени, Таре, Омске, Нарыме, Томске, Красноярске, Иркутске, Забайкалье. Наибольшей активностью отличались Курганская, Тарская, Ишимская, Ялуторовская и Тюменская организации.

Основные усилия были направлены на организационное оформление и единство в действиях, агитационную деятельность и заготовку оружия. При содействии членов центральной организации в Тобольске А. Грабовского и бывшего офицера И. Гайбулина (татарина по национальности) упомянутые организации довольно успешно заготавливали оружие, опираясь на поддержку местного населения. Э. Минейко позже в своих воспоминаниях отмечал, что вся Тобольская организация, насчитывавшая около 2000 чел., существовала под названием «Общество взаимной помощи» во главе с комитетом из 5 чел. «Одной из задач общества была закупка оружия».¹¹ Ялуторовская организация успешнее всего вела пропаганду, распространяя прокламации 60-х годов.

Омскую организацию возглавлял ксендз В. Громадский, поддерживавший контакты с сибирской землевольческой организацией Ядринцева, Потанина, Шашкова. Можно полагать, что польская и русская революционные организации в Омске были посвящены в планы друг друга и выступали согласованно. Это подтверждается и той заинтересованностью, какую проявили поляки и лично Громадский в судьбе сибирских деятелей в мае—июне 1865 г., когда начались аресты. В. Громадский через поляков сумел предупредить Ядринцева, Потанина и других членов томского кружка о готовящемся аресте.

По мере продвижения политических ссыльных на восток, к месту торговых работ в Восточной Сибири, перемещался и руководящий центр польских организаций. В 1865 г. из Тобольска он переместился в Томск, а уже в конце этого года оказался в Красноярске и Канске Енисейской губернии. Такая быстрая смена местоположения руководящих органов восстания естественно затрудняла деятельность. Основная цель, которая «заключалась в возбуждении местного населения края к действиям против

¹¹ Русско-польские революционные связи, т. II. М., 1963, стр. 622.

правительства и к восстанию общими силами вместе с поляками для низвержения существующего порядка»,¹² не могла быть осуществлена в таких условиях. Работа среди местного населения могла вестись только поселенцами. Поэтому в 1865 г. Томская организация предпринимает ряд мер с целью задержания нужных организации лиц путем обмена фамилиями ссыльнокаторжных со ссыльнопоселенцами, подделки статейных списков, организации свободных выходов из тюремного замка, арестантской роты, побегов или длительных отлучек. В Томске в 1865 г. скопилось около 6000 пересыльных и свыше 3000 поселенцев по округам Томской губернии. Затруднения администрации, помощь чиновников польского происхождения и членов Сибирской областной землевольческой организации были использованы поляками. Командир Томской арестантской роты П. И. Наумов был членом томского кружка Сибирской областной землевольческой организации, но оставался еще не привлеченным к следствию по делу «сибирских республиканцев». Он помогал полякам всеми средствами.

Насколько далеко простиралось влияние томского руководящего центра, свидетельствует деятельность тайных кружков и групп в Восточной Сибири. Летом 1865 г. Черемховская колония политических ссыльных предприняла издание рукописного журнала «Метеор», в котором на литературном материале раскрывала ссыльным необходимость организации, единства, упорной и настойчивой деятельности по подготовке грядущего освобождения. Такого рода деятельностью отмечена жизнь Тункинской колонии ссыльных. Рукописные журналы и прокламации издавались в Иркутске, Лиственичном, Забайкалье, где был распространен журнал «Метеор». Скопление политических ссыльных в Томске было признано властями опасным, а задержка «каторжных» под вымышленными фамилиями, отлучки из тюремных замков были обнаружены. Поэтому И. Гайбулин, З. Минейко, А. Окинчиц, Г. Вашкевич и другие члены руководящей группы русско-польской организации были вынуждены бежать, а затем эмигрировать за границу.

Побег ряда руководящих деятелей Томской организации привел к перемещению центра руководства в Красноярск и Канск. Осенью 1865 г. возникла объединенная Канско-Красноярская русско-польская организация, к которой перешло руководство подготовкой всеобщего восстания в Сибири. В ней участвовали видные деятели освободительного движения: Н. Серно-Соловьевич, И. Владимиров, П. Ляндовский, Ю. Ратынский, П. Ветошников, В. Левандовский, Ю. Шленкер, П. Беневоленский, Н. Освальд и др. Н. А. Серно-Соловьевич написал воззвание, призывающее народ, солдат, политических ссыльных к дружной совместной борьбе против царизма, за установление справедливого общественного строя «во имя правды и воли». Свою горячую веру в успех восстания Н. А. Серно-Соловьевич сумел вселить в других.

С приходом к руководству русско-польской организацией в Красноярске и Канске Н. А. Серно-Соловьевича значительно укрепилось единство поляков и русских на основе окончательно принятых планов всеобщего восстания в Сибири с последующим перенесением революционной борьбы в Европейскую Россию и Польшу. Эти планы были известны всем организациям Западной и Восточной Сибири. К выполнению их, по свидетельству француза-гарибальдийца Э. Андреоли, готовились по всему Забайкалью. «Есть тут в Сибири члены русского революционного комитета, — писал он, — мы разговаривали с ними о способах совместного заговора. Они видят единственную возможность в воздействии на амурские

¹² С. Ф. Коваль. Польские повстанцы 1863 г. в Сибири. Тезисы научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, Иркутск, 1960, стр. 65; Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960, стр. 666.

войска... Наконец, там много поляков».¹³ Такая же договоренность состоялась раньше с членами русского «противоправительственного заговора, имеющего главную квартиру в Омске», вспоминал Г. Самборский.¹⁴ Канско-Красноярская организация по предложению Серно-Соловьевича достигла соглашения о совместном революционном выступлении в Сибири, вплоть до создания здесь республики «Свободославия» с Временным революционным правительством, состоящим из Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова и Ю. Огрызко (с совещательным голосом).¹⁵ Сибирская республика должна была стать революционным оплотом в борьбе за полное свержение самодержавия и установление демократического строя в России и Польше.

Руководящий центр Канско-Красноярской организации поставил задачу практической подготовки восстания. Оно намечалось на весну 1866 г. Непосредственное руководство подготовкой восстания должно было осуществляться по общей и специальной инструкциям, составленным В. Левандовским — главным начальником всех военных сил будущего восстания.

Повстанческие силы по общей инструкции строго делились на окружные и волостные группы со своими начальниками. На последних, кроме организационной и военно-технической подготовки восстания, возлагалась обязанность вести пропаганду восстания не только среди ссыльных, но и среди крестьянства и молодежи. Особое внимание обращалось на распространение прокламации Н. А. Серно-Соловьевича.

Канско-Красноярская организация в отличие от предшествовавших ей организаций сумела привлечь к подготовке восстания ряд лиц из местного крестьянского раскольничьего населения (Е. Т. Голубков, А. Н. Голубин, Ф. В. Иванов) и купечества (П. И. Кузнецов). Все это создавало более широкие предпосылки для реализации грандиозного плана вооруженного восстания в Сибири. Без участия в заговоре местных сил нельзя было иметь тех конспиративных связей посредством «тайной почты», каких удалось достигнуть. И основная роль в этом принадлежала Н. А. Серно-

В. Левандовский — участник польского восстания 1863 г., один из руководителей нелегальных кружков политических ссыльных в Сибири. (Русско-польские революционные связи. Материалы и документы, т. II. М., 1963, стр. 555).

¹³ W. Iewsiwicki. Na syberyjskim zesłaniu. Warszawa, 1959, str. 91.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 93—94.

Соловьевичу, взявшему на себя руководство «сибирской партией» движения.

Однако план восстания осуществить не удалось. По доносам провокатора Сулинского руководство организации было арестовано. Н. А. Серно-Соловьевич был выслан в Иркутск, где и умер.

С разгромом Канско-Красноярской организации и смертью Н. Серно-Соловьевича руководство подготовкой восстания в соответствии с принятым планом перешло к Иркутской организации политических ссыльных, во главе которой стояли молодые и энергичные руководители: Г. Шарамович, К. Арцимович, Л. Ельяшевич, Э. Вронский, Н. Целинский, Я. Рейнер, В. Котковский и др.

Восстание должно было начаться в Иркутске 3 мая 1866 г. — в годовщину Польской конституции. И только начавшаяся переброска партии ссыльных на работы по прокладке Кругобайкальского тракта изменила сроки выступления и перенесла центр подготовки восстания на берега Байкала.

Восстание на Кругобайкальском тракте началось в ночь на 25 июня (по старому стилю) 1866 г. Его начали 50 политических каторжан, работавших в 12 верстах от Култука. Они неожиданно напали на конвойных, связали их, отобрали оружие, взяли казенных лошадей и отправились на почтовую станцию Амурскую. Здесь они захватили почтовые повозки, лошадей, оружие и двинулись дальше, стремясь соединиться с другими группами работавших на тракте. Восставшие арестовали начальника конвоя полковника Черняева и начальника дорожных работ подполковника Шаца.

Надеясь задержать получение в Иркутске известий о восстании, повстанцы повредили телеграф. Но уже утром 26 июня в Иркутск прибыл нарочный из Култука с рапортом одного из офицеров о начавшемся «мятеже». Из Иркутска были срочно отправлены отряд казаков и три отряда пехоты. Из Селенгинска двинулся отряд забайкальских казаков с двумя орудиями. Кроме того, были высланы казачьи отряды в приграничные местности. Между тем повстанцы продолжали продвижение по тракту. Количество их увеличивалось за счет присоединения новых партий каторжан. Продолжалось разоружение конвойных. Руководители восстания Г. Шарамович, Я. Рейнер, Н. Целинский стремились сплотить повстанцев, организовать их как боевую силу. Участники восстания были объявлены Сибирским легионом вольных поляков. Он был разделен на боевые единицы — плутонги во главе с командирами. Повстанцы надеялись на присоединение к ним не только каторжан и ссыльных, но и местного населения, недовольного правительством. Один из повстанцев — Арцимович сказал на следствии, что у них при всех планах расчет был на арестантов и на население, которое, как говорили им, недовольно правительством и по первому возбуждению присоединится и пойдет с ними.¹⁶

Восставшие испытывали острый недостаток в оружии. Они имели ружья, отобранные у конвойных и взятые на почтовых станциях, в том числе дробовики, а также пики с железными наконечниками на деревянных древках, шашки.

Беспрепятственное продвижение восставших продолжалось до почтовой станции Лихановской, расположенной недалеко от Посольской, где они надеялись пополнить запасы продовольствия, оружия, затем двинуться в Восточное Забайкалье, чтобы поднять на борьбу ссыlnокаторжных в Петровском заводе и Нерчинском горном округе. В стремлении повстанцев на восток явно выступают черты прежних планов широкого политиче-

¹⁶ В. Р. Лейкина - Свирская. О характере восстания ссыльных поляков на Байкале в 1866 г. «Исторические записки», т. 72, 1962, стр. 237.

ского выступления. Отказ от движения по Тункинской долине к монгольской границе свидетельствовал о торжестве именно этого плана, а не плана выступления с целью группового бегства.

Первое сопротивление повстанцы встретили 28 июня 1866 г. на Лихановской. Здесь произошла перестрелка с конвоем, закрепившимся в станционном доме. Чтобы выдворить конвой из его укрепления, повстанцы подожгли дом. Конвойные убежали в лес. В это время к Лихановской приближался отряд под командой майора Рика, прибывший на пароходах из Иркутска и получивший подкрепление. Заметив его, повстанцы отошли к Мишихе.

Началась перестрелка. Часть отряда Рика напала на восставших, но была окружена ими. Они убили офицера и закололи нескольких солдат. Однако силы были неравные. Правительственный отряд, лучше вооруженный, стал теснить повстанцев. Они рассеялись в таежных местах и пытались пробраться к пограничной линии. Три недели блуждали повстанцы по незнакомой местности. Против них были отправлены казаки. 9 июля произошла стычка казаков с повстанцами на р. Темнике, а 14 июля в урочище Урбантуй. Последняя группа повстанцев была захвачена 25 июля после столкновения с усиленным отрядом казаков и пехоты в долине р. Темника.

Политических каторжан, захваченных во время подавления восстания, отправляли в Иркутск и под строгим караулом размещали в казармах на Преображенской улице. После следствия, с 24 октября по 9 ноября 1866 г., происходил военно-полевой суд по делу о Кругобайкальском восстании. Из 718 чел., работавших на тракте, перед судом предстало 680. На суде повстанцы держались достойно и мужественно. «Вы будете судить меня перед глазами всей России, перед глазами Европы, — говорил Г. Шарамович, — народная молва произнесет со временем приговор над нашими поступками и кровь осужденных вами падет на вашу голову и детей ваших. Народная молва говорила, что мы навеки здесь останемся, мы сделали попытку освободиться».

Присутствовавшие на суде с напряженным вниманием слушали выступления повстанцев: одни — в молчании, другие — с проявлением видимого сочувствия и расположения к подсудимым. Старый русский полковник, проходя около них, воскликнул: «Молодцы! Все присутствующие это признают!».

При подавлении восстания было убито 35 чел. Четыре его руководителя — Густав Шарамович, Якуб Рейнер, Нарциз Целинский, Владислав Котковский — были расстреляны 15 ноября 1866 г. в Иркутске, за Якутской заставой. В предсмертных словах и возгласах эти мужественные люди выразили надежду на победу революции в Польше. 197 человек были приговорены к 100 ударам кнутом и к бессрочной каторжной работе на рудниках. 122 человека суд приговорил к телесному наказанию и увеличению сроков каторги.

Кругобайкальское восстание 1866 г. потерпело поражение, но оно не прошло бесследно. О смелой попытке политических ссыльных добыть свободу стало известно как в России, так и за границей. На заседаниях военно-полевого суда над повстанцами присутствовал известный географ П. А. Кропоткин, служивший тогда в Главном управлении Восточной Сибири. Он записал весь ход судебного процесса, выступления повстанцев на суде и составил в сочувственных тонах подробный отчет, дающий представление о Кругобайкальском восстании. Этот отчет был опубликован в газете «Биржевые ведомости». Другой отчет, составленный сибирским литератором В. И. Вагиным, помещен в «Петербургских ведомостях». Сибирский поэт В. М. Михеев посвятил польским повстанцам выразительное стихотворение «Уроки музыки». О казни руководителей восстания 1866 г.

сообщалось в знаменитой газете А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Колокол».

Вопрос о восстании на Байкале освещался в печати польских политических эмигрантов за границей. Кругобайкальское восстание послужило поводом к усилению революционной пропаганды против царизма. Казнь 4 повстанцев, жестокость 2 офицеров по отношению к политическим каторжанам, вскрывшаяся на суде, вызвали общее негодование. Под давлением общественного возбуждения царское правительство было вынуждено принять некоторые меры по смягчению участи политических ссыльных. Вскоре после восстания 1866 г. «положение всех ссыльных поляков заметно улучшилось. И этим они обязаны были бунту, тем, которые взялись за оружие, и тем... мужественным людям, которые были расстреляны в Иркутске».¹⁷

Восстание на Кругобайкальском тракте длилось почти месяц. Несколько сотен революционеров самоотверженно боролись за свободу польского и русского народов. Их борьба способствовала укреплению русско-польских революционных связей и традиций. Участников восстания 1866 г., которым были увеличены сроки каторги, после их окончания переводили на поселение в разные места Сибири. В 1873 г. уволены от каторжных работ и переведены на поселение повстанцы, приговоренные к бессрочной каторге. Остались только Арцимович, Ельяшевич, Недермейер, Ронедский, Бартольд, Гасчинский, Кулеш. Их отправили на поселение в 1880 г.

В 1883 г. повстанцам 1863 г. было разрешено возвратиться на родину. Из привлекавшихся по Кругобайкальскому процессу этим разрешением могли воспользоваться только 213 чел. Остальных амнистия не коснулась, так как участие в восстании 1866 г. считалось «новым преступлением, совершенным в Сибири». Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков назвал события 1866 г. «продолжением общего восстания поляков, переселенного лишь на другую территорию».

Одни из политических ссыльных вернулись на родину, другие остались в Сибири до конца своей жизни. Они нашли здесь друзей и родных и, находясь на поселении, стали привыкать к условиям сибирской жизни. Политические ссыльные ненавидели царских тюремщиков и карателей, но сблизились с трудовым населением Сибири и оставили глубокий след в ее развитии.

Ссыльные, прибывшие из Варшавы, Лодзи и других промышленных центров, принесли в Сибирь и распространили здесь свои производственные навыки, усовершенствованные орудия труда. «Они открыли мастерские по различным отраслям промышленности, образовали подмастерьев и изменили склад городской жизни».¹⁸ Их работа имела успех, так как соответствовала потребностям экономического развития сибирских окраин России. Среди ссыльных были искусные слесари, столяры, красильщики, часовщики, аптекари, колбасники, кондитеры и другие специалисты. «Колбасное, кондитерское и некоторые другие отрасли производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием».¹⁹ Известна работа польских мастеров на Хайтинской фарфоро-фаянсовой фабрике, железодельных заводах, в пароходстве. Ссыльные, проживавшие в сельских местностях, занимались земледелием и огородничеством.

Повстанцы 1863—1864 гг. продолжали просветительные традиции политических ссыльных. Они обучали грамоте, общеобразовательным пред-

¹⁷ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, стр. 212.

¹⁸ «Восточное обозрение», 1883, № 5.

¹⁹ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 610.

метам, иностранным языкам, музыке, живописи. Плодотворной была творческая и педагогическая деятельность талантливого художника С. Вронского — автора многих картин, акварелей, рисунков, изображавших главным образом сибирские пейзажи. Живописью занимались также политические ссыльные К. Сицинский, Ф. Зеньковский, Немеровский, А. Сохачевский, К. Новаковский.

Среди повстанцев 1863—1864 гг. были высокообразованные и опытные врачи, заслужившие глубокое уважение и признательность сибиряков, — Ф. Возницкий, Бирфрейнд, Зилинский, Логовский, Чечковский, Цехановский, Яроцкий, Лисоцкий, Томкович и др.

Политические ссыльные внесли крупный вклад в изучение Сибири. Из них выдвинулись замечательные деятели Сибирского отдела Географического общества — зоологи Б. И. Дыбовский, В. Годлевский, геологи И. Д. Черский, А. Л. Чекановский, С. Венгловский, археолог Н. И. Витковский, зоолог и химик Н. Гартунг, И. Логовский, орнитолог В. Тачановский и др.

В славной плеяде политических ссыльных в Сибири особое место занимает небольшая группа французских и итальянских подданных из отряда гарибальдийцев Франческо Нулло или польских отрядов, разделивших участь изгнанников-поляков. Это Э. Андреоли (профессор истории), Л. Кароли, А. Венанцио, Ж. и Л. Меули, А. Джупони, Ж. Клеричи, А. Бенди, Л. А. Дие, Э. Марешаль, П. Аргант, Л. Пажес, Ж. Тиже, А. Рушоссе, К. Ришард и др. Одни из них попали в 1864 г. сразу на Нерчинские рудники, другие задержались в Красноярске, где занимались частной педагогической практикой, пользуясь вниманием и расположением городской общественности.²⁰

В более суровых условиях оказалась группа гарибальдийцев, заброшенная на Нерчинские рудники и заводы. Еще по пути, в Тарбагатае, в партии польских ссыльных, в которой шел и А. Красовский, гарибальдийцы устроили «бунт», отказавшись размещаться в этапном доме, оскорбительно грязном и непригодном для людей. На Нерчинских рудниках (в Кадае) Э. Андреоли, А. Венанцио и Л. Кароли пребывали некоторое время вместе с Н. Г. Чернышевским. В Сибири Э. Андреоли вел «Дневник военнопленного», опубликовав его в 1868 г. в журнале «Revu Moderne». Л. Кароли умер в июне 1865 г. в Кадае и похоронен среди могил поляков на одной из сопок, где спустя 2 месяца нашел вечный приют и поэт М. И. Михайлов.

Нельзя не вспомнить также самоотверженного подвига женщин, посланных в 1863 г. Их изгнанническая жизнь в Сибири вместе с женами, добровольно последовавшими за мужьями, была повторением благородного поступка женщин-декабристок, разделивших судьбы мужей в тяжелой неволе. В отличие от декабристок польские женщины в большинстве своем принимали прямое или косвенное участие в революционном движении и как политические ссыльные оказались в Сибири. Их были сотни, среди них Н. Щецинская, Ю. Невинская, У. Савицкая, Н. Гринцевич, С. Добашинская, А. Шпаковская, В. Янковская, Н. Листопадская, К. Василевская, А. Малевич, С. Жаромская, А. Поплавская и многие другие.

Большинство из них было участницами революционных подпольных организаций в Сибири; наиболее известны В. Пеньковская, Ю. Ковалевская, Е. Тобенская, П. Козловская (в Томске), мать и дочери Ямонт (в Тобольске), Т. Ф. Чайковская (в Иркутске).

²⁰ Б. Г. Кубалов. Французы-добровольцы польского восстания 1863 г. и общественность Красноярска. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 213—220.

Совместная жизнь и труд сближали польских изгнанников с местными жителями. По мнению Б. Дыбовского, Сибирь дала «опыт действительного народного сближения поляков с русскими».²¹

Среди жителей сибирских селений и городов нередко встречаются старожилы, носящие польские фамилии: Витковские, Гиргятовичи, Коперские, Кракау, Прошинские, Пучинские, Пауллеры, Новобрицкие, Ядчаки, Шинковские. Они сохранили в большинстве случаев смутные воспоминания о своих польских предках. О сближении между поляками и русскими свидетельствуют и такие, например, записи в метрических книгах сибирских церквей:

1. Жених — Верхне-Острожного села политический ссыльный Андрей Дионисьевич Вишневецкий; невеста — крестьянская дочь Мария Ивановна Федорова.

2. Жених — политический ссыльный Сильвиан Карпинский, невеста — Ицигунского селения солдатская дочь Ефимия Булатова.²²

Сибирские потомки повстанцев 1863 г. постепенно сливались с местным населением, становились старожилами.

Разрешение польским политическим ссыльным вернуться после 20 лет пребывания в Сибири на родину послужило поводом для опубликования в сибирской печати благожелательных статей об их жизни и работе в этом крае. Например, в газете «Сибирь» была опубликована передовая статья под заглавием «Поляки в Сибири». Отмечая роль политических ссыльных в развитии ремесла, сельского хозяйства и культуры в Сибири, автор статьи писал: «Сибирь признает и ценит эти заслуги политических ссыльных поляков. Сибирский народ и общество сохранили к ним за это признательность. Сибиряки... провожают их на родину с чувством вполне благожелательным».²³ Статья заканчивалась добрыми пожеланиями полякам, которые возвращались на родину: «Мы, прощаясь с ними, готовы братски пожать их руку и пожелать всех благ на родине».²⁴

Приток политических ссыльных в Сибирь усилился в 70—80-х годах XIX в. Сначала их отправляли на каторгу и в ссылку под надзором жандармов на лошадях, затем стали отправлять пешком от одной этапной тюрьмы до другой. Долго тянулся этот мучительный путь. Ссыльные находились под неограниченной властью конвойных начальников, творивших произвол и насилия. Особенно тяжело было идти в кандалах осужденным на каторгу.

Знойным летом и в трескучие морозы шли одна за другой партии ссыльных.

По дороге большой, что на север идет,
Что Владимирской сдревле зовется,
Цвет России идет, кандалами гремит,
И «Дубинушка» стройно несется.
Скрип колес. Из нахлынувшей мглы
Солнце бросит лучи на дорогу...²⁵

На каторгу были отправлены участники народнического кружка, возникшего в 1872 г., — долгушинцы: А. В. Долгушин, Л. Д. Дмоховский, И. И. Папин, Н. А. Плотников, Д. И. Гамов. Уроженец г. Тары Тобольской губернии, А. В. Долгушин был первым сибиряком, принимавшим активное участие в движении революционных народников. Во время перевода на Карийскую каторгу Долгушин и его товарищи приняли участие

²¹ Г. И. Поплавская. Вклад поляков в дело изучения Байкала. М., 1915, стр. 5.

²² Материалы Ангарской историко-этнографической экспедиции Иркутского государственного университета, 1959. Машинописный текст, стр. 101.

²³ «Сибирь», 1883, № 81.

²⁴ Там же.

²⁵ Сибирская народная песня на мотив известной русской песни «Дубинушка».

в волнениях политических заключенных в Красноярской пересыльной тюрьме. За это его снова предали суду и приговорили к 15 годам каторги. Долгушин отбывал ее на Каре, а затем в Петропавловской крепости и Шлиссельбурге. Здесь он и скончался в 1885 г.

В Сибирь сослали участников первой рабочей революционной демонстрации, происходившей 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге, — Н. И. Хазова, С. А. Геллера, Я. Е. Гуровича и др.

За пропаганду среди рабочих в 70-х годах XIX в. были сосланы члены «Общества друзей» — Д. А. Александров, кузнец и слесарь Д. М. Снигор, ткач В. П. Павлов, слесарь А. М. Петерсон, студент Н. Кузнецов и др.

К 70-м и началу 80-х годов относится ссылка на каторгу и поселение участников хождения в народ, пропагандистов, привлеченных по процессам 193 и 50 о революционной пропаганде в империи. По первому процессу сосланы П. И. Войнаральский, Ф. В. Волховский, С. А. Жебунев, С. Ф. Ковалик, И. Н. Мышкин, С. С. Синегуб, К. Л. Шамарин и др.; по второму — П. А. Алексеев, С. И. Бардина, В. И. Александров, Е. П. Александрова, И. С. Джабадари, М. Н. Чекоидзе и др.

В 1877 г. П. А. Алексеев был приговорен к 10 годам каторжных работ. Он отбывал каторгу в Ново-Белгородской тюрьме, а с 1882 г. — на Каре. В 1884 г. Алексеева отправили на поселение в Якутскую область. Живя в Сысольском наслеге Баягантайского улуса, Петр Алексеев стал там пионером земледелия. Ревнитель справедливости, он заступался за бедноту и разоблачал плутни местных богачей, которые ненавидели его. 16 августа 1891 г. Петр Алексеев был ими убит.

В 80-х годах XIX в. в Сибирь на каторгу и поселение были отправлены активные деятели народнических организаций — землевольцы, народо-довольцы, чернопередельцы — О. В. Аптекман, А. Г. Белоусов, Н. А. Виташевский, В. Я. Горинович, Д. А. Клеменц, Л. М. Коган-Бернштейн, А. П. Корба-Прибылева, Я. Стефанович, Е. Г. Фигнер, В. И. Чуйко и др.

В 80-х годах XIX в. было сослано по политическим делам до 4000 чел. В это число не включались участники выступлений рабочих и крестьян, которых царские власти причисляли к «уголовным».

В конце 70-х и в 80-х годах в составе политических каторжных и ссыльных возрастало число рабочих. Это было связано с ростом рабочего движения, стачками и волнениями на промышленных предприятиях, возникновением кружков и рабочих союзов. За принадлежность к «Южно-российскому союзу рабочих» сослали в Сибирь М. П. Сквери, С. С. Наумова, С. Б. Наддачина, Ф. И. Кравченко, И. О. Ребицкого (Рыбицкого), В. Я. Мрачковского, М. П. Силенко, М. Я. Ляховича.

В 1880 г. на 10 лет каторжных работ был осужден рабочий-революционер В. П. Обнорский, основавший совместно с С. Н. Халтуриным «Северный союз русских рабочих». Виктор Обнорский отбывал каторгу на Каре. По окончании срока каторги он поселился в Чите, был членом коммуны политических ссыльных. Из Читы В. П. Обнорский переселился в Западную Сибирь. Он умер в 1920 г. в Томске. Одновременно с Обнорским были сосланы на поселение в Якутскую область его товарищи по «Северному союзу русских рабочих» слесарь И. А. Гусев, слесарь и кузнец А. П. Павлов.

В 1881 г. в Сибирь сослали участников «Южнорусского союза рабочих» Е. Н. Ковальскую, Н. П. Щедрина, С. Богомолец, И. Кашинцева, А. Доллера, В. Кизера. Н. П. Щедрин — один из сибиряков, принимавших активное участие в революционном движении (уроженец г. Петропавловска, учился в Омской гимназии), — был членом общества «Земля и Воля», затем участвовал в организации «Южнорусского союза рабочих», составил его программу. По процессу 1881 г. Щедрина приговорили

к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Он отбывал ее в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Н. П. Щедрин скончался в 1896 г. в Шлиссельбурге.

В Сибирь попадают деятели новых направлений революционного движения в Польше. В 1880 г. прибыли в ссылку под надзор полиции 137 чел. «за принятие участия в социально-революционной пропаганде, обнаруженной в Варшаве в 1878—1879 гг.»,²⁶ — А. Венцковский, Б. Мондштейн, М. Данилович, С. Де-Мезер, П. Абрамович, А. Грабовский, Л. Дробыш и другие участники рабочих кружков и групп, на основе которых в 1882 г. возникла социально-революционная партия «Пролетариат».

Первую группу «пролетариатцев», осужденных на каторгу (18 чел.), отправили в Сибирь в 1885 г. Из них Ф. Ю. Рехневского, Ф. Я. Кона, Ф. Я. Люри, С. Д. Ленда, Г. Дулембу назначили на Кару, остальных — на Сахалин. Новая группа членов партии «Пролетариат», отбывавших заключение в Варшавской цитадели (47 чел.), была сослана в Сибирь в 1887 г.

Занимая интернационалистические позиции, «пролетариатцы» сближались с русскими революционерами для борьбы против общего врага — царизма. Такое сближение происходило и в сибирской ссылке. Оно выражалось в совместных выступлениях против произвола царских властей, взаимной переписке, товарищеской помощи, организации артелей и касс взаимопомощи, содействии в побегах. Так, при помощи русских политических ссыльных совершил побег «пролетариатец» М. Войнич.

В 1895 г. после пятилетнего заключения в крепости сослали в Восточную Сибирь рабочего Владислава Анелевского — активного деятеля революционного движения в Польше. В 1889 г. он участвовал в работе Парижского социалистического конгресса в качестве делегата польской партии «Пролетариат». Местом его ссылки назначили Балаганск, где находилась колония политических ссыльных. Здесь В. Анелевский и прожил до конца своей жизни.

Примечательна деятельность в Сибири Ф. Я. Кона. До 1891 г. он находился на Нерчинской каторге, а затем был назначен на поселение в Якутскую область. Здесь и началась его интенсивная деятельность по изучению экономики, этнографии, антропологии Сибири при содействии Восточносибирского отдела Географического общества. Общественная, научная, литературная деятельность Ф. Я. Кона — один из многих примеров сближения польских революционеров с населением Сибири.

Среди политических ссыльных были и писатели — участники революционного движения.²⁷ С 1881 по 1884 г. в Амгинской слободе Якутской области жил в ссылке В. Г. Короленко.

В Сибирь были сосланы участники последних организаций «Народной воли» — писатели В. Г. Богораз (в Колымский округ) и П. Ф. Якубович-Мельшин (на Нерчинскую каторгу, Кара, Акатуй). Четыре года (1880—1884 гг.) пробыл в сибирской ссылке писатель-народник Г. А. Мачтет.

В 1888 г. в Балаганский округ Иркутской губернии сослали украинского поэта-революционера П. А. Грабовского. В 1889 г. он принял участие в протесте политических ссыльных по поводу кровавой расправы царских властей над политическими ссыльными в Якутске. За это Грабовский был заключен в Иркутскую тюрьму, где пробыл 3 года. Затем его выслали в Вилюйск. Здесь он жил рядом с острогом, в котором на-

²⁶ ГАИО, ф. Канцелярии Иркутского генерал-губернатора, св. 49, № 2.

²⁷ Их литературная и просветительная деятельность рассматривается в главе «Просвещение и культура в Сибири во второй половине XIX—начале XX в.».

ходилась до этого Н. Г. Чернышевский. После шестилетнего пребывания в Вилюйске П. А. Грабовскому разрешили выехать на новое место поселения — в Тобольск. В этом городе он прожил более 3 лет, занимался педагогической деятельностью, сотрудничал в газете «Сибирский листок». П. А. Грабовский скончался 29 ноября 1902 г. в Тобольске. Согласно желанию писателя, его похоронили среди могил декабристов, рядом с могилой В. К. Кюхельбекера.

В Томск в 1885 г. сослали на 3 года К. М. Станюковича. Он активно сотрудничал в местной печати. «Сибирская газета» стала для К. М. Станюковича общественно-политической и литературной трибуной.

Для удобства наблюдения за политическими ссыльными их расселяли небольшими группами — колониями. Такие колонии образовались в Березове, Обдорске, Сургуте, Тобольске, Таре, Туринске, Томске, Омске, Красноярске, Енисейске, Минусинске, Иркутске, Балаганске, Верхоленьске, Якутске, Олекминске, Верхоянске, Колымске, Баргузине, Селенгинске, Чите, Благовещенске, в селениях Западной и Восточной Сибири и на о. Сахалин. Политические каторжане сосредоточивались в Тобольской тюрьме, в тюрьмах Нерчинской и Кайрийской каторг.

Оторванные от своих товарищей по революционной деятельности, расселенные небольшими группами или даже поодиночке на обширных пространствах от Тобольской губернии до Сахалина включительно, терпя лишения, страдая от одиночества, политические ссыльные стремились общаться между собой путем переписки. Они писали о судьбе людей, осужденных по политическим процессам, материальном и правовом положении ссыльнопоселенцев, оценивали события общественной жизни, осуждали произвол царских властей и протестовали против него. Не все письма достигали адресатов, многие из них перехватывались полицией.

Чтобы как-то поддержать свое материальное положение, политические ссыльные устраивали артели и кассы взаимопомощи, сапожные, столярные, переплетные, слесарные мастерские. В трудных условиях северных районов (Якутская область) некоторые ссыльные вели совместно хозяйство (огороды, посевы). В некоторых колониях устраивались библиотеки общего пользования.

Страстное желание вырваться на волю не раз побуждало политических каторжан и ссыльных к побегам. Например, в 1880 г. через подкоп в Иркутской тюрьме ушли Г. Н. Березин, И. Ф. Волошенко, Г. А. Попко и др. В 1882 г. из нее же бежала Е. Н. Ковальская. С мест поселения совершили побег С. И. Бардина, И. Н. Козинцев, П. М. Федоров, М. Войнич и др. Все же удачные побег, особенно из тюрем, происходили довольно редко.

В мае 1882 г. из с. Кары убежало 8 политических каторжан: И. Мышкин, М. Диковский, А. Баломез, Ф. Юрковский, Н. Левченко, Е. Минаков, А. Крыжановский, Н. Хрущов. Из них Мышкину и Хрущову удалось добраться до Владивостока, остальным — отойти лишь на несколько десятков километров от Кары. Все бежавшие были схвачены и заключены в тюрьму. За попытку побега они заплатились увеличением срока каторги. Их перевели в Шлиссельбургскую крепость.

Узнав о побеге, губернатор Забайкальской области Ильяшевич приказал «усмирить» политических каторжан. По его приказанию солдаты ночью ворвались в тюремные камеры, набросились на спящих людей, за волосы стаскивали их с нар, бросали на пол, топтали ногами, били прикладами. Узнав об издевательствах над своими товарищами, М. Кутитонская, только что отправленная по истечении срока каторги на поселение, решила отомстить губернатору. Она прибыла в Читу и стреляла в него, но промахнулась. Марию Кутитонскую приговорили к смертной казни, замененной вечной каторгой. Протестуя против новых притеснений, поли-

тические каторжане объявили голодовку, которая продолжалась 15 дней. Они добились возвращения льгот, которыми пользовались до усмирения.

Произвол царской администрации, полиции, тюремщиков вызывал многочисленные протесты и выступления политических каторжан и ссыльных.

В 1881 г. царские власти пытались навязать политическим ссыльным присягу новому царю — Александру III. На это последовали демонстративные отказы. Протестантов заключали в тюрьмы и высылали в более отдаленные северные места Сибири.

В 1889 г. выступили с открытым письменным протестом против произвольных обысков и арестов, разосланным по местам ссылки, политические ссыльные Сургута, Обдорска, Березова.

Усиленное наступление реакции 80-х годов XIX в. на политических каторжан и ссыльных привело к трагическим событиям. В 1889 г. произошла карийская и якутская трагедии.

В августе 1889 г. при посещении приамурским генерал-губернатором бароном Корфом Карийской каторжной тюрьмы политическая заключенная Е. Ковальская не встала в присутствии генерал-губернатора. Тогда царский сатрап приказал увезти ее в Читу, а оттуда отправить в Верхнеудинский централ. При увозе Е. Ковальской комендант Масюков и его сподручные допустили издевательства и насмешки над нею. Узнав об этом, товарищи Ковальской — М. Ковалевская, М. Калюжная, Н. Смирницкая — объявили голодовку и потребовали снятия коменданта тюрем Карийской каторги Масюкова, но петербургская администрация отказала в этом. Тогда политическая заключенная Н. Сигида дала пощечину Масюкову. В наказание ее перевели в уголовную тюрьму. Выражая солидарность с Сигидой, М. Ковалевская, М. Калюжная и Н. Смирницкая потребовали своего перевода в эту тюрьму и объявили голодовку. Она продолжалась 16 дней. Тюремное начальство было вынуждено выполнить их требования. Но на этом события не кончились. Обстановка в тюрьме обострилась и привела к трагической развязке. По приказанию генерал-губернатора Корфа Сигиду подвергли истязаниям розгами (100 розог). Она отравилась и 8 ноября умерла.

В знак протеста против истязания Сигиды, которое довело ее до самоубийства, М. Ковалевская, М. Калюжная и Н. Смирницкая тоже приняли яд. В мужской тюрьме к протесту присоединились 16 чел., принявших яд. Из них С. Бобохов и Н. Калюжный умерли. Под влиянием энергичных протестов политических каторжан и ссыльных царское правительство отменило телесные наказания для женщин.

В том же 1889 г. произошла якутская трагедия. Весной этого года в Якутске и ближайших к городу улусах находилось до 400 политических ссыльных, назначенных в северные округа Якутской области — Верхоянский и Колымский. Вице-губернатор Осташкин установил драконовские правила отправки в северные округа политических ссыльных, обрекавшие их на лишения и страдания. Приходилось преодолевать перевалы через оледенелый Верхоянский хребет. По приказу вице-губернатора продвижение на север должно было совершаться медленно, партиями по 4 человека в сопровождении 4 казаков. Ссыльные не могли обеспечить себя в достаточной степени продовольствием, одеждой, необходимыми вещами, книгами, так как по правилам вес багажа, который они могли взять с собой, был крайне ограничен. Среди ссыльных находились люди со слабым здоровьем и женщины. Для всех, кто подлежал отправке, было ясно, что подчинение приказу равносильно самоубийству. 19 марта 1889 г. состоялось совещание политических ссыльных в доме Монастырева на главной улице Якутска. Здесь помещалась библиотека, устроенная ссыльными, и происходили их встречи. К вице-губернатору был послан уполномоченный

для переговоров об отмене правил отправки ссыльных. Осташкин потребовал беспрекословного выполнения его распоряжений. В библиотеке был произведен обыск. 21 марта каждый из политических ссыльных подал заявление о невозможности отправки на север по новым правилам. Вице-губернатор объявил эти заявления «антиправительственным выступлением» и решил применить вооруженную силу. На помощь полиции назначили 30 солдат из местной команды.

Решив оказать сопротивление и не быть застигнутыми врасплох, более 30 политических ссыльных мужчин и женщин, подлежащих отправке в северные округа, с вечера 21 марта собрались в доме Монастырева. На следующее утро к этому дому подъехал полицейский надзиратель и потребовал, чтобы все ссыльные явились в полицейское управление. На это требование последовал решительный отказ. Тогда к дому Монастырева подошли полицмейстер и 30 солдат под командой 2 офицеров. Один из них приказал солдатам брать ссыльных поодиночке и выводить из дома насильно. Солдаты пустили в ход приклады и штыки, несколько ссыльных было ранено. Встретив сопротивление, солдаты выбежали на двор и стали обстреливать «монастыревцев». Один из ссыльных выстрелил в вице-губернатора Осташкина, прибывшего к месту события, но промахнулся. Раздались новые ружейные залпы по дому Монастырева. Потеряв 5 чел. убитыми и 10 ранеными, «монастыревцы» вынуждены были сдаться. Всех оставшихся в живых предали военному суду. Из них Н. Зотов, А. Гаусман, Л. Коган-Бернштейн были приговорены к смертной казни через повешение, 23 чел. — к каторжным работам на разные сроки и 2 — к ссылке в отдаленнейшие места Якутской области.

Перед казнью Н. Зотов, А. Гаусман и Л. Коган-Бернштейн вели себя мужественно. В предсмертных письмах они прощались с родными и друзьями и выражали уверенность в грядущей победе революции.

Карийская трагедия 1889 г. и бесчеловечная расправа царских опричников над участниками протеста политических ссыльных в Якутске произвели потрясающее впечатление. В письме из Иркутска в Сургут политическому ссыльному Я. М. Петрашкевичу автор его после описания «ужасных потрясающих событий», которые происходили в Карийской каторжной тюрьме, восклицал: «Неужели гробовое молчание будет ответом на эти еще небывалые страшные события? Неужели кровь и страдания таких чистых, светлых, редких душ, как Сигида, останутся неотомщенными. Неужели и после этого мы будем продолжать писание позорно-покаянных исповедей и припадать к стопам?»²⁸

В этом и других письмах выражалось сочувствие политическим ссыльным, протестовавшим против произвола, и осуждались «подаванцы» — лица, подавшие прошения царю «о помиловании».

Протесты против произвола агентов царизма имели общественно-политическое значение. Они нашли отклики и поддержку среди политических ссыльных, находившихся в разных местах Сибири, и получили известность далеко за ее пределами.

Против бесчеловечной расправы над «монастыревцами» выступили с резкими протестами ссыльные Балаганского уезда, Верхотурска и других городов Сибири, заключенные Киренской тюрьмы. О якутской трагедии говорилось в брошюрах и листовках, изданных революционными организациями в Петербурге, Москве, Одессе, Костроме и за границей — в Лондоне и Женеве (изданиях группы «Освобождение труда»). Сообщения о якутских событиях 1889 г. появились в западноевропейских газетах. Например, 2 корреспонденции о событиях в Якутске (из них одна более подробная) были помещены в английской газете «Таймс».

²⁸ ГАТЮТ, ф. 152, д. 45, л. 9.

Протесты политических ссыльных, получившие значительное распространение, разоблачали злодеяния царизма и его агентов, усиливали ненависть к самодержавию. Они являлись продолжением в тюрьме и на каторге той борьбы против произвола и насилия, которая велась на воле.

Пребывание на каторге, постоянный надзор полиции за политическими ссыльнопоселенцами затрудняли революционную пропаганду. Часть ссыльных ограничивалась культурно-просветительной деятельностью и изучением края. «Революционные деятели незаметно для самих себя превращались в местных культурных работников, правда, особого типа».²⁹ Но, несмотря на трудности, революционная пропаганда велась и в Сибири. Один из революционных народников С. А. Жебунев писал: «Не забывайте, что мы провели свои лучшие годы в тюрьме и в ссылке, годы, когда хотелось так сильно жить... и мы, естественно, направили свою пропаганду на окружающий нас мир. Мы не только пропагандировали арестантов, мы не останавливались даже и перед жандармами».³⁰

С. А. Жебунев принадлежал к тем ссыльным, которые во время пребывания в ссылке постоянно вели политическую работу. Он «органически не мог не вести революционной работы, противоправительственной пропаганды. Где бы он ни был, а сибирская администрация усердно гоняла его по всей Сибири, от Ялуторовска Тобольской губернии, куда он впервые попал, до Якутии и обратно в Ялуторовск, — везде он немедленно заводил связи в самых разнообразных слоях населения».³¹

Везде, куда попадал С. А. Жебунев, он организовывал кружки с конспиративными целями, кассы, нелегальные библиотеки, вел пропаганду среди учащихся, приказчиков, рабочих. В этой среде С. А. Жебунев «находил последователей, сводил их между собой, организовывал и т. п.».³² Даже в тюрьме он вел пропаганду среди арестантов.

Пропагандистом, подобным Жебуневу, был студент-ветеринар А. А. Силин (родом сибиряк), высланный из Петербурга в Сибирь. Живя в Барнауле, Омске, Томске, Силин вел пропаганду среди молодежи, организовывал кружки, распространял нелегальную литературу.

Группа ссыльных по процессу 193 — Чудновский, Черняевский, Жебунев, Афанасьева — получала нелегальную литературу, распространяла ее в Кургане, Ялуторовске. В 1887 г. в Туринске был выпущен гектографированный журнал.

Для пропагандистских целей использовали местную периодическую печать. Революционные народники Ф. Волховский и С. Чудновский стали фактическими руководителями «Сибирской газеты», выходившей в Томске. Это были талантливые обозреватели сибирской жизни. «Феликс Волховский еженедельно в фельетоне, делая как бы прогулку по сибирской тайге, остро высмеивал местных Держимордовых и Колупаевых».³³ По остроумному выражению С. А. Жебунева, «политические ссыльные заняли место прокурорского надзора. Местные акулы и самодержцы стали с опаской поглядывать в сторону ссыльных».³⁴ Жебунев отмечает, что «все обиженные и униженные» тайком приходили к политическим ссыльным с жалобами, фактами, обличительными документами.

В 1885—1887 гг. в Томске собралась довольно значительная группа политических ссыльных. Под их влиянием в средних учебных заведениях Томска образовались кружки самообразования, библиотеки, читались рефе-

²⁹ «Каторга и ссылка», М., 1928, кн. 48, стр. 88.

³⁰ С. А. Жебунев. Отрывки из воспоминаний. «Былое», СПб., 1907, № 5/17, стр. 253.

³¹ «Каторга и ссылка», кн. 48, стр. 96.

³² Там же.

³³ С. А. Жебунев. Отрывки из воспоминаний, стр. 267—268.

³⁴ Там же, стр. 268.

раты, шли споры. Читали и обсуждали художественную литературу (преимущественно произведения писателей-народников), знакомились с основами философии, политической экономии, истории. В работе этих кружков принимала участие местная интеллигенция, учащаяся молодежь. «Общение с ссыльными было самое тесное».³⁵

Д. А. Клеменц читал рефераты по истории Интернационала, рассказывал о жизни пропагандистов в деревне во время хождения в народ. Беседы Здановича посвящались вопросам политической экономии и толкованию первого тома «Капитала» К. Маркса. По вопросам философии и социологии вел беседы Л. Э. Шишко. Начиналась переоценка ценностей, пересматривались прежние народнические программы. «До глубокой ночи шли споры о судьбах общины, о внутреннем рынке»,³⁶ о книге В. В. (Воронцова) «Судьбы капитализма в России», о крестьянстве, о народолюбивой тактике, особенно о терроре. Среди участников кружков преобладали сторонники народолюбцев. Идеи марксизма тогда только начинали проникать в Сибирь.

Опасаясь влияния политических ссыльных на студентов в связи с предстоящим открытием Томского университета, царские власти в 1887 г. выселили большинство ссыльных из Томска, но пропаганда продолжалась.

О проникновении в 70—80-х годах XIX в. революционной пропаганды в Сибирь не раз писал в своем дневнике сибирский историк и журналист В. И. Вагин: «Вот она куда добрела пропаганда».³⁷

Политические ссыльные революционно-демократического этапа освободительного движения внесли крупный вклад в общественно-культурное развитие Сибири. Несмотря на запрещения заниматься педагогической деятельностью, они стали проводниками вольного (вне казенных школ) образования: обучали сибиряков грамоте и общеобразовательным предметам, были инициаторами и активными участниками обществ грамотности, народных домов, библиотек и других культурно-просветительных начинаний. Ссыльные, занимавшиеся земледелием, способствовали росту хлебопашества, распространению улучшенных приемов ведения сельского хозяйства. Среди политических ссыльных были педагоги, врачи, агрономы, статистики, инженеры и техники, квалифицированные рабочие. Ссыльные оказывали медицинскую помощь, содействовали распространению технических знаний и навыков.

Много сделали политические ссыльные для изучения Сибири, ее природы, природных богатств, экономики, истории и этнографии. Ни одно из мероприятий по исследованию края не обходилось без активного участия ссыльных; оно способствовало успеху экспедиций, статистико-экономических обследований, работы музеев, статистических комитетов, сибирских отделов Географического общества. Политические ссыльные сотрудничали почти во всех газетах, издававшихся в Сибири, и по существу определяли их основное направление.³⁸

С. А. Жебунев, характеризуя деятельность политических ссыльных в Сибири, писал: «Выброшенные за борт русской общественной жизни, мы, ссыльные, и там, в далекой Сибири, сумели приобщиться к общественной жизни и быть полезными для своей пострадавшей родины».³⁹

Деятели революционно-демократического этапа освободительного движения в России продолжили, расширили и углубили борьбу своих предшественников. Шире стал круг борцов.

³⁵ А. Аргунов. Из прошлого партии социалистов-революционеров. «Былое», СПб., 1907, № 10 (22), стр. 95.

³⁶ Там же, стр. 97.

³⁷ ГАИО, ф. В. И. Вагина, Дневник Вагина, 1880, стр. 39.

³⁸ Участие политических ссыльных в изучении Сибири и в сибирской периодической печати охарактеризовано в соответствующих разделах этого тома.

³⁹ С. А. Жебунев. Отрывки из воспоминаний, стр. 267.

У политических ссыльных теплились еще надежды на возрождение народолюбия. В 1888 г. до Сибири дошли известия о том, что за границей выходит газета «Самоуправление» — орган партии, близко стоящей по стремлениям к Народной воле и ставящей на первое место в настоящее время политическую борьбу.⁴⁰ Между тем историческая миссия революционного народничества заканчивалась. Наступал новый, пролетарский, этап революционного движения в России.

Среди народников совершался процесс политического размежевания. Одни из них стали на путь либерального народничества, представлявшего разновидность буржуазного либерализма. Из сохранившихся кружков и групп левого крыла народников образовалась впоследствии мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров (эсеры). Часть народников отошла от активной политической деятельности.

Совершив переоценку ценностей, пришли от революционного народничества к марксизму Л. Дейч, И. А. Гурвич, В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский и др. Признал возрастающую роль марксизма П. А. Грабовский. В 1897 г. в письме к П. Якубовичу он отмечал, что «марксисты разбили иллюзии народничества». В другом письме (1900 г.) Грабовский писал: «Теперь все, что только есть в России живого, подвижного, тянется к марксизму».

В далекой Сибири колонии политических ссыльных продолжали вести революционную пропаганду. Они являлись стимуляторами общественного движения на просторах огромного края. Политические ссылки оказали большое влияние на развитие революционного самосознания в среде сибирского населения, способствовали росту культуры и просвещения.

Состав политической ссылки 60—80-х годов отразил основные изменения в освободительном движении России. На смену дворянским революционерам пришли революционные демократы, затем ссылка пополнилась представителями народников — «блестящей плеяды революционеров 70-х годов», как назвал их В. И. Ленин. Либеральное народничество более позднего времени не оказало заметного влияния на политическую ссылку. К концу рассматриваемого периода всем ходом развития общественной мысли и рабочего движения была подготовлена почва для распространения идей марксизма.

2. СИБИРЬ В ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ 50-х И В 60-х ГОДАХ XIX в.

Сибирь, не знавшая крепостного права, испытала гнет самодержавно-бюрократической власти. Он выражался в обременении крестьян подачками и повинностями, в политическом бесправии народа, произволе со стороны чиновников и кулачества. В Сибири были отдельные островки крепостничества в виде немногих помещичьих имений и такие феодальные очаги, как кабинетские заводы и рудники с приписными крестьянами и мастеровыми.

К 60-м годам XIX в. в Сибири насчитывалось всего 30 имений с 3404 крепостными крестьянами. Это малочисленное крепостное население накануне отмены крепостного права перешло от разрозненных и пассивных форм борьбы — побегов, «отыскания вольности» в судебных и административных учреждениях к более активным действиям, какими были отказ целыми деревнями платить оброк и нести другие повинности, покушение на убийство помещика и «учинение буйства» (бунт). Так, крестьяне 12 имений в Тобольской и Томской губерниях не платили оброка, не несли повинностей. Попытка владельцев дер. Беловой (Ишимский

⁴⁰ ГАТОН, ф. 152, д. 45, л. 9.

округ Тобольской губернии) взыскать в 1860 г. с крестьян оброк «за многие годы» кончилась «буйством», и помещики Кошевский и Дитерикс уехали ни с чем. Движение крестьян дер. Правдиной Омского округа продолжалось несколько десятилетий и закончилось их победой. Они держались с исключительным упорством. «Многие за неповиновение были заключены в острог, иные сданы в солдаты, иные наказаны розгами»,⁴¹ но сопротивление крестьян как помещику, так и земской полиции сломлено не было.

Значительная часть крепостных в Сибири фактически добилась вольности еще до отмены крепостного права, а после реформы помещичьих имений были ликвидированы. Однако на Алтае и в Восточном Забайкалье оставались такие феодальные пережитки, как кабинетское землевладение.

Вся система самодержавного режима вызывала острое недовольство. Поэтому и на сибирских окраинах нашло живой отклик общероссийское освободительное движение крестьянства и демократической интеллигенции 60-х годов XIX в.

В конце 1861 г. крестьяне Бердской волости Барнаульского округа подняли восстание, вошедшее в литературу под названием «бердского бунта». Центром восстания оказалась горнозаводская община, в которой жили бывшие мастеровые Сузунского завода. Крестьяне и мастеровые отказались возмещать недоимки, накопленные за предыдущие годы. Сборщики недоимок были изгнаны из селений. Вызванная из Барнаула военная команда встретила с сопротивлением крестьян. Против них было применено оружие. В итоге — много убитых. Часть восставших была подвергнута различным наказаниям.⁴² Кровавая развязка «бердского бунта» послужила толчком для новых массовых выступлений крестьян в 1861—1865 гг.

Более длительным и упорным было движение крестьян в Бийском и Кузнецком округах. В селениях Черепановском, Гавриловском, Гурьевском Бийского округа и в с. Салаирском Кузнецкого округа мастеровые отказались от взноса податей и сборов на содержание волостных управлений.⁴³

Крестьяне и мастеровые этих селений в неурожайные 1864—1865 гг. продолжали волноваться: совершали вооруженные налеты на хлебные амбары заводов и рудников, на торговцев и чиновников. Разъезды и уговоры генерал-губернатора Западной Сибири и томского губернатора не действовали на крестьян. Их движение продолжалось и в 1865 г., пока организаторы волнения из крестьян и мастеровых не были арестованы и наказаны. Но и после этого крестьяне не смирились и целыми селениями выехали из горнозаводских волостей.

Движение государственных крестьян в Сибири выливалось иногда в форму «отписки в раскол». Например, в 1860 г. крестьяне разных волостей Тюменского округа Тобольской губернии с семьями в количестве 519 душ подали просьбу начальству «об отписке их в раскол». Обремененные тяжестью повинностей, в том числе поборами на постройку церквей, содержание духовенства, крестьяне выражали свой протест уходом в раскол.

Другой формой классовой борьбы сибирских государственных крестьян явилось трезвенное движение, охватившее в 1859—1860 гг. около двух

⁴¹ И. Н. Новиков. Из истории крестьянской реформы в Сибири. «Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг.», Новосибирск, 1965, стр. 51.

⁴² Н. Савельев. Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае. Барнаул, 1950, стр. 36—37.

⁴³ И. Н. Новиков. Из истории крестьянской реформы в Сибири, стр. 57.

десятков деревень Киренского округа Иркутской губернии. Своеобразной формой протеста против насилий и произвола властей, против растущего гнета кулачества было крестьянское «движение на Амур», резко возросшее в эти годы.

Для других категорий зависимого населения Сибири, ссыльнокаторжных, рабочих и мастеровых горных округов, наиболее распространенной формой борьбы было бегство. Эта форма протеста широко применялась и рабочими частных золотых промыслов. «Бродяжничество» — это специфическое сибирское социальное явление — было своеобразным барометром классовой борьбы широких народных масс в Сибири на всем протяжении XIX в. Для Сибири это и простейшее и вместе с тем самое результативное средство освобождения от социального гнета на начальном этапе массового освободительного движения. Вот почему до 50% рабочих почти на всех предприятиях Сибири постоянно находилось в бегах.

В обстановке роста освободительного движения в России, массовых выступлений в Сибири рождалось и сибирское общественное движение. Эпоха кризиса феодально-крепостнической системы выдвинула к жизни новые общественные силы, вышедшие из низов и стоявшие за интересы крестьянства. Во главе этих сил шли революционные демократы — идеологи и глашатаи крестьянской революции. Сибирское общественное движение 50—60-х годов шло в русле общероссийского демократического движения, и в этом его заслуга. Особые условия, некоторая специфика задач, вытекавшая из особенностей развития Сибири, не могли не наложить на сибирское общественное движение определенный отпечаток, но по характеру оно было едино с всероссийским общественным движением. Подъем общественного движения в России обусловлен также заметным ростом общественного самосознания, культурного уровня населения, особенно в городах, повышением интереса к судьбам страны, к общественно-политическим, военным проблемам, так близко затронувшим и Сибирь. Росту общественного движения на сибирских окраинах способствовали и политические ссыльные. В Сибирь проникали разными путями издания революционных демократов. Они имели здесь своих читателей, последователей, единомышленников.

Н. Г. Чернышевский, публикуя данные о числе подписчиков на журнал «Современник» по губерниям и городам России, подчеркнул распространение его в Сибири. В 1861 г. в Сибири было 228 подписчиков «Современника». Из городов Сибири по числу получаемых экземпляров этого журнала впереди стоял Иркутск (39), за ним следовали Омск (28), Кяхта (20), Тобольск (17), Барнаул (15), Томск (13), Николаевск-на-Амуре (8). Подписчики на «Современник» встречались даже в таких отдаленных местах, как Туруханск, Аян, Верхоянск. Официальная подписка не дает даже приблизительных данных о распространении революционно-демократических изданий в Сибири. Известно, что «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» посылались в Сибирь и частным образом, а «Полярная Звезда», «Колокол» и другие издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева попадали в Сибирь только нелегальным путем.

Вейание «весны освобождения» прокатилось по Сибири организацией кружков передовой интеллигенции, открытием воскресных школ, публичных чтений, появлением органов периодической печати и т. п. В 50—60-х годах XIX в. в Сибири существовали многие кружки интеллигенции из разночинцев: в Нерчинске — кружки краеведа М. А. Зензинова и инженера П. И. Михайлова, в Нерчинском заводе — архитектора И. В. Барашева, в Чите — врача М. И. Подгурского, в Петровском заводе — декабриста И. И. Горбачевского и купца Б. В. Белозерова, в Селенгинске — декабриста М. А. Бестужева, в Кяхте — купцов Мушниковых и Сабашниковых, в Верхнеудинске — учителя Н. В. Паршина, в Ир-

кутске — писателя М. В. Загоскина, М. П. Шестунова, братьев Белоголовых и петрашевцев, в Омске — К. К. Гутковского и Я. Ф. Капустина, в Томске — учителя Д. Л. Кузнецова.

В кружках велись научные и литературные беседы и чтения, обсуждались острые вопросы литературы и политики, читались лондонские издания Герцена, произведения Добролюбова и Чернышевского, статьи «Современника». В литературных салонах С. С. Сабашниковой в Кяхте и Е. П. Ротчевой в Иркутске можно было «слышать смелые суждения и жаркие споры».⁴⁴ «Дух преобразования» захватывал умы передовых мыслящих людей и в первую очередь молодежи. Сибирякам особенно по душе пришлась критика Герценом «хромающей и требовавшей преобразования администрации и всего законодательства России». В «Колокол» посыпались от сибирских корреспондентов статьи по важнейшим проблемам, волновавшим Сибирь (о ссыльных, о положении на Нерчинских заводах, о сибирских судах, преследованиях, об Амуре, о монополиях и монополистах и т. д.). Корреспондентами «Колокола» были Н. А. Белоголовый, М. И. Венюков, Ф. Н. Львов, М. В. Бутаевич-Петрашевский, М. В. Загоскин, М. А. Бакунин, Г. Н. Потанин, Н. С. Щукин, Н. Н. Пестерев.

К 1857 г. относится возникновение сибирской периодической печати, которое в известной степени было результатом подъема сибирского общественного движения. Задуманная как официальное издание газета «Губернские ведомости» благодаря участию в ней политических ссыльных и передовой сибирской интеллигенции стала вместе с тем и органом общественным. Печатаемая в неофициальных отделах статьи о положении приисковых рабочих, о пагубности откупной системы, о положении крестьянства, об освоении и заселении Амура и т. п., «Губернские ведомости» в первые годы их существования поднимали острые социальные вопросы, затрагивавшие все слои сибирского общества. Обличительные статьи против взяточников, казнокрадов, лихоимцев из местной администрации формировали общественное мнение. В дальнейшем «Губернские ведомости» превратились в сухие официальные издания. Передовая интеллигенция перестала сотрудничать в них, но обличительные традиции продолжали частные периодические органы — газеты «Амур», «Кяхтинский листок» и др. Газеты множили ряды активных общественных деятелей, выступали организаторами демократических начинаний.

Очагами общественности и культуры стали публичные библиотеки, появившиеся в 50—60-х годах в Иркутске, Томске, Чите, Кяхте, Красноярске, Омске и других городах Сибири.

Первая частная библиотека была открыта в Иркутске 15 февраля 1858 г. С. Д. Протопоповым. В октябре этого же года она перешла к М. П. Шестунову. По свидетельству С. С. Шашкова, посещавшего библиотеку в 1859 г., в ней «собирался интеллигентный кружок, в котором обсуждались всякие общественные вопросы и будировали против местного начальства, которое злилось на библиотеку и называло ее якобинским клубом».⁴⁵

В 1859 г. кружком томских учителей и гимназистов во главе с Н. С. Щукиным была создана библиотека кружковцев, состоявшая из журналов «Современник», «Отечественные записки», «Искра» и др., книг Белинского, Грановского, Пушкина, Лермонтова, Добролюбова и Чернышевского. В Чите публичная библиотека, основанная в конце 1859 г. или в начале 1860 г., называлась «Кабинетом для чтения». В нем велось обсуждение новых книг.

⁴⁴ Е. Д. Петряев. Люди и судьбы. Чита, 1957, стр. 33.

⁴⁵ «Восточное обозрение», 1882, № 32.

Публичные библиотеки, как и воскресные школы, возникшие в Сибири в 1860 г., явились новой формой просветительной работы в массах. средством пропагандистской деятельности демократической интеллигенции. Воскресные школы, публичные библиотеки и чтения в Сибири имели в основном просветительный характер. Политическая работа велась преимущественно в кружках. В них выращивались новые общественные деятели из сибиряков под руководством прошедших уже школу революционной борьбы политических ссыльных и их немногих еще сибирских соратников.

По основным проблемам, стоявшим перед Россией в середине XIX в. (отмена крепостного права, ликвидация самодержавного строя, введение политических свобод и т. д.), сибирское общественное движение занимало демократические позиции. В сибирских условиях эта программа, естественно, конкретизировалась. Борьба с самодержавием приняла форму разоблачений произвола и злоупотреблений местной власти. Неравноправное положение Сибири диктовало включение в программу требований о свободе промышленной и торговой деятельности, свободе переселений, равноправии всех народов, населяющих Сибирь, развитии образования и культуры, об отмене ссылки.

Одной из важнейших проблем Сибири и России в целом в середине XIX в. была проблема Амура. Огромные пространства Приамурья и Приморья, открытые и освоенные русским народом, сулили радужные перспективы в торгово-промышленной и военно-политической областях. Крымская война наглядно показала, что без прочного закрепления этого края Россия останется уязвимой перед агрессией западноевропейских государств.

Освоение и заселение края, находившееся в руках царизма и осуществляемое местной администрацией, сопровождалось насилиями и злоупотреблениями, от которых страдали переселенцы. Все это стало причиной обострения борьбы сибирской общественности с царскими сатрапами.

Демократический лагерь в сибирском общественном движении возглавляли лучшие представители русского общества: М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, Д. И. Завалишин, В. Ф. Раевский, М. А. Бестужев, И. И. Горбачевский, М. В. Загоскин, М. П. Шестунов, Н. А. Белоголовый, Н. Н. Пестерев, Е. И. Рагозин и др.

Новый подъем общественной борьбы наступил после появления статей Д. И. Завалишина, разоблачавших отрицательные стороны амурской колонизации и управления краем. Статьи его вызвали бурную общественную и правительственную реакцию. В ряде статей, опубликованных в «Морском сборнике», «Вестнике промышленности» и других изданиях, Д. И. Завалишин признавал государственное значение амурской проблемы, но резко возражал панегиристам, рисовавшим «радужные надежды». Вскрывая тяжелую жизнь амурских переселенцев, он указал на «безобразные методы колонизации, экономическое неустройство, отвратительную организацию частной торговли и государственного снабжения, бездарность и произвол местной администрации и т. п.». Завалишин правильно полагал, что «край может развернуться только при условии, если переменят путь, по которому до сих пор шли». Выступления Завалишина получили поддержку у Н. А. Добролюбова на страницах журнала «Современник» (1858 г.).⁴⁶ На стороне Завалишина выступила вся демократическая общественность Сибири. Библиотека Шестунова становится штабом сибирских демократов, разрабатывавших планы назревавшей схватки

⁴⁶ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1937, стр. 417—418.

с «партией» генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского.

Острое недовольство общественности вызывало наглое поведение приближенных Муравьева — чиновников Главного управления Восточной Сибири. Началось преследование честных, образованных работников, не разделявших жестоких, разнузданных выходов и произвола сынков российского дворянства, нахлынувших в Сибирь в 50-е годы XIX в. Первой жертвой этого преследования стал молодой чиновник М. С. Неклюдов. 11 апреля 1859 г. на загородной Кукуевской заимке (даче) произошла дуэль между чиновниками Ф. Беклемишевым и М. Неклюдовым. Дуэль была спровоцирована Беклемишевым после ряда публичных оскорблений Неклюдова и насильно организована. Отказ от дуэли не принимался, и все пути выезда из города Неклюдову были перекрыты. На дуэли Неклюдов был убит.

Население Иркутска выразило открыто свое негодование в связи с этим «предательским убийством». По городу ходили слухи, что Неклюдов убит в спину. Общественность Иркутска во главе с Петрашевским вынесла борьбу на улицы. По городу ходили толпы народа, выкрикивая слово «убийцы», расклеивались четверостишия против убийц из муравьевского круга, распространялись рукописные листовки. Ко дню похорон Неклюдова было отпечатано в типографии несколько тысяч пригласительных билетов, написанных Петрашевским, и распространено среди населения. Билеты (объявления) «выбрасывались на Большой улице прохожим из публичной библиотеки».⁴⁷ Волнения дошли до того, что в квартире Беклемишева были выбиты стекла.

Похороны Неклюдова превратились в массовую демонстрацию протеста против произвола сибирских сатрапов — «муравьевцев» с требованием суда над убийцами.

В демонстрации приняли участие до 10 000 чел., почти все взрослое население города. На могиле Неклюдова Петрашевский выступил с речью, направленной против убийц и их покровителей.

На второй день после похорон Ф. Н. Львов поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1859 г., № 17) статью о недопустимости дуэли в цивилизованном обществе, а дуэль Беклемишева с Неклюдовым заклеймил как гнусное убийство. Вслед за ним В. Ф. Раевский (в № 18) поместил статью «Сельские сцены» — гневное осуждение жестокости и бесчеловечного обращения с крестьянами разного рода начальников и «благородий». Статья была направлена и против Беклемишева, с которым у Раевского уже были столкновения. Иркутский кружок демократов принял меры к более широкой огласке дуэли: составлялись и обсуждались письма в «Колокол», посылались известия в другие сибирские города. Посредством Н. А. Белоголового, бывшего в это время в Париже, офицеров Н. Соколова и И. Е. Мехеды и многих сочувствующих демократическому движению сведения об иркутских событиях дошли до Герцена, распространились они и по Сибири. Передовая общественность Забайкалья, Красноярска, Томска и других городов Сибири поддержала протест иркутян.

Под натиском сибирской общественности организаторы «гнусного убийства» были преданы суду. Приговор Иркутско-Верхоленского окружного суда в 1859 г., когда еще общественное движение было на подъеме, был суровым. Все участники приговорены к 20 годам каторжных работ. Общественное движение одержало победу. Однако закрепить эту победу не удалось. Вслед за этим наступление реакции усилилось. Начались пре-

⁴⁷ Б. Г. Кубалов. Протест против выступления Бакунина об «Иркутской дуэли». «Литературное наследство», т. 63, М., 1956, стр. 229.

следования активных участников движения. Библиотека Шестунова была закрыта, а сам он выслан в Забайкалье. В начале 1860 г. выслали в Минусинский округ Петрашевского. Львов был отстранен от должности и нашел приют у Раевского в Олонках. Завалишин не получил доступа ни в один из печатных органов и подвергся притеснениям. Дело иркутских дуэлянтов поступило для пересмотра в высшие инстанции.

Общественное движение в Сибири временно пошло на убыль. Однако положение генерал-губернатора и его камарильи пошатнулось настолько, что Муравьев вынужден был покинуть Сибирь. Приняв в 1859 г. новую форму протеста — демонстрации, — общественное движение Сибири в начале 60-х годов поднимается на более высокую ступень. Некоторое расстройство рядов демократического лагеря сибирской общественности, наступившее вследствие репрессий против Петрашевского, Львова, Шестунова и других деятелей, вскоре было преодолено. В общественное движение влилось новое, молодое, поколение, учащаяся молодежь, прошедшая не только гимназические и университетские курсы, но и школу политического образования в кружках, на сходках, школу революционной борьбы в студенческих волнениях Петербурга, Москвы, Казани в конце 50-х — начале 60-х годов. К руководству общественным движением в Сибири приходит разночинная молодежь, вышедшая из гущи народной.

Эта новая, свежая, сила из разночинцев определила и содержание общественного движения в Сибири в 60-е годы. Революционное недовольство разночинной интеллигенции являлось отражением крестьянского недовольства и возмущения. Вместе с тем на сибирском общественном движении отражалось недовольство и других социальных групп, а также народов Сибири, страдавших от бесправного положения и самодержавно-бюрократического гнета. В сибирское общественное движение принесли опыт революционной борьбы тысячи ссыльных революционеров-демократов России, Польши, Украины, Кавказа и других окраин. Сибирское общественное движение 60-х годов развивалось в тесной взаимосвязи с революционными замыслами общества «Земля и Воля», с планами ишутинского кружка и других революционных организаций. Таким образом, общественное движение в Сибири в 60-е годы XIX в. было разночинным по составу, крестьянским по социальной сущности, революционным по содержанию.

В этом движении принимали участие и лучшие представители дворянского этапа освободительной борьбы, однако руководящая роль перешла к демократам-разночинцам.

Гонения на печатное слово, прекращение издания газет «Амур», «Кяхтинский листок», закрытие в 1862 г. по всей России воскресных школ затрудняли использование легальных форм организации общественного мнения. Неутолимая же потребность в свободном слове получала удовлетворение через ходившие по рукам многочисленные запрещенные сочинения, появившиеся местные рукописные газеты, журналы и сборники. Большой популярностью пользовался рукописный сборник «Либералист». Содержание его составляли произведения Герцена и Огарева, переписанные из «Колокола», «Полярной звезды», из книг и сборников «За пять лет», «С того берега», «Крещеная собственность», запрещенные стихи Пушкина, Рылеева, Курочкина, Михайлова, Добролюбова, Щапова, новый список «Письма Белинского к Гоголю» и «разные уличные статьи и ходящие на руках в рукописях».⁴⁸

Сборник издавался иркутским кружком молодежи во главе с литератором Н. С. Щукиным. К этому кружку была близка и «старая» сибирская интеллигенция. Корреспонденты этого рукописного издания были в Ка-

⁴⁸ Е. Д. Петряев. Люди и судьбы, стр. 30.

зани, Петербурге, Москве. Был близок к кружку и рукописному сборнику «Либералист» и А. П. Шапов, поместивший в нем стихотворение «К Сибири», написанное в 1861 г. в петербургской тюрьме. Издание сборника было началом нового этапа в сибирском общественном движении, программу и тактику которого Шапов сформулировал в этом стихотворении в следующем четверостишии:

Пора провинциям вставать,
Оковы, цепи вековые
Централизации свергать,
Сзывать Советы областные...⁴⁹

Так возникло определенное направление в общественном движении Сибири, вошедшее в историю под названием областнического и охватившее передовую часть интеллигенции того времени. Суждения о характере областнического движения разноречивы. Получила распространение оценка его как «реакционного» на всех этапах развития. При этом не учитывались особенности каждого этапа и процесс эволюции областничества от момента его зарождения в 60-х годах XIX в. до социалистической революции и гражданской войны в России. Реакционные позиции позднего областничества приписывались его раннему периоду.

Сибирское общественно-политическое движение 60-х годов рассматривалось в отрыве от общероссийского. Между тем оно было проявлением в сибирских условиях революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов.

Подъем общественного и массового движения в России в 50—60-е годы XIX в. вызвал прилив сибирской молодежи в Казанский, столичные университеты и другие высшие учебные заведения. В Казанском и Петербургском университетах студенты-сибиряки создали свои корпоративные объединения — сибирские землячества. В 1859 г. в Петербурге существовал уже небольшой кружок сибирских студентов. Это был кружок студента Педагогического института Н. С. Щукина, имевший связи с петербургскими литературными кругами, студенчеством, библиотеками. Н. С. Щукин имел налаженные связи с Лондоном, получая издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Прибытие в 1859 г. в Петербург Г. Н. Потанина значительно оживило деятельность сибирского землячества. Однако руководящая роль в кружке оставалась за Н. С. Щукиным. Кружок обсуждал современные политические и литературные проблемы, строил планы издания в Сибири литературно-политического журнала, открытия школы живописи в Иркутске и т. п.

В 1859 г. Н. С. Щукин выехал в Сибирь, устроившись учителем в Томске. Он объединил вокруг себя передовую гимназическую молодежь и учительство, создал кружок, отдавая все силы и знания политическому образованию молодежи. Под влиянием Н. С. Щукина гимназисты Н. И. Наумов и Н. М. Ядринцев отправляются в Петербургский университет и вступают в сибирское землячество.

В 1859—1860 гг. сибирское землячество в Петербурге пополняется студентами из Казанского университета и вновь прибывшей сибирской молодежью, гимназистами и выпускниками Омского кадетского корпуса. Это были братья А. и Н. Лосевы, Налетов, А. Красиков, Н. М. Павлинов, А. К. Шешуков, И. А. Худяков, И. А. Ку克林, Ф. Н. Усов, В. Березовский, Ч. Валиханов, И. Пирожков и др.

В 1861 г. в Петербург прибыл высланный из Казани А. П. Шапов со своим учеником, сибиряком С. С. Шашковым. Опыт революционных демонстраций казанского студенчества стал достоянием и петербургского сибирского землячества.

⁴⁹ Там же.

Сибирская студенческая молодежь жадно изучала новинки политической литературы, знакомилась со статьями ведущих демократических журналов и прежде всего «Современника», читала подпольные издания, выходившие из студенческих рядов, революционные прокламации. Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, И. В. Федоров, И. А. Худяков и др. сотрудничали в «Колоколе», «Искре», «Современнике», «Русском слове» и других демократических изданиях. Собрания кружка сделались регулярными.

Обсуждение новых книг и журнальных статей, важнейших событий университетской жизни, студенческих волнений, хода подготовки реформы стало постоянным в заседаниях кружка. Сходки становились оживленнее и многолюднее. Горячо обсуждались будущие перспективы Сибири. Казах Ч. Валиханов и бурят И. Пирожков выступили инициаторами обсуждения «инородческого вопроса» в Сибири и путей его демократического решения.

Программа кружка сводилась к демократическим преобразованиям в Сибири, которые ожидалась вслед за отменой крепостного права в России. Надежды на реформы сверху еще владели умами молодежи. Все верили в блестящую будущность Сибири, готовились посвятить себя общественной деятельности ради приближения желаемого будущего.

Организационная работа кружка в этот период (1859—1860 гг.) велась не только среди студенчества, но и среди молодежи Омска, Томска, Иркутска и других городов. Из дошедшей до нас переписки Г. Н. Потанина с иркутским, томским и омским кружками передовой молодежи видна организующая роль петербургского кружка сибиряков. В письмах содержится подробная информация о революционных событиях в центре, даются рекомендации о привлечении новых членов в кружки, сообщается о посылке литературы, запрашиваются статьи для центральных журналов.⁵⁰

1861 год внес свои коррективы в программу сибирского студенческого кружка. Неудовлетворенность реформой 19 февраля 1861 г., подъем студенческого и общественного движения, критика реформы революционными демократами, призывы к революции заставили сибирскую молодежь поинтересоваться к оценке политики самодержавия и выбору средств борьбы за демократическое переустройство страны.

Революционное движение студенчества Петербурга осенью 1861 г.хватило и студентов сибирского землячества. В сходках и демонстрациях петербургского студенчества, вызванных закрытием университета, участвовали многие сибиряки. Н. И. Наумов, В. М. Березовский, Г. Н. Потанин, Н. Лосев, Д. Кузнецов и Шац оказались в числе 300 арестованных за участие в студенческих беспорядках 12 октября 1861 г. и столкновение с войсками и полицией. В. Березовский, Н. Лосев и Г. Н. Потанин были заключены в Петропавловскую крепость, где сидели Н. Утин, Е. Михайлис, Л. Пантелеев и другие будущие видные революционеры, Д. Кузнецов и Шац — в Кронштадтскую крепость. Остальным членам сибирского землячества удалось избежать ареста.

В это время кумиром сибирской молодежи становится А. П. Щапов. Сближение его с кружком через высланного вместе с ним С. С. Шашкова выразилось в сильном увлечении сибирской молодежи «федерализмом» Костомарова и А. П. Щапова. Письмо А. И. Герцена А. П. Щапову с одобрением направления его журнальных статей сразу становится известным кружку сибирских студентов. Для сибиряков А. П. Щапов пишет специально стихотворение «К Сибири», которое пересылается в Иркутск Н. С. Щукину и появляется в рукописном журнале «Либералист». Кружку сибиряков была известна позиция А. П. Щапова в отношении

⁵⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 15, д. 12 и 2.

существующего строя и замены его «народосоветием» на основе «федеральной или союзной общинно-демократической конституции».⁵¹

Революционно-демократическая идеология А. П. Шапова заложила основу идейной платформы формирующегося сибирского областничества. Укрепление ее в дальнейшем происходило под влиянием А. И. Герцена, Н. П. Огарева и Н. Г. Чернышевского.

Сибирские студенты в 1861 г. имели тесные связи с Н. Утиным, Л. Пантелеевым, будущими членами руководства общества «Земля и Воля»; в том же году Н. Г. Чернышевского посетил Ч. Валиханов, член сибирского землячества. Посетил его и Г. Н. Потанин, в то время увлекавшийся идеями «Современника».

«В эти годы определялась наша индивидуальность, дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности», — вспоминал Г. Н. Потанин.⁵²

Статьи «Современника» и «Отечественных записок», особенно статьи о ссылке, указываются Г. Н. Потаниным (наряду со статьями А. П. Шапова и федералистическими идеями Костомарова) как источник формирования областнического направления политических взглядов сибиряков. Однако нетрудно в ряду этих источников увидеть статьи А. И. Герцена и Н. П. Огарева, написанные в связи с назревавшим польским освободительным движением. Известно заявление А. И. Герцена: «Земля крестьянам, самобытность областям» — и признание за отдельными провинциями права «на всякую автономию, на вольные соединения, на полное слитие, на полное расторжение».

Н. П. Огарев в статье «На новый (1861) год» выдвинул требования областной автономии для Сибири со своей областной думой. Сибирские корреспонденты «Колокола» — Бакунин, Петрашевский, Венюков, Н. Белоголовый, М. Загоскин и др. — выступали за освобождение Сибири от «опеки» императорского правительства и развитие начал самоуправления.

То особое внимание, которое уделяли Сибири в начале 60-х годов А. И. Герцен и Н. П. Огарев, общество «Земля и Воля», Н. А. Серно-Соловьевич, Н. Г. Чернышевский и другие революционеры-демократы, возлагая на нее большие надежды, дает основание рассматривать общественное движение в Сибири как серьезный потенциальный резерв общероссийского революционного движения. Сознавал это и кружок сибирских студентов в Петербурге. О повышении активности сибирских кружков в Петербурге и Москве в начале 1862 г. говорит и их переписка с местными кружками молодежи Иркутска, Томска, Омска и других городов Сибири.

После студенческих волнений осенью 1861 г. наступила полоса репрессий. Сотни студентов были исключены из высших учебных заведений и высланы по губерниям под надзор полиции. Оставили учебу и вернулись в Сибирь и многие сибиряки. Федоров, Пирожков, Павлинов возвратились в Иркутск, Налетов — в Забайкалье, Ч. Валиханов — в Омск, Кузнецов — в Томск. В Иркутске сразу же возник замысел создания журнала «Сибиряк». Однако опубликованная программа журнала вызвала резкое возражение сибирского землячества в Петербурге.

Выступая от имени кружка, Г. Н. Потанин в письме к Н. С. Щукину (1862 г.) выдвигал решительное требование, чтобы журнал был обличительным, местнополитическим и чтобы «провинциальности» были на втором плане.

Одну литературно-беллетристическую цель журнала Г. Н. Потанин считал недостаточной. Он писал: «Теперь время прокламаций, а вы

⁵¹ Письмо Шапова к кн. Вяземскому. «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 661.

⁵² Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 109.

мечтаете о каких-то романах... Теперь нам нужны Джефферсоны, Франк-лины, а вы мечтаете о сибирском Тургеневе, Гончарове». Г. Н. Потанин рекомендовал открывать журнал рядом политических статей, «ударить на местные интересы... интересы народа, а не интересы литературы!». ⁵³ Под «местными интересами» он понимал автономию провинции. Далее он рекомендовал открывать в Сибири агентства II отделения Литературного фонда — учреждения более политического, чем благотворительного. Н. С. Щукин развернул в Иркутске и других городах активную деятельность, подбирая сотрудников будущего журнала, формируя на новых началах кружки пропагандистов. В Иркутске он вошел в контакт со старым кружком Загоскина, Вагина, Шестунова, привлек многих новых членов, в том числе А. К. Ордынского, из польских политических ссыльных по делу Конарского. Н. С. Щукин поддерживал тесные связи с томским кружком, привлек к сотрудничеству А. Долгушина, А. Зерчанинова, Н. Ананьина, И. Парамонова, К. Квятковского, П. Наумова, П. Иванова.

Активизация деятельности сибирского землячества в Петербурге и кружков на местах несомненно связана с планами общества «Земля и Воля», в частности с планом организации сети областных организаций. Н. Г. Чернышевский, по словам А. Слепцова, предлагал поделить Россию на ряд округов, в которых должны быть созданы организации «Земли и Воли»: Северный, Южный, Приволжский, Приуральский и Московский. «На Сибирь мы не надеялись и ее не трогали, в чем были также одобрены Чернышевским, зная, как там трудна работа в условиях тогдашнего времени, почти без всяких путей сообщения, телеграфа и т. д. Сибирь нам должен был осветить Шелгунов, намеревавшийся еще до окончательного осуждения нашего друга Михайлова ехать туда за ним... и очень при-смотреться к местным условиям». ⁵⁴ Поездка Н. В. Шелгунова состоялась в 1862 г. вслед за отправкой М. И. Михайлова. Встречи М. И. Михайлова с общественностью Тобольска, Томска, Ачинска, Красноярска, Иркутска, Забайкалья вылились в демонстрацию солидарности демократических кругов Сибири с поэтом и революционером.

Задержка в Петербурге Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова с небольшой группой сибирских студентов до 1863 г., когда основная масса вернулась в Сибирь после репрессий 1861—1862 гг. и приступила к работе на местах, вызвана несомненно связями с обществом «Земля и Воля». Как и в предыдущие годы, летние месяцы 1862 г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев посвятили разъездам по губерниям Европейской России для сбора «этнографических сведений».

Летом 1862 г. состоялась поездка Г. Н. Потанина на Урал под видом географической экспедиции от оз. Ильмень до устья р. Урала. Во время этой поездки Г. Н. Потанин несомненно выполнял поручения центральной организации «Земли и Воли», которая намеревалась, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, создать на Урале свой отдел. ⁵⁵ Сам Пантелеев рекомендовал для этой цели Г. Н. Потанина. Вероятно, после выполнения поручения «Земли и Воли» Г. Н. Потанин получил задание на создание и сибирской областной организации. Поэтому зимой 1862/63 г. он поспешил в Сибирь, полагаясь на известную политическую и организационную работу, проведенную по его указаниям местными кружками.

В 1863 г. в Сибирь из Петербурга возвратились многие члены сибирского землячества. Это был год революционных битв польского народа, поддержанного русским, украинским, белорусским, литовским и другими народами. Это был также год пробы сил революционных организаций

⁵³ ГАОО, ф. 3, оп. 15, л. 2, лл. 15—16 об., 40—41 об.

⁵⁴ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, Пгр., 1920, т. XVI, стр. 75.

⁵⁵ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М.—Л., 1958, стр. 296.

общества «Земля и Воля», год надежд на новое массовое крестьянское, военное и молодежное движение. В действительности же он оказался годом неудач.

Поражение восстания в Польше, Литве, Украине и Белоруссии, провал «казанского договора» общества «Земля и Воля», разгром центральной организации общества, аресты руководящих деятелей подполья во главе с Н. Г. Чернышевским, ссылка с 1863 г. в Сибирь тысяч русских и польских революционеров — все это коренным образом изменяло обстановку и ставило перед сибирскими демократами, перед революционной молодежью новые и ответственные задачи.

В этой обстановке и происходит организация сил сибирской молодежи и лучших представителей интеллигенции старшего поколения, укрепление прежде существовавших кружков в Иркутске, Томске, Омске и создание новых в Красноярске, Тобольске, Семипалатинске. Общее идеологическое руководство кружками остается за Г. Н. Потаниным. Пропагандистская работа сосредоточивается в руках Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Н. С. Щукина, Н. М. Павлинова, Ф. Усова. Вокруг них создается актив, ведущий также и пропагандистскую, и организационную работу в самих кружках и вне кружков. В 1864 г. в Тобольск возвращается Н. И. Наумов и становится во главе тобольского кружка, в Семипалатинске кружком руководят казак В. Бедрин и отставной писарь М. Серебряков. Жизнь тайных кружков в 1864—1865 гг. была наполнена интенсивной работой по политическому самообразованию, вербовке членов и сочувствующих, агитации и пропаганде в среде молодежи, интеллигенции, казаков, воспитанников военных училищ, кадетского корпуса.

Организационная структура областнического движения, несмотря на отсутствие каких-либо сведений об уставе, легко восстанавливается из переписки и материалов следствия. Особенно хорошо обнаруживается руководящее звено (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев) и строгая подчиненность остального состава сибирских кружков. Единство организации чувствуется и в переписке, и в формах деятельности, и в программе. Сибирская областническая организация в 1863—1865 гг. была тесно связана с центральными революционными студенческими кружками Казани, Москвы и Петербурга, с кружком Ишутина, особенно с его петербургским отделением (во главе с И. А. Худяковым), наконец, с польско-русскими революционными организациями ссыльных в Сибири. Поэтому в основе идеологии и тактики сибирской организации лежат общие положения революционно-демократической программы, разработанной А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и их последователями. По своему конкретному выражению программа сибирской организации очень похожа на программу «Земли и Воли», которая в передаче М. Слепцовой выглядит так: «Конституцию могут дать, но земскую думу надо взять и взять ее надо для того, чтобы крестьяне получили землю без выкупа, области — самостоятельность, а население — те свободы, которые ведут к социализму».⁵⁶

Применительно к Сибири, где не было крепостного права, эта программа включила требование отмены ссылки, которую сибирские революционеры приравнивали к крепостному праву. Требование демократических свобод выразилось в конкретной программе равных культурных, социальных и национальных условий для демократического развития Сибири. И главным таким условием было свержение самодержавия.

По способам практической деятельности сибирская организация также следовала «Земле и Воле» — вела легальную и нелегальную работу. Это

⁵⁶ М. Слепцова. Штурманы грядущей бури. Сб. «Звенья», вып. II, Л., 1933, стр. 449.

устная пропаганда, издание и распространение прокламаций, нелегальной литературы, помощь ссыльным и организация побегов, установление связи с поляками, пропаганда в легальной печати и воскресных школах, организация читален и публичных библиотек, публичных лекций.

Однако в программе и тактике сибирской организации есть одна специфическая черта, присущая, правда, и некоторым другим областным организациям 50—60-х годов. Безусловно, демократическое требование областной автономии у сибирских революционеров приобрело некоторый сепаратистский оттенок. Вот как понимал и объяснял этот оттенок Г. Н. Потанин в «Записке», данной следствию: «Местный патриотизм не следует смешивать с сепаратизмом; сепаратизм есть только направление местного патриотизма при известных условиях; другие условия могут привести его к идее совершенно противоположной — об единстве. Я употреблял сепаратизм не как цель, а как средство, чтоб воспитывать местный патриотизм».⁵⁷ Позже в воспоминаниях Г. Н. Потанин выразился категоричнее насчет сепаратизма, понимаемого членами организации не как политический сепаратизм: «Политический сепаратизм не входит в программу областничества».

В данном случае Г. Н. Потанин прав, так как политический сепаратизм как программное требование отделения провинции от государства не был принят всей организацией. Как «средство воспитания» он широко использовался. Прибегнуть к этому «средству» толкнули «известные условия», которые Г. Н. Потанин не расшифровывает. Что это за «условия», мы можем узнать из описания Н. В. Шелгунова, посетившего Сибирь в 1862—1863 гг. со специальным заданием изучения как раз этих условий в интересах революционной деятельности общества «Земля и Воля».

В очерке «Гражданские элементы Иркутского края» (в отличие от ранее появившихся очерков «Сибирь по большой дороге») Н. В. Шелгунов заметил особенности Сибири, увидел объективно закономерные предпосылки сибирского общественного движения. Он писал: «Цвет сибирской мысли и составляют именно те сибиряки, которые видят в Сибири особую часть света, которые и печатно, и на словах заявляют везде свой местный патриотизм и представляют собой именно ту прогрессивную силу, ради которой совершается на месте хоть какое-нибудь движение вперед... Несмотря на такую незначительную численность, сила сибиряков-патриотов все-таки велика. Она — органическая аристократия сибирского населения, вышедшая из народа и не отделенная от него исключительными правами... Сила подобного адвоката в том, что он служит представителем тех тысяч местных производителей, которыми он живет и которые живут им».⁵⁸

Отвечая на вопрос «Сибирь — та ли Русь?», обсуждавшийся в сибирской и центральной печати, Н. В. Шелгунов выступил против официальной точки зрения, что «Сибирь — та же Русь». По его мнению, особенности Сибири в экономическом, социальном, культурном развитии, подчиненном интересам Европейской России, ставят ее на положение полуколонии. Но Сибирь имеет много других отличий от Европейской России, накладывающих свой отпечаток и на общественный протест сибиряков. «Отсутствие дворянства давало более демократический оттенок населению», создало иную социальную организацию, при которой борьба с чиновничье-бюрократическим аппаратом самодержавия за самостоятельное экономическое развитие, за свободу умственной жизни являлась борьбой лишь за самые элементарные условия развития Сибири и ее движения

⁵⁷ «Известия Западносибирского отдела РГО», т. IV, вып. 1, Омск, 1924—1925, стр. 101.

⁵⁸ Н. В. Шелгунов, Сочинения, СПб., 1871, т. I, стр. 304—305.

вперед по пути прогресса. Сибири нужен «большой простор... свободным учреждениям... потому что без них невозможно гражданское существование страны».⁵⁹

В печати обсуждался вопрос о судьбах колоний вообще и Сибири в частности. Вот эту особенность обстановки, в которой получил широкое распространение термин «сепаратизм», сибирские революционеры-областники не могли игнорировать. Сепаратистские тенденции в смысле стремления освободиться от излишней опеки царизма и буржуазии центра имели место в сибирском купечестве и промышленных кругах. Использовать эту оппозиционность в интересах освободительного демократического движения Сибири как «средство воспитания местного патриотизма», говоря словами Г. Н. Потанина, должен был всякий общественный деятель. Известно, например, как Н. Н. Пестерев пользовался оппозиционностью сибирского купечества, получая средства для революционной работы в России (для поездки к А. И. Герцену и Н. П. Огареву и для осуществления планов освобождения Н. Г. Чернышевского).

Воспользовались этой особенностью сибирских условий и революционеры-областники. И, чтобы не смешивали их с «сепаратистами» типа Муравьева, Г. Н. Потанин ввел в употребление термин «красный сепаратист». Но не в этом суть дела. Сепаратистская окраска сибирского революционного общаинического движения не меняла в сущности характера и содержания этого движения.

Практическая деятельность сибирской организации с 1863 г. до ее разгрома весьма многообразна и свидетельствует о продолжении дела революционных организаций России начала 60-х годов. С возвращением в 1863 г. Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и С. С. Шашкова в Сибирь значительно оживилась пропагандистская и агитационная работа в кружках сибирской организации и прежде всего в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске. Устанавливались прочные и постоянные связи между кружками, взаимная информация о положении дел, давались советы и указания от руководящей группы организации, в которую входили Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков. Постоянное присутствие в Петербурге и Москве «контрагентов» А. Д. Шайтанова, Лукина и близкое участие в делах организации И. А. Худякова, Г. З. Елисеева и Л. Ф. Пантелеева обеспечивали потребности сибирских кружков (даже таких отдаленных, как семипалатинский) в нелегальной литературе.

Большое значение придавалось деятельности среди сибирского казачества, достижению «единства действий» в кружке офицеров, созданном в Омске Ф. Усовым и Г. Н. Потаниным. В 1863 г. при обсуждении нового войскового «Положения» этот кружок выступил с требованием всеобщего народного избрания членов Комитета, а не назначения их. Депутация от казаков — Г. Н. Потанин, Ф. Н. Усов, Солнцев — предъявила требования атаману генералу Кринскому. Командование вынуждено было удовлетворить требования. Выборные от казаков (20 офицеров и 20 казаков) на общем собрании разрабатывали «Положение» о реформе казачьего войска. Секретари собрания, Г. Н. Потанин, Ф. Н. Усов и А. П. Нестеров, добились включения пунктов о мерах улучшения быта казаков, которые затем были приняты Комитетом. Было принято решение на собраниях обращаться ко всем на «вы» и казакам садиться вперемежку с офицерами, по бокам председателя должны были сидеть тоже казаки. Эту демократизацию собрания, принятую по настоянию кружковцев, командование пыталось ликвидировать. Тогда организаторы кружка устроили «бунт» и продолжали обсуждение проекта в собрании. В конечном итоге верх одержало командование войска, но принятый порядок обращения на собраниях был

⁵⁹ Там же, стр. 311, 313, 334.

сохранен. Заседания проходили очень бурно. Создалась своеобразная «казацья республика», готовая пойти на крайние меры, вплоть до восстания, как сообщает об этом Г. Н. Потанин.⁶⁰ Но с отъездом ряда офицеров в Киргизскую степь и роспуском депутатов из казаков казачье представительство было сведено на нет. И только усилиями Г. Н. Потанина, Ф. Н. Усова и А. П. Нестерова в «Положении» нашли удовлетворение самые жизненные потребности казаков.

Активизировалась деятельность омского кружка. Он выполнил большую работу по устройству воскресной школы, библиотеки и общества распространения грамотности среди казаков. Каждый номер «Современника», поступивший в библиотеку кружка, давал богатую пищу для размышлений. Огромное впечатление произвел роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Член Омского кружка Ф. Усов писал по прочтении этого замечательного произведения: «В романе показывается, что люди, последователи материализма и нигилизма, — очень хорошие люди и умеют жертвовать собой и устраивать счастье других не хуже кого другого».⁶¹ Участники кружка читали и такие нелегальные издания, как «Письма» Герцена из «Полярной звезды», «Воззвание к молодому поколению», «Великорусс» и др.⁶²

В бумагах многих участников кружка при арестах изъяты выписки из сочинений Фейербаха, Луи Блана, Прудона, Герцена, Огарева, Шевченко, Добролюбова. Это были преимущественно выписки философского, социально-политического характера, о равенстве и свободе, о революции, о республике и т. п.

Во время поездок А. П. Нестерова и Г. Н. Потанина в 1863 г. ими были созданы воскресные школы в Усть-Каменогорске и Верном (Алма-Ата), а в Семипалатинске, как уже указывалось, возникло отделение сибирской организации во главе с разжалованным казаком В. А. Бедриным и оставным писарем М. Е. Серебряковым.

Члены организации были осведомлены о действиях, предпринимаемых революционными организациями центра; например, Ф. Усов в одном из своих писем сообщал о распространении в Кургане прокламаций «Земли и Воли» под заголовком «Свобода» (№№ 1 и 2) и брошюры «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти». Такие прокламации действительно широко распространялись. В Тобольской губернии к этому были причастны студенты А. Щербаков и Е. Михаэлис, высланные за участие в студенческих волнениях, и ссыльные поляки. Известны факты получения по почте прокламаций «Свобода» в Енисейске и даже в далеком Витиме.

Распространение в Сибири прокламаций «Великорусс», «К молодому поколению», «Что нужно народу» и др. стоит в прямой связи с деятельностью сибирской организации и тайных организаций польских ссыльных.

Организационная деятельность в этот период преследовала цель сплочения кружков в единую всесибирскую организацию.

В этом направлении протекала деятельность Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова, Н. С. Щукина, выступавших с речами и лекциями в городах Сибири. Связь между собою они поддерживали путем систематической переписки.

Изучение положения крестьянства, его быта и настроений осуществлялось Г. Н. Потаниным негласно во время научных экспедиций и послужило базой для будущей публицистической и агитационной деятельности всей организации. В этом же направлении действовал участник иркут-

⁶⁰ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, №№ 242, 248

⁶¹ ГАОО, ф. 3, оп. 15, д. 7, л. 21.

⁶² Там же, оп. 13, д. 5, лл. 281—281 об.

ского кружка Н. В. Ушаров, начавший в 1864 г. под видом этнографической экспедиции работу среди крестьян Иркутского округа.⁶³

Последний год (август 1864—июнь 1865 г.) в жизни сибирской организации (как областного отделения «Земли и Воли») является годом интенсивной работы над подготовкой революционного выступления в Сибири. Сибирская организация в этот период выступила с открытым призывом к восстанию в распространяемых двух рукописных прокламациях: «К патриотам Сибири» и «К сибирским патриотам». Этому шагу предшествовала большая агитационная работа, проведенная как легальными, так и нелегальными средствами.

Неудача, постигшая иркутский кружок с созданием общественно-политического журнала «Сибиряк», лишила сибирскую организацию легального пропагандистского органа. Поэтому все усилия организации направлены были на использование других форм агитационной работы — школ, публичных чтений, собраний и литературных вечеров.

Первые опыты убеждали, что положительные результаты могут быть достигнуты и такими формами работы. Выступление Н. М. Ядринцева в Омске в ноябре 1864 г. воодушевило все кружки, и лекционная пропаганда началась повсеместно. В Иркутске чтения открыли Н. С. Щукин и Н. М. Павлинов, в Красноярске — С. С. Шашков, в Томске — Д. Л. Кузнецов, Г. Н. Потанин, Е. Я. Колосов, в Омске — Н. М. Ядринцев, Ф. Н. Усов.

Программа чтений в Иркутске и литературно-публицистическая деятельность в «Томских губернских ведомостях», редактором которых с 1864 г. стал Д. Л. Кузнецов, была одинаковой и включала вопросы о распространении просвещения, о земских учреждениях, положении и нуждах крестьян и рабочих, об эмансипации женщин и др. Письменный набросок этой программы сохранился в бумагах Г. Н. Потанина.⁶⁴ Тематика лекций была значительно шире, чем приведенный перечень вопросов программы. Проведение лекций становилось ареной политической борьбы. Так, на литературном вечере в Омске 11 ноября 1864 г. выступали Бабиков об эмансипации женщин и Н. М. Ядринцев об общественной жизни Сибири, где он обрушился на сибирскую буржуазию, на тюменских купцов, назвав их людоедами, «пожирающими своих приказчиков», критиковал также реакционных московских публицистов за их нападки на молодежь и приветствовал молодое поколение.

Выступление Н. М. Ядринцева было восторженно воспринято передовой молодежью и политическими ссыльными поляками, но вызвало грубые нападки со стороны реакционных элементов. По этому поводу Н. М. Ядринцев писал: «Одна половина Омска клеймит меня не на живот, а на смерть, другая бьется за меня на всех перекрестках».⁶⁵

Активную деятельность в начале 1865 г. развернул томский кружок. «Томские губернские ведомости» стали одним из легальных органов сибирской организации, подогревавшим брожение во всех слоях общества. Во многих статьях Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. С. Щукина, Д. Л. Кузнецова, Ф. Н. Усова и др. («Общественная жизнь в Сибири», «Сибирь на 1 января 1865 г.», «Сибирь перед судом русской литературы», о положении сибирского казачьего войска, об университете и т. д.) разоблачались теневые стороны сибирской действительности, критиковался существующий строй, порождающий произвол, самоуправство чиновников. В статьях выдвигались законные права сибирской окраины на равноправное экономическое, политическое и культурное развитие, провозглашались

⁶³ Н. В. Ушаров. Из путевых записок по Восточной Сибири. «Записки ВСОГО», кн. VII, Иркутск, 1864, стр. 207—244.

⁶⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 15, д. 13, л. 41 об.

⁶⁵ Там же, л. 28.

надежды на лучшее будущее Сибири, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Вселить веру в силы народа, пробудить его от спячки, вооружить уверенностью в том, что он завоюет свободу, — таков основной прицел всех публицистических статей членов сибирской организации, появившихся в «Томских губернских ведомостях» с ноября 1864 по май 1865 г.

Однако публицистическая деятельность и томского, и других кружков не является главной. Не была главной и лекционная пропаганда, достигшая в Томске в 1865 г. уровня общественных демонстраций. Лекции

С. С. Шашков — литератор-публицист.

С. С. Шашкова по вопросам истории Сибири были так современны, настолько остро ставили ряд общественно-политических проблем, что собирали аудиторию до 300 человек и всякий раз заканчивались бурей оваций. Гимназическая молодежь, польские ссыльные, демократическая общественность Томска были постоянной аудиторией на публичных лекциях. Реакция общественности на лекции С. С. Шашкова была настолько бурной, что в «Ведомостях» запрещают о нем упоминать, как о Чернышевском в Петербурге», сообщал Г. Н. Потанин Ф. Н. Усову.⁶⁶

Общественное оживление, достигнутое статьями в «Ведомостях» и публичными лекциями С. С. Шашкова, не могло еще удовлетворить членов томского кружка. Томск в то время стал центром деятельности польской революционной организации, готовившей всеобщее восстание в Сибири. С помощью члена сибирской организации П. И. Наумова, командира арестантской роты, из Томска готовились побег

нескольких видных революционеров: поляков З. Минейко, Г. Вашкевича, татарина И. Гайбулина и многих других. С польско-русской революционной организацией политических ссыльных сибирская организация имела договоренность о совместном выступлении.

Пропаганда на тайных собраниях, чтение листовок, в том числе «К молодому поколению», политической литературы, встречи на заимке Пичугина по р. Киргизке, сбор средств в пользу Казанской студенческой библиотеки и несомненно в пользу беглых политических ссыльных, наконец, намерение приобрести литографию для печатания прокламаций — вот круг интересов, замыслов и политической деятельности томского кружка в последние месяцы.

В иркутском и омском кружках приступили к распространению прокламации «К патриотам Сибири» (в Омске) и «К сибирским патриотам» (в Иркутске). Кадетский корпус в Омске и военное училище в Иркутске стали первыми, к кому был обращен призыв к восстанию. Обе проклама-

⁶⁶ Там же, д. 12, л. 8 об.

ции написаны в основном в духе и плане прокламаций начала 60-х годов (прежде всего «К молодому поколению» и «Молодая Россия»). Об этом свидетельствует наличие ряда общих положений и формулировок. Одинаково дается оценка реформы 1861 г., почти в тех же самых выражениях вскрывается гнилость самодержавного строя, произвол царского правительства и его бюрократического аппарата. Общим является требование созыва Национального (Народного) собрания. Во многом сходна заключительная часть, призывавшая идти на великое дело, не страшась смерти, за спасение отчизны, за демократическую республику.

Однако общие сходные положения в сибирских прокламациях покоятся на отличном от прокламаций 60-х годов содержании. В сибирских прокламациях отсутствует провозглашение будущего социального строя и декларируется только политический строй — демократическая республика. Вместе с тем настойчиво проводится мысль о независимости Сибири. Эта мысль навевана, с одной стороны, верой «в революционные возможности сибирского народа, потому что сибиряки биологически, так сказать, унаследовали революционную энергию — это ведь потомки бунтарей-стрельцов, крепостных крестьян, бунтовавших против помещиков, и, наконец, потомки вольнолюбивых республиканцев новгородцев».⁶⁷ Не случайно сибирские прокламации обращают свой призыв к раскольникам, «инородцам», горнозаводским крестьянам, приисковым рабочим, казакам, всем жертвам правительственного деспотизма, напоминая, что они потомки непокорных стрельцов, опальных раскольников, помещичьих крестьян.

С другой стороны, мысль о независимости навевана общим требованием демократизма того времени, основанном на федералистском принципе будущего государственного устройства, самоуправления областей. Эта идея была высказана А. П. Щаповым в его стихотворении «К Сибири», воспринятом сибирской организацией как манифест. Наконец, эта мысль подкреплялась неверием в возможность всероссийской революции, охватившим после неудач 1863 г. многих революционеров, в том числе и российских. И все-таки одна из сибирских прокламаций («К сибирским патриотам») связывала борьбу за освобождение Сибири из оков самодержавного строя с борьбой всех народов России и призывала к всеобщему восстанию «для освобождения всей нашей Русской империи. Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет созвать свое народное собрание и определить свои будущие отношения к России — это ее неотъемлемое право».⁶⁸

Надо учитывать еще один фактор, сыгравший немаловажную роль в проведении идеи независимости. Это общность революционных планов сибирской организации и замыслов русских и польских политических ссыльных, по которым всеобщее восстание политических ссыльных в Сибири и сибирских революционных сил должно было завершиться созданием сибирской республики с названием «Свободославия» во главе с Временным революционным правительством, куда должны были войти Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, М. И. Михайлов и Ю. Огрызко. Сибирская республика в дальнейшем повела бы революционную войну за освобождение Европейской России и Польши.⁶⁹

Таким образом, сибирские прокламации по своему духу революционны, обращены к патриотам, лучшим революционным представителям народных масс, ко всем угнетенным, которые должны были сыграть решающую роль в восстании.

⁶⁷ М. А. Гудошников. Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева. Рукопись канд. диссертации. Иркутск, стр. 98.

⁶⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18 486, л. 24.

⁶⁹ W. Iew sie wick i. Na syberyjskim zesłaniu, str. 90—94.

Демократическая идея федеративной республики с ее областной автономией была облечена в идею «независимости», «сепаратизма», что, конечно, ослабляло и идеологическую, и практическую подготовку восстания. Тактически и стратегически оправданное требование независимости на первом этапе борьбы за свержение царизма и установление демократического строя, когда Сибирь выступит зачинателем революции, оставалось неоправданным при условии всероссийской революции и торжестве демократической республики во всей России. Это-то и сужало базу готовившегося восстания, разъединяло революционные силы, сеяло сомнения, а для масс было даже чуждым. Некоторые члены организации не поняли этого тактического шага на первом этапе борьбы и выступали против «сепаратистского» лозунга.

Другой слабой стороной деятельности сибирской организации была идеализация «революционной энергии» сибирского населения, переоценка сил и возможностей революционных групп и организаций, недооценка изменений, происшедших в стране после 1863 г., и наступившей полосы реакции. И все же программа и деятельность сибирской организации по объективной значимости остаются революционными, направленными против гнета самодержавия. По организационным основам и социальной сущности это была областная организация «Земли и Воли», взявшая на себя инициативу подготовки всеобщего восстания в Сибири с последующим развитием революции в Европейской России и Польше. Заслуга сибирской революционной организации состоит именно в том, что она в эпоху реакции поддержала и развила революционный протест против самодержавного строя. Деятельность сибирской организации, как и революционные замыслы и планы русско-польской организации в Сибири, следует рассматривать как последние попытки осуществления планов «Земли и Воли».

Трудно сказать, когда началось распространение сибирских прокламаций. Но началось оно не в мае 1865 г., а значительно раньше. Известно, что идея написания прокламаций для Сибири появилась у сибирских студентов в Петербурге до 1863 г., под влиянием прокламаций 60-х годов. Появление их обусловлено революционным подъемом в России, но распространение в Сибири определялось соответствующим этапом всей практической деятельности. 1865 год был годом, когда намечалось общее русско-польское выступление в Сибири. Поэтому, можно думать, и прокламации были пущены в ход только в этом году. Однако обнаружение их в Омске и Иркутске в мае 1865 г. не означает начальной даты их распространения. Судя по материалам следствия, прокламации имели уже продолжительное хождение и были известны польским ссыльным.

В Омске прокламация была обнаружена у кадета А. Самсонова, в Иркутске — у воспитанника военного училища А. Золотина, в обоих случаях прокламации распространялись. В первом случае кадеты Г. Усов и А. Самсонов устно знакомили воспитанников с содержанием прокламации, во втором — А. Золотин и Н. Щукин, читая прокламацию на собраниях и составляя новые копии, знакомили с ее содержанием не только членов кружка, но и лиц, примыкавших к кружку, и несомненно воспитанников училища. Широкого же распространения прокламации, по-видимому, не получили. Приобретенные Ф. Усовым в Омске 2 литографских станка не были еще пущены в ход, как наступил провал организации.

Первые аресты начались в Омске среди кадетов. 23 мая 1865 г. были арестованы Г. Усов, А. Самсонов, Н. Кирьянов. В начале июня наступила новая полоса арестов членов организации. Были подвергнуты аресту и заключению в тюрьму воспитанники кадетского корпуса М. Чукреев, В. Корнилов, М. Путинцев, офицеры казачьего войска Ф. Усов и Г. Усов. Одновременно обыски и аресты прошли в Томске, Семипалатинске, Иркутске,

Тобольске, Москве, Петербурге, Уральске. Арестам членов томского и иркутского кружков предшествовали обыски, но Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие члены кружка были предупреждены о предстоящих обыске и аресте. Это им помогло подготовиться и провести соответствующую чистку бумаг. 1 июня 1865 г. в Омск были доставлены Г. Н. Потанин, Колосов и Н. М. Ядринцев. Затем в течение мая, июня и июля в Омск свозились наиболее «опасные» члены организации, остальные подвергались арестам и надзору на местах. В июле—августе в Омск были доставлены из Иркутска А. П. Щапов, Н. Ушаров, А. Золотин, Н. С. Щукин, С. Комаров, из Семипалатинска — прапорщик Бабилов, из Москвы — А. Шайтанов, из Ярославля — прапорщик Зимин, из Уральска — учитель Е. Ганкин и т. д. По всей Сибири и Европейской России жандармы и сыщики разыскивали находящихся в разъездах членов организации. Свыше 40 членов организации было свезено в Омск и столько же подвергнуто арестам, обыску и секретному надзору на местах. Допросы производились на месте, а материалы высылались в Омскую особую следственную комиссию. Так началось следствие по делу «Об открытии виновных в распространении в Сибири вредной противоправительственной пропаганды».⁷⁰ Свыше 2 лет длилось следствие и закончилось только в 1867 г. В 1866 г., после выстрела Каракозова и открытия связей сибирской организации с ишутинским кружком, дело разрослось и стало делом «О злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири».⁷¹ Омская следственная комиссия занялась выяснением лиц, причастных к заговору освобождения Н. Г. Чернышевского и замыслам русско-польского всеобщего восстания в Сибири. Казематы сибирских крепостей пополнились узниками из польских ссыльных. Арестовано было около 100 поляков.

В руках следствия оказались многие вещественные доказательства — прокламации, письма, шифры, запрещенные книги. Однако дело о сибирской организации хотя и получило политическую окраску, но приобрело сепаратистский оттенок. Следствие намеренно шло по пути затушевывания революционного характера деятельности организации, стараясь свести все дело к обвинению в поступках и мыслях, «клонящихся к отделению Сибири от России». Показания всех привлеченных к следствию лиц и прежде всего Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Н. С. Щукина, Ф. Н. Усова, А. Шайтанова, отнесенных к разряду главных деятелей, не отличались откровенностью. Долгое время все они запирались в своих показаниях, лишь в конце следствия Г. Н. Потанин принял всю вину на себя, стремясь облегчить участь других, якобы вовлеченных им в организацию. И только больной Н. С. Щукин в ходе следствия не выдержал: душевное расстройство толкнуло его на ряд необдуманных признаний, которые чуть не осложнили «дело». Так, по его показанию был привлечен к следствию А. П. Щапов. Правда, впоследствии Н. С. Щукин нашел в себе силы и отказался от прежних показаний, в том числе и от приписанного им А. П. Щапову авторства прокламации. Другим «основанием» для привлечения А. П. Щапова к «делу» было его стихотворение «К Сибири», оказавшееся в руках следствия. И только признание Г. Н. Потаниным своих «переделок» в этом стихотворении значительно облегчило участь больного в то время А. П. Щапова. В августе 1865 г. А. П. Щапов был освобожден.

Законченное в 1867 г. следственное дело поступило в правительствующий Сенат, который определил меру наказания: Г. Н. Потанину,

⁷⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 5, 1139 листов.

⁷¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 64, д. 7631; ЦГАОР, ф. 109-и, I экзп., 1865 г., д. 196.

Н. С. Щукину, С. С. Шашкову и А. Шайтанову — 15 лет каторги в рудниках, Н. М. Ядринцеву — 10 лет, Ф. Н. Усову — 12 лет каторги на рудниках, Н. Ушарову и Г. Усову — 10 лет каторги в крепостях, остальным — арест и надзор полиции. Лукин, Н. И. Наумов, Перетолчин, Федоров-Омулевский, Л. Ф. Пантелеев и братья Селетовы от суда были освобождены. Государственный совет утвердил это наказание, определив еще А. Золотину 6 лет и 8 месяцев каторги в крепостях. «Милостью» царя сроки были сокращены: Г. Н. Потанину — до 5 лет каторги, остальным — высылка на жительство в северные губернии Европейской России. Г. Н. Потанин отбывал каторгу в Свеаборгской крепости, С. С. Шашков, А. Шайтанов, Н. С. Щукин, Н. М. Ядринцев и Н. Ушаров были высланы в Архангельскую, Ф. Н. Усов — в Олонецкую, Г. Усов — в Вятскую, А. Золотин — в Костромскую губернии. До окончания срока ссылки умерли в изгнании Н. С. Щукин и Н. Ушаров.

Разгром сибирских организаций «Земли и Воли» в 1865 г. не был полным. Семипалатинский кружок был раскрыт лишь в 1866 г. Отдельные члены организации уцелели и продолжали свою деятельность в союзе с польскими ссыльными.

С разгромом сибирской организации в 1865—1866 г. общественное движение в конце 60-х годов в Сибири пошло на спад. Новый подъем начинается с 70-х годов, в связи с общим развитием революционного движения в России.

3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (70—80-е ГОДЫ XIX в.)

Ускоренное развитие капитализма после реформы 1861 г. вовлекло в сферу буржуазных отношений и Сибирь. Источником пополнения казенных доходов стала сибирская золотопромышленность. Отрыв крестьян от земли, скитания по приискам, обратное возвращение в деревню разбогатевших счастливых, а чаще нищих крестьян было тем новым социально-экономическим явлением для Сибири, которое порождало имущественное и социальное неравенство, обостряло социальные контрасты в сибирской деревне. В борьбу сибирского крестьянства против тягости казенных повинностей, против произвольных методов их взыскания впадают протесты против угнетения кулаками-мироедами, разбогатевшими «капиталистами» крестьянами, захватывающими в свои руки сельское управление и в союзе с властью обирающими своих односельчан. Классовое расслоение сибирской деревни вызвало новые формы классовой борьбы сибирского крестьянства, пока еще очень слабые, единичные, но вполне определившиеся. Правда, эта борьба крестьянской бедноты против сельской буржуазии отступала еще на второй план перед борьбой всего крестьянства против гнета царского бюрократического аппарата и его произвола.

Сибирское крестьянство прибегало больше к таким формам протеста, как жалобы, прошения, письма, общественные приговоры, побег, отлучки, отказы от уплаты податей и несения повинностей. Волнения, бунты были еще редким явлением, но со второй половины 70-х годов они наблюдаются чаще.

Наибольшее распространение среди русского крестьянства в Сибири получили выступления против методов взимания государственных повинностей. Всякий произвол податных чиновников вызывал бурный протест всего крестьянства. Показательны в этом отношении выступления крестьян Тельминского селения Иркутской губернии в 1874 г. и дер. Колмаковой Енисейской губернии в 1884 г.

Крестьяне Тельминского селения 17 октября 1874 г. на общественном сходе выступили против требования земского заседателя Муромова об

уплате государственных податей за текущий год и недоимок за прежние годы. Возражение крестьянина Якова Андреева, «что время еще не ушло, заплатим к новому году, как было прежде», было поддержано большинством крестьян, бывших на сходе. Тогда заседатель применил к некоторым зажиточным крестьянам принудительную меру: объявил о распродаже с торгов по одной лошади. Однако престарелый крестьянин Платон Анурьев оказал сопротивление старшине Банникову, «выгнал его из дома, взявши в руки стяг».⁷² Просьба крестьян об отсрочке платежей была отклонена, и это послужило поводом нового волнения схода, «принудившего заседателя шумом и неприличными выражениями оставить сельский сход».

Инициаторы сопротивления Иван Прохоров, Тимофей Бобров и Лука Ефимов распоряжением генерал-губернатора были арестованы и заключены в Иркутскую тюрьму. И здесь после почти двухмесячного сидения без следствия и суда 15 декабря 1874 г. они были опрошены чиновником особых поручений Кононовичем. «Несмотря на полное запирательство опрошенных крестьян», доносил Кононович генерал-губернатору, ему удалось выяснить, что «между крестьянами существует неосновательный слух, будто с переводом подушной подати на поземельную вся недоимка остается в их пользу».⁷³ Зачинщики волнения получили освобождение, а заседатель Муромов, «превысивший власть», был отстранен от должности с переводом в губернское управление.

В декабре 1884 г. отказались от уплаты податей крестьяне дер. Колмаковой. Это было квалифицировано местной властью как «бунт», для подавления которого была вызвана воинская команда в 40 рядовых при 2 унтер-офицерах и фельдшере под командой штабс-капитана Спуже. Крестьян принудили к уплате податей, но они отказались выдать зачинщиков. Боясь более серьезной вспышки, власти не прибегли к наказанию, так как знали о глухом брожении крестьян Минусинского и Канского уездов Енисейской губернии.

Властям была известна работа среди крестьян ссыльнопоселенцев, в том числе политических ссыльных, подстрекавших крестьян к неповиновению.

Еще в 1873 г. канский исправник А. Горский жаловался генерал-губернатору Восточной Сибири на «вредное влияние» ссыльнопоселенцев, «подстрекающих крестьян к подаче просьб, чем возбуждают население к неповиновению властям».⁷⁴ Исправник представил список наиболее опасных «подстрекателей». В нем значилась 31 фамилия крестьян, мещан из ссыльнопоселенцев и политических ссыльных.

Сибирское крестьянство выступало против обременительных натуральных повинностей. Наиболее тягостной была дорожная повинность. Ежегодные ремонты на Московском тракте в горячую летнюю пору вызывали особую ненависть крестьян. В летние работы 1884 г. ненависть эта переросла в открытое волнение в Иркутской губернии, на участке дороги между селениями Шерагульским и Тулуновским. Отработав положенный срок, крестьяне с. Зиминского в количестве 100 человек бросили работы самовольно, без разрешения начальства. Попытка задержать крестьян еще на 3 дня, до 29 июня, ни к чему не привела. Тогда воинская команда во главе с штабс-капитаном Шерманом в сел. Шерагульском преградила штыками путь крестьянам. Вверх были даны предупредительные выстрелы. Но это не остановило крестьян, они бросились на солдат, прорвали цепь,

⁷² ГАИО, ф. 24, оп. 4, д. 2625, лл. 1—2 об.

⁷³ Там же, лл. 17—18.

⁷⁴ Там же, д. 3394, л. 3 об.

вступив с солдатами в драку. В результате столкновения несколько крестьян получило увечья.⁷⁵

Победа крестьян была полной. Ни возвращению на работы, ни наказанию никто из крестьян не подвергся. Губернские власти вынуждены были «оправдать» крестьян и наказать земское начальство и командира воинской команды за «превышение власти». А примеру зиминских крестьян последовали и другие, работавшие на Черемховском участке дороги.

В 80-е годы уже известны факты борьбы между беднотой и зажиточными крестьянами. Так, в сентябре 1886 г. крестьяне с. Гляденского Погорельской волости Красноярского округа жаловались через своего доверенного от общества на притеснение их богатыми крестьянами — Степановыми, Демиными и Богдашиными. Эта небольшая группа зажиточных крестьян, имея в найме до 40 чел. работников и служащих, подчинила себе выборные органы, не выполняла всех волостных и сельских повинностей. Доверенный М. В. Богдашин писал в жалобе: «Богатые крестьяне почему-то считают, что им следует занимать, и занимают на одну душу от 100 до 200 десятин и говорят, что это их собственность. Доверителей моих они опахали, окосили и совершенно стеснили во всем». В заключение он просит освободить из-под ига и рабства своих доверителей.⁷⁶

Жалобы крестьян на жестокие методы сбора податей, притеснения их богатыми крестьянами и правительственными чиновниками, самовольный захват хлеба из запасных магазинов, поджоги имений и складов купцов, оскорбление царского имени и его семьи — вот наиболее распространенные формы проявления крестьянского протеста в Сибири против существующего строя. Сибирские архивы особенно полны дел по обвинению крестьян, мещан и лиц других сословий в «произнесении дерзких и оскорбительных выражений против особы его императорского величества и членов его фамилии». Особенно частыми были подобные случаи после убийства императора Александра II, когда крестьяне одобрение убийства сопровождали заявлениями, что «если бы всех их перебили, так не шибко жалко».⁷⁷

Происходили волнения среди бурятских крестьян. Отказ платить подати, недоимки, нести земские повинности и «мирские» сборы, засыпать семена в хлебные запасные магазины — наиболее распространенная форма протеста бурят во второй половине XIX в. Крестьяне часто прибегали к поджогам домов, хозяйственных построек и складов деревенских богачей-мироедов. В 1869 г. крестьяне Аларского ведомства сожгли имущество тайши Баторова. В 1872 г. в дер. Развозжаево Идинской волости была сожжена мельница богача Михаила Попова, в 1873 г. в Усть-Куде Уриковской волости крестьяне подожгли мельницу дворянина К. Гейбовича, а в Верхоленской волости склад кулака Афиногена Петрова и т. д.⁷⁸

Во многих бурятских ведомствах начиная с 70-х годов наблюдались открытые волнения крестьян. В феврале 1870 г. началось волнение крестьян в улусах Аларского ведомства. Крестьяне отказались пополнять сельские экономические магазины. «Крестьянские вожаки» разъезжали по улусам и агитировали не повиноваться властям. Заседатель Аларской степной думы Б. Басынов отказался выполнять возложенные на него обязанности, «ибо завязались некоторые ораторы, расстраивают население, чтобы они не вносили как ссудный, так и окладный хлеб».⁷⁹ Движением было охвачено несколько улусов и деревень Аларского ведомства. Русское

⁷⁵ Там же, д. 3564, лл. 2—4.

⁷⁶ Там же, д. 3594, лл. 4—7 об.

⁷⁷ Там же, д. 7789, лл. 10—13 об.

⁷⁸ История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 332.

⁷⁹ Там же, стр. 329.

и бурятское крестьянство выступало вместе, отказываясь засыпать хлеб, платить подати и отбывать повинности.

Движение не утихло до 1876 г., т. е. продолжалось 5 лет. На усмирении крестьян выезжал сам генерал-губернатор Синельников, а после него — жандармский полковник Янковский. Однако крестьяне успокаивались ненадолго. На смену протестам против тяжести повинностей выступала та же борьба, только в новых формах. В 80-х годах широкое распространение получили у бурят самовольные захваты хлеба в экономических запасных магазинах. В 1889 г. крестьяне Верхнеудинского уезда произвели самовольное распределение хлеба из магазинов, а в с. Красном Яре было разобрано 517 пуд.⁸⁰

Волнения возникали на почве сдачи в аренду сенокосных участков, принадлежавших бурятам. В 1888 г. наблюдалось волнение по поводу аренды без согласия бурят сенокосных участков Сараниным и Малафеевым. Арендаторы с рабочими, прибывшими на покос, были изгнаны, балаганы их разрушены. Буряты не подчинялись требованию забайкальского губернатора и продолжали отстаивать свои права на сенокосы. И только военной силой волнение было подавлено. К суду привлекли 86 крестьян. Вожаки были осуждены на различные сроки тюремного заключения. Однако волнения вспыхнули вновь через год в связи с размежеванием земельных угодий.

Крестьянское движение в Сибири во второй половине XIX в. не поднялось до уровня массовых волнений, которые охватывали бы большие районы. Препятствием тому были специфические условия Сибири и прежде всего огромные расстояния, разделявшие поселения. Известия о волнениях распространялись медленно. Поэтому крестьянское движение было разрозненным. Не было еще и глубоких социально-экономических предпосылок для широкого движения крестьянских масс. Однако выступления крестьян все теснее связывались с протестами других угнетенных социальных групп — рабочих и мещан. Так, например, тяжелое продовольственное положение городов Сибири в 70—80-е годы, в связи с рядом пожаров, вызвало брожение городского населения, поддержанного и крестьянством пригородных сел. Ремесленники, мещане и крестьяне выступали против произвола властей, устанавливающих принудительные цены на продукты сельского хозяйства, против скупщиков хлеба, купцов, наживающихся на стихийном бедствии. Особенно сильное волнение было в 1879—1880 гг. в Иркутске и прилегающих к нему селах Тельме, Урике, Оеке, Усть-Куде и др.

Рост рабочего класса в Сибири в эпоху капитализма сопровождался развитием рабочего движения. Формирование пролетариата как класса происходило в процессе борьбы, ибо «только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».⁸¹ Исходным пунктом и материальной основой рабочего движения было невыносимое положение пролетариата.

Тяжкие условия труда, безудержная эксплуатация, бесчеловечное обращение капиталистов, чиновников и полиции толкали рабочих на борьбу против эксплуататоров. Стихийные сначала выступления рабочих становились в дальнейшем более сознательными и организованными.

Крупные волнения происходили в июле—августе 1864 г. на приисках Бенардаки и К⁰ в Енисейском округе. В них участвовало около 800 рабочих. В следующем году волнения охватили несколько приисков Енисейского округа и Змеиногорские рудники на Алтае. На подавление волнений были высланы войска.

⁸⁰ Там же, стр. 333.

⁸¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.

В августе—сентябре 1866 г. выступали рабочие на золотых приисках Баргузинского и Витимского округов. Уполномоченный золотопромышленной компании доносил 10 сентября, что рабочие Крещенского прииска «не вышли на работу, ходили с Крещенского прииска на Спасский с шумом и разными ругательствами целый день, а сегодня утром ушли с прииска без расчета и дорожного довольствия... Таковой поступок рабочих есть не что иное, как бунт... Равным образом точно так же бунт сделали рабочие Спасского прииска Катышевцева и ушли самовольно».⁸²

В 60-х годах отмечено 31 выступление рабочих. Это движение совершало лишь первые шаги, охватывало небольшую часть рабочих, характеризовалось стихийностью, локальностью, эпизодичностью и неоформленностью выступлений. Но уже в начальный период своего развития это движение отличалось от крестьянского как по характеру, так и по формам борьбы. Для рабочих выступлений были свойственны сплоченность, спайка, специфически пролетарские требования (улучшение условий труда, повышение заработной платы, отмена штрафов и т. п.).

Из среды рабочих стали выделяться вожаки, которые вносили в стихийное движение элементы организованности. Рабочее движение 60-х годов стало подготовительной ступенью к более острой борьбе в последующие годы.

В 70—80-х годах XIX в. в рабочем движении произошли заметные сдвиги. Они выражались в расширении и углублении этого движения, росте организованности рабочих, увеличении числа стачек и количества забастовщиков. Наряду с приисковыми рабочими в движение включались металлурги. Они выступали застрельщиками стачечной борьбы 70-х годов.

Весной и летом 1870 г. происходили волнения рабочих на Абаканском железодельном заводе (в Минусинском уезде Енисейской губернии). Поводом к волнениям послужила задержка заработной платы, выдача вместо денег продуктов и одежды по высоким ценам. В мае—июне волнения охватили свыше 700 рабочих. В конфликт между ними и владельцами завода был вынужден вмешаться генерал-губернатор Восточной Сибири. Опасаясь усиления волнений, он подписал принять срочные меры к удовлетворению рабочих «заслуженной платой» и запретить заводской конторе выдавать взамен денег вино. Рабочие добились удовлетворения главных требований: выплаты задержанных денег, выдачи заработной платы деньгами, уничтожения испорченного мяса и т. п.

1 декабря 1870 г. вследствие нарушения условий контракта по оплате труда владельцем Николаевского железодельного завода Н. П. Лаврентьевым началась продолжительная стачка рабочих. Ее инициаторами выступали уральские рабочие-металлурги, законтрактованные в качестве специалистов,—И. Борисов, М. Дехтеров, М. Каманганцев, К. Кондратьев и др.

Рабочие стойко отстаивали свои требования и заявили ряд новых претензий: своевременная выдача заработной платы, выдача проездных при возвращении на родину и т. п. Все усилия властей сорвать стачку оказались безуспешными. Забастовка 47 уральцев продолжалась свыше 2 месяцев. Затем бастующие получили полный расчет, в том числе «прогонные», и уехали на Урал.⁸³

В первой половине 70-х годов участились забастовки и волнения рабочих на золотых приисках. Поводом к выступлениям послужила реализация новых правил о найме на приисковые работы. По новым правилам удлинялись сроки работы по контрактам, отменялся максимум рабочих часов в сутки, рабочие лишались праздничных дней. Против этих «правил»

⁸² ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 428, л. 14.

⁸³ Там же, д. 1854, л. 73.

в 1872 г. происходили волнения на нескольких приисках Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской и Амурской областей. В том же году часто вспыхивали волнения и забастовки на Ленских золотых приисках вследствие нарушения золотопромышленниками контрактов по найму и больших «уроков» (заданий по работе). На приисках компании Сибирякова, Казакова и Немчинова попытка начальника казачьего отряда прекратить волнение путем ареста «зачинщиков» вызвала дружный отпор со стороны рабочих. Арестованные были освобождены. Рабочие угрожали «разнести каталажное помещение и разогнать казаков», если они «вновь заарестуют кого-либо».

Волнения рабочих продолжались в 1873—1875 гг. Рабочие явочным порядком устанавливали продолжительность рабочей смены, не выполняли непосильных «уроков» и т. п. Во всех стачках и волнениях было много общего. Стачкам обычно предшествовали волнения, но возникали они стихийно, без предварительной подготовки, носили бунтарский характер. Неоформленные требования рабочих касались самых насущных нужд (улучшение питания, предоставление отдыха до 2 дней в месяц, соблюдение условий контрактов, корректное обращение служащих с рабочими, учет и правильная оплата работ). Стачки в большинстве случаев были кратковременными.

Весной и летом 1879 г. волнения охватили многие прииски Верхнеудинского, Баргузинского, Читинского и Нерчинского округов Забайкалья. Особенно острый характер приняло движение на Дарасунских приисках. В нем участвовало свыше 400 рабочих, из которых бежало 190 чел.

Иногда выступления рабочих, доведенных до крайности махинациями золотопромышленников, выливались в бунтарские формы. Они выражались в разгромах приисковых лавок, поджогах, порче хозяйского имущества, убийстве управляющих приисками. «Выведенные из терпения, — писал В. И. Ленин, — рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.»⁸⁴

Но постепенно фабрично-заводские рабочие переходили от бунтарских методов борьбы к более организованным формам протеста. Распространилось специфически пролетарское средство борьбы — стачка. В 80-х годах бастовали рабочие на нескольких приисках Южно-Енисейского и Алтайского округов. Например, на приисках Асташова волнения охватили около 900 рабочих. Стачки на одних приисках вызывали отклики на других.

В конце 70—начале 80-х годов напряженная обстановка сложилась в горнозаводском Алтае. Волнения и частичные стачки прошли на Барнаульском, Павловском, Климановском, Гавриловском, Локтевском и Сузунском заводах. Рабочие Барнаульского завода добились повышения заработной платы. Их успех оказал влияние на рабочих других кабинетских заводов. Движение за повышение заработной платы охватило как рабочих, так и служащих алтайских заводов и рудников. Крестьяне, занятые на вспомогательных работах, потребовали повышения расценок. На заводы была командирована из Петербурга особая комиссия, по предложению которой в 1882 г. по всем горным заводам, рудникам и промыслам Кабинета было объявлено о повышении расценок на горнозаводские работы и об увеличении жалованья служащим.

Одновременно с рабочим движением на кабинетских предприятиях происходили стачки на частных золотых приисках Алтайского округа.

Подъем рабочего движения в Сибири на рубеже 70—80-х годов XIX в. оказался непродолжительным, он охватил лишь наиболее крупные промышленные районы. Главной силой выступали горнорабочие, преиму-

⁸⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 22.

ественно рабочие на золотых приисках. Несмотря на стихийность и обособленность выступлений рабочих, они оказали большое влияние на общественную жизнь сибирской окраины, на демократическое движение, вызвали тревогу капиталистов.

Наступление политической реакции в 80-х годах сопровождалось усилением репрессий против рабочих выступлений. На промышленных предприятиях вводились «черные списки» (рабочие называли их «грязными книгами»), в которые вносились наиболее активные рабочие. На золотых приисках увеличивалось число полицейских и казаков, создавались карцеры и каталажки; рабочие, замеченные в «подстрекательстве» и «неповиновении», заковывались в кандалы, подвергались телесным наказаниям, штрафам, высылке из рабочих районов этапным порядком.

С середины 1883 г. рабочее движение в Сибири временно пошло на убыль, но не прекратилось. В конце 80-х годов затишье в рабочем движении сменилось оживлением. Осенью 1887 г. бастовали рабочие на Чесноковском, Магызинском приисках и на приисках Зайсана (Семипалатинская область). В 1888 г. вспыхнула стачка рабочих на приисках Москвитиной близ Усть-Каменогорска. Ее начали русские рабочие, которых активно поддерживали казахи. Стачка проходила дружно. Рабочие предъявили комбинированные требования (увеличение заработной платы, улучшение питания, уменьшение штрафов) и последовательно отстаивали их в течение месяца. Стачка была подавлена после вызова на прииск военной команды.

В июне 1891 г. бастовало свыше 100 рабочих казахов на Владимирском прииске (Семипалатинская область). Протестуя против увольнения и арестов своих товарищей, рабочие разогнали конвойную команду и освободили арестованных. Прибывшая по требованию приискового управления воинская команда учинила расправу: 5 рабочих наказали розгами, 11 — оштрафовали и 90 «удалены с приисков по этапу».⁸⁵ В этом же году казахи участвовали в стачках на приисках Шмотина и Южно-Алтайской компании.

В начале 1888 г. волнения и стачки прошли на Александровском, Благовещенском, Андреевском и других приисках Енисейской губернии. Только в январских выступлениях участвовало свыше 1000 рабочих. Весной 1888 г. волнения и стачки охватили многие прииски Витимского, Олекминского и Бурейского округов.

В начале 90-х годов волна рабочих выступлений продолжала нарастать. Особенно крупные стачки и волнения происходили на Александровском, Георгиевском и Троицком приисках Енисейской губернии. Они оказали влияние на соседние прииски.

В роли руководителей забастовок стали выступать политические ссыльные. Так, в мае 1890 г. уволенные с Олекминских приисков рабочие во главе с политическим ссыльным М. Валуевым организовали стачку 350 рабочих на Джергаматинском прииске в Читинском округе. Стачка продолжалась 13 дней.

Наряду со стачками в Забайкалье получили распространение уходы с приисков до окончания операции. Нередко уходившие с приисков рабочие создавали артели вольных старателей, явочным порядком занимали золотоносные площади и организовывали управление на артельных началах.

Крупным обществом старателей была так называемая «Желтугинская республика», возникшая в конце 1883 г. на Амуре. Эту «республику» составили артели рабочих, ушедших с приисков Забайкалья и Приамурья, ссыльные, беглые каторжане. Все старатели работали и жили артелями по 10—14 чел. В зиму 1884/85 г. число артелей превысило 70. На Желтуге

⁸⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 3029, лл. 43—45, 139.

(название реки) старатели установили общественное управление, состоящее из старост участков и старшины общества вольных старателей. Выборное правление выполняло административные и судебные функции. На общем сходе было принято «Уложение», которым руководствовались выборные органы. «Желтугинская республика» просуществовала до 1886 г.

В 1889 г. артель рабочих Абаканского железоделательного завода, собрав деньги, приобрела это предприятие у его владельца-банкрота и обеспечила успешную работу завода. Заводом руководил рабочий комитет, избираемый членами артели. Важнейшие вопросы управления решались на общих собраниях рабочих. Завод под артельным управлением работал около 12 лет.

В 90-х годах XIX в. резко возросло количество рабочих выступлений. Наиболее распространенной формой борьбы стали экономические стачки. Рабочие смело выставляли свои требования и стойко отстаивали их. Вмешательство полиции в конфликты рабочих с предпринимателями часто сопровождалось острыми схватками рабочих с полицией и войсками.

В 1892 г. продолжительную борьбу на экономической основе вели рабочие Алтайской золотопромышленной компании. Массовый характер приняли волнения и частичные стачки на Енисейских, Ленских и Забайкальских золотых приисках.

В 1893—1894 гг. волнения и стачки прошли на нескольких приисках Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской и Амурской областей. Наиболее упорной и сплоченной была забастовка на Быстрянском прииске (Бийский уезд). Из среды рабочих Быстрянского прииска выделились руководители — А. Карпов, Е. Епифанов, П. Быков и др., которые сумели организовать рабочих на борьбу за удовлетворение своих требований. Несмотря на заключение в тюрьму 7 руководителей стачки, высылку 60 рабочих с приисков, рабочие одержали победу. Был уволен ненавистный рабочим смотритель, отменены штрафы, наложенные на рабочих, между рабочими и администрацией заключен новый контракт с учетом предложений рабочих (полный отдых в воскресенье и праздничные дни, право покупки продуктов на стороне, понижение дневной нормы выработки на 25% и др.).⁸⁶

Возрастала продолжительность и повторяемость стачек и волнений. Весной и летом 1893 г. происходили продолжительные и массовые волнения рабочих на Хинганских золотых приисках. 26—29 августа вспыхнул «хинганский бунт». Во время столкновения рабочих с полицией и казаками несколько человек было убито и ранено.

В 1894 г. трижды бастовали рабочие Николаевского прииска Прибрежно-Байкальского золотопромышленного товарищества. Стачка длилась 36 дней. На приисках компании Рязановых (Нижнеудинский округ) забастовка охватила 600 рабочих. Выступления рабочих отмечены и на других приисках. Главные мотивы этих выступлений — нарушение контрактов со стороны золотопромышленников, несвоевременная выдача заработной платы, тяжелые условия труда, непосильные «уроки», плохое снабжение, грубое обращение с рабочими хозяев и служащих.

Растущее рабочее движение вызывало серьезную тревогу в правительственных сферах. Царское правительство вынуждено было пойти на законодательное регулирование положения рабочих на золотых приисках. Уже в конце 80-х годов появилось несколько проектов новых правил о найме рабочих, продолжительности рабочего дня, регулировании отдыха рабочих, труда женщин и детей, продовольственного снабжения, жилищных условий, врачебной помощи.

⁸⁶ ГАКК, ф. 3, оп. 3, д. 1567, лл. 48—52.

Волнения и стачки в первой половине 90-х годов ускорили затянувшуюся разработку законопроекта. 20 февраля 1895 г. был утвержден Александром III новый закон о найме рабочих на частные золотые промыслы. Этот закон был вырван борьбой рабочих. Он до некоторой степени ограничивал произвол золотопромышленников.

Наряду с приисковыми рабочими в первой половине 90-х годов активное участие в рабочем движении Сибири принимали строители Транссибирской железнодорожной магистрали. Уже летом 1891 г. прошли волнения и частичные стачки рабочих на строительстве западного (Челябинск—Омск) и восточного (Владивосток—Графская) участков магистрали. Из-за тяжелых условий труда и низкой его оплаты бастовало свыше 200 рабочих на строительстве Уссурийской железной дороги. В 1892—1893 гг. волнения и стачки наблюдались на различных участках дороги.

В середине 90-х годов линия строительства железной дороги стала главным очагом рабочего движения в Сибири. Признаки нарастания стачечного движения отчетливо проявились с весны 1894 г. В апреле этого года волнения и стачки распространились на многие участки Средне-Сибирской железной дороги и охватили свыше 3000 рабочих, прибывших из Европейской России. В начале апреля бастовали рабочие на строительстве Томской ветки. Основным требованием бастующих было увеличение расценок на сдельные работы. В мае—июне снова начались волнения и стачки на участках Средне-Сибирской железной дороги.

Приток рабочих из Европейской России, волнения и стачки на строительстве Сибирской железной дороги внесли оживление в рабочее движение и пробудили к борьбе городских рабочих — печатников, строителей, грузчиков, металлистов, приказчиков. В 1894—1895 гг. прошли стачки в Омске, Томске, Барнауле, Иркутске и других городах. Среди печатников и приказчиков наметилась тяга к организации. Возникли первые легальные общества взаимопомощи приказчиков в Иркутске (1888 г.), Томске (1892 г.), Омске (1895 г.) и в других городах. К середине 90-х годов относится возникновение нелегальных кружков печатников в Томске, Иркутске, Барнауле.

Обзор рабочего движения в Сибири с 1861 по 1895 г. показывает, что борьба рабочих медленно, но неуклонно шла по восходящей линии, нарастала из десятилетия в десятилетие. Наглядное представление об этом дает статистика волнений и стачек. За 60-е годы учтено 22 волнения и 9 стачек, за 70-е — 27 волнений и 30 стачек, за 80-е — 40 волнений и 23 стачки, за 5 лет (1890—1894 гг.) — 21 волнение и 81 стачка. Из всех волнений и стачек на последнее пятилетие рассматриваемого периода приходится более $\frac{1}{3}$ выступлений.

Несмотря на неуклонный рост и расширение борьбы рабочих, рабочее движение в целом оставалось на начальной стадии и характеризовалось эпизодичностью, локальностью, стихийностью и неорганизованностью. Не было еще пролетарской борьбы как общеклассового наступления на капитализм и царскую монархию. Рабочие вели борьбу против отдельных капиталистов. Они еще не осознавали необходимости борьбы против всего социально-экономического и политического строя, основанного на угнетении трудящихся.

Формы борьбы рабочих были еще примитивными. Наиболее распространены были прошения и жалобы начальству, уход с работы, неявки на работу по заключенным контрактам, порча и хищение хозяйского имущества и др. Но постепенно рабочие переходили от примитивных, пассивных, выступлений к более активным. Уже с 70-х годов эта тенденция наметилась определеннее. Начали преобладать волнения и экономические стачки. Они знаменовали собой рост сознательности и организованности рабочих.

Волнения и стачки оказывали большое влияние на классовое воспитание рабочих и крестьян, будили мысль, приучали к объединению, учили «понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом».⁸⁷ Каждая стачка обогащала опыт всего рабочего класса. Стачки служили «школой войны» для рабочих и крестьян. Рабочее движение в Сибири все больше сливалось с общероссийским.

4. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В 70—80-х ГОДАХ XIX в.

Как уже указывалось, сибирское демократическое движение 60-х годов потерпело неудачу. Разгром сибирской областной землевольческой организации в 1865 г., провал русско-польских революционных планов в Сибири и, наконец, поражение Кругобайкальского восстания польских политических ссыльных в 1866 г. серьезно ослабили позиции сибирского общественного движения. Однако общественное движение в Сибири не прекратилось.

60-е годы открыли новую страницу в освободительном движении России, вошедшую в историю под названием народничества. Это был период, когда надежды на скорую крестьянскую революцию рушились и демократическая интеллигенция должна была искать новые формы подготовки будущего политического и социального переворота в России. Крушение планов крестьянской революции, так глубоко и полно разработанных во время революционного подъема 60-х годов, выдвинуло на первый план подготовку другой социальной революции. Тяжелое положение крестьянства, его настроения и восприимчивость к революционной пропаганде, как мыслили себе народники, создавали условия для революционной работы в народе. Новые условия породили и новую форму революционной работы в массах — известное «хождение в народ».

Сибирское общественное движение в этих условиях переживало период организационной перестройки. Временное замешательство среди демократической интеллигенции, расстройство в рядах молодежи в конце 60-х годов сменилось оживлением в области идейной жизни, усиленной работой над проблемами социально-политической жизни России, разработкой путей будущего развития Сибири как неотъемлемой части России. Политическая программа, выработанная еще в начале 60-х годов, в новых условиях не могла быть осуществлена. Требовались разработка социальной программы сибирского общественного движения, четкое определение позиций по отношению к развивающемуся капитализму, к судьбам крестьянской общины, к пролетариату, к буржуазии и т. д.

Все эти вопросы не вставали остро перед сибирским общественным движением в начале 60-х годов, они были оттеснены программой общественно-политических преобразований и революционными планами, питаемыми надеждами на общедемократический переворот под главенством революционных организаций интеллигенции и молодежи. И только в казематах Омской крепости, затем в ссылке идеологи сибирского общественного движения — Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков — приступили к деятельной разработке программы своего движения. Еще в Петербурге, в сибирском землячестве, обсуждались отдельные положения этой программы (уничтожение больших городов при будущем строе и т. д.).⁸⁸ Сибирское общественное движение 60-х годов разделяло социалистические идеи западных социалистов-утопистов и русских социалистов — А. И. Гер-

⁸⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 104.

⁸⁸ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 28.

цена, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Общественное движение в Сибири не было однородным, и среди его руководителей не было единства взглядов. Такие деятели, как А. П. Шапов, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев и другие, на первом этапе движения стояли на позиции русских революционных демократов 60—70 годов, принимали основные положения их учения, вооружали движение политической программой.

В Омской тюрьме в 1865—1868 гг. Н. М. Ядринцев приступил к разработке вопроса о русской общине. Закончена эта работа была в Шенкурской ссылке, и в 1872 г. появилась его книга «Русская община в тюрьме и ссылке». Находя общинные порядки даже в острогах, Н. М. Ядринцев вслед за революционерами-демократами видит в общине ту социальную ячейку, которая приведет к коренному переустройству социально-экономической жизни России, а также и Сибири, т. е. к социализму.

Для Н. М. Ядринцева русская община является «лучом света в темном царстве». «Значительные выгоды ее общественной организации, — писал Ядринцев, — ее артельных учреждений, взаимности, братского сопоставления друг другу — вот лучший плод наших тюремных опытов и результат нашей самобытной жизни. Начала, выработанные общиной, проливают свет не только на ее прошедшее, но и будущее».⁸⁹ Однако лучшие начала русской общины могут быть закреплены и развиты при условии ликвидации невежества — этого чуть ли не главного общественного зла. Вот чем обусловлено сохранение программы просветительства у идеологов сибирского общественного движения 70—90-х годов.

Подобных взглядов на русскую общину придерживались и Г. Н. Потанин, и С. С. Шашков. Причем классовое расслоение сибирской деревни ими было замечено, но деревенского кулака-мироода идеологи сибирского общественного движения рассматривали как «случайный плод внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь», а не результат экономического развития крестьянства. Эту «общую иллюзию» народников 70-х годов разделяли и сибирские демократы. В литературной форме народническую схему деревенской жизни выражал писатель Н. И. Наумов, находившийся также во власти «иллюзии». Но, как отмечал В. И. Ленин, впадать в эту иллюзию в 70-х годах, «когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни», было «позволительно и даже естественно».⁹⁰

Однако взгляды Н. М. Ядринцева и С. С. Шашкова на общину в 70-х годах претерпевают серьезную эволюцию. Разложение общины, замеченное всеми сибирскими демократами-народниками, Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков связывали с внутренними социально-экономическими процессами, порожденными капитализмом. Ядринцев полагал, например, что надо уловить момент разложения общины и «создать новую общину кооперативного типа». И только Потанин долгое время держался старых, чисто народнических взглядов на общину, отрицая капиталистический характер переживаемых общиной изменений, считая их случайными, внесенными извне.

В переписке Н. М. Ядринцева с Г. Н. Потаниным в начале 70-х годов отражена серьезная теоретическая основа эволюции взглядов Ядринцева на русскую общину. Знакомство с трудами К. Маркса и прежде всего с первым томом «Капитала» помогло Ядринцеву, а вслед за ним и Шашкову глубже и вернее подойти к судьбам капитализма в России. К Марксу Ядринцев обращался при разработке проблем о поземельной собственности и попытках ее насильственного насаждения на востоке

⁸⁹ Н. М. Ядринцев. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872, стр. 183.

⁹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 263.

(«Маркс громит эту систему силою ученой аргументации, полной ядовитой иронии»),⁹¹ о колониях в России, о буржуазном протекционизме («Вот и Маркс не одобряет буржуазный протекционизм»),⁹² о капитализме и рабочем вопросе. Под влиянием К. Маркса и в результате исторического подхода к судьбам общин у разных народов Н. М. Ядринцев пришел к верным для своего времени выводам о судьбе русской общины. Вот как он писал об этом Г. Н. Потанину 24 июля 1872 г.: «Вы не полагаете, что она разлагается. Вы говорите, что ей угрожает дезорганизация, но причины этого вне общины, а не внутри ее. Это не совсем так. Кроме внешних причин, предполагающих особую силу, каждой патриархальной общине, как можно судить по историческим примерам общины индейской, древнегерманской и других, угрожает дезорганизация внутренняя и переход ее к анархии индивидуальной, к борьбе интересов и к преобладанию богатых. Такой переход обусловлен развитием дальнейшей экономической жизни общины, когда с накоплением некоторого богатства, с явлением торговли является и неравномерное распределение богатств. Постепенно в патриархальной общине образуются мироеды, ростовщики, дающие хлеб взаймы; эти господа закабаляют часть населения, и вот уже патриархальный порядок нарушен. Далее с избытком населения община, нимало не совершенствующая своего хозяйства, сладить не может и выделяет пролетариат в отхожие промыслы».⁹³

В другом письме от 30 июля 1872 г. Н. М. Ядринцев оперирует новыми аргументами, явно заимствованными у К. Маркса. Так, доказывая неизбежность и закономерность разложения общины с развитием экономических отношений, появлением разделения труда, Ядринцев указывает на растущее индивидуальное накопление («это процент и капитал, за возникновением которого не могло уследить общество»), когда «образуются новые комбинации отношений, новые формы жизни и прежние патриархально-равноправные отношения изменяются сообразно возрастающему неравенству имуществ и усложняющемуся учету труда и услуг».⁹⁴ С появлением развитых форм экономических операций, с появлением сложных орудий, с возникновением промышленности появляются предприниматель, капиталист, подрядчик, эксплуатирующие артель, «ассоциацию», общину. Сибирская община уже охвачена этими процессами. «Для нее не созданы другие законы природы».

Таким образом, в одном из важнейших положений народнической теории Ядринцев сделал шаг вперед по сравнению со многими своими современниками в сторону марксизма. Но марксистом он не стал, да и не смог бы стать. Слишком уж большим был груз прошлых «иллюзий», надежд на особый путь развития Сибири. Однако Н. М. Ядринцев в отличие от народников 70-х годов признавал неизбежным и закономерным развитие капитализма в России. Н. М. Ядринцев писал, что переход страны «к заводской и фабричной промышленности все-таки прогрессивный шаг и плодотворный для истории. Он способствует естественному течению жизни и не расходится в одной своей половине с идеалом будущего. Знание, совершенствование промышленности, высший род занятий — это задатки для нормального развития в будущем. Рабочему будет лучше получить впоследствии из рук буржуазии промышленность, более направленную в соответствии с интересами страны, чем не получить ничего, голую пустыню, скалу! Фабричного рабочего вопроса нечего бояться, его разгадка найдена, интересы его выясняются самой жизнью...

⁹¹ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, вып. 1. Красноярск, 1919, стр. 28.

⁹² Там же, стр. 48.

⁹³ Там же, стр. 61—63.

⁹⁴ Там же, стр. 65—66.

Помогайте жизни в ее переходах, способствуйте ее „родам“, будьте „повивальной бабкой“, как выражается Маркс, в этом задача, но вы не избежите все-таки известных переходных ступеней, не избежите индивидуализма, „заимок“ и ферм, фабрик и заводов с черными руками. Облегчайте только переход, направляйте, но не противодействуйте ему, это бесплодно».⁹⁵

Следовательно, Н. М. Ядринцев признавал закономерность и прогрессивность развития капитализма. Рабочий класс и экономические условия облегчат переход к новому строю, некапиталистическому. И хотя Н. М. Ядринцев не называет его, но уже в то время было хорошо известно, что на смену капитализму придет социализм. Симпатии Ядринцева на стороне трудящихся масс.

Н. М. Ядринцев довольно резко отзывается о «самодовольных теориях» Прудона и Луи Блана, называет их «болтунами». Резкий поворот во взглядах Ядринцева, их радикализм, разделявшийся, по-видимому, всей Шенкурской колонией ссыльных (Шашков, Ушаров, Христофоров и др.), чуть не послужил поводом для открытой полемики с Г. Н. Потаниным по вопросу об общине. Полемику намеревался открыть Г. Н. Потанин, но в интересах сохранения единства в общественном движении Сибири Н. М. Ядринцев рекомендовал не делать этого. «Я был антагонист только голой, теоретической, защиты общины, но не фактической, деловой», — писал Н. М. Ядринцев для успокоения Г. Н. Потанина в следующем письме. А тем временем задумывал сам и рекомендовал Потанину заняться серьезным теоретическим и фактическим исследованием «условий крестьянского хозяйства». И в очередном письме (6 сентября 1872 г.) сообщал программу своих исследований, в которой есть, например, такие темы: «Историческое развитие форм собственности в связи с развитием земледельческой культуры. Новейшие европейские исследования по этому вопросу. Теории развития собственности: социологические вулканисты и нептунисты; Карл Маркс как вулканист и нептунист. Его воззрение на изменение форм хозяйств по мере приложения капитала. Культурно-исторические условия, влияющие на жизнь общины. Разные формы хозяйства. Экономический закон ценностей труда и земли» и т. д.⁹⁶

Разногласия с Г. Н. Потаниным по вопросу об общине были вызваны неверием Н. М. Ядринцева в возможность «совершить скачок прямо в социализм, минуя ступени общественного развития».⁹⁷ Но Ядринцев не был против социализма или против «ассоциаций и коммун», он считал, что жизнь еще не поставила вопроса о них. А до сих пор, пока жизнь подготавливает их, надо стараться облегчить ей эту работу, добиваться свободы и самоуправления. И для Сибири эти вопросы сейчас основные. Перед ними другие проблемы должны пока отойти на второй план.

Таким собственно и выглядело в 70-е годы мировоззрение Н. М. Ядринцева, ставшего признанным идеологом сибирского общественного движения последней четверти XIX в. Мелкобуржуазный, крестьянский, социализм Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Г. Н. Потанина и других представителей общественной мысли Сибири оставался в основе своей народническим социализмом со всеми его сильными и слабыми сторонами. Как противники застоя и страстные поклонники прогресса идеологи сибирского общественного движения готовы прославить культурную миссию капитализма и даже содействовать буржуазии в промышленном развитии страны, но как защитники интересов народа, трудовых масс они болез-

⁹⁵ Там же, стр. 51—52.

⁹⁶ Там же, стр. 103.

⁹⁷ М. А. Гудошников. Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева, стр. 99.

ненно воспринимают угнетение народа капитализмом и стремятся найти средства к облегчению его положения, пока не пробил час войны с буржуазией. И такими средствами, по их мнению, являются сохранение общинных начал, правильный суд и законодательство, земское самоуправление, образование, широкая гласность и т. п. Для Сибири «необходим еще период, когда капиталы должны послужить стране, ибо у рабочих, у крестьян нет капиталов и фабрик они не создадут. Тогда только, когда промышленность создастся и она начнет усиливаться, только тогда нужны будут средства ограничивать ее и начать эмансипацию городского рабочего. Постоянным же противовесом против влияния нравов, привычек и тенденций должны быть чувства демократической массы и поднятие ее умственного уровня. Я совершенно спокоен в этом случае за будущее. Сила образования, особенно университеты, будет способствовать развитию интеллигенции не в буржуазном, а в демократическом духе... Эта демократическая интеллигенция с народом в союзе никогда не допустит олигархии».⁹⁸

В этом рассуждении Н. М. Ядринцева отразились типичные народнические упования на силу интеллигенции, образования в подготовке условий для решительного штурма капитализма, непоследовательность и идеалистические позиции при рассмотрении социально-экономических проблем. И вместе с тем рядом присутствуют верные положения, заимствованные из марксистской литературы.

70-е годы были годами высшего подъема в развитии общественно-политической мысли в Сибири. Этому способствовал подъем общероссийского освободительного движения, сотрудничество Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Ушарова, Ф. Усова и др. в демократическом журнале «Дело», наследнике «Русского слова», в лучшем демократическом областном органе — «Волжско-Камской газете», издававшейся в Казани Агафоновым при фактическом редактировании К. В. Лавровского, бывшего члена первой «Земли и Воли». Их публицистическая деятельность в этих изданиях подготовила создание и сибирского демократического органа периодической печати — газеты «Сибирь» в 1875 г., а вслед за ней в 1882 г. в Петербурге «Восточного обозрения», редактором и издателем которого был Н. М. Ядринцев.

Издание газеты «Сибирь» с 1875 г., предпринятое В. И. Вагиным, М. В. Загоскиным, М. П. Шестуновым, А. П. Нестеровым и другими соратниками Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева по общественному движению 60-х годов и при ближайшем участии последних, было одной из важнейших легальных форм борьбы сибирской общественности за демократическое преобразование страны. Поднимая старые областные вопросы, газета будила общественную мысль Сибири, способствовала общественному самосознанию масс, сплачивала общественные силы вокруг демократической, народнической в своей основе, программы. Требования покровительства сибирской торговле и промышленности, введение судов, широкой гласности, гражданского полноправия для всех народов Сибири, больших и малых, всестороннего образования, местного самоуправления — это демократические требования, удовлетворение которых серьезно подрывало бы основы самодержавного строя не только в Сибири, но и во всей России и создало бы предпосылки для более свободного развития по демократическому пути.

В идеологии сибирского общественного движения 70—80-х годов, как и вообще в народнической идеологии, были общие и частные слабые стороны, которые и послужили на последующих этапах движения источником мелкобуржуазных «теорий». Как было сказано раньше, общественное дви-

⁹⁸ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, стр. 130.

жение в Сибири во второй половине XIX в. имело тесную связь с идейной жизнью Центральной России.

Постановка областных вопросов перед общественным движением 70—80-х годов вытекала из общей народнической платформы российского общественного движения. Известно, что П. Н. Ткачев в 1874 г. считал, что «на окраинах легко устроить восстания на почве национальной независимости и что такое одновременное восстание в Польше, Прибалтийском крае, в Сибири и на Кавказе может послужить хорошим сигналом для восстания и в Центральной России».⁹⁹ Народнические идеи федерации с Земским собором, «право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного мировоззрения», провозглашенные народолюбивым органом «Народная воля» (№ 2, 1879). Они вошли целиком в областную программу сибирского общественного движения.

Защита прав туземного населения стала одним из действенных принципов областной программы сибирских народников. Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков и Г. Н. Потанин были наиболее страстными пропагандистами демократического решения «инородческого вопроса». Ядринцев прямо заявлял, что «невозможно допускать в крае, где усваивается цивилизация и просвещение, какое-либо угнетение, рабство и эксплуатацию человеческой личности». Ядринцев и Шашков наиболее близко подошли к пониманию классовой сущности колонизаторской политики царизма, увидели причины вымирания «инородцев» в эксплуатации их купцами и чиновниками в мундире и рясе, а не в стеснениях их русскими колонистами вообще.¹⁰⁰ Но как просветители они видели в просвещении главную исправительную меру, в распространении идей — основу исторического прогресса.

Оживление общественного движения в Сибири было связано с началом проведения буржуазных реформ — городской и судебной, с решением вопроса об открытии в Томске университета и некоторыми изменениями в устройстве ссыльных. Под влиянием политической (народнической) ссылки активизировалась работа среди населения. Иркутская городская дума выступала очень резко и смело против ряда поборов с населения и особенно против дополнительной крестьянской гоньбы, ухудшавшей и без того тяжелое положение крестьян. В 70—80-х годах по всей Сибири прокатилась волна учредительных съездов учителей, выступивших с критикой существующей системы образования и воспитания.

Сибирская общественность живо откликнулась на революционные события в центре России. А лучшие представители ее принимали участие в деятельности народнических организаций. Для примера можно указать фамилии сибиряков А. В. Долгушина — революционера-народника, организатора революционного кружка «долгушинцев» в 1872 г., В. Осипова — участника покушения на Александра III в 1887 г.

В 1871—1872 гг. сибирская общественность содействовала революционеру Г. А. Лопатину в планах освобождения Н. Г. Чернышевского. Правда, планы его освобождения рухнули и перед его друзьями и единомышленниками встала задача освобождения самого Г. А. Лопатина. Из воспоминаний М. Н. Слепцовой известно, что побег Г. А. Лопатина был организован Т. Ф. Чайковской, доктором Ильиным, фотографом Мильчевским, полицмейстером Чебыкиным и 2 чиновниками из Губернского и Главного управлений Восточной Сибири. В организации побега Г. А. Ло-

⁹⁹ И. С. Джабадарн. Процесс 50-ти. «Былое», Пб., 1907, № 9/21, стр. 184.

¹⁰⁰ М. А. Гудощников. Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева. стр. 124; А. П. Бородавкин. Публицист С. С. Шашков и его исторические воззрения. Автореферат. Томск, 1950, стр. 9—11.

патина принимали участие и другие лица — члены иркутского кружка демократической интеллигенции.

Без помощи сибирской общественности и политических ссыльных немислимы были попытки И. Мышкина и Д. Клеменца в 1875 г. освободить Чернышевского. Можно еще указать на иркутский и киренский кружки политических ссыльных и местной интеллигенции, деятельность которых была раскрыта в начале 80-х годов. А она как раз и состояла в организации побегов политических ссыльных и ведении революционной пропаганды среди крестьян и молодежи.

Иркутский народовольческий кружок возник в 1881 г. в среде гимназической молодежи. Руководителем кружка был учитель женской гимназии К. Г. Неустроев, окончивший Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук. К. Г. Неустроев приобщился к революционной деятельности, по-видимому, в студенческие годы в Петербурге. Вернувшись в Иркутск, он создал тайный народовольческий кружок, задачей которого было установление связей с политическими заключенными, организация их побегов и снабжение одеждой, деньгами, явочными квартирами по пути следования в Сибирь. Кружок имел связи с центральным органом «Народной воли», получал подпольную литературу, завел отделения или группы в Забайкалье, Верхотенске, Киренске, Якутске, Балаганске.

К народовольческому кружку К. Г. Неустроева примыкал кружок политических ссыльных, действовавший совместно с ним и состоявший из «государственных преступников» П. М. Федорова, А. П. Гробовского, Л. П. Буланова, В. И. Александровой (Натансон), Е. Д. Субботиной, В. С. Козловского, Л. Н. Фигнер (Стахович), С. Г. Стаховича и др. Этот кружок составлял отделение народовольческого «Красного Креста» — особой организации, преследовавшей цель помощи заключенным и ссыльным революционерам и организации побегов.

Деятельность этих кружков поддерживалась еще одним кружком сибирской интеллигенции, группировавшейся вокруг газеты «Сибирь», издатель которой А. П. Нестеров, по-видимому, входил в народовольческую организацию.

Собственно иркутский кружок состоял из большого числа гимназической молодежи и политических ссыльных. В кружок входили, кроме К. Г. Неустроева, телеграфисты К. И. Грудинина, М. Ф. Марушевский, гимназисты Ф. Губкин, И. Бурнашов, Н. Горн, Н. Плотников, А. Болотов, И. Токарев, А. Копанский, А. Пирожков, С. Буданцев, гимназистки А. и Е. Поляковы, Ф. Лазарева, Б. Копп, А. Погребейская, Л. Лаврентьева, медицинская сестра А. Дронова, врачи А. Одаховский, Рубец, Л. Казанцев, Л. Зисман, кучер Ф. Станиславский, студент Казанского университета М. Алякритский и др.

Близкое участие в делах кружка принимали супруги Львовские, Вульф, Бейлины, крестьянки сел Урик и Оёк Р. Худечек, М. Шабашникова, А. Пьянкова, А. Буханцева.

В 1881 г. деятельность народовольческого кружка проявилась в организации побега Е. Брешко-Брешковской из Баргузина и Е. Ковальской и С. Богомолец из Иркутской тюрьмы. Побег их был подготовлен группой политических ссыльных — В. С. Козловским, П. М. Федоровым, А. П. Гробовским, Л. П. Булановым, В. И. Александровой, Е. Д. Субботиной — при содействии кружка К. Г. Неустроева.

Якутским и киренским отделениями организации был подготовлен побег группы верхоянских ссыльных (Серошевский, Лион и др.), пойманных в 40 верстах от моря, в устье Яны. От иркутского кружка в организации этого побега принимал участие П. М. Федоров.

Иркутский кружок через Ф. Губкина, М. Яковлева и А. Михайлова поддерживал связь с Якутском, Верхоленском, Балаганском, Забайкальем, Томском, передавал сведения о месте нахождения политических каторжных и ссыльнопоселенцев, их положении, охране. Так было подготовлено бегство из Тунки Е. Легкого, которого поймали в Иркутске.

Поимка Е. Легкого привела к аресту организаторов побега В. С. Козловского, П. М. Федорова, А. П. Гробовского, Л. П. Буланова в феврале—мае 1882 г. Все они были заключены в Иркутскую тюрьму, где уже сидел и А. П. Нестеров.

Кружок К. Г. Неустроева с этого времени направил все свои усилия на организацию побега этих политических ссыльных. Была хорошо разработана система кодированной переписки, посредством которой шло обсуждение плана побега. Предполагалось осуществить побег в момент перевода их в тюремную больницу или в особое отделение гражданской больницы. Были выработаны маршруты, подготовлены паспорта, одежда, деньги, квартиры, привлечены к заговору врачи А. Одаховский, Л. Казанцев, Л. Зисман, кучер Ф. Станиславский. Паспорта, деньги, яды пересылались в тюрьму заделанными в переплеты книг или с подшивками газет. Пилка была переправлена в хлебе. С помощью этой пилки Е. Легкий намеревался осуществить побег. Но план его не удался, тогда он отпиленной ножкой от железной койки убил надзирателя. За это был предан смертной казни через повешение. Перед смертью он раскрыл пути сношений заключенных с волей, надеясь получить помилование. Его сведения дополнил уголовный арестант Зельцер, посвященный в связи В. С. Козловского с К. Г. Неустроевым. Жандармы получили возможность напасть на «след» и вскоре обнаружили связь политических заключенных с К. Г. Неустроевым и его кружком, прибегнув к провокации. Была составлена и послана подложная шифровка к Неустроеву, и в ответ пришла его записка.

Начало раскрытия организации было замечено Неустроевым, и он пытался, не порывая связей, замести следы. В одной из шифровок Неустроев писал: «Я буду писать через газету, которую будет получать из редакции Нестеров (смотрите на третьей или четвертой странице, а вы пишите на второй). А этот способ бросьте теперь, нет денег, порядочных паспортов тоже нет».¹⁰¹

Но было уже поздно. Нити организации находились в руках жандармов. Развязка наступила 18 октября 1882 г. Арест К. Г. Неустроева, а вслед за ним Грудининой, Губкина, Дроновой и др. положил начало «делу» по обвинению К. Г. Неустроева в попытке освободить «государственных преступников» из тюрьмы и революционной пропаганде среди молодежи. Обыски дали много вещественного материала, состоявшего в основном из запрещенной литературы. В гимназии обнаружили несколько номеров газеты «Черный передел», на руках у гимназистов — прокламации «Народной воли», стихотворение Н. А. Добролюбова, переписку с цюрихскими эмигрантами, издания Герцена, революционные стихотворения «На смерть Чернышева», «Замучен тяжелой неволей», «Дубинушка» и т. д.

В октябре 1883 г. проходил первый суд над К. Г. Неустроевым. «За недостатком улик» суд постановил лишить его права заниматься педагогической деятельностью на 3 года. Приговор К. Г. Неустроеву не был объявлен в течение 4 дней. Во время пребывания его в тюрьме в камере появился генерал-губернатор Анучин. Он обратился к Неустроеву с оскорбительным для революционера упреком: «стыдно, стыдно». В ответ на это Неустроев дал Анучину пощечину.

¹⁰¹ ГАИО, ф. 24, оп. 4, д. 3252, л. 441.

Это явилось «основанием» для нового суда, но уже военно-полевого. К. Г. Неустроев был приговорен к расстрелу и 9 ноября 1883 г. расстрелян.

Перед смертью, в ночь на 8 ноября, К. Г. Неустроев в письмах к родным и друзьям мужественно заявил: «Я был простой работник, но не изменял святыне знамени. И верю ему, знаю, победоносно водрузится оно!». ¹⁰² Товарищ К. Г. Неустроева врач Л. Зисман в письмах к жене в Петербург сообщал, «как возмущено этим убийством все, положительно все здешнее общество, каким. сочувствием пользуется убитый. К могиле представлен на две недели караул из казаков». ¹⁰³

В. И. Вагин в своем дневнике записал: «Носятся слухи, что молодежь собиралась перед замком — требовала освободить Неустроева. Этого, вероятно, не было, но могло быть. Молодежь души не чает в Неустроеве... Молодежь собирается в 9-й день служить панихиду по Неустроеву».

«Толки о Неустроеве продолжают до сих пор, — записывал В. И. Вагин уже 16 ноября. — Видимо, это дело задело иркутян за живое. Ему не было бы предано такой гласности, если бы, во-первых, Неустроев не был такой симпатичной личностью и, во-вторых, и главное, если бы у всех не накопилось против Анучина».

Рассказывают, что на стене у дома Анучина были написаны какие-то стихи, что по городу тоже ходят какие-то стихи». ¹⁰⁴

Даже в январе 1884 г. по почте рассылались фотокарточки К. Г. Неустроева с надписью: «Просим отслужить панихиду за упокой души Константина, мученика за правду, павшего от рук злодеев 9 ноября 1883 года». Общественное возмущение было настолько сильным, что Анучин подал прошение об отставке и вскоре покинул Иркутск.

Обвинение А. П. Нестерова и редакции газеты «Сибирь» в «политическом преступлении» затянулось до 1884 г. в связи с петербургскими делами о террористах и кончилось длительным заключением обвиняемых и отставкой от занимаемых должностей.

Дело это усложнялось связями не только с петербургскими революционными кругами, но и с киренско-якутским кружком политических ссыльных (П. Ф. Николаев, С. Г. Стахевич, Л. Н. Фигнер и др.), к кото-

К. Г. Неустроев — учитель, организатор и руководитель народовольческого кружка в Иркутске. (Ж. „Былое“, № 6/18, 1907).

¹⁰² К. Г. Неустроев. (Материалы для биографии). «Былое», 1907, № 6/18, стр. 295.

¹⁰³ Ф. А. Кудрявцев. Новые материалы о К. Г. Неустроеве. «Новая Сибирь», Иркутск, 1935, № 3, стр. 73.

¹⁰⁴ ГАИО, ф. 162, д. 116, лл. 254—255.

рому примкнули местные пропагандисты из молодежи во главе с учителем Г. Е. Копотовым. Круг пропагандистов вел большую работу среди молодежи, вселяя уверенность в силы революционного движения, какие бы репрессивные меры правительство ни предпринимало. Деятельность кружка в 1879—1882 гг. ознаменовалась и рядом практических мероприятий: оказанием денежной помощи нуждающимся ссыльным, организацией побегов и т. д. Интересно отметить, что и этот кружок был тесно связан с редакцией газеты «Сибирь» и ее издателем А. П. Нестеровым. Дело не получило дальнейшего хода после самоубийства Г. Е. Копотова в Иркутске в 1882 г., где он находился под надзором полиции.

В 1881 г. колонией политических ссыльных г. Киренска (Долинин, Торопченко, Чекоидзе, Папин, Клименко, Панкратьев и Кузнецкий) совместно с кружком местных революционно настроенных интеллигентов во главе с окружным врачом М. М. Смирновым и учителем Н. Сивцовым были устроены «торжества» по случаю убийства царя. 5 марта 1881 г., по получении известия о смерти императора после совершенного на него покушения, на квартире М. М. Смирнова был устроен вечер, на котором пелись революционные песни («Ай да царь!» и др.), а затем, когда Смирнов уезжал по «служебным делам» из Киренска, был устроен «салют» выстрелами из револьвера. Демонстрация имела открыто политический характер и была связана с общероссийским и сибирским подъемом общественного движения. Долинин и жена М. М. Смирнова Клавдия Алексеевна осуществляли связи с иркутским народовольческим кружком. Их письма были обнаружены у А. П. Нестерова и М. Яковлева. Круг имел общие планы по организации побегов политических ссыльных и возбуждению общественного мнения.

Следствие по делу киренской «манифестации» велось недолго. Власти явно шли на уступки общественному протесту, нараставшему и в Сибири, поэтому приговор о высылке М. М. Смирнова, Папина и Клименко в Якутскую область генерал-губернатор не утвердил. Это, правда, объяснялось и боязнью контактов политических ссыльных с Н. Г. Чернышевским в Вилюйске и возможных попыток его освобождения.

И когда, наконец, Н. Г. Чернышевский дождался в 1883 г. своего освобождения из 20-летнего заключения, общественность Сибири готова была устроить ему восторженную встречу. Но, как записал В. И. Вагин в своем «Дневнике», «Чернышевского велено везти со всеми удобствами и с уважением, заготовлять все ему нужное, но избегать оваций». Вероятно, это и было причиной, что ему не позволяли видеть даже его знакомых — Стахевича и Огрызко. «Дорогой где-то встретилась с ним Александрова и пробилась к нему силой».¹⁰⁵

Сибирское общественное движение 70-х—начала 80-х годов поднялось на свою высшую ступень в результате пополнения его рядов революционными народниками, оказавшимися в ссылке и на каторге. Но как в центре России революционеры-народники исчерпали себя 1-м марта, так и в Сибири общественное движение исчерпало себя «делом» К. Г. Неустроева, Г. Е. Копотова, А. П. Нестерова и др. С наступлением реакции в 80-х годах в сибирском общественном движении начался раскол. Народническая политическая ссылка чем дальше, тем больше оказывала не мобилизующее, а разлагающее влияние на революционное движение в крае. Эволюция народничества в сторону либерализма в области идеологии и индивидуальных террористических методов борьбы в практической деятельности оказала свое действие. Сибирское общественное движение в 80—90-х годах все более и более уходило в сторону от нелегальных форм борьбы к признанию только легальных форм.

¹⁰⁵ Там же, л. 249.

Идейный разброд и шатания, наметившиеся в сибирском общественном движении, наиболее наглядно выразились в эволюции взглядов Н. М. Ядринцева, в то время признанного идеолога общественного движения в Сибири. В 1882 г. Н. М. Ядринцев издал свою книгу «Сибирь как колония». Второе издание ее появилось в 1892 г.

Книга Н. М. Ядринцева была своего рода программой, манифестом сибирского общественного движения на будущее, с которым он выступил еще в 1881 г. в статье «Трехсотлетие Сибири». Эта программа включала борьбу за распространение на Сибирь буржуазных (земской и судебной) реформ, образования, гарантий личности и лучшей организации общества, за отмену уголовной ссылки, организацию переселений, устройство быта «иногородцев», за принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих, общую гласность и защиту от местного произвола. Эта программа выдвинута в условиях, когда рабочий класс только заявлял о своем существовании, но не имел еще организации и сколько-нибудь широкого движения, когда либеральное общество оставалось настолько политически неразвитым, что дальше ходатайств не шло. Она была такой платформой общественного движения, которая способствовала росту народного самосознания, сплачивала силы на борьбу за демократические преобразования, необходимые для более свободного развития и общественного движения. Несомненно, что в программе в зародыше заложены те иллюзии, которые впоследствии облекались в догмы либерально-буржуазного толка. Но для 80—90-х годов эта программа имела прогрессивное, демократическое, содержание. Именно она способствовала в условиях реакции 80-х годов сохранению единства передовых общественных сил, группировавшихся вокруг печатных органов «Восточное обозрение» (в Петербурге) и «Сибирская газета» (в Томске).

Одним из побудительных мотивов выдвижения этой программы Н. М. Ядринцевым как раз и была забота о сохранении единства общественного движения Сибири. Еще в 1872 г. Н. М. Ядринцев в письме к Г. Н. Потанину доказывал, что сила сибирского общественного движения в единении. «В момент начинающейся исторической жизни, когда партии не сформировались еще, когда интересы не выделились, обязанность передовых людей цивилизации давать прогрессивный толчок каждому отдельному сословию, пользоваться всеми слоями народа, всеми интересами, стараясь придать им лучшее направление, осмыслить, смягчить грубую форму требований и дать им прогрессивное и цивилизирующее значение».¹⁰⁶

Общественное движение в Сибири в конце 80-х и в 90-х годах все более разделялось на группы и течения, ведущие спор о месте областных вопросов в программе.

Н. М. Ядринцев в связи с болезнью и переводом «Восточного обозрения» в 1888 г. в Иркутск заметно снизил интерес к общественной борьбе. Основное внимание он уделял публицистической деятельности, выступал страстным защитником «иногородцев», пропагандировал вольное переселение в Сибирь и выступал против запретительных мер правительства. Еще в Петербурге Н. М. Ядринцев много потрудился для выработки и издания переселенческого закона 1889 г., облегчившего вольное переселение. Несколько изменил свое отношение Н. М. Ядринцев к постройке железной дороги. Он считал, как и Г. Н. Потанин, необходимым прежде всего развитие внутренних путей сообщения. А железная дорога, думал он, только закрепит роль Сибири как сырьевого придатка. Былой уверенности в прогрессивном значении дороги у Н. М. Ядринцева уже не было. Оптимизм шестидесятника оказался непрочным перед появившейся фигу-

¹⁰⁶ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, стр. 131.

рой сибирского капиталиста — Кондрата, каким его вывел Ядринцев в своих фельетонах. И Н. М. Ядринцев эволюционировал в сторону либерального народничества.

Такую эволюцию переживало и все областничество в 80—90-е годы. Это было естественно для совершенно новых условий, когда развивающийся капитализм вносил свои коррективы в неразвитые еще социальные отношения. Формировались новые классы и социальные прослойки, общественное движение Сибири, как и всей России, разделялось на течения, возникали первые партийные группы и кружки социал-демократического характера, все более накладывающие свой отпечаток и на характер общественного движения. Однако к концу XIX в. областничество сохраняло еще внешнее единство, стояло за общедемократические реформы и пользовалось влиянием в Сибири.

В. И. Ленин положительно оценил деятельность Н. М. Ядринцева. В 1918 г. в беседе с его сыном Л. Н. Ядринцевым — сотрудником «Правды» В. И. Ленин сказал: «Я высоко ценю деятельность Вашего покойного отца и рад, что Вы работаете в нашей газете».¹⁰⁷

В последующем развитии областничество все более становилось консервативным, застывшим, общественным течением и выступало тормозом в сибирском революционном движении.

* * *

Система самодержавного режима, произвол чиновников, увеличение налогового бремени и усиление капиталистической эксплуатации вызвали рост недовольства в среде рабочих, крестьян и разночинной интеллигенции. Это нашло отражение в выступлениях крестьян, забастовках рабочих, восстаниях политических ссыльных. На базе этой широкой общедемократической борьбы трудящихся активно развернулась деятельность революционных организаций и кружков.

Общественно-политическое движение на сибирских окраинах в 60—80-е годы развивалось в неразрывной связи с общероссийской освободительной борьбой, как ее составная часть. Основными деятелями революционно-демократического натиска на царизм выступали лучшие представители местной интеллигенции и политические ссыльные. Объединение сибирских и ссыльных революционеров увеличивало силу движения, расширяло сферу его действия, устанавливало идейные и организационные связи с общероссийским революционным движением.

Как показывает материал данной главы, политическая ссылка оказала большое влияние на развитие политической сознательности трудящихся, просвещения и науки в крае. Политические ссыльные революционно-демократического периода продолжили, укрепили и расширили дело, начатое А. Н. Радищевым и декабристами в Сибири.

Одним из важнейших событий второй половины XIX в. в Сибири было начало пролетарского движения. Первые выступления сибирских рабочих были еще очень малочисленны и разрозненны, но их непрерывное нарастание знаменовало уже приближение нового, пролетарского, этапа освободительного движения.

¹⁰⁷ Н. В е р ж б и ц к и й. Вы работаете в нашей газете. . . «Советская печать», 1958, № 4, стр. 8.

СИБИРЬ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Экономическое развитие Сибири в конце XIX и начале XX в.

В конце XIX—начале XX в. капитализм в России перерос в высшую и последнюю стадию своего развития — в империализм. Всего за два десятилетия Россия сделала гигантский скачок от полукрепостнической монархии к первой в мире социалистической республике Советов. Этот небольшой промежуток времени ознаменовался крутыми поворотами в социально-экономической и политической жизни страны.

Главным итогом экономического развития было создание социально-экономических предпосылок социалистической революции, обострение до крайности всех империалистических противоречий, сделавших неизбежной победу нового социалистического строя.

Важнейшими политическими событиями этого периода были создание и деятельность Коммунистической партии, рост рабочего и крестьянского движения и две буржуазно-демократические революции.

Эти серьезные изменения отразились на развитии сибирских окраин. Сибирь в начале XX в. была втянута в общее русло развития империализма, усилившего экономические связи между отдельными районами. В ней проявились главные империалистические противоречия, имевшиеся в стране.

Основные циклы в развитии промышленности Сибири определялись требованиями и состоянием общероссийского рынка, а также экономическими потребностями этого огромного региона. Промышленный подъем 90-х годов и строительство Сибирской магистрали вызвали значительное оживление экономики края, а затем последовал спад, связанный с кризисом 1900—1903 гг. Русско-японская война внесла расстройство в финансово-торговое предпринимательство на Дальнем Востоке, но, с другой стороны, способствовала быстрому росту кулацких хозяйств, нажившихся на поставках продуктов для армии. После первой русской революции Сибирь пережила полосу мощного промышленного подъема, который сменился в период первой мировой войны хаотической перестройкой производства.

Сибирь оставалась отсталой в промышленном отношении окраиной страны. Ее огромные природные богатства использовались плохо. Крупнейшие финансовые группы России препятствовали развитию в Сибири металлургии и машиностроения. Почти все металлические изделия и машины завозились из центра страны или из-за границы. Не развивалась химическая промышленность, слабо использовались богатейшие гидроэнергетические ресурсы. Еще более углубилась в период империализма диспропорция между различными отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности. Значительная часть сырья (полиметаллические руды, лес, продукция сельского хозяйства) вывозилась без обработки на месте.

Капитал преобразовал экономически и патриархальную сибирскую деревню. Продукция сельского хозяйства стала широко вывозиться в европейскую часть страны и за границу. Проникновение товарно-денежных отношений перестраивает сельское хозяйство на капиталистический лад. Происходит специализация сельскохозяйственного производства, развиваются исторически сложившиеся районы зернового хозяйства и торгового скотоводства, создается производство сливочного масла на экспорт, возникают новые отрасли. Сбыт сельскохозяйственного сырья и продуктов захватывают в свои руки крупные русские и иностранные фирмы. Миллионные капиталы вкладываются в строительство холодильников, элеваторов, мельниц, маслозаводов.

Основным поставщиком товарной продукции становилось зажиточное крестьянство, которое все чаще прибегало к найму рабочей силы и приобретало сельскохозяйственные машины. Развитие капитализма в Сибири происходило более свободно, чем в центре страны. Здесь не было помещичьего землевладения и связанных с ним полуфеодалных отработок. Наличие свободных, незанятых, земель и захватные формы землепользования обеспечивали свободное приложение капитала к земле. В Сибири преобладала аграрная эволюция американского или крестьянско-буржуазного типа.

В период империализма в сельскохозяйственном производстве быстро возрастала роль окраин, в том числе и Сибири. Накануне первой мировой войны Сибирь уже стала одной из важнейших житниц страны. В значительной степени этому способствовало и переселение на окраины миллионов крестьян, явившееся одним из проявлений развития капитализма вширь.

Господство в стране крепостников-помещиков продолжало накладывать отпечаток на политику царизма по отношению к Сибири. В землеустроительной и переселенческой политике царское правительство стремилось прежде всего к устранению революционного кризиса в центре страны, не заботясь по-настоящему о хозяйственном устройстве переселенцев. Помещичий характер политики правительства ярко проявился в издании закона 1901 г. о насаждении помещичьих хозяйств в Сибири. В. И. Ленин в статье «Крепостники за работой» показал крепостнический характер этого закона и правильно предсказал полный крах такой политики.

В экономике Сибири в эпоху империализма, так же как и во всей стране, были созданы социально-экономические условия для победы социализма. В промышленности усилилось обобществление труда. В период первой мировой войны проявились государственно-монополистические тенденции. Обострилось противоречие между трудом и капиталом. Экономические предпосылки социализма создавались и в сельском хозяйстве. В России наблюдалось влияние капитализма на «обобществление сельскохозяйственного производства», отмеченное В. И. Лениным. «В самом деле, — писал В. И. Ленин, — и то обстоятельство, что земледелие превратилось из привилегии высшего сословия или тягла низшего сословия в обыкновенное торгово-промышленное занятие; и то, что продукт труда земледельца стал подвергаться общественному учету на рынке; и то, что рутинное, однообразное земледелие превращается в технически преобразованные и разнообразные формы торгового земледелия; и то, что разрушается местная замкнутость и раздробленность мелкого земледельца; и то, что разнообразные формы кабалы и личной зависимости вытесняются безличными сделками по купле-продаже рабочей силы, — все это звенья одного процесса, который обобществляет земледельческий труд и обостряет более и более противоречие между анархией рыночных колебаний, между индивидуальным характером отдельных сельскохозяйственных пред-

приятный и коллективным характером крупного капиталистического земледелия».¹ Уже в конце XIX в. В. И. Ленин отметил в сельском хозяйстве России те основные процессы, которые лежали в основе обобществления труда капиталом в сельском хозяйстве и создавали социально-экономические предпосылки социалистической революции в деревне.

Все эти процессы развивались и в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX—начале XX в. Несмотря на раздробленность мелких крестьянских хозяйств, земледелие и скотоводство приобретали все более товарный характер и через рынок происходило обобществление труда. Особенно большую роль играли в Сибири крупные капиталистические хозяйства, кооперативное движение и классовое расслоение крестьянства.

Эпоха империализма до крайности обострила классовые противоречия в городе и деревне. Под руководством Коммунистической партии сибирский пролетариат в союзе с крестьянством поднялся на решительную борьбу с царизмом. Революционное движение 1905 г. завершилось вооруженными восстаниями и созданием Советов рабочих и солдатских депутатов. Революционный натиск в феврале 1917 г. привел к свержению самодержавной власти.

1. СООРУЖЕНИЕ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПУТИ

Сравнительно быстрое развитие капитализма и наличие крепостнических пережитков, сужавших емкость рынка, тормозивших рост капитализма вглубь, ставили с особой остротой проблему новых рынков. Формирование новейшей стадии капитализма, а также рост промышленности с начала 90-х годов еще в большей степени обострили проблему освоения новых территорий. Для развития российского капитализма вширь огромный резерв представляли обширные окраины, колонизация которых получила громадный толчок в капиталистический период русской истории. «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, — писал В. И. Ленин, — служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь».²

Сибирь с ее громадными ресурсами сырья, ископаемых и природных богатств открывала исключительно заманчивые перспективы для торгово-промышленной буржуазии России как громадный рынок сбыта фабрично-заводских изделий, сырьевой резервуар, как сфера прибыльного помещения капиталов.

Потребности развития капитализма вширь — распространение сферы его господства на новые территории — вызывали необходимость проведения Сибирской железной дороги. Газета «Московские ведомости» писала: «Еще не тронутые рукой человека груды благородных металлов и самоцветных камней наполняют недра нашей Калифорнии. Сказочные клады залегли в ней почти на каждом шагу; здоровый климат, плодородная почва, дремучие леса, исполинские реки — все соединилось там для обогащения человека... Нужна нам Сибирская железная дорога».³ Она была призвана способствовать росту сбыта промышленной продукции на сибирском рынке, ускорению оборота товаров, вывозу сырья и продуктов сельского хозяйства, усилению колониационного освоения края, эксплуатации его природных богатств.

В проведении Сибирской железной дороги были заинтересованы фабриканты, заводчики и купцы центра России, имевшие давние связи с си-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 314—315.

² Там же, т. 4, стр. 86.

³ «Московские ведомости», 1867, № 191.

бирской окраиной. Идею строительства Сибирской магистрали активно поддерживали «Общество содействия русской промышленности и торговле», владельцы уральских заводов. Вся русская металлургия жаждала заказов на рельсы и другие материалы для железной дороги столь грандиозных масштабов.

Вместе с тем постройка Сибирской железной дороги служила интересам внешней политики правительства и правящих классов России: стремлению укрепиться в экономическом и военно-политическом отношении на Дальнем Востоке, овладеть его рынками, расширить сферу своего влияния. На Дальнем Востоке сплетались и сталкивались интересы главных участников и дирижеров мировой политики: старых колониальных держав — Англии, Франции и молодых, быстро набравших силы, стран — США, Японии, Германии и царской России. Агрессивная политика этих стран ставила под угрозу влияние России на Дальнем Востоке. Проведение Сибирской железной дороги должно было упрочить позицию России на побережье Тихого океана.

Как внутри России, так и за рубежом появилось много проектов сооружения Сибирской железной дороги. Особую активность проявили капиталисты США. Железнодорожные и финансовые магнаты (преимущественно западного побережья США) выдвинули несколько вариантов строительства и финансирования дороги, настойчиво добиваясь участия американского бизнеса в сооружении путей. Так, в мае 1890 г. американский генерал Беттерфильд обратился в русское Министерство финансов с предложением образовать комитет для постройки и эксплуатации Сибирской железной дороги на основе гарантии царским правительством в течение 80 лет доходов облигаций американской компании и беспрошльного ввоза американских материалов.⁴

Правительство России отклонило этот и другие проекты. В отношении сооружения рельсового пути через Сибирь оно занимало твердую линию — строить дорогу средствами казны без прямого участия иностранного капитала. Покровительствуя отечественной промышленности, правительство шло навстречу интересам заводчиков Юга и Урала, которые не склонны были делить громадные правительственные заказы, связанные с осуществлением грандиозного железнодорожного строительства. Большую роль играли соображения в области внешней политики: царское правительство не желало усиления иностранного влияния на Дальнем Востоке.

В феврале 1891 г. было принято окончательное решение о строительстве Сибирской железной дороги одновременно с двух точек, удаленных друг от друга почти на 7 тыс. км (от Челябинска и Владивостока), навстречу друг другу. К этому времени изыскательские работы на трассе были в основном завершены. Был образован особый комитет, патронируемый царем, который ведал всеми делами строительства, финансирования, координации действий правительственных учреждений и т. д.

19 мая 1891 г. во Владивостоке состоялась торжественная церемония закладки Великого Сибирского пути. С Уссурийской ветки началось строительство самого грандиозного железнодорожного сооружения той эпохи. Одновременно развернулись большие подготовительные работы по строительству Западно-Сибирской линии. Однако в первый период вследствие недостатка средств, нехватки рабочей силы, особенно квалифицированных строителей, плохого обеспечения строительными материалами и инструментами сооружение дороги шло сравнительно медленно.

Начиная с 1893 г. и во все последующие годы (до завершения работ) строительство Сибирской железной дороги осуществлялось невиданно вы-

⁴ А. Л. Нарочницкий. Экспансия США на Дальнем Востоке в 1886—1894 гг. «Ученые записки Московского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. XXV, 1953, стр. 107.

сокими темпами. Этому способствовало, с одной стороны, укрепление финансовой системы страны, а с другой — начавшийся экономический бум, связанный с железнодорожным строительством и оказавший в свою очередь влияние на его ускорение.

Проблема обеспечения строительства Сибирской магистрали рабочей силой была наиболее трудной, и решалась она типичным для капитализма путем: безработица, нужда, аграрное перенаселение в Европейской России создавали постоянную резервную армию труда, за счет которой и шло непрерывное пополнение рабочей силы на строительстве дороги.

На постройке Сибирской железной дороги. (Великий путь, вып. I. Красноярск, 1899).

Потребность в рабочих удовлетворялась вербовкой и переброской в Сибирь опытных строителей железных дорог из центра страны, привлечением к работам сибирских крестьян и горожан. Происходил приток на стройку крестьян и мещан из Европейской России. На строительстве железной дороги работали солдаты, казаки, ссыльные и арестанты.

Общее количество рабочих на сооружении Сибирской магистрали колебалось по годам, но в этом колебании отражались определенные этапы строительства. В начале строительства (1891 г.) работало 9600 чел., в разгар его (1895—1896 гг.) количество рабочих доходило до 84—89 тыс. К концу постройки железной дороги (1904 г.) осталось всего 5300 рабочих.⁵

Интенсивность работ непрерывно возрастала, достигнув своего апогея в 1895—1896 гг.

Строителям Сибирской железной дороги приходилось преодолевать неимоверные трудности. Почти на всем протяжении трасса проходила по

⁵ В. Ф. Борзунов. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965, стр. 22.

малозаселенной или безлюдной местности. На тысячи верст раскинулась дремучая, непроходимая, пугающая своей первозданной девственностью знаменитая сибирская тайга. Могучие сибирские реки, многочисленные озера, заболоченность и вечная мерзлота при суровом климате делали строительство Сибирской дороги одним из труднейших и сложнейших сооружений в мировой практике того времени.

Непроходимая тайга, горы, болота, трескучие морозы зимой, зной и гнус летом превращали процесс труда в каждодневную и изнурительную

Группа рабочих бурят на постройке Забайкальской железной дороги. (Альбом Забайкальской железной дороги. Фотографии А. К. Кузнецова. Чита, 1901).

борьбу человека с силами природы. Вот как описывает один из очевидцев расчистку трассы на одном из участков: «Целые дни, стоя по колена, а иногда и по грудь в рыхлом и мокром снегу, в легкой одежонке, в истоптанных и дырявых лаптях или броднях, рабочие рубят дремучую сибирскую тайгу, оттаскивают могучих великанов в сторону, выкорчевывают громадные пни и коренья. Работа египетская. Нужно ее видеть самому, чтобы ясно представить себе ее изнурительность. Нужно обладать железной волей, удивительной выносливостью, чтобы изо дня в день по 15—16 часов в сутки мужественно переносить все эти невзгоды и преодолевать естественные препятствия сибирской суровой природы».⁶

Все работы производились вручную. Главными орудиями труда были топор, пила, лопата, кайло и тачка. И тем не менее строители, используя примитивные орудия труда, преодолевая огромные трудности, сравни-

⁶ «Северный вестник», СПб., 1895, № 10, стр. 9.

тельно быстро прокладывали «позвоночный хребет русского великана» — Сибирскую магистраль.

Табл. 2 иллюстрирует ход строительства Сибирской железной дороги.⁷

ТАБЛИЦА 2

Наименование линий и ветвей Сибирской магистрали	Строитель- ная длина (в верстах)	Годы открытия
Уссурийская		
Владивосток—Иман	404	1894
Иман—Хабаровск	311	1897
Никольск (Уссурийский)—Погра- ничная	114	1990
Сибирская		
Челябинск—Новониколаевск	1420	1896
Новониколаевск—Красноярск . . .	726	1896
Тайга—Томск—Черемошники . . .	89	1898
Красноярск—Иркутск	1027	1898
Забайкальская		
Иркутск—Байкал	64	1898
Мысовая—Сретенск	1033	1900
Китайский разъезд—Маньчжурия . .	355	1900
Байкал—Мысовая	260	1904
Китайско-Восточная ж. д.	2377	1903

Общая длина Транссибирской магистрали, включая ветви служебного и частного пользования, разъезды, запасные, объездные и другие пути, превышала 8 тыс. км. Ежегодно прокладывалось около 650 км пути. Таких темпов еще не знала история железнодорожного строительства. По быстроте сооружения, протяженности пути, трудностям строительства Великая Сибирская железная дорога не имела себе равных во всем мире.

Чтобы представить себе хоть в какой-то степени объем выполненных работ, громадные затраты человеческого труда, приведем некоторые данные на 1903 г.: заготовлено и уложено свыше 12 млн шпал, около 1 млн тонн рельсов и скреплений, до 1 млн тонн кирпича и камней, перемещено свыше 100 млн кубометров земли, построено мостов и тоннелей общей протяженностью до 100 км. Расходы на сооружение железной дороги превысили 1 млрд руб. (вместо 350 млн руб. по первоначальному расчету царского правительства).⁸

Сибирская железная дорога — монументальное техническое и инженерное сооружение конца XIX—начала XX в. В ней воедино слились и воплотились передовая русская техническая мысль и труд десятков тысяч рабочих и крестьян России. Третью века потребовалась царскому правительству на то, чтобы принять решение о сооружении Сибирской магистрали, и 5 лет усилий строителей дороги, чтобы паровозные гудки разбудили вековую тайгу, а еще через 5 лет сквозные поезда пошли от седого Урала до Тихого океана.

«... „Великая Сибирская дорога“, — писал В. И. Ленин, — (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Си-

⁷ Железные дороги Европейской и Азиатской России по линиям и ветвям, по губерниям и по времени открытия для движения, с указанием строительной длины. СПб., 1910, стр. 10, 37, 43; Сибирская Советская энциклопедия, т. I. Новосибирск, 1929, стр. 912.

⁸ ЦГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 117, лл. 278—286.

бирь» для капитализма.⁹ Транссибирская магистраль пробудила к жизни глухой, изолированный, но щедро одаренный природой сибирский край, она связала его с центрами европейской цивилизации, внесла оживление в развитие экономики, культуры, общественно-политической жизни.

Вот как оценивает местная газета прибытие первого поезда в Иркутск 16 августа 1898 г.: «Свершилось!.. Сегодня свисток паровоза впервые огласил наши окрестные горы, степи и леса, еще почти не тронутые культурой... Роковой момент для Сибири настал. Старая Сибирь осталась позади, впереди перед нами встает что-то новое. Сознание важности переживаемого страной момента проникло все слои общества, и почти перед каждым встает вопрос: „Что-то будет?“».¹⁰ Да, первый гудок паровоза нарушал не только вековую тишину сибирской глухомани, но и сложившийся общественный уклад жизни; одних это пугало, у других вызывало надежды.

Сооружение Великой Сибирской железной дороги явилось событием мирового значения, нашедшим широкий отклик на страницах прессы во многих странах мира. Один французский писатель сравнивал проведение Сибирской железной дороги с открытием Америки: «После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирской железной дороги».¹¹

2. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

С постройкой Сибирской железной дороги открылась новая страница в экономическом развитии Сибири вообще и в развитии промышленности в частности. Сама железная дорога с ее парком локомотивов и вагонов, сетью вокзалов, складских помещений, депо и ремонтных мастерских явилась совершенно новой и громадной по своим размерам отраслью материального производства в сибирской экономике.

Железная дорога с массовостью перевозок, скоростью, регулярностью и дешевизной переброски грузов и людей на тысячи верст означала коренную революцию в средствах сообщения.

Сибирская железная дорога оказала хотя и глубокое, но в то же время и противоречивое влияние на экономику Сибири. С одной стороны, она втянула эту окраину в общерусский поток капитализма, создала гигантский плацдарм для приложения капитала; с другой стороны, Транссибирская магистраль явилась могучим рычагом колониальной политики царизма, направленной на сохранение сибирской окраины в качестве сырьевого придатка и обширного рынка для торгово-промышленной буржуазии Европейской России. Как политика царского правительства в области железнодорожных тарифов, переселенческого дела, финансов, так и политика частных коммерческих банков в сфере кредитных операций в Сибири форсировали прежде всего сельскохозяйственное освоение Сибири и всячески тормозили развитие промышленности.

С сооружением Сибирской железной дороги получили быстрый рост лишь некоторые отрасли сибирской промышленности — переработка сельскохозяйственного сырья и горнодобывающая промышленность, которые не создавали конкуренции для фабрик и заводов Европейской России и в то же время не содействовали формированию промышленного комп-

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 82.

¹⁰ «Восточное обозрение», 1896, № 96.

¹¹ С. В. Саблер и И. В. Сосновский. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903, стр. 443.

Иркутск. Начало XX в. (П. Головачев. Сибирь, М., 1902).

лекса в Сибири, а лишь углубляли ее специализацию в качестве сырьевого придатка. Общее направление правительственной политики и неумолимые законы капиталистической конкуренции не только исключали расцвет сибирской промышленности на этой каменистой почве, но и привели к гибели некоторые старинные отрасли местной промышленности. Показательна в этом отношении судьба сибирской металлургии.

Во время строительства железной дороги наблюдалось оживление местной металлургии. Заводы работали на полную мощность. С открытием же регулярного железнодорожного сообщения рынок Сибири оказался в руках более развитой уральской металлургии. Местная промышленность не могла выдержать соперничества с более сильным конкурентом и была парализована. В 1899 г. закрылись Николаевский и Лучихинский заводы в Иркутской губернии. Сократилось производство металла на Петровско-Забайкальском и Гурьевском заводах.

Если в 1895 г. выплавка чугуна в Сибири составляла около 540 тыс. пуд., то в 1908 г. — лишь 150 тыс. В то же время стремительно возрастал ввоз металла и металлических изделий в Сибирь: в 1909 г. он превысил 14 млн пуд.¹²

Проведение Сибирской железной дороги в общем весьма положительно повлияло на развитие ведущей отрасли горного дела — золотопромышленности. Это влияние сказалось не столько на увеличении добычи золота, сколько на глубоких структурных изменениях в этой отрасли капиталистического производства. Здесь переплетались в причудливых сочетаниях разнородные процессы и тенденции — переход от мануфактуры к современной фабрике, перестройка единоличных и паевых предприятий в акционерные общества, образование монополий, широкий прилив иностранного капитала, усиление роли банков и т. п., причем в различных районах Сибири эти процессы проходили далеко не равномерно.

Развитие акционерных предприятий в сибирской золотопромышленности как более высокой по сравнению с единоличными предприятиями и паевыми компаниями формы организации и мобилизации капитала началось в середине 90-х годов с образованием двух крупных акционерных обществ — Российского золотопромышленного общества (1895 г.) и Ленского золотопромышленного товарищества (1896 г.) До этого были лишь единичные случаи учреждения золотопромышленных акционерных обществ; например, в 1890 г. возникло первое в Енисейской губернии акционерное предприятие — «Акционерное общество Минусинских золотых приисков», которое и в акционерной форме оставалось по существу семейным предприятием минусинских купцов Гусевых.¹³

Российское золотопромышленное общество — не только одно из первых крупнейших акционерных предприятий в золотопромышленности, но по своим целям, задачам, характеру деятельности, по составу учредителей и держателей акций оно представляло собой монополистическое объединение. Под флагом общества выступали консорциум банков во главе с Санкт-Петербургским международным банком и влиятельная группа промышленников и финансистов.

Российское золотопромышленное общество, располагая крупным по тому времени акционерным капиталом в сумме 7.5 млн руб., в первые годы развернуло исключительно бурную деятельность в Сибири, причем в двух главных направлениях, характерных для монополий: захват приисков и золотосодержащих местностей, а также установление финансового конт-

¹² «Вестник финансов, промышленности и торговли», Пгр., 1917, № 3, стр. 105.

¹³ Г. Х. Рабинович. Из истории золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX века. «Вопросы истории Сибири», вып. 1. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, т. 177, серия историческая, Томск, 1964, стр. 78.

роля или участие в золотопромышленных компаниях. В короткий срок, часто поспешно, без геологической разведки Общество приобрело огромное количество приисков на Урале и во всех золотопромышленных районах Сибири. Общество купило $\frac{2}{3}$ участия в Забайкальском золотопромышленном товариществе, $\frac{1}{3}$ паев у Второва, стало крупным пайщиком, а потом держателем акций Ленского золотопромышленного товарищества, купило 78 паев из 100 Амгунской золотопромышленной компании, приобрело крупное участие в Приамурском золотопромышленном товариществе и Монгольском золотопромышленном деле.¹⁴ К 1900 г. общие затраты Общества на приобретение приисков и акций превысили почти на 1 млн руб. основной капитал. Стремление к безграничному расширению сферы влияния привело это первое монополистическое объединение на грань финансового банкротства и низвело его до положения второразрядного золотопромышленного общества.

В 1896 г. было преобразовано из паявого в акционерное общество Ленское золотопромышленное товарищество, самое крупное по добыче золота предприятие в Сибири. Акционерный (основной) капитал общества составил крупную сумму — свыше 10,8 млн руб., львиная доля из этой суммы (9,8 млн руб.) пошла на приобретение имущества и приисков у бывших пайщиков — семейства баронов Гинсбургов, Винберга и др.¹⁵ Однако старые пайщики и в акционерном обществе полностью сохранили ключевые позиции, владея пакетом акций и занимая важнейшие посты в правлении и в Совете директоров.

Организационная перестройка сибирской золотопромышленности, начавшаяся с середины 90-х годов, шла по линии преобразования крупных единоличных и паявых компаний в акционерные общества, и лишь незначительное количество акционерных обществ было учреждено вновь для разработки новых месторождений. В 1898 г. возникло Акционерное общество «Уралит» с основным капиталом в 1,2 млн руб. для разработки золота на Алтае и Урале. В 1900 г. благовещенский купец П. В. Мордин учредил акционерное Амурское золотопромышленное общество с основным капиталом в 3 млн руб. для эксплуатации принадлежавших ему приисков в Амурской области. В этом же году образовалось акционерное Саянское золотопромышленное общество с основным капиталом в 2,5 млн руб. для эксплуатации золотых приисков в Енисейской губернии, принадлежавших купцам Окуловым. В 1901 г. товарищество на вере «Драга» было преобразовано в Акционерное золотопромышленное общество «Драга».

В период 1901—1906 гг. вследствие экономического кризиса и революции резко снизилось учреждение новых обществ. Новая волна учредительства началась с 1907 г. как под влиянием общей экономической конъюнктуры, так и мощного притока иностранного капитала.

Другим важным звеном преобразования сибирской золотопромышленности на новейшей капиталистической стадии являлось техническое перевооружение производства добычи золота, внедрение систем машин (драги, гидравлика, фабрики по переработке и извлечению золота из кварцитовых руд и т. д.), знаменовавшее собой переход от мануфактурной стадии к современной фабрике. Этот глубокий качественный скачок был непосредственно связан с постройкой Сибирской железной дороги. Процесс перехода от мануфактуры к фабрике в области золотопромышленности, начавшийся одновременно с открытием железнодорожного движения, проходил крайне медленно и в высшей степени неравномерно в различных золотопромышленных районах. Сказывались, с одной стороны, общая технико-экономическая отсталость России, слабое развитие промышленности

¹⁴ «Биржевые ведомости», 1900, 26 мая.

¹⁵ ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 771, лл. 4—7.

по производству горнорудного оборудования, с другой стороны, большая удаленность приисков от железной дороги чрезвычайно удорожала доставку громоздкого оборудования, а отсутствие специалистов снижало эффективность его использования.

В основных золотодобывающих районах Сибири были весьма различны темпы, масштабы и глубина процесса перехода от мануфактуры к фабрике. Еще в 1889 г. на Рождественском прииске Зейской компании вступила в строй первая драга. В 1897 г. в Амурском горном округе работало несколько драг, но в дальнейшем золотопромышленники отказались от их применения, так как наплыв низкооплачиваемых рабочих не создавал стимулов к техническому прогрессу, требовавшему дополнительных затрат. В начале XX в. в Приморье и Приамурье наметился регресс по сравнению с 90-ми годами как в отношении техники, так и организации работ на золотых приисках. Даже крупные компании, не говоря уже о мелких, все больше стали переходить от хозяйских работ к золотничным, к сдаче приисков артелям старателей.

В Лено-Витимском районе, крупнейшем по добыче золота в Сибири, переход от мануфактуры к капиталистической фабрике проходил медленно. В 90-х годах на Ленских золотых приисках стало применяться ударное и канатное бурение, а в 1901 г. — алмазное. С 1897 г. начала использоваться паровая оттайка песков, а на некоторых приисках — гидравлическая промывка песков. После открытия в 1896 г. первой гидроэлектрической станции мощностью в 300 квт в последующие годы было построено еще 8 небольших электростанций. Электроэнергия использовалась для водотлива, подъема и откатки песков, приведения в действие золотопромывальных машин, лесопилок, для освещения. К 1902 г. закончилось строительство Бодайбинской железной дороги протяженностью в 46 верст.

С 1893 по 1904 г. количество паровых двигателей на приисках Восточной Сибири увеличилось со 116 до 178.¹⁶ В Енисейской губернии истощение богатых месторождений заставило промышленников переходить от ручного труда к машинному, как более производительному. Еще в 1893 г. енисейский золотопромышленник Черемных купил в Англии полный комплект фабрики для получения золота из кварцитовых руд химическим путем, оборудование было доставлено английскими кораблями Северным морским путем. Это была первая фабрика в Сибири по добыче золота из кварцитов.¹⁷

Три драги в Сибири были установлены весной и летом 1900 г. в Мариинском округе и в Южно-Енисейской тайге на приисках компаний «Драга», во главе которой стоял известный золотопромышленник Асташов. В 1908 г. на приисках Урала и Сибири уже работало 64 драги, из них 25 — на Урале, а из 39 драг, работавших в сибирской золотопромышленности, 37 драг приходилось на Енисейскую тайгу.¹⁸

Введение машин и отдельных усовершенствований все же не приводило к коренной технической реконструкции производства. Удельный вес ручного труда и примитивных орудий продолжал оставаться высоким.

Если говорить о количестве добываемого золота в Сибири как суммарном показателе золотопромышленности, то следует иметь в виду следующее: во-первых, при значительном колебании добычи золота по годам сохранялась общая тенденция возрастания, хотя и медленного, количества добытого благородного металла в рассматриваемый период — с 1895 по

¹⁶ Н. Д. Овсянникова. Из истории золотопромышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. (Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока)», Новосибирск, 1961, стр. 166.

¹⁷ «Вестник золотопромышленности», 1894, № 18.

¹⁸ «Промышленность и торговля», СПб., 1908, № 16, стр. 220.

1907 г.; во-вторых, в официальных отчетах значительная часть золота, иногда до 50%, вообще не фигурировала, так как оно утекало с приисков, особенно в районах, пограничных с Китаем. Золотопромышленники отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы записывать все золото в шнуровые книги.

Среднегодовая добыча золота за десятилетие — 1901—1910 гг., несмотря на огромный спад в 1905 г., связанный с русско-японской войной и революцией, составляла около 2289 пуд., что на 127% выше, чем в последнее десятилетие XIX в. Рост капиталов в сибирской золотопромышленности намного превосходил рост добычи золота, так как формирование новейшего капитализма вызвало громадный по масштабам захват золотодобывающих месторождений, особенно со стороны крупных компаний и придворной камарильи.

Захват золотопромышленниками свободных казенных земель является неоспоримым и общепризнанным фактом, как констатировала газета — орган Министерства торговли и промышленности, лишь 18% площади занятых приисков разрабатываются.¹⁹

Второй после золотопромышленности наиболее важной отраслью горного дела Сибири являлась каменноугольная, которая своим возникновением и развитием как отрасль капиталистической промышленности всецело обязана железной дороге.

Огромные потребности Сибирской магистрали в топливе и наличие богатейших каменноугольных месторождений почти по всей трассе магистрали вызвали настоящий бум — в течение нескольких лет, как грибы после дождя, возникали горнопромышленные компании по добыче каменного угля. Определелись основные районы угледобычи, примыкавшие непосредственно к железной дороге: в Западной Сибири — Анжеро-Судженский, в Восточной Сибири — Черемховский и Забайкальский, на Дальнем Востоке — Приморско-Уссурийский, включая сюда о. Сахалин.

В 1897 г. начали выдавать на-гора каменный уголь Судженские копи Л. А. Михельсона, производительность которых росла очень быстро. Если за первое пятилетие среднегодовая добыча угля составляла около 2 млн пуд., то в следующем пятилетии она превысила 8 млн пуд. Почти одновременно с Судженскими копиями Михельсона и поблизости от них в 1898 г. возникли казенные Анжерские копи, которые эксплуатировались средствами Сибирской железной дороги. Организуя собственную добычу каменного угля, казенные ведомства, кроме интересов фиска, имели цель оказать воздействие на рыночные цены, умерить ненасытную жажду наживы частных углепромышленников. Однако казенные копи — Анжерские и Сучанские (на Дальнем Востоке) — мало чем отличались от частных по технической оснащенности, а в отношении уровня себестоимости угля всегда уступали частным, поэтому не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на высокий уровень цен, по которым поставлялся каменный уголь Сибирской дороге.

Наиболее крупным районом угледобычи стал Черемховский бассейн. Здесь добыча каменного угля возрастала особенно быстро. В 1900 г. было добыто 4 млн 200 тыс. пуд. угля, а в 1902 г. — 23 млн пуд., что составляло 2/3 общесибирской добычи каменного угля.²⁰

Забайкальские копи Кузнецца, Хилковского, Замятина работали по контрактам с Забайкальской железной дорогой, и уровень добычи определялся исключительно заказами казны.

В несколько особом положении находился Уссурийский каменноугольный район как в отношении рынка сбыта, так и условий капиталистической

¹⁹ «Торгово-промышленная газета», 1911, 25 августа.

²⁰ Там же, 1904, 17 февраля.

конкуренции. Здесь главными потребителями каменного угля, кроме Уссурийской железной дороги, являлись морское ведомство, коммерческие русские и иностранные корабли. Таким образом, емкость рынка возросла за счет морских судов приблизительно на 14—15 млн пуд. Но русские углепромышленники столкнулись на Дальнем Востоке с конкуренцией хотя и низкого по качеству, но очень дешевого японского угля, ввоз которого в дальневосточные порты не облагался пошлиной и составлял ежегодно около 9 млн пуд.²¹

Сибирская каменноугольная промышленность как целая отрасль производства развивалась сравнительно быстро. Менее чем за 10 лет сформировались основные каменноугольные бассейны, а добыча каменного угля достигла в 1910 г. почти 100 млн пуд. и составляла около 7% общероссийской добычи. Мощности каменноугольных предприятий полностью обеспечили потребности Сибирской железной дороги и местного рынка, за исключением Дальнего Востока, где конкуренция с иностранным углем сдерживала рост местной каменноугольной промышленности. Хотя сибирская каменноугольная промышленность возникла как служебная отрасль железной дороги и казенные заказы в решающей степени определяли уровень производства, однако она оказывала все более заметное влияние на другие отрасли. Каменный уголь как наиболее экономичный вид топлива постепенно вытеснял дрова в речном пароходстве, в мукомольной, цементной и других отраслях промышленности, расширяя сферу применения котлов и паровых машин, содействуя тем самым техническому прогрессу.

По сравнению с другими отраслями в каменноугольной промышленности почти не было мелких предприятий, так как организация подземной добычи сама по себе требовала довольно крупных затрат и добыча менее 2 млн пуд. угля была уже невыгодной. В силу наличия сравнительно крупных предприятий и капиталов в каменноугольной промышленности (в одной из первых) началось синдикатское движение. В 1907 г. все углепромышленники Черемховского бассейна объединились в синдикат с общей производительностью рудников свыше 80 млн пуд., а в следующем году забайкальские углепромышленники Хилковский, Кузнец, Замятин образовали Забайкальский синдикат с объемом добычи угля до 25 млн пуд.²² Между синдикатами было достигнуто соглашение о разграничении сфер влияния: снабжение Забайкальской железной дороги и Забайкалье как рынок продажи угля переходили к Забайкальскому синдикату, а поставки угля Сибирской магистрали и территория к западу от границы Забайкальской железной дороги — к Черемховскому синдикату. Углепромышленникам Кузбасса оставался Западно-Сибирский участок дороги и надежда завладеть рынками Урала.

Из отраслей горного дела после проведения Сибирской железной дороги быстрое развитие получила добыча соли, старейшая отрасль горной промышленности Сибири. Уже к концу XIX в. привоз соли в Сибирь из Европейской России прекратился, так как потребности местного рынка полностью удовлетворялись за счет производства соли в Сибири. Быстрый рост населения, развитие мясо-молочной, рыбной и других отраслей промышленности в начале XIX в. вызывали возрастающий спрос на соль. В 1895 г. на всех соляных заводах и промыслах Сибири вываривалось 2,5 млн пуд. соли, а в 1910 г. эта цифра поднялась до 15,5 млн пуд., т. е. за 15 лет производство соли возросло и составило 12,1% общероссийской добычи.

Строительство железной дороги вызвало большой спрос на лесоматериалы и способствовало росту промышленных лесозаготовок и лесохимии.

²¹ Там же, 1909, 7 мая.

²² Там же, 1908, 19 августа; «Сибирская жизнь», 1908, 12 января, 29 февраля и 22 мая.

Лесопильные заводы и заготовки леса в крупных размерах примыкали непосредственно к железной дороге. Они напоминали своеобразное ожерелье на рельсовой нити, пересекающей Сибирь с запада на восток. Относительно крупными центрами лесопромышленности стали те города и местечки, где пересекались железнодорожные и водные пути: в Западной Сибири — Тюмень, Новониколаевск, Томск; в Восточной Сибири — Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита, на Дальнем Востоке — Хабаровск, Благовещенск, Владивосток.

В районах крупного спроса на лес господствовало капиталистическое предпринимательство в лесной промышленности и торговле, хотя и здесь существовали масса мелких кустарных предприятий и подсобный крестьянский промысел. В других районах в начале 900-х годов лесная промышленность не вышла за рамки мелкого производства со всеми его особенностями. Лесохимия существовала в эмбриональном состоянии и была представлена в виде кустарных промыслов по производству древесного угля, дегтя, смолы, скипидара, денатурата, канифоли и других продуктов переработки леса.

В конце 90-х годов сибирский лес начал поступать на мировой рынок в виде опытных партий, вывезенных из района Тюмени. Эти первые опыты оказались настолько удачными, что через несколько лет тюменский лесопромышленный район оказался в числе наиболее крупных поставщиков леса на мировой рынок. Тюменский рынок, по оценке компетентной «Торгово-промышленной газеты», «в последние годы занял выдающееся место по отправке леса за границу через Екатеринбург, Пермь, Котлас и Архангельск».²³

Несколько позднее, в 1907 г., начал формироваться дальневосточный район экспорта леса за границу. Здесь условия для развития лесной промышленности и лесоэкспорта были особенно благоприятны. Во-первых, в Приамурской области имелось 160 млн десятин леса, преимущественно ценных пород (дуб, ясень, маньчжурский орех, кедр, лиственница и др.), пользовавшихся повышенным спросом на мировых рынках. Во-вторых, речная система тихоокеанского побережья, наличие удобных бухт и гаваней снижали до минимума транспортные расходы и обеспечивали для предпринимателей сильные позиции в конкурентной борьбе на мировом рынке.

На Дальнем Востоке в 1909 г. возникли довольно крупные лесоторговые и лесопромышленные компании для экспорта леса за границу: Бринер, Кузнецов и К^о на Сахалине и в бухте Тетюхэ, М. И. Суворов в районе Уссурийской железной дороги, Л. С. Скидельский в Маньчжурии и английская компания «Ориенталь тимбэ корпорейшн» в Императорской гавани.²⁴

Если в 1908 г. экспорт леса из Приамурья составил всего лишь сумму в 2,5 млн руб., то в следующем году поступили солидные заказы из Южной Америки, Голландии, Франции, Англии и других стран на вывоз леса на общую сумму в 7 млн руб.²⁵

Однако следует подчеркнуть, что хотя сибирский лес вышел на мировой рынок и пользовался большим спросом благодаря своим высоким качествам, экспорт его как из района Тюмени, так и из Приморья находился полностью в руках иностранных фирм, располагавших крупными капиталами, морскими судами, международными связями, сетью своих контор, агентств и пр. Местные лесопромышленные компании, даже такие солидные, как компания Скидельского, выполняли чисто посредническую роль между иностранными экспортерами и местными лесопромышленниками.

²³ «Торгово-промышленная газета», 1906, 21 мая.

²⁴ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 21, л. 21.

²⁵ «Торгово-промышленная газета», 1909, 8 сентября.

Обрабатывающая промышленность Сибири в широком значении этого слова начала формироваться и получила мощный импульс развития с открытием железнодорожного сообщения по Транссибирской магистрали. Причем ведущее значение получили лишь те отрасли обрабатывающей промышленности, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья. В этом наиболее ярко и отчетливо проявились специфика экономики Сибири и ее место в системе российского капитализма как сырьевого, сельскохозяйственного придатка промышленно развитого центра Европейской России.

В 1908 г. продукция фабрично-заводской промышленности оценивалась суммой в 82,3 млн руб., из которых на пищевкусовую промышленность приходилось свыше 66 млн руб., что составляло около 80%.²⁶ По объему производства и стоимости производимой продукции на первом месте стояли спиртоводочное, мукомольное и маслодельное производства, которые давали вместе около 70% продукции пищевой промышленности в стоимостном выражении.

В табл. 3 приводятся данные (в процентах), отражающие структуру обрабатывающей промышленности Сибири в 1908 г. по валовой выработке.²⁷

ТАБЛИЦА 3

Отрасли промышленности	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Вся Сибирь
Пищевкусовая	84.1	74.4	79.25
Обработка животных продуктов	4.3	3.1	3.7
Металлообработка	3.7	12.2	7.95
Деревообработка	2.2	4.5	3.35
Прочие (обработка волокнистых веществ, минералов и т. п.)	5.7	5.8	5.75
Итого	100%	100%	100%

Следовательно, по валовой выработке продукции обрабатывающей промышленности на долю пищевкусовой приходилось около $\frac{4}{5}$, а на все остальные отрасли — только $\frac{1}{5}$.

Промышленность по переработке продукции сельского хозяйства, в том числе и животноводства, имела исключительно благоприятные условия для своего развития, так как опиралась на обилие дешевого сырья. Но постоянный отлив капиталов в наиболее прибыльную сферу посреднической торговли консервировал промышленное производство на низком уровне. В Сибири перерабатывалось всего лишь около 25% продукции сельского хозяйства, а остальные 75% вывозились в виде сырья на заводы в Европейскую Россию и за границу.²⁸

Важнейшими показателями уровня промышленного развития являлись металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность. Не считая сети депо и ремонтных мастерских, обслуживавших Сибирскую желез-

²⁶ «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», СПб., 1912, стр. 14—15.

²⁷ М. Б. Вольф. Географическое размещение русской промышленности. М.—Л., 1927, стр. 21; Р. С. Лившиц. Очерки по размещению промышленности СССР. М., 1954, стр. 88.

²⁸ «Торгово-промышленная газета», 1913, 18 января.

ную дорогу, в Сибири возникло лишь несколько небольших машиностроительных заводов, которые выполняли различные заказы по ремонту и изготовлению разных судов, паровых машин и котлов, оборудования мукомольных и лесопильных предприятий и т. д. В 1895 г. на Дальнем Востоке был основан купцом Чепуриным машиностроительный чугуно-медный литейный и механический завод с очень широким профилем: от изготовления паровых котлов и машин до выпуска комплектного оборудования для приисков, мельниц, лесопильных заводов. Годовое производство колебалось в пределах 200 тыс. руб.²⁹ В 1898 г. в Благовещенске местным купцом Шадринным был открыт судостроительный и механический завод по изготовлению и ремонту речных пароходов, а еще через 2 года в Томске возник литейный и механический завод. Единственным на всю Сибирь предприятием сельскохозяйственного машиностроения был основанный в 1904 г. небольшой завод датчанина Рандрупа в Омске, изготавливавший главным образом плуги и бороны «зиг-заг».

В 1908 г. на долю металлообрабатывающей промышленности Сибири приходилось около 6,5 млн руб. годового производства, что составляло примерно 8% от всего выпуска продукции обрабатывающей промышленности. В то же время в Сибирь ежегодно ввозилось машин, оборудования, металлоизделий около 20 млн пуд.

Одновременно с ростом обрабатывающей промышленности происходили сдвиги в ее качественной структуре. Эти изменения шли по двум основным линиям: переход от мануфактуры к фабрике и формирование новейшего капитализма. С открытием железнодорожного движения одной из главных статей ввоза в Сибирь являлись машины и металлоизделия, ежегодный ввоз которых непрерывно возрастал. Машина заменяла ручной труд, капиталистическая фабрика вытесняла мануфактуру и ремесленное производство прежде всего в таких отраслях обрабатывающей промышленности, как мукомольное производство, металлообработка и винокурение. В таких же отраслях обрабатывающей промышленности, как кожевенная, дрожжевая, овчинно-шубная, маслоделательная, предприятия в рассматриваемый период оставались мелкими, полукустарного типа.

Наиболее высокая концентрация капитала была достигнута в мукомольной промышленности. В главных центрах по переработке зерна — Кургане, Павлодаре, Омске, Семипалатинске, Барнауле, Новониколаевске, Благовещенске — работали крупные, технически высоко оснащенные паровые мельницы. В этих районах в 1908 г. образовались первые синдикаты в обрабатывающей промышленности — региональные союзы мукомолов. Крупные мукомолы семипалатинского района — торговые дома «П. Плещеев и К^о», «М. Красильников и К^о», «Мухамед-Садык-Мусин и К^о» — объединили в 1908 г. свои мельницы под фирмой акционерного «Общества семипалатинских паровых мельниц» с капиталом в 1 млн 800 тыс. руб. Почти одновременно объединились харбинские мукомолы в мощный синдикат, а затем приамурские владельцы крупных паровых мельниц образовали синдикат в форме акционерного общества с основным капиталом в 1 млн руб.

Названные выше синдикаты, а также возникшие в последующие годы союзы мукомолов, в частности мощное объединение барнаульских и новониколаевских владельцев паровых мельниц под фирмой «Алтайский мукомол», являлись типичными монополистическими союзами капиталистов, выросшими из концентрации капитала и знаменовавшими собой новую, более высокую, ступень концентрации и централизации капитализма. Региональный характер монополистических союзов был характерной особен-

²⁹ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 154.

ностью синдикатского движения в сибирской обрабатывающей промышленности (мукомольной). Синдикаты мукомолов преследовали цель, с одной стороны, устранить жестокую конкуренцию между крупными торговыми домами, владельцами паровых мельниц, с другой стороны, захватить рынок продажи зерна и продуктов его переработки для регулирования цен в интересах монополистического союза.

В области торговли Сибирская железная дорога вызвала столь же глубокие и резкие изменения, как и в области промышленности. Коренная революция в транспортных средствах ускорила движение товарных масс и оборот капитала в сфере обращения, а также и производства.

Вместо периодически созываемых ярмарок все большее значение приобретали регулярные, прямые связи между отдельными районами. Отсюда резко упало значение главных торжищ с Сибирью — Нижегородской и Ирбитской ярмарок, местных сибирских ярмарок, а также крупных сибирских купцов-оптовиков. Только в 1900 г. в главном центре оптовой торговли — в г. Томске прекратили деятельность 14 оптовых предприятий из 58, а прибыль купцов-оптовиков сократилась в течение года почти в 2 раза, с 2.85 до 1.67 млн руб.³⁰

Стремительное увеличение внутрисибирской торговли являлось, пожалуй, самой отличительной чертой развития экономики Сибири после постройки Сибирской железной дороги. В 1900 г. размер внутренней торговли в Сибири исчислялся в 60 млн руб., а в 1909—1911 гг. достиг суммы в 150 млн руб. ежегодно, т. е. за десятилетие почти утроился.³¹

Торговля из привилегии и монополии крупных оптовых купцов и их клиентуры стала одной из самых доступных, прибыльных и безопасных сфер приложения капитала. Тысячи предприимчивых людей с капиталом и в надежде нажить таковой открывали различные торговые заведения, пользуясь сравнительно доступным кредитом и высокой конъюнктурой рынка. Так, в Амурской области за пятилетие с 1905 г. было выдано свыше 16 тыс. так называемых промысловых свидетельств на право предпринимательской деятельности, главным образом для занятия торговлей.³²

Высокая прибыль обеспечивалась тем, что цены на сырье и продукцию сельского хозяйства были низкими в Сибири, а цены на фабрично-заводские изделия высокими. Поэтому большая часть свободных средств и внутренних накоплений направлялась не в сферу производительной деятельности, а в сферу обращения.

Развитие российского капитализма вширь в Сибири выразилось главным образом не в создании промышленности, а в усилении ввоза на эту окраину фабрично-заводских изделий из Европейской России и вывозе из Сибири продуктов сельского хозяйства и различного сырья. Уже в 1904 г. синдикат крупных московских фирм с поразительной для русского капитализма быстротой и размахом построил в г. Омске «Московские торговые ряды», подобие торгового трамплина для завоевания сибирского рынка.³³ Сотни других фирм, русских и иностранных, открыли свои отделения, конторы, склады в городах и селах Сибири.

Наряду с быстрым ростом внутрисибирской торговли стремительно возрастал внешний торговый оборот. До проведения Сибирской железной дороги экспорт из Сибири давал почти неизменную цифру — 8—10 млн руб., больше которой он не поднимался. После открытия дороги кривая вывоза пошла быстро вверх, достигнув в 1907 г. 134 млн руб., т. е. в течение 10 лет вывоз из Сибири увеличился в 14—15 раз. Невероятный

³⁰ «Сибирская жизнь», 1900, 25 октября.

³¹ «Торгово-промышленная газета», 1912, 14 апреля.

³² ЦГАДВ, ф. 704, оп. 1, д. 1008, л. 49.

³³ «Торгово-промышленная газета», 1904, № 203.

скачок! Из общей указанной выше суммы экспорта 42 млн 700 тыс. руб. падало на экспорт сливочного масла, 45 млн — на хлеб и 24 млн руб. — на вывоз кож, шерсти, мяса, яиц, птицы.³⁴ Таким образом, свыше 90% вывоза из Сибири в стоимостном выражении приходилось на долю продукции сельского хозяйства.

Характер экспорта из Сибири еще и еще раз показывает основную тенденцию экономического развития Сибири, ее специализацию как сельскохозяйственной окраины.

В торгово-промышленном классе Сибири господствующее положение занимало купеческое сословие, а точнее — огромная прослойка торговцев. Фигура предпринимателя, заводчика или фабриканта терялась, стусывалась в массе торговцев. Более того, не было четко выраженного разграничения, специализации, между торговой и промышленной деятельностью, за исключением в какой-то мере горнодобывающей промышленности. Владелец промышленного предприятия, как правило, был в то же время купцом, и, наоборот, купец часто владел промышленными заведениями. По мере втягивания Сибири в водоворот мирового рынка и усиления влияния иностранного капитала среди местной буржуазии создавалась и укреплялась влиятельная прослойка, интересы которой сплетались и сливались с интересами иностранного капитала.

Современная капиталистическая банковая система в Сибири начала складываться только с постройкой Сибирской железной дороги, в связи с общим оживлением торгово-промышленной деятельности и развитием капитализма вширь. До 1894 г. на огромной территории Сибири производили операции лишь 3 отделения Сибирского торгового банка, да, кроме того, имелись 2 городских общественных банка — имени Поповых в Томске и банк Медведниковой в Иркутске, операции которых были весьма ограничены. С 1894 г. началось усиленное и энергичное насаждение банковых учреждений в Сибири: Сибирский торговый банк в 1894 г. открыл свои отделения в Барнауле и Омске, в следующем году — в Троицке, а в 1896 г. — еще в 4 городах — Иркутске, Красноярске, Благовещенске и Сретенске.³⁵ Основанный в 1895 г. Русско-Китайский банк уже в следующем году открыл 6 отделений в городах Владивостоке, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Бодайбо. Итак, год за годом ведущие русские коммерческие банки создавали свои опорные пункты в Сибири, открывая в городах и торгово-промышленных местечках свои филиалы. К 1910 г. Сибирь была опутана довольно густой сетью финансовых учреждений, основу которых составляли отделения коммерческих банков: Сибирский торговый банк располагал 19 отделениями, Русско-Азиатский — 15, Русский банк для внешней торговли — 9, Русский торгово-промышленный — 3, Волжско-Камский — 4 отделениями.³⁶ Кроме того, имелось 19 отделений Государственного банка. Городские общественные банки и Общество взаимного кредитования, возникшие почти во всех крупных городах, играли весьма незначительную роль в кредитных операциях в Сибири, так как располагали небольшими капиталами.

Отделения коммерческих банков сосредоточивали основные операции по кредитованию торгово-промышленной деятельности в Сибири. Хотя отделения находились на самостоятельном балансе и располагали известной оперативной свободой, однако они выполняли по существу функции приводных ремней правлений коммерческих банков и аккумуляторов денежных средств. Главным в деятельности коммерческих банков было

³⁴ «Сибирская жизнь», 1908, № 205.

³⁵ «Торгово-промышленная газета», 1904, 29 сентября.

³⁶ А. Шнш а. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1923, стр. 45, 46.

не финансирование промышленности, а финансирование торговли в широком значении этого слова — ссуды под товары и товарные ценности, комиссионные поручения, операции по сбыту сельскохозяйственных машин и различных товаров или через клиентуру банка, или непосредственно через склады банков, учет векселей и других обязательств, экспортные операции и т. д.

Отделения банков в Сибири проводили крупные и очень выгодные операции по закупке золота, предоставляя золотопромышленникам под высокий процент ссуды с уплатой долговых обязательств поставкой золота в золотосплавные лаборатории банка. Например, Сибирский торговый банк скупил и переплавил в своих лабораториях в 1903 г. 27 пуд. золота, а в 1910 г. — 646 пуд.³⁷ Учетный, или банковый, процент в Сибири был очень высоким: в Западной Сибири — от 7.5 до 9.5%, на Дальнем Востоке — до 12%.

Отделения коммерческих банков в Сибири в первое десятилетие после открытия железнодорожного движения, поглощенные финансированием посреднической торговли, очень слабо вторгались в сферу промышленной деятельности. Только Русско-Азиатский банк принимал участие в финансировании целого ряда промышленных предприятий на Дальнем Востоке и в Сибири. Так, банк путем финансирования стал полным хозяином Уссурийского горнопромышленного общества.³⁸ Банку в 1907 г. перешли за долги каменноугольные предприятия на Дальнем Востоке, принадлежавшие американскому капиталисту Кларксону. Русско-Китайский банк принимал участие в выпуске акций и финансировании некоторых золотопромышленных компаний и мукомольных обществ. Тем не менее следует отметить, что до 1907 г. отделения коммерческих банков в Сибири были весьма инертны в деле приобретения промышленных ценностей.

Сибирская железная дорога открыла Сибирь не только для русского капитализма, но и для иностранного капитала, проникновение которого в Сибирь началось на рубеже XX в., т. е. в период, когда иностранный капитал занимал уже сильные позиции в экономике России и прежде всего в таких ее отраслях, как угольно-металлургическая, электротехническая, нефтяная, банковая система. Это не могло не облегчить продвижение его в новые огромные и совершенно не освоенные капитализмом районы Азиатской России. Переход капитализма в империалистическую стадию наложил глубокую печать на процесс проникновения иностранного капитала в Сибирь, на формы и методы его внедрения в экономику. Хотя в надежде на быструю и легкую наживу в Сибирь хлынула масса мелких иностранных предпринимателей и просто авантюристов, но они не играли и не могли играть сколько-нибудь заметной роли в экономике, а лишь подготавливали почву для крупного капитала. На авансцене выступали иностранные финансово-монополистические группы, именно они определяли и методы, и динамику иностранных инвестиций.

Проникновение иностранного капитала в Сибирь шло с двух противоположных сторон (как и строительство железной дороги, и одновременно с ним) — с запада и востока. Пионерами иностранного капитала являлись торговые фирмы, которые основывали свои отделения, конторы, представительства в Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Иностранные компании с самого начала перехватили наиболее важные экономические артерии — ввоз иностранных товаров и экспорт сибирского сырья, опираясь, с одной стороны, на свою собственную сеть контор и отделений, с другой стороны, используя местных торговцев, их связи, опыт, знание местного рынка. Громадное большинство сибирских купцов вело посредническую

³⁷ Там же, стр. 60.

³⁸ ЦГАДВ, ф. 133, оп. 1, д. 64, лл. 155, 221.

торговлю, выступая в качестве агентов иностранных и российских фирм по заготовке местного сырья или по продаже фабрично-заводских изделий.

На Дальнем Востоке до 1909 г. с небольшим перерывом в течение 4 лет (с 1900 по 1904 г.) существовало так называемое порто-франко, т. е. беспошлинный ввоз иностранных товаров. Свыше $\frac{1}{3}$ ввоза в Приамурье в период порто-франко составляли иностранные товары.³⁹ Во Владивостоке в 1904 г. находились консульства и коммерческие агенты 10 иностранных государств, в том числе США, Великобритании, Германии, Бельгии, Франции, Италии и др.⁴⁰ До русско-японской войны в этом городе проживало до 300 японских коммерсантов.

На Чукотке, Камчатке, Охотском побережье почти безраздельно господствовали американские бизнесмены и авантюристы, которые, используя слабость и неомощность местной администрации, применяли изощренные приемы грабежа местных жителей под видом обменной торговли. В 1902 г. американский капитал получил юридическую силу своего господства на северо-востоке России — царское правительство предоставило концессию на Чукотский полуостров отставному полковнику Вонлярскому, который передал свои права учрежденному Северо-восточному сибирскому обществу. Это общество, имея фиктивное правление в Петербурге, в действительности являлось дочерним предприятием огромного американского синдиката «Subsidiary Company», в котором главную роль играл американский миллионер Джон Розин. Он основал целый ряд обществ, имеющих своей целью эксплуатацию Чукотского полуострова и прибрежных вод: Северо-береговую компанию лихтеров, Акционерное северо-западное пароходное общество и Северо-западную рыболовецкую компанию. «Северо-восточное сибирское общество, — писал журнал «Сибирские вопросы», — оперирующее ныне на Чукотском полуострове, представляется в настоящей его организации делом исключительно американским и притом в самой нежелательной для интересов России форме огромного торгово-промышленного синдиката, развивавшего за последние годы бесконтрольно и беспошлинно главным образом торговые операции, скупая за бесценок, часто с помощью спирта, на сотни тысяч рублей у инородцев китовый ус, моржовые клыки, шкуры белых медведей, белых лисиц и пр.»⁴¹

В Приморье и Приамурье среди иностранных фирм выделялся своим исключительным могуществом и влиянием торговый дом «Кунст и Альберс», главными пайщиками которого являлись немцы германского подданства, но проживавшие длительное время в России, и немцы, принявшие русское подданство, но не терявшие связи со своим фатерландом. Торговый дом «Кунст и Альберс» располагал разветвленной сетью своих контор, отделений, складов и магазинов во всех городах и селах на Дальнем Востоке, имел отделения в Одессе и Москве, а также за границей, принимал участие в некоторых промышленных и горных предприятиях в Приморье или контролировал их. Торговый оборот компании на Дальнем Востоке в канун мировой войны достиг огромной суммы в 16—18 млн руб. в год, и она контролировала значительную часть дальневосточного рынка.

В Западную Сибирь проникновение иностранного капитала началось с 1896 г., когда датская фирма «Полизен» открыла свою контору в Кургане по экспорту сибирского сливочного масла. В следующем году обосновалась еще одна датская экспортная фирма «Эсмана», затем началась

³⁹ «Сибирские вопросы», СПб., 1906, № 4, стр. 96.

⁴⁰ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 149, л. 9.

⁴¹ «Сибирские вопросы», 1906, № 2, стр. 162—163.

«масляная горячка» в Западной Сибири, не менее знаменитая, чем золотая горячка Клондайк. К экспорту сливочного масла потянулись десятки иностранных фирм. В 1901 г. в одном г. Омске насчитывалось 14 зарубежных фирм, занимающихся исключительно экспортом масла. Среди этих фирм выделялись датские монополии «Сибирская компания» (имевшая 38 отделений в Сибири), «Лунд и Петерсон» (реорганизованная в «Русско-Азиатскую компанию»), а также английская компания «Юнион», которые держали в своих руках значительную часть экспорта сибирского сливочного масла.

Кроме торговли, иностранный капитал в начале 900-х годов начал активно внедряться в горное дело Сибири и прежде всего в разработку благородных и цветных металлов, т. е. в сферы, типичные для колониальной экспансии капитала. Среди многочисленных, возникших в начальный период в горном деле иностранных предприятий преобладали в большей степени английские. Английский финансовый монополистический капитал, проявляя повышенный интерес к ископаемым богатствам Урала и Сибири, стремился приобрести здесь доминирующее значение.

В первый период до 1907 г. в Англии возникло до 10 горнопромышленных, преимущественно золотопромышленных, компаний, которые получили разрешение царского правительства производить операции в Сибири. Однако лишь некоторые из них приступили к производственной деятельности, большинство же оказалось чисто грюндерскими учреждениями, прогоревшими на лондонской бирже раньше, чем они могли появиться в Сибири.

В 1902 г. царское правительство утвердило условия деятельности в России английского акционерного общества «Енисейская медь», предоставив ему право разведки и эксплуатации месторождений меди в Минусинском округе Енисейской губернии.⁴² Общество, располагая основным капиталом в 300 тыс. фунтов стерлингов (реализовано было всего 195 тыс. фунтов стерлингов), приобрело в собственность открытые Красноярским купцом Терсковым месторождения меди и в течение первых 5 лет затратило крупные средства на оборудование рудников и медеплавильного завода. Эта английская компания скорее прозябала, чем процветала, и в 1911 г. все ее имущество перешло к консорциуму русских банков, учредивших общество «Сибирская медь».

В 1902 г. при содействии Кабинета к английским капиталистам перешла обширная и богатейшая концессия Першина в Нерчинском округе, для эксплуатации которой было учреждено и допущено царским правительством к операциям в России английское общество «Нерчинская золотопромышленная компания». Компания произвела детальные разведки и в 1907 г. образовала дочернее золотопромышленное общество «Ключи», передав ему для эксплуатации часть концессии — рудник «Ключи».⁴³

В том же Нерчинском округе в 1903 г. для добычи золота в системе р. Кары правительство допустило к операциям в России английскую компанию «Карское золотопромышленное общество» «на основе заключенного 11 февраля 1903 г. между Кабинетом и коммерции советником М. О. Альбертом договора».⁴⁴ 27 апреля 1901 г. царское правительство предоставило английскому лорду Дугласу на 15 лет исключительное право на разработку золота и других сопутствовавших ему металлов в системе р. Яны в Приморской области.⁴⁵

⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1902, ч. II, ст. 291.

⁴³ ГАЧО, ф. 210, оп. 2, л. 231, лл. 620, 631, 680.

⁴⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1903, отд. II, ст. 463.

⁴⁵ ГАЮ. ф. 135, оп. 1, д. 1694-а, л. 91

Кроме указанных выше английских предприятий в горном деле Сибири, многие иностранцы получили право на промышленную разработку полезных ископаемых, большинство из них вело минимальную добычу, чтобы не потерять право на месторождение. Однако до 1907 г. иностранный капитал не играл сколько-нибудь заметной роли в горном деле Сибири. Созданные в этот период иностранные горнопромышленные компании действовали, как правило, на основе уставов своей страны и лишь на определенных условиях допускались к операциям в России. Они представляли чужеродный элемент в экономическом организме края. Правле-

Вокзал в Новониколаевске. Начало XX в.

ния компаний находились за границей, акции котировались не в Петербурге, а в Лондоне, административный аппарат состоял из иностранцев, почти не было союза, взаимного проникновения интересов русского и иностранного капитала. Это явилось одной из причин неудач некоторых иностранных горнопромышленных компаний в Сибири в этот период.

Проникновение иностранного капитала в Сибирь шло в общем русле развития капитализма вширь и в этом смысле содействовало ускорению развития капиталистических отношений. Но в то же время иностранный капитал усиливал односторонность экономики Сибири, углублял ее специализацию в качестве сырьевого придатка. Дав первоначальный импульс развитию некоторых отраслей экономики (маслоделие, сыроварение, бэконное свиноводство и др.), иностранный капитал, как вампир, высасывал из Сибири миллионные прибыли, созданные трудом рабочих и крестьян.

Рост промышленности и торговли сопровождался ростом городов и городского населения, но получили расцвет лишь те города или местечки, которые в виде цепочки тянулись вдоль линии железной дороги или находились в сфере ее экономического воздействия. Старые города Тюмень, Омск, Красноярск, Хабаровск, Владивосток быстро стали менять свой провинциальный, купечески-чиновничий облик, превращаясь в крупные центры торгово-промышленной деятельности. За 2 десятилетия возникло свыше 30 новых городов, среди которых с кинематографической стреми-

тельностью вышел в число крупных городов Сибири Новониколаевск. В то же время старинные сибирские города Березов, Сургут, Тобольск, Кузнецк, Нарым, оказавшись в стороне от экономической жизни, переживали упадок.

Городское население в Сибири росло относительно быстрее, чем сельское, его доля в населении увеличилась с 8,5% в 1897 г. до 11,9% в 1914 г., но тем не менее она оставалась ниже общероссийского уровня.

Первое десятилетие после открытия железнодорожного сообщения ознаменовалось оживлением в развитии промышленности Сибири. Складывается новая отрасль промышленного производства — каменноугольная, возрастает добыча золота. Развиваются мукомольное, кожевенное дело, маслоделие и другие виды производства, связанные с обработкой продукции сельского хозяйства.

В социально-экономическом отношении к концу десятилетия вырисовываются контуры новейшей стадии капитализма.

Происходит концентрация промышленности, и Сибирь становится сферой приложения крупного капитала русских и иностранных акционерных компаний и банков.

Оживление сибирской промышленности после проведения железной дороги не ликвидировало все же промышленно-экономической отсталости Сибири. Для капиталистов центра Сибирь оставалась сырьевой базой, рынком сбыта товаров, источником накопления капитала.

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ

Рост регулярных транспортно-экономических связей Сибири со всей страной после проведения железной дороги благоприятно отразился на оживлении сельского хозяйства. Посевная площадь Сибири за 20 лет (1897—1917 гг.) увеличилась более чем на 6 млн дес. Этому способствовал возраставший прилив переселенцев в Сибирь.

Освоение новых земель сопровождалось ростом сельскохозяйственного производства, его специализацией. Сибирский хлеб стал конкурировать с хлебом помещиков Европейской России.

Царское правительство, ограждая интересы помещиков центра, установило челябинский тарифный перелом в ущерб сибирским экспортерам хлеба. Высокая провозная плата за хлебные грузы наносила ущерб сбыту товарного хлеба и побуждала сибирское кулачество производить промышленную переработку хлебных товаров на месте путем устройства винокуренных, пивоваренных и других предприятий.

Наряду с ростом зернового хозяйства расширялись посевы картофеля и технических культур (лен, конопля, сахарная свекла). Наличие богатой кормовой базы, возраставший на рынке спрос на масло, сало, мясо, кожи благоприятствовали росту животноводства. Развивалось маслоделие, которое превращалось в особую отрасль пищевой промышленности. Маслоделие связывало сельское хозяйство Сибири с общероссийским и мировым рынками.

Развитие сельского хозяйства Сибири, подчиненное общим закономерностям, единым для всей страны, имело и некоторые специфические особенности. Прежде всего, и это главное, здесь не было помещичьего землевладения, этой цитадели крепостничества. Характерная особенность Сибири заключалась также в наличии большого колонизационного фонда земель.

Отсутствие помещичьего землевладения и наличие фонда незанятых земель обусловили более высокую, чем в Европейской России, землеобеспеченность крестьян Сибири, открывали перед сельской буржуазией воз-

возможности для расширения запашки и сенокосных угодий с помощью захватного права и аренды казенных и кабинетских земель. И в начале XX в. по всей Сибири было распространено захватное землепользование, не ограниченное или регулируемое государством и крестьянской общиной. Да и общинно-передельное землепользование в Сибири менее, чем в Европейской России, стесняло хозяйственную деятельность крестьян: переделы производились гораздо реже, охватывали не все, а лишь наиболее ценные угодья, которых не доставало в данной местности, и не сопровождалось перемещением крестьян с обработанной земли. Аграрные отношения в Сибири находились под большим воздействием переселенческого движения, влиявшего буквально на все хозяйственные, социально-экономические и политические процессы в деревне. Все эти особенности обусловили более свободный, чем в центре страны, рост сельской буржуазии и в конечном итоге сказались на путях и темпах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. Под влиянием Сибирской магистрали, прочно связавшей Сибирь с общероссийским и мировым рынками, широкого переселенческого движения и колонизации возросла степень зрелости капиталистических отношений в районах старого заселения, близких к железной дороге; а с другой стороны, капиталистические отношения распространялись на новые территории. С конца XIX в. начали резко проявляться такие показатели классового расслоения, как концентрация сельскохозяйственного производства в руках сельской буржуазии, аренда и покупка земли, применение машин и труда сельских пролетариев и полупролетариев.

В целом особенность Сибири состояла в том, что здесь выше, чем в центральных губерниях, был процент кулаков и середняков, но выделялись те же социальные группы. Неодинаковой была степень расслоения крестьянства в различных районах Сибири. В Западной Сибири она была выше, чем в Восточной. В эпоху империализма примерное соотношение групп крестьянства колебалось в таких пределах: бедняцкие хозяйства — 40—50%, середняцкие — 35—40 и кулацкие — 15—20%. На Дальнем Востоке среди зажиточных крестьян («стодесятинников») сложился более многочисленный слой крупнокулацких хозяйств. Кулацкая группа хозяйств здесь составляла 22%.⁴⁶ Особенно значительной она была в Амурской области. Точно так же относительно более зажиточным было казачество Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Но и среди дальневосточного крестьянства, и среди казачества выделялась прослойка бедняков.

Разложение крестьянства было связано с ростом применения сельскохозяйственных машин и наемной рабочей силы. В начале 90-х годов в Сибири появились первые склады сельскохозяйственных машин. Согласно официальным данным, за 15 предвоенных лет здесь было продано различных сельскохозяйственных машин и орудий более чем на 150 млн руб., в том числе складами Переселенческого управления — на 53,5 млн руб.⁴⁷ Из всего ввозимого количества машин около 80% приходилось на Западную Сибирь.

Об уровне применения машин можно судить по данным всеобщей регистрации машин и орудий в 1910 г. Табл. 4 показывает, сколько хозяйств приходилось на одну машину в различных районах страны.⁴⁸

⁴⁶ А. И. Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962, стр. 25.

⁴⁷ Азиатская Россия, т. 2. СПб., 1914, стр. 407—408.

⁴⁸ П. И. Малахнов. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1952, стр. 433; «Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской обл. (Труды Амурской экспедиции)», вып. II, т. I. ч. I, СПб., 1912, стр. 1062, 1087.

Сельское хозяйство Сибири было лучше обеспечено по сравнению с Европейской Россией жатками, молотилками и сенокосилками, но хуже — сеялками и веялками. Из всех губений и областей более высоким уровнем применения машин отличались Енисейская и Амурская. Почти по всем показателям они превосходили Европейскую Россию, за исключением южных, капиталистически развитых, районов страны.

ТАБЛИЦА 4

Название машин	Европейск. Россия (50 губ и обл.)	Сибирь в целом	Тоболь- ская губ.	Томская губ.	Енисей- ская губ.	Иркут- ская губ.	Забай- кальская обл.	Амурская обл.
Сеялки	67	362	721	589	202	839	7868	16
Жатвенные машины	25	19	15	24	5	70	51	4
Молотилки	32	24	20	26	5	25	103	13
Веялки	8	12	9	20	2	10	21	4
Сенокосилки	183	24	14	32	7	58	32	12

Потребность сельского хозяйства Сибири в машинах удовлетворялась далеко не полностью. Даже плуг имела только половина крестьянских дворов. Остальные пользовались сохами, косулями и сабанами. Преимущества машинной обработки земли использовали главным образом кулаки, так как машины продавались по высоким ценам.⁴⁹

С применением машин усиливалась эксплуатация наемного труда. Рынок наемной рабочей силы в деревне создавался прежде всего за счет широкого потока переселенцев, экспроприированных еще в Европейской России и долгое время лишенных возможности наладить свое хозяйство на новом месте.

Кадры наемных рабочих в деревне пополняли крестьяне-старожилы, разорившиеся в результате долговой зависимости от кулаков-мироедов и лавочников, налогов и недоимок. Одним из источников пополнения наемной рабочей силы, составлявших своеобразие Сибири, были ссыльнопоселенцы. Например, из 46 457 семейств ссыльнопоселенцев Тобольской губернии в 1903 г. только 3872 вели самостоятельное хозяйство, остальные уходили на заработки, нанимались к кулакам, бродяжничали и нищенствовали.⁵⁰

Основными нанимателями являлись зажиточные старожилы. В отдельных губерниях и областях соотношение между формами найма было различным, но преобладали сроковые рабочие (найм от одного месяца до одного года) и поденная форма. В. И. Ленин подчеркивал, что в вопросе о развитии капитализма степень распространения наемного труда имеет «едва ли не наибольшее значение».⁵¹

В начале XX в. усилилась мобилизация земель. Возросла их аренда, особенно земель казны, Кабинета, казачьих войсковых, а также крестьянских. В Томской губернии накануне первой мировой войны арендованные земли составляли 13% всех посевных площадей, в Амурской области (в 1910 г.) — около 20%.⁵²

Большую часть земель арендовали зажиточные крестьяне. Например, в Томской губернии кулацкие хозяйства, имевшие в среднем на двор

⁴⁹ Например, дисковая сеялка стоила 230 руб., сенокосилка — более 150 руб., жатка-самосброска — 200 и более рублей, сноповязалка — 400 руб. и т. д.

⁵⁰ ГАТОН, ф. 3, д. 279, лл. 14—15.

⁵¹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 581.

⁵² Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927, стр. 193, 204—206; «Труды Амурской экспедиции», вып. II, т. I, ч. I, СПб., 1913, стр. 1062, 1073 и 1077.

15 десятин посева, 5—6 рабочих лошадей и 5—6 коров, сосредоточили в своих руках 62% арендованной земли. Арендные цены в Сибири были в 5—10 раз ниже, чем в Европейской России.

Капиталистические отношения развивались на основе сравнительно быстрого роста посевных площадей и поголовья скота. Посевные площади Сибири, включая дальневосточные районы, увеличились с 4,8 млн десятин в 1901—1905 гг. до 7,6 млн в 1911—1915 гг.⁵³ Валовые сборы хлебов возросли со 174 млн пуд. в 1901—1905 гг. до 287 млн в 1911—1915 гг.⁵⁴ Эти темпы роста были выше, чем в Европейской России. В 1913—1914 гг. на 100 душ населения приходилось посева: в Европейской России — 55 десятин, в Сибири — 74 десятины. Валовые сборы продовольственных культур и овса в расчете на душу населения составляли соответственно 28—29 и 39 пуд.⁵⁵

Наряду с применением машин в Сибири зарождалась агрономия, обслуживавшая преимущественно зажиточные и кулацкие хозяйства. В 1894—1896 гг. в Акмолинской области, Тобольской, Томской и Иркутской (а позднее в Енисейской) губерниях появились правительственные агрономы, позднее возникли переселенческая агрономическая организация, кооперативная агрономия и сельскохозяйственные общества. Сибирское казачье войско, забайкальские и амурские казаки, крупные предприниматели имели своих агрономов. Агрономическая деятельность выражалась в устройстве зерноочистительных пунктов, организации опытных полей и участков, в подготовке на краткосрочных курсах и в школах специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства, в демонстрации улучшенных орудий и машин, проведении бесед и чтений на сельскохозяйственные темы.

Одним из пионеров агрономии в Сибири был видный представитель отечественной агрономической мысли и большой энтузиаст своего дела Н. А. Скалзубов. Он поднял вопрос о борьбе с вредителями полей, выступил организатором сельскохозяйственной выставки в г. Кургане (в 1895 г.), занимался улучшением местных пород скота и выведением новых сортов пшеницы. Но в условиях самодержавия практическая деятельность агрономов скомковывалась отсутствием средств, не говоря уже о малочисленности самих агрономов.

В начале XX в. в полеводстве Сибири (и прежде всего в залежной системе) стали наблюдаться кризисные явления. С увеличением перенаселения уменьшилось количество земель, легко доступных для заселения. Ввиду недостатка средств основная масса крестьян не могла освоить новые, более плодородные, земли или поднять плодородие старых участков. Все чаще распахивались одни и те же участки, срок пребывания их в залежи сократился с 10—15 до 3—4 лет. За такой короткий срок плодородие почвы не успевало восстановиться, и она постепенно истощалась. В этом заключалась одна из причин того, что урожайность в Сибири была такой же низкой, как и в Европейской России. В табл. 5 приводятся данные об урожайности (в пудах) с десятины в Сибири и в Европейской России.⁵⁶

⁵³ Подсчитано по материалам «Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» (год первый, СПб., 1907, стр. 32—35; год шестой, СПб., 1913, стр. 47—49, 51—53; год десятый, Пгр., 1917, стр. 49, 51, 53, 55).

⁵⁴ В. Ф. Борзунов. Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900—1914). Сб. «Особенности аграрного строя России в период империализма», М., 1962, стр. 167.

⁵⁵ «Сборник статистико-экономических сведений...», год десятый, стр. 2, 35, 49, 51, 53, 55.

⁵⁶ Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923, стр. 157—158.

ТАБЛИЦА 5

Название культур	Сибирь			Европейская Россия		
	1901— 1905 гг.	1906— 1910 гг.	1911— 1915 гг.	1901— 1905 гг.	1906— 1910 гг.	1911— 1915 гг.
Пшеница яровая	45	50	50	45	44	50
Рожь озимая	—	48	54	53	47	59
Овес	47	56	56	49	51	55
Ячмень	53	53	54	51	51	56
Гречиха	37	29	30	28	31	37

Качество обработки почвы и степень интенсивности полеводства были неодинаковы в хозяйствах различных категорий. Кулаки и сельские предприниматели, располагавшие денежными средствами, необходимыми машинами и скотом, имели больше возможностей для введения различных агротехнических новшеств, и, естественно, урожайность у них была выше, чем у бедняков или середняков. Так, например, в Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области урожайность в 1913 г. в более зажиточных хозяйствах казаков была примерно в полтора, а в хозяйствах частных владельцев и арендаторов в два раза выше по сравнению с основной массой крестьянских дворов.⁵⁷ На Дальнем Востоке урожайность в среднем с десятины составляла: пшеницы — 63—67 пуд., овса — 62—86, ячменя — 63—69, гречихи — 48—56 пуд.⁵⁸ Сибирь отличалась резкими колебаниями урожаев и чистого сбора хлебов в расчете на душу населения. Но в целом чистый сбор хлебов здесь был примерно таким же или несколько выше, чем в Европейской России. За 12 лет (1896—1907 гг.) чистый остаток хлеба в расчете на душу населения был равен в Сибири 23.1 пуд., а по губерниям и областям Европейской России — 22.7 пуд.⁵⁹

В начале XX в. довольно четко определилась торговая специализация Сибири на производстве зерна, масла и мяса. Торговая направленность увеличения посевных площадей выражалась в изменении структуры посевов и росте наиболее товарных в Сибири культур — пшеницы и овса. Удельный вес пшеницы в посевах Сибири возрос с 36.5% в 1901—1906 гг. до 45.3% в 1911—1915 гг., овса — с 26.3 до 29.5% и ячменя — с 3.2 до 3.6%.

Удельный вес остальных культур снизился. Накануне первой мировой войны товарность хлеба в Сибири равнялась 25—35%.⁶⁰ Товарный хлеб покупали переселенцы и сельская беднота, коренные жители Сибири, городское, приисковое и заводское население. Хлеб закупался также интендантством, шел на винокурение и пивоварение. Наконец, значительная часть хлеба вывозилась за пределы Сибири.

В 1897 г. в западном направлении по железной дороге было вывезено 13 700 000 пуд. хлеба, а в 1906 г. — 39 100 000 пуд. Три четверти всего экспортируемого хлеба давала Западная Сибирь.

В процессе капиталистического развития сложились крупные центры торговли хлебом — Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Омск, Петропав-

⁵⁷ Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г. СПб., 1914, стр. 28.

⁵⁸ Азиатская Россия, т. 1. СПб., 1914, стр. 522.

⁵⁹ В. Ф. Борзун. Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в., стр. 167—168.

⁶⁰ Л. М. Горюшкин. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX—начало XX). Новосибирск, 1967, стр. 147; В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, стр. 338—339.

ловск, ст. Коченево, Красноярск, Минусинск, Иркутск, Благовещенск. Товарное производство хлеба в Сибири тормозилось плохой организацией его сбыта и тарифной политикой самодержавия.

Из других отраслей полеводства следует отметить торговое льноводство, наиболее развитое в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях и в Приморской области.

Произошли изменения и в развитии скотоводства, которое также становилось более товарным. Поголовье скота в Сибири (без Акмолинской области), включая дальневосточные районы, увеличилось с 16.1 млн голов в 1898—1900 гг. до 18.1 млн в 1910—1912 гг.⁶¹ В 1910 г. насчитывалось 4697.2 тыс. лошадей, 5970.8 тыс. голов крупного рогатого скота, 5812 тыс. овец и коз и 1368.7 тыс. свиней. Кроме того, в районах распространения оленеводства имелось примерно 1100 тыс. оленей.⁶² Быстрее росло поголовье крупного рогатого скота, а также свиней, что отражало специализацию Сибири на производстве масла и мяса.

Мало изменив приемы разведения скота, капитализм коренным образом изменил экономическую природу скотоводства, придав ей торгово-капиталистический характер. Уже в конце XIX в. в Сибири производилось домашним способом до 500 тыс. пудов масла в год. У крестьян его скупали перекупщики и отправляли на Нижегородскую ярмарку и даже за границу. Со строительством Сибирской железной дороги и выходом сельскохозяйственной продукции на общероссийский и мировой рынки начинается переход от мелкотоварного производства к капиталистическому.

Коренной поворот в развитии маслоделия начался с 1894 г., когда купец Вальков открыл в Курганском округе первый завод для производства экспортного масла. В январе 1896 г. 6 крестьянских дворов в дер. Морево Ялуторовского округа Тобольской губернии организовали первую в Сибири маслодельную артель. За короткое время возникла довольно густая сеть маслоделательных заводов. В 1895 г. в Сибири действовало всего 15 заводов, а в 1905 г. их было уже 1181, в том числе 359 артельных.⁶³ В течение 10—15 лет здесь сложился один из наиболее крупных в России районов маслоделия.

В 1901 г. на первом съезде маслоделов в г. Кургане была создана «Организация содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири». Председателем этой организации был утвержден курганский купец — предприниматель А. Н. Балакшин. Организация составляла проекты и сметы затрат на строительство типовых заводов, через нее шло снабжение необходимым инвентарем, она помогала открывать заводы и сбывать продукцию. За время ее деятельности было открыто более 270 артелей, объединивших 52 500 крестьянских хозяйств. В районах маслоделия заводы охватывали своим влиянием 75—80% всех крестьянских хозяйств. Главными поставщиками молока являлись кулаки и зажиточные крестьяне. Более 80% вывозимого масла шло за границу, остальное сбывалось в Европейской России и Сибири. Вывоз масла быстро возрастал. В 1895 г. было вывезено за границу 5 тыс. пуд. сибирского масла, а в 1905 г. — 2039.1 тыс. пуд.⁶⁴ Крупных маслоделательных заводов было сравнительно немного. Большинство маслозаводов — мелкие полукустарные предприятия с 2—3 рабочими и ручной двигательной силой (такие маслодельни составляли около 80%).

⁶¹ В. Ф. Борзунов. Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в., стр. 170.

⁶² «Сборник статистико-экономических сведений...», год шестой, стр. 237; Азиатская Россия, т. 2, стр. 327.

⁶³ «Вестник мелкого кредита», СПб., 1912, № 30, стр. 936.

⁶⁴ Азиатская Россия, т. 2, стр. 332.

После строительства железной дороги увеличилось число крупных капиталистов-скотопромышленников. Скупая весной отощавший крестьянский скот, они после летнего откорма продавали его в живом виде или забивали на мясо. Ежегодно в степных районах Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Забайкальской областей скупалось до 560 тыс. голов скота, из них 160 тыс. голов крупного рогатого скота и 120 тыс. овец забивались на бойнях Омска, Петропавловска, Кургана и Челябинска, а затем отправлялись в виде мороженого мяса; 100 тыс. голов рогатого скота и 80 тыс. овец прогоняли до Екатеринбурга, Оренбурга и Перми, около 100 тыс. голов вывозили по железной дороге в Европейскую Россию и на Дальний Восток.⁶⁵

В начале XX в. Сибирь оставалась одним из самых крупных в мире районов пушного промысла. Как показала всемирная выставка в Вене, проходившая в 1910 г., из 126 млн руб. стоимости мировой пушной добычи 55 млн (или 43.6%) приходилось на Сибирь.

Большое место в занятиях населения Сибири занимало рыболовство. По неполным данным за 1910 г., общий улов рыбы достигал около 10 млн пуд. Товарная продукция составляла примерно 80%.⁶⁶

Разложение крестьянства и рост промышленного населения за счет земледельческого, общественное разделение труда и развитие товарного производства способствовали росту рыночных связей.

Сибирь специализировалась на производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен на них промышленные товары из центра страны. Наряду с этим после сооружения железной дороги установились тесные экономические связи сельского хозяйства Сибири с мировым рынком. Сибирское масло фактически завоевало общеевропейский рынок, а большая часть машин поступала в Сибирь из капиталистических стран Западной Европы и США.

Дальнейший рост буржуазных отношений происходил в сфере товарно-денежного обращения, что выразилось в усиливавшемся подчинении купеческого и ростовщического капитала интересам капиталистического производства. В условиях регулярного железнодорожного движения товары можно было закупать мелкими партиями. Это расширило круг торговцев. Часть купеческих капиталов направлялась теперь в мукомольное и маслоделательное производство, в организацию вывоза не только пушнины, но и сельскохозяйственных продуктов. Торгово-капиталистические фирмы учредили в городах Сибири и Дальнего Востока постоянные торговые конторы, которые посылали своих агентов в периферийные районы для сбыта товаров и закупки сырья. Торговля машинами была перенесена из города в сельскую местность; торговые агенты искали покупателей в деревне и даже развозили машины по домам. При этом широко использовались реклама, демонстрация машин и торговля по образцам.

В конце XIX в. с появлением в сибирской деревне крестьянских учреждений мелкого кредита началось постепенное вытеснение ростовщического капитала из сферы кредитно-денежных отношений. Сельские учреждения кредита были представлены кредитными товариществами с основным капиталом, взятым в долг в Госбанке или в Управлении по делам мелкого кредита, ссудосберегательными товариществами, основной капитал которых складывался из паевых взносов участников, и общественными банками и кассами, создаваемыми за счет отчислений из мирских

⁶⁵ А. Дорощев. Количество производимых Сибирью сырых животных продуктов и возможный сбыт их через восточную границу. «Сибирский агроном», Омск, 1919, № 1, стр. 23—24.

⁶⁶ Азиатская Россия, т. 2, стр. 346, 355, 357.

сумм. На 1 октября 1913 г. в Сибири действовали 998 кредитных и ссудосберегательных товариществ. В Западной Сибири ими было охвачено 40—50% крестьянских хозяйств, в Восточной Сибири процент охвата был таким же, в Амурской и Приморской областях — 15—20%. Оборотный капитал этих товариществ составлял 24 835 900 руб.⁶⁷

Кроме того, в Сибири действовало более 200 сельских банков и общественных касс с общим капиталом в 4 млн руб. Кредитные учреждения охватывали своим влиянием около половины всех крестьянских хозяйств. Их особенность по сравнению с Европейской Россией заключалась в преобладании кооперативных товариществ и незначительной доли крестьянских вкладов (23%). Главными были государственные кредиты. Учреждения кредита давали ссуды зажиточным крестьянам и кулакам главным образом на производственные нужды — приобретение скота и машин, наем рабочей силы. Тем самым они ускорили капиталистическое развитие деревни.

Господствовавшие в деревне капиталистические отношения вырастали на базе широко развитого мелкотоварного производства и тесно переплетались с остатками патриархальщины и феодальными пережитками. Большинство дворов составляли зависимые от капитала простые товарные и полунатуральные хозяйства средних и мелких крестьян. Районы с капиталистическим сельскохозяйственным производством тянулись непрерывной полосой вдоль Сибирской железной дороги (на 100—200 верст по обеим ее сторонам), отклоняясь на Алтай и включая берега крупных судоходных рек. На остальной территории и в начале XX в. сохранились сильные остатки патриархальщины. Преимущественно это были глубоководные и малоосвоенные места. Материалы обследования 1911—1912 гг. показывают, что примерно две трети всех доходов и расходов крестьянских хозяйств таежных районов Сибири, удаленных от железной дороги, оставались натуральными.⁶⁸

Количественное преобладание мелкотоварных хозяйств и пережитки патриархальщины в условиях отдаленности и малой освоенности края создавали благоприятные условия для деятельности различного рода скупщиков и ростовщиков. В районах с развитыми капиталистическими отношениями торгово-ростовщический капитал действовал по преимуществу как подчиненный производительному капиталу (торговые лавки при маслозаводах, ростовщическая деятельность кулаков и сельских предпринимателей — владельцев больших посевов, скота, машин и наемной рабочей силы). Но в малоосвоенных районах, где крестьяне были слабо связаны с рынком и ощущали недостаток денежных средств, торгово-ростовщический капитал сохранил господствующее положение и выступал самостоятельно. В 1913 г. примерно одна треть всех крестьянских хозяйств Западной Сибири продавала продукцию заезжим скупщикам.⁶⁹ Используя трудности сбыта, скупщики устанавливали цены в два раза ниже средних, обманывали и обчитывали крестьян. Повсеместным явлением в Сибири были продовольственные ссуды кулаков. Например, в Зырянской волости Мариинского уезда и Ново-Кусковской волости Томского уезда, как это видно из материалов обследования 1912 г., взятый в долг или купленный хлеб составлял 53% от собственного сбора крестьян.⁷⁰ Бедняки

⁶⁷ Там же, стр. 452—453, 455—460, 463—464, 466; «Сборник статистико-экономических сведений...», год десятый, стр. 562—563, 568—569.

⁶⁸ «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири», вып. 1, СПб., 1912, стр. 169.

⁶⁹ Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г., стр. 81.

⁷⁰ Район железной дороги Томск—Енисейск в экономическом отношении, СПб., 1913, стр. 85.

брали хлеб по высоким ценам под расписку, заклад имущества или под обязательство «проработать в страду денек, другой».⁷¹

Элементы долговой кабалы встречались в наемном труде и арендных отношениях. Известны случаи, когда в лесостепной полосе Западной Сибири батраки, кроме денежной платы, получали 1—2 десятины посева на земле нанимателя с его семенами и обработкой или 3 десятины, но со своими семенами. Безземельные или малоземельные бедняки, не имевшие денег, отдавали за аренду кулацкой земли часть своего урожая. В Акмолинской области о наличии случаев издольной аренды сообщили 4% всех корреспондентов, в Томской губернии — тоже 4%, в Енисейской — 30% и Иркутской — 17%.⁷² Следовательно, распространение издольщины в целом было незначительным, но она имела место.

В период империализма особенность долговой кулацкой кабалы заключалась в том, что она сочеталась с монополистическим гнетом. Владельцы маслозаводов и сельскохозяйственных машин, сами зависевшие от торгово-капиталистических фирм, в свою очередь держали в кабале массу бедняков и середняков, рассчитываясь за молоко товарами, данными в долг, или сдавая машины в аренду под будущий урожай и отработки. При всех частных маслозаводах и большинстве кооперативных имелись торговые лавки, в которых крестьяне брали товары в долг под молоко. А сельскохозяйственными машинами, взятыми во временное пользование у кулаков, в Томской губернии, например, пользовался каждый четвертый—пятый крестьянский двор.⁷³ Торгово-ростовщическая кабала, представлявшая собой незрелую форму капиталистической эксплуатации, была особенно тяжела для крестьян, ибо обрекала их на разорение, долгое и мучительное.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства тормозилось феодальными пережитками. При незначительном количестве помещичьих хозяйств в Сибири их пережитки не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на состояние сельского хозяйства. Главный тормоз аграрной эволюции Сибири — помещичьи латифундии центра страны. Их губительное влияние на колонизацию и развитие окраин неоднократно подчеркивал В. И. Ленин.⁷⁴ Применительно к Сибири оно ярче всего проявлялось в переселенческой и фискальной политике самодержавия.

В самой Сибири наиболее сильные феодальные пережитки сохранились в районах кабинетского землевладения — на Алтае и в Нерчинском округе Забайкалья. Но и основная часть сельского населения — крестьяне, живущие на государственных землях, не были свободны от остатков феодализма. Землевладение в Сибири регулировалось бюрократически, различные сословия и категории сельского населения — казаки, старожилы, переселенцы имели неодинаковое количество земли. В процессе землеустройства, проводимого в Сибири с 1896 г. крепостническими методами, у крестьянства была отобрана часть земли. У крестьян Томской губернии лишь в 1898—1903 гг. было отрезано 550 тыс. десятин земельной площади.⁷⁵ На «первом вольном крестьянском съезде» в г. Тобольске, проходившем в декабре 1905 г., крестьяне жаловались, что казна забрала у них лес, которым они «из века пользовались».⁷⁶ Исчезновение в начале

⁷¹ ГАТО, ф. 149, оп. I, д. 358, л. 205.

⁷² Л. М. Горюшкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962, стр. 87.

⁷³ Л. М. Горюшкин. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков..., стр. 209—210.

⁷⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 90—91; т. 16, стр. 227—229, 405—406; т. 17, стр. 68, 70, 151.

⁷⁵ А. Кауфман. Земельный вопрос и переселение. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», СПб., 1908, стр. 134.

⁷⁶ «Сибирский листок», 1905, № 99.

XX в. былого земельного простора единодушно отмечалось в литературе и источниках того времени.

В конце XIX в. были изменены повинности крестьян. Местные платежи остались те же, а за основу казенных платежей была принята оброчная подать, введенная вместо подушной и оброчной податей на казенных землях Сибири в январе 1898 г. и на кабинетских — в январе 1899 г. В начале XX в. ее общая сумма составляла около 10 млн руб. в год. Тяжесть оброчной подати усугублялась неравномерностью обложения крестьянских хозяйств и произволом местных властей при ее взимании. Размер подати устанавливался в законодательном порядке в зависимости от доходности десятины наделной земли в среднем по губернии, а внутри сельских обществ подать распределялась, как правило, по числу «наделных» душ или едоков. В итоге платежи не соответствовали доходности облагаемых хозяйств.

Среднегодовой сбор оброчной подати по Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниям возрос с 3652 тыс. руб. в 1899—1901 гг. до 5490 тыс. в 1906—1908 гг., а земские сборы соответственно возросли с 1128 тыс. руб. до 1928 тыс.⁷⁷

Сохранились и такие пережитки феодализма и патриархальщины, как натуральные повинности (дорожная, гоньбовая, квартирная), особенно изнурительные для сибирских крестьян. Хотя они и стали выполняться путем денежных сборов и найма специальных лиц, но далеко не везде и обходились очень дорого. По данным за 1908—1913 гг., годовая стоимость натуральных повинностей в Тобольской губернии превосходила 1 млн руб. и была в 2 раза выше суммы сельских сборов.⁷⁸ В менее освоенной и более отдаленной Иркутской губернии дорожная и подводная повинности, по приблизительным данным департамента окладных сборов Министерства финансов, оценивались в 5 млн руб., что в 5 раз выше суммы сельских сборов. Но в целом пережитки феодализма в сельском хозяйстве Сибири были намного слабее, чем в центре страны. Да и в самой Сибири они были неодинаковыми в различных регионах — по направлению на восток феодальные остатки в аграрном строе чувствовались слабее. По мере развития капиталистических отношений, под влиянием революционной борьбы крестьянства и политики правительства отдельные феодальные пережитки слабели или даже совсем исчезали (отмена круговой поруки в январе 1907 г. и челябинского тарифного перелома в августе 1913 г., передача части кабинетской земли на Алтае в пользование крестьянам за выкуп в течение 49 лет). Но главные из них — помещичье землевладение в центре страны и кабинетское в Сибири, самодержавная власть — сохранились, и это было глубокой предпосылкой первой социальной войны в сибирской деревне.

4. РОСТ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ И ЕГО ХАРАКТЕР

В конце XIX—начале XX в. в связи с развитием капитализма в России, со строительством Сибирской железной дороги в обстановке назревания революционного кризиса в стране Сибирь приобретает значение важнейшего района крестьянской колонизации. Строительство Сибирской магистрали поставило перед правительством задачу освоения прилегающих к ней районов, чтобы экономически оправдать ее сооружение, дать ей достаточное количество грузов и превратить в доходную статью. Комитет

⁷⁷ ГАТОН, ф. 335, оп. 603, д. 53, лл. 62—63.

⁷⁸ Л. М. Горюшкин. О характере повинностей крестьян Западной Сибири в конце XIX—начале XX в. «Известия СО АН СССР», 1963, вып. 2, № 5, стр. 106.

Сибирской железной дороги поставил работы межевых партий в прямую связь со строительством магистрали.

Комитет положительно относился к переселенцам в районах их водворения, но на местах выхода по-прежнему царила система ограничений. Постановлением 15 апреля 1896 г. в качестве временной меры был упрощен порядок переселения крестьян в сибирские губернии, кроме Алтайского округа. Переселенцам предоставили льготный тариф и право отправлять ходоков для выбора мест в Сибири. Это постановление лишь частично упростило порядок оформления документов на переселение, оно было также проникнуто стремлением сдержать его, поставить в рамки, отвечающие интересам крепостников-помещиков. Переселение без санкции правительства не разрешалось. Циркуляром Переселенческого управления от 20 января 1897 г. была введена обязательная посылка ходоков, но с разрешения местной администрации, которой предписывалось склонять крестьян к посылке семейных, а не артельных ходоков. Правительство пыталось регулировать переселенческое движение ограничением выдачи проходных свидетельств.

При заселении полосы вдоль Сибирской железной дороги правительство не затронуло интересов Кабинета. Он сохранил в своих руках все дело переселения в Алтайский округ. Крестьяне могли переселяться на его земли только с разрешения министра двора и не пользовались никакими льготами. Наделение земель и обложение переселенцев податью также оставалось в руках Кабинета.

К концу XIX в. переселенческая политика правительства оставалась ограничительной. В то же время развитие капитализма приводило к расширению миграционных процессов и диктовало необходимость свободы переселений. Крестьяне не хотели мириться с ограничением переселения и уходили в Сибирь без разрешения правительства, увеличивая там число самовольных переселенцев.

Начало XX в. ознаменовалось ростом крестьянских волнений на юге России. В условиях обострения борьбы крестьян против помещиков и назревания революционного кризиса правительство издало 6 июня 1904 г. «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев». Этот закон был рассчитан на выселение «беспокойной» крестьянской бедноты, но в нем правительство не давало полной свободы переселения из боязни оставить помещичьи латифундии без дешевых рабочих рук и кабальных арендаторов. Свободным считалось лишь переселение без всяких правительственных льгот и без содействия в устройстве на новых местах. Переселение, «поощряемое» правительством, совершалось из тех мест, где это признавалось центральной и местной администрацией необходимым по хозяйственным условиям, и в те районы, «заселение коих вызывается видами правительства». Закон 6 июня 1904 г. рассматривал переселение как средство смягчения аграрного кризиса в центре страны и руссификации окраин.

Переселенческое движение было тесно связано с развитием капитализма в земледелии. Основные очаги крестьянского выхода совпадали с районами наибольшего обнищания крестьянства. С 1893 по 1904 г. черноземные губернии дали 77.9% всех переселившихся в Сибирь крестьян, в том числе северный черноземный и средний черноземный районы господства помещичьего землевладения. Нечерноземная полоса дала 22.1% переселенцев.⁷⁹ Безземельные и малоземельные крестьяне в условиях приспособления помещичьих хозяйств к рынку и возрастания цен на землю потеряли возможность увеличить свой надел путем купли и аренды земли. Для этих

⁷⁹ По статистическим данным, приведенным в книге Я. Ф. Ставровского и В. В. Алексеева «Переселение в Сибирь» (СПб., 1906).

крестьян переселение в Сибирь было одной из форм поисков средств существования. Их гнала в Сибирь помещичья кабала, стремление возродить на новом месте мелкое крестьянское хозяйство.

Развитие капитализма на протяжении пореформенного периода постепенно изменяло социальный состав переселенцев в сторону увеличения бедняцких элементов. Эта тенденция усилилась после постройки Сибирской железной дороги. Так, у переселенцев 1894—1899 гг. безземельные составляли 15,3%, а в 1903—1906 гг. — уже 20%. В то же время число переселенцев с наделом до 3 десятин сократилось с 42,7 до 39,5%.⁸⁰

Общий уровень переселенческого движения в 1893—1904 гг. был выше, чем за предшествовавшее после реформы тридцатилетие, но в росте его происходили колебания. С 1895 по 1899 г. в Сибирь прошло 675 670 переселенцев, а с 1900 по 1903 г. — 415 193. Уменьшение количества переселенцев объясняется тем, что подъем крестьянского движения в 1902—1903 гг. вызывал у крестьян Европейской России надежду на захват помещичьих земель революционным путем. В 1904—1905 гг. переселение уменьшилось в связи с русско-японской войной и революцией.

Подъем или спад переселенческого движения на окраины был связан прежде всего с интенсивностью развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, с социальной дифференциацией и экспроприацией крестьянства. Чем быстрее шло развитие капитализма в земледелии, тем быстрее шел отлив части населения в города и переселение на окраины. Но возможности свободной колонизации сдерживались многочисленными крепостническими пережитками. Вот почему В. И. Ленин считал необходимым условием свободной колонизации окраин аграрный переворот в центре Европейской России.

Как уже указывалось, на переселение влияла колонизационная политика царского правительства. Оно стремилось удержать переселение в рамках, ограждающих интересы крепостников-помещиков, направить его из районов наиболее ярко выраженного малоземелья, поставить в зависимость от заготавливаемой в Сибири земли. Со второй половины 90-х годов XIX в. закрепилась практика принудительного возвращения самовольных переселенцев. Но крестьяне, не считаясь с правительственными законами и правилами, расширяли самовольное переселение, достигшее в 1894 г. 78%, в 1895 г. — 24, в 1896 г. — 36, в 1897 г. — 34, в 1898 г. — 44% всего переселенческого движения.⁸¹

Оживление переселения с началом строительства Сибирской железной дороги заставило правительство позаботиться о расширении землеотводных работ и создании колонизационного фонда первоначально в полосе магистрали. Деятельность временных землеустроительных партий свелась по существу к выделению для переселенцев участков из земель старожилов, у которых иногда под видом «излишков» изымались и безвозмездно включались в переселенческие участки лучшие земли. С 1885 по 1903 г. в Западной Сибири было образовано 1545 участков общей площадью в 6 млн десятин, в Восточной Сибири — 683 участка площадью в 2 млн десятин, в дальневосточных областях — 235 участков в 900 тыс. десятин.⁸²

Погоня за увеличением общей площади переселенческого фонда привела к тому, что в Сибири, кроме пригодных для заселения земель, было заготовлено большое количество участков, недоступных для освоения ввиду сильной таежности, заболоченности, отсутствия воды и вследствие бездо-

⁸⁰ Н. П. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, т. 3. Саратов, 1914, стр. 91—92.

⁸¹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900, стр. 162.

⁸² Очерк работ по заготовлению переселенческих участков. 1893—1899. СПб., 1900, стр. 56—60, 176.

рожья. Правительство не справилось с важнейшими задачами сельскохозяйственной колонизации.

В. И. Ленин указывал, что «непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность».⁸³ Широкое использование наличного земельного фонда могло наступить только с уничтожением феодально-крепостнических пережитков в центре России, что привело бы к громадному развитию производительных сил страны.

С открытием Сибирского железнодорожного пути изменилось направление переселенческого движения. Главная масса переселенцев шла уже не на Тюмень и затем по речным и сухопутным путям, а по железнодорожной магистрали. Рост переселения застал правительство врасплох. Организация отправки переселенцев страдала многими недостатками. На Сибирской железной дороге экстренно увеличивалось количество товарных вагонов для перевозки переселенцев. Вагоны отправлялись без всяких приспособлений для перевозки людей. Особенно в бедственном положении оказывались переселенцы, которые пользовались услугами частных паровозчиков. Пароходы ходили нерегулярно, рейсы были длительными. Переселенцев перевозили в товарных баржах, трюмы которых набивали людьми без всякого учета их действительной вместимости. Длительный переезд разорял переселенцев, которые тратили свои последние крохи.

Становление переселенческих хозяйств в Сибири было сопряжено с большими трудностями. Переселенцы, прибывшие в Сибирь с разрешения правительства, поселялись на переселенческих участках, расположенных большими массивами на удаленных от обжитых мест, совершенно новых, неосвоенных землях. В наделах, получаемых переселенцами из расчета 15 десятин удобной земли на мужскую душу, на долю угодий, непосредственно необходимых для крестьянского хозяйства (пашни, сенокосы, выгоны), приходилась сравнительно небольшая часть. Остальная земля находилась под лесом. Многие из поселенных на таких участках переселенцев через несколько лет разорялись, возбуждали многочисленные ходатайства о переводворении или самовольно покидали эти участки. Даже на лучших земельных участках переселенцы испытывали острую нужду в средствах для их обработки.

Другой формой оседания переселенцев было приселение их по приемным договорам в старожильческие деревни. По этому пути шли преимущественно переселенцы-самовольцы, не имевшие прав на получение земли на переселенческих участках. Эта форма давала возможность переселенцам при организации хозяйства опираться на общую обжитость местности, но в то же время втягивала их в кабальные отношения со старожилами. Прием в старожильческие общества, помимо высокой платы, сопровождался всякого рода ограничениями. Помимо платы за приемный приговор, старожилы добивались обязательства переселенцев платить казенные сборы, причитающиеся с сельского общества. Такими условиями могли воспользоваться лишь более состоятельные переселенцы. Неимущие переселенцы оказывались на положении неприписных, проживающих в старожильческих селах в качестве батраков в кулацких хозяйствах или на правах «полетовщиков», заключавших краткосрочную аренду. «Полетовщина» не давала переселенцам никаких определенных прав и гарантий, ставила их в положение зависимости от кулачества и сельских должностных лиц. В любое время «полетки» могли быть прекращены, распаханная земля отобрана, а сами переселенцы выгнаны из села.

⁸³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 229.

Переселения, проводимые методами, типичными для царизма, не могли разрешить аграрного вопроса.

Ярким показателем краха переселенческой политики царизма явилось обратное переселение. Оно вызывалось тяжелыми природными и социально-экономическими условиями водворения, среди которых на первом плане стояли недостаток средств для создания нового хозяйства, отсутствие разрешений на переселение, трудность устройства в Сибири для самовольных переселенцев. По статистическим данным Переселенческого управления, в 1897 г. самовольные переселенцы составляли 69% всех обратных переселенцев. В 1900 г. из Сибири возвратилось 22,2% переселенцев, а в 1901 г. — 33%.⁸⁴ В последующие годы этот процент лишь незначительно понижался. Обратное переселение разоряло крестьян. Большинство из них не могло вернуть свои прежние наделы и пополняло ряды безземельных пролетариев. Вконец разоренные обратные переселенцы усиливали классовую борьбу в районах выхода, вызывали революционные настроения и среди сибирского крестьянства.

Несмотря на отрицательные стороны колонизационной политики царизма, объективно крестьянские переселения имели прогрессивный характер для всей экономики Сибири. Переселенческое движение вызвало крупные сдвиги в развитии производительных сил Сибири и их размещении. Переселения крестьян способствовали росту населения Сибири. С 1897 по 1905 г. оно возросло за счет переселения на 563 тыс. чел.⁸⁵

Приток переселенцев явился одной из важнейших причин экономического оживления Сибири и роста культуры зерновых хлебов. Поднимая целину, они ежегодно увеличивали площадь обрабатываемых земель. Сближаясь с переселенцами, местное население приобретало новые трудовые навыки. Переселенцы способствовали распространению в Сибири русского плуга, молотилок, веялок.

Переселенцы вывозили из Европейской России новые породы скота. В Сибирь был вывезен племенной украинский скот. Скрещивание местных пород скота с породами, вывезенными из европейской части России, приводило к улучшению продуктивности животноводства. Переселенцы содействовали также распространению тонкорунного овцеводства.

Значительную роль переселенцы сыграли в развитии товарного маслоделия. Быстрый рост его в Западной Сибири находился в прямой связи с водворением новоселов. Они создавали новые маслобойни для производства сливочного масла на рынок. Проведение железнодорожного пути и приток переселенцев дали сильный толчок развитию сибирского торгово-экспортного маслоделия. В 1896 г. сибирское масло составляло 8,7% экспорта масла из России, а в начале XX в. — уже 93,8%.⁸⁶ В 1897 г. в Западной Сибири был 51 маслодельный завод, а в 1900 г. — 275 заводов.⁸⁷

Переселение пополняло трудовые ресурсы Сибири, расширяло товарно-денежные связи, способствовало распространению капитализма вширь, разрушению остатков старинной патриархально-натуральной замкнутости. По мере своих сил и средств переселенцы содействовали росту производительных сил на сибирских окраинах России. Более же свободное и эффективное освоение их тормозилось колонизационной политикой царизма и тяжелым положением народа в условиях буржуазно-помещичьего режима.

⁸⁴ Я. Ф. Ставровский и В. В. Алексеев. Переселение в Сибирь, стр. 20—21.

⁸⁵ Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, стр. 469.

⁸⁶ П. М. Головачев. Экономическая география Сибири. М. 1914, стр. 109.

⁸⁷ И. Ф. Степаенко и М. П. Комков. Сибирское маслоделие. Новосибирск, 1928, стр. 29.

Революционное движение в Сибири в конце XIX — начале XX в.

1. РАБОЧЕЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В 1895—1903 гг.

В конце XIX в. одновременно с развитием капитализма в России завершался процесс формирования основных классов капиталистического общества — пролетариата и буржуазии. Новая расстановка классовых сил вела к утверждению нового типа классовой борьбы. Ее основным проявлением стала борьба пролетариата против буржуазии. Наступал новый, пролетарский, этап в русском освободительном движении.

Начало пролетарского этапа в революционном движении относится к середине 90-х годов XIX в., когда была установлена прочная связь социал-демократии с рабочим движением. Выдающуюся роль в слиянии социал-демократического и рабочего движения в единый революционный поток сыграл основанный В. И. Лениным в 1895 г. петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он первым в России стал осуществлять соединение научного социализма с рабочим движением, связывать экономическую борьбу рабочего класса с политической борьбой против царизма. Марксисты поставили задачу — превратить рабочее движение из стихийного в сознательное, освещенное передовой революционной теорией научного социализма.

Рабочее движение в Сибири по своему содержанию, формам и размаху было значительно слабее, чем в европейской части страны. Слабость его заключалась в эпизодическом и локальном характере. Вплоть до 90-х годов XIX в. преобладали разрозненные вспышки протеста против произвола отдельных предпринимателей, прошения и жалобы начальству, бегство с работы, волнения и тому подобные формы выступлений. Стачки — специфически пролетарское средство борьбы — существовали, но не получили еще широкого распространения.

Заметные сдвиги в рабочем движении Сибири произошли в конце XIX в. в связи с железнодорожным строительством, ускорением темпов развития промышленного капитализма, увеличением численности рабочих, формированием более устойчивых кадров пролетариата.

В начале 90-х годов часто происходили волнения и стачки на отдельных приисках Алтайского, Томского, Южно-Енисейского, Витимского и Амурского округов. С середины 90-х годов наметилась повторяемость стачек. Рабочие Николаевского прииска Прибрежно-Байкальского золотопромышленного товарищества в 1894 г. бастовали трижды.¹

Активное участие в движении горнорабочих принимали металлурги. Особенно острый характер носила борьба рабочих Николаевских заводов. В августе 1897 г. вследствие нарушения контракта происходила продолжительная стачка рабочих, прибывших из Пермской губернии. По при-

¹ ГАИО, ф. 25, оп. 20, д. 407, л. 81.

казу иркутского генерал-губернатора все бастующие были удалены с завода этапным порядком. Из-за плохого снабжения и задержки заработной платы назревала новая стачка. Требования рабочих были удовлетворены. Весной 1899 г. в связи с задержкой заработной платы, голодом и массовыми заболеваниями цингой свыше 1500 рабочих прекратили работу, избрали стачечный комитет во главе с Князевым — бывшим рабочим Обуховского завода, сосланным в Сибирь за участие в забастовках. Стачечный комитет предъявил администрации ряд экономических требований. Он осуществлял контроль над распределением продовольствия среди бастующих, вел переговоры с администрацией и местными властями. Положение приняло настолько угрожающий характер, что в мае была создана специальная правительственная комиссия, по настоянию которой на завод были высланы деньги и продукты. Основные требования рабочих были удовлетворены.²

До начала 90-х годов XIX в. рабочее движение в Сибири было представлено почти исключительно горнорабочими. В связи со строительством Сибирской железной дороги в борьбу вступал новый отряд рабочих — строители магистралей. Уже летом 1891 г. происходили волнения и острые конфликты рабочих с подрядчиками на строительстве западного (Челябинск—Омск) и восточного (Владивосток—Графская) участков магистралей.³

В середине 90-х годов XIX в. линия строительства железной дороги стала главным очагом рабочего движения в Сибири. В 1895—1896 гг. стачечное движение на строительстве Сибирской магистрали стало более организованным и активным. Увеличилось число стачек, во время которых выдвигались организаторы и руководители (Я. Синицкий, Д. Яковлев и другие рабочие), в борьбу включались новые отряды строителей магистрали, лесозаготовителей и др. В апреле и мае 1895 г. происходили стачки на строительных участках между Ачинском и Красноярском. Вместе с русскими рабочими участвовали в стачках рабочие татары, башкиры, казахи, работавшие на строительстве железной дороги. Например, на участке у станции Чернореченской работало до 2000 казахов из Семипалатинской области. В 1895—1896 гг. волнения и стачки охватили ряд участков на линии от Красноярска до Байкала.

Многие стачки кончались уступками со стороны подрядчиков и железнодорожной администрации. Результативность стачек сплачивала рабочих, укрепляла веру в силу коллектива, вдохновляла на борьбу против эксплуататоров. Это вызывало серьезную тревогу у местных властей и царского правительства. По указанию Министерства внутренних дел губернские власти неоднократно обсуждали вопрос о борьбе со стачками железнодорожных рабочих. 24 июля 1896 г. на совещании временной комиссии по сооружению Сибирской железной дороги иркутский генерал-губернатор говорил, что вопрос о стачках является «первым и важнейшим вопросом», потому главнейшая задача — вести решительную борьбу «с беспорядками железнодорожных рабочих, принудительно обращая на работы оставших их рабочих даже в случае справедливости их требований».⁴ Совещание обязало местные власти использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для борьбы со стачечным движением строителей магистрали.

В 1897 г. в связи с циркуляром Министерства внутренних дел о борьбе со стачками губернские власти разработали целую систему мероприятий по пресечению забастовочного движения в Сибири. Однако остановить растущее рабочее движение полицейскими репрессиями не удалось.

² Там же, оп. 10, д. 702, л. 5.

³ В. Ф. Борзун. Рабочие Сибирской железнодорожной магистрали. «История СССР», 1959, № 4.

⁴ ГАИО, ф. 37, оп. 1, д. 4397, л. 95.

На рубеже XIX—XX вв. Россия вступила в период империализма. В начале 900-х годов в стране разразился промышленный кризис. Резко ухудшилось положение народных масс. Обострился антагонизм между трудом и капиталом. Возросло недовольство царизмом. Назревала революционная ситуация. Первомайские демонстрации и забастовки в 1900 г., первые баррикадные бои питерских рабочих в мае 1901 г. («Обуховская оборона»), распространение ленинской «Искры» и оформление ленинско-искровского направления в революционном движении, мощная волна экономических и политических забастовок и демонстраций в 1902—1903 гг., массовые волнения крестьян и учащих знаменовали собой приближение революции.

Волна революционного прилива, нараставшая в Европейской России, распространилась и на сибирские окраины. В сибирской ссылке находилось много видных участников революционного движения. Они оказали большое идейно-политическое влияние на рост революционных настроений сибиряков, на рабочее и социал-демократическое движение в Сибири.

В конце 90-х годов в Сибири стали возникать социал-демократические кружки и группы. К началу 900-х годов они уже существовали во всех крупных городах и на многих узловых станциях Сибирской железной дороги. Марксистские кружки и группы распространяли революционную литературу, знакомили население с событиями в стране, руководили просвещением и воспитанием рабочих, организовывали и направляли их борьбу против капиталистов и царского самодержавия.

Под влиянием революционной обстановки в стране, деятельности политических ссыльных и социал-демократических групп в начале XX в. в рабочем движении Сибири наступил перелом. Росло число стачек, изменялся их характер, разнообразились формы борьбы. В рабочее движение включались все новые и новые отряды пролетариата. Росла его солидарность и организованность. Уже в начале мая 1900 г. вспыхнули первые стачки шахтеров. В первомайский праздник прекратили работу углекопы пятой шахты Судженских копей. Их поддержали горняки других шахт и вспомогательные рабочие. Началась общая забастовка. Администрации были предъявлены требования — сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и др.⁵ Трехдневная забастовка закончилась частичной победой рабочих. Это была первая в Сибири первомайская забастовка.

В мае 1900 г. происходили волнения рабочих Красноярских железнодорожных мастерских.⁶ 8 мая на летучих цеховых собраниях было решено потребовать от администрации сокращения рабочего дня до 10 часов в обычные дни, а в предпраздничные — до 8 часов. Не получив удовлетворения предъявленных требований, около 800 рабочих явочным порядком в тот же день провели свое решение в жизнь. Забастовка красноярцев проходила организованно. Из среды рабочих выделились вожаки С. К. Плотников, Г. П. Иванов, И. А. Андросов, Н. И. Цикунов и др.⁷ Они сплотили рабочих и возглавили их борьбу. При полном единодушии забастовка длилась 8 дней. Полиция произвела массовые аресты и увольнения рабочих. Но рабочие держались стойко, и администрации пришлось пойти на уступки.

Забастовка рабочих Красноярских железнодорожных мастерских была одним из первых организованных выступлений железнодорожников в Сибири. Она проходила под руководством социал-демократов и закончилась успешно. Движение за сокращение рабочего дня распространилось по всей Сибирской магистрали. Циркуляр управления дороги о введении в пред-

⁵ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 4, ч. 45, лл. 1—3.

⁶ ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 280, л. 3.

⁷ ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 1010, л. 140.

праздничные дни 10-часового рабочего дня был отменен. Восстановлен прежний порядок работы с 6 часов утра до 2 часов дня.⁸ В дальнейшем попытки железнодорожной администрации нарушить установленный распорядок дня накануне праздников неизменно наталкивались на дружное противодействие рабочих.

В начале XX в. в рабочем движении отчетливо обнаружились новые черты. Стачки стали принимать массовый характер. Росли организованность и одновременность выступлений рабочих, повторяемость и непрерывность стачек. Эти черты ярко отразились в рабочем движении золотопромышленных рабочих уже в 1900—1902 гг. в Алтайском, Ленском и Амурском горных округах. 19 июля 1900 г. забастовали все рабочие Феодосиевского прииска Ленского золотопромышленного товарищества. Они избрали уполномоченных, которые наряду с экономическими требованиями заявили администрации, что, пока с прииска не будут удалены полицейский пристав и штайгер, рабочие не будут работать.⁹ 20 июля объявили забастовку свыше 1000 рабочих Прокопьевского прииска Бодайбинской компании. Они выдвинули руководителей, и стачка приняла организованный характер. Начались волнения и на многих других приисках Ленского округа.

Рабочее движение на Ленских золотых приисках пошло в гору. В первой половине 1901 г. произошло 8 крупных стачек, в которых приняло участие свыше 3 тыс. рабочих.¹⁰ «Весьма отрядным фактом, — отмечала «Искра», — представляется это спокойное и достойное отстаивание своих интересов со стороны самых отверженных слоев русского пролетариата. Напомним, что это уже второй случай организованной стачки рабочих на золотых приисках Восточной Сибири (первый был в 1900 г.).»¹¹

Забастовки ленских горняков проходили под влиянием ссыльных, которые составляли на приисках свыше четверти общего числа рабочих.¹² Среди них были приверженцы различных политических направлений, в том числе социал-демократы. Они вели устную агитацию, устранили связи с редакцией «Искры», получали и распространяли «Листки свободного слова», издававшиеся за границей при активном участии «искровцев».¹³

Весной и летом 1901 г. прокатилась волна забастовок на ряде приисков Балыксинской и Лебедской систем Горного Алтая.¹⁴ Особенно крупные и продолжительные волнения и стачки имели место на приисках Южно-Алтайской золотопромышленной компании в мае—июне 1901 г. На подавление забастовочного движения были направлены крупные наряды полиции, которые провели массовые аресты «агитаторов» и руководителей рабочих. Среди них было немало политических ссыльных.

Рабочее движение продолжало нарастать. В 1901—1902 гг. происходили забастовки рабочих на предприятиях Нерчинска, Канска, Томска, Барнаула. В ноябре 1901 г. бастовало около 1000 рабочих на строительстве Кругобайкальской железной дороги. В следующем году прошла волна стачек в железнодорожных мастерских и депо по линии Сибирской железной дороги (на станциях Иннокентьевской, Иланской, в Канске и др.).

Происходили первые политические выступления рабочих, связанные с празднованием 1 Мая — дня международной солидарности революцион-

⁸ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 4, ч. 46, л. 1.

⁹ ГАИО, ф. 35, оп. 1, д. 907, лл. 1—7.

¹⁰ В. И. Дулов. Забастовочное движение на Лене в начале 1900-х годов. Иркутск, 1961, стр. 37.

¹¹ Сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую „Искру“», Иркутск, 1939, стр. 14.

¹² ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 1618, л. 150.

¹³ Там же, ф. 245, оп. 1, д. 1315, л. 37.

¹⁴ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 54, лл. 25—31; ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 4, ч. 45, лл. 1—5.

ных сил. Начало маевки в Сибири положили в 1899 г. В. И. Ленин со своими родными и товарищами в с. Шушенском и одновременно томские рабочие и студенты. С конца 1901 г. широкое распространение в Сибири получили «Искра» и ленинские работы. В марте—апреле 1902 г. социал-демократические группы отпечатали и распространили большое количество прокламаций «К рабочим и работницам Сибири», «1 Мая» и др. Откликаясь на призывы этих групп, рабочие сибирских городов отмечали первый майский праздник сходками и забастовками.

Во время антиправительственной демонстрации в любимом месте отдыха красноярцев — в «Столбах» (июнь 1902 г.) на высокой скале были укреплены флаги с надписями: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!». Собравшиеся пели революционные песни. Вмешательство полиции вызвало дружный отпор рабочих.

Прокламации, собрания, митинги и маевки служили могучим средством классового воспитания и революционной мобилизации масс. Они способствовали усилению политической борьбы, переходу от эпизодических выступлений к массовому рабочему движению под руководством социал-демократии. С 1902 г. празднование Первого мая стало революционной традицией железнодорожников, шахтеров, печатников, металлистов и других отрядов сибирского пролетариата. «Волна рабочего движения, — писала «Искра», — перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири».¹⁵

Важным событием в истории рабочего движения была «билетная забастовка», происходившая в ноябре—декабре 1902 г. Поводом к ней послужил приказ начальника Сибирской железной дороги об ограничении прав железнодорожников в пользовании бесплатными проездными билетами. Это вызвало возмущение рабочих.

1 ноября 1902 г. забастовали рабочие Красноярских железнодорожных мастерских и депо. Их активно поддержали рабочие всех крупных мастерских и депо по линии Сибирской железной дороги. В Омске, Красноярске, Иркутске и на других узловых станциях были созданы стачечные комитеты. «Сибирский социал-демократический союз» и его местные комитеты отпечатали и распространили по линии железной дороги воззвания, в которых призывали рабочих к солидарности. Красноярский комитет РСДРП публиковал бюллетени о ходе стачки, Иркутский комитет — прокламации о «билетной забастовке». Забастовка приняла затяжной характер. Она охватила почти всю Сибирскую магистраль. По распоряжению министра путей сообщения приказ об ограничении прав железнодорожников на проездные билеты был отменен. Это была победа рабочих, показавшая силу пролетарской солидарности.

Подводя итоги выступлениям рабочих Сибири за 1902 г., ленинская «Искра» писала: «С проведением железной дороги в Сибири и возникновением социал-демократических комитетов рабочее движение здесь растет и крепнет и из стихийного начинает уже превращаться в более организованное и сознательное».¹⁶ Газета указывала местным социал-демократам на необходимость всесторонней политической агитации для внедрения в сознание рабочих идеи революционного свержения самодержавия. «Только в таком случае всякая стачка, всякий протест, всякая вспышка возмущения послужит могучим средством для революционного воспитания», — писала «Искра» 15 декабря 1902 г. «Искра» стала любимой газетой сибирских рабочих. Она оказала большое влияние на развитие рабочего и социал-демократического движения.

¹⁵ «Искра», 1902, № 30.

¹⁶ Там же.

1903 г. ознаменовался новыми проявлениями рабочего движения. В этом году происходили забастовки на постройке Кругобайкальской железной дороги. Организованно прошла в феврале забастовка 2500 рабочих Читинских железнодорожных мастерских. Забастовкой руководил Читинский комитет РСДРП. Рабочие добились удовлетворения своих требований.

Крупная по местным масштабам забастовка состоялась в апреле 1903 г. в депо станции Иннокентьевской (Иркутск-II). Требования рабочих были напечатаны в виде листовки Иркутского комитета РСДРП и распространены на соседних станциях. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, возвращения всех штрафных денег, удержанных с рабочих со времени открытия депо, улучшения медицинского обслуживания и т. п. Листовка заканчивалась лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!». Забастовка проходила дружно. Увещевания администрации не действовали. Власти прибегли к военной силе. Были произведены массовые аресты. По почину социал-демократов рабочие от Листвянки до Красноярска организовали сбор пожертвований в помощь заключенным участникам забастовки.

День международной солидарности пролетарских сил — Первое мая — был достойно отмечен в 1903 г. сходками, забастовками, демонстрациями в Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, выпуском и распространением первомайских прокламаций «Сибирского союза» и комитетов РСДРП.

Когда в конце 90-х годов XIX в. в некоторых сибирских городах стали возникать марксистские кружки, старая сибирская интеллигенция и политические ссыльные народники скептически отнеслись к этому. «Нашли тоже где заниматься социал-демократической пропагандой, да у нас тут в Сибири и рабочих-то нет».¹⁷ Жизнь опровергла такие рассуждения. Забастовки рабочих, политические демонстрации, устная и печатная пропаганда показали возросшую роль рабочего класса в освободительной борьбе. В связи с этим изменилось отношение передовой сибирской интеллигенции к рабочему движению.

В Сибири происходили совместные выступления рабочих и студентов. В этом отношении характерны политические демонстрации 1903 г. в Томске. Выступление студентов 18 февраля началось с протеста против шпиона-доносчика, проникшего в студенческую среду. Возбужденная группа студентов с пением революционных песен направилась к университету и Технологическому институту. К ним присоединились другие студенты. Собралось до 200 человек. Над толпой взвился красный флаг. Демонстранты пели революционные песни — «Марсельезу», «Дубинушку», «Сбейте оковы, дайте мне волю».

Против демонстрантов были направлены жандармы, пешие и конные городовые. Началось избивание демонстрантов. Они горячо и упорно сопротивлялись, но были рассеяны. Арестованных участников демонстрации намеревались отправить в тюрьму, но к этому времени выступления студентов привлекли внимание рабочих, служащих, учащихся средних школ. Все они выражали свою солидарность со студентами. «Тысячная толпа, стоявшая перед полицией и увеличивающаяся с часу на час, заставила ожидать новой демонстрации».¹⁸ Подвергнутых аресту пришлось отпустить. Корреспондент «Искры» сообщал, что «настроение среди всех более или менее сознательных слоев общества напряженное». На избивание демонстрантов студенты и рабочие ответили новыми выступлениями. 20 февраля 1903 г. после многотолпной сходки в Томском университете

¹⁷ Сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую „Искру“», изд. 2-е, Иркутск, 1951, стр. 92.

¹⁸ Там же, стр. 58.

началась демонстрация. Из университета студенты направились к Технологическому институту, к ним присоединились технологи. Ряды демонстрантов пополнялись. «Толпа выросла до грандиозных размеров, — писал корреспондент «Искры», — сегодня явилась масса рабочих, типографщиков и прочей сочувствующей публики».

Около магазина Гадалова на Почтамтской улице демонстрантам загородили дорогу солдаты и полиция. Они пытались оцепить студентов, но это им не удалось. Когда же солдат отпустили в казармы, студенты «сказали несколько речей публике и разошлись».¹⁹

В целом томская демонстрация прошла успешно. Она имела важное политико-воспитательное значение. Об этой демонстрации подробно писала ленинская «Искра».²⁰

Крупная демонстрация состоялась в Томске 18 апреля (1 мая) 1903 г. За 3 дня до Первомайского праздника в Томске было распространено до 10 тыс. экземпляров прокламаций Томского комитета и «Сибирского союза РСДРП», призывавших отметить Первомайский праздник забастовками и демонстрациями.

18 апреля (1 мая) забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерских, несколько мелких ремесленных заведений и рабочие на одной каменной стройке.

Около 3 часов дня из толпы гулявших по Почтамтской улице вышла группа человек в 30, запела революционные песни и подняла красный флаг с надписью «Долой самодержавие!». На демонстрантов бросилась полиция, завязалась схватка, 3 рабочих были арестованы. Знамя удалось спасти. Новые попытки арестов отбила толпа.

Открытая массовая демонстрация началась в 8-м часу вечера. Демонстранты выстроились, развернули красное знамя и с песнями отправились добиваться освобождения арестованных. Количество демонстрантов достигло 5000 человек. Произносились речи. Каратели, солдаты и полиция сначала было взяли верх, но под градом обрушившихся на них камней отступили.

Ход томской демонстрации подробно освещался в ленинской «Искре» и получил широкую известность за пределами Томска.²¹ «Сибирский союз РСДРП» придавал ей большое значение. «Томские рабочие 18 апреля, — отмечалось в одной из прокламаций, — показали всей России, что и Сибирь вступила в великую освободительную борьбу».²²

Рабочие рассматривали студентов как своих союзников. Во время демонстрации они пели «Дубинушку» с куплетами своего собственного сочинения.²³

Сибирские рабочие, интеллигенция выражали свою солидарность со студентами, сосланными в Сибирь. Когда в апреле 1902 г. в Красноярск «прибыл транспорт студентов, для встречи их собралась многотысячная толпа рабочих и интеллигентов и устроила целое триумфальное шествие от вокзала до острога, куда направляли бывших студентов. По дороге были выкинута красные флаги с надписями „Долой самодержавие!“ и пелись революционные песни».²⁴ Сибиряки проявляли всяческое внимание к ссыльным студентам.

В Иркутске в день Первомайского праздника в 1902 г. были выпущены прокламации 3 групп — социал-демократов, социалистов-революционеров и «экономистов крайнего направления».

¹⁹ Там же, стр. 58, 59.

²⁰ Там же, стр. 63.

²¹ Там же, стр. 62—65.

²² Там же, стр. 91.

²³ Там же, стр. 64.

²⁴ Там же, стр. 21.

Социал-демократы выступили в Первомайский праздник совместно с эсерами, но резко осудили прокламацию «экономистов крайнего направления», назвав ее «зубатовщиной чистой воды». Так называемые «экономисты» призывали массу «не верить революционной интеллигенции». Корреспондент «Искры» писал, что подобные выступления оказывают медвежью услугу рабочим и выгодны только царским властям.

В Иркутске в день 1 Мая происходила забастовка рабочих железнодорожного депо. На р. Кае (за городом) состоялась сходка, посвященная Первомайскому празднику. «Как видите, и у нас в Сибири зашевелился рабочий. В добрый час!» — писал корреспондент «Искры» из Иркутска.²⁵

Революционная пропаганда начинала проникать и в армию. Сибирский комитет РСДРП выпускал и распространял прокламации, призывавшие солдат и казаков вместе со всем народом бороться против самодержавия. Читинский комитет РСДРП издал на гектографе «Солдатскую памятку» и «Офицерскую памятку» Л. Н. Толстого. Они распространялись одновременно с воззванием Читинского комитета. Солдаты поняли «Памятку» так, что граф Л. Н. Толстой не велел им убивать рабочих.²⁶ Активным пропагандистом среди солдат в 1902—1903 гг. был вольноопределяющийся И. В. Быков. После ареста Военно-окружной суд приговорил его к ссылке на каторжные работы на 13 лет 6 месяцев. Подвергнутый особо тяжелым условиям тюремного режима, И. В. Быков умер в Иркутской тюрьме 15 августа 1904 г.

Известны факты пропаганды среди крестьян. В 1902 г. при обыске у политических ссыльных и учителей в с. Малышевке (Иркутская губерния) была найдена рукопись под заглавием «Проект революционной работы в деревне, составленный редакцией „Искры“ и „Зари“». В соответствии с ним и велась пропаганда среди крестьян. «Конечно, было бы неразумно преувеличивать размах пропаганды и агитации в деревне и тем более степень организованного влияния местных партийных организаций на крестьянство и казачество Забайкалья. Силы партийной организации были весьма ограничены, распылять их было нельзя, они нужны были в первую очередь для организации рабочих».²⁷ Проводниками пропаганды являлись политические ссыльные, учителя, рабочие, по разным причинам попадавшие в деревню. Одновременно с социал-демократами пропаганду среди крестьян вели социалисты-революционеры (эсеры).

Среди политических ссыльных и сибирской интеллигенции появляются сторонники партии социалистов-революционеров, возникшей из народнических кружков, групп, союзов в 1902 г. Мелкобуржуазная по своей сущности, эта партия представляла левое крыло буржуазной демократии, выступавшее против помещиков и самодержавия. У партии социалистов-революционеров не было четкой политической линии. Она, по характеристике В. И. Ленина, колебалась «между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства».²⁸

Первые попытки «Союза социалистов-революционеров» (еще до организации их партии) вести пропаганду в Сибири относятся к 1900 г. Сибирь была избрана тогда местом для печатания журнала «Революционная Россия». Летом 1900 г. в Сибирь «отправилась компания с громоздким багажом типографских принадлежностей».²⁹ Но попытка устроить не-

²⁵ Там же, стр. 18.

²⁶ Там же, стр. 20.

²⁷ В. И. Дулов. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956, стр. 102—103.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 6.

²⁹ А. Аргунов. Из прошлого партии социалистов-революционеров. «Былое», СПб., 1907. № 10 (22), стр. 109.

легальную типографию потерпела неудачу. Типографский станок не действовал. Вторая попытка устройства в Сибири такой типографии для печатания «Революционной России» относится к осени 1901 г. На этот раз приступили к устройству нелегальной типографии на переселенческом пункте около Томска. К концу августа типография была готова, с сентября должен был начаться выпуск газеты. Но устроителей типографии постигла неудача. 23 сентября 1901 г. жандармы захватили типографский станок и экземпляры напечатанного на нем текста «Революционной России».

В партию социалистов-революционеров вступила часть политических ссыльных народников. Группы эсеров образовались в Томске, Омске, Иркутске и других пунктах. Они собирали средства на издание газеты «Революционная Россия» и нелегальной литературы, вели пропаганду среди интеллигенции, учащейся молодежи. Эта пропаганда, охватившая сначала узкий круг людей, оживилась с прибытием в ссылку активных деятелей партии эсеров.

В тюрьмах и на поселении ссыльные эсеры встретились с социал-демократами — своими идейными противниками. Вспоминая о встрече эсеров с социал-демократами, А. Аргунов писал: «В тюрьме кругом были социал-демократы, смотревшие на нас со снисходительной улыбкой господина положения (мало ли, мол, бывает на свете раритетов)».³⁰

Критикуя теоретические основы, программу и тактику эсеров, проводя свою принципиальную политическую линию, социал-демократы в борьбе против самодержавия в соответствующих условиях вступали с ними в соглашения практического характера. Это соответствовало ленинскому положению, высказанному в его работе «Задачи русских социал-демократов»: «... социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей...».³¹

Освободительное движение охватывало разные слои населения Сибири. В 1903 г. в письме в «Искру» Сибирский комитет РСДРП отметил «огромное оживление среди учащихся средней школы, вызванное, без сомнения, не чем иным, как деятельной революционной работой сибирских социал-демократических комитетов».³² Происходили забастовки учащихся в Иркутском промышленном и Красноярском железнодорожном училищах, волнения в Иркутской и Читинской гимназиях, а раньше в Томской (в 1900 г.) и Иркутской (в 1902 г.) духовных семинариях.

«Искра» выступала в защиту «опальных» исследователей Сибири, группировавшихся вокруг сибирских отделов Географического общества, — А. К. Кузнецова и др. от произвола царских властей. В «Искре» отмечалось, что «добрая половина (если не больше) научного материала о Сибири собрана именно „поднадзорными“, оторванными от „любимого, живого и дорогого им дела борьбы за счастье своей родины“... Достаточно указать на ценные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Бого-раза, Пекарского и других известных и неизвестных тружеников. А ведь это все были „поднадзорные“».³³

Рост рабочего и освободительного движения в Сибири представлял собой одно из проявлений революционного кризиса, назревавшего в России в первые годы XX в. Ведущей силой революционного движения стал рабочий класс.

³⁰ Там же, стр. 112.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 453.

³² Сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую „Искру“», 1951, стр. 6.

³³ Там же, стр. 45.

2. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-МАРКСИСТЫ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

На рубеже XIX и XX столетий в Сибири появилась могучая сила, заключающаяся в «революционном самосознании рабочего класса».³⁴ Семена этого революционного самосознания, социал-демократических идей занесли в рабочее движение Сибири первые русские марксисты, сосланные царским правительством в 90-е годы XIX в. в глухие сибирские места. Они подготовили и воспитали первое поколение сибирских социал-демократов.

Самодержавие, разрабатывая систему карательных мер против своих политических противников, значительное место отводило политической ссылке. В различные периоды в зависимости от степени остроты классовой борьбы в стране формы ссылки в Сибирь менялись. Начиная с 90-х годов XIX в. вплоть до первой русской революции самодержавие основным средством расправы с растущим революционным движением в стране избирает «ссылку административную».

С нескрываемым цинизмом царские чиновники неоднократно подчеркивали, что «административная ссылка» есть не мера наказания, а лишь мера предупредительного порядка.³⁵ На самом деле это была тщательно разработанная сложная система карательных мер, куда входили и «предварительное подследственное заключение» до 2 лет, и «одиночное тюремное содержание» от 2 до 5 лет, и, наконец, сама ссылка от 3 до 10 лет. А ссылку, найдя удобный предлог, всегда можно было продолжить.

Главным местом административной ссылки в Сибири царизм избрал Иркутское генерал-губернаторство (Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область).

Первыми представителями нового революционного направления — революционного марксизма — в сибирской ссылке были члены плехановской группы «Освобождение труда» (Л. Дейч, Г. Гуковский, С. Райнич) и руководители марксистских кружков и групп в России середины 80-х и начала 90-х годов (Н. Андреев, В. Голубев, Э. Абрамович, Л. Беркович, А. Беляков, П. Красилов, Н. Федосеев).

Следующая группа марксистов, сосланная в Сибирь, принадлежала к числу руководителей первых социал-демократических организаций крупных промышленных центров России. Прежде всего это были члены Петербургской социал-демократической организации М. Бруснев и Л. Красин;

Н. Е. Федосеев — один из первых революционных марксистов в России.

³⁴ Сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую „Искру“», Иркутск, 1939, стр. 81.

³⁵ ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 1037, л. 12.

Московской — С. Мицкевич, М. Мандельштам (Лядов), А. Винокуров, Ф. Поляков; Одесской — Г. Циперович, И. Калашников, Ю. Нахамкис (Стеклов), И. Шиф, И. Вельтман.

В разные годы высылались в Сибирь и зачинатели польского рабочего движения — М. Войнич, Ф. Кон, Л. Янович (по делу партии «Пролетариат»), В. Веселовский, К. Ратынский, Ф. Дзержинский (организаторы и руководители социал-демократии Польши и Литвы).

В 1897—1899 гг. в Сибирь была выслана значительная часть организаторов и руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого В. И. Лениным, а также московского, киевского, екатеринославского, одесского и некоторых других «Союзов борьбы», руководителей и активных членов «Рабочих союзов» Москвы, Иваново-Вознесенска, Воронежа, организаторов и участников I съезда РСДРП. Это уже не отдельные представители нового революционного направления, а сотни окрепших в борьбе с самодержавием социал-демократов, передовых рабочих, твердо ставших на позиции революционного марксизма.

Самодержавие разработало утонченную систему мер физического и морального воздействия на здоровье и психику людей, высылаемых в Сибирь. Мучительными были месяцы ожидания окончания следствия и сам процесс движения ссыльных в Сибирь. Обычно ссыльным объявляли о конечном пути следования только в Красноярске или Иркутске. До окончания строительства Сибирской железной дороги ссыльных отправляли в этапных партиях, и «невольные путешествия» часто продолжались 5—10 и более месяцев.

На местах назначения ссыльным создавали самые тяжелые условия жизни. Им запрещалось заниматься педагогической деятельностью, иметь учеников даже для обучения какому-либо ремеслу. Врачебная деятельность и канцелярские занятия допускались в качестве исключения и то лишь при разрешении министра внутренних дел. Ссыльные, как правило, занимались земледелием и различными видами ремесла. Администрация выдавала ссыльным «пособие», но его не хватало даже на хлеб и квартиру. При этом его получали только те, кто «не имел помощи из дома». В Енисейской губернии оно выплачивалось в размере 8 руб. в месяц, в Иркутской — 11 руб. 60 коп., в Якутской — 15 руб., столько же в Туруханском округе и только в Средне-Колымске — 18 руб.³⁶

Тяжелые материальные и бытовые условия приводили к тому, что ссыльные часто голодали, мерзли в лютые сибирские морозы, болели и преждевременно сходили в могилу. Несмотря на тяжелые условия, марксисты не складывали оружия, не мирились со своим бесправным положением. И в ссылке они продолжали вести борьбу с местной администрацией всеми доступными им средствами.

Массовый характер носила борьба в виде отказа от ежедневных росписей в книге надзирателя. Часто ссыльные осуществляли «самовольные отлучки с места причисления», за что им увеличивали срок ссылки.

Одной из активных форм борьбы являлись выступления ссыльных в этапных партиях. Как правило, на этапах царил невероятный произвол конвоя и местных властей. Партии формировались в пересыльных тюрьмах, обычно в Красноярске, Иркутске и Александровской пересыльной тюрьме. Здесь следовавших в ссылку задерживали до 2—3 месяцев, а иногда и до полугода. Ссыльные устраивали коллективные протесты, отказывались следовать далее, пели революционные песни, иногда дело доходило до забастовок, открытых волнений. Так, летом 1898 г. во второй Ленской этапной партии произошли серьезные волнения. В ответ на за-

³⁶ Там же, оп. 3, д. 124; оп. 10, д. 670, л. 38.

прещение встречаться по пути с товарищами ссыльные отказались следовать далее. Конвоиры связали и жестоко избили забастовщиков, а их руководителя М. Лядова подвергли заключению в этапном карцере и возвратили в Александровскую пересыльную тюрьму.

Одной из форм протеста были и побеги ссыльных. В 1890 г. из с. Тунки совершил смелый побег «пролетариатец» М. Войнич. 5 марта 1898 г. из Минусинска бежал С. Райнич. В ноябре 1899 г. из Якутска бежал Ю. Стеклов. Но не всем беглецам сопутствовала удача. Одесские социал-демократы Г. Циперович, И. Калашников, «пролетариатец» Л. Янович и другие ссыльные Средне-Колымска в 1897 и 1898 гг. дважды предпринимали попытки бежать на построенной ими лодке в сторону Ледовитого океана. Но проплыв по Колыме 500 верст и добравшись до Нижне-Колымска, они не рискнули плыть на лодке в открытом море и с огромными трудностями возвратились назад.

Ссыльные марксисты активно участвовали в общественной жизни Сибири. Большинство из них являлось корреспондентами местных газет — «Степного края» (Омск), «Сибирской жизни» (Томск), «Енисея» (Красноярск), «Восточного обозрения» (Иркутск), «Амурского края» (Благовещенск).

Своими корреспонденциями и статьями из всех уголков необъятной Сибири ссыльные разоблачали произвол и тунеядство администрации, хищничество торговцев, пьянство и разврат служителей церкви. За это представители администрации, попы, купцы питали к ним ненависть. Попы предавали ссыльных анафеме, администрация всячески старалась перехватить их корреспонденцию, купцы, кулаки заставляли крестьян, находившихся у них в кабале, отказывать ссыльным в продаже продуктов, в жилище, но трудящиеся видели в их лице своих защитников и, несмотря на угрозы, помогали им, давали ссыльным ценные сведения для корреспонденций в газеты. Многие марксисты именно с сибирских газет и начали «пробу пера» в области публицистики, а также исследования и социальных проблем.

Часто марксистам удавалось использовать сибирские газеты как трибуну для борьбы с народничеством и экономизмом. В 1896 г. в газете «Восточное обозрение» Л. Красин выступил со статьей «Судьбы капитализма в Сибири»,³⁷ в которой подверг критике народническую теорию о якобы некапиталистическом пути развития Сибири. 9 декабря 1898 г. в газете «Енисей»³⁸ М. Сильвину удалось опубликовать рецензию на книгу В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи», вышедшую в свет в октябре 1898 г. Эта рецензия способствовала широкому распространению книги среди прогрессивных слоев сибирского населения.

Из первых марксистов постоянными корреспондентами сибирских газет являлись П. Лепешинский, Ф. Ленгник, М. Сильвин, Г. Кржижановский, Ю. Мартов, В. Катин-Ярцев, Л. Дейч, Г. Циперович, С. Мицкевич, М. Бруснев, М. Лядов, Я. Ляховский, Л. Красин, Л. Скорняков, А. Беляков и др.

Многие ссыльные поддерживали постоянную связь с русскими и заграничными партийными организациями, следили за растущим рабочим движением в России, нелегально получали марксистскую литературу, вели переписку между собой и с выдающимися учеными и писателями России.

Несмотря на строжайший запрет, многие ссыльные занимались педагогической деятельностью. Так, в Олекминском округе обучали детей Л. Беркович и С. Жебунев,³⁹ в Якутском округе — В. Катин-Ярцев и его

³⁷ «Восточное обозрение», 1896, №№ 121—123.

³⁸ «Енисей», 1898, № 145.

³⁹ Воспоминания о Л. Е. Берковиче и Э. А. Абрамовиче Веры Эйдельман. «Каторга и ссылка», М., 1928, № 3 (40), стр. 138.

жена.⁴⁰ Даже в Средне-Колымске, несмотря на все гонения со стороны властей, ссыльные обучали грамоте якутов. В Красноярске в 1899 г. Л. Скорняков давал уроки детям рабочих Красноярских железнодорожных мастерских.⁴¹ В Минусинском округе детей обучали Н. К. Крупская, М. Сильвин, Д. Труховская.

В Сибири остро ощущалась нехватка медицинских работников, и администрация не могла запретить ссыльным врачам оказывать медицинскую помощь населению. В больнице Илимска в 1897—1902 гг. работали доктор А. Винокуров, а фельдшером — его жена П. Винокурова. А. Винокуров организовал бесплатное лечение больных, и слава о нем быстро разнеслась по таежным селам. Доктор Ляховский занимался медицинской практикой среди населения Верхоленска в 1897—1898 гг., а затем Читы. В Енисейском уезде, а затем в Минусинском начинала свою медицинскую практику О. Лепешинская. Здесь же в эти годы акушеркой работала М. Старкова.

Велика была заслуга ссыльных в медицинском обслуживании населения Якутии. В 90-х годах в Якутии было всего лишь 10 врачей, а в Колымском округе — один фельдшер.⁴² В начале 1898 г. ссыльный И. Калашников, видя бедственное положение населения Колымского края, обратился к местным властям с предложением обучиться «фельдшерскому делу при якутской больнице» и использовать приобретенные знания в Средне-Колымске, но получил отказ.⁴³ В 1898 г. сюда прибыл ссыльный врач С. Мицкевич. Вместе с фельдшером Т. Борейша и акушеркой Т. Акимовой (тоже из ссыльных) он организовал больницу в Средне-Колымске, открыл медпункты в Нижне- и Верхне-Колымске. Закончив срок ссылки, С. Мицкевич оставался здесь еще в течение года. В Олекминском округе работал в 1892—1896 гг. ссыльный врач Э. Абрамович. Он часто выезжал в якутские селения, оказывал рабочим золотых приисков не только медицинскую, но и материальную помощь.⁴⁴ В Якутском округе работал врачом В. Катин-Ярцев.⁴⁵

Ссыльные марксисты занимались в Сибири и научной деятельностью. Тот же В. Катин-Ярцев в качестве врача принимал участие в полярной экспедиции русского путешественника Э. Толя на Новосибирские острова.⁴⁶ В этой экспедиции участвовал и другой ссыльный марксист — М. И. Бруснев, по профессии инженер-технолог. Научная деятельность ссыльных имела широкий профиль. Здесь и организация местных музеев, и активная работа в них (Якутск, Иркутск, Минусинск), и самостоятельное изучение тех или иных проблем, участие в научных экспедициях, метеорологические наблюдения и многое другое. Не будь постоянных препятствий со стороны властей, ссыльные внесли бы еще более значительный вклад в изучение и освоение природных богатств Сибири.

С первых же дней пребывания в ссылке марксисты отдавали много сил практической революционной работе. Они развернули пропаганду марксистских идей и с этой целью создавали кружки по изучению марксистской теории. В Омске ссыльный марксист А. Беляков в 1896 г. начал распространение марксистских идей среди местной и ссыльной молодежи.⁴⁷ В Красноярске пропагандой марксистских идей среди учащейся молодежи занимался П. Красиков. В 1895 г. он создал кружок, в который входили

⁴⁰ Там же, 1925, № 3, стр. 136.

⁴¹ ГАКК, ф. 595, оп. 67, д. 27, л. 83.

⁴² ГАИО, ф. 25, оп. 5, д. 154, л. 23.

⁴³ Там же, оп. 10, д. 1013, лл. 24—26.

⁴⁴ Воспоминания М. А. Макаревич. «Каторга и ссылка», М., 1928, № 3 (40), стр. 133, 147.

⁴⁵ ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 20, л. 466; «Каторга и ссылка», 1925, № 3, стр. 145, 146.

⁴⁶ «Каторга и ссылка», 1925, № 3, стр. 194.

⁴⁷ Н. В. Б л и н о в. Возникновение социал-демократических организаций в Сибири. Автореферат. Томск, 1962, стр. 9.

представители интеллигенции и учащейся молодежи. Первый марксистский кружок в Иркутске среди железнодорожных служащих создал в 1895 г. Л. Красин. В Чите был организован кружок гимназистов по изучению «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работ Плеханова и истории западноевропейского революционного движения. Такие кружки создавались в других городах и на железнодорожных станциях — в Тайге, Ачинске, Канске, Нижнеудинске, Сретенске, Верхнеудинске и др.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

С 1897 по 1900 г. в сибирской ссылке находился В. И. Ленин. Вместе с ним были сосланы его товарищи по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Встревоженное подъемом революционной активности пролетариата, царское правительство предприняло жесткие меры для ее подавления. Царизм обрушился в первую очередь на руководящую силу революционного рабочего движения — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». 9 декабря 1895 г. были арестованы основатель и руководитель «Союза борьбы» В. И. Ленин и ряд его ближайших соратников — Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец и др. После длительного тюремного заключения В. И. Ленин был приговорен к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь. 4 марта 1897 г. он прибыл в Красноярск. Здесь В. И. Ленин задержался около 2 месяцев, ожидая назначения места ссылки. В Красноярске он продолжал начатую им еще в Петербурге работу, целью которой являлось создание в России революционной марксистской партии. В. И. Ленин стал постоянным читателем библиотеки известного сибирского библиофила, красноярского купца Юдина, собравшего в своем книгохранилище более 80 тыс. томов и большое количество различных рукописей. Здесь он нашел немало материалов, необходимых для задуманных произведений. Преимущественно он собирал материалы для своего труда «Развитие капитализма в России».

Большая теоретическая деятельность сочеталась у В. И. Ленина с напряженной практической работой. Он всегда находил возможность осуществить это сочетание, показать образец неразрывности теории и революционной практики. Всюду, где приходилось бывать В. И. Ленину, его волновал вопрос, есть ли здесь революционные элементы, нельзя ли установить с ними связь, использовать их в революционной работе. Так, и в Красноярске он знакомится прежде всего со ссыльными марксистами, одним из которых был П. А. Красиков. Знакомство с П. А. Красиковым обеспечивало В. И. Ленину связь с революционной средой Красноярска и вовлечение местных марксистов в активную революционную работу. Эта связь оказалась прочной, она не прерывалась во все время пребывания В. И. Ленина в ссылке. Будучи в Красноярске, В. И. Ленин позаботился и о том, чтобы восстановить прерванные связи со своими соратниками по «Союзу борьбы», выехавшими в ссылку этапным порядком.

24 апреля 1897 г. В. И. Ленину объявили, что местом его поселения назначено с. Шушенское. 8 мая 1897 г. он прибыл в это село. В то время оно представляло собой глухое сибирское селение, отдаленное от железной дороги почти на 500 верст. Большая часть жителей села находилась в тяжелой зависимости от горстки кулаков. Кулаки владели лучшими землями, выгонами, сенокосными угодьями, имели до 50—100 десятин пахотной земли, сотни голов скота. Единственная начальная

школа на 3 десятка человек влачила жалкое существование. Она не имела даже своего постоянного помещения и кочевала по частным квартирам. Зато в селе было 6 кабаков.

Прибыв в Шушенское, Владимир Ильич поселился в доме крестьянина А. Д. Зырянова, заняв маленькую, в 14 м², комнату, в которой и прожил больше года, до приезда Н. К. Крупской.

После ареста В. И. Ленина Н. К. Крупская продолжала революционную работу. Но в августе 1896 г. была арестована и она. 7 месяцев Н. К. Крупская находилась в тюрьме, затем ее приговорили к трехлетней

Дом крестьянина Зырянова в с. Шушенском, в котором жил В. И. Ленин в ссылке с мая 1897 по июль 1898 г.

ссылке в Уфимскую губернию. Но она добилась ссылки в Шушенское. Вместе с Надеждой Константиновной сюда приехала и ее мать Елизавета Васильевна.

Н. К. Крупская оказывала В. И. Ленину в нелегкие годы ссылки, как и в течение всей их совместной жизни, постоянную помощь. Она была верным другом, незаменимым и ценнейшим помощником В. И. Ленина в его огромной революционной работе. С приездом Н. К. Крупской у В. И. Ленина еще быстрее пошла работа над книгой «Развитие капитализма в России». Надежда Константиновна переписывала набело черновик книги, являясь первым читателем и критиком этого капитального ленинского исследования. Неоценимой была ее помощь Владимиру Ильичу и в ведении конспиративной переписки: она расшифровывала и зашифровывала письма, переписывала особыми чернилами его письма и рукописи брошюры, изобретала способы отправки и получения нелегальной почты.

С прибытием в Шушенское Н. К. Крупской и ее матери пришлось искать квартиру попросторнее. В июле 1898 г. они переехали в дом вдовы Петровой, где и жили до конца ссылки.

В Шушенском за В. И. Лениным, а затем и за Н. К. Крупской был установлен строгий полицейский надзор. Надзиратель ежедневно утром и вечером являлся к ним на квартиру и в особой книге делал отметку о том, что поднадзорные находятся в селе. Без разрешения надзирателя они не имели права даже выйти за околицу.

Нелегко жилось В. И. Ленину в ссылке. Но ничто не могло сломить его железной стойкости, неукротимой энергии и необычайной работоспособности. Несмотря на тяжелые условия ссылки — полицейский надзор, удаленность на тысячи километров от центров революционного движения, политическое бесправие, стесненное материальное положение и другие неблагоприятные обстоятельства, — В. И. Ленин развивает и здесь энергичную деятельность, всецело направленную на борьбу за создание в России марксистской партии — партии нового типа. Для осуществления этой задачи необходимо было в максимально короткий срок разработать ряд важнейших теоретических проблем, вооружить русское революционное движение методами борьбы в новых исторических условиях. Ссылка затруднила, но не остановила революционную работу В. И. Ленина.

Чрезвычайно плодотворной в годы ссылки была теоретическая деятельность В. И. Ленина. В Шушенском он создал более 30 произведений, в том числе такие как «Задачи русских социал-демократов», «Развитие капитализма в России», «Наша программа», «Насущный вопрос», «Протест российских социал-демократов» и др. В них В. И. Ленин освещал главные вопросы организации партии, продолжал ожесточенную борьбу со всякого рода противниками революционного марксизма: народниками, «экономистами», «легальными марксистами».

Произведения, написанные В. И. Лениным в ссылке, отличаются исключительной оперативностью в разрешении назревших вопросов рабочего движения. Стоило, например, царскому правительству издать новый закон об ограничении рабочего дня, как Владимир Ильич сейчас же пишет брошюру «Новый фабричный закон». В ней он доказывает, что закон об ограничении рабочего дня вырван у правительства дружной борьбой рабочих. Однако этот закон не улучшил их положения. Многочисленные оговорки, исключения, примечания, сделанные в интересах капиталистов, давали последним возможность толковать положения закона исключительно в свою пользу. В. И. Ленин указывает, что рабочие должны еще много и упорно бороться, чтобы добиться действительного улучшения своего положения.

Примером исключительной актуальности является и брошюра «Задачи русских социал-демократов», написанная В. И. Лениным в конце 1897 г. В это время готовился первый съезд партии. В. И. Ленин решил дать программные материалы к съезду, наметить дальнейшие задачи партийной работы, обосновать политическую программу и тактику революционной социал-демократии. С этой целью он написал брошюру «Задачи русских социал-демократов», где обобщен опыт петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», обоснована политическая программа революционной социал-демократии, необходимость создания революционной партии пролетариата. В брошюре сформулировано известное ленинское положение о том, что без революционной теории не может быть и революционного движения. Подчеркивая значение революционной теории, В. И. Ленин уделял большое внимание и вопросам революционной практики. Разъясняя сущность практической деятельности социал-демократов, В. И. Ленин обосновал положение о неразрывной связи демократической (против царизма) и социалистической (против капитализма) борьбы пролетарских революционеров. В этой работе В. И. Ленин выдвинул очень важное положение, ставшее основой революционной тактики партии про-

летариата. — об отношении рабочего класса, его партии к другим партиям и классам.

В. И. Ленин указывал, что социал-демократы «поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность... приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность».⁴⁸ Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что, «указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников».⁴⁹

В брошюре «Задачи русских социал-демократов» содержится горячий призыв ко всем социал-демократическим организациям и кружкам объединяться в единую социал-демократическую партию.

В своих работах периода ссылки и особенно в гениальном труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал теоретические основы программы, стратегии и тактики большевиков. Это произведение В. И. Ленина явилось образцом творческого применения марксистского учения к анализу экономического развития России, конкретизацией и дальнейшим развитием идей «Капитала» К. Маркса. Этой книгой В. И. Ленин не только завершил идейный разгром народничества, нанес сокрушительный удар легальному марксизму, но и дал революционной партии острейшее теоретическое оружие в борьбе со всякого рода оппортунистами, дал ответ на все конкретные вопросы революционного движения конца XIX—начала XX в.

И в ссылке В. И. Ленин не прекращал непримиримой борьбы с оппортунизмом, как с русским, так и международным. Он видел, что волна оппортунизма, все шире распространяясь среди социал-демократии различных стран, захватывает и русских социал-демократов. Среди них также появлялись последователи Бернштейна, немецкого идеолога ревизионизма, одного из вождей реформистской социал-демократии. Эти русские бернштейншанцы, называвшиеся «экономистами», являлись основной оппортунистической группой в России. Победа «экономизма» в рабочем движении означала бы отказ от борьбы за создание марксистской партии рабочего класса, отказ от идеи диктатуры пролетариата. Необходимо было организовать решительный отпор «экономизму», что и сделал В. И. Ленин. Он написал протест против манифеста (так называемого «кредо») «экономистов». В. И. Ленин решил придать протесту коллективный характер. С этой целью он созвал в с. Ермаковском в августе 1899 г. совещание ссыльных социал-демократов Минусинского уезда, где обсудили и горячо одобрили этот документ, получивший название «Протест российских социал-демократов». В. И. Ленин выслал «Протест» за границу, где он был издан отдельным оттиском журнала «Рабочее дело» в 1899 г. Одновременно В. И. Ленин разослал «Протест» по многим колониям ссыльных. Этот важнейший документ читали, одобряли и подписывали в далеком Верхоянске, Туруханске, Верхотенске, Вятке и других местах. Таким образом, «Протест российских социал-демократов» еще до опубликования его в журнале «Рабочее дело» уже получил широкое распространение среди российских социал-демократов и сыграл большую роль в борьбе с «экономизмом», в деле организации партии.

В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам теоретической разработки плана организации партии и практическим мероприятиям, направленным к его осуществлению. В последние месяцы пребывания в Шушен-

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 452—453.

⁴⁹ Там же, стр. 453.

ском Владимир Ильич особенно детально обдумывал план дальнейшей революционной работы и в первую очередь объединения разрозненных социал-демократических кружков и организаций в единую партию. Свои мысли по этому вопросу он изложил в статьях «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос».

Разрабатывая план строительства партии, В. И. Ленин мыслил создать партию нового типа, отличную от реформистских социал-демократических партий Запада. Именно в Шушенском зародилась у В. И. Ленина идея немедленной организации общерусской, боевой политической газеты как средства сплочения, объединения разрозненных социал-демократических кружков и организаций в единую партию. В ссылке В. И. Ленин продумал до деталей план создания такой революционной газеты, которая должна была издаваться за границей, вне пределов досягаемости царского правительства. Он заранее намечал, как обеспечить правильное поступление материалов, тщательно продумывал пути и методы доставки газеты партийным организациям. Ленинская «Искра» и стала именно такой революционной общепартийной газетой, сумевшей подготовить идейное и организационное объединение партии.

В качестве ближайшей политической задачи В. И. Ленин выдвигал также выработку общепартийной программы. Разработку программы В. И. Ленин начал еще в петербургской тюрьме, написав проект программы партии. В ссылке он продолжал эту работу и незадолго до окончания срока ссылки написал «Проект программы нашей партии». Проект был направлен против идей международного оппортунизма — бернштейнианства, в частности против русских оппортунистов. Разработка В. И. Лениным в годы ссылки программных вопросов сыграла огромную роль в создании революционной марксистской партии в России.

Наряду с теоретической работой В. И. Ленин развернул многогранную деятельность по практическому руководству революционным движением, по подготовке кадров партии.

Ссылая В. И. Ленина в один из далеких и глухих углов России, царское правительство рассчитывало оторвать его от непосредственной революционной борьбы в массах, лишить возможности руководить революционным движением. Однако В. И. Ленин и в ссылке оставался вождем пролетариата. Несмотря на всяческие препятствия, он сумел установить связи с социал-демократическими организациями России и за границы, с деятелями революционного движения, не только с теми, кто был на воле, но и с арестованными и сосланными.

В. И. Ленин вел нелегальную переписку с большим количеством корреспондентов (более чем в 40 пунктах). «Переписка была обширная, — вспоминала Н. К. Крупская. — Приходили письма и книги из России. Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера. Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова, Вятской губернии, от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии».⁵⁰

В. И. Ленин вел оживленную переписку со многими политическими ссыльными социал-демократами. Был у В. И. Ленина и корреспондент в таком далеком углу, как Средне-Колымск; это известный революционный деятель С. И. Мицкевич, отбывавший там ссылку. Переписывался В. И. Ленин с Я. М. Ляховским, с известным революционером-марксистом Н. Е. Федосеевым — оба они находились в ссылке в Верхотенске. В Архангельске корреспондентами В. И. Ленина были А. Л. Малченко, М. Г. Григорьев, М. Г. Гопфенгауз, из Тулы ему писал Д. И. Ульянов.

⁵⁰ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 32.

Через Анну Ильиничну Владимир Ильич связывался с границей. с группой «Освобождение труда» и революционными центрами России. Благодаря такой обширной переписке В. И. Ленин всегда был в курсе событий революционной жизни, а следовательно, имел возможность своевременно реагировать на те или иные явления, активно вмешиваться в революционное движение, давать ему правильное направление.

В. И. Ленин осуществлял руководство революционным движением не только с помощью писем. Он стремился использовать все возможности для непосредственного участия в революционной работе. Так, под предлогом лечения зубов в сентябре 1898 г. В. И. Ленин ездил в Красноярск для ознакомления с деятельностью местных социал-демократов и оказания им помощи в развертывании революционной работы. В Красноярске В. И. Ленин остановился у П. А. Красикова. Здесь Владимир Ильич встречался с красноярскими марксистами, беседовал с ними по вопросам теории и практики революционного движения. Эти беседы способствовали созданию в городе твердого марксистского ядра из местных социал-демократов, определили направление их деятельности. В то же время В. И. Ленин постоянно интересовался революционной работой красноярцев. П. А. Красиков, игравший в то время руководящую роль среди красноярских социал-демократов, Л. Н. Скорняков, а также другие марксисты систематически информировали Ленина о состоянии революционной работы, которая велась в то время главным образом среди интеллигенции и политических ссыльных. В этих беседах В. И. Ленин подчеркивал необходимость перехода к пропаганде марксизма среди широких рабочих масс, создания марксистских рабочих кружков.

Красноярские марксисты выполнили указание В. И. Ленина. Кружок вскоре был создан, в него вошли рабочие железнодорожных мастерских, лесопильного завода и строительства железнодорожного моста. В кружке изучалась марксистская литература, здесь из передовых рабочих готовились агитаторы и организаторы, сознательные вожаки рабочих масс. Вскоре кружок начал распространять среди рабочих листовки и прокламации, написанные большей частью от руки, в которых содержался призыв к борьбе с самодержавием и капиталистами. Под прокламациями стояла подпись: «Группа сознательных и организованных рабочих». Листки охотно читались рабочими и вызывали у них большой интерес, пробуждали классовое самосознание, способствовали их идейно-политическому развитию.⁵¹

В 1899 г. В. И. Ленин в статье «Наша ближайшая задача» писал: «Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала».⁵² В этой статье В. И. Ленин наметил план организации партни. Одним из материалов для этой работы служили сведения о работе красноярского марксистского кружка.

В. И. Ленин сумел побывать почти во всех населенных пунктах Минусинского уезда, где жили группами или в одиночку ссыльные марксисты. Несколько раз он был в Минусинске, встречался здесь с товарищами. Владимир Ильич организовывал эти встречи настолько часто, насколько позволяли условия ссылки. Во время этих встреч обсуждались назревшие вопросы практики революционного движения и теоретические проблемы.

В. И. Ленин стремился объединить вокруг себя как можно больше единомышленников, с помощью которых можно было бы осуществить

⁵¹ История возникновения и первых лет деятельности Красноярской организации РСДРП охарактеризована в книге Д. Б. Груша (У истоков. Красноярск, 1963).

⁵² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 188.

грандиозную и благородную задачу — создать в России марксистскую партию нового типа. Да и сами ссыльные социал-демократы стремились быть как можно ближе к Владимиру Ильичу, видя в нем подлинного вдохновителя и руководителя революционной борьбы. В. И. Ленин был тем магнитом, к которому тянулись все ссыльные социал-демократы, не только знавшие его лично, но и лишь слышавшие о нем от товарищей, читавшие его труды.

Г. М. Кржижановский вспоминал: «Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку». Многим политическим ссыльным удалось перебраться если не в Шушенское, то в соседние с ним села Минусинского уезда.

К лету 1899 г. в Минусинском уезде собралась довольно большая группа ссыльных социал-демократов, среди которых были почти все (за исключением Мартова, оставшегося в Туруханске) члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», сосланные в разное время в Енисейскую губернию. Здесь оказались и социал-демократы, не входившие в «Союз борьбы», но принимавшие активное участие в революционной работе, например В. К. Курнатовский, П. Н. и О. Б. Лепешинские, Н. Н. Панин и др. Всего в Минусинском уезде в 1897—1900 гг. отбывали ссылку 26 марксистов.

Среди товарищей В. И. Ленина, составлявших его окружение, было немало видных революционных деятелей, сыгравших впоследствии заметную роль в революционном движении России: В. К. Курнатовский, Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, З. П. Невзорова-Кржижановская, П. Н. и О. Б. Лепешинские, Н. Н. Панин, А. С. Шаповалов. Все они вошли в ряды старой ленинской гвардии закаленных марксистов и до конца своего жизненного пути оставались верными ленинцами, свято выполнявшими заветы вождя и учителя пролетариата — В. И. Ленина. Все они стали именно теми людьми, которых имел в виду В. И. Ленин, писавший, что без их неустанной, геройской, упорной работы «РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев».⁵³

Пролетарская партия нового типа, созданию которой В. И. Ленин уделял основное внимание в ссылке, должна была, по его мысли, иметь крепкое ядро, состоящее из профессиональных революционеров. Только такая партия могла повести рабочий класс в бой с царским самодержавием и капитализмом. Наряду с разработкой теоретических вопросов, связанных со строительством партии, В. И. Ленин принимал и непосредственно практические меры, направленные к созданию ее руководящего ядра. Уже здесь он изучал людей, которые могли бы в дальнейшем образовать костяк партии, стать ее деятельными членами, способными партийными организаторами и руководителями. В. И. Ленин расширял теоретический кругозор товарищей по ссылке, делился с ними богатым опытом революционной борьбы. Именно они — бывшие ссыльные социал-демократы Минусинского уезда во главе с В. И. Лениным — и составили ядро созданной на II съезде РСДРП марксистской революционной партии.

В. И. Ленин и его группа первыми начали вести среди местного населения революционную пропаганду. Правда, она не носила систематического характера. В беседах с местными жителями ссыльные социал-демократы рассказывали о революционном движении в России. Получая газеты, журналы, легальные и нелегальные издания, политические ссыльные информировали местных жителей о происходящих событиях в России и за границей, по-своему комментируя и раскрывая их революционный

⁵³ Там же, т. 20, стр. 81.

смысл, и люди шли к ссыльным марксистам, ближе знакомились с ними, возникали взаимные симпатии. Влияние ссыльных усиливалось. Особенно велико было влияние В. И. Ленина. В годы ссылки Владимир Ильич изучал сибирскую деревню. Он интересовался жизнью крестьян, их положением и, несмотря на всю свою занятость, охотно помогал им, особенно юридическими советами. За такими советами приходили крестьяне не только с. Шушенского, но и других сел и деревень. Уже вскоре после прибытия в Шушенское В. И. Ленин завоевал у крестьян огромную любовь, популярность и уважение.

Общение с крестьянами помогало В. И. Ленину изучать положение в деревне. Глубокое знание жизни крестьян, их мировоззрения и психологии давало Ленину возможность строить верную политику в отношении крестьянства, вооружать революционеров правильными методами работы в деревне, чтобы использовать крестьянство как союзника в революционной борьбе.

Укреплению связей с местным населением, усилению на него влияния ссыльных социал-демократов способствовало их активное участие в общественной и культурно-просветительной работе. Многие из ссыльных обучали детей грамоте, оказывали населению медицинскую помощь, принимали участие в работе Минусинского музея, в различных краеведческих экспедициях. Большую научно-исследовательскую работу по изучению положения крестьянства Енисейской губернии провел в ссылке В. И. Ленин в связи с созданием своего гениального произведения «Развитие капитализма в России».

В конце 1899 г. группа минусинских ссыльных социал-демократов стала уменьшаться. Первым покинул Минусинский уезд Г. М. Кржижановский, затем — И. Л. Проминский. 29 января 1900 г. окончился срок ссылки В. И. Ленина. В тот же день вся семья Ульяновых выехала из Шушенского. В. И. Ленин торопился в Россию к центрам революционной борьбы.

Значение революционной деятельности В. И. Ленина в годы ссылки для развития революционного движения, для организации марксистской партии в России очень велико. В Шушенском В. И. Ленин разработал план организации партии и вскоре развил его в своих работах «Письмо к товарищу», «С чего начать?», «Что делать?». Здесь в ссылке он определил задачи и наметил пути развития российского революционного движения.

Огромно значение революционной деятельности В. И. Ленина и его соратников в период ссылки и для революционного движения в Сибири, в первую очередь в Енисейской губернии и ее центре — Красноярске. Под влиянием В. И. Ленина и его товарищей по ссылке Красноярск превратился в один из главных революционных центров Сибири.

4. ПЕРВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В СИБИРИ. ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СИБИРСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА»

Развитие капитализма в Сибири, формирование промышленного пролетариата создали экономические предпосылки возникновения социал-демократического движения. С ростом рабочего движения, распространением марксизма среди передовых рабочих Сибири и местной революционно-демократической интеллигенции, с переходом ее на позиции пролетариата появляются первые социал-демократические организации. Основной силой в деле распространения марксизма в Сибири были ссыльные социал-демократы, представители местной учащейся молодежи, получившие марксистскую подготовку в кружках Петербурга, Москвы и за

границей, а также рабочие-революционеры, приехавшие из Европейской России, и, наконец, народники и народолюбцы, пришедшие к марксизму.

Почва для возникновения социал-демократического движения в Сибири была подготовлена позже, чем в Европейской России. Отставание в развитии социально-экономической жизни обуславливало задержку и в развитии революционного движения, хотя зарождалось оно в Сибири на основе тех же противоречий, что и во всей России: прежде всего на основе противоречий между царизмом и всем народом, а также между буржуазией и рабочим классом. Большая обостренность противоречий первого рода в Сибири конца XIX в. определила демократический характер движения. Рост в 90-е годы и в самом начале 900-х годов противоречий второго рода привел к подъему пролетарского движения. Но при отсутствии социал-демократического руководства оно могло быть и было на первых порах лишь составной частью общедемократического движения. Выделение пролетарского движения в самостоятельное происходило в Сибири под влиянием рабочего социал-демократического движения в Европейской России, а также в результате возникновения местных марксистских организаций.

Первые кружки по пропаганде марксистских идей в Сибири возникли в Томском университете. Уже в 1893—1894 гг. здесь распространялись марксистские взгляды и шла острая борьба с народнической идеологией. Инициаторами пропаганды были студенты нижегородцы, в том числе видный впоследствии деятель большевистской партии М. Ф. Владимирский, учившийся в 1894—1895 гг. в Томском университете.

С 1896 г. в Томске началась марксистская пропаганда и среди рабочих. Во главе ее стоял В. Е. Воложанин. На основе созданных им кружков к 1900 г. выросла рабочая социал-демократическая организация и было положено начало организованному рабочему движению в Томске.

В 1895 г. П. А. Красиковым и ссыльным В. П. Арцибушевым, известными позже своей большой работой в партии большевиков, была начата пропаганда марксизма среди учащейся молодежи Красноярска. Созданный ими кружок повел успешную борьбу против народолюбческих идей, распространенных тогда среди революционно-демократической интеллигенции города. В 1898 г. Л. Н. Скорняков организовал кружок по изучению марксизма из рабочих Красноярских железнодорожных мастерских. На направление работы этого кружка оказал влияние В. И. Ленин, имевший тесные связи с первыми красноярскими марксистами.⁵⁴ Кружок Скорнякова подготовил и возглавил в мае 1901 г. стачку рабочих железнодорожных мастерских.

Пропаганду научного социализма в Иркутске начал Л. Б. Красин, высланный сюда в 1895 г. за участие в марксистских кружках Петербурга. Первый кружок, занимавшийся распространением марксистских взглядов, был обнаружен иркутскими жандармами в 1898 г. В его состав входили рабочие, интеллигенция, учащиеся. Уже в 1897 г. членами кружка распространялась марксистская литература в городе, а затем была начата политическая агитация среди рабочих и учащихся средних учебных заведений. Революционную пропаганду среди рабочих станции Иннокентьевской (ныне Иркутск-II) с конца 1899 г. вел И. Воронцов, бывший до этого членом красноярского кружка Скорнякова. Распространению марксистских идей среди иркутской интеллигенции в 1899—1901 гг. способствовала деятельность ссыльных социал-демократов.

Вместе со ссыльными марксистами и народолюбцами, перешедшими на позиции марксизма, идеи основоположников научного социализма проникали в Читу. Под их влиянием М. И. Губельман (Ем. Ярославский) и

⁵⁴ М. Москалев. В. И. Ленин в Сибири. М., 1957, стр. 45; ЦГАОР, ф. 102. ДП, 3-е делопроизводство, 1901 г., д. 754, л. 4.

Г. И. Пригорный (Г. И. Крамольников) в 1898 г. организовали среди железнодорожных рабочих и учащихся кружки марксистского направления.

Первым марксистом в Омске был ссыльный А. А. Беляков, член самарского кружка В. И. Ленина. В 1896 г. он начал распространение идей марксизма среди местной и ссыльной интеллигенции. Организация первого революционного кружка среди рабочих Омска связана с именем Е. А. Грозного, рабочего из Перми. Он же явился руководителем первой стачки в Омских железнодорожных мастерских в 1899 г. После высылки из Омска Е. А. Грозный продолжал революционную пропаганду марксизма в депо станции Обь (ныне Новосибирск).

При участии Г. М. Кржижановского и его жены З. П. Невзоровой-Кржижановской в 1900 г. сложился марксистский кружок на станции Тайге. В состав его входили рабочие местного железнодорожного депз, а также некоторые политические ссыльные.

В начале 900-х годов марксистские кружки и группы существовали не только во всех крупных городах Сибири, но и на многих станциях Сибирской железной дороги, таких как Петропавловск, Обь, Боготол, Ачинск, Канск, Иланская, Танхой и др. Наряду с местными революционерами значительную роль в их создании сыграли ссыльные социал-демократы, участники петербургского, московского, киевского, екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» и других организаций российской социал-демократии.

Основным содержанием деятельности первых марксистских кружков в Сибири было распространение идей научного социализма и борьба с различными формами мелкобуржуазного социализма, которые в силу неразвитости противоречий буржуазного общества и в результате деятельности народнической ссылки получили большее распространение среди сибирской революционно-демократической интеллигенции.

С 1893 и примерно до середины 1901 г. деятельность пролетарских революционеров в Сибири почти не выходила за рамки пропагандистских кружков, продолжался период кружковой пропаганды марксизма. Основные черты этого периода в истории российской социал-демократии В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Размах: тогда только кружки. Едва-едва первое начало массовой агитации. Весьма тяжеловесная, преподавательская пропаганда. Социал-демократы пробивают себе дорогу среди народовольцев, народоуправцев etc».⁵⁵ Те же «чтения», то же политическое самообразование, предшествовавшее изучению научного социализма, все те особенности, которые видел В. И. Ленин в марксистских кружках России середины 90-х годов, были характерны и для пропагандистских кружков Сибири. Но если в первой половине и середине 90-х годов марксистские кружки в России развивались на единой идейно-политической основе, то этого нельзя сказать о кружках Европейской России и Сибири конца 90-х—начала 900-х годов. Распространение к этому времени оппортунизма на Западе, легального «марксизма» и «экономизма» в России привело к значительному смещению теории и программы революционного марксизма с чуждыми ему взглядами и идеями. В Сибири этому смещению способствовали острый недостаток в марксистской литературе и случайность в ее подборе, неопытность первых пропагандистов, а также наличие в числе их людей, принадлежавших до этого к различным оппортунистическим группам российской социал-демократии. Однако, пока работа шла в замкнутых и изолированных друг от друга кружках, это смещение было незаметным. Переход к политической агитации в массах должен был обнаружить и обнаружил характер каждой организации. Это явилось началом идейной борьбы уже внутри самой сибирской социал-демократии.

⁵⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 396.

Переход к открытой политической агитации в Сибири, являясь следствием роста местных пролетарских организаций, тесно связан с деятельностью «Сибирского социал-демократического союза». Разбросанность пролетарского населения по огромной территории, недостаток в пропагандистских и организаторских кадрах, постоянная острая нужда в марксистской литературе породили тенденцию к сплочению имеющихся сил в масштабе Сибири, привели к идее создания сибирского социал-демократического объединения. Стремление к объединению росло вместе с ростом марксистских кружков и групп и стало проявляться с конца 90-х годов в попытках установить личные связи между участниками движения.

Инициаторами по осуществлению сибирского объединения выступили томские социал-демократы. С конца 1900 г. члены Томской организации устанавливали связи с другими городами Сибири. В апреле 1901 г. они распространяли в Омске, Красноярске, Томске, Иркутске прокламации «К сибирским рабочим», в которых призывали рабочих к объединению и к политической борьбе с самодержавием.

Летом 1901 г. было составлено программное заявление «От Сибирского социал-демократического союза». Осенью его напечатали типографским способом в количестве 300 экземпляров и распространили среди сибирских социал-демократов. Одновременно весной и летом 1901 г. сложилось руководящее ядро «Сибирского союза», куда вошли представители Томска, Красноярска, Иркутска. В подготовке сибирского объединения принимали участие и ссыльные социал-демократы.

Возникшая организация — «Сибирский социал-демократический союз» — считала своими основными задачами развитие классового самосознания сибирских рабочих, пропаганду среди них идей борьбы за политическую свободу и социализм, объединение их на этой почве в одну прочную социал-демократическую организацию.

Для осуществления этих задач «Сибирский союз» намеревался создать во всех крупных центрах Сибири свои комитеты, обеспечивать Сибирь необходимой нелегальной литературой, издавать периодический орган «Сибирский рабочий», прокламации агитационного характера и т. д. В программном заявлении «Сибирского союза» отмечалось: «Когда в России окончательно сформируется социал-демократическая партия, „Союз“ войдет с ней в возможно тесное соприкосновение».⁵⁶ Это заявление было полностью напечатано в ленинской «Искре». В редакционном примечании газета приветствовала образование «Союза» и его намерения. «Образование „Сибирского союза“ показывает, — писала «Искра», — что и среди деятелей еще молодого сибирского движения назрела потребность раздвинуть рамки агитационно-организаторской деятельности за пределы местной „кустарной“ работы... Можно только радоваться этому явлению как показателю того, что песенка старого „экономизма“, воспитавшегося на преувеличенном почитании „местной“ деятельности, уже спета».⁵⁷ В образовании и намерениях «Союза» ленинская «Искра» увидела прежде всего значительный шаг вперед от узкоместной деятельности и связанного с ней «экономизма», шаг вперед на пути к партийной работе и партийной организации. Но здесь же «Искра» подвергла справедливой критике намерение «Союза» как бы стоять в стороне от общерусской работы. Редакция «Искры» утверждала, что интересы русского и сибирского пролетариата едины, как и их ближайшие политические задачи. У сибирских рабочих нет особых политических задач. Поэтому «Сибирский союз» должен вступить в обязательные отношения с партией в качестве одной из ее

⁵⁶ «Искра», 1901, № 11.

⁵⁷ Там же.

И. С. Якутов — один из организаторов рабочего движения в Сибири.

черты первого направления проявились в деятельности Красноярского комитета, а второго — в работе Томской и Читинской организаций. Причем в практике Томской организации отмеченное смешение принципов революционной социал-демократии с чуждыми ей идеями, с «экономизмом» в особенности, получило значительное распространение. А поскольку Томская организация и в 1901 и в начале 1902 г. играла руководящую роль в «Сибирском союзе», то идейно-политические взгляды ее руководителей отразились на агитационных изданиях и на всей деятельности «Сибирского союза».

Вскоре после создания сибирского объединения в нем развернулась борьба революционной социал-демократии с «экономизмом», идейным разбродом и организационным кустарничеством. Успех этой борьбы в Сибири затруднялся тем, что здесь особенно остро чувствовался недостаток в теоретически подготовленных и политически опытных руководителях. Но, несмотря на внутреннюю противоречивость и организационную слабость, «Сибирский союз» уже в начале своей деятельности сыграл большую роль в развертывании со-

составных частей. «Искра» считала ошибочным и желание «Союза» издавать свою газету, грозившее поглощением основных сил и средств возникшей организации, отвлечением от общерусской политической работы.

Отмеченные ошибочные положения в программном заявлении «Сибирского союза» были не случайными. С момента возникновения «Союза» в его идеологии и политике обнаружились 2 направления: одно из них — направление революционной социал-демократии, солидарной в основных принципах с ленинской «Искрой»; другое — характерное смешение пролетарской идеологии с «экономизмом», лассальянством, с элементами народофильской и областнической идеологии. Представителями первого направления в «Сибирском социал-демократическом союзе» были И. Э. Гуковский, А. А. Богословский и др. Ко второму принадлежала инициативная группа томских работников «Союза» во главе с В. Е. Воложаниным. Несколько позже, в 1902 г.,

Г. И. Пригорный (Крамольников) — руководитель одного из первых марксистских кружков в Восточной Сибири.

циал-демократического движения в Сибири. Создание «Союза» явилось толчком к мобилизации всех марксистских сил. Началось укрепление связей между марксистскими кружками и группами, к пропагандистской и организационной работе были привлечены ссыльные социал-демократы, стало практиковаться перемещение наиболее подготовленных революционеров из одной организации в другую и т. д.

Предпринятая «Сибирским социал-демократическим союзом» работа ускорила процесс образования социал-демократических организаций во всех крупных городах Сибири. В Томске функции комитета выполняла организация, выступившая инициатором создания «Сибирского союза». С октября 1901 г. она резко усилила агитационную деятельность. Ею были изготовлены на гектографе и распространены прокламации «К рабочим г. Томска», «Письмо к студентам г. Томска», «В ответ на постановление томского губернатора» и др.

В ноябре 1901 г. возник Красноярский комитет РСДРП. В первый состав его входили И. Э. Гуковский, Н. П. Калабин, А. К. Пайкес, М. Н. Красиков, Н. Л. Барабанщиков. Организатором и идейным руководителем комитета стал И. Э. Гуковский. В его руках «были все конспиративные связи с социал-демократическими организациями в России и за границей, он был автором большинства листовок Красноярского комитета».⁵⁸

Красноярский комитет РСДРП сосредоточил в своих руках руководство пропагандистскими кружками, создал ряд новых кружков среди рабочих железнодорожных мастерских, а с января 1902 г. перешел к политической агитации путем распространения прокламаций. В прокламации «К рабочим Красноярских мастерских» комитет разъяснил сущность и значение развернувшейся в России борьбы рабочих с царизмом и буржуазией. «Организуйтесь же, товарищи, учитесь сами и учите друг друга; не оставляйте без протеста ни одного злоупотребления администрации... — писал комитет. — Прибавим еще один батальон к общерусской великой рабочей армии для борьбы за свободу. Пусть под дружным ее натиском ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!».⁵⁹

По формулировке основных задач рабочего движения, по четкости изложения и зрелости революционной социал-демократической мысли эта и другие прокламации Красноярского комитета должны быть отнесены к числу лучших образцов партийной агитационной литературы 1901—1902 гг.

В конце 1901 г. был организован Иркутский комитет РСДРП. Первое его открытое выступление относится к середине марта 1902 г. 16 марта в Иркутске было широко распространено обращение «От Иркутского комитета „Сибирского социал-демократического союза“. К рабочим города Иркутска». В обращении Иркутский комитет призывал рабочих участвовать в политической борьбе с правительством, заботиться о росте классового самосознания, спланиваться в единую организацию. Вслед за первой прокламацией в городе и на ближайших станциях стали регулярно распространяться другие прокламации комитета. Одновременно началось расширение пропагандистской работы среди интеллигенции, учащихся и рабочих.

На основе марксистских кружков была сформирована социал-демократическая организация в Чите. Ее руководящий орган — Читинский комитет — сложился к апрелю 1902 г., о чем и заявил в выпущенных им первомайских листовках.

⁵⁸ Д. Б. Груш. У истоков, стр. 70.

⁵⁹ Там же, стр. 163.

В создании социал-демократических комитетов в сибирских городах принимали участие, кроме местных марксистов, представители «Сибирского союза» и ссыльные революционеры.

На протяжении 1902 г. развитие социал-демократических организаций в Сибири продолжалось: расширялась сеть подпольных кружков, шла подготовка пропагандистских кадров, усиливалась агитационная работа, укреплялись связи с рабочими. Однако намерение централизовать работу в рамках всей Сибири, провозглашенное «Сибирским союзом», оставалось в значительной мере не выполненным. Причиной этому были указанные разногласия идейно-политического характера, а также недостаток руководящих кадров, который проявился в данном случае в том, что инициаторы создания «Союза» с развертыванием работы на местах оказались почти полностью поглощенными ею.

Вместе с тем возникновение социал-демократических организаций во всех крупных городах Сибири, их переход от пропаганды марксизма в кружках к социал-демократической агитации в массах явились большим шагом вперед в развитии рабочего и социал-демократического движения в Сибири. Возникновение социал-демократических организаций и их переход к руководству рабочим движением знаменовали собой выделение пролетарской демократии в Сибири в самостоятельное политическое течение.

Однако в целом социал-демократическое движение в Сибири вплоть до конца 1902 г. не преодолело идейного разброда и организационного кустарничества. Процесс борьбы представителей революционной социал-демократии против проявления «экономизма», народнических взглядов и областничества, против увлечения узкоместной работой не был завершен. В некоторых организациях вместе с их ростом росли и оппортунистические тенденции. Борьба с ними усиливалась по мере распространения ленинско-искровского влияния на сибирские организации.

5. ПОБЕДА ЛЕНИНСКО-ИСКРОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ. УЧАСТИЕ СИБИРСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОРЬБЕ ЗА ПАРТИЮ

Определяющую роль в подготовке условий для создания марксистской рабочей партии в России сыграла деятельность В. И. Ленина в созданной им общерусской политической газете «Искра». Проникая во все уголки страны, идеи, пропагандируемые В. И. Лениным и «Искрой», вносили ясность в сознание социал-демократов по основным вопросам теории и программы, мобилизовывали их на осуществление ленинских политических и организационных принципов. На основе ленинско-искровской идеологии вокруг В. И. Ленина и «Искры» формировался костяк будущей партии, воспитывались ее кадры, возникали ее организации.

Распространение произведений В. И. Ленина и «Искры» в Сибири, их роль в формировании местных партийных организаций с особой наглядностью и убедительностью вскрывают размах и принципиальную сущность организованной В. И. Лениным работы по созданию партии.

Начало знакомства сибирских революционеров с идеями ленинских работ относится к 90-м годам. В 1895 г. студенты-марксисты Томска располагали несколькими тетрадями из тектографированной работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», а несколько позже им стал известен сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором была помещена статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народ-

ничества и критика его в книге г. Струве». В 1899 г. красноярские, а затем иркутские и томские марксисты познакомились с написанным Лениным против «экономистов» «Протестом российских социал-демократов». Изданная в Женеве отдельной брошюрой статья Ленина «Задачи русских социал-демократов» изучалась в 1900—1901 гг. в пропагандистских кружках Красноярска, Иркутска, а также ссыльными Якутской области.

В 1902 г. в сибирских организациях довольно широкое распространение получили статьи В. И. Ленина «С чего начать?» и «Рабочая партия и крестьянство». Осенью этого же года пролетарским революционерам Красноярска, Иркутска и Томска удалось получить сыгравшую столь огромную роль в подготовке партии книгу Ленина «Что делать?».

Произведения В. И. Ленина явились теоретической основой и программой практической деятельности сибирских социал-демократов.

Воздействие ленинских идей на сибирских социал-демократов в огромной мере расширилось и усилилось с проникновением в Сибирь газеты «Искра». Первоначально «Искра» попадала к местным революционерам по случайным каналам: через социал-демократическую ссылку, через сибирскую молодежь, учившуюся за границей и в центре России. Отдельные номера газеты — со второго по двенадцатый — были известны в Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Якутске, Верхотуренске. С ростом влияния газеты, с появлением в сибирских организациях ее сторонников возникла необходимость в установлении постоянных связей непосредственно с редакцией газеты.

В налаживании таких связей, а также в укреплении ленинско-искровского направления в сибирских организациях серьезную помощь оказали Г. М. Кржижановский и А. И. Ульянова-Елизарова.

В 1900—1901 гг., работая на станции Тайге Средне-Сибирской железной дороги, Г. М. Кржижановский установил и поддерживал сношения со ссыльными и местными революционерами. Возглавляя в 1902 г. самарскую организацию «Искры», он не только способствовал регулярной транспортировке газеты в Сибирь, но и во многом, как это видно из его переписки с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, обеспечил сплочение искровцев в социал-демократических организациях Сибири.

В октябре—декабре 1902 г. в Томске жила А. И. Ульянова-Елизарова. При ее участии в городе сложилась искровская группа; через нее и В. М. Броннера, входившего ранее в берлинскую группу сибирских социал-демократов, установилась регулярная переписка томских социал-демократов с редакцией «Искры». Одновременно наладилось регулярное получение газеты «Искра» и других нелегальных изданий в Томске.

Ленинская «Искра» приучала сибирских социал-демократов чувствовать себя членами единой российской социал-демократической партии. Регулярно освещая факты борьбы с самодержавием во всех концах России, газета и для сибирских революционеров была своим органом. На ее страницах были опубликованы 54 корреспонденции, посвященные событиям общественно-экономической жизни Сибири, деятельности социал-демократических организаций, рабочему движению, сибирской ссылке.

Произведения В. И. Ленина и «Искра» значительно усилили позиции революционной социал-демократии в Сибири, ускорили ее развитие, явились основным оружием в борьбе с идейным разбродом, «экономизмом» и кустарничеством. В свою очередь формирование ленинско-искровского направления в социал-демократических организациях Сибири сказывалось на расширении объема революционной деятельности, на развертывании рабочего движения под руководством социал-демократии.

За 1902 г. выросла и окрепла Красноярская организация. Ее ядро составили рабочие местных железнодорожных мастерских, из среды которых

выдвинулись энергичные руководители и агитаторы: И. Даник, А. Козлов, Д. Налетов, И. Княжев. Считая основной задачей внесение социалистического сознания в рабочее движение, Красноярский комитет наряду с расширением сети пропагандистских кружков уделял большое внимание политической агитации. С февраля по декабрь 1902 г. комитет изготовил и распространил 30 номеров различных прокламаций. Только 18 апреля 1902 г. полиция собрала в городе более 3 тыс. воззваний комитета. Летом красноярцы оборудовали подпольную типографию и стали печатать прокламации и для других городов — Иркутска, Читы, Омска. По своей оснащенности типография Красноярского комитета была одной из лучших подпольных типографий российской социал-демократии.

Авторитет и влияние Красноярского комитета особенно ярко проявились во время так называемой «билетной» забастовки (начавшейся из-за отмены бесплатных проездных билетов для железнодорожных рабочих), во главе которой стоял комитет. На несколько дней (стачка продолжалась с 1 по 9 ноября) рабочие Красноярска отвоевали для себя право политических собраний. Во время каждодневных массовых сходок перед рабочими выступали члены и руководители социал-демократической организации, распространялись воззвания комитета. Стачка для красноярских рабочих явилась школой политического воспитания; она оказала большое влияние на рабочее движение всей Сибири. Руководствуясь в своей практике принципами революционной социал-демократии, ленинской «Искры», Красноярская организация к концу 1902 г. стала самой сплоченной и влиятельной в «Сибирском социал-демократическом союзе».

Для Томской организации 1902 г. был сложным периодом развития. Подверженные влиянию «экономизма» руководители Томского комитета отрицательно отнеслись к «Искре», в результате чего комитет не мог стать центром сосредоточения растущих в городе революционных сил. Сторонники «Искры» создали свою группу, которая организационно оформилась как «Группа сибирской революционной социал-демократии» осенью 1902 г. и возглавила борьбу против «экономизма», идейного разброда и кустарничества, имевших место в деятельности Томского комитета. Одним из организаторов этой группы был Н. Н. Баранский. Участники группы перепечатывали на mimeографе и распространяли отдельные статьи из «Искры» и даже целые номера газет. В частности, ими был перепечатан 21-й номер «Искры» и распространен «Проект программы РСДРП», перепечатывались некоторые статьи из журнала «Заря». Одновременно группа развернула широкую пропагандистскую деятельность среди рабочих и студентов Томска. Знакомство с книгой В. И. Ленина «Что делать?» значительно увеличило в городе число сторонников «Искры», укрепило их позиции. К концу 1902 г. ленинско-искровское направление стало проявляться и в деятельности Томского комитета.

С весны 1902 г. усилилась Иркутская социал-демократическая организация. К работе Иркутского комитета были привлечены студенты-марксисты, сосланные в Иркутск из Москвы, Петербурга, Томска. К лету в городе собрались значительные силы подготовленных революционеров. Однако вплоть до августа 1902 г. в работе комитета проявлялись элементы «экономизма» и влияние эсеровской идеологии. С осени 1902 г. в Иркутской организации усилилось влияние ленинско-искровской идеологии. Указания «Искры» давать классово-политическую оценку каждому общественному событию, не оставлять без внимания и предавать гласности все злоупотребления царской администрации, воспитывать пролетариат как руководителя в общедемократической борьбе с самодержавием становились руководством в пропагандистской и агитационной работе комитета. К концу 1902 г. Иркутская организация уже имела свои группы и на некоторых станциях Сибирской и строящейся Забайкальской железных дорог.

Расширению работы Иркутского комитета, идейно-политическому росту организации способствовало и то обстоятельство, что уже с середины 1902 г. Иркутск становится центром деятельности «Сибирского социал-демократического союза», в руководстве которого к тому времени наметилась линия сближения с ленинской «Искрой».

Привлечение к работе в сибирских организациях ссыльных «искровцев», более близкое знакомство с принципами «Искры» и — самое важное — изучение книги В. И. Ленина «Что делать?» подготовили поворот в сознании большинства руководителей «Сибирского союза». Необходимость преодоления идейного разброда, кустарничества и связанного с ним «экономизма», потребность перестроить и централизовать работу на основе идейно-политических и организационных принципов, предлагаемых В. И. Лениным и «Искрой», — все это постепенно выдвинулось как первоочередная практическая задача.

Проникновение ленинско-искровской идеологии в социал-демократическое движение Сибири резко ускорило процесс размежевания революционных социал-демократов с «экономистами», эсерами и другими представителями мелкобуржуазной идеологии в пролетарском движении. Под влиянием «Искры» борьба за партию нового типа захватила и сибирские организации: в них началось вытеснение из руководства сторонников узко-местной работы, разоблачение «экономистских» взглядов.

Не позже ноября 1902 г. в Иркутске после предварительных переговоров состоялось совещание руководителей «Сибирского союза» и некоторых местных комитетов, на котором было решено перестроить всю работу в соответствии с принципами, изложенными в работе В. И. Ленина «Что делать?» и развиваемыми «Искрой». Здесь же было предложено выработать новое программное заявление о присоединении к «Искре» с указанием ближайших задач общесибирской партийной организации.

К началу 1903 г. почва для торжества ленинско-искровских идей и для создания в Сибири единых партийных организаций была расчищена.

В декабре 1902 г. было издано, а затем распространено среди социал-демократических организаций России «Извещение об образовании Организационного комитета», в котором сообщалось о создании комитета и о начатой им работе по подготовке партийного съезда. К этому времени больше половины российских социал-демократических комитетов высказались за поддержку «Искры», и борьба за выработку партийного единства, за создание партии вступила в завершающую стадию.

Активно включились в эту борьбу и сибирские организации. В январе 1903 г. было распространено заявление «Сибирского союза», в котором указывалось: «Признавая организацию „Искры“ единственной за последние два года организацией в России, сохранившей при господствующей смуте позицию научного социализма, бесстрашно боровшейся за чистоту идейного знамени пролетариата против развращающего его революционное сознание оппортунизма и ослабляющего его силы организационного кустарничества... Сибирский социал-демократический союз... заявляет о своей солидарности с организацией „Искры“ по вопросам принципиальным, тактическим и организационным и признает ее своим руководящим органом, выражая готовность оказывать этому органу и его объединительным попыткам материальную и духовную поддержку».⁶⁰

В условиях назревающей в России революции, отмечалось далее в заявлении «Сибирского союза», когда начинают складываться течения буржуазной и мелкобуржуазной демократии, угрожающие политической самостоятельности пролетариата, сплочение всех пролетарских революционеров.

⁶⁰ Сибирский союз РСДРП. К 30-летию большевистских партийных организаций в Сибири. 1903—1933. М., 1935, стр. 113.

в единую партию особенно необходимо. Считая необходимым полностью следовать в своей практической работе за ленинскими положениями, изложенными в работе «Что делать?», «Сибирский союз» в соответствии с ними сформулировал в заявлении свои идейные, тактические и организационные принципы. Заявление было подписано: «Сибирский социал-демократический союз — комитет РСДРП».

В феврале—марте 1903 г. были выработаны и распространены аналогичные заявления Красноярского, Иркутского, Томского и Читинского комитетов РСДРП. Борьба в сибирских организациях против идейного разброда, кустарничества и оппортунизма закончилась победой сторонников ленинско-искровского направления. Признание «Искры» своим руководящим органом, а себя — комитетами партии — начало нового этапа в развитии революционного движения в Сибири. Его характерной чертой явилось участие сибирских организаций в борьбе за создание партии рабочего класса.

В первой половине 1903 г. сибирские комитеты РСДРП проводили организационную перестройку на основе централизации, расширяли и укрепляли связи друг с другом и с организациями Европейской России, намного увеличили издание революционной литературы всеми способами, усилили агитационную деятельность. Комитетами развевалась систематическая пропаганда и агитация среди солдат, казаков, студентов, учащихся средних учебных заведений. Становилась руководством искровская тактика широких политических обличений царизма, направленная на пробуждение недовольства во всех слоях общества. С начала 1903 г. в Сибири предпринимались попытки социал-демократической работы среди крестьянства.

В пропагандистской работе комитетов делался упор на подготовку сознательных революционеров-профессионалов из среды рабочего класса, а в агитационной — на подготовку политических выступлений сибирского пролетариата.

Поддерживая организационную деятельность В. И. Ленина и «Искры», сибирские комитеты переиздали массовым тиражом в своих типографиях «Проект программы РСДРП», «Извещение об образовании Организационного комитета», оказывали комитету и «Искре» постоянную материальную поддержку, предлагали свои типографии для перепечатывания «Искры» в Сибири, создали группу для организации побегов партийных работников из сибирской ссылки. «Сибирский социал-демократический союз» переиздавал большим тиражом работы В. И. Ленина «С чего начать?», «Рабочая партия и крестьянство», «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» и ряд материалов из «Искры».

Черты нового этапа в революционном движении Сибири проявились с конца 1902 г. и в рабочем движении. Под руководством социал-демократов прошли стачки на станции Иланской, в Омске, Томске, Чите. 18 апреля 1903 г. в Томске состоялась массовая политическая демонстрация рабочих и студентов, подготовленная местным комитетом. Празднования рабочими Первомайского праздника состоялись во всех крупных городах Сибири. Этими выступлениями было положено прочное начало организованному рабочему движению в Сибири.

Ленинско-искровская позиция сибирских комитетов РСДРП накануне II съезда нашла отражение в решениях I конференции «Сибирского союза», состоявшейся в июле 1903 г. в Иркутске. Конференция обсудила организационный план партийного строительства, устав «Союза рабочих Забайкалья», устав боевой организации Томского комитета, а также организацию работы среди студенчества.

В резолюции по организационному плану партийного строительства говорилось: «Признана необходимость последовательного и строгого про-

ведения централистического принципа как при образовании партийной организации, так и для дальнейшего ее функционирования».⁶¹ Подчеркнув необходимость перенесения центра тяжести в работе «с местных интересов на общерусские», «Сибирский союз» объявил себя организацией временной, которая, поставив местную работу «в тесную зависимость от партийного центра», впоследствии должна «сойти со сцены».⁶² А до тех пор «Сибирский союз» должен быть центром руководства всей социал-демократической работы в Сибири. С этих позиций и указывались в резолюции конкретные задачи партийного строительства в Сибири.

Резко отрицательную оценку получил на конференции устав «Союза рабочих Забайкалья». «Рассмотрев этот „Устав“, — записано в резолюции, — конференция констатирует полную и грубую смесь тред-юнионизма и социал-демократизма, кричащую в каждой строчке этого устава».⁶³ Это смешение совершенно справедливо было отмечено на основании того, что, создавая чисто рабочую организацию, Читинский комитет передавал ей, согласно уставу, все права и функции руководящей социал-демократической организации (организация пропаганды и агитация среди рабочих и солдат, организация демонстраций, стачек и т. д.).⁶⁴

При обсуждении устава боевой организации Томского комитета конференции, не отрицая целесообразности такой организации, ограничилась лишь техническими замечаниями о целесообразности тех или иных пунктов в уставе.

В резолюции о работе среди студенчества правильно была подчеркнута необходимость развить в студенчестве «максимум той революционной энергии, на которую оно только способно, ни на минуту не забывая, что мы работаем среди студенчества лишь постольку, поскольку это полезно пролетариату».⁶⁵ Рекомендовалось создавать при комитетах особые группы для работы среди студентов, готовить из среды революционного студенчества отдельных лиц для профессиональной работы в партии.

I конференция «Сибирского союза» состоялась в канун II съезда РСДРП. Ее решения показывают, как понимали руководители социал-демократических организаций Сибири задачи организационной и идейно-политической работы в момент создания партии. Высказавшись за ленинский план построения партии, за необходимость подчинения местной работы интересам партии в целом, вскрыв проявления «экономизма» в Читинском комитете, участники конференции накануне II съезда РСДРП проявили солидарность с ленинской позицией.

Но на конференции «Сибирского союза» проявились и взгляды, не имеющие ничего общего с организационным планом В. И. Ленина. Так, некоторые ее участники считали, что созыв съезда как решающего органа не только ненужное, но и вредное дело. Партия должна сложиться путем признания за «Искрой» и Организационным комитетом права создать центральные органы — ЦК и ЦО. Съезд возможен лишь в качестве простого совещания.⁶⁶ Исключая в данном случае полностью демократизм в деле создания партии, участники конференции впали в другую крайность, заявив, что резолюции конференции «не имеют никакого обязательного значения» ни для организаций, участвующих в ней, ни для инициаторов ее созыва.⁶⁷ Колебания от ультрацентрализма до анархизма, допущенные на конференции, были свидетельством неустойчивости некоторых

⁶¹ Там же, стр. 108.

⁶² Там же, стр. 108, 109.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 5-у, д. 27978, л. 8.

⁶⁴ ГАО, ф. 300 с., оп. 1, д. 5, л. 59.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 5-у, д. 27978, л. 9.

⁶⁶ «Сибирский союз РСДРП», стр. 108.

⁶⁷ Там же, стр. 107—108.

руководителей в партийно-организационных вопросах. По своей природе их позиция была близка к неустойчивости меньшинства на II съезде и имела общие с ней корни.

Однако в целом I конференция «Сибирского социал-демократического союза» прошла под знаком ленинско-искровских идей, признала в своих решениях ленинско-искровскую линию единственным руководством в революционной и партийной деятельности. Добиваясь на этой основе централизации всей работы и подчинения ее общепартийным задачам, конференция создавала почву для работы будущих большевистских организаций в Сибири.

Нужно отметить, что большую роль в формировании партийных организаций в Сибири сыграла Н. К. Крупская. С начала 1903 г. она поддерживала регулярную переписку с «Сибирским союзом», Томским и Иркутским комитетами. Через нее сибирские организации получали информацию о делах в партии, партийные документы, адреса и в значительной мере литературу.

После II съезда комитеты РСДРП Сибири из писем Н. К. Крупской узнавали о принятых партийных решениях, о деятельности ЦК партии, о ближайших задачах, о раскольнической деятельности меньшевиков и, что особенно важно, о позиции В. И. Ленина и его сторонников. После II съезда в комитетах РСДРП Сибири продолжали укрепляться и развиваться принципы ленинской «Искры».

Неверно было бы думать, что сибирские партийные организации не имели в своих рядах меньшевиков и членов, занимавших неопределенную и примиренческую позицию. Но ни меньшевики, ни примиренцы не определяли и не могли определять в это время позицию сибирских комитетов РСДРП.

6. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И СИБИРЬ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В январе 1904 г. началась русско-японская война. Она была вызвана столкновениями интересов японского и российского империализма на Дальнем Востоке. Японские империалисты стремились укрепить и расширить свое влияние на Азиатском материке, захватить Маньчжурию и Корею, усилить эксплуатацию Китая. Япония начала войну при поддержке английских и американских империалистов. Царское правительство, вступая в войну в интересах крупных капиталистов и помещиков, надеялось в результате победы над Японией приобрести новые рынки, укрепить пошатнувшийся престиж самодержавия, подавить революционное движение. Об этом откровенно заявил министр внутренних дел Плеве военному министру Куропаткину: «Поверьте мне, что нам маленькая победоносная война необходима, иначе нам внутри России будет грозить беда».⁶⁸ Надежды царизма на подавление революции не оправдались. Война показала гнилость и бессилие царизма, привела его к поражению. Она не подавила, а ускорила назревавшую еще перед войной революцию.

Сибирь, особенно Юго-Восточная, находилась ближе к театру военных действий, чем губернии Европейской России, но на сибирских и дальневосточных окраинах не было таких предприятий, которые могли бы снабжать армию необходимыми для нее промышленными изделиями. Между тем средства связи Европейской России с театром военных действий были не вполне подготовлены. К началу войны еще не завершилось строитель-

⁶⁸ А. М. Панкратова. Первая русская революция 1905—1907 гг. М., 1951, стр. 42.

ство Сибирской железной дороги: достраивался Кругобайкальский участок. Зимой войска переправлялись через Байкал на ледоколе или пешком. Это замедляло передвижение войск, а также доставку грузов.

Неподготовленность царизма к войне сказалась и на морском транспорте. Главные военные гавани на Тихом океане — Владивосток и Порт-Артур — были отрезаны друг от друга японскими судами. Расположенная рядом с Порт-Артуром торговая гавань Дальний не была достаточно укреплена.

В городах, деревнях, казачьих станицах происходила мобилизация в армию, сибирские воинские части в первую очередь отправлялись на фронт. Люди гибли на полях Маньчжурии за чуждые народу интересы.

Русско-японскую войну поддерживали помещики, крупные чиновники, духовенство, капиталисты, связанные с царским правительством выгодными подрядами, поставками в казну, концессиями. Прикрываясь пышными фразами о «патриотизме», они наживались, спекулировали на войне. Эти «архипатриоты» резко высмеивались в одной из статей газеты «Восточное обозрение»: «Можно носить кличку „архипатриота“, получать от этого звания доход и в то же самое время провозить под видом пушек, и за приличное вознаграждение, по железной дороге вместо вагонов с боевыми снарядами вагоны с купеческими товарами, грабить вещевые и денежные пожертвования на больных и раненых воинов. Можно все это делать и вместе с тем не без гордости заявлять о своей благонадежности, пристегивая к этому еще служение отечеству».⁶⁹

Царские власти при содействии полиции устраивали так называемые «патриотические манифестации». Одна из них была устроена в Томске. Томский комитет РСДРП в 1904 г. выпустил по этому поводу прокламацию под названием «Полицейский патриотизм» и показал устроителей этой манифестации: «Типичный полицейский прохвост Аршаулов (полицеймейстер), не менее типичный архиерей Макарий — этот церковный будочник самодержавия, знаменитый купец Алешка Кухтерин, от пьянства и разгула юных лет перешедший в добровольцы кулачского режима Николая II, — вот главные музыканты разыгравшегося концерта».

Томский комитет РСДРП призывал всех, «в ком живо чувство омерзения перед гнусностью самодержавно-полицейского режима», бороться с этим «патриотическим» обманом и холоуиством. Война выгодна только самодержавию и буржуазии. Кто за войну, тот за самодержавие, кто против самодержавия, тот против войны.

Что касается либерально-буржуазных элементов, то они, по мере того как война затягивалась и крайне отрицательно сказывалась на состоянии страны, стали выражать недовольство войной. Одним из проявлений этого недовольства была полемика между сибирскими газетами либерально-областнического направления и черносотенно-монархическими газетами.

В репильной и продажной черносотенной «прессе», в частности в «Московских ведомостях», появились статьи о том, что Сибирь ничего не потеряла, а наоборот, выиграла от войны, так как в военное время сибиряки стали продавать хлеб, мясо, масло, скот и пр. по повышенным ценам. В одной из статей в «Московских ведомостях» говорилось, что «крики сибирской печати о мнимом разорении окраины войной являлись тенденциозной ложью. Несомненно, кой-что сибиряки и потеряли, но в общем они все же остались в выигрыше». Опровергая эти измышления, «Восточное обозрение» отмечало: «Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо».⁷⁰ Из сибирских городов и деревень ушли в армию не только запасные, как в губерниях Европейской России, но и ополченцы.

⁶⁹ «Восточное обозрение», 1905, № 19

⁷⁰ Там же, № 256.

В результате такого призыва оказалось, что «в сибирских селах и деревнях по несколько семейств соединялось в одну, часть пашен осталась необработанной, а на обработанных полях во многих местах хлеб оказался несобраным».⁷¹ В казачьих станицах Забайкальской области после мобилизации казаков «остались старый да малый, так что весь труд по земледелию лег на плечи казачек и казачат».⁷²

Возрастали повинности крестьян, усиленно взыскивались податные недоимки. Сельские общества должны были поддерживать семьи запасных, призванных по мобилизации. После сообщения о гибели солдата выдача пособия его семье прекращалась. После каждого крупного сражения семьям запасных, просившим пособия, заявляли: «Недавно, мол, было большое сражение, может быть, твой муж (отец, сын) убит. А по действующим правилам это лишает права на помощь».⁷³

В сибирских газетах либерального направления содержались высказывания об ужасных последствиях войны, ее бессмысленности и бесперспективности.

«В результате кровопролитной войны десятки тысяч убитых и больше того изувеченных, тысячи семей осиротели, и перед каждым встает вопрос: когда же, наконец, кончится эта ужаснейшая война, когда же мы можем вздохнуть свободно».⁷⁴

Либералы понимали, насколько вредна и разорительна война с Японией, об этом они писали в своих газетах. Тем не менее они не решались требовать немедленного прекращения войны.

Съезд земских деятелей, происходивший в Петербурге в ноябре 1904 г., обошел в своей резолюции вопрос о войне. В этой резолюции отмечалось, что «бюрократический строй, разобщая верховную власть с населением, создает почву для широкого проявления административного произвола и личного усмотрения... подрывает доверие общества к правительству».⁷⁵ Съезд выражал надежду, что «верховная власть призовет свободно избранных представителей народа». Земцы договорились до конституции, но не выдвигали широких демократических требований.

Возникал вопрос об отношении социал-демократов к либерально-оппозиционному движению: «Отказываться ли поддерживать их в борьбе против правительства, отвернуться ли от них окончательно и предоставить их собственной судьбе?».⁷⁶ Ответ на этот вопрос приведен в листовке Сибирского комитета РСДРП, изданной в декабре 1904 г. В ней говорится, что такого отказа не должно быть. «Дело революционного пролетариата — поддерживать всякое революционное и оппозиционное движение против самодержавной власти, поскольку это движение не противоречит его интересам».⁷⁷

На практике это выразилось в использовании банкетов либералов для политических демонстраций, а также легальной печати либерального направления.

Война, обостряя экономический кризис, ухудшила положение трудящихся, вызвала все возраставшее недовольство широких масс рабочих, крестьян, солдат и казаков.

С самого начала военных действий сибирские организации РСДРП в многочисленных листовках вскрывали грабительский, захватнический, совершенно чуждый интересам народа характер войны, призывали к уси-

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, № 234.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ ГАИО, коллекция листовок, № 106.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

лению борьбы против самодержавия. В воззвании по поводу русско-японской войны «Сибирский союз РСДРП» писал: «Итак, война уже началась. Преступление свершилось... Товарищи рабочие! Вас теперь больше всего боится самодержавие, от вашего восстания оно должно погибнуть». Воззвание отмечало ведущую роль рабочего класса в революционном движении: «Русский рабочий класс не остановится на полпути: разрушив самодержавие, он будет бороться дальше против всего буржуазного строя, за всеобщее братство и равенство, за социализм».⁷⁸

В листовке «Для чего должен умирать русский солдат» «Сибирский союз РСДРП» разъяснял, что солдаты умирают на Дальнем Востоке для славы царя, построенной на народных бедствиях, и призывал их обратить оружие против царизма. В связи с падением Порт-Артура «Сибирский союз РСДРП» выпустил листовку, призывавшую солдат поддержать всеобщую политическую стачку рабочих, которая рассматривалась как первый шаг к восстанию народа против монархии. Прокламации выпускали все комитеты РСДРП — Томский, Омский, Красноярский, Иркутский, Читинский. Широкою известность получила очень выразительная по содержанию прокламация Красноярского комитета «Сорок человек, восемь лошадей» (надпись на товарных вагонах, в которых ехали солдаты). Только в первую неделю после начала войны в подпольных типографиях было напечатано около 10 000 экземпляров прокламаций.

Во время войны в ряде районов Сибири было введено военное положение, усилились полицейские репрессии против стачек, участников кружков и членов партийных групп. Выступления рабочих стали преследоваться по законам военного времени, но революционное движение не прекратилось.

Перед войной и во время войны происходили выступления политических ссыльных. Еще в 1902 г. произошли волнения в Александровской пересыльной тюрьме, где под руководством Ф. Э. Дзержинского возникла трехдневная «тюремная республика». Протестуя против задержки в тюрьме перед отправкой на поселение и стеснений со стороны царской администрации, политические ссыльные, вытеснив надзирателей за пределы тюрьмы, в течение 3 дней держали в своих руках пересыльную тюрьму. На одном из тюремных барачных дворов взвился красный флаг с надписью «Свобода». Политические ссыльные добились своих требований: отправка на поселение ускорилась. На пути к месту своей ссылки — в Вилуйск Ф. Э. Дзержинский вместе с эсером Сладкопевцевым совершил побег из Верхотурска. Они поплыли на лодке по р. Лене. Затем с большими трудностями добрались до Иркутска и двинулись дальше — в Европейскую Россию.

В 1903—1904 гг. царское правительство, стремясь сломить политических ссыльных, усилило против них наступление. Проводниками этой политики стали министр внутренних дел Плеве и иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов. Последними были составлены и утверждены правительством правила и инструкции по надзору за политическими ссыльными, получившие известность под названием «кутайсовских правил». Политические ссыльные подлежали отправке на дальний Север. За всей их жизнью устанавливался полицейский надзор. Запрещались даже кратковременные отлучки с мест поселения, необходимые для общения с товарищами, получения работы, медицинской помощи, добывания продовольствия. Они обрекались на одиночество, голод, болезни и смерть.

Борьба против произвола царской администрации вылилась в 1904 г. в якутский вооруженный протест политических ссыльных. Сговорившись между собой, ссыльные Якутской области решили оказать вооруженное

⁷⁸ Там же, № 99.

сопротивление царским сатрапам. Такое выступление рассматривалось как одно из проявлений борьбы против царизма. Ближайшее же требование заключалось в отмене «кутайсовских правил». Решение о протесте было принято на собраниях политических ссыльных, происходивших в феврале 1904 г. На одном из собраний избрали исполнительную комиссию. В ее состав вошли большевики В. Курнатовский, А. Костюшко-Валюжанич, П. Никифоров, Г. Кудрин и др. Из участников выступления большинство составляли члены РСДРП. Среди протестантов были также бундовцы, «экономисты», трое эсеров и несколько беспартийных крестьян, участников аграрных волнений.

Собравшись в Якутске, участники протеста забаррикадировались в двухэтажном доме, принадлежавшем якуту Романову. Поэтому в дальнейшем их стали называть «романовцами». Они имели 13 револьверов, десяток дробовых ружей, две берданки, несколько топоров и финских ножей. 18 февраля 1904 г. «романовцы» отправили якутскому губернатору письменный протест. Они заявляли, что не разъедутся из Якутска до тех пор, пока не будут отменены «кутайсовские правила», а в случае попыток взять их насильно окажут вооруженное сопротивление.

Число участников доходило до 57. Царская администрация окружила дом Романова солдатами, стремясь взять «романовцев» измором. Участники вооруженного протеста отправили губернатору новое заявление с требованием снять блокаду. Одновременно они выпустили несколько напечатанных на гектографе прокламаций к жителям Якутска. «Романовцы» разъясняли цель своего протеста, разоблачали царскую администрацию, распространявшую лживые слухи среди местного населения, пытаясь возбудить его против политических ссыльных. В самом городе распространялась прокламация, выражавшая сочувствие «романовцам». На доме Романова было поднято красное знамя.

Протест «романовцев» продолжался 18 дней — с 18 февраля по 7 марта 1904 г. Участники протеста полагали, что их попытаются взять штурмом, и приготовились к отпору. Однако противники стали обстреливать их с дальнего расстояния. Был убит рабочий Ю. Матлахов, ранены А. Костюшко-Валюжанич, Харитонов, Медник.

7 марта 1904 г. «романовцы» были вынуждены прекратить сопротивление. Арестованных участников вооруженного протеста отправили в тюрьму. В августе 1904 г. Якутский окружной суд приговорил каждого из них к 12 годам каторги.

Выступления «романовцев» на суде были направлены к разоблачению царского режима. Протест «романовцев» получил общероссийский отклик. «Сибирский союз» и Иркутский комитет РСДРП откликнулись на якутский протест выпуском прокламаций и организацией побегов «романовцев». Рабочие из разных мест России посылали «романовцам» свои приветствия, происходили демонстрации солидарности рабочих, политических ссыльных, учащейся молодежи. Царское правительство было вынуждено отменить репрессивные «кутайсовские правила».

Стачечное движение во время русско-японской войны уменьшилось, но не прекратилось. Весной 1904 г. прошли забастовки на Ленских золотых приисках и Черемховских каменноугольных копях.

Всемирный рабочий праздник 1 Мая 1904 г. был отмечен в сибирских городах и рабочих поселках сходками, стачками и демонстрациями. Первомайская демонстрация, организованная «Сибирским социал-демократическим союзом», проходила под лозунгами: «Да здравствует всемирный рабочий праздник! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой царскую войну! Долой царское самодержавие! Да здравствует мир между народами! Да здравствует социализм!».

В августе—октябре 1904 г. бастовали железнодорожники и рабочие, производившие заготовку шпал, дров, вспомогательных материалов близ станций Боготола, Зима, Алзамая, Половинки и в Ангарском лесничестве.

В декабре 1904—январе 1905 г. в Томске, Красноярске, Иркутске, Нижнеудинске, Чите, на станции Мысовой состоялись нелегальные сходки рабочих и совместные собрания рабочих и интеллигенции. Обыкновенно собирались небольшими группами, в 40—60 чел. Исключение составляла читинская сходка, на которой присутствовало около 1000 чел. На сходках обсуждались вопросы о войне и всеобщей политической стачке по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. Рабочие заявляли, что такая стачка будет мощным ударом по уже близкому к гибели самодержавию, ударом, нанесенным ему российским пролетариатом, борцом против всякого угнетения и эксплуатации.

Решения сходов имели агитационно-пропагандистское значение, так как они публиковались в листовках «Сибирского союза РСДРП», которые распространялись по городам и рабочим поселкам. Например, Читинский комитет РСДРП распространял листовки в Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске, Сретенске, по станциям Забайкальской железной дороги.

Устная пропаганда велась в кружках рабочих и интеллигенции. Выпускал листовки, устраивал собрания Красноярский комитет РСДРП. Печатную и устную пропаганду вели Томский, Омский, Иркутский комитеты РСДРП.

Одной из основных задач сибирских организаций РСДРП была работа в армии. Она приобретала особое значение в связи с тем, что сибирские окраины были ближайшим тылом армий, находившихся в Маньчжурии, и транзитным путем отправки воинских эшелонов. Сибирские организации РСДРП вели печатную и устную пропаганду среди солдат, казаков, матросов, призывая их присоединиться к революционному народу и вместе с ним бороться против самодержавия.

Пропаганду против войны и самодержавия вели также эсеры. К концу 1904 г. существовавшая в Сибири группа эсеров образовала губернские комитеты этой партии в Томске, Красноярске, Иркутске, Благовещенске. В дальнейшем возник «Сибирский союз партии социалистов-революционеров», имевший связи с губернскими комитетами. Они устраивали подпольные типографии, библиотеки с нелегальной литературой, выпускали и распространяли листовки, вели устную пропаганду.

Острое недовольство войной и царскими властями проявлялось в сибирской деревне. Об этом свидетельствуют многочисленные дела окружных судов и судебной палаты по обвинению крестьян в «произнесении дерзких слов» против царя, «подстрекательстве» к отказу от уплаты податей и повинностей, неповиновению царским властям, в распространении революционных листовок и прокламаций. Наконец, политические ссыльные совершали попытки пропаганды «противоправительственных идей среди крестьян тех селений, в которых они были поселены».⁷⁹

Война все более обостряла политический кризис, перераставший в революцию.

⁷⁹ Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг. СПб., 1908, стр. 4.

*Революционное движение в Сибири
периода первой русской революции
1905—1907 гг.*

**1. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ.
РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ**

В 1905—1907 гг. трудящиеся нашей страны во главе с рабочим классом вступили в отважную политическую борьбу против самодержавия и эксплуататорских классов. Это была первая народная революция эпохи империализма.

По своему социальному содержанию революция 1905—1907 гг. была буржуазно-демократической, а по средствам борьбы — пролетарской. Ее ближайшие задачи заключались в свержении самодержавия, установлении демократической республики и гражданских свобод, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьего землевладения и вообще в устранении остатков средневековья, тормозивших общественное развитие. Осуществление этих задач должно было расчистить путь для перехода к социалистической революции.

«Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий».¹

Движущие силы революции составляли рабочих класс и крестьянство. Революция 1905 г., начавшись в центре, охватила и сибирские окраины России. Составляя часть общероссийской борьбы рабочих и крестьян против самодержавия и эксплуататорских классов, революционное движение в Сибири имело и некоторые особенности.

Проведение Сибирской железной дороги способствовало росту рабочего класса, облегчало экономическое, политическое, культурное общение сибиряков с Европейской Россией. На Сибирской железнодорожной магистрали находились главные очаги революционного движения. Города и пристанционные поселки стали центрами сибирских комитетов и групп РСДРП, руководивших революционным движением. Рабочие железнодорожники были активной силой революционного движения в Сибири. Возрастало количество рабочих на каменноугольных копях, золотых приисках. К 1905 г. рабочие Сибири уже имели опыт забастовок и политических демонстраций.

Одна из особенностей Сибири заключалась в том, что она была местом каторги и ссылки. Политические ссыльные воспитывали трудящихся Сибири в духе ненависти к самодержавию, в духе революционной борьбы. Ем. Ярославский писал, что в Сибири перебывали десятки тысяч револю-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 311.

ционеров, которые жили здесь десятилетиями, что политическая ссылка имела своими представителями Ленина и почти весь состав ЦК и нашей старой большевистской гвардии.²

В Сибири не было помещичьего землевладения и той борьбы крестьян против помещиков за землю, которая характерна для Европейской России. На этом основании в исторической литературе высказывались мнения, что в 1905—1907 гг. революционным движением были охвачены лишь местности, непосредственно примыкавшие к железной дороге, а сибирская деревня «молчала». Новейшие исследования, внимательное изучение документальных материалов окончательно опровергли это ошибочное представление.

Революционная борьба проявилась в той или иной степени среди русских крестьян и народов Сибири. Сибирские крестьяне не знали помещиков, но в Сибири (на Алтае и в Забайкалье) существовало кабинетское землевладение, земельные угодья имели монастыри и церковный притч. Не случайно крестьянское движение проявилось наиболее заметно на Алтае и в Забайкалье, выразившись прежде всего в захвате кабинетских земель и лесов, а также монастырских земель и рыболовных угодий. По существу это была борьба против феодальных пережитков.

Трудящиеся массы сибирского крестьянства эксплуатировались царским правительством, которое обременяло их податями и повинностями. Они страдали от общего бесправия народа, от произвола чиновников, подвергались эксплуатации со стороны кулачества, купцов-ростовщиков, духовенства.

Тревогу крестьян вызывали попытки царского правительства насадить как свою опору помещичье землевладение в Сибири. Отдельные отводы казенных земель дворянам в Западной Сибири уже начинались. Русско-японская война задержала, а первая русская революция предотвратила попытки крепостников насадить помещичье землевладение в Сибири. Сибирские крестьяне во время первой русской революции выступали против социально-политического гнета со стороны царизма, отказывались от уплаты податей и повинностей, изгоняли чиновников, устраивали сходы, выдвигали общеполитические требования, захватывали кабинетские и монастырские земли.

Революция началась после расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 г. Этот расстрел вызвал у трудящихся всей страны бурю негодования и гнева. Царская цензура не разрешала публикацию в газетах известий о событиях, происшедших в Петербурге, но утаить их было невозможно. «Сибирский союз», Томский, Красноярский, Иркутский комитеты РСДРП в многочисленных листовках заклеили кровавые злодеяния царизма и призывали к усилению революционной борьбы, направленной на свержение самодержавия. Когда же были получены в Сибири документы о петербургских событиях, их опубликовали в листовках. Так, Иркутский комитет РСДРП издал специальную листовку «К петербургским событиям. Январские дни в Петербурге». В ней опубликованы петиция, с которой рабочие шли к Зимнему дворцу, и письмо 457 петербургских литераторов «К офицерам русского войска, не принимавшим участие в бойне 9 января». Листовки по поводу событий 9 января выпускали также сибирские комитеты партии социалистов-революционеров.

Никогда прежде печатная и устная пропаганда не принимала таких масштабов, как в 1905 г. В одном из обзоров революционного движения в Сибири сообщалось: «Местные революционные партии — социал-демократы и социалисты-революционеры — начиная с января (1905 г.) уси-

² Ем. Ярославский. Несколько слов о прошлом сибирской организации партии. Сб. «Земля Иркутская», Иркутск, 1967, стр. 16.

ленно повели пропаганду между всеми классами города, обратив особое внимание на солдат, предлагая не идти на войну, присоединиться к рабочим и вместе с ними свергнуть самодержавие».³

С января 1905 г. в Сибири усиливается стачечное движение. Пионерами его в 1905 г. стали рабочие Красноярских железнодорожных мастерских.

16 января 1905 г. Красноярский комитет РСДРП выпустил листовку «В России — революция», в которой он, оценивая события в стране как начало революции, призывал рабочих бросить работу, объявить стачку, останавливать поезда, брататься с солдатами, привлекать их на свои собрания, побуждать отказываться идти на войну.

В листовке «Что было в Петербурге» Красноярский комитет призывал рабочих к свержению царизма и в качестве первого шага к этому рекомендовал устроить всеобщую стачку на линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. В день начала забастовки комитет выпустил листовку «К рабочим депо и мастерских гор. Красноярска». Листовка заканчивалась призывами:

«Долой войну!
Бросайте же сегодня работу
Выходите с песнями из мастерских и депо!
Останавливайте поезда и братайтесь с солдатами!
Да здравствует наша стачка!».⁴

В дни забастовок были распространены и другие листовки — «Для чего должен умирать русский солдат», «К красноярскому губернатору», «Война против войны» и т. д.

Стачка началась 17 января. В 3 часа дня рабочие прекратили работу в железнодорожных мастерских и депо и устроили демонстрацию по улицам города. Шествие рабочих прерывалось краткими остановками, митингами, революционными речами ораторов. Демонстранты вручили губернатору ряд экономических требований (8-часовой рабочий день, увеличение расценок на 20% и др.). По существу стачка приобрела политический характер: в ней выражался протест против самодержавного строя. Она продолжалась до 20 января.

Общественное оживление отразилось и на сибирских либералах. Перед революцией они входили в «замкнутые, малодоступные широкой публике кружки»⁵ либерально-буржуазного «Союза освобождения». С началом революции их деятельность оживилась. В январе 1905 г. либералы устраивали в Томске, Красноярске, Иркутске банкеты, посвященные 150-летию Московского университета. В условиях начавшейся революции легальное «тихое и мирное» течение этих банкетов было нарушено революционными рабочими и студентами. Организации РСДРП и эсеров использовали эти банкеты для политических выступлений против самодержавия.

12 января 1905 г. в зале Томского железнодорожного собрания происходил банкет, организованный либералами. Банкет открыл его председатель Г. Н. Потанин. Он говорил о значении свободы слова: «Я предвижу, что мы скоро услышим истинно свободный голос, открыто призывающий нас к великой борьбе за счастье родины».⁶

Собрание почтило вставанием «первых жертв открытой борьбы с правительством за свободу родины».⁷ В дальнейшем банкет превратился в ре-

³ ПАИО, ф. Истпарта, № 12.

⁴ «1905 год в Красноярске. Сборник документальных материалов», Красноярск, 1955, стр. 16.

⁵ П. К—в. Красноярск в конце 1905 г. (Наброски по воспоминаниям). «Былое», СПб., 1907, № 16/18, стр. 23.

⁶ «Сибирские вопросы», 1906, № 1, стр. 244.

⁷ Там же.

волюционный митинг. В железнодорожное собрание пришли 200 организованных рабочих и студентов и предложили резолюцию, содержащую призыв к всеобщей политической забастовке на Сибирской железной дороге, к уничтожению самодержавия путем восстания народа.

Один из участников банкета вспоминал: «Банкет обратился в митинг, на котором главным образом социал-демократы и социалисты-революционеры дебатировали вопросы тактики современной политической борьбы... Здесь же впервые перед лицом многочисленного собрания открыто были высказаны мысли об организации вооруженного восстания как средства добыть себе свободу».⁸ Попытки либералов «провести мысль о необходимости добиваться путем петиций и протестов осуществления различного рода свобод не имели успеха».⁹

Яркими революционными выступлениями явились политические демонстрации в Томске 18 и 30 января 1905 г. Активное участие в них принимал молодой тогда революционер Сережа Костриков (С. М. Киров). В день демонстрации 18 января в городе распространялась краткая, но содержательная листовка Томского комитета РСДРП «На улицу!». Демонстранты под охраной боевой дружины прошли по улицам Томска с пением революционных песен и красными знаменами. На них напали полиция, солдаты и сотня казаков. Демонстранты оказали сопротивление, но силы были неравные. Полиция убила знаменосца демонстрации, члена Томского комитета РСДРП, рабочего-печатника И. Е. Кононова, многие были ранены, свыше 100 человек полиция арестовала. Похороны И. Е. Кононова, происходившие 30 января, вылились в новую демонстрацию. Накануне ее была выпущена посвященная его памяти листовка «В венок убитому товарищу». В ней выражалась уверенность в том, что никакие репрессии не запугают рабочих: «Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс, штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата».

Политический характер имела забастовка, происходившая в Читинских железнодорожных мастерских 27—30 января 1905 г. В резолюции, принятой на митинге, рабочие требовали свержения царизма, созыва Учредительного собрания, установления демократической республики. В качестве предлога для забастовки здесь, как и в Красноярске, были выставлены экономические требования, которые администрация была вынуждена удовлетворить.

Стачки протеста против расстрела рабочих в Петербурге провели рабочие депо станций Тайги, Иланской, Нижнеудинска, Зима, Иркутска, Слюдянки. Всего в январе 1905 г. в Сибири происходило 11 стачек.

Стаечная борьба продолжалась и в последующие месяцы. 12 февраля вновь забастовали рабочие Читинских железнодорожных мастерских. Администрация объявила о сокращении рабочего дня до 9 часов, и на следующий день работа возобновилась, но ненадолго. 19 февраля группа рабочих во главе с большевиком П. Киселевым устроила нелегальное собрание для обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к всеобщей политической стачке по линии Сибирской железнодорожной магистрали. 8 участников собрания были арестованы. В их защиту рабочие мастерских и депо 21 февраля объявили стачку протеста. Полиция была вынуждена освободить арестованных, за исключением П. Киселева. Забастовка закончилась 25 февраля.

В феврале состоялись экономические забастовки рабочих винного завода и печатников в Иркутске, шахтеров киргизов на коях Рассушина в Черемхово, плотников на строительстве барж в Благовещенске. Заба-

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ставка типографских рабочих Иркутска продолжалась почти 2 недели. Она охватила все типографии города и закончилась частичной победой рабочих. В течение первой четверти 1905 г. происходило, по неполным данным, около 30 экономических и политических забастовок.

Стачки и демонстрации стали школой политического воспитания рабочих, из среды которых вышли замечательные организаторы и пропагандисты, беззаветно преданные делу освобождения рабочего класса и всех трудящихся: И. Е. Кононов, П. Киселев, А. Штейн — пропагандисты и организаторы среди рабочих Читы, красноярский рабочий Михаил Чальников, слесарь И. С. Якутов — профессиональный революционер, один из организаторов стачечного движения в Иркутске и др. Выехав из Сибири в Уфу, И. С. Якутов принял там живейшее участие в революционном движении и погиб за рабочее дело. В Верхнеудинске пламенными пропагандистами и неутомимыми организаторами были рабочие-слесари А. А. Гордеев (командир боевой дружины), И. Г. Шульц, машинист Н. А. Милютинский. Военный суд обвинил их «в принадлежности к революционной партии (РСДРП), к ее боевой части. . . в содействии всеми средствами ниспровержению существующего государственного строя», в вооружении рабочих. Эти рабочие-революционеры были расстреляны в Верхнеудинске 12 февраля 1906 г. Борясь за освобождение народа, они, как сказано в революционной песне, «отдали все, что могли за него, за жизнь его, честь и свободу». Такие люди представляли цвет рабочего класса. Это о них писал В. И. Ленин в некрологе «Иван Васильевич Бабушкин»: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».¹⁰

Стаечная борьба рабочих поднимала учащуюся молодежь. 24 января студенты Томского университета объявили забастовку в знак поддержки борьбы народа против самодержавия. 6 февраля произошла демонстрация на похоронах бывшего студента, политического ссыльного Ф. Смирнова.

В феврале и марте в знак протеста против «произвола и гнета самодержавного режима» бастовали ученицы Иркутской и Красноярской фельдшерских школ.

Руководя открытыми выступлениями масс и готовя всеобщую стачку на Сибирской железнодорожной магистрали, комитеты РСДРП уделяли значительное внимание работе среди солдат. Комитетами РСДРП было выпущено и распространено много листовок. В них содержались призывы не ехать на фронт, не стрелять в народ, посещать народные собрания, объединяться с рабочими для борьбы с царизмом. Агитаторы проникали в вагоны, в места расположения войск. Пропаганду среди солдат вели также эсеры.

Политическая пропаганда, нарастание революционных событий, неудачи царизма в войне — все это воздействовало на солдат. Они проявляли недовольство и возмущение, находившее выражение в отказах выполнять полицейские функции, в предъявлении требований об улучшении условий солдатской жизни, в неподчинении начальству, бойкоте особенно ненавистных офицеров и пр. Но такого рода случаев в начале революции наблюдалось в армии мало.

Весна 1905 г. ознаменовалась в России дальнейшим ростом революционного движения. Стаечная борьба приобретала все более упорный, наступательный характер, отличалась большей организованностью и сплоченностью рабочих. В борьбу вступали новые отряды рабочего класса: текстильщики, железнодорожники, горняки. Революционное движение охватывало всю страну. В. И. Ленин писал в апреле 1905 г. в газете «Впе-

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 82.

ред», что «никогда еще не переживала Россия такого пробуждения от сна, заботности и неволи, как теперь. Зашевелились все классы общества..., поднялись голоса негодования отовсюду, в Петербурге и Кавказе, в Польше и Сибири».¹¹

Со второй половины апреля 1905 г. в Сибири заметно возросло количество политических стачек. Большинство из них было посвящено международному пролетарскому празднику — 1 Мая. Сибирскими организациями РСДРП тиражом в несколько тысяч экземпляров были напечатаны и распространены листовки «1 Мая», «К рабочим Сибирской железной дороги» и др. В листовке «Всемирный рабочий праздник» «Сибирский союз РСДРП» заявлял: «Подготовка к восстанию с оружием в руках — вот о чем мы будем говорить на собраниях Первого мая... Восстание для свободы! Свобода для борьбы за социализм! — таков путь к освобождению рабочего класса от гнета капиталистов-богачей».¹²

Политические стачки, митинги, массовки, посвященные празднику международной солидарности трудящихся — дню 1 Мая, происходили в Томске, Кургане, Омске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске и других городах.

Усилилась и экономическая борьба рабочих, которая в сочетании с политическими стачками и демонстрациями придавала революционному движению широкий размах. В Тюмени в конце мая вспыхнула всеобщая стачка рабочих города. Собрание заводчиков, организованное местными властями, вынуждено было удовлетворить основные требования стачечников: ввести 9-часовой рабочий день, на 25% увеличить заработок, установить праздничный отдых и наладить медицинскую помощь.

Число стачечников возрастало. Круг рабочих, участвовавших в стачках, становился шире. Однако стачки носили локальный характер и происходили в разное время. Рабочие различных городов Сибири не были связаны между собой. Все это требовало от сибирских организаций РСДРП усиления работы в массах, установления прочных связей между рабочими, сплочения их.

Огромное значение для партии и революционного движения как в целом по стране, так и в Сибири имели III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле 1905 г. в Лондоне, и выход в свет книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Съезд был созван по инициативе большевиков. Меньшевики отказались участвовать в работе съезда и устроили свою конференцию в Женеве.

III съезд РСДРП четко определил направление деятельности партии, ее политическую линию, тактику борьбы в демократической революции. Он принял решение по важнейшим вопросам: о вооруженном восстании и временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению, к национальным социал-демократическим организациям, к другим политическим партиям и течениям. Съезд принял ленинскую формулировку первого параграфа устава партии. По всем основным вопросам на III съезде РСДРП выступал В. И. Ленин.

Съезд признал, что «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент».¹³

Съезд предложил всем партийным организациям принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, выработке плана восстания и

¹¹ Там же, т. 10, стр. 82.

¹² Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955, стр. 54, 55.

¹³ КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I. Госполитиздат, 1953, стр. 77.

непосредственного руководства им. Важное значение придавалось массовым политическим стачкам.

В результате победы восстания должна была установиться революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства, политический орган ее — временное революционное правительство, призванное организовать отпор контрреволюции и созвать Учредительное собрание, «действительно выражающее волю народа».¹⁴ По отношению к крестьянскому движению съезд принял установку на союз пролетариата со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции. Съезд поручил всем партийным организациям разъяснять массам, что «социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель».¹⁵

В решении съезда признавалась необходимость организации революционных крестьянских комитетов «с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета».¹⁶

В целях дезорганизации самодержавия и поддержки натиска на него крестьянство и сельский пролетариат призывались к политическим демонстрациям, к коллективным отказам от платежа податей и налогов, выполнения повинностей, приказаний правительства и его агентов.

В решении об отколовшейся части партии, т. е. о меньшевиках, съезд предлагал всем членам партии вести энергичную идейную борьбу против частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии и в то же время находил, что «участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный Устав, всецело подчинялись партийной дисциплине».¹⁷

Съезд считал полезным в некоторых случаях временные боевые соглашения с социалистами-революционерами в целях борьбы с самодержавием. Такие соглашения ни в коем случае не должны были ограничивать полной самостоятельности РСДРП и «нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики, ее принципов».¹⁸

В решениях съезда партии и в гениальном произведении В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» даны четкие ответы на важнейшие вопросы, поставленные революцией. Глубоко проанализировав обстановку в стране и обобщив опыт международного и российского революционного движения, В. И. Ленин впервые в истории марксизма разработал вопрос об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, ее движущих силах и перспективах, развил теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В. И. Ленин дал критику оппортунистической тактики меньшевиков и установок оппортунистов II Интернационала. Он вооружил не только русский, но и международный пролетариат могучим идейным оружием в борьбе за демократию и социализм.

Решения III съезда РСДРП и идеи книги В. И. Ленина были восприняты большинством партийных организаций страны как программа борьбы за победу демократической революции и основа всей практической деятельности партии. Сибирские организации в своем большинстве горячо одобрили решения III съезда партии и указания В. И. Ленина, вос-

¹⁴ Там же, стр. 78.

¹⁵ Там же, стр. 80.

¹⁶ Там же, стр. 80—81.

¹⁷ Там же, стр. 82.

¹⁸ Там же.

приняли их как программу своей деятельности. Однако в них боролись 2 линии: большевистская и меньшевистская.

Большевики считали, что свержение царизма и завоевание демократической республики возможно только путем вооруженного восстания. Важнейшим средством его подготовки являлась политическая стачка, осуществление революционным путем восьмичасового рабочего дня и других требований пролетариата и крестьянства, вооружение народа. Этому была подчинена вся практическая деятельность большевиков сибирских организаций РСДРП. Меньшевики же считали решения III съезда РСДРП «необязательными» и придерживались оппортунистической тактической линии Женевской конференции. В ее решениях ничего не говорилось о ведущей роли пролетариата в революции, о вооруженном восстании, значении временного революционного правительства.

Сибирские организации РСДРП поддержали предложение о созыве III съезда партии и отправили на него своего делегата — Гутовского, но он не оправдал оказанного ему доверия и оказался не на съезде, а на меньшевистской конференции. Воспользовавшись тем, что материалы съезда попали в Сибирь не сразу, Гутовский неправильно информировал о III съезде партии делегатов II конференции «Сибирского союза РСДРП», состоявшейся в июне 1905 г. в Томске. В результате меньшевикам при поддержке примиренцев удалось провести на конференции свои решения почти по всем основным вопросам и овладеть руководством комитета «Сибирского союза РСДРП». Однако это не означало господства меньшевистской линии во всех сибирских организациях РСДРП. Они были объединенными, но внутри их происходила идейная борьба между большевиками и меньшевиками. Большевики преобладали в Красноярской, Омской и Читинской организациях РСДРП и в партийных группах, действовавших в основных рабочих районах Сибири. Состав комитета «Сибирского союза», Томского и Иркутского комитетов РСДРП менялся: то преобладали меньшевики, то большевики.

В Сибири действовали пламенные революционеры-большевики: С. М. Киров (Сергей Костриков), М. А. Попов, Н. Дробышев, А. М. Смирнов (в Томске), В. В. Куйбышев, В. Л. Шанцер (Марат), А. А. Ширямов (в Омске), А. Г. Рогов, Б. З. Шумяцкий (в Красноярске), И. В. Бабушкин (в Иркутске, затем в Чите), А. И. Попов-Коновалов, И. С. Якутов, Александр, Иннокентий, Вячеслав Локуциевские (в Иркутске), В. К. Курнатовский, А. А. Костюшко-Валюжанич (в Чите), Ф. А. Березовский (на станции Зима). Неутомимыми агитаторами и организаторами были Н. Н. Баранский и М. К. Ветошкин. Н. Н. Баранский действовал как разъездной агитатор по линии Сибирской железной дороги. Революционная деятельность М. К. Ветошкина протекала в Иркутске, Красноярске, Чите, наконец, в Харбине, где он в целях привлечения солдат на сторону революции вел пропаганду в частях маньчжурских армий.

Происходило объединение революционных сил, боровшихся против самодержавия. Революционное движение поднималось на новые ступени. Мощная стачка текстильщиков Иваново-Вознесенска, создавших в ходе стачки Совет уполномоченных — первый Совет рабочих депутатов, баррикадные бои рабочих Лодзи, стачки в Закавказье и на Урале, восстание на броненосце «Потемкин» свидетельствовали о назревавшем вооруженном восстании и оказывали революционизирующее влияние на Сибирь.

Известия о революционных событиях горячо обсуждались на нелегальных массовках и собраниях. Об этих событиях рассказывалось в листовках и прокламациях, выпускавшихся комитетами РСДРП. Количество участников собраний возрастало. На массовке 21 мая 1905 г. в районе станции Томск-I присутствовало 500 чел., на открытом митинге

5 июля на могиле Иосифа Кононова, погибшего во время демонстрации 18 января 1905 г., — более 1000 чел. В Красноярске было организовано 6 массовок. На последней из них собралось около 600 чел. На массовках обсуждались вопросы об установлении 8-часового рабочего дня, о замене постоянной армии вооружением народа, о всеобщей стачке по линии Сибирской железной дороги. Собрания и массовки прошли в Омске, Иркутске, Чите, на станциях Обь, Иннокентьевской и др.

Летом 1905 г. продолжала нарастать стачечная борьба, охватившая новые группы рабочих (забастовки в Томске, Красноярске, Иркутске, на Черемховских каменноугольных копях). Особенно крупным выступлением рабочих в этот период явилась забастовка в Томске, охватившая большинство предприятий города. Она продолжалась с 4 по 18 июля.

Агитация сибирских организаций РСДРП за всеобщую политическую стачку охватывала широкие массы трудящихся. В обстановке революционного подъема была совершена попытка превратить забастовку рабочих железнодорожных мастерских и депо в Чите во всеобщую стачку рабочих Сибири.

Читинская забастовка началась 21 июля. Рабочие выдвигали в основном экономические требования: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена сверхурочных работ и пр. 27 июля собрание, на котором присутствовало более 1000 чел., решило превратить экономическую стачку в политическую. В резолюции собрания говорилось: «Если бы стачкой рабочие и добились уступки своим требованиям, то царское правительство всегда может отнять ее; необходимо восстанием уничтожить это правительство и добиться полной свободы и народного правления; против самодержавия и царской войны, вредной и позорной, нужно всем рабочим по линии устроить всеобщую стачку. Поэтому на собрании рабочие решили бороться против войны и правительства царского».¹⁹

Стачка охватила более 2000 рабочих мастерских и большинство рабочих депо. Для руководства ею был избран стачечный комитет, в который вошли и представители Читинского комитета РСДРП. Председателем стачкома был избран слесарь П. Н. Свечихин. В ходе стачки за городом ежедневно проводились массовые собрания. Читинский комитет РСДРП направил своих представителей на соседние станции для агитации за всеобщую стачку. В результате к забастовке присоединились рабочие станций Могзон, Хилок, Борзя, Оловянной, Слюдянки, Верхнеудинска.

Власти пытались арестами и угрозой увольнения сломить рабочих. В ночь на 6 августа был арестован председатель стачкома П. Н. Свечихин. Только 9 августа закончилась более чем двухнедельная политическая забастовка читинских рабочих. Эта стачка вызвала отклик по всей Сибири. С 31 июля в Иркутске развернулась агитация за поддержку стачки читинцев, а 9 августа около 900 рабочих иркутского депо начали забастовку. Для руководства забастовкой был избран стачечный комитет, в который вошли большевики Якутов, Обедников, Минак и др. Под их руководством в депо ежедневно устраивались собрания, на которых обсуждались вопросы о всеобщей стачке, вооруженном восстании и др., распространялись листовки. Забастовщикам оказывали материальную поддержку типографские рабочие, приказчики, учителя. Забастовка закончилась 16 августа. Но волна стачечного движения продолжала распространяться на запад. Еще 29 июля вспыхнула стачка в железнодорожном депо станции Боготола. Красноярским комитетом РСДРП были изданы и распространены листовки «Письмо рабочих из Боготола» и «Товарищи рабочие депо Боготол». В них опубликованы требования рабочих, а также

¹⁹ Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь. Часть первая. Документы и материалы. М., 1957, стр. 163.

информация о ходе забастовки. В это время в Красноярске велась напряженная работа по подготовке стачки. 4 августа 1905 г. за городом состоялся первый открытый массовый митинг, на котором присутствовало около 1500 рабочих железнодорожных мастерских и депо. На митинге обсуждался вопрос о всеобщей политической стачке, был организован сбор средств на приобретение оружия и на оказание помощи матросам легендарного броненосца «Потемкин». 10 августа за Николаевской слободой состоялся митинг 3000 рабочих, на котором было решено поддержать читинских и иркутских товарищей и с 11 августа начать забастовку. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, свободы собраний и т. д. Они заявляли, что направляют свою стачку против самодержавия и войны и обращались к товарищам по линии Сибирской железной дороги с призывом примкнуть к стачке и сделать ее всеобщей. Жандармы и казаки напали на участников собрания. Во время столкновения жандармским унтер-офицером был убит рабочий железнодорожных мастерских Михаил Чальников.

Зверское нападение на рабочих вызвало всеобщий гнев и возмущение трудящихся Красноярска и других городов Сибири. Похороны М. Чальникова 13 августа вылились в мощную политическую демонстрацию, в которой приняло участие свыше 10 тыс. чел. Стачка рабочих мастерских и депо Красноярска продолжалась до 18 августа. Она проходила под руководством Красноярского комитета РСДРП. Комитетом издавались «Стачечный бюллетень» (вышло 3 номера) и листовки, были установлены связи с рабочими других станций, развертывалась агитация среди крестьян Енисейской губернии и солдат местного гарнизона. В августовской стачке участвовали рабочие станций Тайги, Омска, Кургана, Петропавловска, Челябинска.

Таким образом, стачка проходила волной по линии Сибирской железнодорожной магистрали почти в течение месяца. И хотя она не переросла во всеобщую, значение ее было велико. Она явилась могучим средством политического воспитания и организации масс, подготовки их ко всеобщей октябрьской политической стачке. Ленинская газета «Пролетарий» отмечала, что сибирские рабочие сами заявили: «Эта стачка, распространившаяся на протяжении почти 4 тысяч верст, в первый раз показала нам нашу силу, связала нас всех воедино».²⁰ В 5 номерах этой газеты помещено 6 корреспонденций о стачке сибирских рабочих.²¹

Стачка с особой силой показала вред разрозненности рабочих и необходимость объединения их, создания массовых организаций. В ходе стачки Читинский комитет РСДРП развернул подготовку съезда рабочих Забайкальской железной дороги, который и состоялся в конце августа—начале сентября 1905 г. в Чите. Съезд рассмотрел важнейшие вопросы революционного движения: о подготовке всеобщей политической стачки, об оценке Булыгинской думы и активном бойкоте ее. Особое внимание съезд уделил вопросам профессионального движения. В резолюциях «О союзе инженеров» и «О союзе железнодорожных служащих» осуждены попытки либеральной буржуазии подчинить рабочее движение своему влиянию, отвергнута меньшевистская тактика нейтральности профсоюза. Съезд подчеркнул, что профессиональное движение должно развиваться под руководством РСДРП и призвал рабочих Сибирской и Забайкальской железных дорог создавать профессиональные союзы, активно участвовать в революционной борьбе.²²

В начале сентября в Томске начались массовые сходки студентов совместно с рабочими. Митинги, происходившие 5 и 6 сентября, при-

²⁰ «Пролетарий», 1905, № 22.

²¹ Там же, №№ 17, 19, 21, 22, 24.

²² Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг. Чита, 1955, стр. 79—97.

влекли внимание городского населения и прошли под лозунгами борьбы против царизма. Под влиянием нараставшего революционного движения усилилось брожение среди учащихся средних учебных заведений Томска, Омска, Красноярска, Читы и других городов Сибири.

Активизировалась и сибирская либеральная буржуазия. В центре внимания либералов стоял сначала вопрос о введении земства в Сибири. «Проект положения о земской реформе в Сибири» составило Томское юридическое общество, затем он был принят советами 6 обществ Томска (юридического, сельскохозяйственного, технического и др.). Проект обсуждался также в других городах. Он имел свои особенности по сравнению с положениями о земстве в Европейской России. Кроме волостных, уездных и губернских земских собраний и управ, проектировалась организация общесибирского земского органа типа Областной думы. Кроме обычных функций земских учреждений в деле местного хозяйства, просвещения и здравоохранения, земству предоставлялось право ходатайствовать об издании новых законов и предварительно обсуждать законопроекты. В круг ведения земства входили переселенческое дело, землеустройство, проведение статистико-экономических и естественнонаучных исследований. Наконец, в «Положении о земских учреждениях в Сибири» указывалось, что для реформы земского самоуправления «необходим скорейший созыв Учредительного собрания на началах всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов».²³

28—29 августа 1905 г. в Томске состоялся областнический съезд, выдвинувший новую политическую платформу областников либерально-буржуазного направления. Он продолжил и дополнил то, что было выдвинуто в Томске на совещании по обсуждению земской реформы. Съезд высказался за организацию Сибирской областной думы, которой были бы переданы местные бюджетные права, вопросы народного образования, здравоохранения, общественной безопасности, местные пути сообщения. По решениям областнического съезда Областная дума получала бы право распоряжения и владения всеми землями области (Сибири), составляющими часть общегосударственного фонда, лесами и недрами. Областная дума определяла бы порядок землепользования в связи с переселенческим вопросом. По существу областнический съезд выдвигал положения о буржуазной автономии Сибири.

Решения областнического съезда послужили политической платформой для «Сибирского областного союза», возникшего в конце августа 1905 г. Как съезд, так и «Областной союз» выдвинули ряд буржуазно-демократических требований, оппозиционных по отношению к самодержавию. Но на этих требованиях лежала печать областной ограниченности. Проблемы местного самоуправления не связывались с общероссийскими, общенародными задачами освободительного движения, главная из которых заключалась в свержении самодержавия. Буржуазные либералы отвергали революционные методы борьбы. Революция же развивалась. Революционные бои, происходившие весной и летом 1905 г., явились действенной школой политического воспитания и организации масс, подготовки их к активному участию в октябрьской политической стачке.

2. ВСЕОБЩАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА В СИБИРИ

К осени 1905 г. революционное движение охватило всю страну. Начатая 7 октября рабочими и служащими Московско-Казанской железной дороги политическая стачка вскоре охватила более 40 железных дорог.

²³ «Сибирские вопросы», СПб., 1905, № 1, стр. 316.

В стачку была вовлечена почти 750-тысячная армия железнодорожников. К ним присоединились рабочие других предприятий. Прекратили работу почта и телеграф, забастовали служащие многих государственных учреждений.

В Сибири 13 октября 1905 г. первыми примкнули к всероссийской политической стачке железнодорожные рабочие Красноярска, Тайги, Томска. На следующий день, 14 октября, забастовали рабочие Читы, Верхнеудинска, Иркутска. К 17 октября стачка охватила почти все города, станции и рабочие поселки Сибири. На улицах открыто проводились массовые демонстрации и митинги, на которых горячо обсуждались политические события и задачи стачки. В Красноярске, Чите и некоторых других городах железнодорожные мастерские и депо стали центрами революционного движения. Здесь почти ежедневно проходили бурные митинги и собрания, на которых присутствовали тысячи рабочих, служащих, солдат, учащихся. Массовые митинги состоялись в Иркутске, Омске, Нижнеудинске, Новониколаевске и других городах.

Для агитации за всеобщую стачку по линии железной дороги направлялись агитаторы. Значительно возросло количество прокламаций, издаваемых комитетами РСДРП. Только в типографии Красноярского комитета было издано в октябре более 43 000 экземпляров листовок. С 14 октября и до конца стачки почти ежедневно выходил «Стачный бюллетень», в котором подробно освещались революционные события в стране и ход всеобщей политической стачки в Красноярске. Читинский комитет в октябре и ноябре издал 44 000 экземпляров листовок, несколько популярных брошюр для солдат, рабочих и крестьян тиражом по 6 и 10 тыс. экземпляров каждая. Омским комитетом в октябре было издано 7150 экземпляров листовок.

В дни всероссийской октябрьской политической стачки пролетариат страны проявил невиданную ранее активность и инициативу, революционную самостоятельность и творчество. В ходе стачки в большинстве городов страны были созданы стачечные комитеты, выборные комиссии, Советы уполномоченных и т. д., некоторые из них с развитием революции переросли в Советы рабочих депутатов.

В Сибири стачечные комитеты стали создаваться с первых дней стачки. Так, в Новониколаевске стачечный комитет был избран на митинге рабочих депо в начале стачки. В него вошли передовые рабочие депо, члены Обской группы РСДРП: слесарь В. И. Бушуев, токарь М. К. Евграфов, кузнец Я. Н. Овчуков, модельщик М. И. Полунин и др. На станции Тайге стачечный комитет работал под руководством группы РСДРП, в которую входили передовые рабочие железнодорожного депо. В Нижнеудинске стачечный комитет в количестве 20 чел. был избран на митинге рабочих и служащих железнодорожного узла.

На станции Зима стачечный комитет состоял из выбранных представителей от рабочих и служащих различных железнодорожных служб. Председателем комитета являлся руководитель Зиминской группы РСДРП, писатель-большевик Ф. Березовский, служивший тогда на железной дороге. Все члены бюро комитета являлись членами группы РСДРП. Стачечный комитет рабочих станции Иланской также состоял из представителей всех служб. Его возглавлял слесарь депо Водолазченко, бывший в то же время председателем комитета профессионального союза рабочих депо. Стачечным комитетом руководили Иланская группа РСДРП и присланные ей в помощь представители Красноярского комитета РСДРП. Аналогичные стачечные комитеты были созданы в Чите, Верхнеудинске, Слюдянке, Кургане, Барнауле и других городах и на железнодорожных станциях Сибири и Дальнего Востока.

В некоторых городах избранные стачечные комитеты объединяли представителей и от железнодорожников, и от рабочих других предприятий. Так, в Омске в стачечный комитет входили выборные представители от всех цехов железнодорожных мастерских и депо, а также от рабочих ряда городских предприятий. При стачечном комитете избиралось бюро, возглавлявшее его работу. В Иркутске 14 октября был избран Объединенный стачечный комитет, в который вошли и рабочие. Затем рабочие вышли и образовали Объединенный рабочий стачечный комитет.

16 октября «в 11 часов дня в зале Общественного собрания открылся грандиозный митинг, на котором присутствовало 5000 человек, говорили более 30 ораторов, произносилось много речей по вопросам программ как партии социал-демократов, так и партии социалистов-революционеров».²⁴ Иркутский комитет РСДРП издавал «Листок Объединенного стачечного комитета». В нем сообщалось о ходе всеобщей политической стачки и ее задачах.

В Красноярске октябрьская стачка развертывалась под руководством комитета РСДРП и Выборной комиссии рабочих. Стачечные комитеты явились ярким проявлением революционного творчества. Они создавались как выборные органы и в своей деятельности выступали от имени избравшего их народа. С развитием революционного движения эти комитеты превращались из чисто стачечных органов в зачатки новой революционной власти. К стачечным комитетам рабочие обращались со своими нуждами и запросами, от них они получали защиту и поддержку в борьбе против предпринимателей. Комитеты формулировали и предъявляли требования рабочих, добивались их осуществления.

Всеобщая октябрьская политическая стачка охватила широкие слои населения. Вслед за рабочими забастовали служащие управления Сибирской и Забайкальской железных дорог, а также многих других учреждений, телеграфисты, приказчики, ученики средних учебных заведений, ремесленных училищ. В аудиториях Томского технологического института и университета, в помещениях училищ происходили многолюдные политические митинги.

Всероссийская октябрьская политическая стачка нанесла мощный удар царизму. Революция развивалась, назревало вооруженное восстание. Войска колебались. Создалась угроза существованию самодержавия. В такой обстановке царь вынужден был издать манифест 17 октября 1905 г. Он обещал «даровать» свободу слова, печати, собраний, неприкосновенность личности, признать за Государственной думой законодательные функции, расширить ее состав и избирательные права. Это была уступка, вырванная у царской власти революционным народом. Такой же уступкой являлась амнистия политическим каторжанам и ссыльным. В. И. Ленин писал, что самодержавие отступило на новую позицию, «которая кажется ему лучше укрепленной» и на которой оно «надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения».²⁵

Уступка, вырванная у царизма, была использована народом в интересах революции. Усилились открытые формы борьбы, происходили многолюдные народные собрания и демонстрации, расширялась устная и печатная пропаганда. В революционные ряды вливались новые силы — освобожденные после амнистии политические ссыльные. Из далекого Верхоянска прибыл в Иркутск И. В. Бабушкин. Он вступил в Иркутский комитет РСДРП, вел агитацию, организовал восстание, затем продол-

²⁴ Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг., стр. 88.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 30.

жал такую же кипучую деятельность в Чите. Были освобождены из тюрьмы А. И. Попов-Коновалов, В. К. Курнатовский, его товарищи по якутскому вооруженному протесту и др. Совершил смелый побег из тюрьмы и добрался до Читы А. А. Костюшко-Валюжанич, скрывавшийся под фамилией Григоровича. Все они включились в самую активную революционную работу.

Уступка, вырванная революционным народом у царской власти, была непрочной и временной. Буржуазные либералы всячески приветствовали манифест 17 октября. Например, в либерально-буржуазной газете «Сибирская жизнь» говорилось, что «этот день должен быть отмечен на скрижалях истории как великий день окончательного освобождения России от тяжелых пут деспотизма русской бюрократии».²⁶ Либералы говорили о «начале новой жизни в русской истории», о превращении Российской империи в конституционное государство. Образцом государственного устройства была для них конституционная монархия, выдвинутая в программе кадетской партии. Буржуазные либералы ограничивались умеренной оппозицией по отношению к самодержавию и ссылались на «закон постепенности исторических явлений».

Характерны воспоминания одного из современников, показывающие отношение либеральной буржуазии и революционных рабочих к манифесту 17 октября: «Буржуазная, либеральная части общества были вполне довольны манифестом как потому, что почувствовали себя нарождающейся политической силой, так и потому, что манифест, по ее мнению, должен был принести с собою успокоение взволнованных страстей, прекращение забастовки... Рабочие же массы, в наиболее сознательных и активно вовлеченных в политическую борьбу частях своих, такого удовлетворения не испытывали... Революционные рабочие быстро увидели, что манифест не дает особенной победы для рабочих как класса и что он, удовлетворяя часть вовлеченных в революционное движение сил, отвлекает их от продолжения борьбы. Отсюда страстная и ожесточенная критика манифеста со стороны агитаторов, выступавших от имени рабочих на первых же митингах».²⁷

Большевики призывали рабочих и крестьян не верить «бумажной конституции» и продолжать борьбу, направленную на свержение самодержавия. Лицемерие и обман со стороны царского правительства выявились вскоре после издания манифеста 17 октября. С одной стороны, царизм обещал «незыблемые основы гражданской свободы», с другой — по указке царя по всей стране прокатилась волна самых разнузданных и диких черносотенных погромов, во время которых были убиты и искалечены десятки тысяч людей. Черносотенные погромы начались и в городах Сибири. Попытки погромов имели место в Иркутске, Омске, Нижнеудинске, Барнауле, Кургане, Новониколаевске. Полиция и черносотенцы нападали на участников стачек, митингов, демонстраций.

21 октября в Красноярске черносотенцы напали на митинг, проходивший в Народном доме. Но рабочая боевая дружина, охранявшая митинг, дала им отпор. Тогда черносотенцы стали избивать и убивать людей, находившихся около Народного дома и на улицах. Они убили 11 и ранили около 40 чел. Народный дом подвергся длительной осаде. Однако попытка черносотенцев, жандармов и казаков расправиться с участниками митинга не удалась благодаря организованности и стойкости рабочих.

Особой жестокостью и зверством отличался черносотенный погром в Томске. Здесь также еще в день получения манифеста (18 октября) отряд казаков, руководимый томским полицмейстером Никольским, учи-

²⁶ «Сибирская жизнь», 1905, № 214.

²⁷ П. К.—в. Красноярск в конце 1905 года. «Былое», СПб., 1907, № 6/18, стр. 13.

нил расправу над учащимися, собравшимися на Соляной площади на митинг. Но этого властям показалось мало. Из переодетых полицейских, торговцев, уголовников они организовали банду черносотенцев. 20 октября, взяв в полицейском управлении портрет царя, черносотенцы направились по главной улице к центру города, избивая встречавшихся на пути рабочих, служащих, студентов. Получив у томского архиерея Макария «благословение», черносотенцы вместе с присланными губернатором казаками и солдатами окружили здание Управления Сибирской железной дороги, в котором служащие получали зарплату, и здание театра, где происходил митинг, и начали избивать и убивать всех, кто выходил на улицу, а затем подожгли эти здания. Казаки и солдаты не давали тушить пожар и стреляли в выбегавших из горящих зданий или показывавшихся в окнах и на крышах людей. Группа рабочих-дружинников вынуждена была с боем отступить внутрь здания Управления дороги. В составе группы были большевики — один из руководителей рабочей дружины А. С. Ведерников, студент А. И. Петухов и др. Сплотив вооруженных людей в одну группу, они прорвались сквозь кольцо черносотенцев и вывели за собою значительную часть осажденных.

Разгул черной сотни в Томске продолжался до 22 октября. В результате погрома было убито, изувечено и сожжено, по неполным подсчетам железнодорожной администрации, около 300 чел.²⁸ Непосредственными организаторами погрома были губернатор Азанчевский-Азанчеев и архиерей Макарий.

С помощью черносотенцев, полиции и войска царизму удалось нанести тяжелейший удар по революционным силам Сибири, особенно Томска, но подавить революционное движение не удалось.

«Война объявлена, война кипит...», — писал В. И. Ленин. — Кто не за революцию, — тот черносотенец... Это говорят всем и каждому залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и в Томске».²⁹

На злодеяния царя и нанятых им убийц рабочий класс ответил усилением подготовки вооруженного восстания, созданием боевых дружин. Они возникли при комитетах и группах РСДРП в Томске, Омске, Красноярске, Нижнеудинске, Иркутске, Верхнеудинске, Чите и на станциях Сибирской железной дороги. Хорошо подготовленной и вооруженной боевой дружиной располагал Красноярский комитет РСДРП. В Иркутске энергичными организаторами боевых дружин были братья Локуциевские, в их доме находился склад оружия, хранились патроны и красные знамена. В Чите в дни всеобщей октябрьской политической стачки боевая дружина насчитывала около 2000 чел., рабочие захватывали оружие из вагонов. В Верхнеудинске боевой дружиной командовал молодой слесарь Алексей Гордеев. Другой слесарь Петр Лиморенко, только что вернувшийся с военной службы, обучал рабочих владеть оружием.

Боевые дружины охраняли народные собрания, митинги, демонстрации от черносотенцев и полиции, вступали с ними в схватки. Происходили в ряде мест вооруженные демонстрации. Собирались средства на вооружение, дружинники учились владеть оружием. Энергичные действия боевых дружин пресекали новые попытки устроить погромы в Сибири. Эти дружины являлись не только средством самообороны — через них мобилизовывались и готовились силы для вооруженного восстания.

Боевые дружины формировались также при сибирских комитетах партии социалистов-революционеров. Они состояли из рабочих и совместно

²⁸ Большевики Западной Сибири в период первой русской революции. Новосибирск, 1958, стр. 225.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 56.

с боевыми дружинами социал-демократов выступали против черной сотни и полиции.

Из состава организации эсеров выделилась «боевая организация, на обязанности которой и было возложено исполнение террористических актов».³⁰

Террористами был убит помощник иркутского полицмейстера Драгомиров, ранен при покушении вице-губернатор Мишин, было подготовлено неудачное покушение на начальника охранного отделения Гаврилова, наблюдались также случаи убийства жандармов. Социал-демократы поддерживали совместные выступления боевых дружин, но осуждали эсеровскую тактику индивидуального террора, отвлекавшую от массовой революционной борьбы.

В. И. Ленин, характеризуя обстановку в стране, указывал, что «октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравновешение сил борющихся: царизм уже не мог управлять, революция еще не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой».³¹ Этот решительный бой назревал и в Сибири. Репрессии, погромы вызывали мощный отпор со стороны революционного народа. Призывы большевиков готовиться к вооруженному восстанию находили живейший отклик в массах.

Стачные комитеты, возникшие для руководства стачкой, с ростом революции превращались в органы общереволюционной борьбы. Они занимались сбором средств на вооружение, завязывали тесную связь с солдатами местных гарнизонов, устанавливали контроль за работой железных дорог.

С началом всеобщей октябрьской политической стачки в основном прекратилось движение поездов на сибирских и дальневосточных железных дорогах. Однако уже в дни стачки стали появляться первые эшелоны солдат маньчжурской армии, эвакуацию которой царское правительство вынуждено было начать под давлением революции. Вместе с тем оно боялось возвращения революционно настроенной маньчжурской армии в Россию и всячески затягивало эвакуацию солдат. Вину же за эту задержку царское правительство и военное командование пытались свалить на бастовавших рабочих, чтобы натравить на них рвавшихся домой солдат. Поэтому стачечные комитеты по ходатайству солдат принимали меры к отправке прибывших эшелонов, делали все, чтобы разоблачить и сорвать замыслы царских слуг.

Подъем революции сопровождался ростом общественной активности масс. Оживилось профессиональное движение. По свидетельству одного из современников, «профессиональные союзы росли, как грибы». В Сибири возникли профессиональные союзы типографщиков, рабочих металлургической промышленности, рабочих и служащих Сибирской и Забайкальской железных дорог и др.

Профессиональные союзы находились под влиянием РСДРП. На съезде профессионального союза рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги (январь 1906 г.) выяснилось, что большинство членов профессионального союза или является в то же время членами Российской социал-демократической рабочей партии, или признает ее руководство и в политической борьбе выступает под флагом социал-демократии. Только на станции Оловянной было несколько рабочих, считавших себя социалистами-революционерами.

Одновременно возникали союзы либерально-буржуазного направления. В Иркутске в октябре 1905 г. 8 союзов — инженеров и техников, адвока-

³⁰ ГАИО, ф. ИГЖУ, оп. 2, д. 240, л. 28.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 367.

тов, врачей, почтово-телеграфных чиновников, учителей, служащих городской управы, приказчиков, союз равноправия женщин — объединились в «Союз союзов».

Либералы из «Союза союзов» стали ядром либерально-буржуазной партии кадетов. После опубликования манифеста 17 октября в Томске возникло отделение кадетской партии во главе с профессорами Соболевым, Малиновским и др. Отделения этой партии образовались также в Иркутске, Красноярске и других городах.

В конце 1905 г. произошел раскол в «Сибирском областном союзе»: часть его членов перешла в партию кадетов. Она называлась конституционно-демократической, а по существу была конституционно-монархической.

Критика политической позиции буржуазных либералов дана в содержательной листовке «Два пути и две цели», изданной в ноябре 1905 г. Иркутским комитетом РСДРП. Поводом к ее изданию послужили 2 митинга в Иркутском общественном собрании.

Первый митинг был созван 30 октября социал-демократами. Участники его приняли решение «бороться с оружием в руках до тех пор, пока не будет сломлена вконец сила царского правительства, пока не сделается полным господином в России народ».³² В противовес митингу, происходившему 30 октября, либералы из «Союза союзов» созвали 6 ноября свой митинг. Они выступали против вооруженного восстания и решили «мирным путем» потребовать, чтобы граф Витте «пригласил в министры к царю „друзей свободы“» (либералов), которые созовут Учредительное собрание и установят конституцию (конституционную монархию). Таким образом, буржуазные либералы стремились к соглашению с царским правительством, надеялись на уступки с его стороны. Либералам противопоставлялась позиция революционных социал-демократов: «Путем восстания через Учредительное собрание к демократической республике», к организации революционного правительства, которое «сможет созвать властное собрание народных представителей, установить свободы и восьмичасовой рабочий день, закрепить за крестьянами их завоевания, разоружить темные силы самодержавия и вооружить революцию».³³ В листовке указывалось, что рабочий класс — ведущая сила революции — не может добиться политической свободы, если за ним не пойдут крестьяне, ремесленники, служащие. Для свержения царской власти «рабочая партия должна пользоваться влиянием всенародным».³⁴ Рабочему классу необходим союз с крестьянством для борьбы против самодержавия за демократическую республику и с «крестьянами-рабочими» (батраками) для дальнейшей борьбы за социализм.

В листовке отмечалась «двойная бухгалтерия» — двойственная политика социалистов-революционеров: «С либералами, например, они вотируют за мирный путь, министерство „друзей свободы“ и конституцию, а народным учителям толкуют о демократической республике», которую должно ввести Учредительное собрание, созванное восставшим народом на основах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов».³⁵

Для эсеров, как мелкобуржуазной партии, были характерны колебания между буржуазным либерализмом и революционной демократией.

В газетах «Сибирский социал-демократический листок», «Забайкальский рабочий» сообщалось о спорах между социал-демократами и эсерами

³² Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции, стр. 94—95.

³³ Там же, стр. 99.

³⁴ Там же, стр. 96.

³⁵ Там же, стр. 99.

по вопросу о терроре, аграрному вопросу, проблемам программы и тактики.

Всеобщая октябрьская политическая стачка закончилась в Сибири в основном 24 октября. В этот день возобновилось движение поездов на Забайкальской и на некоторых участках Сибирской железной дороги. Из телеграммы, опубликованной в большевистской газете «Новая жизнь», видно, что железнодорожники Мариинска бастовали до 26 октября.³⁶ По сведениям Управления железных дорог, на Сибирской железной дороге 27 октября полностью возобновилось пассажирское движение.

Всеобщая октябрьская политическая стачка имела важное значение. Она показала возрастание силы, политической активности гегемона революции — пролетариата, силы народа. Стачка стала своеобразной формой политического воспитания и закалки трудящихся. Стаечные комитеты становились зачатками революционной власти — предшественниками Советов рабочих депутатов, а боевые дружины — зародышем боевых сил революции. Всероссийская политическая стачка подводила массы к вооруженному восстанию.

Подъем революционного движения, борьба рабочего класса и трудящихся города нашли отклик и в сибирской деревне. Крестьяне выступали против кабинетского и монастырского землевладения, феодальных пережитков, стеснявших крестьянское землепользование, против обременения податями и повинностями, против административно-полицейской опеки и произвола со стороны царских властей. В приговорах сельских сходов содержались также общеполитические требования «об изменении существующего строя».

В селах и деревнях распространялась брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте». Читинский комитет РСДРП переиздал ее в своей типографии. Получила распространение прокламация Центрального Комитета РСДРП «Крестьяне, к вам наше слово», переизданная Иркутским комитетом РСДРП. ЦК РСДРП призывал крестьян поддерживать рабочих в их борьбе против самодержавия: союз крестьян с рабочими «означает победу революции, а победа революции означает свободу и лучшую долю всего народа». «Сибирский союз РСДРП» издал и распространял брошюру «С кем идти крестьянам». В селения Енисейской губернии проникали прокламации Красноярского комитета РСДРП. Пропаганду среди крестьян вели Барнаульская и Бийская организации РСДРП.

Проводниками революционных идей в деревне были политические ссыльные, рабочие, народные учителя, солдаты. Основные силы сибирских организаций РСДРП находились в городах и рабочих поселках, но они, хотя и нерегулярно, направляли агитаторов в деревни. Пропаганду в деревне вели также эсеры, находившие поддержку в среде городской и сельской мелкой буржуазии.

В ходе революции 1905—1907 гг. крестьянство России создало демократическую организацию — «Всероссийский крестьянский союз». В Сибири в силу социально-экономических особенностей сибирской деревни (отсутствие помещиков и помещичьего землевладения, борьбы против него) не было такой почвы для возникновения отделений «Крестьянского союза», как в Европейской России, но попытки организации его отделений наблюдались и в Сибири. Небольшие группы «Крестьянского союза» встречались в отдельных волостях на Алтае, в Енисейской и Иркутской губерниях, крупных же организаций губернского масштаба не было.

В деревне вели пропаганду и сибирские либералы, которые стремились направить крестьянское движение в «мирное» русло. Они были связаны с крестьянской верхушкой. Либералы выступали за введение в Сибири

³⁶ «Новая жизнь», 1905, № 2.

реформированного земства. На собраниях, в газетах и журналах разрабатывались и обсуждались проекты положений о земском самоуправлении в Сибири. Проводились волостные и уездные съезды доверенных крестьянских обществ, обсуждавшие «нужды деревни» и проекты земского самоуправления. Либералы надеялись решить эти вопросы, не затрагивая основ существовавшего в России строя. Вопросы о действительных нуждах деревни терялись в либеральных рассуждениях об уравнивании Сибири в правах с Европейской Россией, о распространении на сибирских окраинах реформированных земских управлений.

Главными очагами крестьянского движения в Сибири стали Алтай и Восточное Забайкалье, где находились кабинетские земли.

Крестьянское движение начало возрастать с октября—ноября 1905 г. В это время происходили выступления крестьян с. Черемновского и дер. Сарайской в пределах Павловского кабинетского имения (Барнаульский уезд). Крестьяне этих селений производили в большом количестве самовольные порубки леса. Препятствовавший этому объездчик Дроздовского кордона был убит, а кордон разбит крестьянами.

Особой активностью отличались выступления крестьян в Змеиногорском уезде Томской губернии. 4 ноября 1905 г. начались волнения в уездном центре — с. Змеиногорском. Крестьяне выступили против недоимок по натуральным повинностям. Волнения грозили перекинуться в соседние села. Уездные власти наняли отряды стражников на средства, пожертвованные местными купцами, кулаками, чиновниками, и выставили в селе посты.

20 декабря 1905 г. во время ярмарки в с. Змеиногорском произошло столкновение крестьян с полицейскими, которые укрылись в доме уездного исправника Турчанинова. Затем крестьяне подожгли дом исправника и, оставив здесь караул, со стрельбой подошли к дому управляющего Змеиногорским кабинетским имением Недельского. Здесь хранились документы, обвинявшие крестьян в «противозаконных действиях». Крестьяне разбили дом Змеиногорского имения. Мебель и вся документация имения были подожжены.³⁷

Недельскому удалось сколотить из служащих имения и объездчиков вооруженный отряд, который укрылся в каменной церкви и не допускал крестьян, стремившихся занять казенные здания. Были захвачены 3 проводителя крестьян — Есипов, Шурыгин и Суворин. С прибытием нового отряда кабинетскому начальству удалось рассеять восставших.

25 декабря 1905 г. происходили волнения в селах Колывани — Екатерининском, Локте, Лосихе и др.

В последние месяцы 1905 г. активно развернулось крестьянское движение в Забайкалье. Начало ему положило выступление крестьян Александровской волости Читинского уезда. Крестьяне по приговору волостного схода захватили Тыргытуевское имение Кабинета, изгнали его администрацию. Все земли, принадлежавшие Кабинету, были переданы крестьянам; сенокосные и лесные участки поделены между селами Александровским, Новотроицким, Елизаветинским, Верхнеларьским. 4 декабря по решению Александровского волостного схода весь лес, заготовленный Кабинетом, переходил в распоряжение крестьян.

Захват крестьянами Тыргытуевского имения послужил заразительным примером для других кабинетских волостей. В начале декабря 1905 г. Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов обратился к казакам Забайкальской области с призывом присоединиться к революционному движению и захватить земли «самого богатого в России барина, самого богатого купца и фабриканта — Кабинета». 18 декабря появилось воззва-

³⁷ ГААК, ф. 4, оп. 1, д. 1329, л. 4.

ние Читинского комитета РСДРП «Ко всем казакам Забайкальской области» с тем же призывом к захвату кабинетских земель. Эти призывы нашли отклик в станицах, селах, деревнях и улусах.

Порубка леса, захват кабинетских земель производились в широких масштабах крестьянами и казаками Ундинской, Титовской, Куенгской, Торгинской станиц и сел Забайкалья. В Селенгинском уезде крестьяне отобрали рыболовные места на Байкале, принадлежавшие Троицко-Селенгинскому монастырю и Иркутскому архиерейскому дому. Таким образом, забайкальские крестьяне в течение двух-трех месяцев фактически захватили в свои руки кабинетские земли и леса, а также земли и рыболовные промыслы, принадлежавшие духовенству и монастырям. Эти захваты не встречали почти никакого сопротивления со стороны кабинетской администрации, ибо она была парализована тогда победой рабочих в Чите. Выступления крестьян происходили также в Енисейской и Иркутской губерниях.

В селениях Ачинского, Канского, Минусинского, Красноярского уездов Енисейской губернии крестьяне группами в 8—10 чел., а в некоторых местах артелями производили порубку леса в казенных лесных угодьях. Крупные по местным масштабам выступления происходили в с. Кимильтей Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Непосредственным руководителем кимильтейских крестьян была Зиминская группа РСДРП. Под ее воздействием в этом селении возникла группа крестьян, возглавляемая отставным солдатом Лохиным и плотником Кузьминым. Она объединила вокруг себя преимущественно бывших солдат-крестьян из бедняков. В селе проводились в ноябре—декабре 1905 г. митинги и собрания. 6 декабря 1905 г. революционно настроенные крестьяне устроили большой митинг и провели политическую демонстрацию. В этот день съехавшиеся в Кимильтей крестьяне окрестных деревень собрались на площади. Перед ними с разъяснениями октябрьского манифеста выступил крестьянский начальник Алейников. Однако черносотенно-монархические комментарии чиновника к манифесту вызвали возмущение крестьян. Он был изгнан, его место заняли крестьянин Лохин, учитель Сизых и др. Они дали новое направление ходу митинга. Выступавшие горячо и страстно критиковали октябрьский манифест и призывали крестьян к решительной борьбе против самодержавия. Митинг закончился демонстрацией крестьян. Идя по улице, демонстранты снимали вывешенные по случаю именин царя царские флаги с волостного правления, лечебницы, школы, торговых домов и других учреждений.

10 декабря в Кимильтее собрался новый народный митинг, который принял решения об устранении местных властей, о бойкотировании контрреволюционно настроенного кулачества, об отказе платить подати и выполнять повинности. В решениях схода было записано: «В случае, если бы последовало со стороны правительства препятствие к осуществлению этих идей и посылка для этого войска, восстать против этой меры с оружием в руках и этим доказать силу народа».³⁸

В острой политической борьбе между революционно настроенными крестьянами и кулацкой верхушкой прошел кимильтейский волостной сход 28 декабря. На этом сходе был принят приговор, в котором крестьяне требовали созыва Учредительного собрания, замены войска всеобщим государственным ополчением, введения подоходного налога, передачи всей земли народу, всеобщего обязательного обучения.

В годовщину Кровавого воскресенья 9 января 1906 г. кимильтейские крестьяне еще раз собрались на митинг памяти погибших в Петербурге

³⁸ В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск, 1955, стр. 103.

рабочих, в последний раз здесь произносились революционные речи. В село был послан отряд солдат, крестьяне были разоружены, их организаторы арестованы и посажены в тюрьму.

Активно выступали крестьяне Минусинского уезда Енисейской губернии. На сельских и волостных сходах принимались решения об упразднении местной царской администрации, об отказе платить подати и выполнять повинности. Такие решения были приняты 18 декабря 1905 г. на волостных сходах Троицко-Заозерской, Рыбинской волостей и др.

Серьезный характер крестьянские выступления приняли в Верхотурском уезде Иркутской губернии. Здесь в течение долгого времени крестьяне селений Знаменки, Манзурки, Тутуры, Жигалово и др. не платили податей, не выполняли повинностей, закрыли так называемые земские квартиры, прекратили бесплатный отпуск лошадей чиновникам, открыто игнорировали местные власти, иногда даже избивали полицейских. Положение в уезде было настолько напряженным, что местные жандармы требовали присылки войск.

На далекой Лене ленские крестьяне-ямщики Чекурской волости объявили 6 декабря 1905 г. стачку. Они требовали увеличения пособий за обывательскую гоньбу, улучшения условий содержания почтовых станций, выдачи платы за почтовую гоньбу сверх контракта. Для руководства стачкой крестьяне избрали стачечный комитет. Стачка продолжалась до 15 января 1906 г. и закончилась лишь после ареста ее руководителей.

Ленская забастовка ямщиков представляет интересный пример борьбы крестьян одного из глухих уголков Сибири против полуфеодальных повинностей путем применения специфически пролетарского средства борьбы — стачки.

В начале 1906 г. карательные экспедиции, свирепствовавшие в Восточной Сибири, подавили очаги крестьянского движения в этом крае. В Западной же Сибири крестьянское движение продолжалось.

В январе—феврале 1906 г. волнения крестьян в Бийском уезде охватили обширную территорию от предгорий Алтая до приобских степей.

Крестьяне стали «самочинно» разрешать лесной вопрос. Они производили массовые порубки в кабинетских лесах. Сельские общества выносили приговоры: «Ни копейки не платить арендных денег управляющим имениями и лесом пользоваться бесплатно кому где вздумается».³⁹

Волнения охватили и население г. Бийска. 14 января 1906 г. его жители выехали на сотнях подвод в пригородные боры и начали самовольно порубку леса.

7—8 января 1906 г. в Бийске состоялась многолюдная демонстрация. Демонстранты избили жандармского полковника Завьялова и заставили его освободить из-под стражи 3 членов местной группы РСДРП. Почти одновременно в 3 уездах Томской губернии в марте 1906 г. произошли вооруженные столкновения крестьян с летучими отрядами казаков, солдат и лесной стражи. Особенно острый характер эти столкновения приняли в с. Гилев Лог Барнаульского уезда, где около 2000 крестьян, вооружившись кольями, вилами, топорами, повели наступление на отряд, когда тот пытался увезти лес, нарубленный крестьянами, и заставили его отступить.

Длительными были волнения крестьян с. Ново-Обинского. Периодически они продолжались в течение всего 1906 г. В марте крестьяне отказались выполнить предписание о немедленном вывозе нарубленного леса в установленное место и оказали сопротивление казакам и полиции. На отряд казаков двинулась многолюдная толпа. Впереди шел заслон из малых ребят, что сковывало действия отряда. Крестьяне избили объ-

³⁹ ГААК, ф. 4, оп. 2, св. 31, д. 982, л. 30.

ездчика и полицейского урядника, которые пытались уговорить их, обезоружили 2 казаков, остальных обратили в бегство. В Западной Сибири крестьянские волнения продолжались во второй половине 1906 и начале 1907 г.

Первая русская революция оказала положительное влияние на сибирскую деревню. Крестьянское движение на сибирских окраинах являлось частью общенародной борьбы против самодержавного строя. Оно охватило ряд районов Сибири. Однако размах и формы его были не везде одинаковы. Наиболее активно оно развивалось на Алтае и в Забайкалье, где в значительной степени еще сохранились феодальные пережитки. Здесь выступления крестьян доходили до вооруженной борьбы против администрации императорского Кабинета и царских властей. Крестьяне захватывали кабинетские и церковные земли и леса.

Более значительная масса сибирских крестьян принимала участие в разных формах дезорганизации царского правительства: отказывалась отбывать государственные полуфеодальные повинности и платить налоги, не подчинялась местным властям, принимала решения о подготовке вооруженного восстания, об изменении государственного строя, участвовала в массовых митингах, собраниях, политических демонстрациях, предпринимала попытки ликвидировать местные органы царской власти и создать свое самоуправление. Отмечая эти факты крестьянских выступлений, следует в то же время сказать, что крестьянское движение в Сибири не было таким массовым, как в европейской части страны. Например, из 26 уездов Восточной Сибири более или менее значительные выступления происходили в 8—9 уездах. Такая же картина была и в Западной Сибири.

На крестьянское движение оказала влияние борьба пролетариата, происходившая в городах и рабочих поселках, но в 1905—1907 гг. еще не было систематической организационной связи между рабочими и крестьянами. «К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно», — писал В. И. Ленин.⁴⁰

Опыт первой русской революции показал необходимость самого тесного союза рабочих и крестьян под руководством партии большевиков для последовательной и решительной революционной борьбы против общих врагов — самодержавия и эксплуататорских классов.

3. ПЕРВЫЕ СОВЕТЫ И ВООРУЖЕННЫЕ ВОССТАНИЯ В СИБИРИ

После октябрьской всероссийской политической стачки революционная борьба продолжала развиваться. Авангард революции — рабочий класс приступил к осуществлению своих прав революционным путем. Рабочие явочным порядком осуществляли восьмичасовой рабочий день, свободу собраний, стачек, союзов.

15 ноября 1905 г. в Сибири началась забастовка почтово-телеграфных работников. Она протекала дружно и организованно. Фактически почта и телеграф оказались в руках стачечных комитетов. Они стремились использовать почтовую и телеграфную связь в интересах революции и путем бойкота казенной корреспонденции противодействовать контрреволюционным распоряжениям правительства.

С ноября 1905 г. на станциях Сибирской и Забайкальской железных дорог стали возникать «смешанные комитеты по перевозке войск». Они состояли из выборных от всех рабочих и служащих железнодорожных участков. Между участковыми комитетами устанавливалась взаимная связь. Таким образом, возникла довольно стройная организация. Боль-

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

шинство членов комитетов были активными членами сибирских организаций РСДРП. Фактически комитеты рабочих и служащих стали, хотя и на короткий срок, хозяевами Великого Сибирского пути и прообразом будущей революционной власти.

Энергичной работой по перевозке войск смешанным комитетам удалось предотвратить столкновение солдат с железнодорожниками. Усилилось формирование боевых рабочих дружин, начатое во время всероссийской стачки.

Борьба рабочих и крестьян, революционная пропаганда оказали влияние на армию. Происходили выступления солдат, казаков, матросов во Владивостоке, Иркутске, Красноярске, Чите. Солдаты и матросы были озлоблены войной, тяжестью службы, политическим бесправием, задержкой демобилизации. 30 октября 1905 г. началось восстание во Владивостоке.

На базарной площади Владивостока собралось более 2 тыс. матросов Сибирского флотского экипажа, 10 тыс. солдат Хабаровского резервного полка и рабочие мастерских военного порта. Избранная ими делегация была направлена к коменданту с требованием объявить в частях манифест 17 октября, отменить запрещение посещать митинги и собрания, выдать заработанные деньги, улучшить пищу и обращение с матросами и солдатами со стороны офицеров, назначить немедленно демобилизацию запасных и отправку их на родину. Комендант крепости не принял делегацию. Это вызвало негодование собравшихся.

Из-за отсутствия руководства восставшие не знали, что им предпринять. Они разгромили и сожгли офицерские особняки, здания Общественного и Морского собраний, военно-окружного суда, разбили карцеры и караульные помещения, выпустив из них арестованных, убили несколько ненавистных им офицеров.⁴¹ Вызванные с полевых позиций войска отказались стрелять в своих братьев.

Восстание охватило и другие части: 1-ю и 2-ю Владивостокские крепостные минные роты в бухте Диомид, Восточносибирскую и Новокиевскую минные роты в бухте Посыет (в 150 км от Владивостока), отряд миноносцев,⁴² военный транспорт «Тобол» и другие корабли, стоявшие на владивостокском рейде.

Видя, что восстание принимает широкие размеры, комендант крепости генерал Казбек спешно подтянул к городу еще один полк и батальон с Русского острова и отправил телеграмму командующему войсками Примурского военного округа с просьбой поднять по тревоге казачьи части, расположенные в различных гарнизонах Приморья, и срочно перебросить их по железной дороге во Владивосток, что и было сделано в те же сутки.

В ночь на 31 октября матросы Сибирского флотского экипажа изгнали из казарм офицеров и совместно с рабочими и солдатами крепости развернули вооруженную борьбу с верными правительству частями. Обе стороны понесли значительные потери: 182 чел. убитых и раненых.⁴³

31 октября восстание приняло более организованный характер. Свыше тысячи солдат, матросов и рабочих собрались на митинг, вызвали коменданта крепости и командира военного порта и повторили им свои требования. Собравшиеся заставили генерала Казбека прочитать им царский манифест и дать обещание осуществить его и выполнить все их требования. Участники митинга организовали вооруженную демонстрацию. Демонстранты разоружили охрану крепостной гауптвахты, выпустили всех арестованных (около 100 чел.), уничтожили документы, а здание гаупт-

⁴¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, д. 1350, ч. 89, л. 4.

⁴² ЦГАВМФ, ф. 870, л. 40; ф. вахтенных журналов, д. 33513, л. 141.

⁴³ ЦГИА, ф. 560, оп. 28, 1905. № 1041, л. 5.

вахты сожгли. Та же участь постигла старую и новую городские тюрьмы и полицейские участки.⁴⁴

Местные социал-демократы не были подготовлены к тому, чтобы использовать создавшиеся благоприятные условия для вооруженного восстания, взять на себя организацию и руководство вооруженными силами восставших частей гарнизона. Восставшие не знали, что делать дальше. Хитростью и уговорами, а кое-где и силой военным властям удалось вывести наиболее революционные части за пределы крепостного района. Разобщиив восставших, разбросав их по различным гарнизонам, усыпив их бдительность показной эвакуацией запасных, военные власти предприняли карательные меры. В крепости начались массовые аресты. Специально учрежденная следственная комиссия рассмотрела свыше 500 дел. Сотни солдат и матросов были приговорены царским судом к каторжным работам, тюремному заключению, арестантским ротам.

Несмотря на суровые меры карателей, революционное движение в крепости не угасало.

12 ноября 1905 г. вспыхнуло восстание солдат — участников героической обороны Порт-Артура, прибывших во Владивосток из японского плена.

Поводом к выступлению послужила зверская расправа капитана Новицкого, зарубившего шашкой канонира Калинина. Это произошло на глазах солдат Владивостокской крепостной артиллерии. Они сразу же сообщили об этом зверстве солдатам портартурцам, собравшимся на митинг для обсуждения своих нужд. Более 600 портартурских и владивостокских артиллеристов бросились к Офицерскому собранию, где забаррикадировались офицеры во главе с капитаном Новицким. Осажденные открыли огонь из винтовок. Тогда солдаты подожгли здание, убили капитана Новицкого и тяжело ранили еще 4 офицеров.

Восстание вспыхнуло стихийно, без всякого плана и организации. Поэтому оно было быстро подавлено. Здесь же были арестованы 480 его участников. Но восстание оказало большое революционизирующее влияние на дальнейший ход событий в крепости, на трудящиеся массы всего Дальнего Востока. На многочисленных митингах и собраниях в ноябре и декабре 1905 г. вплоть до восстания 10 января 1906 г. солдаты и матросы не переставали требовать от командования крепости освобождения арестованных артиллеристов.

Уроки восстаний 30—31 октября и 12 ноября 1905 г. были учтены солдатами и матросами крепости. В январе 1906 г. они выступили против царского режима уже более сплоченно и организованно.

В ноябре 1905 г. началась забастовка солдат и казаков Иркутского гарнизона. На собраниях солдат, казаков и сочувствующих им офицеров 26—28 ноября 1905 г. были выработаны требования для предъявления начальнику гарнизона генералу Ласточкину. Одни из них касались улучшения экономического и правового положения солдат и казаков (улучшение казенного довольствия, обеспечение семей убитых и раненых, увольнение запасных, вежливое обращение с солдатами и пр.). Одновременно выдвигались требования политического характера: отмена военного положения и смертной казни, полная амнистия борцам за свободу, созыв Учредительного собрания, всеобщее избирательное право, передача земли народу.

Требования, составленные на собраниях, были предъявлены начальнику гарнизона, но он отказался удовлетворить их. Тогда было решено объявить «мирную, но с оружием в руках» забастовку солдат и казаков и «войти в связь и единение с местными революционными организа-

⁴⁴ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 4, д. 603, л. 5.

циями». Для руководства забастовкой был избран военный стачечный комитет. Он состоял из представителей от солдат и казаков, от комитетов РСДРП и эсеров, от профессиональных союзов. Солдаты и казаки избрали нового начальника гарнизона поручика Озберга, коменданта города, командиров 2 запасных батальонов и казачьего дивизиона.

Попытка старого начальника Иркутского гарнизона арестовать выборных командиров потерпела неудачу. Они были освобождены казаками.

30 ноября 1905 г. после общенародного митинга в Общественном собрании в Иркутске произошла многолюдная вооруженная демонстрация рабочих, служащих, солдат и казаков. Участники демонстрации сняли с работ солдат телеграфной роты, которые были направлены начальством для срыва забастовки работников телеграфа, и освободили солдат, арестованных по приказу генерала Ласточкина.

События, происходившие 30 ноября, явились кульминационным пунктом забастовки Иркутского гарнизона. В дальнейшем она пошла на убыль.

В обстановке возрастающего подъема революции в России возникли революционные организации нового типа — Советы рабочих депутатов, ставшие в 1905 г. органами восстания и предтечей революционной власти. Так рассматривали сущность и значение Советов большевики. Меншевики же смотрели на Советы как на органы местного самоуправления.

Подготовительной ступенью к Советам рабочих депутатов можно считать смешанные стачечные комитеты, выполнявшие фактически некоторые функции революционной власти. В Сибири первые Советы возникли в ноябре—декабре 1905 г.

30 ноября 1905 г. на собрании рабочих и служащих Управления Забайкальской железной дороги, депо и станции Иркутск был организован Совет депутатов служащих и рабочих, избравший в декабре Исполнительное бюро в составе 11 чел. От его имени было предложено создать местные Советы и бюро на станциях и прислать представителей на общий съезд в Иркутск.

Избрав Исполнительное бюро, Совет служащих и рабочих Забайкальской железной дороги поставил перед ним следующие задачи: проведение решительных мероприятий по перевозке войск и продовольственных грузов, установление контроля за действиями железнодорожной администрации, недопущение мер, направленных против революционного народа, принятие в случае необходимости экстренных мер вплоть до захвата дороги в свои руки. Было также предложено установить связь с другими дорогами.

Большевики, работавшие в Иркутске, Чите, Слюдянке, Мысовой, Верхнеудинске, на Петровском заводе, стремились расширить состав Советов, привлечь в них не только железнодорожников, но и рабочих других предприятий, а также солдат и казаков. Большевики рассматривали задачи Советов в широком плане. Они добивались захвата Советами железной дороги, чтобы использовать ее в интересах революции, вооружения рабочих и подготовки восстания.

Иркутский Совет, в котором преобладали служащие Управления Забайкальской железной дороги, превратился в контрольный орган над действиями администрации. Его позиция вызвала недовольство комитетов, действовавших по линии железной дороги. Съезд железнодорожников, происходивший в Чите 11 (24) декабря, высказался за полную передачу управления дорогой в руки выборных от рабочих и служащих. Другую позицию занял новый съезд, состоявшийся 19—20 декабря в Иркутске. На нем преобладали соглашательские элементы из «управленцев», постановивших «решительно отвергнуть захват Забайкальской железной дороги». Подобное решение вызвало возмущение линейных комитетов, на-

ходившихся под влиянием большевиков. Они продолжали вести работу, направленную к захвату железной дороги.

Организации типа Советов возникали и среди солдат. Во Владивостоке на многочисленных собраниях солдат гарнизона 4, 7 и 12 декабря 1905 г. был избран «Исполнительный комитет нижних чинов Владивостокского гарнизона». Он должен был проводить в жизнь требования, выработанные солдатами и матросами, защищать их права и интересы, руководить собраниями уполномоченных от частей гарнизона и следить за осуществлением их постановлений.

В. И. Ленин назвал этот Комитет Советом солдатских депутатов. В числе организаций, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти, он отмечал «Советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, Советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр. . . ».⁴⁵

На первом заседании Исполкома были утверждены требования, составленные выборными от солдат Владивостокской крепости. Под влиянием либералов общеполитическая часть требований носила буржуазный характер. В этом сказался и не вполне удовлетворительный состав выборных, которые обсуждали требования гарнизона. «Большинство начальников частей, — как отмечала газета «Воля», — послало на собрания не выборных, а по назначению, что вызвало новые волнения солдат».⁴⁶

Значительная часть солдат и матросов, присутствовавших на обсуждении требований, возражала против формулировок кадетского типа, но руководители собраний убеждали выборных, что армия должна соблюдать нейтралитет в борьбе партий, следить, чтобы эта борьба велась «культурными приемами, без насилий», и восстанавливать «порядок», «как только какая-либо партия прибегнет к насилию».⁴⁷

Разоблачая лицемерие прислужников самодержавия в вопросе о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики, Ленин писал в газете «Новая жизнь» 16 ноября 1905 г.: «Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников черной сотни, в пособников полиции. Нельзя стоять в стороне от международной борьбы за свободу. Кто относится к этой борьбе равнодушно, тот поддерживает бесчинства полицейского правительства, обещавшего свободу, чтобы издеваться над свободой».⁴⁸

Но кадетские разглагольствования не могли сбить с толку солдат гарнизона при обсуждении конкретных требований по демократизации армии и удовлетворению их материально-бытовых нужд. В этой части требования отражали интересы солдат, интересы народа и были почти аналогичны требованиям гарнизонов других городов Сибири и России, выработанным под влиянием большевиков.

Солдаты и матросы крепости потребовали отмены всех обычаев, унижавших их человеческое и гражданское достоинство, равноправия с офицерами, свободы слова и собраний, права выписывать газеты и журналы, неприкосновенности переписки, равноправия наций, сокращения сроков военной службы, увеличения жалованья нижним чинам. Эти требования предназначались солдатами на рассмотрение Учредительного собрания.

Во Владивостоке в это время была благоприятная обстановка для перехода власти в руки народа. Командование крепости проявляло нерешитель-

⁴⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 229.

⁴⁶ «Воля», 1905, № 74.

⁴⁷ Ж. «Минувшие годы», СПб., 1908, № 5—6, стр. 82.

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 113.

тельность, ибо не было уверено в прочности царизма. Оно было отрезано от центра и боялось огромного, хорошо вооруженного, революционно настроенного гарнизона. При наличии подлинно революционного руководства крепость могла бы стать грозным бастионом революции и оказать серьезное влияние на развитие революционного движения на Дальнем Востоке, поддержать вооруженные восстания рабочих и солдат Сибири. Однако малочисленность и неорганизованность социал-демократов Владивостока не позволили им подчинить своему влиянию широкие массы солдат и матросов и повести их на революционную борьбу против самодержавия. На митингах и собраниях социал-демократы почти не выступали, а солдаты и матросы не понимали сложившейся ситуации, перспектив своей борьбы, огромной силы революционного гарнизона и верили велеречивым либералам, выдававшим себя за революционеров. Председатель исполкома Шпер, всюду произнося напыщенные «революционные» речи, уговаривал солдат и матросов воздержаться от решительных выступлений. Все это наносило чрезвычайный вред политическому воспитанию рабочих, солдат и матросов, развитию революционного движения в крепости, дезориентировало массы, сковывало их революционную инициативу.

Более революционными, чем во Владивостоке, были Советы рабочих и солдатских депутатов в Красноярске и Чите.

Возникновение объединенного Совета рабочих и солдат Красноярска было подготовлено агитационно-пропагандистской и организаторской работой Красноярского комитета РСДРП.

В дни всеобщей октябрьской стачки по предложению Красноярского комитета РСДРП была создана «Выборная комиссия от рабочих для разбора всех дел по частным вопросам положения рабочих и служащих». В нее входили представители рабочих железнодорожных мастерских, депо и монопольного склада. В дальнейшем Комиссия охватила шпалопроточный, лесопильный, стекольный заводы и другие предприятия города. Ее деятельность продолжалась и после окончания всеобщей стачки.

Выборная комиссия устраивала собрания рабочих и работников, на которых обсуждались вопросы о восьмичасовом рабочем дне, повышении заработной платы, улучшении условий труда. Совместно с Комитетом РСДРП вырабатывались требования рабочих и принимались меры к их реализации. Выборная комиссия приобрела большую популярность среди трудящихся. К ней часто обращались рабочие и служащие с просьбами о защите их от произвола хозяев, содействии в повышении заработной платы, улучшении условий труда и пр. Комиссия издавала свой печатный бюллетень. Ее деятельность освещалась также в бюллетенях Красноярского комитета РСДРП. Выборная комиссия принимала меры к осуществлению революционным путем восьмичасового рабочего дня. Через своих уполномоченных на местах Комиссия добивалась выполнения мероприятий по охране труда, улучшению его условий, повышению заработной платы.

Всем ходом революционного движения выдвигались важнейшие и неотложные политические задачи, поставленные III съездом РСДРП: организация вооруженных сил революции путем формирования боевых рабочих дружин, привлечение армии на сторону народа, подготовка и проведение восстания против царизма.

Агитационно-пропагандистская деятельность Красноярского комитета РСДРП, успехи организации рабочих, революционное движение в России и на ее сибирских окраинах оказали влияние на солдат. Особенно близко соприкасались с рабочими солдаты 2 железнодорожных батальонов, прибывших в Красноярск. Во время учебных занятий на стан-

ции и в железнодорожных мастерских солдаты сближались с рабочими и знакомились через них с задачами революционной борьбы. Через рабочих устанавливалась связь Красноярского комитета РСДРП с солдатами. Пропаганда велась и среди других частей Красноярского гарнизона (3-й запасный Сибирский батальон, конвойная команда), но связь с ними была слабой. В дальнейшем это неблагоприятно сказалось на ходе вооруженного восстания в Красноярске. В то время как солдаты железнодорожных батальонов вместе с рабочими участвовали в восстании, другие воинские части не поддержали их.

Первое выступление солдат железнодорожного батальона произошло во второй половине ноября 1905 г., когда они предъявили ряд требований своему начальству. Отказавшись удовлетворить эти требования, командование, опасаясь новых выступлений солдат, решило разъединить их путем отправки части батальона из Красноярска. Тогда солдаты обратились за помощью к рабочим.

Исторической датой в развитии революционного движения в Красноярске и вообще в Сибири является 6 декабря 1905 г. В этот день в паровозосборочном цехе состоялось многолюдное собрание рабочих железнодорожных мастерских, депо и городских предприятий. На собрание пришли солдаты с оружием и красными знаменами. Собрание проходило под лозунгом: «Да здравствует единение солдат с народом, свобода, равенство и братство».

После выступления ораторов было постановлено организовать общий представительный орган. Так был создан объединенный Совет солдат и рабочих Красноярска. В состав объединенного Совета вошли Выборная комиссия от рабочих Красноярска и представители солдат. В дальнейшем Выборная комиссия была переименована в Совет рабочих депутатов Красноярска, а солдатский Совет стал называться Советом депутатов от Красноярского гарнизона.

Требования солдат, принятые на митинге 6 декабря, были предъявлены командиру железнодорожного батальона, но он отверг их. В ответ на это 8 декабря была объявлена солдатская забастовка. Солдаты признавали только Комитет депутатов от рот.

9 декабря по городу распространялось воззвание Красноярского комитета РСДРП, призывавшее рабочих, солдат, всех граждан к политической демонстрации, к революционному единству рабочих и солдат.

Призывы комитета РСДРП нашли живой отклик. 9 декабря в Красноярске происходила торжественная демонстрация под знаком объединения революционных сил рабочих и солдат. Никогда еще сибиряки не видели такой многолюдной народной процессии: в демонстрации участвовало до 15 000 чел.

Красноярский Совет с первых дней своего существования стал выполнять некоторые функции революционной власти. Красноярск этого периода вошел в историю под названием «Красноярская республика». При рабочей части Совета были выделены группы для наблюдения за движением поездов, сношения с выборными депутатами от солдат, заведования делами внутреннего распорядка на всех промышленных предприятиях города. При объединенном Совете действовали также комиссии по подготовке выборов в городскую думу на основе всеобщего избирательного права и по охране безопасности и общественного порядка. В Совете и на народных собраниях были приняты постановления об отмене цензуры, о свободе слова, печати, собраний, установлении контроля над всеми правительственными учреждениями.

Совет депутатов от солдат издал приказ по гарнизону Красноярска об отмене денщиков, о вежливом обращении офицеров с солдатами, о наряде патрулей для охраны жителей города от черной сотни и хулиганов.

Постановления Совета проводились в жизнь. В Красноярске осуществлялась свобода слова, печати и собраний. Они происходили часто и были многочисленными, на них звучало свободное революционное слово. Выпускались листовки и бюллетени Красноярского комитета РСДРП. 10 декабря вышел первый номер газеты «Красноярский рабочий» — органа Красноярского комитета РСДРП. Газета расходилась в количестве до 5000 экземпляров.

Группа для наблюдения за движением поездов выполняла функции смешанных стачечных комитетов. Большой популярностью среди рабочих пользовалась группа по делам внутреннего распорядка на предприятиях. К ней обращались с заявлениями о своих нуждах рабочие и демобилизованные солдаты. Группа принимала меры по охране труда, нормировке рабочего дня, повышению заработной платы, защищала рабочих от произвола хозяев. Опираясь на рабочую дружину и солдат, объединенный Совет приступил к разоружению жандармерии и полиции, но не довел этого дела до конца. В постановлении Совета, изданном 19 декабря, указывалось, что он «берет на себя охрану города для предупреждения грабежей и насилий и защиты свободы собраний, но розыск воров и расследование уже совершившихся краж возлагается по-прежнему на полицию и судебных следователей».⁴⁹ Ошибка Красноярского Совета заключалась в том, что он не отстранил окончательно полицию и оставил на свободе представителей царской администрации.

Большевики добивались массового вооружения рабочих и распространения восстания за пределы Красноярска. Однако они встретили противодействие со стороны либеральствующих элементов во главе с прапорщиком Кузьминым, вошедших в солдатский комитет. Последние тормозили вооружение рабочих, воспрепятствовали захвату ими оружия в Красноярском арсенале, заявляли о необходимости ограничиться «мирной» забастовкой и выборами нового состава городской думы. Такая пропаганда подрывала единство действий солдат и рабочих. Сама кампания выборов в городскую думу отвлекала от боевых революционных действий в критические моменты существования «Красноярской республики».

Для подавления восстания против революционного Красноярска были двинуты Омский и Красноярский полки. Попытки Красноярского комитета РСДРП и Совета развернуть агитацию среди солдат этих полков, привлечь их на сторону революционного народа потерпели неудачу.

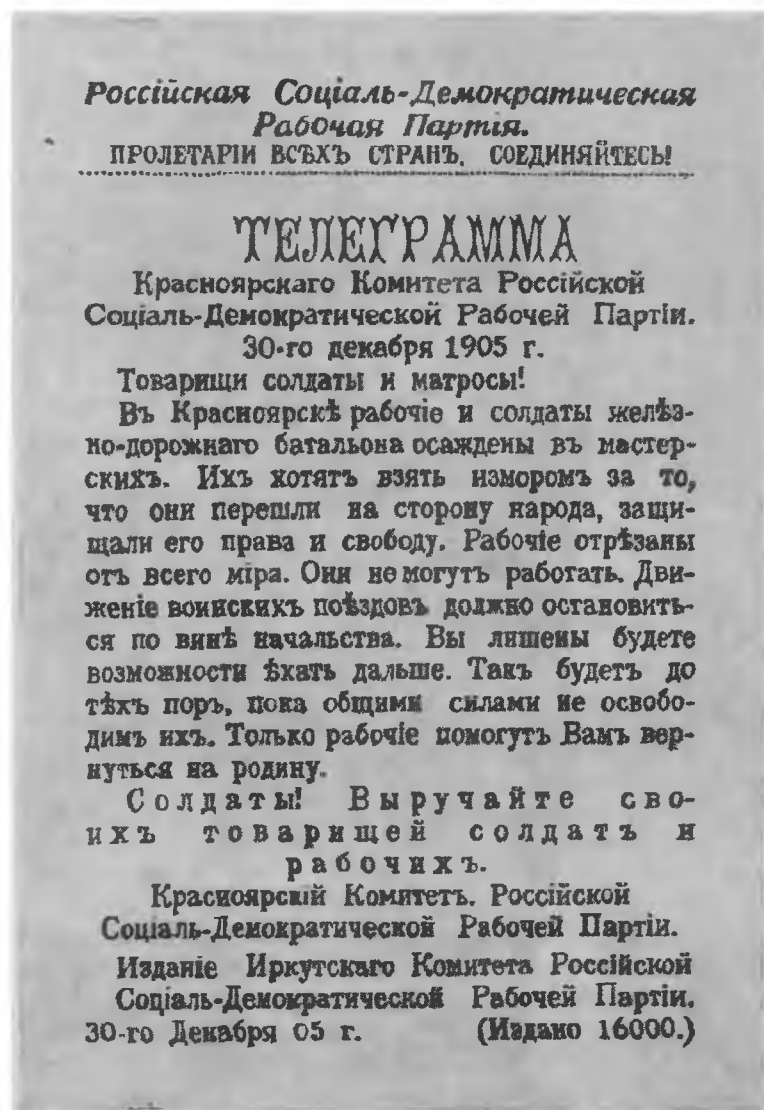
Командование эшелонов вступило на путь провокации. Остановив часть эшелонов вблизи Красноярска, начальство распространило среди солдат слух, что их не пропускают забастовщики и нужно «пробиться» в город походным порядком. В ночь с 23 на 24 декабря Омский полк по льду через Енисей вошел в Красноярск, затем прибыл Красноярский полк. Прибывшие войска заняли город, за исключением железнодорожного района и продовольственного пункта, которые находились еще в руках объединенного Совета. Цитаделью его стали Красноярские железнодорожные мастерские.

С утра 28 декабря рабочие, солдаты, комитет и актив Красноярской организации РСДРП, члены Совета укрепились в каменном здании железнодорожных мастерских. Вместе с рабочими и солдатами в мастерских находился санитарный отряд учениц фельдшерской школы во главе с врачом. Число восставших доходило до 800 чел. Решив бороться до конца, они надеялись на помощь рабочих и солдат других городов.

29 декабря Красноярский комитет РСДРП обратился с воззванием к гражданам Красноярска, призывая их протестовать против объявлен-

⁴⁹ В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг., стр. 143.

ного военного положения и добиваться снятия осады железнодорожных мастерских. Одновременно было выпущено и передано по телефону по линиям железной дороги обращение к солдатам и матросам с призывом выручать своих красноярских товарищей. Оборона Красноярских железнодорожных мастерских, окруженных вражескими войсками, продолжалась 7 дней — с 28 декабря 1905 по 3 января 1906 г.

Листовка Иркутского комитета РСДРП о революционной борьбе рабочих и солдат Красноярска. (ГАИО, коллекция листовок).

Рабочим и солдатам приходилось противостоять превосходящим силам противника, открывшего огонь не только из ружей, но и пулеметов. Во время перестрелки было ранено 8 восставших и убито 2 казака со стороны царских войск. Красноярские рабочие и солдаты не получили ожидаемой помощи. Остро сказывался недостаток прочной и систематической связи между главными очагами революционного движения в Сибири и Европейской России.

У осажденных иссякали запасы продовольствия. 31 декабря царские войска заняли вагонный цех и отрезали осажденных от водопровода;

остыли трубы парового отопления, оконные стекла были разбиты, с каждым часом снижалась температура в мастерских. На улице же стоял тридцатиградусный мороз. 2 января 1906 г. усилился обстрел мастерских из ружей и пулеметов. Находясь в полной изоляции от внешнего мира, не получая помощи, осажденные были вынуждены 3 января 1906 года прекратить сопротивление. Мастерские были заняты царскими войсками.

Красноярское восстание потерпело поражение, но самый факт и опыт вооруженного выступления рабочих и солдат в Красноярске имели исключительно важное значение. Несмотря на поражение восстания, его участники бодро смотрели вперед и были уверены в победе революции. В письме заключенных красноярцев, отправленном из тюрьмы, выражалась уверенность в том, что «настанут лучшие времена, когда мы вступим свободными гражданами в свободную жизнь. Мы открыто заявили всем, что будем бороться до последней капли крови за угнетенный народ».⁵⁰

Крупным очагом революционного движения в период первой русской революции была Чита. Влияние большевистского комитета Читинской организации РСДРП распространилось далеко за пределы Читы. Под его руководством действовали Верхнеудинская, Троицкосавская, Борзинская, Хилокская, Сретенская, Петровскозаводская, Оловяnnиковская группы РСДРП. Влияние Читинского комитета РСДРП проявлялось даже в Маньчжурии. Комитет командировал туда своих представителей — А. И. Попова-Коновалова, М. К. Ветошкина (работал под псевдонимом Орлов) — для организации пропаганды среди войск, чтобы привлечь солдат, возвращавшихся в Россию, на сторону революционного народа.

Главную опору Читинского комитета составляли рабочие железнодорожники как в Чите, так и на станциях по линии Забайкальской железной дороги. К ним присоединились другие рабочие Читы, солдаты и казаки Читинского гарнизона.

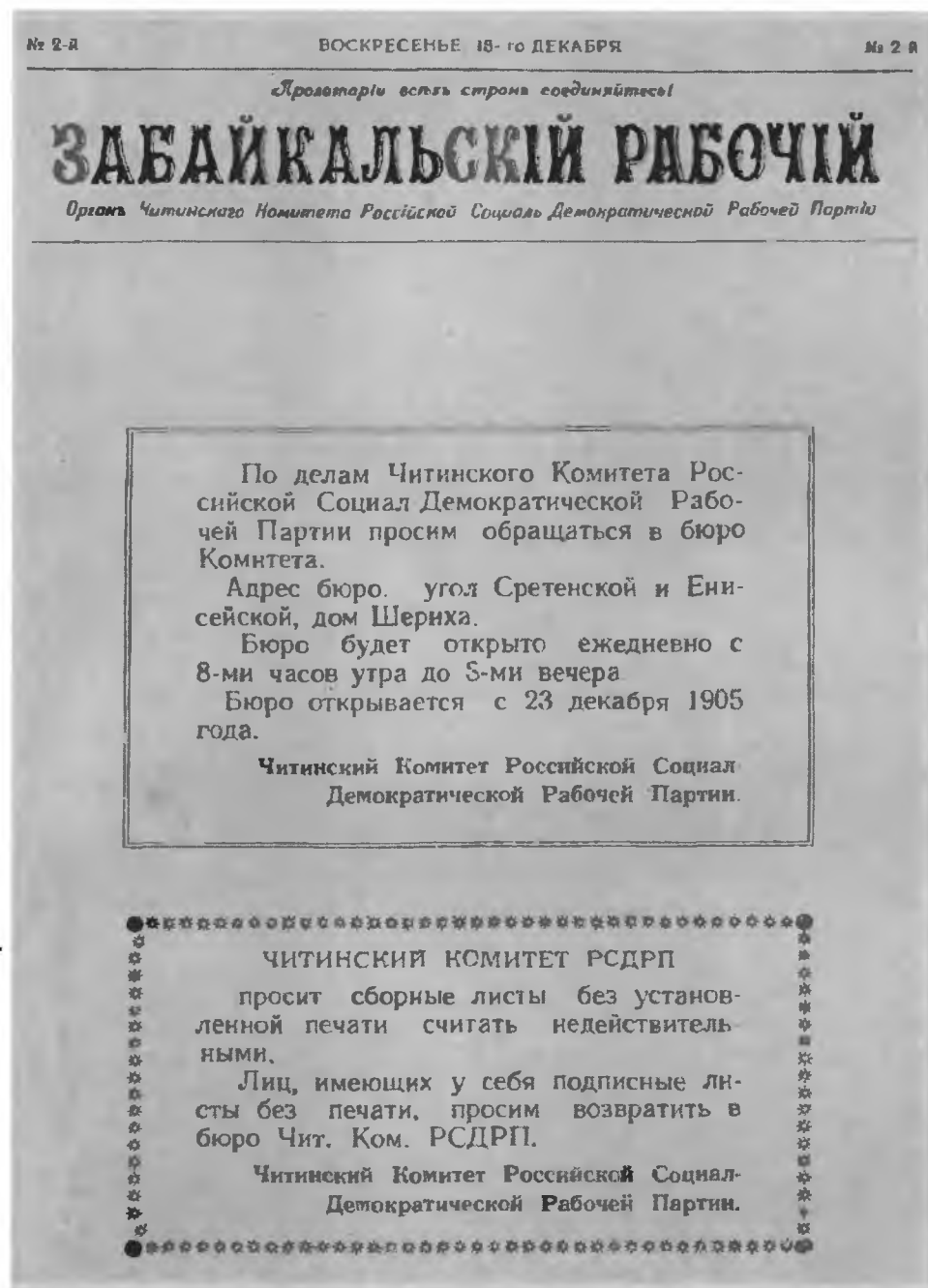
Читинский комитет РСДРП и его группы развернули широкую пропаганду и агитацию. В ноябре 1905 г. было издано 17 прокламаций и листовок, распространенных в количестве 44 тыс. экземпляров. Кроме прокламаций, были изданы программа РСДРП, сборник революционных песен, уставы профессиональных союзов, воззвание Читинского Совета солдатских и казачьих депутатов. Всего в ноябре—декабре было издано около 200 тыс. экземпляров листовок. Одни из них печатались в нелегальной типографии, другие — «захватным путем» в 3 частных типографиях. Наконец, была захвачена казенная губернская типография. Она стала издательской базой Читинского комитета РСДРП.

7 (20) декабря 1905 г. вышел 1-й номер газеты «Забайкальский рабочий» — органа Читинского комитета РСДРП. В одном из писем из Читы сообщалось: «Газета поставлена хорошо и расхватывается всеми, расходуется в количестве 5000—6000 экземпляров. Рабочие обещаются в случае материальной нужды поддерживать всеми силами».⁵¹ В газете участвовали видные революционные деятели — большевики В. К. Курнатовский, А. А. Костюшко-Валюжанич, Н. Н. Баранский («Николай Большой»), М. К. Ветошкин («Кузьмич») и др. В 1905—1906 гг. вышло всего 6 номеров «Забайкальского рабочего». Несмотря на короткий срок своего начального существования, эта газета сыграла важную роль в деле пропаганды, разъяснения основных вопросов программы и тактики партии, задач революционной борьбы.

⁵⁰ Письмо заключенных было опубликовано и листовке Красноярского комитета РСДРП.

⁵¹ Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг., стр. 129. — Автором письма был Н. Н. Баранский.

В ноябре—декабре 1905 г. в Чите, пос. Песчанке, Верхнеудинске, Троицкосавске, на станциях Яблоновой, Оловянной, Борзе и Маньчжурии происходили собрания и демонстрации, организованные Читинским комитетом и местными группами РСДРП. В них участвовали рабочие.

«Забайкальский рабочий». Титульный лист газеты.

ремесленники, служащие, солдаты и казаки, крестьяне, прибывшие на временные казенные работы. Возрастало влияние большевиков среди трудящихся.

Готовясь к вооруженному восстанию, большевики усиливали формирование боевых рабочих дружин, которое началось еще в дни октябрьской всеобщей стачки. Дружины формировались в Чите, Верхнеудинске, на станциях Хилок, Петровском заводе, Борзя, Сретенске.

Читинские рабочие захватывали оружие из складов и вагонов, скопившихся в Чите в связи с эвакуацией воинских частей из Маньчжурии.⁵² 4 января 1906 г. рабочие разгрузили 13 вагонов с оружием и унесли его. 12 января боевая дружина, к которой присоединилось много рабочих, захватила 8407 винтовок, 3750 пуд. патронов и 900 пуд. пироксилиновых шашек. Рабочие давали расписки, что оружие поступает в пользу комитета РСДРП. В конце 1905—начале 1906 г. винтовки и патроны отправляли из Читы на другие станции. Дружинники учились владеть оружием, охраняли народные собрания и демонстрации, участвовали в вооруженных демонстрациях.

Органами восстания и захвата власти стали стачечные комитеты на линии железной дороги, Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов и вооруженные рабочие дружины, действовавшие под непосредственным руководством Читинского комитета РСДРП. В противоположность Красноярску в Чите не произошло вооруженного столкновения с войсками. Под влиянием агитации большевиков и солдатских выступлений в других городах, сближения с рабочими на народных собраниях солдаты и казаки Читинского гарнизона вступили на путь союза с ними.

24 ноября 1905 г. собрание рабочих и солдат по предложению Читинского комитета РСДРП отметило политической демонстрацией установление восьмичасового рабочего дня и сближение рабочих с солдатами. Из железнодорожных мастерских, где проходило народное собрание, около 5000 демонстрантов отправились в центр города с красными флагами и пением революционных песен. Демонстранты добились освобождения из тюрьмы политического заключенного — большевика Кривоносенко и 2 арестованных казаков, а также потребовали освобождения матросов — участников восстания на транспорте «Прут». Они были освобождены по том делегацией Совета солдатских и казачьих депутатов, возглавляемой В. К. Курнатовским.

27 ноября на собрании солдат и казаков были приняты требования, предъявленные командующему войсками Забайкальской области и наказному атаману Забайкальского казачьего войска. Солдаты и казаки требовали улучшения своего экономического и правового положения и одновременно выдвигали требования политического характера: установление восьмичасового рабочего дня, неприкосновенность личности, снятие военного положения, свобода собраний, союзов, стачек, обязательное обучение неграмотных, освобождение всех борцов за народное дело.

В заключительной части постановления собрания говорилось о присоединении солдат и казаков к рабочему классу, восставшему под знаменем социал-демократической партии, и крестьянству, о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Было объявлено, что «солдаты и казаки Читинского гарнизона и вновь прибывших частей организовали Совет солдатских и казачьих депутатов, объединяющий весь гарнизон, давящий на верхи революционным путем, проводящий свою программу снизу».

На другой день — 28 ноября на собрании солдат и казаков в железнодорожных мастерских был создан Совет солдатских и казачьих депутатов РСДРП. Таким названием подчеркивалось, что Совет становится под знамя партии рабочего класса.

Опираясь на вооруженных рабочих, пользуясь поддержкой солдат и казаков, смешанные стачечные комитеты в Чите и по линии Забайкальской железной дороги становились фактически органами восстания и революционной власти.

⁵² По современному административному делению Китая территория бывшей Маньчжурии называется Дунбэй (Северо-Восточный Китай).

В Чите, Верхнеудинске, на станциях Забайкальской железной дороги осуществлялась свобода слова, печати, собраний, союзов, был установлен восьмичасовой рабочий день, освобождены политические заключенные, организована гражданская милиция для охраны города, усилилось формирование боевых рабочих дружин. В руках стачечного комитета (фактически Совета рабочих депутатов) находилось управление Читинским участком железной дороги, почтой и телеграфом. Почти на всех станциях были избраны эксперты для определения заработной платы рабочим и товарищеские суды. Действия царской администрации были парализованы. Жандармы и полицейские попрятались и боялись показываться в городе и на станциях.

9 января 1906 г., в день годовщины Кровавого воскресенья, происходили вооруженные демонстрации и многотысячные митинги в Чите, Верхнеудинске, Слюдянке, на станции Маньчжурии. В Чите на демонстрации выступило до 1500 бойцов рабочих дружин. Рабочие несли красное знамя с надписью: «Да здравствует вооруженное восстание!».

Вооруженные демонстрации в январе 1906 г. были последними массовыми выступлениями в «Читинской республике». На революционную Читку с запада и востока надвигались карательные экспедиции.

Для расправы с революционным движением в Сибири царское правительство отправило по линии Сибирской железной дороги 2 карательные экспедиции. Одна из них под командой барона Меллер-Закомельского двинулась из Москвы, другая во главе с Ренненкампом — из Маньчжурии. Им были предоставлены самые широкие полномочия.

Первая экспедиция вышла из Москвы 1 января 1906 г. Останавливаясь на станциях, каратели нещадно поролы и избивали рабочих и служащих, заподозренных в «крамоле».

На станции Иланской 12 января 1906 г. Меллер-Закомельский учинил кровавую расправу над рабочими, их женами и детьми, которые находились в железнодорожном депо. По приказанию барона солдаты ворвались в помещение, убивали и избивали тех, кто там находился. Не щадя никого, офицеры из наганов стреляли в детей.

18 января 1906 г. на станции Мысовой каратели расстреляли 6 чел. Среди них был И. В. Бабушкин.

22 января 1906 г. обе карательные экспедиции подошли к Чите. Продвигаясь к «Читинской республике», Ренненкампф каждую станцию, где он останавливался, объявлял «гнездом революционеров» и учинял расправы.

Получая известия о приближении карательных отрядов к Чите, Читинский комитет РСДРП пытался организовать вооруженное сопротивление карателям. Минировались Читинские железнодорожные мастерские, туда сносили оружие. Выдвигался план партизанской борьбы путем совместных действий рабочих, крестьян и казаков. Навстречу карателям выслали 2 подрывных отряда, чтобы взорвать поезда.

Попытка оказать сопротивление карателям не удалась. Революционная Чита была изолирована. Вооруженные до зубов каратели стянули к Чите крупные силы и заняли город.

Четыре месяца свирепствовали карательные экспедиции в Забайкалье. 12 февраля 1906 г. в Верхнеудинске были повешены активные члены Верхнеудинской группы РСДРП: слесари А. А. Гордеев, И. Г. Шульц, машинист Н. А. Милютинский, инженер М. Д. Медведников, служащий А. А. Гольдсобель. «Мартиролог мучеников русской революции растет», — сообщалось в газете «Забайкальский рабочий», перешедшей на нелегальное положение.

18 февраля каратели расстреляли рабочих и служащих на станции Хилок: Степана Галова, Федора Боровицкого, Аветиса Мкартичяна,

Владимира Шардзиевского, Адольфа Марчинского, Вениамина Розенфельда, Павла Беляева. Они были деятельными членами Хилокской организации РСДРП.

2 марта 1906 г. были расстреляны руководители читинских рабочих — А. А. Костюшко-Валюжанич (в Чите он жил под фамилией И. И. Григоровича), И. А. Вайнштейн, П. Е. Столяров, Э. В. Цупсман.

Герои 1905 г., погибая в борьбе за свободу трудящихся, были уверены в грядущей победе революции. А. И. Попов-Коновалов в письме к матери, отправленном перед казнью, писал: «Суд признал меня виновным в руководстве рабочим движением и призыве к вооруженному восстанию против правительства и приговорил меня к смертной казни через повешение... Я совершенно спокойно ухожу из этого мира тьмы и насилия, уступая дорогу более молодым силам. Если нам удалось мало сделать, они докончат начатое нами. Я умираю с уверенностью, что наши трупы послужат прочным фундаментом, на котором зиждется лучшее будущее моей многострадальной родины». Много народных героев погибло в борьбе за свободу и счастье трудящихся, но дело этих мужественных борцов продолжалось и завершилось победой.

В октябре—декабре 1905 г. революция в России достигла наивысшего подъема. Большевики вели трудящиеся массы на решительный штурм самодержавия. В первых рядах штурмующих шел и сибирский пролетариат. Вооруженные восстания в Красноярске и Чите, закончившиеся победой рабочих и установлением власти Советов, имели всероссийское значение. Они показали, что пролетариат может добиться победы путем вооруженного восстания.

4. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВРЕМЯ СПАДА РЕВОЛЮЦИИ

В Европейской России революционное движение достигло наивысшей точки в Московском вооруженном восстании, в Сибири — во время восстания в Красноярске, Чите, Владивостоке. Восстания были подавлены. Царизм со звериной жестокостью расправлялся с восставшим народом.

Начинался временный отлив революционной волны. Контрреволюция нанесла большой удар армии революции, но не смогла уничтожить ее. Революция отходила с боем, надеясь на новый подъем в ближайшем будущем.

В самый разгул карательных экспедиций, когда каратели неистово кричали: «Горе побежденным!», вышел нелегальный номер газеты «Забайкальский рабочий». В ответ на злорадные крики карателей газета писала: «Затаи же в груди месть, вооружись, организуйся, пролетариат! За муки и позор твоих товарищей, за стоны и вопли избиваемых, за убитых и замученных твоих братьев по делу. Ответ своему вековому недругу — самодержавию — могучим и страшным оружием — вооруженным всероссийским восстанием.

„Горе побежденным!“ — воскликнем мы, когда победоносное восстание сметет все остатки царизма и когда народный суд сумеет найти всех залитых кровью побежденного на время народа!». ⁵³

В 1906 г. революционное движение в Сибири не достигало таких масштабов, как в 1905 г., но оно продолжалось.

В январе 1906 г. вспыхнуло восстание солдат и матросов во Владивостоке.

После подавления декабрьского восстания в Москве и восстаний в сибирских городах царское правительство стало готовить расправу над рево-

⁵³ «Забайкальский рабочий», 1906, № 6.

людионными рабочими, солдатами, матросами Владивостока. Новому коменданту крепости генералу Селиванову, назначенному по личному указанию царя, была дана неограниченная власть в подавлении всякого проявления освободительного движения.

В крепость были срочно переброшены 10-я Восточносибирская стрелковая дивизия и части Нерчинского казачьего полка. Затем комендант крепости категорически запретил митинги и всякого рода политические собрания, приказал немедленно распустить «исполнительный комитет нижних чинов гарнизона», а руководство его арестовать.

10 января в крепости состоялась многотысячная демонстрация. Участники ее требовали освобождения арестованных, угрожая властям по крайней мере мирной забастовкой протеста. Генерал Селиванов приказал расстрелять демонстрацию из пулеметов.

В ответ на эту зверскую расправу рабочие, солдаты и матросы Владивостока восстали, захватив самые мощные форты крепостной артиллерии. Огромный крепостной район со всеми артиллерийскими батареями был в руках народа. Но восставшие действовали стихийно и не имели руководителей.

Царский каратель генерал Мищенко, получивший от Николая II неограниченные права генерал-губернатора Владивостокского укрепленного района, хитростью и силой вывел из крепости наиболее революционные части в Раздольное, Спасск, Иман, Никольск-Уссурийск, Посыет и в другие отдаленные места Приморья. Разбросав восставших, разобщив их между собой, он начал проводить кровавую политику расправы. К судебной ответственности было привлечено более 2 тыс. чел. В крепости и других селениях края спешно заседали военные суды. Сотни участников восстания были сосланы на каторгу, 85 чел. были приговорены к смертной казни.

Революционное движение в Приморье в годы первой русской революции было движением всенародным. Душой революционных восстаний здесь, как и во всей России, являлись не представители буржуазных классов, а рабочие, а также солдаты и матросы, т. е. крестьяне и те же рабочие в военной форме. Но они были слишком наивны, доверчивы, не были вооружены марксистско-ленинской теорией пролетарской революции. Им не хватало большевистского руководства, решительности, ясного понимания того, что только непрерывное, энергичное наступление на военные и гражданские власти может привести их к победе. Им не хватало, наконец, достаточного понимания того, что «ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции».⁵⁴ Следовательно, главные причины поражения народных восстаний в Приморье в 1905—1906 гг. — отсутствие большевистских организаций, их руководства восстанием, разрозненность и оборонительный характер действий восставших, отсутствие достаточной связи с рабочими центрами Сибири, с общим революционным движением в стране.

Революционные выступления 1906—1907 гг. В. И. Ленин назвал арьергардными боями пролетариата. В первой половине января 1906 г. в Сибири происходили стачки и демонстрации, посвященные памяти рабочих Петербурга, погибших во время Кровавого воскресенья, 9 января 1905 г. Они состоялись в Томске, Омске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске, на нескольких станциях Сибирской и Забайкальской железных дорог. Сибирские организации РСДРП и партии социалистов-революционеров выпускали листовки.

День международной солидарности пролетариата — 1 Мая (18 апреля) 1906 г. был отмечен в Сибири выпуском листовок, изданных комитетами

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

РСДРП, забастовками и демонстрациями, массовками в Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, на станции Иннокентьевской. В мае же происходили забастовки и митинги в Кургане, на станции Иланской, в Нижнеудинске, Слюдянке, на Черемховских угольных копях.

Сибирские организации РСДРП, понеся тяжкие утраты, ушли в подполье и продолжали работу в нелегальных условиях.

Важное значение в деле собирания революционных сил имел Второй съезд сибирских организаций РСДРП, происходивший в Красноярске в конце мая 1906 г. На съезде было представлено 8 организаций, имевших 1300 членов: Читинская, Красноярская, Харбинская, Тайгинская (станция Тайга), Томская, Барнаульская и др. Не были представлены Иркутская, Иланско-Канская, Нижнеудинская, Верхнеудинская, Слюдянская, Борзинская, Обская (станция Обь, Новониколаевск) организации РСДРП. Всего в «Сибирском союзе» состояло 15 организаций, имевших 1690 членов. Действовали 10 нелегальных типографских станков, выпускавших прокламации и листовки.

Второй съезд сибирских организаций РСДРП обсудил решения IV съезда партии, принял устав «Сибирского Союза». В основу устава была положена ленинская формулировка первого параграфа устава партии. Съезд принял также решения, направленные на оживление деятельности сибирских организаций РСДРП.

К началу 1907 г. в сибирских организациях РСДРП было 3500 членов. В связи с арестами и вынужденными переездами работников состав местных партийных организаций менялся, но их работа продолжалась. В восстановленных типографиях печатались не только листовки, но и нелегальные газеты малого формата: «Хроника» (Красноярск), «Листок» (Чита), «Обский рабочий» (Новониколаевск), «Барнаульский рабочий» (Барнаул), «Голос социал-демократа» (Томск), «Летучий листок» (Иркутск). Велась также устная пропаганда среди рабочих, солдат, интеллигенции.

В Приморье после поражения январского восстания 1906 г. наступила полоса жесточайшего разгула реакции. Но уроки восстания не прошли даром. Они показали необходимость создания крепкой организации РСДРП, стоявшей на большевистских позициях.

В апреле 1906 г. оформились группы РСДРП во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Спасске, Хабаровске, которые объединились в организацию Приморского района.

В январе 1907 г. Приморская организация РСДРП созвала в Никольск-Уссурийске конференцию социал-демократических организаций района. На ней присутствовали 16 делегатов, представлявших 200 членов партии. Конференция утвердила устав организаций Приморского района РСДРП и переименовала Никольск-Уссурийскую, Хабаровскую, Владивостокскую группы в организации РСДРП. На Владивостокскую организацию было возложено руководство партийными организациями Приморского района.

На конференции участвовали большевики и меньшевики. Преобладало же влияние большевиков. По всем вопросам конференция приняла большевистские решения.

В тяжелых условиях подполья приморские организации РСДРП вели устную и печатную пропаганду среди рабочих, матросов, солдат и крестьян.

В 1906—1907 гг. в Сибири продолжалось стачечное движение. Происходили забастовки шахтеров на Тарбагатайских каменноугольных копях, рабочих-железнодорожников в Красноярске, Омске, на станциях Тайге, Обь, в Чите. Бастовали рабочие всех предприятий Благовещенска, рабочие на Ленских золотых приисках и Черемховских каменноугольных копях.

Некоторые забастовки сопровождались митингами и политическими демонстрациями. Во время забастовки железнодорожников на станции Тайге, проходившей 13—27 июня 1906 г. под руководством стачечного комитета, были организованы митинги, где обсуждались вопросы о положении рабочих и революционном движении. Омский и Томский комитеты РСДРП, отмечая в своих листовках организованность и стойкость участников тайгинской забастовки, призывали рабочих и солдат поддерживать их, следовать их примеру. В Благовещенске в демонстрации участвовало 500 рабочих.

Значительное по местным масштабам количество рабочих (около 6000 чел.) охватила забастовка в сентябре 1906 г. на Анжерских и Судженских копей. В организации забастовки участвовали члены Томской организации и комитета РСДРП. Рабочие требовали повышения заработной платы на 20%, устранения обсчетов, вежливого обращения и т. д. Во время забастовки устраивались митинги, на которых обсуждались экономические и политические вопросы. На подавление забастовки были направлены войска. Многие рабочие были уволены и выселены из Анжерских копей.

В конце 1906 и в 1907 г. происходил спад стачечной волны, но забастовки не прекращались. Однодневными политическими забастовками в Чите, Красноярске, Барнауле, Каинске была отмечена память жертв черносотенных погромов в 1905 г. В октябре 1906 г. бастовали ремонтные рабочие на станции Омск, в ноябре происходила забастовка на станции Тайге, в декабре — в Красноярских мастерских и депо.

В 1907 г. произошли забастовки рабочих в Омске, Барнауле, Петропавловске, на Весеннем прииске на Лене. В Барнауле состоялась демонстрация, в которой участвовало около 3000 чел. Рабочие Весеннего прииска наряду с экономическими выдвигали и политические требования (свобода слова, всеобщее образование и др.).

Самой крупной была стачка рабочих Омских железнодорожных мастерских и депо в феврале 1907 г. Рабочие требовали повышения заработной платы, приема на работу уволенных товарищей, снижения цен на топливо и пр. Стачку возглавил Омский комитет РСДРП, руководивший ею через стачечный комитет и профсоюз рабочих мастерских и депо. Своих омских товарищей поддерживали рабочие депо Петропавловска, объявившие забастовку 12 февраля 1907 г. В Омске забастовка продолжалась до середины марта 1907 г.

Специфически пролетарским средством борьбы — стачкой — рабочие отвечали на возраставшее наступление царизма и капиталистов. День 1 Мая 1907 г. был отмечен в Сибири политическими массовками и выпуском листовок, изданных Омским, Красноярским, Иркутским, Читинским и Харбинским комитетами РСДРП. В листовках разъяснялось значение первомайских демонстраций, рабочие призывались к дружной борьбе против общего врага — царизма и капиталистов.

В Западной Сибири в конце 1906—начале 1907 г. происходили крестьянские волнения. Среди них выделялись выступления крестьян селений Быстрый Исток и Завьялово. Крестьяне с. Быстрый Исток производили массовые порубки леса, принадлежавшего Кабинету. Они выезжали на сотнях подвод и при порубках леса выставляли вооруженные дозоры, против которых лесная стража оказывалась бессильной.

В сел. Быстрый Исток имелась нелегальная революционная организация, руководимая Барнаульским комитетом РСДРП. Во главе ее стояли братья Казарцевы.

В начале января 1907 г. в Быстрый Исток для выяснения размеров порубок леса выехали царские чиновники и уездный исправник. Еще

раньше сельский сход, за исключением кулаков, решил не пускать в село отряд казаков, а чиновников, исправника, полицейских убить и сжечь дом лесного смотрителя. Перепуганный исправник просил по телеграфу томского губернатора о присылке отряда казаков и солдат-кавалеристов, находившихся в с. Завьялово (8—11 км от Быстрого Истока).

Между тем в Завьялово завязался настоящий бой. 17 января сюда почти одновременно вошли 2 вооруженных отряда. Весть об этом дошла до Быстрого Истока, где в 12 часов ночи на 18 января братья Казарцевы набатом церковного колокола собрали около 5 тыс. крестьян. Вооружившись чем можно, крестьяне разгромили дом лесного смотрителя, уничтожили протоколы о самовольных порубках леса, а затем огромной толпой двинулись из Быстрого Истока в с. Завьялово. Там крестьяне дали залп по отряду солдат из охотничьих ружей, винтовок и револьверов: был убит один солдат, ранено четверо, в том числе командир отряда штабс-капитан Красильников. Ответный залп, превосходство в вооружении солдат и казаков заставили крестьян уйти в Быстрый Исток. 21 января в селе собралось снова не менее 5 тыс. вооруженных крестьян. Они умело организовали сторожевую охрану на ключевых дорогах и по существу построили снабжение казаков и солдат припасами.

Специальным царским указом в Бийском уезде было введено военное положение на 6 месяцев. Из Кузнецкого уезда, из Барнаула и Бийска в район восстания двинулись воинские подразделения, усиленные артиллерией. Начались аресты руководителей восстания. На сельские общества за самовольные порубки леса накладывались высокие штрафы. Десятки крестьян были осуждены на разные сроки тюремного заключения, а братья Казарцевы — на 12 лет каторги каждый.

Восстания в Завьялово и Быстром Истоке явились последними выступлениями крестьян Сибири во время первой русской революции. Самодержавие использовало все средства борьбы с революцией. Царское правительство действовало как путем усиления репрессий, так и при помощи обещаний и реформ. 11 декабря 1905 г. был издан закон о выборах в Государственную думу. Созывая ее, царское правительство хотело посеять среди народа иллюзию о возможности удовлетворения его нужд через «российский парламент», обмануть крестьян, еще не утративших надежду на получение помещичьей земли через думу. Таким путем правительство пыталось оторвать крестьян от рабочего класса, внести раскол в боевой союз рабочих и крестьян.

В Сибири выборы в I Государственную думу происходили в мрачное время разгула карательных экспедиций. Закон 11 декабря 1905 г. лишал избирательных прав женщин, мужчин моложе 25 лет, учащихся и студентов, солдат, ремесленников, большую часть рабочих, занятых на мелких предприятиях. Большинство народностей Сибири совершенно устранилось от участия в выборах в Государственную думу.

Сибирские организации РСДРП провели большую работу по организации бойкота избирательной кампании. Был издан ряд прокламаций, разоблачавших избирательную систему. В газетах «Забайкальский рабочий», «Красноярский рабочий» были опубликованы по этому поводу статьи, распространялись изданные в Томске и Барнауле листовки, в которых провозглашался лозунг «Долой Государственную думу!». Рабочие бойкотировали выборы в думу. Почти безучастно отнеслись к выборам крестьяне.

I Государственная дума просуществовала недолго, она была разогнана царем. Летом 1906 г. были назначены выборы во II Государственную думу. К этому времени политическая обстановка изменилась. Происходил спад революции. В таких условиях большевики решили принять участие в думе в целях использования ее как трибуны для революционной агита-

ции, обличения самодержавия, помещиков и контрреволюционной буржуазии.

Сибирские организации РСДРП приняли активное участие в избирательной кампании во II Государственную думу. В своих листовках они разоблачали антидемократический характер избирательного закона и вместе с тем призывали народ использовать все возможности для выборов в думу подлинно народных представителей. Красноярский и Иркутский комитеты РСДРП переиздали и распространяли статью В. И. Ленина «Какие советы дают социал-демократы пролетариату по отношению к Государственной думе». Красноярский комитет издал «Избирательную платформу Российской социал-демократической рабочей партии».

Рабочие, бойкотировавшие I Государственную думу, приняли активное участие в выборах во II думу. В журнале «Сибирские вопросы» сообщалось, что «рабочие в прошлом (1905) году совсем не принимали участия в выборах, видя в Государственной думе чуждое им дело; ныне, за малым исключением, те же самые избиратели проявляют к выборам живой интерес». Активное участие в выборах принимали и крестьяне.

В выборной кампании участвовали социал-демократы, эсеры, трудовики, кадеты, октябристы, черносотенно-монархические группы.

От Сибири в I Государственную думу было избрано 12 депутатов, во II — 17. В их партийном составе произошли изменения. В I Государственную думу от Сибири были избраны 8 кадетов, 3 трудовика и 1 октябрист. Во II Государственную думу избраны 4 кадеты, 3 социал-демократа, 2 трудовика, 1 социалист-революционер, 2 народных социалиста, 5 беспартийных. Таким образом, произошло poleвление состава депутатов. Правые реакционно-монархические партии, несмотря на поддержку их правительственным аппаратом и духовенством, потерпели поражение.

Недолго просуществовала и II Государственная дума. 2 июня 1907 г. царское правительство распустило ее, издав 3 июня 1907 г. новый избирательный закон. Это был государственный переворот, знаменовавший наступление реакции.

5. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ

Революционная борьба, происходившая как в центре страны, так и на ее сибирских окраинах, оказала влияние на подъем освободительного движения среди народов Сибири. Это был их ответ на усиление социально-экономического гнета и политического бесправия.

В национальном движении не было сплошного потока. Разные классовые группы связывали с ним разные цели.

У бурят полуфеодалыные нойонские элементы стремились закрепить за собой обширные земельные угодья и сохранить «степное управление» по уставу 1822 г., чтобы по-прежнему занимать почетные и прибыльные должности тайшей, зайсаинов, «родовых начальников». Эту группу нойонов называли «стародумцами». Их истинные цели прикрывались ссылками на патриархально-родовые традиции и «общенациональные интересы». Бурятские нойоны, якутские тойоны подавали прошения, докладные записки местной администрации и царскому правительству, отправляли делегации в Петербург. Они просили сохранить старые порядки землепользования и управления по уставу 1822 г.

У алтайцев, хакасов, бурят, якутов старые патриархально-феодалыные отношения переплетались с новыми отношениями капиталистического типа. Формировавшаяся улусная буржуазия также претендовала на административно-политическое влияние в местном управлении. Ее интересы выражали «Партия прогрессивных бурят» и «Союз якутов». Стремясь оттеснить по-

луфеодальное привилегированное нойонство, либерально-буржуазные группировки добивались «отмены всех родовых и почетных привилегий». Под флагом защиты «общенациональных интересов» улусная буржуазия стремилась играть руководящую роль в национальном самоуправлении, основанном не на родовитости, а на прямом экономическом влиянии.

Трудовое население не разбиралось в тонкостях правительственной политики, но непосредственно ощущало ее результаты и по мере своих сил оказывало противодействие. Оно выражалось, например, в волнениях, происходивших среди забайкальских бурят и эвенков. Бурятские и эвенкийские крестьяне отказывались принимать административную реформу, повиноваться крестьянским начальникам, приставам, волостным старшинам и сельским старостам. Такие волнения происходили в Забайкалье (Бурятия) в 1903 и начале 1904 г.

В 1903 г. в результате такого противодействия было временно приостановлено введение волостных учреждений среди закаменских бурят и армакских эвенков. В Галзутской волости (Хоринское ведомство) крестьяне ворвались в канцелярию волостного правления, избили ламу, не допустили к присяге никого из должностных лиц. В Гочитской волости крестьяне прогнали крестьянского начальника, избили волостного писаря и сельского старосту. В Агинском ведомстве крестьяне, собравшиеся на сход, отказались подчиняться уездному и крестьянскому начальникам, становому приставу.

Волнения бурятских и эвенкийских крестьян вызвали тревогу в кругах администрации Забайкальской области. Бурятские ведомства были объявлены на военном положении. Начались репрессии против участников волнений. Шесть человек были заключены в тюрьму, несколько участников высланы из области в административном порядке.

Крестьянские волнения в Забайкалье были подавлены. Царской администрации удалось ввести волостное управление и назначить крестьянских начальников. Однако волнения среди бурятских и эвенкийских крестьян не прошли бесследно. Их противодействие введению волостного управления вызывалось тем, что они связывали его с усилением административно-полицейской опеки и наступлением на земли, которыми пользовались буряты и эвенки. Опасаясь еще более крупных волнений, правительство не отказалось от проведения закона о землеустройстве, но стало проводить его постепенно и более осторожно. Так было не только в Забайкалье, но и на Алтае.

В 1905—1906 гг. в работе Иркутской, Читинской, Верхнеудинской организаций РСДРП участвовали, хотя и немногие, представители бурятской молодежи. Читинский комитет привлек их для «связи, перевода и распространения специальной литературы для бурятского населения».⁵⁵ О существовании такой литературы сообщалось в правительственной записке «Современное движение бурят», составленной в 1907 г. В ней говорится об издании на бурятском языке брошюр, «излагающих мнения наших социал-демократов». В Читинской организации действовал бурятский революционер, большевик Ц. Ц. Ранжуров — член Читинского Совета солдатских и казачьих депутатов.

В 1906 г. Верхнеудинская организация РСДРП обратилась с особой прокламацией к бурятскому населению. Она вскрывала сущность колонизаторской политики царизма, разъясняла, что буряты и другие народы Сибири «утесняются во имя предохранения помещиков центра» от выступлений крестьян. Прокламация призывала бурятских крестьян к участию

⁵⁵ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. Документы и материалы. М.—Л., 1932, стр. 12.

в революционной борьбе. Она заканчивалась лозунгами: «Долой национальное угнетение! Да здравствует братство народов!».

В составе Иркутской организации РСДРП работали тункинский бурят А. Голянковский, привлекавшийся по процессу 54 социал-демократов, и воспитанник Иркутской учительской семинарии П. П. Данчинов. В Иркутске, Верхнеудинске, Чите, в сельскохозяйственном училище в с. Жердовке возникли небольшие кружки бурятской учащейся молодежи.

В Якутске политические ссыльные вели революционную пропаганду среди русской и якутской молодежи, издавали гектографированные журналы и листовки. Например, с августа 1904 по февраль 1906 г. в Якутской области выходили журналы «Вестник ссылки» и «Летучий листок». Отдельной брошюрой была издана программа РСДРП, принятая на II съезде партии.

В Якутскую область, хотя и с опозданием, проникали известия о событиях, происходивших в центре во время первой русской революции. Их сущность разъясняли местному населению политические ссыльные. Так ими была напечатана на гектографе и распространена прокламация «Январские дни в Петербурге» — о Кровавом воскресенье, 9 января 1905 г.

В Якутске в начале 1905 г. стали возникать кружки молодежи по изучению общественно-политических вопросов. Известен кружок, получивший название «Маяк». Руководителем его был один из первых якутских большевиков В. Н. Чепалов. «На первых порах в кружок входили и беспартийные, но с самого начала руководимый большевиками этот кружок в своем подавляющем большинстве был социал-демократическим».⁵⁶ В кружке читались лекции и рефераты по вопросам политической экономии, истории рабочего движения и программы РСДРП, издавался на гектографе журнал «Маяк». В нем, кроме общих пропагандистских статей, публиковались обзоры социал-демократического движения в Сибири, характеризовалось тяжелое положение трудового якутского населения, обремененного податями и повинностями, закабаленного тойонами, ростовщиками. В одной из статей указывалось, что «якуты непосредственно должны быть заинтересованы в гибели самодержавия и не даром лучшие элементы области становятся... в ряды борцов за благо всех народностей вообще и за благо якутов в частности».⁵⁷

«Маяк» сыграл важную роль в подготовке будущих партийных кадров Якутии. На основе этого кружка в начале 1906 г. оформилась Якутская организация РСДРП. Она руководила кружками молодежи и была связана с социал-демократическими организациями Сибири.

Томский комитет РСДРП распространял прокламации на татарском языке. Революционные листовки, брошюры, прокламации проникали к алтайцам и хакасам.

Отдельные попытки сибирских организаций РСДРП вести пропаганду среди народов Сибири не получили все же широкого распространения, но они имели большое политическое значение. Это были первые зерна, посеянные на целинную почву, которая в будущем дала хороший урожай. Из организаций РСДРП и марксистских кружков вышли пионеры революционного движения среди народов Сибири: Ц. Ранжуров, А. Голянковский, П. Данчинов и др.

Национально-освободительное движение народов Сибири протекало под лозунгами национального самоуправления и просвещения на родном языке, ограждения земельных угодий от изъятия их в колониальный фонд, захвата в пользу императорского Кабинета. Эти вопросы обсуждались на съездах, собраниях и в печати.

⁵⁶ М. Константинов. Революция 1905 г. в Якутии. Сб. «Сто лет Якутской ссылки», М., 1934, стр. 230.

⁵⁷ История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 384.

Весной—летом 1905 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области проходили съезды представителей бурятского населения, известны съезды в Чите (20 апреля—1 мая 1905 г.), Иркутске (21—25 августа 1905 г.), Гусиноозерском и Цугольском дацанах. Их постановления сходны между собой. На съездах забайкальских бурят участвовали также тунгусы (эвенки).

Съезды высказались за введение в бурятских ведомствах местного самоуправления на основе всеобщего и равного избирательного права. На съездах звучали резкие выступления против чиновников и самого института крестьянских начальников. «Мы служим коровами для них, они выдают все наше добро, скоро закабалят вконец»,⁵⁸ — с возмущением говорили делегаты.

В решениях съездов забайкальских бурят в качестве выборных органов намечались булучные (сельские) сходы, управы, думские собрания и думы, охватывающие ведомства. У бурят Иркутской губернии органы нового управления проектировались по типу земских учреждений.

Решения съездов по земельному вопросу были направлены против изъятия земель в колонизационный фонд. Предусматривались фактическое и юридическое закрепление за бурятским и тунгусским населением земельных угодий, которыми оно пользовалось, а также прирезка земли малоземельным обществам из казенно-оборочных статей.

При обсуждении вопросов народного просвещения съезды высказывались за необходимость всеобщего обязательного обучения, преподавания на родном языке, учреждения новых начальных и средних школ, сельскохозяйственно-ремесленных училищ, уничтожения всяких ограничений приема в высшие и средние учебные заведения, назначения стипендий.

Примеру бурят последовали хакасы. В ноябре 1905 г. состоялся съезд уполномоченных Аскизской управы. При обсуждении вопроса о национальном самоуправлении съезд принял проект, разработанный бурятскими съездами. К концу 1905 г. был составлен проект «Устава союза сибирских инородцев». По проекту «Союз» должен был установить связь между народностями Сибири, выяснить их нужды, защищать их интересы, содействовать изучению этих народностей, улучшению хозяйства, быта, развитию просвещения, проведению начал всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Проект организации «Союза сибирских инородцев» не осуществился.

Съезды содействовали оживлению общественной жизни народов Сибири, они обсудили и выдвинули ряд прогрессивных для своего времени требований: в них в какой-то степени выражался протест против колонизаторской политики царизма и национального гнета. Но, замкнувшись в местные национальные рамки, съезды обошли важнейшие социально-политические вопросы, выдвинутые первой русской революцией. Проблема местного национального самоуправления на демократических началах могла быть разрешена только революционным путем — в результате свержения самодержавия и коренных социально-политических преобразований в масштабах всей страны. Между тем руководившие на съездах буржуазно-кулацкие и нойонские элементы, как огня, боялись революционного движения. Националисты говорили, что разрешение общеполитических вопросов составляет непосильную задачу для народностей Сибири, нужно ограничиваться обсуждением лишь местных задач и обращаться с ходатайствами к начальству. Они стремились изолировать национально-освободительное движение от общероссийского революционного движения. В отношении земельного вопроса эти элементы преследовали узкие цели за-

⁵⁸ В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг., стр. 119.

крепления за собой лучших земельных угодий и расширения их в ущерб трудовому населению. Они прикрывали эти цели ссылками на «общенациональные интересы» и ограничивались ходатайствами по административным инстанциям, начиная с губернатора, генерал-губернатора и кончая царем.

Между тем в бурятские улусы проникали волнующие вести о революционных событиях, происходящих в центре. Так, в ноябре 1905 г. в Хоринском бурятском ведомстве Забайкальской области стали распространяться слухи, что в Европейской России «красные взяли верх и бурятам следует воспользоваться этими обстоятельствами».

19—20 декабря 1905 г. в с. Анинском происходил суглан (сход). Его участники возбужденно говорили об открытии Степной думы, неплатеже податей в волостное правление, отказе отбывать казенную гоньбу и нанимать земские квартиры для чиновников. Суглан постановил закрыть «инородческие волостные правления», открыть вместо них Степную думу и выбрать должностных лиц степного управления. Было решено «не подчиняться крестьянским начальникам и лицам волостных правлений, не платить податей и восстановить полное самоуправление бурят по закону 22 июля 1822 г. со Степной думой во главе».⁵⁹ Хоринские крестьяне приступили к выполнению этого решения. 6 января 1906 г. была открыта Степная дума и избраны новые должностные лица. Она функционировала недолго и вскоре была закрыта областной администрацией.

В Агинском бурятском ведомстве Забайкальской области в конце 1905 г. волостной сход резко высказался против захвата земель «Кabinetом его величества» и постановил изъять из его пользования ряд местностей, которыми прежде владели буряты.

Доверенные Ацагатского булука Селенгинского уезда добивались уравнивания и размежевания пахотных и сенокосных участков. Они просили крестьянского начальника, чтобы «все земли Ацагатского булука были подвергнуты уравниванию и размежеванию между всеми без исключения».⁶⁰

В июле 1906 г. в Ацагатском булучном обществе даже были предприняты попытки такого уравнивания в землепользовании. Это вызвало недовольство хозяев, обладавших значительными земельными угодьями.⁶¹

В Енисейской губернии трудящиеся хакасы вслед за русскими крестьянами отказались платить подати, рубили лес, принадлежавший царской казне. «Передовая, хотя и немногочисленная, прослойка хакасов шла за русскими революционными рабочими и крестьянами».⁶² Рабочие хакасы вместе со своими русскими товарищами принимали участие в забастовках на золотых приисках. В декабре 1905 г. на руднике «Юлия» произошла стачка рабочих. Забастовкой руководил забастовочный комитет. В состав его был избран представитель рабочих хакасов Спиридон Сугарак.

В массовых выступлениях крестьян Алтайского округа участвовало и коренное население — алтайцы. Например, жители селений Орские и Красноярские юрты Малокоряковской инородной управы в 1907 г. составили приговор о своем праве собственности на Орский Бор и начали порубку леса.⁶³ В конце октября 1905 г. началась забастовка крестьян 5 селений Чекурской волости, расположенных по Ленскому тракту. В этом сказалось влияние специфически пролетарского средства борьбы — стачки. Крестьяне отказались отбывать подводную повинность, объявили забастовку, избрали

⁵⁹ Там же, стр. 121.

⁶⁰ «Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года. (Сборник документов)», Улан-Удэ, 1955, стр. 125.

⁶¹ Там же, стр. 125—126.

⁶² Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., 1956, стр. 404.

⁶³ «Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии. (Сборник документов)», Томск, 1955, стр. 124.

для руководства ею стачечный комитет, предъявили ряд требований, связанных с отбыванием подводной гоньбы. Крестьяне отказывались возить чиновников, арестантов, новобранцев, солдат, перевозить казенные грузы. Забастовка продолжалась 25 дней.

Осенью 1905 г. вновь усилилось революционное движение в Якутии.

В Якутске в октябрьские и ноябрьские дни проходили митинги и политические демонстрации под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!». Социал-демократический кружок «Маяк» выпускал на гектографе листовки и прокламации. 9 января 1906 г. демонстранты с пением «Марсельезы» и возгласами «Долой самодержавие!», «Долой гласных, долой думу!» разогнали городскую думу и потребовали замены ее новой, избранной «по воле революционного народа».

Якутские крестьяне участвовали в ленской забастовке подводчиков, отказывались вносить подати и местные денежные сборы, отбывать повинности, подчиняться царской администрации. 10 населегов Якутского округа отказались вносить казенные сборы, причитавшиеся с них за вторую половину 1905 г. В некоторых улусах дело доходило даже до ареста местной администрации, бойкота полицейских чиновников.

В январе 1906 г. образовался «Союз якутов», во главе которого стояли буржуазные и тойонские элементы. В двух-трех улусах возникли местные комитеты этого «Союза». В его уставе значилось, что он добивается признания собственностью якутов всех земель в Якутии, в том числе земель, которыми владела казна (в виде оброчных статей), монастыри и церкви; утверждения положения о земском самоуправлении; предоставления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной думе; уничтожения опеки полиции над общественными учреждениями. Способами достижения этих целей «Союз якутов» считал предъявление требований местной и высшей администрации, отказ от сношений с чинами полиции и от платежей податей и повинностей.⁶⁴

В Уставе «Союза якутов» отражалось до некоторой степени недовольство зарождавшейся якутской буржуазии колонизаторской политикой царского правительства, но еще сильнее она боялась народных волнений. Буржуазные и тойонские элементы добивались закрепления за собой лучших земельных угодий и господства в земском самоуправлении.

«Союз якутов» просуществовал около полумесяца. Он распался после ареста 19 января 1906 г. членов его центрального комитета. Руководители «Союза» обратились с прошениями к прокурору Окружного суда и губернатору «о снятии с них обвинения в противозаконной деятельности». Понимая, что «союзники», как их называли, не имеют опоры в народе и не представляют опасности для самодержавия, царская администрация оправдала руководителей «Союза якутов». Лишь немногие из них были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения.

Национально-освободительное движение народов Сибири развивалось под живительным влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. и представляло собой одно из проявлений борьбы против царского режима. Оно вливалось в общий поток революционного движения рабочих и крестьян. Революция затормозила широкий размах колонизаторской политики царизма, угрожавшей в конечном итоге полным разорением народностям Сибири, пробудила их к активному участию в общественной жизни.

Революция вскрыла вместе с тем и слабые стороны национально-освободительного движения, его местную ограниченность, слабую связь улусов и деревень с революционной борьбой в городах. Освободительное дви-

⁶⁴ Документы о революционных событиях 1905—1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957, стр. 161.

жение охватило лишь часть народов Сибири и не затронуло, например, народностей Севера.

Революция 1905—1907 гг. показала, что буржуазные и полуфеодалы-ные националистические элементы, прикрываясь «общенациональными интересами», пытались затушевать классовые противоречия и осуществить свои цели. Стремясь отвлечь народ от революционной борьбы, они шли на сделку с царизмом, выпрашивая у него небольшие уступки. Националисты выступали как противники революционного движения.

Первая русская революция показала, что освобождение угнетенных народов возможно лишь путем революционной борьбы трудящихся России во главе с пролетариатом под руководством партии большевиков.

* * *

Первая русская революция потерпела поражение, но она пробила такую брешь в самодержавном строе, которую не могли закрыть никакие натиски реакции.

Революция 1905—1907 гг. имеет исключительно важное значение. За время революции рабочий класс и крестьянство прошли богатую школу политического воспитания и революционной закалки. Большевики тщательно изучали уроки революции и разъясняли их широким массам народа. Революция показала правильность стратегии и тактики большевиков, роль рабочего класса как ведущей силы революционной борьбы и выдвинула задачу дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян.

Вооружив рабочий класс и крестьянство политическим и организационным опытом, революция оказала глубокое влияние на народные массы, облегчила их дальнейшую борьбу за свое освобождение. Первая русская революция стала генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции, сыграла историческую роль в ее подготовке.

«Без „генеральной репетиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»,⁶⁵ — писал В. И. Ленин.

Волна революционного подъема 1905—1907 гг. из центра России докатилась до сибирских и дальневосточных окраин страны. Они стали важными очагами революционного движения, которое прошло здесь славный путь от январских забастовок и демонстраций до октябрьской всеобщей стачки и вооруженных восстаний в Красноярске, Чите и Владивостоке. В Сибири, как и во всей России, во главе революционного движения шел рабочий класс. Его борьба нашла отклик в сибирских деревнях и улусах, а также среди солдат, казаков, местных гарнизонов и матросов Тихоокеанского флота. Сибирь заняла видное место в общероссийском революционном движении.

В сибирских городах, на железнодорожных станциях, в рабочих поселках произошли политические стачки и демонстрации, рабочие и многие служащие дружно примкнули к всероссийской политической стачке. В Сибири впервые стали создаваться вооруженные силы рабочих в виде боевых дружин. Они охраняли народные собрания и демонстрации, вступали в схватки с полицией, жандармерией, черной сотней. Наконец, дружинники участвовали в вооруженных восстаниях. Боевые дружины 1905—1906 гг. были предшественниками рабочей Красной гвардии 1917 г.

Как уже указывалось, в Красноярске, Чите, Владивостоке возмущавшее революционное движение вылилось в вооруженные восстания. В историю революции вошли Красноярская и Читинская «республики»: власть в этих городах была временно захвачена восставшими рабочими и солдатами. Эти факты, несмотря на кратковременное существование «республик», имели важное политическое значение.

⁶⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 9—10.

Роль подобных «республик» характеризовал В. И. Ленин, отметивший вместе с тем их кратковременность и изолированность: «Некоторые города России переживали в те дни период различных местных маленьких „республик“, в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, „победы“ слишком слабыми, слишком изолированными».⁶⁶

В таком же положении оказались и сибирские «республики».

В обстановке революционного подъема в Сибири возникли в 1905 г. первые Советы рабочих и солдатских депутатов. Они стали органами вооруженного восстания и первоначальной формой революционной власти. Ее функции выполняли также смешанные или соединенные стачечные комитеты рабочих и служащих.

Широкое развитие получила печатная пропаганда и агитация в форме листовок, прокламаций и газет. С 1905 г. ведут начало старейшие большевистские газеты Сибири «Красноярский рабочий» и «Забайкальский рабочий».

В 1905 г. в Сибири возникли первые профессиональные союзы, зародилось профсоюзное движение.

В Сибири, где не было помещиков и помещичьего землевладения, крестьянское движение не получило такого размаха, как в Европейской России. Крестьяне выступали против кабинетского (на Алтае и в Забайкалье), монастырского и церковного землевладения, отказывались от уплаты податей, выполнения казенных повинностей, от подчинения царским чиновникам и полицейским. На крестьянских сходках принимались общественные приговоры, содержавшие политические требования. Несмотря на колебания и разрозненность выступлений, сибирские крестьяне выступали как союзники рабочего класса в общенародной борьбе против самодержавия.

Рабочие и крестьяне Сибири, внесшие в 1905—1907 гг. свой вклад в общероссийское революционное движение, в дальнейшем укрепляли, продолжали и развивали его славные традиции.

Первая русская революция имела международное значение. Она показала рабочим зарубежных стран пример самоотверженной борьбы за свободу, демократию и социализм, оказала мощное влияние на развитие рабочего движения в капиталистических странах Запада, пробудила к освободительной борьбе народы Востока.

Сибирь стала своеобразным проводником влияния русской революции на страны Востока. Революционный прибой достиг границ России с Монголией и Китаем. У самых границ организовывались забастовки и политические демонстрации, действовали местные группы РСДРП и стачечные комитеты. Их деятельность проявлялась и на зарубежной территории — в Харбине и по линии Восточносибирской железной дороги, где работали рабочие и служащие, прибывшие из России.

Первая русская революция оказала влияние на развитие национально-освободительного движения в Монголии и на китайскую революцию, которая привела в 1911 г. к свержению монархии.

По характеристике В. И. Ленина, начало борьбы за власть передового пролетариата Европы и пробуждение Азии открыли новую полосу всемирной истории. Началом ее была русская революция 1905—1907 гг. — первая народная революция эпохи империализма.

⁶⁶ Там же, т. 30, стр. 322.

Сибирь в период реакции 1907—1910 гг.

1. НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

После поражения первой русской революции в стране утвердился режим, получивший название третьей юнкерской реакции, или столыпинской реакции. Царизм перешел в наступление на демократические завоевания революции. Во многих районах России были введены «военное», «исключительное» или «особое» положения. Это давало генерал-губернаторам и губернаторам чрезвычайные полномочия. Аресты и высылки без суда и следствия, разгром рабочих и профессиональных организаций, запрещение демократических изданий, дикий разгул черносотенцев и кровавый террор жандармов приняли широкий размах. На основании циркуляра департамента полиции в стране было закрыто около 400 профессиональных союзов и 600 профсоюзам было отказано в регистрации. Были разгромлены редакции и издательства, закрыто более 100 газет и журналов. «Ежедневно совершались казни, представителей пролетариата бросали в тюрьмы, ссылали на каторгу», — писал Яков Михайлович Свердлов.¹

За 1907—1910 гг. были осуждены по политическим делам десятки тысяч человек, из которых более 5 тыс. приговорено к смертной казни. За 7 лет (1905—1912 гг.) умерло в тюрьмах от пыток, голода и болезней свыше 30 тыс. чел. Главный удар реакции обрушился на пролетариат — ведущую силу революционного движения. Более четырех пятых всех казненных и замученных в тюрьмах составляли рабочие и крестьяне. Правительство беспощадно расправлялось с забастовками рабочих. Капиталисты ликвидировали завоевания революции, уменьшали заработную плату, увеличивали рабочий день, устраивали локауты.

Наступление реакции обрушилось и на сибирские окраины. По всей линии Сибирской железной дороги вводилось военное положение. Широко применялись аресты и ссылки революционеров в административном порядке, без суда и следствия. «Обычные» и каторжные тюрьмы переполнились заключенными. В Александровской центральной каторжной тюрьме (в 72 верстах от Иркутска) на 975 мест содержалось около 2000 чел. В 2 с лишним раза увеличилось число заключенных в Горном Зерентуе (Нерчинская каторга). Переполнился Тобольский каторжный централ.

В листовке Хабаровского комитета РСДРП «Ко всем» (1907 г.) говорилось: «Свист нагаек, бряцание солдатских ружей не умолкают, все еще одна за другой воздвигаются виселицы, и, кажется, нет и не видно конца рекам крови, смерти, ужаса... Мрачное отчаяние ярким пламенем вспыхивает в измученных сердцах, толкая на верный путь борьбы с оружием в руках».²

¹ Я. М. Свердлов, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 29.

² ГАИО, коллекция листовок.

Избирательный закон 3 июня 1907 г. в полтора раза сократил представительство Сибири в Государственной думе. Совершенно лишено было избирательных прав население Степного края и его центра — Омска. Лишались представительства в думе якуты, буряты и другие народы Сибири. По губерниям и областям Сибири не только уменьшилось представительство, но сильно сократилось число избирателей от рабочих и крестьян. От Сибири избиралось всего 14 депутатов.

Выборы в III думу проходили в обстановке строгого полицейского надзора и преследований левых партий. Несмотря на преследования, организации РСДРП развернули агитацию за своих выборщиков и кандидатов в члены думы. Такую агитацию вели Томский, Омский, Барнаульский, Тюменский, Красноярский, Иркутский, Читинский, Благовещенский комитеты РСДРП. Осенью 1907 г. они выпустили почти во всех крупных городах по линии Сибирской магистрали листовки, раскрывающие подлинные цели разгона II думы и призывающие голосовать за представителей социал-демократии. Для противодействия черносотенно-монархическим группам социал-демократы вступали в соглашение с трудовиками. Избирательная кампания использовалась для пропаганды программы РСДРП и разоблачения политики царизма и связанных с ним реакционных партий.

Система выборов и репрессии по отношению к левым партиям были направлены на то, чтобы обеспечить царскому правительству реакционное большинство в Государственной думе. В результате разгула реакции партийный состав выборщиков и депутатов существенно изменился.

В Красноярске в начале 1907 г. во время выборов во II думу выборщики социал-демократы собрали большинство голосов, депутатом был избран рабочий социал-демократ Юдин, арестованный затем вместе с другими членами социал-демократической фракции. В конце же года при выборах в III Государственную думу от Красноярска прошел правый кадет Караулов.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, удалось все-таки провести в думу от сибирских губерний 2 социал-демократов и 3 трудовиков.

III дума оказалась реакционной по своему составу, и лишь голос социал-демократов и трудовиков звучал решительным осуждением самодержавия и раскрывал интересы народных масс. В том числе и сибирские депутаты — социал-демократы и трудовики — отстаивали интересы сибирского крестьянства и переселенцев во время обсуждения в думе аграрного, переселенческого и других вопросов. В. И. Ленин, отмечая, что «трудовики в III Думе выражают дух массовой борьбы крестьян», называл среди них сибирских депутатов Волкова 2-го и Дзюбинского.³ Резко критиковал политику правительства социал-демократический депутат от Забайкальской области А. А. Войлошников.

2. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1907—1914 гг.

В. И. Ленин считал, что аграрный вопрос в России мог быть решен в начале XX в. двумя способами: или революцией снизу, или реформой сверху.⁴ По требованию Совета объединенного дворянства правительство Столыпина с 1906 г. стало проводить аграрную реформу, сущность которой сводилась к ликвидации общины, насаждению хуторских и отрубных

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 316, 319.

⁴ Там же, стр. 124.

хозяйств и переселению части крестьян на окраины. Основная цель реформы заключалась в сохранении помещичьего землевладения путем создания в деревне новой опоры в лице кулачества, которому отдавалась на разграбление община, и путем переселения недовольных на окраины.

Поэтому переселение на окраины и прежде всего в Сибирь приобрело большое значение в период проведения столыпинской аграрной реформы. Точно так же, как и аграрная реформа в целом, переселение крестьян на окраины было прогрессивным в объективно-историческом смысле. Оно вело к хозяйственному освоению новых земель, способствовало развитию капитализма вширь и росту производительных сил, давало толчок разложению крестьянства и на местах выхода, и на местах нового поселения. Но эта объективно-историческая задача была подчинена царизмом реакционной цели «сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь».⁵ Эта реакционная цель накладывала свой отпечаток на весь характер переселенческой политики царизма. В. И. Ленин отмечал, что правительство и правящие классы при переселении крестьян в Сибирь, «преследуя политические цели, совершенно не считают ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов».⁶

Царизм оказался неспособным организовать переселение на окраины. Главная причина краха переселенческой политики царизма была тесно связана с аграрным вопросом в центре страны. Крепостнические латифундии центра, задерживавшие рост производительных сил в крестьянских хозяйствах, снижавшие тем самым колонизационные возможности русского крестьянства, были главным тормозом быстрой колонизации окраин. Только «решительная ликвидация крепостничества в „исконных“ русских губерниях»⁷ могла обеспечить широкое развитие колонизации окраин. Поэтому переселение в Сибирь нельзя рассматривать вне связи с аграрным вопросом в России в целом.

В 1906—1914 гг. наряду с разрушением общины и насаждением хуторских и отрубных хозяйств переселение крестьян из центра на окраины приобрело большое значение как составная часть столыпинской аграрной реформы.

Переселенческая политика стала изменяться уже в начале XX в. под влиянием революционного движения крестьян. Но решительный поворот в сторону введения свободы переселений произошел только в 1906 г. В марте этого года было издано новое положение «О порядке применения закона 1904 г. о переселении», которое разрешало свободное переселение из любых местностей Европейской России на окраины. Осталось только одно обязательное условие для переселения: предварительная посылка ходока для зачисления свободного участка. Теперь правительство не только не стесняет, как раньше, но всячески поощряет переселения крестьян, так как считает, что «только достаточно широкая постановка переселенческого дела может сколько-нибудь заметно влиять на аграрные отношения во внутренних губерниях».⁸

Переселение усиленно рекламировалось. В 1907 г. среди крестьян центральных губерний страны было распространено более 6,5 млн экземпляров брошюр и листовок с призывами переселяться в азиатскую часть России. Эти брошюры и листовки соблазняли крестьян преувеличенными сведениями о наличии свободных земельных участков в Сибири и даже провоцировали крестьян на переселение, так как им обещались различные льготы и ссуды, которых в действительности было значительно меньше.

⁵ Там же, т. 23, стр. 265.

⁶ Там же, т. 21, стр. 332.

⁷ Там же, т. 17, стр. 70.

⁸ И. Введенский. Переселение и аграрный вопрос. «Вопросы колонизации», СПб., 1909, стр. 2, 3.

Например, в листовках указывалось, что крестьянам выдается ссуда в 165 руб., но это был лишь наивысший установленный размер ссуды, а средняя величина выдаваемых ссуд равнялась 30—60 руб. на семью.

Для форсирования переселений был использован весь огромный бюрократический аппарат как в Европейской России, так и в Сибири.

Вопрос о переселении крестьян в Сибирь неоднократно обсуждался в государственных думах. В I и II думах большинство депутатов не поддерживало переселенческую политику правительства. Особенно резко критиковали эту политику представители РСДРП и трудовиков. Они указывали, что правительство, развивая переселения, заботится только о спасении помещичьих земель, пытаясь отвлечь крестьян от борьбы за их конфискацию и национализацию всей земли.

Но I и II Государственные думы просуществовали недолго и не успели принять никаких законов по переселенческому и аграрному вопросам. Пришедшая им на смену III дума была черносотенно-октябристской и одобряла проводимую правительством переселенческую политику. Она поощряла развитие переселения, требовала высылать как можно больше недовольных крестьян в Сибирь и усиливать руссификаторскую деятельность на окраинах. Только депутаты-большевики использовали думскую трибуну для резкой критики переселенческой политики. В. И. Ленин в 1913 г. составил для большевика Н. Р. Шагова проект речи «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства». Эта речь была оглашена Шаговым в думе. В ней указывалось, что оба главных «козыря» аграрной политики царизма — переселения и хутора — оказались битыми. Они не спасли аграрную политику правительства, в том числе и в переселенческом вопросе, от окончательного краха. Рабочий класс и крестьянство страны всем ходом исторического развития России в 1906—1913 гг. были подведены к единственному правильному пути революционного уничтожения крепостнических латифундий и прогнившей царской монархии.

В 1906—1907 гг. было реорганизовано Переселенческое управление. В Сибири и на Дальнем Востоке выделялись специальные переселенческие районы: Тобольский, Акмолинский, Томский, Енисейский, Иркутский, Забайкальский, Амурский и Приморский. В каждом из переселенческих районов были созданы переселенческие организации, имевшие землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, склады сельскохозяйственных машин, агрономические отделы, свои школы и больницы. Кроме того, на Сибирской магистрали были выделены 2 района по организации передвижения переселенцев (Западный и Восточный), которые имели свои переселенческие пункты на крупных станциях.

По сравнению с предыдущим периодом, когда переселение по существу вообще было пущено на самотек, организация переселений стала несколько лучше. Но необходимо сразу же отметить, что всех проводимых мероприятий и выделенных средств было явно недостаточно. Главная причина этого заключалась в том, что царское правительство оказалось неспособным организовать переселение в тех размерах, которые оно приняло в 1906—1913 гг. Царизм, заинтересованный в том, чтобы выселить как можно больше крестьян из Европейской России, не считался с реальными возможностями по устройству и организации переселений, а чиновничий аппарат был настолько рутинным и косным, что только мешал переселенцам беспрепятственно устроиться на свободных землях окраин.

Документы архивов, отчеты переселенческих чиновников, письма и прошения переселенцев, воспоминания современников, работы исследователей содержат так много примеров самого дикого произвола, неурядиц в организации переезда и устройства переселенцев, случаев взяточничества и грабежа со стороны чиновников, отвода неподготовленных участков

под заселение, неправильной выдачи ссуд, плохого строительства дорог и школ, что воссоздается картина непрерывных мук и мытарств переселенцев, картина ужасающего хаоса и неразберихи. Именно такое впечатление вынес об организации переселения царский чиновник А. И. Комаров, книгу которого «Правда о переселенческом деле» неоднократно использовал В. И. Ленин в своих статьях о переселении. В. И. Ленин писал, что переселенцы «целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах... переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные...».⁹

Переселение крестьян в Сибирь после 1906 г. отличалось тем, что теперь почти все приезжающие селились на переселенческих участках, специально отведенных для этой цели на свободных землях, а не в селах старожилов, как было раньше. Быстрый рост переселения вызвал необходимость отвода огромного числа переселенческих участков. Эти участки отводились на незанятых казенных и кабинетских землях. Закон также разрешал отводить под участки излишки земель старожилов и нерусских народностей в тех случаях, когда на душу мужского пола приходилось свыше 15 десятин удобной земли.

В связи с увеличением переселения главноуправляющий землеустройством и земледелием 23 декабря 1906 г. дал указание всем землеустроительным партиям приостановить землеустройство старожилов, за исключением уже запроектированных наделов, и перейти к отводу переселенческих участков вместе со специальными землеотводными отрядами. Одновременно в этом же циркуляре давалось указание отводить переселенческие участки на тех землях старожилов, где еще не было проведено землеустройство, но где были излишки земли, «предвидимые с достаточной вероятностью». По поводу этого циркуляра в Государственную думу был внесен запрос, в котором говорилось, что данное указание, «нарушая права крестьян и инородцев губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской ... открывает местным чинам поземельно-устроительных и землеотводных партий полный произвол действий». В запросе также указывалось, что этот циркуляр нарушал ранее изданные царским правительством законы, в частности законы 1896 г. о земельном устройстве крестьян Сибири.¹⁰

Землеустроительные и землеотводные партии широко пользовались данными им правами и часто отводили под переселенческие участки земли старожилов. Особенно много было отведено под переселенческие участки земель нерусских народностей Сибири. У них отнимались лучшие земли, по отношению к ним допускался грубый произвол. Только в Забайкалье у бурят было отнято под переселение 600 тыс. десятин и почти столько же в Прибайкалье, а в Енисейской губернии у хакасов было отмежевано полмиллиона десятин. Хотя большая часть из этих земель ранее не использовалась, все же изъятие их ставило под угрозу развитие полукочевого скотоводства, а нередко были и случаи отмежевания уже освоенных угодий. Сибирские архивы содержат сотни жалоб крестьян-старожилов и представителей коренных народностей на незаконный захват их земель.

Очень разорительными для крестьян оказались землеотводные работы на Алтае, на землях царского Кабинета. Крестьяне с. Воронихина Барнаульского уезда в своей жалобе на землеустроителей указывали, что у них были отобраны 1423 десятины различных хозяйственных угодий.

В результате землеотводных работ часты были случаи столкновения между старожилами и переселенцами из-за земли и наносился значитель-

⁹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 21, стр. 333.

¹⁰ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты, 1907 г. Сессия вторая, т. I. СПб., 1907, стр. 2270—2272.

ный ущерб сельскому хозяйству старожилов. Следует отметить, что при этих работах больше страдала сельская беднота и середняки, а кулачество, занимая господствующее положение в деревне и имея деньги для подкупа чиновников, сумело сохранить свои земли и займки, а в некоторых местах даже расширяло их в ходе землеустроительных работ. Такие случаи отмечаются исследователями на Алтае, в густонаселенных Тобольской и Томской губерниях и в Восточной Сибири.¹¹

Плохо была организована выдача ссуд переселенцам, водворившимся на участки. Были установлены следующие ссуды: путевые, на общественные надобности (главным образом на строительство церквей, позднее на хуторское размежевание) и на домообзаводство. Путевые выдавались очень редко и в размере 2—5 руб. Основными являлись ссуды на домообзаводство. Их размеры не были точно установлены и выдавались в соответствии с имеющимися средствами у заведующих водворением переселенцев, но они составляли не свыше 165 руб., а на Дальнем Востоке — не свыше 200 руб. на семью. В период 1906—1910 гг. средние размеры ссуды на одну семью составляли 30—60 руб. При этом ссуды выдавались не сразу, а частями, по 5—10—15 руб., что значительно их обесценивало. Даже иркутский генерал-губернатор вынужден был признать, что «ссуды переселенцам своей роли не выполняют». «За этими ссудами, — писал он, — иногда в 15—20 рублей, переселенцу приходится ездить за 100—200 верст в уездный город в самое горячее сенокосное или жатвенное время, и ссуды, конечно, тратятся не на обзаведение инвентарем, а на продовольствие».¹²

Но даже выданная в полном объеме ссуда была явно недостаточна для первоначального устройства переселенцев. По официальным данным Переселенческого управления, средняя стоимость устройства переселенческой семьи за Уралом равнялась 310 руб.¹³ По подсчетам же местных переселенческих организаций для этого требовалось не менее 400—500 руб.

Плохая постановка переселенческого дела лишний раз доказывала неспособность царизма обеспечить хозяйственный прогресс страны. Заселение окраин, объективно имевшее прогрессивное значение, сочеталось с крепостническими методами переселенческой политики. Вмешательство бюрократии в устройство переселенцев приносило больше вреда, так как мешало свободной утилизации земель на окраинах, пыталось втиснуть освоение окраин в узкие рамки крепостнического «порядка», ограничивало хозяйственную самостоятельность крестьян.

Конечно, в организации переселения были и положительные стороны. Недаром Переселенческое управление называли сибирским земством. Оно строило школы и больницы, проводило дороги, создало агрономические отделы с опытными станциями и полями, организовывало почвенно-ботанические экспедиции, мелиоративные и гидротехнические работы, распространяло через свои склады улучшенные сельскохозяйственные орудия. Это был, разумеется, очень медленный прогресс и далеко недостаточный для такого обширного края, но все же он знаменовал шаг вперед по сравнению с предыдущим периодом. До 1906 г. в Сибири было очень мало врачей — по 1—2 на уезд. Если в Европейской России на 1 врача приходилось 288 кв. верст, то в Сибири — 19 364 кв. версты. За 1906—1910 гг. количество врачей и больниц в Сибири возросло в 2 раза. В 1907 г. в Сибири и на Дальнем Востоке было 374 больницы с 6.6 тыс. кроватей, а в 1913 г. — 663 больницы с 16 тыс. кроватей. Возросло также число

¹¹ Л. Ф. Скляр ов. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, стр. 268—270.

¹² Всеподданнейший отчет иркутского генерал-губернатора. Иркутск, 1908, стр. 25.

¹³ Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для членов Государственной думы. СПб., 1907, стр. 37.

врачебных и фельдшерских пунктов. Но все же на одного врача приходилось еще около 14 тыс. кв. верст территории.¹⁴ Построенных больниц явно не хватало. Всенный губернатор Амурской области признавал, что «многие кричащие нужды области не удовлетворены». «Земства в области нет, — писал он, — администрация ведет хозяйство неумело и плохо. В результате земские дороги непроезжи, сельские больницы без врачей, хирургической и глазной помощи нет».¹⁵

Большое значение для заселения Сибири имело дорожное строительство. За 1906—1916 гг. в 4 сибирских губерниях было построено, по данным отчетов Переселенческого управления, 12 989 верст грунтовых дорог. На Дальнем Востоке дороги строились значительно хуже, хотя нужда в них была огромной. Расширились после 1906 г. и гидротехнические работы. За 1896—1905 гг. в Азиатской России было построено 1 349 колодцев и 24 водохранилища, а с 1906 по 1915 г. — 13 771 колодец и 161 водохранилище. Стали проводиться мелиоративные работы в центральной и южной части Барабинской степи, где было проведено 915 верст водоотводных каналов и канав. Но темпы этих работ отставали от размеров переселения. Огромные массивы Барабинской степи оставались недоступными переселенцам из-за отсутствия искусственного орошения.

К 1910 г. стал очевиден крах переселенческой политики царизма. Прежде всего он проявился в сокращении переселения и в росте обратного переселения, т. е. возвращения переселенцев из Сибири. Обеспокоенное этим обстоятельством, правительство намечает «новый курс» в переселенческой политике. Основные принципы этого «нового курса» были изложены в «Записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г.». Главная цель переселенческой политики сохранялась та же: выселение из Европейской России как можно большего числа недовольных. В марте 1911 г. была восстановлена полная свобода хождения из любых местностей Европейской России в Азиатскую (несколько раньше ее ввели для дальневосточных и восточносибирских губерний). Кроме того, Столыпин и его министр Кривошеин предлагали распространить на Азиатскую Россию столыпинскую реформу. Было решено насадить и на окраинах «крепких» хозяев из числа переселенцев как опору самодержавной власти. Николай II писал Столыпину 22 сентября 1910 г.: «Буду ожидать письменного доклада Вашего и Кривошеина по поводу всего виденного вами и с предложениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и таксе же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать».¹⁶

Столыпин и Кривошеин указывали, что следует «встать и в Сибири на путь создания и укрепления частной собственности, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам», и «устранить общинно-земельные порядки в Сибири», распространив на нее указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г. о выходе крестьян из общин.

С 1911 г. в Сибири резко изменилось направление землеотводных работ. Вместо поселковых участков, которые отводились в прежние годы, Переселенческое управление стало обращать особое внимание на образование участков единоличного пользования, размежеванных на хутора и отруба. В 1907—1911 гг. в Азиатской России было заготовлено следую-

¹⁴ Азиатская Россия, т. I. СПб., 1914, стр. 270—284.

¹⁵ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 713, л. 3.

¹⁶ Перелиска Н. А. Романова и П. А. Столыпина. «Красный архив», т. 5, М., 1924, стр. 121—122.

щее количество семейных наделов в участках единоличного пользования: в 1907 г. — 120, в 1908 г. — 110, в 1909 г. — 424, в 1910 г. — 597, в 1911 г. — 24 438.¹⁷ Таким образом, в 1911 г. заготовка единоличных участков возросла более чем в 40 раз. В дальнейшие годы отвод хуторских и отрубных участков сократился в связи с общим сокращением заготавливаемого фонда, но доля единоличных участков в общем колонизационном фонде непрерывно возрастала. Причиной общего сокращения землеотводных работ было уменьшение переселения. Но заселялись участки единоличного пользования значительно медленнее, чем участки поселковые. На 1 января 1916 г. поселковые участки Сибири были заселены на 80 %, а единоличные — только на 55 %.

В это же время в широком масштабе проводилось так называемое внутринадельное размежевание, т. е. раздел уже заселенных поселковых участков на хутора и отруба. До 1910 г. внутринадельное размежевание проводилось в очень небольших размерах, а после «Записки» Столыпина и Кривошеина оно также стало резко увеличиваться.

Всего в Сибири и на Дальнем Востоке было создано около 5 тыс. хуторов и 60 тыс. отрубов.

Но хутора и отруба в Сибири не передавались в частную собственность. Совет министров 10 марта 1911 г. принял положение «Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в частную собственность». Однако до утверждения этого положения Государственной думой хутора и отруба в Сибири отводились не в частную собственность, а «в частное владение на правах постоянного наследственного пользования». В правилах о разверстании земель переселенцев, составленных в развитие положения Совета министров, было указано, что в Сибири «каждый домохозяин должен почитаться единоличным владельцем доставшихся ему участков на правах постоянного наследственного пользования и может переуступать их другим лицам, имеющим право на наделение казенною землею, не иначе как на условиях того же наследственного пользования». Это был шаг к введению в Сибири частной собственности на земли крестьян. Предполагалось в дальнейшем часть отведенных участков продать переселенцам, а затем все участки отдать «не в пользование, а в частную собственность». Но проект закона не был утвержден Государственной думой, а с началом войны и вовсе был отложен.

Отвод единоличных участков и внутринадельное размежевание знаменовали распространение на Сибирь и Дальний Восток столыпинского землеустройства, проведение единой аграрной политики в центре и на окраинах. Целью этой политики была ставка на «крепкого хозяина».

Переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток в период проведения столыпинской аграрной реформы значительно возросло. Главной причиной такого роста следует считать не переселенческую политику царизма, хотя она сыграла в этом немалую роль, а создание определенных социально-экономических предпосылок. Основной причиной развития переселения, как и в предыдущий период, был рост классового расслоения в российской деревне, процесс «раскрестьянивания» — выталкивания мелких крестьян из земледелия. Столыпинская аграрная реформа усилила этот процесс и создала объективные предпосылки быстрого роста переселения. Большое значение имел и тот факт, что в результате проведения реформы был облегчен выход из общины и многие крестьяне получили возможность продать свои наделы для получения средств на переселение. Если раньше большая часть переселенцев передавала свои земли бесплатно общине, то после 1906 г. почти все переселенцы продавали свои наделы.

¹⁷ Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912, стр. 127—128, 133.

Об общем росте переселения в Сибирь и на Дальний Восток можно судить по данным челябинской регистрации о количестве переселенцев, прошедших через Челябинск в прямом (на восток) и обратном направлениях (табл. 6).

Как видно из приведенных в таблице статистических данных, период столыпинщины дал значительное увеличение переселения. За 1896—1906 гг. переселились 1.1 млн чел., а за 1906—1914 гг. — 3.0 млн или в 2.7 раза больше. Движение не было равномерным: две трети переселенцев прошли за первые 4 года, затем переселение уменьшилось в 1910 и особенно в 1911 гг. Накануне войны переселение вновь начинает увеличиваться, но война привела к его резкому сокращению.

Подъем переселенческого движения объяснялся, кроме указанных выше причин, и наступившей реакцией, которая поколебала надежды многих крестьян захватить помещичью землю и тоже усилила переселенческий поток в 1907—1909 гг.

На сокращение переселения оказали влияние такие факторы: борьба крестьянства против столыпинской реформы в целом и рост революционного движения в стране с 1910 г., затем крах переселенческой политики царизма, выразившийся в росте обратного переселения. Рост «обратничества» ярко доказывал, что царизм был неспособен хорошо устроить переселенцев на местах и не справлялся с организацией переселения. На уменьшение переселения оказал влияние и промышленный подъем 1909—1913 гг., так как промышленность потребовала большого увеличения количества рабочих рук и поглотила значительную часть выходцев из деревни. В отдельные годы на рост или уменьшение переселения оказывали влияние урожаи хлебов. Так, неурожай в Поволжье в предвоенные годы вызвали рост переселения из этой местности. Всего после вычета обратного движения в восточных районах осталось 2 510 498 переселенцев и 235 039 ходоков, или 2 745 537 чел. Это говорит о большом значении переселения крестьян в этот период.

Столыпинская аграрная реформа способствовала и дальнейшему «обеднению» состава переселенцев. Это изменение социального состава переселенцев, отмеченное еще в конце XIX в., стало более заметным. В табл. 7 приведены данные челябинской регистрации об изменении количества наделной земли у переселенцев за Урал в 1894—1911 г. (в процентах).¹⁸

Уменьшение наделов крестьян-переселенцев и увеличение среди них процента безземельных объяснялось ускорением процесса разорения крестьян, разрушением общины и некоторым облегчением переезда в Сибирь (льготный железнодорожный тариф, ссудная помощь). Большую роль сыграло и стремление царизма выселить самых беспокойных крестьян. В 1906—1914 гг. на переселение шли в основном крестьяне-бедняки со средним наделом 3—4 десятины (по данным челябинской регистрации). Прослойка кулаков и середняков среди переселенцев была крайне незначительной. Харьковское земство отмечало в 1910 г.: «Группа безнадельных и группа с наделом до трех десятин на двор, соединенные в одну группу малоземельных, составляют основное, крайне прочное и устойчивое ядро переселения».¹⁹

Экономическое положение переселенцев в Сибири в первые годы после водворения определялось количеством привезенных средств, размером полученных ссуд и возможностью заработков на месте. Результаты обследования переселенцев в 1911—1912 гг. показывают, что переселенцы, приехавшие в Сибирь и на Дальний Восток, имели в среднем около 100 руб.

¹⁸ Н. П. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, т. 3, вып. 1. Саратов, 1914, стр. 94.

¹⁹ Переселение крестьян из Харьковской губернии, вып. 3. Харьков, 1910, стр. 58.

на одно хозяйство, включая стоимость привезенного имущества и скота.²¹ Средние ссуды в 1906—1910 гг. составляли 30—60 руб., а в 1911—1914 гг. поднялись несколько выше (до 80—100 руб.). Всех этих средств было недостаточно не только для хозяйственного устройства, но даже для пропитания семьи в течение года или полутора лет до первого урожая. Привезенные средства распространялись неравномерно, и поэтому, в то время как большинство переселенцев было принуждено первые годы батрачить, горстка богатых новоселов сама нанимала рабочих и заводила крепкие хозяйства.

ТАБЛИЦА 7

	Число переселенческих хозяйств (в %)		
	безземельных	с наделом до 3 дес.	с наделом свыше 3 дес.
1894—1899 гг.	15.3	42.7	41.6
1903—1906 гг.	20.0	39.5	40.2
1907—1911 гг.	24.5	38.6	36.9

Руководители статистического обследования 1911—1912 гг. доказывали, что «в Сибири положение переселенцев во всех отношениях улучшилось и благосостояние их поднялось вдвое, втрое и даже в шесть-семь раз». Но такой вывод они делали на основании средних показателей по всем переселенческим хозяйствам. Эти средние данные скрывают факт значительного классового расслоения среди переселенцев. По подсчетам советского исследователя Л. Ф. Склярова, среди переселенцев 41% составляли бедняцкие дворы, 42 — середняцкие и 17% — кулацкие.²² Состоятельность середняцких и особенно кулацких дворов в Сибири серьезно повысилась по сравнению с положением на родине, бедняцкая же группа такого изменения не претерпевала, а с учетом так называемых неприписных переселенцев ее положение даже ухудшилось. Таким образом, повышение средних показателей об экономическом положении переселенцев в Сибири на самом деле маскировало разорение части переселенцев (а неприписных переселенцев в Сибири было около 700 тыс. чел.) и факт быстрого обогащения небольшой группы кулачества.

Переселение оказывало влияние на развитие капитализма вширь, на окраины, способствовало росту производительных сил, усилению классового расслоения. В. И. Ленин отмечал, что «переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)».²³

Рост переселения в период проведения столыпинской аграрной реформы дал громадный толчок разложению крестьянства. Кроме того, в начале XX в. прибавился такой фактор, как обратное переселение. Возвращение из Сибири сотен тысяч разоренных переселенцев увеличивало армию батраков в России и способствовало развитию классовой дифференциации.

Еще более значительным было влияние переселения на расслоение сибирского крестьянства. Переселенцы увеличивали в основном прослойку

²¹ «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Восточная Сибирь», под ред. В. К. Кузнецова, вып. I—V, СПб., 1912 (в дальнейшем: «Материалы комиссии В. К. Кузнецова»); «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии», под редакцией В. Я. Нагнибеды, вып. I, II, Томск, 1913.

²² Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири..., стр. 389.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 175.

батраков и бедняков в сибирской деревне, а небольшая часть их, наживаясь на жестокой эксплуатации новоселов, выбивалась в кулаки. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. показала, что переселенцы все же в среднем оставались значительно беднее старожилов. Поэтому переселение вело к еще большей поляризации крестьянства.

Переселение способствовало и увеличению посевных площадей, и росту применения наемного труда, расширяя рынок наемной рабочей силы. Развитие в Сибири торгового земледелия и скотоводства также было тесно связано с ростом переселения. Переселенцы освоили большие массивы свободных ранее целинных земель, ввели новые сельскохозяйственные культуры — лен, коноплю, более широко стали применять навозное удобрение, заниматься скотоводством и т. д. В начале XX в. переселенцы ввели в культурный оборот около 30 млн десятин различных угодий. Было создано много новых селений. За 1898—1912 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке число сельских обществ увеличилось на 6 тыс., или на 80%. В Томской губернии и Акмолинской области число сел даже удвоилось, а в Амурской области утроилось. Переселение привело к значительному росту населения. Процент переселенцев (ко всему населению) был особенно высок в Акмолинской области (35,8%), Енисейской (34,3%) и Томской (32,4%) губерниях.

Но правительство не смогло добиться своей главной цели: «разрядить атмосферу» в России посредством переселений. За весь период проведения столыпинской реформы (1906—1914 гг.) было переселено в Азиатскую Россию около 3 млн чел., а прирост сельского населения в европейской части страны составлял ежегодно 2 млн чел. Поэтому так называемое «малоземелье», т. е. размеры угодий на душу населения в среднем, не уменьшилось, а увеличилось. Не удалось и «прочно» устроить переселенцев в Сибири. Арена аграрного кризиса распространилась и на эти далекие окраины.

Основной причиной краха переселенческой политики царизма было сохранение помещичьего землевладения — главного оплота реакции и крепостничества. Без его ликвидации невозможно было быстро и беспрепятственно колонизовать окраины.

В ходе переселения решалась объективно прогрессивная историческая задача хозяйственного освоения окраин. Русский народ своим самоотверженным трудом превращал пустующие земли Сибири и Дальнего Востока в плодородные поля, продолжал осваивать огромные природные богатства этого края.

Заселение и освоение Сибири — результат огромного созидательного труда миллионов русских крестьян-переселенцев. «Героическим подвигом» назвал этот труд великий русский писатель И. А. Гончаров.

3. ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В сельском хозяйстве Сибири в 1906—1914 гг. под влиянием переселения, столыпинского землеустройства, под воздействием развития капитализма вширь произошли значительные изменения. Подъем сельскохозяйственного производства в стране охватил и этот регион, поскольку Сибирь была органической частью России, связанной с ней единым экономическим процессом. Как уже указывалось, в эти годы рост переселения крестьян и расширение внутреннего рынка дали мощный толчок развитию сибирского торгового земледелия и скотоводства. Наметились и значительные качественные изменения сельскохозяйственного производства: специализация, рост товарности, концентрация и кооперирование капиталов, проявление монополистических тенденций, быстрый рост применения

сельскохозяйственных машин и наемного труда, усиление классовой дифференциации. Поэтому так же, как и в общероссийской истории, период 1906—1914 гг. занимает особое место в развитии сельского хозяйства Сибири.

Рост сельскохозяйственного производства прежде всего проявлялся в расширении посевных площадей.²⁴ В табл. 8 приводятся данные (в тысячах десятин) о размерах посевных площадей в Сибири в 1901—1913 гг.

ТАБЛИЦА 8

Губернии и области	1901—1905 гг.		1906—1910 гг.		1913 г.	
	всего под посевами	в том числе под пшеницей	всего под посевами	в том числе под пшеницей	всего под посевами	и том числе под пшеницей
Акмолинская	267	184	337	239	973	739
Тобольская	1166	459	1249	525	1533	710
Томская	1455	641	2095	972	3544	1851
Енисейская	411	101	455	126	614	151
Иркутская	361	42	364	40	441	62
Итого	3660	1427	4500	1902	7105	3513

Статистические данные не отличались абсолютной точностью. В большинстве случаев эти данные, собираемые волостными правлениями путем опроса крестьян, были преуменьшены. Данные, полученные в результате массовых подворных обследований переселенцев и старожилов в 1911—1916 гг., и показания податных инспекторов Министерства финансов были в среднем на 10—15% выше, чем сведения статистических органов. Но и по ним можно судить о быстром росте посевных площадей. Общее увеличение их с 1900—1905 гг. по 1913 г. составило почти 100%; таким образом, посевные площади увеличились в 2 раза, а под пшеницей — в 2.5 раза. Преимущественный рост посевов пшеницы свидетельствовал о развитии товарного производства. Особенно заметной специализация земледелия была в Западной Сибири, давшей наибольший прирост посевов пшеницы: в Акмолинской области посевы пшеницы выросли в 4 раза, в Томской губернии — в 2.9 раза. Данные табл. 8 показывают также, что более быстрый рост посевных площадей происходил после 1910 г., к концу периода. Несомненно, в этом большую роль сыграло переселение. Хотя большинство переселенцев пришло в 1906—1909 гг., рост запасек в их хозяйствах можно было ожидать через несколько лет после их переезда, так как первые годы они либо батрачили, либо имели небольшие посевы. Это подтверждает и статистика. Но нельзя весь прирост посевной площади относить за счет переселения. Очень быстро увеличивала свои посевы и зажиточная часть старожилов. При этом они использовали наемную силу в лице переселенцев. Переселение, таким образом, способствовало развитию капиталистических хозяйств и в среде старожилов.

О роли переселенцев в увеличении посевной площади можно судить по приведенным в табл. 9 данным, относящимся к 1911 г.²⁵

В одной лишь Акмолинской области посевные площади, занятые переселенцами, составили более половины (две трети) всей посевной площади, во всех остальных областях их доля была меньше, чем доля старожилов: в Томской губернии — 33%, в Енисейской — 34 и в Приморской области — 26%. Всего по Сибири посевные площади старожилов составляли почти

²⁴ Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923, стр. 88—91.

²⁵ Азиатская Россия, т. II. СПб., 1914, стр. 274.

ТАБЛИЦА 9

Губернии и области	Посевные площади (в тысячах десятин)				
	крестьян-старожилов	крестьян-переселенцев	казаков	нерусских народностей	всего
Акмолинская	—	668.4	201.3	79.5	949.2
Тобольская	1242.1	193.2	—	13.2	1448.5
Томская	1946.3	982.8	5.7	30.5	2965.3
Енисейская	400.2	219.5	7.9	14.6	642.1
Иркутская	296.7	50.5	5.6	124.8	477.6
Якутская	—	—	—	20.9	20.9
Забайкальская	185.4	1.2	172.5	55.2	414.3
Амурская	222.4	25.1	40.1	1.4	289.0
Приморская	164.8	69.7	30.4	3.0	267.9
Сахалин	—	—	—	2.1	2.1
Всего по Сибири . .	4457.9	2210.4	463.5	345.2	7476.9

60%, а переселенцев — 30%. Роль казаков очень заметна в тех районах, где были основные казачьи поселения — в Акмолинской и Забайкальской областях и на Дальнем Востоке, а в целом по Сибири у них было 6% посевной площади. На нерусские народы приходилось около 4%.

Рост посевных площадей сопровождался серьезным изменением структуры зерновых посевов. В 1901—1905 и в 1911—1915 гг. доля пшеницы по Сибири и Дальнему Востоку составляла соответственно 36.6 и 45.4%, овса — 26.3 и 29.5, озимой ржи — 15.1 и 10.9, яровой ржи — 11 и 4.9%. Доля главных торговых культур — пшеницы и овса — увеличилась, а доля ржи уменьшалась. За эти же периоды доля пшеницы по Европейской России составляла соответственно 22.3 и 24.2%, а по Северному Кавказу — 56.1 и 53.4%.²⁶ Следовательно, в Сибири пшеница занимала значительно большее место, чем в Европейской России, но меньшее, чем на Северном Кавказе. Второе место в посевах Сибири занимал овес — около трети площади, что объясняется развитием животноводства и потребностями рынка.

Увеличение посевных площадей привело к росту валовых сборов зерна. Так, по районам, указанным в табл. 8, валовые сборы зерновых составляли в 1901—1905 гг. 158 млн пуд., в 1906—1910 гг. — 204 млн, в 1913 г. — 305 млн пуд., а валовые сборы пшеницы соответственно — 64, 89 и 148 млн пуд.²⁷ Темпы роста валовых сборов зерна были несколько выше, чем темпы роста посевных площадей, т. е. производительность труда возрастала, но очень незначительно.

Темпы роста посевных площадей и валовых сборов зерна в Сибири были значительно выше, чем в среднем по России, и выше, чем за эти же годы в США. Это объяснялось ростом переселения, наличием огромных пространств удобных земель, а также более свободными, чем в центре страны, условиями развития капитализма в сельском хозяйстве.

Но сохранение помещичьего землевладения в центральных губерниях накладывало отпечаток на политику правительства. Несмотря на то что столыпинская аграрная реформа в целом имела буржуазный характер, в аграрной политике царизма в значительной степени сохранялись крепостнические черты. Они проявлялись не только в переселенческом деле, но и во всех аграрных мероприятиях правительства. Царизм стремился насадить в Сибири не только крепкие кулацкие хозяйства, но и создать здесь помещичье землевладение. Уже после провала закона 1901 г. о наде-

²⁶ Сельское хозяйство России в XX веке, стр. 114—116.

²⁷ Там же, стр. 170—173, 196, 197.

лении дворян земель в Сибири черносотенцы требовали в III думе насаждения помещиков в Сибири. Курский помещик Марков 2-й пытался доказать в думе, что «без дворянства не может быть государства — оно есть великолепнейшая часть его, в Сибири дворянство должно быть для пользы крестьянства».²⁸ Как и в 1901 г., крепостники пытались навязать сибирским крестьянам нахлебника-барина и новую кабалу. С этим выступлением черносотенного депутата перекликается предложение Столыпина о том, что «рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обеспечить образование за Уралом также частной земельной собственности из более крупных хозяйств».²⁹ Но эти попытки, как и прежде, были обречены на провал в связи с сопротивлением сибирского крестьянина, который, по выражению В. И. Ленина, был «несравненно самостоятельнее „российского“ и к работе из-под палки мало приучен».³⁰

Царизм был вынужден считаться с экономическим развитием, с ростом капиталистических отношений. Так было с пресловутым челябинским тарифным переломом, противоречившим объективным законам экономического развития страны. В ноябре 1907 г. межуведомственное совещание по вопросам хлебной торговли констатировало, что в результате повышения хлебных цен на внутреннем рынке в Россию стала ввозиться даже американская пшеница. Но тем не менее совещание высказалось против отмены челябинского перелома, считая, что лучше иметь конкурентом США, чем допустить на рынки Европейской России сибирскую пшеницу.

Несмотря на ограничительные меры со стороны правительства, вывоз хлеба из Сибири неуклонно возрастал. В пятилетие, в 1900—1904 гг., в среднем в год вывозилось из Сибири 15 млн пуд. хлеба, в 1905—1909 гг. — 46,8 млн пуд., а в 1910—1914 гг. — 47,0 млн пуд. В период столыпинщины вывоз хлеба увеличился в 3 раза. Но этот прирост шел в основном за счет Западной Сибири. Хотя Восточная Сибирь и Дальний Восток таили огромные резервы роста торгового земледелия, дороговизна перевозок сдерживала его. Да и в Западной Сибири не были исчерпаны возможности роста зажиточных хозяйств, но тяжелые условия сбыта сдерживали вложение капиталов в земледелие.

Между тем в дешевом сибирском зерне испытывали нужду многие промышленники и торговые фирмы центра. Торговля сибирским хлебом могла быть очень выгодным предприятием благодаря дешевым издержкам производства. В этом оказалась заинтересованной значительная часть российской буржуазии, которая требовала отмены челябинского тарифа.³¹ Торговлю сибирским хлебом стали захватывать в свои руки крупные монополии. Среди этих монополий выделялся концерн «И. Стахеев и К^о», входящий во влиятельную группу Русско-Азиатского банка. В делах концерна были заинтересованы многие финансовые воротилы, в том числе директор-распорядитель Русско-Азиатского банка Путилов. В одном из документов концерна «И. Стахеев и К^о» указывалось: «Хлебное дело — коренное дело товарищества... Начав в районе родного Прикамья, Товарищество постепенно распространялось, с одной стороны, на восток и Сибирь, с другой — остановилось в центральных губерниях, где открывало конторы, и далее на юг, к богатому Черноморскому побережью».³² Концерн вел крупные хлебные операции и на Дальнем Востоке. Планом раз-

²⁸ Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири..., стр. 496.

²⁹ Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910, стр. 132.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 89.

³¹ Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири..., стр. 496.

³² Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». (Документ). «Исторический архив», № 3, 1957, стр. 163.

вития хлебной торговли концерна предусматривалось подчинение всех хлебных рынков Сибири.³³

Таким образом, торговля хлебом втягивала Сибирь в орбиту действия крупного капитала. Сибирь становилась неотъемлемой частью общероссийского капиталистического рынка. Это явилось главной причиной, которая заставила правительство отменить челябинский тарифный перелом.

Помещики пытались помешать этой мере, выступали против нее в печати и на совещаниях. Характерным было возражение нижегородского губернатора А. Н. Хвостова, который писал, что выход сибирского хлеба будет «иметь своим последствием неминуемое разорение сельского хозяйства средней и южной России и всего Поволжья».³⁴ Царь отчеркнул это место и потребовал «представить соображения». В завязавшейся переписке Министерство торговли и промышленности отстаивало отмену челябинского перелома, указывая, что избытки сибирского хлеба не создадут кризиса, поскольку из Сибири шла только пшеница (из зерновых), что не оказывало заметного влияния на рыночные цены. Министерство сообщало, что оно наметило ряд мер, чтобы уменьшить влияние сибирского хлеба в будущем: постройку новых дорог в Западной Сибири, чтобы разделить поступление сибирского хлеба по времени и направлению, лишив его характера массового одновременного предложения на рынке, и построить для обслуживания зернового хозяйства Сибири железную дорогу от Архангельска к сибирским водным путям по северному направлению.³⁵ В этом ответе Министерства торговли и промышленности видно стремление удовлетворить интересы и помещиков, и буржуазии. В таком же духе отвечал на замечания А. Хвостова и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, сообщавший, что сибирский хлеб не составит серьезной конкуренции помещикам центра. Но он вынужден был подчеркнуть и другую сторону. «Нельзя задерживать сибирскую торговлю, — писал он, — если бы она даже угрожала конкуренцией, так как Сибирь — неотъемлемая часть Российского государства».³⁶ Здесь уже в нем проявился делец столыпинского типа.

С 1 августа 1911 г. надбавка к нормальному тарифу была уменьшена на 40%, с 1 августа 1912 г. — еще на 30%, и в 1913 г. тарифный перелом был ликвидирован полностью.

После отмены челябинского перелома торговое земледелие в Сибири получило дополнительный стимул за счет расширения рынка сбыта. Резко увеличился рост посевных площадей. По Сибири среднегодовой прирост посевных площадей зерновых культур составил в 1901—1910 гг. 84,4 тыс. га, а в 1913—1916 гг. — 182,2 тыс. га, т. е. увеличился более чем в 2 раза.

Однако крепостническая политика самодержавия и пережитки феодализма продолжали сдерживать рост торгового земледелия, хотя оно и шло в Сибири более свободно, чем в центре, с преобладанием эволюции американского, т. е. крестьянско-буржуазного, типа. С влиянием крепостнической политики царизма были связаны низкая урожайность зерновых культур, слабое развитие интенсификации земледелия. Только ликвидация помещичьего землевладения в центре и крепостнического государства могла обеспечить действительно свободное развитие фермерских хозяйств в Сибири.

³³ Т. М. К и т а н и н а. Русско-Азиатский банк и концерн И. Стахеева. Сб. «Монополии и иностранный капитал в России», М.—Л., 1962, стр. 412—413.

³⁴ В. Г. Т ю к а в к и н. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, стр. 343.

³⁵ ЦГИА, ф. 23, оп. 9, 1913, д. 162, лл. 108, 116—117.

³⁶ Там же, ф. 1276, оп. 10, д. 1211, лл. 233—234.

К описываемому периоду выросло и поголовье скота в Азиатской России, что видно из данных (в млн голов), приведенных в табл. 10.

ТАБЛИЦА 10

Районы	1898—1900 гг.	1910—1912 гг.	
		абс.	в % к 1898—1900 гг.
Степной край (Акмолинская и Семипалатинская области)	6.3	9.0	143
Сибирь (включая Забайкалье)	15.6	17.4	111
Дальний Восток	0.5	0.7	140
Итого	22.4	27.1	121

Особенно быстро росло поголовье скота в Степном крае и на Дальнем Востоке (на 43 и 40%). В Сибири рост поголовья скота шел медленнее, хотя основная доля скота приходилась на сибирские губернии (в начале века поголовье скота составляло в Сибири 69.6%, в 1910—1912 гг. — 64.3%).

Под влиянием требований рынка изменялся уклон в скотоводческом хозяйстве. Началось интенсивное разведение крупного рогатого скота (его доля возросла с 28 до 30%), особенно коров, в связи с развитием товарного маслоделия.

Благодаря наличию огромного количества свободных естественных пастбищ обеспеченность скотом населения Сибири и Дальнего Востока была значительно выше, чем в центре страны, и выше, чем во многих других странах. Об этом говорят данные о наличии голов скота на 100 жителей, приведенные в табл. 11.³⁷

ТАБЛИЦА 11

	Годы	Количество голов скота			
		лошадей	крупного рогатого скота	овец	свиней
Россия	1909	21	31	51	9
Европейская Россия	—	18	26	34	10
Кавказ	—	17	56	110	10
Сибирь	1909	55	70	74	16
Англия	1910	5	26	70	8
Голландия	1910	6	34	15	21
Дания	1909	21	87	28	56
Италия	1908	3	18	32	7
Франция	1908	8	36	45	18
Канада	1910	41	133	48	51
США	1910	25	82	68	57
Австралия	1909—1910	46	252	2096	18
Новая Зеландия	1908	39	188	2493	26

Из этих сравнительных данных видно, что в Сибири обеспеченность скотом была в несколько раз выше, чем в Европейской России, и выше,

³⁷ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», год 10-й, Пгр., 1917, стр. 259—260.

чем на Кавказе. Из европейских стран только Дания по обеспеченности скотом приближалась к Сибири. В Канаде и США обеспеченность крупным рогатым скотом и свиньями была несколько выше, чем в Сибири, а по числу овец и лошадей — ниже. Значительно уступала Сибирь таким странам, как Австралия и Новая Зеландия, хотя условия для развития скотоводства в Сибири были не хуже. Только ликвидация крепостничества в центре могла бы привести к свободной фермерской колонизации пустующих пространств Сибири и к созданию большого количества крупных скотоводческих хозяйств.

Для развития крупных капиталистических хозяйств по просьбе кубанских овцеводов-миллионеров в 1913 г. были приняты правила о сдаче в аренду по дешевым ценам пустующих пастбищ Сибири под «культурное скотоводство». Но широкому применению этих правил помешала начавшаяся война, и воспользовались ими лишь немногие капиталисты. Раздача земель была связана со взяточничеством и коррупцией. Первыми земельными собственниками явились не скотоводы, а представители титулованной знати, такие как граф Медем, Новосильцев, Строганов, князь Кочубей и другие сановники, целью которых было не разводить скот, а спекулировать земельными участками.³⁸

Но некоторые арендаторы завели крупные стада. Так, товарищество «Вл. Алексеев и К^о», имевшее на Кавказе 70 000 мериносовых овец, из-за повышения там арендных цен стало переводить хозяйство в Сибирь. К 1914 г. оно имело в Енисейской губернии на 56 тыс. десятин пастбищ 31,7 тыс. мериносовых овец и более 2 тыс. голов другого скота. На фермах товарищества работали 300 наемных работников. В 1913 г. на Алтае, на землях, арендованных у Кабинета, было описано 21 хозяйство крупных скотоводов, имевших 70 тыс. десятин земли, 15 400 овец, 1800 голов крупного рогатого скота, 500 лошадей и более 3 тыс. десятин посева.³⁹ Всего в 1914 г. было сдано в долгосрочную аренду под скотоводство 117 тыс. десятин казенных земель (не считая кабинетских) со средней платой по 17 коп. за десятину в год.

В Сибири развивалось торговое мясное скотоводство. Сибирское мясо завоевало прочные позиции на рынках страны. Главнейшими потребителями сибирского мяса были Петербург и Москва, куда отправлялась не только говядина, но и продукты мелкого животноводства и птицеводства. В среднем за год за период 1906—1910 гг. из Азиатской России отправлялось 288 500 голов всякого скота, в том числе в Петербург — 75 413 голов или более 200 голов скота каждый день. Но скот занимал незначительное место в перевозках по сравнению с отправками мяса. Среднегодовой вывоз мяса только из Западной Сибири накануне первой мировой войны составлял 2,8 млн пуд., из них в Петербург шло 39% и в Москву — 30%. Если в 1903—1907 гг. сибирское мясо на столичных рынках составляло 10—12%, то в 1908—1913 гг. — 45—50%.⁴⁰

О росте товарного скотоводства свидетельствуют среднегодовые данные об отправке продуктов мясного скотоводства и живого скота из Сибири по пятилетиям:⁴¹

Годы	В млн пуд.	В %
1900—1904	2.0	100
1905—1909	2.2	110.0
1910—1914	3.6	180.0

³⁸ Н. П. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, стр. 304.

³⁹ Н. П. Огановский. Реставрация помещичьего хозяйства в Сибири. «Заветы», СПб., 1913, № 11, стр. 149.

⁴⁰ Азиатская Россия, т. I, стр. 496.

⁴¹ С. С. Базыкин. Сельское хозяйство Сибири и заселение. «Северная Азия», М., 1929, № 3, стр. 45.

За 15 лет вывоз продуктов скотоводства увеличился на 80%, т. е. каждый год в среднем возрастал на 5%. Эти перевозки мяса могли быть значительно большими, но недоставало холодильников и вагонов-ледников. Второй съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья в декабре 1913 г. отметил, что из-за недостатка холодильников на станциях «по железной дороге идет только незначительная часть того мяса, которым может располагать Сибирь при ее неограниченных пастбищах».⁴² Царское правительство было не в состоянии организовать вывоз мяса, которое было крайне необходимо промышленным центрам страны.

Особенно развивалось маслоделие. В. И. Ленин указывал: «Размеры маслодельного и сыроваренного производств имеют особенное значение именно потому, что они свидетельствуют о полном перевороте в земледелии, которое становится предпринимательским и порывает с рутинной».⁴³ Производство сливочного масла в Сибири в 1910—1914 гг. увеличилось

ТАБЛИЦА 12

Годы	Из России	В том числе из Сибири	% вывоза из Сибири к общему вывозу
1901—1905	2326	1612	69.3
1906—1910	3387	3113	91.9
1911—1913	4631	4113	88.8

по сравнению с 1901—1905 гг. в 2.5 раза. Увеличилась и доля Сибири в экспорте масла за границу из России, что видно из данных (приведены в тыс. пудов) о среднегодовом вывозе масла за границу (табл. 12).

Сибирь давала перед войной 9/10 всего вывоза масла из страны. Сибирское маслоделие за короткий срок на-

много обогнало все старые маслодельческие центры России: северный, северо-западный, южный, юго-западный, привислинский и др. «Вывоз сибирского масла, — писал в 1910 г. П. А. Столыпин, — имеет не только местное значение. Весь наш экспорт масла на внешние рынки целиком основан на росте сибирского маслоделия... Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность».⁴⁴ В связи с ростом цен на сибирское масло (с 11 до 15 руб. за пуд) на внешнем рынке стоимость вывезенного масла увеличивалась быстрее, чем вывоз самого масла. В начале века в среднем в год вывозилось масла на 22 млн руб., а в 1911—1913 гг. — более чем на 66 млн руб., т. е. в 3 раза больше. Сибирское масло заняло (по стоимости) четвертое место в экспорте всех сельскохозяйственных товаров из России (после хлеба, льна и леса). Стоимость вывезенного из Сибири за границу масла в 1.5 раза превышала стоимость всех ввозимых в Россию сельскохозяйственных машин и орудий. Часть масла шла на внутренние рынки в Европейскую Россию и на Восток. В 1913 г. было отправлено масла из Сибири:⁴⁵

В порты (за границу)	4448.7 тыс. пуд., или	74.1%
На станции Европейской России	997.3 « « «	16.6
На станции местного сообщения	278.7 « « «	4.6
На восток	215.9 « « «	3.6
На Кавказ	58.0 « « «	1.0
В Среднюю Азию	7.9 « « «	0.1

Итого 6006.5 тыс. пуд.

⁴² ЦГИА, ф. 23, оп. 9, д. 261, л. 155.

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 264.

⁴⁴ Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством... стр. 110—111.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 391, оп. 6, 1916, д. 162, л. 320 (данные Особого совещания по продовольственному делу).

В среднем из Сибири в Европейскую Россию вывозилось около 500 тыс. пуд. масла, т. е. столько же, сколько последняя вывозила за границу. Накануне первой мировой войны Сибирь по вывозу масла заняла ведущее место на международном рынке, успешно конкурируя с Данией, занимавшей первое место. Большая часть сибирского масла шла в Англию, затем в Германию, Данию, Францию, Голландию. Из Дании и Голландии хорошо отработанное сибирское масло, обладавшее к тому же более высокими вкусовыми качествами, часто вывозилось уже под маркой этих стран или шло на «сдабривание» их собственного масла. Русский консул в Штеттине доносил в Министерство торговли и промышленности 5 декабря 1911 г. о том, что сибирское масло, ввозимое в Германию, в чистом виде до покупателя почти не доходит, а идет на «сдабривание» местных германских масел или прибывает в «подправленном» виде из Голландии и Дании.⁴⁶

В производстве масла быстро возрастала роль кооперации. Артели, входившие в «Союз сибирских маслодельных артелей», в 1914 г. объединяли около 250 тыс. домохозяев. Рост артельных маслозаводов значительно обгонял рост частных заводов. Особенно это было заметно в Тобольской губернии, где артельные заводы составляли более $\frac{2}{3}$ всех маслозаводов, а количество частных заводов после 1902—1904 гг. стало уменьшаться. Значительно меньший удельный вес занимали артельные маслозаводы в Акмолинской области и в Томской губернии. В целом по Сибири в 1914 г. артельные маслозаводы составляли 52% всех заводов.⁴⁷ Победа кооперативного маслоделия объяснялась не только тем, что оно было основано на более крупном капитале, чем большинство мелких частных заводов, но и соединением в «Союзе» двух типов кооперации: производственной кооперации (маслодельных артелей) и потребительских кооперативов. Такое объединение было выдвинуто развитием хозяйственной жизни Сибири, где недостаточно была развита капиталистическая торговля. В 1907 г. в состав «Союза сибирских маслодельных артелей» входила одна потребительская лавка, а к 1915 г. — 681. Объединение маслодельных и потребительских кооперативов давало значительные преимущества кооперации. Члены артели освобождались от задолженности торговцам, а потребительская лавка, продавая товары под сданное молоко, имела гарантированный кредит, что ставило ее в лучшие условия по сравнению с частными торговцами.

В Восточной Сибири также происходило объединение маслодельных и потребительских кооперативов, но в меньших размерах, потому что здесь, как и на Дальнем Востоке, маслодельных артелей было немного, а в основном создавались потребительские и кредитные кооперативы. В истории развития потребительских и кредитных коопераций 1906—1914 гг. были также периодом расцвета. В 1913 г. в Сибири было 606 потребительских обществ и более 1000 кредитных коопераций. Наибольшее развитие потребительской кооперации наблюдалось в Тобольской губернии и Забайкальской области. В 1910—1913 гг. создаются районные (обычно в масштабе уезда) и губернские союзы кооперативов.

Зарождение кооперации было проявлением капиталистических отношений. При этом кооперативный капитал выступал как объединенный, крупный, капитал подобно акционерному капиталу. Эту экономическую сущность не меняла более демократическая форма объединения капиталов

⁴⁶ Там же, ф. 23, оп. 9, д. 225, лл. 40, 149—152; Сол Н.-о л. в. Маслодельне в Сибири. «Жизнь Сибири», Новониколаевск, 1922, № 1, стр. 63.

⁴⁷ А. Сер е ж н и к о в. Контъюнктура международного молочного рынка и перспективы дальнейшего его развития. Сб. «Масляное хозяйство Сибири», Новониколаевск, 1925, стр. 54.

в кооперации, носящей массовый характер. В. И. Ленин писал: «Известно, как носятся с товариществами мелких земледельцев идеологи мещанства вообще и российские народники в частности... Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они переход к капитализму..., а вовсе не к коллективизму, как часто думают и утверждают».⁴⁸ В. И. Ленин указывал, что само стремление к организации товариществ выражает превосходство крупного производства над мелким, потому что «товарищеское производство есть крупное производство».⁴⁹ И организация товариществ не ослабляет, а усиливает превосходство крупного производства над мелким в сельском хозяйстве, так как «крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью».⁵⁰

В сибирских кооперативах руководство принадлежало зажиточным крестьянам, которые имели больше посевов и больше получали дохода. Маслодельные и потребительские кооперации вступали в ожесточенную борьбу с представителями частного капитала — владельцами маслозаводов и торговцами. В 1913 г. в Курганском и Омском биржевых комитетах купцы призывали объявить решительную борьбу кооперативам. Но борьба против кооперативов была не борьбой против капитализма, а капиталистической конкуренцией. Объединение кооперативов в союзы показывало, что в кооперативном движении наблюдалось стремление к концентрации капиталов. Данные о составе сибирских кооперативов подтверждают ленинское положение о том, что в кооперативы объединялись в основном зажиточные хозяева. В 1906—1907 гг. в молочных артелях было 8.2% хозяйств с одной коровой, 36.7% — с двумя коровами и 55.1% — с четырьмя и более. Зажиточные артельщики составляли около 60% всех членов кооперации, т. е. фактически артели были в руках кулачества.⁵¹

В маслоделии в эти годы усилились позиции иностранного капитала. В 1906—1914 гг. в результате острой конкурентной борьбы английских и немецких компаний с датскими было подорвано монопольное положение датского капитала. В 1907 г. правление «Союза сибирских маслодельных артелей» заключило секретный (прежде всего от своих членов) договор с английской фирмой Лонсдейля, по которому эта фирма захватила весь сбыт «Союза». Однако это соглашение было слишком невыгодным, и в 1912 г. «Союз» расторг его и заключил другое соглашение в Лондоне с фирмой братьев Натан на паритетных началах.

Активизировался и немецкий капитал. Не имея, за небольшим исключением, в Сибири своих крупных фирм, германские капиталисты широко кредитовали крупных сибирских торговцев, работающих из комиссионных, или проводили кредитные операции через русские коммерческие банки. Германия заняла второе место среди стран, ввозивших сибирское масло.

Вывоз масла из Сибири приносил многомиллионные барыши иностранным фирмам. Экспортеры получали от 2 до 2.5 руб. прибыли за пуд масла, что при вывозе в среднем 4 млн пуд. масла давало 8—10 млн руб. дохода в год. Дополнительные прибыли выкачивались при посредстве системы кредитования крестьян промышленными товарами по повышенным ценам.

Накануне первой мировой войны в конкурентную борьбу за захват экспорта масла и других сельскохозяйственных продуктов из Сибири

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 112.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1952, стр. 527.

вступил американский капитал. В 1912 г. в США были резко снижены пошлины на ввозимое сельскохозяйственное сырье. Сан-францисская газета «Таймс» сообщала, что это снижение пошлин преследовало главным образом цель вывоза сельскохозяйственного сырья из Сибири. Ряд американских фирм, в том числе крупнейшая монополия «Свифт и К^о», закупал пробные партии масла и мяса, производил разведку сибирского рынка для будущих экспансий. Американские фирмы очень высоко оценили сибирское масло и мясо.

По данным о железнодорожных перевозках, в 1916 г. было перевезено во Владивосток 120 тыс. пуд. масла.⁵²

Иностранные монополии стремились захватить в свои руки экспорт других сельскохозяйственных товаров из Сибири. Английская компания «Юнион» построила в 1908 г. в Кургане первый в Сибири огромный холодильный склад вместимостью в 350—400 вагонов, стоимость постройки обошлась в 1 млн руб. В 1911 г. склад принял одного масла 50 тыс. пуд. и большое количество других продуктов. В следующем году Сибирско-английский синдикат, созданный в Лондоне, заключил договор с «Приуральским союзом артелей» на поставку ежегодно не менее 15 тыс. бочек масла, миллиона штук дичи и домашней птицы, 3 млн яиц, 100 тыс. свиных туш и т. д. Английские, немецкие и датские фирмы вывозили из Сибири в большом количестве масло, мясо, яйца, бекон, птицу. В 1913 г. экспорт сельскохозяйственных продуктов из Сибири составлял 148 млн руб., масла вывозилось на 60 млн, пушнины — на 28 млн, пшеницы — на 21.4 млн, мяса — на 10.5 млн, рыбы — на 1.4 млн руб. и т. д. Вывоз яиц достигал 360—370 тыс. пуд. в год.

Вывоз сельскохозяйственных продуктов шел в основном через западные границы. Торговля со странами Востока была сравнительно невелика. В 1906—1912 гг. уменьшился ввоз и особенно вывоз товаров через Кяхту.

Среди предметов вывоза через Сибирь первое место в 1911 г. занимали юфть (тюменская и чикойская), крупчатка, сахар, мануфактура и табак, а ввозились чай, скот, шерсть и шкуры.

Азиатская граница приобретала перед войной все большее значение для России, особенно в торговле сахаром и мануфактурой. Вывоз этих товаров, по данным Министерства торговли и промышленности, характеризовался следующими цифрами (в млн. руб.):⁵³

	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Сахар через европейскую границу	48.3	36.4	6.2
Сахар через азиатскую границу	18.0	20.3	20.5
Бумажные ткани через европейскую границу	2.1	2.0	2.6
Бумажные ткани через азиатскую границу	30.0	35.7	40.9

В 1913 г. восточные рынки стали основными для сахара и мануфактуры. Но вывоз других товаров сокращался. Так, в 1906 г. было вывезено в Монголию через Кяхту фабрично-заводских и ремесленных изделий (без мануфактуры) на 1487 тыс. руб., а в 1910 г. — на 365 тыс. руб.

Увеличивался ввоз сельскохозяйственных товаров на Дальний Восток из Сибири и Маньчжурии. Кроме хлеба, значительное место занимал ввоз скота и мяса. В Амурскую область в 1909—1911 гг. ввозилось ежегодно на 5 млн руб. монгольского скота. В 1908 г. в Приморскую область, где своего скота было 400 тыс. голов, завезли из Амурской области, Ки-

⁵² А. Шиша. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Ново-николаевск, 1923, стр. 39.

⁵³ ЦГИА, ф. 23, оп. 9, 1913, д. 719, лл. 471—471 об.

тая и Кореи 70 тыс. голов. Во Владивосток на рефрижераторных пароходах доставлялось австралийское и американское мясо (до 500 тыс. пуд. в год). Из предметов вывоза все большее значение на Дальнем Востоке приобретали лес и рыба. В 1910 г. было вывезено 400 тыс. пуд. леса, а в 1913 г. — 1098 тыс. пуд.⁵⁴

Торговые связи Сибири с Японией оставались незначительными даже для Дальнего Востока. Японский капитал занимал здесь ключевые позиции только в рыбных промыслах. После Портсмутского договора 1905 г. японские рыбопромышленники получили ряд выгодных концессий. Приамурский генерал-губернатор в своем отчете за 1911 г. писал, что японские контрабандисты проникают на побережье Охотского моря, выменивая на спирт у местного населения пушнину и хищнически истребляя ценного зверя, особенно на Шантарских островах. Отдельные партии японцев проникали на материк и занимались хищнической промывкой золота. «Не говоря уже об отдаленных местностях, — указывается в отчете, — даже вблизи Николаевска наблюдаются такие явления, как, например, открытая лесным надзором в 1910 г. на побережье лимана японская лесопилка в нашем казенном лесу».⁵⁵

Таким образом, иностранный капитал всеми возможными законными и незаконными путями проникал в Сибирь, захватывал вывоз наиболее ценного сельскохозяйственного сырья, наживая огромные барыши.

Быстрое и глубокое развитие капитализма в сибирской деревне в эпоху столыпинщины проявлялось не только в росте сельскохозяйственного производства и проникновении крупного русского и иностранного капитала, но и в неуклонном увеличении применения сельскохозяйственных машин и орудий. Капитализм вызвал этот рост, а применение машин в свою очередь способствовало развитию капиталистических отношений. Рост потребления сельскохозяйственных машин и орудий в Сибири шел значительно быстрее, чем в целом по России (табл. 13).

ТАБЛИЦА 13

	Общее потребление сельскохозяйственных машин в России		Ввоз сельскохозяйственных машин в Сибирь по железной дороге ¹	
	в тыс. руб.	в % к 1900 г.	в тыс. тонн	в % к 1900 г.
1900 г. . .	27900	100.0	4.6	100.0
1911 г. . .	108187	387.0	53.7	1193.0
1913 г. . .	109186	391.0	73.5	1633.0

Если в России за 1900—1913 гг. потребление сельскохозяйственных машин увеличилось в 4 раза (на 391%), то в Сибири — в 16 раз (на 1633%). В среднем в 1910—1913 гг. в Сибири продавалось машин на 20.7 млн руб., или 17—18% всего потребления Россией, в то время как посевные площади ее составляли 8% общероссийских.

По-прежнему большая часть машин поступала из-за границы. Даже Переселенческое управление закупало машины в Америке. Царское правительство относилось отрицательно к этим заказам за границей, считая, что казенные заказы должны производиться на отечественных заводах. 2 февраля 1906 г. циркуляром председателя Совета министров (со ссылкой на «высочайшее повеление» Николая II) было приказано,

⁵⁴ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 843-а, л. 29.

⁵⁵ Там же, ф. 701, оп. 1, д. 712, л. 56.

чтобы «правительственные учреждения не производили никаких заграничных заказов без крайней в том необходимости и удовлетворяли свои потребности по возможности предметами отечественного производства, не основываясь на сравнительной выгоде приобретения предметов за границей».⁵⁶ Ссылаясь на этот циркуляр, министр торговли и промышленности и Государственный банк осенью 1906 г. потребовали от Переселенческого управления закупать русские сельскохозяйственные машины. Министр писал, что заказ за границу совершенно «не учитывает нужды отечественного машиностроения и исходит лишь из интересов переселенцев — дать им более дешевые орудия».⁵⁷ Сибирское отделение Государственного банка стало отказывать складам Переселенческого управления в кредите для закупки американских машин. Возник своеобразный кризис. Главноуправляющий землеустройством и переселением, признавая заказы за границу «анормальным явлением» и обещая принять меры к их прекращению в будущем, все же просил министра торговли и промышленности разрешить пока эти заказы, объясняя их тем, что русские машины «дороже и хуже качеством».⁵⁸

Была создана особая комиссия из представителей разных министерств для выяснения возможности сокращения покупки иностранных машин. Комиссия пришла к выводу, что нельзя возложить на сибирских крестьян задачу поддержки отечественного машиностроения, так как это для них непосильно. Выяснилось, что главная причина невозможности перехода на заказы у русских заводов состояла не в относительной дешевизне американских товаров (например, завод Гривеза мог давать жатки почти по такой же цене, как американские фирмы), а в том, что русские фирмы не располагали достаточными капиталами и были не в состоянии кредитовать сельскохозяйственные склады. Комиссия подсчитала, что для продажи русских машин на таких же условиях, какие предлагали американские фирмы, надо было увеличить оборотные средства складов на 1,5 млн руб. Таких средств выделено не было, поэтому казенные склады освободились только от части иностранных заказов (на плуги Сакка, молотилки, сеялки), а уборочные машины продолжали поступать из Америки.

Казенные склады оказались в зависимости от американской компании жатвенных машин, имея от нее огромный кредит и поэтому постоянно находясь у нее в долгу. Даже те жатки, которые продавались казенными складами переселенцам за наличные средства, склады не могли заказать на русских заводах, так как американцы не соглашались уступить часть заказа, а склады не могли отказаться от всего заказа. Таким образом, иностранный капитал задерживал развитие отечественного машиностроения. Большинство крупных заводов было основано иностранным капиталом. Иностранные монополии вместе с русской буржуазией, которой перепала часть барышей, усиливали эксплуатацию сибирского крестьянства. Русские капиталисты не могли конкурировать с более мощными и технически более совершенными американскими заводами, хозяева которых имели свободные капиталы.

В период проведения столыпинской аграрной реформы резко усиливается классовое расслоение крестьянства по всей стране. В Сибири этот процесс, пожалуй, проходил еще быстрее. Кроме общих причин — роста капитализма вглубь и вширь, развития монополистических тенденций, влияния крупного российского и иностранного капитала, создания хуторских хозяйств, ускорявших дифференциацию крестьянства в Сибири, действовал и такой фактор, как переселение. Сотни тысяч переселенцев сразу

⁵⁶ ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 714, лл. 5—9.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, лл. 10—11 об.

увеличили бедняцкую прослойку сибирской деревни. Одних неприписных переселенцев насчитывалось более 700 тыс. чел., а это были хозяйства, совсем не наделенные землей.

О глубине разложения крестьянства в этот период можно судить по наиболее массовым сведениям военно-конских переписей и данным обследования переселенческих хозяйств в 1911—1915 гг. Перепись переселенческих поселков, охватившая 53 тыс. хозяйств, позволяет выделить различные социальные группы по величине посева (табл. 14).⁵⁹

ТАБЛИЦА 14

Посевные группы	Число хозяйств		У них посева		Число лошадей	
	абс.	в % к итогу	в дес.	в % к итогу	абс.	в % к итогу
Беспосевные и сеющие до 3 дес.	14408	49.4	25156	16.7	18380	27
С посевом от 3 до 9 дес.	10569	36.2	58981	39.2	27445	40.3
С посевом свыше 9 дес.	4187	14.4	66043	44.1	22218	32.7
Итого	29164	100.0	150180	100.0	68043	100.0

Классовое расслоение среди переселенцев в 1911—1912 гг. значительно отличается от расслоения крестьянства Барнаульской волости, обследованного в 1905 г. Дифференциация среди переселенцев более резкая: группа бедняков составляет половину всех хозяйств, а кулацкая группа — только одну седьмую часть. Распределение же посева между этими группами обратно пропорционально — у бедняков доля посева в 2.5 раза меньше, чем у кулаков. Неравномерным было и распределение лошадей: на каждое бедняцкое хозяйство приходилось по 1.2 лошади, а у кулаков — по 5.3 лошади.

О значительном классовом расслоении всего сибирского крестьянства свидетельствуют и данные военно-конской переписи 1912 г. Правда, безлошадных хозяйств в Сибири и на Дальнем Востоке было в 3 раза меньше, чем в Европейской России (соответственно — 9.5 и 31.5%), но в Сибири было 20% однолошадных хозяйств. В основном обе группы (безлошадные и однолошадные) относились к бедняцким дворам. На другом полюсе выделялась зажиточная группа хозяйств, имевших 5 и более лошадей, в нее входило 35% дворов. Эти данные можно сопоставить со сведениями Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. К моменту переписи безлошадных хозяйств было уже около 13%, т. е. процесс расслоения развивался довольно быстро, часть крестьянства выбрасывалась в ряды пролетариата. «Безлошадный крестьянин, — писал В. И. Ленин, это — такой, который стал уже совсем неимущим. Это — пролетарий... Это — родной брат городского рабочего».⁶⁰ В различных районах Сибири классовое расслоение в период столыпинщины развивалось неодинаково: наиболее быстро проходил этот процесс в Западной Сибири, куда шла основная масса переселенцев, медленнее — на Дальнем Востоке. Но и на Дальнем Востоке около 40% крестьян имели посева менее 4 десятин на двор.⁶¹ Это были, безусловно, бедняцкие хозяйства. Но прослойка зажиточных хозяйств была здесь шире, чем в целом по Сибири: почти 40% дворов имели свыше 10 десятин посева.⁶²

⁵⁹ «Материалы комиссии В. К. Кузнецова», вып. I, прил. VIII.

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155.

⁶¹ «Труды Амурской экспедиции», вып. 2, т. I, ч. I, СПб., 1912, стр. 1086.

⁶² Там же.

Наличие в Сибири большой прослойки беспосевных и малопосевных хозяйств, безлошадных и однолошадных дворов показывает, что здесь не было общей высокой зажиточности крестьянства. Сравнительно большая обеспеченность сибирского крестьянства возникла за счет зажиточности кулацкой верхушки и дальнейшего разорения бедняцкой группы. Сибирское кулачество было более мощным, чем кулачество в центре страны. Так, в 1912 г. в Сибири было 50% хозяйств, имевших 4 и более лошадей, а в европейской части страны — только 10%. В Сибири было 5% хозяйств, каждое из которых имело 10 и более лошадей. Это были крупно-

Улица в старожильческой деревне Чамы Иркутской губернии.
(Азиатская Россия, т. 1. СПб., 1914).

кулацкие хозяйства, часто по своим размерам не уступавшие помещичьим хозяйствам.

В хозяйствах крупных землевладельцев типа Панфиловых, Зверевых, Смолиных в Тюменском и Курганском уездах применялись искусственные удобрения, машинная техника, практиковались правильные севообороты. Они использовали данные, полученные опытным путем губернской агрономической организацией, обществами сельского хозяйства и опытными станциями. В имении Л. Д. Смолина была, например, создана первая в Сибири селекционная станция, руководимая крупным сибирским ученым Н. Л. Скалозубовым. В 1913 г. на станции в испытаниях находилось более 700 образцов пшеницы и овса, различные сорта сорго, кукурузы, гороха, чумизы, картофеля, сахарной свеклы. Станция имела большое значение для повышения культуры сельского хозяйства в Сибири. Но результатами таких работ могли воспользоваться только крупнокулацкие хозяйства, имевшие достаточные средства. Акмолинский губернатор в отчете за 1913 г., указав, что около 290 тыс. десятин посевной площади приходится в области на долю казаков, частных владельцев-собственников и арендаторов казачьих земель, отмечал, что большая часть их хозяйств

«поставлена образцово и служит хорошим примером. Прекрасно обработанные поля, высокий подбор семян, посевная площадь в тысячу и более десятин пшеницы — явление, уже нередкое среди таких хозяйств».⁶³

В период столыпинской аграрной реформы число крупных хозяйств в Сибири возросло. Рост внутреннего рынка, особенно рынка наемной рабочей силы в результате переселения, повышение спроса на сельскохозяйственное сырье в России, выделение хуторов и другие факторы, о которых говорилось выше, способствовали развитию капиталистических хозяйств. Кулаки захватывали огромные участки, арендовали казенно-оборочные статьи и запасные участки на землях казны и Кабинета и покупали казенные, кабинетские и частные земли. Например, в Тобольской губернии крестьянин Ф. Луценко купил 1140 десятин, крестьяне Мазаевы и Кузнецовы — 11 395, кулак В. Евсеев — 1140, А. Гаев — 540, Ефим и Михаил Бобров — 1202, крестьяне Толстокулаковы, О. Лопатка и Д. Коваль — 2500 десятин, и т. д. Покупали землю и представители городской буржуазии. Так, курганский купец И. Меньшиков купил 3700 десятин, купец Панфилов и его жена — 1870 десятин. В Омском уезде Акмолинской области кулак Грязнов, имея 1332 десятины, купил еще 1525 десятин, кулак Подковыров купил 1205 десятин в 1907 г. и 1691 десятину в 1908 г.⁶⁴ Среди казаков этого уезда 40 хозяев имели от 500 до 1000 десятин и 25 — свыше 1000 десятин.⁶⁵ Из числа арендаторов земли в Омском уезде 86 чел. имели более 1000 десятин, а 121 чел. — от 300 до 1000 десятин каждый.⁶⁶ На всех этих землях велось крупное капиталистическое хозяйство.

Такие хозяйства были и в других губерниях Сибири и Дальнего Востока. Например, в Томской губернии только среди арендаторов казенной оборочной статьи «Калтайская дача» Томского уезда 107 хозяев имели большие участки, использовали наемный труд и практиковали плодосменный севооборот с удобрением полей. В Енисейской губернии, в Канском уезде, крестьяне Блиновы захватили 3 тыс. десятин земли и вели крупное хозяйство. Выборочное обследование в Восточном Забайкалье показало, что из 2 тыс. обследованных дворов 260 хозяйств (или 13,6%) имели свыше 50 голов крупного рогатого скота, из них 48 хозяйств — более 100 голов каждое.⁶⁷

В станице Дуроевской Забайкальской области кулак Родионов имел 12 тыс. десятин земли, а кулак Шестаков в станице Второй Чиндантинской имел 5 тыс. голов крупного рогатого скота, 6 тыс. лошадей и 15 тыс. овец, всего 26 тыс. голов скота.

В Амурской области 993 хозяйства имели посев свыше 50 десятин, из них 282 хозяйства — свыше 80 десятин каждое.⁶⁸

Таким образом, крупные капиталистические хозяйства в период проведения столыпинской аграрной реформы насчитывались сотнями в каждой губернии и области Сибири.

Большинство таких крупных хозяйств, где основными занятиями были земледелие и скотоводство, заводило собственные паровые мельницы, маслобойки, кирпичные, мыловаренные и другие заводы, занималось торговлей, нанимало большое число рабочих.

Капиталистические хозяйства, сосредоточив в своих руках большую часть посева и скота, наживались на нещадной эксплуатации крестьян-

⁶³ ЦГИА, ф. 391, оп. 5, 1914, д. 1097, л. 26.

⁶⁴ Там же, д. 744, лл. 3—10, 36—67.

⁶⁵ Там же, лл. 12—16.

⁶⁶ А. М. Касьян. Колхозное строительство в омской деревне. М., 1956, стр. 14.

⁶⁷ ГАЧО, ф. 19, оп. 1, д. 290, лл. 16—17.

⁶⁸ «Труды Амурской экспедиции», вып. 2, т. I, ч. I, стр. 1086.

бедняков и батраков, особенно из числа переселенцев. Капиталистический наем батраков принял очень широкие размеры. По подсчетам советских исследователей, в сельском хозяйстве Сибири насчитывалось к 1917 г. около 300 тыс. наемных работников. Но спрос на рабочие руки, как показали все обследования, был выше предложения. Формировались два класса-антагониста: сельская буржуазия и сельский пролетариат.

Следовательно, в сельском хозяйстве Сибири в 1906—1914 гг. интенсивно развивались капиталистические отношения, быстро росло торговое земледелие и скотоводство, активно проходил процесс классового расслоения крестьянства. Капитализм захватывал все более глубокие слои сибирской деревни, втягивал их в общее русло шествия капитала. К Сибири несомненно можно отнести следующее замечание В. И. Ленина о развитии степных окраин дореволюционной России: «Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают нам, какие отношения могли бы и должны бы были развиться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма».⁶⁹

В Сибири крестьянско-буржуазная эволюция тормозилась факторами, связанными с пережитками феодализма и консервативной политикой царизма. Развитие капитализма неизбежно требовало революционной ломки этих препятствий и прежде всего их оплота — помещичье-буржуазного строя.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ (1907—1910 гг.)

Я. М. Свердлов в работе «Массовая ссылка (1906—1916 гг.)» писал: «Если до 1905—1906 гг. в ссылку шли единицы, представители массы, выдвинувшиеся из нее, то с того времени пошла сама масса».⁷⁰

К концу 1907 г. в тюрьмах России находилось около 100 тыс. политических заключенных и почти столько же было политических ссыльных. Из них в Сибирь, по данным департамента полиции, было сослано 74 275 чел.

В Сибири ссыльные были разбросаны по всей огромной территории, по отдельным селам и становьям. Большинство из них царские власти селили в отдаленных районах, где легче было воспрепятствовать их побегам и где они не могли оказать широкого воздействия на местное население. Так возникли своеобразные поселения ссыльных: Нарымская, Туруханская, Енисейская, Ангарская, Якутская ссылки.

На составе ссыльных отражались различные политические направления, существовавшие в России: социал-демократы — большевики и меньшевики, члены социал-демократии Польши и Литвы (СДКПиЛ), Латышской СДРП, бундовцы, социалисты-революционеры, представители правого («правица») и левого («левица») крыла Польской партии социалистов (ППС), члены Белорусской социалистической громады, Грузинской социалистической федерации, анархисты и др. Значительное количество ссыльных составляли беспартийные участники массового революционного движения: рабочие, крестьяне, солдаты, казаки, матросы, служащие. Идейная борьба, происходившая между разными политическими течениями, переносилась в каторжные и пересыльные тюрьмы, в колонии ссыльных. Когда же, находясь на поселении, политические ссыльные включались здесь в освободительное движение, разногласия между ними не ограничивались спорами по идейно-теоретическим вопросам. Возникали расхожде-

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 256.

⁷⁰ Я. М. Свердлов, Избранные произведения, т. I, стр. 66—67.

ния в области тактики, практической деятельности по вопросам о соотношении легальной и нелегальной работы, об отношении к индивидуальному террору, анархическому бунтарству, об участии в выборах в Государственную думу и пр. Внутренние разногласия в среде политических ссыльных не исключали их совместных выступлений во время протестов против произвола царских властей, противодействия им, при политических демонстрациях, забастовках, организации побегов, устройстве артелей и пр. В таких выступлениях выражалась борьба против общего врага — самодержавия.

В период реакции в сибирскую ссылку попали выдающиеся организаторы, пропагандисты и агитаторы-большевики: Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Ф. Э. Дзержинский, П. П. Постышев, И. Ф. Дубровинский, один из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Москве В. А. Шанцер (Марат), его боевые товарищи по восстанию и многие другие. На каторге находились участники восстания в Польше, Прибалтике, в центре России, на Украине, Кавказе, в Сибири, участники восстания в Ростовском полку: А. Годун, И. Минаев, С. Топалин, С. Ильинский и др., совершившие в 1908 г. смелую попытку побега из Александровского централа (побег двадцати). Энергичную работу проделал за короткий срок Я. М. Свердлов, прибывший весной 1910 г. в Нарымский край. Он ездил по колониям ссыльных, не считаясь с запретом полиции, читал лекции, проводил дискуссии, стремился объединить разрозненные группы ссыльных большевиков. Он вселял в ссыльных уверенность в близости нового революционного подъема, разъяснял ленинские идеи, заражал всех своим оптимизмом и бодростью. Ему удалось положить начало подпольной большевистской организации Нарымского края. В июле 1910 г. Я. М. Свердлов совершил побег.

Работу по консолидации сил большевиков, по установлению более тесных связей между ссыльными Нарымского края продолжил В. В. Куйбышев, сосланный сюда в августе 1910 г. за активную революционную деятельность в Сибири. С первых же дней ссылки он активно включился в политическую и культурно-просветительную работу среди ссыльных, в числе которых насчитывалось много рабочих, прибывших из разных городов России. Многие из них были недостаточно сведущи в области теории, поэтому была устроена школа для ссыльных. Доклад о программе школы сделал В. М. Косарев, который до ссылки был в партийной школе в Лонжюмо под Парижем и слушал там лекции В. И. Ленина. В программу школы для ссыльных были включены политическая экономия, история партии большевиков, профессиональное движение, история России, история русской литературы. По этим предметам читались лекции. Очень часто лектором был В. В. Куйбышев. Он также охотно выступал на собраниях ссыльных по вопросам программы и тактики партии и проводил ежедневно занятия в 2—3 кружках.

Многие прошли через Туруханскую ссылку на севере Енисейской губернии. Я. М. Свердлов так описывал этот далекий край: «Населен крайне редко. По Енисею живут преимущественно крестьяне. Деревни (по местному они зовутся «станками») их отстоят одна от другой на 20—40 верст. В верховьях края встречаются селения и в 25—30 домов, но ниже центра с. Монастырского (1000 верст от Енисейска) обычным их типом является поселок из 2—5 домов... Край несомненно имеет будущее. Пока же он представляет собою отчаяннейшую глушь с первобытным, темным, полным суеверия населением. Если последнее несколько прогрессировало за последние годы, то оно обязано этим главным образом политическим ссыльным».⁷¹

⁷¹ Там же, стр. 46, 48.

В Туруханской ссылке в годы реакции было около 500 политических ссыльных.

В 1909 г. в Енисейской губернии в Приангарском крае отбывал ссылку Серго Орджоникидзе. Вместе с другими ссыльными он организовал «Союз политических ссыльных на Ангаре». Этот «Союз» объединял ряд районных бюро: Рыбное, Богучанское, Кежемское, Пинчугское и Чадобское, а каждое районное бюро объединяло ряд подрайонов, образованных из нескольких близрасположенных станков, руководимых подрайонными бюро. Два раза в год собирались нелегально делегатские съезды, на которых избиралось Центральное Бюро «Союза политических ссыльных». «Союз» выписывал нелегальную литературу и газеты левого направления, составлял библиотеки, устраивал лекции, оказывал материальную и медицинскую помощь. «Союз» создал школы агитаторов, пропагандистов и организаторов, чтобы ссыльные возвращались на места хорошо подготовленными партийными работниками. При «Союзе» было создано бюро помощи ссыльным — особая группа по устройству побегов политических ссыльных, снабжавшая их деньгами, явками, паспортами. Это бюро имело связь с организацией в Красноярске. Енисейское губернское управление доносило в департамент полиции, что «хотя союз этот и считается беспартийным, но преобладающий в нем элемент социал-демократический и фактически он социал-демократический».⁷²

Серго Орджоникидзе читал лекции по политической экономии, вел работу в кружках ссыльных и одновременно готовился к побегу. В августе 1909 г. он бежал из ссылки на станцию Тайшет, а оттуда через Челябинск в Баку. Но с его отъездом работа «Союза» не прекратилась.

По примеру этого «Союза» возник «Союз политических ссыльных» в Бельской, Анциферовской и Яланской волостях Енисейского уезда. На съезде членов этого союза весной 1909 г. было избрано Центральное бюро из 3 лиц. Он проводил такую же деятельность, как и «Союз ссыльных» на Ангаре. Затем, уже в конце 1909 г., возник «Союз ссыльных» Канского уезда с центром в с. Тасеево, проводивший активную работу.

В августе в с. Тасеево Канского уезда Енисейской губернии был послан «на вечное поселение» один из ближайших соратников В. И. Ленина, стойкий революционер Ф. Э. Дзержинский. Но он пробыл в ссылке только 7 дней, а на 8-й день бежал.

В годы реакции политические ссыльные часто устраивали кооперативные артели. В Енисейском уезде Енисейской губернии были созданы столярные, кузнечные, слесарные, жестяные и плотничьи кооперативы ссыльных, которые обслуживали не только ссылку, но и брали заказы от населения. Политические ссыльные нередко участвовали в создании крестьянских потребительских кооперативов.

Впоследствии, уже после Октябрьской социалистической революции, в приветствии Енисейского (Красноярского) губкома РКП(б) Правлению «Союза кооперативов» указывалось, что «Енисейский губернский союз кооперативов образовался в силу энергичных действий со стороны той ссылки, которая тогда была в губернии. Эта ссылка, будучи оторвана от общей политической жизни страны, толкнула быстро вперед развитие организации».⁷³

В Иркутской губернии ссыльные большевики вели работу среди шахтеров Черемховских копей. Они распространяли нелегальную литературу, вели широкую пропаганду и агитацию, организовывали кружки, собрания, руководили стачками.

Политические ссыльные оказали плодотворное влияние на революционное движение в Сибири.

⁷² ГАКК, ф. 827, оп. 1, л. 128.

⁷³ Там же, ф. 127, оп. 1, л. 72, л. 7.

Реакция усиливала свое наступление. Совершенно невыносимые условия создавались в каторжных тюрьмах. Запрещались некоторые «вольности», которых политические каторжане добились во время революции 1905—1907 гг., на заключенных обрушивались репрессии. Побой, истязания розгами, оскорбления, заключение в холодный и темный карцер получили особенное распространение на Нерчинской каторге. Все это вызывало протесты политических каторжан. Они выражались в отказах выполнять распоряжения начальства, неповиновении ему, голодовках, обструкциях, своего рода демонстрациях.

В 1907 г. объявили голодовку политические заключенные Алгачинской тюрьмы, протестовавшие против избиений каторжан, издевательств над ними. В марте 1908 г. началась общая голодовка политических каторжан Акатуй. Они требовали вежливого обращения с заключенными, освобождения арестованных из карцера, увеличения продолжительности прогулок, улучшения качества пищи, возвращения отобранных тюремщиками письменных принадлежностей.

Широкую известность получили трагические события, происшедшие в ноябре 1910 г. в Зерентуйской каторжной тюрьме.

Поводом к выступлению политических каторжан в Зерентуе послужило назначение начальником тюрьмы Высотского, уже известного зверским обращением с арестантами в Пермской губернии. Высотский грубо обращался с каторжанами, заключал их в карцер, подвергал другим наказаниям. Начались избиения заключенных. В ответ на это 83 чел. объявили голодовку. Между тем начальник тюрьмы продолжал репрессии.

28 ноября были подвергнуты истязанию розгами М. Сломянский и Ф. Петров, который после этого покушался на самоубийство. В знак протеста против новых издевательств четверо заключенных приняли яд и вскрыли себе вены. Трое из них остались живы, четвертый — социалист-революционер Е. С. Сазонов, осужденный на вечную каторгу за покушение на министра внутренних дел Плеве, — умер.

Чтобы разъединить протестантов, часть из них была переведена в Кутомарскую, Алгачинскую и Кадаинскую тюрьмы. Однако протесты не прекратились. 27 декабря 1910 г. началась голодовка, продолжавшаяся 15 суток. Выступления политических каторжан Нерчинской каторги продолжались вплоть до 1913 г.

Протестанты боролись за сохранение достоинства революционеров, выступали против усиливавшихся репрессий, которые имели своей конечной целью истребление революционных борцов. Вместе с тем их выступления приобретали характер политических демонстраций, борьбы против самодержавного режима. Эти протесты объединяли заключенных разных политических направлений. Известия о выступлениях каторжан проникали далеко за пределы тюрем, начались политические отклики в России и за границей. В 1908—1910 гг. социал-демократическая фракция Государственной думы не раз вносила запросы-протесты против истязаний политических заключенных. Благодаря этим запросам события, происходившие в каторжных тюрьмах, получали широкую огласку. Происходили забастовки и демонстрации протеста рабочих и студентов.

Годы реакции показали действительное отношение различных партий и общественных групп к революционному движению. Случайные попутчики освободительного движения, заявлявшие о сочувствии ему, «сменили вехи», отвернулись от «вольных мыслей» в сторону обывательских суждений и действий. В то же время происходило собирание революционных сил, шла их мобилизация на борьбу против самодержавия.

В сложной обстановке протекала работа сибирских организаций РСДРП. После карательных экспедиций были восстановлены почти все партийные комитеты, существовавшие в Сибири во время революции.

Но затем последовали новые аресты, значительная часть этих комитетов была ликвидирована.

Несколько раз жандармы пытались ликвидировать Красноярскую партийную организацию, но она возрождалась и продолжала свою работу. В 1907 г. организация насчитывала около 400 чел.

Организации социал-демократической партии в период реакции были не только в самом Красноярске, но и в Ачинске, Канске, Минусинске, Боготоле, на станциях Иланской, Заозерной и других населенных пунктах. Они вели пропаганду среди рабочих, выпускали воззвания, собирали средства для партии, занимались устройством побегов политических ссыльных, поддерживали связь с центральными партийными организациями. В «Обзоре революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год» указывалось, что красноярские социал-демократы сохраняют «правильно поставленную организацию, причем во главе ее стоит комитет, поддерживающий связи с главным центральным и областными комитетами и руководящий местными профессиональными союзами. В распоряжении названного комитета... имелись в отчетном году значительные денежные средства, оборудованная, но еще не работающая типография и достаточное количество явочных квартир».⁷⁴ В конце года жандармы провели аресты известных охранке членов комитета, но в мае 1909 г. он опять был восстановлен. Организации социал-демократической партии продолжали действовать и особенно активизировали свою работу в городах Енисейской губернии к 1910 г.

В годы реакции Красноярский комитет выполнял обязанности областного союзного комитета РСДРП, руководившего всеми организациями Сибири. В архиве Красноярского комитета за 1908 г. были обнаружены отчеты о деятельности 17 организаций и групп РСДРП: Читинской, Иркутской, Томской, Омской, Владивостокской, Курганской, Тайгинской, Благовещенской и др.⁷⁵

На V Лондонском съезде партии при решении вопроса о том, кого признать представителем Сибири — делегата от Владивостокской организации, большинство которой стояло тогда на меньшевистских позициях, или делегата от большевиков Красноярска, мандат с правом решающего голоса был выдан представителю Красноярска, одного из крупнейших пролетарских центров Сибири.

Не прекращалась активная работа и в другом крупном центре революционного движения 1905 г. — в Чите. Читинский комитет РСДРП с 1906 по 1910 г. 4 раза подвергался жандармским погромам, но он вновь возрождался и продолжал работу. Этот факт доказывает, что организации РСДРП имели тесные связи с массами и никакие провалы не могли их уничтожить полностью. К концу 1906 г. Читинский комитет РСДРП, один из самых крупных в Сибири, объединял около 600 членов партии. Организации партии сохранились почти во всех крупных населенных пунктах области. В начале 1908 г. было арестовано 63 чел. Во время обысков изъято много оружия, нелегальной литературы, прокламаций и пр. Но эти аресты не ликвидировали комитет полностью, он продолжал свою работу. В конце года организация была провалена провокаторами. Но в первые же месяцы 1909 г. рабочие Читинского железнодорожного депо созвали собрание, на котором решили вести работу своими силами и избрали комитет. Одновременно рабочие написали письмо в Центральный Комитет партии с просьбой о помощи литературой. В этом письме они писали, что с конца 1908 г. в Чите не велось никакой партийной работы, «рабочие

⁷⁴ ГАИО, ф. Прокурора Иркутской судебной палаты, оп. 1, т. 1, д. 1468, л. 139.

⁷⁵ М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафонов. Между двумя революциями. Красноярск, 1960, стр. 11.

не читали нашей литературы и не слышали речей социал-демократических ораторов. Казалось, что читинские рабочие не интересовались политической жизнью страны, ни жизнью партии, но это только казалось, а на самом деле было обратное: рабочие интересовались как политической жизнью страны, так и развитием своего рабочего дела. Необходимость в организации ощущалась громадная. И вот мы, оставшиеся на воле сознательные рабочие, образовали социал-демократическую организацию».⁷⁶

Кроме Читы, деятельность социал-демократического комитета распространялась на другие населенные пункты области. В Верхнеудинске действовала организация партии в 18 чел. Социал-демократическая пропаганда проводилась в Нерчинске и на промыслах Нерчинского горного округа Кабинета.

Не прекращала своей деятельности и Иркутская организация РСДРП, несмотря на частые аресты. В августе 1908 г. полиции удалось арестовать 25 участников партийной сходки за городом. На месте сходки было обнаружено 600 экземпляров прокламаций «Черный праздник», выпущенной Иркутским комитетом РСДРП ко дню открытия памятника Александру III. В этом же году в Иркутске распространялись воззвания гарнизонного комитета Иркутской военной организации, в которых излагался устав «Всероссийского союза солдат и матросов» и солдаты призывались восстать против правительства и не стрелять в забастовщиков и народ.

В восстановлении социал-демократического комитета в Иркутске активное участие принимал С. М. Киров, приехавший в Иркутск летом 1908 г. Он установил связи с иркутскими рабочими и вел среди них пропагандистскую работу, с этой целью часто выезжал на станции Байкал и Слюдянку.

В 1910 г. Иркутский комитет продолжал работу, подготавливая общесибирскую конференцию для объединения всех социал-демократических комитетов. К этому времени были установлены связи со многими населенными пунктами губернии для распространения нелегальной литературы, в том числе с Балаганским, Нижнеудинским и Киренским уездами.⁷⁷

Не раз подвергался опустошительным налетам Томский комитет партии. Особенно тяжелым ударом был арест в январе 1909 г. В телеграмме начальника Томского губернского жандармского управления от 15 января этого года указывалось, что в этот день ликвидирован Томский комитет социал-демократической партии, обнаружены печать, техника, отчеты комитета, гектограф, мимеограф, воззвания, сборные листы, архив «Сибирского социал-демократического союза», партийная библиотека с каталогами. Арестовано 9 чел.⁷⁸

После этого события в течение нескольких месяцев в агентурных сводках указывалось, что комитета РСДРП в Томске нет, но есть 2 партийных кружка: рабочий и интеллигентский, которые не прекращали работу. В 1910 г. создалась еще студенческая фракция социал-демократов в Томском университете, а также появилась такая же организация среди солдат.⁷⁹

В Томске нелегально существовал профсоюз печатников, во главе которого стоял «Автономный комитет Союза рабочих печатного дела». В комитет входили представители типографий Яковлева, Товарищества печатного дела Перельмана, переплетной мастерской Макушина. В январе 1908 г. комитет профсоюза руководил стачкой томских печатников.

В 1908 г. был восстановлен комитет в г. Тюмени. В ноябре 1909 г. полиция арестовала почти всех членов комитета. Но рабочие Бисерского

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1909 г., д. 5, ч. 75, л. 8.

⁷⁷ Там же, ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 27, лит. Б, л. 112.

⁷⁸ Там же, 1909 г., д. 5, ч. 63, л. 2.

⁷⁹ Там же, 1910 г., д. 5, ч. 82, лит. В, лл. 3, 6, 9, 13, 17, 20, 23, 27.

завода выбрали новый комитет, сами организовали кружки на заводе Кругляшева, верфи Журавлева, Корнилова и Воткина, заводе Машарова, распространяли нелегальную литературу, создали свою библиотеку. Комитет выпустил гектографированные прокламации: «К рабочим завода Кругляшева», «Ко всем тюменским рабочим» и «К солдатам Тюменского гарнизона», издавал газету «Тюменский рабочий». Благодаря деятельной агитации членов комитета среди солдат к социал-демократам примкнул военно-революционный кружок, которым вначале руководили эсеры. Солдаты заявили, что «работа местных эсдеков идет энергичнее, поставлена прочнее и лучше, нежели у эсеров».⁸⁰

В Барнауле существовали некоторое время комитет РСДРП и типография, в которой печатались прокламации и газетный листок «Голос из подполья» и выходили гектографированные «Комитетские вести». В Ново-николаевске действовала Обская группа РСДРП, имевшая также типографию. Руководил типографией опытный партийный работник Г. И. Потепин.

Около 50 чел. насчитывала в 1908 г. Омская организация социал-демократов. В жандармском обзоре политических партий Омска за 1909—1913 гг. указывалось: «Революционные партии в первые годы отчетного периода (1909—1910—1911) работали довольно интенсивно, чему в значительной степени способствовал постоянный приток опытных партийных работников из числа беглых политических ссыльных, стремившихся в Омск как в крупный центр, где легче найти заработок и скрываться от розысков».⁸¹ В Омске, Томске и Новониколаевске были созданы также военные организации партии. В военную организацию при Томском комитете РСДРП входили В. В. Куйбышев и его брат Анатолий.

Хорошо оборудованную типографию имел Благовещенский комитет партии. 1 мая 1908 г. по улицам города были расклеены прокламации с призывом к забастовке. В 5 верстах от города за р. Зеей рабочие организовали митинг. Владивостокский комитет РСДРП выпустил за годы реакции до 50 тыс. экземпляров прокламаций, организовывал побег ссыльных за границу, издавал газету «Приморский рабочий». Среди железнодорожников КВЖД и рабочих Приморья распространялась газета «Маньчжурский рабочий», издававшаяся в Харбине местным комитетом РСДРП.

В годы реакции группы социал-демократов с перерывами действовали в Тобольске, Кургане, Таре, Тайге, Нарыме, Зиме, Кутулике, Черемхово, Троицкосавске, Сретенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийске и в некоторых других городах и поселках Сибири.

В эти годы, как и прежде, сибирские организации РСДРП были объединенными: большевики и меньшевики состояли в одних организациях. В 1909—1911 гг. среди меньшевиков стало проявляться ликвидаторство. Ликвидаторы использовали газеты «Восточная заря», «Сибирская мысль», «Иркутское слово». В своих статьях они предлагали вместо нелегальных партийных организаций создать «Открытое политическое рабочее общество». Это означало бы ликвидацию революционной партии рабочего класса.

Ликвидаторы встретили противодействие со стороны большевиков. Противники ликвидаторов продолжали борьбу за сохранение и укрепление нелегальных партийных организаций.

В 1911 г. в Иркутске под заголовком «К рабочим и работницам Иркутска» была переиздана и распространялась первомайская прокламация Центрального Комитета РСДРП, в которой говорилось: «Наша нелегаль-

⁸⁰ Там же, ч. 80, лит. А, лл. 3—6.

⁸¹ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 418, л. 2.

ная партия должна собрать все готовое к борьбе, всех тех, кто не устал бороться, кто остался верен старым заветам. И наша борьба должна руководить всеми проявлениями рабочей борьбы».⁸²

Эта прокламация, осуждавшая ликвидаторство, оказала большое влияние на сибирские организации РСДРП. Попытка ликвидаторов образовать вместо нелегальной партийной организации «Открытое политическое рабочее общество» не удалась.

Часть социал-демократов Сибири восприняла агитацию отзовистов. В Красноярске во время выборов в III Государственную думу отзовистам удалось провести решение о бойкоте думы, но вскоре оно было отменено.

В тяжелые годы реакции сибирские организации РСДРП находили пути связи с центром, хотя эта связь не была регулярной. Через политических ссыльных большевики получали литературу, последние постановления Центрального Комитета и партийных конференций. Политический ссыльный Ф. И. Голощекин, бывший в кружке, созданном В. В. Куйбышевым, в одном из писем в Томск в 1910 г. сообщал, что он получил 2 письма от Н. К. Крупской, где она пишет об оживлении работы, и ждет письма от «Андрея», т. е. от Я. М. Свердлова.⁸³ Я. М. Свердлов, будучи в ссылке, получал письма и литературу от В. И. Ленина и знакомил с нею всех политических ссыльных. Ссыльные хорошо были связаны с «волей», с партийными организациями Сибири.

Среди адресов, которыми располагали большевики для переписки с заграницей, были адреса руководителей нашей партии. Иркутское жандармское отделение имело сведения о том, что у Иркутского комитета социал-демократов есть адрес В. И. Ленина в Париже. Связи с В. И. Лениным имел и Красноярский комитет.⁸⁴

Местные организации получали иногда письма от ЦК РСДРП. Например, в мае 1908 г. Иркутским и другими комитетами партии было получено письмо Центрального Комитета, в котором рекомендовалось установить с ним более прочные сношения и наладить самую тесную связь с членами социал-демократической фракции Государственной думы.⁸⁵ Владивостокский комитет партии поддерживал связь с редакцией газеты «Пролетарий».⁸⁶

Время от времени в Сибирь приезжали большевики — агенты ЦК РСДРП, имевшие поручения от В. И. Ленина. В 1910 г. в Сибирь нелегально приезжал агент Центрального Комитета партии под кличкой «Виктор», оказавшийся впоследствии известным деятелем партии В. О. Волосевичем. Ранее он был членом большевистской фракции Петербургского комитета РСДРП.

В. О. Волосевич был послан для связи Сибири с центром и имел полномочия восстановить партийные комитеты по линии Сибирской железной дороги. Кроме того, он должен был организовать посылку большевистского депутата на предполагавшуюся общероссийскую конференцию РСДРП. Такой депутат был избран на собрании Иркутского социал-демократического комитета. При аресте «Виктора» в Иркутске у него был обнаружен мандат с печатью ЦК РСДРП.⁸⁷ Агенты ЦК партии приезжали также в Омск, Томск, Красноярск, Новониколаевск и другие города.

Связь с центром поддерживалась и через некоторых депутатов Государственной думы. Член социал-демократической фракции III Государственной думы, избранный в Забайкалье, А. А. Войлошников неоднократно

⁸² ГАИО, коллекция листовок, № 75.

⁸³ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 82, лит. Б, л. 29.

⁸⁴ Там же, ч. 27, лит. А, л. 76.

⁸⁵ ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 81, л. 147.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1909 г., д. 5, ч. 82, лит. А, л. 197.

⁸⁷ Там же, 1910 г., д. 5, ч. 27, лит. Б, лл. 95—96, 100.

объезжал города и села Забайкальской области, проводил собрания и выступал на них. По донесению начальника Читинского охранного отделения Войлошников передал в социал-демократическую организацию Читы доклад о деятельности социал-демократической фракции думы, для обсуждения которого было созвано конспиративное собрание.⁸⁸

Таким образом, в период столыпинской реакции партийные организации Сибири не прекращали работы, продолжали принимать в свои ряды новых членов и находили поддержку рабочих масс, сохраняли и расширяли связи с рабочим движением.

В официальных обзорах революционного движения в Сибири за годы реакции сообщалось о состоянии и действиях сибирских организаций РСДРП, социалистов-революционеров и анархистов, отмечались материалы, отобранные при обысках (печатные и гектографированные листочки, рукописи), факты устной и печатной пропаганды.

Боевые группы эсеров, существовавшие в Сибири, после неудачных покушений в августе—октябре 1907 г. на начальника Иркутского охранного отделения Гаврилова, начальника карательной экспедиции Ренненкампа и других агентов царской власти были разгромлены. В дальнейшем делались новые попытки возродить террор. Так, в 1910 г. «летучий отряд» «Сибирского союза партии социалистов-революционеров» совершил покушение на начальника Зерентуйской тюрьмы Высотского. Тактика индивидуального террора, отвлекавшая от массовых революционных действий, оказалась бесперспективной.

В годы реакции была необходима организованность общественных сил, выступавших против царизма. Противниками этого были анархисты, их дезорганизаторская деятельность проявилась в 1908 г. во время «туруханского бунта».

В Туруханском крае образовалось объединение ссыльных разных политических направлений с целью оказания взаимной помощи и противодействия административному произволу. Для оформления организации в июле 1908 г. в с. Верхне-Инбатском состоялся съезд представителей 12 колоний политических ссыльных. Съезд принял решения по вопросам материальной взаимопомощи, библиотечного дела, врачебного обслуживания, связей между колониями ссыльных. Съезд признал необходимым установить хорошие отношения с местным населением и вести агитацию среди жителей Туруханского края.

Выполнение решений съезда было сорвано выступлением анархистов. Один из их вожаков студент Московского университета П. Турчанинов начал проповедь «ассоциативного анархизма» (отрицание необходимости организованных объединений) и вооруженных выступлений. 28 августа 1908 г. анархисты, жившие на станке Селиваниха, замышляя побег, ограбили факторию английской фирмы «Рошетт» и стали пробираться к устью Енисея. Дорогой они совершали грабежи и убийства. Для подавления бунта в Туруханский край были направлены воинская команда и казачий отряд. Выступление анархистов дало повод местной администрации для расправы не только с анархистами, но и с наиболее активными деятелями «Союза политических ссыльных».

Действия участников «туруханского бунта» нанесли большой ущерб организационному сплочению политических ссыльных, которые резко протестовали против поведения анархических элементов.

Для борьбы против царизма и эксплуататорских классов было необходимо массовое организованное движение, а не «ассоциативный анархизм» и стихийное бунтарство.

⁸⁸ ГАЧО, ф. 14, оп. 1, д. 18, лл. 57—58; ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 27, лит. А, л. 73.

Царизму удалось нанести тяжелые удары рабочему движению, но он не мог уничтожить причин, которые вызывали это движение. Количество забастовок в годы реакции уменьшилось, но стачечное движение было более широким, чем до первой русской революции. Если в 1895—1904 гг. ежегодно бастовали в России в среднем 43 тыс. рабочих, то в 1908—1910 гг. — 96 тыс. чел. Это говорит о том, что сопротивление рабочего класса не было сломлено, что революция 1905—1907 гг. оказала большое влияние на пробуждение классового самосознания пролетариата России.

По неполным данным, в Сибири в 1907—1910 гг. было 44 забастовки рабочих. Большинство этих забастовок носило оборонительный характер. Рабочие требовали сохранить действовавшие расценки, повысить заработную плату и очень редко выставляли политические требования. Как правило, забастовки в 1907—1910 гг. кончались поражением рабочих. Из 44 стачек полной победой рабочих закончились только 2, частично требования рабочих были удовлетворены в 8 стачках, в 11 случаях рабочие полностью или частично взяли расчет и ушли с предприятий, а в остальных 23 стачках победа была на стороне предпринимателей. Особенностью стачек было то, что почти все они подавлялись с помощью войск и полиции.

Политические требования были связаны с проведением первомайских демонстраций, с протестом рабочих против роспуска II Государственной думы, против предания суду социал-демократической фракции.

Наиболее массовыми из всех забастовок были стачки на Амурской железной дороге, происходившие в ноябре 1907 г. на станции Бушелей, затем в апреле и мае 1909 г. на станциях Часовой, Бушелей и Поворотной. Среди рабочих возникла «артель безработных», во главе которой стоял «совет безработных». Он не только занимался распределением на работу членов артели, но и представлял их интересы во время волнений. В мае 1910 г. стачки прошли на 8 участках строительства. Они охватили более 6000 чел. Это широкое движение было подавлено полицией и войсками.

Из всех стачек, происходивших в период реакции, наиболее упорный характер носили стачки на руднике «Юлия» и заводе при нем, принадлежавшем акционерному обществу «Енисейская медь», основанному на иностранном капитале в Енисейской губернии. Забастовки здесь бывали каждый год.

Первая стачка на этом предприятии происходила в декабре 1907 г. под руководством рабочих-большевиков. В ней участвовали 400 рабочих рудника и 300 подсобных рабочих (углекопов и дроворубов). Были предъявлены экономические требования. Дирекция рудника наотрез отказалась удовлетворить какие-либо требования рабочих. На рудник была вызвана полиция и рота солдат. Полиция арестовала 5 чел. — руководителей стачки. Но рабочие продолжали бастовать. Только 8 декабря администрация согласилась «удовлетворить рабочих полностью», т. е. выдать полностью задержанную заработную плату. После этого стачка прекратилась.⁸⁹

Второй раз рабочие забастовали в сентябре 1908 г. в связи с тем, что заработная плата опять не выдавалась в течение 4 с половиной месяцев. Рабочие сначала потребовали расчета от администрации, а когда им в этом было отказано, они объявили забастовку. На этот раз в ней приняли участие все рабочие рудника и завода. Продолжалась стачка 6 дней: началась она 25 сентября, и только 1 октября, когда рабочие получили ча-

⁸⁹ ЦГИА, ф. 37, оп. 58, д. 387, лл. 136, 139.

стичный расчет и им было обещано вскоре выплатить остальные, стачка закончилась. И на этот раз победу в ней одержали рабочие.⁹⁰

Затем летом 1909 г. на этом же руднике и заводе вновь вспыхнула стачка рабочих. Она была наиболее длительной. 3 мая забастовали 300 чел. и предъявили требование выплатить зарплату за 4 месяца, задержанную дирекцией. 6 мая к бастующим присоединились еще 400 рабочих. 19 мая окружной инженер Минусинского горного округа телеграфировал в Петербург, что рабочие требуют расчета, работы не возобновляют и на его уговоры не поддаются. Администрация заявляла, что денег нет, давала обещание выплатить зарплату позже, но рабочие продолжали забастовку. Только 22 июня, через полтора месяца, после удовлетворения всех требований рабочих, стачка закончилась.

Таким образом, рабочие рудника «Юлия» вместе с рабочими завода трижды объявляли забастовку и трижды ее выигрывали, проявляя настойчивость в достижении своих требований, не поддаваясь на уговоры и обещания администрации и угрозы полиции. Последняя забастовка, длившаяся 50 дней, показала стойкость рабочих, их сплоченность и организованность.

Опыт революции 1905 г. помог рабочим, научил их не бояться «начальства» и полиции и твердо стоять на своем. На руднике было много сознательных рабочих-большевиков, участвовавших в революции, и они оказывали влияние на всю массу, руководили стачкой. Последствия такой упорной борьбы рабочих сказались позднее, когда им удалось добиться от администрации новых уступок. Так, в мае 1911 г. после дружной забастовки рабочих рудничное управление заключило с ними соглашение о том, что на вспомогательных работах расценки увеличиваются с 70—80 коп. до 1 руб. в день, а в забоях ввиду частого изменения крепости пород последние осматриваются каждые 2 недели комиссией из представителей рудничного управления и рабочих, при этом установленная комиссией расценка работ является обязательной для обеих сторон на 2 недели.⁹¹ Таким образом, если раньше рабочие добивались только выдачи причитающейся им зарплаты, то теперь они добились новых уступок — повышения расценок и зарплаты. Несомненно, что на успешный исход этой стачки оказала влияние и длительная стачка 1909 г., так как администрация теперь уже знала, что рабочие способны вести длительную борьбу за свои права, и боялась их. На примере стачечной борьбы рабочих рудника «Юлия» можно видеть, что стойкая и последовательная позиция рабочих заставляла администрацию идти на уступки.

Организованно проходила забастовка рабочих на руднике Тетюхе на Дальнем Востоке в марте 1910 г. Рабочие избрали стачечный комитет, разработали требования: увеличить заработную плату на 25%, установить 8-часовой рабочий день. Забастовка была разгромлена войсками, 15 руководителей стачки арестованы и отправлены во Владивостокскую тюрьму, более 200 рабочих было уволено. Но в ходе стачки рабочим удалось добиться увеличения зарплаты на 10%.⁹²

Среди забастовщиков Сибири этого периода преобладали шахтеры и рудокопы, на втором месте шли строительные рабочие и рабочие золотых приисков, далее — фабрично-заводские рабочие и грузчики. Железнодорожные рабочие, игравшие ведущую роль в период русской революции, были подвергнуты самым сильным репрессиям. Многие из них арестовали, другим пришлось скрываться, переходить на другую работу, и в пе-

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 102, ДП, 4-е делопроизводство, 1908 г., д. 20, ч. 2, л. 23; ЦГИА, ф. 37, оп. 58, д. 426, л. 82.

⁹¹ ЦГИА, ф. 37, оп. 58, д. 587, лл. 6—6 об.

⁹² Из истории организаций КПСС на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1962, стр. 16.

Сибирь в период революционного подъема 1910—1914 гг.

1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сибирь и после первой русской революции оставалась преимущественно аграрной окраиной. Но развитие русского капитализма втягивало Сибирь все более и более в водоворот мирового капитализма, в единый рынок крупной промышленности. В. И. Ленин отметил специфические особенности процесса развития капитализма вширь, заключающиеся в том, что в эпоху развитого империализма монополии и банки развивают бешеную погоню за источниками сырья и рынками сбыта.¹ В. И. Ленин в 1914 г. писал: «... кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплавляя громадные области».²

Это определило и возрастающее значение Сибири как нераздельной составной части России. Накопление свободных капиталов в центре страны и в самой Сибири вызвало усиленные поиски сфер приложения этих капиталов. С другой стороны, иностранный капитал более активно устремился в Сибирь. А. М. Горький, характеризуя американский капитализм, в 1906 г. писал: «... если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение».

Сибирь имела важное значение как источник сельскохозяйственного сырья и рынок сбыта изделий крупной промышленности центра. Промышленность Сибири продолжала оставаться отсталой и развивалась медленнее по сравнению с центральными районами страны.

Об отсталости промышленности Сибири свидетельствует структура ее торговли с Европейской Россией. Среди вывозимых по железной дороге грузов продукты полеводства составляли 58% (по стоимости), животноводства — 19 и горной промышленности — 23%, а среди ввозимых грузов промышленные изделия составляли 99%. По данным промышленной переписи 1908 г., Азиатская Россия производила 3,5% всех промышленных ценностей империи и занимала 1% рабочих.³ Соотношение отдельных отраслей промышленности к периоду первой мировой войны почти не изменилось. Заметное место в общероссийском производстве Сибирь занимала только по развитию горной, пищевой и кожевенной промышленности (от 5 до 16%), а остальные отрасли развивались слабо. Даже лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность, имевшие в Сибири колоссальные и дешевые запасы сырья, давали от 1 до 3% общероссийского производства.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 377—380.

² Там же, т. 26, стр. 109.

³ Азиатская Россия, т. II. СПб., 1914, стр. 426.

Из отраслей горной промышленности накануне войны дальнейшее развитие получила добыча золота, серебра, меди, свинца и цинковых руд. Добыча золота по годам распределялась неравномерно: до 1906 г. она уменьшалась, а после 1906 г. стала возрастать. Увеличение добычи объясняется общим экономическим подъемом в стране и вложением свободных капиталов в техническое переоборудование предприятий. В 1910 г. добыто 3136 пуд. золота в стране, в том числе в Сибири — 2224 пуд.⁴ В 1911 г. добыча золота несколько уменьшилась, а с 1912 г. снова увеличилась.

Значительная часть добытого золота скрывалась от регистрации для уменьшения налоговых платежей, взимаемых с каждого пуда золота. В 1910 г. в Восточной Сибири было добыто официально 1769 пуд. золота, а в золотосплавочные лаборатории поступило 2828 пуд., или на 1059 пуд. больше. Кроме того, большое количество золота уходило за границу. В среднем в Восточной Сибири, где добывалось $\frac{2}{3}$ всего русского золота, регистрировалось не более 50—70% действительной добычи.⁵

Рост добычи золота шел в основном за счет крупных приисков, в то время как огромное количество мелких и средних приисков сокращало производство, а часть их даже закрылась. Второй всероссийский съезд золото- и платинопромышленников в 1915 г. отметил, что рост добычи золота за последние 30 лет (с 2 тыс. пуд. в 1885 г. до 3 тыс. пуд. в 1910—1913 гг.) приходился на Ленское золотопромышленное товарищество, на прииски, применявшие драги, и на так называемое «вольноприносительное» золото. «Большинство предприятий, — записано в решении съезда, — мелкие и средние, не только не увеличили добычу, а даже уменьшили».⁶

Монополизация золотопромышленности особенно ярко сказалась в усилении роли «Лензото» — смешанной русско-английской компании, в которой 70% акций принадлежало английской монополии «Лена-Гольдфильдс». Возникли новые монополии и возросло значение некоторых старых крупных русских и иностранных компаний: Федоровского и Российского золотопромышленных обществ, Золотопромышленного общества Мариинских приисков и др.

На крупных приисках происходила дальнейшая механизация работ, вводились драги, шире применялись гидравлический и химический (в основном цианирование) способы.

Добыча и выплавка серебра и свинца в этот период остались почти на том же низком уровне, что и в начале XX в. В 1910 г. в Алтайском округе на Змеиногорском руднике было добыто 519 тыс. пуд. серебро-свинцовых руд, в Уссурийском округе — 129 тыс. пуд., или в общей сложности более четверти общероссийской добычи. Накануне войны добыча серебро-свинцовых руд приобрела особое значение, потому что таких месторождений в России было немного. Еще меньше было эксплуатируемых залежей цинковых руд, которые раньше добывались только в Польше (3,7 млн пуд.), а перед войной стали добываться в значительном количестве в Уссурийском округе на рудниках «Тетюхе». Гонка вооружений вызвала усиленный спрос на медь. Добыча медных руд в Степном северном и в Минусинском горных округах стала заметно расти. Добыча соли, асбеста, железной руды, слюды, нефти шла в небольших размерах. Совершенно не эксплуатировались многие известные уникальные месторождения металлов, например олова, вольфрама, железа. Накануне мировой войны были закрыты 3 последних металлургических завода в Сибири: Гурьев-

⁴ «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 г.», СПб., 1913, стр. VI—VII.

⁵ Азиатская Россия, т. II, стр. 187.

⁶ ЦГИА, ф. 391, оп. 5, д. 2196, 1915, л. 123 об.

ский (в 1908 г.), Петровский (в 1909 г.) и Абаканский (в 1911 г.), не выдержавших конкуренции русских и иностранных монополий, которые вели беспощадную борьбу за сибирский рынок. Этот рынок стал довольно значительным. В 1910 г. в Сибирь было привезено 17.6 млн пуд. черных металлов и изделий из них, в 1911 г. — 22.9, в 1912 г. — 24.6 и в 1913 г. — 18.2 млн пуд. Эти перевозки в значительной мере были нерациональны, так как в Сибири вполне можно было развить собственную металлургию и производство металлических изделий. Но в эпоху империализма размещение промышленности определялось не экономической целесообразностью, а интересами крупных монополий.

Значительное развитие перед войной получила сибирская угольная промышленность. В эти годы углепромышленники Сибири впервые вышли на общероссийскую арену и заявили свои претензии на рынок европейской части России, чему способствовал созданный монополиями угольный «голод». Хотя «Продуглю» удалось отбить эту атаку с помощью нажима на правительство, донецким угольным королям пришлось пойти на соглашение с углепромышленниками Кузбасса и Черемхово и отдать им Урал и часть российского европейского рынка до Волги: в сентябре 1913 г. были введены пониженные тарифы на железной дороге до станции Батраки.

Основными районами угледобычи оставались Кузнецкий, Черемховский, Забайкальский и Сучанский. В 1910 г. добытый уголь распределялся по горным округам следующим образом: Томский — 27 млн пуд., Иркутский — 24.1, Забайкальский — 13.6, Приморский — 26.6 и Амурский — 0.7 млн пуд.⁷ Всего в этом году в Сибири было добыто 97 млн пуд., или 8% общероссийской добычи. Темпы развития угольной промышленности в Сибири после 1906 г. оставались более высокими, чем в Донбассе.⁸

Производственные процессы почти не были механизированы. На крупных шахтах применялись паровые и электрические двигатели, но только для откачки воды и подъема угля, а добыча в основном производилась кайлом. Однако разработка мощных пластов, залегающих неглубоко от поверхности, обеспечивала на сибирских шахтах более высокую производительность труда шахтеров. В 1910 г. годовая выработка угля одного рабочего составляла в среднем по России 9500 пуд., по Донбассу — 8500, а по Сибири — 11 700 пуд. Однако производительность труда в Сибири оставалась ниже, чем в передовых капиталистических странах (в 1913 г. во Франции годовая выработка одного рабочего равнялась 12 180 пуд., в Англии — 15 840, а в Германии — 17 220 пуд.). Себестоимость сибирского угля была значительно ниже, чем в центре страны, что позволяло углепромышленникам получать дополнительные прибыли.

Добыча угля была одной из немногих отраслей, которая создавалась как крупная промышленность. В нее устремился крупный капитал, как русский, так и иностранный. Большинство шахт принадлежало сибирским миллионерам — Михельсону, Щелкунову, Маркевичу и др. Капиталы углепромышленников Черемхово выросли с 1907 по 1916 г. с 3.5 до 6.1 млн руб. Создавались крупные компании — монополии по добыче и сбыту угля, в которых значительную роль играл иностранный капитал. Эти монополии, тесно связанные с банковскими группами и монополистическими объединениями центра, делили с ними сферы влияния и добывались выгодных субсидий от правительства.

Показательна в этом отношении история образования и деятельности Акционерного общества «Копикуз» (копи Кузбасса). На землях Каби-

⁷ «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 г.», стр. XXVI.

⁸ Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, стр. 654—655, прил. 2.

нета огромные запасы угля почти не эксплуатировались. Царь в 1912 г. передал на 60 лет часть Кузбасса бывшему туркестанскому губернатору В. Ф. Трепову, брату Д. Ф. Трепова — военного диктатора страны в 1905 г. Крупный сановник, имевший связи при дворе, В. Ф. Трепов привлек в качестве партнера председателя одного из крупнейших банков России — Международного коммерческого банка — С. С. Хрулева, и они учредили Акционерное общество «Копикуз», большинство акций которого приобрели 2 русских и 2 французских банка. В. Ф. Трепов выговорил себе щедрое вознаграждение — свыше миллиона рублей наличными и ежегодное отчисление с каждого пуда проданного угля. Но и стоявшие за его спиной монополии и банки не прогадали — им достались богатейшие запасы угля и железа, а Трепов обеспечивал им получение заказов от казны.

Обществу было выгодно построить металлургический завод и железную дорогу. И брат Трепова — министр путей сообщения — оказал содействие «Копикузу» в получении концессии на строительство южносибирской магистрали, с тем чтобы рельсы для нее шли с его завода. «Копикуз» не спешил строить, но правительственные ссуды уже получил. Его деятельность стала разворачиваться в период войны.

История «Копикуза» — яркий пример срастания государственного аппарата с монополиями. Так же как и в «Лензото», в «Копикузе» участвовали царские сановники, он был тесно связан не только с министрами, но и с самим царем, который получал плату от этого акционерного общества. Советские исследователи пришли к выводу на основе анализа документов «Копикуза», что это была не немецкая монополия, как считали многие авторы, и даже не французская, а русская с очень сильным участием французского капитала.⁹

На втором месте после горнозаводской промышленности стояла обрабатывающая промышленность. Быстро развивалась пищевая промышленность — мукомольная, маслодельная, винокуренная. Строились крупные мельницы в Новониколаевске, Омске, Благовещенске. Наиболее мощные мельницы были в Благовещенске, где средний помол составлял 6—8 млн пуд., а полная производительность их была 16 млн пуд. Благовещенск уступал только 2 центрам мукомольной промышленности в России — Нижнему Новгороду и Саратову. Дальнейшее развитие получила промышленность по обработке дерева и металла. В 1912 г. в Сибири было 14 машиностроительных заводов с 1665 рабочими и более 80 лесозаводов, дававших полмиллиона кубометров пиломатериалов как для Сибири, так и на вывоз.

С развитием промышленности происходила все большая концентрация капиталов, усиливалась роль банков и монополий. В Сибири ключевые позиции захватывал крупный капитал русских и иностранных банков.

Рост предпринимательства торгово-промышленного капитала характеризовался развитием банковских и особенно кредитных операций. На 1 января 1912 г. количество отделений и агентств различных банков увеличилось до 104.

Государственный банк развивал в Сибири свои операции, постоянно увеличивая финансирование местной хозяйственной деятельности. В среднем кредитование рынка Азиатской России Государственным банком накануне первой мировой войны достигало крупной цифры — около 100 млн руб.

⁹ М. Я. Гефтер. Из истории проникновения иностранного капитала в горную промышленность Урала и Сибири накануне первой мировой войны. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 3. М., 1954, стр. 144—148; А. А. Луканин. Дореволюционный Кузбасс в планах иностранных монополий. «Труды Новокузнецкого педагогического института», Новокузнецк, 1959.

Одновременно увеличивались операции частных коммерческих банков: Сибирского, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли и Волжско-Камского коммерческого. Для этого периода характерно усиление в Сибири банковских монополий центра и стоявших часто за их спиной иностранных банков.

Банковские монополии центра страны и банковский капитал способствовали концентрации производства и образованию монополий в отдельных отраслях промышленности. Прежде всего монопольные объединения и банки стремились овладеть золотой промышленностью, создать в ней крупные акционерные компании. Крупнейшая компания — Ленское золото-промышленное товарищество («Лензото») — являлась объединением монополистическим.

«Лензото» эксплуатировало более 10 000 рабочих и держало в своих руках почти треть добычи золота во всей России и половину добычи его в Сибири. Монополистическими объединениями были Федоровское золото-промышленное общество в Енисейской губернии, акционерное общество «Драга» и Российское золотопромышленное общество (на Алтае).

Процесс монополизации усилился и в угольной промышленности — создание «Копикуза», расширение угольного синдиката в Черемхово.¹⁰ В медной промышленности Сибири хозяйничал крупнейший в России синдикат «Медь», который подчинил себе акционерное общество «Енисейская медь» и общество «Спасские медные руды».

В Сибири развернули деятельность в союзе с банками и крупнейшие монополии страны. Концерн «И. Стахеев и К^о», кроме хлебной торговли, с помощью Русско-Азиатского банка получил «концессии на разработку рыбных и лесных богатств на глухих берегах Охотского моря и его островах», учредил там крупное Охотско-Амурское рыбопромышленное общество, которое занимало по улову рыбы (по р. Амуру, у берегов Камчатки и о. Сахалин) одно из первых мест, а затем предпринял шаги к развитию торговли нефтяными продуктами «на востоке по всей Сибири».¹¹ Концерн Стахеева установил контроль над каменноугольными копиями Кузбасса и Сахалина и усиленно добывался концессий на разработку недр Сибири.

Вместе с русскими банками и акционерными компаниями, а часто за их спиной действовал крупный иностранный капитал, жадно устремившийся сюда в погоне за новыми рынками. Это объяснялось чрезвычайно высокими прибылями благодаря дешевым арендным ценам на землю, поистине сказочным природным богатствам и высокой степени эксплуатации рабочих.

Наиболее сильные позиции в сибирской промышленности занимал английский финансовый капитал. В 1907 г. царское правительство допустило к операциям в горном деле Сибири около 10 английских акционерных обществ, больше, чем за все предшествующие годы.

Среди них был Сибирский синдикат, который держал значительную часть акций английской компании «Атбасарские медные копи» и получил концессии на землях Кабинета (Алтай) с целью разведки и разработки золота. В этом же году было основано другое крупное английское акционерное общество — «Центральная Сибирь» (переименованное в 1909 г. в «Новую Центральную Сибирь»), закупившее десятки приисков в Енисейской губернии у известных золотопромышленников Востро-

¹⁰ Н. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Харьков, 1930, стр. 170, 174.

¹¹ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». (Документ.). «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 165.

тиных. Накануне войны «Новая Центральная Сибирь» владела концессиями на 44 приисках.¹²

Крупную роль в проникновении английского капитала в горное дело Сибири сыграла Русская горнопромышленная корпорация («Рашен майнинг корпорейшн»), учрежденная в Лондоне в 1907 г. как общество финансовое. Осуществив личную унию с влиятельной русской группой (в состав директоров правления и акционеров Общества были включены В. И. Тимирязев, бывший министр торговли и промышленности, член Государственного совета, и П. М. Салодилов, имевший крупные связи в финансовых и правительственных сферах Петербурга), корпорация в громадной степени расширила возможности в отношении захвата источников сырья и русских горнопромышленных предприятий.

Русская горнопромышленная корпорация, воспользовавшись тяжелым финансовым положением одного из старейших и самых крупных русских золотопромышленных предприятий — Ленского золотопромышленного товарищества, заключила с ним контракт о продаже англичанам 74,5% акций «Лензото». Этот контракт корпорация передала в 1908 г. за 85 тыс. фунтов стерлингов могущественной английской финансовой группе, выступавшей под вывеской «Лена—Гольдфильдс».

В далекой сибирской тайге на Лене и Витиме пот и кровь рабочих превращались в неслыханно высокие прибыли. Только за 3 года (1909—1911) «Лензото» дало валовой прибыли свыше 17 млн руб., а дивиденды составили в 1909 г. 43%, в 1910 г. — 56, в 1911 г. — 23,3%.¹³ Одни дивиденды, не считая других прибылей, за первые 3 года с избытком окупили стоимость приобретенного пакета акций «Лензото».

Русская горнопромышленная корпорация сыграла точно такую же посредническую роль при переходе в 1910 г. в руки монополии «Лена—Гольдфильдс» Бодайбинской железной дороги и приисков другого наиболее крупного золотопромышленного предприятия бассейна Витима и Лены — Компании промышленности, на приисках которой ежегодно добывалось около 150 пуд. золота.¹⁴ Здесь интересно отметить тот факт, что «Лена—Гольдфильдс», купив прииски Компании промышленности, перепродала их «Лензото» с целью дополнительного выпуска акций «Лензото», курс которых был очень высоким. На этой комбинации английские финансисты заработали свыше 2 млн руб.

С переходом приисков Компании промышленности, а затем Ратькова—Рожнова и других золотопромышленников в руки общества «Лена—Гольдфильдс» Ленское золотопромышленное товарищество, сосредоточив в своих руках 570 приисков, фактически задушило всю частную золотопромышленность в Ленском и Витимском горных округах. В 1914 г. «Лензото» добыло свыше 1000 пуд. золота, т. е. почти половину всей добычи золота в Сибири.¹⁵ Финансовые артерии этого монополистического гиганта по-прежнему прочно удерживала «Лена—Гольдфильдс».

Огромные прибыли «Лензото» вызвали ажиотаж среди лондонских биржевиков. В 1909 г. на Лондонской бирже котируются акции уже 25 компаний с капиталом в 88 млн. руб., созданных для добычи золота в Сибири и на Урале.¹⁶ В действительности некоторые из этих компаний были «дутыми», фиктивными.

С начала 1912 по июль 1914 г. шла очень напряженная и упорная борьба между различными иностранными монополиями за обладание полиметаллическими рудами Алтая, которые были переданы Кабинетом

¹² «Вестник русско-английской торговой палаты», СПб., 1913, № 11, стр. 445.

¹³ ГАИО, ф. 328, оп. 1, д. 15, л. 10.

¹⁴ Там же, ф. 25, оп. 9, д. 815.

¹⁵ Там же, ф. 328, оп. 3, д. 119, л. 4.

¹⁶ «Вестник русско-английской торговой палаты», СПб., 1911, № 5, стр. 179.

в концессию австрийскому князю Турн-и-Таксису. На авансцену борьбы выступила очень влиятельная группа царедворцев — граф А. А. Орлов-Давыдов, барон В. В. Меллер-Закомельский, бывший управляющий Министерством торговли М. М. Федоров, потомственный дворянин В. В. Романов, за спиной которых стояла могущественная англо-американская группа — Русско-Азиатская корпорация. В состав этого финансового общества входили английская группа Б. Скотт, крупные английские капиталисты Л. Уркарт и Ч. Бичи, американский капиталист Герберт Гувер, связанный с банкирским домом Моргана, и др., а также русские коммерческие банки — Русско-Азиатский и Санкт-Петербургский коммерческий, которые по отношению к англо-американской группе играли подчиненную роль.¹⁷

Русско-Азиатская корпорация, опираясь на союз с влиятельными царедворцами и русской финансовой олигархией, установила контроль над рядом горнопромышленных предприятий в России, захватила самые значительные из известных в то время месторождений цветных и полиметаллических руд на Урале и в Сибири. В частности, в Сибири к корпорации перешла очень богатая концессия В. П. Боклевского площадью в 8 тыс. миль в Нерчинском округе.¹⁸

Для эксплуатации обширных концессий на Алтае и в Казахстане Русско-Азиатская корпорация учредила Риддерское горнопромышленное общество и Киргизское горнопромышленное общество, уставы которых утверждены царем 19 августа 1914 г. Обе компании с точки зрения юридических норм являлись не иностранными, а русскими предприятиями, так как действовали на основании русского акционерного права; учредителями их выступали концессионеры Федоров, Романов, Меллер-Закомельский, вошедшие в состав правлений. Но под русской вывеской скрывались иностранные предприятия, так как финансовый источник обоих обществ был не в Петербурге, а в Лондоне, почти весь пакет акций Риддерского и Киргизского горнопромышленных обществ находился в портфеле специально учрежденного финансового общества «Иртыш корпорейшн», акции которого держала в своих руках Русско-Азиатская корпорация. Она и являлась верховным сюзереном созданной ею монополистической иерархии.

Американский капитал в горном деле Сибири выступал чаще всего под вывеской объединенных англо-американских предприятий. Кроме указанной выше Русско-Азиатской корпорации, в 1912 г. в Красноярско-Ачинском горном округе возникла англо-американская компания «Фаулер, Пайнер К^о», которая в короткий срок скупила несколько приисков и приобрела свыше 30 заявок на добычу золота.¹⁹ Компания вплоть до Октябрьской революции производила в довольно крупных размерах добычу золота.

В Енисейской и Томской губерниях американец Д. Китинг в течение 10 с лишним лет занимался скупкой приисков и подачей заявок на золото-содержащие местности.²⁰ На основе этих заявок возникли англо-американские компании; в 1901 г. — Сибирское золотопромышленное общество и в 1913 г. — Соединенное общество сибирской эксплуатации.

Сферой исключительно американского влияния являлись Чукотка, Камчатка и побережье Охотского моря.

Было бы неправильно оценивать роль американского капитала в горном деле Сибири только с точки зрения фактического вывоза капитала. Действительная заинтересованность заокеанского бизнеса проявлялась прежде

¹⁷ ЦГИА, ф. 468, оп. 24, д. 330, л. 32.

¹⁸ «Сибирская жизнь», 1914, 3 мая.

¹⁹ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 507, лл. 33—34; ф. 428, оп. 4, дд. 2674 и 2730.

²⁰ Там же, ф. 428, оп. 4, дд. 2621, 2655, 2666, 2671, 2675, 2687.

всего в интенсивных разведках полезных ископаемых в Сибири. Не было ни одного года, чтобы в Сибири не работали одна или несколько американских геологических партий. Это была подготовка для широкой экспансии в будущем, и это будущее открыла мировая война.

Французский капитал в горном деле Сибири не имел сколько-нибудь самостоятельного значения. Если не считать полученных отдельными французскими предпринимателями концессионных прав на разработку месторождений полезных ископаемых, то в Сибири было известно одно чисто французское золотопромышленное общество — Общество эксплуатации прииска София, возникшее в Уссурийском округе в 1913 г.²¹

Но французский финансовый капитал, имея тесные связи с русскими коммерческими банками, стремился исключительно к финансированию действующих или вновь учреждаемых горнопромышленных предприятий и к получению ростовщических прибылей. Наиболее сильное влияние французского капитала было в угольной промышленности Кузбасса, в частности в делах «Копикуза».

Германский капитал в сибирской горной промышленности контролировал горнопромышленное общество «Тетюхе», горное общество «Джалинда» и горнопромышленное общество «Шилка», все они оперировали на Дальнем Востоке. Из них наиболее крупным являлось общество «Тетюхе», к которому перешли серебро-свинцовые и цинковые рудники владивостокского горнопромышленника Ю. И. Бринера. Фактически владельцем общества была немецкая фирма Арона Гирша, которая финансировала все предприятия общества и являлась главным потребителем его продукции.

Председательское кресло правления общества «Тетюхе» занимал бывший владелец рудников Бринер как лицо юридически ответственное перед горным надзором, а фактическое управление находилось в руках немецких инженеров. При основном капитале в 1 млн руб. общество накануне войны добывало свыше 2 млн пуд. серебро-свинцовой и цинковой руды, которая вывозилась в Германию.²²

К началу первой мировой войны иностранные инвестиции в горнодобывающей промышленности Сибири не превышали 50 млн руб., включая сюда Риддерское и Киргизское горнопромышленные общества, акционерные общества «Спасские медные руды» и «Атбасарские медные копи», оперировавшие в Степном южном горном округе (Казахстане). Из этой суммы на долю английского капитала приходилось не менее 80%. Цифра 50 млн руб. весьма условна и приближительна, так как иностранный капитал настолько тесно переплелся с русским капиталом с помощью системы участия, финансирования, взаимного владения акциями, через банки и т. д., что это сплетение интересов создает почти непроницаемую завесу для статистического подсчета.

Иностранный капитал не создал в Сибири горнопромышленных предприятий, стоявших на уровне современной техники. Те иностранные предприятия, которые работали в горном деле, использовали преимущественно отсталую производственно-техническую базу. Высокая прибыльность некоторых предприятий, например «Лензото», являлась результатом не технических усовершенствований, а хищнической эксплуатации природных ресурсов и рабочей силы.

Иностранный капитал проявлял также исключительный интерес к ввозу промышленных товаров в Сибирь и вывозу сельскохозяйственных продуктов (масла, мехов, а также леса), к железнодорожному строительству. В 1912—1914 гг. велись переговоры с американскими банками о финансировании строящихся железных дорог — Минусинско-Ачинской,

²¹ ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 1828, л. 123.

²² Там же, лл. 163—167.

Южносибирской и проектировавшейся Нерчинской. Но царское правительство проявляло сдержанность в отношении прямого участия иностранного капитала в железнодорожном строительстве, предпочитая заключение займов. Американские же капиталисты стремились прежде всего к захвату огромных земельных территорий вдоль линий железных дорог для обеспечения рынка и захвата источников сырья на будущее.

Накануне мировой войны английские компании начали подбираться к лесным богатствам Сибири. В 1912 г. была вывезена первая партия пиломатериалов с Новониколаевского лесозавода в количестве 10 вагонов. Получив на их продаже 50% прибыли, английские компании резко увеличили экспорт: за первую половину 1914 г. было вывезено уже 300 вагонов пиломатериалов высшего сорта. Начавшаяся война прервала этот стремительно нараставший поток. С постройкой Амурской железной дороги для иностранного капитала открылся доступ к лесным богатствам Дальнего Востока.

Таким образом, накануне первой мировой войны сибирская экономика была втянута в общий промышленный подъем, охвативший страну. Все отрасли промышленности, имевшиеся здесь ранее, стали развиваться более быстрыми темпами. Однако в целом промышленность Сибири оставалась на невысоком уровне. Богатейшие природные запасы использовались слабо.

Развитие империализма в России характеризовалось усилением позиций крупного русского и иностранного капитала на таких окраинах, как Сибирь и Дальний Восток. Банки и монополии захватывали сибирский рынок, проникали в наиболее доходные отрасли промышленности, скупали акции крупнейших компаний и учреждали новые. Русский монополистический капитал выступал в Сибири в тесном союзе с иностранным финансовым капиталом, получая от этого новые прибыли.

Несмотря на то что в Сибирь хлынула масса русских и иностранных предпринимателей, а иногда просто авантюристов и спекулянтов, руководящую роль в захвате источников сырья и рынков сбыта играла тесно связанная кучка финансовых и промышленных магнатов разных стран под прикрытием и флагом русских банков, монополий, крупной буржуазии и сановников.

2. РОСТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Временное поражение русской революции сменилось новым революционным подъемом 1910—1914 гг. Уличные демонстрации и митинги, собрания и забастовки рабочих означали, что русский народ поднимается на новую борьбу. Уже в 1911 г. количество стачечников достигло 100 тыс., тогда как в предыдущие годы оно составляло 50—60 тыс. В статье «Начало демонстраций» В. И. Ленин сделал вывод: «Полоса полного господства чернотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема».²³

Новый революционный подъем был неизбежен. Основные задачи буржуазно-демократической революции — свержение царизма и установление демократической республики, конфискация помещичьих земель и восьмичасовой рабочий день — не были осуществлены. Развитие капитализма и режим свирепой столыпинской реакции привели лишь к дальнейшему обострению противоречий в экономической и политической жизни страны.

Стержень всего общественного развития составляла классовая борьба пролетариата. Он последним отступал с боями в конце революции 1905—1907 гг. Он первым поднял знамя освободительной борьбы в период

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 74.

нового революционного подъема. За это время рабочий класс вырос количественно и изменился качественно. За годы реакции пролетариат России еще более возмужал в борьбе, в наиболее трудной обстановке он проверил, кто является действительным защитником его интересов, а кто прикрывается лживой фразой, кто надежный союзник, а кто враг рабочего движения.

Несмотря на продолжающиеся жестокие репрессии царизма против революционеров, большевики смело возглавили рабочее движение на его новом подъеме, увидев в нем предвестие грядущей революции.

В декабре 1910 г. в Петербурге начала выходить еженедельная большевистская легальная газета «Звезда». В. И. Ленин систематически посылал в нее свои статьи, осуществлял идейное руководство. Газета сыграла огромную роль в дальнейшем распространении марксизма среди рабочего класса и трудящихся России, в том числе и Сибири, в борьбе за укрепление большевистской партии против ликвидаторов — меньшевиков, отзовистов, троцкистов и прочих оппортунистов. Газета призывала к борьбе, широко освещала жизнь и освободительное движение трудящихся России. В Сибири «Звезду» получали от Тюмени до Владивостока. За год с небольшим «Звезда» опубликовала около 70 корреспонденций из различных городов и районов Сибири и Дальнего Востока: 25 корреспонденций посвящено забастовочному движению сибирских рабочих, 5 — работе сибирских профсоюзов, 6 — жизни и борьбе политических ссыльных, 4 — рабочей печати и десятки статей отражали тяжелые условия труда и жизни трудящихся. Освещая события с марксистских позиций, «Звезда» указывала пути и средства борьбы против существующего строя, политически воспитывала трудящихся в духе пролетарской солидарности и подготовки их к новым революционным боям.

Успех борьбы рабочего класса, его способность возглавить народную революцию в большой степени зависели от состояния марксистской партии. Исторической вехой на пути дальнейшего укрепления партии рабочего класса в России явилась VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, состоявшаяся в январе 1912 г.

Заслушав доклады с мест и подвергнув глубокому анализу развитие классовой борьбы в России, конференция констатировала нарастание революционного настроения масс. Она выработала политическую линию и тактику партии, приняла ряд решений о дальнейших задачах строительства пролетарской партии нового типа и о руководстве революционным движением в стране. В качестве главных очередных лозунгов были выдвинуты требования программы-минимум: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

Важное значение имело также избрание конференцией авторитетного Центрального Комитета РСДРП во главе с В. И. Лениным. Большевистская партия выступала в годы нового революционного подъема как крупнейшая политическая сила в жизни страны.

Царизм делал отчаянные попытки предотвратить надвигающуюся революцию. На рабочий класс и его партию обрушивались все новые и новые репрессии. В Сибирь непрерывным потоком двигались политические ссыльные.

В Сибирь были сосланы члены ЦК РСДРП, проводившие работу в России: Я. М. Свердлов, И. В. Сталин (вторично), С. С. Спандарян, В. П. Ногин, Ф. И. Голощекин, Д. М. Шварцман, кандидат в члены ЦК Е. Д. Стасова, члены Петербургской, Московской, Иваново-Вознесенской организаций РСДРП — Н. Скрыпник, Е. А. Бабушкин, С. И. Лебедев, В. А. Ватин, Г. С. Вейнбаум, Н. Л. Мещеряков, А. П. Голубков, П. П. Постышев и др., члены партийных организаций Киева, Одессы, Екатеринбурга, Перми, Тифлиса (Тбилиси).

На каторгу были сосланы участники военно-боевых организаций Петербурга, Кронштадта, Москвы, Либавы, Варшавы, Финляндии: Ф. В. Гусаров, Н. И. Плюснина, Н. Ф. Насимович, М. С. Атабеков, М. А. и Д. А. Трилиссер и др.

В 1910 г. после заключения в Петербургской тюрьме были сосланы на каторгу, а затем на поселение члены социал-демократической фракции II Государственной думы: В. М. Серов, В. А. Чашин, И. А. Петров и А. П. Вагжанов.

В ссылку вместе с русскими революционерами попадали представители различных национальностей России и даже зарубежных стран. Так, в енисейскую ссылку попали болгарские революционеры С. И. Джоров и Н. М. Димитров (брат известного деятеля международного рабочего движения Г. М. Димитрова). Совместная борьба русских и болгарских революционеров — замечательный пример развития глубоких интернациональных связей.

В ссылке побывали польские, литовские, латышские революционеры — члены СДКПиЛ, ЛСДРП²⁴ и других организаций: А. Д. Гревин, А. Э. Рибан, А. И. Германсон, Д. М. Эльбаум, С. С. Мушкат-Дзержинская (жена и боевой соратник Ф. Э. Дзержинского) и др.

Две трети политических ссыльных составляли рабочие и крестьяне, осужденные за участие в забастовках и аграрных «беспорядках». Среди членов политических партий преобладали социал-демократы, на втором месте стояли эсеры, затем члены других партий.

Ссыльные группировались по политическим направлениям. Одновременно получили распространение беспартийные союзы, объединения в колониях ссыльных, включавшие людей с различными политическими взглядами, а также участников освободительного движения, еще не оформившихся в политическом отношении.

Определяя отношение социал-демократов к беспартийным организациям, В. И. Ленин писал: «В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции».²⁵ Конкретные задачи участия социал-демократов в беспартийных организациях В. И. Ленин определил в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность». Эти задачи заключались в том, чтобы вести широкую пропаганду программы социал-демократии, устанавливать тесные связи с массами, пропагандировать программу «тех преобразований, которые должна осуществлять борющаяся революционная демократия в отличие от торгующейся либеральной демократии».²⁶ В таком направлении революционные социал-демократы и действовали в союзах, объединениях политических ссыльных. Они выступали как против «нейтралистов», исключавших политические задачи союзов, так и против анархистов, противопоставлявших организованным объединениям политических ссыльных бунтарские «федерации».

Значительные колонии политических ссыльных образовались в Нарымском крае. Здесь количество ссыльных достигало 2000 чел. В этом крае продолжал отбывать ссылку В. В. Куйбышев, сюда вторично был сослан на 4 года Я. М. Свердлов. Его отправили в отдаленный и глухой пункт Нарымского края, в сел. Максимкин Яр (в 500 км от Нарыма).

В Нарымском крае продолжала действовать нелегальная партийная школа, где заслушивались рефераты по политической экономии, филосо-

²⁴ СДКПиЛ — социал-демократия Королевства Польского и Литвы, ЛСДРП — Латышская социал-демократическая рабочая партия.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 139.

²⁶ Там же, стр. 141.

фии, по вопросам международного рабочего движения, изучалась марксистская литература. Важную роль играла библиотека, собранная политическими ссыльными. Она насчитывала несколько тысяч томов, в том числе нелегальную марксистскую литературу.

Преодолевая трудности и лишения, стойкие революционеры старались сохранить бодрость и силы для новой борьбы. Я. М. Свердлов писал своей жене К. Т. Новгородцевой: «Мало сравнительно копаюсь в своем положении, ибо исхожу из факта, а раз зимовка стала фактом, то нечего и говорить. Ну, да не беда, проживу и бодрость и энергию сохраняю. Не растрочу на борьбу со своими настроениями своих сил, для них найдется иное, более целесообразное применение».²⁷

Все думы Я. М. Свердлова были связаны с революционной работой. В феврале 1912 г. он прибыл в Нарым, а затем после трехкратной попытки совершил во второй половине этого года побег и добрался до Петербурга.

Царская администрация усилила репрессии: закрыла библиотеки и кооперативные столовые, запретила собрания. И все же, несмотря на это, в 1912 г. в Нарыме состоялся съезд политических ссыльных. Он избрал временное бюро для координации действий в борьбе с полицией и организации побегов. 1 мая 1912 г. близ Нарыма, в бору, была проведена маевка с участием 200 политических ссыльных и местной молодежи. С большой речью выступил В. В. Куйбышев. Это была открытая политическая демонстрация, которую не осмелились даже разогнать прибежавшие стражники. Не успели полицейские власти провести аресты за маевку, как в с. Колпашево ссыльные устроили демонстрацию с пением революционных песен во время похорон товарища.

Картина революционной деятельности политических ссыльных Нарымского края была характерна и для других мест Сибири. Многочисленная ссылка в Енисейской губернии, в том числе Туруханская и Ангарская, всегда отличалась своей активностью. Плодотворной была деятельность Братской колонии политических ссыльных, живших на поселении в с. Братском остроге (старый Братск) и в Братской волости. Они оставили значительный след в истории края. По инициативе политических ссыльных были организованы отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, общественная библиотека, музей. Ссыльные участвовали в работе потребительских кооперативов и кредитных товариществ, вели пропаганду среди молодежи. Особенно выделялась колония политических ссыльных в с. Усть-Уде (Балаганский уезд Иркутской губернии). Здесь находились на поселении почти исключительно женщины — активные участницы революционного движения в Петербурге, Москве, Варшаве, Лодзи, Вильно, Риге, Митаве, Нижнем Новгороде, Владимире, Воронеже, Саратове, Казани, Харькове, Елизаветграде, Одессе, Херсоне, Ярославле, Тифлисе и т. д. Р. И. Грубергриц была секретарем Донецкого союза РСДРП, Б. Б. Безерман осуждена Временным военным судом «за участие в Екатеринославском комитете РСДРП», С. С. Устепенидзе «осуждена Тифлисской судебной палатой за то, что во второй половине 1905 и первой половине 1906 г. принимала участие в сообществе, именуемом РСДРП».²⁸ М. И. Слуцкая и М. А. Ткач были сосланы за принадлежность к партии социалистов-революционеров. Некоторые из женщин перед отправкой на поселение отбывали каторгу.

Борьба против произвола царских властей продолжалась и в каторжных тюрьмах. В 1912 г. происходили организованные выступления политических заключенных Кутомарской и Алгачинской тюрем. Они выступали

²⁷ Н. Кудрявцев. Я. М. Свердлов в Нарымской ссылке. Томск, 1958, стр. 39.

²⁸ Алфавит ссыльнопоселенцев Усть-Удинской волости. (Хранится в Усть-Удинском районном архиве).

против попыток администрации ввести военно-уголовные правила обращения с политическими каторжанами. Новые распоряжения были направлены к усилению и без того жестокого режима, введенного в годы реакции в Алгачах и Кутомаре. В знак протеста заключенные объявили голодовку, которая продолжалась 15 дней, 5 политических каторжан Кутомарской тюрьмы покончили самоубийством. Покушения на самоубийство происходили и в Алгачинской тюрьме.

В ответ на кутомарскую и алгачинскую трагедии вспыхнули забастовки рабочих в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге. От имени социал-демократической фракции и трудовой группы был внесен запрос об этих событиях в IV Государственную думу.

Протестуя против произвола тюремщиков, В. И. Ленин писал: «Вся Россия задыхается под гнетом бесправия и произвола. Весь цивилизованный мир с дрожью негодования узнает о пытках и мучениях политических осужденных в Кутомаре, Алгачах и других тюрьмах, где терзают лучших людей нашей страны. Политическая свобода необходима России, как воздух необходим для дыхания человека».²⁹

Революционная деятельность ссыльных большевиков сливалась с работой сибирских организаций РСДРП и партии в целом. Политические ссыльные способствовали созданию легальных и нелегальных обществ, профессиональных союзов, партийных групп, налаживали связь с ЦК, руководили нелегальными группами рабочих и сельской молодежи.

В 1910—1914 гг. организации РСДРП вели подпольную и легальную работу в Тюмени, Барнауле, Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Ачинске, Тайге, Черемхове, Иркутске, на станциях Зима и Иннокентьевской, в Троицкосавске, Сретенске, Чите, Верхнеудинске, Благовещенске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске. В партийном отношении Сибирь делилась тогда на 2 части: 1) «Восточносибирский областной комитет» с центром в Верхнеудинске объединял социал-демократические организации в районе от Иркутска до станции Маньчжурии; 2) западносибирские социал-демократические организации от Челябинска до Иркутска объединял Областной комитет общесибирских организаций РСДРП с центром в Барнауле. Этот областной комитет был избран на съезде делегатов западносибирских социал-демократических организаций, состоявшемся в июне 1912 г. в Барнауле.³⁰ К этому времени большевики Сибири получили «Извещение о Всероссийской конференции РСДРП 1912 г.» в виде небольшой брошюры на тонкой папиросной бумаге и руководствовались решениями конференции в своей работе.

Широкое распространение получило издание листовок. За 1910—1912 гг. только в Барнауле, Тюмени, Красноярске и Чите было издано около 20 названий социал-демократических листовок, напечатанных нелегально, от 200 до 1500 экземпляров каждая. Создавались библиотеки среди политических ссыльных, в профсоюзах, в добровольных обществах и клубах, в потайных местах хранились произведения Маркса, Энгельса, Ленина. В Красноярске, например, долгое время легально работал книжный магазин «Дело и забава», через который осуществлялась тайная торговля нелегальной литературой.

Рост политической сознательности рабочих выражался также в их стремлении организоваться в профсоюзы. В годы реакции царизму удалось разгромить многие профсоюзные организации Сибири. В 1908—1910 гг. их количество упало до 25. Революционный подъем сопровождался оживлением профсоюзного движения. По далеко не полным дан-

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 203—204.

³⁰ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., д. 5, ч. 82, лит. Б, л. 37. — Перечень организаций РСДРП дан по этому фонду.

ным, в 1910—1914 гг. в Сибири насчитывалось около 30 профсоюзных организаций³¹

Одним из важнейших средств борьбы пролетариата против буржуазии оставалась стачка. С июля 1910 до августа 1914 г. было проведено более 50 забастовок с 13 тыс. участников.³² Так, 8 февраля 1910 г. на станции Алзатай Сибирской железной дороги забастовали 80 рабочих на заготовке шпал, они выдвинули наряду с экономическими требованиями и политические лозунги. 15 февраля прекратили работу 118 горняков Черногогорских копей Минусинского уезда, 19 мая — 120 рабочих Русско-Азиатского товарищества в Черемхово, 23 мая — 140 рабочих строящейся железной дороги Тюмень—Омск (на станции Называевской). В это же время на другом конце Сибири забастовали 500 рабочих Амурской железной дороги.

Волнения захватили и студенческую молодежь. 7 ноября 1910 г. студенты Томского технологического института, получив известие о смерти Л. Н. Толстого, устроили сходку и решили на 3 дня прекратить занятия. 7 и 8 ноября состоялись демонстрации студентов и гимназистов.

Активно работала социал-демократическая группа в Тюмени. Она издавала «Рабочую газету», выпустила ряд листовок, например «Ко всем рабочим Тюмени», «Первое мая», «К солдатам», распространяла газеты «Социал-демократ», «Звезда», «Правда» и нелегальную литературу, проводила рабочие собрания.

Умелое использование легальной печати показала Обская группа РСДРП в Новониколаевске, она издавала газету «Обская жизнь». В состав редакции газеты в 1910—1912 гг. входили большевики, редактором был А. Г. Новицкий, ее сотрудниками являлись В. М. Бахметьев, А. Ф. Ильина и др. Газета освещала положение рабочих, их классовую борьбу. За критику существующих порядков, за освещение рабочей жизни и рабочего движения она не раз подвергалась репрессиям, обыскам, штрафам и, наконец, была закрыта, а редактор и многие сотрудники отправлены в ссылку в Нарымский край.

В 1911 г. была воссоздана организация РСДРП в Барнауле, она насчитывала 35—40 чел. На рабочих она оказывала влияние через легальное общество «Труженики», выписывала 6 экземпляров «Правды», проводила маевки. Позиция комитета была ясно выражена в первомайской прокламации «К гражданам г. Барнаула», призывавшей объединиться под знаменем РСДРП и бороться за демократическую республику, восьмичасовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель в пользу крестьян. У руководства организации был такой опытный большевик, как И. В. Присягин.

В Красноярске в 1910—1911 гг. работала группа большевиков во главе с А. Г. Роговым, членом партии с 1903 г., участником вооруженного восстания 1905 г. Группа была связана с ЦК, с Иркутском, с местным гарнизоном солдат, имела свою подпольную типографию, выпустила ряд прокламаций, вела борьбу с ликвидаторами и отзовистами. Крупным событием в Красноярске летом 1911 г. были стачки строителей военного городка и 200 рабочих кирпичного завода Беккер, на котором работали большевики Рогов и Богачев. Специально выпущенная листовка «К рабочим города Красноярска» призывала объявить «бойкот властям кирпичного завода Беккер». Организованное выступление красноярских рабочих заставило администрацию пойти на уступки.³³ Стачка же строителей военного городка была подавлена силой.

³¹ В. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 91.

³² Там же, стр. 92.

³³ М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафронов. Между двумя революциями. Красноярск, 1960, стр. 69; ЦГИА, ф. 1468, оп. 14, д. 237, лл. 36—52.

В сентябре 1911 г. с помощью провокатора охранке удалось захватить типографию, партийную переписку, нелегальную литературу и арестовать около 60 чел. Наиболее активные работники Красноярской организации РСДРП — А. Г. Рогов, И. А. Тимофеев, Х. Г. Пестун, М. М. Магдюк, Н. И. Морозов, С. А. Ордин, А. Д. Батурин, И. Я. Кунин, Г. М. Грязнов — были приговорены к каторжным работам от 8 до 12 лет.³⁴ Однако революционная работа не прекратилась. Большевики, опираясь на рабочих железнодорожных мастерских и депо, сохранили организацию, ее связи с ЦК и в 1912 г. организовали новые выступления рабочих, особенно в связи с ленскими событиями и выборами в IV Государственную думу.

Революционный подъем охватил и дальневосточные районы. В сентябре 1910 г. состоялась конференция всех социал-демократических организаций Сибири и Дальнего Востока в г. Троицкосавске. Среди ее делегатов были представители Иркутского, Омского, Красноярского, Ачинского, Читинского, Троицкосавского, Сретенского и Благовещенского комитетов РСДРП. Конференция сделала попытку создать «Союз РСДРП», но он просуществовал недолго из-за полицейских репрессий.

В этом же году в Харбине состоялось совещание социал-демократов Владивостока, Никольск-Уссурийска и КВЖД. Совещание призвало все партийные организации Дальнего Востока усилить работу по сплочению революционных сил.

Непрерывное нарастание рабочего движения оказывало свое влияние и на другие слои трудящихся. В 1911 г., например, была забастовка приказчиков в магазинах Гадалова в Красноярске.³⁵ Волнения охватили и крестьян.

Летом 1910 г. среди крестьян Кокчетавского уезда началось брожение, выразившееся в отказах вносить платежи, в самовольных порубках леса, в угрозах не давать запасных в случае мобилизации. В итоге 11 крестьян были высланы. И в Акмолинском уезде 7 крестьян было арестовано «за противоправительственную деятельность».³⁶

Против уплаты податей и продажи земельных угодий недоимщиков выступили в январе 1911 г. крестьяне Хомутовской волости Иркутского уезда.

Большевики стремились направить волнения крестьян в общее русло революционной борьбы против царизма, распространяли листовки, вели агитацию среди крестьян. Так, в марте 1911 г. в деревнях Петровой и Чернышовой Туринского уезда Тобольской губернии распространялись прокламации по поводу 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости, а в дер. Фабричной листовка «1 мая» призывала крестьян к борьбе с самодержавием за демократическую республику.³⁷

Наиболее крупные выступления крестьян в этот период были в Томской губернии, на Алтае, где лучшие земли принадлежали Кабинету. В течение длительного времени местные власти вели борьбу с массовыми порубками леса и бесплатной пастбой скота. 31 мая 1911 г. в с. Павловском Барнаульского уезда около 300 крестьян, вооружившись кто чем мог, разгромили квартиры управляющего Павловским имением, полицейского урядника, лесообъездчика, контору имения и казенную лавку, уничтожили архивы, порвали портреты царя и «даже пели революционную песню „Вставай, поднимайся, рабочий народ“». Из Барнаула был вызван

³⁴ М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафронов. Между двумя революциями, стр. 63.

³⁵ «Звезда», 1910, № 18.

³⁶ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 418, л. 1.

³⁷ ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 798, лл. 4, 6.

конный наряд полиции. Произошло столкновение. Несколько человек было убито и ранено.³⁸

Длительная тяжба с Кабинетом была и у крестьян с. Мормыши Барнаульского уезда. Они сначала просили передать им некоторые земли, но получили отказ. Тогда весной 1912 г. всем обществом самовольно запахали и стали использовать участок в 6000 десятин. Видя массовое недовольство крестьян, томский губернатор высказался «за мирное решение вопроса» и предложил прирезать крестьянам часть земель, чтобы не допустить повторения «павловских событий», хотя эти земли до землеустройства и не принадлежали Кабинету, а были в фактическом пользовании крестьян. Именно поэтому крестьяне и не признавали нового землеустройства и отказывались платить аренду. За короткое время только по 2 волостям накопилось 12 тыс. исков. Все это заставило Кабинет пойти на уступки. Последовал «высочайший манифест», по которому оброчная статья в 2330 десятин была прирезана крестьянам, но тут же следовало предупреждение, что «другие домогательства удовлетворены не будут». И как бы в подтверждение этого в селах Устьмосихе, Шарчихе, Рогозихе, Клочки, Среднекраюшкино «за подстрекательство» было арестовано 60 чел.³⁹

Протесты крестьян выражались также в отказе выполнять воинскую повинность. Отмечены были, например, крупные волнения в с. Семилужном Томского уезда во время сбора запасных (316 чел.).

Главной причиной недовольства крестьян была нехватка земель, недостаток лесных угодий, особенно у переселенцев.

Классовая борьба, таким образом, охватывала все новые и новые слои трудящихся отдаленных окраин страны. Россия шла к новой революции. Событием, в котором, как в фокусе, отразилась сущность третьеиюньской монархии, явился расстрел рабочих на Лене.

3. ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ 1912 г. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1912—1914 гг.

1912 год вошел в историю российского рабочего движения как год исторического перелома. Этот перелом был подготовлен всем ходом социально-экономического и политического развития России, самоотверженной борьбой пролетариата под руководством марксистов-ленинцев в предшествующие годы. Толчком к новому революционному натиску пролетариата на империализм и царскую монархию послужили события, происходившие на Ленских золотых приисках. «Ленский расстрел, — писал В. И. Ленин, — явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс.⁴⁰

Условия труда и жизни рабочих на приисках «Лензото» были тяжелыми. Рабочий день продолжался 12 и более часов. За изнурительный труд рабочие получали низкую заработную плату, которая урезывалась штрафами, расплатой ордерами, обсчетами, обвешиванием и обмериванием в приисковых лавках. Жили рабочие в неблагоустроенных холодных бараках, ютились в землянках и шалашах. Отсутствие охраны труда вело к массовому травматизму. Медицинское обслуживание было поставлено плохо. Заботы о рабочем человеке не было. Пока рабочий был в силе — работал, случалось увечье или болезнь — его выбрасывали вон, как приисковый отвал. Царил дикий произвол и глумление над рабочими со стороны администрации, полиции и местных властей.

³⁸ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 382, л. 17.

³⁹ Там же, лл. 4, 5, 8.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

Выведенные из терпения жесточайшей эксплуатацией и полным бесправием, рабочие выражали недовольство, роптали. В 1911—1912 гг. происходили острые конфликты.

В январе 1912 г. рабочие Александровского и Феодосиевского приисков заявили коллективный протест против плохого снабжения продуктами питания и медицинского обслуживания. Организаторы протеста подверглись аресту и избиению. Рабочие выступили в их защиту. Участились конфликты на других приисках. Большевики развернули агитацию за общую забастовку, которую намеревались провести в летние месяцы, чтобы в случае неудачи рабочие могли уехать в другие районы Сибири и Дальнего Востока.⁴¹ Однако забастовка вспыхнула стихийно 29 февраля 1912 г. в связи с выдачей рабочим Андреевского прииска совершенно непригодного к употреблению конского мяса. Этот инцидент переполнил чашу терпения. Рабочие Андреевского прииска не вышли на работу, предъявив управляющему чисто экономические требования. Их поддержали в тот же день рабочие Утесистого прииска. Началась забастовка.

В знак солидарности с андреевцами 1—2 марта забастовали рабочие Васильевского, Александровского, Варваринского, Ново-Васильевского, Липаевского, Пророко-Ильинского, Надеждинского и других приисков. Рабочие Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков 1 марта подали временно исполняющему обязанности окружного инженера Витимского горного округа Александрову коллективное заявление с экономическими требованиями. Требования были отвергнуты.

Для обсуждения плана действий большевики организовали собрание партийной группы. Собрание решило создать органы для руководства забастовкой, обсудило основные требования и постановило немедленно оповестить через уполномоченных все прииски о начавшейся забастовке, призвать рабочих к организованной борьбе. На собрании были избраны уполномоченные для переговоров с администрацией и связные, которые сразу же направились на прииски.

События развертывались бурно. К утру 3 марта на Надеждинский прииск прибыли депутаты с соседних приисков. Группа РСДРП организовала собрание, на котором был избран Центральный забастовочный комитет (ЦЗК) из 15—18 чел. На состоявшемся совещании ЦЗК было избрано Центральное бюро (ЦБ). В него вошли П. Н. Баташев — председатель, Г. В. Черепакхин и Р. И. Зеленко (Зелионко) — заместители председателя, Ф. В. Бондарь, П. И. Подзаходников, А. К. Лесной (Лесных), И. И. Попов — члены ЦЗК и ЦБ. Кроме Попова (эсера) и Лесного, ранее находившегося под влиянием анархистов, все избранные были либо большевиками, либо сочувствующими им. Руководящую роль в ЦЗК и ЦБ играли большевики.

3 марта на Надеждинском прииске собралось более 3000 рабочих во главе с выборными. Вновь состоялось многочисленное собрание, которое утвердило состав ЦЗК и ЦБ.

Уже 4—5 марта забастовка охватила все крупные прииски «ближней тайги». По призыву большевиков и сознательных рабочих создавались выборные органы — стачечные комитеты. «С первого же момента стачка, несмотря на стихийность ее возникновения, была, безусловно, под влиянием и организационным воздействием большевистской группы передовых рабочих на Лене», — вспоминал П. И. Подзаходников. Забастовочная волна быстро распространилась и на прииски «дальней тайги» — Верный, Тихоно-Задонский, Кулебрянник, Светлый и др. К середине марта

⁴¹ М. И. Лебедев. Воспоминания о ленских событиях 1912 года. М., 1962, стр. 114.

забастовка стала общей, охватила свыше 6 тыс. рабочих. Повсеместно создавались выборные органы: в бараках — старосты, на приисках — собрания старост, на территории приискового управления — собрания делегатов от приисков, которые выбирали местные (дистанционные) стачечные комитеты. Высшими органами по руководству забастовкой являлись Центральный забастовочный комитет и Центральное бюро.

Руководящую роль во всех выборных органах играли большевики и большевистски настроенные рабочие. Стройная организация, созданная самими рабочими под руководством большевиков на основе опыта первой русской революции, соответствовала производственной структуре «Лензото» и обеспечивала единство действий всех выборных органов приискового района, полный порядок и дисциплину бастующих рабочих. Сознательное подчинение рабочих выборным органам было отличительной чертой ленской забастовки.

Центральное бюро разработало основные требования, которые были единодушно одобрены всеми рабочими и с незначительными изменениями под названием «Наши требования» предъявлены администрации «Лензото». Рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы и ее своевременной выдачи, отмены штрафов и талонов вместо денег, улучшения жилищно-бытовых условий, предоставления регулярной и бесплатной медицинской помощи, оказания материальной помощи в случае болезни и утраты трудоспособности, отмены принудительного труда женщин, вежливого обращения служащих с рабочими, отстранения от службы 27 представителей администрации, увольнения рабочих только с ведома рабочей комиссии, улучшения снабжения и установления за ним рабочего контроля, уплаты заработка за дни забастовки и др.

С каждым днем забастовка принимала все более острый характер. Она отличалась единодушием и упорством, выдержкой, дисциплиной и организованностью, последовательностью в борьбе за полное удовлетворение предъявленных требований. Правление «Лензото», напуганное стойкой, дружной и организованной борьбой рабочих, пошло на частичные уступки. Но рабочие крепко стояли на своем. Действия местных властей в подавлении стачки были парализованы. Губернские власти с санкции царского правительства стали готовить кровавую расправу. Путем расстрела бастующих горняков они намеревались удовлетворить алчные аппетиты хозяев и припугнуть рабочих всей страны. На прииски были направлены войска. С ними прибыл известный палач рабочих, жандармский ротмистр Трещенков — помощник начальника Иркутского жандармского управления. По указанию иркутского генерал-губернатора было решено обезглавить забастовку путем ареста руководителей рабочих. В ночь на 4 (17) апреля члены ЦЗК и ЦК были арестованы и заключены в тюрьму. Это вызвало гневное возмущение всех бастующих. На приисках начались собрания и митинги, на которых принимались решения о посылке делегатов на Надеждинский прииск к прокурору с требованием об освобождении арестованных товарищей. Прибывшим делегатам было отказано в подаче коллективных требований на том основании, что заявления якобы являются поддельными, и предложено каждому рабочему лично написать заявление и принести к прокурору. Это была провокация, рассчитанная на то, чтобы подвести рабочих под пули.

Большевики сделали все, чтобы предотвратить поход рабочих на Надеждинский прииск для подачи «сознательных записок» с требованием об освобождении арестованных. Удержать возмущенных людей было невозможно. Раню утром 4 апреля огромные толпы рабочих двинулись к Надеждинскому. Когда голова колонны подошла к поселку, путь ей преградили шеренги солдат, за которыми находились ротмистр Трещен-

ков, прокурор Преображенский и судья Хитун. По мирной толпе был открыт огонь, свыше 500 чел. убито и ранено.

Расстрел не сломил воли и решимости рабочих. Замыслы палачей не сбылись. Жгучая ненависть к владельцам «Лензото» и местным властям охватила всех горняков золотой Лены. Бастовать до полной победы — таков был ответ всех рабочих на расстрел. Борьба рабочих вступила в новую фазу, приняла политическую направленность. Одним из главных требований бастующих стало наказание виновников кровавого кошмара. С неослабевающей силой забастовка продолжалась до начала июля 1912 г. и закончилась необычно: почти все рабочие демонстративно покинули прииски «Лензото».

Весть о Ленском расстреле облетела всю страну и жгучей болью отзывалась в сердцах рабочих. На другой же день после получения достоверных сведений о ленской трагедии большевистская газета «Звезда» вышла в траурной рамке. Вся первая страница «Звезды» была целиком посвящена ленским событиям. Она призывала рабочих излить свой гнев на головы врагов. Стихотворение Д. Бедного «Лена», напечатанное в газете, заканчивалось словами:

О, братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

Местные организации РСДРП подхватили боевой клич своего центрального органа — газеты «Звезда». Во многих городах и рабочих поселках, на железных дорогах и в крупных селах появились воззвания. Печатным и устным словом местные организации, группы и отдельные члены партии разоблачали царский режим, раскрывали перед народом смысл ленских событий, разъясняли цели и задачи партии, призывали рабочих и всех трудящихся объединяться под знаменем РСДРП. Грозная волна собраний, митингов, забастовок и демонстраций вихрем пронеслась по всей России. В авангарде шел пролетариат Петербурга, Москвы, Харькова, Одессы, Киева, Риги и других городов. В движении протеста приняли участие все прогрессивные слои населения — студенты и учащиеся, ремесленники и торгово-промышленные служащие, передовая интеллигенция. Оживилось крестьянское движение. Началось глубокое брожение в царской армии и флоте.

Широкий отклик получили ленские события в Сибири. Еще во время начавшейся ленской забастовки происходили волнения и стачки среди речников Лены, железнодорожников Бодайбинской железной дороги, рабочих промышленных предприятий Иркутска, шахтеров Черембасса и рабочих Сибирской магистрали.

В конце апреля комитеты РСДРП отпечатали и распространили большое количество прокламаций, в которых призывали рабочих к празднованию дня пролетарской солидарности. Нелегальные типографии сибирских групп и организаций РСДРП размножили прокламацию ЦК РСДРП «Первое Мая!», напечатали листовки, обращенные к рабочим отдельных городов, призывая посвятить Первому сплочению пролетарских рядов и выражению рабочей солидарности с пролетариатом всей страны, горячо откликнувшимся на ленское побоище.

В первомайский праздник в Сибири во многих городах, на железнодорожных станциях и в рабочих поселках состоялись маевки, митинги, собрания, стачки протеста против Ленского расстрела и стачки солидарности с бастующими ленскими горняками. Они показали, что рабочее движение на далекой окраине начинает принимать массовый характер, что наряду с экономической борьбой получают распространение политические выступ-

ления рабочих. Большое влияние на рост политической активности сибирских рабочих оказали решения Пражской конференции РСДРП и энергичная деятельность большевиков по реализации их на местах.

В бурные апрельско-майские дни благодаря всесторонней поддержке рабочих всей страны появилась ленинская «Правда». Одновременно с кампанией по сбору пожертвований в помощь ленским рабочим в ряде городов и колониях политических ссыльных проходил сбор денег в фонд рабочей газеты «Правда». Со времени появления «Правды» стали устанавливаться постоянные связи сибирских организаций РСДРП с центральными органами партии, возникали группы «правдистов», которые развернули борьбу против оппортунистов, оживили работу в массах. Сибирские «правдисты», рабочие-корреспонденты активно направляли в «Правду» материалы из жизни Сибири. Только за первое полугодие существования «Правды» в ней было опубликовано свыше 300 корреспонденций из Сибири. Открыто и тайно, преодолевая полицейские препоны и большие расстояния, «Правда» проникала в Сибирь и на Дальний Восток. Она быстро завоевала симпатии сибирских рабочих, стала самой популярной и авторитетной газетой.

После апрельско-майских выступлений рабочее движение в Сибири продолжало нарастать.

В июне 1912 г. весьма напряженной была обстановка по всей линии Сибирской железной дороги. Волнения и стачки происходили на многих участках. По поводу стачек на Забайкальской железной дороге газета «Сибирь» поместила заметку под выразительным заголовком «Не Лена ли?» и высказывала опасение о возможности «продолжения» ленских событий на железной дороге.⁴²

В июле—августе 1912 г. крупные волнения и стачки проходили на строительстве Амурской железной дороги. Забастовка закончилась частичной победой рабочих. В августе—сентябре неоднократно бастовали железнодорожные рабочие на Тюмень—Омской железной дороге, на некоторых участках Уссурийской дороги, в Харбинских железнодорожных мастерских. Несмотря на частые вспышки волнений и стачек по всей линии железной дороги, борьба железнодорожных рабочих носила разрозненный и неорганизованный характер. В ней участвовали преимущественно сезонники. Кадровые рабочие Сибирской железной дороги ограничивались пассивными формами протеста. Это объясняется существованием военного режима, который не давал возможности проявляться растущему недовольству рабочих в активной форме. «С тех пор как усмирили забастовку, — писал корреспондент «Нижеудинец» в газету «Звезда», — жизнь стала адом... Обращение с рабочими до цинизма грубое... Протестовать же при такой удушливой атмосфере никто не дерзает из боязни быть выброшенным на улицу».⁴³

Со времени ленских событий в новую фазу вступило движение горно-рабочих Сибири. С апреля по декабрь 1912 г. прошло свыше 20 забастовок горняков, в которых приняло участие около 18 тыс. рабочих. Крупными очагами рабочего движения являлись каменноугольные копи (Анжерские, Черемховские и Черновские), золотые прииски Амурской и Забайкальской областей, Енисейской и Томской губерний, медные рудники Акмолинской области и серебро-свинцовые рудники Приморья. Характеризуя положение на рудниках Уссурийского округа, «Правда» констатировала: «„Тетюхе“, по-видимому, серьезно угрожает воспроизведение драмы по ленскому образцу».⁴⁴

⁴² «Сибирь», 1912, № 188.

⁴³ «Звезда», 1912, № 35.

⁴⁴ «Правда», 1912, № 79.

Активное участие в рабочем движении принимали типографские рабочие. Составляя по численности небольшой отряд, они живо реагировали на все события, происходившие в стране. В апрельско-майские дни печатники приняли участие в движении протеста против Ленского расстрела. В 1912—1913 гг. прошли стачки печатников в Иркутске, Красноярске, Енисейске, Томске, Барнауле, Омске, Чите, Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке. В ряде городов возникли нелегальные профсоюзы типографских рабочих, которые возглавили забастовочное движение.

Со второй половины 1912 г. участились стачки речников, строительных рабочих, пищевиков, кожевников, пимокатов, швейников, торгово-промышленных рабочих и приказчиков. В связи с подготовкой к I Сибирскому и IV Всероссийскому съездам торгово-промышленных служащих во многих городах Сибири и Дальнего Востока развернули интенсивную деятельность союзы и общества приказчиков. Во Владивостоке, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Красноярске, Томске, Барнауле, Омске и других городах происходили острые конфликты между приказчиками и торговыми фирмами, сопровождавшиеся вспышками забастовок, столкновениями с властями.

Наивысший подъем стачечной активности торгово-промышленных рабочих и служащих происходил весной 1913 г. Приказчики многих городов отметили 1 Мая собраниями и стачками. Назревала общая забастовка. 3 мая торгово-промышленные служащие Иркутского отделения крупнейшей в Сибири фирмы «А. Ф. Второв и сыновья» объявили забастовку и предъявили ряд экономических и политических требований: законодательное установление восьмичасового рабочего дня, отдых во все праздничные дни, включая и 1 Мая, уничтожение сверхурочных работ, запрещение труда малолетних, ограничение труда подростков, введение широкой свободы союзов, собраний и стачек, уничтожение стеснений для рабочей партии и др.⁴⁵ Под требованиями стояло 486 подписей приказчиков и служащих различных фирм и учреждений Иркутска. «В интересах солидарности» требования были разосланы во все организации приказчиков Сибири и встретили единодушную поддержку. Вслед за иркутянами забастовали приказчики отделений фирмы Второвых в 11 сибирских городах. Происходили стачки солидарности приказчиков других торговых фирм, печатников, грузчиков, строительных и промышленных рабочих.

Начались массовые репрессии против бастующих. Посредством арестов и увольнений забастовка была подавлена, но борьба приказчиков не прекратилась. Она продолжала расширяться и углубляться.

Во время забастовки второвских приказчиков прокатилась волна забастовок промышленных, транспортных, строительных и типографских рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке. В мае—июне 1913 г. проходили забастовки печатников в Новониколаевске, Томске, Барнауле, высокая стачечная активность наблюдалась среди горняков Черембасса и рабочих Золотопромышленного общества Маринских приисков, грузчиков и строителей Владивостока и Никольск-Уссурийска. Газета «Уссурийская окраина» в номере от 17 июня 1912 г. поместила статью «Маленькая Лена», в которой описывала дружную забастовку рабочих Никольск-Уссурийской войсковой строительной комиссии.

ЦК РСДРП(б) через газету «Правда» и местных «правдистов» путем посылки своих агентов и высылки литературы оказывал постоянную помощь сибирским организациям и группам РСДРП в политическом воспитании рабочих, в руководстве их борьбой против царизма. Преодолевая неимоверные трудности, связанные с полицейским террором и усилиями прислужников капитализма остановить революционное движение, больше-

⁴⁵ ГАИО. ф. 2-с. оп. 1, д. 777, л. 3.

вики восстанавливали и заново создавали партийные группы и организации, ни на шаг не прекращали работы в массах. Несмотря на некоторое затишье в забастовочном движении, борьба рабочих продолжалась.

Осенью 1913 г. волнения и частичные стачки происходили на копиях Читинского углепромышленного товарищества и Московско-Сибирского углепромышленного общества, на цементном заводе «Камышет» Сибирского торгово-промышленного товарищества, на Ленских золотых приисках и на некоторых других предприятиях.

Накануне первой мировой войны прокатилась мощная волна экономических и политических стачек в Европейской России. По призыву ЦК РСДРП в крупных пролетарских центрах 9 января, 4 апреля и 1 мая состоялись политические демонстрации. В Петербурге, Баку и Лодзи происходили баррикадные бои. Вооруженные решениями Поронинского совещания ЦК РСДРП, большевики готовили массы к новым боям с царизмом. Настойчиво велась подготовка всеобщей политической стачки — решающего шага к новой народной революции. Выступления пролетариата в крупных промышленных районах и огромная массово-политическая деятельность большевиков всколыхнули рабочих всей страны. Сибирские организации РСДРП в начале января 1914 г. провели на крупных промышленных и транспортных предприятиях нелегальные собрания и митинги, посвященные второй годовщине Кровавого воскресенья. На некоторых предприятиях состоялись однодневные политические стачки. Собрания, митинги и стачки оказали большое влияние на предвоенный подъем рабочего движения в Сибири. В январе—феврале прошли экономические стачки горняков Черембасса, золотопромышленных рабочих на приисках Томского, Ачинско-Минусинского и Ленского горных округов, волнения и частичные стачки кондукторских бригад на некоторых участках Сибирской магистрали, печатников и металлистов в Томске. В конце февраля 1914 г. вспыхнула забастовка 1100 рабочих в Лосихинском протоке строящейся Алтайской железной дороги в связи с задержкой заработной платы. Землекопы требовали своевременной выдачи зарплаты, улучшения снабжения продуктами питания, вежливого обращения служащих с рабочими и т. п. Забастовка продолжалась 4 дня и окончилась победой рабочих. Местные газеты характеризовали забастовку лосихинцев как одну из самых крупных после ленской стачки 1912 г.⁴⁶ Одновременно с землекопами Алтайской дороги бастовало свыше 500 рабочих на строительстве моста через р. Зею близ Алексеевки. Стачка прошла успешно: главное требование — уплата заработанных денег — было выполнено.

Рабочее движение в Сибири сделало резкий скачок весной 1914 г. 28 марта под руководством «Союза горнорабочих» Черемховского района состоялась политическая демонстрация в Черемхово в связи с похоронами одного из организаторов и активных деятелей «Союза горнорабочих» — шахтера И. Баканова (Маркина), погибшего от несчастного случая.

В годовщину Ленского расстрела на крупных копиях Черембасса большевики провели массовки. Вновь участились стачки. 14 апреля забастовали углекопы Щелкунова. По призыву «Союза горнорабочих» их поддержали и металлисты механического завода. Забастовка носила наступательный характер. Вместо одного требования (повышение заработной платы) рабочие выставили 17 требований, кроме того, 12 требований предъявили администрации женщины, работавшие на сортировке угля.⁴⁷ Забастовка была сочувственно встречена рабочими других копей. Она завершилась частичной победой рабочих.

⁴⁶ «Сибирская жизнь», 1914, № 51; «Жизнь Алтая», 1914, № 48.

⁴⁷ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 302, л. 161.

22 апреля 1914 г. в ознаменование второй годовщины ленинской «Правды» на копиях Московско-Сибирского углепромышленного общества и Мильнера состоялись стачки. Рабочие отметили появление своей газеты как большой праздник и организовали сбор денег в фонд рабочей прессы и бастующих товарищей на копиях Щелкунова и Маркевича. Оживленно велась подготовка к Первомайскому празднику. Борьбой черемховских шахтеров руководили большевики через нелегальный профессиональный «Союз горнорабочих» Черемховского района.

Решающее воздействие на рабочее движение в Сибири накануне первой мировой войны оказывала революционная обстановка в стране и активная деятельность местных большевистских организаций по реализации решений Поронинского совещания ЦК РСДРП. В марте 1914 г. рабочие самых отдаленных уголков Сибири выражали солидарность с питерскими рабочими, выступившими единым фронтом на защиту пролетариев фабрики «Треугольник» в связи с массовым отравлением их ядовитыми испарениями новой калошной мази (12 марта 1914 г.). «Чувство товарищества всех рабочих проявилось и в нашем медвежьем углу, — писал корреспондент в газету «Отголоски Сибири» с золотых приисков Северо-Енисейской тайги. — Локаут по отношению к питерским рабочим, объявленный капиталистами в ответ на протесты рабочих по поводу массовых отравлений, расшевелил и нашу разношерстную рабочую толпу».⁴⁸ По инициативе рабочих механической мастерской Федоровского прииска в Северо-Енисейской тайге развернулась кампания по сбору денежных пожертвований в фонд питерских рабочих. Свыше 1000 рабочих приняло участие в кампании. Собранные в фонд питерцев деньги были высланы в социал-демократическую фракцию Государственной думы.

Сибирские рабочие широко отметили вторую годовщину со дня Ленского расстрела. В городах и рабочих районах прошли нелегальные собрания, митинги и массовки. На многих золотых приисках Ленского горного округа, на каменноугольных копиях и в городах состоялись однодневные политические стачки (в Иркутске, Черембассе, Кузбассе, Томске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске, Омске и др.). В апреле бастовали строители Алтайской и Ачинско-Минусинской железных дорог, печатники Благовещенска, Читы, Иркутска, Томска и Омска.

Накануне дня 1 Мая 1914 г. большевистские группы Сибири размножили Первомайскую прокламацию ЦК РСДРП, напечатали и распространяли свои воззвания, в которых призывали рабочих и всех трудящихся к сплочению для борьбы с самодержавием и капитализмом под руководством РСДРП. Прокламация ЦК РСДРП заканчивалась лозунгами: «Долой капитализм! Да здравствует социализм! Долой наемное рабство! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Долой самодержавие! Да здравствует вторая революция в России!». На обратной стороне прокламации ЦК РСДРП был помещен текст «За партию!», призывавший к борьбе против ликвидаторов, к укреплению партийных рядов и подготовке к революции: «За партию, товарищи! В ряды нелегальных организаций! Объявим беспощадный бойкот презренным изменникам партии — ликвидаторам и возьмемся за дело дружнее! Да здравствует старая нелегальная РСДРП! Да здравствует революционная борьба рабочего класса и грядущий натиск его против царской монархии!».⁴⁹

Первомайский праздник 1914 г. прошел очень оживленно. В городах и рабочих поселках происходили собрания и маевки. Во многих районах состоялись Первомайские стачки (Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Тайга, Анжерка, Судженка, Черембасс, Ленские прииски, Чита, Благо-

⁴⁸ «Отголоски Сибири», 1914, № 60.

⁴⁹ ГАИО, коллекция листовок, № 75.

вещенск, Владивосток, Харбин). В маевках приняло участие много рабочих мелких предприятий, которые раньше стояли в стороне от борьбы. В рабочем движении Сибири отчетливо наметилось сочетание экономической борьбы с политическими выступлениями.

В мае 1914 г. забастовочное движение охватило многие районы Сибири и Дальнего Востока. Бастовали рабочие Золотопромышленного общества Мариинских приисков, Анжерских, Кольчугинских, Изыхских, Черемховских и Сучанских каменноугольных копей, строители Амурской, Алтайской и Ачинско-Минусинской железных дорог, грузчики Новониколаевска, печатники Омска и Барнаула, пищевики и строительные рабочие Иркутска, Благовещенска и Владивостока, водники Амурского бассейна, рыбаки Приморья и Камчатки. Стачки носили наступательный характер. Возросла повторяемость стачек на одних и тех же предприятиях. Многие выступления рабочих проходили под руководством местных групп РСДРП и нелегальных профсоюзов. Поввысилась организованность и сплоченность рабочих. Усилилась тяга к организации.

В городах и рабочих районах накануне мировой войны создавались нелегальные и легальные профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, библиотеки, потребительские общества и кооперативы, кассы взаимопомощи и т. п. «В разных городах Сибири среди рабочих, имеющих тяготение к марксизму, — писала газета «Якутская окраина», — поднят вопрос о созыве сибирской конференции (профсоюзов, — авт.). Большинство организованных групп высказалось по этому вопросу положительно».⁵⁰ Одновременно большевики готовили общесибирскую конференцию РСДРП, которую предполагали провести летом или осенью 1914 г.

В рабочее движение вовлекались самые отсталые слои рабочих. Большую сенсацию произвело активное участие в забастовочном движении Сибири накануне войны женщин-работниц. 19 мая сортировщицы каменного угля на коях Мильнера и Московско-Сибирского углепромышленного общества (Черембасс) явились застрельщиками забастовки. Забастовка приняла наступательный характер и продолжалась около месяца.

В июне—июле количество стачек несколько уменьшилось по сравнению с маем 1914 г., но они стали принимать более упорный и организованный характер. В забастовочном движении отчетливо обозначилась тенденция к общим выступлениям рабочих в отдельных городах и крупных рабочих районах. Продолжительную борьбу на экономической почве вели горняки и металлурги акционерных обществ «Спасские медные руды» и «Атбасарские медные копи», где основную массу рабочих составляли казахи и русские. В ходе совместной борьбы укреплялось интернациональное единство рабочих.

Крупные забастовки проходили на каменноугольных коях, на строительстве Кольчугинской, Ачинско-Минусинской и Амурской железных дорог. В конце июня забастовало свыше 800 рабочих близ с. Ужур (Ачинский уезд Енисейской губернии). Вскоре забастовочная волна перекинулась на другие участки строительства Ачинско-Минусинской дороги и охватила несколько тысяч рабочих. На подавление стачки были направлены воинские подразделения. Вспыхивали стачки на Сибирской железной дороге, в мастерских депо, бастовали речники Оби, Лены и Амура, рабочие Березовской войсковой хозяйственно-строительной комиссии, завербованные в Европейской России. В июне Новониколаевская группа РСДРП организовала забастовку мостовщиков и каменщиков города. Забастовка прошла успешно. Она была поддержана рабочими других предприятий.

Наряду со стачками проходили нелегальные собрания и массовки, организовывались рабочие кружки, проводился сбор пожертвований в помощь

⁵⁰ «Якутская окраина», 1914, № 157.

политическим ссыльным, заключенным, бастующим товарищам и т. п. В июне—июле в ряде районов Сибири и Дальнего Востока производились сборы денежных пожертвований в фонд бастующих бакинских нефтяников. На нелегальном собрании рабочих Иркутска была принята резолюция: «Собрание рабочих г. Иркутска, приветствуя борьбу бакинских рабочих и выражая свое сочувствие их героической, стойкой борьбе, посылает посильную помощь бакинским товарищам, составленную из произведенного сбора по мастерским. Это же собрание приветствует организованых рабочих всей России и заявляет, что оно присоединяется к борьбе, ведущейся за коренное изменение существующего строя, за восьмичасовой рабочий день и конфискацию всех земель».⁵¹ Громкий отклик получила борьба бакинских рабочих на Дальнем Востоке. Во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске и других городах рабочие организовали сбор денег в фонд бакинцев.

Рабочие Сибири перед войной выступали, как и рабочие всей страны, в качестве гегемона, поднимающего знамя революции от имени всего народа. По количеству стачек и числу бастующих первая половина 1914 г. была исключительной по сибирским масштабам. По сравнению с центральными промышленными районами страны рабочее движение в Сибири имело ряд специфических особенностей. Стачки носили преимущественно экономический характер, происходили не одновременно в различных районах. Организация рабочих была значительно слабее, влияние большевиков было ограничено наиболее крупными пунктами по линии Транссибирской магистрали, их деятельность и руководство рабочим движением скомповывало пребывание в объединенных организациях с меньшевиками, выступавшими против «стачного азарта».

⁵¹ ГАИО, ф. 2-с, оп. 1, д. 835, лл. 153—154

Просвещение и культура в Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Характеризуя социальные сдвиги в России второй половины XIX в., выразившиеся и в реформах 60-х годов, В. И. Ленин говорил, что это было «начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи».¹

Широкое общественное движение, в основе которого лежало требование буржуазно-демократических преобразований государственного строя и всей общественной жизни России, выдвинуло поколение деятелей культуры, горящих жадой прийти на помощь народу, вывести его из угнетенного состояния. Большинству этих передовых представителей русской интеллигенции казалось, что основным средством в решении поставленной задачи является просвещение народа.

Передовыми педагогами пореформенной России пересматривается все содержание обучения. Встает проблема воспитания нового человека, лишенного пережитков крепостнического общества. Со страниц прогрессивной прессы и в высказываниях передовых педагогов звучит требование уважения к личности ребенка, провозглашается равенство мужчины и женщины в праве на образование. Все это являлось свидетельством усиления демократических элементов в русской национальной культуре.

Под влиянием потребностей экономического развития страны и демократических веяний, возникших в ходе общественно-педагогического движения 60-х годов, царское правительство принуждено было встать на путь школьных реформ, в итоге которых произошел известный пересмотр «положений» о начальной школе и «уставов» средних и высших учебных заведений.

В. И. Ленин подчеркивал, что «„реформы“, проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия».² Эпоха реформ 60-х годов «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве».³

Таким образом, политика царского правительства, направленная на превращение России в буржуазную монархию, уже с самого начала характеризовалась двойственностью, нашедшей отражение и в «просветительных» реформах царизма. Просвещение не стало полным достоянием народа. Право на него сохранилось по-прежнему главным образом для имущих.

Общественно-педагогическое движение 60-х годов проявилось и в Сибири. Под его влиянием в Томске, Омске, Тобольске, Красноярске, Иркутске, Троицкосавске и других городах открылись воскресные школы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 173.

для взрослых культурно-просветительного характера. Они представляли собой общественное начинание по распространению грамотности и первоначальных знаний среди взрослого населения: рабочих, ремесленников. Организаторами и преподавателями в воскресных школах были представители передовой интеллигенции. К 1862 г. в Сибири действовало 15 воскресных школ.

Возрастала тяга народа к образованию, увеличивались пожертвования на школы как в городе, так и в сельских местностях. В одной из статей газеты «Томские губернские ведомости» отмечалось: «Теперь и безграмотный начинает сознавать великую пользу народного обучения и спешит, если есть только возможность, послать сына или дочь в школу».⁴

Прогрессивные начинания в деле просвещения встречали противодействие царской власти. Было запрещено в начале 60-х годов основание в Томской губернии Общества по распространению грамотности, устав которого составили преподаватели Томской гимназии. В 1860 г. в Омске удалось открыть Общество бесплатного обучения, но оно просуществовало недолго.

В 1862 г. царское правительство закрыло воскресные школы, так как опасалось, что они станут очагами демократической пропаганды.

В 1867 г. в Иркутске возникло Восточносибирское отделение Русского технического общества. Его задача заключалась в том, чтобы способствовать распространению технических знаний и навыков, содействовать развитию местной промышленности и сельского хозяйства. Отделение Технического общества проводило беседы по вопросам техники, издавало свои «Известия» и «Записки», организовало 2 выставки «местных произведений» Восточной Сибири, устроило образцовую крестьянскую усадьбу.

В городах Сибири (Барнауле, Томске, Красноярске, Иркутске) создавались общественные библиотеки-читальни. Некоторые из них превращались в своего рода клубы местных литераторов и краеведов. Литературно-краеведческие кружки оживленно действовали в Кяхте и Нерчинске.

Вопросы просвещения обсуждались на страницах сибирских газет.

В 1882 г. группой либерально-буржуазных деятелей во главе с сибирским меценатом П. И. Макушиным, владельцем типографий и книжных магазинов, было создано в Томске Общество попечения о начальном образовании. Оно содержало 4 приходских училища, вечерние повторительные классы, женскую рукодельную школу, бесплатную народную библиотеку. Общество действовало под девизом «Ни одного неграмотного».

В 80-х годах вновь возникают воскресные школы. Они открываются в Томске (1881 г.), Иркутске (1885 г.), Кургане (1885 г.) и других городах. Эти школы были разрешены тогда с большим ограничением их программ и подчинены строгому надзору инспекции народных училищ.

В предреформенное время школьная сеть «характеризуется ничтожными количественно размерами и крайней пестротой в отношении ведомственной принадлежности школ».⁵ В число учебных заведений входили Тобольская, Томская и Иркутская гимназии, уездные училища, Омский кадетский корпус, Девичий институт Восточной Сибири, духовные семинарии и духовные училища, приходские (в городах и селениях), сельские и казачьи начальные школы, приюты, частные школы.

В Алтайском и Нерчинском округах действовали горнозаводские и горные школы.

Средние школы были недоступны для детей рабочих и крестьян. В Девичий институт принимались только дочери дворян, чиновников,

⁴ «Томские губернские ведомости», 1882, № 33.

⁵ Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923, стр. 139.

именитых купцов; в семинариях и духовных училищах обучались сыновья духовенства, «в гимназиях с благородным пансионом» — дети чиновников, купцов и зажиточных мещан.

Незначительным было количество начальных школ. В 1860 г. в Тобольской губернии насчитывалось всего 15 сельских училищ, в которых обучались 891 мальчик и только 6 девочек. В школах Томской губернии в 1859 г. учились 1115 учащихся, из них 972 мальчика и 143 девочки.⁶ На 1 273 000 жителей Восточной Сибири приходилось 1644 учащихся. Особенно редко обучали грамоте девочек.

Во второй половине XIX в. количество школ возросло. С 1854 по 1888 г. построено 757 начальных училищ, в том числе в Западной Сибири — 409, в Восточной — 315, в Приамурском крае — 33. С 1889 по 1908 г. открыто 3890 школ.⁷ Из них 2278 приходилось на Западную Сибирь, 1173 — на Восточную и 439 — на Приамурский край.

Начальные школы способствовали распространению грамотности, но они не могли в достаточной степени удовлетворить действительные запросы народа в знаниях. «Многомиллионное сибирское население, — читаем в газете «Восточное обозрение», — по-прежнему остается без школ и коснеет в невежестве или получает какие-то обрывки знаний, которые быстро забываются по выходе из школы».⁸ Низким качеством обучения особенно отличались школы церковного ведомства, вызывавшие недовольство населения.

На каждую волость с десятками селений, разбросанных на огромных пространствах, приходилось в лучшем случае по одной школе.

Общий процент грамотности в Сибири (с дальневосточными областями) составлял, по переписи 1897 г., 12,4. Процент грамотности в сельской местности не превышал 9,9, а среди женщин — 5,1 в целом по Сибири и 3,2 в сельской местности.

При недостатке официальных училищ, удаленности их от многих деревень в Сибири получили распространение домашние, или «вольные», школы (обучение на дому). Качество обучения в этих школах зависело только от самих учителей. Уровень его был низким, особенно когда становились учителями малограмотные ссыльнопоселенцы и отставные солдаты.

В роли прогрессивных педагогов выступали политические ссыльные, а также учителя по профессии, попавшие в опалу, ссылку или вышедшие в вынужденную отставку.

«Вольные» школы преследовались правительством, тем не менее они успешно выполняли свою благородную миссию. Сенатор А. Н. Куломзин во время поездки по Сибири установил, что около 33% опрошенных им рабочих приобрели грамотность в неофициальных школах. Процент сельского населения, получившего начальное образование в домашних, «вольных», школах, был еще выше.

До 60-х годов XIX в. в Сибири были всего 4 средние общеобразовательные школы: Тобольская, Томская и Иркутская мужские гимназии и Девичий институт Восточной Сибири. В 1868 г. открылась мужская гимназия в Красноярске, в 1870 г. — в Омске. В Томске (1877 г.) и Тюмени (1879 г.) были открыты первые в Сибири реальные училища. К 1895 г. в Сибири насчитывалось 8 мужских гимназий, 3 прогимназии и 4 реальных училища. Количество учащихся с 1410 (в 1882 г.) увеличилось до 2215.

⁶ Там же, стр. 140.

⁷ Там же, стр. 147.

⁸ «Восточное обозрение», 1897, № 116.

Волна общественно-педагогического движения подняла вопрос о женском образовании. С 60-х годов в сибирских городах начали открываться женские школы. Они делились на 2 разряда.

В 60-х годах женские училища II разряда (с трехлетним обучением) появились в Томске, Иркутске, Семипалатинске, Тюмени, Енисейске, Ишиме, Ялуторовске, Каинске, Троицкосавске, Верхнеудинске, Нерчинске. В эти же годы в Томске, Омске, затем в Иркутске были открыты женские училища I разряда с шестилетним сроком обучения. В дальнейшем за училищами I разряда упрочилось название гимназий, а за училищами II разряда — прогимназий.

В 1895 г. в Западной Сибири насчитывалось 3 женские гимназии и 12 прогимназий, в Восточной Сибири и Приамурском крае — 7 гимназий и 9 прогимназий.

В 60-х годах открывались также женские училища III разряда. Они соответствовали мужским начальным училищам. Иногда при мужских училищах открывались женские отделения. Существовали и смешанные школы. В сельских местностях женские училища стали появляться в 70-х годах.

Тяжелое состояние просвещения у коренных сибирских народов характеризуется, например, такими данными: среди народностей Севера грамотные составляли не больше 2%, у бурят — 7.2%, у татар — 7.5%. Многие народы Севера не имели письменности. Царское правительство стремилось готовить управленческие кадры из зажиточных слоев нерусских народов, открывая для них специальные закрытые пансионы, или в целях руссификации создавало миссионерские школы.

До 70-х годов в Сибири не было ни одного специального педагогического учебного заведения. Учителя назначались из лиц, окончивших уездные училища, духовные семинарии, гимназии или выдержавших при них испытание на звание учителя. Ощущался острый недостаток в учительских кадрах. С ростом количества школ выдвинулась задача специальной подготовки учителей.

В Сибири открывались учительские семинарии: Омская и Иркутская (в 1872 г.), Красноярская (в 1873 г.), Читинская (в 1892 г.). По Положению о семинариях при них создавались начальные училища «с целью упражнения воспитаников в деле преподавания». В учительские семинарии принимались юноши, имевшие образование не ниже двухклассного училища (с пятилетним сроком обучения). В семинариях обучались 3 года.

Открытие учительских семинарий было заметным шагом вперед в деле подготовки учителей, но эти специальные учебные заведения лишь частично удовлетворяли возраставшую потребность в педагогических кадрах. К концу XIX в. в учительских семинариях обучалось не более 220 чел., а выпуски из них составляли 60—70 чел.

Для обеспечения начальных школ учителями открывались также специальные педагогические классы при женских гимназиях и епархиальных училищах,⁹ создавались краткосрочные педагогические курсы. Кадры учителей пополнялись также воспитанниками духовных семинарий и мужских гимназий. Паллиативные меры не помогли разрешить проблему педагогических кадров. Учителей повсюду не хватало.

Развитие капиталистических отношений в Сибири поставило задачу распространения профессионально-технического образования.

В 1873 г. в Иркутске открылось Техническое училище. В нем, кроме общеобразовательных предметов, изучались и специальные: прикладная

⁹ Епархиальные училища, по официальному названию «женские епархиальные духовные училища», представляли собой женские гимназии церковного ведомства. В них обучались дочери духовенства.

механика, технология, горноизыскательское дело, бухгалтерия и счетоводство. В 1890 г. Техническое училище было преобразовано в промышленное. В 1893 г. в Иркутске открылось Горное училище.

Вторым техническим заведением в Сибири было Омское механико-техническое четырехклассное училище, открытое в 1882 г. (в дальнейшем оно стало трехклассным). В него принимали окончивших начальное училище.

Промышленный подъем 90-х годов вызвал потребность в квалифицированных рабочих. Для их подготовки устраивались ремесленные отделения при городских и приходских училищах, создавались специальные ремесленные училища. Они содержались главным образом на пожертвования частных лиц. Своеобразный учебный комбинат представляло Иркутское ремесленно-воспитательное заведение Н. И. Трапезникова. Оно состояло из приготовительной школы с курсом двухклассного начального училища, трехгодичной ремесленной школы и ремесленных практических курсов. Ремесленные училища готовили специалистов слесарного, столярного, сапожного, портняжного дела, людей «с метким глазом и умелой рукой».

Развитие морской торговли заставило создать школы по подготовке специалистов мореплавания. В Николаевске-на-Амуре открылось мореходное училище, в 80—90-х годах мореходные классы были созданы в Тобольске и Владивостоке. Владивостокские мореходные классы были реорганизованы в училище дальнего плавания. В Благовещенске открылось речное училище.

Возникли первые в Сибири средне-медицинские школы: фельдшерская школа в Омске, школа фельдшериц и акушеров в Иркутске.

Военно-профессиональное образование в Сибири к концу XIX в. было представлено юнкерским училищем в Иркутске, возникшим в 70-е годы, и кадетскими корпусами в Омске и Хабаровске. Они являлись сословными дворянскими учебными заведениями.

К сословно-профессиональным учебным заведениям причислялись духовные семинарии. В Сибири существовало 5 духовных семинарий (Тобольская, Томская, Иркутская, Якутская и Благовещенская), имевших своим назначением подготовку священников. В семинарии принимали главным образом сыновей духовенства, прошедших курс четырехлетнего духовного училища. Первые 4 класса духовных семинарий были смешанными. В них преподавались общеобразовательные и специальные предметы. Два старших класса имели чисто профессиональное назначение.

Новые общественные веяния проникали и в духовные семинарии. Не все воспитанники становились священниками. Религиозно-схоластическая догматика вызывала противодействие со стороны некоторых семинаристов. Вольномыслящие юноши стремились в университеты, поступали на гражданскую службу, шли учителями. Среди бывших семинаристов известны активные участники общественного движения.

Дальнейший прогресс в области просвещения в Сибири был связан с общественным подъемом периода первой русской революции 1905—1907 гг. Рабочие выступили с решительным требованием увеличения числа школ и улучшения постановки обучения. Значительно возросло и число приговоров крестьянских обществ об открытии новых школ. Так, в одной только Енисейской губернии в 1899 г. на крестьянских сходах было принято 54 приговора.¹⁰

В Сибири заметно возрастали темпы развития начальной школы. Так, с 1894 по 1911 г. количество школ увеличилось на 167.2%, тогда как по

¹⁰ Д. Г. Жолудев. Краткая история школ Красноярского края. Енисейск, 1961, стр. 53.

всей империи — лишь на 66.2%. Сибирь имела ярко выраженную тенденцию догнать Центральную Россию.

Несмотря на относительно быстрые по сравнению с Европейской Россией темпы роста школ, Сибирь все же отставала от метрополии. Общий охват первоначальным обучением в Сибири к 1 января 1915 г. составлял 39%, в то время как по империи он равнялся 51%. Особенно отставало обучение девочек. Так, в Сибири среди общего числа учащихся начальных школ Министерства народного просвещения к 1914 г. было лишь 31.9% девочек.¹¹

Развитие народной школы по-прежнему сильно тормозилось многотипностью начальных школ и многоведомственностью их подчинения. Для широких масс городского и сельского населения существовали одноклассные (с 3—4 летним курсом обучения) и двухклассные (с 5—6-летним курсом) начальные училища. Для городского населения открывались также городские училища по положению 1872 г. с длительностью обучения до 6 лет. После 1912 г. они были преобразованы в четырехклассные высшие начальные училища, открывавшиеся на базе начальной четырехлетней школы. Повышенного типа начальных училищ (к 1914 г.) насчитывалось только 89 с 11 338 учащимися.

Рост школьной сети с большой остротой поставил вопрос о подготовке педагогических кадров. В начале XX в. было открыто 6 учительских семинарий в Западной Сибири — Семипалатинская (1903 г.), Павловская (1904 г.), переведенная позднее в Новониколаевск, Ялуторовская женская (1910 г.), Тобольская (1914 г.), Барнаульская (1915 г.), Акмолинская (1916 г.) — и 6 в Восточной Сибири — Красноярская, Минусинская, Нижнеудинская, Читинская, Никольско-Уссурийская (женская) и Якутская.

Для подготовки учителей начальных школ стали открываться годичные и двухлетние учительские курсы и продолжали развиваться педагогические классы при женских гимназиях. Для подготовки учителей церковно-приходских школ духовное ведомство в каждой епархии открывало церковно-учительские двухклассные школы и в епархиальных училищах был создан педагогический (седьмой) класс.

Для подготовки учителей повышенной школы (городских и высших начальных училищ) открывались учительские институты. Это были учебные заведения типа средних, с трехгодичным курсом, на базе городского, а позднее высшего начального училища. Учительские институты открылись в Томске (1902 г.), Иркутске (1909 г.), Омске (1912 г.), Красноярске (1915 г.) и в Тобольске (1916 г.).

Учительских кадров как для начальных, так и для повышенных училищ в Сибири повсюду не хватало. Поэтому во многих школах преподавание велось лицами, не имеющими необходимого образования. Это не могло не отражаться на качестве учебного процесса в школах, предназначенных для народа.

Развитие капиталистических общественных отношений вызвало рост средних учебных заведений. В 1895 г. в Сибири было 36 общеобразовательных средних школ (с прогимназиями), к 1905 г. их стало более 50. Число учащихся в них соответственно увеличилось с 6178 до 15 181.¹² Новые средние школы открывались в Кургане, Петропавловске, Барнауле,

¹¹ Начальные училища ведомства МНП в 1914 г. Пгр. 1916, приложение, стр. VIII; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пгр., 1916, стр. 170, 171, 196.

¹² Подсчет сделан на основании статистических ведомостей №№ 7, 8, 12, 13 и 17-а, приложенных к «Извлечениям из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1895 г.» (СПб., 1899), и №№ 7, 8, 12 и 16, приложенных к «Всеподданнейшему отчету министра народного просвещения за 1904 г.» (СПб., 1906). В подсчет вошли Западная и Восточная Сибирь и Приамурский край.

Томске, Красноярске, Иркутске и других городах, расположенных на линии железной дороги.

Удовлетворение нужд развивающегося сибирского капитала пошло не по пути профессионализации реальных училищ, а по линии открытия специальных коммерческих училищ, первое из которых было создано в Томске в 1901 г. Перед первой империалистической войной в Сибири было 6 коммерческих училищ (кроме Томска, — в Тюмени, Омске, Иркутске, Чите и Владивостоке). В результате крупных купеческих пожертвований и очень высокой платы за обучение эти учебные заведения хорошо оборудовались, имели высококвалифицированный педагогический персонал. Помимо общеобразовательных предметов, в них преподавались бухгалтерия, счетоводство, экономическая география и политическая экономия. В 1912 г. Томское коммерческое училище реорганизовано в среднее Политехническое училище с 3 специальными отделениями — коммерческим, землемерным и горным. Это было первое среднее учебное заведение подобного типа в России.

Усиление темпов промышленно-капиталистического развития Сибири после революции 1905—1907 гг. способствовало ускоренному росту средних учебных заведений. Так, за девятилетний период до 1905 г. в Сибири (вместе с Приамурским краем) было открыто только 15 средних учебных заведений Министерства народного просвещения, а за пятилетний период после революции (с 1908 по 1914 г.) — 24.

Усиленное вовлечение в процесс общественного производства женского труда с большой остротой выдвинуло вопрос о женском среднем образовании. С 1895 по 1914 г. в Сибири общее число женских средних учебных заведений Министерства народного просвещения выросло с 24 до 50, т. е. в 2.8 раза, а число учащихся в них — с 3.8 тыс. чел. до 17.7 тыс., т. е. в 4.7 раза.¹³

Однако эти данные еще не говорят о том, что среднее образование стало вполне доступно для трудящихся. Достаточно сказать, что к 1914 г. в Сибири одно среднее учебное заведение Министерства народного просвещения приходилось на 119 тыс. кв. верст и на 123.5 тыс. жителей.¹⁴

Большинство кончающих среднюю школу принадлежало по-прежнему к детям дворян и чиновников. Так, в 1911 г. в числе окончивших средние учебные заведения Западной Сибири детей дворян и чиновников было 30.9%, тогда как дворянско-чиновничья прослойка учащихся составляла 29.6%; детей же непривилегированных сословий (крестьян и казаков) в числе окончивших было лишь 19.4%, хотя эта прослойка тогда уже составляла 22.1% общего числа учащихся. Очевидно, значительная часть крестьянских детей, получив право учиться в средней школе, не имела возможности реализовать его до конца.

Империалистическая война, вскрыв несостоятельность полуфеодальной монархии, с особой наглядностью показала необходимость коренных изменений во внутренней жизни средней школы. Сибирская буржуазия ухватилась поэтому за проект реформы среднешкольного образования, предложенный в 1915 г. министром народного просвещения графом П. Н. Игнатьевым. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы взамен многотипной создать единую среднюю школу, учитывающую индивидуальные склонности учащихся. В учебные программы вводился ранее игнорировавшийся материал, способствующий расширению кругозора учащихся. Например, в программе по литературе появились произведения Л. Н. Толстого,

¹³ Все расчеты сделаны на основании данных «Всеподданнейших отчетов министра народного просвещения» за соответствующие годы. Сведения о территории и количестве жителей взяты из «Статистического ежегодника России 1915 г.» (Петербург, 1916).

¹⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 167, д. 1332, лл. 155—156.

А. П. Чехова, В. Г. Короленко и др., из мировой литературы — Мольера, Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона. Однако тщательно отсеивались произведения русских революционеров-демократов — А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, запрещались сочинения М. Горького. Активизировалось обучение с целью ликвидации огромной оторванности школы от жизни.

Рост капитализма и развитие борьбы рабочего класса привели к использованию всевозможных внешкольных форм просвещения — различных обществ, библиотек, воскресных школ и классов, народных чтений и пр.

Почти прекратившие свое существование в годы политической реакции, эти общества возрождались вновь под влиянием подъема в общественном движении. Наибольшее распространение получили общества попечения о народном образовании, созданные почти во всех сибирских городах. Число членов некоторых из них превышало 500 чел. (Омское, Барнаульское, Красноярское), а в отдельных случаях было свыше тысячи, доходя в некоторые годы до 1400 (например, Томское). Общества располагали значительным годовым бюджетом, а их неприкосновенные капиталы и недвижимая собственность порой достигали десятков тысяч рублей.

Стремление либерально-буржуазной части просветительных обществ видеть в них прообраз земских организаций в Сибири, с одной стороны, и проникновение в них революционно и демократически настроенных людей — с другой, повели к тому, что официальные уставные рамки деятельности обществ расширились. Они занимались не только начальными школами, но и устройством воскресных школ для рабочих, проводили народные чтения, устраивали бесплатные библиотеки-читальни, открывали классы технического рисования, летние курсы труда для учителей, создавали музеи прикладных знаний с отделами — ремесленно-техническим, сельскохозяйственным, горным, золотопромышленным и т. д. В некоторых обществах появились рукодельные и кулинарные школы для девочек. Деятельность многих из них вышла за рамки городов и охватила сельскую местность.

Политические ссыльные, работая учителями воскресных школ, выступая с лекциями в народных чтениях, стремились использовать малейшие возможности для революционной пропаганды. Губернаторы и чиновники Министерства народного просвещения постоянно жаловались на «замаскированную пропаганду» противоправительственных идей. Для этой цели использовались, например, произведения М. Горького, Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, наиболее популярные в народных чтениях.

Активно действовали общества содействия физическому воспитанию. Первое из них было создано в 1895 г. врачом В. С. Пируским в Томске. Оно объединяло в своих рядах много прогрессивной молодежи того времени, в частности, его членами являлись Н. Н. Бурденко (в будущем академик, известный советский хирург), И. Н. Осипов (в будущем профессор-педиатр), П. А. Массалитинова (крупный деятель Наркомпроса).

Дальнейшее развитие экономики в Сибири сильно тормозилось недостатком квалифицированных рабочих и специалистов со средней и высшей квалификацией. Поэтому с конца XIX в. перед буржуазной Сибирью встала проблема профессионально-технического образования. Так, для удовлетворения нужд железнодорожного транспорта (подготовки мастеров, техников, паровозных машинистов) начали создаваться низшие технические училища. Первое из них открылось в Томске в 1902 г., затем — в Омске, Красноярске и Хабаровске. В 1914 г. было открыто низшее механико-техническое училище в Барнауле.

Для удовлетворения нужд торговли после 1910 г. в Сибири стали возникать торговые школы и классы (в Омске, Томске, Тобольске, Красноярске, Иркутске). Для нужд сельского хозяйства в Сибири в течение 900-х годов появился ряд низших учебных заведений — сельскохозяйственных, лесных, молочного хозяйства.

Развитие переселенческой политики вызвало появление средних землемерных училищ. В 1915 г. их было 3 — Омское, Красноярское, Читинское. Перед войной в Омске и под Иркутском (Жердовское) открылись 2 средних сельскохозяйственных училища.

В Сибири остро ощущалась нужда в специалистах высшей квалификации. Встал вопрос о создании сибирского учебного и научного центра.

Идея открыть университет в Сибири возникла еще в начале XIX в., а в 60—70-х годах борьба прогрессивной сибирской интеллигенции за осуществление ее была поддержана представителями крупной промышленной и торговой буржуазии. В частности, томский городской голова, золотопромышленник Цибульский и известный организатор полярных исследований А. М. Сибиряков внесли на строительство университета по 100 тыс. руб. С яркими статьями в печати и докладами о сибирском университете выступали широко известные ученые и публицисты — А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков. Их выступления поддерживались широкими слоями сибирского населения. Сопротивление сил реакции было сломлено. Царское правительство оказалось вынужденным пойти на открытие университета. Между городами — Тобольском, Томском, Омском, Тюменью, Иркутском, Красноярском — развернулась острая борьба за право открытия университета. В 1880 г. в Томске состоялась закладка зданий первого сибирского университета, а в 1888 г. начались учебные занятия. Но надежды сибиряков на возможность скорейшей широкой подготовки кадров высшей квалификации не оправдались: университет открылся лишь с одним, медицинским, факультетом, и только в 1898 г. в нем начал функционировать юридический.

К началу учебно-научной деятельности университет располагал уже весьма солидной базой — хорошо оборудованными аудиториями, кабинетами, лабораториями, клиниками. Ученым-ботаником проф. П. Н. Крыловым был создан ботанический сад и гербарий. Фонды научной библиотеки университета при ее основании составились из книг-уникумов, пожертвованных А. М. Сибиряковым, графом А. Г. Строгановым, князем С. М. Голицыным, купленных у академика А. В. Никитенко и др.

В числе научных кадров университета были известные крупные ученые — профессора С. И. Коржинский, Н. Ф. Кащенко, А. С. Догель, А. М. Зайцев. Количество студентов вначале не превышало 65—120 чел. Выпуски были весьма малочисленны. За первые 10 лет из стен университета вышло всего 303 врача. Но среди них оказалось в будущем немало крупных ученых, профессоров (Кулябко, Новицкий, Вершинин, Адамов и др.).

Открытие юридического факультета еще более оживило и учебно-научную, и общественную жизнь университета. Число студентов к 1900 г. возросло до 549 чел. Научные кадры пополнились рядом новых ученых (И. Н. Грамматикати, М. Ф. Попов, В. В. Сапожников и др.).

Томский университет в конце XIX в. начал играть большую роль в общественном движении. Студенчество и прогрессивные профессора принимали активное участие в революционных выступлениях. В ответ реакция решительно расправлялась с революционно настроенным студенчеством. За период с 1904 по 1907 г. число окончивших университет составляло 308 чел., а выбыло по разным причинам (главным образом за революционные выступления) 676 студентов.

Революция оживила прежние требования прогрессивной сибирской общественности в отношении расширения факультетов университета. В 1907 г. Совет университета обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством об открытии историко-филологического факультета. Попечитель учебного округа Лаврентьев воспротивился этому ходатайству, как мероприятию «несвоевременному и нежелательному». Министерство отказало в удовлетворении требований передовой общественности. В связи с этим в кругах прогрессивных профессоров и буржуазных деятелей возникла мысль о создании частных высших историко-филологических курсов. Несмотря на продолжавшееся сопротивление попечителя, эти курсы в 1907 г. были открыты при Томском университете. На эти курсы принимались юноши и девушки, имевшие среднее образование. Усиление политической реакции в стране привело к тому, что уже в мае 1909 г. они были закрыты по приказу попечителя.

Одновременно с требованием об открытии новых факультетов не прекращалась борьба за высшее женское образование. В 1906 г. под напором сил революции был разрешен прием женщин в Томский университет в качестве вольнослушательниц. Но вскоре, в 1908 г., институт вольнослушательниц был ликвидирован. Преодолевая огромное сопротивление реакционера-попечителя, группа профессоров университета и Технологического института (Кащенко, Кулябко, Карташов, Зубашев и др.) в 1909 г. организовала Общество содействия высшему женскому образованию в Сибири. В нем было около 300 чел. Путем пожертвований Общество собрало свыше 10 тыс. руб. В октябре 1910 г. Сибирские высшие женские курсы были торжественно открыты при университете в составе отделения естественных наук, а в 1914 г. было создано математическое отделение. Число слушательниц к 1913 г. достигло 268. Во главе курсов встал известный профессор Н. Ф. Кащенко. Лекции на курсах читали профессора В. В. Сапожников, Н. М. Малиев и др.

К 1917 г. Томский университет, хотя и урезанный в своих правах, представлял уже авторитетное высшее учебное заведение, культурное влияние которого начала ощущать Сибирь. Число студентов на обоих факультетах к 1913 г. составляло 911 чел., а к 1917 г. выросло до 1192. По социальному составу в 1916 г. 23.4% студенчества было выходцами из среды дворян и чиновников, 22.6 — из среды духовенства, 26.0 — из мещан, 17.8 — из крестьян и 5.6% — из купцов. Число окончивших университет в период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России (1908—1916 гг.) не превышало 1483 чел.¹⁵

В учебном и научном отношениях высокий авторитет Томского университета поддерживался его профессорами, выдающимися учеными. Еще в 1904 г. почетным членом университета был избран великий русский ученый, уроженец Сибири Д. И. Менделеев; в том же году честь носить звание почетного члена университета получил организатор полярных исследований А. М. Сибиряков, в 1907 г. — знаменитый географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, в 1909 г. — академик И. П. Павлов.

Прогрессивные ученые университета, преодолевая огромные трудности, добились больших успехов в научной деятельности. Вначале она сводилась по преимуществу к исследованию природы и естественных богатств Сибири. Широко были поставлены исследования по медицине, а позднее по экономике, этнографии, истории. Изучением была охвачена огромная территория от берегов Ледовитого океана до Китая и от Урала до Тихого океана. Особенно значительны исследования по географии и растительности Алтая, Северной Монголии, Амурской и других областей. Проф.

¹⁵ П. А. Зайченко. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. Томск, 1960, стр. 117, 122—123.

С. И. Коржинский (впоследствии академик) опубликовал капитальный труд «Флора востока Европейской России в ее систематических и географических отношениях». Проф. В. В. Сапожников до 1917 г. совершил 15 ботанико-географических экспедиций, результатом которых явились получившие высокую оценку труды: «Катунь и ее истоки», «Очерки Семиречья», «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо». Проф. П. Н. Крылов внес неоценимый вклад в изучение растительного мира Сибири. Результатом его исследований является семитомный труд «Флора Алтая и Томской губернии». Он создал знаменитый гербарий университета. Так получила свое начало сибирская ботаническая школа, хорошо известная в русской науке того времени.

Профессора Н. Ф. Кащенко, М. Д. Рузский, С. М. Чугунов, Г. Э. Иоганзен создали в университете широко известную сибирскую зоологическую школу. Они внесли крупный вклад в изучение сибирской фауны, исследуя животный мир Алтая, Минусинской и Барабинской степей, Туркестана, Восточной Сибири. Ими положено начало широко известному зоологическому музею университета.

В области общей и биологической химии большие исследования проводились профессорами С. И. Залесским, Е. В. Вернером, Ф. К. Крюгером, П. П. Орловым. Проф. П. П. Орловым, в частности, много сделано по изучению радиоактивности сибирских минеральных вод.

Геологические и минералогические исследования проф. А. М. Зайцева и А. Н. Державина впервые дали схему строения Кузнецкого бассейна, Мариинского золотоносного района и др. Они содействовали развитию минералогического музея университета.

Профессора медицины прославили отечественную науку рядом важнейших в научном и практическом отношении исследований. Так, проф. А. С. Догель внес ценный вклад в гистологию; проф. М. Г. Курлов заслуженно считается «родоначальником сибирской бальнеологии и терапии»; профессора Э. Г. Салищев и П. И. Тихов создали сибирскую хирургическую школу, далеко известную за пределами Сибири; проф. А. А. Кулябко опубликовал ряд работ по оживлению изолированного сердца человека через несколько часов после клинической смерти, получивших широкое распространение не только в России, но и за ее пределами; проф. И. Н. Грамматикати известен своими работами по акушерству и гинекологии. Много работ по медицине опубликовали профессора В. М. Мыш, М. Ф. Попов, Н. И. Березнеговский и др.

Немалый вклад в науку сделан и учеными юридического факультета. П. П. Лященко известен своими трудами по вопросам крестьянского землепользования и землеустроительной политики царизма в пореформенный период; проф. И. А. Малиновский — изучением ссылки в Сибири, живой сибирской старины; проф. Н. Я. Новомбергский много внимания уделял истории заселения Сибири, правовому положению сибирского населения.

Исследования ученых Томского университета явились ценным вкладом в отечественную и мировую науку.

В 1895 г. в научных и промышленных кругах страны встал вопрос об открытии второго высшего учебного заведения в Сибири. Созданная с этой целью комиссия из профессоров университета высказалась за открытие физико-математического факультета. Но при дальнейшей разработке вопроса было признано более целесообразным создание самостоятельного Технологического института в Томске. Профессор Е. Д. Зубашев, назначенный Министерством народного просвещения директором института, выступил с предложением об организации в его составе 4 отделений: механического, химического, горного и инженерно-строительного. Первые 2 отделения начали функционировать с осени 1900 г., горное отделение — с 1901 и инженерно-строительное — с 1902 г. Пять больших

учебных корпусов, механические мастерские, газовый завод появились по соседству с Томским университетом.

В штате института в 1912 г. значились 11 ординарных и 12 экстраординарных профессоров, 22 лаборанта и 25 преподавателей. В числе первых профессоров были выдающиеся ученые: геологи В. А. Обручев и М. Э. Янишевский, физик Б. П. Вейнберг, химик Н. М. Кижнер, специалист в области железнодорожного транспорта Н. И. Карташов.

С первых лет существования в лабораториях и кабинетах Технологического института развернулась большая творческая научная работа. В институт посылались заказы от золотопромышленников, владельцев винокуренных заводов, механических мастерских, желающих усовершенствовать технику своих предприятий.

Ученые института сыграли видную роль в развитии сибирской промышленности. Большой вклад внесен ими в изучение геологического строения Сибири, проведены работы по исследованию природных богатств Сибири (горнорудных, водного хозяйства и проч.). Ученые способствовали развитию металлообрабатывающей и деревообрабатывающей промышленности, проектировали крупные инженерные сооружения, принимали участие в изысканиях для проведения железных дорог. Результат работы ученых Технологического института уже к 1912 г. составил 26 томов «Известий» и большое количество научных статей, опубликованных в научно-технических журналах России и за границей.

По инициативе ученых института в Томске были созданы 2 общественные организации — Томское отделение Русского технического общества и Общество сибирских инженеров, немало сделавшие наряду с Технологическим институтом в области изучения Сибири в промышленном отношении.

К научной работе привлекались и талантливые студенты. Не случайно, что уже первые выпуски дали в будущем известных ученых: геолога, позднее академика М. А. Усова, заслуженных деятелей науки и техники механика И. Н. Бутакова, горняка Д. А. Стрельникова.

Число студентов всех отделений достигло в 1913 г. 1167 чел. Уроженцам Сибири при поступлении предоставлялось право льготного зачисления вне конкурса. Первый выпуск должен был состояться весной 1905 г., но вследствие закрытия института из-за революционных волнений учащейся молодежи (с января 1905 по сентябрь 1906 г.) он состоялся лишь в ноябре 1906 г. Получили диплом инженера всего 16 чел. Хотя впоследствии число выпускников и повысилось, выпуски по-прежнему продолжали оставаться незначительными: за 17 дореволюционных лет институт подготовил 880 инженеров-механиков, химиков, горняков, геологов и строителей.

Постройка Китайско-Восточной железной дороги и активизация политики царского правительства на Дальнем Востоке увеличили потребность в специалистах-востоковедах. Возрос прежде всего спрос на лиц, знающих восточные языки. Эти обстоятельства вызвали необходимость создания в 1898 г. во Владивостоке Восточного института с 4 отделениями: китайско-японским, китайско-корейским, китайско-монгольским и китайско-маньчжурским. Профессора и преподаватели тщательно изучали особенности жизни и быта сопредельных с Россией азиатских народов, принимали деятельное участие в местном географическом обществе.

Итак, к 1917 г. Сибирь имела 4 высших учебных заведения (Томский университет, Технологический институт, Восточный институт и женские курсы при университете), но это явно не удовлетворяло быстро растущие нужды в высококвалифицированных кадрах столь обширного края.

С особой остротой встал вопрос об учреждении второго сибирского университета в Иркутске. В 1916 г. министр народного просвещения граф Игнатьев поддержал ходатайство сибирской общественности. Но реализация этого решения не была осуществлена царским правительством.

2. ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Во второй половине XIX в. еще острее ощущалась потребность в научном освоении Сибири. Большая роль в этом важном деле принадлежала созданному в 1845 г. Русскому географическому обществу и его сибирским отделам.

17 ноября 1851 г. состоялось официальное открытие в Иркутске Сибирского отдела Географического общества. К концу 1852 г. в нем состояло 19 действительных членов, 30 членов-сотрудников и 3 члена-соревнователя.

Сибирская администрация пыталась превратить отдел Географического общества в отделение канцелярии генерал-губернатора по «учебной части», но благодаря активной деятельности в этом первом научном Обществе Сибири передовой интеллигенции и политических ссыльных оно стало выходить из-под стеснительной казенной опеки на широкий путь научно-краеведческих исследований.

В Сибирском отделе Географического общества образовались секции (отделы): математической географии, физической географии, статистики. Шли исследования и по истории, археологии, сельскому хозяйству и другим наукам и отраслям знания. Отделу удалось привлечь к сотрудничеству несколько десятков корреспондентов, живших в разных местах Сибири.

В 50—60-х годах XIX в. Сибирский отдел Русского географического общества организовал несколько экспедиций для изучения Сибири в физико-географическом, геологическом, экономическом и этнографическом отношениях. Первой из них была Вилюйская экспедиция (январь 1854—март 1855 г.), организованная под руководством Р. К. Маака для всестороннего изучения центральной части Якутской области. Экспедиция изучила орографию, геологию, а также быт населения в районах рек Вилюя, Олекмы и Чоны.

Мааком, Зандхагеном, Кочетовым, Павловским, Фурманом были совершены также Амурская (1855 г.) и Уссурийская (1859 г.) экспедиции. Они внесли ценный вклад в изучение дальневосточных районов России, исследуя долины рек Амура и Усури. С 1854 по 1863 г. продолжалось исследование Сибири Большой сибирской экспедицией Русского географического общества. Она охватила южные районы Восточной Сибири в пределах Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области, а также Приамурье и о. Сахалин. Экспедиция дала много ценных материалов по физической географии и геологии. Результаты исследований публиковались в «Трудах Сибирской экспедиции» и в капитальных дополнениях к русскому переводу труда Риттера «Землеведение Азии». Дополнения составлены П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным.

В 60-х годах замечательные экспедиции на Витимское плоскогорье и в Туруханский край провел И. А. Лопатин. Он дал первые сведения о геологическом строении Витимского плоскогорья. Кроме того, во время Витимской экспедиции Лопатин изучал районы добычи золота и дал рекомендации по разработке золотоносных площадей. Ценные материалы по геологии низовьев Енисея дала Туруханская экспедиция 1866 г.

В 1875 г. И. А. Лопатин предпринял экспедиционную поездку, осветившую в геологическом отношении южную часть Красноярского края. Богатые геологические материалы дала экспедиция И. А. Лопатина на Подкаменную Тунгуску, проведенная в 1877 г. по поручению Академии наук. Лопатин работал также на Сахалине и доказал промышленное значение угольных месторождений в южной части этого острова. Плодотворные результаты дали экспедиции П. А. Кропоткина. В 1863—1864 гг. он

провел в Забайкалье ряд наблюдений над рельефом местности. В 1865 г. Кропоткин посетил Восточные Саяны, где впервые столкнулся с признаками позднейшего вулканизма. В 1866 г. состоялась наиболее значительная экспедиция — Олекминско-Витимская. Собранные во время этой экспедиции материалы послужили основой для предложенных П. А. Кропоткиным впоследствии теории о четвертичном оледенении и орографической схемы Восточной Сибири.

Большое значение имели экспедиции А. Л. Чекановского, И. Д. Черского и Б. И. Дыбовского.

Работы А. Л. Чекановского в Иркутской губернии в 1869—1871 гг., по определению В. А. Обручева, «положили начало современным сведениям по геологии юга губернии». Составленная им первая геологическая карта губернии была удостоена на Парижском международном географическом конгрессе 1875 г. высшей награды — золотой медали первого класса.

В течение 1873—1875 гг. состоялись замечательные экспедиции А. Л. Чекановского на Нижнюю Тунгуску, Оленек и Лену. За 3 года экспедиционных работ А. Л. Чекановский прошел более 40 тыс. км и при этом провел большой комплекс геологических и ботанико-зоологических научных наблюдений. А. Л. Чекановский сумел правильно осмыслить геологическое строение огромной территории Восточной Сибири.

И. Д. Черский по поручению Географического общества в 70-х годах проводил детальное изучение геологического строения Прибайкалья, намного углубив результаты предыдущих исследований И. А. Лопатина, П. А. Кропоткина, А. Л. Чекановского. В результате экспедиций 1877—1880 гг. им разработана стратиграфическая схема пород Прибайкалья и составлена геологическая карта этого края. По материалам экспедиционных работ И. Д. Черским была построена орографическая схема Прибайкалья, сделаны выводы о происхождении впадины озера Байкал и выдвинуто представление о древнем темени Азии как главном структурном элементе восточной части Азиатского материка.

Б. И. Дыбовский, так же как Чекановский и Черский, был политическим ссыльным, участником польского восстания 1863 г. Сосланный в Сибирь, он полюбил этот край, внес значительный вклад в дело его изучения и продолжал интересоваться Сибирью до конца своей жизни. Научное познание Сибири Дыбовский начал (совместно с В. Годлевским) в 1869 г. с изучения фауны, особенно микрофауны Байкала, а также наземной фауны его юго-западного побережья. За эти работы, внесшие много нового в представление о зоографии и биологии Восточной Сибири, Дыбовский и Годлевский были награждены золотыми медалями Географического общества. 1871—1875 гг. Дыбовский посвятил зоологическим исследованиям бассейна Амура, а в 1876 г. вновь возвратился на Байкал,

Исследователь Сибири
И. Д. Черский.

где, помимо сборов фауны, произвел определение температуры воды озера на разных глубинах.

Созданный в Омске в 1877 г. Западносибирский отдел Географического общества также внес свой вклад в естественногеографическое изучение Сибири. Из организованных им экспедиций следует упомянуть путешествие И. С. Полякова по Иртышу, исследования Н. М. Ядринцева в Горном Алтае и др. Важную роль сыграли предпринятые в этот период археологические и этнографические работы Н. М. Ядринцева, Д. А. Клеменца, Н. М. Мартыанова в Минусинском районе и на Алтае. Эти неутомимые исследователи Сибири много сделали для организации научно-краеведческой работы (организация экспедиций и научных изданий, развитие музейного дела, популяризация науки).

Из новых крупных экспедиций Восточносибирского отдела необходимо отметить Саянскую экспедицию и Енисейскую экспедицию А. И. Вилькицкого. Саянская экспедиция начала свои работы в 1887 г. Участники экспедиции (Н. П. Бобырь, Л. А. Ячевский, Я. П. Прейн, Я. А. Макаров) провели комплексное естественногеографическое изучение Саян. Енисейская экспедиция 1894 г. занималась гидрографическим исследованием приустьевой части Енисейской губы и прилегающих частей Ледовитого океана.

В 1892 г. начались геологические исследования по линии Сибирской железнодорожной магистрали, продолжавшиеся 6 лет. К западу от Байкала работали К. И. Богданович, А. А. Краснопольский, Н. К. Высоцкий, А. К. Мейстер, П. К. Яворовский, Н. Л. Ижицкий, Л. А. Ячевский, к востоку — В. А. Обручев, А. П. Герасимов, Д. Л. Иванов, М. М. Иванов и др. Отчеты и карты, составленные ими, были изданы в специальных выпусках — «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги». В результате этих работ удалось составить первую в истории геологическую карту районов Сибири и Северного Казахстана в масштабе 100 верст в дюйме.

В 1888 г. начал свои работы в Сибири В. А. Обручев. В этом году при Иркутском горном управлении была учреждена первая в Сибири должность государственного геолога, на которую он был назначен. Летом 1889 г. В. А. Обручев обследовал берега Ангары от Иркутска до Усоля и изучал месторождения бурого угля на р. Оке, притоке Ангары. Затем В. А. Обручев пересек Приморский хребет, исследовал северо-западное побережье Байкала и побывал на о. Ольхон. В этом же году он осмотрел месторождения минералов в Хамар-Дабане и посетил минеральный источник в Тункинской долине.

Весной 1890 г. В. А. Обручев начал исследование Ленского золотоносного района, продолжавшееся и в 1891 г. Он подробно изучил бассейны рек Витима, Бодайбо и Нигри, а также берега Лены между Жигалово и устьем р. Витима. Результатом этих работ явились выводы о генезисе россыпей Ленского золотоносного района и строении речных долин.

Весной 1892 г. Обручев получил предложение участвовать в экспедиции Г. Н. Потанина в Китай и Тибет. Блестяще завершив эту экспедицию в октябре 1894 г., В. А. Обручев снова вернулся на пост геолога Иркутского горного управления. Четыре года провел В. А. Обручев в Забайкалье, руководя работами партии по исследованию трассы Сибирской магистрали от берегов Байкала до Читы, т. е. в Селенгинской Даурии. Результаты этих наблюдений В. А. Обручев опубликовал позже в капитальном труде «Орографический и геологический очерк Юго-Западного Прибайкалья», где он изложил свои взгляды на происхождение рельефа Забайкалья в связи с его тектоникой.

В 1892—1893 гг. на побережье Ледовитого океана под руководством Э. В. Толля работала экспедиция Академии наук, охватившая самую северную часть Сибирской платформы.

Работы прикладного характера вели в Сибири горные отделения и управления горных округов. Они изучали районы разрабатывавшихся месторождений полезных ископаемых и непосредственно сами месторождения с целью усиления их эксплуатации. Поэтому в горных округах сосредоточились крупномасштабные карты рудоносных площадей, сыгравшие в дальнейшем немалую роль при изучении закономерностей распределения месторождений полезных ископаемых на территории Сибири.

В 1901 г. вышел классический труд Э. Зюсса «Лик земли», в котором 4 главы первой части III тома посвящены Восточной Сибири. В этом труде впервые на основании работ И. Д. Черского, П. А. Кропоткина и В. А. Обручева сформулирована идея древнего течения Азии и подытожены основные результаты геолого-географического изучения Сибири во второй половине XIX в.

По окончании работ на трассе железной дороги (1898 г.) группа геологов, участвовавшая в изысканиях вдоль линии, пополнившаяся В. К. Котульским, Я. С. Эдельштейном, П. Б. Риппасом, А. И. Хлапониным и П. И. Преображенским, приступила к исследованиям золотоносных районов: Енисейского, Кокчетавского, Минусинского, Ленского и Амурского. Эти исследования продолжались с 1898 по 1912 г. За это время были тщательно изучены уже разрабатывающиеся месторождения золота и выявлен ряд новых.¹⁶

Немаловажное значение имели проводившиеся параллельно изыскательские работы на Черемховском, Судженском и Экибастузском угольных месторождениях, где были выявлены богатейшие запасы каменного угля. Одновременно с геологическими исследованиями проводилось также технико-экономическое и статистическое изучение золотоносных районов горными инженерами и специально командированными лицами.

На Алтае, в Минусинском крае, Прибайкалье, в Восточных Саянах, Вилюйском бассейне, Приморском и Южно-Уссурийском крае, на Сахалине Геологическим комитетом велись исследования с целью составления геологических карт и изучения месторождений полезных ископаемых.

С 1895 г. на протяжении нескольких лет под руководством А. А. Иностранцева производилась геологическая съемка Алтайского округа. Она охватила Кузнецкий бассейн, западный склон Кузнецкого Алатау, часть Салаира и западную часть собственно Алтая (работы геологов П. П. Толмачева, С. А. Яковлева, Б. К. Поленова, Д. К. Державина и др.).

Продолжалась интенсивная работа неутомимого исследователя Сибири В. А. Обручева, осуществлявшего новые геологические исследования в Восточной (Бодайбинский район) и Западной Сибири (Алтай).

Характеризуя новый период в истории геологического исследования Сибири (1889—1917 гг.), В. А. Обручев писал: «Число исследователей Сибири сильно увеличилось и уровень их геологической подготовки значительно повысился, а следовательно, повысилось достоинство собранных ими материалов».¹⁷

Продолжалось изучение северной части Сибири. Ценный вклад в исследование северо-западных районов этого края внесли Тобольский музей и Общество изучения Тобольского края. Активным членом его был краевед А. А. Дунин-Горкавич, изучавший географию, экономику, этногра-

¹⁶ В. А. Обручев. История геологического исследования Сибири. Период четвертый. 1889—1917. М.—Л., 1937.

¹⁷ Там же, стр. 21.

фию тобольского Севера, автор капитального труда «Тобольский север».¹⁸ К 1899—1902 гг. относится работа Русской полярной экспедиции под начальством Э. В. Толля. Отправившись на корабле «Заря», участники экспедиции исследовали Западный Таймыр, острова Котельный и Новая Сибирь.

В 1905 г. Хатангская экспедиция Географического общества, производя съемки пройденных земель, совершила путь из Туруханска на оз. Есей, р. Хатангу, в Хатангскую губу и на р. Анабару. Участники экспедиции геолог И. П. Толмачев, геолог и астроном О. Баклунд, топограф М. Я. Кожевников исследовали не изученную прежде местность между реками Енисеем и Анабарой, доставили богатый материал по геологии и географии Хатанго-Анабарского края.

В 1908—1910 гг. Географическое общество организовало на средства Ф. П. Рябушинского большую экспедицию для всестороннего изучения Камчатки. В ее составе действовали зоологический, ботанический, геологический и гидрологический отряды. Участниками экспедиции были выдающийся русский ученый-ботаник В. Л. Комаров, геологи Е. В. Круг и С. А. Конради, зоологи П. Ю. Шмидт и В. Л. Бианки. Этнографическим изучением населения Камчатки занимался В. И. Иохельсон.

В 1909 г. устье р. Колымы изучал выдающийся полярный исследователь Г. Я. Седов. Цель экспедиции, состоявшей из ее начальника, матроса и 8 рабочих якутов, заключалась в том, чтобы выяснить возможность входа в устье этой реки морских пароходов. Поставленная задача была успешно выполнена. С 1913 г. на Колыме началось торговое судоходство.

В 1912—1914 гг. экспедицией на ледорезных судах «Таймыр» и «Вайгач» велись крупные гидрографические работы на побережье и островах моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря.

Ряд ценных работ по изучению Сибири был связан с развитием переселенческого движения, подготовкой колонизационного земельного фонда, нуждами сельского хозяйства.

В 1908—1914 гг. Переселенческим управлением и местными агрономами велись почвенно-ботанические исследования в Западной Сибири, Енисейской губернии, Забайкалье и Приамурье. Эти исследования охватывали почти всю Южную Сибирь, часть северных районов Тобольской и Енисейской губерний и юг Якутской области. Задача экспедиции заключалась в том, чтобы выявить площади, пригодные для колонизации переселенцами и для сельскохозяйственного освоения.

В 1912 г. по инициативе ученого-почвовед К. Д. Глинки был создан Докучаевский почвенный комитет, названный по имени известного геолога-почвовед В. В. Докучаева. Этот комитет внес ценный вклад в изучение почв Сибири. Изучением Сибири занимались как ученые, совершавшие экспедиции в Сибирь, так и местные краеведы, группировавшиеся вокруг сибирских отделов Географического общества и музеев.

Ценную научно-краеведческую и культурно-просветительную работу вели в контакте с отделами Географического общества следующие музеи: Иркутский (впервые открыт в 1782 г.), Тобольский (в 1870 г.), Минусинский (в 1887 г.), Енисейский (в 1883 г.), Красноярский (в 1889 г.), Якутский (в 1891 г.), Барнаульский (в 1892 г.), Владивостокский (в 1892 г.), Тюменский (в 1892 г.), Читинский (в 1892 г.), Троицкосавско-Кяхтинский, Хабаровский (в 1902 г.).

В 1877 г. Сибирский отдел Географического общества разделился на Восточносибирский и Западносибирский. В 90-х годах открылись новые

¹⁸ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. I. Тобольск, 1904; т. II, 1910; т. III, 1911.

отделы Географического общества: Приамурский (в Хабаровске), Троицко-савско-Кяхтинский, Забайкальский (в Чите). Все они внесли ценный вклад в изучение природы, экономики, истории, этнографии Сибири, издавали «Записки», «Известия» и отдельные монографии.

Западносибирский отдел Географического общества организовал несколько «озерных экспедиций», в которых участвовали Л. С. Берг, П. Г. Игнатьев, В. С. Елпатьевский, В. Ф. Ладыгин, А. Н. Седельников и др. Исследовались озера Зайсан, Телецкое, Кокчетавское. При изучении этих озер производились ботанические и общегеографические исследования прилегающих к ним районов.

Растительный и животный мир Западной Сибири исследовали ботаник М. М. Сиязов и зоолог-охотовед И. Я. Слобцов. Изучению почвенно-сельскохозяйственных условий края посвящали свои труды Н. М. Здравомыслов и П. Лебедев.

Значительное внимание Западносибирский отдел уделял также изучению этнографии населения Западной Сибири: русских старожилов, ненцев, хантов, эвенков, алтайцев (работы Н. Григорьевой, Н. С. Шевцова, А. Е. Новоселовой). Этнографические наблюдения сопровождались статистико-экономическими исследованиями.

В 1891 г. в Барнауле возник новый очаг краеведения — Общество любителей исследования Алтая, преобразованное в 1902 г. в Алтайский подотдел Западносибирского отдела Географического общества.

Алтайский подотдел организовал несколько экспедиций по естественно-географическому исследованию Алтая, собрав ценные ботанические, экономические, зоологические материалы (экспедиции ботаника В. И. Верещагина, орнитологов А. П. Велижанина, А. И. Лаврова, энтомолога Е. Г. Родда). Алтайские краеведы изучали также сельское хозяйство, собирали материалы по статистико-экономическому описанию переселенческих поселков, издавали «Алтайские сборники».

Развивалась научно-краеведческая деятельность старейшего в Сибири Восточносибирского отдела Географического общества. Видное место в его работе в конце XIX и начале XX в. занимало изучение вопросов народного хозяйства и быта русского населения края, хакасов и бурят. В этом направлении вели исследования В. С. Арефьев, П. Е. Кулаков, П. А. Молодых, М. Н. Хангалов, Н. П. Протасов. Краеведами широкого профиля были Н. А. Агапитов и А. М. Станиловский, изучавшие природу и этнографию Прибайкалья.

Растительность южной части Восточной Сибири изучали Я. П. Прейн и Т. И. Юринский, фауну Байкала и Прибайкалья исследовал В. Ч. Дорогостайский. Геологические исследования на западном побережье Байкала и в Тункинских Альпах производил А. В. Львов. Предметом изучения С. П. Перетолчина были ледники прибайкальских гор, он собирал также геологические и ботанические материалы. Исследования А. В. Вознесенского и В. Б. Шостаковича посвящены вопросам метеорологии и сейсмологии. Под их руководством развивалась работа Иркутской метеорологической и магнитной обсерватории и был создан ряд метеорологических станций в Восточной Сибири. В результате археологических работ М. П. Овчинниковым и Н. И. Витковским были открыты в Приангарье стоянки эпохи неолита, могильники, писаницы.

Вся работа Восточносибирского отдела проходила в контакте с Иркутским музеем, обладающим богатыми коллекциями.

В Енисейской губернии первым очагом краеведения был Красноярский музей, основанный в 1889 г. В 1901 г. образовался Красноярский подотдел Восточносибирского отдела Географического общества. Главная задача новой научно-краеведческой организации заключалась в собирании, систематизации, изучении материалов по Енисейскому краю.

Подотделом и музеем, перешедшим в его ведение, собирались и изучались материалы по геологии, ботанике, зоологии, антропологии, этнографии, а также коллекции промышленного характера, которые характеризовали местную добывающую и обрабатывающую промышленность.¹⁹

Красноярским подотделом была снаряжена специальная географическая экспедиция под руководством В. А. Ошуркова в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. Подотдел способствовал Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории в организации местных метеорологических станций, например, в Туруханском крае вел изучение климатических условий.

Краевед-натуралист Н. М. Мартьянов основал получивший широкую известность Минусинский музей, собравший ценные коллекции, организовал метеорологическую станцию и публичную библиотеку, составил богатейший гербарий местной флоры, опубликовал и оставил в рукописи труды о растительности Приенисейского края.

А. Я. Тугаринов подготовил капитальный труд по орнитологии Приенисейского края, Я. П. Прейн и А. И. Кытманов изучали растения, П. Е. Островский проводил этнографические исследования в Туруханском крае. Собирались статистико-экономические данные. Этнограф В. И. Анучин изучал историю края и диалектологию, опубликовал «Материалы к областному словарю сибирского наречия». Были изданы труд К. И. Горохова «Материалы по антропологии Сибири» и 2 тома публикаций «Русские и инородческие сказки».

Восточносибирский отдел Географического общества занимался изучением Якутской области и оказывал помощь исследователям Якутии из политических ссыльных. При содействии отдела С. Ф. Ковалик изучал экономику и быт верховяных и олекминских якутов. В. Ф. Троцанский собирал материалы о земледелии в Якутской области и «черной вере» — шаманстве. В 90-х годах Э. К. Пекарский при участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова предпринял составление капитального «Словаря якутского языка». Пекарский и Ионов оставили также ряд ценных работ по экономике, фольклору, культуре и быту якутов.

Политические ссыльные принимали участие в экспедициях по изучению района Ленских золотых приисков, вилюйских соляных разработок, занимались поисками торгового пути из Якутска в Охотское море.

В 1891 г. при активном участии политических ссыльных, содействии местного русского и якутского населения, доставляющего ценные этнографические, геологические, минералогические и другие материалы, был основан Якутский музей.

Крупный вклад в изучение Якутии внесла Якутская (Сибиряковская) экспедиция Восточносибирского отдела Географического общества (1894—1896 гг.). В ней участвовали политические ссыльные — Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь, В. М. Ионов, И. И. Майнов, Ф. Я. Кон, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и др. Экспедиция собрала много ценных материалов по этнографии, экономике, истории якутов и русского населения Якутской области.

В изучении Забайкалья крупная роль принадлежит Троицкосавско-Кяхтинскому, Читинскому и Забайкальскому отделениям Географического общества. Они возникли как подотделы Приамурского отдела, а затем стали самостоятельными.

Троицкосавско-Кяхтинское отделение было открыто в 1894 г. по инициативе местных учителей и политических ссыльных. Отделение и возник-

¹⁹ В. Ю. Григорьев. Красноярский подотдел после 10 лет своего существования. Красноярск, 1911.

ший ранее музей объединили людей, изучавших Забайкалье и сопредельную с ним Северную Монголию.

Кяхтинские краеведы обследовали долины рек Селенги, Чикоя, Хилка, а также местности Северной Монголии. Научно-исследовательские экспедиции дали много ценных материалов по географии, геологии, ботанике, зоологии, археологии, антропологии и этнографии. С увлечением занимались изучением природы Забайкалья М. В. Лисовский, В. С. Моlessон, М. И. Моlessон, П. С. Михно и др. Известны труды Ю. Л. Талько-Грынцевича по антропологии и археологии Забайкалья.

Хозяйство, быт, устное народное творчество русского, бурятского и тунгусского (эвенки) населения Западного Забайкалья изучали этнографы Я. С. Смолев, Г. М. Осокин, С. Р. Рыбаков, А. Д. Корнакова, А. Н. Орлова. Г. М. Осокин известен как автор книги «На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Западного Забайкалья».

С 1894 по 1914 г. в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества» было опубликовано 174 работы 65 авторов. Научная деятельность отделения и музея получила известность далеко за пределами Забайкалья. Кяхтинские краеведы установили связь с научными учреждениями Сибири и Европейской России. Собранные кяхтинцами материалы отправлялись на экспертизу крупным ученым.

12 июля 1894 г. состоялось открытие Читинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Одновременно был открыт Забайкальский областной музей.

Одним из крупных мероприятий Читинского отделения Географического общества была организация сельскохозяйственной и промышленной выставок в 1893 г. в Чите. Она дала много ценных материалов для изучения хозяйства Забайкалья.

Читинское отделение объединяло краеведов, много сделавших для изучения Забайкалья. Среди них были К. А. Крюков — автор трудов, характеризующих Западное и Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении, И. С. Боголюбский, освещавший в своих трудах процесс развития горной и горнозаводской промышленности Сибири, исследователь забайкальской флоры Г. А. Стуков, организатор музейно-краеведческого дела А. К. Кузнецов, изучавший историко-археологические памятники, исследователь Забайкалья и Дальнего Востока врач Н. В. Кириллов. Его работы посвящены широкому кругу вопросов: охота и охотничье хозяйство, русская народная, тибетская, японская и китайская медицина, вопросы климатологии, минералогии и др. Самым крупным мероприятием Читинского отделения была экспедиция, организованная под руководством председателя отделения Д. М. Головачева в 1908 г. для изучения Агинской степи в почвенном, ботаническом, оросительном и хозяйственном отношениях. Экспедиция была снаряжена по просьбе уполномоченных агинских бурят, которые оказывали ей постоянную помощь.

20 ноября 1893 г. в Хабаровске открылся Приамурский отдел Русского географического общества. При нем были организованы музей и библиотека. Задача отдела заключалась в изучении края в географическом, естественноисторическом и этнографическом отношениях. Предусматривалось также изучение Китая и Японии.

Приамурский отдел организовал несколько географических экспедиций. Главная из них (под руководством И. И. Стрельбицкого и В. Я. Гусева) прошла по Халхе (Северная Монголия), Большому Хингану и Маньчжурии. Затем производились исследования района между оз. Ханка и Тихим океаном и хребта Сихотэ-Алиня (А. П. Сильницким). Хабаровские краеведы совершили поездки на Камчатку и р. Анадырь.

С 1900 г. началась исследовательская деятельность В. К. Арсеньева в области географии и этнографии Дальнего Востока. В 1900—1905 гг. он

совершил ряд поездок по Южно-Уссурийскому краю и составил его географическое и статистико-экономическое описание. В 1906—1909 гг. Арсеньев предпринял 4 большие экспедиции по исследованию горной области Сихотэ-Алиня.

В «Трудах» и «Записках» Приамурского отдела публиковались работы, посвященные изучению Дальнего Востока. Исследования ученых центра и местных краеведов, изучавших природу, экономику и этнографию, накопление знаний о Закаменной России обеспечили возможность создания обобщенных трудов по физической и экономической географии Сибири, ее губерний и областей.

Во второй половине XIX и начале XX в. продолжалось изучение истории Сибири.

Видное место в историко-этнографическом изучении Сибири занимают труды А. П. Щапова, опубликованные в 70-х годах XIX в. Известны его исследования: «Историко-этнографические и этнологические заметки о сибирском населении», «Сибирское общество до Сперанского», «Историко-этнографические заметки о Сибири», «Бурятская улусно-родовая община» и др.

Исходя из положений, что «творец истории есть сам народ», что «сущность и содержание истории есть жизнь народная», А. П. Щапов изучал движение русского народа в Сибирь, его взаимоотношения с народами этого края. Большое внимание он уделял изучению русской сельской и бурятской улусной общины. А. П. Щапов поставил важный вопрос о взаимном влиянии русского народа и народов Сибири в области хозяйства, быта, культуры. Он характеризовал эксплуататорскую роль торговцов-кулаков по отношению к трудовому населению Сибири.

На основании данных естествознания, географии, экономики А. П. Щапов стремился материалистически подойти к изучаемым явлениям. Противоречивы были взгляды А. П. Щапова на сельскую и улусную общину. С одной стороны, он идеализировал ее, с другой — писал о разложении общины, в которой, по его мнению, «резко обозначается деление членов общины на богатых и бедных, на хозяев и работников». Ценность трудов А. П. Щапова определяется богатством материалов по истории и этнографии сибирского населения, которые он выявил, собрал и обобщил.

А. П. Щапов представлял демократическое направление в историографии Сибири, к которому принадлежал также литератор-публицист С. С. Шашков, опубликовавший несколько очерков по истории Сибири: «Сибирские инородцы в XIX столетии», «Иркутский погром в 1758—1760 гг.», «Очерки нравов старинной Сибири».

С либерально-буржуазных позиций освещал историю Сибири В. И. Вагин — автор двухтомного труда «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского с 1819 по 1822 год». Этот труд представляет не только историческое исследование, богатое фактическим материалом, но и сборник документов по истории Сибири в первой четверти XIX в.

Интересна попытка преподавателя Иркутской, затем Троицкосавской гимназии И. В. Щеглова составить обобщенный труд по истории Сибири. Ему удалось провести только предварительную работу, издав «Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири (1032—1882 гг.)». Работа издана в Иркутске в 1883 г. Этот труд стал необходимым пособием по истории Сибири. Составление сводного труда по истории Сибири замыслил профессор Харьковского университета П. Н. Буцинский, опубликовавший книгу «Заселение Сибири и быт ее первых насельников» (Харьков, 1884).

Крупный вклад в изучение истории Сибири внес Н. Н. Оглоблин, составивший капитальный археографический труд «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1759)». Документы по истории Сибири

XVII—XVIII вв. публиковались Обществом истории и древностей российских, печатались в «Русской исторической библиотеке» и других изданиях. В 1882 и 1885 гг. вышли 2 тома «Памятников сибирской истории XVIII века».

Сибирские историки занимались сбором материалов, их публикацией, описанием, освещением отдельных вопросов истории Сибири. К работам такого характера относятся книги, содержащие публикации документов, их описание, вводные статьи к документальным сборникам, хроники событий, составленные И. П. Кузнецовым-Красноярским, А. А. Иониным, А. Щербачевым, П. М. Головачевым, Н. С. Романовым, Е. Д. Стреловым.²⁰ В 1907 г. издан сборник сибирских летописей, представляющих ценный источник по истории Сибири.

Вопросам истории Сибири посвящены книги Д. Н. Беликова, Н. Н. Козьмина, А. И. Дмитриева-Мамонова, А. П. Васильева.²¹ Большой интерес представляет сборник «Декабристы. 86 портретов». В нем воспроизведены портреты декабристов, нарисованные главным образом по акварелям Н. А. Бестужева, и современные декабристам рисунки: Петровский завод — место заключения декабристов, камера декабристов в Читинском остроге. К каждому портрету даны биографические сведения.²²

Статьи, заметки, материалы по истории Сибири публиковались в журналах «Сибирский архив» (был переименован потом в «Сибирскую летопись»), «Сибирский наблюдатель» (Томск), в «Трудах» отделов Географического общества и в газетах.

В предреволюционные годы в Сибири возникли архивные ученые комиссии — Иркутская (1911), Якутская (1912), Тобольская и Томская (1915). Их задачи заключались в охране, публикации, изучении документальных материалов. Публикации удалось организовать только Иркутской и Якутской комиссиям. При ограниченности сил и средств архивные комиссии не могли более или менее широко развернуть свою деятельность.

Историки, экономисты, этнографы либерально-буржуазного направления привлекали, накапливали разнообразные конкретные материалы и описывали их. Такие работы имели познавательное значение, но они не давали четкого анализа социальных явлений, не вскрывали закономерностей их развития на основе глубокого анализа производительных сил, производственных отношений и классовой борьбы.

Но в это время, как уже указывалось во «Введении», появились работы первых марксистов по истории и экономике Сибири. Историк-большевик В. А. Ватин-Быстрянский, обращая внимание на необходимость повышения научного уровня работ по истории Сибири, изучения ее на основе исторического материализма, писал: «Только в познании экономического развития Сибири и лежит ключ к пониманию всего ее прошлого. Эволюция различных сторон народной жизни может быть правильно понята в связи с ее экономическим базисом, и изучение хозяйственного

²⁰ И. П. Кузнецов-Красноярский. Исторические акты XVII столетия (1633—1699). «Материалы для истории Сибири», Томск, 1890; А. А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895; А. Щербачев. Исторические сведения. «Материалы... для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области», СПб., 1898; П. М. Головачев. 1) Первое столетие Иркутска. СПб., 1902; 2) Тюмень в XVII столетии. М., 1903; 3) Томск в XVII в. СПб., 6/г; Н. С. Романов. Иркутская летопись 1857—1880 гг. Иркутск, 1911; Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области (1650—1800). Якутск, 1916.

²¹ Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1898; Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905; А. П. Васильев. Забайкальские казаки, тт. 1—3. Чита, 1916—1918.

²² Сб. «Декабристы. 86 портретов», М., 1906.

бытия как фактора, определяющего историческое развитие, завоевало уже себе право гражданства в современной историографии».²³ В. А. Ватин-Быстрянский отмечал «огромное научное значение материалистического понимания истории как мировоззрения передового класса современности».

Марксисты выдвинули ряд важнейших проблем исторического изучения Сибири: социально-экономическое развитие сибирских окраин России, роль народа в истории, положение рабочих и крестьян, классовые противоречия и классовая борьба, политическая ссылка и революционное движение, деятельность сибирских организаций РСДРП. Исследование Сибири большевиками сочеталось с революционной пропагандой.

Исследовательская деятельность в дореволюционной Сибири протекала в трудных условиях. Научные общества испытывали недостаток в средствах и кадрах. Над ними устанавливалась административно-полицейская опека и слежка. Особенно была стеснена деятельность политических ссыльных. Несмотря на это, продолжалась плодотворная работа сибиреведов, вносящих свой вклад в изучение Закаменной (Зауральской) России.

Естественнонаучное исследование Сибири дало крупные результаты. В итоге выяснено в общих чертах геологическое строение этой территории, дана ее географическая характеристика и выявлен круг вопросов, подлежащих дальнейшему углубленному исследованию. В научных центрах страны образовался круг ученых, глубоко интересующихся проблемами Сибири, в сибирских центрах выросли местные ученые-энтузиасты, группировавшиеся вокруг отделов Географического общества и учебных заведений. Изучение природы, экономики, истории, этнографии Сибири заложило основы для последующего развития этих исследований.

Уроженцы Сибири не ограничивались изучением этого края. Они внесли свой вклад в общий процесс развития отечественной науки. Из Сибири вышли великий русский ученый Д. И. Менделеев, открывший периодический закон химических элементов, Д. Н. Прянишников — выдающийся ученый в области агрохимии, физиологии растений и растениеводства, естествоиспытатель и географ, исследователь Средней Азии А. П. Федченко, путешественник, географ и этнограф, исследователь Монголии, Китая и Сибири Г. Н. Потанин, историк-демократ А. П. Щапов, талантливый публицист С. С. Шашков, медик и литератор Н. А. Белоголовый, ориенталист Д. Банзаров, монголист и тибетолог Г. Ц. Цыбинов, языковед и этнограф, исследователь тюркских народов Н. Ф. Катанов и другие деятели науки.

3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Периодическая печать в Сибири возникла и развивалась в трудных условиях. Противодействие царской администрации, опасавшейся гласности и разоблачения ее беззаконий, цензурные стеснения и репрессии, недостаток средств у издателей, ограниченность круга читателей — все это мешало росту местной печати.

В 1857 г. в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске стали выходить казенные периодические издания — «Губернские ведомости». В Чите (с 1865 г.) издавались «Забайкальские областные ведомости», в Якутске (с 1892 г.) — «Якутские областные ведомости», в Хабаровске (с 1894 г.) — «Приамурские ведомости». Эти газеты имели 2 части — официальную и не-

²³ Рецензия В. А. Ватина на статью А. Н. Рожкова «К истории народного хозяйства Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX в.» помещена в журнале «Сибирский архив» (1915, №№ 7—9, стр. 425—426).

официальную. В первой публиковались правительственные постановления, циркуляры, объявления, во второй — статьи, очерки, фельетоны, заметки, местная и общероссийская хроника, корреспонденции.

При отсутствии в Сибири других органов печати «Губернские ведомости» в первые годы своего существования имели известное общественное значение, в первую очередь благодаря участию в них политических ссыльных и местной разночинной интеллигенции. Так, «Иркутские губернские ведомости» (редактор — известный петрашевец Н. А. Спешнев, а сотрудники — М. В. Бутаевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, М. В. Загоскин, С. С. Шашков, В. И. Вагин, П. И. Пежемский), кроме статей о природе, по истории, географии, о хозяйстве и быте сибирского населения, печатали материалы о золотопромышленности и положении приисковых рабочих, обличали злоупотребления чиновников, купцов-ростовщиков и деревенских мироедов.

В дальнейшем «Губернские ведомости» превратились в сухие казенные издания. Цензурный комитет и чиновники газетного стола не допускали публикации статей, имевших передовое направление. Тяготясь бюрократической опекой, прогрессивные сотрудники перестали участвовать в «Губернских ведомостях» и добивались издания своего органа периодической печати. В условиях общественного подъема 50—60-х годов потребность в нем возрастала.

В 1860 г. бывшим сотрудникам неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» и участникам литературного кружка врача и литератора Н. А. Белоголового удалось добиться издания новой сибирской газеты «Амур». Ее основатели — М. В. Бутаевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, М. В. Загоскин, М. П. Шестунов. Газета «Амур» являлась общесибирским неофициальным органом и в то же время уделяла значительное внимание общероссийским вопросам. В ней систематически публиковались «Местные известия», «Заметки из Западной Сибири», «Известия из России». На газете «Амур» сказывалось влияние петрашевцев и герценовского «Колокола», проникавшего в Сибирь. Газета призывала к активному участию в общественной жизни, развитию гражданственности, уважению к правам человека, выступала за гласность судопроизводства, предоставление городским и сельским общинам самостоятельности во внутренних делах, замену подневольного труда свободным. Ряд статей посвящался положению крестьян и приисковых рабочих. По цензурным условиям о многом приходилось писать в общих выражениях.

Значение газеты «Амур» заключалось в том, что она способствовала оживлению сибирской общественности, положила начало неофициальной периодической печати, послужила примером для местных изданий.²⁴ Газета стала жертвой цензурных репрессий и была закрыта в декабре 1862 г.

В мае—сентябре 1862 г. в Кяхте издавалась еженедельная газета «Кяхтинский листок» (редактор — учитель П. С. Андруцкий). В газете участвовали краеведы П. И. Першин, М. А. Зензинов, врач П. А. Кельберг. Декабрист М. А. Бестужев опубликовал в «Кяхтинском листке» большую статью «Поездка в Кяхту», написанную в форме дневника.

После закрытия «Кяхтинского листка» местная интеллигенция долго добивалась разрешения на издание новой газеты. Не получив его, местные литераторы и краеведы стали выпускать рукописные журналы и газеты, выходившие в 60-х годах XIX в. в Нерчинске, Кяхте, Селенгинске.²⁵

²⁴ Газете «Амур» посвящена статья Б. Г. Кубалова «Первенец частной сибирской печати газета „Амур“ (1860—1862)» («Записки Иркутского областного краеведческого музея», вып. II, Иркутск, 1961, стр. 55—87).

²⁵ Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, стр. 170.

В них участвовали натуралист и этнограф М. А. Зензинов, поэты Ф. М. Мокеев, П. С. Кожевников.

70—80-е годы — новый период в развитии сибирской неофициальной печати. В это время в Сибири выходит ряд периодических изданий. Среди них важное место занимала иркутская газета «Сибирь» (1875—1887 гг.). В ней сотрудничали В. И. Вагин, М. В. Загоскин, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др. В первый год существования газеты в ней печатались статьи А. П. Шапова. В его статье «Что такое рабочий народ в Сибири» мы встречаем первое в сибирской печати упоминание о «Капитале» К. Маркса.

С 1881 по 1888 г. в Томске выходила «Сибирская газета». Ее издатель — владелец книжных магазинов и типографий в Сибири П. И. Макушин. Облик газеты, ее направление определяли политические ссыльные, среди которых преобладали тогда народники. Ее главными сотрудниками были Ф. В. Волховский, П. А. Голубев, Г. Ф. Зданович, А. И. Иванчин-Писарев, С. Д. Чудновский, известный писатель К. М. Станюкович, высланный в Томск на 3 года.

Дольше других (с 1882 по 1906 г.) просуществовала газета «Восточное обозрение», основанная в Петербурге Н. М. Ядринцевым. В 1888 г. издание газеты Н. М. Ядринцев перевел в Иркутск. Редакторами «Восточного обозрения», сменяя друг друга, были Н. М. Ядринцев, В. А. Ошурков, Д. А. Клеменц, А. Н. Ушаков, И. Г. Шешунов, В. В. Демьяновский, И. И. Попов. В иркутский период существования газеты в ней участвовали литераторы-сибиряки М. В. Загоскин, В. И. Вагин, Г. Н. Потанин, М. Писарев, Б. И. Першин (Даурский), А. Н. Варенцов (Золин), Н. В. Кириллов, Н. А. Скалзубов, В. М. Михеев, Н. И. Наумов и др., политические ссыльные П. Г. Зайчневский, С. А. и Ф. Н. Ляндю, В. С. Свитич-Иллич, С. Ф. Ковалик, В. С. Ефремов, П. Ф. Якубович-Мельшин, С. Д. Чудновский, Н. Л. Геккер, В. Г. Богораз (Тан), П. И. Войнаральский, Я. В. Стефанович, В. Шкловский (Дионео), Л. Г. Дейч, Л. Б. Красин, Ф. Я. Кон, М. С. Ольминский и др.

Неофициальные газеты ратовали за равноправие сибирских окраин с центральными частями России, за распространение на Сибирь земской и судебной реформ, за расширение прав местного городского и сельского самоуправления, за уменьшение и равномерное распределение крестьянских повинностей. В них пропагандировались идеи широкой гласности, гарантии личности от произвола, распространения народного образования, устройства быта народностей Сибири на лучших началах, улучшения положения приисковых рабочих, организации помощи переселенцам.

Для этих газет характерно обличительное направление. В корреспонденциях вскрывались многие факты злоупотреблений чиновников, волостных голов из кулачества, кабатчиков, деревенских мироедов, купцов-ростовщиков. Авторы статей, фельетонов, сатирических стихотворений, обобщая эти факты, рисовали картины произвола, который проявлялся на сибирских окраинах Российской империи. У читателей «Сибирской газеты» большим успехом пользовались содержательные, остроумные и едкие фельетоны и сатирические стихотворения Ф. В. Волховского — политического ссыльного по процессу 1889 г. Он подписывался псевдонимами «В тиши расцветший василек» и «Иван Брут».

В названных газетах освещались разнообразные темы: о земельном вопросе и сельской общине, состоянии сельского хозяйства, положении русских крестьян и народностей Сибири, народном быте, о кустарной промышленности, промыслах, горном деле и положении приисковых рабочих, переселении и ссылке в Сибирь, народном образовании и медицине. В газетах публиковались очерки и статьи по истории, географии, этнографии, экономике Сибири, сообщались сведения об экспедициях, исследованиях

ученых, деятельности сибирских отделов Географического общества, музеев.

Разнообразны и интересны литературные отделы газет, содержавшие стихотворения, рассказы, бытовые очерки на сибирские сюжеты, произведения устного народного творчества, литературно-критические и историко-литературные статьи, фельетоны, рецензии о театральных представлениях.

Газеты не ограничивались освещением местных вопросов. В них публиковались обзоры событий, происходивших в Европейской России и зарубежных странах.

Общественное значение этих газет заключалось в том, что они в мрачные годы реакции 80-х годов выступали против произвола, обличали притеснителей и эксплуататоров народа, писали о его положении и нуждах, способствовали познанию края, знакомили читателей с событиями, происходившими за пределами Сибири. Но редакция и сотрудники этих газет с народническо-областнических позиций (влияние областников и народников преобладало в газетах) рассматривали сущность и перспективы развития края, процесс развития капитализма на сибирских окраинах и роль пролетариата. Так, в одной из программных статей «Сибирской газеты» отмечалось, что в Сибири «существует только одно сословие, которому принадлежит будущее, — это крестьянство».²⁶

Сибирские газеты подвергались нападкам со стороны Главного управления по делам печати и реакционной прессы. Редакции и сотрудники обвинялись в «сепаратизме», «нигилизме» и социалистических тенденциях. Все они в разное время были закрыты правительством. «Сибирская газета» была закрыта по распоряжению Министерства внутренних дел, «Восточное обозрение» — по настоянию начальника карательной экспедиции Меллера-Закомельского (в 1906 г.).

В 80—90-х годах в Сибири возникло еще несколько периодических изданий. В их политических позициях не было единства, но общее направление было прогрессивным.

С 1883 по 1906 г. в Приморье выходила газета «Владивосток». Сначала она была полуофициальным органом морского ведомства, но вскоре превратилась в неофициальный литературно-политический орган либерально-буржуазного направления. Расширился круг вопросов, которые обсуждались в газете, увеличилось число корреспонденций из городов, селений и казачьих станиц Приамурья и Приморья. Ряд статей был посвящен вопросу о положении рабочих на строительстве Забайкальской, Амурской и Уссурийской железных дорог. Газета отмечала рост недовольства рабочих «тяжелыми жизненными условиями», характеризовала причины «частой повторяемости и настойчивости возмущений рабочих».²⁷

С 1890 г. в Тобольске выходила довольно содержательная газета «Сибирский листок» тоже либерально-буржуазного направления. В ней публиковались статьи о сибирской промышленности, торговле, земельных отношениях, положении рабочего и крестьянского населения, переселенческом движении, народном образовании. Среди сотрудников «Сибирского листка» выделялся политический ссыльный, выдающийся украинский поэт-революционер П. А. Грабовский. Им опубликованы крупные статьи, посвященные творчеству А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко.

Из Омского «Степного листка», выходившего с 1893 г., выросла в 1895 г. газета «Степной край». Ее расцвет относится к 1895—1897 гг., когда газета перешла в ведение редакционной коллегии из политических ссыльных во главе с бывшим народовольцем Л. К. Чермаком. В газете участвовали П. Ф. Якубович (Мельшин), В. Д. Соколов (Митрич).

²⁶ «Сибирская газета», 1883, № 27.

²⁷ «Владивосток», 1896, № 30.

А. А. Беляков, Н. Флеровский (Берви), А. Н. Букейханов, О. Н. Фигнер и др.

Как передовое для своего времени издание, газета «Степной край» просуществовала недолго. Против нее со злобой и ненавистью ополчились местные власти. Политических ссыльных устранили от руководства газетой, и она попала в руки обывательской реакции.

В 1897 г. забайкальскому краеведу-литератору и историку Забайкалья И. В. Багашеву удалось добиться издания газеты «Байкал». Она выходила еженедельно в Кяхте.

В газете публиковались корреспонденции из разных мест Европейской России и Сибири, из Монголии и Китая, статьи по вопросам экономического развития Забайкалья, истории, статистики, библиографии края. Особый раздел газеты составляла «Современная летопись Кяхты и Троицко-савска, их деятельность и общественная жизнь».

В марте 1906 г. издание «Байкала» было запрещено по постановлению Иркутской судебной палаты.

В Томске после закрытия в 1888 г. «Сибирской газеты» наступил перерыв в газетном издательстве. Лишь в 1894 г. П. И. Макушину удалось получить разрешение на издание «Томского справочного листка», который постепенно превратился в политическую, литературную и экономическую газету «Сибирская жизнь». Газета откликалась на злободневные вопросы общественно-политической жизни. В политическом направлении газеты не было единства: в ней участвовали народники, областники, буржуазные либералы и марксисты.

В центре обширной Енисейской губернии — в Красноярске с 1889 г. выходил «Справочный листок Енисейской губернии», переименованный затем в «Енисейский листок». В 1894 г. «Енисейский листок» сменила газета «Енисей», которая издавалась по более широкой программе под редакцией Е. Ф. Кудрявцева. В газете публиковались статьи, заметки, корреспонденции о жизни населения Сибири, особенно районов бассейна р. Енисея. Очерки, статьи посвящались вопросам экономики края, сельскому хозяйству, промышленности, торговле. Систематически печатались экономические обзоры общероссийского характера, обозрения общественной жизни Европейской России и Сибири, статьи и информации об открытиях в области науки, литературные обозрения, статьи по истории литературы, рассказы, стихотворения, фельетоны, рецензии о театральных представлениях.

В конце 90-х годов в Благовещенске находились вышедшие с каторги на поселение политические ссыльные П. Д. Баллод, С. С. Синегуб, А. И. Комов, А. П. Корба, А. В. Прибылев, А. И. Бибергаль, Л. Г. Дейч. Они и составили основное ядро сотрудников газеты «Амурский край». Официальным редактором газеты был Г. И. Кличоглу, фактическим редактором стал один из основателей группы «Освобождение труда» Л. Г. Дейч.

В газете печатались воспоминания П. Д. Баллода «Из жизни на Нерчинских рудниках в 60-х годах», посвященные пребыванию на каторге Н. Г. Чернышевского и польских повстанцев 1863 г. Значительное внимание газета уделяла рабочему, земельному, переселенческому вопросам. Газета «Амурский край», как отмечает в своих воспоминаниях Л. Дейч, приобрела распространение среди лучшей части населения и имела влияние на местную жизнь. Номера «Амурского края» с воспоминаниями П. Баллода о Н. Г. Чернышевском запрашивались из Петербурга.

В 90-х годах в сибирскую печать влилась новая живая струя: в ней стали участвовать ссыльные марксисты.

В газете «Восточное обозрение» отразились споры между народниками и марксистами по вопросу о развитии капитализма в России и его социальных последствиях. С критикой народнических взглядов выступил марк-

сист Л. Б. Красин, опубликовавший в «Восточном обозрении» статью «Судьбы капитализма в Сибири». Редакция газеты сопровождала статью примечанием, что она не согласна со взглядами автора, но печатает ее «ввиду важности вопросов, которые в ней затрагиваются».

Л. Б. Красин, проанализировав состояние фабрично-заводской промышленности, кустарных промыслов, ремесла, земледелия, торговли в Сибири, показал в противоположность рассуждениям народников, что на сибирских окраинах России, как и в центре страны, развивается капитализм и проявляются его социальные последствия. Автор статьи отмечал, что завершение постройки Сибирской железной дороги ускорит процесс развития капитализма.

Газета «Амурский край» опубликовала очерк, в котором в научно-популярной форме было изложено марксистское учение о капитале и прибавочной стоимости, сущности капиталистической эксплуатации. Автор очерка ссылался на «Капитал» К. Маркса. Возможно, что очерк написан одним из ранних пропагандистов марксизма в России — Л. Дейчем.

В конце 90-х годов в «Сибирской жизни» сотрудничали «казачинские литераторы» — политические ссыльные, проживавшие в с. Казачинском Минусинского уезда. Среди них были марксисты — участники организованного В. И. Лениным в 1899 г. «протеста семнадцати социал-демократов» — Ф. В. Ленгник и П. Н. Лепешинский. Первый писал об условиях труда сибирских рабочих на золотых приисках, второй — периодические обозрения журнальной публицистики. К «казачинским литераторам» относился также этнограф В. С. Арефьев, публиковавший обзоры художественной литературы и очерки по этнографии сибирского населения.

В 1901 г. газета «Степной край» несколько месяцев находилась в руках группы марксистов (Ф. Гусев, супруги Ванновские и др.). В газете помещались статьи В. А. Ванновского на литературные темы, а 3 августа была опубликована передовица со ссылкой на труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Автор статьи рекомендовал читателям познакомиться с этой книгой. По условиям цензуры приходилось часто писать иносказательно. В целом же авторы давали марксистскую оценку общественных явлений, происходивших в Европейской России и в Сибири. Номера газеты «Степной край» в то время, когда ею руководили марксисты, составлялись «с определенной целью — вскрывать при помощи марксистского анализа язвы царской России, будить мысли и звать рабочих, учащуюся молодежь и интеллигенцию на борьбу с царизмом».²⁸ Однако уже в 1902 г. под нажимом царской администрации марксисты были отстранены от руководства газетой.

Возраставшее внимание к марксизму, к дискуссиям между марксистами и народниками отразилось и в газете «Енисей». В «Енисее» 9 декабря 1898 г. впервые в истории сибирской печати была опубликована статья о трудах В. И. Ленина — «Новая книга против народничества. (Владимир Ильин. Экономические этюды и статьи. СПб., 1898)». Автор статьи — участник знаменитого протеста семнадцати социал-демократов — М. А. Сильвин писал: «Давно не приходилось нам испытывать такого наслаждения при чтении научной книги, какое доставили нам „Экономические этюды“ В. Ильина оригинальностью и смелостью мысли, широтой точки зрения, любовью к истине, страстной жадой к ее раскрытию, презрением к иллюзиям и самообману». Сильвин отмечал, что он охотно назвал бы книгу «Конец народничества». Автор ее на основании тщательного изучения экономической деятельности «дал беспощадную критику мешанских утопий современного народничества».

²⁸ Ягодин-Виноградов. Первая легальная марксистская газета в Сибири. «Каторга и ссылка», кн. 7/92, М., 1932, стр. 152.

Обращает на себя внимание обстоятельная рецензия на брошюру народника А. Фаресова «Народники и марксисты» (СПб., 1899). Автору рецензии удалось, хотя и в самых кратких чертах, охарактеризовать ряд основных положений марксизма, познакомить с ними читателей.

Внимание к марксизму газеты «Енисей» не было случайным: сказалось влияние марксистов, которые находились в ссылке в Енисейской губернии в 90-х годах XIX в. Все они объединялись вокруг В. И. Ленина. Марксизм нельзя было «пресечь», опровергнуть, замолчать. Его живительное влияние усиливалось и на сибирских окраинах России.

Кроме газет, в конце XIX и начале XX в. выходили периодические издания журнального характера: «Записки», «Известия» отделов Географического общества, «Ежегодник Тобольского губернского музея», «Труды Томского общества естествоиспытателей», «Известия Томского университета», «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», «Известия Томского технологического института», «Журнал Общества сибирских инженеров», «Горные известия», «Вестник Сибирской железной дороги», журналы по вопросам сельского хозяйства, молочного дела, кооперации, «Протоколы заседаний» и «Труды» Общества врачей, «Сибирские врачебные известия».

Издавалось несколько литературно-публицистических журналов. Продолжался до 1906 г. выход научно-литературного периодического издания — «Сибирского сборника» газеты «Восточное обозрение».²⁹ Ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» выходил с 1901 г. Его продолжением с 1906 г. стал иллюстрированный литературно-публицистический еженедельник «Сибирские отголоски».

Интересным литературным органом Сибири был журнал «Молодая Сибирь», который издавался в Томске в 1909 г. В нем участвовали В. Я. Шишков, Г. А. Вяткин, П. Л. Драверт, И. И. Тачалов и другие писатели. В журнале печатались рассказы, очерки, стихи, обзоры литературы, критические статьи, помещались иллюстрации сибирских художников. По сообщению старого сибирского журналиста И. Хейсина, появление каждого номера «Молодой Сибири» «было большим событием как для автора, так и для широкого круга читателей. Материал внимательно прочитывался, освещался в критических статьях сибирских газет; возникали споры, обсуждения, коллективные читки».³⁰ Продолжением «Молодой Сибири» стал еженедельный литературно-критический журнал «Сибирская новь», выходивший в январе—марте 1910 г.

В Иркутске издавались журналы «Сибирская неделя» (1913—1914 гг.), «Сибирский журнал для всех» (1912 г.), в Томске — «Сибирский студент», в Омске — «Думы» (в 1915 г.), в Красноярске — «Сибирская школа», в Якутске — «Ленские волны» (в 1913—1915 гг.).

В 1913 г. в Сибири издавались 31 журнал и 86 газет.

Первая русская революция вызвала небывалое прежде оживление периодической печати в Сибири. В условиях растерянности царского правительства и местных властей, напуганных событиями, осуществлялась «явочным порядком» свобода печати. В газетах сообщалось о забастовках рабочих и служащих, народных собраниях, о содержании речей ораторов, выступавших на них, о принятых резолюциях, политических демонстрациях, волнениях солдат и крестьян, публиковались статьи о политических партиях, которые существовали в России, об их программах, о Государственной думе и Учредительном собрании, всеобщем избирательном праве, свободе слова, печати, собраний союзов.

²⁹ И. Хейсин. Страница прошлого. Альманах «Ангара», Иркутск, 1959, № 2, стр. 113.

³⁰ Там же, стр. 113—114.

После подавления революции в Сибири свирепствовали карательные экспедиции. Многие газеты были закрыты. Редакторы и сотрудники газет подвергались арестам. Так, много раз подвергался репрессиям старший журналист В. Талалаев, сосланный в Сибирь по делу Новгородской подпольной типографии РСДРП. Одни из газет прекращали свое существование, другие выходили под измененными названиями. Наконец, несмотря на цензурные репрессии, издавались новые газеты. Наступление реакции выразилось в появлении целого потока черносотенно-монархических газет, которые находились под бойкотом широких слоев населения Сибири. Эти «рептильные», пресмыкающиеся перед царскими властями, газеты вели гнусную провокационную кампанию против прогрессивной печати и ее участников.

В сибирской периодической печати участвовали журналисты разных политических направлений. Среди них были литераторы из среды областнически настроенной интеллигенции — Е. Колосов, Н. Козьмин, М. Шатилов, В. Крутовский, Г. Гребенщиков, А. Новоселов и др., эсеры — Д. Голенищев-Кутузов (Д. Илимский), С. Байкалов (П. Озерных), С. Крайский, Р. Гоц, Е. Тимофеев, И. Гольдберг и др., социал-демократы — В. Ватин-Быстрянский, Н. Мещеряков, Н. Рожков, В. Соколов (Садко), М. Константинов, Н. Насимович (Чужак) и др. Литераторы разных политических направлений расходились между собой по основным теоретическим и программно-политическим вопросам, но они совместно использовали легальную печать для обличения самодержавия, произвола его властей, пропаганды революционных идей. Одновременно в сибирской печати все яснее проявлялось политическое размежевание.

Газета «Сибирская жизнь» стала неофициальным органом кадетской партии. Выходили новые издания кадетского направления — «Степная речь», «Сибирская речь» и др. Эсеры, выпускавшие сначала нелегальные листовки, прокламации, приступили к выпуску периодических изданий. К 1903 г. относится попытка группы социалистов-революционеров, политических ссыльных, завести легальную газету. Ими была арендована газета «Сибирский вестник». В 1905—1906 гг. издавались газеты: «Голос революции» — орган Красноярского комитета партии эсеров, «Светоч» — издание красноярской группы эсеровской молодежи. Во время забастовки солдат и казаков Иркутского гарнизона, происходившей в ноябре 1905 г., в типографии социалистов-революционеров печатались листовки военистачечного комитета. Под влиянием эсеров находилась газета «Сибирь», выходившая в Иркутске с 25 октября 1906 г.

В процессе роста революционной борьбы в России и на ее сибирских окраинах стала развиваться нелегальная социал-демократическая печать, возникшая в форме листовок «Сибирского социал-демократического союза» и комитетов РСДРП еще в 1901 г. В атмосфере общественного оживления возникла потребность в систематической информации о политических событиях, происходивших в Европейской России и Сибири, о задачах революционного движения. Нужны были, кроме листовок, периодические печатные органы типа газет.

В июне 1905 г. в Томске начал выходить «Сибирский социал-демократический листок» — орган Сибирского комитета РСДРП. Иркутский комитет РСДРП издавал газеты «Летучий листок» и «Рабочий». В дни всеобщей октябрьской политической стачки появилась новая форма революционной печати — бюллетени стачечных комитетов («Стачечные листки»). Они издавались в типографиях сибирских комитетов РСДРП, руководивших стачками. В бюллетенях освещался ход стачечного движения, разъяснялись его задачи.

В декабре 1905 г., во время наивысшего подъема революционной волны, вышли 2 новые газеты, старейшие органы большевистской печати

в Сибири — «Забайкальский рабочий» и «Красноярский рабочий». Их выход и распространение обеспечили революционные рабочие. Они захватили казенные типографии и «явочным порядком», хотя и на короткий срок, осуществили свободу слова и печати в Чите и Красноярске.

Первый номер газеты «Забайкальский рабочий» (орган Читинского комитета РСДРП) вышел 7 (20) декабря 1905 г. В этой газете участвовали крупные революционные деятели — большевики В. К. Курнатовский, А. А. Костюшко-Валюжанич (в Чите он работал под фамилией Григорович), Н. Н. Баранский («Николай Большой»), И. В. Бабушкин, М. К. Ветошкин («Кузьмич») и др. Образцом для «Забайкальского рабочего» служили ленинские газеты «Пролетарий» и «Новая жизнь». Орган Читинского комитета РСДРП распространялся не только в Забайкалье, но и за его пределами. Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих, солдат, казаков. Она проникала и в деревню.

В газете печатались статьи, разъяснявшие основные вопросы программы и тактики РСДРП, задачи революционной борьбы. С одним из номеров «Забайкальского рабочего» рассылалась программа РСДРП.³¹ Печатались также отчеты о деятельности Читинского комитета РСДРП, местных партийных групп, профсоюзных организаций, хроника революционных событий в Европейской России и Сибири, заграничная хроника.

Второй номер «Забайкальского рабочего» начинался статьей В. И. Ленина «Умиравшее самодержавие и новые органы народной власти», перепечатанной из газеты «Новая жизнь». Статьи и воззвания, опубликованные в «Забайкальском рабочем», призывали рабочих и крестьян, солдат и казаков к решительной и непримиримой борьбе против самодержавия, помещиков и капиталистов.

Всего вышло 8 номеров «Забайкальского рабочего». Последний номер был опубликован 22 марта 1906 г.

Газета «Забайкальский рабочий» занимает видное место в истории сибирской периодической печати. Орган Читинского комитета РСДРП приобрел общесибирское значение. Даже после того как издание газеты прервалось, ее номера хранились в потайных местах и использовались для революционной пропаганды.

Почти одновременно с «Забайкальским рабочим» издавалась газета «Красноярский рабочий» — орган Красноярского комитета РСДРП. Первый номер этой газеты вышел 10 декабря 1905 г. (всего вышло 5 номеров³²). Он начинался передовой статьей, в которой вскрывалось лицемерие царского манифеста 17 октября 1905 г. Главная идея статьи — призыв к решительной борьбе против самодержавия до полной победы революции. Сообщалось также о начале политической забастовки в Москве, переросшей в декабрьское вооруженное восстание.

В статьях газеты «Чего хотят социал-демократы», «Мещанство и социализм» и др. разъяснялись задачи политической партии рабочего класса, ее противоположность буржуазным (кадеты) и мелкобуржуазным (эсеры) партиям, руководящая роль пролетариата в революции. В газете освещалась деятельность Красноярской организации РСДРП, публиковалась хроника революционного движения, сообщалось о таком знаменательном факте, как организация Совета рабочих депутатов Красноярска.

Ночью 26 декабря 1905 г. царские войска захватили губернскую типографию, в которой печаталась газета «Красноярский рабочий». Ее издание

³¹ Текст газеты перепечатан в сборнике «Газета „Забайкальский рабочий“ в 1905—1906 гг.» (редактор-составитель К. А. Рубцов, Чита, 1955). См.: В. И. Дулов и Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1906 гг. Иркутск, 1955, стр. 154—156.

³² В. К. Логвинов. Революционная печать Красноярска. Красноярск, 1955, стр. 21—37.

было прервано до 1917 г. Закрытие газеты «Красноярский рабочий» было сильным ударом по Красноярской организации РСДРП, но печатная пропаганда и агитация большевиков не прекратились.

Красноярский комитет РСДРП основал в 1906 г. новую нелегальную типографию. В ней были изданы брошюры о втором съезде сибирских организаций РСДРП, происходившем в этом городе в мае 1906 г., и ряд прокламаций. Благодаря умелой конспирации она просуществовала до 1910 г. В 1906—1907 гг. в ней печатались прокламации, брошюры, газеты «Рабочий» (переименована была затем в «Хронику»), «Солдатская беседа», «Солдатский листок», которые издавались военной организацией при Красноярском комитете РСДРП.

В 1906—1907 гг. действовала подпольная типография Тюменской группы РСДРП, выпускавшая революционные листовки. Активную печатную агитацию и пропаганду вели Барнаульский комитет и Бийская группа РСДРП. В августе 1906 г. во Владивостоке вышло 2 номера газеты местной группы РСДРП «Приморский рабочий». В 1906—1907 гг. делались попытки организовать легальную социал-демократическую печать в Омске, Верхнеудинске, Благовещенске. Удавалось выпускать лишь несколько первых номеров, а затем газеты закрывались царскими властями.

В годы реакции положение печати стало особенно тяжелым. Обыски, аресты, разгромы подпольных типографий следовали один за другим. Многие работники революционной печати погибли во время карательных экспедиций, военно-полевых судов или томились в тюрьмах. Меньшевики-ликвидаторы добивались полного свертывания нелегальных изданий. Но и в этих условиях они не прекращались.

Продолжали действовать, хотя и с перерывами, подпольные типографии Красноярского и Тюменского комитетов РСДРП. В 1910 г. в Енисейской губернии, кроме листовок и брошюр, появились нелегальные журналы (печатавшиеся на гектографах) «К свету!», «Тайга», «Снежинка» (юмористический журнал).

В годы революционного подъема в Сибирь проникали и распространялись здесь большевистские газеты «Звезда», «Правда», журнал «Просвещение». В них публиковались корреспонденции из Сибири. «Звезда» и «Правда» четко осветили причины, ход, классово-политическую сущность ленинских событий 1912 г., заклеили кровавое злодеяние царизма и капиталистов на Лене, показали мощный взрыв негодования и протеста рабочих России против Ленского расстрела. В этих газетах сообщалось о состоянии деятельности сибирских партийных организаций. Большевистская печать призывала к усилению революционной борьбы.

В Иркутске в декабре 1914 г. большевикам удалось издать «Сибирский журнал», тираж которого составлял около 2000 экземпляров. Большая часть его была распространена. Охранке удалось конфисковать лишь немногие номера журнала. Редактор его И. Ф. Тараканова была арестована.

1 января 1915 г. вышел новый журнал «Сибирское обозрение». Всего было издано 2 номера. Положительную оценку «Сибирскому обозрению» дал Я. М. Свердлов.³³

В Сибири, как и во всей России, большевистская печать выдержала тяжелые испытания, но никакие репрессии не могли заглушить живое революционное слово.

Зародившись в годы назревания революционного кризиса в России, печать сибирских организаций РСДРП достигла широкого распространения в период первой русской революции 1905—1907 гг., продолжала вести пропаганду и агитацию во время политической реакции, затем нового революционного подъема и первой мировой войны. На всех этапах

³³ «Красный архив», М.—Пгр., 1922, стр. 211.

своего развития большевистская печать призывала рабочих, крестьян, передовую интеллигенцию к революционной борьбе против царизма и эксплуататорских классов, ободряла, вдохновляла, воспитывала в марксистско-ленинском духе, создавала и пропагандировала революционные традиции. Замечательными образцами для большевиков Сибири служили ленинские газеты «Искра», «Звезда» и «Правда». Сила большевистской печати заключается в том, что она постоянно связана с народом, выражает и защищает кровные интересы рабочего класса и всех трудящихся.

4. ЛИТЕРАТУРА

Новый период развития литературы в Сибири, 70—80-е годы XIX в., открывается творчеством трех замечательных последователей школы Добролюбова—Чернышевского. Это писатели-сибиряки И. В. Федоров-Омулевский, И. А. Куцевский и Н. И. Наумов. Их произведения, созданные на сибирской почве, по своей общественной значимости вышли далеко за пределы своего края, став гордостью русской литературы.

И. В. Федоров-Омулевский (1836—1883 гг.) получил широкую известность как автор романа о новых людях «Шаг за шагом» (1870 г.). Это произведение имело огромный успех среди революционной молодежи. Его воспитательное влияние приравнивается к влиянию романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с которым, кстати сказать, роман Омулевского разделял общую судьбу: цензурный запрет.

Роман Омулевского имеет подзаголовок «Светлов, его взгляды, характер и деятельность». Светлов и другие герои произведения — передовые люди 60-х годов. Роман этот интересен и как первая попытка изобразить революционное движение в Сибири, создать образ рабочего-сибиряка, показать одно из ранних проявлений рабочего движения на сибирских предприятиях. Революционная интеллигенция в романе Омулевского — активная действенная сила, связанная с народом, защищающая его интересы.

Как и в книге Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.), в романе Омулевского утверждаются социалистические идеалы, создан образ положительного героя-революционера, несущего веру в торжество свободы и разума.

Цензурные гонения не дали возможности Омулевскому закончить второй роман «Попытка не шутка», посвященный русской женщине. Удалось опубликовать в журнале «Дело» за 1873 г. только первые главы этого произведения. Опальный писатель был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а затем по приговору суда — в Литовский замок. Репрессии и гонения подтачивали физические силы писателя, но не сломили его верности революционно-демократическим идеалам. После освобождения И. В. Омулевский усиленно работал, публикуя свои стихотворения и прозаические очерки во многих журналах и в сибирской газете «Восточное обозрение». В 1883 г., незадолго до смерти писателя, вышел сборник его стихотворений «Песни жизни». И. В. Федорова-Омулевского называют «отцом сибирской поэзии» благодаря ярко выраженному гражданскому пафосу его стихов, самозабвенной любви к родному краю и тому огромному влиянию, которое он оказал на дальнейшее развитие поэзии в Сибири.

Поэт-гражданин страстно мечтал о том времени, когда край изгнания станет краем свободного труда:

И ты уже — не край изгнанья,
А край свободного труда,

Близким к Оммулевскому по направлению своего творчества был И. А. Куцевский (1847—1876 гг.) — автор романа «Николай Негорев или благополучный россиянин», впервые опубликованного в «Отечественных записках» (1871 г.). Духовный рост и формирование демократической молодежи, идущей в народ, и обнажение враждебной сущности либералов. «благополучных», благонамеренных россиян — таково идейное содержание романа И. А. Куцевского. Это созвучно с лучшими произведениями писателей демократического направления: Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Помяловского, Слепцова, Некрасова. А. М. Горький считал Николая Негорева непосредственным предшественником Клима Самгина.

Поиски путей социального преобразования действительности, обличение реакционных сил, горячая любовь к угнетенному народу, неустанная забота о судьбе русского крестьянства — все это питало творчество сибирского писателя Н. И. Наумова (1838—1901 гг.).

Рассказы Н. И. Наумова публиковались в журналах «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство», в газете «Восточное обозрение» и выходили отдельными сборниками: «Сила солому ломит» (1874 г.), «В тихом омуте» (1881 г.), «В забытом краю» (1882 г.), рассказ «Паутина» (1883 г.).

Н. И. Наумов глубоко изучил Сибирь, чутко улавливая изменения в ее экономическом развитии и социальном строе. Прекрасный знаток сибирской деревни, он стал ее внимательным бытописателем. Наумов вникал в нужды крестьянина, сочувствовал его невзгодам и горестям, бичевал произвол и кабалу чиновников, деревенских мироедов-кулаков и купцов-ростовщиков. Писатель создал привлекательные образы протестантов и борцов из народа. «Герои Наумова протестуют, обличают, вступают в открытую борьбу с кулаками и золотопромышленниками».³⁴⁻³⁵ Сборник рассказов «Сила солому ломит» народники использовали для пропаганды среди крестьян.

В начале 70-х годов Н. И. Наумов приступил к новой в его творчестве теме — изображению жизни сибирских рабочих на золотых приисках. Он обратил внимание на их тяжелую долю и бесправное положение и, что

И. В. Федоров-Оммулевский — сибирский писатель второй половины XIX в.

³⁴⁻³⁵ С. Кожеевников. Бытописатель старой Сибири. В кн.: Н. И. Наумов, Избранные произведения, Новосибирск, 1951, стр. 17.

особенно важно, на проявления протеста против эксплуататоров-золото-промышленников (рассказы «Еж», «Паутина» и др.).³⁶

В 80-х годах началась литературная деятельность одного из видных писателей старой Сибири В. М. Михеева (1859—1908 гг.). Среди его про-

Н. И. Наумов — сибирский писатель второй половины XIX в.

изведений самых разнообразных жанров наиболее интересны стихи из сборника «Песни о Сибири», сибирские рассказы и роман «Золотые россыпи».

Содержательны и разнообразны стихотворения Михеева: «Природа и человек, красота и страдания, трепет души и проклятые вопросы» (из предисловия автора к «Песням Сибири»). Поэт воспевал сибирскую природу в ее «красе вековой». Он посвящал свои стихи обездоленным людям, их страданиям, горестям и радостям; его герои — рабочие-шахтеры, крестьяне-новоселы, ссыльнопоселенцы. С горячим сочувствием писал о народах Сибири — бурятах, эвенках, якутах («Песня бурята», «Идолы», «Хамархан», «Дочери Мунко», «Северный олень»). Выразительны стихи на темы из жизни декабристов и польских повстанцев в Сибири («Друзья шайтана», «Ряженные», «Князья»).

Стихотворение «Уроки музыки» представляет первый в русской литературе отклик на такое важное событие в истории политической ссылки, как восстание на Кругобайкальском тракте в 1866 г.

Заслуга Михеева заключается в том, что он один из первых сибирских поэтов создал цикл стихотворений, посвященных рабочим («Через мрак к свету», «Запевала», «Старая казарма», «Аутодафэ», «Спиртонос Патрушев»). Поэт выражал надежду, что из мрака тяжелой жизни народ вырвется вперед — к свету:

Будь верен грозному завету,
Цени скорбей своих исход:
Все глубже вниз, все выше к свету,
Все неизбежнее вперед.

В 90-х годах В. М. Михеев опубликовал ряд повестей, романов, рассказов, пьес. Известность Михеева как писателя возрастает особенно

³⁶ И. Н. Прозоров. Рабочие старой России в изображении Н. И. Наумова. «История литературной жизни и устно-поэтического народного творчества в Сибири», Красноярск, 1959, стр. 23—42.

после появления в 1894 году его романа в двух частях «Золотые россыпи» и талантливых рассказов «Художники».

Кроме романа «Золотые россыпи», на темы приисковой жизни Михеев написал драму «Тайга». В 1895 г. вышел том рассказов В. М. Михеева «В семье и вне семьи», а затем — историческая повесть «Отрок-мученик». На провинциальных сценах ставились драмы Михеева «Арсений Гуров», «Ложные шаги», «Мать», «Весенняя дума».

Произведения В. М. Михеева были сочувственно встречены критикой и получили широкое распространение среди читателей. В произведениях В. М. Михеева, как и других писателей-сибиряков, в противовес областной ограниченности на сибирском фоне поднимались вопросы, характерные для всей России.

Отражению сибирских тем в литературе способствовало развитие местной печати: выходили научно-литературные сборники, посвященные сибирским окраинам России — сборник газеты «Сибирь», «Литературный сборник», «Сибирские сборники». В этих изданиях публиковались рассказы, очерки, стихотворения писателей-сибиряков.

В сборнике газеты «Сибирь» опубликована первая часть романа М. В. Загоскина «Магистр», посвященного А. П. Щапову. Автор описывает быт сельского духовенства и обучение мальчиков в бурсе. В «Литературных сборниках» помещались отрывки из романа Н. М. Ядринцева «На чужой стороне», рассказы Завитнова и Сретенского из приисковой жизни, перепечатанные затем в сборнике «Рассказы из жизни приискового люда» (1888 г.).

В 80-х годах вышли первые антологии поэтических произведений на сибирские темы: «Сибирские мотивы» и «Отголоски Сибири».³⁷⁻³⁸ В антологиях содержатся стихи и отрывки из стихотворных произведений, написанные сибиряками и опубликованные в сибирской печати; произведения на сибирские темы, появившиеся вне пределов Сибири; результаты творчества авторов, попавших в сибирские края «волею исторических судеб», — политических ссыльных; записи приисковых песен, сложенных рабочими, и песни крестьян.

Интерес к сибирской тематике в русской литературе возрастал. Об этом выразительно писал в 1891 г. В. М. Михеев: «За последнее время Сибирь вдохновляет немало даровитых беллетристов. Имена Достоевского, Успенского, Короленко, Мачтета, Мамина и др. никогда не забудутся сибиряками... И всякий, знакомый с их произведениями сибирского характера, легко поймет, что затронуло их на нашей родине: человек в его крайнем несчастье, с одной стороны, с другой — человек, борец с природой, с обстоятельствами... Гуманность и бодрость — вот чему учат сибирские мотивы в литературе».³⁹

Пореформенному Уралу и сибирскому Зауралью посвящены произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852—1912 гг.). Сложные социально-экономические процессы 70—90-х годов XIX в., периода роста и хищнического развития капитализма, — основное содержание творчества этого писателя («Приваловские миллионы», «Бойцы», «Горное гнездо», «Дикое счастье», «Три конца», «Братья Гордеевы», «Золото»).

Дальнейшее развитие в творчестве Мамина-Сибиряка получила тема сибирской деревни и крестьянства («Хлеб», сборники «Сибирские рассказы», «В глуши»). Писатель подметил изменения и социальные проти-

³⁷⁻³⁸ Сибирские мотивы. Под ред. М. Сибирякова. СПб., 1886; Отголоски Сибири. Под ред. Ивана Брута. Томск, 1889.

³⁹ «Сибирские мотивы на XV передвижной выставке картин. Литературный сборник», приложение к газете «Восточное обозрение» за 1891 г., вып. I, М., 1892, стр. 200.

воречия, которые развивались в деревне в эпоху капитализма. В одном из рассказов он писал, что идеальной деревни, о которой писали наши беллетристы, нет и в помине, что она представляет арену ожесточенной борьбы, где сталкиваются самые противоположные элементы, стремления и инстинкты.

В 1888 г. посетил Сибирь Г. И. Успенский. Цель его поездки заключалась в том, чтобы ознакомиться с положением переселенцев и помочь им своей публицистикой, обратить внимание общества на их нужды. Свои наблюдения и впечатления во время поездки в Сибирь писатель отразил в книге «Поездки к переселенцам». В нее вошли рассказ «Не знаешь, где найдешь» и очерки, опубликованные в нескольких номерах газеты «Русские ведомости» в 1888 г. под названием «От Казани до Томска и обратно». Очерки Г. И. Успенского имеют публицистический характер.

Считая переселение «общенародным делом», он обратил внимание на тяжелое положение переселенцев, их быт и нужды. Автор показал картины природы Западной Сибири, облик сибирской деревни. Его поразили просторы и приволье сибирских земель. Он с удовольствием отметил отсутствие здесь помещичьих усадеб и соломенных крыш на крестьянских избах.

С очерками из жизни переселенцев в Сибири вошел в литературу Н. Д. Телешов. В 80-е годы он едет на Урал и «свежими, неискушенными глазами наблюдает движение переселенческой волны и создает ряд очерков и рассказов, просто, ясно, бесхитростно и удивительно непринужденно изображающих то, что он видел».⁴⁰

С Сибирью связано творчество многих известных писателей, изгнанников, невольных жителей этого края: Ф. М. Достоевского, М. И. Михайлова, В. Г. Короленко, Г. А. Мачтета, В. Г. Богораза-Тана, П. Ф. Якубовича-Мельшина, С. Я. Елпатьевского, В. Л. Серошевского и Ф. Я. Кона.

Тема каторги и ссылки в творчестве этой плеяды писателей идет от «Записок из мертвого дома» (1860—1862 гг.) Ф. М. Достоевского, испытывавшего на себе ужасы царских застенков.⁴¹

В 1881 г. за отказ от присяги Александру III был сослан в Амгинскую слободу Якутской области В. Г. Короленко (это в нескольких сотнях километров от Вилюйска, где в ту пору томился Н. Г. Чернышевский). Сибирь дала Короленко богатый запас ярких впечатлений. В первую книгу писателя (1886 г.) вошли главным образом его сибирские рассказы и очерки («Сон Макара», «Соколинец», «Очерки сибирского туриста», «В подследственном отделении»). Затем появились из этого же цикла «Черкес», «По пути», «Ат-Даван», «Марусина заимка», «Последний луч», «Искушение», «Мороз», «Государевы ямщики», «Феодалы». В 2 последних томах фундаментального мемуарно-исторического произведения «История моего современника» В. Г. Короленко есть описание сибирской ссылки. Писателя интересовало прежде всего протестующее, бунтарское начало, и потому в центре внимания — вольнолюбивая личность, гордый и смелый человек.

Известное произведение Короленко из сибирского цикла «Сон Макара» (1885 г.) положило начало новой школе писателей, увидевших не только теневые стороны жизни «каторжной страны холода». «Что объединяет нас всех, сибирских беллетристов ссыльного состава, Короленко и Елпатьевского, Якубовича и В. Серошевского? — спрашивает Тан-Богораз. — Мы были писателями смешанной породы, и в самую жизнь и

⁴⁰ Сб. «Сибирь в художественной литературе», Новосибирск, 1938, стр. 385.

⁴¹ За участие в революционном кружке петрашевцев он был заточен в Омскую каторжную тюрьму.

в Сибирь вступили совсем не беллетристами, а скорее публицистами воинственного духа и практического устремления».⁴²

Представители критического реализма в литературе, революционеры-демократы народнического периода освободительной борьбы, активно вторгались в жизнь Сибири, участвуя в ее научном и художественном освоении, оказывали сильное влияние на развитие общественного движения и просвещения, гордясь и ролью рядового учителя сельской «вольной школы», и ролью собирателя сибирского фольклора и оригинального этнографического материала.

В. Г. Богораза (1865—1936 гг.) называют «чукотским Чеховым». Хорошо узнав быт чукчей во время пребывания в ссылке и в научных экспедициях, Богораз опубликовал в 1899 г. сборник «Чукотские рассказы», а впоследствии — уникальное историко-этнографическое исследование «Чукчи», о жизни ссыльных революционеров на Колыме — сборник «Колымские рассказы».

В сибирских рассказах Г. А. Мачтета (1852—1901 гг.) («Мирское дело», «Вторая правда», «Хроника одного дня в местах не столь отдаленных», «Пустыня и люди») отражена жизнь сибирских крестьян с ее своеобразным укладом и непокоренными людьми, из протеста поселявшимися в глухой тайге в поисках воли, иллюзорной независимости от царских властей. Автор этих рассказов показал и горестную судьбу политических ссыльных и приисковых рабочих, с нескрываемой иронией и сарказмом представил притеснителей народа.

Писатель-революционер П. Ф. Якубович-Мельшин (1860—1911 гг.), один из организаторов молодой «Народной воли», вслед за Достоевским создал книгу, потрясающую обнажением тщетно скрываемого правительством тяжкого преступления царской России, ее внутренних язв, порождающих «мир отверженных», дикий произвол институтов насилия: суда, каторжных и пересыльных тюрем и т. п. Очерки «В мире отверженных» (записки бывшего каторжника)⁴³ П. Ф. Якубович писал на тюремных нарах, отбывая заключение на Каре и в Акатуе (Забайкалье) как «политический преступник». Автор желал, чтобы его «правдивый рассказ о жизни отверженных был понят как голос их адвоката и друга». Мрачные картины жизни уголовной тюрьмы сменяются описанием внутреннего мира политических заключенных, их товарищеской солидарности, идейности, моральной твердости, гуманного отношения к «отверженным» и непримиримости ко всем противозаконным действиям тюремного начальства.

Книга П. Ф. Якубовича произвела большое впечатление на читателей и вызвала многочисленные отклики в печати со стороны писателей, публицистов, литературных критиков, врачей. Тяжелые впечатления Якубовича о каторге нашли отражение и в циклах его стихотворений «Кара и Акатуй», «В стране сопок». Автор не отождествляет Сибирь с каторгой. Он отмечает, что у этого края есть богатые возможности для развития, что у сибиряков, не испытавших гнета помещиков, нет раболепия перед властями, они практичны и способны «к развитию новых идей и понятий, отличаются большей независимостью и свободолюбием».

П. А. Грабовский (1864—1902 гг.) во время пребывания в Якутской области написал очерки о жизни людей в этих краях, искателях правды («Красный кафтан»), о распространении украинской песни в Сибири («С далекого севера»), стихотворение в прозе «На далеком севере», посвященное Н. Г. Чернышевскому, о трагедии писателя, вынужденного сжигать свои произведения.

⁴² Та н. В. Г. Короленко и сибирская школа писателей. «Короленко. Петербургский сборник», под редакцией А. Б. Петрищева, Пгр., 1922, стр. 35, 36.

⁴³ Опубликовано в 1896—1899 гг.

К. М. Станюкович (1843—1903 гг.) за 3 года невольного пребывания в Томске опубликовал на страницах «Сибирской газеты» роман-памфлет «В места не столь отдаленные».⁴⁴ Реальные лица — прототипы этого произведения, конкретные факты и события из жизни сибирского губернского города, очевидцем которых был автор, составляют фабулу. Достоверность и умение показать все изнутри, смелое, бескомпромиссное, обличение уродств бюрократического мира придают роману ценность исторического документа, раскрывающего порочность государственной системы царской России.⁴⁵

Творчество Ф. Я. Кона (1864—1941 гг.) в Сибири связано с новым, пролетарским, периодом освободительного движения в России. Деятельность этого активного участника революционной борьбы рабочего класса, писателя-публициста и ученого во многом типична для ссыльных революционеров.

Ф. Я. Кон провел в Сибири 18 лет (из них 8 лет — на Карийской каторге, затем в ссылке в Якутской области и в Минусинском крае), и все эти годы он стремился быть как можно более полезным для «края изгнания». Прежде всего писатель изучил революционные традиции своего народа, в результате опубликовал очерк из жизни ссыльных повстанцев-поляков; сибирские наблюдения вылились в книгу очерков «Сказки сибирской действительности» (Томск, 1902); в 1906 г. за границей изданы воспоминания о скитаниях по этапам, о пребывании на каторге.

Политический ссыльный П. Л. Драверт (1879—1945 гг.) свои минералогические исследования и стихи⁴⁶ тоже посвятил Сибири.

В произведениях на сибирские темы проявлялся общий процесс развития русской литературы во второй половине XIX в. В них выдвигались «проклятые вопросы», волновавшие передовых людей России, выражался протест против социального гнета и каторжного режима. В этих же произведениях показаны энергичные и смелые люди труда — преобразователи природы и борцы против произвола. Сибирский колорит виден и в описаниях природы Сибири и жизни ее населения. Здесь не было «дворянских гнезд», часто привлекавших внимание русской литературы. Крестьяне-старожилы и переселенцы, народы края, приисковые рабочие, купцы, чиновники, каторжные и ссыльные — таковы главные действующие лица в произведениях, посвященных сибирской тематике.

По-разному вошла Сибирь в жизнь и творчество русских писателей. Одни принадлежали ей с рождения и были ее верными сынами до последнего вздоха, для других была она краем ссылки и каторги, и тем дороже их любовь к этой земле и стремления быть полезными для нее, а третьи пришли к ней добровольно, одержимые идеей созидания, идеей служения прогрессу.

Как ученый, социолог и врач, этнограф и писатель пришел в Сибирь А. П. Чехов, оставив человечеству глубокое исследование «Остров Сахалин» (1891—1894 гг.) и цикл очерков «Из Сибири» (1890 г.).

Два русских инженера, Н. Г. Гарин-Михайловский (1852—1906 гг.) и В. Я. Шишков (1873—1945 гг.), каждый своим путем пришли в Сибирь, чтобы строить. Первые публицистические очерки Гарина-Михайловского о Сибири связаны со строительством железной дороги. Дальнейшая служба в Сибири дала богатейший материал для его художественного творчества, сибирские впечатления послужили основой для многих произ-

⁴⁴ Публикация романа началась 7 сентября 1886 г.

⁴⁵ А. Пугачев. Сибирский роман К. М. Станюковича. Предисловие. В кн.: К. М. Станюкович. В места не столь отдаленные. Новосибирск, 1964.

⁴⁶ П. Л. Драверт. 1) Тени и отзвуки. Стихотворения. Казань, 1904; 2) Под небом Якутского края. Стихотворения. Томск, 1911; 3) Стихотворения. Казань, 1913; 4) Сибирь. Избранные стихи. Новониколаевск, 1923.

ведений. Ему принадлежат путевые очерки «По Дальнему Востоку», очерки «Карандашом с натуры», «Война», «Корейские сказки», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову». Гарин часто бывал в Сибири и в связи с тем, что был избран в Харбинский социал-демократический комитет; последний раз он пробыл в Сибири до осени 1906 г., почти до последних дней своей жизни.

В. Я. Шишков приехал в Сибирь в 1894 г. и прослужил здесь больше 20 лет как техник и инженер по изысканию путей сообщения. Служба, связанная с большими и частыми поездками по Сибири (по Оби, Енисею, Иртышу, Бие и Лене), сопряженная с лишениями, а порой и со смертельной опасностью, обогатила писателя массой сибирских впечатлений. Сибирь стала одной из основных тем творчества Шишкова на протяжении всей его жизни. Первый рассказ В. Я. Шишкова «Кедр» (1908 г.) был опубликован в газете «Сибирская жизнь».

Центральной темой ранних рассказов писателя была судьба народа. Герои его произведений — таежные бродяги («Ванька хлюст»), сибирские крестьяне («Краля», «Колдовской цветок»), представители народов Сибири — тунгусы, теленгиты, алтайцы («Холодный край», «Суд скорый», «Та сторона», «Помолились», «Пасынки»).

В 1915 г. Шишков закончил работу над повестью «Тайга», в которой сумел показать глубинные, скрытые от поверхностного наблюдателя, процессы, изменения в психологии крестьянина самой глухой таежной деревни, в море тяжелой гнетущей жизни он увидел светлое начало, истоки будущего и тонко показал их. Особенно знаменательны заключительные слова повести: «Русь! Веруй! Огнем очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена».

В рассказах и очерках 1914—1916 гг. Шишков осуждает затеянную империалистами кровавую бойню.

Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. оживляется в Сибири литературное движение. Началом его можно считать выпуск «Первого литературного сборника сибиряков» (Томск, 1906). В нем опубликованы рассказы и стихотворения группы молодых писателей: Ф. Березовского, Г. Вяткина, И. Гольдберга, К. Дубровского и др. Вышло 2 таких сборника. В 1908 г. в Якутске был издан «Первый литературный сборник Якутска». В последующие годы писатели-сибиряки печатаются в местных альманахах и литературных журналах: «Молодая Сибирь» (основан в 1909 г. в Томске), «Сибирская новь» (Томск, 1910), «Сибирский журнал для всех» (Томск, 1912), «Сибирская неделя» (Иркутск, 1913—1914), «Сибирский студент» (Томск, 1915) и др. В центральных издательствах выходят сборники сибиряков: «Тунгусские рассказы» (1914) И. Гольдберга; «В просторах Сибири» (1913—1915), «Змей-Горыныч» (1916) и «Степь да небо» (1917) Г. Гребенщикова; «Сибирский сказ» (1915) В. Шишкова и др.

К 1905—1906 гг. идейная роль областничества и народничества отходит на второй план, ведущей становится идеология революционного пролетариата, нашедшая наиболее яркое воплощение в социал-демократическом движении.

Многие писатели, уроженцы Сибири, принимали участие в нелегальных подпольных организациях, деятельность которых была направлена против самодержавия. За революционную пропаганду среди крестьян и рабочих царские власти отстраняли этих людей от службы, отправляли их на каторгу и в ссылку, лишали возможности публиковать свои произведения. Артемий Ершов был известен охранке как член нелегального социал-демократического кружка. Ф. Березовский, Ф. Лыткин, И. Тачалов, А. Оленич (Гнененко) — активные участники революционной борьбы сибирского пролетариата, и среди них особое место занимает Ем. Ярослав-

ский, автор революционных стихов и публицистических очерков. Был арестован и сослан за принадлежность к подпольной организации социалистов-революционеров И. Г. Гольдберг (1884—1939 гг.), сын кузнеца, сосланного в Сибирь за оскорбление помещика. Первая книга Гольдберга «Тунгусские рассказы» направлена в защиту интересов обездоленных народов Севера, в дооктябрьский период издан также ряд очерков этого писателя из быта сибирских деревень — «Темное» (1916), «Братья Верхогуровы» (1916).

В конце XIX—начале XX в. в сибирскую литературу пришло новое пополнение. Кроме упомянутых здесь писателей, — это Вс. Иванов, А. Со рокин, А. Новоселов, С. Исаков, А. Жиликов, К. Урманов, Г. Пушкарев, В. Бахметьев. Каждый своеобразен и неповторим, но всех молодых писателей этого поколения объединяло общее стремление к свободе, хотя представления о ней и о путях ее достижения были разные, что с особой остротой проявилось в период Октябрьской революции. При внешнем сходстве они значительно отличаются друг от друга, не вмещаясь в рамки единого литературно-общественного направления.

Огромную роль в становлении новой литературы сыграла организаторская деятельность А. М. Горького.⁴⁷ В течение многих лет, начиная с 900-х годов, А. М. Горький поддерживал переписку с сибиряками (И. Тачаловым, Г. Гребенщиковым, Г. Вяткиным, В. Ивановым, В. Шишковым и др.). По письмам и рукописям А. М. Горький знал многих сибирских писателей, принимал самое горячее участие в их судьбах. Заботясь о творческом росте молодых, оказывал им всяческую помощь.

А. М. Горький предоставил сибирским писателям страницы редактируемых им журналов. Только за 2 года (1916—1917) в «Летописи» было напечатано 7 произведений сибиряков и среди них «Тайга» и «Лесной житель» В. Шишкова, «Жабья жизнь» и «Беловодье» А. Новоселова и др.

Горький первый «открыл» Вс. Иванова, В. Шишкова, В. Бахметьева, Ф. Гладкова, начинавших свой писательский путь в предоктябрьской Сибири, первый поддержал их, предсказав большое литературное будущее.

А. М. Горький знал творчество Г. А. Вяткина (1885—1941 гг.), одного из наиболее признанных поэтов старой Сибири. Ему был известен сборник стихов этого поэта «Под северным солнцем» (Томск, 1912): «Хороши стихи сибиряка Вяткина. 3-е издание. Вообще сибиряки, как „ферраши“, чрезвычайно хороши».⁴⁸ В то же время Горький справедливо сетовал на элементы подражательности в творчестве поэта, осуждал его увлечения мрачной пессимистической философией, навеянной произведениями Достоевского. Г. Вяткин известен и как прозаик, удостоенный на всероссийском конкурсе премии имени Гоголя за рассказ «Праздник». В 1917 г. вышла книга рассказов Г. Вяткина «Золотые листья».

Влияние А. М. Горького на сибирских писателей проявлялось в самых различных формах. Так, Г. Д. Гребенщиков (1882—1964 гг.) при помощи А. М. Горького опубликовал несколько художественных произведений сначала в журнале «Современник» (например, рассказ «В полях» был напечатан в 1912 г., повесть «Ханство Батырбека» — в 1913 г.), затем в «Летописи». Основная тема его произведений дооктябрьской поры — жизнь западносибирской деревни с ее противоречиями, связанными с разложением патриархально-феодалного уклада, и в этих же условиях — быт кочевников-киргизов.

⁴⁷ Сб. «Горький и Сибирь», составители С. Е. Кожевииков, А. Л. Коптелов, Новосибирск, 1961; А. В. Высоккий. Предисловие к сб. стихотворений Г. А. Вяткина. Новосибирск, 1959, стр. 3; Е. И. Беленький. Писатели моей земли. Новосибирск, 1967.

⁴⁸ Там же, стр. 113. — «Ферраши» — от феррарской школы живописи.

Об А. С. Сорокине (1884—1928 гг.) А. М. Горький писал: «Вам, сибирякам, следовало бы собрать все, что написано об Антоне Сорокине, и собрание очерков этих — издать. После того как будет издана такая книга, можно приняться и за издание работ самого Сорокина».⁴⁹ Одно из первых своих произведений (памфлет «Хохот желтого дьявола») он создал под сильным воздействием горьковских образов, стремясь в то же время выработать свой оригинальный стиль. Правда, не менее сильными были и увлечения писателя поэтикой Леонида Андреева, тяготение к абстрактной аллегории и оголенному схематизму, что заметно сказалось и на упомянутом здесь памфлете и особенно на стиле монодрамы «Золото».⁵⁰

Вс. Иванов (1895—1963 гг.) первые свои рассказы послал Горькому, в частности «По Иртышу», «Дед Антип», и они были напечатаны в «Сборнике пролетарских писателей» в феврале 1917 г.

Лицо сибирской литературы конца XIX—начала XX в. определило революционно-освободительное движение. В сложном процессе рождения новой литературы в Сибири важная роль, безусловно, принадлежала пролетарским писателям.

В 1906—1907 гг., в период, когда, по словам А. М. Горького, «лирический шепот гуманистов заглушали залпы карательных отрядов по рабочим и стоны тысяч крестьян, которых секли»,⁵¹ Алексей Максимович среди массы присланных ему рукописей прочел «необыкновенные слова» — это были стихи сибирского пролетарского поэта Ивана Тачалова. Они обратили на себя внимание Горького бодрым жизнерадостным настроением, верой в «царство правды на земле». Горький еще более был покорен, когда подробнее узнал биографию поэта, «человека страшной жизни», как называли Тачалова, и потрясен настолько, что в своей статье «О писателях-самоучках» (1911 г.) взволнованно рассказал биографию барнаульского поэта. В письме Горькому Тачалов сообщал: «Читал Вашу статью „О писателях-самоучках“ и очень гордился, поняв, что Вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции».

С законной гордостью Ф. А. Березовский мог сказать: «Считаю себя простым солдатом революции, а свое художественное творчество рассматриваю как одну из революционных обязанностей, возложенных на меня рабочим классом и партией».⁵² Революция пробудила и развила его писательское дарование, наполнила своим дыханием каждый образ. В газете «Степной край» был опубликован первый рассказ Ф. А. Березовского «Картинки из серенькой жизни» («Никудышный»).

В этом же 1900 г. в последующих номерах газеты «Степной край» появились сатирические сценки «Железнодорожная картинка» и рассказ «По обыкновению». В одной из сценок некоторые высокие железнодорожники узнали себя, и газета была конфискована, а окончание сценок запретили печатать. Березовского же сослали в Восточную Сибирь. В 1903 г. он становится членом РСДРП, вскоре — одним из руководителей Зиминской группы, во время всеобщей октябрьской забастовки 1905 г. избирается председателем стачечного комитета.

В 1903 г. Березовский возобновляет работу в печати, один за другим появляются его рассказы в газете «Восточное обозрение»: «Стрелочник Горюнов», «Получка», «Железнодорожный рассказ». В «Сибирском сборнике» (приложение к газете «Восточное обозрение») была опубликована пьеса «Компания на паях». Березовский с первых шагов отчетливо разграничивает мир на два враждебных, непримиримых, лагеря и как представи-

⁴⁹ Там же, стр. 170.

⁵⁰ Антон Сорокин. Напевы ветра. Новосибирск, 1967.

⁵¹ Сб. «Горький и Сибирь», стр. 92—93; Н. Яновский. Поэма «Егорка» Ивана Тачалова. «Сибирские огни», 1968, № 6, стр. 145—150.

⁵² Ф. А. Березовский. Таежные застрельщики. Омск, 1955, стр. 7.

тель рабочего класса защищает его интересы. Логическое завершение поисков в период раннего творчества — рассказ «Стрелочник Гранкин» (1906), написанный под впечатлением событий первой русской революции.

За участие во всеобщей политической забастовке 1905 г. Ф. А. Березовский был арестован и заключен в Александровский централ, а затем выслан в с. Усть-Уду Балаганского уезда. По воспоминаниям о пережитом в центре он создал впоследствии лирический этюд «Под звон кандалыный».

Судьба пролетарского писателя-коммуниста В. М. Бахметьева (1885—1963 гг.) во многом сходна с биографией Ф. А. Березовского. С юношеских лет В. М. Бахметьев участвует в революционном движении, подвергается непрерывным преследованиям, обыскам, наконец, увольнению со службы и высылке в Сибирь в 1908 г.

Бахметьев принимал участие в редактировании сибирских газет и журналов сначала в Новониколаевске, затем в Томске («Алтайское дело», «Обская жизнь», «Сибирская новь», «Сибирский рабочий» и др.).

Творчество Бахметьева в 1910—1917 гг. связано с Сибирью, писатель все это время жил в Сибири. Сибирские впечатления, раздумья о судьбах сибирского трудового народа, жизнь ссыльных революционеров — такова тематика его творчества. Алтайские наблюдения дали писателю богатый материал для очерков 1912—1914 гг.: «В горной глуши», «На земле», «У последней воды» (сб. «В горах Алтая»).

Как правило, сюжеты произведений В. М. Бахметьева небудничны, писатель берет самые трудные, необычные, моменты из жизни людей. Герои его не мирятся с существующим порядком вещей, это в большинстве случаев революционеры или люди с романтической судьбой. Они приходят к верному пониманию смысла исторических событий, своего места в освободительной борьбе пролетариата.

С большим волнением рассказывает он о погранной жизни («Мать», 1915 г.) и воскресении русской женщины-работницы («Воскресенье», 1910 г.). Из рассказов о революционерах («Железная трава», 1912—1913 гг., «Из встреч юности», 1912 г., «Сухой потоп», 1913 г., «Таежное», 1916 г., «Кандалыник», 1916 г.) вырастает образ человека сильного, непреклонного, верного своим убеждениям. Особое место в этом цикле занимает рассказ «Кандалыник», написанный Бахметьевым в тюрьме, куда он попал в 1916 г. за распространение антивоенных листовок и манифеста ЦК РСДРП(б) о превращении империалистической войны в гражданскую.

В рассказе «Кандалыник» (1916 г.) ярко, убедительно на остром драматическом сюжете показано пробуждение к протесту, к бунту, богобоязненного, ранее равнодушного к политике, слепо исполнявшего свою палаческую роль тюремного прислужника.

Одновременно с творчеством пролетарских писателей и поэтов-профессионалов в Сибири развивалась массовая пролетарская поэзия.

Большую роль в ее развитии сыграли ссыльные большевики. Они-то и принесли с собой в Сибирь первые пролетарские гимны и марши. Знаменитая «Варшавянка» пришла из-под сводов Бутырской тюрьмы вместе с партией политических ссыльных, среди которых был ее создатель Г. М. Кржижановский. В сибирской ссылке этот замечательный ленинец переложил на русский язык так же, как и «Варшавянку», широко распространившийся по Сибири в годы революций и гражданской войны гимн «Беснуйтесь, тираны» (1898 г.), ставший прежде песней енисейской ссылки.

На благодатную почву попали и революционный марш Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу», и его песня «Смелей, друзья...», и многие другие, созданные московскими и петербургскими рабочими. С ними сибиряки вышли на первые маевки и демонстрации.

Пролетарская массовая поэзия 1905—1907 гг. — это поэзия о революции и для революции, поэзия площадей и улиц, митингов и демонстраций. Песни и стихи поэтов-рабочих распевались на маевках и тайных сходках, отпечатывались в подпольных типографиях как листовки и прокламации, становились маршами на демонстрациях.

Творцами пролетарской поэзии были участники и современники революционных боев 1905—1917 гг.: рабочие, крестьяне, представители революционно настроенной интеллигенции. Особенно важно отметить, что среди них были революционеры-профессионалы: В. Куйбышев, М. Фрунзе, Е. Ярославский, Ф. Лыткин и др.⁵³

По горячим следам откликались революционные поэты Сибири на события, значительные для всей страны.

В годы 3 революций 1905—1917 гг. появилось небывалое до той поры количество стихов. Народ как бы прорвал плотину многолетнего молчания, торопясь высказать все, что накопилось на душе, рассказать миру о своей борьбе за свободу, за осуществление заветной мечты о счастье. Эти настроения и чувства отливались в такие стихи, где обычное являлось необычным, будничное — праздничным, старые образы и представления переосмысливались, все переоценивалось, освещаясь пламенем революции.

В годы первой русской революции немаловажную роль играла сатирическая поэзия. Появление ее в те дни, когда по городам и селам Сибири свирепствовали карательные экспедиции, свидетельствовало о великой силе революционных идей, о неистребимой вере народа в правоту своего дела. В эти годы выходило более 10 сатирических журналов: «Рабочий-юморист», «Красный смех», «Бич», «Осы», «Бубенцы», «Ерш» (Томск), «Фонарь» (Красноярск), «Овод», «Жало» (Иркутск) и др. Большинство журналов издавалось в Томске, в университетском городе. Наиболее острым журналом легальной сатирической печати был «Рабочий-юморист», в нем сильнее ощущалось влияние революционной социал-демократии. Некоторые журналы («Бубенцы», «Осы») публиковали сатирические стихотворения явно антиправительственного содержания, чем навлекали на себя гнев цензоров.

В трудные годы реакции революционная поэзия продолжала жить, несмотря на жестокие репрессии против ее создателей, несмотря на то что большевистская печать подвергалась беспощадному террору и поэты-революционеры лишались даже тех скромных возможностей публикации своих произведений, какими они располагали во время революции 1905 г.

В ссылке, в тюремной камере они продолжали писать. Вместо уничтоженных газет и журналов издавали нелегальные журналы и альманахи и в них помещали свои стихи.

М. В. Фрунзе, отбывая ссылку в Иркутской губернии, написал для самодеятельного хора, организованного им среди ссыльных и местного населения, песню «Свобода»:

Свобода, Свобода! Одно только слово,
Но как оно тело и душу живит!
Ведь там человеком стану я снова,
Снова мой чели по волнам побежит.

В одиночной камере Томской тюрьмы В. В. Куйбышев написал несколько лирических стихотворений. В них нашли отражение типичные для того времени настроения революционеров-большевиков, вынужденных отбывать каторгу, ссылку, тюремное заключение.

⁵³ В. П. Трушкин. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967; Революционная поэзия в Сибири. Сост. Е. А. Кукулина. Новосибирск, 1960.

В годы скитаний по тюрьмам и ссылкам В. В. Куйбышев написал стихотворение «Море жизни», ставшее популярной песней революционной молодежи.

В Томской тюрьме С. М. Киров с товарищами конспиративно собирал и обрабатывал материал для нелегального журнала «Тюрьма». До нас дошло, например, такое стихотворение из этого журнала:

Очнись, восприни! Смотри кругом,
Смотри, борьба идет!
Борьба на смерть, борьба с врагом.
Народ, народ встает.
Скорей вперед, скорей, мой брат,
Мой друг, скорей вперед!
Взгляни, во тьме лучи горят,
Там светлый день встает!

История пролетарской поэзии — это история революции, история пробуждения народа к борьбе, история его великой победы.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию пролетарские поэты Сибири встретили новым, самым бурным и ярким творческим подъемом, создав многочисленные вдохновенные гимны во славу победы.

5. ТЕАТР

Общественный подъем 50—60-х годов отразился и на состоянии театрального искусства Сибири. Именно в это время наметился перелом в развитии местного театра. Если еще совсем недавно сценические представления в основном ограничивались любительскими спектаклями, то теперь в сибирские города все чаще прибывали на гастроли труппы артистов, приобщавшие местное население к профессиональному искусству. Однако отсутствие специальных зданий, недостаточно развитый интерес публики к театральным представлениям вынуждали гастролеров постоянно менять свое местопребывание и колесить по Сибири в поисках заработка. Небольшие труппы, бедно оформленные спектакли, убогие костюмы и наспех выученные роли — таковы характерные черты театра «перелетных птиц» (как называл бродячих актеров писатель М. И. Михайлов).

Сравнительно успешно развивалось театральное дело в Иркутске. Постройка в 1851 г. специального здания для театра, наличие в городе постоянно действующей труппы создавали достаточно благоприятные условия для развития сценического искусства. Спектакли горячо обсуждались в кружках интеллигенции.

В 1861 г. здание Иркутского театра сгорело, и театральные представления стали устраиваться во временных помещениях. В 60—70-х годах антрепренеры ставили в основном легковесные пьесы, приносящие доходы. Но иногда шли на сцене и произведения Гоголя, Писемского, Островского, Сухова-Кобылина. Среди артистов встречались талантливые художники, например актриса Терци — великолепная исполнительница роли Катерины в «Грозе» А. Н. Островского.⁵⁴

В 70-х годах театральная жизнь Сибири оживилась. В 1873 г. было построено деревянное здание городского театра в Красноярске. В нем давались спектакли любителей и гастролеров. В 1876 г. группа артистов, покинутых своим антрепренером А. Н. Егоровым, который запутался в долгах и бежал из Красноярска, создала первое в Сибири актерское

⁵⁴ П. Г. М а л я р е в с к и й. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957, стр. 56—57.

товарищество. Два с половиной года оно весьма успешно действовало в Красноярске и Томске.⁵⁵

В 70-х годах было выстроено деревянное здание театра в Омске, существовавшее несколько лет, а затем ставшее жертвой пожара. После этого для театральных представлений приспособили войсковой манеж городского гарнизона. Репертуар театра отличался исключительной пестротой. Рядом с низкопробными пьесами ставились «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Бешеные деньги», «На бойком месте», «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Разбойники» и «Мария Стюарт» Шиллера. В омской труппе Я. Надлера были талантливые артисты — Славянов, Головинский, Воронцова, Зверева (великолепная исполнительница ролей в пьесах Островского).⁵⁶

Дружная труппа скромных любителей театра действовала в Нерчинске. Их деятельность началась в 1859 г. Через 17 лет корреспондент газеты «Сибирь» отмечал, что любительский театр в Нерчинске выступает с прежним успехом.⁵⁷ Главным режиссером театра являлся врач А. М. Михайловский, талантливый артист и умелый организатор.

Несмотря на гнетущую атмосферу политической реакции 80—90-х годов, передовые актеры Сибири стремились сохранять верность лучшим традициям русской сцены. Именно благодаря их усилиям вновь оживилась деятельность Иркутского театра. В 1873 г. для него было построено новое деревянное здание, но оно сгорело в 1890 г. Наконец, в 1897 г. закончилось строительство каменного здания. К этому времени театр стал одним из основных элементов общественной жизни города. На иркутской сцене шли произведения Фонвизина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина, Шекспира, Шиллера, Бомарше. В 80-х годах была поставлена инсценировка повести Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» — «Иудушка», ставились пьесы Писемского, Мамина-Сибиряка, Чехова («Иванов»).

Успеху Иркутского театра способствовало то, что здесь в качестве антрепренеров выступали не случайные личности, а люди, кровно связанные со сценическим искусством, — талантливые актеры А. А. Фадеев, К. О. Малевский, Н. И. Вольский. Украшением иркутской сцены были Е. Н. Горева, П. А. Мартынов, А. А. Огарев, Н. З. Пузинский, Н. А. Каратыгина и др. Особенно высоко ценила сибирская печать талант Е. Н. Горевой, с большим успехом выступавшей в ролях Катерины («Гроза» Островского), Лизаветы («Горькая судьбина» Писемского), Марии Стюарт и др.

В Томске уже в 60-х годах существовало довольно сносное театральное здание, в котором играли приезжие артисты. В начале 80-х годов в этом городе выступала сильная по тем временам труппа Е. П. Авраховой-Никольской. В 1883—1884 гг. антрепренер А. А. Бельский познакомил томичей с серьезным репертуаром: шли преимущественно пьесы Гоголя, Островского, Писемского, А. К. Толстого, Л. Мея и др. Спектакли чередовались с литературно-музыкальными вечерами. В 1885 г. на средства коммерции советника И. Королева был выстроен каменный театр. Первым антрепренером стал сам владелец, а распорядителем — талантливый артист Н. А. Корсаков, к которому впоследствии перешла антреприза. Труппа пользовалась успехом, спектакли, среди которых значительное место занимали произведения классики, шли при полном зрительном зале. В числе

⁵⁵ М. Л и ф ш и ц. Театр в Красноярске. Красноярск, 1957, стр. 9.

⁵⁶ С. Л а н д а у. Из истории драматического театра в Омске. Омск, 1950, стр. 21.

⁵⁷ «Сибирь», 1876, № 9.

любимцев публики выделялись Аврахова-Никольская, М. П. Тихомиров, Н. А. Корсаков, Ю. Ф. Строгова, Немирова, Топорков и др.⁵⁸

60—80-е годы в истории сибирского театра — значительный шаг вперед по сравнению с тем состоянием, в котором театр находился на протяжении первой половины XIX в. В этот период происходило накопление творческих сил, которые широко развернулись в конце XIX—начале XX в., на третьем этапе освободительного движения в России.

Последнее десятилетие XIX в., отмеченное ростом пролетарского движения, знаменательно и для истории театра. В конце 90-х годов создается Московский Художественный театр, который начинает непримиримую борьбу с театральной рутинной, с безыдейностью искусства, с отрывом его от самых насущных требований жизни. Драматургия Чехова и Горького окрыляет деятельность Московского Художественного театра, становится той почвой, на которой расцветает творчество молодых художников сцены, борющихся за принципиально новое искусство — искусство подлинно реалистическое и гражданственное.

Изменилось и положение театра в Сибири. Проведение Сибирской железной магистрали, связавшей города отдаленной провинции с важнейшими экономическими и культурными центрами, широкий приток населения, укрепление сибирского пролетариата, влияние политических ссыльных — все это сказалось на общественной жизни Сибири, в том числе на развитии театрального дела.

В сибирских городах были построены новые, хорошо оборудованные театральные здания (в 1885 г. — в Томске, в 1897 г. — в Иркутске, в 1899 г. — в Тобольске, в 1902 г. — в Красноярске, в 1905 г. — в Омске). Строительство этих зданий способствовало устойчивости театральных коллективов, притоку свежих артистических сил, приезду на гастроли выдающихся мастеров русской сцены.

Оживление театрального дела в Сибири было вызвано нарастанием освободительного движения накануне революции 1905 г. Царские власти и буржуазная публика всеми средствами противодействовали демократизации театра, но они не могли пресечь прогрессивных тенденций, стремления передовых деятелей сцены приблизить искусство к народу. Усилиями Красноярского общества попечения о начальном образовании и Общества любителей драматического искусства были собраны средства для строительства Народного дома — театра имени А. С. Пушкина. Прогрессивной общественности Тобольска принадлежала инициатива по сбору средств и строительству «Народной аудитории». Лучшая часть актеров стремилась откликнуться на острые вопросы, волновавшие демократического зрителя. В Иркутском театре наряду с помпезными феериями шли пьесы Островского, Гоголя, Шекспира, Шиллера, Мольера. Особенно большое место занимала драматургия Островского. Крупными событиями в истории Иркутского театра 90-х годов были постановки таких пьес, как «Смерть Пазухина» Салтыкова-Щедрина и «Власть тьмы» Льва Толстого.

Лучшие пьесы русской и зарубежной драматургии ставились труппой Медведева в Омске, труппой Брагина в Томске и Красноярске, на сцене Тобольской «Народной аудитории», а также многими любителями сценического искусства. Омское драматическое общество ежемесячно устраивало один-два спектакля «для народа и учащихся». Активно пропагандировало классику Томское драматическое общество. В начале 900-х годов при Томском обществе попечения о начальном образовании была создана Комиссия по устройству народных развлечений. Умелое руководство этой комиссией, наличие опытных режиссеров и одаренных актеров-любителей,

⁵⁸ Г. Вяткин. Театр в г. Томске. В кн.: Город Томск. Томск, 1912, стр. 324—325.

строго отобранный репертуар, общедоступность мест на спектаклях — все это вместе взятое быстро завоевало симпатии публики.

Значительное место в репертуаре сибирских театров занимали пьесы, шедшие на сцене МХАТа. Так, в Иркутске были поставлены «Доктор Штокман» Г. Ибсена (1901 г.), «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого (сезон 1901/02 г.), «Три сестры» (1901/02 г.) и «Вишневый сад» А. П. Чехова (1905/06 г.). Это не было простым подражанием: Художественный театр и лучшие деятели провинциальной сцены жили в эти годы общими творческими устремлениями.

Большое влияние на развитие сибирского театра оказали крупные художники русской сцены, приезжавшие на гастроли в Сибирь. В 1895 г. здесь побывал известный трагик В. В. Чарский, неутомимый пропагандист Шекспира, выступавший в ролях Гамлета и Отелло. В 1897 г. Сибирь посетила выдающаяся русская актриса Г. Н. Федотова, сыгравшая самые крупные свои роли — Катарину из «Укрощения строптивой» Шекспира, Василису Мелентьеву из одноименной пьесы А. Н. Островского и Катерину из «Грозы». Последняя роль считалась вершиной ее мастерства. Впечатление, произведенное Федотовой на сибиряков, было огромно. Омская газета «Степной край» писала после спектакля «Гроза»: «Точно что-то родное, давно знакомое и вместе с тем неожиданно новое, драгоценное и светлое пришло, озарило все вокруг и снова исчезло. Еще темнее показалась нам наша скудная действительность».⁵⁹

В 1898 г. в Красноярске побывали братья Адельгеймы, в репертуар которых входили пьесы Шекспира, Шиллера, Гете, Софокла, Гуцкова и др. В том же году красноярскую сцену посетил известный артист Петербургского Александринского театра М. И. Писарев. С большим успехом выступала в Красноярске, Томске и Иркутске группа артистов Московского Малого театра с участием А. А. Яблочкиной, дважды побывавшей в Сибири (в 1902 и 1903 гг.).

В начале 900-х годов в связи с ростом революционного сознания масс в театре Сибири наблюдается активная борьба за оздоровление репертуара, за отражение в искусстве острых проблем времени. На сцену сибирского театра приходит горьковская драматургия. В сентябре—ноябре 1903 г. в иркутском театре с огромным успехом идут пьесы «Мещане», «На дне», инсценировка «Фомы Гордеева» (режиссер К. Марджанов). Встрешенное этим местное начальство снимает с репертуара «Фому Гордеева». Однако под давлением общественности спектакль возвращается на сцену. Иркутский комитет РСДРП устраивает публичное чтение рефератов о Горьком и Чехове, используя литературные образы для революционной агитации. В январе 1903 г. ставятся «Мещане» в Красноярске. Позднее там осуществляется постановка «Фомы Гордеева».

Но особенно велика была популярность горьковских пьес в период революционных событий 1905 г. Режиссер Н. Н. Белоконов на омской сцене поставил пьесы «На дне» и «Мещане» (труппа Е. М. Долина), затем здесь шли «Дети солнца», «Варвары», инсценировалась повесть «Трое». В Иркутске и Красноярске в том же 1905 г. ставились «Дачники».

По-новому, злободневно, в духе современных событий, звучали такие спектакли, как «Вильгельм Телль» Шиллера в Иркутске, «Доходное место» А. Н. Островского, «Иудушка» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Рюи Блаз» В. Гюго в Красноярске, «Власть тьмы» и «Катерина Маслова» («Воскресенье») Л. Н. Толстого, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова в Омске и др.

Спектакли нередко превращались в политические демонстрации. Во время представлений с галерки разбрасывались листовки революцион-

⁵⁹ «Степной край», 1897, № 16.

ного содержания. В театрах Тобольска, Томска, Красноярска, Иркутска устраивались митинги.

В канун революции в Иркутске работали крупные провинциальные актеры — Н. Н. Васильев, В. М. Янов, И. А. Блажев, М. А. Саблина-Дольская, А. Г. Тугаринова, М. Н. Славич, Муравлев-Свирский и др. Прекрасной исполнительницей ролей Катерины («Гроза» Островского), Жанны Д'Арк и др. считалась О. В. Арди-Светлова.

В 90-х годах на иркутской сцене играл талантливый актер Д. М. Карамазов (Афанасьев). Глубокий знаток Шекспира, он был одним из лучших исполнителей роли Гамлета. Им создан ряд ярких сценических образов: Уриэль Акоста, Людовик XI, Освальд и др. Требовательный к себе и другим, Карамазов гордился званием актера и всячески боролся за то, чтобы его товарищи по сцене были достойны этого звания.⁶⁰

В омской труппе Е. М. Долина играли талантливые актеры И. А. Слонов и М. М. Тарханов. В Красноярске успешно действовала труппа К. П. Красновой. Томичи высоко оценивали актеров труппы Каширина и Аярова, ставившей в начале 900-х годов «исключительно серьезный репертуар». Возросшее мастерство продемонстрировали актеры Тобольского театра. Здесь с успехом шли такие пьесы, как «Горе от ума» Грибоедова, «Свадьба Кречинского» Сухова-Кобылина, «Дядя Ваня» Чехова. В Тюмени скромная по своим силам труппа С. З. Ковалевой имела успех, объяснявшийся «умело составленным репертуаром и добросовестным отношением к делу исполнителей».⁶¹

В тяжелом положении оказались театры с наступлением реакции. Свиристывала цензура. Были запрещены к постановке пьесы Горького «Враги» и «Последние». Многочисленные рогатки ставились театрам, особенно провинциальным, при постановке наиболее обличительных произведений русской и зарубежной классики. Реакционная пресса трубила, что классика «устарела» и «скучна» для современного зрителя, что зрителю больше всего необходимы пьесы с узкосемейной тематикой, откровенным обсуждением «проблемы пола», с проповедью очистительного страдания. В театре «эпохи безвременья» воцарились мистические и декадентские драмы Л. Андреева, Ф. Сологуба и др.

Однако политической реакции, декадентству и пошлости противостояли реалистические традиции, передававшиеся от одного поколения актеров к другому, неискоренимый демократизм лучших представителей русского театра.

В Омске большим событием явилась постановка спектакля «Степан Разин» (сезон 1908/09 г.), где в главной роли выступил незаурядный трагик, актер романтического дарования Петров-Краевский. Не случайно его особенно любила демократическая публика: чуждый интеллигентской раздвоенности, мужественный и цельный талант, Петров-Краевский выражал протест против несправедливости, который не могла заглушить в сознании масс никакая реакция. В бенефисы передовых актеров на омской сцене шли пьесы Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, А. П. Чехова, В. Шекспира. В 1911 г. ставились пьесы М. Горького — «Чудаки» и «Васса Железнова», а в 1912 г. — «Мещане». Большое впечатление произвела на омичей комедия Сухова-Кобылина «Отжитое время» («Дело»), долго находившаяся под запретом.

В Иркутске страстными и последовательными пропагандистами классики проявили себя супруги Пестриковы и П. И. Шаравин. Они ставили спектакли в Обществе по устройству народных чтений, привлекая

⁶⁰ П. Г. Маляревский. Очерк из истории театральной культуры Сибири, стр. 83.

⁶¹ «Сибирский наблюдатель», кн. 4, Томск, 1903, стр. 104.

к участию в них актеров-профессионалов. В Тобольске ставились «Коварство и любовь» Шиллера, «Король Лир» Шекспира (1907 г.), горьковские пьесы «Дачники» и «На дне» (1909 г.).

В городах Сибири выступали прибывавшие на гастроли выдающиеся актеры Петербурга и Москвы — В. Ф. Комиссаржевская, К. А. Варламов, П. Н. Орленев, В. Н. Давыдов, братья Адельгеймы, В. П. Далматов, М. В. Дальский, М. И. Петипа, Л. В. Собинов, актер и драматург Г. Г. Ге и др. Гастроли выдающихся актеров несомненно служили поддержкой для прогрессивных слоев театральной интеллигенции. В целом же театр Сибири переживал в годы реакции состояние депрессии, отрыва от окружающей действительности. Только с победой Октябрьской революции русский театр смог выйти из творческого тупика и возродиться к новой жизни.

6. ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА

Демократическое движение 60-х годов XIX в. оказало решающее влияние на развитие изобразительного искусства в направлении критического реализма. Искусство в свете эстетического учения революционной демократии становится средством художественного отображения, познания и переустройства жизни. Подъем демократического движения захватил передовую часть художников России и получил отклик на ее сибирских окраинах. Новое направление в изобразительном искусстве вступило в конфликт со старыми сюжетами, формами и приемами традиционного академизма. Передовое поколение художников выступало против схоластики, консерватизма, отрыва искусства от жизни, от народа.

Основные вехи общественного движения русских художников представляют «Протест четырнадцати», деятельность артели петербургских художников и Товарищества художественных передвижных выставок.

Среди 14 художников, протестовавших в 1863 г. против академической рутины, находился талантливый художник-сибиряк Михаил Песков (1834—1864 гг.), прибывший в Академию художеств из Иркутска. Великий русский художник И. Е. Репин писал в своих воспоминаниях, что товарищи Пескова по Академии считали его «самым талантливым между собою».

Еще живя в Иркутске, М. И. Песков писал портреты своих земляков. В Петербурге он создал монументальные полотна исторического содержания — «Кулачный бой при Иване Грозном», «Воззвание Минина к нижегородцам», «Ермак, сговаривающий волжских атаманов к походу в Сибирь», «Взятие Искера Ермаком», «Стенька Разин, бросающий персидскую царевну в Волгу». Широкую известность через многочисленные репродукции получила картина «Воззвание Минина к нижегородцам». Песков писал также портреты своих современников.

В последние 2 года жизни художник написал жанровые картины «Сибирская сцена — ссыльнопоселенец», «Пирушка офицеров на квартире», «Вагон третьего класса», «Пастух с собакой», портрет историка Н. И. Костомарова, автопортрет и крымские эскизы. Песков был одним из организаторов артели петербургских художников. М. И. Песков надеялся выехать в родной город Иркутск для организации там художественного училища, но это намерение не осуществилось. В 1864 г. он скончался в Ялте.

К демократическому лагерю художников принадлежал воспитанник декабристов, живших на поселении в Ялуторовске и Тобольске, уроженец города Кургана М. С. Знаменский (1833—1892 гг.) В сибирской печати его называли тобольским художником, так как большую часть своей жизни он прожил в Тобольске.

В 60-х годах XIX в. М. С. Знаменский как художник-карикатурист стал деятельным сотрудником сатирического журнала демократического

направления «Искра». В этом журнале остро ставились вопросы социально-политической жизни страны. «Искра» способствовала распространению революционно-демократических идей. Этот журнал распространялся и среди сибирской интеллигенции. Кроме Знаменского, сотрудниками «Искры» были другие художники-сибиряки: А. Стахеева, М. С. Прасолов, Сибиряк (псевдоним). Под влиянием «Искры» в Сибири получили широкое распространение рукописные карикатуры.

Кроме «Искры», закрытой в 1873 г., М. С. Знаменский публиковал карикатурные рисунки в журналах «Маляр», «Будильник», «Всемирная иллюстрация». В 1873 г. он издал в Тюмени альбом рисунков «Моя поездка на Кумыс. Клубные сонные грезы». В этом альбоме художник дал серию карикатурных зарисовок сибирских городов (Тобольска, Тары, Омска). Большинство же карикатур Знаменского (акварели, рисунки) распространялось в рукописях.

Карикатуры Знаменского, снабженные четкими и выразительными подписями, имели обличительный характер. Сотрудничество в «Искре» связало интересы художника с обличительно-сатирической линией передовой русской литературы и искусства.⁶² Он едко высмеивал порядки полицейско-бюрократического управления, клеймил стяжательство, казнокрадство, самодурство, тупость и произвол чиновников, осуждал пошлость провинциальной жизни. В журнале «Искра» за 1868 г. Знаменский опубликовал своеобразную повесть «Провинциада», состоящую из карикатур и подписей к ним.

Многочисленны карикатуры Знаменского из цикла «Наши деятели». Художник высмеивал чиновников, купцов, «духовных особ» Тобольской губернии, изображая их лица в карикатурном оформлении, но с портретным сходством.

Творчество М. С. Знаменского не ограничивалось карикатурами. Ему принадлежит картина «Смерть отца». В акварелях и рисунках художник изобразил своих воспитателей-декабристов, типы русских крестьян и татар Тобольской губернии, жителей севера, их быт, северные пейзажи, виды Тобольска, старинные здания и пр. В Иркутском художественном музее хранится серия рисунков Знаменского «Остяки Тобольской губернии». Художником написаны акварели, пейзажные и этнографические зарисовки, сделанные в Киргизской степи и Ташкенте. М. С. Знаменский изучал историю и этнографию Сибири, производил археологические изыскания. Им опубликованы очерки по истории Тобольска и его окрестностей и воспоминания о декабристах в Тобольске и Ялуторовске.

Художественное наследие М. С. Знаменского многочисленно и разнообразно. Его творчество сыграло заметную роль в развитии общественной и культуры в Сибири. Воспитанник декабристов, М. С. Знаменский выступал как художник-гражданин, демократ и просветитель. Современником М. С. Знаменского был талантливый художник И. А. Калаганов. Ученик иконописца в Туринске, он не пошел по пути своего учителя, а стал мастером сатиры и последователем П. А. Федотова. С 1868 г. Калаганов работал в Тюмени.

В Томске с 1851 г. преподавал рисование в гимназии, затем в реальном училище художник П. М. Кошаров. Горячо любивший искусство, всей душой преданный ему, он в течение 45 лет своей деятельности на художественном поприще оставил значительный след в обучении сибирской молодежи и в истории живописи Сибири. Кошаров рисовал виды Томска, Тобольска, Сургута, Тюмени, изображал бытовые сцены, писал портреты. В 1886 г. он издал альбом рисунков «Виды города Томска». Летом худож-

⁶² П. И. Рощевский. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский. Тюмень, 1954.

ник совершал поездки на Алтай и привозил оттуда ценные коллекции зарисовок.

С 1889 г. Кошаров издавал «Художественно-этнографические рисунки Сибири». Они изображали природу края, типы жителей, их жилища, одежду, утварь, бытовые сцены и события местной жизни. Значительная часть рисунков посвящена Алтаю и алтайцам.

Работы П. М. Кошарова имеют как художественный, так и историко-этнографический интерес, представляя собою наглядные источники для изучения прошлого Сибири.

В 60-х годах в Красноярске, затем в Иркутске преподавал рисование художник Н. В. Гребнев — первый учитель В. И. Сурикова. В дальнейшем сибирскую молодежь обучали рисованию воспитанники Академии художеств, Московского, Киевского и других художественных училищ: П. И. Старцев, М. В. Зязин, С. Г. Власенко и др.

Уроженец Селенгинска, П. И. Старцев учился в Академии художеств в 1870—1875 гг. По окончании Академии он жил в Иркутске и Кяхте. Из картин Старцева известны полотно исторического содержания «Иван III разрывает ханскую грамоту» и пейзажи — «Караульный камень», «Баргузинская степь с Запада», «Вид города Иркутска со стороны Ангары», «Вид предместья Глазково».

М. В. Зязин окончил в 1876 г. Академию художеств в Петербурге. Сначала он преподавал в Енисейской гимназии, затем работал в Иркутске. Им написаны картины «Александр Невский» (для Иркутской учительской семинарии), «Портрет Щапова», «Гитарист».

Невольные жители Сибири, ссыльные польские повстанцы Юзеф Беркман (1838—1919 гг.) и Станислав Вронский (1840—1898 гг.), оставили много карандашных рисунков и живописных полотен, посвященных Сибири.⁶³ С. Вронский сотрудничал в издании «Живописная Россия» и журнале «Нива», посылая туда свои рисунки с видами Восточной Сибири. Эти художники открыли в Иркутске мастерскую по выполнению живописных работ. С. Вронский принимал деятельное участие в экспедициях Восточносибирского отдела Географического общества. Вместе с Дыбовским, Годлевским, Чекановским он участвовал в исследовании Тункинской долины.

Путешествовал по Сибири и длительное время жил в Иркутске художник-пейзажист академик Е. Е. Мейер (1822—1867 гг.). По заданию Сибирского отдела Русского географического общества он написал много рисунков и картин, запечатлевших пейзажи Сибири. Художник изображал быт народов этого края. В содружестве с академиком В. М. Резановым Мейер написал большую картину «Вид города Иркутска» (1867 г.).⁶⁴ Он рисовал картины и других городов Сибири.

Несколько приангарских пейзажей оставил художник-пейзажист Н. В. Добровольский (1837—1900 гг.). Ему принадлежат картины «Иркутск ночью», «Иркут близ Шимков», «Набережная Ангары в Иркутске», «Переправа через Ангару».

Со второй половины 80-х годов развивается творчество уроженца Омска, одного из талантливейших русских живописцев — М. А. Врубеля (1856—1910 гг.).

На знаменитых передвижных выставках появляются картины на сибирские темы. Очень выразительны и глубоки по содержанию картины С. В. Иванова «Переселенцы» (1887 г.), «Обратные переселенцы» (1888 г.),

⁶³ В Иркутском художественном музее имеются 3 картины Ю. Беркмана: «По Московскому тракту», «Четверка» и «Тройка». Здесь же хранятся работы С. Вронского (3 рисунка видов Забайкалья и 3 картины — «В горах Хамар-Дабана», «Тунка», «Хамар-Дабан»). Им же написан фон с видом Иркутска к портрету Державина.

⁶⁴ Хранится в Иркутском художественном музее.

«На дороге», «Смерть переселенца» (1889 г.). В 1891 г. на XIX выставке передвижников экспонировались картины Е. Е. Волкова («Тайга»), А. М. Васнецова («Тундра»), К. А. Савицкого («Беглые в Сибири. Христова милостыня», сибирский обычай старожилов — оставлять подавание для бродяг),⁶⁵ В. И. Сурикова («Взятие снежного городка»).

С Сибирью непосредственно связано творчество великого русского художника, замечательного мастера исторической живописи В. И. Сурикова (1848—1916 гг.).

Уроженец Красноярска, Суриков получил в Красноярском уездном училище первые навыки рисования под руководством своего учителя, художника Н. В. Гребнева. Горячо любя живопись, увлекаясь ею, Н. В. Гребнев сыграл важную роль в судьбе великого художника. Жизнь в Сибири, сибирские впечатления оказали большое влияние на творчество В. И. Сурикова. Об этом писал сам художник: «Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства, она же дала мне дух, и силу, и здоровье».⁶⁶ Живя во время обучения в Академии художеств в Петербурге, затем в Москве, художник не раз посещал Сибирь, собирал там материалы для своих картин. С этой целью он написал в Сибири многочисленные этюды с натуры, рисовал местных русских крестьян, казаков, сибирских татар, хантов, хакасов.

Земляки В. И. Сурикова высоко ценили его творчество, гордились им, возлагали на него большие надежды. Газета «Восточное обозрение» по поводу появления картины Сурикова «Боярыня Морозова» (1887 г.) писала: «В. И. Суриков, наш дорогой земляк, красноярец, он будет всегда нашей гордостью. Пожелаем ему успеха на много-много лет и будем ждать, что он даст для России целый ряд блестящих картин в будущем».⁶⁷ Великий русский художник оправдал надежды своих земляков.

Непосредственно на сибирские сюжеты написаны картины «Покорение Сибири», «Меньшиков в Березове», «Взятие снежного городка», эскизы к «Красноярскому бунту». Влияние сибирских наблюдений, впечатлений сказывалось и на других произведениях Сурикова, далеких по содержанию от Сибири («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Степан Разин», «Переход Суворова через Альпы»). Об этом влиянии писал сам В. И. Суриков: «Улицы в „Боярыне Морозовой“ почти целиком перенесены из Красноярска. Оттуда же взяты типы стрельцов, Суворова, Разина... Все женское царство... Морозовой вышло из нашего дедовского дома в Торгашино».

В картинах В. И. Сурикова на исторические сюжеты отражалась жизнь народа, его страдания и переживания, борьба и героические подвиги. Прототипы картин В. И. Сурикова — живые люди, его современники и земляки.

В Сибири устраивались выставки картин. Первоначально картины демонстрировались на сельскохозяйственных и промышленных выставках (в 1860, 1868 и 1869 гг. в Иркутске, в 1863 г. в Чите). В дальнейшем, хотя и нерегулярно, создавались самостоятельные выставки картин и графики в городах Сибири.

В 70-х годах XIX в. приступил к собиранию коллекции картин Сукачев. Получив крупное наследство после смерти своего дяди купца Трапезникова, Сукачев приобретал картины русских художников только в оригиналах, а западноевропейских — в лучших копиях. В результате в Иркутске составила Сукачевская картинная галерея. К концу XIX в. в ней на-

⁶⁵ Хранится в Иркутском художественном музее.

⁶⁶ Письмо В. А. Никольскому от 21 декабря 1909 г. В кн.: В. И. Суриков. Письма 1868—1916 гг. М., 1948, стр. 139.

⁶⁷ «Восточное обозрение», 1887, № 9.

ходило 100 картин. Она помещалась в двухэтажном деревянном доме и занимала 12 комнат. Среди картин Сукачевской галереи — произведения выдающихся русских художников, преимущественно передвижников. Доступ в галерею для школьников был бесплатный, а сборы со взрослого населения поступали в пользу Иркутских общедоступных курсов. Сукачевская галерея знакомила сибиряков с замечательными произведениями русских художников-реалистов.

Несмотря на удаленность от центра, отсутствие в Сибири художественных училищ и общедоступных галерей (за исключением Сукачевской), творчество художников-сибиряков вливалось в общероссийское русло развития изобразительного искусства.

В конце XIX—начале XX в. в произведениях литературы и изобразительного искусства отражалась острая социально-политическая борьба, происходившая в России на пролетарском этапе революционного движения. Она проявлялась в борьбе различных направлений в искусстве.

В Сибири с возрастанием экономических и культурных связей с Европейской Россией после проведения Сибирской железной дороги, открытием местных училищ и студий живописи заметно увеличилось число художников. Среди них встречались сторонники почти всех направлений и оттенков, существовавших в России. Одни из художников продолжали демократические традиции в изобразительном искусстве, на других сказывалось влияние формалистических и декадентских течений.

Революционно-демократические традиции продолжал и развивал талантливый художник-сибиряк Н. И. Верхотуров (1865—1944 гг.).

Уроженец с. Монастырского (около Нерчинска), Верхотуров получил первые навыки рисования у нерчинского художника П. Н. Рязанцева, а позже учился в мастерской И. Е. Репина (в 1901—1907 гг.).

Живя в Забайкалье, Верхотуров наблюдал тяжкую жизнь каторжан. Под впечатлением этих наблюдений он написал в 90-х годах XIX в. картины «Заковка арестантов», «Прикованный к тачке», «Невольный убийца» (солдат убил сбежавшего арестанта). В начале XX в. Верхотуров почти целиком перешел на историко-революционную тематику.

Широкою известность по многим репродукциям получила картина Верхотурова «Расчет». Здесь противопоставлены 2 враждебные стороны: рабочие и капиталист. В выражении лиц и жестах рабочих отражено острое недовольство. После выставки картин русских художников в 1910 г. в Лондоне картина Верхотурова, названная «Локаут», получила международную известность.

Верхотуров написал картины «Пропагандист», «Накануне казни», портреты деятелей революционного движения. Картины на историко-революционные сюжеты становились наглядным средством политической пропаганды.

С Сибирью связал свое творчество уроженец Черногории В. Д. Вучичевич, получивший известность как Вучичевич-Сибирский. Сибиряки-старожилы считали его своим земляком. В произведениях Вучичевича преобладали сибирские пейзажи. Его картины экспонировались на выставках в Петербурге и в городах Сибири — Томске, Красноярске, Иркутске и др.

Социальные мотивы выражались в творчестве оригинального и самобытного скульптора И. И. Жукова (1875—1948 гг.). Уроженец Горного Зерентуя (Забайкалья), Жуков получил образование в Читинской гимназии, затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Начиная с 1906 г. И. И. Жуков каждую осень выставлял свои произведения на «осенних выставках». Его оригинальные и выразительные статуэтки из глины сразу привлекли общее внимание, приобрели большую

популярность. Снимки со статуэток, открытки расходились в тысячах экземпляров.

В 1912 г. И. И. Жуков уехал в Париж, чтобы учиться у знаменитого французского скульптора Родэна. Просмотрев снимки с работ Жукова, скульптор сказал, что его мэтром (учителем) будет природа. «Какая мощь! Какая экспрессия! Это сильно. Это талант исключительный и глубокий, как и Достоевский», — восхищался Родэн. В Париже Жуков пробыл 2 года. После выставки работ русского скульптора его произведения получили большое одобрение во французской и английской печати. В 1914 г. И. И. Жуков вернулся в Россию.

«Самое прекрасное, что есть на земле и в искусстве, — это душа человека», — говорил Жуков. Он выражал переживания людей, их горести, страдания и радости, протестовал против несправедливости, выступал в защиту обиженных. Одни из скульптур И. И. Жукова имеют символический, сказочно-мифический характер, другие реалистичны по форме и содержанию. В его скульптурных группах «Проклятый город», «Нет работы — нет хлеба» показана трагедия безработных, обреченных на страдание и голод. В скульптуре «Стережущие» художник обличал самодержавие, изображая царя в окружении львов. Многие работы посвящены бытовым темам. С любовью художник изображал детей в скульптурах «Люди, которые полетят» (наблюдения мальчуганов за полетом аэроплана), «Дети-школьники» и др. Тепло отзывались о творчестве И. И. Жукова великие русские писатели — Л. Н. Толстой и А. М. Горький.

Л. Н. Толстой так говорил о жуковских скульптурах: «Слишком большой контраст. Большая сила выразительности. Хорошо».

А. М. Горький писал И. И. Жукову: «Смотрю на Ваши вещи — радуюсь: талантливо, жизненно, нравится и трогает за сердце. Во всем есть что-то глубокое — верное, русское».

В Сибири работали художники-пейзажисты Г. И. Гуркин, А. Н. Никулин, Н. В. Чистяков, Д. Н. Карташов, Н. В. Лодейщиков, С. С. Скорняков, И. Г. Козлов, П. В. Шабалин, А. В. Худяшев, И. Г. Шешунов, В. Белослюдов, А. Ф. Ефремов, В. Д. Гаравин, А. В. Овчинников, К. И. Померанцев, Л. П. Базанова, З. А. Рогачева.

Большой популярностью у жителей Сибири пользовались произведения художника-алтайца Г. И. Гуркина (1869—1935 гг.) — ученика известного русского пейзажиста И. И. Шишкина. Картины Гуркина привлекают непосредственностью, живым, проникновенным, прозрачно-чистым и ясным изображением природы Алтая. Художник горячо любил родной край и посвятил ему свое творчество.

Г. И. Гуркин изображал бурные реки, непроходимую тайгу, величественные горы, прозрачные озера, легендарные уголки Алтая, сцены быта и поверия своего народа. Известны его картины «Хан-Алтай», «Корона Катунь», «Весна на Алтае», «Катунь и Белуха», «Юрта», «Камлание», «Озеро горных духов», «Былина» и др. Полотна Гуркина экспонировались почти во всех сибирских городах и на передвижной выставке Товарищества художников в Москве и Петербурге (в 1903 г.). Многочисленные произведения Г. И. Гуркина можно видеть в музеях Томска, Омска, Барнаула, Бийска, Тюмени, Тобольска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

Замечательная природа Алтая стала темой картин и рисунков художников А. Н. Никулина и Н. В. Чистякова.

Певец Приенисейского края — художник-краевед Д. И. Каратанов (1872—1952 гг.). В своих картинах, зарисовках, эскизах, этюдах Каратанов показал природу Приенисейского края, быт сибирской деревни, хакасского улуса, труд охотников и рыбаков, тундру, таежные дебри, окрестности Красноярска, знаменитые «Столбы», причудливо-живописные скалы.

Художник-пейзажист Н. В. Лодейщиков отражал в своих картинах природу Прибайкалья. На его полотнах запечатлены эпические пейзажи легендарного Байкала, гордой и суровой Ангары, бурного Иркутта и таежных окрестностей Аршана, виды Иркутска.

Виды Байкала и Прибайкалья изображены также на картинах С. С. Скорнякова и И. Г. Козлова.

В дальневосточном крае работал художник П. Шабалин. На сибирских выставках привлекали внимание его картины «Туман на Амуре», «Река Амур», «По Уссуре», «На Шилке», «Берег Японии».

В начале XX в. оживилась общественная и выставочная деятельность художников и любителей изобразительного искусства. В Томске в 1909 г. образовалось Общество любителей художников, в Иркутске в 1910 г. — Общество иркутских художников, во Владивостоке — Общество поощрения изящных искусств.

Выставки картин устраивались в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите. В 1908—1914 гг. были известны также передвижные выставки, переходившие из одного города в другой. Выставки оказывали влияние на развитие художественного творчества в Сибири, вызывали появление новых художников из подрастающей молодежи, знакомили сибиряков с творчеством художников, способствовали культурно-эстетическому воспитанию.

В 1900 г. художник Н. П. Верхотуров организовал в Иркутске первую в Сибири художественную школу, которая просуществовала всего 1 год. Спустя несколько лет создается новая художественная школа. Ее организатором был воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества А. Ф. Лытнев (1864—1922 гг.). Школа проработала несколько лет, а затем закрылась из-за отсутствия средств на ее содержание.

В Томске художественную студию организовал художник М. М. Поляков (1885—1924 гг.). Из этой студии вышло несколько сибирских художников.

В 1910 г. художник И. А. Копылов (1883—1940 гг.) открыл в Иркутске художественную студию-мастерскую. Хороший педагог, чуткий воспитатель, И. А. Копылов более 20 лет вел педагогическую деятельность, выпустив из своей школы многих квалифицированных художников.

Некоторые художники находились под влиянием формалистических течений. На сибирских выставках они демонстрировали свои работы в отделе «Живопись новых направлений». Однако формалистические картины не имели успеха. В газете «Сибирь» они названы «потугами доморощенных модернистов». Среди художников, работавших в Сибири, преобладало реалистическое направление.

7. КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Народное образование

Изменения, происходившие в социально-экономическом развитии России во второй половине XIX и начале XX в., отражались на хозяйстве и культуре народов Сибири. Еще в 60-х годах XIX в. А. П. Щапов, характеризуя насущные нужды народностей Сибири, писал, что они «начинают сознавать важность и даже необходимость грамоты», ждут «просвещения и совершенствования».

Стремление народа к просвещению не могло осуществиться в условиях царского режима. Царизм и эксплуататорские классы опасались, что ши-

рокое распространение грамотности будет прояснять сознание народа, усиливать тягу народных масс к лучшей жизни, поднимать их на борьбу за лучшее будущее. Царская администрация подавляла деятельность, направленную к просвещению на родных языках народов Сибири. Якутский губернатор в 1905 г. писал: «Учреждение школ с преподаванием на якутском языке и искусственное создание якутской грамотности, литературы и библиотек принесет не пользу делу просвещения, а вред».

Отрицательно сказывалось влияние шаманов, мулл (у сибирских татар), лам (у бурят). Они противились всему новому, прогрессивному, проникавшему к народам Сибири под влиянием демократической культуры. Сопrotивляясь открытию светских школ, обучению у «вольных учителей», мусульманское и ламаитское духовенство добивалось обучения детей при мечетях и дацанах. Такое обучение носило религиозно-схоластический характер. Для него были типичны догматика, консерватизм, схоластика, слепая вера, мистика, суеверие.

Большинство аборигенов Сибири не имело даже элементарной грамотности, но и к ним проникали лучи просвещения.

Ревнителями просвещения и проводниками передовой культуры были политические ссыльные, демократическая интеллигенция, народные учителя, ученые. Они изучали экономику, историю, этнографию, народное творчество аборигенов Сибири, несли к ним просвещение. Русские учителя и ученые воспитывали талантливых тружеников просвещения и науки из среды народов Сибири. Эти немногие в дореволюционное время деятели были проводниками передовой русской культуры. Они понимали, что приобщение к ней обогащает и повышает культуру сибирских аборигенов. Становилось все более заметным прогрессивное влияние русского народа на хозяйство, быт, культуру народов Сибири. Русские крестьяне, рабочие, ремесленники были для этих народов учителями хлебопашества, земледельческой культуры, ремесленно-технических навыков, проводниками «домоблагодетельства» и оседлого быта. В свою очередь русская демократическая интеллигенция с уважением относилась к языку и культуре народов Сибири.

Во второй половине XIX и начале XX в. в районах, где живут народы Сибири, действовали министерские (ведомства Министерства народного просвещения), миссионерские и церковно-приходские (ведомства Синода), а также домашние, или «вольные», школы.

Как через министерские, так и церковно-приходские и миссионерские школы царское правительство стремилось насадить среди подрастающего поколения беспрекословное повиновение самодержавию и церкви. В церковных школах, которые находились непосредственно в руках духовенства, клерикально-религиозный характер обучения проявлялся особенно резко, сильнее сказывалась опека духовного начальства над учителями, слежка за ними.

Во второй половине XIX в. миссионерские школы существовали в Тобольской, Алтайской, Иркутской, Забайкальской и Амурской духовных миссиях.

В миссионерских школах, предназначенных для хантов и ненцев, обучалось лишь незначительное количество мальчиков. В 1864 г. в училище при Кондинском монастыре училось всего 10 детей. К началу XX в. количество их не увеличилось. В школе при Обдорском миссионерстве обучалось от 9 до 12 учеников.

В 90-х годах XIX в. открылись школы грамоты для обучения детей хантов и ненцев в селениях Максимоярском, Васюганском и юртах Иванкиных Нарымского края. В каждой школе обучалось 10—15, а иногда и меньше учеников. По воскресеньям и другим праздникам устраивались бе-

седы учителей с местными жителями. Обучение в школах показало, что их ученики вполне были способны овладеть грамотой.⁶⁸

В кочевьях васюганской тундры действовала передвижная школа грамоты. Обитатели тундры с радостью встретили известие об ее создании, собирали средства на жалованье учителю, отвели помещения в местах остановки школы, которая «перекочевывала» из селения в селение. Центральным пунктом школы было с. Васюган, куда собирались ученики и соседних селений. Так, в 1900 г. собиралось 29 учеников. Из Васюгана учитель с учебными пособиями отправлялся в Калконайские и Аюловы юрты. Проверка показала, что ученики бойко читали и писали по-русски.

В районах расселения алтайцев школьное дело находилось в руках Алтайской духовной миссии.⁶⁹ Здесь, как и в других местах, миссионеры стремились использовать школу как средство «обрусения инородцев» в духе «православно-русской цивилизации». Они отождествляли русскую цивилизацию с православием и в крещении алтайцев, их «христианизации», усматривали свою главную цель.

В миссионерских школах с 70-х годов XIX в. применялась система русского педагога консервативного направления Н. И. Ильминского. В качестве средства распространения православия и руссификации алтайцев, обучения христианству был избран их язык. В школах обучали чтению и письму по-алтайски. Это облегчало обучение грамоте и усвоение русского языка. На язык алтайцев переводились книги религиозного содержания, составлялись учебные пособия.

Школы насаждались не только Алтайской духовной миссией, их открывали и содержали сами алтайцы на свои средства.⁷⁰

В некоторых школах учились не только дети, взрослые алтайцы проявляли «способность и усиленное желание» читать по-русски. Они использовали русский алфавит и для письма на своем языке. В 1913 г. в алтайских школах обучалось свыше 2000 чел. По сравнению с 1884 г. количество учащихся увеличилось более чем в 3 раза, однако училась лишь небольшая часть детей алтайцев, преимущественно дети зажиточных слоев.

Грамотные среди алтайцев к 1917 г. составляли около 6% (вместе с оседлой частью населения), а среди кочевого населения грамотность не достигала и 2%.⁷¹

У хакасов первые школы появились во второй половине XIX в., но и до этого некоторые из них обучались грамоте самоучкой при содействии русских грамотеев.

В 1864 г. открылась Усть-Абаканская школа, в 1869 г. — Аскызское сельское училище, в 1888 г. — Усть-Есинская церковно-приходская школа. Позже были открыты Чебаковская, Божьеозерская, Синявинская, Чарковская, Усть-Фыркальская школы.

Важную просветительную роль сыграл Минусинский музей имени Н. М. Мартыанова. Среди участников создания ценных фондов этого музея были крестьяне хакасы И. Котожеков, М. Кыстояков, М. Чаптыков, М. Мохов, С. Спирин. Музей много сделал для изучения хакасов и имел постоянную связь с хакасским населением. Хакасы посещали музей, знакомились с его экспонатами, обращались к работникам музея за справками и советами.

⁶⁸ А. Ф. Плотников. Нарымский край. СПб., 1901, стр. 100.

⁶⁹ Деятельность Алтайской духовной миссии охарактеризована в книге Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» (Новосибирск, 1948, стр. 361—373).

⁷⁰ Народческий вопрос на Алтае. Томск, 1885, стр. 13.

⁷¹ Народы Сибири. Этнографические очерки. Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956, стр. 348.

У бурят первые начальные школы возникли в начале XIX в. Но тогда они были недолговечны и нередко вскоре закрывались. На более длительный срок они стали открываться во второй половине XIX в.

В 60-х годах в бурятских ведомствах Иркутской губернии возобновили свою работу Балаганское, Идинское и Аларское училища, возникли Усть-Ордынское, Хоготовское и Нукутское училища. В 1867 г. М. М. Ашедуевым была открыта первая бурятская школа для девочек. В ней обучалось 22 ученицы. В 1883 г. действовало 19 бурятских училищ, в которых занималось 234 чел.

Развитие первых школ в бурятских ведомствах Забайкальской области шло медленно, и они были малочисленны. В 1857 г. в Онинском училище обучалось всего 16 учеников, в Баргузинском — 15, в Кударинском — 14. Несколько бурятских мальчиков училось в Верхнеудинском уездном училище. В 1862 г. в Забайкальской области существовало 11 бурятских училищ. В них обучалось тогда 340 учеников.

До 90-х годов XIX в. в бурятских ведомствах существовали только одноклассные училища (младшая, средняя и старшая группы). В некоторых школах открывалась еще четвертая группа. С 90-х годов XIX в. стали действовать двухклассные училища (с шестилетним сроком обучения). В Забайкальской области открылись Агинское, Селенгинское, Оронгинское, Кударо-Бурятское двухклассные училища, в Иркутской губернии — Аларское, Бильчирское, Курумчинское, Харазаргинское, Идинское, Укырское. В старших классах двухклассных училищ обучались русскому языку, арифметике, геометрии, алгебре, физике, природоведению, рисованию, черчению. В Агинском и Селенгинском училищах преподавались также монгольский язык и письменность.

В учебных заведениях повышенного типа буряты насчитывались единицами. В 1888 г. в городских училищах Верхнеудинска, Селенгинска, Троицкосавска обучалось 18 бурят, в Иркутской и Читинской мужских гимназиях — 7, в Иркутской учительской семинарии — 4 и в женской гимназии — 2. Всего с 1888 по 1890 г. в школах повышенного типа училось 26 бурятских детей. Иркутскую учительскую семинарию за 28 лет (1872—1900 гг.) окончило только 23 бурята. При семинарии «с целью упражнения воспитанников в деле преподавания» были открыты 2 школы для иркутских и забайкальских бурят. В 1899 г. открылась Читинская учительская семинария, среди учащихся были и буряты.

К концу XIX в. количество учащихся в бурятских школах увеличилось, но обучением была охвачена лишь малая часть детей школьного возраста. По данным всеобщей переписи в 1897 г., грамотные составляли 7,2% бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области. Одни грамотные буряты знали русскую письменность, другие — монгольскую и тибетскую. Буряты пользовались русским алфавитом для переписки как на русском, так и на бурятском языках. Тибетская грамота была исключительно достоянием ламства и народу приносила мало пользы. Она использовалась для религиозных целей. Значительную часть грамотных на основе монгольского алфавита также составляли ламы, но он употреблялся и светскими людьми для официальной и частной переписки. На монгольском алфавите составлялись летописи-хроники, частные письма и деловые бумаги (официальная переписка степных дум, постановления сугланов, тексты «степных законов» и пр.), производились записи произведений народного творчества — песен, сказок, улигеров.

Оживлению школьного дела способствовал общественный подъем, вызванный революцией 1905—1907 гг. Во время революции вопросы народного просвещения не раз обсуждались на съездах бурятского населения.

В начале XX в. заметно увеличилось количество учащихся бурят. По данным школьной переписи 1911 г., в начальных школах Иркутской гу-

бернии и Забайкальской области обучалось 3249 бурят, в том числе 2607 мальчиков и 642 девочки. В Иркутской губернии с 1909 по 1914 г. количество школ в бурятских ведомствах увеличилось в 2 с лишним раза (с 52 до 121). Несмотря на увеличение числа школ и учащихся по сравнению с 90-ми годами XIX в., большинство детей оставалось за пределами школы. На каждые 200 детей школьного возраста приходилось лишь 8 учащихся. Многие дети, особенно из отдаленных от училищ деревень и улусов, не могли посещать школы из-за бедности родителей.

Обучение в средних школах, сосредоточенных исключительно в городах, было доступно только зажиточным слоям населения. Лишь некоторым ученикам удавалось получить общественные или казенные пособия.

В 1916 г. в средних школах обучалось всего 125 бурят. В высших учебных заведениях Европейской России занималось 30 чел.

В местах поселений забайкальских эвенков существовала всего одна школа — Урульгинская, основанная в 1843 г. Она находилась в селе того же названия при Урульгинской степной думе. В 1871 г. в ней училось 29 мальчиков. Кроме того, немногие дети эвенков обучались в обычных русских училищах.

В 70-х годах открылись 2 училища среди народов Приамурья: одно — в с. Михайловском (низовье Амура) для детей нанайцев (гольдов), второе — для нивхов (гиляков). В каждом из них обучалось по 10—12 мальчиков. В дальнейшем число учеников несколько увеличилось. Писатель-сибиряк Г. С. Гантимуров, посетивший селения гиляков в начале XX в., отметил, что среди них «есть грамотные, читают и пишут по-русски. Обиход таких гиляков из зажиточных похож более на русский, крестьянский».⁷²

В школах Якутской области обучалось в 1869 г. 339 чел. В этом году Якутское уездное училище было реорганизовано в мужскую классическую прогимназию. Основные средства на ее содержание были собраны якутами, но для большинства якутских детей доступ в нее был фактически закрыт. В 1879—1882 гг. в прогимназии в среднем обучалось ежегодно 180 учеников, из них 30 якутов. В 1890 г. она была реорганизована в реальное училище.

В 1882 г. открылась Якутская женская прогимназия. За 11 лет (1882—1892 гг.) ее окончило всего 38 девочек, из них одна якутка.

В 70-х годах XIX в. по инициативе сельских и улусных обществ было открыто несколько начальных училищ: в Амгинской слободе, в Верхоянске и Колымске, в Кангаласских, Борогонском, Батурусском, Намском, Баягантайском, Верхне-Вилуйском, Мархинском улусах, на о. Кыллаах и на золотых приисках. Активное участие в открытии школ принимали политические ссыльные.

С 1879 по 1892 г. в министерские начальные школы Якутской области было принято 1040 учащихся, в том числе 698 детей якутов. Окончило школы всего 336 чел., из них 180 якутов.⁷³

В 1899 г. в Якутской области находилось 84 учебных заведения: из них 4 были средними, остальные — низшими школами. К средним учебным заведениям относились шестиклассное реальное училище с приготовительным классом, шестиклассная женская прогимназия, духовная семинария, женское шестиклассное епархиальное училище. На 258 283 чел., составлявших население Якутской области, приходилось всего 1912 учащихся, в том числе 1498 мальчиков и 414 девочек.⁷⁴ В 1900 г. в Якутском реальном училище открылся VII дополнительный класс, а женская гимна-

⁷² Г. Т. Хмуров. Люди и нравы Дальнего Востока. М., 1909, стр. 202.

⁷³ История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 346.

⁷⁴ Обзор Якутской области за 1899 год. Якутск, 1900, стр. 56.

зия была преобразована в восьмиклассную женскую гимназию. Большинство учебных заведений находилось в южных и центральных районах Якутской области. В северных округах школы были редки: в Верхоянске и Верхоянском округе — 7 школ, в Колымском — 2.

По сравнению с 1863 г. количество учащихся в 1899 г. увеличилось на 1159 чел., но и тогда школы охватывали лишь малую часть детей школьного возраста. Не обучались грамоте дети жителей крайнего севера — чуванцев, ламутов (эвенов) и юкагиров. Грамотность якутов ко времени Октябрьской революции едва достигала 2%. У чукчей, по переписи 1897 г., было учтено только 4 грамотных. У эвенков (тунгусов) Якутской области грамотные составляли 0.1%.

В начале XX в., особенно в связи с оживлением общественной жизни, вызванным революцией 1905—1907 гг., заметно увеличилось количество школ и учащихся. По общественной инициативе открылись новые школы. К 1917 г. в Якутской области действовало 173 школы. В них обучалось 4600 учащихся, работало 254 учителя. По сравнению с 1899 г. количество учеников в Якутии увеличилось на 2748 чел. В числе школ Якутской области было 164 начальных училища (3625 учащихся), 5 пятиклассных (375 учеников) и 4 средних учебных заведения.

В 4 средних школах обучалось 660 чел., в том числе 60 якутов. В 1912 г. были открыты педагогические курсы, преобразованные в учительскую семинарию. Среди ее воспитанников преобладали якуты.

Многое сделали для распространения грамотности и просвещения в Сибири политические ссыльные (начиная с А. Н. Радищева и декабристов).

В тех местностях, где проживали политические ссыльные, возникали новые очаги просвещения — «вольные» школы. Они открывались по инициативе аборигенов и самих ссыльных, несмотря на то что царское правительство запрещало политическим изгнанникам педагогическую деятельность.

В Якутской области обучали детей якутов и русских крестьян политические ссыльные — В. Г. Короленко, В. М. Ионов, С. В. Ястремский, И. Т. Цыценко, И. Я. Худяков, Я. Белый (врач), М. Поляков, В. Богораз-Тан, П. И. Грабовский, М. Ромась, М. Шабалин, А. Ключе, В. Зубрилов и др. Среди ссыльных были люди, овладевшие языком якутов, что способствовало успеху обучения грамоте. Создавались группы учеников и даже небольшие неофициальные школы. Они были созданы В. Г. Короленко в Амге, П. Подбельским в Мегинском улусе, В. М. Ионовым в Батурусском улусе, а позже в Якутске, И. Т. Цыценко в Чурапче, Н. Надеевым в Амге и др. В. М. Ионов обучал по букварю, специально составленному им для якутских ребят. В Олекминском округе С. Жебунев и И. Беркович устраивали «летучие» школы. Для обучения детей они временами переезжали из наслега в наслег.

При активном участии политических ссыльных были созданы Якутский музей, бесплатные народные библиотеки-читальни в Якутске (в 1898 г.), затем в Вилюйске и Олекминске. В колониях политических ссыльных ими создавались библиотеки на общественных началах, через которые распространялась легальная и нелегальная литература. К якутам проникали книги. Среди читателей Якутской городской библиотеки в 1912 г. было 14% якутов, а в 1914 г. — 20%.

«Вольные» школы, основанные политическими ссыльными, действовали в бурятских улусах и русских селениях Иркутской губернии. Примером может служить школа в Тургайском улусе, существовавшая в начале XX в. Она содержалась на средства родителей учеников. Учителю платили по рублю в месяц за каждого ученика и давали ему продукты: муку, мясо, картофель, молоко. «Интерес к школе был большой у всего населения; доказательством чего служило постоянное присутствие посторон-

них слушателей на уроках не только вечером, но и днем, а также полное подчинение гостей школьному режиму».⁷⁵

По вечерам учитель вел беседы с бурятскими крестьянами, посещавшими школу. Часто эти беседы «заходили далеко за пределы интересов Тургайского улуса».⁷⁶

Несколько «вольных» школ, в которых преподавали политические ссыльные-большевики, действовало в 1911—1916 гг. в Верхнекудинском бурятском ведомстве. Обучали небольшими группами по 5—6 чел. Учитель и ученики ходили из одного дома в другой: неделю занимались у одного родителя, неделю у другого. Иногда нанимали постоянное помещение для всей группы учащихся. Родители приобретали учебники, учебные пособия, письменные принадлежности. В «вольных» школах обучали по программам начальных училищ чтению, письму, грамматике русского языка, арифметике, вели элементарные беседы по естествознанию, географии, истории.

Царская администрация запрещала и преследовала «вольные» школы. Сибирское же трудовое население оказывало им широкую поддержку, ценило и берегло их.

Несмотря на свою немногочисленность, материальную необеспеченность, недостатки в постановке педагогической работы, школы разных типов были очагами просвещения среди народов Сибири. Здесь учились грамоте, получали первые зачатки различных знаний. Даже в тяжелых условиях царского режима учителя — русские, алтайцы, буряты, якуты — несли просвещение народам Сибири.

Воспитанниками русских педагогов были ученые, вышедшие из народов Сибири, — Н. Ф. Катанов, М. Н. Хангалов, Г. Ц. Цыбиков, Ц. Ц. Жамцарано.

Талантливый сын хакасского народа Н. Ф. Катанов стал известным ученым-тюркологом, исследователем языков, устного народного творчества, этнографии народов тюркской ветви.

Бурятский учитель М. Н. Хангалов — автор многих работ, посвященных изучению шаманства, устного народного творчества, облавных охот (зэгэтэ-аба), скотоводческого хозяйства, материальной культуры, юридических обычаев и быта бурят.

Уроженец Агинского бурятского ведомства Г. Ц. Цыбиков — крупный ученый монголист и тибетолог. В 1899 г. по окончании факультета восточных языков Петербургского университета он совершил по поручению Географического общества путешествие в Тибет. Пробыв в этой стране 3 года, Цыбиков тщательно изучил природу, хозяйство, политический строй, быт народа, буддийскую религию и церковь Тибета. Результаты изучения он осветил в капитальном труде «Буддист-паломник у святынь Тибета». Г. Ц. Цыбикову принадлежат также труд о податях и повинностях населения Забайкальской области, переводы с тибетского на русский учебника монгольского и тибетского языков.

Ц. Жамцарано известен как собиратель и исследователь устного народного творчества и обычного права бурят и монголов.

Собиранием и изучением устного народного творчества и этнографии бурят занимались учителя Б. Норбоев, Н. С. Болдонов, Э. Ц. Онгодов, Ш. Б. Банзаров, С. А. Шагдарон. Н. С. Болдонов составил русско-бурятский букварь, а Р. Намтуев — учебник под названием «Самоучитель или русская азбука для учеников монголо-бурятских».

Даже в тяжелые дореволюционные времена народы Сибири выдвинули талантливых деятелей просвещения и науки, которые внесли посиль-

⁷⁵ П. Пономарев. Вольные школы. Сб. «Иркутская ссылка», М., 1934, стр. 112.

⁷⁶ Там же, стр. 113.

ный вклад в развитие культуры многонациональной России. Но в условиях старого режима многие народные таланты не могли проявить своих сил и способностей. «Среди молодых поколений сибирских, — писал А. П. Щапов, — гибнет множество Ломоносовых, Банзаровых».

Устное народное творчество и литература

С давних пор среди народов Сибири, передаваясь из поколения в поколение, бытуют произведения устного народного творчества: предания о происхождении племен и родов, сказания о прошлом, богатырские былины, сказки, песни, пословицы, поговорки, загадки, мифы, легенды. Народные исторические предания становились своего рода устными летописями. Сказители, передавая полученное от предков, вносили новое, характерное для своего времени. В эпических произведениях даны поэтические описания природы, говорится о бытовых чертах, касающихся охоты и скотоводства, торговли, жилища, пищи, утвари, одежды, военного снаряжения, народных обычаев. Устное поэтическое творчество распространено у всех народов Сибири.

У хантов и манси народное творчество представлено мифами, мифологическими сказками и песнями о происхождении земли и людей, предков родов и племен, былинами и сказаниями о богатырях, их подвигах, войнах, которые они вели против врагов, сказками, бывальщинами, лирическими песнями.

У ненцев развит сказочный фольклор, у них много разнообразных сказок о людях и животных. Они хранят также предания о происхождении своих родов, богатырские былины, бывальщины.

У кетов, нганасан, долганов и других народов Севера бытуют героический эпос, сказки, предания, рассказы на бытовые темы, лирические песни, загадки.

С древних времен любили героические сказания о подвигах богатырей и витязей эвенки. Под звуки трехструнного инструмента, который заменялся также луком с туго натянутой тетивой, они пели про подвиги своих предков, про охотничьи приключения, исполняли песни-импровизации. Сказители выступали на народных празднествах, участвовали в состязаниях певцов.

Для народного творчества алтайцев характерны героические сказания и бытовые песни. Алтайский эпос представляют героические поэмы «Когутэй», «Алтай-Бучай», «Малчи-Мэргэн». В них красочно описываются действия былинных героев, природа и бытовая обстановка. Они проникнуты драматизмом и антифеодальными идеями. Герои сказаний сражаются с врагами и защищают народ. Бедняки побеждают злых баев и зайсанов. Герои былин наделены отвагой, силой, находчивостью. Эпические произведения алтайцев исполнялись под аккомпанемент двухструнного деревянного инструмента — топшура.

Богато и разнообразно устное народное творчество бурят и якутов.

Широкое распространение получили легенды о происхождении бурятских племен и родоначальников бурят Булагата, Эхирита и Хоридоя.

Особенно замечательны бурятские богатырские былины-улигеры о Шоно-Баторе, Аламжи-Мэргэне и других персонажах героического эпоса. В былинах описываются жизнь и приключения баторов, богатырей, их борьба против владетельных ханов или фантастических чудовищ. Любимые герои бурятского эпоса изображаются умными, правдивыми, храбрыми, сильными защитниками обиженных. Наоборот, противники их показаны как отвратительные чудовища. Бурятские былины украшены поговорками, пословицами, пожеланиями (урор).

Самое крупное произведение устного народного творчества бурят представляет эпос «Абай Гэсэр Хубун», содержащая более 30 000 стихотворных строк.

В Гэсэриаде в фантастических формах выражается идея борьбы добра и зла. Гэсэр со своими богатырями и воинами из небожителей изображается избавителем народа от зол и несчастий.

Народные сказители-улигерши были одновременно певцами и музыкантами, игравшими на хуре (струнный инструмент) и лимбе (тип флейты). Народ любил и уважал своих сказителей и певцов. В улусах происходили своеобразные состязания народных талантов, исполнителей песен, былин, танцев.

У якутов, как у алтайцев и бурят, главные произведения — былины-олонхо, идущие из глубокой старины. Их исполняли сказители — олонхосуты, пользовавшиеся большим уважением в народе.

Олонхо повествует о приключениях и подвигах сказочных богатырей, их борьбе со злыми силами. Возник целый ряд богатырских былин. Кроме былин и исторических преданий, у якутов бытовали пословицы, поговорки, загадки и заговоры. Получили распространение предания о родоначальниках якутов — Омогое и Эллее, прибывших на север по Лене с юга. В этих преданиях, украшенных легендарными мотивами, проявляются народные представления о южном происхождении якутов.

В конце XIX и начале XX в. основные жанры устного народного творчества якутов, особенно героический эпос, получили большое развитие. В это время плеяда талантливых исполнителей — олонхосутов (Г. Захаров, Д. Говоров, И. Платонов и многие другие) усложняла сюжет олонхо, появились олонхо в 20—30 тыс. строк. В грандиозных эпических поэмах отражались демократические идеи и традиции народа, его чаяния. Народ воспевал свою родину, труд и людей труда, мечту народа о мирной и счастливой жизни.

Разнообразно устное творчество народов Приамурья и Приморья: нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев, орочей. Оно выражается в сказках, песнях, преданиях, легендах, мифах, пословицах, поговорках. В преданиях сочетаются собственно исторические сказания, легенды о героях, мифы о животных. Мифы отражают древнейшие представления о мироздании, о происхождении всей природы, ее отдельных явлений, о происхождении духов.

В произведениях устного творчества народов Сибири сочетаются познавательные, эстетические и этические элементы. Народ воспевает храбрость, мужество, настойчивость в достижении цели, дружбу, верность и любовь, бичует трусость, коварство, вероломство, высмеивает жадность, глупость, выражает ненависть трудящихся к угнетателям.

Народы Сибири не имели своей письменности, но грамотные люди использовали для письма на родном языке русский алфавит. Забайкальские буряты пользовались также монгольским алфавитом. Издавались образцы устного народного творчества, выходили отдельные литературные произведения.

Первым писателем из алтайцев был М. В. Чевалков, «увлекательно писавший прозой и стихами на родном языке».⁷⁷ По характеристике Л. П. Потапова, «это был писатель не в светском значении этого слова».⁷⁸ Его рассказы и статьи имели религиозно-поучительную направленность, но содержали и светские сюжеты. М. В. Чевалкову принадлежит также произведение автобиографического характера «Завещание».

⁷⁷ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 368.

⁷⁸ Там же.

Во второй половине XIX в. началась литературная деятельность первого писателя из эвенков Г. С. Гантимурова — уроженца с. Урульги Забайкальской области. Ему принадлежит драма из сибирской жизни «Из огня да в полымя», написаны романы автобиографического характера «Ганя Хмуров» и «Двое в овечьей шкуре». Он опубликовал также 2 тома этнографических очерков «По русскому Дальнему Востоку». В произведениях Гантимурова отражен быт сибирских крестьян, эвенков Забайкалья, мелких чиновников и купцов.

В развитии национальной культуры якутов историческое значение имел якутский алфавит, составленный академиком О. Н. Бетлингом. В 1851 г. в качестве приложения к своему исследованию «О языке якутов» он опубликовал на якутском языке с немецким переводом «Ахтылар» — «Воспоминания», принадлежащие уроженцу Якутии А. Я. Уваровскому, и написанные им олонхо «Эрэйдээх бурудаах Эр-соготов» («Многострадальный одинокий молодец»), якутскую песню и несколько пословиц и поговорок.

А. Я. Уваровский помог Бетлингу создать якутский алфавит и написать замечательный труд «О языке якутов». О. Н. Бетлинг называл Уваровского «самым выдающимся источником» и «талантливым учителем». «Воспоминания» Уваровского — первое печатное литературное произведение на якутском языке. Оно написано с художественным мастерством, живым народным языком. Это произведение имеет также несомненное научно-познавательное значение, содержит много этнографических и исторических сведений, показывает неприглядную якутскую действительность середины XIX в. В «Воспоминаниях» даны живые картины природы Якутии, изображена жизнь якутов и эвенков (тунгусов). Уваровский писал о возможностях хлебопашества в Якутии, разработке ее природных богатств, мечтал о развитии судоходства по рекам Якутии и по Северному Ледовитому океану.

На алфавите Бетлинга издавались книги, газеты, журналы, составлялись деловые бумаги, на нем велась частная переписка. Поэтому алфавит Бетлинга известен под названием «гражданского алфавита», в отличие от миссионерского.

После опубликования «Воспоминаний» Уваровского и образцов якутского фольклора русские ученые стали проявлять большой интерес к якутскому народу и его культуре. И. А. Худяковым, В. А. Приклонским, Н. А. Виташевским, Э. К. Пекарским и другими были изданы на якутском языке (на алфавите Бетлинга) образцы различных жанров устного народного творчества якутов.

Большое влияние на развитие культуры якутского народа оказали исследования русскими учеными Якутии (быта, нравов, экономической жизни) и произведения русских писателей на якутские темы — «Сон Макара» В. Г. Короленко, очерки и рассказы В. Тана-Богораза и др.

Якутская интеллигенция стала принимать активное участие в периодической печати, зарождавшейся в Якутской области. С 1863 г. выходили «Памятные книжки Якутской области», содержавшие преимущественно статистические материалы о крае. В этом издании публиковались также статьи по истории, экономике, этнографии якутов и других народов. С 1887 г. издавались «Епархиальные ведомости» — орган церковников, с 1892 г. — «Якутские областные ведомости». Эти казенные и официальные издания не могли удовлетворить возрастающей потребности в печатном слове. Между тем областная администрация запрещала выход неофициальных изданий. Они появились позже под влиянием общественного подъема, вызванного революцией 1905 г.

В 1905—1907 гг. в Якутске издавалась общественно-политическая и литературная газета либерально-буржуазного направления «Якутский край». В результате цензурных стеснений она меняла свое название —

«Якутская жизнь», «Якутская мысль». Были приложения к газете на якутском языке — листки, литературные страницы, «уголки». Всего вышло с этим отделом около 70 номеров. В нем печатались информационные материалы, корреспонденции, статьи якутских авторов.

В 1912 г. выходила газета «Якутская окраина». В 1916 г. под редакцией якутского буржуазного деятеля В. В. Никифорова стала издаваться другая газета — «Якутские вопросы». Обе газеты имели отделы на якутском языке.

К 1912 г. относится издание журнала на якутском языке «Саха сангата» («Голос якута»). В нем публиковались произведения на якутском языке, переводы с русского языка, записи образцов народного творчества. Всего вышло 7 номеров журнала.

В 1913—1915 гг. в Якутске в форме небольших тетрадей выходил литературный журнал на русском языке — «Ленские волны». В нем публиковались рассказы, стихотворения, корреспонденции, очерки из местной жизни.

В 1907 г. началась литературная деятельность писателя П. Н. Черных-Якутского. Он публиковал свои произведения в местных газетах, в журнале «Ленские волны» и в других изданиях. В 1909 г. вышел сборник его стихотворений «Тихие струны».

В 1908 г. В. В. Никифоров издал драму на якутском языке «Манчары», основанную на народных сказаниях о борьбе против произвола тойонов, защитнике якутской бедноты Василии Слободчикове-Манчары.

В предреволюционные годы со своими произведениями выступили якутские писатели А. Е. Кулаковский и А. И. Сафронов. Сафронов перевел на якутский язык пьесу Л. Н. Толстого «От нее все качества» и басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», «Хозяин и работник», Кулаковский — отрывок из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». В произведениях Кулаковского и Сафронова показана дореволюционная жизнь якутского народа.

В дореволюционное время Кулаковским опубликованы в местной печати стихотворения «Пароход», «Скупой богач», «Песня пьяного буржуа» и др. В них поэт осуждает патриархальную отсталость, показывает отвратительные стороны жизни городских буржуа. В стихотворении «Пароход» А. Е. Кулаковский восхищается новым видом транспорта и прогрессом техники. В своих дореволюционных пьесах «Скупой без завещания», «Тина жизни», «Бедный Яков» и др. А. И. Сафронов показывает семейный деспотизм и жестокие нравы якутских тойонов. Особенно реалистично изображалась борьба между бедными и богатыми в якутском дореволюционном улусе в пьесе Сафронова «Бедный Яков» (1914 г.). Стремление к свободе А. И. Сафронов выразил в стихотворениях «Родина» (1912 г.) и «Ангел и дьявол» (1914 г.).

Произведения этих писателей в основном отражали интересы демократической части национальной буржуазии.

В начале XX в. были опубликованы некоторые варианты крупных произведений бурятского героического эпоса — улигеры (былины) «Аламжи Мэрген», «Айдурай Мэрген», «Иринсей», «Шоно-Батор», варианты Гэсэра, а также народные песни, сказки, предания, пословицы и поговорки. Они публиковались как на бурятском языке, так и в русском переводе.

На бурятский язык были переведены «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова, несколько рассказов Л. Н. Толстого (переводы Бато-Далай Очирова). В рукописях составлялись одноактные пьесы из бурятского быта. Их ставили в улусах и на этнографических вечерах в Иркутском общественном собрании.

Литературные произведения на языках народов Сибири в дореволюционное время не получили широкого распространения. Это были ранние зачатки литературы, расцвет которой начался в новых условиях, уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Народное изобразительное искусство

У народов Сибири получило распространение декоративно-прикладное искусство, особенно широко распространялось искусство орнамента. Им украшали жилища, одежду, обувь, посуду, охотничьи принадлежности, седла, сбрую, каждый предмет быта. Обычно орнамент выполняли лица, тесно связанные с производством тех или других предметов: швеи, гончары, кузнецы, столяры, плотники, шорники. Были и специалисты по орнаменту: ювелиры-чеканщики по металлу, резчики по мамонтовой кости. Их изделия нередко были настоящими произведениями искусства, которое выходило за пределы обычного орнаментирования.

В декоративно-прикладном искусстве проявлялись индивидуальные способности мастеров, их особенности. Одновременно существовали определенные традиционно-типичные формы и приемы орнаментовки. Они тесно связаны с видами и материалами предметов, которые орнаментируются (изделия из дерева, кожи, шерсти, металлов, кости).

Изобразительное искусство аборигенов Сибири имело как общие для них черты, так и специфические особенности, свойственные тому или другому народу. Сказалось влияние природных условий, хозяйства и быта, прежних традиций, общения между народами, их экономических, бытовых и культурных связей.

Изящно и разнообразно искусство орнамента у народов Сибири. Например, у бурят отмечено более 600 мотивов и вариаций орнамента. В зависимости от способов орнаментовки и материалов различаются вышивка цветными нитками, мозаика из меха, аппликации из кожи, резьба по дереву, резьба и тиснение на бересте, штамп по глине, чеканка и резьба по металлу и резьба по кости, орнамент на изделиях из шерсти и волоса. Преобладал геометрический орнамент: сочетание зигзагообразных, волнообразных и прямых линий, квадратов, ромбов, кругов, меандров (ломаных линий с завитками), разнообразных геометрических фигур. Применялись орнаментальные изображения деревьев, птиц, бараньего рога. Кроме того, фигуры птиц, зверей, цветов изображались без особой стилизации. Разнообразие орнаментальных фигур характерно для всех народов Сибири. Орнаменты делались со вкусом, отличались простотой и гармонией.

Изобразительное искусство народов Сибири не ограничивалось орнаментом. Рисунки эвенков на коже, бересте, дереве, силуэтные фигурки, вырезанные из бересты и металла, изображали людей (обычно охотников) и животных, создавались целые композиции (сцены охоты). У хакасов народное искусство достигало наибольшего совершенства в украшении костюмов, особенно женского, в вышивке цветными нитками. Нагрудники вышивались бисером, стеклярусом и перламутровыми пластинками. У хакасов, как и у других народов, распространены резьба по дереву и кости, инкрустации оловом по дереву, аппликации по коже и войлоку.

Искусство чукчей и коряков достигло наибольших результатов в миниатюрных скульптурах из моржового клыка, мамонтовой кости, рогов барана и оленя. Эти скульптуры изображают человека и окружающий его мир животных. Из кости изготавливались миниатюрные топоры, молоточки, лодки, кораблики с парусами.

У якутов один из видов изобразительного искусства представляет художественная резьба по мамонтовой кости. Из нее изготавливались предметы домашнего обихода. Резные изделия передают бытовые сценки

из жизни охотников и скотоводов. Применение в косторезном искусстве сквозной ажурной сетчатой резьбы — основное художественное достоинство якутских мастеров.

С распространением «домообзаводства по русскому обыкновению» среди бурят и якутов стало развиваться плотничество и столярное дело. Умело трудились искусные плотники и столяры. Развивая приемы домостроительства, заимствованные от русских, они использовали местные навыки построек, украшали наличники и карнизы резным бурятским и якутским орнаментом.

С давних пор славились в Сибири и за ее пределами изделия бурятских кузнецов-ювелиров, представлявшие собой предметы художественного ремесла. Среди народных умельцев были чеканщики, литейщики, резчики по дереву и металлу, иконописцы, плотники, столяры, мебельщики. При постройке домов и храмов использовались различные декоративные средства.

В искусстве народов Сибири выражалось стремление украсить предметы своего труда, быта, сделать их более привлекательными, красивыми.

В искусной работе мастеров, изобразительном искусстве, устном народном творчестве и литературных произведениях, в тяге к просвещению проявлялись способности и таланты народов Сибири. Из их среды вышли талантливые деятели просвещения и науки. Но вся система буржуазно-помещичьего режима, существовавшего в России, тормозила распространение грамотности, просвещения и культуры. Стремясь держать народные массы в темноте, царизм боялся просвещенного народа, который сознавал бы свои интересы, добивался свободы и света. Народ жаждал просвещения, так как видел в нем орудие борьбы за лучшую жизнь.

*Сибирь в период первой мировой войны
и Февральской
буржуазно-демократической революции*

1. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИКУ СИБИРИ

В августе 1914 г. началась первая мировая война. Наступил последний этап существования царизма. Война ускорила начало общего кризиса капиталистической системы, до крайности обострила все капиталистические противоречия. Она явилась «великим ускорителем» всех процессов, ускорителем созревания социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции в России, созданных всем ходом исторического развития страны в конце XIX—начале XX в. Народное хозяйство и вся экономика страны претерпели резкие изменения и были напряжены до предела. Все отрасли промышленности были приспособлены для нужд войны. Милитаризация страны подтачивала производительные силы. Война отрывала от народного хозяйства лучших работников. В армию было призвано свыше 15 млн чел. Между тем война требовала значительного увеличения объема производства. Это противоречие вызвало упадок некоторых отраслей промышленности и привело к общей промышленной разрухе. На сельское хозяйство легла дополнительная нагрузка по снабжению армии, хотя количество рабочих рук сократилось.

Империалистическая война велась за чуждые народу интересы монополистического капитала. Российская и иностранная буржуазия наживала огромные барыши на поставках для армии, на возросшей спекуляции. Как грибы, возникали новые фирмы, создавались миллионные состояния. Бешеная погоня за прибылями прикрывалась ура-патриотическими лозунгами, которые заполнили всю прессу. Почуя наживу, активизировался иностранный капитал: английский, французский, американский.

На плечи трудящихся легли новые налоги, увеличился гнет русских и иностранных монополий, острее проявлялись полуфеодалские пережитки. Усилилось наступление на права пролетариата — удлинялся рабочий день, инфляция резко снижала реальную заработную плату. Быстро прошел национал-шовинистический угар. Рабочий класс и крестьянство России, используя опыт первой русской революции, стали подниматься на борьбу против царизма и капитала.

Война оказала серьезное влияние на экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Это влияние в основном сказалось в усилении монополистических тенденций, в дальнейшей концентрации производства и капитала, в попытках государственного регулирования военного производства. Вместе с тем Сибирь была втянута и в тот хозяйственный кризис, который развился в стране к 1917 г. Все эти процессы чрезвычайно усилили созревание социально-экономических предпосылок социалистической революции в России в целом и создание условий для победы революции в различных районах страны. В. И. Ленин выделил период первой мировой войны как канун социалистической революции. Он указывал, что во

время войны окончательно созрели материальные условия для победы пролетарской революции.¹

В отсталой в промышленном отношении Сибири эти процессы и тенденции проявлялись слабее, чем в крупных промышленных центрах, но тем не менее именно их проявление и развитие имело важнейшее значение. Социально-экономические предпосылки социалистической революции сложились во всей стране в целом. Экономическая общность и связь основных экономических процессов в эпоху империализма были настолько значительны, что нельзя рассматривать Сибирь и Дальний Восток изолированно от центра, от общероссийского развития.

Несмотря на преимущественно аграрный характер экономики Сибири, ведущая роль в процессе складывания социально-экономических предпосылок социализма принадлежала здесь, как и в России в целом, промышленному развитию и пролетарскому движению. Сибирская промышленность приобретала все большее значение, а пролетарское движение явилось господствующим и определяющим течением в революционной борьбе трудящихся масс против царизма и буржуазии.

В годы войны большинство крупных и значительная часть средних промышленных предприятий перешли на выпуск военной продукции для армии. По сведениям Особого совещания по обороне, в начале 1916 г. в России было 3846 предприятий, работавших на оборону, с 1797 тыс. рабочих, а в Сибири — 288 предприятий (около 8% всех предприятий в стране) с 46,4 тыс. рабочих (2,6%). К 1917 г. число таких предприятий увеличилось по России до 5200, а по Сибири — до 933 (или до 17% общероссийского).

Было построено много новых предприятий. Особенно быстро возникали предприятия легкой промышленности: суконные, кожевенные, шорные, обувные, пошивочные и пр. Например, перед войной в Сибири работали всего 3 суконные фабрики, а в 1917 г. количество их увеличилось до 20. Создавались кооперативные предприятия во многих городах Сибири и Дальнего Востока (Ачинская трудовая артель, Бийский союз металлистов, Барнаульская трудовая артель «Игла» и др.).

Среди обслуживавших армию предприятий преобладали мелкие с числом рабочих до 100, но большинство рабочих было уже сконцентрировано на крупных предприятиях.

Из 672 предприятий 481 (или 71%) составляли мелкие предприятия, с числом работающих до 100 чел., 152 (или 23%) — средние предприятия, с числом работающих от 100 до 500 чел., и только 45 предприятий (или 6%) — крупные.² Но распределение рабочих на них было обратно пропорциональным. На крупных предприятиях было занято 52,6 тыс. рабочих, или 53,5%, на средних 32 тыс., или 32,5%, а на мелких — 13,9 тыс., или всего 14%. Таким образом, роль мелких предприятий в общем производстве на военные нужды была ничтожной, несмотря на большое число таких заведений, и первое место занимало несколько крупных предприятий. Следует отметить высокую концентрацию производства, что было характерно не только для Сибири, но и для всей России, которая по концентрации производства стояла впереди других развитых капиталистических стран.

В предвоенные и военные годы в Сибири и на Дальнем Востоке проводилось новое железнодорожное строительство. В конце 1914 г. царь утвердил устав Южносибирской магистрали от Семипалатинска на Акмолинск и Орск. Строились Алтайская, Кольчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. В 1913 г. была закончена ветка Тюмень—

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

² Россия в мировой войне, 1914—1918 гг. М., 1925, стр. 81, табл. 66.

Омск, обеспечившая второй выход (через Екатеринбург) из Сибири в европейскую часть страны. В 1916 г. началась эксплуатация Амурской дороги от Забайкалья до Хабаровска. Для сборки получаемых из США паровозов и вагонов во Владивостоке были построены в годы войны большие железнодорожные мастерские, где работало до 6000 чел.

Железнодорожное строительство имело огромное значение для хозяйственной жизни края, для связи Сибири с европейским рынком крупной промышленности. Но для такой огромной территории этого было недостаточно. Кроме того, в годы войны железнодорожный транспорт все более приходил в упадок. Опытные кадры железнодорожных рабочих были мобилизованы в армию. Многие паровозо- и вагоностроительные заводы перешли на выпуск вооружения. В то же время Европейская Россия и армия предъявили повышенный спрос на сибирский хлеб, масло и мясо. Промышленность городов Урала, Сибири и Дальнего Востока и сама железная дорога требовали уголь, металл, лес и другое сырье. Увеличение перевозок, недостаток вагонов и паровозов, отсутствие опытных рабочих вызвали разруху на транспорте. Часто нарушались графики движения поездов, на станциях скапливалось большое количество неотправленных грузов. Уже в конце 1914 г. отмечался угольный «голод» во многих городах, хотя запасы угля имелись в Кузбассе, Черемхово и Сучане. Омский биржевой комитет писал, что «затруднения в доставке каменного угля в Омск грозят вызвать остановку работ предприятий, работающих углем, оставить с наступившими холодами многие дома без отопления». Газета «Утро Сибири» 27 ноября 1914 г. сообщала: «Подвоз каменного угля по линии Сибирской железной дороги за последнее время весьма задерживается. Начальник Сибирской железной дороги на просьбу Омского биржевого комитета об урегулировании доставки угля сообщил, что задержка в доставке происходит от недостатка вагонов».

В 1916 и в начале 1917 г. на железнодорожных станциях Сибири скопились излишки хлеба, мяса, масла и других продуктов, в которых остро нуждалось население центральных промышленных городов. Если в 1915 г. из Сибири на запад был вывезен 81 млн пуд. хлеба, то в 1916 г. — только 53.6 млн, а в 1917 г. — всего 39.5 млн пуд.,³ хотя излишки хлеба к 1917 г. в Сибири исчислялись сотнями миллионов пудов. В одном Владивостоке скопилось к началу 1916 г. 3 млн пуд. невывезенных грузов, к февралю 1917 г. там было уже 21 млн пуд. грузов, а к осени того же года — 40 млн пуд.

В период первой мировой войны ярче стали проявляться монополистические тенденции в промышленности, усилил свои позиции крупный капитал, возникли новые монополистические объединения. Развилось деятельность Акционерное общество копей Кузбасса. Заправила «Копикуза», не ограничиваясь растущей добычей угля, стремились захватить металлургическое производство, строительство железных дорог, развить химическую промышленность.

Были значительно увеличены капитальные вложения «Копикуза». Расходы на строительство и оборудование Кольчугинского и Кемеровского рудников увеличились за войну с 393 тыс. до 2859 тыс. руб. В начале войны стал строиться крупный завод для коксования углей, а для использования его отходов было намечено построить химический завод. В 1915 г. «Копикузу» благодаря высоким связям его руководителей удалось получить крупный заказ от Главного артиллерийского управления на бензол и толуол и аванс в 2 млн руб. на постройку химического завода в Кемерово. В 1916 г. на строительство завода и коксовых батарей было затрачено уже 4.4 млн руб., или свыше половины капитальных затрат «Копикуза»

³ В. П. Сафонов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 41.

в этом году. Строилась батарея из 50 коксовых печей, рекуперационный и бензолный цехи, котельня, электростанция, механическая мастерская, подъездная железнодорожная ветка, водопровод и другие объекты. Но «Копикуз» не выполнил обязательств перед Главным артиллерийским управлением о вводе химзавода в 1916 г. Он был построен уже после Октябрьской революции.

Получив заказ на рельсы для железнодорожного ведомства, «Копикуз» вложил крупные средства в переоборудование Гурьевского металлургического завода и проектировал строительство нового металлургического завода в Южном Кузбассе. Но Государственная дума осенью 1916 г. под нажимом металлургических монополий Урала и Юга не утвердила законопроект о выдаче правительственной ссуды «Копикузу». Второй выпуск акций в январе 1917 г., давший Обществу еще 6 млн руб., позволил ему лишь временно выйти из финансового кризиса, в котором оно оказалось к концу 1916 г.

Монополистические объединения захватили в свои руки добычу угля, золота, меди, цинка в Сибири и на Дальнем Востоке. Развернулась деятельность таких крупных акционерных компаний, как «Лензото», Сибирский синдикат, «Новая Центральная Сибирь», Русско-Азиатская корпорация, «Сибирская медь», Акционерное общество Атбасарских медных копей, Общество Южносибирских горных и металлургических заводов, Акционерное общество «Тетюхе» и др.

Усилилась экспансия иностранного капитала. Быстро стал проникать в Сибирь американский капитал. По официальным американским данным, рост вывоза товаров из США в Азиатскую Россию характеризовался следующими цифрами:⁴

За полугодие		На сумму в долларах	В % к общему вывозу в Россию
Январь—август	1914 г. . . .	1050660	6
»	» 1915 г. . . .	21980632	26
»	» 1916 г. . . .	124317289	41

За 3 года ввоз товаров из США в Сибирь и на Дальний Восток увеличился более чем в 100 раз и составил $\frac{2}{5}$ всего ввоза американских товаров в Россию.

Господствующую роль американский капитал вместе с английским занял в сибирской золотой промышленности. В 1916 г. был создан золото-промышленный синдикат в Сибири, в который вошли все крупные золото-промышленные компании. Всего вошло в синдикат 24 предприятия, в том числе и «Лензото».⁵ Одним из директоров синдиката был Г. Гувер — заправила Русско-Азиатской корпорации, другим — англичанин Бойль — директор «Лена-Гольдфильс». В мае 1916 г. газета «Деловая Россия» сообщала: «Синдикатом уже приобретены громадные земельные пространства, на которых в настоящее время идут подготовительные работы к сооружению 12 мощных электрических станций и электролитного завода».

Иностранный капитал, с одной стороны, способствовал быстрому развитию некоторых отраслей промышленности. «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, — писал В. И. Ленин, — оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его».⁶ Но иностранный капитал придавал одностороннее развитие промышленности. Иностранные монополии, стремясь обеспечить выкачивание высоких прибылей из России и в будущем, тормозили развитие в ней машиностроения, станкостроения и некоторых других отраслей. Например, от Урала до Тихого океана не было

⁴ «Вестник русско-американской торговой палаты», М., 1916, № 12, стр. 362.

⁵ «Сибирская жизнь», 1916, 13 июля.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 362.

ни одного завода, который бы снабжал предприятия горной промышленности машинами и механическими приспособлениями.

Вредительское действие иностранного капитала по отношению к интересам России ярко проявилось в медной промышленности. В 1916 г. специальная комиссия Горного департамента для выяснения причин сокращения выплавки меди, остро необходимой фронту, обследовала медеплавильный завод английского акционерного общества «Спасские медные руды». Председатель комиссии проф. Липин докладывал: «Способ работы общества, при котором терялось до 27% возможной выработки меди, следует считать хищническим».⁷

В целях повышения цен на медь и получения дополнительных прибылей за счет искусственно создаваемого «медного голода» общество в ноябре 1915 г. прекратило производство меди, объясняя это призывом военнообязанных и задержкой в получении машин для обогатительной фабрики. Окружной инженер Степного северного округа Томской горной области доносил, что «эти причины неосновательны», так как призваны были только запасные нижние чины, а все ратники для завода были оставлены, процент призванных был не выше десяти. «Руд на заводе оставалось неиспользованных 117 тыс. пуд. и запас руд в руднике — 637 тыс. пуд. первоклассной руды, этого хватило бы на 6 месяцев и дало бы России около 113 тыс. пуд. меди в самое нужное время». В донесении сообщалось также, что дирекция завода умышленно затягивала пуск обогатительной фабрики, при этом «причины бездействия ее всегда выставлялись малоубедительными».⁸ Преступность действий дирекции общества была признана и упомянутой выше комиссией.

Такую же политику проводили и другие монополии. Значительная часть дефицитной для фронта продукции недодавалась иностранными предприятиями или даже уходила за границу. Так, Акционерное общество «Тетюхе» вывозило цинковые и серебро-свинцовые руды через Японию и сбывало неизвестным покупателям. До войны главными пайщиками рудников «Тетюхе» были германские подданные Арон Гирш и др. После объявления войны совладельцы немцы были формально устранены и акции переписаны на других лиц, фактически хозяева оставались те же, и не исключено, что руды вывозились в Германию и использовались армией противника.⁹ В этом немецким капиталистам активно помогали русские капиталисты, для которых в действительности были безразличны национальные интересы России, их интересовала только нажива.

Сочетание дикой спекуляции, хаотического перебрасывания капиталов из «мирных» отраслей промышленности в военные и создание диспропорции, вызвавшей серьезный кризис, разруха транспорта были характерны для промышленности Сибири и Дальнего Востока в период войны. Она стояла на грани острейшего кризиса и полного подчинения иностранному капиталу.

Сельское хозяйство Сибири претерпело в годы войны серьезные изменения. В результате мобилизации значительно уменьшилось число рабочих рук в деревне. По данным Министерства внутренних дел и сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Сибири было взято в армию около половины трудоспособных мужчин.¹⁰

В сельской местности всей азиатской части страны были мобилизованы 1,2 млн чел., или около 12% всего населения. Каждое хозяйство потеряло половину мужских рабочих рук. Эта убыль лишь частично покрыва-

⁷ К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958, стр. 142.

⁸ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 545, 1916, лл. 123—124, 191.

⁹ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 843 «а», л. 82.

¹⁰ Россия в мировой войне. 1914—1918 гг., стр. 21, табл. 40.

лась за счет беженцев, переселенцев и военнопленных, а также за счет более широкого использования женского и детского труда.

В то же время сельское хозяйство Сибири в отличие от центральных губерний имело глубокие резервы роста производства, связанные с буржуазной эволюцией крестьянского типа. Советскими исследователями уже отмечалось, что кулацкие и середняцкие хозяйства крестьян были лучше приспособлены к условиям капиталистического развития и поэтому не испытали сокращения посевов в отличие от помещичьих хозяйств. По данным сельскохозяйственной переписи в Европейской России, помещичьи посевы в 1916 г. составляли по отношению к площади посева 1913 г. лишь 26.9%, в то время как крестьянские посевы увеличились до 117.7%.¹¹ Кулацкие хозяйства Сибири также получили в годы войны дополнительные стимулы роста капиталистического производства. Значительно вырос рынок сбыта сельскохозяйственной продукции за счет поставок в армию и увеличения вывоза в центральные районы страны. Накануне войны был отменен Челябинский тарифный перелом, а в годы войны возросли цены на продукты, что также способствовало увеличению запашки в кулацких и отчасти в середняцких крестьянских хозяйствах.

В результате этого в сельском хозяйстве Сибири в период первой мировой войны ускорился процесс капиталистической дифференциации: бедняцкие хозяйства не выдерживали трудностей военного времени (мобилизации работников, реквизиций скота и пр.) и быстро разорялись, а кулаки и крепкие середняки увеличивали посевы, расширяли хозяйства, нещадно эксплуатируя бедняцкую часть деревни.

В годы войны в Сибири увеличились посевные площади, что можно видеть по данным статистических отделов Министерства земледелия (табл. 15).¹²

ТАБЛИЦА 15

Губернии и области	Посевная площадь в тыс. дес. по годам				
	1909—1913	1913	1914	1915	1917
Акмолинская	637.7	973.0	1146.9	1178.0	1528.4
Тобольская	1325.2	1532.7	1631.5	1669.9	1722.4
Томская	2807.8	3544.1	3861.1	3629.8	3894.7 ¹³
Енисейская	494.7	614.5	590.8	609.8	706.7
Иркутская	379.0	440.8	372.7	324.9	410.4
Забайкальская	343.0	357.9	351.3	333.8	457.6
Итого	5987.4	7463.0	7954.3	7746.2	8720.2

Размеры посевной площади изменялись неравномерно. В 1915 г. наблюдалось даже некоторое сокращение посевов в Томской и Иркутской губерниях и в Забайкалье, а в других губерниях рост был незначителен, что вызвало общее сокращение посевной площади на 208 тыс. десятин. В 1916 г. сокращение посевной площади наблюдалось лишь в одной Томской губернии, а в остальных губерниях посевы увеличились. Хороший

¹¹ А. П. Погребинский. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в войну 1914—1918 гг. «Исторические записки», 1950, № 31, стр. 40—41.

¹² «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», год десятый, Пгр., 1917, стр. 48—55; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923, стр. 88—91; Погоубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. «Труды ЦСУ», т. V, вып. 1, М., 1921, стр. 70—71.

¹³ Томская и Алтайская губернии вместе.

урожай 1916 г. вызвал резкий рост площади посевов. По сравнению с довоенным 1913 г. она увеличилась на 1,3 млн десятин, или на 18%, а по сравнению с 1900—1910 гг. — почти в 2 раза.

Сельское хозяйство Сибири в годы войны специализировалось в основном на производстве пшеницы и овса. В 1917 г. пшеница занимала более половины посевов, а овес — более четверти,¹⁴ что свидетельствует о товарном характере производства. Сибирь стала превращаться в одну из важных хлебных баз России, в житницу страны. Министр земледелия докладывал царю в 1916 г., что «1915 год уже выяснил особо важное значение Азиатской России в деле обеспечения народного продовольствия и снабжения армии».¹⁵

Увеличение посевов и хорошие урожаи 1914, 1916 и 1917 гг. вызвали рост сборов хлеба в Сибири. В табл. 16 приводятся данные о валовом сборе хлебов.¹⁶

ТАБЛИЦА 16

	Валовый сбор (в млн пуд.)			В 1917 г. больше (+) или меньше (—), чем в среднем за 1909—1913 гг. (в %)
	в среднем за 1909— 1913 гг.	за 1916 г.	за 1917 г.	
Европейская Россия . .	3406.3	3035.9	2648.2	— 22.4
Северный Кавказ . . .	339.9	182.4	257.5	— 24.3
Сибирь	298.3	379.0	599.1	+101.0
Всего по России	4044.5	3597.3	3502.8	— 13.4

При сокращении валовых сборов хлеба по всем крупнейшим районам Сибирь дала увеличение их в 1916 г., а затем особенно в 1917 г. и стала производить хлеба вдвое больше, чем такой крупный торговый зерновой район, как Северный Кавказ.

В результате роста кулацких и крепких середняцких хозяйств в Сибири создавались запасы хлеба. Статистические данные о количестве запасов хлеба в 1915—1916 гг. очень разноречивы. Так, по сведениям губернаторов, в Сибири в 1915 г. запасов пшеницы было 46.9 млн пуд. и овса — 24.1 млн пуд., а по сведениям Центрального статистического комитета, соответственно 14.3 млн и 1.9 млн пуд., т. е. в несколько раз меньше.¹⁷ По сводным данным Сибирского статистического комитета, излишки (+) и недостатки (—) хлебов с 1914 по 1917 г. по Сибири, Дальнему Востоку и Степному краю составляли (в млн пудов):

	Продовольствен- ного хлеба	Фуражного хлеба	Всего
От урожая 1914 г. . . .	+152	+80.0	+232.0
» » 1915 г. . . .	—20.2	—10.9	—31.1
» » 1916 г. . . .	+3.2	+14.3	+17.5
» » 1917 г. . . .	+81.2	+52.8	+134.1
Всего за 4 года	+216.2	+136.2	+352.5

Эти данные, собранные по сведениям волостных правлений, были преуменьшены, так как крестьяне скрывали размеры урожая. Министерство продовольствия исчисляло запасы хлеба по посевным площадям в Сибири в 1916—1917 гг. в 640—670 млн пуд.¹⁸ Но даже статистические сведения

¹⁴ Сельское хозяйство России в XX веке, стр. 88—91.

¹⁵ ЦГИА, ф. 381, оп. 46, д. 226, л. 93.

¹⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы, ч. 2. М.—Л., 1957, стр. 279.

¹⁷ ЦГИА, ф. 445, оп. 1, д. 1005, 1915, л. 27.

¹⁸ Урожай хлебов в России. М., 1918, стр. 36.

Сибирского комитета указывают, что Сибирь не только покрывала недостаток хлеба на Дальнем Востоке, но и имела еще значительные резервы.

Однако эти запасы не могли в полной мере утолить хлебный голод в Европейской России, где валовые сборы хлебов уменьшились по сравнению с довоенными почти на 800 млн пуд. К тому же железная дорога не могла вывезти хлеб из Сибири. Уже в 1915 г. главный уполномоченный по закупке хлеба для армии отмечал, что вывезти хлеб из Сибири «невозможно из-за перегрузки железной дороги».¹⁹ По сведениям Комитета по регулированию массовых перевозок по железным дорогам, со всех станций Западной Сибири с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. было отправлено ржи и пшеницы 41,8 млн пуд. и ячменя и овса — 9,7 млн пуд., в то время как запасы хлеба по самым осторожным подсчетам составляли 230 млн пуд. В дальнейшем вывоз хлеба стал еще более трудным из-за разрухи на транспорте. Даже под угрозой массового голода в центре страны царизм не смог наладить вывоз хлеба из сибирских губерний. Это было одним из доказательств полной неспособности царизма хотя бы в малейшей степени повлиять на организацию экономики страны.

Несмотря на реквизиции скота, особенно лошадей, для армии, общее поголовье скота в Сибири увеличивалось.²⁰ Количество лошадей увеличилось за 5 лет в 1,3 раза, крупного рогатого скота — в 1,7 раза, овец и коз — в 1,8 раза и свиней — в 3 раза. Увеличилось и количество скота на 100 душ населения. По этим показателям Сибирь по-прежнему занимала первое место среди районов России. В среднем в Сибири на одно хозяйство приходилось в 1917 г. по 16—18 голов разного скота, в то время как в губерниях Европейской России — по 8—9 голов.

Вывоз мяса и его потребление в Сибири значительно выросли, но зато уменьшился вывоз масла. В 1913 г. из Сибири было вывезено более 6 млн пуд. масла, в 1914 г. — 3,5 млн пуд., а в 1915 г. — 4,6 млн пуд. В 1916 г. производство масла в Сибири сократилось по сравнению с 1915 г. на 30—40% в связи с тем, что был ограничен рынок сбыта и невозможно было вывезти масло в города центра страны из-за хаоса, царившего на железных дорогах.²¹ При значительных запасах масла в Сибири оно почти исчезло на рынках центральных городов. В апреле 1916 г. экспортное сибирское масло продавалось в Омске по 18 руб. 50 коп. за пуд, а в Петрограде оно стоило 35 руб. 50 коп. В сентябре 1916 г. в Омске сибирское масло стоило 28 руб. 50 коп. пуд, а в Петрограде — 71 руб.²² Трудности в транспортировке масла использовались буржуазией для развития спекуляции и выкачивания дополнительных прибылей с населения.

• Война создала условия для широкого развития кооперативного движения. В жестокой конкурентной борьбе против частных торговцев потребительские кооперативы выходили победителями, как представители более крупного объединенного капитала. Бешеная спекуляция крупных капиталистов и острый дефицит промышленных товаров вызвали массовый приток крестьян в потребительную кооперацию. Заявления крестьянских обществ с просьбами о разрешении открыть в их селах кооперативы стали поступать широким потоком с 1915 г. Приток новых членов увеличил капиталы кооперативов, и они смогли успешнее конкурировать с частным капиталом, который стал спекулятивным. В конце 1915—начале 1916 г. в Сибири частный капитал в торговле потерпел серьезное поражение от кооперативного капитала. Не довольствуясь теми прибылями, которые да-

¹⁹ ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 1005, л. 41 об.

²⁰ М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963, стр. 124—125.

²¹ Народное хозяйство в 1916 г., вып. V—VI. Пгр., 1921, стр. 81.

²² Положение молочного хозяйства до и во время войны. Пгр., 1917, стр. 42, 43.

вала торговля, так как конкуренция кооперативов снижала эти прибыли, многие купцы ликвидировали свои дела и вложили капиталы в производство на войну. Закрывались даже отдельные крупные фирмы, а значение кооперативов поднималось.

Усилился процесс концентрации кооперативного капитала. Районные (уездные) и губернские союзы кооперативов стали объединяться в союзы союзов. Крупнейшим из таких объединенных союзов в Сибири был Закупсбыт, созданный в августе 1916 г. К 1918 г. в Закупсбыт входило 28 союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока с 9162 потребительскими обществами и артелями, в которых состояло более 2 млн членов. По торговым операциям Закупсбыта можно судить о размахе кооперативного движения. В 1916 г. Закупсбыт начал работу с капитала в 10 тыс. руб., а к концу 1918 г. он имел собственный капитал в 25,5 млн руб., из них 19,9 млн составлял паевой капитал. За 2 года Закупсбыт отпустил товаров союзам на 119 млн руб. Через Закупсбыт вывозились в огромных количествах за границу и в европейскую часть страны масло, мясо, яйца, кожи, меха, рыба и т. п. В течение 4 лет (1916—1919) Закупсбыт продал только Соединенным Штатам Америки, не считая торговли с Англией и другими государствами, 2 360 000 шкурок разнообразных мехов, 800 000 фунтов шерсти, 85 000 штук кожи, 200 000 фунтов льна, несколько тысяч фунтов щетины, конского волоса, пробные партии масла и других товаров на сумму в 4 млн долларов. За эти же годы Закупсбыт вывез из Америки товаров на 4,2 млн долларов (сельскохозяйственные орудия, инструмент, бакалея, железные товары, медикаменты и пр.). Обороты Закупсбыта выражались следующими цифрами (в золотых рублях): в 1916 г. — 3,4 млн руб., в 1917 г. — 40 млн руб.²³

Потребительские кооперативы вкладывали свои капиталы и в производство. Так же как и до войны, они продолжали открывать и покупать маслозаводы. Затем предпринимались шаги к приобретению и постройке собственных предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства: паровых мельниц, хлебопекарен, кожевенных заводов, мыловарен и др. Почти все союзы приобрели свои типографии, в которых печатались газеты, журналы и принимались заказы. Например, Забайкальский союз потребительских кооперативов приобрел 2 мыловаренных завода, кишечный завод, сушено-пряничную фабрику, сапожную мастерскую со 100 рабочими и свою типографию.

Широкую деятельность развил и «Союз сибирских маслодельных кооперативов». В августе 1916 г. в «Союз» входило 902 артели, а в 1917 г. количество артелей увеличилось до 1470. «Союз» взял на себя поставку для армий масла, сала, мороженой свинины и прессованного сена. Только в 1915 г. «Союз» сделал заготовок для армии на сумму свыше 17 млн руб., а общий оборот его в этом году составил 35 млн руб. «Союз» приобрел свое пароходство, кожевенный завод, типографию и книжный склад, проводил хлебозаготовочные операции.²⁴ В 1917 г. кооперативы имели в Сибири 3010 маслозаводов, или около 70% всех маслозаводов.²⁵

Но развитие кооперативов не ликвидировало капиталистической конкуренции. Последняя проходила не только между кооперативами и частным капиталом, но и между самими кооперативами, в том числе внутри кооперативных союзов. В результате конкурентной борьбы между коопе-

²³ ГАКК, ф. 127-р, оп. 1, д. 295, л. 7 (краткий обзор экономического положения Сибири, составлен вице-президентом Американского отделения Закупсбыта).

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 1, д. 1692, л. 167 (докладная записка директора «Союза сибирских маслодельных артелей» от 1 августа 1917 г. в Министерство земледелия).

²⁵ А. Сережников. Конъюнктура международного молочного рынка и перспективы дальнейшего его развития. Сб. «Масляное хозяйство Сибири», Новониколаевск, 1925, стр. 54.

ративами Курганского и Алтайского районов артели Алтая в 1915 г. вышли из «Союза маслодельных артелей» и создали свой «Алтайский союз кооперативов».

Кооперации способствовали обобществлению сельскохозяйственного производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. Подчеркивая буржуазный характер кооперативов при капитализме, В. И. Ленин еще в 1910 г. отмечал, что кооперативы подготавливают средства производства и обмена, которые будут использованы после свержения капиталистов.²⁶ Затем это положение было подробно развито в работе «О кооперации», где В. И. Ленин обращал внимание на преимущества кооперативов при капитализме как коллективных капиталистических предприятий и предложил использовать эти преимущества после победы социалистической революции. Ленинские положения легли в основу решений Коммунистической партии по вопросу о кооперативах. Программа партии, принятая на VIII съезде, и решения IX съезда партии наметили «путь превращения старой мелкобуржуазной кооперации в кооперацию, руководимую пролетариями и полупролетариями».²⁷ Таким образом, развитие кооперативов до 1917 г. необходимо рассматривать как одну из важнейших социально-экономических предпосылок социалистической революции.

Такие же предпосылки развивались в результате роста крупного сельскохозяйственного производства в капиталистических кулацких хозяйствах, проявления монополистических тенденций в сельском хозяйстве, развития общественного учета товарной продукции, идущей через рынок, усиления классового расслоения и классовых противоречий в сибирской деревне и т. д.

Во время войны усилилась роль кулацких хозяйств в производстве товарной продукции. В 1917 г. в Томской губернии кулацкие хозяйства составляли около 19% всех крестьянских хозяйств. По данным переписи 1917 г., в Сибири и на Дальнем Востоке было 58 тыс. хозяйств (3,5%) с многолемешными железными плугами, 55 тыс. (3,2%) — с сеялками, 128 тыс. (7,5%) — со жнейками и 154 тыс. (9%) — с косилками. Хозяйства, имевшие многолемешные плуги, сеялки, жнейки, — это многопосевные кулацкие (и лишь отчасти середняцкие) дворы, а хозяйства с косилками имели большое количество скота. В Тобольской и Иркутской губерниях и в Акмолинской и Забайкальской областях было 49,5 тыс. хозяйств (6,3%), нанимавших 57,9 тыс. постоянных и сменных рабочих.²⁸ Эти цифры дают представление о том, что в Сибири существовали десятки тысяч хозяйств капиталистического типа, применявших наемный труд, имевших усовершенствованные орудия и большое количество скота.

В сельское хозяйство Сибири в годы войны усиленно проникал крупный капитал — русский и иностранный. К 1917 г. он уже захватил господствующие позиции в области сбыта сельскохозяйственной продукции, особенно той его части, которая шла за границу. Крупные монополии захватывали торговлю хлебом и проникали в мукомольное производство. Особенно активно вели себя концерн «И. Стахеев и К^о» и вся группа Русско-Азиатского банка.²⁹ Концерн осуществлял крупные хлебные операции на Дальнем Востоке, окончательно прибрал к рукам мукомольное производство.

В 1915 г. были созданы Иркутское мукомольное товарищество на паях и Сибирско-монгольское торгово-промышленное акционерное общество,

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 352.

²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. М., 1954, стр. 494—495.

²⁸ «Труды ЦСУ», вып. I, М., 1921, стр. 232—233.

²⁹ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 163.

объединявшие крупных мукомолов и скототорговцев, а также ряд других акционерных компаний по обработке сельскохозяйственной продукции.

Эти данные свидетельствуют об усилении монополистических тенденций в сельском хозяйстве Сибири, несмотря на его технико-экономическую отсталость и низкий агротехнический уровень. Монополии захватывали лишь отдельные отрасли сельскохозяйственного производства, приносявшие наибольшие прибыли, и в первую очередь сбыт сельскохозяйственных продуктов. В основном же сельскохозяйственное производство находилось в руках мелких распыленных крестьянских хозяйств.

Однако капитализм достиг к этому времени такого уровня, что налицо были материальные и социальные условия для свершения социалистической революции в сибирской деревне. Важнейшим итогом развития капитализма в сельском хозяйстве было образование класса сельского пролетариата — родного брата городского рабочего. Только наемных сельскохозяйственных рабочих в Сибири в 1917 г. насчитывалось более 370 тыс. чел. Складывался союз рабочего класса с беднейшим крестьянством.

К ним нужно добавить деревенскую бедноту, которая составляла 40—50% всех дворов (или по Сибири и Дальнему Востоку — около 600—900 тыс. дворов). Выделение этих слоев создавало базу социалистической революции.

Вместе с тем в Сибири оставались и пережитки крепостничества, продолжалась борьба крестьянства против этих пережитков и их главного оплота — самодержавного помещичьего строя, т. е. оставались нерешенными и задачи буржуазно-демократического этапа революции.

Развитие кулацких буржуазных хозяйств и части крепких середняцких дворов лишь временно вызвало рост посевных площадей и сбора хлебов. Но уже в 1916 г. стал острее ощущаться недостаток рабочих рук, стали приходить в негодность сельскохозяйственные орудия, так как не выпускались запасные части к ним, а ввоз новых машин почти прекратился. Тем самым подрывалась база сельскохозяйственного производства, что предвещало его кризис в ближайшем будущем.

Война чрезвычайно обострила все социальные противоречия: стремительное обогащение городской буржуазии и кулачества сочеталось с резким ухудшением материального положения основной массы трудящихся.

Несмотря на запасы продуктов у кулаков, цены на них поднялись, что объяснялось повышением спроса и ростом спекуляции. В течение первого года войны цены (за пуд) на хлеб, мясо и масло в среднем по Сибири изменялись следующим образом:

	Осень 1914 г.	Осень 1915 г.	Рост в %
Рожь	51 коп.	85 коп.	на 67
Пшеница	70 коп.	1 р. 10 к.	« 56
Картофель	19 коп.	36 коп.	« 89
Мясо говяжье	3 р. 35 к.	3 р. 59 к.	« 7
Мясо свиное	4 р. 5 к.	4 р. 50 к.	« 11
Масло сливочное	13 р. 74 к.	17 р. 52 к.	« 21

Самое большое повышение цен произошло на продукты первой необходимости — картофель, ржаной и пшеничный хлеб, что особенно тяжело отразилось на положении городских и сельских низов. В течение 1916 г. цены поднялись еще выше. Хлеб, масло и крупа вздорожали в 2—3 раза.³⁰

³⁰ Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск. Очерки по истории города Иркутск, 1958, стр. 250.

Настоящим бедствием для широких слоев населения было падение курса рубля во время войны. К началу 1917 г. рубль обесценился до 60 коп., а к концу 1917 г. — даже до 31 коп., т. е. более чем в 3 раза.³¹

Заработная плата рабочим в промышленности и батракам в сельском хозяйстве несколько увеличилась благодаря повышенному спросу на рабочие руки. Но рост зарплаты далеко отставал от роста рыночных цен на продукты и на промышленные товары широкого потребления. Например, в сельском хозяйстве средние цены на рабочие руки увеличились к осени 1915 г. всего на 13—20%, т. е. в 3—4 раза меньше, чем цены на продукты. В 1916 г. эта разница стала еще более заметной.

Группа революционных социал-демократов Красноярска в своей прокламации о войне так характеризовала ее влияние на положение трудящихся: «Крестьянское хозяйство разорено отвлечением на войну значительной части рабочих сил; расстройство транспорта внесло пертурбацию в товарный обмен, спекуляция празднует свои отвратительные оргии; незначительная кучка торговцев обогащается за счет разоренной массы городского и сельского населения. Дороговизна всех средств потребления сокращает бюджет потребительской массы ниже экзистенц-минимума».³²

К концу 1916 г. в ряде мест Сибири и Дальнего Востока начались широкие волнения в связи с дороговизной. Рабочие и работницы разбивали магазины и лавки, заставляли купцов снижать цены.

К концу 1915 г. и особенно в 1916 г. изменилось отношение широких народных масс к войне, возродилось революционное движение. Начальник Томского жандармского управления в октябре 1916 г. писал: «Начинает замечаться утомленность войною и тяжестью жизни вследствие отсутствия рабочих рук и дороговизны жизни».³³ Еще большее беспокойство высказывали руководители жандармского управления Енисейской губернии, которые летом 1916 г. сообщали, что «настроение малоимущих классов городов крайне обострилось с наступлением весны и вновь усилившейся дороговизной на все предметы первой необходимости».³⁴

То же самое отмечали жандармы и в других губерниях. В их донесениях подчеркивалось, что не только рабочее население городов, но и крестьянство Сибири начинает роптать, что «мужиков совсем нет» или что «берут людей без конца, а победы нет».

Настроение сибирского населения и цели развертывавшегося революционного движения были сформулированы в упоминавшемся выше воззвании красноярских большевиков: «Не в поражении Германии, а в победе над злейшим и опаснейшим врагом — царизмом заинтересован русский пролетариат и русская демократия».

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Первая мировая империалистическая война явилась суровым испытанием всех классов и партий, серьезной проверкой политических течений в международном рабочем движении. Вожди западноевропейских социалистических партий, еще до войны погрязшие в оппортунизме, открыто изменили рабочему классу и перешли на позиции поддержки своих империалистических правительств.

В этой обстановке глубокого кризиса социалистических партий и краха II Интернационала только большевистская партия высоко держала знамя

³¹ Россия в мировой войне. 1914—1918 гг., стр. 6.

³² ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 872, л. 46.

³³ ГАТО, ф. 3, оп. 1, д. 387, л. 3.

³⁴ ГАКК, ф. 827, оп. 2, д. 282, л. 22.

пролетарского интернационализма. На весь мир прозвучал мужественный призыв вождя партии В. И. Ленина поднять трудящихся на борьбу против зачинщиков и организаторов империалистической войны. В тезисах Ленина о войне и в Манифесте ЦК партии большевиков был разоблачен грабительский, захватнический, несправедливый характер войны и выдвинут лозунг — превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Революционная работа сибирских большевиков в годы войны развертывалась в обстановке общей революционной ситуации в России. Война несколько приостановила, но не прекратила нарастания новой революции, а со временем даже ускорила ее. С августа 1914 по февраль 1917 г. только в Сибири было 78 стачек, в которых участвовало 13 256 рабочих.³⁸ Объективный ход развития классовой борьбы был неоспоримым источником пополнения сил большевистской партии и прочной базой, на которой развертывалась ее работа в массах.

Однако внутрипартийная обстановка в сибирских организациях РСДРП была очень сложной. Основная трудность состояла в том, что сибирские большевики не довели борьбу с меньшевиками до организационного разрыва и в начале войны выступали в составе объединенных организаций. Главной причиной этого была незрелость социальных отношений в Сибири, наличие сравнительно слабой прослойки промышленного пролетариата и многочисленных слоев мелкой буржуазии. Сказывалось и то, что репрессии обрушивались прежде всего на большевиков. Меньшевики не боролись против войны, высказывались за единство всех сил якобы в «защиту отечества», поэтому они не только оставались на свободе, но им разрешено было проживать в сибирских городах. Это нередко создавало впечатление их многочисленности и оказывало давление на недостаточно стойкую часть большевиков.

Война ускорила размежевание революционных и оппортунистических элементов в объединенных сибирских организациях РСДРП. Большевики выступили инициаторами объединения всех антивоенных революционных сил и стали создавать вопреки меньшевикам-оборонцам и отдельно от них группы революционных социал-демократов (в Красноярске, Иркутске, Барнауле, Томске, Омске). Нелегальную революционную работу вели большевики и лучшая часть меньшевиков и эсеров, которые вместе с большевиками выступили против империалистической войны.

Своеобразие Сибири при этом состояло в том, что сюда непрерывно шел поток политических ссыльных. Ссылные большевики, среди которых была группа видных деятелей большевистской партии, оказали огромное влияние на весь ход политической жизни в Сибири. Их революционная теоретическая и практическая деятельность вошла органической составной частью в классовую борьбу сибирского пролетариата: они помогли в сложной обстановке войны усвоить ленинскую революционную тактику, практически участвовали в работе большевистских организаций, передавали богатый опыт легальной и нелегальной работы.

Революционным центром политической ссылки в Сибири в это время стала Енисейская губерния. На севере Енисейской губернии в Туруханском крае, или как называл В. И. Ленин, в «Туруханской тюрьме», оказались члены ЦК большевистской партии Ф. И. Голощекин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян и И. В. Сталин. Кандидат в члены ЦК Е. Д. Стасова была сначала в Канской, а затем в Ачинской и Минусинской ссылке. В Енисейскую ссылку были отправлены и депутаты-большевики IV Государственной думы.

³⁸ В. П. Сафонов. Октябрь в Сибири, стр. 92.

В. И. Ленин, Центральный Комитет предприняли ряд мер, чтобы организовать побег членов ЦК из ссылки.³⁶ Им были посланы деньги, на имя С. С. Спандаряна получен паспорт.³⁷ Но принятые меры стали известны провокатору Малиновскому, который не преминул об этом сообщить охране. В результате за ними был установлен более строгий надзор, а С. С. Спандарян и Я. М. Свердлов были отправлены в еще более отдаленные северные места Туруханского края. Условия ссылки были исключительно тяжелыми: суровый климат, пагубно отражавшийся на здоровье, материальные затруднения, оторванность от Европейской России и т. п. Но никакие невзгоды не могли поколебать профессиональных революционеров. Члены ЦК большевистской партии показывали образцы мужественного преодоления трудностей, заботливого отношения к товарищам, непримиримости к нытикам и маловеерам, умелого использования малейших возможностей для продолжения революционной работы.

Большую и плодотворную работу вел в ссылке Я. М. Свердлов. По его инициативе было организовано изучение политическими ссыльными «Капитала» К. Маркса и обсуждение рефератов по вопросам революционного движения. Сам он прочел 6 лекций по истории I и II Интернационала, 2 лекции о создании III Интернационала и его задачах. Им были написаны в ссылке и опубликованы работы «Массовая ссылка (1906—1916 гг.)», «Раскол в германской социал-демократии», «Очерки по истории международного рабочего движения», «Купцы и инородцы», «Туруханский бунт» и др.³⁸ В. И. Ленин указывал на Я. М. Свердлова как на образец профессионального революционера, он отмечал, что «беззаветная преданность революционному делу, которая знаменовала жизнь обошедших многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки людей, именно она создавала таких вождей, цвет нашего пролетариата».³⁹

Член ЦК С. С. Спандарян, прибыв в Сибирь, выступил среди политических ссыльных с рефератом об итогах Пражской конференции большевиков, много работал над вопросами теории, готовил книгу по национальному вопросу, вел активную переписку с большевиками Закавказья.

Активно и деятельно протекала в ссылке жизнь кандидата в члены ЦК и секретаря Русского бюро ЦК Е. Д. Стасовой. Она имела связи как с членами ЦК в ссылке, так и с партийными центрами в России и за границей. К ней непрерывно поступали письма, книги, газеты «Путь правды», «Трудовая правда», «Рабочий», большевистские журналы «Пролетарий» и «Вопросы страхования».⁴⁰ В самом начале войны Е. Д. Стасовой удалось получить ленинские тезисы о войне и организовать их распространение. Через красноярскую конспиративную квартиру тезисы были доставлены и членам ЦК партии в Туруханскую ссылку, что явилось событием большой политической важности. С получением ленинских тезисов среди политических ссыльных и в местных партийных организациях еще более остро развернулась идейная борьба большевиков с антимарксистскими элементами. Вопрос об отношении к войне был в центре политических споров и стал водоразделом между двумя основными направлениями данного периода — пораженцами и оборонцами. Тезисы В. И. Ленина о войне ссыльные большевики переписывали и рассылали в самые отдаленные пункты Сибири.

Крупным событием в жизни политических ссыльных явился приезд большевиков — депутатов Думы, которые по решению суда были со-

³⁶ ГААК, ф. 828, оп. 1, д. 169, л. 3.

³⁷ Там же, ф. 856, оп. 1, д. 33, л. 54.

³⁸ Я. М. Свердлов, Избранные произведения, М., 1957, т. 1.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 76—77.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1915 г., д. 5, ч. 26, лнт. Б, лл. 104, 123.

сланы в Сибирь. 5 июня 1915 г. они прибыли в Красноярск, а затем были водворены в с. Монастырском Туруханского края. Приезд думской пятерки всколыхнул ссыльных края. 5 октября 1915 г. состоялось собрание ссыльных большевиков, на котором присутствовал почти весь состав Русского бюро ЦК — Ф. И. Голощекин, Г. И. Петровский, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин; депутаты А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов, их сопроцессники В. Н. Яковлев и Ф. В. Линде и др.

Доклад о процессе над думской фракцией и ее поведении на суде сделал депутат думы и член ЦК Г. Петровский. Главное, вокруг чего развернулось оживленное обсуждение, был вопрос об отношении к империалистической войне. Выступавшие указали на большое политическое значение судебного процесса для вовлечения масс в борьбу с царизмом, в разоблачении империалистического характера войны и одновременно заклеили поведение Каменева, который на суде пытался отрицать связь с ЦК, открешиваясь от большевистских лозунгов.

После обмена мнениями была принята написанная Я. М. Свердловым и С. С. Спандаряном резолюция, в которой подчеркивалось, что позиция осужденных депутатов по отношению к войне является единственно правильной, интернационалистической и соответствующей интересам рабочего класса России.

Выводы совещания о судебном процессе над думской большевистской фракцией совпали с ленинской оценкой, хотя она не была еще здесь известна. Резолюция была послана В. И. Ленину и рассылалась местным партийным организациям. Совещание обсудило также практические вопросы о восстановлении партийных организаций, о борьбе против империалистической войны, о работе в армии, об усилении партийной работы, о налаживании нарушенных связей партийных организаций с партийными центрами и между собой.

Решения совещания в с. Монастырском, революционная деятельность членов ЦК и депутатов-большевиков в ссылке оказали большое влияние на политическую жизнь в Сибири. Резко усилилась идейная борьба среди политических ссыльных и в сибирских партийных организациях, активизировалась работа большевиков Сибири в массах. Тем более что некоторые большевики были переведены из Туруханского края в другие пункты Сибири. Так, Г. И. Петровский был отправлен сначала в Енисейск, а затем в Якутию, М. К. Муранов — в Ачинск, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов — в Минусинск, А. Е. Бадаев и В. Н. Яковлев работали в Енисейске, некоторые оказались в Красноярске. Переезжая в новые места, они распространяли решения совещания и вносили оживление в революционную работу. Борьба большевиков с меньшевиками стала острее. Среди самих меньшевиков произошел раскол: выделилась группа социал-демократов интернационалистов, выступавших против оборонческой позиции Плеханова.

В Енисейске сформировалась группа ссыльных большевиков, развернувшая интенсивную революционную работу. Как указывает в своих воспоминаниях Г. И. Петровский, им удалось получить письмо от В. И. Ленина и первую резолюцию циммервальдской левой, которую он переправил Петербургскому комитету.⁴¹ С политическими ссыльными Сибири установились широкие связи. Г. И. Петровским было собрано более 300 анкет, заполненных ссыльными. В тесном контакте с енисейской группой были находившиеся в ссылке в Елани политические ссыльные Н. М. Димитров, С. И. Джоров и др.⁴² Вместе с Г. С. Вейнбаумом они

⁴¹ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 486, л. 2.

⁴² В. П. Сафонов. Октябрь в Сибири, стр. 124.

поддерживали связь с ЦК Болгарской коммунистической партии. Активно работали в енисейской группе вплоть до 1917 г. В. Н. Яковлев, член партии с 1912 г., участвовавший на совещании в Озерках от Харьковской организации и осужденный вместе с думской фракцией большевиков, А. Г. Перенсон, прошедший каторгу за участие в Кронштадтском восстании 1905 г. и за революционную работу в большевистской военной организации Петрограда, А. Е. Бадаев и др.

В Красноярске в годы войны организация РСДРП фактически раскололась на 2 части. Революционную группу РСДРП большевистского направления возглавляли И. И. Белопольский, рабочий-печатник из политических ссыльных, член партии с 1903 г., С. М. Бальбатов, токарь по металлу, вступивший в партию большевиков в 1905 г. в Кронштадте, большевики А. Г. Шлихтер, Н. Л. Мещеряков, Б. З. Шумяцкий.

Группа меньшевиков-ликвидаторов не только отказалась от какой бы то ни было революционной работы, но высказалась за участие в военно-промышленных комитетах, организованных буржуазией для оказания помощи царизму в ведении войны.

Большевики Красноярска, разоблачая ликвидаторов-меньшевиков, в то же время все внимание сосредоточили на организации легальной и нелегальной деятельности среди рабочих. Они вели агитацию в рабочих нелегальных кружках, успешно использовали такие легальные организации, как рабочий кооператив «Самодетельность», объединивший в 1916 г. до 700 чел., и профсоюз торгово-промышленных рабочих и служащих, в который входило около 150 чел. Большую помощь в выработке правильной тактической линии красноярским большевикам оказал приезд из Енисейска в 1916 г. А. Е. Бадаева, которому было разрешено привезти в Красноярск больную жену. На квартире одного из рабочих железнодорожных мастерских состоялось нелегальное собрание с участием более 30 чел. С докладом выступил А. Е. Бадаев. Он рассказал о деятельности думской фракции большевиков, о судебном процессе над ней и о совещании с членами ЦК партии в с. Монастырском, изложил ленинские установки об отношении большевиков к военно-промышленным комитетам. После оживленного обсуждения доклада было принято воззвание к рабочим Красноярска, положенное в основу «Ответа Красноярской группы РСДРП на вопросы Красноярского военно-промышленного комитета. Март 1916 г.».

В яркой и политически острой форме в этом документе большевики разоблачили империалистический характер войны и антинародный характер всего существующего строя, дали беспощадную критику военно-промышленных комитетов. Указывался только один выход — рабочая революция. В документе говорилось: «Действительная доблесть будет проявлена участниками войны тогда, когда они обратят свое оружие против своих истинных врагов, не против рабочих других стран, а против отечественных угнетателей... Пусть войну кончат революционные народы, победа которых над своими правительствами и явится достойным концом войны».⁴³

Революционной группой намечено было оформить Красноярскую организацию РСДРП и избрать комитет, но провокаторам вновь удалось провалить руководящее ядро. Произошли новые аресты. Однако ликвидировать организацию не удалось. Работу продолжали другие.

Особо важное значение имело создание большевистской военной организации в Красноярском гарнизоне. Руководителем ее был Б. З. Шумяцкий, член партии с 1903 г., сотрудник «Правды» в 1912 г. В 1916 г. он

⁴³ «Большевики в годы империалистической войны. 1914—февраль 1917 г. Сб. документов», Л., 1939, стр. 109—111.

был мобилизован в армию, где и продолжал революционную работу среди солдат. Работа большевистской организации особенно активизировалась, когда в Красноярский гарнизон попала группа большевиков, мобилизованных в армию из Ангарской и Енисейской ссылки (С. И. Петриковский, Б. И. Иванов, Е. Ф. Дымов и др.).

Весь период войны вела нелегальную работу Минусинская группа РСДРП, работавшая под направляющим влиянием Е. Д. Стасовой и В. А. Быстрянского, осужденного на поселение в Сибирь по делу Петербургского комитета РСДРП. В группу входили переведенные из Енисейска депутаты-большевики Н. Р. Шагов и Ф. Н. Самойлов; латыш А. П. Спунде, сосланный за революционную работу в Риге; А. П. Голубков, член партии с 1902 г. и член Московского комитета РСДРП; работник банка, хакас И. С. Бузулаев; учитель И. П. Непомнящий. На долю Минусинской группы большевиков выпала задача острой борьбы против столпов эсеровской партии — Брешко-Брешковской и Быковского, находившихся здесь в ссылке. Вся деятельность лидеров эсеров ограничивалась лишь устройством легальных вечеров с морем бесплодных словословий. Выступая против эсеров, большевики создали из революционно настроенной молодежи нелегальный кружок и вели марксистскую пропаганду. Многие члены этого кружка стали большевиками.⁴⁴

Довольно солидная и активная группа большевиков работала в г. Ачинске. Эта группа имела ячейки среди рабочих на станциях Ачинск I и Ачинск II, а также среди солдат Ачинского гарнизона. Видную роль в группе играли рабочий-текстильщик из Варшавы, дважды прошедший каторгу, Ф. К. Врублевский, А. В. Померанцева и Ф. Антушевский. По воспоминаниям Н. И. Темерова, в группе было около 17 чел. и 200 сочувствующих.⁴⁵

Важное значение имела революционная работа большевиков в Западной Сибири, особенно среди рабочих промышленного Кузбасса и в больших воинских гарнизонах Омска, Томска и Новониколаевска. Уже в начале войны в ряде городов среди запасных распространялись большевистские листовки, разъяснявшие империалистический характер войны. Продолжала революционную работу большевистская организация в Нарымском крае. В 1914—1916 гг. в Нарым было выслано около 200 политических ссыльных. Из Нарымской ссылки вышли видные организаторы революционного движения в Сибири, такие стойкие большевики, как Н. Н. Яковлев, В. М. Косарев, М. И. Сычев (Франц Суховерхов). Там же находились А. Ф. Иванов, В. Д. Вагман, Ф. Т. Чучин, В. И. Репин, А. А. Звездов, Г. К. Соболевский и др.

Когда царское правительство объявило мобилизацию политических ссыльных в армию, большевики Нарыма выступили инициаторами создания внутри воинских частей нелегальной военной организации. Организационное ядро, образовавшееся в сентябре 1916 г. в Нарыме, возглавили Н. Н. Яковлев и В. М. Косарев. Мобилизованные затем с группой политических ссыльных (около 20 чел.) в Томский гарнизон, они создали «Военно-социалистический союз». По своему составу «Союз» был неоднороден. В него входили все, кто готов был вести революционную борьбу против войны и самодержавия, в том числе входила и та часть меньшевиков и эсеров, которая стояла на антивоенных позициях. В начале 1917 г. «Союз» насчитывал не менее 200 чел. и установил связь с гарнизонами многих сибирских городов, а также с Петроградом и Москвой.⁴⁶ Вместе с большевиками, работавшими в нелегальных кружках Томска, «Союз»

⁴⁴ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 614, л. 12; ПАИО, ф. 5, оп. 6, д. 286, лл. 1, 15.

⁴⁵ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 653, л. 3.

⁴⁶ Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954, стр. 122—123.

организовал нелегальную типографию. По заданию «Союза» В. М. Клипов выезжал в Новониколаевск, Ачинск, Красноярск, Иркутск для установления связей с военными организациями большевиков в сибирских гарнизонах и распространения большевистских листовок.⁴⁷ Жандармам удалось нащупать деятельность «Союза», и командованию Томского гарнизона были названы его руководители — В. Косарев, Н. Яковлев, С. Кудрявцев, но учинить расправу помешала Февральская революция, во время которой солдаты гарнизона сразу же встали на революционный путь и 70-тысячный гарнизон оказался вне повиновения царским властям.

В близком контакте с большевиками Томска работали большевистские группы Новониколаевска, на Судженских и Анжерских копях. В Новониколаевске в большевистскую группу входили Ф. И. Горбань, Ф. П. Серебренников, Г. Е. Дронин, Д. И. Шамшурин, С. Я. Якушев, В. В. Романов, В. И. Шамшин, А. Клеппер. Когда в Новониколаевске обзавелся военно-промышленный комитет и меньшевики с участием Н. Р. Рожкова создали бюро «рабочей группы», большевистская группа сделала заявление о бойкоте рабочими военно-промышленного комитета, как помогающего вести царизму империалистическую войну. Вскоре «рабочая группа» при военно-промышленном комитете перестала существовать.

В Барнауле в 1916 г. организация РСДРП насчитывала до 60 чел. Большевистской группой руководил профессиональный революционер с 1905 г. М. К. Цаплин, отбывший Нарымскую ссылку. Группой было создано несколько рабочих кружков на предприятиях, проводилась агитация среди солдат гарнизона.⁴⁸

В 1914 г. был создан Бийский комитет РСДРП, в составе которого были опытные подпольщики — Турусов, Двойных, Сизов. Это был один из немногих комитетов Сибири, просуществовавший до Февральской революции и уже к маю 1917 г. установивший связь с ЦК РСДРП(б). Большевики Алтая распространяли листовки, вели политическую агитацию среди рабочих и солдат города, среди крестьян деревни, руководили в 1916 г. забастовками текстильщиков и строительных рабочих Бийска и Барнаула.

Большую работу проводили в годы войны большевики Омска. В этом важном торгово-промышленном центре Западной Сибири было сосредоточено около 20 тыс. рабочих и до 70 тыс. солдат, поэтому работа большевиков приобретала особо важное значение. В 1916 г. в Омскую организацию РСДРП входили большевики и меньшевики-интернационалисты, объединявшиеся на платформе Циммервальда. Большевистская группа хотя была и немногочисленной, но идейно сплоченной. В нее входили А. А. Карлов, А. Ф. Блусевич, В. Е. Горшков, В. В. Тараканов, Я. Анисимов и др. Руководил группой молодой, но стойкий ленинец с незаурядными способностями пропагандиста и организатора — Э. И. Лобков. В цехах железнодорожных мастерских и депо, на предприятиях и в ряде воинских частей вели революционную работу партийные ячейки. Большевики разоблачали буржуазно-империалистический характер деятельности местного военно-промышленного комитета и его попытки создать «рабочие группы». Большинство рабочих поддерживало большевиков.⁴⁹

Активно вели революционную работу в годы войны большевики Восточной Сибири. Местные власти делали все для того, чтобы ликвидировать

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1917 г., л. 293, ч. 826, л. 4; ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, л. 297, л. 140.

⁴⁸ Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1957, стр. 24—25.

⁴⁹ М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции.

нелегальные организации РСДРП, а политических ссыльных большевиков отправляли в отдаленные районы Якутии, подальше от пролетарского района Черемховского бассейна, от городов и железной дороги. В административном и торговом центре Восточной Сибири, в г. Иркутске, были сосредоточены офицерские школы, большой военный гарнизон и жандармское управление. Революционная работа была крайне затруднена, но не прекращалась в течение всей войны. Накануне и в начале войны революционное ядро Иркутской организации РСДРП составляли С. И. Лебедев, П. П. Постышев, А. И. Скобенников, Е. А. Бабушкин, В. И. Вельман, С. Ф. Васильченко, С. И. Канатчиков, П. Ф. Парняков и др. Организация имела довольно широкие связи с партийными группами и рабочими кружками на предприятиях Иркутска, в Черемхово, Лиственичной, получала «Правду» и другие издания из Петрограда, вела идейно-политическую борьбу с меньшевиками. Борьба с меньшевиками в Иркутске носила острый и сложный характер. Кадры промышленных пролетариев здесь были малочисленны, а социальная база для мелкобуржуазных взглядов довольно широкая. К тому же в период войны в Иркутской губернии находились лидеры и идеологи меньшевизма (Церетели, Дан, Войтинский), которые оказывали давление на местных социал-демократов. С их благословения ведущая группа иркутских меньшевиков, обсудив письмо одного из оппортунистических лидеров II Интернационала Вандервельде, рекомендовавшего прекратить партийную работу, приняла решение о роспуске Иркутской организации РСДРП на период войны.⁵⁰ Это решение вызвало возмущение большевиков и было осуждено на конференции иркутских социал-демократов в декабре 1914 г. с участием представителей из Черемхово и Лиственичной. Поскольку организация осталась объединенной, борьба между большевиками и меньшевиками не прекращалась и после конференции. Меньшевики всячески саботировали антивоенную работу, большевики же использовали малейшие легальные и нелегальные возможности для революционной работы в массах. Чтобы развязать себе руки, большевики решили организационно порвать с меньшевиками и создать особую нелегальную организацию.

В начале 1915 г. образовался «Союз сибирских рабочих», поставивший задачей объединить на ленинской платформе большевиков Восточной Сибири. Инициаторы создания «Союза» — Жаков, Васильченко, Трофимов, Латышев — побывали в Черемхово, Красноярске, Верхнеудинске, установили связи и с другими партийными организациями Сибири. Налажена была нелегальная типография, стали выпускаться массовым тиражом революционные листовки. 18 апреля 1915 г. вышел первый, а в июле второй номер газеты «Товарищ пролетарий», изданной в количестве свыше тысячи экземпляров. В первом номере дана оценка общеполитического положения в стране с прямым призывом «Долой войну, пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Во втором номере «Союз» призывает к сочетанию легальной и нелегальной работы, к объединению всех трудящихся под руководством социал-демократической партии для свержения самодержавия, рассказывает о работе группы РСДРП в Черемхово и забастовках сибирских углекопов, о волнениях в Новониколаевске и столкновении с полицией и т. д. «Товарищ пролетарий» распространялся в Чите, Верхнеудинске, Слюдянке, Иркутске, Иннокентьевской, Черемхово, Тулуне, Зиме, в колониях ссыльных, в Томске, Новониколаевске, отдельные экземпляры отправлялись в разные города Европейской России.⁵¹

⁵⁰ Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск. Очерки по истории города. стр. 245.

⁵¹ ПАИО. ф. 5, оп. 2, д. 385, лл. 1—27.

В «Союз» входило около 30 чел. Организация во главе с правлением была строго конспиративна. Наиболее деятельные члены «Союза» одновременно состояли членами легального общества «Знание». В типографии «Союза» были отпечатаны 2 воззвания — «Товарищ пролетарий» и «Солдатам новобранцам», а также листовки в поддержку стачек черемховских рабочих. Организация имела ряд ячеек, в которые входили рабочие. Члены «Союза» через ячейки вели работу на предприятиях совместно с союзом горнорабочих. «Союз» руководил забастовкой черемховских углекопов.

В июне 1915 г. руководители «Союза» выступали с «Открытым письмом ко всем социал-демократам» с предложением создать самостоятельную организацию большевиков Сибири и порвать с меньшевиками. Однако вскоре по доносу провокатора произошли массовые аресты в Иркутске и Черемхово. «Союз» был разгромлен.⁵²

В годы войны иркутские большевики продолжали работу и в легальных организациях, в обществе «Знание», в кооперативных обществах, в профсоюзах, в организациях помощи беженцам, в различных продовольственных попечительствах, в легальной печати. В декабре 1914 г. в Иркутске вышел «Сибирский журнал» антивоенного направления, и, пока охранка спохватилась, большая часть двухтысячного тиража была распространена, несколько номеров попало даже в Красноярск.

В январе 1915 г. был выпущен новый журнал «Сибирское обозрение», о котором Я. М. Свердлов писал: «Вот этот-то орган замечательно хорош по теперешним временам по духу своему, тону».⁵³ В журнале, в статьях «Две войны», «Россия накануне войны» и «Демократия среди воюющей России», разоблачается империалистический характер войны, примиренческая позиция Плеханова и других социалистов, подчеркивается, что с защитой пролетарской демократии выступила только социал-демократия в лице большевистской фракции в Государственной думе.⁵⁴

Огромное влияние на революционную борьбу в Восточной Сибири оказали ссыльные большевики. Только в Иркутской губернии насчитывалось 2285 политических ссыльных. В далеком Киренске, например, на 3000 жителей приходилось 300 чел. политических ссыльных.⁵⁵ Главное влияние на развитие идейной борьбы в Сибири оказали находившиеся в ссылке видные деятели большевистской партии М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский, В. В. Куйбышев, С. В. Косиор, П. П. Постышев.

В мае 1914 г. в Александровскую пересыльную тюрьму прибыл М. В. Фрунзе, которому смертная казнь была заменена каторгой на 6 лет. Осенью того же года он был отправлен в с. Манзурку, в 80 верстах от Иркутска. М. В. Фрунзе оказал большое влияние на политический рост ссыльных большевиков. Он организовал среди ссыльных кассу взаимопомощи, общую столовую, библиотеку, выступал с рефератами, установил связи с центром и наладил получение большевистских изданий — «Правды», журнала «Просвещение», нелегальной литературы.

1 декабря 1915 г. в с. Тутура Иркутской губернии прибыл в ссылку виднейший деятель большевистской партии В. В. Куйбышев. В селе было около 30 политических ссыльных, в том числе многие рабочие-большевики. В. В. Куйбышев совершил побег из ссылки в Самару, но в сентябре

⁵² А. Липкин. Провал «Союза сибирских рабочих». «Каторга и ссылка», М., 1927, № 8 (37), стр. 83—84.

⁵³ Ш. М. Левин. Социалистическая печать во время империалистической войны. «Красный архив», М.—Пг., 1922, т. 2, стр. 211.

⁵⁴ ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 895, лл. 67—70, 61—86.

⁵⁵ «Иркутская ссылка», М., 1934, стр. 90, 267.

того же года вновь был арестован. Февральская революция освободила его из-под конвоя по пути в Туруханскую ссылку.

С осени 1915 г. и до Февральской революции в ссылке Иркутской губернии находился С. В. Косиор. Видный деятель большевистской партии и в ссылке продолжал революционную работу как среди ссыльных, так и среди местного населения.⁵⁶

Идейно стойкая и сплоченная группа большевиков сложилась в годы войны в самой отдаленной ссылке — в Якутии. Беспощадную борьбу с оборонческой позицией меньшевиков и эсеров здесь в начале войны возглавил Ем. Ярославский. В. Брусенин в своих воспоминаниях пишет: «Речь т. Ярославского была речью противника войны, речью большевика, без всякого оттенка примиренчества с оборонцами».⁵⁷

Революционная работа в Якутской ссылке еще более усилилась, когда в 1916 г. прибыли сюда члены ЦК партии большевиков Г. К. Орджоникидзе и Г. И. Петровский. Выступив с докладами о решениях Пражской партийной конференции, об антивоенной деятельности думской фракции большевиков, о ленинском манифесте ЦК партии об империалистической войне, Г. К. Орджоникидзе и Г. И. Петровский помогли большевикам в далекой Якутии еще увереннее и целеустремленнее вести революционную работу, еще настойчивее и острее разоблачать оппортунистические и шовинистические позиции меньшевиков и эсеров.⁵⁸ Настроение в Якутской ссылке ярко проявилось на собрании, состоявшемся под видом встречи нового 1917 г. на квартире, куда пришло около 150 чел. В своей речи Ем. Ярославский заявил, что «неизбежно массовое выступление пролетариата в ближайшие же недели и месяцы, что война не может не кончиться массовым выступлением пролетариата, что никогда мы не стояли так близко к социалистической революции, как стоим сейчас».⁵⁹

Особое значение имел интернациональный характер революционной работы большевиков в годы войны.

В Сибири в годы первой мировой войны сосредоточилось множество представителей самых различных народов: беженцы из Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, эмигранты из Кореи и Китая, военнопленные — венгры, румыны, чехи, словаки, немцы, австрийцы (около четверти миллиона). Лагерьей для военнопленных было более 30 — от Урала до Приморья. Предприниматели использовали труд военнопленных. Имея в своем распоряжении столь дешевую рабочую силу, они стремились снизить плату русским рабочим. Один из красноярских предпринимателей в 1916 г., чтобы снизить расценки русским рабочим, добился направления на строительство военнопленных, назначив им мизерную плату. Но местный большевистский комитет провел среди них разъяснительную работу. Произошла забастовка, в которой победили военнопленные.⁶⁰

В 1916—начале 1917 г. в Томске, Омске, Чите, Красноярске и других городах под влиянием местных большевистских организаций среди военнопленных возникли антимилитаристские, а затем интернационалистические группы социал-демократов. В томских лагерях военнопленных группы последовательных интернационалистов возглавляли Бела Кун и Ференц

⁵⁶ ГАНО, ф. 300, оп. 1, д. 307, л. 5.

⁵⁷ В. Брусенин. Отрывок воспоминаний. «По заветам Ильича», № 3—4, 1926, стр. 33.

⁵⁸ История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 400, 401.

⁵⁹ Ем. Ярославский. Накауне Февральской революции в Якутске. Сб. «В Якутской неволе», М., 1927, стр. 32.

⁶⁰ И. Шнейдер. Революционное движение среди военнопленных в России. 1915—1919 гг. «Борьба классов», М., 1935, № 3, стр. 59.

Мюнних,⁶¹ в Красноярске — Ференц Патаки и Колхоф,⁶² в Омске — Карой Лигети и т. д. С помощью большевиков интернационалисты в лагерях военнопленных переводили на родной язык работы В. И. Ленина, большевистскую литературу, вели агитационную работу. Тем самым еще до Февральской революции среди тысяч иностранцев были посеяны семена революционных идей, давшие потом хорошие всходы в совместной борьбе за победу революции в 1917 г.

Таким образом, большевики Сибири во время войны вели самоотверженную работу в массах. В выработке их революционной тактики, в разоблачении шовинистической политики царского правительства, буржуазных и мелкобуржуазных партий, в борьбе против оборонческой позиции меньшевиков и центризма троцкистов огромную роль сыграли видные деятели большевистской партии, находившиеся в сибирской ссылке. Однако проведению четкой политической линии мешала объединенность с меньшевиками. Центральный Комитет партии большевиков направил в 1916 г. в Сибирь своего агента для оказания помощи в сплочении большевистских сил на ленинских позициях. Создано было организационное бюро по подготовке конференции большевиков Сибири. В Красноярске, Иркутске, Томске были предприняты попытки создания нелегальных организаций большевиков на основе разрыва с оборонцами-меньшевиками.

Война принесла неимоверные лишения и страдания народу. Расчеты правящих кругов России на войну как средство спасения от надвигающейся революции не оправдались. Российскому пролетариату был несвойствен воинствующий шовинизм. Самоотверженная антивоенная пропаганда большевиков способствовала пониманию антинародной политики правительства. «Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, — писал В. И. Ленин, — является пролетариат».⁶³

В самом начале войны прошли крупные антивоенные выступления рабочих Петрограда, Москвы, Донбасса, Урала и других промышленных центров страны. Хотя по своему размаху рабочее движение в начале войны значительно уступало довоенному, оно продолжало непрерывно нарастать, охватывая все новые и новые районы.

Война сыграла роль «всесильного режиссера» и могучего ускорителя революционного процесса. Второй буржуазно-демократической революции в России непосредственно предшествовал вызванный войной кризис во всех областях хозяйственной и политической жизни страны, растущее из года в год революционное движение пролетариата и крестьянства. Уже с осени 1915 г. в России стала складываться революционная ситуация. «Все видят теперь, — писал В. И. Ленин в сентябре 1915 г., — что революционный кризис в России налицо...».⁶⁴

Сибирь была далеким тылом, но жила одной жизнью со всей страной. В различных районах Сибири в самом начале войны прокатилась волна антивоенных выступлений мобилизованных в армию рабочих и крестьян. В июле—августе 1914 г. в Барнауле, Змеиногорске, Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Красноярске, Нижнеудинске, Чите, Благовещенске и прилегающих к ним уездах волнения охватили несколько тысяч мобилизованных. Стихийные и неорганизованные антивоенные выступления рабочих и крестьян сопровождались острыми столкновениями с полицией и войсками, разгромами полицейских и воинских участков.

⁶¹ Сб. «Вейгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1959, стр. 184.

⁶² Курт Шен. Как мы стали друзьями русской революции. Сб. «Этих дней не смолкнет слава», М., 1958, стр. 208.

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.

⁶⁴ Там же, т. 27, стр. 26.

Наиболее активной и организованной силой общедемократического движения в Сибири выступал пролетариат. Передовые рабочие встретили войну враждебно. «Этим манифестом, — говорили рабочие Красноярских железнодорожных мастерских по поводу царского манифеста о войне, — самодержавие подписало себе смертный приговор».⁶⁵ В день объявления первой мобилизации на многих станциях Сибирской транзмагистрали, в мастерских и депо железнодорожники не работали. В различных формах они выражали недовольство войной и царским правительством.

В июле—августе 1914 г. прошли кратковременные экономические стачки на ряде участков Амурской железной дороги. В августе бастовало свыше 150 рабочих на станции Белогорье (Амурская область).⁶⁶

В сентябре 1914 г. происходили экономические забастовки горнорабочих Черемховских копей Рассушина и К⁰, Томашевского, Русско-Азиатского углепромышленного товарищества и рабочих механической мастерской на коях Щелкунова.⁶⁷ Забастовками руководили большевики через нелегальный «Союз горнорабочих Черемховского района». Зимой 1914 г. был образован Черемховский комитет «Союза сибирских рабочих», на крупных коях были созданы большевистские группы, оживилась деятельность нелегального профессионального «Союза горнорабочих Черемховского района».

В конце октября 1914 г. организованно прошла забастовка рабочих на Судженских каменноугольных коях Михельсона. Она охватила свыше 2200 рабочих. Поводом к забастовке явилось распоряжение управляющего коями Ф. Г. Лонга о повышении платы, взимаемой с рабочих и служащих за квартиры, доставку топлива и пр. Рабочие заявили протест против «нового для них налога», а в дальнейшем выдвинули другие требования, направленные к улучшению их труда и быта. Под влиянием забастовки судженских рабочих начались волнения на Анжерских коях и на железной дороге. По распоряжению томского губернатора на копи были спешно направлены крупные наряды полиции, готовились воинские подразделения. Рабочие Судженских копей держались стойко. Попытка подавить забастовку путем арестов «зачинщиков» встретила энергичный отпор со стороны рабочих. Только после отстранения от должности управляющего коями Лонга и отмены его распоряжений рабочие приступили к работе.

В октябре—декабре 1914 г. происходили забастовки на приисках Ленского горного округа (Иннокентьевском, Варваринском, Бодайбинском, Степном и др.).

В конце 1914 г. вспыхнули волнения и стачки на золотых приисках Енисейской и Томской губерний. Из них наиболее крупной была забастовка на Мариинских приисках. Бастующие избрали уполномоченных и выработали требования: установление восьмичасового рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение жилищных условий. После собрания колонны рабочих двинулись на Центральный рудник. Попытка полиции разогнать демонстрантов оказалась безуспешной. Уполномоченные предъявили требования администрации. Стойкая и организованная забастовка закончилась серьезными уступками со стороны хозяев приисков.

Резкий поворот в настроении народных масс Сибири произошел в 1915 г. Решающее влияние оказали интенсивная антивоенная деятельность большевиков, неудачи на фронте, обострение нужды и бедствий, революционная борьба пролетариата в центре страны. «Среди рабочих господствуют всецело идеи пораженцев, — доносили местные власти в Министерство внутренних дел, — обращение Плеханова встречено с насмешкой

⁶⁵ В. Сафонов. Октябрь в Сибири, стр. 92.

⁶⁶ ЦГАДВ, ф. 704, оп. 6, д. 1916, лл. 202—203.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. ДП, 4-е делопроизводство, 1914 г., д. 77, лл. 2, 16—21.

и сожалением о заграничниках, далеко якобы ушедших от русской действительности, и, наоборот, резолюция заграничных групп РСДРП, появившаяся в городах, воплотила истинные чувствования местных рабочих и встречена с большим сочувствием как воплощение их мирозерцания в данный момент».⁶⁸

В марте 1915 г. в различных районах обширного Ленского горного округа появилась прокламация «Ко всем рабочим». Большевики призывали горняков золотой Лены ознаменовать «„вторую отечественную войну“ (ленскую забастовку 1912 г., — авт.) — эту славную дату в истории рабочего движения» забастовками, собраниями и сбором средств «в помощь семьям погибших за рабочее дело на поле брани».⁶⁹

В марте прошли забастовки на приисках Светлом, Феодосиевском, Надеждинском и др. 4 апреля бастовало около 600 рабочих Ивановского прииска, свыше 700 рабочих Нижнего, все рабочие Утесистого, Надеждинского и других приисков «Лензото». По сообщению местных властей, забастовка охватила 80% рабочих «Лензото». На крупных приисках состоялись собрания и митинги. На кладбище, где были похоронены жертвы Ленского расстрела, побывало много рабочих и низших служащих, которые почтили память павших борцов.

Весной и летом 1915 г. повысилась организованность горнорабочих, наметился переход от единичных оборонительных стачек к массовым наступательным стачкам. Неоднократно вспыхивали забастовки шахтеров на Анжерских, Судженских, Черемховских и Сучанских копях, на золотых приисках Мариинского, Ленского, Буреинского и других горных округов. В забастовочное движение включались новые отряды сибирского пролетариата. В мае 1915 г. происходили волнения рабочих Военного порта во Владивостоке. Рабочие требовали «мобилизационной прибавки» и добились своего. В июне волнения рабочих в Военном порту Владивостока повторились. К рабочим присоединились матросы Сибирского флотского экипажа. Волнения сопровождались частичными стачками, которые были подавлены военной силой. Не раз вспыхивали стачки на рыбных промыслах Дальнего Востока.

В Новониколаевске в июле 1915 г. забастовали 2000 грузчиков разных предприятий города. После забастовки, продолжавшейся 8 дней, рабочие добились подписания коллективного договора с учетом их главных требований.

Летом 1915 г. по решению Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов при центральном и местных комитетах стали создаваться «рабочие группы». Это был маневр буржуазии для отвлечения рабочих от борьбы и создания видимости классового мира. Большую услугу в этом маневре буржуазии оказывали меньшевики. Большевики призывали рабочих к бойкоту военно-промышленных комитетов.

В крупных городах и рабочих районах Сибири большевики развернули активную деятельность по разоблачению антинародной сущности военно-промышленных комитетов и призывов меньшевиков к участию в «рабочих группах». Сознательные рабочие пошли за большевиками.

Лишь в немногих городах Сибири меньшевикам удалось повести за собой часть рабочих мелких предприятий и создать при военно-промышленных комитетах «рабочие группы». Большевики распространили постановление рабочих Путиловского завода по поводу избрания рабочих представителей в военно-промышленные комитеты. В нем говорилось, что война самым коренным образом противоречит интересам пролетариата и поэтому участие рабочих в каких бы то ни было военных организациях равно-

⁶⁸ Там же, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 25, л. 2.

⁶⁹ ГАИО, ф. 185, оп. 1, д. 441, л. 32.

сильно предательству. В постановлении были сформулированы главные задачи пролетариата — борьба против войны и царизма за установление демократической республики и мира на земле.⁷⁰

С конца 1915 г. в Сибири, как и во всей стране, стала стремительно нарастать продовольственная, транспортная и хозяйственная разруха. Неудачи на фронте, гибель многих тысяч сибиряков на войне, резкое вздорожание жизни, нищета и бесправие вызывали озлобление войной и царизмом. Крупные революционные выступления пролетариата Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Харькова, Донбасса и других промышленных центров в 1915 г. находили отклик у трудящихся Сибири.

С конца 1915 г. заметно возросло руководство стачечной борьбой рабочих со стороны большевиков. Энергичную работу среди рабочих проводили большевики Красноярска, Барнаула, Новониколаевска, Омска, Иркутска, Читы и других городов.

С ноября 1915 г. красноярские большевики развернули агитацию за забастовку. В некоторых типографиях в декабре были организованы забастовки. Большевики выпустили 2 листовки: в первой были сформулированы экономические требования печатников, вторая посвящена войне и задачам пролетариата. Она заканчивалась лозунгами: «Долой империалистическую войну! Да здравствует гражданская война!».

По призыву большевиков в начале 1916 г. рабочие всех типографий Красноярска предъявили требования администрациям. В губернской и кооперативной типографиях они были удовлетворены, в остальных рабочим было отказано. Печатники избрали стачечный комитет, во главе которого стали большевики. 11 января началась забастовка, которая приняла затяжной характер. Рабочие железнодорожных мастерских и депо, службы движения и тяги, приказчики, водники и др. оказывали материальную и моральную поддержку бастующим. В Красноярске и по линии Сибирской железной дороги были распространены «подписные листы» для сбора денег в помощь бастующим. Рабочие шпалопропиточного завода объявили стачку солидарности. Их примеру последовали рабочие паровозных ремонтных мастерских. Забастовки прошли организованно и закончились победой рабочих. Они оказали большое влияние на дальнейшую борьбу не только красноярских рабочих, но и рабочих Сибири.

Иркутские большевики готовили стачку солидарности печатников Иркутска с бастующими красноярцами. Им удалось организовать стачки лишь в отдельных типографиях и предприятиях города. В феврале 1916 г. иркутские рабочие направили письмо в Государственную думу, в котором «самым решительным образом» протестовали против выступлений депутатов Бурьянова и Монокова, «против их услужливых попыток оклеветать великое дело возрождения Интернационала, начатое в Циммервальде», и выражали уверенность, что сильные поддержкой социал-демократы будут «высоко держать знамя международного социализма и до конца вести борьбу против ненавистной пролетариату кровопролитной бойни».

В апреле 1916 г. благовещенские рабочие потребовали повышения заработной платы, устранения стеснений для рабочих собраний и рабочих газет, открытия школ для детей рабочих, организации касс взаимопомощи, библиотек, предоставления свободы чтения лекций по рабочему вопросу, организации специального бюро для безработных, обеспечения всех работой и т. п.

После первомайских массовок, проведенных большевиками, рабочие базы Амурской речной флотилии за май 1916 г. собрали свыше 64 руб. и направили их в Туруханский край на имя бывшего депутата IV Государ-

⁷⁰ Там же, ф. 300, оп. 1, д. 21, лл. 13—15.

ственной думы Г. И. Петровского. Большую организаторскую и политикомассовую работу в Благовещенске проводил нелегальный профсоюзный союз металлистов, во главе которого стояли большевики.

В апреле 1916 г. упорная стачечная борьба разыгралась на Анжеро-Судженских, Кольчугинских и Черемховских копях. 18 апреля прекратили работу шахтеры и «поверхностные» рабочие на Судженских копях, «причисленных к числу предприятий, работающих на оборону». Из 2 тыс. рабочих 1154 составляли военнообязанные. В начале забастовки рабочие выдвинули одно требование — повышение заработной платы на 50%. На следующий день были предъявлены дополнительные требования: отмена всех незаконных вычетов, устранение обмеров и обсчетов при приемке работ штайгерами и учетчиками, снижение цен на товары в копейской лавке, улучшение условий труда и быта. Забастовка проходила организованно. Среди бастующих образовалась небольшая группа опытных горняков, на которых «все остальные смотрели как на вожakov и во всем подчинялись их мнению».

В разгар забастовки на Судженских копях начались волнения на Анжерских копях. По указанию томского губернатора на Судженские копи были посланы крупные наряды полиции. Уездный начальник, прибыв на копи, пытался шантажировать бастующих, угрожая передать всех военнообязанных уездному воинскому начальнику для отправки на фронт. Запугивания не действовали. Администрация пошла на уступки. Заработная плата была увеличена на 25—35%. Вечером 21 апреля рабочие организованно прекратили забастовку.

На Анжерских копях первыми забастовали рабочие 14-й шахты, где организовалось спаянное ядро шахтеров из числа политических ссыльных. В 6 часов утра 29 апреля забастовавшие заявили администрации, что, пока не будет выдаваться «мобилизационная прибавка», они не приступят к работе. С 10 часов началась выдача, но рабочие продолжали бастовать. К ним примкнули в 2 часа дня рабочие 1-й, 7-й и 12-й шахт. На второй день забастовка охватила около 2 тыс. рабочих. Вечером 30 апреля уполномоченные рабочих явились в главную контору и предъявили свыше 10 экономических требований. Начальник копей согласился на частичные уступки. Уполномоченные отвергли предложение и призвали горняков к общей забастовке, которая началась 1 мая.

Администрация копей обратилась к томскому губернатору с просьбой о присылке полиции «для пресечения возможных насилий». В действительности никаких «насилий» со стороны бастующих не было. На копи прибыла рота солдат под командой офицеров. Сразу же было арестовано свыше 20 руководителей — П. С. Гаврилин, В. Е. Сергеев, В. Г. Галкин, Д. С. Стукалов, А. М. Пономарев, К. П. Гусев, М. П. Мусихин и др.⁷¹ Одновременно администрация объявила о распространении «мобилизационной прибавки» на всех рабочих и о ее регулярной выплате. Это внесло замешательство в ряды бастующих. Первыми приступили к работе военнопленные и военнообязанные, а 4 мая — все остальные.

Во время забастовок на Анжерских и Судженских копях происходило брожение и вспыхивали стачки на Черногорских копях, на руднике «Знаменитом» в Енисейской губернии и на Черемховских копях. Оживленно прошел в Черемховском угольном районе первомайский праздник. Большевики провели на всех крупных копях нелегальные собрания и массовки, на которых выступали с докладами о значении дня пролетарской солидарности, призывали горняков к борьбе против войны и царизма. В мае забастовочное движение охватило почти все копи. «Ежегодно с наступлением весны в Черемховском каменноугольном районе происходят экономические

⁷¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП, 4-е делопроизводство, 1916 г., д. 77, ч. 2, л. 14.

забастовки, — доносил начальник Иркутской охраны в департамент полиции. — В минувшем мае таких забастовок было одиннадцать».⁷²

В мае—июне 1916 г. бастовали кожевники и печатники Барнаула, железнодорожники в ряде пунктов Транссибирской магистрали (Ново-Злобинский карьер, станции Балай, Канск, Слюдянка, Иман и др.), строительные рабочие в Кемерово и Омске, пищевики, швейники, металлисты ряда предприятий Томска, Новониколаевска, Красноярска, Иркутска, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока. В начале июня организовано прошли крупные забастовки рабочих Хабаровского арсенала, Военного порта Владивостока, строителей Софийско-Дегастринской дороги. Происходили волнения матросов на кораблях «Пересвет», «Варяг», «Чесма» и др.

Весной 1916 г. на почве роста дороговизны в Сибири широкий размах получили «продовольственные беспорядки». Они выражались в погромах продовольственных, промтоварных и аптекарских магазинов, избиении торговцев. Участие в погромах принимали рабочие, ремесленники, низшие служащие, мещане, крестьяне и другие группы населения. Первые вспышки продовольственных бунтов произошли в марте на Уссурийской железной дороге. Железнодорожные служащие обратились к участникам беспорядков с воззванием «К сослуживцам!», в котором призывали рабочих и служащих к бойкоту торговых фирм и единению: «В единении только сила, бойкот — единственное наше моральное право защиты своих интересов».⁷³

В апреле—мае 1916 г. волнения охватили многие города Сибири. Острый характер «голодные бунты» приняли в Тюмени, Барнауле, Бийске, Боготоле, Красноярске, на станции Зима, Черемхово, в Верхнеудинске, Благовещенске. Они были стихийным проявлением растущего недовольства народных масс против нищеты, голода и других спутников войны. В «голодных бунтах» отчетливо выражалась общая тенденция нарастания революционного кризиса. Власти прибегали сплошь и рядом к военной силе для расправы с участниками «продовольственных беспорядков». Нередкими были факты отказа солдат стрелять в мирное население, они часто выступали на его защиту.

Летом 1916 г. деятельность сибирских большевиков в массах приняла более планомерный и целенаправленный характер. В этом сказалась помощь со стороны ЦК РСДРП(б) и его опорных комитетов в крупных пролетарских центрах страны. Для партийной работы в Сибири ЦК РСДРП(б) направлял проверенных и энергичных работников, революционную литературу, посылал своих агентов для налаживания партийной работы и чтения докладов по наиболее актуальным вопросам.⁷⁴

В июле—августе 1916 г. большевики Владивостока организовали несколько собраний с участием представителей рабочих крупных промышленных предприятий, организовали подпольную типографию и выпустили прокламации, которые «произвели сильное впечатление» на рабочих.⁷⁵ Под руководством К. Суханова, прибывшего по поручению Петроградского комитета РСДРП, большевики готовили общую забастовку рабочих Владивостока. 27 августа состоялась антивоенная демонстрация под лозунгом: «Долой войну! Долой царизм!». Власти спешно направили надежные воинские подразделения и полицию. Демонстрация была разогнана, произведены аресты. Затем подверглась разгрому «Владивостокская инициативная группа марксистов».⁷⁶

Аресты не сломили воли рабочих к борьбе. В начале сентября в Народном доме Владивостока прошли собрания рабочих, на которых были

⁷² Там же, д. 23, ч. 3, л. 5.

⁷³ ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 749, л. 194.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 27, л. 7.

⁷⁵ Там же, д. 167, ч. 64, л. 43.

⁷⁶ Там же, д. 5, ч. 64, лит. Б, л. 44.

выработаны и предъявлены приморскому губернатору требования о допущении представителей от рабочих к решению вопроса о нормировании цен на продукты и организации общественного контроля над всеми торговыми заведениями города путем создания рабочих комиссий. В сентябре назревала общая забастовка рабочих в Военном порту. Первыми забастовали судостроители. Администрация уволила свыше 270 рабочих, были произведены массовые аресты и передача военнообязанных в распоряжение воинского начальника. Забастовка была сорвана, но по требованию рабочих уволенные были восстановлены на работе.

Под влиянием антивоенной деятельности большевиков во второй половине 1916 г. оживилось рабочее движение в Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Благовещенске, Чите и в рабочих районах Дальнего Востока и Забайкалья. Активное участие в борьбе принимали металлисты, водники, печатники и горняки. Среди рабочих росла тяга к организации. Широкий размах получили кооперативное движение, организация касс взаимопомощи, культурно-просветительных обществ, нелегальных профсоюзов и т. п. Большевики использовали легальные и нелегальные организации для политического просвещения и воспитания рабочих, для вовлечения их в активную борьбу.

Осенью 1916 г. часто проходили нелегальные собрания рабочих в Читинских железнодорожных мастерских. В сентябре рабочие приняли решение об изгнании из Общества потребителей Забайкальской железной дороги всех служащих администрации. Затем на цеховых собраниях были выбраны уполномоченные и разработаны требования к администрации и губернатору. В октябре эти требования были предъявлены: восстановление разгромленного полицией товарищества «Экономист», организация общественного контроля за торговлей, увеличение расценок на 30% и др.⁷⁷ В ответ на отказ удовлетворить требования рабочие токарного, вагонного и сборного цехов прекратили работу. Стачкой руководил нелегальный профсоюз. Читинские большевики развернули агитацию за поддержку бастующих среди городских рабочих и железнодорожников Забайкальской железной дороги, организовали сбор средств в помощь бастующим. Перспектива общей забастовки по линии Забайкальской железной дороги вызвала переполох железнодорожной администрации и местных властей. Спешно были приведены в боевую готовность войска и полиция. В Читинские мастерские прибыл военный губернатор. Он дал обещание рассмотреть требования рабочих и через день дать ответ. Путем уступок и репрессий стачка была подавлена, но положение оставалось напряженным.

В конце 1916 г. на почве роста дороговизны, спекуляции и острой нехватки предметов первой необходимости в городах по линии Транссибирской магистрали прокатилась новая волна «голодных бунтов», которые сопровождались столкновением с полицией и войсками (Канск, Новониколаевск, Омск, Тюмень). В одном из писем, написанном под впечатлением событий в Новониколаевске 9 ноября, говорилось: «Это точно вроде 9 января в былые годы в Петербурге».⁷⁸

Однако не стихийные бунты, а организованная стачечная борьба сибирских рабочих характеризовала политическую обстановку в Сибири в предгрозовую 1917 г. Решающее влияние на рабочее движение, на его целенаправленность и организованность оказывали подпольные большевистские группы, которые состояли преимущественно из рабочих и политических ссыльных. Забастовочная борьба рабочих стала принимать массовый наступательный характер, охватывала самые отсталые слои рабочих, крепла рабочая солидарность, наметился переход от единичных изолированных,

⁷⁷ Там же, д. 20, ч. 26, лит. Б, лл. 33—34.

⁷⁸ Там же, ч. 25, лит. Б, л. 26.

локальных, выступлений к совместным, общим, выступлениям в отдельных городах и рабочих районах. Большевики стремились объединить рабочее движение в масштабе всей Сибири и слить его с революционной борьбой пролетариата всей страны. С этой целью по указанию ЦК РСДРП(б) готовилась общесибирская конференция.

В августе—сентябре 1916 г. большевики Иркутска организовали забастовки печатников, строительных рабочих, кожевников и швейников. Готовили общегородскую забастовку. С этой целью ими были проведены нелегальные собрания на промышленных предприятиях по вопросу образования общего профессионального союза. На общем собрании большевистской группы с участием рабочих, которое проходило под руководством большевиков С. И. Лебедева и П. И. Старостина 23 сентября, было принято решение выработать общий для всех профсоюзов устав и провести работу по вовлечению в профсоюзы наибольшего числа рабочих. Сразу же после собрания развернулась энергичная деятельность по организации профессиональных союзов на крупных предприятиях.

В октябре—ноябре прошли экономические забастовки на промышленных предприятиях Красноярска, Канска, Ачинска и Минусинска, ширилось движение на золотых приисках и других горных предприятиях. Происходили массовые волнения заключенных на Усинской дороге (Урянхайский край, ныне Тувинская АССР). В октябре енисейский губернатор провел совещание губернских, военных и полицейских властей «для выработки плана совместных действий полиции и воинских частей в случае вызова последних для содействия гражданским властям».⁷⁹ В Урянхайском крае было введено военное положение, усилены местные военные гарнизоны.

Осенью 1916 г. резко возросла стачечная активность рабочих Западной Сибири. 21 сентября забастовало около 1600 рабочих депо и железнодорожных мастерских Омска.⁸⁰ Предъявив администрации ряд экономических требований, рабочие последовательно боролись за их полное удовлетворение. Под влиянием их стойкой борьбы начались волнения путейцев омского железнодорожного узла, охватившие свыше 4 тыс. рабочих. При управлении дороги состоялось экстренное заседание Особого комитета, который постановил объявить бастующим, что в случае продолжения забастовки мастерские будут закрыты, рабочие уволены, а военнообязанные и запасные нижние чины переданы военным властям для отправки в войска.⁸¹ Посредством массовых репрессий забастовка была подавлена.

В октябре—ноябре прошли крупные забастовки на промышленных предприятиях Омска, Петропавловска, Барнаула, Новониколаевска, Томска, на горных предприятиях Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей («Копикуз»), на золотых приисках Российского золотопромышленного общества в Мариинской тайге. Во всех забастовках наблюдалось еще много стихийности, отсутствовало планомерное руководство со стороны революционных организаций.

В конце 1916 г. большевистские группы Западной Сибири обратились к рабочим с прокламациями, развернули активную массово-политическую деятельность в городах и рабочих районах. Томские большевики в листовке «Война войне» призывали народ к борьбе: «Товарищи солдаты, братья, крестьяне и рабочие, соединяйтесь в тайный военный союз для борьбы за мир, за свободу, за счастье наших детей. Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует мир! Да здравствует революция! Долой капитализм! Да здравствуют рабочие всего мира! Да здравствует социализм!».⁸²

⁷⁹ ГАКК, ф. 595, оп. 65, д. 2343, л. 23.

⁸⁰ ПАОО, ф. 19, оп. 22, л. 9.

⁸¹ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 481.

⁸² ЦГАОР, ф. 102, ДП, ОО, 1917 г., д. 293, ч. 82, лит. Б, л. 4.

Начало нового 1917 г. ознаменовалось дальнейшим ростом рабочего движения в Сибири и на Дальнем Востоке. В годовщину Кровавого воскресенья — 9 января на многих железнодорожных станциях, в городах и рабочих поселках большевики провели нелегальные собрания и митинги, которые проходили под знаком подготовки рабочих к новой революции. В январе—феврале забастовочное движение охватило многие районы Сибири. Бастовали рабочие спичечной фабрики Восточносибирского товарищества (Усолъе-Сибирское), непрерывно проходили стачки черемховских шахтеров, рабочих Ленских золотых приисков, печатников Иркутска, Красноярска, Томска и Барнаула. Участились стачки железнодорожников.

В январе происходили острые столкновения рабочих с железнодорожной администрацией в Томске, Новониколаевске, Красноярске, Омске, Петропавловске, Тюмени и других узловых станциях Сибирской железной дороги.

Борьба рабочих в Сибири накануне Февральской революции не ограничивалась экономическими стачками. Наблюдалось большое разнообразие форм и методов борьбы против капиталистов и местных властей, войны и царизма: коллективные протесты против правительственных мероприятий, решений местных властей и предпринимателей, экономический саботаж, сбор пожертвований в помощь бастующим товарищам, заключенным и политическим ссыльным, борьба со штрейкбрехерами и агентами охраны, коллективные требования об удалении ненавистных служащих и чиновников, рабочие самосуды над ними, оказание помощи бежавшим из тюрем и мест ссылки узникам царизма, распространение революционной литературы, организация нелегальных рабочих кружков и профессиональных союзов, вступление в ряды РСДРП(б), распространение известий с фронта и о революционной борьбе пролетариата в стране, обличение царского правительства и местных властей и др.

Революционная деятельность большевиков, растущее из месяца в месяц рабочее движение, «голодные бунты» в городах и крупных населенных пунктах оказывали большое влияние на все слои населения Сибири. Накануне новой революции движение охватило полупролетарские слои населения городов (торгово-промышленные служащие, ремесленники, низшие служащие, извозчики и др.).

Борьба рабочих оказала революционизирующее влияние на сибирское крестьянство. Беднейшее и среднее крестьянство жадно ловило слухи о событиях в городах, рабочих районах и в стране в целом, обращало свои взоры на пролетариат и сочувственно относилось к его борьбе.

После объявления войны прорвалась наружу годами нараставшая ненависть российского крестьянства к помещикам и кулакам, вылившись в массовые волнения в дни первой всеобщей мобилизации в июле 1914 г. Волнения охватили 49 губерний, т. е. половину царской России. Вне пределов Европейской России самые крупные крестьянские волнения были отмечены в Томской губернии. В Сибири выступления мобилизованных наблюдались и в других районах, в первую очередь в Енисейской губернии. В начале империалистической войны большинство зажиточных и средних крестьян и весьма значительная часть бедноты находились под влиянием буржуазного шовинизма. Однако уже в дни первой мобилизации проявился протест крестьянства против войны, который в условиях Сибири сочетался с сильным движением против царских властей и сельской буржуазии.

В Томской губернии волнения запасных и крестьян отмечались, как признавал губернатор, почти повсеместно,⁸³ но самые сильные из них были на юге и в восточной части Барнаульского района, в тех районах, которые и до войны являлись наиболее «беспокойными» и, по выражению началь-

⁸³ Там же, оп. 123, д. 138, ч. 77, л. 5.

ника Алтайского округа, «отличались неповиновением властям и преступными действиями».⁸⁴ В Енисейской губернии наибольший размах это движение приобрело в Ачинском и Минусинском уездах.

Как уже указывалось ранее, волнения начались в первые дни мобилизации. Уже само объявление войны вызвало «повышение настроения» крестьян. Протест против войны был еще слабым и малосознанным, проявлялся в скрытой форме, в виде различных требований мобилизованных в связи с призывом. Запасные требовали выдачи «кормовых» и пособий семьям, улучшения условий транспортировки и вежливого обращения к себе. Выступления запасных отмечались в селах Кытмановском, Павловском, Бутырках, Камне, Шелаболихе, Бачатском, Казаткуле, Новоалейске, Выдрихе, Екатерининске и др. В телеграмме командующему Омским военным округом от 21 июля томский губернатор сообщил: «Возбуждение между запасными растет... [и они] отказываются выступать, требуя кормовых».⁸⁵

В с. Павловском 20 июля, согласно полицейским донесениям, «громадное число запасных... накинлось на воинских начальников, предъявляя им с угрозами различные требования», без исполнения которых запасные отказывались выступать. Власти разбежались. Когда на следующий день пристав арестовал 7 «главарей», то запасные, избив его, многотысячной толпой окружили волостное правление, разломали каталажную камеру, освободив арестованных товарищей, а затем разгромили и самое волостное правление. При этом крестьяне разбили шкафы с канцелярскими делами и уничтожили все бумаги, книги и делопроизводство, сорвали со стен и изорвали в клочья 3 портрета царя и 4 флага. Вместе с павловскими крестьянами запасные подожгли кабинет мирового судьи. Волнения в Павловском продолжались около 2 недель и явились, пожалуй, самыми сильными из всех волнений, имевших место в то время в Сибири.

Павловские волнения быстро перекинулись в с. Шахи, где запасные и местные крестьяне 21 июля разгромили волостное правление, квартиры волостного старосты и писаря.

В Енисейской губернии наиболее крупные выступления запасных произошли в Усть-Ербе, Батенях, Абаканском, Бузуновой, Городчанском. Они выразились, как писал помощник начальника губернского жандармского управления, во «всевозможных видах бесчинства, неподчинении сельской и полицейской власти» и сопровождались разгромами винных лавок. По его словам, в с. Батенях «полиция была терроризована толпой, помощник исправника Ситников, переодевшись в штатское платье, едва смог оттуда выехать».⁸⁶ В с. Абаканском «над приставом и урядником толпа запасных издевалась».

В выступлениях запасных обращают особое внимание нападения на представителей царских властей. Любопытно донесение енисейскому губернатору крестьянского начальника из с. Новоназаровского. В нем говорилось, что «должностные лица отказываются нести службу ввиду насилий запасных, вспоминающих собрание податей».⁸⁷ Жандармский ротмистр Смирнов, проводивший расследование волнений запасных в Енисейской губернии, писал: «Во всех этих беспорядках явно подчеркивались неуважение к полицейскому мундиру и озлобленность против чинов полиции, вылившаяся в некоторых местах до грубого издевательства над нею».⁸⁸

Важное значение имела агитационная деятельность, которую развернули среди запасных в эти дни большевики Барнаула и других сибирских

⁸⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 245.

⁸⁶ Там же, л. 23.

⁸⁷ ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1472, лл. 331—332.

⁸⁸ Там же, ф. 595, оп. 50, д. 4276, л. 110.

⁸⁹ Там же, ф. 827, оп. 1, д. 1472, л. 334.

городов. В Барнауле значительную работу проводили большевики В. Яровой, Л. Решетников, И. Бумов, И. Бутузов и др. Бийские большевики выпустили около 50 листовок, ходили по квартирам и казармам, где стояли солдаты, и разъясняли им причины и смысл империалистической войны. На волнения в Новониколаевске повлияла агитация Обской группы РСДРП. Однако большевистские организации сибирских городов еще не оправились после многочисленных разгромов и арестов, не набрались сил и не смогли возглавить движение запасных, использовать его и направить в русло организованных выступлений против войны. Отсутствие руководства и организованности выступавших масс было использовано различными авантюристическими элементами, которые содействовали направлению недовольства мобилизованных на разгромы лавок, магазинов и пр.

Июльские выступления, особенно в городах, были кратковременны, но в некоторых сельских районах они были окончательно подавлены только в 20-х числах августа 1914 г. Против крестьян были направлены карательные отряды. Карательная экспедиция пристава Лопатина должна была пройти свыше 622 верст по южной части степного Алтая. Казаки были направлены в Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии. Одновременно по всем городам и крупнейшим селам Сибири прокатилась волна шовинистических манифестаций, активную роль в которых играла городская и сельская буржуазия, поддерживавшая агрессивную политику царизма.

По сильно преуменьшенным данным, в одной Томской губернии было убито 136 и ранено 33 участника волнений, а из должностных лиц был ранен 31 чел.⁸⁹ Министр внутренних дел Маклаков настойчиво требовал от местных властей применения огнестрельного оружия против запасных. 22 июля в ответ на сообщение томского губернатора о волнениях он послал телеграмму, выходящую из ряда вон по своему цинизму и жестокости: «В случае беспорядков и необходимости, — предписывал он, — надо стрелять не по звездам, бесчинства должны быть раздавлены».

Вслед за подавлением волнений началась судебная расправа над «виновниками». Тюремь были переполнены в первые же дни. В одной только Томской губернии к суду было привлечено до 1400 чел., среди которых, кроме запасных, было много не подлежавших мобилизации крестьян. По приговорам военных судов многие крестьяне и запасные были расстреляны, сотни крестьян приговорены к каторге и заключены в тюрьмы.

Июльские волнения явились высшим подъемом крестьянского движения в Сибири между революциями 1905 и 1917 гг. Они оказали огромное воздействие на дальнейшую революционную борьбу сибирского крестьянства, явившись важным этапом на пути становления и укрепления революционного союза рабочего класса и крестьянства. Но движение оставалось разрозненным, охватив в основном Енисейскую и особенно Томскую губернии, сопровождалось нежелательными эксцессами в виде разгромов, поджогов и т. п.

Крестьянство Сибири в годы войны продолжало свою борьбу за землю и ликвидацию земельно-лесных владений Кабинета и помещичьего государства. Начальник Алтайского округа писал в 1915 г., что безземельные крестьяне не перестают добиваться наделения землей. В январе 1917 г. в политическом обзоре Енисейское губернское управление отмечало, что у крестьян, проживающих рядом с казенными дачами, крепнут «давнишние вожеления о предстоящей якобы до окончания войны раздаче казенных угодий в наделы».⁹⁰

⁸⁹ А. Б. Беркевич. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. «Исторические записки», 1947, № 23, стр. 41.

⁹⁰ ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 283, л. 4.

Отказываясь признавать условия землеустройства, крестьяне многих селений, особенно в таких лесничествах Кабинета, как Нижне-Кулундинское, Озерское, Павловское, Бухтарминское, Колыванское, Салаирское, Нижне-Томское, Петровское и Бахматовское, явочным порядком продолжали пользоваться отошедшими к Кабинету землями. В 1916 г. усилились захваты земель. Начальник Алтайского округа в конфиденциальных письмах губернатору и прокурору окружного суда жаловался, что в Барнаульском уезде «в связи с военным временем вновь обнаруживаются притязания населения на захват земель, принадлежащих Алтайскому округу». «Лесная стража, препятствующая этим захватам, — писал он, — подвергается личным оскорблениям, а в некоторых случаях и побоям».⁹¹

В предреволюционные месяцы резко обострились отношения крестьян с лесной стражей, охранявшей кабинетские и казенные владения. Крестьяне всюду требовали разоружения объездчиков. Барнаульский исправник со страхом писал, что «всякий малейший толчок в отношениях крестьян со служителями Алтайского округа может при малейшей оплошности вылиться в формы необузданного насилия».⁹²

Все эти стихийные выступления крестьян против кабинетских и казенных владений происходили на фоне растущего протеста крестьянства против войны. Постепенно политические настроения крестьянской массы менялись.

В официальных донесениях пространные и высокопарные фразы о «патриотизме» населения уже с 1915 г. уступают место другим. Появляются указания на «развивающуюся притупленность чувств» у крестьянского населения, на «сочувственное отношение» крестьян к идее мира и т. п. От былой веры крестьян в царя не осталось и следа. Царская администрация возбуждала сотни и тысячи судебных дел по обвинению крестьян в оскорблении царя. В Иркутске жандармское управление доносило в ноябре 1916 г., что «в народе стали ходить смутные толки и рассуждения о правительстве и подрывается всякое доверие, так как некоторые говорят, что война затеяна для того, чтобы удавить народонаселение».⁹³

Основная масса крестьянства в ходе войны постепенно отходила от буржуазного шовинизма, но без помощи революционного рабочего класса России долго не могла сознательно встать на единственно правильный путь борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Для значительной части крестьянства чувство протеста против войны находилось в стадии вызревания, было слишком робким и не вполне осознанным. В. И. Ленин писал: «...народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение».⁹⁴ Но, нарастая, это разочарование и недовольство было способно быстро вылиться в революционные действия против правительства и буржуазии. Сама жизнь неизбежно толкала крестьян на этот путь.

Во всех донесениях 1916 г. сообщалось о массовых и повсеместных отказах крестьян, особенно солдаток, от уплаты податей и сборов. В дер. Высотинской Канского уезда в апреле 1916 г. состоялся сход для сбора податей. Но крестьяне «в категорической форме заявили, что они податей платить не будут», и податей никто не стал платить. Уже в январе 1917 г. начальник Енисейского губернского жандармского управления доносил, что «меры к взысканию податей, принятые крестьянским начальником

⁹¹ ЦГИА, ф. 468, оп. 27, д. 342, лл. 2—3.

⁹² ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 6928, л. 143.

⁹³ ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 1048, л. 449.

⁹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 193.

1-го участка Канского уезда, цели не достигли ввиду крайнего упорства крестьян, умело возбуждаемых... агитаторами».⁹⁵ В дер. Канарей Канского уезда в апреле 1915 г. большая группа крестьян, около 40 чел., ушла со схода, который занимался раскладкой податей, и решила податей не платить. Крестьяне дер. Черно-Комской Минусинского уезда в это же время отказались платить недоимки продовольственной ссуды, «мотивируя свой отказ тяжелым временем и неимением средств».⁹⁶

Наибольшее недовольство взысканием податей замечалось среди солдаток. Томский исправник сообщал: «Остро обстоит вопрос со взысканием казенных сборов с семей призванных. Жены их категорически отказываются от уплаты денег». В свою очередь кузнецкий исправник писал, что солдатки «в большинстве случаев уклоняются» от уплаты податей.⁹⁷ Часто при сборе податей происходили стычки крестьян с полицейскими. Во время принудительного взыскания податей в деревнях и селах Сибири наблюдались тяжелые сцены.

Крестьяне сопротивлялись реквизиции продовольствия и фуража для армии, упорно отказывались сдавать свой хлеб, прятали его, сознательно затягивали обмолот. В январе—феврале 1917 г. на почве реквизиций произошли волнения в целом ряде селений и дело дошло до вооруженной борьбы с полицией. Выступления охватили села Хайрюзовское, Усть-Гавриловку, Ложкинское, Верх-Шубенское Бийского уезда. В с. Марушенском крестьяне, вооружившись, оказали серьезное сопротивление целому отряду полицейских, среди которых несколько человек было ранено (из крестьян было ранено 4 чел.). Только в названных селах властями было арестовано 32 чел. О подобных же волнениях сообщалось из Кузнецкого уезда.⁹⁸

Выступления крестьян против сбора податей и военных реквизиций очень ярко говорили о том, что широчайшие слои крестьянского населения Сибири отказывались дальше приносить жертвы во имя тех целей, ради которых велась война, поддерживать военную политику царизма.

Начиная с осени 1915 г. в донесениях с мест все чаще встречались сообщения о том, что одним из наиболее больших вопросов деревни становится дороговизна предметов потребления. Царских чиновников особенно пугало то, что крестьянство постепенно осознавало действительные причины своих бедствий. Недовольство против дороговизны перерастало в недовольство против антинародной политики царизма и войны. В одном из донесений в Иркутское губернское жандармское управление (12 мая 1916 г.) говорилось: «Замечается сильное озлобление населения к местным административным лицам, которых население считает прямыми виновниками поднятия цен, так как считает их взяточниками и покровителями скупщиков».⁹⁹

На почве острого недостатка предметов первой необходимости, с другой стороны, усиливалась и углублялась классовая вражда между деревенской беднотой и кулачеством, так как последнее использовало продовольственный и товарный кризис для спекуляции, наживы и эксплуатации трудящихся крестьян.

В 1916 г. был отмечен целый ряд продовольственных волнений в крупных селениях Сибири. В с. Рыбинском Канского уезда толпа солдаток разобрала из магазинов товаров на 50 тыс. руб. В с. Локтевском Эмелингорского уезда 25 ноября, во время ярмарки, солдатки, собравшись в толпу до 200 чел., заставили местных торговцев понизить цены на 10%, а затем и отпускать товары бесплатно. В дер. Мякотихе того же уезда 13 декабря

⁹⁵ ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1403, лл. 3—4.

⁹⁶ Там же, д. 1475, л. 91.

⁹⁷ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 6928, л. 1.

⁹⁸ Там же, оп. 12, д. 4353, лл. 19—20.

⁹⁹ ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 1048, л. 188.

солдатки явились к лавке местного торговца Трапезникова и потребовали бесплатного отпуска товаров. На следующий день толпа солдаток разбила лавку, весь товар был забран. Такие же волнения крестьянок произошли в селах Солотоме, Жерновском, Усть-Чарышская пристань, Покровском Томской губернии, Агинском Иркутской губернии и т. д.

Волнения солдаток были стихийными и незрелыми, сопровождались разгромами и различными эксцессами. К ним примазывались различные авантюристы и грабители. Однако эти выступления вовлекали в борьбу против буржуазии и царских властей все новые и новые массы сельского населения, до того ничем политически не проявившие себя. В. И. Ленин рассматривал подобные волнения, прокатившиеся перед 1917 г. по всей стране, как первые зачатки революционных массовых действий.¹⁰⁰

В годы войны в революционной борьбе крестьянства особо важную роль играли солдаты. Тыл, деревня и армия были тесно связаны между собой и испытывали взаимное революционное влияние. Огромное впечатление производили на сельское население солдатские письма. Полные горьких дум и разбуженной войной ненависти к царскому режиму, они несли правду, революционные идеи, лозунги большевиков в самые отдаленные уголки необъятной страны, в каждую деревеньку, страдавшую от голода, поборов и поруганий. Многие крестьянские выступления были в значительной мере подготовлены и вызваны солдатскими письмами. Большую и полезную работу проводили в деревне солдаты, вернувшиеся домой в отпуск или по ранению. По словам мариинского исправника, они убеждали крестьян в том, что «после войны жизнь крестьянства изменится к лучшему» и что в противном случае «солдаты возьмут свое».¹⁰¹ Томский губернатор жаловался, что «действия „отпускников“ являются явно преступными и вносят смущение и брожение в среду населения и угрожают весьма чувствительным и нежелательным последствием». Солдаты составляли передовую часть крестьянства и выступали как агитаторы и организаторы крестьянской борьбы.

После июльских волнений 1914 г. в крестьянском движении в Сибири, как в стране в целом, произошел спад, отмечавшийся в течение второй половины 1914-го и всего 1915 г. Только в 1916 г. наступил заметный перелом и наметился новый подъем революционной борьбы крестьянства. Спад 1914—1915 гг. выразился в уменьшении числа выступлений, а также силы и массовости их. Соответствующие изменения претерпели и формы борьбы; сильно сократилась доля «разгромных» форм, и основное место заняли «мирные» формы (земельные захваты, лесные порубки и пр.). Уровень движения, степень его организованности и его политическая зрелость во время войны были в общем ниже, чем в предыдущие годы. Все это объяснялось причинами, общими для всей страны: уходом в армию наиболее передовой части крестьян, военным террором, распространением в начале войны среди значительной части крестьянства буржуазно-шовинистических настроений. Но в крестьянском движении военных лет имелись и важные положительные моменты. Следует отметить вовлечение в революционную борьбу новых значительных слоев крестьянства, в частности такой большой силы, как женщины-солдатки. Появились новые формы борьбы. Расширились территориальные рамки движения. Во всем этом находил свое конкретное выражение процесс углубления революционного кризиса в стране в годы первой мировой войны, которая ускорила наступление революции.

Революционная борьба сибирских крестьян полностью подтверждает глубокую ленинскую оценку крестьянского движения в стране перед 1917 г.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 230—233.

¹⁰¹ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 6928, л. 228.

как движения в целом буржуазно-демократического, а также антивоенного, хотя можно проследить усиление и классовой борьбы трудящихся крестьян против сельской буржуазии, которая велась в годы войны против торговой и ростовщической эксплуатации со стороны кулаков.

Хотя крестьянское движение в Сибири было слабее, чем в центре страны, обстановка в сибирской деревне перед 1917 г. складывалась так, что давно назревавшее в стране совместное революционное выступление против самодержавия со стороны рабочего класса и передового крестьянства, находившегося в это время в рядах царской армии, должно было найти самое горячее сочувствие и полную поддержку широчайших крестьянских масс Сибири.

3. СИБИРЬ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция. 27 февраля под напором народных масс пало царское самодержавие.

Свергнув монархию, рабочие и солдаты под руководством большевиков образовали Советы рабочих и солдатских депутатов. Но временное преобладание в Советах получили меньшевики и эсеры — представители мелкобуржуазных партий, шедших на соглашение с буржуазией.

Эсеро-меньшевистское засилье в Советах вызывалось следующими причинами.

После революции проснулись и потянулись к политике миллионы людей, не искушенных в политической деятельности. Большею частью это были мелкобуржуазные массы, которые, по характеристике В. И. Ленина, стояли «посредине между капиталистами и наемными рабочими».¹⁰²

Сказалась «недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян».¹⁰³ Во время войны в среде рабочих увеличилась мелкобуржуазная прослойка, которая нуждалась в перевоспитании.

В период создания Советов многие из большевиков находились еще в тюрьмах, ссылке или эмиграции. В. И. Ленин был вынужден жить за границей. Меньшевики же и эсеры были на свободе и захватывали депутатские места в Советах.

Через несколько дней после революции лидеры эсеров и меньшевиков, заседавшие в Исполнительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, пошли на сговор с буржуазией и помогли ей образовать Временное правительство.

Так, в силу недостаточной сознательности широких народных масс, оказавшихся в первые дни революции в плену у соглашателей, в России установилось двоевластие, две диктатуры: диктатура буржуазии в лице Временного правительства и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

Начавшись в Петрограде, революция быстро перекинулась в провинцию и вскоре охватила всю Россию.

До Сибири известия о свержении самодержавия и победе буржуазно-демократической революции в столице дошли с некоторым запозданием, но быстро распространились по всем сибирским окраинам.

Первые весточки о революции в столице получили в Сибири политические ссыльные. 27—28 февраля ссыльные большевики Черемхово, Томска и других мест Сибири получили ряд частных, условных

¹⁰² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

¹⁰³ Там же, стр. 147.

телеграмм. В последних числах февраля, видимо каким-то частным путем, известия о революции в Петрограде докатились до Иркутска. Затем стали поступать официальные телеграммы.

28 февраля узнали о революции в Петрограде красноярские рабочие железнодорожного телеграфа, связисты Ачинска и даже с. Ичера Киренского уезда Иркутской губернии, а через них и большевики Красноярска, Ачинска и Киренской ссылки.

1 марта телеграфное извещение из Петрограда о свержении самодержавия и победе буржуазно-демократической революции было получено в Тюмени, Омске, Томске, Иркутске, Владивостоке и других крупных городах. Со 2 по 5 марта известия охватили все города Сибири с Дальневосточным краем. В эти дни известия были получены на Сахалине и даже на Камчатке.

Из губернских и областных городов вести распространялись повсеместно по губерниям и областям Сибири. Местные представители самодержавной власти, питавшие надежды на разгром восставших рабочих и солдат, на сохранение царизма, пытались скрыть известия о революции от народных масс. В Томске совещание высших чиновников губернии во главе с губернатором решило задержать опубликование полученных телеграмм. В Иркутске по распоряжению иркутского генерал-губернатора Пильца с 1 марта в местной газете «Сибирь» совершенно исчезли телеграммы из Петрограда. В Тобольске правительственная газета «Тобольские губернские ведомости» до 7 марта упорно молчала. Пытались задержать сведения о революции и находившийся на посту Александровском на Сахалине вице-губернатор фон Бунге и царские власти других мест Дальнего Востока.

Бывшие служители царизма пытались не только скрыть правду, но и организовать силы для борьбы с революцией. Иркутский генерал-губернатор, губернаторы в Якутске и Томске созывали совещания с командующими войсками, начальниками жандармских и охранных управлений, крупными чиновниками для обсуждения вопроса о надежности воинских гарнизонов, мерах «пресечения могущих возникнуть беспорядков», планах борьбы за сохранение старого строя.

По Иркутскому генерал-губернаторству 1 марта был издан приказ о запрещении «всякого рода собраний, сходов и манифестаций». Местные самодержавные власти обращали усиленное внимание на войска, хотели сохранить их за собой. В Благовещенске, Омске и других городах служители царя послали своих людей агитировать солдат за сохранение «спокойствия». Но иркутский генерал-губернатор и губернаторы всей Сибири безнадежно опоздали. Несмотря на эти запрещения и призывы, собрания состоялись. И тот же иркутский генерал-губернатор фон Пильц на другой день, 2 марта, вынужден был отменить приказ о запрещении собраний и манифестаций.

А события разворачивались с неудержимой быстротой, телеграф приносил все новые и новые сообщения, подтверждающие крах старого режима и невозможность остановить ход событий.

В Томске городское население, до которого уже успели дойти неясные слухи о событиях в Петрограде, толпами собиралось у редакций местных газет, требуя разъяснения о положении в стране. Вечером 2 марта тремя особыми выпусками в Томске были опубликованы все телеграммы с известиями о событиях в Петрограде.

Известия о Февральской революции всколыхнули все население Сибири, особенно рабочих и солдат. В Омске на предприятиях города, в железнодорожных мастерских и депо, в воинских частях гарнизона, в Ачинске 1, 2 и 3 марта проходили многолюдные собрания и митинги, посвященные событиям в Петрограде, на которых большевики разъясняли

смысл происходящих событий. В Тюмени весь день 2 марта чувствовалось праздничное настроение, возникали стихийные собрания и митинги, горячо обсуждались последние известия. Многолюдные митинги состоялись в цехах Красноярских железнодорожных мастерских. Организованное после митингов мощное шествие железнодорожников и рабочих других предприятий по улицам города оказало огромное политическое воздействие на все население города и на солдат гарнизона. Первыми выступили солдаты 14-го полка. Затем распропагандированные большевиками воинские части одна за другой перешли на сторону революции.¹⁰⁴

В Томске особенно активно выступили в эти дни солдаты гарнизона, где сказалась работа большевиков «Военно-социалистического союза» во главе с видным большевиком Н. Н. Яковлевым. Начальник Томского гарнизона, следуя указаниям командования Омского военного округа, в особом приказе призвал солдат и офицеров гарнизона сохранять «полный порядок и спокойствие».¹⁰⁵ Однако успокоить солдат генеральскими приказами было трудно. Всю ночь со 2 на 3 марта в казармах шли оживленные разговоры. Утром в казармах было поднято красное знамя, приготовленное ночью большевиками. Начались митинги. Днем 8 марта по улицам города прошла многотысячная солдатская демонстрация. Вместе с солдатами выступили и томские рабочие.

Бурно проходили манифестации и митинги и в других местах Сибири. В первые же дни они начались во всех городах Дальнего Востока.

В национальных районах Сибири — в Якутии, Бурятии и др. — митинги и демонстрации по поводу свержения царизма выливались в единые выступления русских рабочих и солдат и трудящегося населения коренных народностей в защиту революции. Трудящиеся национальных районов вест о свержении царизма встретили как зарю своего политического освобождения и национального возрождения.

Рабочие и солдаты Сибири поддержали восставших революционных рабочих и солдат Петрограда, требовали быстрее свержения ставленников царского режима на местах, приступая сразу же к решительным действиям. На улицах городов, на шахтах, приисках Сибири началось разоружение жандармерии и полиции, были случаи расстрелов наиболее ненавистных жандармов. Рабочие арестовывали царских чиновников, солдаты — монархически настроенных офицеров. Рабочие и солдаты уничтожали царские портреты и эмблемы. Участники митингов и демонстраций с красными знаменами и лозунгами «Свобода!» шли к тюрьмам и освобождали политических узников самодержавия. Под натиском народных масс были открыты тюремные ворота печально знаменитого Александровского централа в Иркутской губернии. Освобожденным из этой тюрьмы политкаторжанам рабочие, солдаты и граждане Иркутска устроили торжественную встречу. Были обнародованы в газетах фамилии провокаторов, действовавших в царской охранке и в жандармерии. Вместе с жандармами этих провокаторов сажали в тюрьмы.

В эти же дни проходили митинги и шествия с красными флагами в селах, расположенных близко к крупным городам или промышленным районам Сибири, в частности в районе Черемховских копей Иркутской губернии и в Кузбассе. По всей же Сибири деревня получила известия о революции несколько позже.

С восторгом встречали сибирские крестьяне вест о падении самодержавия. 19 марта граждане Больше-Разводинского общества Смоленской волости Иркутской губернии, выслушав сообщение о свержении ца-

¹⁰⁴ М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафронов. Между двумя революциями. Красноярск, 1960, стр. 160—163.

¹⁰⁵ ГАТО, ф. 43, д. 9, л. 114.

ризма, в единогласно принятом постановлении записали: «...выразить глубокую радость о свержении старого правительства». «С радостью узнали о свержении старого ненавистного нам правительства и режима», — сообщали в своей телеграмме крестьяне с. Анисимово Барнаульского уезда Томской губернии. Со свержением царя крестьяне Сибири, как и всей России, связывали надежды на скорое окончание войны и улучшение своего положения.

Повсюду созывались сельские и волостные сходы. В приговорах и многочисленных телеграммах, которые посылались от имени сходов в адрес Государственной думы, Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, крестьяне клеймили позором царское правительство, тяжко душившее их, и просили не допускать возврата к старому ненавистному строю. На местах начались аресты и изгнание крестьянских начальников, приставов, урядников и прочих служителей старого строя.

Огромную роль в распространении известий о революции в Петрограде сыграли большевики. По их инициативе в городах созывались собрания активной части социал-демократов для определения своего отношения к событиям и выяснения своих задач. Эсеры и меньшевики при получении первых известий о революции проявляли колебания, выжидали получения официальных известий. Большевики же сразу начали решительно действовать. Они двинулись на предприятия и в солдатские казармы.

Большую роль в активизации местных партийных организаций сыграли руководящие деятели большевистской партии, возвращавшиеся из ссылки после Февральской революции. Из ссылки вернулись многие члены Центрального Комитета партии. Огромную помощь в организации сил сибирских большевиков оказал Я. М. Свердлов, который в марте 1917 г. возвращался из Туруханской ссылки. Он провел ряд совещаний в Красноярске и выступил на собрании большевиков. Вместе с большевиками Красноярска Я. М. Свердлов разработал план создания Объединенного бюро большевистских организаций Сибири и обещал доложить этот план ЦК партии. Большую работу проводили в Якутске Г. И. Петровский, С. Орджоникидзе и Ем. Ярославский. Многие из ссыльных большевиков остались в Сибири и вели активную деятельность в партии (в Красноярске — Ф. К. Врублевский и И. И. Белопольский, Енисейске — В. Н. Яковлев, в Иркутске — П. П. Постышев, Омске — В. С. Горшков, Томске — Н. Н. Яковлев, Барнауле — И. В. Присягин, в Якутске — А. В. Агеев и многие другие).

В Красноярске инициативная группа социал-демократов, образовавшаяся сразу же с получением известий о восстании в Петрограде, выпустила листовку «К гражданам города Красноярска», в которой рассказывалось о свержении самодержавия и создании Временного правительства, говорилось о необходимости заменить это правительство действительно народным. Одновременно были распределены партийные силы и направлены на предприятия и в воинские части.

Для разъяснительной работы в рабочей среде собрание уполномоченных Омской социал-демократической организации направило в железнодорожный район самые лучшие партийные силы. Такое же распределение партийных сил по предприятиям и воинским частям было проведено во Владивостоке и других городах Сибири.

Большевики стали устанавливать межобластные связи. Вскоре после проведенных Я. М. Свердловым совещаний в Красноярске в конце марта из представителей большевистских групп Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска и Минусинска было образовано Среднесибирское бюро РСДРП(б), имевшее известное влияние на партийные организации Сибири.

В городах и промышленных пунктах Сибири большевики и в выступлениях на митингах, и в листовках предлагали рабочим и солдатам создать органы своей власти — Советы. В Иркутске горячо агитировали рабочих за создание Советов П. П. Постышев и другие большевики. Во Владивостоке по инициативе большевиков на межпартийном совещании 3 марта, проходившем в присутствии рабочих и солдат, было создано бюро по организации Совета.

Рабочие и солдаты Сибири, помня 1905 г., уже в первых числах марта на митингах и собраниях приступили к выборам депутатов в Советы. Такие митинги происходили на предприятиях и в воинских частях Омска, в Томском гарнизоне, среди рабочих Иркутска, на фабриках, заводах, в мастерских и учреждениях Тюмени, Красноярска, Верхнеудинска, Владивостока, Хабаровска, на железнодорожной станции Хилок Забайкальской железной дороги и в других местах Сибири.

Но пока рабочие и солдаты Сибири под руководством большевиков готовились к организации революционной власти, крупная и мелкая буржуазия быстро сумела объединить свои силы и с помощью меньшевиков и эсеров создать свои органы местной власти. Так же как и в центре страны, здесь установилось двоевластие.

После победы Февральской революции в России буржуазии центра удалось быстро сплотить силы, организовать свои органы власти. Имея в своих руках городские думы, земства, военно-промышленные комитеты, располагая финансами, средствами информации и пропаганды и имея свою партию (кадетов), буржуазия ко времени Февральской революции почти стояла у власти не только в центре России, но и на окраинах, в том числе и в Сибири.

В Сибири до Февральской революции были цензовые городские думы и военно-промышленные комитеты, действовали союзы городов, биржевые комитеты, поднимавшие ряд политических вопросов, съезды промышленников. В руках сибирской буржуазии, как и буржуазии центра, были деньги, типографии и газеты. Широкое содействие буржуазии Сибири в организации ее власти оказали мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров.

Видя размах революционной борьбы трудящихся масс и боясь быть оттесненной от власти, буржуазия в Сибири, как и в центральных районах страны, начала срочно созывать заседания городских дум с участием «общественных организаций» для решения вопроса о создании органов буржуазной власти. Меньшевики и эсеры выступали в массах с призывами блокироваться с «общественными организациями», буржуазными по своему составу, агитировали за создание так называемых комитетов общественных организаций. Они доказывали рабочим и солдатам, что революция закончена, свобода получена, что Временное правительство и его органы на местах выполняют все народные требования, и призывали массы к соблюдению «полного порядка и спокойствия», к поддержке новой власти.

Такие комитеты с различными названиями (комитеты общественного порядка и безопасности, комитеты общественного спасения, комитеты общественных организаций и т. п.) быстро создавались по всей Сибири.

Со 2 по 5 марта организовались Коалиционный комитет в Омске, Комитет общественных организаций в Иркутске, Общественный комитет в Черемхово, комитеты общественной безопасности в Красноярске, Якутске, Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-на-Камчатке, Временный комитет общественного порядка и безопасности в Томске, временные исполнительные комитеты в Николаевске-на-Амуре и в Тюмени, Комитет общественного спокойствия в Тобольске и других городах.

В первые же дни революции комитеты общественной безопасности (КОБы) были созданы во всех губернских и уездных центрах, крупных

промышленных пунктах Сибири. В состав КОБов избирались крупные промышленники, богатые домовладельцы, торговцы, представители духовенства, офицеры царской армии, мещане и поддерживавшие буржуазию эсеры и меньшевики. Это были представители разного рода буржуазных организаций.

В Сибири, где сильно сказывалось влияние мелкой буржуазии, комитеты общественного порядка и безопасности как органы буржуазной власти в отличие от Временного чисто буржуазного правительства возникли сразу как коалиционные. В Омске, Томске, Иркутске, Владивостоке, Якутске и других городах Сибири в комитеты, где господствовала буржуазия, вошли и представители мелкобуржуазных партий и даже большевиков. Со стороны большевиков участие в КОБах было ошибкой.

Наиболее сознательные и организованные рабочие и солдаты Сибири уже в первые дни получения известий о революции выражали недовольство политикой буржуазии, составом Временного буржуазного правительства. На железнодорожной станции Иланской при зачитании телеграмм о формировании нового правительства рабочие по адресу Львова, Милюкова, Родзянко и др. с возмущением говорили: «Подобрали букет. Что ни фамилия, то капиталист, банкир, царский слуга... Вместо одного царя теперь целая куча».¹⁰⁶

В Томске рабочие железнодорожники, направленные представителями от железнодорожных рабочих и служащих во Временный комитет общественного порядка и безопасности, отказались участвовать в его работе, как в органе, агитирующем за поддержку Временного правительства.

Были случаи отказа от участия в выборах КОБов и со стороны крестьян. В Прибайкалье крестьяне Кударинской и Кударо-Бурятской волостей Селенгинского уезда (с населением в 20 тыс. чел.) в марте 1917 г. под влиянием большевиков вместо комитетов общественной безопасности избрали сразу свои органы власти.¹⁰⁷

Но в большинстве широкие народные массы, захлестнутые мелкобуржуазной волной, поверили буржуазии и соглашателям. Они оказали доверие Временному правительству и его органам на местах — комитетам общественного порядка и безопасности и послали в эти органы своих представителей.

Полноценное комитетов представителями народных масс проводилось уже после их формирования, а норма представительства для рабочих и солдат была мизерной, особенно в тех комитетах, где крупная буржуазия имела преобладающее влияние. Омский коалиционный комитет, решая вопросы о представительстве от армии, 6 марта постановил предоставить на весь многотысячный гарнизон всего 2 места представителям от солдат и 2 от офицеров. В Томском комитете общественного порядка и безопасности из 130 чел. его членов было всего лишь 10 представителей от солдат и рабочих.

По партийному составу комитеты оказались в основном эсерово-меньшевистскими (даже те, во главе которых были кадеты, — в Барнауле, Бийске и др.). В Иркутске в состав исполкома Комитета общественных организаций (КООРГ) входило 10 эсеров, 9 представителей торгово-промышленных кругов (большинство из них — кадеты), 4 меньшевика и 1 межрайонец. Сильным было представительство мелкобуржуазных партий и в Томском комитете общественного порядка и безопасности.

¹⁰⁶ Р. Карабач. Боевые дни. «Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917—1920 гг.)», Красноярск, 1957, стр. 145—146.

¹⁰⁷ А. Плис. Кударо-Байкальский партизанский фронт. «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)». Воспоминания и материалы», М., 1940, стр. 169.

В целях укрепления власти буржуазии на местах Временное правительство назначило во все губернии, области и уезды страны своих комиссаров. В Сибири губернскими, областными, уездными комиссарами Временного правительства по большей части оказались также меньшевики и эсеры, утвержденные Временным правительством по представлению местных комитетов общественной безопасности. Часто это были те же председатели комитетов общественного спокойствия.

Антинародная политика КОБов проявилась с первых же шагов в стремлении пресечь развивавшуюся революцию. Испугавшись размаха революционного движения народных масс, активного участия их в событиях, КОБы повсеместно в Сибири сразу же обратились с воззваниями к населению о сохранении спокойствия и порядка.

Омский коалиционный комитет уже 6 марта обсудил на заседании вопрос о нежелательности уличных митингов и побеспокоился о принятии ряда мер к их прекращению. 19 марта Иркутский комитет общественных организаций в страхе перед революционными настроениями гражданского населения и войск, резко выступавших на митингах за прекращение войны, постановил разрешить проведение митингов только под контролем политической секции комитета.

КОБы призывали поддерживать «заем свободы», выпущенный для продолжения империалистической войны. Они сохраняли старую налоговую систему, тяжело давившую при царизме на трудящиеся массы России. Иркутский комитет общественных организаций в середине марта, когда среди населения губернии стали усиленно распространяться упорные слухи об уничтожении старых повинностей, в особом обращении обязывал население губернии не прекращать вносить все подати, налоги и выполнять повинности «впредь до создания демократической Россией новой, более справедливой налоговой системы», т. е. до неизвестного срока.

По мере организации комитетов общественной безопасности шла их централизация. Комитеты наиболее крупных центров объявили себя районными, губернскими, областными, объединяя вокруг себя местные комитеты прилегающих районов и областей. 4—5 марта Томский временный комитет общественного порядка и безопасности объявил себя губернским, а для управления губернией создал комиссариат. В Иркутской губернии с оформлением областных и губернских комитетов общественной безопасности был создан и краевой центральный орган в пределах бывшего генерал-губернаторства. Оформились как областные Сахалинский, Амурский, Владивостокский КОБы.

В целях объединения сил сибирских комитетов общественной безопасности для выработки единой линии в борьбе против развития революции с первых дней их образования были созваны в ряде мест Сибири съезды комитетов (районный съезд — в Томске, областной — в Забайкалье, краевой — в Омске и др.).

Развернулась организация органов буржуазной власти на местах. Для организации власти в деревне посылались представители краевых, областных, губернских, уездных и крупных городских комитетов общественной безопасности. Только в Восточное Забайкалье «для введения нового строя и образования на местах комитетов общественной безопасности» в течение марта выехало 24 делегата.¹⁰⁸ Уже 8 марта в «Известиях» Иркутского КООРГа сообщалось, что вокруг Иркутска «сеть комитетов покрывала все деревни и села».¹⁰⁹ К 9 марта коалиционные комитеты образо-

¹⁰⁸ «Сибирь», 1917, № 67.

¹⁰⁹ «Известия исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 1917, № 3.

вались во многих местностях Акмолинской области.¹¹⁰ В сельские и волостные комитеты попадали в большинстве кулаки.

Однако взять власть полностью в свои руки сибирской буржуазии не удалось. Рядом с буржуазными комитетами общественной безопасности как результат широкой творческой инициативы масс и деятельности сибирских большевиков возникли органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских, а в ряде случаев и крестьянских депутатов.

2 марта были созданы Совет рабочих и Совет солдатских депутатов в Тюмени. 3 марта возникли Совет рабочих и солдатских депутатов в Красноярске, Совет рабочих депутатов в Иркутске, Совет рабочих и военных депутатов в Омске; 4 марта образовались Советы рабочих и солдатских депутатов в Чите, Хабаровске, Владивостоке; 5 марта были созданы Совет рабочих и солдатских депутатов в Благовещенске, Совет рабочих депутатов в Барнауле, Совет военных депутатов в Иркутске; 5—6 марта сформировался Совет солдатских депутатов в Томске; 6 марта был организован Совет рабочих депутатов, а 8 марта Совет солдатских депутатов в Кургане; 15 марта — Совет рабочих и солдатских депутатов в Минусинске. Сравнительно поздно, лишь в конце марта, оформились Совет рабочих депутатов в Томске, Совет рабочих и солдатских депутатов в Бийске, Совет солдатских депутатов, а в конце апреля Совет рабочих депутатов в Якутске. С первых дней революции были созданы Советы во многих уездных городах Сибири и особенно в рабочих районах.

Всего с 1 по 5 марта в Сибири (с Дальним Востоком) было создано 20 Советов, а за весь март — 67.¹¹¹ Организация Советов продолжалась. Массовое образование Советов явилось выражением народного характера русской революции, бурного роста политической активности трудящихся.

С возникновением Советов в Сибири сложилось двоевластие. Исключение представляли лишь такие крайне отдаленные места, как Ямал и тобольском Севере и крайний северо-восток Камчатки, где до конца 1917 г. действовали только буржуазные органы власти. Но наличие Советов в соседних районах, например на Дальнем Востоке, давало себя знать и на Камчатке.

Сроки создания, формы организации и деятельности Советов в разных местах Сибири заметно отличались, что зависело от классового состава населения, степени политической подготовленности рабочих и солдатских масс, наличия и степени влияния на местах различных политических партий. В Красноярске, Минусинске, Енисейске, Владивостоке, Верхнеудинске, где были сосредоточены наиболее сплоченные кадры рабочих и где еще накануне революции было очень сильным влияние большевистской ссылки и местных большевиков, Советы сразу возникли как объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов.

Во многих же городах меньшевикам и эсерам и реакционному офицерству удалось вначале воспрепятствовать объединению Советов рабочих и Советов солдатских депутатов, и лишь через некоторое время происходило их слияние. Так было в Иркутске, Барнауле, Кургане, Новониколаевске, Томске, Тайге, Канске, Тобольске, Благовещенске, Никольск-Уссурийске и других местах Сибири. Иногда в Сибири эсерам и меньшевикам удавалось вовлечь солдат в силу недостаточной их политической зрелости в создание смешанных офицерско-солдатских Советов, так называемых Советов военных депутатов.

Большевики с первых дней повсеместно повели борьбу за превращение и переименование смешанных солдатско-офицерских Советов в Советы

¹¹⁰ ГАОО, ф. 661, оп. 1, д. 11, л. 6.

¹¹¹ В. П. Сафонов. Октябрь в Сибири, стр. 136.

солдатских депутатов и за слияние Советов рабочих и солдатских депутатов всюду, где они возникли раздельно. В ряде мест это уже удалось сделать в марте—апреле 1917 г. Только в Томске и Иркутске объединение Советов рабочих и Советов солдатских депутатов затянулось.

В организации Советов во многих промышленных поселках и на железнодорожных станциях Сибири большую помощь оказывали большевики и Советы губернских и крупных уездных городов Сибири — Томска, Красноярска, Ачинска, Минусинска.

Для организации работы в деревне, откуда крестьяне обращались в городские Советы за разного рода справками и помощью, при Советах рабочих и солдатских депутатов создавались крестьянские секции, комиссии, отделы (при Томском Совете солдатских депутатов, Новониколаевском и Бийском Советах рабочих и солдатских депутатов), крестьянские Советы в городах и промышленных районах (Иркутск, Кемеровский рудник). В марте—апреле некоторые Советы в Енисейской губернии, в Тюмени и в отдельных уездных городах Тобольской губернии оформились как Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Все эти секции, комиссии, отделы, Советы охватывали влиянием близлежащие деревни. Однако широкое укрепление связей Советов рабочих и солдатских депутатов с деревней наблюдалось в Сибири значительно позже. Советы крестьянских депутатов возникали в те дни часто под влиянием ссыльных большевиков, рабочих близлежащих промышленных районов и солдат. Они оформились в деревнях Кузбасса, а также в ряде сел Томской губернии, в Прибайкалье, в Кударинской и Кударо-Бурятской волостях Селенгинского уезда, в селах Ичера Иркутской губернии и Анучино в Приморье. В марте—апреле 1917 г. в ряде мест были созданы уездные (Канск) и областные (Благовещенск) Советы крестьянских депутатов. Был организован даже Западносибирский Совет крестьянских депутатов.

Однако случаи организации крестьянских Советов были в Сибири в то время единичны. Эсеры, пользовавшиеся влиянием в деревне, старались изо всех сил. С начала революции они развили широкую пропаганду и организационную работу вокруг создания в деревне комитетов общественного порядка и безопасности, созывов различных крестьянских съездов и особенно торопились с созданием эсеровских крестьянских союзов, которые они хотели противопоставить Советам. Организация крестьян Сибири в Советы депутатов, как и по всей России, стала широко развертываться лишь летом 1917 г., а в некоторых селах создание Советов затянулось до конца 1917—начала 1918 г.

Партийный состав Советов рабочих и солдатских депутатов был очень пестрым. В ряде Советов большевикам удалось завоевать большинство мест уже в марте 1917 г. Так, большевистским был Красноярский Совет, в котором из 5 членов временного президиума было 4 большевика. Большевики имели преобладание в Енисейском Совете рабочих и солдатских депутатов — в этих краях в ссылке находились видные партийные работники. Решающее влияние имели большевики в Совете солдатских депутатов Томского гарнизона, в Ачинском объединенном Совете рабочих и солдатских депутатов, в Канском Совете рабочих депутатов, в Совете станции Хилок Забайкальской железной дороги. Первое время большевики преобладали и в Иркутском Совете рабочих депутатов, но затем его состав сильно изменился и большинство получили соглашатели.

В некоторых Советах большевики хотя и не имели господствующего положения, но сумели провести на руководящие посты своих представителей, благодаря чему оказывали в этих Советах значительное влияние на решение всех вопросов. Так было в Советах Кузбасса, в Новониколаевском и Минусинском Советах рабочих и солдатских депутатов. В Совете

рабочих депутатов Томска председательствовали большевики А. И. Беле-нец и В. Н. Чепалов. Солдаты-большевики стояли во главе военной комиссии Владивостокского Совета. В руках большевиков была и рабочая комиссия Совета, которую возглавлял К. А. Суханов. В ряде мест большевики избирались в состав крестьянских Советов (например, в Совет крестьянских депутатов Амурской области было избрано 2 большевика).

Но в большинстве Советов Сибири в начале революции преобладали меньшевики и эсеры. А в Советах крестьянских депутатов всюду в Сибири господствовали опиравшиеся на кулачество эсеры. Ввиду засилия меньшевиков и эсеров в большинстве Советов они в первое время определяли политику Советов Сибири, направляя ее на поддержку Временного правительства. Меньшевики и эсеры Сибири, считая революцию законченной, стремились подчинить Советы буржуазным органам власти, превратить их в придаток комитетов общественного порядка и безопасности. В некоторой мере им это удавалось там, где в руках эсеров и меньшевиков находилось руководство Советами, а большевистские организации и кадры рабочих были малочисленны.

Рабочие и солдаты не поддерживали эсерово-меньшевистскую идею о подчинении Советов буржуазным комитетам общественной безопасности. Они расценивали Советы как органы своей рабоче-крестьянской власти, призванные разрешать все требования революционного народа. Они оказывали Советам материальную поддержку и обращались к ним за разрешением всех своих вопросов. «Со всеми нуждами повалил народ в Совет рабочих депутатов», — сообщалось в печати в середине марта о работе Новониколаевского Совета. Масса просьб о помощи и всевозможных предложений поступала со стороны рабочих, служащих и солдат в первые месяцы революции в Верхнеудинский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Советы защищали интересы рабочих и солдат. Иркутский Совет военных депутатов в первом же воззвании (от 8 марта) к солдатам и офицерам, призывая к спокойствию, заявлял: «Мы со своей стороны обещаем вам, что ни одна нужда, ни одна обида, как бы она мала ни была, не будет нами упущена и забыта». Комитет Иркутского Совета рабочих депутатов в обращении ко всем иркутским рабочим и служащим от 17 марта заявлял: «По всем вопросам вашей рабочей жизни обращайтесь в бюро Совета рабочих депутатов».¹¹²

Заседания Советов в городах, а особенно в рабочих районах Сибири проходили очень оживленно, с широким присутствием рабочих и солдат. Как вспоминает активный участник революционных событий 1917 г. А. Ширямов, на Арбагарских каменноугольных копях в Восточном Забайкалье на заседаниях Совета «всегда присутствовало много рабочих, принимавших горячее участие в обсуждении стоявших вопросов».¹¹³ А участница революции М. Метелева пишет по поводу Енисейского Совета, что там пленарные заседания, проводившиеся 2—3 раза в месяц, проходили всегда при переполненном трудящимися Енисейска зале.

И хотя за Советами в первые дни революции была реальная сила, большинство Советов Сибири из-за преобладания в их составе соглашателей или уступило власть комитетам общественного порядка, или поделило ее с ними. Советы Сибири, оказав доверие Временному правительству, признали эти комитеты и послали в них своих представителей. В Иркутске Совет рабочих депутатов рекомендовал всем профсоюзам посылать своих представителей в КООРГ.

Даже большевистский Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов вначале послал своих представителей в объединенное исполнительное

¹¹² «Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов», 1917, № 17.

¹¹³ А. Ширямов. Арбагарские горняки. «Борьба за Советы в Забайкалье. Сборник статей, материалов и документов», Чита, 1947, стр. 97.

бюро Комитета общественной безопасности и Совета.¹¹⁴ Вступил в контакт с Временным комитетом общественного порядка и безопасности и Томский Совет солдатских депутатов. Омский Совет рабочих и солдатских депутатов в первые полтора месяца не имел своего представителя в коалиционном комитете, но позже и он изменил этой политической линии.

В Красноярске исполком Совета 5 марта постановил: «При разрешении вопросов принципиальных входить в непосредственный контакт с Комитетом общественной безопасности». Для согласованности действий исполнительным комитетом было послано во Временный комитет общественной безопасности 3 делегата.¹¹⁵

Но Красноярский Совет сразу поставил ограничения «самостоятельности действий» Комитета общественной безопасности. Так, он установил, что аресты Комитетом общественной безопасности лиц из администрации старого правительства должны производиться по соглашению с исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, о чем было решено довести до сведения членов Комитета общественной безопасности через делегатов.

Исполнительный комитет Красноярского Совета с первых дней предпринимал самостоятельные революционные шаги, которые, как докладывалось 5 марта на общем собрании Совета, выражались в захвате почты и телеграфа, в аресте губернской и железнодорожной жандармерии, печатании архива, арестах реакционного казачьего офицерства, принятии мер к изменению правил внутреннего распорядка в гарнизоне. Для предотвращения могущих возникнуть беспорядков исполком Совета решил назначить по городу особых комиссаров с отличительными знаками. Вот почему даже буржуазная печать вынуждена была писать о Красноярском Совете. В газете «Иркутская жизнь» указывалось: «В Красноярске. 5 марта... Вся власть над городом перешла к Комитету безопасности и Совету рабочих и солдатских депутатов».¹¹⁶

Другие Советы Сибири заняли линию «давления и контроля» по отношению к деятельности Временного правительства и его органов на местах.

В одной из первых информации о деятельности Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов говорилось, что Совет «толкал к более решительным действиям в области разрушения старого комитет общественного порядка».¹¹⁷

На первом же организационном собрании Якутский Совет рабочих депутатов записал, что «вместе с Советом солдатских депутатов он будет помогать Комитету общественной безопасности и исполнительному бюро его во всех шагах, направленных к расширению и углублению завоеваний революции».

В первые недели марта в городах и рабочих районах Сибири оформились легальные партийные социал-демократические организации. Но оформились они как объединенные, куда входили и большевики, и меньшевики, что отрицательно сказалось на политической линии этих организаций. Во многих объединенных социал-демократических организациях (Томск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Благовещенск, Якутск и др.) больше-

¹¹⁴ «Красноярский Совет. Март 1917—июнь 1918 г. Сборник документов», Красноярск, 1960, стр. 56.

¹¹⁵ «За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917—июнь 1918 г.)», Красноярск, 1957, стр. 24, 25.

¹¹⁶ «Иркутская жизнь», 1917, № 68.

¹¹⁷ «Известия Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 1.

виков численно подавляли меньшевики. В ряде объединенных организаций меньшевики захватили руководство.

Многие из социал-демократических организаций были численно малы. Например, на первое собрание социал-демократов Владивостока 10 марта 1917 г. собралось всего 200 чел., в Хабаровске к 29 марта в социал-демократической организации числилось всего 7 социал-демократов, из них было только 2 большевика. Организация Николаевского завода в момент создания имела 15 членов, Анжерских копей — 37, г. Енисейска — 28 чел. В Омске, Барнауле, Красноярске в марте партийные организации насчитывали от 100 до 350 чел. Силы большевиков были распылены.¹¹⁸

Конечно, не во всех партийных организациях Сибири было засилие меньшевиков. Большевики преобладали в Красноярской, Владивостокской, Ачинской, Минусинской, Правобережной организации Омска и др. В некоторых организациях большевики имели сильные группы, как в Барнауле (во главе с М. К. Цаплиным, И. В. Присягиным и С. М. Сычевым), в Томском гарнизоне (во главе с Н. Н. Яковлевым и В. М. Косаревым), в Кузбассе (во главе с М. И. Сычевым (Суховерховым) и М. М. Рабиновичем). В Иркутске ядро большевистской группы составляли опытные большевики — П. П. Постышев, Н. А. Гаврилов, С. И. Лебедев и др. На Дальнем Востоке ведущей организацией являлась Владивостокская, где сложилась группа опытных революционеров-большевиков (П. М. Никифоров, М. И. Губельман, В. Г. Антонов и др., а позднее и А. Я. Нейбут).

Большевики Красноярска (группа «правдистов») взяли на себя инициативу борьбы за изгнание меньшевиков из сибирских организаций, за сплочение большевистских сил Сибири вокруг Ленинского ЦК партии через организованное «правдистами» Среднесибирское районное бюро РСДРП(б). В самих объединенных социал-демократических партийных организациях с первых дней их оформления началась борьба большевиков с меньшевиками.

По выходе из подполья большевики развернули работу во всех уголках Сибири, обратив особое внимание на Советы и профсоюзы. Во Владивостоке опорой большевиков были портовые рабочие, в Красноярске, Омске и Чите — железнодорожники. Не оставались без внимания и более мелкие предприятия. Серьезной поддержкой большевиков являлись революционные воинские гарнизоны Сибири.

Рабочие и солдаты Сибири, как и всей страны, с первых дней свержения самодержавия выступили на борьбу с самодержавными порядками, со старым царским аппаратом, за демократизацию всей жизни, за углубление и расширение революции. Во главе этой борьбы шли большевики.

Решительно выступали Советы Сибири, которыми руководили большевики. Но и эсеро-меньшевистские Советы под давлением революционных масс и депутатов-большевиков действовали (прежде всего в борьбе с самодержавными порядками) значительно решительнее комитетов общественной безопасности. Под давлением большевистски настроенных депутатов и революционных рабочих и солдат Советы Сибири после свержения самодержавия провели ряд мероприятий, закреплявших победу революции.

Большая работа была проведена Советами по организации рабочей милиции. Буржуазия Сибири, как и вся российская буржуазия, стремилась сохранить и приспособить к новым условиям царский аппарат и

¹¹⁸ В. В. Аникиев. Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 125—127.

прежде всего полицию. «Главное для помещиков и капиталистов в настоящее время, когда они убедились в силе революционных масс, — писал в марте 1917 г. В. И. Ленин, — отстоять наиболее существенные учреждения старого режима, отстоять старые орудия угнетения: полицию, чиновничество, постоянную армию».¹¹⁹ Во многих местах Сибири КОБы долго не упраздняли полицию, а брали ее в свое подчинение. Там, где уже никак нельзя было ее сохранить, так как народ расправлялся с ней по-своему, особенно в рабочих районах (в Черемховском районе были очень распространены самосуды над полицейскими, а с предприятий Кузбасса под страхом расправы рабочих полиция разбегалась после первых митингов) буржуазия стремилась перекрасить ее в народную милицию.

Так, горные исправники в Енисейском горном округе были переименованы в комиссаров милиции. Провозглашая упразднение полиции, КОБы тут же разрешали комплектовать милицию из уволенных чинов полиции. Часто в решениях о создании милиции взамен полиции так и говорилось «Название полиции заменить словом „милиция“» (Тюмень).¹²⁰ А в некоторых деревнях, например в Иркутской губернии, вновь создаваемая милиция даже и называлась «народная милиция».¹²¹

Большевики Сибири повели борьбу за создание действительно народной милиции из демократических слоев населения, способной противостоять монархическим выступлениям, охранять завоеванные свободы народа. Решительно действовали по ликвидации полиции и организации милиции Советы Иркутска и Омска, они взяли в свои руки формирование милиции и непосредственно подчинили ее себе. Впоследствии, когда соотношение сил в Иркутском Совете изменилось в пользу соглашателей, милиция была подчинена Комитету общественных организаций.

Народная милиция по настоянию Совета солдатских депутатов была создана в Томске. Были столкновения с КОБом из-за милиции у Читинского и других Советов.

Во Владивостоке борьба возмущенных рабочих и солдат и подталкиваемого ими Совета за упразднение полиции и замену ее народной милицией привела к такому решительному шагу Совета, как роспуск Ценового комитета общественной безопасности. Правда, соглашатели из Совета допустили избрание другого КОБа, но авторитет Совета в результате первого столкновения с буржуазией заметно вырос.

Это была борьба за вооружение самого народа и прежде всего рабочих. В ряде крупных городов и в промышленных районах Сибири большевикам через Советы удалось организовать отряды рабочей милиции, а в Енисейской губернии и в Кузбассе даже отстоять ее от слияния с городской милицией, чего повсеместно добивались соглашатели.

Особенно резко и последовательно выступили против попыток буржуазии и Временного правительства сохранить старый царский аппарат управления Советы Енисейской губернии. Енисейский Совет рабочих и солдатских депутатов, а вслед за ним Канский, Красноярский и Минусинский Советы решительно отказались признать назначенного «сверху» Временным правительством комиссара Крутовского и вернуть крестьянских начальников, удаленных в Красноярском, Канском и Енисейском уездах.

В. И. Ленин в статье «К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства» дал высокую оценку действиям Енисейского Со-

¹¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 286—287.

¹²⁰ «Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия», 1917, № 4.

¹²¹ «Известия Исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 1917, № 13.

вета, обнаружившего «здоровое демократическое чувство рабочих и крестьян».¹²²

Большевики Сибири большое внимание уделяли демократизации армии. Без этого невозможно было и думать о сохранении завоеваний революции и о ее развитии. Под напором солдат арестовывались ярые реакционеры из генералов, офицеры-монархисты и на места смещенных реакционеров выдвигались прогрессивные офицеры. В Канске реакционные офицеры гарнизона Глиссон и Новиков были устранены по предложению Канского Совета военных депутатов. В начале марта Иркутский Совет военных депутатов ввиду недовольства солдат вынес решение об отстранении командира Иркутской стрелковой бригады, с чем Комитет общественных организаций не смог не согласиться.¹²³ В гарнизонах на судах были избраны гарнизонные, полковые, дружинные, ротные, батареинные и командные комитеты. Во главе Амурской и Сибирской военных флотилий на Дальнем Востоке стояли их центральные комитеты. В Омском округе без гарнизонных комитетов начальники гарнизона не имели права издавать какие-либо приказы и распоряжения. Инициатором проведения демократизации армии в Омском военном округе был Томский Совет солдатских депутатов. Влияние этого Совета сказывалось и на гарнизонах Восточной Сибири, которые тоже были охвачены борьбой за демократизацию армии и в которые Томский Совет солдатских депутатов не раз посылал своих представителей.¹²⁴

Широко развернулось с первых дней революции движение рабочих Сибири за демократизацию управления производством. На железных дорогах, рудниках, заводах и фабриках рабочие устранили как олицетворение старого ненавистного строя прежнюю администрацию, чинившую при царизме расправу над рабочими, обсчитывавшую и обмерявшую их, удаляли наиболее реакционных сторонников монархического режима, очищали предприятия от прислужников капиталистов.

Уже в начале марта рабочие Судженских и Анжерских копей поставили перед управлением вопрос об устранении нескольких лиц из администрации, а затем и устранили их за все притеснения рабочих в угоду владельца копей. Изгнали прежнюю администрацию рабочие рудника «Юлия» Енисейского горного округа, Мариинских приисков в Томской губернии, предприятий Риддеровского общества и др. в горнорудной промышленности Сибири.

14 марта рабочими был снят начальник железной дороги в Чите, отличавшийся жестокостью. В этом же месяце рабочие и служащие ремонтных мастерских Управления водных путей в Благовещенске, сломив при поддержке Совета нерешительность Комитета общественной безопасности Амурской области, добились отстранения с занимаемых должностей двух инженеров и врача. Служащие местной тюрьмы отстранили от должности начальника тюрьмы Черкасова. А общее собрание граждан Благовещенска 12 марта решило убрать приверженцев царского правительства из административных учреждений.¹²⁵

То же наблюдалось и на предприятиях других городов Сибири. Устраняя прежнюю администрацию, рабочие выбирали из своей среды подрядчиков, бригадиров, мастеров и управляющих.

¹²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 464.

¹²³ «Известия Исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 1917, №№ 3, 20.

¹²⁴ А. Н. Баталов. Борьба большевиков за завоевание солдатских масс на сторону революции (март 1917 г. — февраль 1918 г.). «Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции. Сборник статей», Новосибирск, 1957, стр. 168—169.

¹²⁵ Благовещенску 100 лет. Благовещенск, 1959, стр. 185, 187, 191—192.

Борьба за демократизацию управления производства была тесно связана с борьбой рабочих за улучшение их материально-экономического положения и за восьмичасовой рабочий день. Февральская революция не улучшила экономическое положение рабочих Сибири, а продолжавшаяся империалистическая война все пагубнее сказывалась на вздорожании жизни трудящихся. На Дальнем Востоке цены на продовольственные и промышленные товары, за годы войны выросшие в 1,5—2 раза, после Февральской революции 1917 г. только за 6 месяцев поднялись в 2—6 раз.¹²⁶

Борьбу с предпринимателями рабочие вели через Советы, профсоюзы и фабзавкомы. В результате творческой инициативы масс после свержения самодержавия в Сибири, как и во всей стране, повсеместно возникли профессиональные союзы. Для руководства профсоюзным движением большевики Сибири выделили свои лучшие силы. Среди них были видные большевики — А. Г. Рогов, И. И. Белопольский, Б. Э. Шумяцкий в Красноярске, П. П. Постышев и др. в Иркутске. Много сил приложили к созданию союза горнорабочих большевики Кузбасса. В Якутии организаторами профсоюзов среди рабочих были ссыльные большевики Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский и др.¹²⁷

На многих предприятиях Сибири и Дальнего Востока в марте—апреле 1917 г. возникли фабрично-заводские комитеты, действовавшие вместе с профсоюзами. Большевикам Сибири пришлось проделать большую работу по преодолению раздробленности профсоюзов (получившей широкое распространение в Сибири при возникновении профсоюзов сразу после свержения самодержавия), по централизации руководства профсоюзами. Под влиянием большевиков уже в апреле возникли центральные бюро профсоюзов в Красноярске, Омске, Новоиколаевске, Томске, Барнауле, Иркутске, Чите и других городах Сибири.¹²⁸

Во многих профсоюзах Сибири вначале было сильным влияние меньшевиков. Но впоследствии большевики вытеснили их из руководства крупными профсоюзами.

Одним из главных требований рабочих к предпринимателям было требование о 8-часовом рабочем дне. Временное правительство, думая об интересах буржуазии, не собиралось решать вопрос о продолжительности рабочего дня, создавая лишь видимость его решения. Эсеры и меньшевики предлагали отложить этот вопрос до Учредительного собрания.

Однако рабочие Сибири, как и рабочие всей России, не поддались ни на какие уговоры буржуазии и их прислужников — меньшевиков и эсеров о необходимости работать «во имя защиты революции и разгрома врага» и под руководством большевиков стали самостоятельно устанавливать на предприятиях 8-часовой рабочий день. Энергично добивались 8-часового рабочего дня и решительно действовали через свои Советы горнорабочие и железнодорожники Сибири.

В Кузбассе, на Анжерских и Судженских копях, рудничные комитеты вводили 8-часовой рабочий день явочным порядком. В Кольчугино еще в марте рабочие под угрозой забастовки заставили промышленников установить 8-часовой рабочий день. Совет Арбагарских угольных копей (близ Нерчинска) в апреле ввел 8-часовой рабочий день при трехсменной работе. 10 апреля 1917 г. правление рабочего бюро поста Александровского на Сахалине объявило о введении 8-часового рабочего дня во всех учреж-

¹²⁶ А. А. Ромас. Социально-экономическое положение и революционное движение на Дальнем Востоке накануне и в период февральских событий 1917 г. Автореферат канд. диссертации. М., 1964, стр. 19.

¹²⁷ История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 411.

¹²⁸ М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963, стр. 270.

дениях и общественных предприятиях для всех категорий рабочих. В Красноярске, в железнодорожных мастерских, депо, на электростанции, рабочие после Февральской революции ввели 8-часовой рабочий день явочным порядком. Сразу же ввели 8-часовой рабочий день транспортники на Амурской железной дороге. 22 марта 1917 г., согласно постановлению большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов, он вводился на всех фабриках, заводах, в мастерских и учреждениях. Явочным путем установили 8-часовой рабочий день рабочие Барнаула.

Большевистские Советы и те из эсеров-меньшевистских Советов, где большевики имели руководящие посты, сами принимали решения о 8-часовом рабочем дне и вместе с рабочими боролись за претворение этих решений в жизнь.

Сложнее проходила борьба там, где в Советах крепко засело эсеров-меньшевистское большинство или где силы рабочих были незначительны. Там эсерам и меньшевикам удалось затормозить принятие решений о введении 8-часового рабочего дня. В Тобольской губернии рабочие, повсеместно требовавшие установления 8-часового рабочего дня, неоднократно переносили этот вопрос в Советы, но меньшевики и эсеры всякий раз решали его в угоду буржуазии. Тобольский Совет под давлением соглашателей «из-за нужд войны» постановил вопрос о введении 8-часового рабочего дня предоставить «добровольному решению рабочих и хозяев». С большим трудом (только под угрозой всеобщей забастовки рабочих) удалось большевикам решить этот вопрос в Омском Совете рабочих и военных депутатов. В апреле 8-часовой рабочий день был введен на многих предприятиях города.

Не принял решения о 8-часовом рабочем дне Владивостокский Совет, хотя рабочие Владивостока очень упорно боролись за него. Политика соглашательских партий в Совете усиливала позиции местной буржуазии. На требования рабочих установить 8-часовой рабочий день предприниматели стали отвечать репрессиями. В Тобольске, Красноярске, Иркутске и других городах наиболее революционных рабочих стали увольнять с предприятий.

В Иркутской губернии обязательному постановлению КООРГа от 14 марта о введении 8-часового рабочего дня и 50% надбавки на предприятиях, работающих на оборону, подчинялись лишь те предприниматели, где выступления рабочих вызвали серьезное беспокойство (Черемховские компании, владелец кирпичного завода Плотников и др.). Остальные предприниматели вводить 8-часовой рабочий день отказались. Яростным сопротивлением предпринимателей небольших предприятий было встречено решение Красноярского Совета о 8-часовом рабочем дне. Лишь под угрозой забастовки вводился он на этих предприятиях.

В силу малочисленности пролетариата, значительного эсеров-меньшевистского влияния в Советах и профсоюзах и объединенчества в партийных организациях в ряде городов и районов Сибири — в Чите и во всем Забайкалье, а особенно в Тобольской губернии и на Дальнем Востоке — 8-часовой рабочий день был введен значительно позднее, чем в крупных промышленных районах европейской части России. Да и принятые под давлением большевиков и рабочих решения о 8-часовом рабочем дне часто на практике не осуществлялись. Но борьба за 8-часовой рабочий день, охватившая уже в марте—апреле 1917 г. рабочих всех районов Сибири и Дальнего Востока, не прекратилась, она все шире нарастала с развитием и углублением революции.

Решительно выступили на борьбу за улучшение экономического положения рабочие каменноугольной и золотодобывающей промышленности, где эксплуатация рабочих предпринимателями носила жестокий характер. Ужасные условия работы и жизни рабочих на Анжерских и

Судженских каменноугольных копях отметила выезжавшая сюда по требованию рабочих в первые месяцы революции комиссия Томского временного комитета общественного порядка и Совета солдатских депутатов. А Верхнеудинский Совет рабочих и солдатских депутатов, заслушав в марте сообщение о положении на Тарбагатайских угольных копях, констатировал, что на копиях царят крепостнические порядки, быт рабочих доведен «прямо до дико животного состояния».¹²⁹

Вопросы улучшения условий труда, увеличения заработной платы, как и установления 8-часового рабочего дня, стояли первыми в повестке дня Советов этих районов. Учитывая быстрый рост цен на продукты, Совет рабочих депутатов Гурьевского завода считал неотложным делом повышение расценок и постановил увеличить заработную плату рабочих по отдельным категориям от 25 до 100%. Гурьевский и Кемеровский рудничные комитеты потребовали в марте повышения заработной платы на 75%, улучшения квартирных условий и продовольственного снабжения. В марте—апреле эти вопросы решались и Советами Кольчугинского рудника и Маринских золотых приисков. Предъявили требование об увеличении заработной платы на 75% рабочие Риддеровского горнопромышленного общества.

Под напором масс и под воздействием большевиков разработали в конце марта экономические требования к предпринимателям Северо-Енисейский Совет и профсоюз. В апреле предъявили экономические требования рабочие и служащие товарищества Ангарского пароходства и рабочие тайгурских лесопильных заводов. Выступили с требованием к владельцам увеличить заработную плату на 10—40% работницы и рабочие типографии Красноярска, рабочие и служащие Товарищества Амурского флота в Благовещенске. Отстаивание требований моряков Амурского бассейна в апреле вылилось в забастовку.

В марте—апреле в Сибири и на Дальнем Востоке бастовали машинные команды Амурского торгового флота, рабочие ряда предприятий Благовещенска, Федоровских приисков Северо-Енисейского округа, кожевенного завода Толщина, типографские рабочие в Красноярске, рабочие бань и прачечных в Омске и т. д.

Для удовлетворения своих требований (как в борьбе за 8-часовой рабочий день, так и за улучшение материального положения) рабочим Сибири приходилось вставать на ранее испытанный путь стачечной борьбы. В ряде мест организаторами стачек выступили Советы. Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов принял и провел в жизнь ряд самостоятельных решений. Томский Совет солдатских депутатов провел ряд мероприятий в интересах трудящихся. Опираясь на революционных солдат, большевистскую часть Томского комитета общественного порядка и безопасности, он заставлял Комитет принимать демократические решения. Под влиянием большевистской части Совета рабочих депутатов в начале его деятельности в Иркутске возник ряд конфликтов между исполкомом Совета и исполкомом Иркутского комитета общественных организаций.

Иркутскому КООРГу приходилось считаться и с Советами рабочих депутатов промышленных районов губернии, в частности с Советом депутатов Черемховских копей. В Черемхово официально считалось, что власть осуществлялась исполнительным комитетом общественных организаций, но на деле всей жизнью копей руководил Совет рабочих депутатов. По признанию самих углепромышленников и Иркутского комитета общественных организаций, Совет был там единственной «организацией, вполне авторитетной в глазах углекопов», которая могла в тот момент поддержать

¹²⁹ «Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска», 1917, № 7.

нормальный ход жизни на копейках, где в первые же месяцы революции развернулось мощное революционное движение рабочих. Не случайно, когда углепромышленники обратились в Иркутский комитет общественных организаций за помощью против вмешательства рабочих в дела копеей, Иркутский КООРГ предложил им «все переговоры о порядке на копейках и пр. вести непосредственно с Черемховским Советом рабочих депутатов». ¹³⁰

Революционное движение после свержения самодержавия захватило и крестьянские массы Сибири. Организация новой власти в деревне проходила в условиях решительной борьбы против старого строя. Например, в Среднеангарье на мартовских сельских сходах выносились решения заменить старые органы власти сельскими и волостными народными комитетами, комиссарами и выборной народной милицией. ¹³¹ Гнев крестьян обращался против царских чиновников, притеснявших их. Крестьяне смеждали и арестовывали крестьянских начальников, приставов, обезоруживали стражников и урядников, отстраняли от должностей волостных и сельских старост, лесничих, писарей, а кое-где и попов.

Особенно решительно крестьяне выступали против крестьянских начальников. Во многих деревнях Иркутской губернии в марте 1917 г. на народных собраниях и сходах крестьяне принимали решения изгнать крестьянских начальников. В других губерниях происходило то же самое. Эти решения были записаны во многих наказах делегатам на западносибирский съезд крестьянских депутатов, открывшийся в Омске 25 марта. ¹³² Крестьяне протестовали против попыток буржуазии сохранить институт крестьянских начальников. Нижнеудинский уездный съезд крестьян 6 апреля высказал порицание иркутскому губернскому комиссару Временного правительства Львову за поддержку им крестьянских начальников и постановил просить Иркутский комитет избрать другого комиссара. ¹³³ В некоторых уездах на Дальнем Востоке крестьяне опротестовали распоряжение Временного правительства о восстановлении ликвидированного народом института крестьянских начальников. Не позволили возвратить этих служителей старого строя Советы Енисейской губернии.

Основная масса сибирского крестьянства выступила против самодержавия на стороне рабочего класса. Наиболее надежным союзником пролетариата и проводником большевистского влияния в деревне являлась крестьянская беднота. Но в первые месяцы революции по всей стране, в том числе и в Сибири, усилилось влияние кулачества. В. И. Ленин писал, что после Февральской революции «власть фактически перешла к кулакам, которая трудящимся массам ничего не давала». ¹³⁴ Экономически мощное кулачество Сибири держало в кабале значительную часть крестьян и стремилось захватить политическое господство в деревне, пользуясь поддержкой Временного правительства и его органов. В этот же период активизировалась партия эсеров. Под влияние эсеров попала значительная часть середняков и бедняков. Эсеры захватили руководство кооперацией, использовали все средства агитации и пропаганды, чтобы привлечь крестьян на свою сторону. В большинстве решений крестьянских съездов и наказов крестьян, принятых в марте—начале апреля под влиянием эсеров, высказывалось доверие Временному правительству, требование войны до победного конца. Требования по земельному вопросу почти не выдвигали.

¹³⁰ «Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска». 1917, № 8.

¹³¹ «Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска», 1917, № 13.

¹³² «Омский вестник», 1917, № 71.

¹³³ ГАИО, ф. 657, оп. 2, л. 17, л. 4.

¹³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 83.

лись или формулировались в эсеровском духе — не изменять порядок землепользования до Учредительного собрания. Но в настроениях крестьян, особенно бедноты, сказывалось и большевистское влияние. В некоторых наказах выдвигались требования бедноты и середняков о передаче земли тем, кто ее обрабатывает, снижении налогов, обратном переселении в Европейскую Россию.¹³⁵ На некоторых съездах крестьян (например, на якутском съезде в марте 1917 г.) большевики провели решение в защиту бедноты.

Большевики Сибири, руководствуясь учением В. И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства, разоблачали лживую болтовню эсеров и меньшевиков об окончании революции, вели пропаганду против империалистической войны. Работа в деревне проводилась через Советы рабочих и солдатских депутатов, через создаваемые при них в ряде мест крестьянские отделы. Большевики стремились провести своих кандидатов и в крестьянские Советы. Кое-где создавались уездные, волостные и сельские партийные организации.¹³⁶

Как уже указывалось выше, огромную роль в политическом просвещении крестьянских масс играли солдаты, прибывавшие в отпуск с фронта и на полевые работы из сибирских революционных гарнизонов. Местные буржуазные власти постоянно доносили Временному правительству о том, что солдаты создают тревожное настроение в деревне.

В своей работе среди крестьян большевики опирались на революционное движение и революционные требования самого крестьянства. Сама жизнь и нужды крестьян заставляли их идти дальше эсеровских лозунгов. Крестьянам-беднякам, особенно неприписным переселенцам, нужна была земля, и они не могли ждать Учредительного собрания. Движение крестьян Сибири за землю было связано главным образом с борьбой за захват кабинетских земель и казенных запасных и арендных участков.

Движение крестьян за захват кабинетских земель и лесов с первых дней падения монархии особенно широко развернулось на Алтае, где были расположены основные владения царя. В середине марта лесничество и исполняющий обязанности начальника Алтайского округа в полной растерянности жаловались на невозможность охраны лесов и земель ввиду массовых самовольных порубок леса, захвата казенного сена, разоружения объездчиков и открыто выражаемого крестьянами желания раздела всего имущества округа. 18 марта начальник округа «ввиду серьезности положения» вынужден был обратиться в Томский комитет общественного порядка и безопасности за содействием в успокоении крестьян.

Не успокоило крестьян и постановление Временного правительства от 12 марта 1917 г. о передаче земель Николая II (кабинетских земель) в казну. Самовольные порубки леса и захваты кабинетских земель охватывали все новые лесничества и деревни Алтая.

Крестьяне Сибири захватывали казенные земли и производили порубки леса в Ялуторовском, Тарском, Туринском, Тобольском уездах Тобольской губернии, Каинском уезде и Нарымском крае Томской губернии, в отдельных деревнях Иркутской губернии, Забайкальской области, Дальнего Востока. Массовый характер захваты и порубки приняли в Омском уезде Акмолинской области и Мариинском уезде Томской губернии.

В борьбе за казенные леса, как и за лесные угодья Кабинета, крестьяне повсеместно вступали в серьезные столкновения с лесниками, обез-

¹³⁵ М. И. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции, стр. 291.

¹³⁶ В. П. Сафонов. Октябрь в Сибири, стр. 254; «Социал-демократ» (орган Якутского комитета РСДРП), 1917, 24 марта.

оруживали, отстраняли, а иногда и арестовывали стражу. В Мариинском уезде Томской губернии к середине апреля была изгнана вся лесная стража и заменена выборной. Крестьяне все решительнее становились на путь самовольных действий и решения земельного вопроса революционным путем.

Кое-где в Сибири в первые месяцы после падения самодержавия наблюдалось движение крестьян за захват церковных и монастырских земель. В Иркутской губернии с марта 1917 г. развернулась борьба крестьян Балаганского, Иркутского и других уездов за отобрание и передел причтовых земель и сенокосных угодий.¹³⁷ В марте — первой половине апреля захватывали в свое пользование сенокосы и пахотные земли духовных ведомств, церквей, монастырей крестьяне сел и волостей Селенгинского и Верхнеудинского уездов Забайкальской области, Тюкалинского и Кокчетавского уездов Акмолинской области, почти повсеместно в Тобольской и Томской губерниях, в Иманском и Никольск-Уссурийском уездах Приморской области и других местах Сибири.

Во многих местах крестьянство отказывалось платить подати, вносить сельские и волостные сборы, долги по ссудам. В Иркутской губернии широкий размах отказов сельского населения от уплаты налогов и отправления повинностей заставил Комитет общественных организаций в середине марта обратиться к сельскому населению с особым воззванием, призывавшим покончить с «шатаниями и колебаниями» и платить налоги «для поддержки русской революционной армии в защите свободы», т. е. для продолжения войны.¹³⁸

Усилилась после свержения самодержавия классовая борьба и внутри крестьянства. Из многих уездов и волостей Томской, Иркутской, Тобольской губерний, Акмолинской, Забайкальской, Приморской областей поступали сведения о борьбе бедноты с кулачеством. В ряде мест крестьяне малоземельных переселенческих селений самовольно изменяли границы с многоземельными старожильческими селениями. В некоторых селениях беднота отбирала у местных кулаков, крупных арендаторов и заводчиков земли и распределяла их между малоземельными крестьянами, а иногда и громила кулацкие хозяйства. Бедняки и середняки требовали возвращения общинных земель, отошедших по дореволюционному землеустройству под хутора, нередко (Омский уезд Акмолинской области и др.) сгоняли кулаков с хуторов и займок, захватывая их земли.

В Забайкалье, на Дальнем Востоке разворачивалась борьба за земли зажиточного казачества Амурского, Уссурийского, Забайкальского казачьих войск, а также нарастала борьба внутри казачества. Трудовое казачество вместе с малоземельными крестьянами требовало ликвидации казачьих привилегий и передела земель казаков, ликвидации сословия казачества.

Крестьянское движение в Сибири после свержения самодержавия в отличие от дореволюционного с первых месяцев носило организованный характер: крестьяне принимали решения, а затем производили захват и раздел земель. Наиболее революционными были решения сельских сходов. На волостных сходах часто преобладали зажиточные крестьяне и земельный вопрос обсуждался не так остро.

Временное правительство и его агенты на местах принимали все меры к подавлению аграрного движения, откладывая решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Местные органы буржуазной власти в Сибири при активном участии эсеров и меньшевиков усердствовали в уговаривании крестьян не нарушать «законного порядка» землевладения,

¹³⁷ ГАИО, ф. 657, оп. 2, д. 22, лл. 69, 122, 123, 147.

¹³⁸ «Иркутская жизнь», 1917, № 73.

удерживали крестьян от самочинных действий. В марте—апреле повсеместно рассылались объявления комиссаров Временного правительства и комитетов общественной безопасности о запрещении самовольных порубок лесов и захватов земель и предписания о возвращении самовольно захваченных земель их прежним владельцам.

Но ни распоряжения Временного правительства, ни запреты местных комитетов не могли затормозить революционного движения крестьян. Весной 1917 г. из многих губерний Сибири в адрес Временного правительства поступали сообщения о разрастании аграрного движения. В среде крестьян, охваченных вначале угаром «революционного» оборончества, усиливался ропот на затянувшуюся войну.

Трубящееся крестьянство Сибири, особенно беднота, уже в первые месяцы после свержения самодержавия обращало свои взоры к рабочему классу, к Советам. Оно нередко оказывало поддержку рабочим в их борьбе за 8-часовой рабочий день. Советам рабочих и солдатских депутатов крестьяне оказывали материальную поддержку и сами обращались к ним за помощью.

В революционной борьбе рабочих и крестьян Сибири, широко развернувшейся сразу после падения самодержавия, проявился в действии союз рабочих и крестьян в период проведения Февральской буржуазно-демократической революции.

Радостно встретили известия о свержении их векового врага — царизма угнетенные им народы Сибири. Присоединяясь к общероссийскому революционному движению, они выступали за ликвидацию национального гнета и бесправия, за право на самоопределение.

Алтайцы, хакасы, буряты, якуты и другие народы смещали ненавистных им царских чиновников — «крестьянских и инородческих начальников», полицейских, добивались ликвидации старых органов управления.

В Якутии сразу после Февральской революции развернули разъяснительную работу в массах освобожденные из ссылки выдающиеся деятели большевистской партии — Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский и другие большевики. В Якутске «стали печатать и распространять революционные листовки и прокламации на якутском языке, призывавшие якутскую бедноту собираться на наследные и улусные собрания и выяснять свои нужды, выбирать свои союзы и комитеты, спланиваться под красным знаменем большевистской партии».¹³⁹ В марте 1917 г. большевики командировали в улусы группу агитаторов для разъяснения трудящимся политики партии. Они ставили также вопрос о ликвидации так называемой классной системы землепользования.

По предложению большевиков были созданы первые организации якутских хамначитов (наемных работников): «Союз чернорабочих якутов», «Союз сельских рабочих-мархи», «Союз грузчиков-якутов».

В конце марта 1917 г. в Якутске происходил съезд якутов и русских крестьян 3 южных округов Якутской области. На съезде выступали Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский и Г. И. Петровский. Они «разоблачали якутских тойонов и националистическую интеллигенцию, разъясняли политику большевистской партии, указывали якутскому трудовому народу пути его освобождения от классового и национального гнета».¹⁴⁰

Съезд принял решения: об отмене классной системы землепользования, о равном разделе покосных земель, передаче наследным обществам церковных и монастырских земель, о введении 8-часового рабочего дня, уста-

¹³⁹ История Якутской АССР, т. II, стр. 410—411.

¹⁴⁰ Там же, стр. 411.

новлении минимума заработной платы, организации рабочих союзов, о всеобщем начальном обучении на родном языке.

Большевики призывали якутский народ к дружному и братскому союзу со всеми народами России, к совместной борьбе за свободу. В прокламации Якутского комитета РСДРП «Социал-демократы и национальный вопрос», изданной на русском и якутском языках, говорилось: «Мы убеждены, что якутский народ использует добытую свободу именно для того, чтобы развить все свои силы в дружном братском союзе с народами России. Призываем вас к дружной работе над созданием здорового, братского союза всех племен, всех народов, населяющих Якутскую область и всю Россию».¹⁴¹

Состав Якутского областного комитета общественной безопасности был разнородным. В нем состояли купцы и тойоны, а также большевики, хотя участие в органах Временного правительства было ошибкой якутских большевиков. Члены Комитета большевики Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский, К. Н. Кирсанова и др. использовали его для пропаганды своих взглядов и защиты интересов трудящихся. По предложению большевиков Комитет принял постановление о введении 8-часового рабочего дня, отделении церкви от государства и школы, оказывал продовольственную помощь якутской бедноте, отстранял реакционных чиновников.

В Якутский комитет общественной безопасности поступали заявления улусных обществ об отмене классной системы землепользования и уравнительном распределении земель по душам. В некоторых улусах были случаи захватов тойонских земель.

Демократические решения съезда якутов и русских крестьян встретили противодействие со стороны тойонов и их приспешников. После выезда из Якутска политических ссыльных большевиков Якутский областной комитет общественной безопасности оказался в руках эсеров, буржуазных националистов и меньшевиков. Этот Комитет сохранял старую систему землепользования, выгодную для тойонов, преследовал выступления против них, препятствовал введению 8-часового рабочего дня. Окружные, улусные, наслежные комитеты общественной безопасности находились в руках тойонов и их ставленников. Такое засилье эксплуататоров вызывало острое недовольство трудящихся якутов. В некоторых местах Якутского и Вилюйского округов существовали 2 комитета общественной безопасности: один состоял из тойонов, другой — из бедноты.

Борьба трудящихся против тойонов продолжалась. В органе Якутского комитета РСДРП, газете «Социал-демократ», сообщалось: «При выборах на местах происходит борьба старого мира с новым, угнетателей с угнетенными. Те, кто прежде стоял у власти, — родовые старшины, улусные головы всех рангов, тойоны, часто жадные хищники, высасывающие соки народа, — они не хотят отойти, уступить дорогу народным низам, бедноте, всякими правдами и неправдами удерживают власть».¹⁴²

Национальное движение, вызванное свержением самодержавия, развивалось и среди алтайцев. В Горном Алтае происходили народные собрания, требовавшие ликвидации старых органов управления и проведения национального самоопределения. В районах расселения алтайцев избирались волостные комитеты, явочным порядком вводились национальные земские учреждения. Во главе национального движения стала немногочисленная алтайская интеллигенция, связанная с баями. «Волна национального движения, вызванного свержением самодержавия, захлестнула и Алтай, — пишет Л. П. Потапов. — Во главе этого движения становится немногочисленная алтайская интеллигенция, воспитанная в миссионерской

¹⁴¹ Там же, стр. 416.

¹⁴² Там же, стр. 413.

среде, в реакционном духе, тесно связанная с байской эксплуататорской верхушкой и сибирскими эсерами. Вскоре все руководство национальным движением алтайцев оказалось целиком в руках эсеров-областников, которые направляли его вначале по пути земских реформ».¹⁴³ Выдвигалась задача выделения алтайцев в «самостоятельную земскую единицу» (в форме национального земского самоуправления).

Февральская революция вызвала подъем национально-освободительного движения в Бурятии. По требованию бурятских и соседних русских крестьян были смещены крестьянские и инородческие начальники, урядники, пристава и другие чиновники, некоторые из них арестованы. Вместо старых волостных и булучных управлений создавались исполнительные комитеты. У бурят Забайкальской области они назывались комитетами общественной безопасности, в Иркутской губернии — просто комитетами. Собрания и съезды представителей бурятского населения приветствовали победу революции и свержение самодержавия.

Во главе национально-освободительного движения шла бурятская буржуазно-демократическая интеллигенция. Она была неоднородна по своему социальному происхождению и политическим взглядам. Небольшую группу среди бурятской интеллигенции составляли большевики. Большинство же примыкало к эсерам и было связано с буржуазными элементами бурятских улусов.

«Националистическое и буржуазно-демократическое течения, возникшие в период революции 1905—1907 годов, слились и ... выступали под единым флагом буржуазного национализма».¹⁴⁴ Националисты стремились к установлению буржуазных порядков и буржуазных органов национального самоуправления. В этом отношении они расходились с консерваторами «стародумцами», которые добивались восстановления степных дум, учрежденных по уставу 1822 г., сохранения привилегий тойонов и лам, патриархально-родовых традиций.

6 марта 1917 г. в Чите состоялось совещание бурятских общественных деятелей. Оно высказалось за необходимость национальной автономии с учреждением «сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельному, народного образования, здоровья и по вопросам религии». На совещании был избран Временный организационный национальный комитет. В его задачу входили поддержка Временного правительства, подготовка к выборам в Учредительное собрание, «защита и представительство национальных интересов бурят».

Вопросы, поставленные на совещании в Чите, обсуждались затем на уездных и общепурятских съездах, происходивших в марте и апреле 1917 г. Общепурятские съезды состоялись в Чите, при Гусиноозерском дацане и в Верхнеудинске. 7—12 апреля происходил губернский съезд иркутских бурят.

В Иркутской губернии национальное движение возглавила небольшая группа бурятской интеллигенции, находившаяся в Иркутске.

На основании постановлений и наказов с мест был составлен проект «бурятской национальной автономии», принятый на первом Общепурятском съезде в Чите, происходившем в апреле 1917 г. По этому проекту буряты Иркутской губернии и Забайкальской области должны были составлять единую территориальную автономию с верховным органом — бурятской национальной думой — «Бурят Ологун Цогулган». В дальнейшем предполагалось выделить особой национальной территории и утверждение ее в Учредительном собрании. Вместо Временного организационного комитета был создан Временный бурятский национальный комитет.

¹⁴³ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 377.

¹⁴⁴ П. Т. Хаптаев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964, стр. 152.

Значительное внимание съезды представителей бурятского населения уделили земельному вопросу. Они принимали решения об ограждении бурятских земель от колонизаторских захватов, о возвращении земель, отобранных при царизме в колонизационный фонд, но еще не заселенных, передаче церковных земель улусным обществам, регулировании поземельных отношений. Однако съезды, проходившие под руководством националистов, совершенно не затрагивали вопрос о крупных земельных угодьях, захваченных тойонами и кулаками в ущерб землепользованию бурятских крестьян, ограждали интересы эксплуататорской верхушки.

В области народного образования съезды высказывались за национализацию бурятских школ. Под национализацией понималось всеобщее начальное образование на родном языке, изучение в школах истории, этнографии, литературы бурят, издание учебников, книг и газет на бурятском языке, организация курсов для подготовки бурятских учителей.

Националисты, заявляя о необходимости объединения «всех элементов нации», затушевывали классовые противоречия, которые развивались в бурятском обществе. Широкие слои бурятского народа надеялись, что автономия улучшит их социально-правовое положение, оградит от угнетения, существовавшего при царизме. Для бурятского же кулачества автономия была средством укрепления его господства в местном управлении. Право наций на самоопределение националисты рассматривали как право национальной буржуазии взять власть на местах в свои руки.

Буржуазное Временное правительство и его представители на местах отрицательно отнеслись к бурятской национальной автономии. Это было одним из проявлений антинародной политики буржуазной власти.

Февральская буржуазно-демократическая революция осуществила ближайшую задачу революционной борьбы — свержение самодержавия. Она была совершена силами рабочих и крестьян под руководством большевиков. Рабочий класс поднял на борьбу против царизма миллионы крестьян, одетых в солдатские шинели. Эта борьба охватила и сибирские районы России. После падения царизма в центре страны его ставленники в Сибири не могли уже оказать какого-либо значительного сопротивления революционному народу.

После свержения царизма власть еще не перешла к победившим его рабочим и крестьянам. В России установилось двоевластие. В нем выражались две диктатуры — диктатура буржуазии в лице Временного правительства и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих и солдатских депутатов. Двоевластие проявилось и в Сибири, где одновременно с Советами существовали органы буржуазной власти — комитеты общественной безопасности, губернские и краевые комиссары Временного правительства, городские думы и управы. Они проводили на местах политику буржуазного правительства.

Одновременное существование двух диктатур антагонистических классов не могло продолжаться долго. Двоевластие могло завершиться либо диктатурой буржуазии, либо диктатурой пролетариата.

Буржуазное Временное правительство, проводившее антинародную политику, не в состоянии было разрешить основные проблемы, стоявшие перед страной: преодолеть хозяйственную разруху, добиться мира, решить в интересах трудящихся рабочий, крестьянский и национальный вопросы, дать народу мир, хлеб и действительную свободу. Предотвратить катастрофу, грозящую стране в результате затягивания войны и растущей разрухи, решить основные социально-экономические и политические проблемы в интересах рабочих и крестьян могла лишь социалистическая революция.

Заключение

В пореформенное время совершался процесс развития капитализма вширь — сфера его господства распространялась и на сибирские окраины России. Этот закономерный процесс имел здесь некоторые особенности.

В Сибири, как и в центре России, происходило расслоение крестьянства: на одном полюсе выделялась сельская буржуазия, на другом — пролетарии и полупролетарии. Специфика же развития капитализма в сибирских районах страны заключалась в отсутствии помещичьего землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьян помещиками, большом количестве свободных земель, распространении захватного землепользования при государственной собственности на землю.

Возраставшее переселение крестьян оказывало влияние на все стороны социально-экономического развития Сибири. Оно увеличивало рынок рабочей силы, способствовало расслоению крестьянства и развитию производительных сил. Для роста капитализма в сельском хозяйстве Сибири было характерно не приспособление помещиков к условиям капиталистического развития, а превращение зажиточных крестьян в сельскую буржуазию.

Отсутствие помещичьего землевладения стимулировало рост капиталистических отношений, но более широкое развитие капитализма тормозилось докапиталистическими пережитками.

Крепостнические пережитки, существовавшие в Европейской России, ограничивали колонизационные возможности крестьян и, таким образом, тормозили более интенсивное заселение и хозяйственное освоение обширных сибирских земель. Замедленные темпы колонизации Сибири суживали рынок сбыта продукции сельского хозяйства. Направление колонизационной политики царского правительства определялось не нуждами народного хозяйства, а интересами охраны помещичьего землевладения от «беспокойных» крестьян. Дореформенные порядки проявлялись в обременении крестьянства податями и повинностями, в управлении сибирскими окраинами. Феодальным пережитком было кабинетское землевладение на Алтае и в Забайкалье. Влияние феодальных пережитков в Сибири было все же слабее, чем в центральных губерниях Европейской России. Попытки насаждения на сибирских землях главного оплота крепостничества — помещичьего землевладения потерпели неудачу.

Развитию сельского хозяйства в Сибири способствовали природные богатства края, наличие многих свободных земель, пригодных для хлебопашества и скотоводства, опыт и трудовая деятельность крестьян-старожилов, приток переселенцев, освоение новых районов земледелия, распространение его среди сибирских аборигенов (бурят, якутов и других народов), рост товарно-денежных отношений. В пореформенное время на

сибирских окраинах России расширялись основные отрасли сельскохозяйственного производства, росла товарность земледелия и скотоводства. Это был прогрессивный процесс, но развитие сельского хозяйства в более широких масштабах, на повышенном технико-экономическом уровне, в интенсивных формах тормозилось социально-экономическими и политическими условиями, существовавшими в помещичье-буржуазном государстве.

На экономическом росте Сибири отрицательно сказывалось слабое развитие здесь фабрично-заводской промышленности. Для капиталистов и помещиков центра Сибирь была источником выкачивания золота, серебра и других металлов, пушнины, сырья, продукции сельского хозяйства и промыслов, обширным рынком сбыта промышленных изделий. Капиталисты центра, опасаясь конкуренции, тормозили развитие сибирской промышленности. На слабом развитии ее сказывались также сравнительная узость рынка сбыта промышленной продукции, удаленность от крупных центров торговли и промышленности, плохие пути сообщения. В Сибири имелись все стадии промышленного производства: домашняя промышленность, ремесло на заказ, кустарничество, мануфактуры и предприятия фабрично-заводского типа. Сибирь занимала первое место в России по добыче золота, другие отрасли промышленности развивались медленными темпами.

В эпоху капитализма в Сибири совершался процесс формирования рабочего класса. Кадры его пополнялись за счет мастеровых, освобожденных от принудительного труда на кабинетских и казенных предприятиях, ссыльнопоселенцев, деревенской и городской бедноты. На сибирских окраинах, хотя и медленнее, чем в центральных промышленных районах, рос рабочий класс, возрастала его общественная роль. Развивалось рабочее движение. На первых порах оно имело стихийный характер. В дальнейшем это движение стало более сознательным и организованным. Распространялось специфически пролетарское средство борьбы — стачка.

Сибирь — место каторги и ссылки — была своеобразным барометром революционного движения, развивавшегося в России. Каждый этап этого движения сопровождался ссылкой его участников, отражался на составе и деятельности политических ссыльных. Среди них были революционные демократы 50—60-х годов XIX в.; участники польского восстания 1863—1864 гг., деятели народнического движения 70—80-х годов, члены первых рабочих союзов и, наконец, пролетарские революционеры-марксисты, создавшие партию нового типа. Политические ссыльные оказали большое влияние на культурное и общественно-политическое развитие трудящихся Сибири, внесли крупный вклад в изучение этого края.

В Сибири развивалось революционно-демократическое движение.

В конце XIX—начале XX в. капитализм в России перерос в свою высшую и последнюю стадию — в империализм. Особенность развития Сибири в эпоху империализма определялась тем, что она продолжала оставаться аграрно-сырьевой базой центра страны и промышленность в ней была развита сравнительно слабо. Однако в эту эпоху усилилась роль сибирских окраин России не только как сырьевой базы, но и как сферы приложения свободных капиталов. Развитие капитализма вширь, рост внутреннего общероссийского рынка, приток русских и иностранных капиталов дали толчок развитию сибирской промышленности.

Важнейшее значение для развития российского капитализма вширь, на территорию Сибири, имело проведение Сибирской железной дороги. Великий Сибирский путь усилил экономические, политические и культурные связи сибирских окраин с Европейской Россией, во много раз ускорил оборот товаров, способствовал росту переселения в Сибирь, развитию таких отраслей промышленности, как добыча каменного угля, золота, пере-

работка сельскохозяйственного сырья. После проведения железной дороги выросло население городов и рабочих поселков.

В эпоху империализма усилилась борьба за источники сырья и рынки сбыта между отдельными союзами монополий, возглавляемых банками. Эта борьба развернулась и в Сибири, особенно за захват золотых приисков, богатейших рудных месторождений и за овладение рынком крупной промышленности. В Сибири развивались монополистические тенденции, возрастала роль крупных банков в экономике края.

Капитал преобразовал экономически патриархальную сибирскую деревню. Сибирский хлеб, масло, мясо, меха, яйца, кожи стали широко вывозиться в европейскую часть страны и за границу. Сбыт сельскохозяйственного сырья и продуктов захватил в свои руки крупный капитал. Монополистические тенденции тесно переплетались с пережитками феодализма. Часть этих пережитков была модернизирована капитализмом и приспособлена к его развитию, другая часть продолжала оставаться причиной острейших противоречий.

Сельское хозяйство Сибири перестраивалось на капиталистический лад. Происходила специализация сельскохозяйственного производства. Развивались исторически сложившиеся районы зернового хозяйства, создавались новые маслодельческие районы, улучшались породы скота, возникали новые отрасли.

Главное направление сельского хозяйства определялось потребностями рынка и возможностями вывоза. Основным поставщиком товарной продукции становилось зажиточное крестьянство. Закреплялось создание буржуазных кооперативов (маслодельческих, потребительских и кредитных), объединявшихся в крупные союзы.

В сельском хозяйстве, как и в промышленности, создавались социально-экономические условия для победы социалистической революции. Сказывалось влияние капитализма на обобществление земледельческого труда, отмеченное В. И. Лениным. Возрастала роль Сибири в сельскохозяйственном производстве. Сибирь становилась одной из житниц страны. В значительной степени этому способствовало и переселение сюда миллионов крестьян.

В период империализма крайне обострились противоречия капиталистического строя и возникли предпосылки социалистической революции.

Одним из очагов революционного движения стала Сибирь. Здесь побывали в ссылке В. И. Ленин и его боевые соратники. Они воспитывали трудящихся Сибири в духе ненависти к самодержавию, призывали к революционной борьбе. В Сибири из марксистских кружков образовались «Сибирский социал-демократический союз» и комитеты РСДРП, руководившие революционным движением. Рабочие и крестьяне Сибири поднялись на борьбу с царизмом. Первая русская революция 1905—1907 гг. ознаменовалась в Сибири многочисленными стачками и политическими демонстрациями, вооруженными восстаниями и созданием Советов рабочих и солдатских депутатов. Трудящиеся Сибири активно участвовали в Февральской буржуазно-демократической революции, свергнувшей самодержавие и явившейся предтечей Великого Октября.

Список сокращений

ВСОРГО	— Восточносибирский отдел Русского географического общества.
ГААК	— Государственный архив Алтайского края.
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области.
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края.
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области.
ГАОО	— Государственный архив Омской области.
ГАТО	— Государственный архив Томской области.
ГАТОТ	— Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области.
ДП	— Департамент полиции (фойд в ЦГАОР).
ИГЖУ	— Иркутское губернское жандармское управление.
МНП	— Министерство народного просвещения.
ОО	— Особый отдел департамента полиции.
ПАИО	— Партийный архив Иркутской области.
ПАКК	— Партийный архив Красноярского края.
ПАНО	— Партийный архив Новосибирской области.
ПАОО	— Партийный архив Омской области.
ПАТО	— Партийный архив Томской области.
РГО	— Русское географическое общество.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив военно-морского флота.
ЦГАДВ	— Центральный государственный архив Дальнего Востока.
ЦГА Каз. ССР	— Центральный государственный архив Казахской ССР.
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив.
ЦПА ИМА	— Центральный партийный архив при Институте марксизма-ленинизма.
ЦСУ	— Центральное статистическое управление.

Именной указатель

- А. А. К., историк 28.
Абрамович П., политический ссыльный, поляк 124.
Абрамович Э. А., политический ссыльный 221, 223, 224.
Аврахова-Никольская Е. П., руководительница труппы актеров 413, 414.
Аврорин В. А., лингвист 4.
Агапитов Н. А., краевед 385.
Агафонов, издатель «Волжско-Камской газеты» 163.
Агеев А. В., большевик 474.
Адамов, профессор 374.
Адельгеймы, братья актеры 415, 417.
Адрианов А. В., историк 9.
Азадовский М. К., литературовед 14.
Азанчеев-Азанчевский, томский губернатор 266.
Акимова Т., политическая ссыльная 224.
Аксенов Ю. С., историк 14.
Алейников, крестьянский начальник 271.
Александр II, император 113, 152.
Александр III, император 126, 158, 164, 332, 404.
Александров, инженер 356.
Александров В. И., политический ссыльный 123.
Александров Д. А., политический ссыльный 123.
Александрова В. И. (Натансон), политическая ссыльная 165, 168.
Александрова Е. П., политическая ссыльная 123.
Алексеев В. В., историк 44.
Алексеев В. В., историк, статистик 9, 208, 211.
Алексеев П. А., политический ссыльный 123.
Альберт М. О., советник коммерции 195.
Алякритский М., член кружка К. Г. Неустроева 165.
Анашкин Н., член кружка Н. С. Щукина 140.
Андреев В. И., историк 14.
Андреев Леонид, писатель 409—416.
Андреев Н., политический ссыльный 221.
Андреев Яков, крестьянин 151.
Андреоли Э., гарибальдиец 116, 121.
Андросов И. А., рабочий 214.
Андруцкий П. С., редактор газеты «Кяхтинский листок» 391.
Анелевский Владислав, политический ссыльный, поляк 124.
Аникеев В. В., историк 482.
Анисимов Я., большевик 453.
Антонов В. Г., большевик 482.
Антушевский Ф., большевик 452.
Анурьев Платон, крестьянин 151.
Анучин, иркутский генерал-губернатор 166, 167.
Анучин В. И., этнограф 386.
Аптекман О. В., политический ссыльный 123.
Аргант П., гарибальдиец 121.
Аргунов А., политический ссыльный 129, 219, 220.
Арди-Светлова О. В., актриса 416.
Арефьев В. С., этнограф, краевед 385, 395.
Арсеньев В. К., исследователь Дальнего Востока 387, 388.
Арутюнов Г. А., историк 16.
Арцибушев В. П., политический ссыльный 233.
Арцимович К., политический ссыльный, поляк 118, 120.
Аршаулов, полицмейстер 245.
Асалханов И. А., историк 13, 15, 37, 66, 90, 98.
Астахов, владелец приисков 155, 184.
Атабеков М. С., политический ссыльный 350.
Афанасьев П., якутский тойон 85.
Афанасьева, политическая ссыльная 128.
Ашедуев М. М., деятель народного просвещения в Бурятии 426.
Ащепков Е. А., искусствовед 13.
Аярон, руководитель труппы актеров 416.
Бабилов, прапорщик 145, 149.
Бабинцев В., купец 69.
Бабиницева П., купчиха 69.
Бабушкин Е. А., политический ссыльный 349, 454.
Бабушкин И. В., рабочий-революционер 10, 258, 264, 285, 398.
Багашев И. В., краевед-литератор 394.
Бадаев А. Е., большевик, депутат IV Государственной думы 450, 451.
Базанова Л. П., художница 422.
Базановы, купцы-промышленники 68.
Базыкин С. С., историк 317.

- Байкалов С. (П. Озерных), журналист 397.
 Байрон, Джордж Гордон, английский поэт 373.
 Баканов И. (Маркин), шахтер 362.
 Баклунд О. О., геолог 384.
 Бакулев Г. Д., экономист 342.
 Бакунин М. А., революционер-анархист 133, 135, 139.
 Балакшин А. Н., кооперативный деятель, предприниматель 203.
 Баллод П. Д., политический ссыльный 394.
 Баломез А., политический ссыльный 125.
 Бальбатов С. М., большевик 451.
 Банзаров Доржи, ученый-востоковед, этнограф 390, 430.
 Баизаров Ш. Б., учитель 429.
 Банников, старшина 151.
 Барабанщиков Н. А., член РСДРП 238.
 Баранский Н. Н. (Николай Большой), деятель партии большевиков, географ 241, 258, 282, 398.
 Барашев И. В., нерчинский архитектор 132.
 Барашков С., якутский богач 98.
 Бардина С. И., политическая ссыльная 123, 125.
 Бартенев В. В., этнограф 94.
 Бартольд, политический ссыльный, поляк 120.
 Баснины, купцы-промышленники 68, 69.
 Басынов Б., заседатель Степной думы 152.
 Баталов А. Н., историк 484.
 Баташев П. Н., рабочий-большевик 7, 356.
 Баторов, бурятский тайша 152.
 Батурин А. Д., большевик 354.
 Бахметьев В. М., писатель 353, 408, 410.
 Бедный Демьян, поэт 359.
 Бедрин В. А., участник областного движения 141, 144.
 Безерман Б. Б., политическая ссыльная 351.
 Бейлины, участники кружка К. Г. Неустроева 165.
 Беккер, заводчик 353.
 Беклемышев Ф., иркутский чиновник 135.
 Беленец А. И., большевик 479.
 Бельский Е. И., литературовед 408.
 Беликов Д. Н., историк 389.
 Белинский В. Г. 133, 373.
 Белоголовые, купцы-промышленники 68, 133.
 Белоголовый Н. А., писатель, общественный деятель 133—135, 139, 390, 391.
 Белозеров Б. В., купец 132.
 Белоконов Н. Н., режиссер 415.
 Белопольский И. И., большевик 451, 474, 485.
 Белослюдов В., художник 422.
 Белоусов А. Г., политический ссыльный 123.
 Белый Я., политический ссыльный 428.
 Бельский А. А., антрепренер 413.
 Беляев П., член РСДРП 286.
 Беляевский С. И., историк 10, 16.
 Беляков А. А., политический ссыльный 221, 223, 224, 234, 394.
 Бенардаки, владелец приисков 153.
 Бенди А., гарibaldiец 121.
 Беневоленский П., политический ссыльный, поляк 116.
 Берви В. В. (Флеровский Н.), экономист, просветитель-демократ 394.
 Берг Л. С., географ, зоолог 385.
 Березин Г. Н., политический ссыльный 125.
 Березнеговский Н. И., хирург, профессор Томского университета 377.
 Березовский В. М., член сибирского земледельчества в Петербурге 137, 138.
 Березовский Ф. А., писатель 258, 262, 407, 409, 410.
 Беркевич А. Б., историк 467.
 Беркман Юзеф, политический ссыльный, поляк, художник 419.
 Беркович Л. Е., политический ссыльный 221, 223, 428.
 Бернштейн Э., идеолог ревизионизма 228.
 Бестужев М. А., декабрист 132, 134, 391.
 Бестужев Н. А., декабрист 389.
 Бетлингк О. Н., лингвист 432.
 Беттерфильд, американский генерал 176.
 Бианки В. Л., зоолог 384.
 Бибергаль А. И., политический ссыльный 394.
 Бирфрейнд, политический ссыльный, поляк 121.
 Бичи Ч., английский капиталист 346.
 Блажев И. А., актер 416.
 Блаан Луи, историк, представитель утопического социализма 144, 162.
 Блинов Н. В., историк 16, 224.
 Блиновы, крестьяне 326.
 Блусевич А. Ф., большевик 453.
 Бобохов С., политический ссыльный 126.
 Бобро Ефим, крестьянин-кулак 326.
 Бобро Михаил, крестьянин-кулак 326.
 Бобров Тимофей, крестьянин 151.
 Бобырь Н. П., участник экспедиции Вилькицкого 382.
 Богачев С. П., большевик 353.
 Богданович К. И., горный инженер 382.
 Богдашин М. В., крестьянин 152.
 Богдашины, крестьяне 152.
 Боголепов М. И., экономист 94.
 Боголюбовский И. С., горный инженер, археолог 387.
 Богомолец С., политическая ссыльная 123, 165.
 Богораз В. Г. (Тан), этнограф, писатель 103, 124, 220, 392, 404, 405, 428, 432.
 Богословский А. А., социал-демократ 236, 237.
 Бойль, директор золотопромышленного синдиката 439.
 Боклевский В. П., концессионер 346.
 Болдонов Н. С., учитель 429.
 Болотов А., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Бомарше Пьер Огюстен, французский драматург 413.
 Бондарь Ф. В., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
 Борейша Т., политический ссыльный 224.
 Бораунов В. Ф., историк 12, 177, 201—203, 213.
 Борисов И., рабочий 154.
 Боровицкий Федор, член РСДРП 285.
 Бородавкин А. П., историк 4, 8, 15, 164.
 Бородин П. А., историк 16.

- Боцярский Д., политический ссыльный, поляк 115.
 Брагги, руководитель труппы актеров 414.
 Брешко-Брешковская Е. К., политическая ссыльная 165, 452.
 Бринер Ю. И., горно- и лесопромышленник 187, 347.
 Броннер В. М., член РСДРП 240.
 Брусенин В., большевик 456.
 Бруснев М. И., политический ссыльный 221, 223, 224.
 Буданцев С., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Бузулаев И. С., работник банка 452.
 Букейханов А. Н., политический ссыльный 394.
 Булагат, мифический родоначальник бурят 430.
 Буланов Л. П., политический ссыльный 165, 166.
 Булатова Ефимья, солдатская дочь 122.
 Бумов И., большевик 467.
 Буиге, фон, вице-губернатор 472.
 Бурденко Н. Н., хирург 373.
 Бурнашов И., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Бурьянов, депутат Думы 460.
 Бутаков И. Н., ученый-механик 378.
 Буташевич-Петрашевский М. В., руководитель политического кружка петрашевцев 133—136, 139, 391.
 Бутины, купцы-промышленники 68, 69.
 Бутозов И., большевик 467.
 Буханцева А., крестьянка 165.
 Буцинский П. Н., историк 388.
 Бушуев В. И., рабочий 262.
 Быков И. В., пропагандист-революционер 219.
 Быков П., принисковый рабочий 157.
 Быковский, политический ссыльный 452.
 Вагжанов А. П., член РСДРП, депутат II Государственной думы 350.
 Вагин В. И., историк, публицист 119, 129, 140, 163, 167, 168, 388, 391, 392.
 Вайнштейн И. А., член РСДРП 286.
 Валиханов Чокаи, этнограф 137—139.
 Валуев М., политический ссыльный 156.
 Вальков, купец, владелец маслодельного завода 203.
 Ванаг Н., историк 344.
 Вандервельде, оппортунист, лидер II Интернационала 454.
 Вансеев А. А., политический ссыльный 225.
 Ванновские, марксисты 395.
 Ванновский В. А., марксист 395.
 Варенцов А. Н. (Золин), фельетонист 392.
 Варламов К. А., актер 417.
 Васи́левская К., политическая ссыльная, полячка 121.
 Васи́лев А. П., историк 389.
 Васи́лев Н. Н., актер 416.
 Васильченко С. Ф., большевик 454.
 Васи́цев А. М., художник 420.
 Ватин В. А. (Быстрицкий), историк, литератор 6, 7, 349, 389, 390, 397, 452.
 Вашкевич Г., политический ссыльный, поляк 116, 146.
 Введенский И., историк 301.
 Вагман В. Д., член РСДРП 452.
 Ведерников А. С., большевик 266.
 Вейде М., политический ссыльный 111.
 Вейнбаум Г. С., большевик 349, 450.
 Вейиберг Б. П., физик, профессор Томского технологического института 378.
 Велижанин А. П., орнитолог 385.
 Величко Я., историк 13.
 Вельман В. И., большевик 454.
 Вельтман И., политический ссыльный 222.
 Веиацио А., гарибальдиец 121.
 Венгловский С., политический ссыльный, поляк 121.
 Вендрих Г. А., историк 13, 446, 454.
 Венцковский А., политический ссыльный, поляк 124.
 Венюков М. И., корреспондент «Колокола» 133, 139.
 Верещагин В. И., ботаник 385.
 Вержбицкий Н., журналист 170.
 Вернер Е. В., профессор Томского университета 377.
 Верхотуров Н. И., художник 421, 423.
 Вершинин, профессор 374.
 Веселовский В., политический ссыльный, поляк 222.
 Ветошкин М. К., большевик 6—8, 11, 258, 282, 398.
 Ветошников П., политический ссыльный 116.
 Вилькицкий А. И., руководитель научных экспедиций 382.
 Винберг, акционер Ленского золотопромышленного общества 183.
 Винокуров А., политический ссыльный 222, 224.
 Винокурова П., политическая ссыльная 224.
 Вита́шевский Н. А., политический ссыльный, этнограф 123, 386, 432.
 Витковские, потомки ссыльного поляка 122.
 Витковский Н. И., политический ссыльный, поляк, археолог 121.
 Витте С. Ю., государственный деятель 268.
 Ви́шевский А. Д., политический ссыльный, поляк, 122.
 Ви́шевский В. М., историк 4, 16.
 Владимиров И., политический ссыльный 116.
 Владимирский М. Ф., большевик 233.
 Власенко С. Г., художник-педагог 419.
 Водолазченко, рабочий 262.
 Вознесенский А. В., геофизик 385.
 Возницкий Ф., политический ссыльный, поляк 121.
 Войлоши́ков А. А., социал-демократ, депутат III Государственной думы 300, 334, 335.
 Войнара́льский П. И., политический ссыльный 123, 392.
 Войтнвский В. С., лидер меньшевиков 454.
 Войнич М., политический ссыльный, поляк 124, 125, 222, 223.
 Волков Е. Е., художник 420.
 Волков Н. К. (2-й), депутат III Государственной думы 300.
 Воложа́ин В. Е., пропагандист марксизма 233, 236.
 Волосевич В. О., большевик 334.

- Волошенко И. Ф., политический ссыльный 125.
 Волховский Ф. В. (И. Брут), политический ссыльный, писатель 55, 123, 128, 392, 403.
 Вольский Н. И., актер 413.
 Вольф М. Б., географ-экономист 188.
 Вонлярский, полковник 194.
 Воробьев В. В., географ 13.
 Воронцов В. П. («В. В.»), экономист, публицист 129.
 Воронцов И. Н., большевик 233.
 Воронцова, актриса 413.
 Востротины, золотопромышленники 344.
 Воткин, владелец верфи 333.
 Вронский Станислав, политический ссыльный, поляк, художник 121, 419.
 Вронский Эдвард, политический ссыльный, поляк 118.
 Врубель М. А., художник 419.
 Врублевский Валерий, польский революционер 114.
 Врублевский Ф. К., политический ссыльный, поляк, большевик 452, 474.
 Второв, купец-промышленник 69.
 Второвы, купцы-промышленники 60, 68, 69, 361.
 Вульф, участники кружка К. Г. Неустроева 165.
 Вучичевич В. Д., художник 421.
 Высотский, начальник Зерентуйской тюрьмы 330, 335.
 Высоцкий А. В., журналист, литературный критик 408.
 Высоцкий Н. К., геолог 382.
 Вяземский, князь 139.
 Вяткин Г. А., поэт, писатель 396, 407, 408, 414.
- Гаврилин П. С., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
 Гаврилов, начальник охранного отделения 267, 335.
 Гаврилов Н. А., большевик 482.
 Гадалов, купец-промышленник 68, 218, 354.
 Гаев А., крестьянин-кулак 326.
 Гайбулин И., политический ссыльный 115, 116, 146.
 Галкин В. Г., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
 Галов С., член РСДРП 285.
 Гамбаров А., историк 13.
 Гамов Д. И., политический ссыльный 122.
 Ганкин Е., учитель 149.
 Гаитимуров Г. С., эвенкийский писатель 427, 432.
 Гаитимуровы, эвенкийские князья 107.
 Гавани В. Д., художник 422.
 Гарин-Михайловский Н. Г., писатель 406, 407.
 Гартунг Н., политический ссыльный, поляк 121.
 Гасчинский, политический ссыльный, поляк 120.
 Гаусман А., политический ссыльный 127.
 Ге Г. Г., актер и драматург 417.
 Гейбович К., дворянин 152.
 Геккер Н. А., политический ссыльный 392.
 Геллер С. А., политический ссыльный 123.
- Герасимов А. П., геолог 382.
 Германсон А. И., политический ссыльный 350.
 Герцен А. И. 13, 109, 110, 120, 132, 133, 135—141, 143, 144, 159, 166, 373.
 Гете Иоганн Вольфганг 373, 415.
 Гефтер М. Я., историк 343.
 Гиндин И. Ф., историк 69.
 Гинсбурги, акционеры Ленского золотопромышленного общества 183.
 Гирбасов М. В., автор работы о горнозаводской промышленности 42.
 Гиртятовичи, потомки ссыльного поляка 122.
 Гирш Арон, глава немецкой фирмы 347, 440.
 Гладков Ф. В., писатель 408.
 Глинка К. Д., ученый-почвовед 384.
 Глиссон, офицер 484.
 Говоров Д., исполнитель якутского героического эпоса — олонхо 431.
 Гоголев Э. В., историк 4, 15, 93.
 Гоголь Н. В. 408, 412—414.
 Годлевский В., политический ссыльный, поляк, зоолог 121, 381, 419.
 Годун Л., политический ссыльный 328.
 Голенцев-Кутузов Д. (Д. Илимский), журналист 397.
 Голицын С. М., князь 374.
 Головачев Д. М., экономист 387.
 Головачев П. М., историк 29, 30, 32, 45, 53, 59, 181, 211, 389.
 Головинский, актер 413.
 Голодников К., историк 9.
 Голощекин Ф. И., политический ссыльный, член ЦК РСДРП 334, 349, 448, 450.
 Голубев В., политический ссыльный 221.
 Голубев П. А., политический ссыльный 392.
 Голубин А. Н., крестьянин-раскольник 117.
 Голубков А. П., политический ссыльный 349, 452.
 Голубков Е. Т., крестьянин-раскольник 117.
 Гольдберг И., писатель 397, 407, 408.
 Гольдсобель А. А., член РСДРП 285.
 Голянковский А., член РСДРП 293.
 Гончаров И. А. 140, 310.
 Гопфенгауз М. Г., корреспондент В. И. Ленина 229.
 Горбань Ф. И., большевик 453.
 Горбачев Т. Ф., член-корреспондент АН СССР 12.
 Горбачевский И. И., декабрист 132, 134.
 Гордеев А. А., рабочий 255, 266, 285.
 Горева Е. Н., актриса 413.
 Горенский М., историк 14, 331, 353, 354, 473.
 Горинович В. Я., политический ссыльный 123.
 Горн Н., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Горохов К. И., антрополог 386.
 Горский А., исправник 151.
 Горшков В. Е., большевик 453, 474.
 Горький А. М. 340, 373, 401, 408, 409, 414—416, 422.
 Горюшкин Л. М., историк 12, 16, 202, 206, 207.

- Гоц Р., журналист 397.
 Грабовский А., политический ссыльный, поляк 115, 124, 405.
 Грабовский П. А., писатель 111, 124, 125, 130, 393, 428.
 Грамматикати И. Н., профессор медицины в Томском университете 374, 377.
 Грановский Т. Н., историк, общественный деятель 133.
 Грауман Л. В., инженер 44.
 Гребенщиков Г. Д., писатель 397, 407, 408.
 Гребнев Н. В., художник 419, 420.
 Гревин А. Д., политический ссыльный 350.
 Грибоедов А. С. 413, 416.
 Григорьев В. Ю., экономист 85, 386.
 Григорьев М. Г., корреспондент В. И. Ленина 229.
 Григорьев Н. А., политический ссыльный 112.
 Григорьева Н., этнограф 385.
 Гривев, заводчик 323.
 Гринцевич Н., политическая ссыльная, полячка 121.
 Гробовский А. П., политический ссыльный 165, 166.
 Грозный Е. А., политический ссыльный 234.
 Громадский В., политический ссыльный, поляк 115, 149.
 Громы, купцы-промышленники 68.
 Грубергриц Р. И., политическая ссыльная 351.
 Грудниина К. И., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
 Груш Д. Б., историк 14, 230, 238.
 Грязнов, крестьянин-кулак 326.
 Грязнов Г. М., большевик 354.
 Губельман М. И., большевик (брат Е. Ярославского) 482.
 Губельман М. И., см. Е. Ярославский.
 Губер Г., директор золотопромышленного синдиката 439.
 Губкин Ф., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
 Гувер Герберт, американский капиталист 346.
 Гудошников М. А., историк 8, 147, 162, 164.
 Гуковский Г., политический ссыльный 221.
 Гуковский И. Э., член РСДРП 236, 238.
 Гурвич И. А., политический ссыльный, экономист 6, 9, 26, 130.
 Гурвич И. С., этнограф 82.
 Гуркин Г. И., художник 422.
 Гурович Я. Е., политический ссыльный 123.
 Гусаров Ф. В., большевик 350.
 Гусев В. Я., руководитель научной экспедиции 387.
 Гусев И. А., политический ссыльный 123.
 Гусев К. П., руководитель забастовки на Анжерских коях 461.
 Гусев Ф., марксист 395.
 Гусевы, купцы-золотопромышленники 182.
 Гутковский К. К., руководитель кружка интеллигенции в Омске 133.
 Гуцков Карл, немецкий писатель 415.
 Гучков А. И., лидер партии октябристов 339.
 Гюго Виктор, французский писатель 415.
 Давыдов В. Н., актер 417.
 Далматов В. П., актер 417.
 Дальский М. В., актер 417.
 Дан Ф. И., лидер меньшевиков 454.
 Даник И., рабочий-агитатор 241.
 Данилович М., политический ссыльный, поляк 124.
 Данчинов П. П., член РСДРП 293.
 Двойных, большевик 453.
 Дейч Л. Г., политический ссыльный 130, 221, 223, 392, 394, 395.
 Демины, крестьяне 152.
 Демьяновский В. В., редактор газеты «Восточное обозрение» 392.
 Державин А. Н., геолог, профессор Томского университета 377.
 Державин Д. К., геолог 383.
 Дехтеров М., рабочий 154.
 Джабадари И. С., политический ссыльный 123, 164.
 Джефферсон Томас, американский просветитель и общественный деятель 140.
 Джоров С. И., болгарский революционер 350, 450.
 Джупони А., гарибальдиец 121.
 Дзержинский Ф. Э. 10, 222, 248, 328, 329, 350.
 Дзюбинский В. И., депутат III и IV Государственных дум 300.
 Дие Л. А., гарибальдиец 121.
 Диковский М., политический ссыльный 125.
 Димитров Г. М., болгарский революционер 350.
 Димитров Н. М., болгарский революционер 350, 450.
 Дитерикс, помещик 131.
 Дмитриев-Мамонов А. И., историк 389.
 Дмоховский Л. Д., политический ссыльный 122.
 Добашинская С., политическая ссыльная, полячка 121.
 Добровольский Н. В., художник 419.
 Добролюбов Н. А. 133, 134, 136, 141, 144, 160, 166, 373, 400.
 Догель А. С., профессор медицины в Томском университете 374, 377.
 Докучаев В. В., ученый-почвовед 384.
 Докучаев Г. А., историк 4.
 Долгих Б. О., этнограф 11.
 Долгушин А. В., политический ссыльный, руководитель народнического кружка 122, 123, 140, 164.
 Долин Е. М., руководитель труппы актеров 415.
 Долинин, политический ссыльный 168.
 Доллер А., политический ссыльный 123.
 Домбровская П., политическая ссыльная, полячка 115.
 Домбровский Ярослав, польский революционер 114, 115.
 Домрачев А., статистик 308.
 Дондуков Ц. Ц., историк 13.
 Дорогостайский В. Ч., зоолог 385.
 Дорофеев А., ветеринар 204.

- Дорошевич В. М., писатель 75, 77.
 Достоевский Ф. М. 30, 76, 403—405, 408, 422.
 Драверт П. Л., поэт 396, 406.
 Драгомиров, помощник полцмейстера 267.
 Дробыш Л., политический ссыльный, поляк 124.
 Дробышев Н., большевик 258.
 Дронин Г. Е., большевик 453.
 Дронова А., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
 Дубровинский И. Ф., большевик 328.
 Дубровский С. М., историк 16.
 Дуглас, лорд 196.
 Дулемба Г., политический ссыльный, поляк 124.
 Дулов В. И., историк 4, 12—16, 86, 104, 215, 219, 271, 280, 294, 295, 398.
 Дунин-Горкавич А. А., краевед 383, 384.
 Дыбовский Б. И., политический ссыльный, поляк, зоолог 121, 122, 381, 419.
 Дымов Е. Ф., большевик 452.
- Евграфов М. К., рабочий 262.
 Евсевич В., историк 117, 147.
 Евсеев В., крестьянин-кулак 326.
 Егоров А. Н., антрепренер 412.
 Елисеев А., историк 24.
 Елисеев Г. З., публицист 143.
 Елпатьевский В. С., участник научной экспедиции 385.
 Елпатьевский С. Я., писатель 404.
 Ельяшевич Л., политический ссыльный, поляк 118, 120.
 Епифанов Е., принсковый рабочий 157.
 Ермолов П. Д., политический ссыльный 113.
 Ертагаев, бурятский богач 98.
 Ершов А. И., писатель 407.
 Есипов, крестьянин 270.
 Ефимов Лука, крестьянин 151.
 Ефремов А. Ф., художник 422.
 Ефремов В. С., политический ссыльный 392.
- Жаков, большевик 454.
 Жамцарано Ц. Ц., бурятский ученый и общественный деятель 429.
 Жаромская С., политическая ссыльная, полячка 121.
 Жебунев С. А., политический ссыльный 123, 128, 129, 223, 428.
 Жеряков Е., купец-промышленник 68.
 Жилияков А. И., писатель 408.
 Жолудев Д. Г., историк 370.
 Жуков И. И., скульптор 421, 422.
 Журавлев, владелец верфи 333.
- Завалишин Д. И., декабрист 134, 136.
 Завитов, писатель, публицист 403.
 Завьялов, жандармский полковник 272.
 Загибалаов М. Н., политический ссыльный 113.
 Загоскин М. В., писатель, общественный деятель 35, 54, 55, 133, 134, 139, 140, 163, 391, 392, 403.
- Зайцев А. М., минералог, геолог 374, 377.
 Зайченко П. А., историк 14, 376.
 Зайчневский П. Г., политический ссыльный 392.
 Залесский С. И., профессор Томского университета 377.
 Замятин, углепромышленник 185, 186.
 Зандаген, руководитель научной экспедиции 379.
 Запорожец П. К., политический ссыльный 225.
 Захаров Г., исполнитель якутского героического эпоса — олонхо 431.
 Звездов А. А., большевик 452.
 Зверева, актриса 413.
 Зверевы, землевладельцы 325.
 Здаиович Г. Ф., политический ссыльный 129, 392.
 Здравомыслов Н. М., почвовед 385.
 Зеленко (Зелионко) Р. И., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
 Зельцер, уголовный арестант 166.
 Зензинов М. А., краевед 132, 391, 392.
 Зеньковский Ф., политический ссыльный, поляк 121.
 Зерчанинов А., член кружка Н. С. Щукина 140.
 Зилинский, политический ссыльный, поляк 121.
 Зимин, прапорщик 149.
 Зисман Л., член кружка К. Г. Неустроева 165—167.
 Знаменский М. С., художник-карикатурист 417, 418.
 Золотин А., воспитанник Иркутского военного училища 148—150.
 Зотов Н., политический ссыльный 127.
 Зубашев Е. Л., инженер-технолог, профессор Томского технологического института 376, 377.
 Зубрилов В., политический ссыльный 428.
 Зырянов А. Д., крестьянин с. Шушенского 226.
 Зырянов Д., автор воспоминаний о В. И. Ленине 10.
 Зюсс Эдуард, геолог, профессор Венского университета 383.
 Зязин М. В., художник-педагог 419.
- Ибсен Генрик, норвежский драматург 415.
 Иваницкий, купец-промышленник 68.
 Иванов А. Ф., большевик 452.
 Иванов Б. И., большевик 452.
 Иванов В. И., художник 23.
 Иванов Вс. В., писатель 408, 409.
 Иванов Г. П., рабочий 214.
 Иванов Д. А., геолог 382.
 Иванов Л. М., историк 16.
 Иванов М. М., геолог 382.
 Иванов П., член кружка Н. С. Щукина 140.
 Иванов С. В., художник 419.
 Иванов Ф. В., крестьянин-раскольник 117.
 Иванчин-Писарев А. И., политический ссыльный 392.
 Иваньков А. Г., историк 10.

- Игнатъев П. Г., член научной экспедиции 385.
- Игнатъев П. Н., министр народного просвещения 372, 378.
- Идельгин С., якутский тойон 98.
- Ижницкий Н. Л., геолог 382.
- Ильин, врач 164.
- Ильина А. Ф., сотрудница газеты «Обская жизнь» 353.
- Ильинский С., политический ссыльный 328.
- Ильминский Н. И., педагог 425.
- Ильяшевич, губернатор Забайкальской области 125.
- Иностранцев А. А., геолог 383.
- Иогайзен Г. Э., зоолог, профессор Томского университета 377.
- Иоин А. А., историк 389.
- Ионов В. М., политический ссыльный 386, 428.
- Ионова О. В., историк 13.
- Иохельсон В. И., этнограф 384.
- Исаев А. А., историк 9.
- Исаков С. И., писатель 408.
- Ишутин Н. А., политический ссыльный, руководитель народнического кружка 113, 141.
- К-в П., автор воспоминаний о революционных событиях в Красноярске 253, 265.
- Кабо Р. М., географ 13.
- Казаков, золотопромышленник 155.
- Казанцев Л., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
- Казарцевы, революционеры 289, 290.
- Казбек, генерал, комендант Владивостокской крепости 274.
- Калабин Н. П., член РСДРП 238.
- Калаганов И. А., художник 418.
- Калагеорги, чиновник 56.
- Калашников И., политический ссыльный 222—224.
- Калинин, каноник 275.
- Калюжная М., политическая ссыльная 126.
- Калюжный Н., политический ссыльный 126.
- Камаганцев М., рабочий 154.
- Каменев Л. Б., член РСДРП 450.
- Канатчиков С. И., большевик 454.
- Каидинские, купцы 70.
- Капустин Я. Ф., руководитель кружка интеллигенции в Омске 133.
- Карабач Р., участник революционных событий 1917 г. 476.
- Каракозов Д. В., революционер-террорист 113, 149.
- Карамазов Д. М. (Афанасьев), актер 416.
- Каратаиов Д. И., художник 422.
- Каратыгина Н. А., актриса 413.
- Караулов, кадет 300.
- Карлов А. А., большевик 453.
- Кароли Л., гарибальдиец 121.
- Карпенко Э. Г., историк 12, 15.
- Карпинский Сильвиан, политический ссыльный, поляк 122.
- Карпов А., присконый рабочий 157.
- Карташов Д. Н., художник 422.
- Карташов Н. И., профессор Томского технологического института 376, 378.
- Касьян А. М., историк 326.
- Касьянов Л., купец 69.
- Катанов Н. Ф., языковед, этнограф 390, 429.
- Катин-Ярцев В., политический ссыльный 223, 224.
- Катышевцев, владелец прииска 154.
- Кауфман А. А., экономист, статистик 9, 20, 24, 206.
- Кашинцев И., политический ссыльный 123.
- Каширин, руководитель труппы актеров 416.
- Кашенко Н. Ф., зоолог, профессор Томского университета 374, 376, 377.
- Квятковский К., член кружка Н. С. Щукина 140.
- Кельберг П. А., врач 391.
- Кеннан Джордж, американский писатель и путешественник 9.
- Кижнер Н. М., химик, профессор Томского технологического института 378.
- Кнзер В., политический ссыльный 123.
- Ким Н. В., историк 13.
- Кириллов Н. В., этнограф, врач 387, 392.
- Киров С. М. (Костриков С.) 254, 258, 332, 412.
- Кирсаиова К. Н., член РСДРП 492.
- Кирьяков В. В., историк 9, 73.
- Кирьянов Н., воспитаник Омского кадетского корпуса 148.
- Кирьянов Ю. И., историк 16.
- Киселев П., большевик 254, 255.
- Китанина Т. М., историк 315.
- Китинг Д., американец, скупщик приисков 346.
- Кларксон, американский капиталист 193.
- Клеменц Д. А., исследователь Сибири 123, 129, 165, 220, 382, 392.
- Клеопов И. Л., географ 16.
- Клеппер А., большевик 453.
- Клеричи Ж., гарибальдиец 121.
- Кланенко, политический ссыльный 168.
- Клипов В. М., большевик 453.
- Кличогул Г. И., официальный редактор газеты «Амурский край» 394.
- Клюге А., политический ссыльный 428.
- Кноп, владелец торгового судна 66.
- Княжев И., рабочий-агитатор 241.
- Князев, политический ссыльный 213.
- Ковалева С. Э., руководительница труппы актеров 416.
- Ковалевская М., политическая ссыльная 126.
- Ковалевская Ю., политическая ссыльная, полячка 121.
- Ковалик С. Ф., политический ссыльный, этнограф 123, 386, 392.
- Коваль Д., крестьянин-кулак 326.
- Коваль С. Ф., историк 4, 8, 9, 15, 16, 114, 116.
- Ковальская Е. Н., политическая ссыльная 123, 125, 126, 165.
- Коган-Бернштейн Л. М., политический ссыльный 123, 127.
- Кожевин В. Г., профессор 12.
- Кожевников М. Я., топограф 384.

- Кожевников П. С., поэт 392.
 Кожевников С. Е., писатель 401, 408.
 Козинцев И. Н., политический ссыльный 125.
 Козлов А., рабочий-агитатор 241.
 Козлов И. Г., художник 422, 423.
 Козловская П., политическая ссыльная, полячка 121.
 Козловский В. С., политический ссыльный 165, 166.
 Козьмин Н. Н., историк, этнограф 389, 397.
 Кокшаров А. А., инженер 44.
 Колосов Е. Я., участник областного движения 145, 149, 397.
 Колхов, венгерский интернационалист 457.
 Комаров А. И., чиновник, автор книги «Правда о переселенческом деле» 9, 303.
 Комаров В. Л., ученый-ботаник 384.
 Комаров С., участник областного движения 149.
 Комиссаржевская В. Ф., актриса 417.
 Комков М. П., историк 211.
 Комов А. И., политический ссыльный 394.
 Комогоорцев И. И., историк 12, 47.
 Кой Ф. Я., писатель, этнограф 124, 222, 386, 392, 404, 406.
 Конарский Станислав, польский общественный деятель, публицист 140.
 Кондратьев К., рабочий 154.
 Кононов И. Е., рабочий 254, 255, 259.
 Кононович, чиновник особых поручений 151.
 Конради С. А., геолог 384.
 Константинов М., политический ссыльный 92, 293, 397.
 Коляев А. Т., историк 16.
 Копанский А., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Коперские, потомки ссыльного поляка 122.
 Копотов Г. Е., учитель 168.
 Копп Б., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Коптелов А. Л., писатель 408.
 Копылов И. А., художник-педагог 423.
 Корба-Прибылева А. П., политическая ссыльная 123, 394.
 Коренев Е. Н., автор работы о положении приисковых рабочих 52, 53.
 Коржинский С. И., ботаник, профессор Томского университета 374, 377.
 Кориакова А. Д., этнограф 387.
 Корнилов, владелец верфи 333.
 Корнилов, извозопромышленник 63.
 Корнилов В., воспитаник Омского кадетского корпуса 148.
 Корниловы, купцы-промышленники 69.
 Королев, извозопромышленник 63.
 Королев И., советник коммерции 413.
 Короленко В. Г. 124, 373, 403, 404, 428, 432.
 Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири 120.
 Корсаков Н. А., актер, антрепренер 413, 414.
 Корф, генерал-губернатор Амурской области 126.
 Косарев В. М., большевик 328, 452, 453, 482.
 Косиор С. В., деятель партии большевиков 455, 456.
 Костомаров Н. И., историк 138, 139, 417.
 Костюшко-Валюжанич А. А., большевик 237, 249, 258, 265, 282, 286, 398.
 Котковский Владислав, политический ссыльный, поляк 114, 118, 119.
 Котожеков И., хакасский крестьянин 425.
 Котульский В. К., геолог 383.
 Котырло В. И., политический ссыльный 112.
 Кочетов, руководитель научной экспедиции 379.
 Кочубей, князь 317.
 Кошаров П. М., художник 418, 419.
 Кошевский, помещик 131.
 Кравченко Ф. И., политический ссыльный 123.
 Крайский С., журналист 397.
 Кракау, потомки ссыльного поляка 122.
 Крамольников Г. И., см. Пригорный Г. И.
 Красиков А., член сибирского землячества в Петербурге 137.
 Красиков М. Н., член РСДРП 238.
 Красиков П. А., политический ссыльный 221, 224, 225, 230, 233.
 Красильников, штабс-капитан 290.
 Красильников М., промышленник-мукомол 189.
 Красин Л. Б., деятель партии большевиков 6, 221, 223, 225, 233, 392, 395.
 Краснова К. П., руководительница труппы актеров 416.
 Краснопольский А. А., горный инженер 382.
 Красноусовы, крестьяне-кулаки 38.
 Красовский А., политический ссыльный, поляк 121.
 Кривжановский Г. М., деятель партии большевиков 10, 223, 225, 231, 232, 234, 240, 410.
 Криноосенко, большевик 284.
 Кривошеин А. В., главноуправляющий землеустройством и земледелием 305, 306, 315, 318.
 Кринский, казачий генерал 143.
 Кропоткин П. А., теоретик анархизма, географ и геолог 119, 120, 379, 381, 383.
 Крут Е. В., геолог 384.
 Круглашев, заводчик 333.
 Крупская Н. К. 10, 224, 226, 227, 229, 240, 245, 334.
 Круссер Г. В., журналист, общественный деятель 8.
 Крутовский, комиссар Временного правительства 483.
 Крутовский В. М., журналист 397.
 Крушанов А. И., историк 4, 199.
 Кривжановский А., политический ссыльный 125.
 Крылов И. А., баснописец 433.

- Крылов П. Н., ботаник, профессор Томского университета 374, 377.
- Крюгер Ф. К., профессор Томского университета 377.
- Крюков Н. А., агроном, краевед 387.
- Кубалов Б. Г., историк 13, 121, 135, 391.
- Кудрин Г., большевик 249.
- Кудрявцев Е. Ф., редактор газеты «Енисей» 394.
- Кудрявцев Н., историк 351.
- Кудрявцев С., большевик 453.
- Кудрявцев Ф. А., историк 4, 11, 13—16, 76, 167, 271, 280, 294, 295, 398, 446, 454.
- Кудрявцева А., историк 14, 331, 353, 354, 473.
- Кузнец, углепромышленник 185, 186.
- Кузнецкий, политический ссыльный 168.
- Кузнецов, крестьянин-кулак 326.
- Кузнецов, лесопромышленник 187.
- Кузнецов А. К., краевед, общественный деятель 178, 220, 387.
- Кузнецов Д. Л., редактор «Томских губернских ведомостей» 133, 138, 139, 145.
- Кузнецов Н., политический ссыльный 123.
- Кузнецов П. И., купец 117.
- Кузнецов-Красноярский И. П., историк, археолог 389.
- Кузьмин, плотник 271.
- Куйбышев А. В., брат В. В. Куйбышева 333.
- Куйбышев В. В. 10, 258, 328, 333, 334, 350, 351, 410, 412, 455.
- Кукин И. А., член сибирского земледельчества в Петербурге 137.
- Кукина Е. А., литературовед 4, 16, 411.
- Кулаков П. Е., краевед 28, 29, 385.
- Кулаковский А. Е., поэт, исследователь фольклора 433.
- Кулеш, политический ссыльный, поляк 120.
- Кулибин К., механик-изобретатель 43.
- Куломзин А. Н., сенатор 368.
- Кульджин Аргымай, горноалтайский богач 98.
- Кулябко А. А., профессор медицины в Томском университете 374, 376, 377.
- Кун Бела, венгерский интернационалист 456.
- Кунин И. Я., большевик 354.
- Курлов М. Г., профессор медицины в Томском университете 377.
- Курнатовский В. К., большевик 10, 130, 231, 249, 258, 265, 282, 284, 398.
- Куропаткин А. Н., генерал, военный министр 245.
- Курочкин Н. С., поэт 136.
- Кутайсов, иркутский генерал-губернатор 248.
- Кутитонская М., политическая ссыльная 125.
- Кухтерин А., купец 246.
- Кухтерин Евграф, извозпромышленник 63, 68, 70.
- Кущевский И. А., писатель 400, 401.
- Кыстояков М., хакасский крестьянин 425.
- Кытманов А. И., краевед, историк, ботаник 386.
- Кюхельбекер В. К., декабрист 125.
- Лаврентьев, попечитель учебного округа 376.
- Лаврентьев Н. П., заводчик 154.
- Лаврентьева Л., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Лавров А. И., орнитолог 385.
- Лавровский К. В., народник 163.
- Ладыгин В. Ф., член научной экспедиции 385.
- Лазарева Ф., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Ландау С., искусствовед 413.
- Лапин Н. А., историк 9.
- Ласточкин, генерал 275, 276.
- Латышев, большевик 454.
- Лашков И. Г., историк 14.
- Лебедев М. И., автор воспоминаний о Ленском расстреле 14, 356.
- Лебедев П., почвовед 385.
- Лебедев С. И., большевик 349, 454, 464, 482.
- Лебединский П. В., политический ссыльный 112.
- Левандовский Валентин, политический ссыльный, поляк 114, 116, 117.
- Левенталь Л. Г., политический ссыльный, исследователь якутов 386.
- Левин М. Г., этнограф 9, 13, 82, 425.
- Левин Ш. М., журналист 455.
- Левченко Н., политический ссыльный 125.
- Легкий Е., политический ссыльный 166.
- Лейкина-Свирская В. Р., историк 118.
- Ленгин Ф. В., политический ссыльный 223, 231, 395.
- Ленда С. Д., политический ссыльный, поляк 124.
- Ленин В. И. 5—7, 10, 19—21, 36, 53, 55, 56, 62, 74, 98, 114, 130, 155, 159, 160, 170, 174, 175, 179, 180, 200, 206, 209, 210, 212, 216, 219, 220, 222, 223, 225—234, 239—245, 251, 252, 255—257, 264, 266, 267, 269, 273, 277, 287, 291, 297, 298, 300—303, 309, 314, 318, 320, 324, 327—329, 334, 339, 340, 348—350, 352, 355, 366, 395, 396, 398, 436, 437, 439, 445, 448—450, 457, 468, 470, 471, 483, 484, 488, 489, 497.
- Лепешинская О. Б., политическая ссыльная 224, 231.
- Лепешинский П. Н., деятель партии большевиков 10, 130, 223, 231, 395.
- Лепчиков А., якутский тойон 98.
- Лермонтов М. Ю. 133, 413, 433.
- Лесной (Лесных) А. К., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
- Лившиц Р. С., экономист 188.
- Лигети Карой, поэт, венгерский интернационалист 457.
- Лиморенко Петр, рабочий 266.
- Линде Ф. В., политический ссыльный 450.
- Лнои, политический ссыльный 165.

- Липин, председатель комиссии горного департамента 440.
- Липкин А., автор статьи о «Союзе сибирских рабочих» 455.
- Лисовский М. В., краевед 387.
- Лясоцкий, политический ссыльный, поляк 121.
- Листопадская Н., политическая ссыльная, полячка 121.
- Лифшиц М., искусствовед 413.
- Лобков З. И., большевик 453.
- Логвинюв В. К., историк 398.
- Логовский И., политический ссыльный, поляк 121.
- Лодейщиков Н. В., художник 422, 423.
- Локуциевские, большевики 266.
- Локуциевский А., большевик 258.
- Локуциевский В., большевик 258.
- Локуциевский И., большевик 258.
- Ломоносов М. В. 429.
- Лонг Ф. Г., управляющий копиями Михельсона 458.
- Лопатин, пристав 467.
- Лопатин Г. А., революционер 110, 164.
- Лопатин И. А., руководитель научной экспедиции 379, 381.
- Лопатка О., крестьянин-кулак 326.
- Лосев А., член сибирского землячества в Петербурге 137.
- Лосев Н., член сибирского землячества в Петербурге 137, 138.
- Лосякова К. М., географ, картограф 16.
- Лохин, отставной солдат 271.
- Лукин, участник областного движения 143, 150.
- Лукин А. А., историк 16, 343.
- Луценко Ф., крестьянин-кулак 326.
- Лыткин Ф. М., поэт 407, 411.
- Лытнев А. Ф., организатор художественной школы в Иркутске 423.
- Львов, комиссар Временного правительства 488.
- Львов А. В., геолог 385.
- Львов Г. Е., председатель и министр Временного правительства 476.
- Львов Ф. Н., петрашевец 133—136, 391.
- Львовские, участники кружка К. Г. Неустроева 165.
- Люри Ф. Я., политический ссыльный, поляк, 124.
- Ляндю С. А., политический ссыльный 392.
- Ляндю Ф. Н., политический ссыльный 392.
- Ляндювский Павел политический ссыльный, поляк, 114—116.
- Ляхович М. Я., политический ссыльный 123.
- Ляховский Я. М., политический ссыльный 223, 224, 229.
- Лященко П. И., экономист 320.
- Лященко П. П., юрист, профессор Томского университета 377.
- Маак Р. К., исследователь Сибири 379.
- Магдюк М. М., большевик 354.
- Маевский П. П., политический ссыльный, поляк 114, 115.
- Мажеров Я. А., участник экспедиции Вилькицкого 382.
- Мазаевы, крестьяне-кулаки 326.
- Майнов И. И., политический ссыльный, этнограф 386.
- Макаревич М. А., автор воспоминаний о политической ссылке 224.
- Макарий, архиепiscop 246, 266.
- Макеев Т. М., историк 12.
- Маклаков, министр внутренних дел 467.
- Максимов С. В., этнограф-бытописатель 9.
- Макушин П. И., книготорговец, общественный деятель 71, 332, 367, 392, 394.
- Малафеев, арендатор 153.
- Малахинов П. И., экономист 199.
- Малевиц А., политическая ссыльная, полячка 121.
- Малевский К. О., актер 413.
- Малиев Н. М., профессор 376.
- Малиновский, депутат IV Государственной думы, провокатор 449.
- Малиновский И. А., историк, журналист, профессор Томского университета 268, 377.
- Малченко А. Л., корреспондент В. И. Ленина 229.
- Маляревский П. Г., драматург, искусствовед 412, 416.
- Мамин-Сибиряк Д. Н., писатель 403, 413.
- Мамонтов И., купец 69.
- Мангутов Н. Р., историк 15.
- Мандельштам М. (Лядов), политический ссыльный 222, 223.
- Манчары Василий (Слободчиков), якутский повстанец 433.
- Марджаиов К., режиссер 415.
- Марешаль Э., гарибальдист 121.
- Маркевич, углепромышленник 342, 363.
- Марков Н. Е. (Марков 2-й), депутат III и IV Государственных дум 314, 339.
- Маркс К., 7, 56, 112, 129, 160—162, 225, 352, 392, 395, 449.
- Маркс М. О., политический ссыльный 113.
- Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.), лидер меньшевиков 223, 229, 231.
- Мартынов П. А., актер 413.
- Мартьянов Н. М., краевед-натуралист 382, 386, 425.
- Марушевский М. Ф., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Марчинский Адольф, член РСДРП 286.
- Массалитниова П. А., деятель Наркомпроса 373.
- Масюков, комендант тюрем Карийской каторги 126.
- Матвеев И. И., философ 4.
- Матлахов Ю., политический ссыльный 249.
- Мачтет Г. А., писатель 124, 403—405.
- Машаров, заводчик 333.
- Медведев, руководитель труппы актеров 414.
- Медведникова, владелица банка в Иркутске 192.
- Медведников М. Д., инженер 285.
- Медем, граф 317.
- Медник, политический ссыльный 249.

- Мезер С., де, политический ссыльный, поляк 124.
- Мей Л. А., поэт и драматург 413.
- Мейер Е. Е., художник 419.
- Мейстер А. К., геолог 382.
- Меллер-Закомельский А. Н., генерал, начальник карательной экспедиции 285, 393.
- Меллер-Закомельский В. В., барон 346.
- Менделеев Д. И., ученый-химик 376, 390.
- Меньшиков И., купец 326.
- Метелев, купец 69.
- Метелева М., участница революционных событий 1917 г. 480.
- Меули Ж., гарibaldiец 121.
- Меули Л., гарibaldiец 121.
- Мехеда И. Е., офицер 135.
- Мещерский А. П., историк 16.
- Мещеряков Н. Л., деятель партии большевиков 349, 397, 451.
- Мильнер, углепромышленник 363, 364.
- Мильчевский, фотограф 164.
- Милуков П. Н., историк, лидер партии кадетов 339, 476.
- Милютинский Н. А., рабочий 255, 285.
- Минаев И., политический ссыльный 328.
- Минак, большевик 259.
- Минаков Е., политический ссыльный 125.
- Минейко З., политический ссыльный, поляк 115, 116, 146.
- Митина Н. П., историк 8, 9.
- Михайлов А., участник кружка К. Г. Неустроева 166.
- Михайлов М. И., поэт и публицист 109, 110, 115, 117, 121, 136, 140, 147, 404, 412.
- Михайлов П. И., инженер 132.
- Михайловский А. М., режиссер любительского театра в Нерчинске 413.
- Михаэлис Е., ссыльный студент 138, 144.
- Михеев В. М., писатель 119, 392, 402, 403.
- Михельсон Л. А., углепромышленник 185, 342, 458.
- Михно П. С., краевед 387.
- Мицкевич С. И., политический ссыльный 222—224, 229.
- Мишин, иркутский вице-губернатор 267.
- Мищенко, генерал-губернатор Владивостокского укрепленного района 287.
- Мкартичан Аветис, член РСДРП 285.
- Мокеев Ф. М., поэт 392.
- Молессон В. С., краевед, орнитолог 387.
- Молессон М. И., краевед, зоолог 387.
- Молодых И. А., краевед 28, 29, 385.
- Мольер Жан-Батист, французский драматург 373, 414.
- Монастырев, житель Якутска 126, 127.
- Мондштейн Б., политический ссыльный, поляк 124.
- Моноков, депутат думы 460.
- Морган, американский банкир 346.
- Мордин П. В., купец-золотопромышленник 183.
- Морозов Н. И., большевик 354.
- Москалев М., историк 10, 233.
- Москвитина, владелица приисков 156.
- Мосолов Ю. М., политический ссыльный 112.
- Мотков О. А., политический ссыльный 113.
- Мохов М., хакасский крестьянин 425.
- Мрачковский В. Я., политический ссыльный 123.
- Муравлев-Свирский, актер 416.
- Муравьев-Амурский Н. Н., генерал-губернатор Восточной Сибири 135, 136.
- Муранов М. К., большевик, депутат IV Государственной думы 450.
- Муромов, земский заседатель 150, 151.
- Мусихин М. П., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
- Мухамед-Садык-Мусни, промышленник-мукомол 189.
- Мухин А. А., историк 15, 16, 49, 50.
- Мушкат-Дзержинская С. С., политическая ссыльная 350.
- Мушниковы, купцы 132.
- Мыльниковы, купцы-промышленники 69.
- Мыш В. М., хирург, профессор Томского университета 377.
- Мышкин И. Н., революционер-народник 110, 111, 123, 125, 165.
- Мюнних Ференц, венгерский интернационалист 457.
- Н-оль Сол, автор статьи о маслodelии 319.
- Наддачин С. Б., политический ссыльный 123.
- Надеев Н., политический ссыльный 428.
- Наддер Я., антрепрениер 413.
- Налетов, член сибирского землячества в Петербурге 137, 139.
- Налетов Д., рабочий-агитатор 241.
- Намтуев Р., учитель 429.
- Нарочницкий А. Л., историк 176.
- Насимович Н. Ф., политический ссыльный, журналист 350, 397.
- Наумов Н. И., писатель 137, 138, 141, 150, 160, 392, 400—402.
- Наумов П. И., командир арестантской роты 116, 140, 146.
- Наумов С. С., политический ссыльный 123.
- Нахамкис Ю. (Стеклов), политический ссыльный 222, 223.
- Невзорова-Кржижановская З. П., политическая ссыльная 231, 234.
- Невинская Ю., политическая ссыльная, полячка 121.
- Недельский, управляющий кабинетским именем 270.
- Недермейер, политический ссыльный, поляк 120.
- Нейбут А. Я., большевик 482.
- Неклюдов М. С., иркутский чиновник 135.
- Некрасов, купец-промышленник 68.
- Некрасов Н. А. 373, 401.
- Немеровский, политический ссыльный, поляк 121.
- Немирова, актриса 414.
- Немчинов, золотопромышленник 155.
- Непомнящий И. П., учитель 452.

- Нестеров А. П., деятель областного движения, издатель газеты «Сибирь» 143, 144, 163, 165, 166—168.
- Неустроев К. Г., руководитель народо-вольческого кружка в Иркутске 165—168.
- Никитенко А. В., академик 374.
- Никифоров В. В., якутский писатель и общественный деятель 114, 433.
- Никифоров Г., якутский купец 98.
- Никифоров П., ссыльный большевик 249.
- Никифоров П. М., большевик 482.
- Николаев П. Ф., политический ссыльный 113, 167.
- Николай II (Н. А. Романов), император 108, 246, 287, 305, 322.
- Никольский, полицмейстер 265.
- Никулин А. Н., художник 422.
- Новаковский К., политический ссыльный, поляк 121.
- Новгородцева К. Т., жена Я. М. Свердлова 351.
- Новиков, офицер 484.
- Новиков И. Н., историк 15, 31, 131.
- Новицкий, капитан 275.
- Новицкий, профессор 374.
- Новицкий А. Г., редактор газеты «Обская жизнь» 353.
- Новобрицкие, потомки ссыльного поляка 122.
- Новомбергский Н. Я., юрист, историк, профессор Томского университета 377.
- Новоселов А., писатель, журналист 397, 408.
- Новоселова А. Е., этнограф 385.
- Новосильцев, граф 317.
- Ногин В. П., деятель партии большевиков 349.
- Норбоев Б., учитель 429.
- Носов, инженер 44.
- Нулло Франческо, руководитель отряда гарибальдийцев 121.
- Обединков, большевик 259.
- Обиорский В. П., рабочий-революционер 123.
- Обручев В. А., геолог 11, 112, 378, 381—383.
- Овсянникова Н. Д., историк 44, 184.
- Овчинников А. В., художник 422.
- Овчинников М. П., археолог 385.
- Овчуков Я. Н., рабочий 262.
- Огановский Н. П., историк 209, 307, 317.
- Огарев А. А., актер 413.
- Огарев Н. П. 110, 120, 132, 136, 137, 139, 143, 144, 160.
- Оглобин Н. Н., историк 388.
- Огрызко Ю., политический ссыльный, поляк 117, 147, 168.
- Одаховский А., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
- Озберг, поручик 276.
- Озеров В., участник освободительного движения 60-х годов XIX в. 115.
- Окинчиц А., политический ссыльный, поляк 116.
- Окладников А. П., археолог 4.
- Окулич И. К., агроном 29.
- Окуловы, купцы, владельцы приисков 183.
- Оленич А. (Гиененко), писатель 407.
- Ольминский М. С., деятель партии большевиков 392.
- Омогой, родоначальник якутов 431.
- Ойгодов Э. Ц., учитель 429.
- Орджоникидзе Г. К. 328, 329, 455, 466, 474, 491, 492.
- Ордин С. А., большевик 354.
- Ордынский А. К., политический ссыльный, поляк 140.
- Орленев П. Н., актер 417.
- Орлов И. Я., политический ссыльный 112.
- Орлов П. П., профессор Томского университета 377.
- Орлов-Давыдов А. А., граф 346.
- Орлова А. Н., этнограф 387.
- Освальд Н., политический ссыльный, поляк 116.
- Осипанов В., политический ссыльный 164.
- Осипов И. Н., профессор-педиатр 373.
- Осокин Г. М., этнограф 387.
- Осташкин, вице-губернатор Якутской области 126, 127.
- Островский А. Н. 412—416.
- Островский П. Е., этнограф 386.
- Очиров Бато-Далай, бурятский писатель-переводчик 433.
- Ошурков В. А., руководитель научной экспедиции 386, 392.
- Павлинов Н. М., участник областного движения 137, 139, 141, 145.
- Павлов А. П., политический ссыльный 123.
- Павлов В. П., политический ссыльный 123.
- Павлов И. П., физиолог 376.
- Павловский, руководитель научной экспедиции 379.
- Пажес Л., гарибальдиец 121.
- Пайкес А. К., член РСДРП 238.
- Панин Н. Н., политический ссыльный 231.
- Паикратова А. М., историк 245.
- Панкратьев, политический ссыльный 168.
- Паителев Л. Ф., писатель, публицист, общественный деятель 112, 138—140, 143, 150.
- Паифилов, купец 326.
- Паифиловы, землевладельцы 325.
- Панчуков А. Г., историк 14.
- Папни И. И., политический ссыльный 122, 168.
- Парамонов И., член кружка Н. С. Щукина 140.
- Парняков П. Ф., большевик 454.
- Паршин Н. В., учитель 132.
- Патаки Ференц, венгерский интернационалист 457.
- Патканов С., этнограф, статистик 9, 78, 80, 103.
- Пауллеры, потомки ссыльного поляка 122.
- Пежемский П. И., сотрудник газеты «Иркутские губерские ведомости» 391.

- Пекарский Э. К., лингвист, этнограф 220, 386, 432.
- Пеньковская В., политическая ссыльная, полячка 121.
- Перевалов, купец-промышленник 69.
- Переваловы, купцы-промышленники 69.
- Перельман, глава товарищества печатного дела 332.
- Перенсон А. Г., большевик 451.
- Перетолчин, участник областнического движения 150.
- Перетолчин С. П., геолог 385.
- Першин, концессионер 196.
- Першин Б. И. (Даурский), литератор 392.
- Першин П. И., краевед 391.
- Песков М. И., художник 417.
- Пестерев Н. Н., корреспондент «Колокола» 133, 134, 143.
- Пестриковы, деятели культуры в Иркутске 416.
- Пестун Х. Г., большевик 354.
- Петерсон А. М., политический ссыльный 123.
- Петипа М. И., балетмейстер 417.
- Петрашкевич Я. М., политический ссыльный 127.
- Петриковский С. И., большевик 452.
- Петров-Краевский, актер 416.
- Петров Афиноген, кулак 152.
- Петров И. А., член РСДРП, депутат II Государственной думы 350.
- Петров П. У., историк 13.
- Петров Ф., политический заключенный 330.
- Петрова, крестьянка с. Шушенского 226.
- Петровский Г. И., деятель партии большевиков 450, 455, 456, 461, 474, 485, 491, 492.
- Петряев Е. Д., краевед 13, 14, 133, 391.
- Петухов А. И., студент 266.
- Пильц, иркутский генерал-губернатор 472.
- Пирожков А., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Пирожков И., бурятский тайша 98, 137—139.
- Пирусский В. С., врач 373.
- Писарев М., литератор 392.
- Писарев М. И., актер 415.
- Писемский А. Ф., писатель 412, 413.
- Платонов И., исполнитель якутского героического эпоса — олонхо 431.
- Плеве В. К., государственный деятель 245, 248, 330.
- Плеханов Г. В. 225, 450, 455, 458.
- Плещеев П., промышленник-мукомол 189.
- Плис А., участник революционных событий 1917 г. 476.
- Плотников, заводчик 486.
- Плотников А. Ф., краевед 425.
- Плотников Михаил, купец 33, 69.
- Плотников Н. А., политический ссыльный 122, 165.
- Плотников С. К., рабочий 214.
- Плотникова М. Е., историк 8.
- Полунин М. И., рабочий 262.
- Плюснина Н. И., политическая ссыльная 350.
- Погребецкая А., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Погребинский А. П., историк 441.
- Подбельский П., политический ссыльный 428.
- Подгурский М. И., врач 132.
- Подзаходников П. И., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
- Подковыров, кулак 326.
- Покшишевский В. В., географ 12.
- Полевой И. З., историк 16.
- Полинов Б. К., геолог 383.
- Поляков И. С., руководитель научной экспедиции 382.
- Поляков М., политический ссыльный 428.
- Поляков М. М., художник 423.
- Поляков Ф., политический ссыльный 222.
- Полякова А., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Полякова Е., член кружка К. Г. Неустроева 165.
- Померанцев К. И., художник 422.
- Померанцева А. В., член РСДРП 452.
- Помяловский Н. Г., писатель 411.
- Пономарев А. М., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
- Пономарев П., автор работы о вольных школах 429.
- Попко Г. А., политический ссыльный 125.
- Поплавская А., политическая ссыльная, полячка 121.
- Поплавская Г. И., автор работы об изучении Байкала поляками 122.
- Попов-Коновалов А. И., большевик 237, 258, 265, 282, 286.
- Попов Д. Д., помощник Э. К. Пекарского в составлении «Словаря якутского языка» 386.
- Попов И., якутский тойон 98.
- Попов И. И., редактор газеты «Восточное обозрение» 392.
- Попов И. И., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
- Попов Михаил, кулак 152.
- Попов М. А., большевик 258.
- Попов М. Ф., профессор медицины в Томском университете 374, 377.
- Поповы, томские банкиры 192.
- Постиов Ю. С., литературовед 16.
- Постышев П. П., деятель партии большевиков 328, 349, 454, 455, 474, 475, 482, 485.
- Потанин Г. Н., деятель областнического движения, географ, этнограф 8, 115, 133, 137—146, 149, 150, 159—164, 169, 220, 253, 374, 379, 382, 390, 392.
- Потапов Л. П., этнограф 4, 8, 9, 11, 13, 82, 83, 85, 96, 98, 102, 425, 431, 492, 493.
- Потепин Г. И., большевик 333.
- Потресов А. Н., лидер меньшевиков 229.
- Прасолов М. С., художник 418.
- Прейс Я. П., участник экспедиции Вилькицкого, ботаник 382, 385, 386.
- Преображенский, прокурор 359.
- Преображенский П. И., геолог 383.
- Прибылев А. В., политический ссыльный 394.
- Пригорный Г. И. (Крамольников Г. И.), большевик 234.

- Приклоиский В. А., якутовед 432.
 Присягии И. В., большевик 353, 474, 482.
 Прозоров Н. Н., литературовед 402.
 Проминский И. А., политический ссыльный 232.
 Протасов Н. П., краевед 385.
 Протопопов С. Д., владелец частной библиотеки в Иркутске 133.
 Прохоров Иван, крестьянин 151.
 Прошинские, потомки ссыльного поляка 122.
 Пруденский Г. А., экономист 4.
 Прудникова Т. П., историк 16.
 Прудон Пьер Жозеф, французский социолог и экономист 144, 162.
 Прянишников Д. Н., ученый-агрохимик 390.
 Пугачев А., литературовед 406.
 Пузинский Н. Э., актер 413.
 Пуришкевич, депутат III и IV Государственных дум 339.
 Путилов, банкир и промышленник 314.
 Путицев М., воспитанник Омского кадетского корпуса 148.
 Пучинские, потомки ссыльного поляка 122.
 Пушкарёв Г. М., писатель 408.
 Пушкин А. С. 133, 136, 393, 414, 433.
 Пушиков, извозопромышленник 63.
 Пьяикова А., крестьянка 165.
 Пяковский А. В., историк 16.
 Рабинович Г. Х., историк 182.
 Рабинович М. М., большевик 482.
 Рагозин Е. И., участник освободительного движения 60-х годов XIX в. 134.
 Радин Л. П., поэт 410.
 Радищев А. Н. 170, 424.
 Раевский В. Ф., декабрист 134—136.
 Разгон И. М., историк 4, 8.
 Райнич С., политический ссыльный 221, 223.
 Раидруп, датский заводовладелец 189.
 Раижуров Ц. Ц., большевик 292, 293.
 Рассушин, углепромышленник 254, 458.
 Ратынский К., политический ссыльный, поляк 222.
 Ратынский Ю., политический ссыльный, поляк 116.
 Ратьков, золотопромышленник 345.
 Ребицкий И. О. (Рыбицкий), политический ссыльный 123.
 Рейнер Якуб, политический ссыльный, поляк 118, 119.
 Реинекампф, начальник карательной экспедиции 285, 335.
 Репин В. И., большевик 452.
 Репин И. Е. 417, 421.
 Реутский В. Ф., историк, искусствовед 13.
 Рехиевский Ф. Ю., политический ссыльный, поляк 124.
 Решетников Л., большевик 467.
 Рибан А. Э., политический ссыльный 350.
 Рик, майор 119.
 Риппас Б. П., геолог 383.
 Риттер Карл, немецкий географ 379.
 Рншард К., гарибальдиец 121.
 Рогачева З. А., художница 422.
 Рогов А. Г., большевик 258, 353, 354, 485.
 Родд Е. Г., энтомолог 385.
 Родзянко М. В., лидер партии октябристов 476.
 Родионов, кулак 326.
 Родан Огюст, французский скульптор 422.
 Родюковы, купцы-промышленники 68.
 Рожков Н., журналист 397.
 Рожкова М. К., историк 16.
 Рожиов, золотопромышленник 345.
 Розен М. Ф., историк 12.
 Розенфельд Вениамин, член РСДРП 286.
 Розин Джон, американский миллионер 194.
 Ромаиов, житель Якутска 249.
 Романов В. В., большевик 453.
 Романов В. В., дворянин 346.
 Ромаиов И. М., историк 13, 111.
 Романов Н. А., см. Николай II.
 Романов Н. С., историк 389.
 Ромас А. А., историк 485.
 Ромась М., политический ссыльный 428.
 Ронедский, политический ссыльный, поляк 120.
 Ротчева Е. П., хозяйка литературного салона в Иркутске 133.
 Рошевский П., историк 13, 418.
 Рубец, член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Рузский М. Д., зоолог, профессор Томского университета 377.
 Рушоссе А., гарибальдиец 121.
 Рыбаков С. Р., этнограф 387.
 Рылеев К. Ф. 136.
 Рындзюнский П. Г., историк 16.
 Рябушинские, банкиры и промышленники 69.
 Рябушинский П. П., банкир и промышленник 69.
 Рябушинский Ф. П., банкир и промышленник 384.
 Рязановы, золотопромышленники 157.
 Рязанцев П. Н., художник 421.
 Сабашникова С. С., хозяйка литературного салона в Кяхте 133.
 Сабашниковы, купцы 132.
 Саблер С. В., историк 180.
 Саблина-Дольская М. А., актриса 416.
 Савельев Н. Я., историк 12, 131.
 Савицкая У., политическая ссыльная, полячка 121.
 Савицкий К. А., художник 420.
 Сазонов Е. С., политический ссыльный 330.
 Салищев Э. Г., хирург, профессор Томского университета 377.
 Салодилов П. М., директор правления Русской горнопромышленной корпорации 345.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 401, 413, 415.
 Самборский Г., политический ссыльный, поляк 117.
 Самойлов Ф. Н., большевик, депутат IV Государственной думы 450, 452.
 Самсонов А., воспитанник Омского кадетского корпуса 148.
 Саижиов Г. А., историк 16.

- Сапожников В. В., географ, ботаник, профессор Томского университета 374, 376, 377.
- Саранин, арендатор 153.
- Сафронов А. И., якутский писатель 432.
- Сафронов В. П., историк 14, 16, 331, 353, 354, 438, 450, 458, 473, 478, 489.
- Сафронов Ф. Г., историк 13, 15, 25.
- Сватиков С. Г., историк 8.
- Свердлов Я. М. 6, 7, 10, 299, 327, 328, 334, 349—351, 399, 448—450, 455, 474.
- Свечихин П. Н., рабочий 259.
- Свидченко К. И., историк 13.
- Свитич-Иллч В. С., политический ссыльный 392.
- Седельников А. Н., член научной экспедиции 385.
- Седов Г. Я., полярный исследователь 384.
- Селетовы, участники областнического движения 150.
- Селиванов, генерал, комендант Владивостокской крепости 287.
- Семевский В. И., историк 51.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П., географ 376, 379.
- Сергеев В. Е., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
- Серебренников Ф. П., большевик 453.
- Серебряков М. Е., участник областнического движения 141, 144.
- Сережников А., экономист 319, 444.
- Серно-Соловьевич Н. А., революционер-демократ 111, 112, 115—118, 139, 147.
- Серов В. М., член РСДРП, депутат II Государственной думы 350.
- Серошевский В. Л., политический ссыльный, поляк, писатель и этнограф 165, 404.
- Сесюнина М. Г., историк 8.
- Сибирак (псевдоним), художник 418.
- Сибирак, купец-промышленник 71, 155.
- Сибирак А. М., полярный исследователь 374, 376.
- Сибираковы, купцы-промышленники 68, 69.
- Сивцов Н., учитель 168.
- Сигида Н., политическая ссыльная 126, 127.
- Сизов, большевик 453.
- Сизых, учитель 271.
- Силенко М. П., политический ссыльный 123.
- Сили А. А., политический ссыльный 128.
- Сильвин М. А., политический ссыльный 223, 224, 395.
- Сильницкий А. П., участник научной экспедиции 387.
- Симонова М. С., историк 16.
- Синегуб С. С., политический ссыльный 123, 394.
- Синельников, генерал-губернатор Восточной Сибири 153.
- Синидкий Я., рабочий 213.
- Ситников, помощник исправника 466.
- Сицинский К., политический ссыльный, поляк 121.
- Сиязов М. М., ботаник 385.
- Скалозубов Н. Л., агроном-ученый 201, 325, 392.
- Сквери М. П., политический ссыльный 123.
- Скидельский Л. С., лесопромышленник 187.
- Скляров А. Ф., историк 12, 211, 304, 309, 314.
- Скобеников А. И., большевик 454.
- Скорняков Л. Н., политический ссыльный 223, 224, 230, 233.
- Скорняков С. С., художник 422, 423.
- Скотт Б., английский капиталист 346.
- Скрыпник Н., член РСДРП 349.
- Славич М. Н., актер 416.
- Славянов, актер 413.
- Сладкопевцев, политический ссыльный 248.
- Слепцов А. А., революционер-демократ 140.
- Слепцов В. А., писатель 401.
- Слепцова М. Н., участница освободительного движения 60-х годов XIX в. 141, 164.
- Словцев И. Я., зоолог 385.
- Словцов П. А., историк 8.
- Сломьянский М., политический заключенный 330.
- Слонов И. А., актер 416.
- Слуцкая М. И., политическая ссыльная 351.
- Смирницкая Н., политическая ссыльная 126.
- Смиринов, жандармский ротмистр 466.
- Смиринов А. М., большевик 258.
- Смиринов М. М., врач 168.
- Смиринов Ф., политический ссыльный 255.
- Смирнова К. А., жена М. М. Смирнова 168.
- Смолев Я. С., этнограф 387.
- Смолин Л. Д., землевладелец 325.
- Смолины, землевладельцы 325.
- Снигор Д. М., политический ссыльный 123.
- Собинов Л. В., певец 417.
- Соболев, профессор 268.
- Соболев М. Н., историк 29.
- Соболевский Г. К., большевик 452.
- Соколов В. Д. (Митрич), политический ссыльный 393.
- Соколов В. Н. (Садко), большевик 397.
- Соколов М. П., статистик 100.
- Соколов Н., офицер 135.
- Солнцев, депутат от казачьего войска 143.
- Соловьева В. А., историк 16.
- Соловьева Е. И., историк 12, 16.
- Сологуб Ф., писатель 416.
- Сорокин, крестьянин-кулак 39.
- Сорокин А. С., писатель 408, 409.
- Соскин В. Л., историк 4.
- Сосиновский И. В., историк 180.
- Софокл, древнегреческий драматург 415.
- Сохаевский А., политический ссыльный, поляк 121.
- Спандарян С. С., член ЦК РСДРП 349, 448—450.

- Спераиский М. М., государственный деятель 388.
 Спешнев Н. А., петрашевец 391.
 Спирин С., хакасский крестьянин 425.
 Спуве, штабс-капитан 151.
 Спунде А. П., большевик 452.
 Сретенский, писатель 403.
 Ставровский Я. Ф., историк, статистик 9, 208, 211.
 Стални И. В. 349, 448, 450.
 Стаиловский А. М., краевед 385.
 Станиславский Ф., член кружка К. Г. Неустроева 165, 166.
 Станюкович К. М., писатель 125, 392, 406.
 Старков В. В., большевик 225.
 Старкова М., политическая ссыльная 224.
 Старостин П. И., большевик 464.
 Старцев П. И., художник-педагог 419.
 Стасова Е. Д., деятель партии большевиков 349, 448, 449, 452.
 Стахевич С. Г., политический ссыльный 165, 167, 168.
 Стахеев, купец-промышленник 69.
 Стахеева А., художница 418.
 Стахеевы, купцы-промышленники 69.
 Степаенко И. Ф., историк 211.
 Степаиов Н., историк 8.
 Степановы, крестьяне 152.
 Степняк-Кравчинский С. М., писатель, публицист 76.
 Степунин В. А., историк 12, 15, 23, 24.
 Стефанович Я. В., политический ссыльный 123, 392.
 Столыпин П. А., государственный деятель 300, 305, 306, 314, 318, 339.
 Столяров П. Е., руководитель читинских рабочих 286.
 Странден Н. П., политический ссыльный 113.
 Стрелов Е. Д., историк-архивист 389.
 Стрельбицкий И. И., руководитель научной экспедиции 387.
 Стрельников Д. А., ученый 378.
 Строганов А. Г., граф 317, 374.
 Строгова Ю. Ф., актриса 414.
 Стукалов Д. С., руководитель забастовки на Анжерских копях 461.
 Стуков Г. А., краевед 387.
 Субботина Е. Д., политическая ссыльная 165.
 Суворин, крестьянин 270.
 Суворов М. И., лесопромышленник 187.
 Сугаров Спиридон, рабочий 295.
 Сукачев В. П., купец, основатель картинной галереи в Иркутске 9, 71, 420.
 Суриков В. И., художник 419, 420.
 Суханов К. А., большевик 462, 480.
 Суховерхов Франц, см. Сычев М. И.
 Сухово-Кобылин А. В., драматург 412, 413, 416.
 Сухотина Л. Г., историк 15, 39, 41.
 Сычев М. И. (Франц Суховерхов), большевик 452, 482.
 Сычев С. М., большевик 482.
 Тагаров З., историк 12.
 Талалаев В., журналист 397.
 Талько-Грынцевич Ю. Л., краевед 387.
 Тараканов В. В., большевик 453.
 Тараканова И. Ф., редактор «Сибирского журнала» 399.
 Тарновский К. Н., историк 440.
 Тарханов М. М., актер 416.
 Тачалов И. И., пролетарский поэт-самочка 396, 407—409.
 Тачаиовский В., политический ссыльный, поляк 121.
 Твардовская В. А., историк 16.
 Телешов Н. Д., писатель 404.
 Темеров Н. И., солдат Ачинского гарнизона 452.
 Терсков, купец 196.
 Терци, актриса 412.
 Терюшков Г. А., историк 16.
 Тиже Ж., гарibaldiнец 121.
 Тимирязев В. И., директор правления Русской горнопромышленной корпорации 345.
 Тимофеев Е., журналист 397.
 Тимофеев И. А., большевик 354.
 Тихов П. И., хирург, профессор Томского университета 377.
 Тихомиров М. П., актер 414.
 Ткач М. А., политическая ссыльная 351.
 Ткачев П. Н., народник 164.
 Тобенская Е., политическая ссыльная, полячка 121.
 Товстик С., историк 33.
 Тока С., тувинский общественный деятель 104.
 Токарев И., член кружка К. Г. Неустроева 165.
 Токарев С. А., историк, этнограф 11.
 Толмачев И. Н., генерал 339.
 Толстой А. К., писатель 413, 415.
 Толстой Л. Н. 219, 353, 372, 373, 414—416, 422, 433.
 Толстокулаковы, крестьяне-кулаки 326.
 Толь Э. В., полярный исследователь 224, 383, 384.
 Толмачев И. П., геолог 383, 384.
 Толщи, заводчик 487.
 Томашевский, углепромышленник 458.
 Томкович, политический ссыльный, поляк 121.
 Тополин С., политический ссыльный 328.
 Топорков, актер 414.
 Торопенко, политический ссыльный 168.
 Трапезников Н. И., купец-промышленник 69, 71, 370, 420.
 Трапезниковы, купцы-промышленники 68, 69.
 Трепов В. Ф., губернатор Туркестана 343.
 Трепов Д. Ф., государственный деятель 343.
 Трещенков, жандармский ротмистр 357.
 Трилиссер Д. А., политический ссыльный 350.
 Трилиссер М. А., политический ссыльный 350.
 Трофимов, большевик 454.
 Трошанский В. Ф., политический ссыльный 386.
 Труховская Д., политическая ссыльная 224.
 Тугаринов А. Я., орнитолог 386.
 Тугаринова А. Г., актриса 416.
 Тужиков В. И., историк 15.

- Тулин Ю. Н., художник 359.
 Тургенев И. С. 140.
 Турн-н-Таксис, австрийский князь 346.
 Турусов, большевик 453.
 Турчанинов, уездный исправник 270.
 Турчанинов Н., статистик 308.
 Турчанинов П., политический ссыльный 335.
 Тюкавкин В. Г., историк 4, 12, 15, 16, 202, 315.
- Уваровский А. Я., якутский писатель 432.
 Уиггинс, представитель Ливерпульского торгового дома 66.
 Ульянов Д. И., большевик 229.
 Ульянова-Елизарова А. И., большевичка 229, 230, 240.
 Уркарт Л., английский капиталист 346.
 Урманов К., писатель 408.
 Усов Г., офицер казачьего войска 148, 150.
 Усов М. А., геолог 378.
 Усов Ф. Н., участник областного движения 137, 141, 143—146, 148—150, 163.
 Успенский Г. И., писатель 403, 404.
 Устепенидзе С. С., политическая ссыльная 351.
 Утин Н. И., революционер-демократ 138, 139.
 Ушаков А. Н., редактор газеты «Восточное обозрение» 392.
 Ушаков Яков, политический ссыльный 111, 112.
 Ушакова Л. А., историк 16.
 Ушаров Н. В., участник областного движения 145, 149, 150, 162, 163.
- Фадеев А. А., актер 413.
 Фаресов А., народник 396.
 Фатьянов А. Д., искусствовед 16.
 Федоров И. В., член сибирского землячества в Петербурге 138, 139.
 Федоров-Омулевский И. В., писатель 150, 400, 401.
 Федоров М. М., управляющий Министерством торговли 346.
 Федоров Ф. М., политический ссыльный 125, 165, 166.
 Федорова М. И., крестьянка 122.
 Федосеев Н. Е., политический ссыльный 221, 229.
 Федотов П. А., художник 418.
 Федотова Г. Н., актриса 415.
 Федченко А. П., исследователь Средней Азии 390.
 Фейербах Людвиг, немецкий философ-материалист 144.
 Фельдштейн Г., историк 9.
 Фелькнер, начальник варшавской полиции 114.
 Фигиеро Е. Г., политический ссыльный 123.
 Фигнер Л. Н. (Стаhevич), политическая ссыльная 165, 167, 394.
 Флеровский Н., см. Берви В. В.
 Фонвизин Д. И. 413.
 Франклин Бенджамин, американский политический деятель 140.
- Фрунзе М. В. 10, 411, 455.
 Фурман, руководитель научной экспедиции 379.
- Хазов Н. И., политический ссыльный 123.
 Халтурин С. Н., рабочий-революционер 123.
 Хаминов, купец-промышленник 71.
 Хангалов М. Н., краевед 385, 429.
 Хаптаев П. Т., историк 4, 11, 493.
 Харитонов, политический ссыльный 249.
 Хвостов А. Н., нижегородский губернатор 315.
 Хейсин И., журналист 396.
 Хилковский, углепромышленник 185, 186.
 Хитун, судья 359.
 Хлопонин А. И., геолог 383.
 Холдеев В. Д., статистик 97.
 Хоридой, мифический родоначальник бурят 430.
 Хороших П. П., историк, археолог, этнограф 16, 81, 87, 113, 381.
 Хохряков А., исследователь 96.
 Храмов А. А., историк 16.
 Христофоров, политический ссыльный 162.
 Хроленок С. Ф., историк 15, 52.
 Хрулев С. С., банкир 343.
 Хрущов Н., политический ссыльный 125.
 Худечек Р., крестьянка 165.
 Худяков И. А., политический ссыльный 113, 115, 137, 138, 141, 143, 428, 432.
 Худяшев А. В., художник 422.
- Цаплин М. К., большевик 453, 482.
 Целинский Нарцис, политический ссыльный, поляк 114, 118, 119.
 Церетели И. Г., лидер меньшевиков 454.
 Цехановский, политический ссыльный, поляк 121.
 Цибульский, золотопромышленник 374.
 Цикунов Н. И., рабочий 214.
 Циперович Г., политический ссыльный 222, 223.
 Цупсмай Э. В., руководитель читинских рабочих 286.
 Цыбиков Г. Ц., ученый-тибетолог, монголист 390, 429.
 Цыценко И. Т., политический ссыльный 428.
- Чайковская Т. Ф., политическая ссыльная, полячка 121, 164.
 Чальников М., рабочий 255, 260.
 Чаптыков М., хакасский крестьянин 425.
 Чарский В. В., актер 415.
 Чашин В. А., член РСДРП, депутат II Государственной думы 350.
 Чебыкин, полицмейстер 164.
 Чевалков М. В., алтайский писатель 431.
 Чекановский А. Л., политический ссыльный, поляк, геолог 121, 381, 419.
 Чекоидзе М. Н., политический ссыльный 123, 168.
 Чепалов В. Н., большевик 293, 480.
 Чепурин, купец-промышленник 189.
 Черемных, золотопромышленник 184.
 Черепашин Г. В., член забастовочного комитета на Ленских приисках 356.
 Черкасов, начальник тюрьмы в Благовещенске 484.

- Чермак Л. К., политический ссыльный 393.
- Черных П. Н., (Якутский), писатель 433.
- Чернышева В. И., историк 13.
- Чернышевский Н. Г., 13, 91, 110—112, 115, 117, 121, 125, 132, 133, 139—141, 143, 144, 146, 147, 149, 160, 164, 165, 168, 373, 394, 400, 401, 404.
- Черняев, начальник коновоя 118.
- Черняевский, политический ссыльный 128.
- Черский И. Д., политический ссыльный, поляк, геолог 121, 381, 383.
- Чехов А. П. 63, 373, 405, 406, 413—416.
- Чечковский, политический ссыльный, поляк 121.
- Чистяков Н. В., художник 422.
- Чугунов С. М., зоолог, профессор Томского университета 377.
- Чудиновский С. Д., политический ссыльный, краевед 61, 128, 392.
- Чуйко В. И., политический ссыльный 123.
- Чукреев М., воспитанник Омского кадетского корпуса 148.
- Чурин И. Я., купец-промышленник 69.
- Чучин Ф. Г., большевик 452.
- Шабалин М., политический ссыльный 428.
- Шабалин П. В., художник 422, 423.
- Шабашникова М., крестьянка 165.
- Шаганов В. Н., политический ссыльный 113.
- Шагдарон С. А., учитель 429.
- Шагов Н. Р., большевик, депутат IV Государственной думы 302, 450, 452.
- Шадрин, купец-промышленник 189.
- Шайтанов А. Д., участник областнического движения 143, 149, 150.
- Шамарин К. Л., политический ссыльный 123.
- Шамахов Ф. Ф., историк педагогики 14, 16.
- Шамшин В. И., большевик 453.
- Шамшури Д. И., большевик 453.
- Шанцер В. А. (Марат), большевик 258, 328.
- Шаповалов А. С., политический ссыльный 231.
- Шаравин П. И., деятель культуры в Иркутске 416.
- Шарамович Густав, политический ссыльный, поляк 118, 119.
- Шарапов И. П., историк 12.
- Шардзиевский Владимир, член РСДРП 286.
- Шатилов М., журналист 397.
- Шац, начальник дорожных работ 118.
- Шац, член сибирского землячества в Петербурге 138.
- Шаццало К. Ф., историк 16.
- Шашков С. С., историк, публицист, деятель областнического движения 8, 115, 133, 137, 138, 140, 141, 143—146, 149, 150, 159, 160, 162—164, 374, 388, 390, 391.
- Шварцман Д. М., член ЦК РСДРП 349.
- Шевцов Н. С., этнограф 385.
- Шевченко Т. Г. 144, 373, 393.
- Шекспир Вильям 373, 413—417.
- Шелгунов Н. В., общественный деятель, публицист 140, 142.
- Шелестов Д. К., историк 16.
- Шен Курт, венгерский интернационалист 457.
- Шерман, штабс-капитан 151.
- Шестаков, скотовладелец 39, 326.
- Шестунов М. П., просветитель-демократ 133, 134, 136, 140, 163, 391.
- Шешуков А. К., член сибирского землячества в Петербурге 137.
- Шешунов И. Г., художник 392, 422.
- Шиллер Фридрих 373, 413—415, 417.
- Шинковские, потомки ссыльного поляка 122.
- Ширямов А. А., большевик 258, 480.
- Шиф И., политический ссыльный 222.
- Шиша А., историк 192, 321.
- Шишкин И. И., художник 422.
- Шинко Л. Э., политический ссыльный 129.
- Шишков В. Я., писатель 396, 406—408.
- Шкловский В. (Дионео), политический ссыльный 392.
- Шленкер Ю., политический ссыльный, поляк 114, 116.
- Шлихтер А. Г., большевик 6, 7, 451.
- Шмидт П. Ю., зоолог 384.
- Шмотин, владелец приисков 156.
- Шнейдер И., историк 456.
- Шорников М. М., историк 443, 453, 485, 489.
- Шостакович Б., политический ссыльный, поляк 113.
- Шостакович В. Б., метеоролог, сейсмолог 385.
- Шостакович С. В., историк 16.
- Шпаковская А., политическая ссыльная, полячка 121.
- Шпер, председатель Владивостокского исполкома 278.
- Штейн А., рабочий-пропагандист 255.
- Штейнман Р. С., юрист 16.
- Штирен А. А., крестьянский начальник 35.
- Шульц И. Г., рабочий 255, 285.
- Шумяцкий Б. Э., большевик 258, 451, 485.
- Шунков В. И., историк 4.
- Шурыгин, крестьянин 270.
- Шапов А. П., историк, публицист, общественный деятель 70, 71, 108, 112, 113, 136—139, 147, 149, 160, 374, 388, 390, 392, 403, 423, 430.
- Щеглов И. В., историк 19, 60, 67, 120, 388.
- Щедрин Н. П., политический ссыльный 123, 124.
- Щелкунов, углепромышленник 69, 342, 362, 363, 458.
- Щербаков А., студент 144.
- Щербачев А., историк 389.
- Щецинская Н., политическая ссыльная, полячка 121.
- Щукин Н. С., литератор, деятель областного движения 133, 136—141, 144, 145, 148—150.

- Эверстов Н. (Сэрбэкэ), банкир 91.
 Эдельштейн Я. С., геолог, географ 383.
 Эйдельман В., автор воспоминаний о политической ссылке 223.
 Эллей, мифический родоначальник якутов 431.
 Эльбаум Д. М., политический ссыльный 350.
 Энгельс Ф. 225, 352.
 Эхирит, мифический родоначальник бурят 430.
- Юдин, социал-демократ, депутат II Государственной думы 300.
 Юдин Г. В., красноярский купец, библиофил 225.
 Юндзилл Э., политический ссыльный, поляк 115.
 Юрасов Д. А., политический ссыльный 113.
 Юрасова М. К., журналист 13.
 Юринский Т. И., ботаник 385.
 Юрковский Ф., политический ссыльный 125.
 Юрцовский Н. С., историк 14, 367.
- Яблочкина А. А., актриса 415.
 Яворовский П. К., геолог 382.
 Ягодин-Виноградов Ф. Г., историк, журналист 395.
 Ядчаки, потомки ссыльного поляка 122.
 Ядринцев Л. Н., сын Н. М. Ядринцева 170.
 Ядринцев Н. М., историк, деятель областного движения 7—9, 23, 24, 32, 38, 46, 61, 106, 115, 137, 138, 140, 141, 143—145, 147, 149, 150, 159—164, 169, 170, 220, 374, 382, 392, 403.
- Яковлев, владелец типографий 332.
 Яковлев В. Н., большевик 450, 451, 474.
 Яковлев Д., рабочий 213.
 Яковлев М., участник кружка К. Г. Неустроева 166, 168.
 Яковлев Н. Н., большевик 452, 453, 473, 474, 482.
 Яковлев С. А., геолог 383.
 Якубович-Мельшии П. Ф., писатель 76, 124, 130, 392, 393, 404, 405.
 Якутов И. С., большевик 255, 258, 259.
 Якушев С. Я., большевик 453.
 Ямзин И., историк 24.
 Ямонт, политические ссыльные, полячки 121.
 Ямонт И., политический ссыльный, поляк 115.
 Яниншевский М. Э., геолог, профессор Томского технологического института 378.
 Яковская В., политическая ссыльная, полячка 121.
 Яиковский, жандармский полковник 153.
 Янов В. М., актер 416.
 Янович Л., политический ссыльный, поляк 222, 223.
 Яновский Н. Н., литературный критик 409.
 Яровой В., большевик 467.
 Ярославский Е. (Губельман М. И.), видный деятель партии большевиков 233, 251, 252, 407, 411, 455, 456, 474, 485, 491, 492.
 Яроцкий, политический ссыльный, поляк 121.
 Ястремский С. В., политический ссыльный 386, 428.
 Ячевский Л. А., участник экспедиции Вилькицкого, геолог 382.

Географический указатель

- Абагайтуй, с. 66.
Абаканский железнодорожный завод 46, 47, 154, 157, 342.
Абаканский солеваренный завод 48.
Абаканское, с. 466.
Австралия 316, 317.
Агинская степь 387.
Агинское, с. 470.
Азия, Азиатский материк 245, 381.
Акатуй, Акатуйская тюрьма 77, 124, 330, 405.
Акмолинск, г. 437.
Акмолинская обл. 27, 59, 71, 201—204, 206, 310, 312, 313, 316, 319, 326, 360, 441, 445, 478, 489, 490.
Акмолинский уезд 354.
Алгачи, Алгачинская тюрьма 330, 351, 352.
Алдан, р. 91.
Александровская волость 270.
Александровский завод, тюрьма (в Нерчинском окр.), 110, 113.
Александровский, пост 472, 485.
Александровский, пр-к 156, 356.
Александровский централ (Александровские тюрьмы, заводы) 76, 77, 112, 114, 222, 223, 248, 299, 328, 410, 473.
Александровское, с. 76, 270.
Алексеевка, дер. 362.
Алзамай, ст. 250, 353.
Алтай 5, 20—22, 24, 31, 42, 44, 58, 82, 83, 95, 96, 98, 107, 131, 153, 155, 183, 205—207, 252, 269, 270, 272, 273, 292, 298, 304, 311, 317, 344, 345, 354, 376, 377, 382, 383, 385, 419, 422, 445, 467, 489, 492, 495.
Алтайская жел. дор. 362—364, 437.
Алтайский горн. окр. 19, 24, 28, 35, 42, 50, 54, 55, 58, 59, 96, 155, 208, 212, 215, 295, 341, 367, 383, 466—468, 489.
Аляска, п-ов 104.
Амга, Амгинская слобода 124, 404, 427, 428.
Америка, материк 104, 180.
Америка, США 33, 34, 65, 67, 176, 194, 204, 316, 317, 322, 323, 438, 444.
Амур, р. 24, 33, 43, 47, 64, 81, 132—134, 156, 344, 364, 379, 382, 427.
Амурская жел. дор. 336, 348, 353, 360, 364, 393, 437, 458, 486.
Амурская обл. 22, 24, 25, 28, 30, 31, 35, 43, 49, 57, 59, 68, 69, 71, 80, 155, 157, 183, 190, 199, 200, 205, 303, 310, 313, 321, 326, 360, 376, 458, 480, 484.
Амурская, ст. 118.
Амурский бассейн 364, 487.
Амурский горн. окр. 184, 212, 215, 342.
Амурский золотоносный р-он 383.
Анабара, р. 25, 384.
Анадырь, р. 82, 387.
Анга, с. 112.
Ангара, р. 33, 47, 64, 329, 382, 423.
Англия, Великобритания 65, 67, 98, 176, 184, 187, 194, 196, 316, 319, 342, 444.
Андреевский, пр-к 156, 356.
Анжеро-Судженские копи, Анжеро-Судженский р-он 185, 214, 289, 360, 363, 364, 383, 453, 458, 459, 461, 482, 484—487.
Анинское, с. 295.
Анисимово, с. 474.
Анучино, с. 479.
Анциферовская волость 329.
Анжуй, р. 91.
Арбагарские копи 480, 485.
Архангельск, г. 187, 229, 315.
Архангельская губ. 150.
Аршан, с. 423.
Ацагатский булак 295.
Ачинск, г. 59, 140, 213, 225, 234, 331, 352, 450, 452, 453, 464, 472, 474, 479.
Ачинский уезд 31, 271, 364, 466, 467.
Ачинско-Минусинская жел. дор. 347, 363, 364.
Ачинско-Минусинский горн. окр. 362.
Аюловы юрты 425.
Аян, г. 67, 132.
Аяно-Нельканский тракт 25, 91.
Багинский соляной ключ 48.
Байкал, оз. 33, 47, 64, 114, 120, 246, 271, 381, 382, 385, 423.
Байкал, ст. 179, 213, 332.
Баку, г. 329, 362.
Балаганск, г. 59, 124, 125, 165, 166.
Балаганский окр. 29, 31, 37, 98, 124.
Балаганский уезд 88, 125, 332, 351, 410, 490.
Балай, ст. 462.
Балыксинской системы прииски 215.

- Барабинская степь 82, 305, 377.
 Баргузин, г. 125, 165.
 Баргузинский окр. 154, 155.
 Барлык, р. 86.
 Барнаул, г. 58—60, 69, 128, 131, 132, 158, 189, 192, 202, 215, 262, 265, 288—290, 333, 338, 352—354, 361, 363, 364, 367, 371, 373, 385, 422, 448, 453, 457, 460, 462, 464, 465—467, 474, 476, 478, 482, 485, 486.
 Барнаульская волость 324.
 Барнаульский завод 155.
 Барнаульский окр. 131.
 Барнаульский сереброплавильный завод 58.
 Барнаульский уезд 270, 272, 303, 354, 355, 468, 474.
 Батени, с. 466.
 Батраки, ст. 342.
 Батурусский улус 427, 428.
 Бачатское, с. 466.
 Баягантайский улус 123, 427.
 Белова, дер. 130.
 Белогорье, ст. 458.
 Белоруссия 114, 141.
 Бельгия 194.
 Бельская волость 329.
 Бердская волость 131.
 Березов, г. 125, 126, 198.
 Берингов пролив 340.
 Бийск, г. 59, 60, 66, 202, 272, 290, 422, 453, 462, 476, 478.
 Бийский окр. 37, 131.
 Бийский уезд 157, 272, 290, 469.
 Бисерский завод 332.
 Бия, р. 407.
 Благовещенск, г. 12, 59, 60, 67, 69, 74, 110, 125, 187, 189, 192, 203, 223, 250, 254, 288, 289, 338, 343, 352, 361, 363, 364, 370, 394, 399, 457, 461—463, 472, 478, 479, 481, 484, 487.
 Благовещенский, пр-к 156.
 Боготол, ст. 234, 250, 259, 331, 462.
 Бодайбинская жел. дор. 44, 184, 345, 358.
 Бодайбинский, пр-к 458.
 Бодайбинский р-он 383.
 Бодайбо, г. 192.
 Бодайбо, р. 44, 382.
 Большой Жинган, горн. хребет 387.
 Борзинское, оз. 48.
 Борзя, ст. 259, 283.
 Борогоиский улус 427.
 Братская волость 351.
 Братский острог, с. 351.
 Бузунова, дер. 466.
 Булунский окр. 91.
 Бурейнский горн. окр. 156, 459.
 Бурятия 13, 98, 292, 473, 493.
 Бутырки, с. 466.
 Бухара, г. 59.
 Бушелей, ст. 336.
 Быстрый Исток, с. 289, 290.
 Быстринский, пр-к 157.
 Варваринский, пр-к 356, 458.
 Варшава, г. 120, 124, 350—352, 452.
 Васильевский, пр-к 356.
 Васюган, Васюганское, с. 424, 425.
 Вена, г. 204.
 Верный (Алма-Ата), г. 144.
 Верный, пр-к 356.
 Верх-Шубенское, с. 469.
 Верхне-Вилуйский улус 427.
 Верхне-Колымск, наслег 224.
 Верхне-Острожное, с. 122.
 Верхненарымское, с. 270.
 Верхнеудинск, г. 12, 59, 60, 69, 132, 187, 192, 225, 250, 255, 256, 259, 262, 266, 276, 283, 285, 287, 293, 352, 361, 369, 399, 426, 454, 462, 475, 478, 493.
 Верхнеудинский окр. 155.
 Верхнеудинский уезд 153, 338, 490.
 Верхнеульхунская, стан. 66.
 Верхоленск, г. 59, 125, 127, 165, 166, 224, 228, 229, 240, 248.
 Верхоленская волость 152.
 Верхоленский окр. 31, 37, 39.
 Верхоленский уезд 272.
 Верхоянск, г. 94, 113, 125, 132, 228, 264, 427, 428.
 Верхоянский окр. 91—93, 126, 428.
 Верхоянский хребет 126.
 Верхоянье 90.
 Весенний, пр-к 289.
 Вильно, г. 351.
 Вилуй, р. 25, 28, 90, 91, 379.
 Вилуйск, Вилуйский острог 110, 111, 124, 125, 168, 248, 404, 428.
 Вилуйский бассейн 383.
 Вилуйский окр. 30, 48, 91—93, 97, 492.
 Витим, г. 91, 144.
 Витим, р. 25, 39, 345, 382.
 Витимский окр. 154, 156, 212, 345, 356.
 Витимское плоскогорье 379.
 Витимской системы прииски 45.
 Владивосток, г. 6, 12, 59, 60, 67, 69, 74, 125, 158, 176, 179, 187, 192, 194, 197, 213, 246, 274, 275, 277, 278, 286—288, 297, 321, 322, 338, 349, 352, 354, 361, 364, 365, 370, 372, 378, 399, 438, 459, 462, 472, 474—476, 478, 482, 483, 486.
 Владимир, г. 351.
 Владимирский, пр-к 156.
 Вознесенский, пр-к 44.
 Волга, р. 342.
 Воронеж, г. 222, 351.
 Воронихино, с. 303.
 Восточно-Сибирское, м. 384.
 Вторая Чиндантинская, стан. 326.
 Выдриха, с. 466.
 Высотинская, дер. 468.
 Вятка, г. 228.
 Вятская губ. 150, 229.
 Гавриловский завод 155.
 Гавриловское, с. 131.
 Галзутская волость 292.
 Георгиевский, пр-к 156.
 Германия 34, 67, 98, 176, 194, 319, 342, 347, 440, 447.
 Гилев Лог, с. 272.
 Гляденское, с. 152.
 Голландия 187, 316, 319.
 Городчанское, с. 466.
 Горный Алтай 13, 96, 215, 382, 492.
 Горный Зерентуй, Зерентуйская тюрьма 77, 299, 330, 335, 421.

- Гочитская волость 292.
 Грановское, с. 35.
 Графская, ст. 158, 213.
 Гришевская заимка 47.
 Гурьевский железнодорожный завод 46, 47, 182, 341, 439, 487.
 Гурьевское, с. 131.
 Гусиноозерский дацан 294, 493.
- Дальний, порт 246.
 Дальний Восток, Дальневосточный край 14, 33, 64, 65, 67, 173, 176, 185—187, 189, 193, 194, 199, 202, 204, 245, 248, 262, 275, 278, 302, 304—307, 310, 313, 314, 316, 319, 321, 322, 324, 326, 337, 347—349, 354, 356, 360, 361, 364, 365, 378, 387, 388, 436—440, 442—447, 459, 463, 465, 472, 473, 478, 482, 484—490.
 Дания 66, 316, 317, 319.
 Дарасунские прииски 155.
 Дербинская тюрьма 77.
 Джергаматинский, пр-к 156.
 Диомид, бухта 274.
 Донецкий бассейн, Донбасс 342, 457, 460.
 Доронинское, оз. 48.
 Дроздовский кордон 270.
 Дуроевская, стая. 326.
 Дучарский завод 77.
 Дуэ, залив 77.
 Дуэ, пост 48.
- Европа 34, 91, 119.
 Екатеринбург, г. 58, 67, 68, 187, 204, 438.
 Екатеринбургское, с. 270, 466.
 Елаинь, с. 450.
 Елизаветград, г. 351.
 Елизаветинское, с. 270.
 Енисей, р. 33, 43, 64, 66, 78, 79, 86, 280, 328, 335, 379, 384, 394, 407.
 Енисейск, г. 59, 60, 66, 67, 125, 144, 328, 361, 369, 450—452, 474, 478, 480, 482.
 Енисейская губ. 24, 27, 29—31, 36, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 57, 59, 63, 71, 80, 85, 96, 115, 150, 151, 154—157, 182—184, 196, 200—203, 206, 207, 221, 222, 231, 232, 260, 269, 271, 272, 295, 303, 310, 312, 313, 317, 326, 328, 329, 331, 336, 344, 346, 351, 360, 364, 370, 379, 384, 385, 394, 396, 399, 441, 447, 448, 458, 461, 465—467, 479, 483, 488.
 Енисейская губа 382.
 Енисейские прииски 157.
 Енисейский золотоносный р-он 383.
 Енисейский край 385.
 Енисейский окр. 61, 80, 153, 483, 484.
 Енисейский уезд 224, 329, 483.
 Ермаковское, с. 228.
 Есей, оз. 384.
- Желтуга, р. 156.
 Женева, г. 127, 240, 256.
 Жердовка, Жердовское, с. 293, 374.
 Жериовское, с. 470.
 Жигалово, с. 272, 382.
- Забайкалье 5, 7, 20, 21, 28, 30, 31, 42, 46, 48, 57, 59, 63, 65, 66, 77, 80, 88, 89, 106, 107, 115, 116, 118, 131, 135, 136, 139, 140, 155, 156, 165, 166, 186, 206, 219, 252, 270, 271, 273, 285, 292, 298, 303, 316, 326, 334, 381, 382, 384, 386, 387, 394, 398, 405, 421, 432, 438, 463, 477, 480, 486, 490, 495.
 Забайкальская жел. дор. 178, 185, 186, 241, 250, 253, 260, 264, 267, 269, 273, 276, 282, 284, 285, 287, 360, 393, 463, 475, 479.
 Забайкальская обл. 13, 27—30, 32, 37, 48, 60, 68, 71, 88—90, 96, 97, 114, 125, 200, 204, 247, 270, 284, 292, 294, 295, 300, 313, 319, 326, 335, 338, 360, 379, 426, 427, 429, 432, 441, 445, 489, 490, 493.
 Забайкальские копи, Забайкальский угольный р-он 185, 342.
 Забайкальские прииски 157.
 Забайкальский горн. окр. 342.
 Заволжье 62.
 Завьялово, с. 289, 290.
 Зайсан, оз. 385.
 Зайсана прииски 156.
 Закавказье 258, 449.
 Заозерная, ст. 331.
 Зауралье 403.
 Зея, р. 333, 362.
 Зима, ст. 250, 254, 258, 262, 333, 352, 454, 462.
 Зиминское, с. 151.
 Златоуст, г. 57.
 Змеиногорск, г. 457.
 Змеиногорские рудники 153, 341.
 Змеиногорский уезд 270, 469.
 Змеиногорское, с. 270.
 «Знаменитый», р-ник 461.
 Знаменка, с. 272.
 Знаменская, гора 112, 113.
 Зырянская волость 205.
 Зырянский, р-ник 42, 44.
- Иванкины юрты 424.
 Иваново-Вознесенск, г. 222, 258, 460.
 Ивановский, пр-к 459.
 Индийская волость 152.
 Изыхские копи 364.
 Иланская, ст. 215, 234, 243, 254, 262, 285, 288, 331, 476.
 Илимск, г. 224.
 Илимский солеваренный завод 48.
 Ильмень, оз. 140.
 Иман, ст. 179, 287, 462.
 Иманский уезд 490.
 Императорская гавань 187.
 Индигирка, р. 25, 78, 82.
 Иннокентьевская, ст. 215, 217, 233, 259, 288, 352, 454.
 Иннокентьевский, пр-к 458.
 Ирбит, г. 32, 34, 58, 59, 64.
 Иркут, р. 423.
 Иркутск, г. 12, 14, 16, 32, 33, 35, 58—60, 62, 63, 65—69, 74, 98, 108, 110—113, 115, 116, 118—121, 125, 127, 132, 133, 138—141, 143, 145, 146, 148, 149, 153, 158, 165—181, 187, 192, 203, 216—220, 222—225, 233,

- 235, 238, 240—243, 248, 250, 253—256, 258, 259, 262, 264—268, 274, 276, 287, 288, 293, 294, 299, 332, 333, 338, 352, 353, 358, 361, 363—367, 369—372, 374, 378, 379, 382, 388, 390, 392, 396, 397, 399, 412, 414—417, 419—423, 448, 453—455, 457, 460, 462, 464, 468, 472—487, 493.
- Иркутская губ. 13, 24, 27—31, 37, 39, 46—48, 52, 57, 71, 76, 77, 80, 87—90, 96—99, 112, 114, 124, 131, 150, 151, 155, 157, 182, 200, 201, 206, 207, 219, 221, 269, 271, 272, 294, 303, 312, 313, 325, 329, 351, 379, 381, 411, 426—428, 441, 445, 454—456, 470, 472, 473, 477, 479, 483, 486, 488—490, 493.
- Иркутский окр. 29, 31, 37, 114, 145, 342.
- Иркутский солеваренный завод 77.
- Иркутский тракт 62.
- Иркутский уезд 88, 354, 490.
- Иркутско-Якутский (Ленский) тракт 25, 295.
- Иртыш, р. 64, 382, 407.
- Италия 194, 316.
- Ицигунское, с. 122.
- Ичера, с. 472, 479.
- Ишим, г. 58, 115, 369.
- Ишимский окр. 130.
- Ишимский уезд 338.
- Кавказ 48, 62, 136, 164, 175, 230, 256, 266, 313, 316—318, 328, 442.
- Кадая, Кадаинская тюрьма, Кадаинский рудник 109, 110, 121, 330.
- Казаковский завод 77.
- Казаковский, пр-к 109.
- Казань, г. 68, 136, 137, 141, 163, 351.
- Казаткул, с. 466.
- Казахстан 346, 347, 382.
- Казачинское, с. 395.
- Каинск, г. 59, 289, 369, 457.
- Каинский уезд 469, 489.
- Калган, г. 66.
- Калифорния 175.
- Калконайские юрты 425.
- Кама, р. 31.
- Камень, с. 466.
- Камчатка, Камчатский п-ов 25, 82, 194, 344, 346, 364, 384, 387, 472, 478.
- Канада 316, 317.
- Канарей, дер. 469.
- Кангаласские улусы (Западный и Восточный) 80, 98, 427.
- Каиск, г. 59, 115, 116, 215, 225, 234, 331, 462—464, 474, 478, 479, 484.
- Канский уезд 151, 271, 326, 329, 468, 469, 483.
- Кара, Карийская каторга 113, 122—126, 405, 406.
- Кара, р. 196.
- Карийские прииски 77.
- Катушь, р. 311.
- Кая, р. 219.
- Кежемская волость 61.
- Кемерово, г. 438, 462.
- Кемеровский р-ник 438, 479.
- Кемпендяйский соляной ключ 48.
- Кетская волость 80.
- Кеть, р. 64.
- Киев, г. 358.
- Кимильтей, с. 271.
- Киргизка, р. 146.
- Киргизская степь 59, 67, 144, 418.
- Киренск, г. 12, 59, 165, 168, 455.
- Киренский окр. 31, 131.
- Киренский солеваренный завод 48.
- Киренский уезд 232, 472.
- Китай 27, 34, 59, 65—67, 72, 185, 245, 298, 321, 376, 382, 387, 390, 394, 456.
- Китайско-восточная жел. дор. (КВЖД) 354, 378.
- Кия, р. 64.
- Климановский завод 155.
- Клондайк, р. 196.
- Клочки, с. 355.
- Кокчетавский золотоносный р-он 383.
- Кокчетавский уезд 354, 490.
- Кокчетавское, оз. 385.
- Колмакова, дер. 150, 151.
- Колпашево, с. 351.
- Колывань 270.
- Колыма, р. 25, 78, 82, 91, 223, 384.
- Колымский край 224.
- Колымский окр. 91—94, 105, 124, 126, 224, 428.
- Кольчугино, г. 485.
- Кольчугинская жел. дор. 437.
- Кольчугинские копи, Кольчугинский рудник 47, 364, 438, 461, 487.
- Конда, р. 79.
- Кондинский монастырь 424.
- Кондома, р. 84.
- Корея 245, 322, 456.
- Корсаковская тюрьма 77.
- Кострома, г. 127.
- Костромская губ. 150.
- Костылева, дер. 38.
- Котельный, о-в 384.
- Котлас, г. 187.
- Коченево, ст. 203.
- Красноярск, г. 6, 59, 60, 62, 67, 68, 115, 116, 121, 125, 133, 135, 140, 141, 143, 145, 179, 187, 192, 195, 197, 203, 213, 216—225, 230, 232, 233, 235, 240, 241, 250, 253, 254, 256, 258—262, 264—266, 268, 274, 277—280, 282, 284, 286—289, 297, 300, 329, 331, 334, 338, 352—354, 361, 363, 366—368, 371—374, 390, 394, 396, 398, 412—416, 419—423, 447, 448, 450, 451, 453—457, 460, 462, 464, 465, 472, 474, 478, 479, 481, 482, 485—487.
- Красноярские юрты 295.
- Красноярский край 379.
- Красноярский окр. 114, 152.
- Красноярский уезд 271, 483.
- Красный Яр, с. 153.
- Крещенский, пр-к 154.
- Кронштадт, Кроиштадтская крепость 138, 266, 350, 451.
- Кругобайкальская жел. дор. 215, 217, 246.
- Кругобайкальский тракт 110, 114, 118, 402.
- Кударинская волость 476, 479.
- Кударо-Бурятская волость 475, 479.

- Куенгская, стан. 271.
 Кузнецк, г. 59, 198.
 Кузнецкий Алатау, горн. хребет 383.
 Кузнецкий бассейн (Кузбасс), Кузнецкие копи 47, 186, 342—344, 347, 363, 377, 383, 438, 439, 452, 464, 473, 479, 482, 483, 485.
 Кузнецкий окр. 131.
 Кузнецкий уезд 290, 469.
 Кукчевская заимка 135.
 Куку Хоту, г. 66.
 Кулебянник, пр-к 356.
 Култук, с. 118.
 Кулундинская жел. дор. 437.
 Курган, г. 58, 115, 128, 144, 189, 194, 201, 203, 204, 256, 260, 262, 265, 288, 321, 333, 367, 371, 417, 478.
 Курганский окр. 203.
 Курганский уезд 325.
 Кутомара, Кутомарская тюрьма 77, 330, 351, 352.
 Кутомарский сереброплавильный завод 42.
 Кутулик, с. 333.
 Кыллаах, о-в 427.
 Кытмановское, с. 466.
 Кяхта, г. 12, 34, 59, 62, 65, 66, 68, 69, 132, 133, 321, 367, 391, 394, 419.
 Лаптевых, м. 384.
 Латвия 456.
 Лебедской системы прииски 215.
 Лейпциг, г. 34.
 Лена, р. 25, 28, 33, 43, 47, 64, 78, 90, 112, 248, 272, 289, 345, 355, 358, 364, 381, 382, 399, 407, 431, 459.
 Лено-Витимский окр. 44.
 Лено-Витимский р-он 184.
 Ленские, Лено-Витимские прииски 7, 52, 54, 88, 90, 155, 157, 184, 215, 249, 288, 355, 362, 363, 386, 465.
 Леиский горный окр. 215, 345, 362, 363, 458, 459.
 Ленский золотonosный р-он 382, 383.
 Либава, г. 350.
 Липаевский, пр-к 356.
 Лиственичное, Листвянка, с., Лиственичная, ст. 33, 116, 217, 454.
 Литва 114, 141, 327, 456.
 Литовский замок 400.
 Лихановская, ст. 118, 119.
 Лодзь, г. 120, 258, 351, 362.
 Ложкинское, с. 469.
 Локоть, Локтевское, с. 270, 469.
 Локтевский завод 155.
 Ломовская дача 338.
 Лондон, г. 34, 127, 137, 197, 256, 320, 321, 345, 346, 421.
 Лонжюмо 328.
 Лосиха, с. 270.
 Лучихинский железнодорожный завод 46, 47, 182.
 Магзынский, пр-к 156.
 Максимкин Яр, Максимоярское, с. 350, 424.
 Малышевка, с. 219.
 Мальцевская тюрьма 77.
 Манзинский соеваренный завод 48.
 Манзурка, с. 272, 455.
 Маньчжурия 187, 245, 246, 250, 282, 284, 285, 321, 387.
 Маньчжурия, ст. 179, 283, 285, 352.
 Мариинск, г. 59, 269, 457.
 Мариинская тайга 464.
 Мариинские прииски 341, 361, 364, 458, 484, 487.
 Мариинский золотonosный р-он 377.
 Мариинский окр. 184, 459.
 Мариинский уезд 35, 205, 489, 490.
 Марушенское, с. 469.
 Мархинский улус 427.
 Мача, с. 39.
 Мая, р. 25, 28, 80.
 Мегинский улус 428.
 Мекензи, р. 104.
 Минусинск, г. 59, 125, 203, 223, 224, 230, 231, 450, 464, 474, 478, 479.
 Минусинская жел. дор. 437.
 Минусинская степь 377.
 Минусинский золотonosный р-он 383.
 Минусинский р-он, край 382, 383, 406.
 Минусинский окр. 136, 196, 224, 337, 341.
 Минусинский уезд 31, 53, 151, 154, 224, 228, 230—232, 271, 272, 353, 395, 466, 467, 469.
 Митава, г. 351.
 Михайловское, с. 427.
 Мишиха, дер. 119.
 Могзон, ст. 295.
 Монастырское, с. 328, 421, 450, 451.
 Монголия 27, 59, 66, 72, 298, 321, 376, 386, 390, 394.
 Морево, дер. 203.
 Мормышы, с. 355.
 Москва, г. 16, 34, 58, 60, 62, 65, 68, 69, 112, 113, 127, 136, 137, 139, 141, 143, 149, 194, 222, 232, 241, 266, 277, 285, 317, 350—352, 358, 398, 417, 420, 422, 452, 457, 460.
 Московский, Московско-Сибирский, Сибирский тракт 21, 32, 58, 62, 63, 70, 151.
 Московско-Казанская жел. дор. 261.
 Мрасса, р. 84.
 Мысовая, ст. 179, 250, 276, 285.
 Мякотиха, дер. 469.
 Надеждинский, пр-к 356, 357, 459.
 Называевская, ст. 353.
 Намский улус 427.
 Нарым, г. 115, 198, 333, 350, 351, 452.
 Нарымский край 328, 350, 351, 353, 424, 452, 489.
 Нерчинск, г. 12, 59, 60, 132, 216, 250, 332, 367, 369, 391, 413, 421, 485.
 Нерчинская жел. дор. 348.
 Нерчинская каторга 77, 109, 110, 124, 125, 299, 330.
 Нерчинские рудники и заводы 69, 114, 121, 132, 133.
 Нерчинский горный округ 19, 42, 50, 80, 110, 113, 118, 155, 196, 206, 332, 346, 367.
 Нигрь (Ныгрь), р. 44, 382.
 Нижегородская губ. 52.
 Нижне-Колымск, с. 223.
 Нижнеудинск, г. 59, 225, 250, 254, 262, 265, 266, 288, 457.

- Нижнеудинский окр. 31, 37, 157.
 Нижнеудинский уезд 271, 332.
 Нижний, пр-к 459.
 Нижний Новгород, г. 34, 68, 343, 351, 460.
 Нижняя Тунгуска, р. 381.
 Николаевск-на-Амуре, г. 67, 69, 132, 322, 370.
 Николаевская слобода 260.
 Николаевский железоделательный завод, Николаевские заводы 46, 47, 68, 154, 182, 212, 482.
 Николаевский, пр-к 157, 212.
 Никольск-Уссурийск, Никольск-Уссурийский, г. 69, 179, 287, 288, 333, 352, 354, 361, 365, 463, 478.
 Никольск-Уссурийский уезд 490.
 Ница, р. 64.
 Новая Зеландия 316, 317.
 Новая Сибирь, о-в 384.
 Ново-Белгородская тюрьма 123.
 Ново-Васильевский, пр-к 356.
 Ново-Злобинский карьер 462.
 Ново-Кусковская волость 205.
 Ново-Обинское, с. 272.
 Новоалейское, с. 466.
 Новоазаровское, с. 466.
 Новониколаевск, г. 179, 187, 189, 197, 202, 256, 262, 265, 287, 288, 333, 334, 338, 343, 352, 353, 361, 363, 364, 371, 410, 452—454, 457, 459, 460, 462—467, 478, 485.
 Новониколаевский лесозавод 348.
 Новороссия 22, 62.
 Новосибирск, г. 12, 14, 16, 234, 422, см. Новониколаевск, г.
 Новосибирские, о-ва 224.
 Новотроицкое, с. 270.
 Нью-Йорк, г. 340.
 Нюрба, с. 25.
 Обдорск, г. 79, 94, 125, 126.
 Обский Север 33.
 Обь, р. 43, 58, 64, 66, 78—80, 364, 407.
 Обь, ст. 234, 259, 288.
 Одесса, г. 29, 65, 69, 127, 194, 266, 351, 358.
 Оек, с. 153.
 Озерки, с. 451.
 Ока, р. 382.
 Олекма, р. 80, 379.
 Олекминск, г. 91, 125, 428.
 Олекминские прииски. Олекминской системы прииски 45, 90, 156.
 Олекминский окр. 30, 80, 91, 93, 97, 105, 156, 223, 224, 428.
 Оленек, р. 25, 381.
 Оловянная, ст. 259, 267, 283.
 Олонская губ. 150.
 Олонки, с. 136.
 Ольхон, о-в 382.
 Омогон, р. 82.
 Омск, г. 12, 46, 59, 60, 67, 115, 117, 125, 128, 132, 133, 138, 139, 141, 143, 145, 146, 148, 149, 158, 189, 190, 192, 196, 197, 202, 204, 213, 216, 220, 223, 224, 234, 235, 241, 243, 256, 258—262, 264—266, 287—289, 300, 333, 334, 343, 352, 353, 361, 363, 364, 366—374, 382, 396, 399, 413, 414, 416, 418, 419, 422, 423, 437, 438, 443, 448, 452, 453, 456, 457, 460, 462—465, 472, 474—478, 482, 483, 485, 487, 488.
 Омская обл. 12.
 Омский окр. 131.
 Омский уезд 202, 326, 489, 490.
 Онорская тюрьма 77.
 Оренбург, г. 58, 204.
 Орлов, г. 229.
 Орск, г. 437.
 Орские юрты 295.
 Охотск, г. 25.
 Охотский тракт 103.
 Охотское, м. 322, 344, 346, 386.
 Охотское побережье 25, 194.
 Павловский завод 155.
 Павловский, пр-к 44.
 Павловское, с. 354, 466.
 Павлодар, г. 39, 189.
 Парабельская волость 80.
 Париж, г. 98, 328, 422.
 Пермская губ. 52, 212, 330.
 Пермь, г. 58, 68, 187, 204, 234.
 Песчанка, с. 283.
 Петербург, Петроград, г. 67, 68, 71, 112, 123, 127, 128, 136—141, 143, 146, 148, 149, 155, 159, 163, 165, 167, 169, 194, 197, 225, 229, 230, 232, 233, 241, 247, 252, 256, 271, 277, 287, 291, 317, 337, 345, 346, 350—352, 358, 362, 392, 394, 417, 419—422, 451, 452, 454, 457, 460, 463, 471—474.
 Петрова, дер. 354.
 Петровский железоделательный завод (Петровско-Забайкальский) 46, 47, 77, 114, 118, 132, 182, 342, 389.
 Петровский завод, ст. 276, 283.
 Петропавловск, г. 59, 123, 202, 204, 234, 260, 289, 371, 464, 465.
 Петропавловск (Камчатский), г. 25, 475.
 Петропавловская крепость 123, 124, 138, 400.
 Петропавловский уезд 202.
 Пичугина заимка 146.
 Поволжье 22, 31, 307, 315.
 Поворотная, ст. 336.
 Погорельская волость 152.
 Пограничная, ст. 179.
 Подкаменная Тунгуска, р. 379.
 Покровское, с. 470.
 Половинка, ст. 250.
 Полтавская губ. 24.
 Польша 114, 116, 117, 119, 124, 136, 141, 147, 148, 164, 256, 266, 327, 328, 341, 456.
 Порт-Артур, г. 246, 248, 275.
 Посольская, ст. 118.
 Посыет, населенный пункт 287.
 Правдина, дер. 131.
 Приамурье, Приамурская обл., Приамурский край 24, 46, 57, 134, 156, 184, 187, 194, 368, 369, 372, 379, 384, 393, 427, 431.
 Приангарский край, Приангарье 329, 385.
 Прибайкалье 303, 381, 383, 385, 423, 476, 479.
 Прибалтика, Прибалтийский край 164, 328.
 Приенисейский край 386, 422.

- Прииртыше 59.
 Прикамье 314.
 Приленский край 59.
 Приморская обл. 22, 24, 25, 30, 43, 49, 57, 59, 68, 69, 71, 80, 196, 203, 205, 311, 313, 321, 490.
 Приморский горн. окр. 342.
 Приморский хребет 382.
 Приморско-Уссурийский угольный р-он 185.
 Приморье, Приморский край 46, 81, 134, 184, 187, 194, 274, 287, 288, 333, 360, 364, 383, 393, 431, 456, 479.
 Приуралье 31.
 Приютица, дер. 338.
 Прокопьевский, пр-к 215.
 Пророко-Ильинский, пр-к 356.
 Развозжаево, дер. 152.
 Раздольное, ст. 287.
 Рига, г. 351, 352, 358, 452.
 Рогозиха, ст. 355.
 Рождественский, пр-к 184.
 Русский, о-в 274.
 Рыбинская волость 272.
 Рыбинское, с. 469.
 Рыковская тюрьма 77.
 Салаир (Салаирский кряж) 383.
 Салаирское, с. 131.
 Самара, г. 455.
 Сарайская, дер. 270.
 Саратов, г. 343, 351.
 Сахалин, о-в 48, 67, 77, 81, 124, 125, 185, 187, 313, 344, 379, 383, 472, 485.
 Саяны, Саянский горн. хребет 81, 381—383, 386.
 Свеаборгская крепость 150.
 Светлый, пр-к 356, 459.
 Север 5, 27, 68, 69, 78, 94, 102, 105, 248, 297, 369, 408, 478.
 Север Европейской России 48.
 Северный Ледовитый океан 25, 27, 78, 223, 376, 382, 383, 432.
 Северный морской путь 67, 184.
 Северо-Восток Сибири 78.
 Северо-Енисейская тайга 363.
 Северо-Енисейский окр. 487.
 Селенга, р. 387.
 Селенгинск, г. 118, 125, 132, 391, 419, 426.
 Селенгинская Даурия 382.
 Селенгинский солеваренный завод 48.
 Селенгинский уезд 271, 295, 476, 479, 490.
 Селиваниха, станок 335.
 Семилужное, с. 355.
 Семипалатинск, г. 141, 144, 148, 149, 189, 369, 437.
 Семипалатинская обл. 27, 59, 71, 156, 204, 213, 316.
 Семиреченская обл. Семиречье 59, 204.
 Сибирская жел. дор. (Великий Сибирский жел.-дор. путь, Транссибирская магистраль) 5, 12, 20, 26, 27, 29, 32, 42, 47, 48, 52, 59, 65, 77, 88, 93, 158, 175—180, 182, 183, 185, 186, 188, 190, 192, 193, 199, 203, 205, 207—210, 213—216, 222, 234, 240, 241, 246, 250, 251, 253—255, 258—260, 264, 266, 267, 269, 273, 274, 285, 287, 299, 300, 302, 334, 353, 358, 360, 362, 364, 382, 395, 406, 414, 421, 438, 460, 462, 463, 465, 496.
 Сиваково, населенный пункт 114.
 Симбирская губ. 52.
 Сихотэ-Алинь, горн. хребет 387, 388.
 Слюдянка, ст. 254, 259, 262, 276, 285, 288, 332, 454, 462.
 Смоленская волость 473.
 Солотом, с. 470.
 Софийско-Дегастринская дор. 462.
 София, пр-к 347.
 Спасск, г. 287, 288.
 Спасский, пр-к 154.
 Средне-Колымск (Колымск), г. 94, 125, 222—224, 229, 427.
 Среднеангарье 488.
 Среднекраюшкино, с. 355.
 Средняя Азия 175, 318, 390.
 Сретенск, г. 69, 179, 192, 225, 250, 283, 333, 352.
 Степной, пр-к 458.
 Степной край 59, 300, 316, 442.
 Степные округа (Северный и Южный) 341, 347, 440.
 Суджоу, г. 66.
 Сузунский завод 131, 155.
 Сунтар, с. 25.
 Сургут, г. 79, 125—127, 198, 418.
 Сучай, Сучанские копи, Сучанский угольный р-он 185, 342, 364, 438, 459.
 Суэцкий канал 65, 180.
 Сысольский наслег 123.
 Таз, р. 79.
 Тайга, ст. 179, 225, 234, 240, 254, 260, 262, 288, 289, 333, 352, 363, 478.
 Таймыр, о-в 384.
 Тайшет, ст. 329.
 Таинну-Ола, горн. хребет 386.
 Танхой, ст. 234.
 Тара, г. 31, 59, 115, 122, 125, 333, 418.
 Тарбагатай, населенный пункт 121.
 Тарбагатайские угольные копи 288, 487.
 Таретская тюрьма 77.
 Тарский уезд 489.
 Тасеево, с. 329.
 Ташкент, г. 59, 418.
 Телецкое, оз. 385.
 Тельма, Тельминское, с. 150, 153.
 Темник, р. 119.
 Теиньгинская олина 98.
 Терехоль, р-он Тувы 86.
 Тетюхе, бухта 187.
 Тетюхе, р-он 337, 341.
 Тибет 382, 429.
 Тимптон, р. 90.
 Титовская, стан. 271.
 Тифлис, г. 351.
 Тихий океан 14, 27, 33, 57, 64, 179, 246, 376, 387, 439.
 Тихоно-Задонский, пр-к 356.
 Тобол, р. 58.
 Тобольск, г. 12, 58, 60, 62, 74, 115, 121, 125, 132, 140, 141, 149, 198, 206, 333, 366, 370, 371, 374, 393, 414, 416—418, 422, 472, 475, 478, 486.

- Тобольская губ. 27, 30, 33, 35, 40, 52, 53, 57, 58, 71, 73, 82, 83, 96, 114, 122, 125, 128, 130, 131, 144, 200, 201, 203, 207, 303, 304, 312, 313, 319, 326, 338, 354, 368, 384, 418, 441, 445, 479, 486, 489, 490.
- Тобольский край 383.
- Тобольский окр. 27.
- Тобольский уезд 489.
- Тоджа, р-он Тувы 86.
- Томск, г. 12, 14, 32, 58—60, 62, 63, 66—69, 74, 115, 116, 121, 123, 125, 128, 129, 132, 133, 135, 137—141, 143, 145, 146, 148, 158, 164, 166, 169, 179, 187, 189, 190, 192, 215, 217, 218, 220, 223, 233, 235, 238—241, 243, 246, 250, 253, 254, 256, 258—262, 265, 266, 268, 287, 288, 290, 332—334, 338, 352, 361—363, 366—369, 371—375, 377, 390, 392, 394, 396, 397, 406, 407, 410, 411, 413—416, 418, 421—423, 448, 452—454, 456, 457, 462, 464, 465, 471—474, 476—481, 483, 485.
- Томская губ. 26, 27, 29, 30, 35, 36, 40, 46, 52, 57, 58, 61, 62, 71, 82, 83, 96, 114, 116, 130, 155, 157, 200, 201, 203, 206, 207, 270, 272, 303, 304, 310, 312, 313, 319, 326, 338, 346, 354, 360, 367, 368, 441, 445, 458, 465, 467, 470, 474, 479, 484, 489, 490.
- Томский железодельательный завод 46.
- Томский окр., Томский горный окр. 37, 212, 342, 362, 440.
- Томский уезд 205, 326, 355.
- Торгашино, с. 420.
- Торгинская, стан. 271.
- Троицкий, пр-к 156.
- Троицкий солеваяренный завод 48.
- Троицко-Заозерская волость 272.
- Троицкосавск, г. 59, 60, 68, 250, 283, 287, 333, 352, 354, 366, 369, 394, 426.
- Троицко-Селенгинский монастырь 271.
- Тува (Урянхайский край) 13, 86, 87, 104, 464.
- Тула, г. 229.
- Тулун, ст. 454.
- Тулуновское, с. 151.
- Туманшетский солеваяренный завод 48.
- Туика, с. 166, 223.
- Туинская долина 119, 382, 419.
- Туинские Альпы 385.
- Тура, р. 58, 64.
- Тургайская обл. 71.
- Тургайский улус 428, 429.
- Туринск, г. 125, 128, 418.
- Туринский окр. 27.
- Туринский уезд 354, 489.
- Туркестан 377.
- Туруханск, г. 94, 132, 228, 229, 231, 384.
- Туруханский край 7, 335, 379, 386, 448—450, 460.
- Туруханский окр. 22.
- Тутура, с. 272, 455.
- Тюкалинский уезд 490.
- Тюменский окр. 27, 131.
- Тюменский уезд 325.
- Тюмень, г. 12, 31, 57—60, 68, 74, 83, 115, 187, 197, 210, 256, 332, 349, 352, 353, 368, 369, 372, 374, 418, 422, 437, 462, 463, 465, 472, 473, 475, 478, 479, 483.
- Удский острог 25.
- Ужур, с. 364.
- Украина 136, 141, 328.
- Улаи-Удэ, г. 12, 16, см. Верхнеудинск, г.
- Ундинская, стан. 271.
- Урал 22, 43, 47, 48, 62, 140, 154, 176, 179, 183, 184, 186, 196, 216, 230, 258, 304, 307, 314, 342, 345, 346, 376, 403, 404, 438, 439, 444, 456, 457.
- Урал, р. 140.
- Уральск, г. 149.
- Уральские горы 14, 27.
- Урбантуй, урочище 119.
- Урик, с. 153.
- Уриковская волость 152.
- Урульга, с. 432.
- Урянхайский край, см. Тува.
- Усинская дор. 464.
- Усолье, с. 114, 382.
- Усольский солеваяренный завод 47, 48, 110, 112.
- Уссури, р. 379.
- Уссурийская жел. дор. 158, 176, 186, 187, 380, 393.
- Уссурийский край 26.
- Уссурийский окр. 341, 347, 360.
- Усть-Гавриловка, с. 469.
- Усть-Ерба, с. 466.
- Усть-Каменогорск, г. 144, 156.
- Усть-Куда, с. 152, 153.
- Усть-Кут, с. 114.
- Усть-Уда, с. 351, 410.
- Усть-Чарышская пристань 470.
- Устькутский солеваяренный завод 48, 112.
- Устьмосиха, с. 355.
- Утесистый, пр-к 356, 459.
- Уфа, г. 255.
- Уфимская губ. 226.
- Учур, р. 90.
- Фабричная, дер. 354.
- Федоровский, пр-к, Федоровские прииски 363, 487.
- Феодосиевский, пр-к 215, 356, 459.
- Ферганская обл. 59.
- Финляндия 350.
- Франция 176, 187, 194, 316, 319, 342.
- Хабаровск, г. 12, 59, 60, 69, 179, 187, 197, 288, 333, 361, 365, 370, 373, 385, 387, 390, 438, 462, 463, 475, 478, 481, 482.
- Хабаровский окр. 80.
- Хайрюзовское, с. 469.
- Хакассия 13.
- Халеречинская тундра 82.
- Халха (Северная Монголия) 387.
- Хамар-Дабан, горн. хребет 382.
- Ханка, оз. 387.
- Ханькоу, г. 65.
- Харбин, г. 258, 298, 333, 354.
- Харьков, г. 351, 358, 460.
- Хатанга, р. 384.

Хатанго-Анабарский край 384.
Хатангская губа 384.
Хемчик, р. 86.
Херсон, г. 351.
Хилок, р. 387.
Хилок, ст. 259, 283, 285, 475, 479.
Хинганские прииски 157.
Хомутовская волость 354.
Хочинский улус 25.

Цаган Олуй, с. 66.
Центр Европейской России 22, 48, 164, 328.
Центральный, р-ник 458.
Цугольский дацан 294.
Цурухайтуй, с. 66.

Чаа-Холь, р. 86.
Чадаан, р. 86.
Чамы, дер. 325.
Часовая, ст. 336.
Чаунская губа 81.
Чекурская волость 272, 295.
Челябинск, г. 158, 176, 179, 204, 213, 260, 307, 329, 352.
Черемновское, с. 270.
Черемошники, ст. 179.
Черемхово, г. 47, 48, 254, 333, 352, 362, 454, 455, 462, 471, 475, 487.
Черемховский бассейн, р-он, Черемховские угольные копи 185, 186, 249, 259, 288, 329, 342, 344, 353, 358, 360—364, 383, 438, 454, 458, 459, 461, 473, 483, 487.
Черепановское, с. 131.
Черно-Комская, дер. 469.
Черновские копи 360.
Черногория 421.
Черноморское побережье 314.
Чернореченская, ст. 213.
Чернышева, дер. 354.
Чесноковский, пр-к 156.
Чикой, р. 387.
Чита, г. 12, 59, 60, 69, 114, 123, 125, 126, 132, 133, 187, 192, 217, 224, 225, 233, 238, 240, 241, 243, 250, 255, 258, 259, 261, 262, 265, 266, 271, 274, 276, 278, 282—289, 293, 294, 297, 331, 332, 335, 338, 352, 361, 363, 372, 382, 385, 387, 390, 398, 420, 423, 454, 456, 457, 460, 463, 478, 481, 482, 484—486, 493.
Читинский окр. 80, 155, 156,
Читинский уезд 270.

Чона, р. 379.
Чукотка, Чукотский п-ов 194, 346.
Чулым, р. 64.
Чулымский р-он 36.
Чурапча, с. 428.

Шантарские, о-ва 322.
Шарчиха, с. 355.
Шахи, с. 466.
Шахтаминский завод 77.
Шелаболиха, с. 466.
Шерагульское, с. 151.
Шлиссельбург, Шлиссельбургская крепость 123—125.
Штеттин, г. 319.
Шушенское, с. 216, 225—229, 231, 232.

Экибастузский угольный р-он 383.
Элекмонар, с. 312.
Эстония 456.

Юг Европейской России 48, 175, 176, 438.

Южная Америка 187.
Южно-Енисейский окр. 155, 212,
Южно-Сибирская жел. дор. 348, 437.
Южно-Уссурийский край 31, 383, 388.

Яблоновая, ст. 283.
Яковлевский железоделательный завод 46.
Якутия 13, 25, 90, 92, 97, 100, 128, 224, 293, 296, 386, 428, 432, 450, 454, 456, 473, 491.
Якутск, г. 12, 25, 59, 60, 67, 74, 90, 91, 98, 101, 110, 124—127, 165, 166, 223, 224, 240, 249, 293, 296, 386, 390, 396, 407, 428, 432, 433, 472, 474—476, 478, 491, 492.
Якутская обл. 30, 48, 57, 67, 71, 80, 90, 91, 93, 94, 100, 105, 113, 123—127, 155, 157, 168, 221, 222, 240, 248, 293, 313, 379, 384, 386, 404—406, 427, 428, 432, 491, 492.
Якутский окр. 30, 91, 93, 97, 223, 224, 296, 492.
Яланская волость 329.
Ялта, г. 417.
Ялуторовск, г. 59, 128, 369, 417, 418.
Ялуторовский окр. 27, 30, 203.
Ялуторовский уезд 489.
Ямал, п-ов 478.
Яна, р. 25, 91, 165, 196.
Япония 67, 176, 245, 247, 322, 387, 440.
Ярославль, г. 149, 351.

Принятые сокращения

г.	— город	о-в	— остров
горн.	— горный	о-ва	— острова
горн. окр.	— горный округ	п-ов	— полуостров
губ.	— губерния	пр-к	— прииск
дер.	— деревня	р.	— река
дор.	— дорога	р-ник	— рудник
жел. дор.	— железная дорога	р-он	— район
м.	— море	с.	— село
обл.	— область	ст.	— станция
оз.	— озеро	стан.	— станица
окр.	— округ		